

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б.Н. ЕЛЬЦИНА

СЕРИЯ
ОБРАЗЫ ИСТОРИИ

А К В И Л О Н

**“CULTURE OF THE SPIRIT” vs “CULTURE OF THE REASON”
INTELLECTUALS AND POWER IN BRITAIN AND RUSSIA
IN THE XVIIth – XVIIIth CENTURIES**

General Editor – Lorina Repina

А К В И Л О Н

**“КУЛЬТУРА ДУХА” vs “КУЛЬТУРА РАЗУМА”
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ВЛАСТЬ
В БРИТАНИИ И РОССИИ В XVII–XVIII ВЕКАХ**

Под общей редакцией Л.П. Репиной

А К В И Л О Н

УДК 94
К 90

Рецензенты

доктор исторических наук *И.В. Побережников*
(Институт истории и археологии Уральского отделения РАН)

доктор исторических наук *С.Е. Федоров*
(Санкт-Петербургский государственный университет)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского научного фонда (Проект № 19-18-00186)*

“Культура духа” vs “Культура разума”: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках: коллективная монография / Под общ. ред. Л.П. Репиной. — М.: Аквилон, 2022. — 1080 с., илл.

Коллективная монография посвящена исследованию когнитивно-риторических стратегий выдающихся британских и русских интеллектуалов в ситуации системного кризиса «переходной эпохи» и формирования культурной/национальной/имперской идентичностей в Британии и России XVII–XVIII вв. На основе историко-компаративного анализа культурного кода формирующихся британской и русской идентичностей на материале полемических трудов, проповедей и травелогов XVII–XVIII вв. рассматривается общее и особенное в практиках и механизмах влияния интеллектуалов на власть и общество в Британии и России в ситуации распада универсальной картины мира и формирования новых представлений о человеке, обществе и государстве.

“Culture of the Spirit” vs “Culture of the Reason”: Intellectuals and Power in Britain and Russia in the XVII–XVIII centuries / Ed. by Lorina Repina. — Moscow: Aquilo, 2022. — 1080 p., ill.

The collective monograph is devoted to the study of cognitive-rhetorical strategies of prominent British and Russian intellectuals in a situation of systemic crisis during the “Transition Era” and the formation of cultural/national/Imperial identities in Britain and Russia in the 17th and the 18th cc. On the base of the historical and comparative analysis of the cultural code of the emerging British and Russian identities basing on historical materials — polemical texts, texts of sermons and travelogues of the 17th and the 18th cc. — deals with the common and specific in the practices and mechanisms of impact of various groups of intellectuals on power and society in Britain and Russia in the situation of the disintegration of the Universalist image of the world and the formation of new ideas on the human, the society and the state.

- © Л.П. Репина, общая редакция, составление, 2022
- © Коллектив авторов, 2022
- © Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
- © Издательство «Аквилон», 2022

ISBN 978–5–906578–86–0

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ситуации кризиса западных либеральных ценностей в фокусе внимания исследователей вновь и вновь оказывается интеллектуальная культура «переходной эпохи» от Средневековья к Современности. Этот процесс имел свою специфику и темпоральность – от государства к государству, от народа к народу. Его существенной характеристикой стал процесс обмирщения культуры или утверждения рационалистического взгляда на мир. Сегодня изучение этого периода определяется несколькими взаимосвязанными историографическими тенденциями. С одной стороны, это смещение исследовательского фокуса не просто от «общего» к «частному» – к национальным и региональным особенностям, а стремление зафиксировать специфическое проявление человеческих универсалий в различных культурах на основе историко-компаративного подхода.

Настоящая монография представляет результаты коллективного исследовательского проекта «“Культура Духа” vs “Культура Разума”»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII–XVIII вв.)»¹

Предметное поле анализа территориально ограничивается Британией и Россией и хронологически определяется «эпохой перемен» XVII–XVIII вв., периодом напряженного поиска новой территориально-национальной идентичности централизованных европейских государств. Напряженность исследовательского поля сложного процесса «перехода» от средневекового «человека Бога» к «человеку Мира» задается двойным параллелизмом: темпоральным – это постепенный «переход» от «культуры духа» к «культуре разума» в каждом отдельном национальном варианте; и синхронным – выявление специфических особенностей проектов и практических усилий в решении универсальных за-

¹ В результате трехлетней работы по проекту были опубликованы отдельные статьи и несколько тематических блоков статей в ведущих журналах, в том числе: Идеи и ценности в эпоху перемен // Диалог со временем. Вып. 73. 2020. С. 5–285; Власть слова и власть личности: переходная эпоха // Quaestio Rossica. Vol. 8. 2020. № 4. С. 1117–1203; Идеи и ценности в Эпоху перемен: Россия и Британия в XVII–XVIII вв. // Диалог со временем. Вып. 75. 2021. С. 286–346.

дач общечеловеческого бытия в «эпоху перемен». Несомненно, ни в той, ни в другой стране постулируемый «переход» не означал установления абсолютного доминирования «нового» над «старым» и, тем более, полного замещения «старой» культуры новой – речь идет лишь о возникновении и созревании нового и в тенденции постепенных изменений в «балансе сил». Напротив, «культура духа» и «культура разума» веками уживаются в общем коммуникативном пространстве, а зачастую и в многообразном творческом наследии одного и того же мыслителя.

Действительно, в событийной истории двух стран усматривается немало сходного. «Кризис середины XVII века» в полной мере проявился в истории Англии и России: «смута», «папистская угроза», династический кризис. И даже 1649 год стал, может быть, самым значимым в том, и другом случае. Казнь короля Карла I Стюарта в Англии и принятие Соборного Уложения 1649 г. в России могут рассматриваться в качестве решающего «акта» в противоборстве «старого» и «нового», шире – победой нового «служилого сословия» над старой аристократической элитой. Общим «местом» также стало начало активной колониальной экспансии во второй половине XVI–XVII в., имеющей в значительной степени спорадический характер. Решающая победа над воинственным «другим/чужим» как для России (татарская угроза), так и для Англии (Испания) относится к 80-м гг. XVI в. (поход Ермака Тимофеевича в Сибирь 1581 г. и победа над Непобедимой армадой 1588 г.). Еще одно немаловажное «совпадение» – ранг «Великой державы» и та, и другая держава получают в результате серии победоносных войн первой четверти XVIII в. Но не только эти хорошо известные «обстоятельства» определили в данном случае сопоставительный анализ «эпохи перемен» в Британии и России XVII–XVIII вв.

Развитие Британии и России на всем протяжении XVII–XVIII вв. было также отмечено некоторыми значимыми элементами социально-политического и культурно-интеллектуального контекстов – тремя сходными тенденциями, включающими территориальное расширение, демографический рост и формирование на этой основе имперских властных структур. Однако не подлежит никакому сомнению базовая специфика этих контекстов – перед нами две разные культуры, сравнительный анализ которых перегружен историографическими мифами, возникшими в эпоху противостояния Британской и Российской империй.

Противоречивость современного историографического курса стимулировала разработку темы через последовательное выявление общего и особенного в практиках и инструментах влияния интеллектуалов на власть и общество в Британии и России в ситуации нарастающего распада универсальной картины мира и формирования новых представлений о человеке, обществе и государстве в XVII–XVIII вв. Таким образом, объектом исследовательского внимания стали дискурсивные практики переходной эпохи, «работа» мысли и артикулирование смыслов. Напряженный поиск новой национально-государственной и персональной идентичности определил заметное возрастание роли слова и литературно одаренных мастеров, способных генерировать идеи в меняющемся мире. Мыслетворчество в эту судьбоносную эпоху становится особой формой деятельности для расширяющегося круга людей, непосредственно или опосредованно вовлеченных в обсуждение обширной «повестки» эпохи перемен, в том числе и для социально ориентированных представителей «Республики ученых».

«Переходная эпоха» являлась одним из самых напряженных периодов интеллектуального поиска новых нравственных ориентиров и ценностей, временем решительного разрыва «старого» с «новым» и, соответственно, временем появления новых социокультурных практик и легитимации новых поведенческих стратегий интеллектуалов. Интеллектуалы XVII–XVIII вв. явились яркими выразителями драматического разрыва «культуры духа» и «культуры разума» и стали главными «конструкторами» новой культурной / национальной / имперской идентичности, ориентированной на созидание «лучшего / нового мира», что вновь и вновь заставляет обращаться к их наследию в поисках альтернатив «незавершенного проекта модерна».

Авторы монографии, разрабатывая ключевые аспекты заявленной темы на материале России и Британии, двух расширяющихся империй с существенно различающимися условиями и траекториями формирования национальной идентичности, стремились выявить различные модели исторического проектирования. В этой связи особое внимание на страницах этой книги уделяется механизмам утверждения, взаимодействия и конкуренции различных идейных позиций и политических программ, а также стратегиям и тактикам интеллектуалов разного социального и образовательного статуса – от самоучек до монархов – в борьбе

за утверждение авторитета их идей в обществе и за влияние на принятие властных решений.

В соответствии с этой программой была поставлена задача изучения процессов конкурентного функционирования традиций и новаций в соответствующих социокультурных пространствах (с наличием специфического культурного кода и спектром культурных моделей, признаваемых легитимными), наряду с устойчивыми формами концептуализации и способами интерпретации реальности, принятыми в данных сообществах. При этом сложный и разноплановый контекст исследования, в котором сопряжены культурная / национальная / имперская идентичности в обеих странах в исторической ситуации системного кризиса, обусловил особые требования к определению теоретических оснований и практической конкретизации важнейших аспектов сопоставительного анализа.

В качестве главной исследовательской стратегии было избрано изучение трансформационных процессов XVII и XVIII столетий в Британии и России сквозь призму доступной и представительной совокупности текстов интеллектуалов, выступавших как мыслители – носители интеллектуальных традиций и как деятели – проводники новых мировоззренческих установок, интерпретационных и поведенческих моделей. Авторы исходят из того, что в символично-смысловой, идеально-ценностной и морально-нравственной сфере воздействие на общество и социальный контроль осуществляется не столько традиционными властными ресурсами, сколько способностью продуцировать и легитимировать идеи, значения, смыслы и знания, реализующие – пусть опосредованно – свою «силу» (если вспомнить ставшую крылатой фразу Фрэнсиса Бэкона). Особое внимание было сосредоточено на основных понятиях, в которых представители двух культур воспринимали и концептуализировали перемены в реалиях окружающей действительности, в отношениях между властью и социумом, а также в комплексе межличностных отношений, культурных представлений, в нравственных нормах, идеалах и ценностях. Отметим также значение проведенного анализа «перенастройки» политических языков в контексте интеллектуальной культуры Века Просвещения, включая процесс становления и распространения новых базовых идеологем («нация», «империя», «общее благо» и проч.). Здесь представляется уместным сослаться на кажущийся сегодня самоочевидным

тезис Квентина Скиннера: «...если мы хотим понять, как кто-то смотрит на мир – какие различия он проводит, какие классификации он принимает, то нам нужно знать не то, какими словами он пользуется, а, скорее, то, какими понятиями он обладает»².

Культурно-семиотический подход и концептуальный анализ, являющийся одним из наиболее востребованных в современных социально-гуманитарных исследованиях, позволяет идентифицировать специфические наборы понятий и риторических конструкций, отражающих картину мира и систему ценностей двух социокультурных формаций «эпохи перемен». В качестве исследовательского инструмента при сопоставлении процессов формирования нового когнитивного поля «эпохи перемен» в Британии и России используется идея поиска семантических пар понятий, циркулировавших в английском и русском обществах XVII–XVIII вв. И их обнаружение дает возможность засвидетельствовать проявления общего / универсального в интеллектуальном дискурсе обеих культур в XVII–XVIII вв., хотя, разумеется, не везде такую семантическую корреляцию удастся установить со всей определенностью. В эвристическом плане показательным примером служит также своеобразный «перевод» (неизбежно сопровождаемый смысловыми сдвигами) ключевых понятий и идейных новаций европейского (западного) общественно-политического дискурса на русский политический язык в текстах разного жанра – в нормативных документах, философских трактатах, в политических памфлетах и экономических проектах, исторических нарративах, научных отчетах и учебных книгах, в официальной и частной переписке, в нравоучительной литературе (включая «советы», «руководства», но прежде всего проповеди), а также в художественной литературе – прозаических и поэтических произведениях и т.д.

Благодатный материал обнаруживается в предметном поле общественного дискурса: общественно-политические дискуссии XVII–XVIII вв., инструментарий обсуждения острых социальных проблем и формирования политического сознания, церковно-государственные отношения, ставшие важным пунктом общественной повестки дня во второй половине XVII – начале XVIII столетия, идеологические установки и интерпретации национального прошлого, представления о гражданственности и пат-

² Скиннер, Квентин. Язык и политические изменения // Логос. Философско-литературный журнал. 2005. № 3 (48). С. 144.

риотизме, критика коммерциализации общества, упадка морали и прогрессирующего роста преступности. Наконец, ядром культурного кода, или системного «порядка», расшифровка, или деконструкция, которого идет через «слово», развернутое высказывание (по преимуществу, морально-этического плана), или же через когнитивно-риторические практики интеллектуалов, является ценностная шкала, находящая свое выражение как в традиционном сакрально-символическом, так и в новом для эпохи перемен – рационально-практическом смысловом поле.

Структура монографического исследования отвечает трем магистральным темам. Это – имперский дискурс и тесно связанное с ним развитие научной систематики (главы II–V); дискурс «нового политического порядка», развивавшийся на основе «имперского проекта» и «национальной идеи» (главы VI–X), а также дискурс формирования новых морально-этических ценностей (глава XI). В главе I предлагается подробная характеристика двух хронотопов, задающих контексты описания и основания сравнительного анализа дискурсивных практик «эпохи перемен» в Британии и в России XVII–XVIII вв.

Авторы ставили перед собой задачу ответить на вопросы: каким образом интеллектуалам Британии удалось сформировать социально-ориентированный «облик» власти, заложив тем самым основы либеральной государственности, а напряженный духовный поиск в церковной гомилетике и риторике допетровской России оказался предан забвению.

Итак, авторы книги приглашают читателей к совместному «перепрочтению» переходной эпохи на основе анализа практик интеллектуалов в ситуации системного кризиса в Британии и России XVII–XVIII вв., понимаемого в данном контексте как эпоха перехода от «культуры духа» к «культуре разума».

Глава I

ДВА ХРОНОТОПА. ВВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТ

1.1. ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

Развитие Британии и России на протяжении XVII–XVIII вв. было отмечено тремя сходными тенденциями – территориальное расширение, демографический рост, а также формирование на этой основе имперских властных структур. Это сходство при ближайшем рассмотрении диверсифицируется и не всегда поддается корреляции. Основным отличием территориального расширения Британии является приращение ее новых «территорий» – «за морями» (*over sea*) и расположенных в основном на побережьях. Вхождение новых «земель» в состав российского государства определялись освоением материковых пространств, прилегающих к историческому «центру», а также «подвижным фронтиром». Тенденции территориального расширения и роста народонаселения в XVII–XVIII вв. задавались характером экспансии власти. Британская империя изначально складывалась как торговая империя, поддерживаемая Королевским флотом, торговыми компаниями и первыми переселенцами, которые обычно оказывались во враждебном окружении коренного населения осваиваемых «территорий». В основе формирования Российской империи лежал патернализм и прозелитизм по отношению к аборигенному населению Сибири, Крайнего Севера, Дальнего Востока и стремление установить административную власть «на местах».

Выход Британии и России за пределы исторического «ядра» начался уже в XVI в. Тогда территория Английского королевства едва превышала 130 тыс. кв. км. Вместе с Уэльсом и Ирландией (с момента учреждения здесь должности лорда-лейтенанта), территория королевства составила 324 тыс. кв. км¹, а с присоединением Шотландии в 1707 г. прибавилось около 79 тыс. кв. км. Таким образом, территория Британии является небольшой относительно более крупных европейских государств XVII–XVIII вв. Однако уже в XVI в. начинается освоение заморских земель, ведущую роль в котором играли торговые компании и авантюри-

¹ Colley L. “This Small Island”: Britain, Size and Empire // *Proceedings of the British Academy*. L., 2003. Vol. 121. P. 173.

сты, стремящиеся к личному обогащению. Начало английских поселений в Новом свете традиционно датируют 1607 г., годом основания колонии Джеймстаун в Вирджинии. Вскоре возникают устойчивые поселения на Карибах. Владения Англии в Северной Америке на карте Хермана Молла 1732 г. включают Ньюфаундленд, Новую Шотландию, Новую Англию, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильванию, Мэрилэнд, Вирджинию и Каролину². В начале XVII в. наконец-то был «пробит» путь в «сказочно богатую» Индию, на котором постепенно формируется сеть торговых факторий Ост-Индской компании. «Механизм» освоения новых «территорий» коренным образом изменится только после Семилетней войны, когда Британия завоюет Квебек во Французской Канаде и Калькутту – в Индии. В 1768 г. будет создано министерство по делам колоний (Colonial Office)³ с целью координации взаимодействия «центра» и «периферии». Этот первый «приступ» контроля из метрополии закончился Войной за независимость тридцати английских североамериканских колоний.

Точный размер территорий Великого княжества Московского в XVI в. не известен, но можно отметить, что за время правления Ивана III и Василия III территория государства приросла на 2 млн. кв. км, составив приблизительно 2,5 млн. кв. км. Сюда входили все русские земли, Карелия и Коми. Значительный прирост территорий произошел при Иване Грозном, когда в состав Русского царства вошли земли бывшего монгольского ханства и общая площадь составила 4,2 млн. кв. км⁴, однако существуют разные оценки, так как граница на Востоке была «подвижной». Насколько туманным в XVI–XVII вв. было представление о восточных землях и их населении можно судить по картам Московии А. Дженкинсона, С. Мюнстера, Д. Гастальди.

Территория Российского царства продолжала расширяться в течение XVII–XVIII вв. К началу Смутного времени за счет заинтересованности промысловиков в освоении восточных земель Московского государства территория увеличивается до 5,7 млн.

² Moll Herman. A new and exact map of the Dominions of the King of Great Britain on ye continent of North America. [L.], 1715.

³ Высокова В.В., Созинова К.А., Чемякин Е.Ю. Британская империя: диалог культур и цивилизаций (от Ост-Индской компании до Содружества Наций). Екатеринбург, 2019. С. 41.

⁴ Водарский Я.Е., Кабузан В.М. Территория и население России в XV–XVIII веках // Российская империя: от истоков до начала XIX в. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 329.

кв. км. В последующее столетие – еще на 9,5 млн., достигнув в совокупности 12,3 млн. кв. км. К концу правления Петра I Россия, уже нареченная империей, занимала 15,5 млн. кв. км. и простиралась до Тихого океана. Первая карта, где она именуется «Российской империей», это карта И.Б. Хомана, изданная в 1725 г.⁵

На протяжении XVI в. на Британских островах наблюдался осязаемый рост населения, что в историографии иногда определяется как «демографический взрыв»⁶. Население Англии удваивается с 2,4 млн. чел. в начале XVI в. до 4,2 млн. к началу XVII в. Известный статистик второй половины XIX в. Джон Р. Портер оценивал численность населения Англии вместе с Уэльсом к 1700 г. в 5,5 млн. чел.⁷, что в целом совпадает с исследованиями Кембриджской группы по истории населения и социальной структуры Британии⁸ – 5,35 млн. в 1721 г.⁹ Если добавить численность населения Шотландии (примерно 2,5 млн. чел.) и Ирландии (не меньше 2,1 млн чел.) в первой половине XVII в.¹⁰, то общая численность населения Британских островов можно оценить приблизительно в 10 млн чел. Сюда нужно прибавить население Британской Америки и островов бассейна Карибского моря на рубеже XVII–XVIII вв. (1,5 млн чел.). Согласно Линде Коллей, между 1650 и 1750 гг. «число англо-поселенцев в Северной Америке выросло с одной сотой до одной пятой от населения Англии; в то время как к 1770 г. население Тринадцати колоний, по оценкам, выросло до трети от общего числа жителей Англии»¹¹.

Население Российского царства увеличивается с 6,5 млн. чел. в 1650 г. до 15,7 млн. в 1719 г. и к концу XVIII в. – до 41,174 млн. чел. Итак, к концу XVIII в. по численности населения Россия с большим опережением выходит на первое место в Европе¹².

Управление новоприсоединенными территориями не имело единой системы. Изначально, с конца XV в., их подчиняли осо-

⁵ Homann J.B. *Generalis Totius Imperii Rusorum Novissima Tabula Magnam. Nuremberg, 1725.*

⁶ Broadberry S., Campbell M.S.B., Klein A., Overton M., Bas van Leeuwen. *British Economic Growth, 1270–1870.* Cambridge, 2015. P. 3–45.

⁷ Porter G.R. *The Progress of the Nation, in Its Various Social and Economic Relations, from the Beginning of the Nineteenth Century.* Methuen, 1912. P. 3.

⁸ *The Population History of England, 1540–1870: A reconstruction / By E.A. Wrigley and R. S. Schofield.* Cambridge, 1981.

⁹ Laslett P. *The world we have lost: further explored.* L., 2001. P. 107.

¹⁰ *Ireland and the British Empire / Ed. by K. Kenny.* Oxford, 2004. P. 53.

¹¹ Colley L. “This Small Island”... P. 175.

¹² Водарский Я.Е., Кабузан В.М. *Территория и население России...* С. 340.

бому территориальному дворцу, или позже – приказу. К первым приказам такого типа относились Приказ Тверского дворца, Приказ Дмитровского дворца и др., им подчинялись земли бывших великих и удельных княжеств, включенных в состав Великого княжества Московского и Русского. По их образцу со второй половины XVI в. создавались крупные территориальные приказы вроде Казанского приказа и Сибирского приказа, в их компетенции находились восточные присоединяемые земли. По такому же принципу управлялась Смоленщина – через Смоленский приказ (Приказ княжества Смоленского) с 1667 г. Но в отличие от Казанского и Сибирского, Смоленский приказ большую часть своего существования был не самостоятелен, а подчинялся другим приказам – сначала четвертным, потом Стрелецкому, позже – Посольскому. Иначе управлялась Новгородчина: после ее присоединения туда были «посажены» наместники с гораздо большими полномочиями, чем остальные, даже с ограниченными дипломатическими функциями (ведение переговоров с Орденом и Швецией). Малороссия сохраняла широкие автономные права и собственный аппарат власти (Гетманский уряд); несколько ее городов, начиная с Киева, сохраняли магдебургское право. Центральная администрация имела там ограниченное влияние, распространявшееся лишь на русские гарнизоны Киева, Чернигова, Нежина, Переславля. Даже Малороссийская коллегия (учреждена в 1722 г.) имела здесь ограниченные полномочия. Полнейшей автономией пользовались присоединенные Остзейские провинции.

Иными словами, в XVIII в. единой системы управления присоединенными землями не было, даже задачи такой не ставилось, о чем Петр I и объявил в Генеральном регламенте 1720 г.

Рассматривая общие тенденции и особенности расширения территорий и прироста народонаселения Британии и России, необходимо отметить, что приведенные цифры отражают данные еще несовершенной тогда статистики и примерные расчеты.

В столичных городах – Лондоне, Москве, позднее – Санкт-Петербурге, фиксируется рост населения. Москва уже в XV в. становится своеобразным имперским центром – «многонациональным и многоконфессиональным государством», его подданными являлись «восточные славяне, финно-угорские народы и некоторые тюрки», т.е. разные народы, исповедовавшие «христианское православие, ислам и анимистические верования»¹³. Пер-

¹³ Kollmann N.S. The Russian Empire 1450–1801. Oxford; N.Y., 2017. P. 41.

вые статистические данные о населении Москвы имеются в «Переписной книге», согласно которой в столице в 1638 г. проживало около 200 тыс. чел. С переносом столицы в Санкт-Петербург в начале XVIII в. численность населения Москвы несколько сократилась и составила в 1710 г. около 160 тыс. чел., в 1725 г. – 140–150 тыс., положительная динамика начинается только с середины XVIII века¹⁴. Устойчивый рост населения строящейся северной столицы отмечается с середины XVIII в., достигает 150 тыс. чел., а к концу столетия переваливает за отметку 200 тыс. Что же касается Лондона, тут наблюдается беспрецедентный рост населения на рубеже XVII–XVIII вв. В начале XVIII в. Лондон становится самым крупным городом Европы с численностью в полмиллиона человек¹⁵. Это объясняется тем, что Лондон стал центром торгового «резьпорта», финансовым «сердцем» мировой торговли и соответственно местом «больших возможностей».

Таким образом, численность населения Британии и России на рубеже XVII–XVIII вв., если учитывать территории формально независимых в 1700 г. Шотландии и Ирландии, вполне сопоставима – около 11 млн человек, чего, конечно, не скажешь о территориях. Имперский «проект» задавался ощутимым оттоком части населения Англии и Московской Руси за пределы исторически сложившегося имперского ядра в поисках лучшей доли. Кризис середины XVII в., нашедший свое отражение в Англии в переселении первых пилигримов в Новый Свет, в массе своей пуритан, вполне коррелируется с притоком «пришлых людей» на Волгу, Дон и Каму в России. Освоение Сибири и Дальнего Востока русскими первопроходцами предоставило под власть московских царей беспрецедентные по площади территории. В результате их освоения на протяжении XVII–XVIII вв. формировалась иерархическая структура доминирования, полиэтничная по своему составу и имеющая многоконфессиональный характер, с властным центром в имперской столице в лице титульной нации. Если говорить о Британской империи XVII–XVIII вв., то ее первые многочисленные колонии рассматривались в качестве продолжения композитарной монархии династии Стюартов. Расширение владений в XVII–XVIII вв. как в Британии, так и в России рассматривалось как «внутреннее» дело государства. Британия еще не стала той могущественной империей, обладающей четвертой

¹⁴ Филиппов В. Москва // На пути к переписи. М., 2003. С. 277–313.

¹⁵ История Великобритании / Под ред. К.О. Моргана. М., 2008. С. 413.

частью поверхности земного шара. Только революционный кризис в «британском атлантическом мире» между 1763 и 1783 гг. станет переломным моментом «внутреннего» расширения Британии и выявит практические и теоретические пределы ассимиляции «других» народов, способствуя наметившемуся разрыву между национальной и имперской историями.

1.2. ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Аграрный сектор экономики являлся господствующим как в Британии, так и в России XVII–XVIII вв., жизнь подавляющего большинства жителей на территориях этих государств, была связана с природным циклом аграрной мир-экономики. Можно выделить и еще одну общую тенденцию: миграционные процессы привели в середине XVII в. к естественному расширению «границ» национальных экономик Британии и России.

Британия

Английское королевство, будучи небольшим островным государством с ограниченными природными ресурсами, на протяжении раннего Нового времени превратилось в одно из самых могущественных и влиятельных государств в мире. Парадокс этого «чуда» коренится в бурном экономическом развитии XVI–XVIII вв., которое было определено рядом факторов.

Прежде всего, это успехи капиталистического уклада в сельской Англии¹⁶. По подсчетам Г. Кинга из общей численности населения Англии на рубеже XVII–XVIII вв. (5,5 млн чел.): фригольдеры составляли с учетом их семей примерно 1/5 (940 тыс. чел.); «фермеры» с членами их семей – 750 тыс. чел. Производственный цикл хозяйств как первых, так и вторых в основном был связан с овцеводством и производством шерсти, составляющих основу английской экономики. Значительная часть фригольдеров (примерно одна четвертая) вела образ жизни сельского джентльмена. За гранью «достойного» общества, где доход главы семьи не превышал 60 ф.ст. в год, находились наемные работники и слуги с членами их семей – 1 275 000, батраки и бедняки – 1 300 000. Итого в «недостойной» части общества, по данным Кинга, было 2 575 000 человек. Таким образом, фригольдеры, фермеры, наемные работники и слуги (вероятно, значительная часть из которых нанималась на работы в город), батраки и бедняки состав-

¹⁶ За рамками остаются Уэльс, Шотландия и Ирландия.

ляли 4 165 000 человек. То есть 4/5 населения королевства были непосредственно связаны с работами в сельской местности¹⁷.

Основой этой мир-экономики сельской Англии являлся ма-нор. Владение лендлорда объединяло в целостный мир социальных связей фригольдеров, фермеров, батраков. Эти крупные лати-фундии были связаны с местными «ярмарками», столицей граф-ства, центром и портовыми городами. Глубокое знание состояния дел в сельской местности делало землевладельцев «естествен-ным» правящим классом Англии. По данным Кинга, титулован-ное дворянство со своими семьями составляло около 150 000 чел., что соответствовало примерно 3% населения королевства. Столи-цы графств были центрами сосредоточения административной и деловой жизни сельской Англии.

Динамика экономического развития Англии, однако, была связана с другим сектором экономики – торговлей и финансами. Лидерство Британии в мировой посреднической торговле было обеспечено успехом королевства в трех англо-голландских вой-нах (1652–1654; 1665–1667; 1672–1674) и закреплено созданием протекционистского режима в 1651 г. Средостением деловой Ан-глии стало Лондонское Сити как центр торгового и банковского дела. Его могущество базировалось на «бизнесе» гильдейских корпораций, или ливрейных компаний, которые с эпохи позднего средневековья поддерживали стандарты качества и производства соответствующих товаров и услуг. В Сити жили преимуществен-но наиболее влиятельные коммерсанты, тесно связанные с нон-конформистской протестантской средой. Кинг определял числен-ность этого коммерческого «класса» на рубеже XVII–XVIII вв. в масштабах всего королевства как 16 тыс. крупных и 48 тыс. мел-ких коммерсантов «на морях» с учетом их семей, а также держа-телей магазинов и мелких торговцев с членами семей – 250 000.

Трансконтинентальная торговля осуществлялась торговыми компаниями, появившимися во второй половине XVI в. В XVII–XVIII вв. торговая экспансия осуществлялась такими успешными компаниями как Королевская Африканская компания (имела мо-нопольное право торговать рабами в британских колониях Ка-рибского моря), Компания Гудзонова залива (торговля мехом на

¹⁷ См: Holmes G. Gregory King and the social structure of pre-industrial England // Transactions of the Royal Historical Society. 1977. Vol. 27. P. 41–69; Lindert P., Williamson G. 'Revising England's social tables, 1688–1867 // Dept. of Economics, University of California, Davis, Working Paper. Series № 176. Sept. 1981. P. 385–408.

территории, которая тогда была известна как Земля Руперта и позже составила большую часть Канады), Московская компания и, конечно, Ост-Индская компания. Успехи последней в XVIII в. сделали ее «державой-купцом»¹⁸. Сверхприбыли торговым компаниям приносил не экспорт британской товарной продукции, а реэкспорт товаров. В метрополию в основном возвращался финансовый капитал, что стимулировало развитие экономики королевства в целом и заложило основы будущего промышленного «переворота». Торговые компании зачастую выступали в качестве кредиторов правительства во время многочисленных войн.

Одним из самых прибыльных товаров было «черное золото», или чернокожие невольники с западных берегов Африканского континента. В результате Войны за испанское наследство британское правительство получило монополию на продажу рабов в Испанской Америке. Работоторговля стала основным бизнесом частных торговых компаний в Америке. Пик атлантической работоторговли пришелся на конец XVIII в., что было связано с расширением хлопковых плантаций на Юге США и начальной фазой промышленного переворота в Британии.

Устойчивый экономический прогресс обеспечивал кредитоспособность, что позволяло правительству прибегать к займам у населения. Впервые практика долгосрочных займов была использована в 1694 г. в период активной внешней политики Вильгельма Оранского. Долговые ценные бумаги, выпускаемые государством в ситуации чрезвычайных обстоятельств, стали в XVIII в. характерной чертой национальной экономики, а государственный долг – постоянной проблемой правительства, и часто оно было способно выплачивать только проценты по нему. Эта черта национальной экономики проявлялась в политических кризисах на завершающем этапе практически всех войн, которые Британия вела в XVIII в.¹⁹ Ост-Индская компания выступала донором государственного долга, что обернулось ее фактическим банкротством в 1770-х гг. В результате, на основании законодательных актов 1773, 1784, 1786 гг. административные функции в Британской Индии в значительной степени перешли к британской короне.

Развитие торговли задавало рост городов. К концу XVII в. насчитывалось уже около 20 городов с численностью населения

¹⁸ Фурсов К.А. Держава-купец: отношения английской Ост-Индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М., 2006.

¹⁹ The Oxford History of the British Empire. Vol. II: The Eighteenth Century / Ed. by P.J. Marshall, A. Low. Oxford, 2001. P. 65.

в среднем примерно 10 тыс. чел. За лидерство в численности населения после Лондона состязались Ньюкасл, Бристоль и Норидж, население которых в первой половине XVIII в. достигло 25 тыс. чел. Нарастание оборотов торговых операций с Америкой привело к смещению деловой активности с Юго-Востока Британии в новые и развивающиеся порты на западе страны, особенно это касается Ливерпуля, Бристоля, Глазго и Уайтхевна. Рядом с ними формировались «точки» будущего промышленного роста – долина реки Северн и Запад Центральной Англии, Йоркшир и Ланкашир, а также Запад Шотландии²⁰. Многие ирландские порты также процветали в связи с развитием атлантической торговли, а Дублин с конца XVII в. стал вторым по величине городом Британии с населением 62 тыс. человек в 1706 г.²¹

Россия

После завершения Смуты, нанесшей серьезный удар по экономике Московского царства, началось постепенное ее восстановление. Одной из его особенностей была аграрная и промышленная колонизация окраинных земель, уже находившихся в составе государства и вновь присоединяемых – Европейский Север, Поволжье, Центральное Черноземье, Урал и Сибирь, Северное Причерноморье²². Постоянно расширяющееся Российское государство XVII–XVIII вв. продолжало оставаться крестьянской страной. Ее ключевым институтом было крепостное право – Соборное Уложение 1649 г. закрепило бессрочный сыск крестьян. Помимо владельческих крестьян до начала 1720-х гг. фиксируется довольно многочисленная социально-правовая категория холопов, т.е. рабов, которые при Петре I были включены в состав крепостных крестьян²³. Это не означало, что у бывших холопов ста-

²⁰ История Великобритании ... С. 413.

²¹ Ireland and the British Empire / Ed. by K. Kenny. Oxford, 2004. P. 51–52.

²² См.: Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959; Загоровский В.П. Общий очерк истории заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма (XVI век – начало XVIII века) // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987. С. 3–23; История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века / Глав. ред. П.С. Кабытов. М., 2000. С. 89–97; История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Л., 1968; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989; Никонов С.А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»: промышленная колонизация Мурманского берега и Новой земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI–XVIII вв. СПб., 2020.

²³ См.: Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования / Под ред. Д.А. Редина. СПб., 2018. С. 353–362.

ло больше личной свободы. Скорее, у крепостных крестьян теперь ее становилось меньше, и по своему правовому положению в XVIII в. они все больше походили на рабов, пусть в законодательстве они так прямо и не назывались²⁴. И так, именно крестьяне составляли 92% населения Российского государства при общей его численности около 11 млн чел. в конце XVII в. Если говорить о его «великорусском» ядре, то частновладельческие крестьяне самые многочисленные – 4,6 млн. чел. К категории будущих государственных крестьян можно отнести 1,8 млн. чел., 1,4 млн. – были церковными и 0,8 млн. – дворцовыми²⁵.

Крепостное право распространялось и на новые присоединяемые территории. Так, к концу XVIII в. малороссийская шляхта смогла добиться ликвидации свободного права перехода для крестьян (посполитых) Левобережной Украины, что фактически сравнивало их по правовому статусу с великороссийскими крепостными²⁶. Конечно, далеко не все люди с формальным статусом крестьянина жили в сельской местности. И сам факт проживания в деревне, особенно с учетом активного развития во второй половине XVIII в. промыслов, отнюдь не означал обязательную занятость в сельском хозяйстве. К концу XVIII в., когда население увеличилось до 36,4 млн чел., соотношение в имперском пространстве было примерно тем же, что и в «великорусском»: почти 90% – крестьяне, из них частновладельческие – 53,9%²⁷.

На протяжении XVII–XVIII вв. сохранялось господствующее положение наследственного правящего землевладельческого класса. В XVII в. «верхушка бояр и дворян... сохраняла в своих руках огромные земельные владения и увеличивала их. Разорялись старинные боярские и дворянские роды, их сменяли новые, выпрашивая у правительства и захватывая земли и крестьян и создавая огромные латифундии»²⁸. Более того, разбогатевшие купцы и промышленники (Баташовы, Гончаровы, Демидовы,

²⁴ См.: Каменский А.Б. «Крещеная собственность» в законодательстве XVIII в. // Представления о собственности в российском обществе XV–XVIII вв. / Отв. ред. Н.А. Горская, Е.Н. Швейковская. М., 1998. С. 150–192.

²⁵ История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. 3. Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVII в. – 1816 г.) / Отв. ред. А.А. Преображенский. М., 1993. С. 18.

²⁶ См.: Мякотин В.А. Прикрепление крестьянства левобережной Украины в XVII–XVIII вв. София, 1932.

²⁷ Водарский Я.Е., Кабузан В.М. Территория и население России... С. 351.

²⁸ Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1988. С. 240.

Мосоловы, Походяшины, Турчаниновы, Яковлевы) не без успеха стремились попасть в состав дворянства²⁹. Конечно, в имущественном плане дворянство не было однородным, были и мелкопоместные, и беспоместные дворяне. В 1720-е гг. примерно 90% помещиков европейской части России относились к мелким, так как владели душами мужского пола менее 100, хотя один и тот же помещик мог владеть несколькими мелкими имениями, которые затем учитывались как принадлежащие разным людям³⁰.

Наследственный землевладельческий класс трансформировался в XVIII в. в дворянское сословие с закрепленными Жалованной грамотой дворянству 1785 г. привилегиями и органами сословного самоуправления, интегрированными в систему государственного управления. К началу 1630-х гг. «дворянство» могло насчитывать около 82,5 тыс. чел. мужского пола, а к концу XVII в. – несколько более 94 тыс. чел. мужского пола³¹, т.е. около 1,7% всего населения. Что касается XVIII в., то к 1782 г. число дворян мужского пола составляло около 108,2 тыс. чел., т.е. 0,79% от всего населения, а в 1795 г. – 362,5 тыс., т.е. – 2,22%. Такой резкий прирост был связан с включением к этому времени в состав общероссийского дворянства малороссийской «шляхты» из казацкой старшины Гетманской и Слободской Украины, а также шляхты, присоединенных к империи земель бывшей Речи Посполитой. В конце XVIII в. удельный вес дворян Украины, Белоруссии и Литвы в общей массе российского дворянства был очень высоким и составлял в 1795 г. 66,22 % общего числа.

В XVII–XVIII вв. в России развивались как крестьянские промыслы, так и городское ремесло. Первые мануфактуры появились в XVII в. – металлургические предприятия, которые создавались при активном участии иностранных предпринимателей. К концу XVII в. работала 21 мануфактура, из них 15 – железоделательные заводы, а к 1725 г. при поддержке политики меркантилизма появилось еще около 200 новых предприятий³². К 1775 г.

²⁹ Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводовладельцы. М., 1962. С. 495–519.

³⁰ Кончаков Р.Б., Корчмина Е.С. Кто кормил московских дворян? О структуре душевладений дворян Московской губернии в 1812 г. // ЭНОЖ «История». 2020. Т. 11. № 3(89). URL: <https://history.jes.su/s207987840009536-8-1/>

³¹ Границы и маркеры социальной стратификации России... С. 319.

³² Стоскова Н.Н. Первые металлургические заводы России. М., 1962; Коваленко Г.М. Первые металлургические заводы в Карелии (1670–1703). Л., 1979; Заозерская Е.И. Мануфактура при Петре I. М.; Л., 1947. С. 154–182.

в ведомстве Мануфактур-коллегии и Мануфактур-конторы было уже 450 предприятий и около 150 металлургических заводов в ведении Берг-коллегии³³. По подсчетам С.Г. Струмилины, если в России 1700 г. выплавлялось около 2 500 т чугуна, а в Англии – около 12 тыс. т, то уже в 1790 г. русские домны давали 130 тыс. т чугуна, а английские – 80 тыс. т. Итак, вплоть до конца 1770-х гг. «русские темпы роста были значительно выше английских и русская металлургия уже с 30-х годов обогнала английскую»³⁴.

Успехи черной металлургии были связаны с экспортом железа в Западную Европу, особенно в Англию. При этом чугуноплавильные и железоделательные заводы опирались в немалой степени на принудительный труд разных категорий населения (приписных крестьян, вечноотданных, крепостных). Экономический успех черной металлургии XVIII в. был результатом сочетания двух факторов – крепостничества и внешней конъюнктуры. Схожим образом, под влиянием промышленной революции в Западной Европе в России начался упадок полотняной промышленности, когда «русское полотно ручной работы не смогло конкурировать с продукцией механического производства»³⁵.

Соответственно, росли и объемы внешней торговли, важную роль стал играть экспорт в Западную Европу. Уже в 1710 г. 44,4% стоимости товаров, экспортируемых в Западную Европу, составляли предметы мелкотоварного и мануфактурного производства. Новыми важными статьями экспорта были льняные ткани, парусные полотна и железо (около 31% экспорта).

Еще академик Е.В. Тарле сформулировал вопрос «Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной?»³⁶. Современный исследователь Я.Т. Котилайне пишет, что «экономика Московского государства ни в коем случае не была “отсталой”, “недоразвитой” и “изолированной”. Напротив, она находилась в процессе драматичной экспансии и модернизации...»³⁷.

³³ Подсчитано по: Индова Е.И. О российских мануфактурах второй половины XVIII в. // Историческая география России. XII – начало XX в. М., 1975. С. 316–344.

³⁴ Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. Т. 1. М., 1954. С. 204.

³⁵ Рубинштейн Е.И. Полотняная и бумажная мануфактура Гончаровых во второй половине XVIII века. М., 1975. С. 164.

³⁶ Тарле Е.В. Сочинения. М., 1958. Т. 4. С. 443–468.

³⁷ Трёбст Ш. Европеизация России в исследовании Ярмо Т. Котилайне // *Quaestio Rossica*. 2013. № 1. С. 207.

Население городов Российской империи XVIII в. в абсолютных цифрах росло. В 1744 г. в городах проживало около 1,26 млн. жителей, а в 1782 г. – уже около 2,36 млн. чел.³⁸ Но в относительных цифрах доля горожан в населении Российской империи сокращается примерно с 11% в 1740-х гг. до 8,9 % в конце XVIII в.³⁹ Развитие городов сдерживала «узость внутреннего рынка, прочно законсервированного крепостничеством... рос спрос деревни на деньги, необходимые для уплаты податей и оброков. Спрос же деревни на промышленные товары... рос крайне медленно»; «с закрепощением связано и отсутствие роста населения городов за счет выходцев из деревни»⁴⁰.

Источниками накоплений капиталов в начале XVIII в. были: во-первых, «прибыль, которую собственник товарно-торгового (купеческого) капитала получал от продажи отечественных товаров иностранным купцам и продажи иностранных товаров внутри страны»; во-вторых, «прибыль, полученная при обеспечении спроса на продовольствие, снаряжение для армии, строительные материалы и различные товары, который сложился в районе Петербурга»; в-третьих, стал накапливаться капитал и в руках владельцев промышленных производств⁴¹. Кроме того, к концу XVII в. фиксируется значимость казенных подрядов, согласно которым «задатки, выдававшиеся подрядчикам в значительных размерах при заключении договора, заменяли в известной степени отсутствовавшие тогда кредитные учреждения и играли роль оборотного капитала»⁴². Как отмечал А.С. Лаппо-Данилевский, «казна превращалась в банкира, ссужавшего предпринимателей более или менее крупными капиталами»⁴³. Более того, первые банки, появившиеся в России только в XVIII в., были созданы правительством. Впрочем, их деятельность в немалой

³⁸ Водарский Я.Е., Кабузан В.М. Территория и население России... С. 355.

³⁹ Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 225.

⁴⁰ Волков М.Я. Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России. Первая четверть XVIII в. М., 1994. С. 225; Волков М.Я. Города Европейской России во второй половине XVII – начале XVIII в. // Город и горожане России в XVII – первой половине XIX в. М., 1991. С. 42.

⁴¹ Волков М.Я. Города Верхнего Поволжья... С. 227–228.

⁴² Бакланова Н.А. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в. К истории формирования русской буржуазии. М., 1959. С. 201.

⁴³ Лаппо-Данилевский А.С. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. СПб., 1899. С. 33.

степени оказалась направленной на поддержание дворянства и его землевладения, и при этом «банки становились своего рода кассами для приближенных к фавориту и ко двору лиц»⁴⁴.

Таким образом, российская экономика XVII–XVIII вв. демонстрировала способности успешно отвечать на вызовы современности и никак не являлась отсталой. В то же время условия, связанные с крепостным правом, придавали ее ответам определенную специфику, тормозили социально-экономическое развитие, включая внутренний спрос, рынок вольнонаемного труда и рост городов. Но Россия была успешно расширяющейся континентальной империей, и это позволяло в некоторой степени компенсировать наметившееся на рубеже XVIII–XIX вв. отставание за счет экстенсивного развития экономики. Ключевым результатом социального развития к рубежу веков стало окончательное оформление наследственных правовых категорий в сословия: дворянство, духовенство, городские сословия, крестьянство⁴⁵.

1.3. ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

В борьбе «священства» и «царства» середины – второй половины XVII в. как в Британии, так и в России происходило рождение «Левиафана» – «нового политического порядка». Его формирование определялось противоборством крупных европейских держав раннего Нового времени, а также тесно с этим связанного национально-государственного строительства. С другой стороны, восприятие гуманистического идеала национальными элитами привело к распространению идей о гражданском состоянии общества и человеческих добродетелях. Расширяющиеся экспансионистские и экономические «горизонты» «нового политического порядка» определили развитие национального и имперского дискурсов и в Британии, и в России XVII–XVIII вв.

Британия

Властные отношения внутривнутриполитического развития Британии XVII–XVIII вв. часто рассматривают в контексте противоре-

⁴⁴ Бутров А.В. Очерки по истории казенных банков в России. М., 2003. С. 208. См. также: Морозан В.В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). СПб., 2004.

⁴⁵ См.: Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2010.

яния «Страны» (Country) и «Двора» (Court)⁴⁶. Это были два мало совместимых «мира» – спокойная и размеренная сельская жизнь, основанная на религии и традициях, и бурная, наполненная интригами и борьбой за влияние и награды, придворная жизнь. Если первая была связана с властью на местах, в графствах и с земельной аристократией, то вторая – с развитием центрального аппарата управления и властью короля. Как предполагалось в дискуссиях эпохи Реставрации, гармонизация интересов «Страны» и «Двора» должна находить свое воплощение в парламенте, этом артефакте «древней» конституции Англии.

«Страна» жила по принципу самоуправляющихся общин. Практически все 40 английских графств рубежа XVII–XVIII вв. управлялись избираемыми должностными лицами на основе очередности в соответствии со списком «почтенных людей» графства. Должности были почетными и не оплачивались. Два раза в год созывалось общее собрание, на котором присутствовал прибывший с этой целью в столицу графства королевский чиновник, уважаемые люди (шериф, епископ, все должностные лица графства и более или менее крупные землевладельцы). Собрание графства обладало, прежде всего, судебными функциями, здесь обсуждались вопросы, связанные с обложением графства налогами на общегосударственные нужды. Графство распадалось на самоуправляющиеся «общины», фактически совпадающие с сеткой приходов. Это были устойчивые структуры местного управления, на которых держался социальный порядок в его сложной иерархической организации. В начале XVII в. управление графствами находилось в руках приблизительно 3 тыс. наиболее знатных дворян и около 5 тыс. – в конце столетия⁴⁷. Искусство управления королевством в XVII в. заключалось в том, чтобы убедить тех, кто находился у власти на местах, в наличии общих интересов у них и у короля. По большей части эти общие интересы были налицо: и король, и дворянство разделяли стремление поддерживать в стране порядок и стабильность.

Важно и то, что именно земельная аристократия представляла «общины» графств в нижней палате английского парламента. Эти несколько тысяч человек и составляли клиентелу столич-

⁴⁶ Trevor-Roper H. The Gentry, 1540–1640. L., 1953. P. 45; Zagorin P. The Court and the Country: the Beginning of the English Revolution. L., 1969. P. 32.

⁴⁷ Morrill J. The Stuarts (1603–1688) // The Oxford history of Britain. Revised Edition / Ed. by K.O. Morgan. Oxford. 2010. P. 345.

ной политической элиты. Они имели вес и влияние в графстве и были в состоянии организовать поддержку решений правительства на местах. Если же говорить об электорате этих потенциальных кандидатов в депутаты, то подсчитано, что непосредственно перед Парламентской реформой 1832 г. право голоса имели всего 400 тысяч «почтенных людей»⁴⁸, что составляло примерно один процент мужского населения страны (или 11% – от общего числа населения). Хотя точную картину получить довольно сложно, так как регистрация избирателей не велась, а многие мелкие города не участвовали в выборах. В целом этот потенциальный депутатский «корпус» держался консервативных взглядов. Однако в поисках улучшения своего материального положения нередко представители земельной аристократии вкладывали средства в акции торговых компаний, становились владельцами плантаций в Новом Свете и т.п.

Положение «Двора» в XVII–XVIII вв. задавалось поддержанием консенсуса между общинами и двором, заложенным еще в период нормандского завоевания. Сложившаяся система управления в графствах позволяла короне содержать скромный по численности аппарат управления. В правление Елизаветы Тюдор на рубеже XVI–XVII вв. аппарат коронного управления состоял из 1200 должностей, достойных положения джентльмена, и при этом монарх постоянно нуждался в деньгах. В значительной степени из-за этого правящие монархи были вынуждены торговать лицензиями и монополиями, что вызывало громкий протест в палате общин. Коронованные особы зачастую выступали и в качестве основных акционеров торговых компаний, что позволило значительно увеличить доходы короны с 1630 г.⁴⁹ Двор не обладал и развитой силовой структурой. Постоянная армия и полицейская организация отсутствовали – эти тяготы в случае войны ложились на плечи «почтенных людей» графств. Поражает малочисленность сотрудников королевских судов и Тайного совета. Общее число чиновников в 1630 г. составляло около 2 тыс. человек, при этом половина относилась к придворным слугам (повара, конюхи и т.д.)⁵⁰. Гвардейские полки, охранявшие короля и исполнявшие церемониальные функции, были

⁴⁸ Phillips J.A., Wetherell C. The Great Reform Act of 1832 and the Political Modernization of England // *American Historical Review*. 1995. №100. P. 413–414.

⁴⁹ История Великобритании... С. 312, 335.

⁵⁰ Morrill J. *The Stuarts (1603–1688)*... P. 338.

сформированы только в период Реставрации. При дворе, что естественно, процветало соперничество за влияние на короля и существовал «черный рынок», на котором торговали должностными, но корона редко получала от этого финансовую выгоду.

Стюарты не смогли сохранить консенсус с общинами, что обернулось казнью Карла I и созданием «Commonwealth». Яков I, блестяще образованный и воспитанный на ренессансных идеалах, к моменту восхождения на английский престол имел ясное представление о природе монархии и власти короля, но не смог реализовать его на практике. Его «Божественное право королей» могло существовать только в теории, на практике же король вынужден был мириться с тем, что предложенные им законы поступали на рассмотрение парламента, а каждое его действие на политической арене подлежало оценке. Можно согласиться с Дж. Моррилом: «Яков I был королем-мечтателем, он так и не смог воплотить в жизнь свои надежды и достичь поставленных целей»⁵¹. Его сын Карл I, воспитанный на представлениях отца о божественном происхождении власти, не видел необходимости объяснять своих действий или оправдывать свое поведение перед другими людьми, тем более перед парламентом, не осознал необходимости поддержания консенсуса с земельной аристократией.

Трансформация политического режима произошла в правление Вильгельма Оранского. Он ясно осознавал необходимость тесно сотрудничать с имущими «классами», защищая общие интересы династии, финансистов и землевладельцев. В свете этого обстоятельства изменяется «местоположение» парламента в политическом теле Англии. Если в XVII в. парламента еще можно было рассматривать как некий абсурдный и раздражающий пережиток средневекового прошлого, иррациональную помеху для эффективной монархической власти, то теперь его будущее было обеспечено. С 1689 г. парламентакие сессии стали ежегодными и продолжительностью в несколько месяцев. В этом смысле Славная революция вдохнула новую жизнь в «старые меха». Политики XVIII в. уже не думали о том, как избавиться от необходимости созывать парламента, они скорее искали способы манипулировать им. Искусство манипуляции дает ключ к пониманию политической конъюнктуры Георгиянской эпохи⁵². Уже в XVIII в. оно получило название «робинократии» по имени всемогущего

⁵¹ История Великобритании... С. 343–344.

⁵² Там же. С. 391–393.

министра 1720–1730-х гг. Роберта Уолпола, заслужившего прочную репутацию «укрывателя» коррупции и обмана в высших сферах⁵³. В общественном сознании в отношении него сложился характерный образ выскочки, карьериста, поднявшегося на вершины власти благодаря полному отсутствию принципов.

Новая Ганноверская династия ассоциировала себя с успехами в торговле, в развитии финансовой сферы и с вигизмом. Политическая стабильность режима при Ганноверах значительно укрепилась. Именно в XVIII в. сложилась чеканная фраза – «король правит, но не управляет». Поступающие в распоряжение государства средства значительно выросли благодаря государственным займам. Государственный долг стал основной проблемой правительства. Однако уже тогда осознавалось по крайней мере одно из преимуществ новой системы, которое заключалось во влиятельности парламента, и особенно палаты общин. Парламент ревниво оберегал свои права в финансовой сфере. Земельный налог – основная гарантия привлечения средств налогоплательщиков к обслуживанию государственного долга – утверждал парламент в острой борьбе и сроком только на один год. Даже таможенные и акцизные пошлины, устанавливаемые на более долгий период, пролонгировались и обновлялись только после продолжительных дебатов в палате общин. Результатом стало изобретение середины XVIII в. – понятие «бюджет». Хотя важнейшие элементы бюджетной системы можно найти и ранее, но только теперь данный аспект гарантировал центральное место парламента в конституционном развитии страны.

Итак, в Англии XVIII в. сформировалась система олигархического правления, основой которой были интересы крупных лендлордов и дельцов Лондонского Сити, которые, хоть и не были допущены к власти прямо, оказывали решающее влияние через обслуживание государственного долга, а, следовательно, и на политическую конъюнктуру. Этим неформальным консенсусом была обеспечена политическая стабильность Британии в XVIII в. и переход к активной внешней политике уже в середине века.

Король и парламента были важными структурными элементами нарождающегося Левиафана. Однако сила британского Левиафана как системы абстрактных норм и предписаний, организующая социальный порядок, была не столько в этом. Всесилие закона, которым восхищался Ш. Монтескье во время пребывания

⁵³ Там же. С. 403–405.

в Англии, стал нормой жизни британского общества. Система англосаксонского права (*common law*) встала на защиту частно-собственнических интересов. Несмотря на то, что его прецедентная основа была синтезом традиций управления на местах и решений судов королевской юрисдикции, меняющаяся ситуация формировала новое политико-юридическое пространство. Профессия юриста стала чрезвычайно востребованной и абсорбировала в своем составе, прежде всего, нетитулованных представителей аристократических фамилий. Проведенный Дж. Пококом анализ «изобретения» главой Суда Королевской скамьи (1613–1616) Э. Коком «древней конституции» Англии позволяет предположить, что и в политико-правовом обеспечении других сторон человеческого общежития происходило то же самое⁵⁴. В четырехтомном компендиуме «Институты законов Англии» Кок реконструировал институциональное «тело» правового устройства королевства и стал «авторитетом» англосаксонского права⁵⁵.

Своего завершения канонизация англосаксонского права достигла в сочинении Уильяма Блэкстона «Комментарии к законам Англии», имевшего беспрецедентный успех как у практикующих юристов, так и у широкой публики. Работа была разделена автором на четыре тома: о правах человека; об имущественных правах; о частных и общественных противоправных действиях. Второй том «Имущественные права» был посвящен исключительно институту частной собственности⁵⁶. Заслуживает внимания точка зрения о том, что это сочинение помогло укрепить юридическое мышление и придало закону «по крайней мере видимость научной респектабельности»⁵⁷. Из-за запутанности системы общего права на практике решение по каждому конкретному случаю находилось в руках отдельных юристов.

Возрастающий торгово-коммерческий динамизм, несомненно, был вызовом прецедентной системе права. В значительной степени с этим связано то, что XVIII в. вошел в историю Англии под знаком Кровавых «кодексов». Их появление было индикатором резко возросшей преступности. И, прежде всего, в Лондоне.

⁵⁴ Pocock J.G.A. *The Ancient Constitution and the Feudal Law: a study of English Historical Thought in the Seventeenth Century*. Cambridge, 1957. P. 43.

⁵⁵ Кондратьев С.В. Правовые и политические воззрения Эдуарда Кока // *Правоведение*. 1991. № 1. С. 56–61.

⁵⁶ Blackstone W. *Commentaries on the Laws of England*. In 4 vols. L., 1869.

⁵⁷ Miles A.S. *Blackstone and his American Legacy* // *Australia & New Zealand Journal of Law and Education*. 2000. Vol. 5. № 2. P. 46, 57.

Грабежи, судебные процессы и публичные казни – стали визитной карточкой столицы. Это задавалось, с одной стороны, коммерческими рисками, с другой – растущим разрывом между миром роскоши и нищеты большого города. Закон о банкротстве 1542 г., позволявший сажать должника в тюрьму, имел беспрецедентное влияние на развитие британского социума. К XVIII в. должники составляли уже более половины заключенных⁵⁸. Английские тюрьмы стали настоящими социальными «язвами», как, например, Ньюгейтская тюрьма, которая располагалась в непосредственной близости от Олд Бейли⁵⁹. Условия содержания узников были ужасающими, тюремщики оставляли их прикованными к стене без пищи и воды. Заключенные должны были сами платить за еду и жилье. С 1783 г. казни проводились перед зданием тюрьмы и собирали огромные толпы. Еще одна известная тюрьма Лондона – Флит, получившая название по одноименной речке, на берегу которой она располагалась, была по преимуществу долговой тюрьмой, также здесь содержались осужденные Звездной палатой и Канцлерским судом. В другой долговой тюрьме Маршалси в Саутуарке, к югу от Темзы, основную массу заключенных составляли бедняки. Эти тюрьмы, как и Ньюгейтская тюрьма, делились на общую и «комфортабельную» части, где содержались способные оплачивать свое содержание. Тюрьмы стали, по сути, коммерческими предприятиями. Часто должники брали с собой в заключение свои семьи, в тюрьмах рождались и воспитывались дети⁶⁰. Иногда заключение продолжалось десятилетиями. Должники пребывали в заключении до тех пор, пока их кредиторы не получали удовлетворения. В противном случае их судьба решалась судьями, назначавшими обычно смертную казнь, пребывание в колодках на площади, порку, выставление у позорного столба или пытки на утином стуле.

Таким образом, щупальца Левиафана к концу XVIII в. плотно сжали социальное тело Англии. Политический режим определялся олигархическим правлением крупных земельных собственников, которые вынуждены были пойти на компромисс с

⁵⁸ Васильева С.А. «В темнице был, и вы пришли ко мне...». М., 2019. С. 31–32.

⁵⁹ New Gate Prison // Britton J., Pugin A. Illustrations of the Public Buildings of London: With Historical and Descriptive Accounts of each Edifice. In 2 vols. L., 1838. Vol. 2. P. 102–113.

⁶⁰ White J. Pain and Degradation in Georgian London: Life in the Marshalsea Prison // History Workshop Journal. 2009. № 68 (1), Autumn, P. 69–98.

дельцами Лондонского Сити. Поддержание данного политического порядка обеспечивалось системой англосаксонского права, основанного на прецеденте, а также корпорациями юристов, интересы которых были тесно связаны с интересами земельной аристократии. Власть закона пришла на смену «божественному праву королей»: теперь король правил, но не управлял. Политическое «тело» зиждилось на «неписанной» конституции Англии.

Россия

Центральным политическим феноменом в России XVII–XVIII вв. была наследственная самодержавная монархия. Государство было, прежде всего, организацией наследственного правящего землевладельческого класса (для XVIII в. он определялся как дворянство), который был централизован и сплочен вокруг фигуры монарха. Соответственно, самодержавная монархия во многом была результатом социального сотрудничества в рамках правящего класса, где отсутствовали регионально укорененные и сепаратно настроенные элиты. Как отметил Д. Гольдфранк, «магнаты владели разбросанными по всей стране наследственными и служилыми землями, а не только региональными анклавами (последние уделы исчезают около 1600 г.). Таким образом, аристократия выступала для центральной власти в качестве лишь своеобразного “клея” для страны, а не носителя центробежных тенденций. Более того, несмотря на связи и самоидентификацию со своими регионами и провинциальными городами, служилые люди и городская элита все равно ощущали себя частью центральной государственной системы»⁶¹. Соответственно, занятие руководящих должностей в государственном управлении, а также нахождение при дворе было и правом, и обязанностью правящего класса, а аппарат управления в России XVII–XVIII вв., в том числе, выполнял функцию его корпоративной структуры⁶².

В московском политическом языке XVI–XVII вв. государство, обозначавшее политико-территориальную единицу, управляемую государем, рассматривалось как универсальная и должная форма организации власти, при этом власть правителя – государя – рассматривалась как неограниченная. В рамках политико-богословского дискурса, который до первой четверти

⁶¹ Гольдфранк Д. Парадоксы Московии XVII века // Родина. 2006. № 11. С. 32.

⁶² LeDonne J.P. The Eighteenth-century Russian Nobility: Bureacracy or Ruling Class? // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1993. Vol. 34. № 1–2. P. 139–147.

XVIII в. занимал господствующее положение в осмыслении властных и социальных отношений, неограниченность была относительной, ведь правитель, как и любой человек, в итоге должен был держать ответ перед Богом. Тем не менее, если говорить о делах «посюсторонних», это предполагало, что какие-либо земные институты или нормы не могут ограничить волю государя, даже если она ведет к сомнительным результатам. Это довольно ярко проявилось в ситуации религиозного раскола, связанного с церковными реформами царя Алексея Михайловича и патриарха Никона. Несмотря на утверждения о наступлении антихристового царства, политическая мысль старообрядчества не выработала альтернативы господствовавшим представлениям о форме правления в Российском государстве⁶³, сведясь в итоге к различным формам абсентеизма в духе максимы, восходящей к Иоанну Златоусту: «Аще убо веры дъя, то бегай ево и отрицайся, не токмо аще человек будет, но аще и ангел с небеси сшед»⁶⁴. Правда, внешнеполитические реалии вносили коррективы в представления подданных царя, когда приходилось сталкиваться со странами, управляемыми коллективными органами (статами, речью посполитой), а не одним государем. Однако они оценивались, скорее, как аномалии и исключения на фоне нормы государства⁶⁵.

В то же время не следует рассматривать Московское государство сквозь призму ориентализма как деспотию, в которой правитель властвует над рабами и распоряжается страной как своим частным имуществом во имя личных интересов. Начало трансформации Московского княжества в раннемодерное государство в конце XV в. сопровождалось становлением идеи о том, что его правитель должен отправлять власть во имя общего блага, а не только ради своих интересов, пусть для обозначения общего блага могли использоваться разные словосочетания⁶⁶. Так, еще

⁶³ Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 250–252.

⁶⁴ Цит. по: Титова Л.В. Послание дьякона Федора Иоанну Аввакумовичу о священстве – идеологический документ раннего этапа старообрядческого движения // Археографические и источниковедческие аспекты в изучении истории России / Отв. ред. А.Х. Элерт. Новосибирск, 2016. С. 89.

⁶⁵ См.: Киселев М.А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века // Ист. вестн. 2013. Т. 6 (153). С. 19–27.

⁶⁶ Кром М.М. К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Одиссей: Человек в истории. 2005. С. 292–294.

в 1473 г. в докончаниях великого князя Московского Ивана III Васильевича с его братьями допускался прием татарского царевича «в свою землю» не только «своего для дела», но и для «христианского... дела»⁶⁷. В XVI в. активно используется выражение «дело государево и земское», а также фиксируется и само выражение «общее благо»⁶⁸, которое обычно ассоциируется с петровскими реформами первой четверти XVIII в.

С 1547 г. государь в Московском государстве официально обладал титулом царя. С учетом восточнохристианской традиции предполагалось, что носитель титула будет при отправлении власти руководствоваться не произвольными желаниями, а Божественной правдой-справедливостью и выступать ее главным защитником и хранителем⁶⁹. Ожидалось, что царь будет принимать решения, консультируясь с мудрыми советниками, институционализированными в Боярскую думу, в которую будут назначаться, прежде всего, представители конкретных боярских родов (феномен местничества, ликвидированного окончательно в 1681 г.⁷⁰). Как показывают подсчеты, во второй половине XVII в. примерно половина законодательных актов была принята с участием Боярской думы⁷¹. Далее, на протяжении XVII в. периодически собирались совещательные ассамблеи, известные как земские соборы, одним из наиболее значимых деяний которых стал такой важный памятник права XVII в., как Соборное уложение 1649 г.

Кроме того, на протяжении XVII в. определенное влияние на государственную власть сохраняла и православная церковь. Более того, во время патриаршества Никона (1652–1666) последний,

⁶⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 226, 234.

⁶⁸ Кром М.М. «Дело государево и земское»: Понятие общего блага в политическом дискурсе России XVI в. // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сб. ст. памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 581–585; Киселев М.А. К истории дискурса реформ в России раннего Нового времени // Российская история. 2014. № 4. С. 26–27.

⁶⁹ См.: Киселев М.А. Правда и закон во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: от монарха-судьи к монарху-законодателю // Понятия о России: к исторической семантике имперского периода. В 2 т. М., 2012. Т. 1. С. 49–65.

⁷⁰ См.: Седов П.В. Конец местничества // Российское самодержавие и бюрократия. Сб. ст. в честь Н.Ф. Демидовой / Отв. ред. А.А. Преображенский. М.; Новосибирск, 2000. С. 88–103.

⁷¹ Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. С. 17.

будучи обладателем титула великого государя, в своей деятельности не просто исходил из идеи равенства царства и священства (т.н. концепция симфонии), но допускал превосходство власти духовной над светской. Конфликт Никона с царем Алексеем Михайловичем закончился лишением патриарха сана, хотя и не обернулся подчинением церкви государству⁷², так что, например, при выборе нового патриарха Московского в 1690 г. Петр I в итоге был вынужден согласиться на избрание не своего кандидата, а митрополита Казанского Адриана в обмен на некоторые уступки со стороны иерархов церкви⁷³. Как отметил А.Г. Маньков, в реальности «царь разделял управление страной с Боярской думой и патриархом, а отчасти и с земскими соборами, которые в 40-е и 50-е гг. XVII в. выступали в наибольшей мере в качестве совещательного органа. Но разделял власть таким образом ...что заметный перевес был на стороне самодержца»⁷⁴. Этот перевес во второй половине XVII в. будет только усиливаться, завершившись торжеством государства в годы петровских реформ.

Еще с XVI в. бюрократизировавшийся аппарат управления Московского государства⁷⁵ мог успешно функционировать без прямого участия самодержавного монарха. По оценке М.М. Крома, «повседневное управление страной вполне могло осуществляться и без прямого участия великого князя или царя. Опыт XVII столетия подтверждает это наблюдение: дела шли своим чередом и при юном, и при взрослом государе, даже если последний по каким-то причинам самоустранялся от управленческих забот»⁷⁶. Важную роль в этом играла растущая т.н. служилая бюрократия – приказные люди (дьяки и подьячие), сосредоточенные в столице в таких центральных учреждениях, ответственных за разные вопросы государственного управления, как приказы: «Приказная система вступила в XVII в. и подошла к его финалу в составе примерно одного и того же количества (двух с половиной десят-

⁷² См.: Полознев Д.Ф. Церковная реформа после патриарха Никона: соборы 1667–1682 гг. // Патриарх Никон и его время. М., 2004. С. 323–340.

⁷³ См.: Морохин А.В., Устинова И.А. Смерть патриарха Иоакима и выборы главы Русской Православной Церкви в 1690 г. // Российская история. 2021. № 5. С. 61–70.

⁷⁴ Маньков А.Г. Законодательство и право России... С. 27.

⁷⁵ См.: Савосичев А.Ю. Дьяки и подьячие XVI – первой трети XVI в.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования. Орел, 2013.

⁷⁶ Кром М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30-40-х годов XVI века. М., 2010. С. 610.

ков) самостоятельных учреждений центрального управления»⁷⁷. На региональном уровне к рубежу 1650–1660-х гг. «все полномочия в делах управления городами и уездами (судебные, административные и военные) находились у городских воевод, назначение которых производилось государем через Разрядный приказ. В административной деятельности воевода использовал персонал своей канцелярии»⁷⁸. По подсчетам Н.Ф. Демидовой в 1640-е гг. в государственных учреждениях работало всего около 1600 приказных людей (837 в центральных учреждениях и 774 в местных), а в 1690-е – около 4660 (2739 и 1918 соответственно)⁷⁹. Соотношение чиновников центральной администрации на душу населения в России конца XVII в., согласно С. Величенко, «могло быть примерно таким же, как в Великобритании»⁸⁰.

Преобразования Петра I в первой четверти XVIII в. и связанный с ними процесс вестернизации, начавшийся еще во второй половине XVII в., привели к важным изменениям. Так, произошла адаптация представлений о разных формах правления – монархии, аристократии и демократии, восходивших к аристотелевской схеме, и теперь правильное управление государством оказалось возможным помыслить без самодержавного монарха, что сделало возможной попытку со стороны аристократических членов Верховного тайного совета ликвидировать в России самодержавную монархию в 1730 г. Попытка закончилась провалом из-за позиции основной части дворянства, связывавшего свои интересы с фигурой монарха. Соответственно, монархический дискурс сохраняет в России господствующее положение⁸¹, но в его рамках активно развиваются представления о важной роли законов. Монарх рассматривается не только как судья, защищающий справедливость, но как активный законодатель, который своими законами должен преобразовывать управление и общество во имя

⁷⁷ Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 19.

⁷⁸ Новохатко О.В. Россия середины XVII в.: еще раз об абсолютизме // Традиционные и новаторские пути изучения социальной истории России XII–XX веков. Сб. ст. в честь Е.Н. Швейковской. М., 2021. С. 198.

⁷⁹ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 37.

⁸⁰ Величенко С. Численность бюрократии и армии в Российской империи в сравнительной перспективе // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005. С. 92.

⁸¹ Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века / Под ред. К.А. Соловьева. М., 2021. С. 311–398.

общего блага. Но, с другой стороны, законы рассматриваются как важный элемент стабильного управления, так что в идеале от монарха ожидали установления законов, которые бы регулировали ключевые вопросы устройства государства и общества. Если в XVII в. право в немалой степени ориентировалось на обычаи, оставляя без законодательного регулирования принципиальные вопросы (в т.ч. престолонаследие), то право XVIII в. – на письменный закон. На протяжении всего XVIII в. в России наблюдается бурная законотворческая деятельность. Уже к середине века представителями правящей элиты поднимается вопрос о необходимости создания фундаментальных законов, которые правящий монарх – хотя за ним признавалась неограниченная власть – не должен изменять во имя и своего, и общего блага. Первым фундаментальным законом стал «Манифест о вольности дворянства служить и не служить» 1762 г. Затем к нему добавляются Жалованная грамота дворянству 1785 г., Акт о престолонаследии 1797 г. и подтверждение Жалованной грамоты дворянству 1801 г. К началу XIX в. Россия была не просто законной монархией, а монархией, управляемой на основании фундаментальных законов⁸².

Нередко с принятием Петром I в 1721 г. титула императора связывают превращение Российского государства в империю. Конечно, официально Россия стала империей в 1721 г., пусть и борьба за признание другими правителями в Европе растянулась на некоторое время. Однако с точки зрения универсалистских притязаний и Московское царство XVI–XVII вв. можно рассматривать как империю, где ключевой акцент делался на то, что его государь был единственным православным правителем, находился в родстве с византийскими императорами и, более того, претендовал на происхождение от Прусса, «сродника» римского императора Августа. Если же говорить о 1721 г., то «с принятием нового титула бывшее царство превратилось в империю, и в этом выразился ее (желаемый) статус как страны, принадлежащей к группе “цивилизированных народов” и ставшей центром мира»⁸³.

Итак, имперская идея после Петра I в немалой степени оказалась связана с претензиями на признание России как одной из

⁸² Киселев М.А. Трактат *De L'Esprit Des Lois* Ш.-Л. Монтескье и фундаментальные законы в России начала 1760-х гг. // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5. № 4. С. 1131–1148.

⁸³ Вульпиус Р. Вестернизация России и формирование российской цивилизаторской миссии в XVIII веке // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. М., 2010. С. 21.

великих европейских держав, равно как и с идеей ее цивилизаторской миссии для неевропейских народов. Соответственно, если первое вело к более активному участию России в европейских конфликтах, то второе давало дополнительное обоснование для продвижения на юг и восток.

Подводя итоги преобразованиям первой четверти XVIII в., Н.И. Павленко отмечал: «В годы административных реформ Петра I сложился новый механизм управления страной. От предшествующего его отличали два признака: рационалистическое начало и начало бюрократическое. Рационализм проявлялся в четком разграничении прав и обязанностей между центральными учреждениями. В основу разграничения был положен отраслевой принцип. В результате была создана стройная система органов управления, компетенция которых распространялась на всю страну... Регламентации подвергалась не только работа учреждений, но и каждый шаг должностного лица. Регламентировано было и движение бумаг, документов»⁸⁴. Что же до совещательных ассамблей, то надобность в них отпала уже к концу XVII в., так что единственным самостоятельным актом последнего Земского собора, работавшего в 1683–1684 гг., стала «петиция о самороспуске»⁸⁵. Важным индикатором усиления государства стало фактическое подчинение церкви государству, в связи с чем управление церковью передается созданной в 1721 г. Духовой коллегии – Святейшему Синоду. Преемники Петра I продолжили курс на усиление централизации и усиление государства (таможенная реформа 1753–1757 гг., секуляризация церковных владений).

При этом не стоит преувеличивать успехи в бюрократизации управления. Посты, связанные с принятием решений, в XVIII в. вполне осознанно предназначались для представителей благородного дворянства, а не для безликих бюрократов. В середине века, по подсчетам С.М. Троицкого, потомственные дворяне в государственном аппарате управления «были в меньшинстве среди чиновничества – 1160 чел. (21,57%). Представители других сословий и групп насчитывали 4219 чел. (78,43%)». В этом отношении норма Табели о рангах 1722 г., по которой служащие недворяне

⁸⁴ Павленко Н.И. У истоков российской бюрократии // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 16–17.

⁸⁵ Лавров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999. С. 137.

на гражданской службе по получении XIV класса приобретали личное, а с VIII и наследственное дворянство, также тормозила возникновение бюрократии как самостоятельной и влиятельной социальной группы. Российские императоры предпочитали править, взаимодействуя, прежде всего, с дворянством, а не с бюрократией, поэтому неудивительно, что во время реформ местного управления Екатериной II, особенно в связи с принятием Учреждений для управления губерний 1775 г., сословные органы дворянского самоуправления были встроены в систему регионально-государственного управления⁸⁶.

Важно также подчеркнуть, что как в XVII в., так и в XVIII в. структуры некоронного управления – вотчинные и общинные – были интегрированы в государственный аппарат, став его своеобразным продолжением. В полной мере это проявилось в развитии системы сбора прямых налогов. В начале XVII в. для московского правительства одним из главных подходов при организации прямого налогообложения было взимание налога с пахотной земли, в 1679–1681 гг. окладной единицей стал двор, то в 1724 г. – душа мужского пола. В соответствии со сроками, установленными законодательством, в административный центр территориальной единицы представители владельческой администрации или выборные от общин должны были доставлять собранные налоги⁸⁷. В результате управление осуществлялось относительно небольшим числом коронных агентов и не требовало от них большой образованности. Такое положение дел позволяло существенно экономить на аппарате управления, а также определяло зависимость государства от дворян, ибо главными плательщиками подушной подати были крепостные крестьяне, находившиеся под властью дворянского вотчинного управления.

⁸⁶ Павлова-Сильванская М.П. Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 460–491; Киселев М.А., Криворучко А.С. Проблема организации дворянского самоуправления и подготовка «Учреждений для управления губерний» в 1775 году // Вестн. Перм. ун-та. История. 2014. № 3 (26). С. 113–122.

⁸⁷ Федюкин И.И., Корчмина Е.С. Собираемость подушной подати в середине XVIII в.: к вопросу об эффективности государственного аппарата в России в исторической перспективе // Экономическая история. 2013. М., 2014. С. 89–127; Лазарев Я.А. Олнодворцы в системе прямого налогообложения России XVIII в. К вопросу о роли некоронных агентов в управлении государством раннего Нового времени // Cahiers du Monde russe. 2014. Vol. 55. № 3–4. P. 215–234.

1.4. ДВЕ КУЛЬТУРЫ

XVII–XVIII вв. стали временем решительного столкновения двух культур как в Британии, так и в России. Первая, уходящая корнями в Средневековье, была основана на традиции, обычном праве и устном слове. Ключом к ее пониманию является Библия и ее морально-этический канон, что позволяет определять ее как «культуру Духа». Вторая, устремленная в будущее и преисполненная веры в преобразовательную силу человека, получила свое укоренение в рационализме как мировоззренческой позиции. Индикаторами развития новой светской культуры – «культуры Разума» – стали распространение грамотности, становление системы образования и распространение знаний через печатное слово.

«КУЛЬТУРА ДУХА»

Британия

Священники являлись возможно самой влиятельной политической силой английского общества XVII – начала XVIII в., а взаимоотношения с богом – главной темой общественного дискурса. Помимо участия в собраниях графств и общин главной их задачей было ежедневно окормлять паству. Они знали ситуацию и пользовались авторитетом на местах. На территории Англии и Уэльса насчитывалось около 10 тыс. приходов, в Шотландии – 900⁸⁸. Это была плотная сетка социальных связей с определенной долей юрисдикции в рамках канонического права – особенно, что касается семейных отношений. Духовные лорды также были влиятельной политической силой в палате лордов, а это пять важнейших прелатов Высокой церкви Англии – архиепископы Кентерберийский, Йоркский, епископы Лондона, Дарема, Винчестера и епископы более десятка диоцезов. Сразу оговоримся: католики оказались за пределами государственно-политической иерархии, а неудачный опыт пуританской революции середины XVII в. вывел всех нонконформистов за рамки официальных властных структур – занятие всякой должности требовало принесения присяги на англиканском богослужбнике.

Внутри самой англиканской церкви со всей остротой на рубеже XVII–XVIII вв. развернулась дискуссия по вопросу взаимоотношений церкви и государства. В напряженной атмосфере вос-

⁸⁸ Abstract of the answers and returns made pursuant to an Act passed in the fifty-first year of His Majesty King George III: preliminary observations, enumeration abstract, parish register abstract, 1811. L., 1812. P. XXVIII.

хождения Марии и Вильгельма Оранского на английский престол архиепископ Кентерберийский, второе после монарха лицо в церковной иерархии, Уильям Санкрофт отказался присягнуть новым монархам, а за ним последовало около 2% священников англиканской церкви, включая девять епископов. Церковный «раскол» 1689 г. не был доктринальным, хотя в центре его был постулат о божественности королевской власти. Этот политический вопрос касался совести англиканских священников, которые сочли себя не свободными от клятвы, данной Стюартам⁸⁹. Легитимация режима Вильгельма Оранского была обеспечена группой пропагандистов под руководством епископа Гилберта Барнета (шотландца по происхождению), что позволило королю справиться с главными политическими трудностями – заручиться поддержкой на ведение войны с Францией и создать консенсус в работе с парламентом⁹⁰. Тема попала в центр ожесточенной полемики в прессе, продлилась до первых лет правления новой династии Ганноверов, получив название Бангорианского спора (*Bangorian Controversy*)⁹¹. Речь идет о двух конкурирующих представлениях об основах правления в Англии. Неприсягнувшие священники выстраивали «линию» соподчинения сверху вниз от Бога к королю и епископам, которых он наделяет «божественной благодатью». Точка зрения Георга I и вигов заключалась в том, что источник власти зиждется в народе, и передается священникам и королю.

После Бангорианской контрверзы вопросы веры окончательно перемещаются в сферу частной жизни английского общества. Священники вступают в бой с другой опасностью – деизмом, и станут передовым отрядом в борьбе с «freethinkers» – вольнодумцами, такими как Дж.Толанд, М. Тиндел и др.⁹² Интеллектуальный дискурс Ганноверской эпохи оказался пронизан скептицизмом и агностицизмом⁹³. Так рубеж XVII–XVIII вв. стал эпохой демистификации и деполитизации христианства. Если

⁸⁹ Collier J. *Ecclesiastical History of Great Britain*. 2 vols. 1708–1714; Hickey G. *Constitution of the Catholic Church, and the Nature and Consequences of Schism*. L., 1716.

⁹⁰ Claydon T. *William III and the Godly Revolution*. Cambridge, 1996. P. 115.

⁹¹ Starkie A. *Contested Histories of the English Church: Gilbert Burnet and Jeremy Collier* // *Huntington Library Quarterly*. 2005. Vol. 68, № 1–2. P. 335–351.

⁹² Коллинз А. Рассуждение о свободомыслии // *Английские материалисты XVIII в.* В 3 т. М., 1967. Т. 2. С. 71–192; *Английское свободомыслие: Д. Локк, Д. Толанд, А. Коллинз*. М., 1981. С. 116.

⁹³ Clark J.C.D. *English Society, 1660–1832: Religion, Ideology and Politics During the Ancient Regime*. Cambridge, 2000.

раньше на Бога смотрели как на основу природы и жизни, то теперь он стал творцом, запустившим ее механизм, духом, действующим внутри человека и заставляющим его соблюдать нормы морали. Проповеди подчеркивали важность добрососедства и милосердия⁹⁴. Традиция устного слова, укоренившаяся в проповеди, претерпевает изменения. Пуритане одними из первых начинают активно использовать печатное слово для воздействия на благочестивое сообщество XVII в. Использование печати в сочетании с практикой «живого слова», «живой проповеди» стало незаменимым ресурсом коммуникации с паствой. В этом более всего преуспел видный член лондонского пуританского общества Т. Гатейкер, который публиковал прочитанные ранее на службах, проповеди для новобрачных, на погребение и др. Жанр проповеди далеко не исчерпал себя и в XVIII столетии.

Кризис «культуры Духа» во многом был вызван социально-экономической модернизацией XVII–XVIII вв., которая оказала определяющее влияние на духовное развитие британской нации. «Нерегулируемый капитализм» проникает во взаимоотношения церкви и общества⁹⁵. Англиканство все более склоняется к прагматическому подходу в вопросах нравственности и теологических истин. И несмотря ни на что, макрокосм государства и церкви даже в георгианской Англии был органично связан с микрокосмом поместья и прихода. Мейнстрим английской жизни по-прежнему был сельским и аграрным. Церковь и приход, благодаря их связи с государством и поместьем, были в центре формирования социальной сплоченности и социального благосостояния, образуя особый социальный ландшафт⁹⁶.

Несмотря на кризис «культуры Духа» и живого слова оставался широкий пласт «народных» читателей, людей малограмотных или вовсе неграмотных. Круг читателей не ограничивался только умеющими читать, в него входило большое число тех, кто слушал, как читают другие. И здесь наблюдается «неуменьшающееся значение голоса в устном воспроизведении и передаче содержания текстов... Каждый экземпляр печатного или рукописного издания являлся своеобразным виртуальным очагом влия-

⁹⁴ История Великобритании... С. 360.

⁹⁵ Giffin A. Jane Austen and Religion. Salvation and Society in Georgian England. N.Y., 2002. P. 16.

⁹⁶ Заметим, что около половины из чуть более 10 тыс. церковных приходов в стране были собственностью местных эсквайров. См.: Southam B. Professions // Jane Austen in context. Cambridge, 2005. P. 368.

ния, распространявшегося в самых разных формах и направлениях через чтение вслух, так и будучи источником для запоминания или свободного изложения. Огромное количество неграмотных не было препятствием для существования и пополнения читательских рядов. В семье или сообществе достаточно было кого-то одного, умевшего читать, чтобы любой текст был “прочитан”, широко обсужден и оценен»⁹⁷.

Обращаясь к текстам, созданным интеллектуалами эпохи перемен, мы должны помнить об определенной дистанции, существующей между текстом и его интерпретацией. Сам процесс чтения и постижения прочитанного, характеризуется «как диалоговая связь между “текстовыми сигналами”, “излучаемыми” каждым отдельным произведением, и коллективно разделяемым “горизонтом ожидания”, который управляет его восприятием»⁹⁸, где «горизонт ожидания» задается не только господствующей политико-правовой системой, но также уровнем образованности населения, способного воспринять и усвоить идеи интеллектуалов, которые, в свою очередь, постоянно расширяют этот «горизонт».

Англию XVII в. уже сложно было назвать обществом устной культуры или «живого слова», уровень грамотности был еще не очень высок. С одной стороны, старые народные традиции уже давно были пропитаны, дополнены или искажены и уничтожены письменным словом, с другой – лишь часть населения могла читать и писать. Однако «именно взаимодействие между противоположными формами культуры, грамотной и неграмотной, устной и письменной, придает этому периоду особое очарование»⁹⁹. А. Фокс определяет Англию XVI–XVII вв. как сеть взаимосвязанных, но сильно локализованных «речевых сообществ», в которых манера общения была фактором, определяющим идентичность и принадлежность. Но в то же время это было общество, переживавшее драматические лингвистические изменения. На протяжении всего XVII в. политические новости оставались в основном устным товаром, хотя и все больше формировавшимся (особенно в 1640-х и 1650-х гг.) посредством дешевой печати.

Задолго до раннего Нового времени записи, документы и литературные произведения всех видов структурировали мен-

⁹⁷ История чтения в западном мире от Античности до наших дней / Ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шарье. М., 2008. С. 350.

⁹⁸ Там же. С. 349.

⁹⁹ Keith T. The Meaning of Literacy in Early Modern England // The Written Word: Literacy in Transition / Ed. by G. Baumann. Oxford, 1986. P. 97.

тальный мир англичан на всех социальных уровнях. Письменная фиксация определенных жизненных событий была обычным явлением, например, записи экономических операций или представление свидетельских показаний. Если устное слово и оставалось основным способом коммуникации и культурной передачи, то оно неразрывно и все более тесно переплеталось с письменным. И все же устный обмен, и традиция оставались жизненно важными в эпоху перемен. Большинство тех, кто не умел читать, и всеми людьми в определенных контекстах, информация усваивалась путем прослушивания и сохранялась в памяти¹⁰⁰.

Наиболее долговечная устная традиция была связана с памятью о значимых локальных событиях. В деревнях люди и в середине XVIII в. нередко проводили зимние вечера, слушая традиционные сказки и песни, характерные для этой местности. Многие традиции выполняли этиологическую функцию, объясняя происхождение местных топонимов или эволюцию топографических ориентиров. Окружающий ландшафт был обширным хранилищем воспоминаний. Таким образом, воспоминания о прошлом составляли часть тех местных знаний, из которых люди черпали чувство идентичности и гордости за место своего рождения. Они представляли собой воображаемое наследие, которое помогало подчеркнуть эмоциональную солидарность сообщества и выразилось в «общем голосе», «общей славе» или «общем отчете» жителей, с которыми антиквары и путешественники сталкивались во время своих поездок по стране¹⁰¹.

Воспоминания о прошлом в английском обществе раннего Нового времени отражают его природу как общества, в котором устная и письменная традиции переплетались и взаимодействовали, усиливая друг друга. Мощная квазиавтономная устная традиция процветала в то время, когда уровень грамотности был весьма низким. К 1700 г. устная традиция еще не угасла, но благодаря деятельности антикваров XVII в. она потеряла статус важного исторического источника. Устное слово было изгнано из господствующей историографии и потеряло свою ценность, фактически вытеснив местную память за пределы более широкой национальной исторической традиции¹⁰².

¹⁰⁰ Fox A. Remembering the Past in Early Modern England: Oral and Written Tradition // Transactions of the Royal Historical Society. 6th Ser. 1999. V. 9. P. 233.

¹⁰¹ Ibid. P. 234–235.

¹⁰² Woolf D.R. The “Common Voice”: History, Folklore and Oral Tradition in Early Modern England // Past and Present. 1988. № 120. Aug. P. 52.

Не последнюю роль играла цензура, «открывающая» и «закрывающая» двери интеллектуального мейнстрима. В Англии начала XVII в. контроль за печатью находился в руках Звездной палаты. Декрет 1637 г. (*A Decree of the Star Chamber Concerning Printing*) усиливал цензуру, все политические книги перед их печатью должны быть одобрены государственными секретарями, а юридические – верховными судьями. Второй экземпляр книги автор обязан был предоставить Компании типографщиков для занесения произведения в реестр. Публикация не могла остаться анонимной, необходимо было печатать имена автора, типографщика и издателя на титульном листе. В годы гражданской войны также вышел ряд декретов, ограничивающих печать. После реставрации Стюартов в 1660 г. печать не получила долгожданных послаблений, а закон о лицензировании печати от 1662 г. (*The Licensing Act*) практически полностью повторял декрет Звездной палаты 1637 г. и вводил предварительную цензуру. Закон действовал до начала XVIII в. Однако, несмотря на отмену предварительной цензуры, английской печати пришлось пройти еще долгий путь: действующие законы о клевете, штемпельные сборы, запрет на освещение заседаний парламента и др. В то же время в Англии наблюдается расцвет периодической печати и подъем издательского дела, в России же, первая печатная газета появляется при Петре I, а журнал при Екатерине II.

Россия

В составе интеллектуалов переходной эпохи в России доминировало духовное сословие, творческая деятельность которого была продиктована средневековыми воззрениями предыдущего периода. В сочинениях разных жанров, в первую очередь направленных к пастве (посланиях, проповедях, церковных службах), получала словесное оформление логика и глубинная христианская семантика идеологии эпохи. Привязка интеллектуального продукта¹⁰³ к духовному сословию отнюдь не случайна для патриархального типа российской жизни. Это было предопределено несколькими важными факторами. Среди них первейшим было

¹⁰³ В данном контексте обращение к письменной фиксации интеллектуальной деятельности происходит при понимании ее присутствия и в других сферах творчества (зодчество, иконопись, прикладное искусство и др.), а также в политико-государственной, военной, социальной и прочих сторонах жизни как общее свойство, присущее жизненному укладу бытия человека. Письменная фиксация позволяет более четко проследить развитие культуры социума в соотношении с хронотопом и социальными особенностями.

наличие в монастырях и при храмах некоего подобия системного образования. При отсутствии в XVII в. университетского обучения главным средством оставалась непосредственная передача знаний от учителя к ученикам при наличии достаточно богатого и разнообразного источника в виде книжных собраний. Формированием библиотек профессионально занимались монастыри, где не только собирали, но также переписывали важные источники, составляли сборники с многочисленными произведениями и творили новые тексты, отвечавшие потребностям времени. Именно нахождение авторов в библиофильской среде и возможность обсуждения идей в корпоративном иерейском сообществе стимулировали обращение к писательскому творчеству. Христианское образование через «четыо» традицию требовало свободного времени и интеллектуальной дисциплины, достигаемой в монастырском сообществе или в созданном родовом климате доверия и интереса к книгам в обиходе приходского священства. Каждодневное чтение молитвословий во время церковной службы дополнялось келейными правилами поведения, в которые также обязательно входило чтение молитв¹⁰⁴.

Многочисленные образы христианской художественной культуры глубоко входили в память клерикального сообщества, и обращение к ним в процессе создания нового текста предопределялось памятью писателей. Трансляция знаний и убеждений, осознаваемая каждым служителем церкви как долг перед прихожанами, но в первую очередь перед Богом, была сформулирована и завещана священству с апостольских времен. Практическая задача «окормления» прихода и донесение религиозных канонов вкупе с нравственно-этическими постулатами в наивысшей художественной форме диктовала возможность и необходимость отбора талантливых и трудоспособных учеников и их вовлечение в создание учительных произведений. Это позволяло приобщить к интеллектуальному труду энтузиастов из священнического сословия и других слоев общества, выявивших свое предпочтение и способности к служению Богу. Вхождение в церковную институцию было одним из немногих путей преодоления сословных барьеров, возможностью достичь высокого положения с помощью таланта к словесности и трудолюбию в овладении Священным писанием и святоотеческими сочинениями.

¹⁰⁴ См.: Романенко Е. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002; Смолич И.К. Русское монашество. М., 1997.

Не менее важным фактором обращения к художественному словесному творчеству было устройство храмов. Наличие в каждой церкви и монастырских помещениях высокопрофессиональных произведений иконописного искусства, роспись стен, торжественное облачение священников во время богослужения, синкретизм службы, в которой обращение к живому голосу, пению, свету, огню и другим стихиям, соответствовали атмосфере ожидания праздника, исходящей от прихожан и монашеского братства, вдохновляли на творчество акторов, сопричастных этой сфере деятельности. Создание иеротопического пространства становится одним из главных проявлений творческого потенциала русской культуры и приложением таланта православных авторов¹⁰⁵.

Писатели духовного чина создавали не только произведения богослужбной сферы, но и собирали тексты «мирского» характера, обращались к истории, философским, естественнонаучным сочинениям. Такого рода книги выявлены в собраниях ведущих монастырей на разных территориях как Центральной России и столичных, так и окраинных, провинциальных.

Немалое значение в пробуждении творческого потенциала имела отделенность духовного творчества от профанных прямолинейных запросов и требований политической «мирской» власти. И хотя очевидно, что подобная независимость была неоднородной во времени, и нет необходимости ее абсолютизировать, но и преуменьшать было бы неправильно. Даже формальное подчинение изначально константинопольскому патриарху, затем российскому, давало иллюзию выхода за пределы мирских предпочтений, не исключая потребностей государя. Это приводило к конфликтам разного масштаба, но в то же время способствовало проявлению иных, отличных от порожденных в провластных структурах мнений, подпитывая возможность творчества в религиозно-церковных кругах¹⁰⁶. В XVI–XVII вв. кумулятивная сила интеллектуалов этого направления достигает своего апогея. Создаются

¹⁰⁵ См.: Лидов А.М. Создание сакрального пространства как вида творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия: создание сакрального пространства Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2006. С. 9–31.

¹⁰⁶ Подробнее о писательских типах последней трети XVII в. см.: Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 116–166. См. также: Киселева М.С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М., 2011. С. 127–216.

колоссальные по объему труды, содержащие исторические концепции (Царский летописец) и систематизируются потенциальные возможности политических сил страны (Степенная книга). Собираются и располагаются в соответствии с календарем произведения житийного и поучительного характера, накопленные предшествующей традицией (Великие Минеи Четьи). Духовные писатели XVII в. становятся в авангарде противостояния проявлениям «кремешного мира», многочисленными проповедями, обращенными к пастве, призывают укрепить и возвысить христианские ценности – милосердие, готовность к страданиям, отрешенность от земных проявлений себялюбия. Талантливо проявляют себя многие авторы из различных географических точек и иерархических уровней, книги которых расходятся как в старопечатных, так и в рукописных вариантах. Не случайно пафос творческого противостояния возникает в середине XVII в. в кругу «ревнителей благочестия», куда входили думающие искусные проповедники, озабоченные состоянием русского общества¹⁰⁷. Радикальный переворот, совершенный протопопом Аввакумом в житийном жанре, был логическим завершением осознания личной ответственности за судьбы мира. Вместе с тем, в творчестве, например, Симеона Полоцкого происходит поиск компромисса и принятие земных благ как дара благодати при условии поиска нравственного совершенства.

Прикрепление проповеднических текстов к богослужебной практике предопределяло сочетание героев и событий, порожденных христианской картиной мира, с тревожащими проповедника актуальными разноуровневыми проблемами, среди которых было немало бытовых. Выделяются по частоте темы несправедного богатства – «сребролюбия», дьявольского искушения, приводящего к противостоянию с церковью, значения учителя и христианского просвещения, губительность веры в дьявольские мистерии, бытовые проблемы пьянства, женской измены, разгульного поведения. Суть не в том, что подобного рода нарушений ранее не существовало, но не осознавалась в такой степени необходимость их широкого общественного обсуждения и порицания.

Вычленение политических и бытовых, межличностных и межсловных, эстетических и этических проблем из религиозно-христианского пространства Слова происходило постепенно и в

¹⁰⁷ Лавров А.С., Морохин А.В. Ревнители благочестия: очерки церковной и литературной деятельности. СПб., 2021.

разных направлениях. С одной стороны, вырисовывались новые грани богослужебной литературы, неожиданно поворачивающейся в пафосе порицания к каждодневным нуждам и бытовым прегрешениям, в результате чего в проповеди широким потоком вливались голоса окружающего мира. Вместе с тем, формировались новые многочисленные жанры, на свет рождались разнотональные произведения, где все выразительнее звучал голос автора, открыто описывающий чувства и лично оценивающий происходящие события, появлялись новые типы конфликтов и новые герои. В первую очередь, это силлабические вирши, драматические произведения, а также любовно-авантюрные романы и нарративы, посвященные скандально-бытовым конфликтам, новые жанры как свидетельства меняющихся эстетических ожиданий¹⁰⁸.

Любые выводы, касающиеся интеллектуальной деятельности, не обладают свойством конечных и завершенных итогов, так как невозможно предугадать дальнейшее воздействие обретенных результатов. Важнейшим результатом деятельности интеллектуалов ко второй половине XVII в. стало обретение культурой состояния неупорядоченности, расшатывания структуры, добавления новых элементов и обновление прежних¹⁰⁹. Это касалось появления в составе авторов ранее не замечаемых или редко проявляющих себя кадров из разных сословий не духовного звания. К началу XVIII в. авторский корпус кардинально изменится вместе с изменением вкусов читателей и направленности информации к естественнонаучному и прагматико-технологическому содержанию. В конце XVII в. начнет проявлять себя писательское самосознание и утверждение существенности авторского личного мнения даже в литературе богослужебного содержания, призванной передавать божественные истины.

Подобного рода хаотичный процесс, сопровождаемый полярными оценками и разнонаправленными переживаниями, включает в себя усиление национального начала и обращение к зарубежному культурному субстрату в разных сферах (творческих и тех-

¹⁰⁸ Литература об особенностях памятников письменности этого периода безбрежна. Поставлены проблемы особенностей автора и читателя, новых тем и жанров (пародирование, сатира), художественной организации в сочетании с народным творчеством и западными заимствованиями и т.п.

¹⁰⁹ Краткую и емкую систематизацию литературного «прироста» и культурных изменений см.: Буланин Д.М. Последнее столетие древнерусской книжности // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1 (А – З) СПб., 1992. С. 3–13.

нологических), переосмысление вечности в метафорах материального «низа» (проповеди) и карнавальную победу низко-бытового над образцовой святостью (пародия и сатира), смешение художественного и «делового» (послания), противостояние греховности человека и признание аморальности в практических делах и поступках как возможного решения конфликтов. В перспективе наследования в XVIII–XIX вв. выстраданного опыта переходной эпохи видится приближение оценки состояния мира к прагматике рационализма, но в то же время – возвращение и обновление исповедального и покаянного начала в гуманитарных сферах, приписывание субъектности не только личности, но также и социальным группам («простой», затем «маленький» человек), идущее от проповеднического обобщения.

Очевидно, что культура, усложненная нарастающей энтропией, пульсирующая приобщением к хаосу, таит в себе ростки будущих модернизированных трактовок конфликтологии и образной системы, переструктурированием «картины мира» и обновлением вектора развития человека. Возвращение к идеям регулирования культуры и ее систематизации, свойственная петровскому времени, задействует целый ряд обретений предшествующего периода (исторический патриотизм, прогосударственную публицистику, развлекательные светские жанры, поэзию, идею периодической печати и т.п.) и ограничивает эмоциональность и авторскую тональность в проповеди и богословских сочинениях, отделяя художественное воздействие и теологическую науку.

«КУЛЬТУРА РАЗУМА»

Сама по себе грамотность еще мало что говорит о способности грамотного человека воспринять идеи великих мыслителей. Для церковного дискурса приобщение к христианским идеям, связанным с понятиями сотворения мира, состояния человека, преодоления греховности бытия, спасения и т.п., было заложено в содержании церковных богослужений календарного характера (Триодного, Минейного и «на случай»), а, следовательно, входило в сознание верующего через устное слово пастора. Это был бесценный опыт, причем не только богословского плана, но и высокохудожественного слова из мировой копилки человеческого творчества. Формальная грамотность, как умение писать и считать, оказалась востребована в момент приобщения к торговым и промышленным предприятиям новых слоев населения и зависела от развития территорий, городских условий, а в дальнейшем и от владельцев поместий. Важно учесть и убеж-

дение «инакомыслящих» в необходимости собственных грамотных людей, умеющих читать и толковать священные книги.

Рост грамотности в XVII–XVIII в.

По данным исследований Кембриджской группы по истории населения и социальной структуры Британии, к концу XVII в. свои имена могли подписать менее трети англичан¹¹⁰, т.е. грамотными можно считать около 30% населения, а значит подавляющая масса населения – более двух третей – была исключена из социально активной жизни и выпадала из интеллектуального контекста своей эпохи. Мы можем оперировать очень примерными данными об уровне грамотности англичан, в особенности англичанок, вплоть до середины XVIII в. Средний уровень грамотности мужчин накануне Гражданской войны составлял, вероятно, не менее 30%, колеблясь от 15 до 20% в сельских районах на севере и западе и до 40% в сельской местности недалеко от Лондона, в некоторых крупных городах на юге этот показатель мог достигать 60%. Первые двести лет после появления печатного станка наблюдался стремительный рост грамотности: к 1675 г. средний показатель по стране для мужчин, вероятно, составлял около 40%, колеблясь от 2/3 для горожан до не менее 1/10 в сельских захолустьях на Севере и Западе. В течение столетия после 1675 г. грамотность на юге и в центральных графствах росла очень медленно, в то время как на Севере картина была иной – высокий уровень грамотности был достигнут где-то между 1640 и 1750 гг., а последующий рост шел достаточно медленно¹¹¹.

Повышение качества грамотности значительной части населения становится очевидным при сравнении неуклюжих каракуль в 1675 г. с изящными подписями 1775 г. Это изменение легко объясняется развитием так называемых школ «Трех R» (от англ. **R**eading, **wR**iting, **aR**ithmetic), финансируемых за счет по-

¹¹⁰ Cressy D. *Literacy and the Social Order: Reading and Writing in Tudor and Stuart England*, Cambridge, 1980; Харви Графф оспорил прямую корреляцию между грамотностью и социальной мобильностью и успехом: класс, пол, этническая принадлежность выступают как факторы, определявшие эмансипацию человека XVIII в.: Graff H. *Literacy in History: An Interdisciplinary Research Bibliography*. N.Y., 1981.

¹¹¹ Stone L. *Literacy and education in England 1640–1900 // Past & Present*. 1969. Vol. 42. № 1. P. 101. Из подсчетов Л. Стоуна следует, что с 1720-х гг. уровень мужской грамотности в Шотландии превышал показатели грамотности в Англии и Уэльсе, составляя в 1750 г. – 75% и 1800 г. – 88%, тогда как в Англии и Уэльсе в 1750 г. – 53% и 1800 г. – 65%.

жертвований, подписки или сборов, что является отличительной чертой периода с конца XVII и всего XVIII в.¹¹²

Даже в конце XVIII в. среди реформаторов системы образования в Англии продолжалось сопротивление обучению бедных письму. Но эти сомнения относились только к бедным, и достижением XVIII в. стал переход большинства представителей низшего среднего класса из рядов полуграмотных, которые почти не умели читать, к полностью грамотным, кто уже свободно мог читать и писать, что заложило прочную основу, из которой впоследствии смогла появиться необходимая для индустриализации элита мастеров, управленцев и инженеров.

Данные о грамотности населения России в XVII–XVIII вв. отрывочны и демонстрируют большие различия не только по отдельным сословиям, но и по территориям проживания. Основным методом изучения уровня грамотности является подсчет удельного веса собственноручных подписей под теми или иными актами, и чем шире круг этих документов, тем точнее полученные в результате их обработки данные. Судя по подписям на коллективных прошениях и частных актах последней трети XVII в. грамотность населения Москвы, Смоленска, северных и сибирских городов составляла от 13 до 52%, крестьян – от 4 до 25%, но по результатам изучения подписей на документах в ходе судебных разбирательств эти показатели гораздо ниже¹¹³. Во время первой ревизии населения России (1718–1719) грамотность торгово-промышленного населения Москвы, судя по подписям их сказок, составляла 10%, а в Красноярске – среди дворян и детей боярских – 20%, посадских – 11,7%, казаков – 2%¹¹⁴. В 1770-е гг., согласно спискам рекрутов, среди крестьян центральных губерний умели читать 0,6–1,1%, среди торгово-ремесленного населения городов – 25%, среди рабочих – 20%, среди церковнослужителей – 75%¹¹⁵.

В. Бочкарев привел данные о числе подписантов под наказами избирателей в Комиссию по составлению нового Уложения 1767 г. по 20 губерниям, вычислив процент неграмотных дворян

¹¹² Ibid. P. 129–130.

¹¹³ Миронов Б.Н. Развитие грамотности в России и СССР за 1000 лет, X–XX вв // *Studia Humanistica*. Исследования по истории и филологии. СПб., 1996. С. 26.

¹¹⁴ История Москвы. М., 1953. Т. 2. С. 477; Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. Новосибирск, 1974. С. 108.

¹¹⁵ Волков Л.В. О грамотности населения России в XVIII в. // *Вопросы архивоведения*. 1964. № 1. С. 125; Миронов Б.Н. Развитие грамотности... С. 27.

и горожан по каждой из них. На основе этих данных представим показатели грамотности: среди дворян Сибирской и Иркутской губерний – 100%, Казанской – 99,03%, Петербургской – 95,1%, Воронежской – 91,8%, Московской – 82, 1%, Оренбургской – 40%. Среди горожан – 100% грамотных в Петербургской, Сибирской и Иркутской губерниях; Новгородской – 95, 5%, в Московской – 66, 8%, Нижегородской – 51%, Воронежской – 44, 7%¹¹⁶. Эта выборка ярко демонстрирует различия в уровне грамотности двух сословий по разным губерниям России.

Самый низкий уровень грамотности имело крестьянство, но с большими различиями по губерниям. В 1785 г. в Архангельской и Олонецкой губерниях подворная перепись, фиксировавшая умение читать, показала, что в первой грамотность государственных и экономических (бывших монастырских) крестьян достигала 12%, дворцовых – 6%, в Олонецкой губернии среди государственных крестьян было 3% грамотных, среди экономических – 4,5%. На Севере отсутствовало крепостное право и были широко развиты промыслы, поэтому уровень грамотности крестьян был в 5–10 раз выше, чем в центральных регионах, где в 1770-х гг. среди крестьян умели хотя бы читать 0,6–1,1%. Самая низкая грамотность была у помещичьих крестьян. Данные о развитии школ, приводимые ниже, позволяют говорить о росте грамотности среди детей солдат и мастеровых благодаря широкому привлечению их в учебные заведения. Высоким уровнем грамотности отличались дети духовенства, церковнослужителей, обучение которых в школах духовного ведомства было обязательным. В целом, можно говорить о неуклонной тенденции роста грамотности среди отдельных сословий России на протяжении XVIII в.

Образовательные модели в XVIII в. от элитарной традиции к всесословности

XVIII в. в Англии был отмечен распространением частных академий, школ-интернатов и дневных школ, которые предлагали практическую подготовку клерку, механику, торговцу или предприимчивому ремесленнику. Более крупные и известные из этих учреждений специализировались на обучении детей из среднего класса военному или торговому делу. Однако помимо этих выдающихся институтов существовала масса небольших заведений,

¹¹⁶ Бочкарев В. Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II по материалам Законодательной комиссии 1767 г. // Русская старина. 1915. Т. 162. Февраль. С. 327.

которые обслуживали потребности среднего и низшего среднего класса¹¹⁷. Как отмечает Л. Стоун, практический характер образования для среднего класса в конечном итоге будет признан одним из величайших достижений Англии XVIII в., сыгравшим не последнюю роль в промышленной революции. Бригадиры и механики на фабриках конца XVIII в. часто были квалифицированными и образованными людьми. Сложно было, однако, преодолеть статусный барьер, отделявший джентльмена от тех, кто ниже него: важным испытанием было знание латинского языка.

В конце XVI – начале XVII в. в Англии изучение латинской грамматики и, как следствие, университетское образование пользовалось большим спросом, но в конце XVII в. произошел заметный спад¹¹⁸. На протяжении XVIII в. доля университетского образования оставалась низкой, его качество вызывало нарекания¹¹⁹. Английская элитарная образовательная традиция являлась одновременно причиной и следствием удержания высоких статусных позиций, сохраняемых земельными классами, тогда как в Шотландии существовала система начального образования, одна из лучших классических систем среднего образования и лучшая университетская система в Европе. Во второй половине XVIII в. Шотландия Адама Смита и Дэвида Юма была одной из самых образованных стран Европы. Среди причин этого явления можно выделить систему обязательного начального образования и высокую степень социальной мобильности¹²⁰. В Шотландии университеты оставались относительно широко открытыми для талантов из всех слоев общества, тогда как в Англии они были в основном предназначены для детей землевладельцев и профессиональных классов, особенно духовенства.

В России в начале XVIII в., в условиях создания регулярной армии и военно-морского флота, новой системы государственного управления, подчинения церкви государству, большое внимание стало уделяться формированию государственных школ, призванных обеспечить нужды страны в квалифицированных специалистах. В Москве открывается ряд таких учебных заведений:

¹¹⁷ Stone L. Literacy and education in England 1640–1900... P. 129–130.

¹¹⁸ Stone L. The Educational Revolution in England, 1560–1640 // Past and Present. 1964. July. № 28. P. 69.

¹¹⁹ Stone L. Literacy and education in England 1640–1900... P. 131.

¹²⁰ Гипотеза о шотландском интеллектуальном возрождении в XVIII в. см.: Trevor-Roper H. R. The Scottish Enlightenment // Studies on Voltaire. 1967. Vol. 108. P. 1635–1658.

в 1701 г. – Школа математических и навигацких наук, Артиллерийская школа при новом Пушечном дворе, при Посольском приказе начинают готовить переводчиков, в 1703 г. их переводят в гимназию Глюка с широкой программой обучения иностранным языкам и общеобразовательным предметам, вскоре преобразованную в четыре иноязычных школы¹²¹. В 1707 г. в Москве открывается школа при сухопутном госпитале, положившая начало формированию госпитальных школ и училищ, подготовивших к концу XVIII в. около 2000 лекарей¹²². В 1712 г. открывается Инженерная школа, предназначенная на 100–150 учеников, из них – 2/3 дворян¹²³. Крупный центр образования формируется в новой столице, Санкт-Петербурге: в 1715 г. открывается Морская академия, с 1721 г. действует Инженерная школа, в 1723 г. объединенная с Московской инженерной. Поскольку дворяне не очень охотно шли в эти учебные заведения, в них привлекались и разночинцы, дети солдат и других низших сословий.

В первой половине XVIII в. издается серия законов об открытии цифирных школ для обучения детей арифметике, но постоянные изменения состава учащихся в них (освобождение от обучения детей дворян, посадских, духовенства), передача управления школами от одного госоргана другому при отсутствии их прямой заинтересованности в выпускниках, привели к сокращению сети этих школ и учащихся в них¹²⁴. Открываются адмиралтейские школы для обучения грамоте и арифметике детей рядовых служителей флота (первая в 1703 г. в Воронеже), а по указу 1718 г. Петра I об обучении «плотничьих, матроских, кузнечных и прочих мастеров всех записных... русской грамоте и цифири», открываются еще 13 таких школ (в Архангельске, Петербурге, Кронштадте, Ревеле, Астрахани, Казани и др.)¹²⁵. С 1721 г. начи-

¹²¹ Белокуров С.С., Зерцалов А.Н. О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1907. № 1. С. 9–244.

¹²² Палкин Б.Н. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники. М., 1959. С. 3.

¹²³ Бенда В.Н. Создание и деятельность Московской инженерной школы в начале XVIII в. // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. 2008. Вып. 2. С. 29–35.

¹²⁴ Сафронова А.М., Кравченко О.С. Законодательство о цифирных школах России первой половины XVIII в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2015. № 1 (136). С. 112–126.

¹²⁵ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958. С. 176; Буров А.А. Петербургские «русские» школы и распространение грамотности среди рабочих в первой половине XVIII в. Л., 1957.

нает формироваться сеть словесных и арифметических школ горного ведомства при казенных заводах Урала, открываются школы повышенного типа в Екатеринбурге. Самым крупным видом начальных учебных заведений в стране становятся гарнизонные школы, в которых с 1721 г. детей солдат и унтер-офицеров обучают грамоте, арифметике, солдатским экзерцициям, некоторых – пению, игре на полковых инструментах, «мастерствам»¹²⁶.

На основе Духовного регламента 1721 г. православная церковь приступила к формированию своей системы сословных учебных заведений: начальных архиерейских школ и средних – семинарий¹²⁷. В ее ведении находились и 3 академии: Славяно-греко-латинская в Москве (1687, поначалу она обслуживала и интересы светской власти), Киево-Могилянская в Киеве (1701), Александро-Невская в Санкт-Петербурге (1797).

С первой трети XVIII в. особое внимание государство стало уделять элитарному образованию дворян: подготовке офицеров-дворян для армии и флота через кадетские корпуса, выделяя на их содержание большие суммы. В 1731 г. в столице был основан Сухопутный шляхетный кадетский корпус, ставший «радикально новаторским учебным заведением для России того времени – и не только для России», получивший полноценный устав, где формулировались «цели создания новой школы, его организационная структура и педагогические принципы. Подробные регламенты определяли методы преподавания и распорядок жизни, задавали формальные процедуры оценки поведения учащихся и их успехов в науках»¹²⁸. В 1752 г. на базе Морской академии был учрежден Морской кадетский корпус, в 1762 г. – Артиллерийский и Инженерный. В 1773 г. основано Горное училище (с 1804 – Горный кадетский корпус) – первое высшее техническое учебное заведение для подготовки горных инженеров и геологов. С 1752 г. стал действовать Пажеский корпус для обучения детей дворян, служивших при дворе в чинах пажа и камер-пажа.

В 1726 г. был открыт Санкт-Петербургский университет в составе Академии наук, где приглашенные из Европы профес-

¹²⁶ Сафронова А.М., Кравченко О.С. Законодательные и нормативные акты о гарнизонных школах России XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. 2014. Вып. 14. С. 173–197.

¹²⁷ См.: Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. СПб., 2001.

¹²⁸ Федюкин И. Прожектеры: политика школьных реформ в России в первой половине XVIII века. М., 2020. С. 237–292.

сора читали лекции на латинском и немецком языках для 38 студентов из разных стран. Состав студентов пополнялся за счет учеников Славяно-греко-латинской академии, Академической гимназии. В 1755 г. открылся Московский университет в составе трех факультетов: философского, юридического и медицинского, где лекции читались не только на латинском, но и на русском языке, большинство студентов составляли разночинцы.

При Екатерине II по Уставу 1786 г. началось формирование двухступенчатой системы школ: главных народных училищ в губернских городах, 4-классных с 5-летним сроком обучения, и малых народных училищ, 2-классных, которые должны были открываться в городах уездных или губернских центрах при нехватке мест в главном училище. Эти училища объявлялись всеобщими, бесплатными, открытыми учебными заведениями для всех желающих. В них впервые была внедрена классно-урочная система обучения, в Петербурге были подготовлены учителя для главных училищ и разосланы по губерниям, разработаны новые, единые для всех школ учебные пособия¹²⁹. Исследователи отмечают, что самую большую часть учащихся составляли выходцы из непривилегированных сословий, в том числе из крестьян, в Московском главном училище в 1786–1797 гг. – дети крепостных составляли более половины учащихся¹³⁰. Однако большинство детей дворян, горожан, крестьян в XVIII в. продолжали обучаться в частных учебных заведениях или на дому, где порой несколько родственников и соседей нанимали общих учителей, а грамоте детей обучали матери, дяди, бывшие церковнослужители, приходящие священники, порой и крепостные¹³¹.

¹²⁹ Белявский М.Т. Школа и система образования в России в конце XVIII в. // Вестн. Моск. ун-та. Серия историко-филологическая. 1959. № 2. С. 110.

¹³⁰ См.: Рыжов А.Н. Образование детей крепостных в России во второй половине XVIII в. // Вестн. образования. 2010. № 2. С. 260–261.

¹³¹ Емельянова А.В., Сафронова А.М. Мемуары о домашних учителях в дворянских семьях России XVIII в. // Педагогическое образование в России. 2014. № 5. С. 7–12.

Глава II

ПОКОРЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА ГРАНИЦЫ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

2.1. КОГНИТИВНЫЕ КАРТЫ И ОПИСАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Несмотря на то, что образы пространства фиксируются человеком с древних времен, с методологической точки зрения разработка понятия «пространство», изучение специфики его наполнения и анализ схем репрезентации начинается только в XX в.

До середины XX в. в основе географических исследований лежала региональная парадигма. Задача состояла в том, чтобы «интегрировать в регион его многочисленные характеристики: от физических, геологических и климатических через социальные и политические вплоть до культурных». Однако термин «регион» не мог ответить на многие структурные вопросы и носил скорее описательный характер, что привело к распространению более емкого понятия – «пространство», относящегося и к «географическому расстоянию, к стоимости поездки, времени, промежуточным возможностям, социальным и политическим, а также к ментальным, перцептивным или когнитивным расстояниям»¹.

Приемы работы гуманитарных географов с пространством схожи с тем, как историки взаимодействуют с прошлым. Пространство акцентируется ими как сумма коллективных представлений, выражающих совокупность памяти, опыта и воображения. Коллективное представление о пространстве может сформироваться лишь в результате распространения работ, ориентированных на «объективное». Джон Саттон писал: «чтобы понять ум, мы должны понять его носителей и материалы, поскольку при определенных обстоятельствах вещи могут иметь когнитивную жизнь», при этом нужно помнить, что «материальная культура не только отражает социальные отношения и когнитивные категории, но и в значительной степени конституирует их»².

¹ Handbook of Behavioral and Cognitive Geography / Ed. by D.R. Montello. Santa Barbara, 2018. P. 16.

² Когнитивные науки и историческое познание / Под общ. ред. О.В. Воробьевой, Г.И. Зверевой. М., 2020. С. 35.

Чтобы составить цельную картину бытовавшего в прошлом представления о пространстве, историк вынужден вычленять географические и исторические образы из источников, так или иначе эти образы фиксирующих. Когда мы говорим об образе, имеется в виду устойчивая совокупность представлений об определенном элементе пространства, которая может быть зафиксирована в виде изображения или текста. Источниками для фиксации этих образов могут служить травелоги³ и карты.

Во второй половине XVI в. английский математик и картограф Джон Ди писал: «Одни используют карты, чтобы украсить свои залы, палаты, комнаты и галереи или исследовать их в библиотеках, изучая отдаленные области, другим они нужны, чтобы охватить взором огромные турецкие владения, необъятную империю московитов или тот крохотный клочок земли, где все еще процветает Христианский мир. А кто-то пользуется ими, чтобы узнать о путешествиях. Таким образом, одни – для одной цели, другие – для другой, оценивают, влюбляются, заполучают и используют географические и морские карты и земные глобусы»⁴.

Карта может служить и схематичным изображением всего мира, и инструментом для передвижения в ограниченном пространстве, являться украшением, орудием пропаганды и т.д.

Используя карты и травелоги в качестве исторического источника, приходится учитывать специфику рецепции пространства в разных сообществах. При взаимодействии с пространством в сознании на основе полученной информации формируется «когнитивная карта»⁵. В истории мы имеем разработанное М. Хальбваксом понятие коллективной памяти, которое также достаточно противоречиво. Такие термины как «ментальные карты», «общественное сознание», «когнитивные схемы» могут быть использованы как инструменты выявления особенностей восприятия индивида или рецептивных практик, бытующих в сообществе.

Выявляя характерные особенности формирования целостных образов Британии и Российской империи, необходимо фиксировать

³ Термин *травелог* обозначает текст, в котором описывается передвижение героя в пространстве от первого лица, а описание пространства является главной задачей автора или героя произведения. Травелогами могут быть «хождения», записки, литературные путешествия и т.д.

⁴ Dee J. Mathematical Preface to Euclid's «Elements of Geometry». L., 1570. P. 25.

⁵ Термин впервые предложен Э. Толменом. – Tolman E.C. Cognitive maps in rats and men // Psychological Review. 1948. Vol. 55. № 4. P. 189–208.

сировать, как происходила эволюция этих образов во времени, выявлять ключевые параметры складывания пространственного «единства» и формирования конкретной «территории», учитывая в то же время факторы социальной и этнической «мультиконструктивности» рассматриваемых «пространств».

Одним из условий формирования современного государства, среди характеристик которого выделяют: социальную мобильность, капиталистические отношения, правовое регулирование, является трансформация отношения с пространством (идея суверенитета, единая территория, фиксированные границы). Суверенитет подразумевает наличие устойчивого сообщества, показателем формирования которого служит территорификация (термин Э. Смита), т.е. ассоциация и вписывание себя в пространство проживания, формирование образа этого пространства и эксплуатация исторических образов для моделирования идеи собственной автономии. С установлением четких пространственных границ связано и возникновение понятия нации, обозначающего «человеческое сообщество, члены которого разрабатывают и поддерживают общие воспоминания, символы, мифы, традиции и ценности, населяют и испытывают чувство принадлежности к определенной территории или родине, создают и распространяют специфическую публичную культуру, соблюдают общие обычаи и стандартизированные законы»⁶. Как отмечает Х. Сеттон-Уотсон, «“научного определения” нации разработать нельзя; и вместе с тем феномен этот существовал и существует до сих пор»⁷.

Чтобы выявить начальные границы формирования современного государства, необходимо обратиться к истории развития представлений о пространстве в условиях тех общественных трансформаций, которые способствовали формированию целостных территориальных образов Англии и России.

Начало этого процесса связано с постепенным уходом от традиционных моделей верификации знания, основанных на отсылке к традиционным нарративам, и переходом к индивидуальному познанию с опорой на личный опыт и математические методы фиксации реальности. Открытия в области математики, развитие гравировального дела и печати, а также переводы науч-

⁶ Цит. по: Белов М.В., Кузнецова С.В. Рец. на кн.: Smith A.D. *Ethnopolymorphism and Nationalism* // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 382–388.

⁷ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. М., 2016. С. 43.

ных трактатов на национальные языки повлияли на формирование новых картографических практик. Геометрические характеристики мира приобретали все большее значение, а описания путешествий становились все более сообразными инструкциям и математическим практикам. И хотя доля воображения и нарративные законы играли важную роль, формировалось новое понимание «объективного» знания.

На примере географических карт хорошо видно, какую роль играла идеология в формировании устойчивого образа мира. Благодаря развитию картографии к концу XVI в. Англия уверенно воспринимала себя как островное государство с определенным региональным делением. Начало становления картографии в Англии связывают с именем Генриха VIII, при дворе которого начинают активно использовать карты регионов – их заказывают в Италии и украшают стены дворцов, в то же время издаются и навигационные карты.

В Европе трансформация картографических стратегий наиболее очевидна, если взглянуть на карту мира Герарда Меркатора 1569 г. и первый атлас регионов мира Абрахама Ортелиа 1570 г. Карта Меркатора, «Новое и более полное представление о земном шаре, адаптированное для использования в навигации», содержит большей частью топографические изображения, но интересна и своими текстовыми вставками. Три основных принципа картографии Меркатора заключаются в максимальном отражении на плоскости земных масштабов и форм, истинном отображении расстояний и размеров и соответствии описаниям авторов прошлого. При этом у Меркатора сохраняются элементы средневековых представлений об устройстве мира: «Мы считаем, что существуют три различных континента: первый, в центре которого человеческая раса была создана и откуда она распространилась по всему лицу земли, второй, который называется Новая Индия, и третий, расположенный на юге»⁸.

В Англии одним из популяризаторов идей Меркатора и новых математических практик стал выпускник колледжа Святого Иоанна в Кембридже Джон Ди (1527–1608), еще в студенческие годы увлекавшийся математическим измерением «небесных влияний». Несмотря на то, что он рассматривал положение астроно-

⁸ Text and translations of the legends of the original chart of the world by Gerhard Mercator issued in 1569 // *Hydrographics Review*. 1932. № 9/2. P. 11–13. URL: <https://journals.lib.unb.ca/index.php/ihr/article/view/28409/1882521164>

мических тел с точки зрения их влияния на судьбу человека, он стремился использовать при этом точные математические методы. Отмечается, что теория всемирного тяготения И. Ньютона напрямую восходит к алхимическому представлению о магических влияниях астрономических тел⁹. В 1546 г. Генрих VIII основал Тринити-колледж и Ди продолжил в нем свою научную карьеру. Во время путешествия по Европе в городе Лёвене, находящемся недалеко от Брюсселя, он сближается с космографами Геммой Фризиусом и Меркатором, с которыми будет поддерживать тесные отношения. Он привозит в Англию два глобуса Меркатора и астрономические инструменты, передав их Кембриджскому университету. В Англии он продолжает заниматься математикой, которая в это время считается колдовской наукой.

Одним из следствий увлечения Ди становится его трехмесячное заключение в тюрьме. После восшествия на престол королевы Елизаветы он добивается расположения королевского двора и начинает посвящать большую часть времени научной деятельности. В 1570 г. он написал предисловие к первому в Англии переводу работы Евклида «Элементы геометрии» («Начала»), в котором отметил, что математические понятия (*things mathematical*) находятся на грани естественного и сверхъестественного (*natural and supernatural*), поскольку «не так совершенны и превосходны, как сверхъестественные вещи, и не так низменны и грубы, как вещи естественные, и, хотя они нематериальны, тем не менее могут как материальные вещи некоторым образом обозначаться»¹⁰.

Многие ученые того периода известны склонностью к мистицизму. «Математики и натурфилософы раннего Нового времени пытались предугадать ход прошлых и будущих событий посредством изучения небесных движений, манипулируя материей с помощью алхимических методов, в надежде получить доступ к священным и универсальным истинам через непосредственный опыт Бога и природы. Признание переплетения “естественных” и “окультиных” отраслей знания стало досадным откровением для картографов раннего Нового времени»¹¹.

⁹ O'Connor J., Robertson E. John Dee // MacTutor History of Mathematics Archive. URL: <https://mathshistory.st-andrews.ac.uk/Biographies/Dee/>

¹⁰ Dee J. Mathematical Preface to Euclid's «Elements of Geometrie». The Elements of Geometrie of the Most Auncient Philosopher Evclide of Megara / Transl. by H. Billingsley; preface by J. Dee. L., 1570.

¹¹ Rampling J.M. John Dee and the sciences: early modern networks of knowledge // Studies in History and Philosophy of Science. 2012. Pt A. № 43(3). P. 435.

Джон Ди – характерный представитель своего времени, воплотивший его научные традиции. Именно он одним из первых начал пропагандировать идею британской экспансии. Идея создания «Британской империи» высказана им в трактате «Общие и частные записи, касающиеся совершенного искусства навигации» (1577), на фронтисписе которого королева Елизавета за штурвалом корабля осматривает вновь присоединенные земли, а Солнце и Луна напутствуют ее в духе современной астрологии. Ди отмечает, что создание Британской империи, ключом к которому станет увеличение флота и совершенствование торговли, послужит обогащению Англии, росту обороноспособности, а также трудоустройству мужчин и снижению количества безработных¹².

Как свои геополитические, так и научные представления Джон Ди смог реализовать, став в 1555 г. главным консультантом Московской компании. Следует сказать, что именно деятельность этой компании, основанной выходцем из Венеции Себастьяном Каботом (1477–1557) и нацеленной в том числе на открытие Северо-Восточного прохода к землям Востока, станет в Англии первым крупным предприятием подобного рода. Ди подготавливал для компании полярные карты и навигационные приборы. Сведения о Московии, распространенные в то время в Англии, были достаточно противоречивы, новейшие факты соседствовали с устаревшими. Составленная Себастьяном Каботом для первой английской торговой экспедиции в Московию инструкция (1553) служит примером того, как реализовывались на практике новые описательные традиции. Согласно инструкции, все лица «искусные в писании» должны вести наблюдения, «описывать и запечатлеть в памяти плавание каждого дня и ночи». Субъективные сведения должны сопоставляться между собой для сохранения наиболее достоверных из них: «после достаточного обсуждения, когда придут к общему заключению, весь материал должен записываться в общую постоянную книгу»¹³.

В то же время данные, добытые персонально, оцениваются выше, чем сведения, почерпнутые из книг. Так, Уильям Барроу утверждает, что истинное знание может быть основано только на личном опыте. Он отмечает, что гидрографическая теория не су-

¹² Dee J. *General and Rare Memorials Pertayning to the Perfect Arte of Navigation*. L., 1577.

¹³ Устав, инструкции и постановления для руководства предположенным путешествием в Китай // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. Ю.В. Готье. М., 1937. С. 30.

ществует отдельно от практического мореплавания, которое тесно связано со знанием астрономии и космографии, арифметики и геометрии, «составляющих два устоя всех наук», «так, необходимым образом наука и разум зависят от практического опыта»¹⁴. Многие практикующие математики елизаветинской эпохи участвовали в имперском проекте, разрабатывали навигационные инструменты и даже присоединялись к экспедициям¹⁵. Математик Уильям Борн (1535–1582) составлял руководства и учебные пособия для моряков, касающиеся техник навигации и ориентирования в пространстве. В 1572–1573 гг. он составил рукопись, разделенную в дальнейшем на два трактата: «Сокровище для путешественников» и «Искусство стрельбы из артиллерийских орудий». «Сокровище для путешественников» разделено на пять частей. Первая содержит описания инструментов, необходимых для измерений расстояний на плоскости: квадрант, астролябия, посох Якова и пр. Вторая – посвящена вычислению долготы и широты:

«И поскольку Лондон есть самое знаменитое и выдающееся место в Англии, я указываю места в Европе, Африке, Азии и Америке и самые значительные места в мире вместе с их широтой и долготой, указывая их расстояние от Лондона и отмечаю их направление по компасу от Лондона и изменения положения луны вместе с долготой дня»¹⁶.

Лондон здесь предстает как нулевая точка отсчета, которой ранее являлся Иерусалим.

Третья часть посвящена расчетам объема и веса, необходимым для правильного заполнения судна. Четвертая – расчету массы судна, пятая – натуральным явлениям на суше и море. Так, четвертая глава пятой части повествует о том, «почему камни на побережьях становятся гладкими и ровными без краев и угловатостей», пятая посвящена скалам, находящимся в море, шестая приливам и отливам, восьмая тому, почему море соленое, девятая причинам землетрясений и т.д.¹⁷

¹⁴ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. Ю.В. Готье. М., 1937. С. 90.

¹⁵ Амир Александр отмечает, что математики принимали активное участие и в формировании риторики предприятий, составляя карты и проспекты путешествий. См.: Alexander A. Imperialist Rhetoric and Mathematical Practice in Early Modern England: A Literary Approach to Mathematics. Doctoral dissertation. Stanford University, 1995. P. 12–13.

¹⁶ Bourne W. A booke called the treasure for traueilers, deuided into fiue bookes or partes, contaynyng very necessary matters, for all sortes of trauailers, eyther by sea or by lande. L., 1578.

¹⁷ Bourne W. A booke called the treasure for traueilers... Book 5. P. 8.

В трактате «Искусство стрельбы из артиллерийских орудий» У. Борном изложены основные принципы геодезирования местности, например, описан метод измерения расстояний и картографирования путем триангуляции, впервые изложенный Геммой Фризиусом в 1533 г.

Не менее характерен пример математика Томаса Диггеса (1546–1595), доказывавшего на основании тригонометрического измерения местоположения сверхновой звезды, ее расположение далеко за пределами сферы Луны – утверждение, которое само по себе противоречит христианской космологии. В дальнейшем он использовал свои наблюдения для доказательства гелиоцентрической теории Коперника, утверждая, например, что Земля, двигаясь вокруг Солнца, то приближается к звезде, то удаляется от нее, чем, по его мнению, и объясняется ее мерцание. Но, как и многие математики своего времени, Диггес увлечен и политической жизнью Англии. Будучи членом парламента, он публикует труд о баллистике, занимается разработкой плана оборонительных укреплений в Дувре и описывает усовершенствованные методы геодезирования местности.

Стоит вспомнить и деятельность выпускника Оксфорда математика Томаса Хэрриота (1560–1621), состоявшего на службе у Уолтера Рэли. Дж. Пеппер так описывает его достижения: «Им была решена проблема согласования наблюдений за солнцем и полярной звездой для определения широты, представлена идея использования солнечной амплитуды для определения магнитного склонения, а также усовершенствованы методы и приборы для вычисления высоты Солнца и звезд...»¹⁸. Но Уолтер Рэли нанял его не только как опытного навигатора, Хэрриот участвовал в проектировании и строительстве кораблей и подборе моряков, был бухгалтером, отвечающим за финансирование экспедиций и ведение всех расчетов. Помимо этого, Томас Хэрриот известен как один из пропагандистов поиска Северо-Западного пути, который составлял карты и описания.

В годы правления Елизаветы географические карты все чаще используют в качестве инструментов управления. Идентичность и власть в Англии раннего Нового времени во многом определялась отношением владельца к земле. Подобная система

¹⁸ Pepper J.V. Harriot's earlier work on mathematical navigation: theory and practice. With an appendix // Thomas Harriot. Renaissance scientist / Ed. by J.W. Shirley. Oxford, 1974. P. 54–90.

служила «лестницей господства и подчинения», и отцы семейств наделялись статусом глав владений сообразно иерархии¹⁹. С развитием картографии крепла символическая связь между землей и личностью владельца. Э. МакРей пишет: «Новые геометрические методы измерения земли смели все моральные концепты, показывая землю как осязаемое личное владение, а не территорию совместных обязательств»²⁰. Землевладельцы подробно изображали свои владения на искусно орнаментированных и украшенных картах, подчеркивая свой социальный статус. «Таким образом карты графств в Англии раннего Нового времени, как и картография в целом, служили формой политического дискурса для демонстрации власти, конструируя и проецируя идентичность владельца сообразно его владениям»²¹. Карты становятся важным инструментом и для встраивания в пространство Англии исторических образов. Например, Уэльский картограф и антикварий Хамфри Ллуйд высылает Абрахаму Ортелию карту «Англия иллюстрированная, с древними и современными наименованиями», а антикварий и дипломат Дэниел Роджерс просит Ортелию прислать ему два экземпляра напечатанной карты Уэльса с целью вернуть один, «дополненный древними замками, заброшенными, но обнаруженными моим другом (Ллуйдом)»²².

Именно в Англии в 1579 г. будет издан первый в мире атлас регионов одного государства Кристофера Сакстона (1540–1610). Королева Елизавета лично участвовала в финансировании этого проекта и ее изображение размещено на фронтисписе. Елизавета восседает на троне в окружении знаменитых картографов, у которых в руках можно увидеть навигационные приборы и измерительные инструменты. Значение карт для управления королевством осознавалось как самой королевой, так и придворными. Глава правительства лорд Берли финансировал геодезические работы и собирал карты, необходимые для военных кампаний, общественных работ, встраивания почтовых маршрутов и пр.

Необходимо сказать и об английских травелогах – не менее важном инструменте встраивания отношения с пространством.

¹⁹ Swann M. *Curiosities and Texts: The Culture of Collecting in Early Modern England*. Philadelphia, 2001. P. 99.

²⁰ Swann M. *Curiosities and Texts*... P. 100.

²¹ Swann M. *Curiosities and Texts*... P. 101.

²² Karrow R.W., Jr. *Intellectual Foundations of the Cartographic Revolution*. Dissertation. Chicago, Illinois, 1999. P. 5.

Первые переводы и публикации травелогов в Англии появляются благодаря деятельности выпускника Кембриджа Ричарда Идена (1520–1576). Помимо работы над травелогоми он в духе своего времени занимался алхимией и разрабатывал метод получения золота из неблагородных металлов. Им были переведены на английский с латыни отчеты и письма исследователей Центральной и Южной Америки за 1511–1530 гг., изданные итальянцем Пьетро Мартуре в 1530 г. в виде десяти блоков (*decades*) по десять книг в каждом. Полное название этого произведения – «Декады Нового света или Вест-Индии, включающее мореплавания и завоевания испанцев с особым описанием самых богатых и обширных земель и островов, недавно обнаруженных в западном океане и принадлежащих наследию испанских королей. Прилежный читатель не только откроет для себя, какие товары могут послужить пользе святого христианского мира в будущем, но узнает много тайн, связанных с землей, морем и звездами, что крайне необходимо осуществляющим навигацию или иным образом созерцающим странные и сложные дела Бога и природы».

Переводы Идена были переизданы в 1885 г. Э. Арбером. Он пишет в предисловии: «На долю человека редко выпадает возможность приобщиться к самым ранним истокам великой литературы. Тем не менее, не будет преувеличением заявить, что из всего огромного множества английских книг, которые были или когда-либо будут созданы, и касающихся того, что мы зовем нашим Новым светом, три произведения, переизданные в этом томе, являются самыми первыми и самыми ранними. Какой бы могущественной и величественной, тонкой и красноречивой, глубокой и далеко идущей ни стала американо-английская литература; вот ее первые плоды! Какой бы период ментального расцвета и великолепия не ждал англоговорящие расы на этом огромном континенте; с этих трех работ начинается печатная английская история их действий, их разума и их прогресса»²³. Во введении к «Декадам» Иден отмечает, что переводы опубликованы с целью вдохновить соотечественников отправиться в дальние плавания по примеру испанцев и португальцев. Ричард Иден успел опубликовать только первые три декады, но считается родоначальником жанра травелогографии в английской литературе. В 1577 г. Ричард Уиллес публикует переводы Идена и дополнительные мате-

²³ The first three English books on America / Ed. by E. Arber. Birmingham, 1885. P. XII.

риалы под названием «История путешествий в Западную и Восточную Индию». В 1582 г. Ричардом Хаклюйтом будут изданы собственные переводы травелогов под названием «Разнообразные путешествия, касающиеся открытия Америки», а в 1612 г. он издаст оставшуюся часть переводов Р. Идена.

Работа, проделанная Ричардом Хаклюйтом (ок. 1552–1616) в деле популяризации новых практик, заслуживает особого внимания. Окончив Крайст-Черч в Оксфорде в 1577 г., он продолжил изучать картографию и путешествия, интересовался деятельностью мореплавателей и торговцев, в т.ч. занимавшихся поиском Северо-Западного пути, таких как Мартин Фробишер. Этим и обусловлено то, что первыми переводами Хаклюйта станут путешествия в Америку. В одном из предисловий он разъясняет, что открытия Северной Америки Джоном и Себастьяном Каботами дают Англии безусловное право владения этими территориями. В 1583 г., находясь в Париже, Хаклюйт собирает информацию о французской Канаде и в 1584 г. пишет доклад «О западном владении» («Discourse of Western Planting»), где изложены политические и экономические выгоды западного проекта и необходимость его финансирования государством. Начало войны с Испанией позволило Хаклюйту прекратить зарубежную деятельность и заняться изданием главного своего трактата. В 1589 г. он издал монументальное произведение, которое стало своеобразной вехой в английской истории путешествий – «Главные путешествия, посольства, торговые сношения и открытия английской нации»²⁴. Первое издание включает в себя переводы на латинский язык и является компендиумом травелогов, писем и отчетов, превозносящих роль англичан в открытии мира и достижения английских мореплавателей. Дж. Кроун пишет: «Этот прозаический эпос об английской нации больше, чем документальная история исследований и приключений. С героическими рассказами смешаны исторические, дипломатические и экономические документы, устанавливающие право Англии на суверенитет в море и в заграничных колониях»²⁵. И чем древнее описания, тем большее право имеет Англия на территории. Так, первая часть издания «Главных путешествий» начинается с путешествия императрицы Елены,

²⁴ Второе исправленное и дополненное издание будет реализовано Хаклюйтом в трех томах в 1598–1600 гг.

²⁵ Crone G. Richard Hakluyt. British geographer // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/biography/Richard-Hakluyt>

дочери бриттского короля Коеля и матери императора Константина в Иерусалим в 337 г., вторая – с путешествия короля бриттов Артура в Исландию и на север Европы в 517 г., третья – с плавания валлийского принца Мадога в западную Индию в 1170 г.

Одновременно с текстами, встраивающими Англию в мировую топографию, идет и активное освоение королевства внутри собственных границ. Одним из первых примеров хорографического описания Англии служат записные тетради Джона Лиланда (ок. 1503–1552). В 1533 г. ему было поручено провести опись всех книг в церковных библиотеках, многие из которых позднее попадут в дворцовые библиотеки Гринвича, Хемптон-Корта и Вестминстера. В ходе этой деятельности ему приходится много перемещаться по Англии, но сохранившиеся записи относятся к путешествиям 1538–1543 гг. и, хотя они будут опубликованы только в 1710–1712 гг., многие авторы, в т.ч. У. Кемден, автор монументального труда «Британия», использовали их как источник для описаний Англии, а жанр описаний графств, первым из которых считается работа Уильяма Ламбарда «Прогулки по Кенту» (1576), станет к концу XVI в. очень популярным. Дж. Чилдрей в «Британии по Бэкону» (1662) отмечает, что традиции описания графств используют: «Кемден в “Британии”, мистер Дагдейл в “Описании Уорикшира”, мистер Кинг в “Королевской долине”, мистер Ламбард в “Прогулке”, мистер Филпот в “Обзрении Кента” и др.»²⁶. А Дагдейл в «Древностях Уорикшира» (1656) вспоминает «“Древности Кентербери” Уильяма Сомнера, “Описание Лестершира” Бертона и неизданный “Обзор Стаффордшира” С. Эрдвика»²⁷. Обращаясь в предисловии к «благородным друзьям джен-три Уорикшира» Дагдейл пишет:

«Я предлагаю вам, мои благородные соотечественники, сей труд, из которого вы узнаете много нового о ваших достойных предках, в чью память словно монумент я сотворил сей труд, дабы продемонстрировать, какой чести они были достойны в те процветающие века. В этом мой труд мало чем отличается от упомянутых мной, и мне бы хотелось, чтобы было больше похожих про остальные графства этой страны, учитывая насколько хороши те, что уже были выполнены».

²⁶ Childrey J. Britannia Baconica: or, The Natural Rarities of England, Scotland, & Wales. L., 1662.

²⁷ Dugdale W. The antiquities of Warwickshire illustrated: from records, leiger-books, manuscripts, charters, evidences, tombes, and armes: beautified with maps, prospects, and portraictures L., 1656. P. a3.

Два выдающихся произведения воплотили в себе бытовавшие в конце XVI – начале XVII в. традиции описания – «Британия» У. Кемдена и «Поли-Ольбион» М. Драйдена. Первое издание «Британии» У. Кемдена (1551–1623) будет опубликовано на латыни в 1586 г. «Британия, или хорографическое описание процветающих королевств Англии, Шотландии, Ирландии и близлежащих островов с древнейших времен». «Британия» окажется столь популярной, что при жизни Кемдена будет переиздана шесть раз. Однако географические карты появятся только в шестом издании 1607 г. 57 карт графств будут подготовлены картографами Уильямом Кипом (William Kip) и Уильямом Хоулом (William Hole) по материалам К. Сакстона и Д. Нордена.

«Британия» начинается с описания географических и природно-климатических особенностей Британских островов и повествования о проживавших здесь народах, бриттах, римлянах, англосаксах и др. Как пишет сам Кемден:

«Я робко взялся за изучение этимологии Британии и первых ее жителей. Я не сомневался, что должен все проверить, ведь я не отрицал, что первые жители Британии остаются в тени по причине их глубокой древности как глубоко заложенные вещи. В то время как течения и притоки великих рек хорошо изучены, их истоки и устья остаются в неизвестности. Я кратко изложил историю римской государственности в Британии и историю заселения ее иностранцами, (кем они были и откуда пришли), проследил древние корни их королевств, кратко классифицировал государства и королевские дворы»²⁸.

Описав административную систему Кемден переходит к подробному рассказу об устройстве английских и валлийских графств.

Любопытно, как встраиваются в повествование о пространстве образы прошлого. История до 1066 г. изложена в разделах, посвященных народам, проживавшим на территории Британии, а дальнейшие события конструируются в контексте описываемых графств, т.е. служат наполнением для элементов пространства:

«У некоторых графств я указываю границы (недостаточно точно – полями и вехами), описываю природу почв, места сосредоточения древностей, привожу имена герцогов, маркизов, графов, виконтов, баронов и некоторых наиболее знаменитых и старейших семейств (разве кто-то смог бы упомянуть все?)»²⁹.

Таким образом, воображаемая географическая карта Британии наполняется легендарными сюжетами, что вполне соотносит-

²⁸ Camden W. Britain, or, a Chorographically Description of the most flourishing Kingdoms: England, Scotland, and Ireland. L., 1610. P. 3.

²⁹ Ibidem.

ся с описательной традицией предшествующего периода, когда сюжеты из христианских преданий наносились на карту мира, но главное отличие состоит в том, что Кемден старается критически оценивать приводимую им информацию. Историю об Ордене подвязки он приводит, описывая графство Уилтшир, историю о Фрэнсисе Дрейке, описывая Плимут, об убийстве короля Артура при описании графства Монмутшир и т.д. Исторические события встраиваются им в описания родословных знатных семейств.

Важным подтверждением достоверности сказанного служат иллюстрации на страницах «Британии». Так, в издании 1600 г. даны изображения монет из коллекции Роберта Коттона и изображение Стоунхенджа, поскольку, как пишет Кемден, «нельзя до конца описать словами то, как он выглядит», рисунок креста из погребения короля Артура, служащий доказательством приведенной легенды и пр. Несмотря на то, что отдельные сюжеты Кемден приводит с оговорками, чувствуется уверенность в возможности окончательного описания пространства:

«Возможно, я был обманут моим доверием к авторам книг и тем, кому я верил более всего. Другие могут быть более опытны и более сведущи в особенностях определенных мест. Если они сообщат мне о неточностях, я буду благодарен и исправлю все ошибки. Если же они сообщат о фактах, которые я невольно упустил, я добавлю их. Если я не полностью изложил какой-нибудь аспект, я углублю его, если это кому будет угодно, по доброй воле, а не из желания поспорить, которое затеняет истину»³⁰.

Не менее характерно сочинение М. Драйдена (1563–1631) «Поли-Ольбион», состоящее из 30-ти песен; из них первые семнадцать были опубликованы в 1612 г. Каждая песня посвящена одному-трем графствам, особенности которого раскрываются за счет поэтической антропоморфизации природных объектов. Реки повествуют о событиях, происходивших на их берегах; горы, воспевают героев английской истории и т.д. Например, первая песня начинается с того, что гора святого Михаила сожалеет о переменах, произошедших в природе и людях, а река Хейл восхваляет красоты своих берегов. Как и Кемден, Драйден встраивает события прошлого в современную ему топографию Англии. Смерть короля Артура приведена при описании берегов реки Кеймел, а о деятельности Брута повествует река Дарт. Река Стор вспоминает о народах, завоевывавших Англию, останавливаясь на завоевании Вильгельма 1066 г., высадившегося на ее берегах, а

³⁰ Ibidem.

о монархах, правивших после Вильгельма, в семнадцатой песне рассказывает Темза, описывающая разные районы Лондона. Важно, что каждая из песен сопровождалась картой, выгравированной Уильямом Хоулом, изобразившим острова, реки, горы и леса в человеческом образе. Нужно вспомнить, что он же составлял карты для Британии Кемдена, опираясь на новейшие достижения английской картографии. В обращении к читателю Драйден пишет: «Для дальнейшего понимания моей поэмы у вас есть три особых подсказки. Во-первых, это аргумент, направляющий через деяния, воспетые музой Шира. Во-вторых, карта, живо очерчивающая горы, леса, реки и долины, изображенные в различных позах, демонстрирующих их любовь, восторги и естество». Третьим вспомогательным инструментом он называет иллюстрации, «объясняющие трудные моменты истории»³¹.

Таким образом, во взаимодействии Англии с пространством во второй половине XVI в. явно выделяются два вектора. Первый нацелен на внешнюю экспансию: колонизацию Северной Америки, поиск Северо-Восточного и Северо-Западного путей, противостояние Испании и другим морским державам, совершенствование торговли и пр. В то же время выкристаллизовывается территориальный образ собственного государства, формируемый за счет переплетения легенд, преданий, исторических источников и персональных наблюдений.

2.2. КАРТОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

Термин «картографическая революция» характеризует изменения, произошедшие в европейском восприятии пространства в конце XV–XVI в., когда публикуются первые печатные карты, составленные с учетом техники Птолемея, в т.ч. карты отдельных регионов. Среди факторов, повлиявших на трансформацию описательных практик, Р.У. Карроу выделяет следующие: происходит изменение коммуникативных практик, т.е. меняется соотношение вербальных и визуальных средств передачи информации; практическая математика становится основным инструментом коммерции и искусств; в графике линейная перспектива выходит

³¹ Drayton M. Poly-Olbion. L., 1612.

на первое место; издаются переводы античных авторов на национальные языки, ключевое значение среди которых имел перевод «Географии» Птолемея³². Рассмотрим, как проявляются черты «картографической революции» в России XVII–XVIII вв.

На протяжении XVII в. отдельные примеры говорят об изменениях в коммуникативных практиках, но количество картографических работ, позволяющих однозначно судить об этом вплоть до последней четверти XVII в. весьма ограничено. Имеются сведения о не дошедшем до нас «Большом чертеже», сводной карте России Ивана IV³³. В сохранившейся редакции «Книги большому чертежу» (1627) состояние чертежа описано так:

«По государеву цареву и великого князя Михаила Феодоровича всеа Росии указу сыскан в Розряде старой чертеж всему Московскому государству по все окрестные государства, и в том чертеже и мера верстами, и мильми, и конскою ездою, сколько ехать днем станичною ездою на день, написано, и мера верстам положена. И тот старой чертеж ветх, впредь по нем урочищ смотреть не мочно, избился весь и розвалился. А зделан был тот чертеж давно при прежних государех»³⁴.

В историографии присутствует мнение как о распространённости чертежей в допетровской Руси³⁵, так и о превалировании вербальной информации о пространстве. В любом случае нельзя отрицать существования, пусть даже и в примитивном виде, визуальных метафоре географического пространства, даже если «картографические произведения (довольно редкие в тот период) вплоть до конца XVII в. не были сколько-нибудь ощутимо востребованы практикой и носили скорее иллюстративно-дидактический характер»³⁶. Что касается печатных переводов, то и здесь дело обстояло не лучшим образом. За XVII в. было издано поряд-

³² Karrow R. W., Jr. Intellectual Foundations of the Cartographic Revolution... P. 5.

³³ Материалы по истории русской картографии / Под ред. В.А. Кордта. Киев, 1899. Вып. 1. Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века.

³⁴ Книга большому чертежу или древняя карта Российского государства, поновленная в Розряде и списанная в книгу 1627 года. СПб., 1792. С. 1.

³⁵ Постников А.В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М., 1985; Сотникова С.И. Русский географический чертеж XVII века: его знаковая структура и социальные функции // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования: материалы конф. М., 1999. С. 124–129.

³⁶ Пестерев В.В. К вопросу о степени развития русской картографии в XVI–XVII веках // Вестн. Курган. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2006. Вып. 2. С. 72–75.

ка 750 различных произведений, восемьдесят пять процентов из которых предназначались для богослужения³⁷. К середине XVII в. имеются только два печатных издания светского характера – перевод «Воинского искусства пехоты» Иоганна Якоба фон Вальхаузена (1647) и «Соборное уложение (1649).

Трансляция представлений о мире в том виде, как они были представлены в странах Европы, проникали на Русь в виде иностранных карт и иностранных переводов «Географии» Птолемея, что не могло привести к кардинальной смене представления о пространстве. В связи с этим распространяются любопытные географические проекции, фиксирующие геометрическое пространство с помощью иконографических техник. Первыми русскими чертежниками и были иконописцы. Голландский купец Исаак Масса, живший в России в 1601–1609 гг., привез в Нидерланды чертеж Москвы и оставил воспоминания, содержащие информацию и о происхождении чертежа: «Во время моего пребывания в Москве я постоянно старался всеми средствами достать себе верное изображение города Москвы, но это мне не удавалось, потому что в этом городе нет художников. <...> Здесь есть иконописцы и золотописцы, но им я не решился заказать вид Москвы, потому что меня, наверное, схватили бы и стали пытаться, заподозрив в том, что я замышляю какую-нибудь крамолу». В итоге ему удается заполучить чертеж у дворянина, который «выучился рисованию у одного из своих слуг, бывшего иконописцем»³⁸.

Иконописец Симон Ушаков составлял карту Швеции, чертил планы местности в польском приходе в 1655 г., копировал чертеж реки Дон и пр.³⁹ Иван Максимов составлял росписи и чертежи для Петра Бекетова, участвовал в оформлении «Книги об избрании на превьсочайший престол великаго государя, царя и великаго князя Михаила Федоровича всея Великия России самодержца», содержащей любопытные фронтальные проекции Москвы. Б.П. Иванов приводит прошение иконописца Ивана Михайлова 1675 г.: «...А которья, государь, моя братья иконописцы из городов из Ерославля и из Костромы и из Вологды и из Пскова и из иных многих городов бывають они на Москве у твоих великаго государя иконных дел и тем иконописцам для святых икон вооб-

³⁷ История книги: Учебник для вузов / Под ред. А.А. Говорова, Т.Г. Куприяновой. М., 1998.

³⁸ Цит. по: Фоменко И.К. Скифия, Тартария, Московия, Россия – взгляд из Европы: Россия на старинных картах. М., 2010. С. 684.

³⁹ Виппер Б.Р. История европейского искусствознания. М., 1963.

ражения и иных твоих великого государя дел знаменных и чертежных дана им по твоему великого государя указу жалованная грамота»⁴⁰. Иконографические приемы переносятся и на изображение местности: «Характерный для древнерусской живописи прием размещения изображений объектов в их фронтальной (или аксонометрической) проекции на плановом изображении местности с гидрографической сетью органично вошел в арсенал изобразительных средств русского географического чертежа, стал одной из его отличительных черт, близких ему аналогов в западной картографии нет»⁴¹.

Яркими примерами иконописного изображения городов служат написанное в 1570–80 гг. «Видение пономаря Тарасия» с точным изображением храмовой архитектуры Великого Новгорода и псковская икона «Явление Богородицы старцу Дорофею», написанная на рубеже XVI–XVII вв. На иконах, точно изображающих расположение пригородных монастырей, легендарные предания переплетались с географической реальностью, моделируя особое духовное понимание пространства.

К концу XVII в. стало очевидно, что подобные проекции не могут в полной мере обеспечить потребности государства. О значении чертежного дела можно судить по числу составленных чертежей: В.С. Кусов говорит о 935 русских географических чертежах, большая часть которых относится к последней четверти XVII в.⁴² И хотя допетровская география имеет множество недостатков, например, В. Кивельсон отмечает, что большинство карт XVII в. были грубыми набросками без масштаба и ориентации: «Иногда в верхней части карты окажется улыбающееся солнце (или два!) <...> Здания и деревья обращены вверх, вниз или поперек, в зависимости от положения или точки зрения художника в данный момент»⁴³, все же к концу века заметны значительные перемены: «создаются реальные предпосылки (развитие математического обоснования в западноевропейской картографии, расширение областей картографирования и вместе с тем увеличение

⁴⁰ Иванов Б.П. Русский картограф XVII века // Тр. геогр. фак. Харьк. гос. ун-та им. А.М. Горького. Харьков, 1958. Т. 4.

⁴¹ Ткачева Н.М. Образ Пскова.

URL: <http://museum.pskov.ru/pskovoldmodern/tkacheva/tcac2>.

⁴² Кусов В.С. Картографическое искусство Русского государства. М., 1989. С. 6.

⁴³ Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М., 2012. С. 20.

количества картографируемых показателей и числа условных знаков) для последующего отделения и самостоятельного развития карт как точных графических моделей местности и “чертежей” как эскизных ее изображений»⁴⁴.

В.С. Кусов выделяет четыре типа чертежей, составляемых в большинстве своем для хозяйственных нужд. Он указывает на существование около ста чертежей городских дворов, на которых в основном изображены дворы Москвы: «Эти чертежи, как правило, крупномасштабные; с особой тщательностью на них показаны границы владений, даны размеры “в длину и поперек”, приведено имя и сословное положение владельца»⁴⁵; выделяет группу чертежей, фиксирующих состояние и имущество хозяйств и строящихся учреждений: «Чертежи инвентаризации, как правило, неметричны, т.е. слишком разномасштабны. Так, на чертеже расположения царских конных заводов можно увидеть весьма крупномасштабное изображение зданий с подробнейшими указаниями назначения каждого помещения»⁴⁶; чертежи военного ведомства (планы, предназначенные для военных целей) и чертежи спорных земель. Причем отмечается, что чертежи спорных земель часто искажались в пользу заказчика.

Географические планы до конца XVII столетия часто содержали многообразную символическую составляющую. Показателен план Москвы, изображенный на фронтисписе первой Библии, изданной в Москве (1663) – «Книге Ветхаго и Новаго завета по языку славенску». Пространство, зафиксированное с использованием математических моделей, сочетается с образами евангелистов, выражая новый смысловой образ, а орел, раскинувший крылья над планом, говорит о политическом значении этого образа. Перед нами предстает метафора Москвы как небесного града Иерусалима. Над планом Москвы дана надпись: «Восстани, восстани Иерусалиме и облецыся во крепость мышцы твоя». Схожий символический ряд можно увидеть в изображении Тобольска, приведенном в «Хорографической чертежной книге» С.У. Ремезова. В.Э. Булатов указывает на привязку метафорических образов к физическому пространству: мечи опираются в точку плана, где расположены пехотный и казачий приказы, а светильник веры

⁴⁴ Гольденберг Л.А. Семен Ульянович Ремезов: Сибирский картограф и географ: 1642 – после 1720 г. М., 1965. С. 309.

⁴⁵ Кусов В.С. Картографическое искусство... С. 63.

⁴⁶ Там же. С. 66.

возвышается на Софийском дворе. Отсылки к образу Иерусалима в изображениях Москвы и Тобольска не случайны. Образ Сибири как азиатской части России будет сформирован в XVIII в. Ранее же Сибирь и восток в христианской топографии ассоциировались в первую очередь с Раем⁴⁷.

С. Смит-Питер пишет: «Для Ремезова Сибирь была не холодным отдаленным местом, а любимым Богом регионом, орошаемым могучими реками, прорезающимися сквозь покрытые травой холмы с множеством красивых, благословенных мест. <...> В представлениях Ремезова о мистической региональной идентичности Сибирь чтилась как место, избранное и освященное Богом, со столицей в городе Тобольске»⁴⁸.

Ремезов относил себя не только к картографам, но и к иконописцам-изографам⁴⁹. В 1696 г. Петр Первый поручает Ремезову подготовить чертеж Сибири. Им будут составлены «Чертежная книга Сибири» (1699–1701), содержащая 22 карты, «Служебная чертежная книга» (1702–1715) и «Хорографическая чертежная книга» (1697–1711), содержащая 167 карт. Ремезов приводит в рукописи карту полушарий земли в проекции Меркатора, с изображением Америк и южной земли. Он пишет: «Азийский круг (восточное полушарие) по писанию Ветхий наречен, а Новый свет 4-я часть Америка. А чают, под полуднем Терра Устралис Магальяники глаголати 3 часть»⁵⁰.

В предисловии перечислены стоящие перед автором задачи:

«И на сии указы паче прилагает нам прилежание на дело имети, како изначала от Бога исток большие реки, тако и малые реки описати, откуда течат и с какова места, и куды отместами поворотила к которому ветру, и колико кривляюшесь плесы, и на кои ветр устием пала, и в какову реку или в море, и в нее каковы реки с вершины и до устья с обе стороны и выше и ниже пали, и из озер или с камени или из болот; и в таковых реках описать угодные места, кои прилегли, под седлбы гожие со всякими домовыми нуждами вдоволь хоронмаго строения и лесами, и пахотами, и травами, и скотопитательны угодны, и како стоят при реках, и города с уездами и с жильями»⁵¹.

⁴⁷ Смит-Питер С. С.У. Ремезов и сибирская идентичность в конце XVII – начале XVIII в. // Сибирские исторические исследования. 2014. № 3. С. 11.

⁴⁸ Там же. С. 8.

⁴⁹ Ремезов С.У. Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. Тобольск, 2011. Факсим. изд. Тип. Grafiche Stella, Италия.

⁵⁰ Там же. Л. 2–Л. 2 об.

⁵¹ Там же. Л. 35.

На чертежах Ремезова обозначены малые и крупные реки Сибири от истока до устья, населенные пункты, переправы, мельницы, колодцы и пр., природные объекты, приведены рисунки животных, сведения о месторождениях полезных ископаемых и пр.⁵² И, хотя, как отмечает В.Ф. Гнучева, карты Ремезова еще не отошли от традиции чертежей XVII в., они послужили основой для дальнейших географических исследований⁵³.

Развитие математических наук в допетровской России также не соответствовало общеевропейским темпам. Феофан Прокопович замечал: «Не ведаю, во всем государстве был ли хотя бы один цирклик (циркуль), а прочего орудия и имен не слыхано: а есть ли бы где некое явилось арифметическое и геометрическое действие, то тогда волшебством нарицано»⁵⁴. Первый печатный учебник по арифметике, посвященный в основном простейшим арифметическим действиям, будет издан в 1682 г. – «Считание удобное, которым всякий человек, купующий или продающий, зело удобно изыскати может число всякие вещи...». Цифры в нем даны в виде славянских букв. Переиздание 1714 г. будет иметь довольно большой для своего времени тираж в семьсот экземпляров⁵⁵.

В 1701 г. Петром будет основана «Школа математических и навигацких наук» в основании которой важную роль сыграли профессора, приглашенные из Англии и Шотландии. В школе преподавали различные математические дисциплины, в т.ч. можно было прослушать курс геодезии⁵⁶. С ее основанием в России началась подготовка первых геодезистов, которая будет продолжена с открытием в 1715 г. Морской академии. В классах Морской академии будут готовить профессиональных геодезистов, количество которых, однако, согласно В.Ф. Гнучевой, не будет превышать 30 человек⁵⁷. В 1714 г. открываются и «цифирные школы», где преподаются начала геометрии для землемерного дела. Всего их будет открыто двадцать три⁵⁸. Именно для учащихся «Школы математических и навигацких наук» будет издана

⁵² Гольденберг Л.А. Семен Ульянович Ремезов... С. 177.

⁵³ Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII в. / Под. ред. А.И. Андреева; отв. ред. Г.А. Князев. М.; Л., 1946. С. 12.

⁵⁴ Кузнецова Н.И. Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII – сер. XIX в.). М., 1998. С. 20.

⁵⁵ Депман И.Я. История арифметики. 2-е изд. М., 1965. С. 193.

⁵⁶ Фель С.Е. Картография России XVIII века. М., 1960. С. 14.

⁵⁷ Гнучева В.Ф. Географический департамент... С. 13.

⁵⁸ Фель С.Е. Картография России... С. 4.

в 1703 г. «Арифметика» Леонтия Теляшина (Магницкого), в которой приведены сведения по арифметике, астрономии, геодезии и навигации. О задачах арифметики сказано: «Та пути в небе решит и на море, / Еще на войне полезна и в поле. / Обще всем людям образ дает знати, / Дабы исправно в размерах ступати»⁵⁹. Магницкий приводит способы определения меридиана, а также широты по высоте Солнца, Полярной звезды и склонению магнитной стрелки, таблицы фаз Луны и времени приливов, каталог координат 26 городов мира. На фронтисписе первой части изображены Пифагор и Архимед, окруженные вычислительными приборами. Как отмечал сам Магницкий, данная книга является переводом с разных диалектов.

При Петре Первом дело картографирования территории России становится одной из основных задач вновь созданных институтов. Как отмечает В.Ф. Гнучева сохранились указы 1709–1714 гг. об отправлении в плавание навигаторов «для составления чертежей островов, лежащих против устьев рек Уды, Камчатки, Ковыми, Лены и Явы (в 1709 г.), а также пути от Удского острога до Нерчинска (1710 г.)». Также в 1714 г. дано задание якутским «служивым людям и мореходцам» описывать камчатские пути и острова – «описывать именно и чинить чертежи». В 1719 г. составлена инструкция геодезистам Ивану Евреинову и Федору Лужину, в которой предписано отправиться «от Тобольска до Камчатки и далее куда вам указано и описать тамошние места: сошлася ли Америка с Азиєю, что надлежит зело тщательно сделать, не только Зюйд или Ост, но и Ост и Вест и все на карте исправно поставить»⁶⁰. Тогда же были проведены топографические съемки Каспийского моря. В 1720 г. Петр I в Генеральном регламенте так обозначает цели картографирования:

«И дабы каждый коллегиум о состоянии государства и о принадлежащих к оному провинциях подлинную ведомость и известие получить мог; того ради надлежит в каждой коллегии иметь генеральные и партикулярные ландкарты или чертежи, которые по времени изготовлены быть имеют именно: описать все границы, реки, города, местечки, церкви, деревни, леса и прочее»⁶¹.

Медицинская коллегия посылала исследователей на поиски «растений, животных и минералов, имеющих лекарственные свой-

⁵⁹ Магницкий Л.Ф. Арифметика. М., 1703.

⁶⁰ Гнучева В.Ф. Географический департамент... С. 12–13.

⁶¹ Постников А.В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М., 1985. С. 138.

ства», Сенат вел «масштабные съемки Европейской территории страны», а морское ведомство занималось картографией морей.

В 1718 г. по указу Петра I в Сибирь отправляется Д.Г. Мессершмидт с целью «изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей: трав, цветов, корней и семян и прочих принадлежащих статей в лекарственные составы». Мессершмидт отправляет из Тобольска «каталог растений с их зарисовками, зарисовки и чучела некоторых птиц, образцы минералов, коллекцию бабочек, описание и чертеж Кунгурской пещеры»⁶². Но все права на экспедиционные материалы будут принадлежать не исследователям, а политическим институтам. «Промемория» из Академии наук от 6 января 1728 г. сообщала: «Понеже опасно, ежели доктор Мессершмидт отпущен будет в свое отечество, чтоб он не публиковал о книгах, о описании и о курьезных вещах. О чем медицинская канцелярия да благоволит взять с него сказку, с присягой...»⁶³.

Основные полномочия по картографированию России получил Сенат. Составленные карты отправлялись обер-секретарю Сената И.К. Кирилову (1695–1737), в планах которого было создание трехтомного атласа Российской империи из 360 карт. Однако проект этот оказался чересчур оптимистичным и в 1731 г. он смог преподнести Анне Иоанновне выпуск атласа, состоящий только из десяти карт отдельных уездов, напечатанных с 1724 по 1731 г. Как пишет С.Е. Фель: «За этот труд указом Сената от 13 июля 1731 г. Кирилову было позволено построить в Москве на Москверекe в Земляном городе мельницы “для молотья хлеба”, освободив их от налога на 20 лет и никому не разрешая строить в тех местах такие же мельницы»⁶⁴. Кирилов успеет издать еще две редакции атласа – в 1732 г. (12 карт) и в 1734 г. (14 карт). Также в 1734 г. им будет издана генеральная карта России. К 1733 г. для атласа Кирилова было снято не больше 40 процентов Европейской России и 25 процентов Сибири⁶⁵. Но тем не менее, хотя первым официальным атласом Российской империи считается атлас 1745 г., атлас Кирилова является важной вехой в истории российской картографии. Помимо атласа Кириловым было написано изданное только в 1831 г. первое географо-статистическое описание России под заголовком «Цветущее состояние Российского

⁶² Виртуальный музей истории Академии наук. URL: <http://virtmus.arran.ru/ru/page&id=B6DE407E-E71C-48D6-8CCD-B8F20B3F5A93>

⁶³ Кузнецова Н.И. Социокультурные проблемы... С. 72.

⁶⁴ Фель С.Е. Картография России... С. 155.

⁶⁵ Там же. С. 158.

государства», где изложены данные «об аппаратах управления, частях войск и флота, росписи государственных доходов и расходов... сведения о школах, больницах, заводах, фабриках и др.»⁶⁶.

Одна из причин замедления работ над Генеральным атласом России – конфликт географических подразделений Сената и Академии наук, а точнее И.К. Кирилова с астрономом и картографом Ж.Н. Делилем, прибывшим в Россию в 1726 г. Уже в 1727 г. Делиль представил проект Генеральной карты, где доказывал необходимость создания единого хранилища для всех чертежей, карт, судовых и геодезических журналов, но никакой помощи в своем проекте он не получил. В 1732 г. Делиль представляет в Сенат «Проект о географии», где просит организовать в Академии наук географическое бюро, в которое будут переданы все рукописные карты и которое будет уполномочено следить за деятельностью геодезистов. Только назначение Кирилова в Оренбургскую экспедицию в 1734 г., несмотря на его нежелание отказываться от работ по составлению карт, все же дало возможность Академии наук получить все собранные им в Сенате материалы⁶⁷: «Но понеже между означенными картами токмо малое число оригиналовъ, а большая часть копій находились, то отъ Академіи Наукъ представлено было, что необходимо нужно иметь журналы и репорты самихъ геодезистовъ, но оныхъ получено весьма мало»⁶⁸.

Как пишет В.Ф. Гнучева: «И.К. Кирилов, несмотря на все свое горячее желание содействовать расцвету картографических работ в России, нередко становился тормозом развѣтыванию подчиненных ему же картографических работ в России. Вполне отдавая должное Делилю как ученому, Кирилов не мог согласиться с его широкими проектами, требовавшими для своего исполнения очень много времени и больших затрат»⁶⁹.

С 1726 по 1738 г. Академией Наук помимо карт для атласа Кирилова были изданы: «карта западного побережья Каспийского моря И.Г. Гербера в 1727 г., карты военных действий против Турции и операций на Днепре и Дунае 1736 и 1738 гг. и, наконец,

⁶⁶ Фель С.Е. Картография России... С. 170.

⁶⁷ Гнучева В.Ф. Географический департамент... С. 35.

⁶⁸ Атлас Российской, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненный по правилам географическим и новейшим наблюдениям, с приложенною при том Генеральною картою великия сея империи, старанием и трудами Императорской академии наук. СПб., 1745. С. 3.

⁶⁹ Гнучева В.Ф. Географический департамент... С. 34.

Атлас для юношества 1737 г. для подготавливавшейся к печати «Географии» Х.Н. Винсгейма, вышедший только в 1745 г.»⁷⁰.

В 1737 г. Делилем был представлен проект тригонометрических измерений в России. Работы были начаты в том же году, но ограничились только измерением базисной линии (расстояние между Петергофом и Дубками). В 1739 г. было произведено тригонометрическое соединение базиса с некоторыми пунктами, и на этом работы оборвались⁷¹. Так же безуспешно шла работа над Генеральным атласом и картой России: «После ряда объяснений и столкновений на этой почве с президентом Корфом последний приказом 22.10.1739 г. постановил учредить в системе Академии наук Географический департамент»⁷².

Мы видим, что постепенно происходят кардинальные трансформации в восприятии пространства и методах его фиксации. «“Проект о мерянии земли” И.Н. Делиля, мнение В.Н. Татищева о состоянии работ геодезистов и составленная по его требованию инструкция И.Н. Делиля, <...> географические анкеты Татищева и профессоров Второй камчатской экспедиции с полученными на них ответами и, наконец, астрономические наблюдения... представляют в целом огромный шаг в развитии географических исследований в России»⁷³. Важным промежуточным итогом этого процесса можно считать издание в 1745 г. «Атласа Российского», состоящего из 13 карт европейской России, 6 карт Сибири и Генеральной карты Российской империи, составленной по плану Л. Эйлера и Г. Гейнзиуса. В самом атласе об этом плане сказано: «предложено чтобъ находящіяся при Географическомъ департаменте карты, изъ которыхъ знатнейшія половина токмо меньшія части земель содержать, по одинакому масштабу начертить, оныя потомъ вместе соединишь, и такимъ образомъ составить карты, которыя бы большія части земли, какъ напримеръ цѣлыя провинціи и губерніи въ себе содержали»⁷⁴. Основное отличие проекта Эйлера от программы Делиля состоит в использовании губернских карт, а не менее масштабных уездных. Эйлер, как ранее Делиль, отказавшийся от участия в картографическом проекте, запросил в 1740 г. увольнения и вернулся в Берлин. Работу над Атласом заканчивали Г. Гейнзиус и Х.Н. Винсгейм.

⁷⁰ Атлас Российской... С. 48.

⁷¹ Гнучева В.Ф. Географический департамент... С. 39.

⁷² Фель С.Е. Картография России... С. 179.

⁷³ Гнучева В.Ф. Географический департамент... С. 44.

⁷⁴ Атлас Российской... С. 4.

28 мая 1745 г. Шумахер доложил в Сенат о составлении генеральных карт «и при том особый атлас, состоящей из девятнадцати специальных карт для лучшего по оным впредь исправления Генеральной карты»⁷⁵. Атлас начинается с перечисления преимуществ познания географии и утверждения ее древности: «Когда Иисус Навинь, вождь Израильский, Обетованную Землю на семь оставшихся колен разделить хотел, то рассудил онь запотребно учинить прежде остальной оной страны чрезь искусныхъ въ томъ мужей, географическое описание (Иисус Нав. 18. ст. 9)». Первым правителем России, систематически составлявшим карты, автор называет Петра Первого, отмечая, что «Великий сей Монархъ старался о Генеральной карте своей Имперіи, ведая довольно, сколько находится неисправностей въ техъ картахъ, которыя прежде того времени отъ чужестранныхъ сочинены, и въ светъ пушены»⁷⁶. После краткой истории создания Атласа дается описание составления генеральной карты с технической точки зрения. Главной трудностью сочинения ландкарт названа проблема масштабирования: «Те неисправности, которыя прежде, ради шаровидной фигуры земли, при сочинении специальныхъ картъ нечувствительны были, становятся при сложеніи оныхъ уже чувствительны и велики»⁷⁷.

Генеральная карта щедро украшена. В картуше сказано, что создание карты – всецело заслуга Петра I, за счет «неусыпного попечения» которого «между прочими изрядными науками труд по Географии восприят был». Окончание же труда состоялось при «благополучном Государствовании Великия Его Дщери».

В атласе присутствуют 46 разных обозначений, что говорит о создании особого метафорического языка, описывающего пространство, однако рельеф представлен только двумя знаками – горы и горы, «выбрасывающие огонь». Речная сеть на картах представлена максимально подробно, но при этом почти отсутствует дорожная. Так или иначе, по востребованности и тиражу атласа можно сказать, что, несмотря на отдельные неточности, Российская империя впервые смогла в подобном приближении обозреть свои просторы, что послужило колоссальным стимулом для дальнейших картографических и травелографических описаний государства. До конца века будет создано еще несколько Генеральных

⁷⁵ Гнучева В.Ф. Географический департамент... С. 53.

⁷⁶ Атлас Российской... С. 1–2.

⁷⁷ Гнучева В.Ф. Географический департамент... С. 9.

карт, каждая из которых будет опираться на все более точные математические вычисления. В 1771 г. будет издана «Почтовая карта России», в 1773 г. – «Карманный атлас Российской империи», в 1776 г. – новая более точная Генеральная карта и т.д.

На «Исторической карте Российской империи» 1793 г. территория государства представлена в динамике, территориальные приобретения правителей XVIII в. отмечены разными цветами, а 11 текстовых заметок на карте рассказывают о территориях, вошедших в состав России в XVIII в. Например, про Алеутские острова сказано: «Хотя от давнего времени промышленники с Камчатки ездили на Алеутские острова, но дальнейший остров, которого жители ясак платили, был остров Канага; во время царствования Екатерины II жители всех Алеутских островов до самого Унимака приведены в подданство, и ясак платят добровольно»⁷⁸.

Так на протяжении XVIII в. формировался территориально целостный образ нового государства, формировавшего свою идентичность не за счет отсылки к христианской топографии, а за счет встраивания себя и своей истории в границы геометрически разграниченного мира.

Хотя петровские реформы способствовали созданию новой символики пространства, многие предшествующие черты еще долго сохранялись и в картографии, и в травелогах. Жанр хождения был чрезвычайно популярен в XVIII в., о чем говорят сохранившиеся списки, а травелоги начала века сочетают в себе черты хождений и светских путевых дневников. Среди этих текстов, впитавших в себя и традицию статейных списков, и традицию хождений, Н.И. Прокофьев выделяет путешествия «Неизвестной особы» (1697–1698), П.А. Толстого (1697–1699), Б.П. Шереметева (1697–1699), А.А. Матвеева (1705), Б.И. Куракина (1707–1711) и отмечает, что «не западные путевые очерки служили образцом для русских путешественников петровского времени, а оказалась пригодной веками сложившаяся на Руси система описания путешествий. Если мы обнаруживаем прочную и неразрывную связь путевых записок петровского времени с древнерусскими хождениями, то не найдем заметных западных литературных влияний, кроме некоторых лексических заимствований»⁷⁹.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Прокофьев Н.И. Традиция и новаторство путевых записок петровского времени // XVIII век. Сборник 9. Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века / Под ред. Г.П. Макогоненко, Г.Н. Моисеевой. Л., 1974. С. 138.

К.И. Сивков писал о путешественниках конца XVII в.: «Они мало интересуются бытом, политическими порядками и экономическими отношениями, они совсем не интересуются западноевропейской наукой, потому что не имеют о ней никакого понятия, но зато они много интересуются западноевропейскими святынями; для многих из них это почти единственный предмет наблюдения»⁸⁰. Вплоть до последней трети XVIII в. мы не найдем записок, которые бы напомнили нам записки европейских путешественников. Хотя отдельные черты и будут присутствовать в дневниках участников экспедиций Академии наук, пусть и составленных в соответствии с инструкциями. Не останавливаясь на них подробно, отметим, что первые записки, составленные по материалам путешествий, совершенных самостоятельно, а не по заданию государственных институций, появляются только в последней трети XVIII в. Таковыми являются записки о путешествии Г.Ф. Миллера по Москве и Московской провинции в 1778–1779 г. Миллером было составлено четыре травелога: «Езда в Коломну в 1778 году», «Поездка к Святотроицкому Сергиеву монастырю, в Александрову слободу и Переславль Залесской», «Путешествие в Можайск, Рузу, Звенигород», «Поездка в Дмитров». Некоторые из его путевых заметок были опубликованы на русском языке в журнале «Новые ежемесячные сочинения»⁸¹.

Описание пространства, в представлении Г.Ф. Миллера, необходимо подчинять нуждам государства. Его наблюдения точны и лаконичны, как и его описания деревень. Он отмечает их принадлежность, численность населения, наличие церквей и характеристики, которые, по его мнению, смогут послужить на благо Российского государства.

Только к началу XIX в. социальные и мировоззренческие изменения позволяют русским путешественникам в полной мере описывать собственные эмоции и чувства. Помимо «Писем русского путешественника» Карамзина, можно вспомнить «Досуги крым-

⁸⁰ Сивков К.В. Путешествия русских людей за границу в XVIII веке. СПб., 1914.

⁸¹ См.: Статского Совет. Миллера описание езды из Москвы в Коломну 1778 года // Новые ежемесячные сочинения. 1789. Ч. 35. Май. С. 69–93; Путешествие г. Д. С. советника Миллера к Святотроицкому Сергиеву Монастырю // Новые ежемесячные сочинения. 1789. Ч. 41. Ноябрь. С. 3–52; Путешествие в Можайск, Рузу, Звенигород покойного действительного статского советника и Кавалера Миллера // Новые ежемесячные сочинения. 1790. Ч. 46. Апрель. С. 41–91.

ского судьи или Второе путешествие в Тавриду» П.И. Сумарокова (1803–1805), «Путешествие в полуденную Россию» В.В. Измайлова (1805), «Путешествие от Петербурга до Белоозерска» П.Ю. Львова (1804), «Новый чувствительный путешественник или прогулка в А.» П.И. Шаликова (1802). Всего за первое десятилетие XIX в. опубликовано свыше 50-ти переводных и отечественных путешествий⁸². Путешественники этого периода описывают пространство сообразно собственным чувствам, вплетая в текст описания своих снов и воспоминаний и широко пользуясь собственным воображением для преобразования пространства.

Карты первой половины XVIII в. были далеки от совершенства, они содержали топографические ошибки и не охватывали в полной мере все регионы государства. В путевых заметках о карте 1776 г. Г.Ф. Миллер писал: «Удивительно, что на новой генеральной карте Российского государства ни Александровской слободы, ни Святотроицкого монастыря не означено. Сколь много исправлять должно изданныя до сего времени ландкарты!»⁸³.

Несмотря на это, запущенный в XVIII в. процесс территорификации, заложил основы для целостного восприятия Российской империи и ее регионов, причем этот взгляд был направлен как из столицы на регионы, высвечивая наилучшие возможности для управления, так и из регионов, осознающих себя частью единого российского государства.

2.3. «ПОДВИЖНАЯ ГРАНИЦА» ВООБРАЖАЕМЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Границы территорий, как и отдельные образы пространства в картах и травелогах, находятся как в области реальной физической топографии, так и в сфере воображаемого, обусловленного существующими репрезентативными нормами и повествовательными традициями. Текст, как бы он не настаивал на собственной документальности, включает в себя художественную составляющую

⁸² Сопиков В.С. Опыт российской библиографии или полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на Славенском и Российском языках, от начала заведения типографий до 1813 г. В 4 ч. Репринт. изд. М., 2011. Ч. 4.

⁸³ Миллер Г.Ф. Путешествия по московской провинции // Академик Г.Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и московской провинции / Подг. текста, ст. С.С. Илизарова. М., 1996. С. 93.

щую. Это касается и работ математиков. Историк науки Амир Александер рассматривает связь между математическими и художественными практиками раннего Нового времени, выделяя ряд общих черт: математическая теория сталкивается с требованием формальной согласованности, но и фантазия ограничена требованием согласованности и необходимой степени правдоподобия; при создании вселенной математик делает те же выборы, что и фантаст, определяя предпосылки конструкта и решая в какую сторону их развивать; в математических работах встречаются элементы художественного произведения, такие как предпосылки рассказа, его развитие, тип внутренней логики и проч.⁸⁴

Что касается авторов карт и травелогов, то сам предмет их описаний подразумевает использование памяти и воображения.

В контексте конструктивистского подхода, постулирующего главенство воображаемого над физическим, стоит вспомнить работу Б. Андерсона «Воображаемые сообщества как социологический феномен». Он выделяет так называемую грамматику национализмов, состоящую из «сериализации» населения, обеспечиваемой переписью, «логотипизации» пространства, осуществляемой путем картографирования и «генеалогизации», утверждаемой за счет музеев⁸⁵. Фактически формируется образ сообщества, его пространство и прошлое в контексте других сообществ. В связи с этим рассмотрим, какой представляла Московия и московиты в текстах и картах англичан.

Если взглянуть на карту Московии, составленную А. Дженкинсоном в 1562 г. мы увидим много чудесных явлений и необычных обрядов, среди которых поклонение «золотой бабе», «поклонение Солнцу в виде красного холста» и пр. Эти сюжеты перекочевали на карту Дженкинсона из карт и описаний предшественников, но допускал ли он сам возможность существования людей, превратившихся в камни или изгоняющих обрядами нечисть. Все-таки Московия к середине XVI в. была достаточно известна, и еще в 1517 г. Матвей Меховский в трактате «О двух Сарматиях» отмечал: «что на севере, за Югрой и за Каспийским морем, нет чудовищных людей – одноглазых, двухглавых, псоглавых и пр., а живут там люди, нам подобные, но живут редко, разрознен-

⁸⁴ Alexander A. Imperialist Rhetoric... P. 10.

⁸⁵ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. В. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. М., 2016. С. 37.

но, на расстоянии друг от друга и в малом числе»⁸⁶, а один из составителей карты А. Дженкинсона, К. Адамс в заметках 1554 года про Уральские горы скажет: «они покрыты вечным снегом, от чего всегда белеют, как седой Гигант. Древние все уверены были, что река Дон вытекает из этих гор, и мечтали, что в ущельях живут все чудовища и страшилища природы, порожденные пламенным воображением Греков. Но соотечественники наши, недавно возвратившиеся из Московии, и имевшие случай часто разговаривать с Московитянами, ничего не слышали о том»⁸⁷.

В чем же состояла необходимость помещения на карту легендарных сюжетов? На это есть несколько возможных ответов. Первый связан со спецификой восприятия англичанами образа Московии: «Как тексты путешественников пребывают на границе правды и вымысла, так и Россия в английских травелогах изображена на пограничье. Россия есть царство цивилизации и варварства. Пространство, относящееся одновременно к Европе и Азии, где река Дон (Танаис) служит по версии мыслителей Ренессанса и словам Флетчера “границей Европы и Азии”»⁸⁸. Второе возможное объяснение заключено в том, как сами путешественники моделировали свой образ. В Англии образ представителя торговой компании на театральной сцене, как правило, был комичен, а путешественникам хотелось прибавить себе героизма. Хотя торговцы, констатирует Д.В. Палмер, «прикладывают все силы, чтобы стать новым поколением Одиссеев и Ахиллесов, но в большинстве своем им никогда не удастся прожить жизнь Дрейка или Рэли. Таков фатум – бизнесменам не удастся продать себя как героев»⁸⁹. Но может быть и третий вариант, связывающий воображаемые образы, традицию повествования и представление о реальном пространстве. Хотя до конца XVIII в. мы и не найдем открытого заявления о фиктивности путешествий: «Автор может объявить в заголовке или подзаголовке, что он написал басню, восточную сказку, юмористический рассказ или

⁸⁶ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 85.

⁸⁷ Адамс К. Первое путешествие англичан в Россию, описанное Клибменом Адамом, другом Чанселера, капитана сей экспедиции, и посвященное Филиппу, королю английскому // Отечественные записки. 1826. Ч. 28. С. 89 (источник: *Anglorum navigatio ad moscovitos auctore Clemente Adamo*. Frankfurt, 1600. S. 142–153).

⁸⁸ Shwartz E. Putting Russia on the Globe: The Matter of Muscovy in Early Modern English Travel Writing and Literature. Stanford, 2014. P. 22.

⁸⁹ Palmer D.W. Writing Russia in the Age of Shakespeare. L., 2017. P. 22.

исторический роман, но он вряд ли скажет, что его путешествие было воображаемым»⁹⁰, есть свидетельства, что авторы вполне отдавали себе отчет, что создают вымышленную реальность.

Томас Смит в путешествии по России в 1604 г.⁹¹, пишет: «...желая всего хорошего каждому, кому по сердцу море, сам я всегда предпочту оставаться на суше и оттуда уж созерцать “одно из трех красивейших зрелищ на свете – корабль на всех парусах”, то “вздымающийся” (по выражению моряков), подобно льву, ставшему на задние лапы, то привскакивающий и приседающий, словно русский медведь во время травли превосходными английскими псами»⁹², вплетая в текст аллегорические образы Англии и России. Характерна его полемика с предшественниками:

«но мысль, что в драгоценных трудах стольких славных писателей, как, например, мистера Ричарда Гаклейта, уже говорилось о ней [Волге] с достаточною подробностью, побуждает меня отказаться от описания как самой реки, так равно и города, сославшись на тех, которые уже делали подобного рода описания, в особенности же на правдивое описание доктора Флетчера, бывшего послом некоторое время послом при нынешнем царе»⁹³.

Об особой роли воображения в описании реальности можно судить по тому, как Т. Смит отзывается о поэтах:

«Или, наконец, я мог бы пуститься в описание разных мысов и песчаных отмелей, рифов и скал, островов и водоворотов и пр. Но все это предметы для чуждого мне языка, на котором люди не краснеют фантазировать, как истые поэты <...> Но я охотно воздерживаюсь от всякого подражания поэтам, хотя и вполне признаю их высокое значение, памятуя какими проклятиями осыпает достопочтенный автор “Апологии поэзии” тех, кто не почитает поэтов»⁹⁴.

Автор заявляет о своей «апоэтичности», уличая поэзию в смешении фактов и злоупотреблении вымыслом, но признает их значение в наполнении пространства смыслами, ссылаясь на «Апологию поэзии» Ф. Сидни, где Сидни пишет:

⁹⁰ Babcock G.P. The Imaginary Voyage in Prose Fiction, 1700–1800: a History of its Criticism and a Guide for its Study, with an Annotated Checklist of 215 Imaginary Voyages from 1700 to 1800. N.Y., 1941. P. 5.

⁹¹ Sir Thomas Smithes. Voiage and Entertainment in Rushia. L., 1605. Авторство его описания приписывают драматургу Джорджу Уилкинсу. См.: Palmer A., Palmer V. Who's Who in Shakespeare's England: Over 700 Concise Biographies of Shakespeare's Contemporaries. L., 1999. P. 231.

⁹² Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России / Пер. и прим. И.М. Болдакова. СПб., 1893.

⁹³ Сэра Томаса Смита путешествие... С. 13.

⁹⁴ Там же. С. 13.

«Лишь поэт, презиравший пути любого рабства, воспаряет на своем вымысле, создает, в сущности, другую природу. Он создает то, что или лучше порожденного Природой, или никогда не существовало в Природе, например Героев, Полубогов, Циклопов, Химер, Фурий и прочих. Так он идет рука об руку с Природой, не ограниченный ее дарами, но вольно странствующий в зодиаке своего воображения. Природа никогда не украсит землю столь богато, как это сделали поэты, ее реки не будут красивее, деревья плодоноснее, запах цветов нежнее, ей не сделать нашу безмерно любимую землю еще прекраснее. Ее мир – это медь, которую поэты превращают в золото»⁹⁵.

Таким образом, здесь открыто проговаривается возможность проектирования пространства, наполненного поэтическими образами, и в то же время подчеркивается роль воображения в создании этого пространства.

Многие авторы, создавая образ России, использовали стандартные сюжеты, заимствованные из предшествующих произведений. Например, фиктивный травелог Эдварда Уэбба, изданный в 1590 г., полное название которого звучит так: «Редкие и чрезвычайно удивительные вещи, которые довелось увидеть англичанину Эдварду Уэббу в его непростых странствиях в таких городах, как Иерусалим, Дамаск, Вифлеем и Галилея, а также в землях Иберии, Египта, Греции, России и Пресвитера Иоанна...»⁹⁶, содержит стандартные для XVI в. образы. В обращении к читателю Э. Уэбб отстаивает документальный статус своего повествования: «Возможно, некоторые глупцы будут утверждать, что здесь только ложь и выдуманные басни, на что я им отвечу, что все сказанное мной, в чем они сомневаются или считают недостоверным, возможно легко уточнить у меня лично, либо справиться у величайших путешественников и торговцев, которые, несомненно, подтвердят истинность сказанного здесь и даже сообщат больше, поскольку я уже не в силах вспомнить всего произошедшего со мной за время моих трагичных злоключений»⁹⁷.

Описание Уэббом москвитян соотносится с образом, который представлял на страницах травелогов XIII–XIV вв. Уэбб замечает, что москвитяне «одеты как турки или татары — в меховые шапки и шубы» и описывает их жестокость: «должнику наносят столько ударов деревянным молотком по лбу и голеним,

⁹⁵ Сидни Ф. Астрофил и Стелла. Защита поэзии / Под ред. Л.И. Володарской. М., 1982.

⁹⁶ Webbe E. The Rare and Most Wonderfull Things Which Edw. Webbe an English-man Borne, Hath Seene and Passed in His Troublesome Travailles. L., 1590.

⁹⁷ Ibid. N. p.

сколько назначит судья, у турок есть похожее наказание, только должников бьют по пяткам прутьями»⁹⁸. Представление о холодной земле, где все ходят, закутавшись в шкуры и меха, встречается на различных картах. Уэбб создает еще более пугающий образ, описывая один из способов казни: «Благородные люди находятся под стражей вместе с детьми и родственниками, а по наступлению морозов, (эта страна ужасно холодна), в реке выдалбливается прорубь. Сначала туда бросается глава семьи, затем жена, а затем дети и остальные родственники, таким образом не остается никаких наследников, и имущество раздается по усмотрению императора». Однако не стоит считать, что путешествие Уэбба фиксирует события, свидетелем которых ему довелось побывать. Вслед за описанием восточных земель он описывает свое пребывание при дворе пресвитера Иоанна и разные диковинные вещи, происходящие там. Как указывает Х. Хайм: «В книге нет ни одного предложения, которое не могло бы быть написано человеком, никогда не покидавшим Лондон, с помощью текста Мандевилья и ему подобных»⁹⁹.

Тексты таких путешественников как Марко Поло или Джон Мандевиль оставались в Англии источниками сведений о восточных землях. Это видно на примере первопроходцев Северного пути, задачей которых было нахождение прохода к сказочным сокровищам стран Востока. Первое в Англии предложение отправиться на Восток по Северному пути высказал в 1527 г. английский торговец Роберт Торн. В письме Генриху VIII он писал: «Остался только один путь для открытий, и он лежит на севере, поскольку из четырех частей света три остальные заняты другими правителями. За пределами Испании ими освоены все Индия и Западные моря, за пределами Португалии – Индия и моря Восточные. Так что в отношении стран Запада и Востока они служат миру примером»¹⁰⁰. Торн был убежден, что Северный путь короче любого другого, а лед образуется только у берегов, оставляя океан открытым для судоходства. Для пропаганды Северного пути Торн использует воображение и даже составляет карту, не имея об Арктике никаких достоверных сведений. Отсутствие ин-

⁹⁸ Ibid. N. p.

⁹⁹ Hime H.W. The Travels of Edward Webbe // The English Historical Review. 1916. Vol. 31. № 123. P. 464–470.

¹⁰⁰ Wallis H. England's Search for the Northern Passages in the Sixteenth and Early Seventeenth Centuries // Arctic. (Unveiling the Arctic). Arctic Institute of North America. 1984. Vol. 37. № 4. P. 453.

формации о северном регионе видно по карте Жана Ротца (1545), где на севере оставлены огромные пустые пространства.

Идея пути напрямик через северные льды не скоро получит продолжение, однако открытие пути на Восток еще долго будет желанной наградой для мореплавателей. Начатые в 1553 г. экспедиции на Северо-Восток, положившие начало деятельности Московской компании, успеха не принесут, точнее сама идеология проекта будет повернута в сторону освоения Московии и налаживания торговых отношений с близлежащими странами. Тогда же начнет набирать обороты пропаганда Северо-Западного пути.

Первыми попытками обнаружить проход на Восток через Северную Америку станут три путешествия Мартина Фробишера (1576–1580). В конце отчета о его путешествиях Джордж Бест написал: «...вся часть южной стороны пролива Фробишера представляет собой несколько островов и изрезанную землю, и точно так же, я полагаю, вся Северная сторона. Эти острова очень многочисленны и, кажется, являются Архипелагом»¹⁰¹. На современных картах на месте указанного «архипелага» мы сможем найти только мысы и заливы вдоль побережья Баффиновой земли.

В отчете об одной из своих экспедиций в 1580-х гг. Джон Дэвис сообщает: «без сомнения северная часть Америки – это все острова, которые я лично мог наблюдать»¹⁰². Подобные практики разделения монолитного побережья на острова встречается и на других направлениях британской экспансии. Филип Амадас и Артур Барлоу в тех же словах описывают в 1584 г. побережье Вирджинии. Уолтер Рэли и Лоуренс Кеймис в 1590-х гг. выясняют, что береговая линия Гвианы также изрезана бесчисленными реками и островами: «Раздробление подобным образом вновь открытых земель на картах и в письменных отчетах стало отличительной чертой западного предприятия»¹⁰³.

Ответом на вопрос о причинах сходства описательных стратегий у отправляющихся в Северную Америку путешественников Амир Александр видит в «стандартном нарративе исследования» (“standard narrative of exploration”). Он предполагает, что путешественники имели перед собой образ будущего повествования еще до отплытия из Англии. Нарратив содержал информацию о том, с какими трудностями могут столкнуться мореплаватели и способы

¹⁰¹ Alexander A. *Imperialist Rhetoric...* P. 17.

¹⁰² *Ibid.* P. 19.

¹⁰³ *Ibidem.*

их преодоления. И Фробишер, и Дэвис, и Рэли, столкнувшись с чужими землями уже знали, что искать, где искать и как добраться до поставленной цели: «Их идеи и отчеты были не просто отражением их опыта, но и отчетами о продвижении по заранее известному маршруту к заранее поставленным целям. Их отчеты – это не просто рассказы о реальном исследовании бескрайних географических регионов, это описания путешествий по воображаемому географическому пространству, представленному в елизаветинской истории открытий»¹⁰⁴.

В общих чертах стандартный нарратив говорит о том, что где-то запрятано сокровище, скрытое от путешественника горными цепями, бурными водами или непроходимыми льдами, и имеется проход к нему, который и требуется отыскать. И если сначала путешественники рассчитывали обнаружить богатые страны Востока, то постепенно образ скрытого сокровища был перенесен на американский континент.

Можно найти пример подобного повествования и в российской истории географических открытий. Значительная часть деятельности М.В. Ломоносова в должности главы Географического департамента была посвящена поиску Северного пути. Об этом он говорит и в своих стихотворных произведениях: «Напрасно строгая природа / От нас скрывает место входа / С берегов вечерних на восток. / Я вижу умными очами: / Колумб Российский между льдами / Спешит и презирает Рок»¹⁰⁵ (1752); «На полночь кажет Урания: / “Се здесь, сквозь холмы льдов, сквозь град / Руно златое взять Россия / Денницы достигает врат...”»¹⁰⁶ (1763) и пр. Ломоносов был убежден, что, двигаясь на север (полночь), возможно отыскать проход свободный ото льдов, возрождая таким образом замысел Роберта Торна. Черты «стандартного нарратива» прослеживаются и в представленном Ломоносовым в Морскую российских флотов комиссию проекте «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» (1763)¹⁰⁷, где Ломоносов приводит краткую историю северных экспедиций,

¹⁰⁴ Alexander A. Imperialist Rhetoric... P. 20–21.

¹⁰⁵ Ломоносов М.В. Ода на восшествие Елизаветы Петровны // Избранные произведения. Л., 1986. С. 136.

¹⁰⁶ Ломоносов М.В. Ода Екатерине // Избранные произведения. С. 182.

¹⁰⁷ Ломоносов М.В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Ломоносов М.В. Полн. собр. сочинений. М.-Л., 1950–1983. Т. 6.

в т.ч. экспедиций Мартина Фробишера, Джона Дэвиса и др., чьи отчеты были доступны ему в немецком переводе. Охарактеризовав попытки Гудзона, Роберта Билета, Баффина, Луки Фукса, он делает вывод, что Северо-Западный проход «невозможен или хотя и есть, да тесен, труден, бесполезен и всегда опасен. Рассуждая причины физические, которые еще по сие время питают агличан надеждою, не могу довольно надивиться, что народ, где довольно искусных мореплавателей в теории и практике и остроумных физиков, не может усмотреть явного оных неосновательства»¹⁰⁸.

Сам же Ломоносов, не отказываясь от идеи существования Северного прохода, смещает его еще дальше на север, убеждая читателей в великом для России значении его грядущего открытия. Он, как и английские мореплаватели, наполняет островами северные моря: «а как Шпицберген один состоит из трех главных островов и из мелких весьма многих и помянутый Корнелисов остров лежит в близости оных, то весьма вероятно, что самая полярная часть света наполнена многими островами и занята архипелагом, за которым лежат полуночные берега Северной Америки»¹⁰⁹. Ломоносов ставит перед мореплавателями ту же цель, что за два века до него описывали Бест и Дэвис, только он учитывает, что искать проход предстоит не через северные острова, а сквозь льды: «Ежели случатся великие льды промеж гренландских берегов и между северным концом шпицбергенским, поперек намеренного пути лежащие, то не оставлять надежды и без наивозможнейшего покушения в продолжении пути не возвращаться, но употреблять в пользу время и место. Временем пользоваться, ожидая случая, когда льды разойдутся»¹¹⁰.

Мотивы использования путешественниками образов, в которых переплетены традиция и воображение различны: среди них и мотивы имперской экспансии, и личные амбиции, и зависимость от капиталовложений. Но всегда нужно учитывать, что у любого описания пространства помимо физико-математических имеется и множество скрытых характеристик. Восприятие пространства не линейно и зависит от психобиологических факторов. Однако не стоит забывать, что воображаемые образы оказывают значительное воздействие на восприятие физического пространства и, как правило, не отличаются по своим характери-

¹⁰⁸ Ломоносов М.В. Краткое описание разных путешествий... С. 440.

¹⁰⁹ Там же. С. 469.

¹¹⁰ Ломоносов М.В. Краткое описание... С. 527.

стикам от документально зафиксированных. И когда мы говорим о Российской империи XVIII в., необходимо учитывать, что проживающие на ее территории народы могли воспринимать пространство страны в свете, кардинально отличающемся от представленного на официальных государственных ландкартах.

В «Описании земли Камчатки» С.П. Крашенинникова виден интерес автора к описаниям местного населения и отличие этих описательных стратегий от моделей, которые старалось насадить апеллировавшее к риторике Просвещения государство. Для Крашенинникова географические наименования являются вербальными значениями отдельных элементов пространства, для курилов же слово не просто обозначает реальность, но и моделирует ее. Так, Крашенинников пишет, что местные жители связали с его приходом наступившие холода, «ибо они студента называют своим языком шакаинач, то есть студеный, и по смешному своему разуму так рассуждают, что при студеных не можно быть теплой погоде»¹¹¹. Тот же прием использован ими при описании Курильских хребтов, которые курилы называют «Жогач». Как отмечает Крашенинников, «сим именем называют они и спинки у рыбы, и чрез то по своему замыслу думают изъяснить покрытое морем его качество»¹¹². Чтобы благополучно перебраться через хребты, курилы приносят рыбе дань, соотнося различные для Крашенинникова элементы реальности по принципу имяназывания.

Крашенинников записывает предания камчадалов о горах, перемещающихся с места на место, спасаясь от «точащих» их духов, об опасных духах, проживающих в «кипячих водах» и «горелых сопках», о душах умерших, населяющих «огнедышащие горы» и пр. Однако хотя он и считает эти описания наивными, он готов использовать их как источник знания о реальности: «Басни камчадалские, сколь ни глупы, однако их, по моему мнению, вовсе презирать нельзя: потому что в них без сумнения заключается некоторое известие о древней перемене сих мест, которая по причине многих огнедышущих гор и частых преужасных трясений земли и наводнений и поныне нередко примечается»¹¹³.

Среди местного населения нет устойчивых моделей описания и разные группы могут объяснять схожие явления различны-

¹¹¹ Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки // Полное собрание ученых путешествий. В 8 т. СПб., 1818. Т. 1. С. 261.

¹¹² Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки... С. 144.

¹¹³ Там же. С. 149.

ми способами. В то же время Крашенинников подчеркивает, что «наивные» модели описания встречаются не только среди коренных народов, но и у казаков, которые, например, видят в «возгорании» гор предзнаменование скорого кровопролития, «а притом утверждают, что чем доле и сильнее она горит, тем и больше крови проливается»¹¹⁴. Описательные модели местного населения неоднозначно фиксируют и другие академические путешественники. И.П. Фальк с недоверием излагает местную легенду об основании города на берегу Ахтубы из-за слетевшихся на сахар птиц, И. Лепехин воспринимает местные легенды как рассказы простолудинов, И.Г. Гмелин пытается найти рациональное объяснение наблюдаемого им обряда и т.д.

Все это говорит о том, насколько официальная трактовка реальности, насаждаемая из Санкт-Петербурга, была чужда значительной части населения Российской империи. Таким образом, концепты и практики, создаваемые и воспроизводимые интеллектуальными элитами России и Англии, следует рассматривать в более широком контексте. Необходимо включать в исследование анализ установок разных социальных и этнических групп, акцентировать различные описательные модели и повествовательные стратегии и, конечно, учитывать многовекторность и мультиконструктность образов пространства.

¹¹⁴ Там же. С. 284.

Глава III

НАУЧНАЯ СИСТЕМАТИКА КАК ВЛАСТНЫЙ ДИСКУРС

3.1. ОТ БЭКОНА К БОЙЛЮ НОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ БОЖЕСТВЕННОГО МИРА

В данном разделе речь пойдет не столько об истории развития научного знания, сколько о конфликтах и спорных теориях, а также о дискуссионных моментах в научном знании в Англии XVII в. Ни одно исследование не может быть выполнено без обозначения его предметных границ, что в случае с таким понятием как «наука» вызывает многочисленные трудности, вызванные размытостью терминологических границ, плюрализмом толкований и неустойчивостью коннотаций.

История термина *science* в английском языке связана с переводом греческого понятия *эпистема* (истинное знание) на латынь в форме *scientia*. В английский язык этот термин пришел из старофранцузского и утвердился в конце XIV в. Согласно этимологическому словарю, понятие *science* могло обозначать «знание, полученное из книг», «сферу обучения», «сообразительность и смекалку», а в XV в. также «опытное знание» и, ближе к концу века, «коллективное знание», в т.ч. основанное на наблюдении, эксперименте и логике. Современное определение *science* как совокупности методов и систематических наблюдений за объектами или явлениями закрепляется только в XVIII в.

Главным свойством научного знания является его нацеленность на безупречность, т.е. последующее знание всегда стремится превзойти предшествующее, что приводит к тому, что наука фактически сама устраняет из своих характеристик собственное прошлое. Можно высказать провокационный тезис, что у науки нет прошлого, из-за чего знания, предшествующие современному, часто рассматриваются как наивные или протонаучные. В то же время подобная трактовка упускает из виду социальный аспект конструирования научного знания.

Визуальные и вербальные практики находились в процессе поиска своих эпистемологических возможностей. Изображения могли не только служить украшением текста, но и проецировать

особую физическую реальность. Хотя исследователи и сходятся на том, что в XVI в. происходит трансформация визуальных практик, нет окончательного мнения о роли и функционировании изображений в научном знании раннего Нового времени. Изображения могут служить как двигателем мировоззренческих трансформаций, выступая в качестве новых метафор реальности, так и коммуникативным агентом, аккумулирующим сведения о реальности¹. Не менее любопытные отношения можно выявить между практиками публичных демонстраций физических экспериментов (в т.ч. вивисекциями животных и публичными вскрытиями человеческих тел) и театром, или между выставками произведений искусства и демонстрациями натуральных объектов.

С одной стороны, научные модели описания в раннее Новое время еще только приобретают четкие формы, с другой – в историографии часто встречается указание на значительный рост научных знаний и на «Научную революцию», которая является метафорой, детерминирующей повествовательные стратегии историков, пытающихся выявить ее корни. В качестве переломного момента указываются издание в XV–XVI вв. переводов Платона, Плиния Старшего, Архимеда и пр., на основе которых делается вывод о трансформации восприятия античного наследия, которое постепенно теряет значение непогрешимого источника сведений о реальности. В то же время, большинство авторов сходятся на том, что однозначного ответа о причине отказа от античных мировоззренческих моделей в раннее Новое время нет: «возможно, это произошло просто в результате накопления научных достижений в ходе реставраторских предприятий XVI в., а может быть, сами ученые поняли, что далеко не всегда Античность может служить последним основанием экспертной оценки»².

Совокупность трансформаций, произошедших с научным знанием в раннее Новое время, получила наименование «Научной революции» далеко не сразу, но уже в XVII–XVIII вв. встречаются упоминания о «революциях» в медицине, геометрии, философии и пр. Д.Н. Дроздова отмечает, что в значении наиболее близком к современному это понятие приводит в 1847 г. Александр фон Гумбольдт, который утверждал: «Научная революция, нача-

¹ См.: Шпак Г.В. Визуальные источники в естественнонаучном знании XVI–XVII веков в свете современной историографии // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. А.Г. Голиков. М., 2019. С. 579–592.

² Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие. М., 2015. С. 89.

ло которой положил Николай Коперник, имела редкое счастье... без задержек продвигаться к своей цели – познанию истинной структуры вселенной»³. Закрепление «Научной революции» в историографии часто связывают с именем А. Койре – он употребил это словосочетание в 1943 г. в заголовке статьи «Галилей и Научная революция». Первая монография, целиком посвященная феномену «Научной революции», опубликована А. Рупертом Холлом в 1954 г., что «окончательно закрепляет данную тему в каноне историко-научных исследований. Описание Научной революции, происходившей на заре Нового времени, становится необходимой частью учебников и энциклопедий»⁴. Но несмотря на широкое использование термина, в историографии нет однозначного представления ни о его сути, ни о его хронологических или территориальных границах. «Научная революция» может рассматриваться с позиции институциональных трансформаций, экономических или социальных практик, средств коммуникаций или мыслительных стратегий. С. Шейпин отмечает, что научная революция являлась фундаментальным переориентированием нашего восприятия природы, и изучать ее можно лишь в связи «с радикальными изменениями фундаментальных категорий мышления». Верифицируя свою позицию, Шейпин пишет:

«Согласно Баттерфильду, мышление изменилось в ходе этой революции так, как будто мы получили «новые очки» вместо потрепанных старых. А по мнению А. Руперта Холла, научная революция – это не просто сдвиг в образе мысли, а “никому не подвластное переопределение объектов философского и научного исследования”»⁵.

Попытка представить развитие науки как усовершенствование научного метода также стала предметом критики, поскольку само понятие метода в XVII в. имело иные коннотации:

«Сомнительны теперь и заявления об историческом существовании “научного метода”, то есть соотносимого с собой универсального эффективного набора процедур, производящих научное знание, и тем более не следует толковать развитие науки в XVII в. как реализацию “метода” и вести от тогдашнего метода прямые линии к современности»⁶.

Таким образом, когда мы говорим о «Научной революции» мы подразумеваем совокупность многочисленных процессов,

³ Дроздова Д.Н. Интерпретация Научной революции в работах Александра Койре: дис. ... канд. ист. наук, М., 2012. С. 86.

⁴ Там же. С. 76–77.

⁵ Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие... С. 316.

⁶ Там же. С. 318.

происходивших в европейских государствах раннего Нового времени. Однако, если мы попытаемся структурировать эти процессы и выделить ряд основных, окажется, что революций было несколько и происходили они в разных областях. Самой известной является космографическая революция, также называемая «Коперниканской», которая начинается с издания Н. Коперником трактата «Об обращении небесных сфер» (1543) и завершается работой И. Ньютона «Математические начала натуральной философии» (1687) – даты, условно обозначающие хронологические границы «Научной революции»⁷, хотя М.Б. Холл и предлагает выделить в отдельную группу события XV – начала XVII в., обозначив их как «Научный ренессанс»⁸.

Итогом космографической революции является коренная трансформация мировоззренческих установок: земное и небесное становилось единым целым, связанным едиными законами; все происходящее во вселенной теперь могло быть объяснено естественными причинами; Земля теряла статус Божественного дома, приобретая свойства ординарного космического тела, а человек из венца творения, обитающего в созданном для него пространстве, превратился в обитателя одной из множества планет.

Помимо космографической мы можем вспомнить революцию в медицине, механике, математике, философии, картографии и пр. Сэр Уильям Темпл во второй половине XVII в. описывает прогресс в медицине от Парацельса до Гарвея как серию «великих изменений или революций в империи физики (in the physical empire)⁹». В то же время революционные открытия в научном мире влияли и на политический дискурс. На волне признания гелиоцентрической модели Людовик XIV заявил о себе как о короле-Солнце – освещающем Францию из ее центра, а физиолог У. Гарвей в опубликованном в 1628 г. на латыни трактате о кровообращении (*Exercitatio Anatomica de Motu Cordis et Sanguinis in Animalibus*) сравнивал Карла I с сердцем как центром человеческого тела, без которого циркуляция крови была бы невозможна.

Помимо указанных «конфликтных точек» можно назвать еще и внетерриториальный аспект «Научной революции», которую часто соотносят со становлением «западного образа мышления» или, напротив, вписывают в границы одного государства

⁷ См. Кирсанов В.С. Научная революция XVII в. М., 1987.

⁸ Цит. по: Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие... С. 25.

⁹ Дроздова Д.Н. Интерпретация Научной революции... С. 80.

без учета поликультурного статуса науки XVI–XVII вв., связанного с существованием собственного языка, особых коммуникативных норм и отнесения себя учеными разных государств к научному сообществу, представляющему собой как бы отдельную нацию. Все это позволяет говорить о существовании особого «государства» ученых – «Республики писем» (*Respublica litteraria*). Она «появилась в XVII в. в качестве самопровозглашенного сообщества ученых и литературных деятелей, которое простиралось за пределы национальных границ, сохраняя, тем не менее, уважение к различиям в языке и культуре»¹⁰.

В силу территориальных и предметных ограничений структура историко-научного нарратива не может избежать некоторой мифологизации¹¹. Нарративы, мифологизирующие прошлое научного прогресса, создаются вскоре после создания английского Королевского общества. Уже в 1667 г. епископ Томас Спрат выпустит «Историю Королевского общества», в которой заявит об уникальной роли Королевского общества в судьбе Англии и всего человечества: «Чего еще более значимого может желать человек, о каких достижениях грезить, как не стоять у основания столь выдающейся компании, уже послужившей человечеству источником множества добродетелей. Что может восторгать англичанина, претерпевшего в недавние времена многие невзгоды, более того, что он не только за короткий срок смог достичь былого Достоинства (*Civility*) и Учености (*Learning*), но и вступить на новый путь совершенствования искусств, столь великих и полезных (если не сказать больше), которые когда-либо только и изобретала самая остроумная и счастливая эпоха»¹².

Трактат Спрата состоит из трех частей. В первой повествуется о развитии знания в былые эпохи. Спрат подчеркивает, что и в античности, и в средние века мыслители были слишком сосредоточены на абстрактных понятиях вместо того, чтобы осуществлять реальные эксперименты: «В первой части своей работы я назвал причины, по которым во все предыдущие века эти исследования были подавлены из-за корыстных интересов различных группировок, жестоких споров, притворного правдопо-

¹⁰ Лисович И.И. Скальпель разума и крылья воображения... С. 181.

¹¹ Дастон Л. История науки и история знания // Логос. 2020. № 1 (134). С. 75.

¹² Sprat T. The History of the Royal-Society of London for the Improving of Natural Knowledge. L., 1667. P. 3–4.

добия, религиозных конфликтов, догматических взглядов, бедности исполнителей (*Undertakers*) и отсутствия сообщества экспериментаторов». Во второй части Спрат воспекает Королевское общество и его успехи: «я показал, какими усилиями создавалось Королевское общество, какие меры оно предприняло, чтобы сделать свои наблюдения универсальными и постоянными (*perpetual*); какую поддержку получало на этом пути». Третья часть посвящена методу Общества – эксперименту, его превосходству над иными практиками описания физического мира и непогрешимости его членов: «Мой Читатель теперь видит Собрание, состоящее из многих выдающихся людей различных качеств, отдавших свои силы на столь необходимое всем дело и столь свободных от малейших подозрений в подлости или корысти»¹³.

Трактат Т. Спрата создает устойчивое представление о прогрессе научного знания, который достигает кульминации вместе с деятельностью научного сообщества, основа методологии которого была заложена Ф. Бэконом, выступающим в роли проводника в мир нового научного знания. Спрат гарантирует не только, что природа благодетельствует человека за его старания, но и что в королевстве наступит мир и люди будут более преданы короне и послушны законам: «Нарушение закона есть идолопоклонство: причина, по которой люди презирают законы и власть, проистекает из их поклонения идолам собственного остроумия (*Wit*): они превозносят свое благоразумие, считают себя непогрешимыми, создают собственные мнения и поклоняются им. Но это тщетное идолопоклонство неизбежно падет перед экспериментальным знанием, являющимся врагом всевозможных суеверий и людей, преданных собственным фантазиям»¹⁴.

Сочинение Т. Спрата является первым из произведений, заложивших канон повествования об истории научного знания с позиций прогресса и в то же время вписывающим научное знание в систему государственного управления. Как пишет П. Деар, «тесная ассоциация бэконизма с монархическим типом правления, без сомнения, способствовала тому, чтобы философия Бэкона увенчала научную деятельность 1660-х гг.»¹⁵. Описание истории Королевского общества в виде торжества бэконизма модели станет традиционным и будет пересмотрено только в 30-е

¹³ Sprat T. The History of the Royal-Society... P. 430–431.

¹⁴ Ibid. P. 430.

¹⁵ Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие... С. 208.

гг. XX в. вместе с актуализацией в историографии социологических методов исследования.

М.Р. Гатина и Д.В. Михель отмечают, что первыми работами, пересматривающими историю Королевского общества и английской науки, были исследования Бориса Гессена и Роберта Мертона. Гессен в работе «Социально-экономические корни механики Ньютона» предположил, что «механика Ньютона, как и вся физика его эпохи, оказалась ответом на запросы, которые поставила техника Нового времени. В свою очередь, развитие техники оказалось следствием экономического развития и формирующегося буржуазного общества Англии»¹⁶. Согласно его концепции, именно потребность в совершенствовании техники вывела механику на первый план. Последователь Макса Вебера Р. Мертон связывал становление английской науки и протестантскую этику: «протестантская этика породила современный этос науки, нашедший свое воплощение в четырех нормах – коммуналлизме (communalism), универсализме (universalism), бескорыстности (disinterestedness) и организованном скептицизме (organized skepticism)»¹⁷. Таким образом, в 30-х гг. XX в. историки обратили внимание на выявление внешних причин формирования научных сообществ и моделей исследовательского этоса.

В 1960-е гг. развернулась полемика между Кристофером Хиллом, поддерживавшим концепцию пуританской природы научного знания, и его оппонентами, из которых выделяются Хью Кирни и Барбара Шапиро, заявившие о более сложной природе формирования научных сообществ. В 1970-х Л. Маллиган указывает на характерные черты членов Королевского общества: «типичный ученый был роялистом, англиканином и университетски образованным джентльменом»¹⁸. Poleмика будет продолжаться и в последующее десятилетие, но постепенно будет намечен сдвиг от выявления внешних факторов к более пристальному взгляду на жизнь и деятельность конкретных членов Общества, а также к анализу самой науки и природы экспериментального знания.

В этом контексте знаковой является работа С. Шейпина и С. Шеффера «Левиафан и воздушный насос: Гоббс, Бойль и экс-

¹⁶ Гатина М.Р., Михель Д.В. Ранняя история Лондонского Королевского общества глазами современных историков науки // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 193.

¹⁷ Там же. С. 195.

¹⁸ Там же. С. 197–198.

периментальная деятельность»¹⁹. Сами авторы о цели своей работы пишут, что она «состоит в том, чтобы разрушить ауру самоочевидности, окружающую экспериментальный способ получения знаний. “Истина”, “адекватность” и “объективность” будут рассматриваться как достижения, как исторические продукты, как суждения и категории действующих лиц. Они станут темами для исследования, а не ресурсами, которые могут быть для этого исследования использованы. Мы намерены представить научный метод как кристаллизацию форм социальной организации и как средство регулирования социальных взаимодействий внутри научного сообщества»²⁰. Десятилетия политических неурядиц способствовали поиску согласия между социальными группами. Новые эпистемологические основания должны были позволить избежать повторения гражданской войны. Авторы постулируют взаимосвязь эпистемологии и социального порядка, для достижения которого и необходим разработанный метод. Однако взгляд на новую эпистемологию мог отличаться, что и показано авторами на примере полемики Р. Бойля и Т. Гоббса.

Р. Бойль вместе с Р. Гуком, Т. Спратом и др. выступает за «экспериментальную» эпистемологию, он настаивает на том, что неодушевленные предметы являются основным источником знания, но, как отмечают Шейпин и Шеффер, это знание не априорно, а навязано эмпирикой. Чувства же человека не надежны: «Поэтому научные инструменты навязывают чувствам в равной мере исправление и дисциплину. В этом отношении дисциплина, навязываемая такими устройствами, как микроскоп и воздушный насос, была аналогична дисциплине, навязанной чувствам разумом. Одних чувств было недостаточно, чтобы составить правильное знание, но дисциплинированные чувства гораздо лучше подходили для этой задачи»²¹. Позиция Гоббса представлена «конструктивным рационализмом», нацеленным на поиск согласия, но утверждающим, что эксперименты не объясняют причин. «И если для Бойля основой согласия должна была стать специфическая практика свидетельства, замыкающаяся на воспроизводимые источники чувственных данных и персональный опыт наблюдателя,

¹⁹ Shapin S., Schaffer S. J. *Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life*. Princeton, 1985.

²⁰ Цит. по: Вархотов Т. В поисках эпистемологии согласия: к 35-летию «Левиафана и воздушного насоса» // *Логос*. 2020. Т. 30. № 3. С. 182.

²¹ Вархотов Т. В поисках эпистемологии согласия. С. 184.

то для Гоббса такой путь представлялся изначально тупиковым: в основу согласия должно быть положено нечто действительно общее для всех людей – разум и поведение (behavior)»²².

Сочинение Шеффера и Шейпина заложило основу для пересмотра традиционных моделей описания становления научных практик, переключая внимание с текстовых источников на визуальные, материальные и перформативные (экспериментальные практики), с описания эксплицированных данных на выявление имплицитных структур рациональности. В работах Бруно Латура, Мари Боас Холл, Лорейн Дагтон и др. дисциплинарные основы истории науки переосмысляются и приобретают новые формы в виде исторической эпистемологии или истории знания.

Мы видим, сколь сложно дать однозначную картину развития научного знания, не сводя все множество факторов к отдельным положениям и постулатам, и проходя между Сциллой и Харибдой экстернализма и интернализма, реализма и социального конструктивизма, модернизма и историзма. Для понимания развития научного знания в XVII в. и последующие эпохи, необходимо разобраться в том, насколько разнился взгляд на цели и задачи постижения мира в указанное время. Именно конфликт парадигмальных установок XVII в. является одним из ключевых двигателей развития знания, а споры между авторами раннего Нового времени приводят к недопониманию и дискуссиям в среде современных историков науки. Чтобы разобраться в причинах ожесточенной полемики между мыслителями XVII в., необходимо разобраться в том, с чего начиналось становление научного знания в том варианте, в котором его описывал Ф. Бэкон.

Средневековая схоластика опиралась в основном на сочинения Аристотеля и отчасти его учителя Платона. Согласно Платону, предметом познания может быть только нечто абсолютное, например, мир идей. Он призывал к переходу от чувственного восприятия к логическому, характеризуя органы чувств только как вспомогательный инструмент для понимания вечных истин. Знание о сути вещей уже скрыто в душах, но требует особого «припоминания», которое может быть достигнуто только путем рассуждения. Платон выделял истинное знание (эпистему) и мнение (доксу), которое он делил на воображение и верование. Эпистема подразделялась им на «дианойю» и «ноэзис» – знание логическое и интуитивное. Для Платона интуитивное знание слу-

²² Там же. С. 188.

жило высшей формой познания, приходящей подобно озарению и доступной только мудрецам. В отличие от Платона, Аристотель применяет методы своего учителя для эмпирического познания мира, стараясь избежать религиозно-мифологических объяснений. Однако, как и у Платона, в основе учения Аристотеля лежит универсальное знание, от которого философ переходит к частностям. Вспомним знаменитый силлогизм: «Все люди смертны. Сократ – человек. Следовательно, Сократ смертен». Основным предметом критики в XVI в. становится пресуппозиция «все люди смертны» – утверждение, которое может быть произведено только на основе ограниченного количества единичных чувственных наблюдений. Согласно П. Деару, в критике данного силлогизма и кроется основное отличие знания раннего Нового времени: «Универсальное утверждение, составляющее большую посылку, говорил Ф. Бэкон, может быть подтверждено только бесконечным числом частных, тогда как заключение в аристотелевском силлогизме — это только одна из многих этих частных. Получается, что заключение, которое вроде бы обосновывается универсальным философским знанием, в конечном счете восходит к самому себе как к частному примеру²³».

К концу XV столетия в результате изучения работ Аристотеля в христианской Европе «происходит разделение философии («естественной теологии») и собственно теологии («божественной теологии»), так как благодаря Аристотелю оказалось, что можно создать философскую систему бытия, не обращаясь к книге «Бытия» Библии²⁴. С открытием Аристотеля связано восстановление интереса к изучению природы и географической реальности. Природу изучали такие дисциплины как естественная философия, медицина и математические науки. Целью естественной философии стало объяснение всех аспектов натурального мира. Однако не следует считать, что деятельность схоластов строилась исключительно на рациональных моделях познания, ведь магические инструменты взаимодействия с реальностью были также широко распространены и находили свое отражение в мировоззрении мыслителей позднего средневековья. Одним из первооткрывателей античной мистической традиции считается Марселио Фичино, создавший в 1460–1470-х гг. переводы на латынь сочи-

²³ Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие... С. 19.

²⁴ Хрестоматия по западной философии XVII–XVIII вв. / Под общ. ред. Л.И. Яковлевой. М., 2003. С. 349.

нений Платона, Гермеса Трисмегиста и неоплатоников, которые, по его мнению, представляли полный античный свод мистического знания. Новые подходы к восприятию реальности позволили возродить в новом цвете «герметическую триаду»: магию, алхимию и астрологию. Астрология получила в неоплатонически-герметическом синтезе Фичино новое измерение: «теперь уже не просто документировались предсказания звезд и пассивно прослеживалось предсказанное будущее, но предпринималась попытка влиять на человеческие дела через астрологические воздействия»²⁵. Таким образом, маг-астролог получил возможность налаживать взаимодействие между «звездными силами и земными вещами». С помощью магии человек получал возможность взаимодействовать с природными стихиями, а астрология освобождала человека от фатальности его судьбы. Трансформация взаимодействия с природой знаменует то, что в дальнейшем получит название «Научной революции». В отличие от астрологов или алхимиков, сторонники Аристотеля старались оставаться нейтральными наблюдателями, не вмешиваясь в природные процессы. «Аристотелизм отказывался ставить природу под контроль»²⁶.

Таким образом, к XVI в. в представлении о познании мира уже был намечен раскол, и размышления английских философов, таких как О. Фэлтхам или Ф. Бэкон об условиях получения истинного знания, были логичным продолжением этого спора. Основной постулат, приписываемый Ф. Бэкону, гласит, что мир возможно познавать только через собственный опыт, стараясь не доверять слепо авторитетам прошлого. Этот тезис встречается как в заметках английских мореплавателей второй половины XVI в., так и в работах современников Бэкона. Фэлтхам в 1620 г. в эссе «О путешествии» пишет: «Нет карты, подобной личному осмотру страны. Опыт – лучший советчик, и одно путешествие может дать человеку больше, чем любые описания»²⁷. Не случайно термин «открытие» (*discovery*) входит в науку как раз из географических трактатов. «Роберт Гук, выступая с речью в только что созданном Лондонском королевском обществе, говорил о микроскопе как о средстве открытия новых земель — целого мира, пусть очень малого, но заслуживающего своего интереса»²⁸.

²⁵ Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие... С. 51.

²⁶ Там же. С. 24.

²⁷ Шпак Г.В. Изобретая пространство. Россия и Англия XVI–XIX веков в путешествиях, травелогах, картах. Екатеринбург, 2021. С. 81.

²⁸ Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие... С. 22.

В разнице понимания опыта Аристотелем и Бэконом – суть конфликта, продолжавшегося на протяжении XVII в. и ярко выраженного в полемике между А. Россом и Т. Брауном, Т. Гоббсом и Р. Бойлем, Дж. Локком, И. Ньютоном и Г. Лейбницем. Для Аристотеля опыт – это понимание истинного устройства мира, наблюдаемого изо дня в день, для Бэкона – наблюдение частных и проведение экспериментов, т.е. ограничение свободы природы путем личного вмешательства, путем выпытывания истин.

Основные положения концепции Аристотеля были изложены в «инструментальных книгах», объединенных в I в. до н.э. Андроником Родосским под заголовком «Органон». Это произведение знакомит нас с методами и инструментами, на основе которых, по мнению Аристотеля, и строится научное знание. Среди них Аристотель выделяет доказательность и очевидные истины, не требующие подтверждений. Фрэнсис Бэкон изложит свою концепцию в работе, получившей название «Новый Органон» (1620), т.е. новый инструментарий, противопоставляемый трудам Аристотеля. Главный тезис Бэкона – «открытия новых вещей должно искать от света природы, а не от мглы древности»²⁹. Он заявляет: «Нельзя (скажем это открыто) из предвосхищений (т.е. из оснований, коими обычно пользуются) вывести правильное суждение о нашем пути и о том, что этим путем найдено. Ибо не должно прибегать к суду того, что само подлежит суду»³⁰. Бэкон, таким образом, отказывается от идеи предшествующего знания и одновременно призывает к созданию новых объяснительных схем, не зависящих от ошибок разума и создаваемых им «идолов». Как отмечает П. Деар: «упор Бэкона на собственноручную экспертизу и эксперимент вместе с превознесением пользы над созерцанием и породил тот корпускулярный механицизм, который пропагандировали большинство членов Королевского общества на раннем этапе его существования»³¹. В то же время нужно учитывать, что позиция Ф. Бэкона относительно включения авторитетов прошлого в ассортимент научных практик в разные периоды могла отличаться. Например, в работе «О мудрости древних» (1609) Бэкон заявляет о необходимости преемственности в знании, хотя и замечает, что «первенство во многих науках по-прежнему принадлежит их творцам — Аристотелю, Галену,

²⁹ Бэкон Ф. Новый Органон // Бэкон Ф. Соч. В 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 72.

³⁰ Там же. С. 17.

³¹ Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие... С. 116.

Эвклиду, Птолемею — тогда как их последователи не сделали, да и не пытались сделать, ничего значительного»³².

Представление Ф. Бэкона о том, как должно быть устроено просвещенное общество будущего, изложено в сочинении «Новая Атлантида» (1626). В нем описана островная страна, устройство которой подчинено необходимости постижения мира. На острове функционирует «Общество Соломона», главной целью которого является изучение «творений господних» и «познание причин и скрытых сил всех вещей и расширение власти человека над природою, покуда все не станет для него возможным»³³. Члены общества занимаются в своих садах экспериментальным изучением природы: «заставляем мы деревья цвести раньше или позднее положенного времени, вырастать и плодоносить скорее, нежели это наблюдается в природных условиях»; «Нам известны способы выращивать различные растения без семян, одним только смешением почв, а также способы выводить новые виды растений, отличные от существующих, и превращать одно дерево или растение в другое». Жители острова способны даже создавать животных, смешивая различные вещества и зная, «из каких веществ и соединений какое создание зародится». При этом животные необходимы «не ради одной лишь красоты или редкости, но также для вскрытий и опытов; дабы знать, что можно проделать над телом человека»³⁴. Для экспериментов у жителей острова есть специально отведенные здания — то, что мы теперь назвали бы лабораториями: «дома света, где производятся опыты со всякого рода светом и излучением и со всевозможными цветами и где из тел бесцветных и прозрачных мы извлекаем различные цвета»; «дома звука для опытов со всевозможными звуками и получения их»; дома ароматов, «где производятся опыты также и над вкусовыми ощущениями»; дома механики, «где изготавливаются машины и приборы для всех видов движения»; математическая палата, «где собраны всевозможные инструменты, как геометрические, так и астрономические, изготовленные с большим совершенством», и «особые дома, где исследуются обманы органов чувств»³⁵. Природа, подчиненная воле лорда-канцлера Ф. Бэкона, должна раскрыть свои секреты, которые послужат на благо человеку.

³² Бэкон Ф. О мудрости древних // Бэкон Ф. Сочинения... Т. 2. С. 289.

³³ Бэкон Ф. Новая Атлантида // Там же. С. 509.

³⁴ Бэкон Ф. Новая Атлантида... С. 510–511.

³⁵ Там же. С. 514–515.

Изменение в восприятии природы демонстрирует открытие в Англии первых музеев, где публике были представлены природные объекты и чудеса мира, а также ботанических садов, в которых растения не просто служат нуждам владельцев, но подвергаются «опытам». В первом публичном музее, основанном Джоном Традескантом Старшим (1570–1638) и получившим название «Ковчег», будут собраны различные артефакты и *curiosities*: панцири, насекомые, ископаемые, медали, обувь, шляпы, оружие, украшения, зубные щетки, перья феникса, драконьи яйца, часть святого креста, чаша из рога единорога, рука русалки и рука мумии, накидка короля Вирджинии, снасти Генриха VIII и пр.

В то же время публикуются работы на английском языке аккумулирующие известные сведения о живой природе. В 1629 г. основатель «Достопочтимого общества фармацевтов» Джон Паркинсон опубликовал содержащую около 800 иллюстраций работу по ботанике, где растения рассмотрены как самостоятельные объекты. В обращении к читателю было сказано:

«Хотя древние язычники и считаются первооткрывателями различных свойств растений и, следовательно, природы, некоторые еще до кентавра Харона, а другие до Аполлона или его сына Асклепия, но мы, христиане, вышли из лучшей школы, данной нам Богом. Бог, создатель Небес и Земли, когда создавал Адама, наделил его знанием всех натуральных объектов (которое, по счастью, перешло Ною и его наследникам), поскольку, так как он смог дать имена всем живым существам сообразно их природе, несомненно, он к тому же обладал знанием всех трав и фруктов для еды и для врачевания, для пользы и удовольствия. И Адам мог тренировать свое знание, ведь Бог вырастил сад, чтобы он жил в нем, где и в невинности трудился бы, и проводил свое время»³⁶.

В этом фрагменте проявляется противопоставление античного представления о мире и нового знания, данного Богом, но требующего тренировки.

Полемика между эксперименталистами и сторонниками перипатетического подхода к описанию реальности ярко выражена в споре шотландского интеллектуала Александра Росса и английского доктора Томаса Брауна, оспорившего в 1646 г. мнение, что чесночный сок способен лишать магнит его свойств. Браун подробно описал проведенный им эксперимент, на что Росс заявил:

«Я знаю, что уже говорил об этом, но теперь утверждение, что чеснок ослабляет силу магнита, опровергается доктором Брауном, а до него Батиста Порты; но я не могу поверить, что столько знаменитых

³⁶ Parkinson J. *Paradisus in Sole Paradisus Terrestris...* L., 1629. P. 3.

авторов, подтверждавших это свойство чеснока, могли обманываться; и поэтому я думаю, что у них был другой вид магнита, а не тот, который есть у нас теперь. У Плиния и других было большое разнообразие магнитов, лучшие из них из Эфиопии. Таким образом, если у некоторых магнитов притягивающая сила ослабляется чесноком, это не значит, что она не ослабляется у всех; и возможно, наш чеснок не столь крепок, как у древних, доставляемый из жарких стран»³⁷.

В этом споре сошлись две взаимоисключающие позиции – эмпирический метод Бэкона и вера в достоверность свидетельств авторитетных авторов прошлого, которая подкреплялась убежденностью в истинности инструментальных установок Аристотеля. Сторонники Аристотеля были убеждены в необходимости поиска причин происходивших явлений, а не в количественном анализе поверхностных изменений (акциденций). Они упрекали математику в том, что математики не могут указать ни одной причины, следующей из их выводов, в то время как выявление причин для них и является основой познания. Так на протяжении раннего Нового времени идет спор между сторонниками познания истинного устройства мира и исследователями его функциональных качеств, достигший апогея в споре Р. Бойля и Т. Гоббса.

С. Шейпин и С. Шеффир об этом конфликте пишут: «Стороны спора изображали друг друга как лидеров банд, а их образцовые сообщества – как немногим более достойные, чем какой-то уличный сброд. Гоббс утверждал, что содружество экспериментаторов было одновременно слишком эксклюзивным и слишком открытым». Гоббс обвинял экспериментаторов в том, что их философия не публична, доступна только группе избранных, ее сторонники политически ангажированы и напоминают малолетних ремесленников или заговорщиков, стремящихся к незаконной автономии. Экспериментаторы также видели в Гоббсе представителя тайной партии, который является «великим Левиафаном, подлинным Дагоном многих молодых помещиков и щеглов»³⁸.

Как же удалось экспериментальному подходу утвердиться в виде единственно истинной практики познания мира? Историки продолжают дискутировать на эту тему, ставя под вопрос сам факт торжества экспериментализма. Однако утилитарное значение новой науки было положительно воспринято предпринимателями и купцами, готовыми спонсировать разработку новых науч-

³⁷ Вуттон Д. Изобретение науки. Новая история научной революции. М., 2018. С. 249.

³⁸ Вархотов Т. В поисках эпистемологии согласия... С. 189-190.

ных систем. В Англии символом подобного сочетания науки и капитала становится Грэшем-Колледж, в 1597 г. основанный в Лондоне на деньги финансиста Т. Грэшема. «Грэшем-колледж находился в пространстве между средневековой школой, ремесленной мастерской, университетом и “новой философией” Ф. Бэкона, реформой образования Я.А. Коменского и П. Рамуса»³⁹.

Наибольшую славу Грэшем-колледжу принесли открытия профессоров точных наук. Будет даже составлен проект У. Петти о реформе колледжа в соответствии с научными принципами Бэкона и закрытии кафедр теологии, риторики и права, однако он так и не будет воплощен в жизнь, а часть профессоров в 1660 г. вступит во вновь созданное в Лондоне общество, которое вскоре получит статус королевского и будет официально названо «Лондонским королевским обществом по развитию знаний о природе». Королевское общество сложно напрямую вывести из какой-либо предшествующей институции, но считается что «научная сеть, сосредоточенная на Грэшем-колледже, сыграла решающую роль в собраниях, которые привели к формированию Королевского общества». Запись в первом журнале Общества от 28 ноября 1660 г. гласит: «Эти люди [члены Общества], согласно обычаю принятому большинством из них, собрались вместе в Грэшем-колледже, чтобы послушать лекцию г-на Рена»⁴⁰.

Об истинности экспериментального подхода к изучению мира будут заявлять многие члены Академии, что ляжет в основу мифологии научного знания, создание которой было одной из важных задач Общества. Об этом можно судить как по трактату Т. Спрата, так и по главному рупору Академии – журналу «*Philosophical Transactions of the Royal Society of London*», во введении к первому выпуску которого сказано:

«Поскольку нет ничего более необходимого для разрешения Философских Вопросов (*Philosophical Matters*), чем налаживание коммуникации между занятиями (*Studies*) и устремлениями (*Endeavors*) одних и открытиями и достижениями других, в качестве наиболее подходящего способа полагается целесообразным использовать печать (*Press*) <...> Чтобы предприятия (*Productions*) подобного рода смогли быть ясно и правдиво переданы, стремления к достоверным и полезным знаниям удовлетворены, а гениальные усилия и начинания воспеты. Поиск заинтересованными в решении этих вопросов будет поощряться, ради открытия нового и обмена сведениями, дабы

³⁹ Лисович И.И. Скальпель разума и крылья воображения... С. 208.

⁴⁰ Chartres R., Vermont D. A Brief History of Gresham College 1597–1997. Bury St. Edmunds, Suffolk. 1997. P. 32.

они вносили свой вклад в грандиозный замысел улучшения естественных знаний и совершенствования всех философских искусств и наук (*Philosophical Arts and Sciences*). Все для Славы Бога, Чести и Процветания этих Царств и Всеобщего Блага человечества»⁴¹.

Разработка методологии и отношения между наукой и культурой в период раннего Нового времени только начинают выявлять возможные пути своего развития.

3.2. DIVISIO, ИЛИ «ИМПЕРСКОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ»

«Пусть же ваши Боги, о философы,
соответствуют наличным явлениям природы...»
Дэвид Юм

23 мая (3 июня) 1769 г. английский король Георг III «первым лицезрел, как тень Венеры коснулась Солнца»⁴². Российская императрица Екатерина II из-за пасмурной погоды вынуждена была дожидаться утра и наблюдать лишь момент «совершенного выступления Венеры»⁴³ и последовавшее за ним частичное солнечное затмение. В этом «состязании просвещенных народов», как позднее В. Дёленн охарактеризовал масштабные наблюдения за транзитом Венеры⁴⁴, организованные Англией и Россией, на самом деле не было победителей и проигравших. Сплоченность ученых из разных стран ради транзита Венеры в XVIII в. по праву можно считать «первым международным научно-исследовательским проектом»⁴⁵, и проектом успешным: наблюдения позволили астрономам рассчитать расстояние от Земли до Солнца и выдвинуть предположение о наличии у Венеры атмосферы. При этом показательны обстоятельства, в которых была реализована высказанная еще в 1677 г. британским астрономом Эдмундом Галлеем идея одновременного наблюдения за Венерой и Солн-

⁴¹ Introduction // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. 1665. V. 1. March. P. 1–2.

⁴² Observations on the Transit of Venus', 1768–1769 [manuscript, King's College London: K/MUS/1/1] // *Georgian papers. Observations of Venus*. P. 21–22.

⁴³ Дёленн В. О прохождении Венеры по диску Солнца. СПб., 1870. С. 4.

⁴⁴ Там же. С. 3. Транзит, или прохождение Венеры по диску Солнца – прогнозируемое, но весьма редкое астрономическое явление, когда Венера оказывается точно между Землей и Солнцем и становится видна с Земли как маленькое темное пятно на Солнце.

⁴⁵ Попова С. Транзит Венеры: Хроники первого глобального научного проекта // *History Illustrated. Исторический журнал*. 2017. № 3 (144). С. 73.

цем из разных точек земного шара. Георг III вместе с супругой королевой Шарлоттой и сыновьями принцем Эрнестом и принцем Георгом со всеми удобствами обосновались в Королевской обсерватории неподалеку от Ричмонд-лодж, а Екатерина II отказалась занять обсерваторию в Санкт-Петербурге и даже позаимствовать оттуда телескоп, дабы не мешать астрономам, и отправилась в Ораниенбаум наблюдать затмение невооруженным глазом. Случай с Венерой важен не только в плане демонстрации личного интереса монархов к явлениям природы: он фиксирует значимость непосредственного наблюдения как неотъемлемого элемента процесса познания. И хотя далее речь пойдет о наблюдении в русле ботаники, мы посчитали уместным начать рассказ об имперском естествознании с «астрономического» эпизода.

Наблюдение за транзитом Венеры в 1769 г. стало предметом любопытства венценосных особ, а также – поводом к организации масштабных экспедиций: первого кругосветного путешествия под руководством Джеймса Кука в 1768–1771 гг. и больших академических (физических) экспедиций, которые возглавил Петер Симон Паллас в 1768–1774 гг. Эти экспедиции, проходившие в разных частях света, не только были приурочены к одному и тому же знаменательному явлению природы: много общего имели поставленные перед участниками цели и задачи, как и методы проведения исследований и способы фиксации полученных результатов. Сходство обнаруживают и возникавшие на пути натуралистов трудности, которых не удалось предусмотреть или избежать несмотря на предпринятые тщательные приготовления к путешествиям. Адресованные руководителям экспедиций инструкции и составленные в соответствии с ними отчеты фиксируют в первую очередь утилитарные аспекты той заинтересованности в развитии естественнонаучного знания, что проявляют имперские властные институты, и дают представление о причинах появления такого феномена как «имперское естествознание».

В данном разделе речь пойдет о влиянии обстоятельств развития естественнонаучного знания, а именно, систематики и флористики, на формирование картины мира человека во второй половине XVIII в. Данные обстоятельства будут рассмотрены на примере сопоставления вышеназванных экспедиций: историй их организации, проведения и подготовки публикаций по окончании «обследований». Главные «действующие лица» этих историй – неординарные натуралисты, амбициозные искатели приключений, кропотливые исследователи, оставившие в наследство по-

томкам как *неформальные* нарративы, так и подготовленные по всем стандартам своего времени такие научные публикации, как Флоры. Путевые дневники участников экспедиций позволяют исследовать личную мотивацию ученых, их персональную историю поиска путей социализации в сообществе интеллектуалов и возможностей для профессиональной реализации своего исследовательского интереса. И здесь мы предсказуемо сталкиваемся с удивительной вариативностью, обусловленной не столько индивидуальными обстоятельствами, сколько – национальными традициями складывания научной культуры⁴⁶.

Следует подчеркнуть: личный интерес монархов к наукам – не единственная и уж точно не главная причина появления феномена «имперского естествознания», или «имперской ботаники»⁴⁷. Действительно, принято считать, например, что вдовствующая принцесса Уэльская Августа Шарлотта из любви к естественным наукам стала инициатором расширения и развития Королевских ботанических садов Кью, а ее сын Георг III первым из британских монархов получил систематическое образование и, в некотором смысле, унаследовал любовь к ботанике; широко известен факт покупки Петром I коллекции голландской художницы, автора ботанических иллюстраций Марии Сибиллы Мериан, а оказываемое Екатериной II покровительство наукам, в русле которого Россия едва не стала обладательницей коллекции Ганса Слоана – легшей в основу Британского музея, являет собой типичный пример политики «просвещенного абсолютизма»⁴⁸.

Увлеченность садоводством и страсть к коллекционированию у монархов – скорее проявление общего настроения эпохи. Подлинное объяснение политики, направленной на поддержку и развитие естественных наук, проявлениями которой стало учре-

⁴⁶ Как отмечают С. Гавриленко и А. Писарев, «прецеденты из прошлого не являются моделями и уж точно копиями ситуаций современной науки, но благодаря аналогии могут быть полезны для понимания науки настоящего. Они могут помочь распутать траектории, по которым мы пришли к тому, что наука и наш мир проросли друг в друга и стали неотделимы». См.: Гавриленко С., Писарев А. В поисках ускользающего объекта: наука и ее история // Логос. 2020. Вып. 30. № 1. С. 23.

⁴⁷ Йота Батсаки, Сара Кэхалан и Анатолий Чикин, характеризуя этап развития ботаники с конца XVII до начала XIX в., вводят понятие «имперская ботаника». См.: Batsaki Y., Cahalan S.B., Tchikine A. Introduction. The Botany of Empire in the Long Eighteenth Century. Philadelphia, 2017. P. 4.

⁴⁸ Bryce W.A. A Botanist's paradise. The Establishment of Scientific Botany in Russia in the Eighteenth Century. Wales, 2008. P. 94.

ждение специальных институтов: академий, обществ, образовательных учреждений, финансирование экспедиций, принятие административных решений с учетом полученных от натуралистов рекомендаций, кроется в практической потребности оптимизации управления империей. Эта потребность была артикулирована в поставленной перед натуралистами универсальной задаче выявления и всестороннего описания ресурсов империи, обобщения сведений о природе и населении. Надо сказать, что колониальный акцент в реализации этой задачи присутствует и зачастую оказывается скорее и легче считываемым. Изучение новых видов растений имело коммерческий смысл: «ценность их определялась свойствами лекарственными, ароматическими, пищевыми, красильными, текстильными, декоративными. Пряности, афродизиаки, наркотики и яды стоили дороже золота; шоколад и кофе позволяли быстро обогащаться и создавать миллионные состояния»⁴⁹. Тем не менее, первые научные труды были посвящены местной флоре. Систематического описания требовали не только неизвестные и отдаленные, в случае британской империи – колониальные территории, но и непосредственно «столичные» окрестности. «Московская флора»⁵⁰ Т. Гербера предшествовала появлению «Flora Sibirica» Иоганна Гмелина⁵¹ и «Flora Ingrica» Степана Крашенинникова⁵² – точно так же, как появление «Flora Londinensis» Уильяма Кертиса опередило появление «Flora Graeca» Джона Сибторпа и Джеймса Эдварда Смита⁵³.

Чем же объяснить то, что «в XVIII в. главными игроками на поле ботанических изысканий стали ведущие колониальные державы»⁵⁴? Помимо естественной потребности в освоении далекого и неизведанного с целью организации эффективного управления, актуальным запросом оставалось изучение лекарственных свойств растений в русле медицинского знания и химических свойств, которые могли бы применяться в промышленном производстве, а также «состава лесообразующих пород и перспективных для ин-

⁴⁹ Травопознание Абрахама Энса, доктора медицины / Авт.-сост. А.К. Сыгин, Д.Д. Сластунов. СПб., 2020. С. 13.

⁵⁰ Впервые в виде рукописи: Гербер Т. «Flora moscuensis continens circa moscuam sponte nascentes et quae exotica coluntur, 1736; первый печатный труд: Стефан Х. Enumeratio stirpium agri Mosquensis, 1792.

⁵¹ Гмелин И.Г. Flora Sibirica. Т. I–IV, 1747–1769.

⁵² Крашенинников С.П. Flora Ingrica, 1761.

⁵³ Сибторп Дж., Смит Дж.Э. Flora Graeca, 1806.

⁵⁴ Batsaki Y., Cahalan S.B., Tchikine A. Introduction. P. 4.

продукции чужеземных деревьев и кустарников»⁵⁵ для нужд армии, главным образом – в сфере кораблестроения. Впрочем, как мы увидим далее, возможности прикладного применения ботанического знания порой принимали самые неожиданные формы.

«Имперскость» ботанической науки⁵⁶ в Британии и России вписывает национальные традиции естественной истории в общеевропейский контекст. Корни имперской ботаники как глобального явления уходят в 1670-е гг. и связаны с появлением рабовладельческих сахарных плантаций на Карибских островах и в Южной Африке, которые из-за политики Голландского Суринама порицаются Вольтером в «Кандиде» (1759) за невыносимые условия труда. Одновременно Франция приступила к реализации проекта колониальной науки, центрами которой стали Королевская академия наук в Париже и Сад специй на Сейшельских островах.

На протяжении XVIII в. конкуренция между этими государствами разыгрывалась на поле колониальных плантаций Карибских островов в сфере работорговли, без которой производство сахара было бы невозможным. Отдаленные территории оказывались подчинены экономике метрополии, выступая в роли поставщика сырьевых ресурсов и, насколько это возможно, площадок для пересадки и выращивания иных высокодоходных агрокультур. С лечебными свойствами таких востребованных растений, как например, хинное дерево, связывались надежды на облегчение европейской колонизации тропических регионов. Несмотря на популярность других единиц «ботанического» импорта, таких как чай или женьшень, их употребление по-прежнему оставалось роскошью, а добыча – истощавшим государственную казну предприятием, что побуждало к поискам растений-аналогов, которые дешевле было вырастить в колониях.

Активная экспедиционная деятельность, спонсирование изысканий в сфере естественной истории государством, стремление через научный дискурс заявить о могуществе и в некотором смысле вездесущести имперской власти, а также попытки на уровне академий обозначить синтез научного знания и экономической выгоды, нашедшие свое выражение в феномене такой дисциплины как камеральные науки, характерны и для России.

⁵⁵ Сьтин А.К. Ботаник Петр Симон Паллас. М., 2014. С. 172.

⁵⁶ Шипицына Ю.С. Имперская ботаника: современные подходы к изучению науки и власти в XVIII в. // IMAGINES MUNDI. Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. 2021. № 11. Серия: Интеллектуальная история. Вып. 5. С. 218–227.

Под камеральными науками (Kameralwissenschaft) понимался «своеобразный синтез профессиональной университетской подготовки, практических эмпирических правил и экономических теорий»⁵⁷, необходимый для успешного управления государственным имуществом. Первые кафедры камеральных наук появились в 1727 г. в Пруссии, в городах Галле и Франкфурт-на-Одере. Изучение полезного использования трех царств природы в целях благосостояния и процветания государства было неотъемлемым элементом этого знания, а поскольку первые профессиональные ботаники в России – это приглашенные немецкие специалисты, идея утилитарного отношения к природным богатствам стала частью отечественного естественнонаучного дискурса.

Зримыми центрами пересечения интересов ботанической науки и имперской власти стали ботанические сады и академии наук. В России первые ботанические сады представляли собой аптекарские огороды. В начале XVIII века в Москве существовало четыре аптекарских огорода, находившихся в ведении Аптекарского приказа, и около пятидесяти царских, монастырских и частных огородов и садов. В 1706 г. по указу Петра I неподалеку от Сухаревской башни был основан Аптекарский огород, с которого ведет свою историю Ботанический сад МГУ. Директором огорода с 1735 по 1751 г. был приглашенный из Лейпцига доктор медицины Траутгот Гербер (1709–1742/1743), немецкий ботаник, составивший такие первые научные описания российских растений как «Московская флора» (1736), «Волжская флора» (1739) и «Донская флора» (1742), которые, однако, так и остались неизданными. С 1751 по 1786 г. должность директора была упразднена и за огородом следили садовники, которые не занимались ботаникой; пришедший на вновь восстановленную должность Христиан Фридрих Штефан (1757–1814) возрождает исследовательский потенциал огорода, радеет о пополнении коллекций и составляет новую «Московскую флору» (1792), добываясь ее публикации. Параллельно с заботой об аптекарском огороде Штефан читал лекции в Медико-Хирургической академии, и во многом огород продолжал свое существование благодаря тому, что был присоединен к академии. После того, как Медико-Хирурги-

⁵⁷ Бекасова А.В. Изучение российской империи экспедициями 1760–1780-х гг.: “взгляд” естествоиспытателей и формирование представлений о государственных богатствах // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 4. С. 15–16.

ческая академия была перенесена в Санкт-Петербург в 1804 г., огород был передан в ведение Московского университета⁵⁸.

В Санкт-Петербурге тоже по указу Петра I в 1713 г. на Аптекарском острове был основан Аптекарский огород. С 1735 по 1742 г. на должности руководителя сада находился немецкий ботаник Иоганн Георг Сигизбек (1686–1755), непримиримый противник половой системы классификации Линнея. Как и в случае московского аптекарского огорода, после ухода первого руководителя огород в течение длительного времени оставался без должного присмотра, следующий директор Иоганн Петер Фальк (1733–1774), прямой ученик Линнея, возглавил сад в 1765 г.⁵⁹

Ботанический сад на Васильевском острове, основанный очередным доктором медицины из Лейденского университета – академиком Иоганном Амманом (1704–1741) в 1735 г., был, как и первые аптекарские огороды, «вечным источником жалоб и нареканий в Академии наук»⁶⁰. Понадобились еще долгие годы и многие усилия натуралистов, чтобы ботанический сад действительно стал достойным отражением природного разнообразия Российской империи. Первым тревогу о состоянии сада забил приглашенный на российскую службу выпускник Тюбингенского университета Самуил Готлиб Гмелин (1744–1774). В своем представлении в Комиссию Императорской Академии наук от 18 апреля 1767 г. он разочарованно писал о том, что «сад в великое запустение пришел, и лучше бы, по справедливости сказать, новый развесть»⁶¹. В рапорте от 24 апреля в ту же Комиссию сетовал: «во всей Европе ни одново не сыщется [сада], которой бы толь жалостном состоянии находился как здешней. Ибо в оранжереях не больше 30, а в саду 50 растений. <...> Во всяком ботаническом саде должно иметь все в свете находящиеся растения, а наипаче те над коими как в медицине, так и в Экономии обстоятельные учинить должно опыты, ибо все Физические науки клонятся к постижению филозофического о них мнения и самой пользы яко последнего своего предмета»⁶².

⁵⁸ Sokoloff D.D., Balandin S.A., Gubanov I.A., Jarves Charles E., Majorov S.R., Simonov S.S. The history of botany in Moscow and Russia in the 18th and early 19th centuries in the context of the Linnaean Collection at Moscow University (MW) // HUNTIA. A J. of Botanical History. 2002. Vol. 11. № 2. P. 131–137.

⁵⁹ Ibid. P. 147–151.

⁶⁰ Сытин А.К. Ботаник Петр Симон Паллас. М., 2014. С. 42.

⁶¹ Цит. по: Там же. С. 41.

⁶² Цит. по: Там же. С. 44.

Предтеча самых известных садов в Англии – Королевских ботанических садов Кью появился как медицинский огород, założенный натуралистом Уильямом Тёрнером (1510–1568) еще в конце XVI в. При следующих владельцах – лорде Генри Кейпелле и короле Георге II он постепенно дополнялся декоративными постройками и превращался в парк, сохраняя за собой функцию аптекарского огорода. Будучи летней резиденцией Георга II, а затем постоянным домом Принца Уэльского Фредерика, сад расширялся. Историю современных Садов Кью обычно ведут с 1759 г., когда вдовствующая принцесса Уэльская Августа Шарлотта наняла садовника Уильяма Алтона (1731–1791) для реорганизации медицинского сада на площади в 4 акра⁶³.

Период подлинной славы ботанических коллекций сада принято вести с момента привлечения к управлению Джозефа Бэнкса (1743–1820), состоятельного джентльмена и ботаника-энтузиаста. Бэнкс на собственном опыте убедился в том, насколько уровень университетской подготовки в области естественной истории уступает экспедиционному опыту. Окончив Оксфорд, он отправился в короткую экспедицию в Канаду с полярником К. Фиппсом, а затем – в первое кругосветное путешествие вместе с Джеймсом Куком. Всего за время плавания Бэнкс собрал свыше 30 тыс. гербарных и живых образцов растений, описание примерно 3600 видов, и среди них 1400 новых. Различные коллекции пополнили Сады Кью, этнографическая коллекция была подарена Британскому музею. По возвращении из экспедиции Бэнкс по популярности превзошел Кука; он был удостоен аудиенции у Георга III, имел возможность продемонстрировать свои достижения по сбору и описанию эмпирического материала. Вскоре Бэнкс стал негласным советником короля по управлению Садами Кью и их неофициальным директором, вошел в Тайный совет, а с 1778 по 1820 г. занимал пост президента Лондонского королевского общества. Высокий статус в академическом сообществе и активная исследовательская деятельность определили его влияние в научных кругах. Период с 1772 г. и до смерти Бэнкса в 1820 г. стал временем расцвета Садов Кью. Экземпляры из разных концов мира: из Индии, Австралии, Китая, пополнили сады. В заново отстроенных оранжереях проводились опыты по селекции новых видов и интродукции заморских растений в британском климате:

⁶³ Royal botanic gardens, Kew: World Heritage Site Nomination document / Prep. by Chris Blandford Associates. [L.], 2002. P. 72.

«к началу XIX в. едва ли можно было отыскать судно, которое, покинув Индию или другие колонии, прибыло бы в порт Лондона без растений для Кью»⁶⁴.

Именно в Садах Кью была учреждена такая должность, как «охотник за растениями» (plant-hunter). В период с 1770 по 1820 г. было принято на службу 126 плантхантеров, разосланных по всему земному шару с целью накопления ботанических артефактов в Садах Кью, при этом неформальная сеть поставщиков и перевозчиков, оказывающих услуги британским коллекционерам, была еще масштабнее⁶⁵. Другие не менее известные сады, появившиеся в XVII в.: Оксфордский аптекарский огород, заложенный в 1621 г., а также аптекарский огород Челси Физик Гарден, или медицинские сады Челси, разбитые в Лондоне в 1673 г.

В России реорганизовывать сад и наводить порядок в ботанических и зоологических коллекциях Кунсткамеры, по замыслу графа Владимира Григорьевича Орлова, нового главного директора Петербургской Академии Наук, С.Г. Гмелину предстояло в сотрудничестве с П.С. Палласом. Оба исследователя были молоды, превосходно образованы и в 1767 г. получили приглашение поступить на российскую службу. Основанная Петром I в 1724 г. Академия на момент вступления Орлова в должность директора находилась «в великом нестроении и почти совершенном упадке». Как бы ни были велики заслуги Михайло Васильевича Ломоносова в трудном и долгом процессе формирования нового культурного пространства «в России, где естествознание, а шире — просвещение, трансплантированное в традиционалистский социум по декрету императора, долго не могло войти в модернизируемый русский быт», в стране, где «ментальность малочисленной национальной элиты была гуманитарной по преимуществу, и где к любой научной теории относились с подозрением»⁶⁶, незадолго до своей смерти он вынужден был признаться посетившей его Екатерине II в бедственном положении российской науки⁶⁷.

С 1766 по 1774 гг. Орлову удалось переменить вектор развития академической жизни в сторону ее оживления, при этом формально Президентом до 1798 г. оставался граф К.Г. Разумовский.

⁶⁴ Ibid. P. 43.

⁶⁵ Batsaki Y., Cahalan S.B., Tchikine A. Introduction... P. 4.

⁶⁶ Дмитриев И.С. Академия благих надежд (эффективность научной деятельности Петербургской академии наук в XVIII столетии) // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 4. С. 16–17.

⁶⁷ Сыгин А.К. Ботаник Петр Симон Паллас... С. 33.

Орлов курировал отправление больших академических экспедиций, ратовал за эффективность научных исследований. Он стал одним из основателей Вольного экономического общества, в члены которого в 1770 г. были приняты и Паллас, и другие руководители отрядов экспедиции. В вопросах развития академической науки в России Орлов и Паллас были единомышленниками; известное согласие царило и между Палласом и Сергеем Герасимовичем Домашневым, возглавлявшим Академию с 1775 по 1783 гг. По просьбе Домашнева Паллас примет участие в разработке проекта по всеохватному описанию Российских губерний, о котором было объявлено в основанном новым директором журнале «Академические записки»⁶⁸. Этот проект останется нереализованным.

Ориентация на монарха в деятельности основанных научных институтов данной эпохи есть «нечто большее, чем просто верноподданнические чувства»⁶⁹. Если мы говорим об официальной риторике академий, то действительно, члены академических сообществ и в России, и в Англии, стремятся подчеркнуть свою лояльность монархам. Однако обстоятельства появления самих учреждений обуславливают различия в традициях принятия решений и их реализации на поприще интеллектуального труда.

К 1760-м гг. Лондонское королевское общество уже имело опыт институционального оформления интеллектуальной деятельности длиной в столетие. Назревший к середине XVIII в. административный и финансовый кризис был разрешен проведенной в 1758 г. реформой управления журналом Общества «*Philosophical Transactions*», по которой все публикации должны были содержать краткую аннотацию, имя автора и имя предлагающего данный текст к публикации. При наличии этих трех элементов, «редакционный комитет», состоявший из членов Общества, был обязан, прочитав материал, вынести свое заключение⁷⁰. Факт публикации в этом журнале автоматически означал одобрение Обществом и делал для автора возможной дальнейшую исследовательскую карьеру: в это время «опыт обеспечивает свидетельства в пользу общих притязаний на знание только в том случае, если имеется хитроумное социальное устройство... вызывающее пие-

⁶⁸ Академические записки. 1776. № 4. С. 101–131.

⁶⁹ Михайлов И.А. Английское Просвещение и журнал *Philosophical Transactions of the Royal Society*. Новая эпоха развития европейской науки // Философские науки. 2014. № 5. С. 9.

⁷⁰ McDougall-Waters J., Moxham N., Fyle A. *Philosophical Transactions: 350 years of publishing at the Royal Society (1665–2015)*. L., 2015. P. 15.

тет у корпуса квалифицированных исследователей»⁷¹. Складывается практика рецензирования публикуемых материалов, и это способствует формированию таких черт институализированной науки как иерархичность и замкнутость, что характерно и для России, и для Британии⁷².

Общество и журнал оставались финансово независимыми и не получали никакой материальной помощи от королевской власти. Отсутствие политической партийности и финансирования со стороны власти, сохранение автономии деятельности⁷³ – таковы отличительные черты Лондонского королевского общества, которое, в отличие от Российской Академии наук, представляло в то время самоорганизованную группу людей с общими исследовательскими интересами и едиными взглядами на метод. При этом российская академия, в отличие от английской и большинства других западных, совмещала функции проведения фундаментальных исследований и просвещения в широком смысле: популяризации знания как такового и развития образования. При академии существовали университет и гимназия, к тому же «многие академики выполняли обязанности учителей и воспитателей в царской семье или в семьях высокопоставленных чиновников России»⁷⁴. С точки зрения научной результативности «самой эффективной в XVIII столетии была экспедиционная деятельность Академии, то есть комплексные научные изыскания в области изучения огромной неизведанной территории России»⁷⁵.

К моменту прибытия в Россию, Паллас и Гмелин уже были знакомы – они встречались ранее в Гааге, где Паллас в возрасте 25 лет был избран членом академии Леопольдины, а 20-летний Гмелин только заканчивал свое образование. Трудно сказать, что было решающей причиной принятия ими приглашения из России. Возможно, Гмелин был польщен доверенной ему работой по подготовке к публикации третьего и четвертого томов *Flora Sibirica*, автором коей был его родной дядя Иоганн Георг Гмелин (1709–1755) – имя его стало для Гмелина-младшего «путеводной звез-

⁷¹ Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии. М., 2018. С. 110.

⁷² Михайлов И.А. Английское Просвещение... С. 9.

⁷³ Деар П. Событие революции в науке // Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие. М., 2015. С. 205.

⁷⁴ Смагина Г.И. Академия наук и развитие образования в России в XVIII в. // Вестник Российской Академии наук. 2000. Т. 70. № 7. С. 635–644.

⁷⁵ Дмитриев И.С. Академия благих надежд... С. 20.

дой в науке»⁷⁶. Палласа же разочаровала его новая должность и раздражал климат Гааги, он мечтал получить место в Голландской Ост-Индской компании и отправиться для полевых исследований в колонии⁷⁷. Приняв предложение из России, Паллас получил звание академика и профессора натуральной истории Петербургской академии наук, а также указания к подготовке обширных академических экспедиций, приуроченных к транзиту Венеры по диску Солнца, что означало, прежде всего, разработку инструкций для начальников отрядов, и подготовку к непосредственному участию в качестве общего руководителя.

Разработкой инструкций занимались Медицинская, Берг-, Коммерц-коллегии, Вольное экономическое общество. Содержание «Географических запросов», составленных М.В. Ломоносовым еще в 1750–1760-е гг., позволяло собрать комплексные сведения о территории⁷⁸. Инструкции предписывали «обращать пристальное внимание на условия для разработки месторождений полезных ископаемых, для развития земледелия, а в южных районах и виноградарства, на перспективы торговли, качество воды в источниках, а также изучать целебные свойства минеральных источников и болезни местного населения. В дополнение к этому академическая инструкция предписывала углубляться в отдаленные уголки обследуемых районов и наблюдать там нравы местных жителей»⁷⁹. Универсализм поставленных задач прослеживается и в инструкциях, полученных Джеймсом Куком от Адмиралтейства накануне отплытия в кругосветное путешествие:

«Вам также надлежит тщательно исследовать состав почвы и [описать] природу произрастающих растений, зверей и птиц, населяющих [леса], рыб, обитающих в реках и прибрежных водах в том количестве и разнообразии, в каком они предстанут перед вами. Любые найденные горные породы, минералы и драгоценные камни, равно как и семена деревьев, плоды и злаки, которые возможно будет собрать, надлежит отобрать [несколько экземпляров] каждого вида и доставить в наше Министерство, где мы изучим и исследуем их. Вам также следует наблюдать за способностями, характером, расположением и численностью коренного населения, и всеми воз-

⁷⁶ Сытин А.К. Ботаник Петр Симон Паллас... С. 37.

⁷⁷ Там же. С. 30.

⁷⁸ М.В. Ломоносов и Академические экспедиции XVIII в. / Авт.-сост. О.А. Александровская, В.А. Широкова, О.С. Романова, Н.А. Озерова. М., 2011. С. 6–7.

⁷⁹ Шафрановская Т.Ф. От переводчика и редактора // Иоганн Антон Гильденштедт. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002.

можными способами устанавливать дружественные отношения и заключить союз с ними, одаривая их различными безделицами, которые они очень ценят, приглашая их к торговле, демонстрируя всяческое уважение и доброе расположение по отношению к ним; и заботясь при этом о том, чтобы самим не пострадать от различного рода инцидентов и всегда пребывать в безопасности»⁸⁰.

Лидером российской «академической» экспедиции стал П.С. Паллас, он возглавил 1-ю Оренбургскую экспедицию. Руководство 2-й Оренбургской экспедиции было поручено И.И. Лепехину, 1-й Астраханской экспедицией – С.Г. Гмелину, Иоганн Антон Гильденштедт (1745–1781) руководил 2-й Астраханской экспедицией. В 1770 г. в состав экспедиции вошел отряд Иоганна Готлиба Георги (1729–1802) и Иоганна Петера Фалька (1732–1774). В ходе экспедиций были обследованы Европейская часть России, Поволжье, Урал, Кавказ, Прикаспий, Западная и Восточная Сибирь. Коллекции и материалы первых лет путешествия описывались во время зимовок в Симбирске и Уфе и были изданы в Петербурге в 1771 и 1773 гг. на немецком и русском языках. Впоследствии Паллас участвовал в подготовке к изданию трудов Гмелина и Фалька, Гильденштедта, которые погибли во время экспедиций или вскоре после возвращения.

Дж. Кук являлся опытным мореплавателем, которому было доверено руководство экспедицией, но он не был ученым. В первом кругосветном путешествии ему предстояло не только руководить командой судна, но также найти общий язык с командой исследователей, существовавшей в смысле реализации поставленных перед экспедицией научных задач в некоторой степени автономно. Наименование островов в честь главного научного института Британской империи⁸¹ стало способом символически закрепить приоритет исследовательских задач экспедиции, а также актом выражения пиетета по отношению к академии.

По инструкциям Куку предписано было выполнить огромный объем работ по созданию коллекций и описанию их содержания, наблюдению за местным населением, установлению и поддержанию контакта с ним, обеспечению безопасности всей команды. Очевидно, со всем этим Кук был не в состоянии спра-

⁸⁰ Secret Instructions to Captain Cook, 30 June 1768 // National Archives of Australia. https://www.foundingdocs.gov.au/resources/transcripts/nsw1_doc_1768.pdf

⁸¹ Острова Общества – тропический архипелаг вулканического происхождения в Тихом океане. Таити – крупнейший из островов (площадь – 1042 км²), он был открыт в 1767 г. в ходе экспедиции Сэмюэла Уоллиса. В 1769 г. здесь сделала свою первую длительную остановку экспедиция Кука.

виться в одиночку. В качестве официальных должностных лиц в состав «команды ученых» экспедиции вошли астроном и ботаник. К счастью, у каждого из них были свои помощники. Официальным астрономом экспедиции был назначен Чарльз Грин (1734–1791), уже наблюдавший за Транзитом Венеры в 1761 г. у Мыса Доброй Надежды, его ассистентом стал Королевский астроном Невил Маскелейн (1732–1811). Официальный ботаник Джозеф Бэнкс подготовился к экспедиции самым тщательным образом, не только грамотно выбрав соратников и помощников⁸², но также продумав организацию своей исследовательской «лаборатории» на корабле: сорок томов специальной литературы, включая классические труды Линнея *Systema Naturae* (1735) и *Species Plantarum* (1753), а также недавно вышедшие описания французских исследователей – путешественника Александра Далримпла (1737–1808) и этнографа Шарля де Бросса (1709–1777); специальные кабины для перевозки растений, рыб и птиц; оборудование для создания высококачественных иллюстраций.

Очевидно, опыт участия в экспедиции к проливам Ньюфаундленд и Лабрадор в 1766 г. позволил Бэнксу наилучшим образом подготовиться к дальнему плаванию⁸³. Он так начинает свой путевой дневник: «25 августа 1768 года. Спустя десять дней ожидания в полной готовности отплыть, когда весь скарб и необходимый инвентарь уже был погружен на корабль, мы наконец дождались попутного ветра и ровно в три часа по полудни подняли якорь. Мы отправились в плавание в превосходном настроении и отличном самочувствии, преисполненные уверенности и надежды (по крайней мере в своих помыслах) превозмочь всяческие испытания и препятствия, что могут возникнуть во время предпринятого нами Путешествия». «Характерное воодушевление и

⁸² Помощниками Бэнкса стали: его близкий друг Дэниел Соландер (1733–1782), шведский натуралист, один из учеников Линнея, в 1760 г. прибывший в Лондон, чтобы привести в соответствие с системой Линнея натуралистическую коллекцию недавно созданного Британского музея; финский натуралист Герман Споринг (1733–1771), гравер и талантливый часовщик, выполнявший функции секретаря при Соландере; художники Сидни Паркинсон (1745–1772) и Александр Бьюкен (?–1769); личный секретарь Бэнкса и двое слуг из его поместья. В честь «команды ботаников» Кук назвал залив Тасманова моря у восточного берега Австралии, открытый позднее в 1770 г., – Ботанический залив (Botany Bay).

⁸³ Gooding M. The Voyage of Endeavour, 1768–1771 / The Making of Banks Florilgium I // Gooding M., Maberley D., Studholme J. Joseph Banks' Florilegium: Botanical Treasures from Cook's First Voyage. L., 2019. P. 7.

искренний оптимизм»⁸⁴ молодого путешественника, внесшего огромную по тем временам сумму – десять тысяч фунтов – на нужды экспедиции и принесшего в жертву помолвку с возлюбленной ради возможности отправиться в путь, ощущается с первых строк этой удивительной хроники исследовательской жизни.

И Бэнксу, и Палласу приходилось трудиться в непривычных для себя условиях. Ученым и их помощникам предстояло адаптироваться не только к новым климатическим условиям, но и специфике работы в пути. Вызовы экспедиционной жизни оказывали влияние на формирование метода исследователей.

Английские натуралисты и их помощники во время плавания трудились над созданием коллекций ежедневно с 8:00 до 14:00 и с 16:00 или 17:00, до наступления темноты, если сильный шторм не прерывал работу, что случалось нечасто. Бэнкс комментирует в своем дневнике работу над собранными материалами:

«мы торопливо делали описания ко всем предметам естественной коллекции, пока образцы оставались свежими... В тот момент, когда изнуренные долгим путешествием с берега на корабль, наши образцы теряли свою свежесть мы стремились закончить каждое описание и снабдить его синонимичными названиями из тех книг, что были у нас с собой. Эти завершённые статьи с описаниями сразу же фиксировались нашим секретарем Спорингом в книгах, посвященных флоре каждой из земель, что мы посетили»⁸⁵.

Бэнкс ценил визуальные средства коммуникации, ведь «ботаническая иллюстрация в контексте конструирования имперской идентичности выполняла также такие значимые функции, как демонстрация потенциала четкого упорядочения природного мира и символическая легитимация имперских властных иерархий через тиражирование иерархий растений»⁸⁶. Не владея необходимыми навыками, Бэнкс всегда пользовался услугами профессиональных иллюстраторов и гравёров. При этом он непосредственно контролировал процесс издания как отдельных иллюстраций, так и флор, он внес огромный вклад в популяризацию и совершенствование техники ботанической иллюстрации. Поскольку складывание принципов номенклатуры и таксономии растений даже с момента появления системы классификации Линнея оста-

⁸⁴ Ibid. P. 7.

⁸⁵ Banks J. The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768–1771. Sydney, 1997. URL: <https://setis.library.usyd.edu.au/ozlit/pdf/p00021.pdf>

⁸⁶ Шипицына Ю.С. Ботаническая иллюстрация в Британии во второй половине XVIII – начале XIX века в контексте становления таксономического подхода к познанию мира // Вестн. Рязан. гос. ун-та. 2020. № 4. С. 52.

валось темой жарких дискуссий, ботаническая иллюстрация как визуальное средство оформления и передачи знания о природе, стала тем элементом научной культуры, который снимал возможные противоречия по поводу понимания сущностных характеристик растения и облегчал распознавание растений в целом благодаря своей наглядности.

Одним из ярких примеров того, какое значение придавал Бэнкс ботаническим иллюстрациям, стала его забота о рисунке, изображающем Стрелитцию королевскую. Привезенная Ф. Мэсоном из Южной Африки Стрелитция королевская, названная в честь жены Георга III королевы Шарлотты Мекленбург-Стрелицкой, стала сенсацией. Бэнкс распространил копии рисунка, сделанного Джеймсом Сауэрби (1757–1822), в гравюрах, а впоследствии заказал Францу Бауэру (1758–1840) полноцветную иллюстрацию – литографию стрелитции, выращенной в садах Кью. За эту работу Бауэр удостоился пожизненного аннуитета⁸⁷. Брат художника Фердинанд Бауэр (1760–1826) был привлечен Бэнксом к работе над сбором растений и созданию иллюстрированного ботанического атласа растений Австралии.

Сбор сведений и анализ всего многообразия коллекций требовали от российских натуралистов четкой систематизации. При этом, регулярные рапорты, отчеты и отправление в Академию отнимали и без того ограниченное время недолгого сна и отдыха во время остановок. Инструкции предписывали Палласу обрабатывать дневниковые записи во время зимовок в Симбирске и Уфе. Сегодня мы знаем, что мозгу человека требуется определенное время на усвоение новых впечатлений и обработку полученной информации, прежде чем создать новое знание. Палласу и его помощников времени категорически не хватало: «избыток же разного рода наблюдений требовал быстрой оценки, интенсивного осмысления массы информации, взвешенного отбора разнородных фактов, обобщения и детализации описания наблюдаемых явлений»⁸⁸. Поначалу Паллас поверхностно описывает в дневнике события и наблюдаемые явления, но затем сосредотачивается преимущественно на ботанических наблюдениях и стремится, «благоразумно и тщательно рассуждая, передать нам свое точнейшее наблюдение». В предисловии к дневнику он писал: «главным

⁸⁷ Lack H.W. A Garden Eden. Masterpieces of Botanical Illustration. Köln, 2016. P. 522.

⁸⁸ Сытин А.К. Ботаник Петр Симон Паллас... С. 110.

свойством описания путешествия почитается достоверность»⁸⁹. Важно отметить, что перед Палласом с самого начала экспедиции была поставлена и дидактическая задача. По замыслу Орлова, прикрепленные к Палласу «академические студенты» – Никита Соколов, Василий Зуев и Антон Вальтер – должны были воспринять методику немецкого ученого. Однако дальнейшая академическая карьера сложилась лишь у Василия Зуева. Антон Вальтер не выказал способностей к полевой работе. Никита Соколов, любимый ученик Палласа, показывал отличные результаты во время полевых обследований, ему поручались самостоятельные вылазки в ряд местностей, но по возвращении из экспедиции, несмотря на то, что Паллас добился увеличения его жалования, он просил уволить его от дальнейшей службы в ранге переводчика с французского и латыни ввиду усталости от напряженной работы⁹⁰.

Помимо студентов Палласа сопровождали рисовальщик Николай Дмитриев и чучельник Павел Егоров. Необходимость участия в экспедициях художников была осознана и в России еще в период первой российской экспедиции под руководством Мессершмидта (1719–1727): тогда ученый отправился в путь один, но вынужден был принять на службу К. Шульмана, ученика тобольской школы ссыльного шведа Вреха. Вскоре «рисовальных мастеров» стали готовить при академическом университете. Доротея Мария Гзель (1678–1743), дочь Марии Сибиллы Мериан, в 1717 г. прибыла в Россию вместе с супругом и стала одной из первых наставниц в научном рисунке, живописи и гравировании, используя при этом обширное творческое наследие М.-С. Мериан, оказавшееся одним из главных учебных пособий в подготовке отечественных рисовальщиков⁹¹.

Результаты работы Бэнкса во время экспедиции в 1768–1774 гг. нашли отражение в двух источниках: обобщающей Флоре, задуманной как итог скрупулезной работы ботаника по систематическому описанию растений, и путевом дневнике, содержащем личные впечатления от путешествия, сведения об обстоятельствах работы над коллекциями и т.д. Над систематизацией коллекции ботанических иллюстраций Бэнкс трудился всю жизнь, он дал ей название *Florilegium*, что буквально пере-

⁸⁹ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 3. С. I–II.

⁹⁰ Сытин А.К. Ботаник Петр Симон Паллас... С. 86–87.

⁹¹ М.В. Ломоносов и Академические экспедиции XVIII в.... С. 8–9.

водится как «собрание цветов», но у этого слова есть и переносное значение: в Средние века так называли «собрания цитат», компиляции выдержек из книг Священного писания. Такая трактовка проекта Бэнкса также справедлива, ведь по традиции в книгах по естественной истории при составлении описания видов автору флоры необходимо было сослаться на используемую им систему классификации растений и часто было необходимо соотнести одну систему классификации с другими, перечислить несколько названий вида, так как еще не было устоявшихся наименований, а если этот вид был новым – обосновать данное ему название, опять же, со ссылкой на того или иного автора классификации. *Florilegium* это масштабный проект, который представляет собой двухтомную Флору, содержащую изображения и описания 743 видов растений, собранных во время путешествия Бэнксом и зарисованных Сидни Паркинсоном. Над *Florilegium* Бэнкс начал работу еще в 1771 г. С рисунков Паркинсона гравером Фредериком Полидором Нодлером были выполнены высококачественные цветные гравюры, которые в настоящее время используются издателями при подготовке публикаций. Систематизировать материалы Бэнксу помогала его сестра Сара София и личные помощники, однако эта работа осталась незавершенной и увидела свет лишь в XX в.⁹²

Второй источник – путевой дневник, который Бэнкс вел во время первой кругосветной экспедиции Кука, также не опубликованный автором. Рукопись была с разрешения Бэнкса использована Дж. Хоксвортом при подготовке к публикации описания путешествия, составленного Куком⁹³. Формально публикация в составе этого издания могла считаться первым появлением текста Бэнкса в печати, но Хоксворт, хотя и упомянул об использовании рукописи Бэнкса в полном названии работы⁹⁴, не сделал ни одной

⁹² Gooding M., Mabberley D., Studholme J. *Joseph Banks' Florilegium: Botanical Treasures from Cook's First Voyage*. L., 2019. 320 p.

⁹³ Hawkesworth J. *An Account of the Voyages Undertaken by the Order of His Present Majesty, For Making Discoveries in the Southern Hemisphere*. Vol. I–III. L., 1793.

⁹⁴ На титульном листе Хоксворт поместил следующее название: «Сообщение о путешествиях, предпринятых по указу Его Королевского Величества с целью сделать открытия в Южном полушарии, и успешно осуществленных командором Байроном, капитаном Уоллисом, капитаном Картером и капитаном Куком на кораблях «Долфин», «Свэллоу» и «Индевор», составленные из журнальных записей некоторых мореплавателей, а также с использованием бумаг Джозефа Бэнкса, эсквайра».

ссылки на него в самом тексте. Так что различить, где чей текст не представлялось возможным до 1893 года, когда адмирал У.Дж. Ллойд Уортон опубликован путевой дневник Кука⁹⁵. После этой публикации, предпринятой Уортоном, стало ясно, какие заметки в раннем сообщении, изданном Хоксвортом, принадлежат перу Кука. Однако какие строки написаны Бэнксом, так и оставалось загадкой. Стремление восстановить справедливость и авторское право Бэнкса стало одной из причин, предпринятой в 1896 г. Дж.Д. Гукером редакции и публикации текста Бэнкса в качестве самостоятельного издания. Среди других причин – высокая оценка данного текста для истории науки: «Бэнкс передает реалистичный портрет труда натуралиста, каким он был около ста тридцати лет назад: его ежедневных занятий как во время плавания, так и на суше»⁹⁶. Сандхья Пател, проведя сравнительный анализ путевых дневников Бэнкса и Кука пришла к выводу о том, что записи Бэнкса носят более непринужденный и естественный характер, тогда как Кук понимал, что его записи будут взяты за основу отчетов о ходе экспедиции и потому его описания и оценки более сдержанны и несут на себе отпечаток самоцензуры⁹⁷.

Не имея возможности рассмотреть все документы, отчеты и дневниковые записи натуралистов Российских академических экспедиций, остановимся на нескольких наиболее значимых, созданных Палласом. В первую очередь, это обзорный труд «*Flora Rossica*», изданный на латыни в двух частях: в 1784 и 1788 гг. Подготовкой издания руководил граф А.А. Безбородко, все иллюстрации выполнил член Петербургской академии художеств К.Ф. Кнапше. Средства на рисование и гравирование 600 медных досок для изготовления изображений, их печати и раскрашивания были выделены из кабинета Екатерины II. Каждая книга представляет собой собрание ботанических иллюстраций, которым предшествуют описания, составленные по всем правилам линеевской номенклатуры. В латинском варианте Флоры присутствует раздел, в котором перечислены имена авторов, чьими источника-

⁹⁵ Cook J. Captain Cook's Journal during his First Voyage round the World, made in H.M. Bark Endeavour, 1768–71 / Ed. by W.J.L. Wharthon. L., 1893.

⁹⁶ Journal of the Right Hon. Sir Joseph Banks Bart., K.B., P.R.S. During Captain Cook's First Voyage in HMS Endeavour in 1768–71 to Terra del Fuego, Ota-hite, New Zealand, Australia, the Dutch East Indies. L., 1896. P. 9.

⁹⁷ Patel S. Presentations and Representations of Contact. James Cook and Joseph Banks at Tahiti. The Endeavour Voyage 1767–1771 // Journal de la Societe des Oceanistes. 2013. № 136–137. URL: <https://journals.openedition.org/jso/6845>.

ми пользуется Паллас. Помимо уже упомянутых Фалька, Гмелина, Гильденштедта, Лепехина, Георги, здесь указаны предшественники Палласа – немецкие естествоиспытатели на русской службе Готлиб Шобер, Иоганн Христиан Буксбаум, Даниель Готлиб Мессершмидт, Траутготт Гербер (ему в итоге будет поручена реорганизация Ботанического сада, ввиду отъезда Гмелина-младшего и Палласа в экспедиции), Георг Вильгельм Стеллер, Иоганн Лерхе, а также русских исследователей – Степана Крашенинникова и Василия Зуева. В. Зуев, в пору экспедиций участвовавший в отряде Палласа в качестве «академического студента», подготовит русский перевод Флоры, вышедший в 1786 г., а второе издание – в типографии тобольского купца В. Корнильева⁹⁸. По качеству печати и тщательности выполнения иллюстраций с «Flora Rossica» могла сравниться только вышедшая в начале XIX в. английская «Flora Graeca» Д. Сибторпа и Дж.Э. Смита, рисунки которой выполнил Фердинанд Бауэр.

Публикация Флоры объяснялась нуждами лесоводства и кораблестроения, все ботанические иллюстрации в ней – это иллюстрации пород деревьев. Характерно, что в русском издании был добавлен вводный раздел, акцентирующий внимание на пользе растений. Цели «просвещения и распространения полезных знаний», подкрепленные упоминанием прямого поручения Екатерины II подготовить данное издание, декларируются с привычной помпезностью, дабы у читателя не возникло сомнений в целесообразности издания книги. Однако далее следуют более пространственные рассуждения о пользе, которая по замыслу Палласа и его соавтора-переводчика Зуева, сводится к двум типам. Польза первого типа – прикладное использование растений: «из них делаем мы всякия в художествах и ремеслах орудия, получаем на строение корабельное лес, смолу и канаты; дерево на повозки, столярную и токарную работы; оне снабдевают нас большею частию красильных веществ и целительными средствами для излечения множества различных болезней, происходящих от образа нашей жизни, уклонившегося от естественного состояния». Польза второго типа заключается в упорядочении всех имеющихся знаний о природе, что позволит приблизить комплексное представление об окружающем мире, в котором «все сотворено на известный конец. Нет для наблюдателя ничего, чтобы не заслуживало его вни-

⁹⁸ Паллас П.С. Описание растений Российского государства. СПб., 1786. Ч. 1. Тобольск. Второе издание – 1792 г.

мания и потому польза сия хотя для нас и отдалена, но впоследствии может она иметь особенное к нам отношение». Порядок в знаниях важен, поскольку в познании заключается еще большая потенциальная польза. Далее, авторы призывают читателей прислать «как самые растения в бумагах сушеные, так и семена, с показанием *страны, в которой они родятся*», если обнаружат, что «*между описанными по порядку растениями недостает такой, им известной и в сочинении сем неописанной*»⁹⁹.

Такой призыв к активному познанию характерен и для английских натуралистов. Яркий пример – «Спутник натуралиста и путешественника» Джона Кокли Леттсома (1744–1815). Леттсом вошёл в историю Британии как выдающийся практикующий врач, филантроп, аболиционист и натуралист. В 1774 г. выходит его «Спутник натуралиста и путешественника», где даются советы, какие виды растений, животных и минералов стоит собирать, наблюдать и зарисовывать, апеллируя к всеобщей пользе:

«Нет более эффективного способа приумножить наше знание Естественной Истории, чем посещение чужих краев и тщательное обследование тех различных находок, коими они изобилуют, и которые вызывают то или иное восхищение своей новизной и разнообразием. Однако не следует подчинять свои разыскания только лишь собственному удовольствию – зрелость характера требует быть полезным обществу, распространяя благо среди своих ближних»¹⁰⁰.

В разделе, посвященном ботанике, Леттсом перечисляет успешные примеры подчинения новых открытий экономическим потребностям общества: «Интродукция обыкновенного картофеля, разведение тутовых шелкопрядов, открытие хинина, использование кошенили, лакмуса и индиго – неоспоримые доказательства тех преимуществ, которые могут быть извлечены из [будущих] открытий сметливыми изобретателями. Обнаружение аналогичных картофелю корнеплодов, или таких важных статей экономики как шелк, или таких лекарств, как хинин, или таких красителей, как кошениль и индиго, могут приобрести величайшее значение для торгующей нации, а любознательному путешественнику – обратить на себя внимание как всеобщего благодетеля»¹⁰¹. Визитной карточкой Леттсома стало открытие лекарственных свойств чайного дерева. В докторской диссертации, представленной им в Лейдене к защите, он стремился использовать

⁹⁹ Паллас П.С. Описание растений... С. II–V.

¹⁰⁰ Lettsonm Jh. C. The naturalist's and traveller's companion. L., 1774. P. 2.

¹⁰¹ Ibid. P. 84–87.

антисептические свойства эфирного масла этого растения при лечении самых разных заболеваний, из-за чего вынужден был вступить в полемику по поводу уместности применения экстракта.

Подобно тому, как Леттсом ратовал за расширение ареала путешествий, академик Паллас полагал необходимым продолжать экспедиционное изучение страны. В 1779 г. он представил в Канцелярию Академии наук проект очередного «физического» путешествия в Восточную Сибирь, предусматривавший исследование Камчатки, Алеутских и Лисьих островов в Тихом океане. Этот проект был отчасти осуществлен Северо-восточной экспедицией И. Биллингса и Г.А. Сарычева в 1785–1793 гг., организованной в рамках Морского ведомства. Другой проект — исследования новоприобретенных южных провинций Российского государства он осуществил самостоятельно¹⁰².

Научная ценность результатов экспедиции, зафиксированных в Флоре неоспорима: общее число представленных в книге видов — 281, из которых Паллас обнаружил 71 вид (25 названий остаются законными, а 46 стали синонимами). Предпринимались ли попытки выявить прикладную ценность исследований и применить ее при решении административных задач?

По возвращении из экспедиции Паллас подготовил рукопись «Краткие положения, которые при устройстве лесов преимущественно должны быть приняты во внимание», в которой предложил проект реорганизации лесного дела. Вскоре Екатерина II через графа А.А. Безбородко направила Палласу так называемую «Своеручную записку», в которой она писала:

«разделение лесов, сделанное г. Палласом, кажется мне столько же верным, как и полезным; оно употреблено теперь в Уставе экономическом, и представляется под следующими разрядами: строевые леса первой, второй и третьей статьи, потом малорослый лес и кустарники. Написав сие, мне пришла мысль разделить пахотную землю на первую, вторую и третью статьи, а худшего качества на малоудобную и неудобную, которую, впрочем, можно употребить. Теперь родится вопрос: нельзя ли сие разделение на первую, вторую, третью статьи, на малоудобную и неудобную распространить также на воды, смотря по их здоровости, а потом на рыб и лесных зверей? <...> просим г. Палласа не только сказать нам свое мнение, но даже способствовать нам в сем деле составлением разделенного на статьи списка рыб, зверей и — если можно вод»¹⁰³.

¹⁰² М.В. Ломоносов и Академические экспедиции XVIII в.... С. 48.

¹⁰³ Своеручная записка Государыни Императрицы Екатерины II о разделении лесоводства в России // Отечественные записки. 1825. № 68. С. 333–339.

Ответом Палласа стало его участие в этом законодательно принятом установлении, уточнение состава лесообразующих видов и предложение перспективных для интродукции кустарников. Однако отсутствие на местах специалистов, которые, по замыслу Екатерины II, должны были собирать сведения о составе лесов, сделало реализацию проекта невозможной.

Любопытный проект интродукции в это же время в Англии был предложен Дж. Бэнксом. В связи с неоднозначным отношением Бэнкса к собственным публикациям (ввиду высокой должности он считал часто публиковаться неэтичным, поэтому тематических статей у него совсем немного) обратим внимание на его путевой дневник, составленный в личных целях, как текст, который позволил бы ему продолжить работу над созданием коллекций уже по возвращении в Англию, восстановив в памяти детали путешествия. Выбор фрагмента «Нравы и обычаи на островах Южного моря» обоснован тем, что он один из наиболее цельных композиционно и по смыслу, а также тем, какое значение имела для Бэнкса высадка на Таити как первая длительная остановка во время путешествия, которого он так ждал и к которому основательно подготовился. Если в работе над *Florilegium* Бэнкс проявил себя как систематик, а также ревнитель качественного изображения видов на ботанических иллюстрациях, то дневник позволяет увидеть непосредственное отношение Бэнкса к растительному миру: лишенное сентиментальных восторгов и полное практических соображений. Бэнкс тщательно описывает рацион таитян: перечисляет продукты, способы приготовления блюд и ритуалы приема пищи. Наибольший интерес вызывает рассказ о Хлебном дереве – основном, наиболее доступном источнике питания для таитян: он содержит любопытный пассаж о первородном грехе, которого таитяне сумели избежать:

«В отношении питания об этих счастливых можно сказать, что они словно и не знают о печати первородного греха. В их случае едва ли будет справедливо утверждать, что они зарабатывают свой хлеб потом и кровью, ведь все, что от них требуется – вскарабкаться вверх по Хлебному дереву и сорвать плоды. Хлебное дерево – наиболее доступный источник питания для таитян. Хлебное дерево здесь не является в привычном для нас смысле дикорастущим: обычно мужчина сажает за всю свою жизнь порядка десяти деревьев, и это занимает лишь час или около того его времени. Заботясь не только о себе, но и о будущих поколениях, здесь придерживаются этой традиции, поскольку одна холодная зима или изнуряюще жаркое лето могут погубить урожай, и даже этот далеко не тяжелый труд сделать неблагоприятным. “Трижды блаженны – когда б они счастье свое сознавали!

Жители сёл¹⁰⁴ – эти слова как нельзя лучше подходят к характеристике местных жителей. Щедрая природа не только послала им необходимое для жизни в достаточном количестве – она одарила их роскошью изобилия». <...> «Раз уж я упомянул о кислом тесте, постараюсь описать, что оно из себя представляет. Насколько я понял, хлебное дерево дает плоды лишь девять или десять из местных тринадцати месяцев¹⁰⁵, так что в остальные месяцы актуальна задача заготовки провианта впрок. Для того, чтобы сделать заготовки, плоды хлебного дерева собирают, как только они поспевают, и складывают в большие кучи, в которых происходит процесс ферментации и плоды становятся невыносимо сладкими; затем плоды очищают при помощи специального приспособления и мякотью плодов доверху наполняют емкости, стенки и дно которых устланы травой – такие емкости есть здесь в каждом доме; сверху также укрывают листвой и травой и придавливают камнем. Здесь происходит второй этап ферментации и окисление. В таком виде заготовки сохраняются в течение многих месяцев, как мне сообщили. <...> Описанный мною процесс здесь называют Mahai, он зависит от процесса ферментации и, как я полагаю, далеко не всегда успешен. Проходит он под присмотром старух, которые следят за соблюдением многочисленных суеверий и никого не подпускают близко к заготовкам»¹⁰⁶.

Бэнкс стал автором проекта по перевозке хлебного дерева в Вест-Индию, целью которого было обеспечение дешевым питанием рабов¹⁰⁷. Хлебное дерево, поразившее Бэнкса своей неприхотливостью (в родном климате) и высокой плодородностью, послужило причиной снаряжения новых экспедиций на Таити¹⁰⁸. Бэнкс выступил с инициативой по транспортировке саженцев хлебного дерева уже будучи президентом Лондонского королевского общества и советником Георга III по вопросам организации и управления Кью. Он добился снаряжения экспедиции 1789 г. и отправил вместе с Блаем двух своих протеже Нельсона и Брауна, сотрульников Садов Кью, для того чтобы обеспечить сохранность и должный уход за саженцами и молодыми побегами столь желанного растения. По замыслу Бэнкса, команда должна была находиться на Таити в течение пяти месяцев, чтобы не просто

¹⁰⁴ Вергилий. Георгики // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / пер. с лат. С. Шервинского. М.: Худож. лит., 1979. Кн. 2. С. 459.

¹⁰⁵ На Таити использовался лунный календарь.

¹⁰⁶ Banks J. The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768–1771...

¹⁰⁷ Tyler-Whittle M.S. The Plant Hunters, being an examination of collecting, with an account of the cares and methods of a number of those who have searched the world for wild plants. L., 1972. P. 89–91.

¹⁰⁸ Первой стала известная экспедиция 1789 г. под командованием капитана Уильяма Блая, против которого матросы подняли мятеж и высадив его на шлюпку в открытом океане, повернули «Баунти» обратно к берегам Таити.

выкопать и забрать деревья, но дожидаться, пока собранные и посаженные семена прорастут, превратятся в побеги и окрепнут настолько, что смогут перенести длительное морское путешествие. Ввиду этого столь длительное пребывание на острове, как полагают историки, стало одной из причин мятежа: матросы привыкли, по достоинству оценили преимущества жизни на гостеприимном острове, и перспектива возвращения их более не прельщала¹⁰⁹. Нельсон и Браун собрали чуть более тысячи саженцев, но их дальнейшая судьба неизвестна. Вторую экспедицию за Хлебным деревом, как ни странно, возглавил вновь У. Блай, который смог вернуться в Англию и, представ перед судом, был полностью оправдан. В 1793 г. Блай на корабле «Провиденс» доставил на Ямайку и о. Сент-Винсент саженцы хлебного дерева, которые благополучно прижились. В настоящее время хлебное дерево распространено по всему Тихоокеанскому региону.

Проект по транспортировке хлебного дерева был не первым и не единственным подобным прибыльным предприятием – точно так же Британия ранее осуществила «пересадку» чая из Китая в Индию, а позднее интересовалась возможностями выращивания новозеландского сорта льна и австралийских овец на Британских островах¹¹⁰. Лоббирование Бэнксом этого проекта является показательным примером «имперской ботаники», когда ученый-натуралист не просто отправляется в экспедицию с задачами описания и изучения новых территорий, но также отыскивает способ извлечь практическую пользу и экономическую выгоду для государства из результатов своих исследований.

История реорганизации ботанических садов и смены принципов наполнения коллекций свидетельствует о трансформации их функций: постепенно фокус значения смещается с наращивания объемов культивируемых лекарственных растений для нужд медицины на возможность ставить опыты по интродукции новых видов, исследуя различные их свойства. Ботанические сады становятся не только экспериментальной, но и учебной площадкой – здесь читают публичные лекции, проводят экскурсии. Другой важной функцией становится демонстрация природного разнообразия, представленного в столичных садах и отражающего охват научных исследований данного государства. Наука стано-

¹⁰⁹ Tyler-Whittle M.S. *The Plant Hunters...* P. 91.

¹¹⁰ Chambers N.A. *Joseph Banks and the British Museum: the world of collecting, 1770–1830.* L., 2007. P. 10.

вится полем для соревнования держав. В этом смысле погоня за эмпирическим материалом представляла собой понятный способ конкуренции: масштаб видového разнообразия становился показателем степени влияния империи, ее возможностей «добраться» до более или менее отдаленных уголков планеты, «присвоить» природные объекты отдаленных регионов и показать способность адаптировать их в одном месте, тем самым символизируя унификацию и, как следствие, единство имперских «провинций».

Разделение традиций организации академий на возникшие, как в Британии, по инициативе исследователей и получившие затем одобрение власти, и основанные по указу монарха и опирающиеся на зарубежный опыт приглашенных исследователей, как в России, – распространенная и привычная для историков науки типология¹¹¹. Начальная история институциональных структур рассматривается обычно как определяющий этап для последующей траектории развития академического знания в стране. Тем не менее, различия обстоятельств зарождения институтов, не должны становиться причиной упрощения дальнейшей истории. Помимо прочего, нельзя игнорировать тенденцию к пересмотру ролей отдельных личностей в истории российского образования¹¹².

Важнейшим инструментом познания, представляющим собой в данный период сочетание институционального регулирования и личной инициативы, как в России, так и в Британии, стали экспедиции. Научные экспедиции второй половины XVIII в. были нацелены на использование того огромного потенциала для экономики метрополий, что был явлен в предшествующие двести лет импорта табака, чая, кофе, сахара. Идея национального престижа и имперские амбиции реализовывались не только в присвоении и освоении новых территорий, но и в их рациональном использовании. Как подчеркивает Алан Фрост, «привычка к транспортировке растений являлась важнейшим аспектом британского империализма во второй половине XVIII в.¹¹³». Интересно, что к такому подходу к совершенствованию ботаники – экономически эффективному и политически ангажированному, апеллировал сам «отец

¹¹¹ Дeар П. Событие революции в науке... С. 203.

¹¹² «Регулярная академия учреждена будет...». Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Под ред. М.Б. Лавринович, И. Федюкина. М., 2015.

¹¹³ Frost A. The antipodean exchange: European Horticulture and imperial designs // *Visions of Empire: Voyages, botany and representations of nature* / Ed. by D.P. Miller, P.H. Reill Cambridge, 1996. P. 74.

ботаники» Карл Линней. Однако его проекты блестящих с предпринимательской точки зрения инициатив были восприняты и наиболее успешно использованы отнюдь не Швецией, а другими государствами, нацеленными на экспансию, и Британская империя в этом отношении добилась наибольших успехов¹¹⁴.

В том, что касается эвристического потенциала результатов рассмотренных экспедиций, невозможно определить лидеров. Описания растений обширных территорий Российской империи были так же ценны для ботаников и систематиков всего мира, как и многочисленные образцы экзотической флоры, собранной британскими натуралистами во время кругосветного плавания. Однако возможности реализации проектов внедрения новых знаний в России были ограничены отсутствием квалифицированных специалистов. Эта проблема была осознана и попытки ее решения предприняты в ходе реформы народных училищ. В Британии ботаника была в моде: к путешествиям и открытиям стремились не только профессиональные исследователи, но и ботаники-дилетанты, к которым обращается в своем карманном пособии Леттсом и которым был в начале своего пути Бэнкс.

3.3. DENOMINATIO, ИЛИ «РЕСПУБЛИКА НАТУРАЛИСТОВ»

«У путешествующего мысли во всегдашнем разброде, и он не всегда может упомянуть, что он сам уже иногда видел».

*Самуил Готтлиб Гмелин*¹¹⁵

Участие в экспедиции для натуралистов Нового времени являлось наиболее результативной познавательной практикой, но также более трудной. Процесс обработки собранных материалов и зафиксированных наблюдений нередко занимал всю жизнь, порой переходя по наследству к ученикам и родственникам уче-

¹¹⁴ Cook A. Politics of Nature and Voyages of Exploration: some purposes and results // Voyages and Exploration in the North Atlantic from the Middle Ages to the XVII century / Ed. by Agnarsdottir. Reykjavik, 2001.

¹¹⁵ Гмелин С.Г. Путешествие по России Самуила Георга Гмелина, доктора врачебной науки, Императорской Академии наук, Лондонскаго, Гарлемскаго и Вольнаго экономическаго Санктпетербургскаго общества члена Путешествие по России для изследования трех царств естества. Ч. 1. Из Санктпетербурга до Черкесска, главнаго города Донских казаков, в 1768–1769 гг. СПб., 1771. Предисловие.

ного. Более того, многие рукописи до сих пор ждут своей публикации, а ботанические иллюстрации – атрибуции и анализа.

Первые научные труды ботанической специализации появляются в Англии уже в XVII в. В России в это время присутствует лишь переводная «раннеботаническая» литература в виде рукописных списков, а иллюстративный ряд часто выполняет лишь орнаментальную функцию: идентифицировать растение по его рисунку порой просто невозможно. Такие труды Джона Рея как «История растений» (1686)¹¹⁶ и «Методический обзор британских растений» (1690)¹¹⁷ содержат, помимо попыток структурировать описание и предложить оригинальную классификацию видов, более или менее стандартизированные ботанические иллюстрации. Работы Джона Рея – результат полуторавековой традиции книгопечатания ботанической литературы, которая ведет свое начало с Великого гербария (Grete Herball, 1525)¹¹⁸.

Этноботаник А. Ипполитова самым ранним в России переводным ботаническим трактатом считает «Травник Любчанина», или «Благопрохладный вертоград здравию» – рукописный перевод инкунабулы Стефана Арндеса «Gaerde der Suntheit» (Любек, 1492 г.). Любчанин – придворный врач великого князя Василия III Николай Булев, выполнивший перевод на русский язык в 1534 г. Сохранилось шесть рукописных переводов, подготовленных в период с середины XVI – по первую треть XVIII в., пять из которых снабжены иллюстрациями¹¹⁹. Другой дошедший до нас иллюстрированный труд – русский перевод Книги дистилляции Иеронима Брауншвига (1505). Это Лицевой травник 1620-х гг., протографом которого, по предположению О. Сапожниковой является упоминающийся в ряде рукописей XVII – начала XVIII в. Лечебник Строгановских лекарств (оба принадлежали супругам Строгановым, Семену Акинфиевичу и Евдокии Нестеровне). Автором перевода выступил соловецкий книжник Сергей Шелонин¹²⁰.

¹¹⁶ Ray J. *Historia plantarum species*. Vol. 1. L., 1686.

¹¹⁷ Ray J. *Synopsis methodica stirpium Britannicarum...* Vol. 1. L., 1690.

¹¹⁸ Grete Herball whiche geueth parfyt knowledge and und[er]standyng of all maner of herbes (facsimile of the Peter Treveris 1526 edition). L., 1936.

¹¹⁹ Ипполитова А.Б. К истории русской ботанической иллюстрации: «Ученые» и «народные» травники XVI–XVIII веков // Вивлиофика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2018. Vol. 6. P. 13–45. С. 15–16.

¹²⁰ Там же. С. 29–30. См. также: Сапожникова О.С. Лицевой Травник Сергея Шелонина: список с перевода русского врача XVI в. // Вестник «Альянс-Архео». 2006. Вып. 15. С. 11–40.

Иллюстрации в упомянутых трудах Джона Рея и двух переводных сочинениях, бытовавших на Руси, кардинально отличаются друг от друга: в Англии это выполненные в виде черно-белых гравюр, на которых уже появляются таксономические признаки растений (передается не просто «образ» растения, но в качестве отдельных элементов прорисовываются семена, корневая система); в России – созданные чернилами и пером рисунки разной степени детализации, в ряде случаев превращающиеся в декор, не имеющий ничего общего с тем растением, о котором говорится в тексте, а порой и в виде фантастических существ – растений-чудищ¹²¹. Существовавшие в то время т.н. народные травники отличаются отсутствием какой бы то ни было ботанической терминологии, они написаны простым языком и содержат краткое описание растения и его полезных свойств. Обычно народные травники анонимны и зачастую не содержат иллюстраций¹²².

Как отмечает П. Деар, для науки Нового времени «открытие – это получение нового знания и интеграция его в систему, словно в общее хранилище европейского знания, ради его дальнейшего эффективного использования»¹²³. От того, насколько легко или сложно был устроен мир личной «лаборатории» исследователя: какие он использовал системы обозначения названий, насколько тщательно следил за сохранностью коллекций, какие издания всегда держал под рукой, у кого мог спросить совета, какими способами перепроверить собственные догадки, – зависело, как скоро его открытие станет общим достоянием. В данном разделе речь пойдет об особенностях распространения натуралистических знаний в британской и российской традициях научной культуры: о тех достижениях теории и методики проведения исследования, которые были выработаны в процессе дисциплинарного становления ботаники, и о трудностях, которые популяризация естественнонаучного знания встречала на своем пути.

В теоретическом плане ботаника стала лидером среди естественнонаучных дисциплин ввиду общей для естественной истории потребности в совершенствовании систематики и возможности предоставить разнообразный и относительно компактный эмпирический материал для изучения. Этот процесс происходил постепенно. «К концу XVII века формируется основное понятие

¹²¹ Ипполитова А.Б. К истории... С. 18.

¹²² Там же. С. 33.

¹²³ Деар П. Событие революции в науке... С. 222.

систематики – вид. Объединяя информацию о видах, систематика стала главным источником сведений о них для других биологических дисциплин. В конце XVII в. стало очевидно, что описание организмов невозможно без создания иерархической системы таксонов. Возникали вопросы о генеалогии важных признаков и о родственных отношениях между группами растений и животных. Их решение требовало узкой специализации»¹²⁴. Ботаника стала наиболее удобным полем для экспериментов с системами, в пространстве которого было возможно обозреть, описать и классифицировать растительный мир. Как отмечают историки науки, «в отличие от растений, животные являлись гораздо более сложными объектами для исследования и попыток их классификации было меньше»¹²⁵. Растения можно было вырастить в собственном саду, оранжерее, теплице, горшках на подоконниках собственной гостиной – они не требовали столь много пространства и затрат на уход, как, например, животные или рыбы. Образцы растений можно было засушить, подклеить и сделать гербарий – удобную в применении коллекцию. Однако высушенные растения утрачивают цвет, и для того, чтобы обращаться к коллекции многократно, растения поручали зарисовать профессиональным художникам – так в игру вступали ботанические иллюстрации – компактные и наглядные средства репрезентации местной или экзотической флоры. Изобретением, которого так ждала естественная история, стала система классификации растений, предложенная шведским ботаником Карлом Линнеем.

Разработкой систем классификации занимались многие исследователи: к концу XVIII в. существовало свыше 50 различных систем¹²⁶. Система искусственной классификации Линнея, предложенная в 1735 г., обозначила важный для всех естественных

¹²⁴ Колчинский Э.И., Сьтин А.К., Смагина Г.И. Естественная история в России. (Очерки развития естествознания в России в XVIII веке). СПб., 2004. С. 18.

¹²⁵ Родный А.Н., Елина О.Ю. Социализация естествоиспытателей в России в XVIII – первой половине XIX в.: формирование когнитивно-институциональных структур биологических и медико-биологических наук // Вопросы истории естествознания и техники. 2018. Т. 39. № 3. С. 459.

¹²⁶ Fara P. *Sex, Botany and Empire. The story of Carl Linney and Joseph Banks*. Cambridge, 2003. P. 20. Были среди ученых и те, кто как граф де Бюффон считали, что «естественно-историческая классификация бессмысленна как форма фило-софского постижения». См.: Деар П. Историей чего является история науки? Истоки идеологии современной науки в раннее Новое время // Логос. 2020. Т. 30. № 1. С. 45.

наук момент «сильнейшей онтологической редукции», когда реальная природа была сведена к идеальной и, таким образом, стала «пригодной» для изучения. Долгое время систематика считалась открытием Линнея, однако сегодня мы знаем, что впервые идею онтологической редукции предложил еще в 1583 г. итальянский врач Андреа Чезальпино (1515–1603)¹²⁷. Так или иначе, именно Линней ввел латинские названия для каждого таксона, правило цитирования предшествовавших источников, принцип синонимичности, строгую иерархическую последовательность категорий класс, отряд, род, вид и разновидность, сформулировал критерии для определения близких форм – особенности органов размножения: «У растений учитывалось число, длина, сростание тычинок и пестиков цветка, а также одно- или двудомность. Исходя из этих принципов, Линней разделил 10 000 известных ему видов растений на 24 класса и 116 порядков»¹²⁸. Благодаря бинаминальной системе классификации сложился единый научный дискурс, а новый *lingua franca* в сфере науки, в свою очередь, усилил интерес к растениям: ажиотаж вокруг ботаники к концу XVIII в. охватил почти весь земной шар.

Важно отметить, что в данный период университетское образование не способно было оказывать сколько-нибудь существенное влияние на развитие целого ряда научных дисциплин¹²⁹. Такое положение вещей было характерно и для ботаники. Несмотря на триумфальный успех системы Линнея, обилие материала для изучения и описания, широкую популярность и даже моду на «травопознание», ботаника как самостоятельная дисциплина во второй половине XVIII в. еще находилась в процессе своего становления, и знания о растениях могли преподаваться в общих курсах по естественной истории или медицине, но не отдельного дисциплинарного направления. Историки науки так характеризуют этот период: «университеты, отягощенные традициями схоластики, были не готовы принять ценности и нормы науки Нового времени. Университетская биология все еще была растворена в медицине, естественной теологии и философии»¹³⁰.

¹²⁷ Любарский Г.Ю. Рождение нового естествознания с точки зрения наук о жизни. // Логос. 2020. Т. 30. № 1. С. 141–143.

¹²⁸ Колчинский Э.И. и др. Естественная история... в России... С. 20.

¹²⁹ Thompson C. Women Travelers, Romantic-era science and the Banksian empire // Rethinking of Joseph Banks. Notes and records of the Royal Society. 2019. P. 434.

¹³⁰ Колчинский Э.И. и др. Естественная история в России... С. 20.

Каким же образом это знание транслировалось, приумножалось и функционировало? Французский историк науки Рене Сигри и швейцарский социолог Эрик Д. Уидмер в 2011 г. представили результаты фундаментального исследования, посвященного анализу способов коммуникации в среде ботаников в XVIII в. Проанализировав профессиональный путь 928 ботаников из государств Европы, ученые пришли к выводу, что «ботаника эпохи Просвещения имеет свою собственную географию»¹³¹. Разнообразные способы кооперации европейских ученых, динамика обмена корреспонденцией и образцами растений (семенами, живыми растениями, гербариями, иллюстрациями), совместные путешествия, peregrinations, широта восприятия теоретических концептов и каналы распространения прикладного опыта образуют самостоятельное сообщество ботаников, коммуникация между которыми происходит вне рамок национальных государств и географических границ в т.н. «республике ботаников»¹³².

Что собой представляла эта республика? Сеть коммуникаций, в которой участвовали не только академики, но и любители, причем нередко вторые играли столь же большую роль в общеевропейской традиции обмена эмпирическим материалом, перевода зарубежных авторов на родной язык, популяризации новейших достижений ботанической науки.

Один из ярких любителей ботаники фармацевт Уильям Кертис в 1766 г. поселился в Лондоне на Грейсчерч-стрит, неподалеку от своих друзей-квакеров Джона Фозергила (1712–1780) и уже упомянутого Джона Кокли Леттсома. Фозергил и Леттсом вошли в историю Британии как врачи и авторы медицинских трактатов. Их профессиональный путь складывался непросто: для квакеров возможности обучения в университете были сильно ограничены. Для того чтобы заниматься ботаникой, необязательно было иметь докторскую степень, и многие квакеры, мечтающие о карьере врача, начинали с профессии аптекаря и принимались за ботанические исследования, при этом писали на основе своих наблюдений трактаты по медицине или фармакологии, постепенно завоевывая авторитет. Квакеры оказывали исключительную поддержку друг другу, и не только финансовую: более опытные и успешные брали под свое крыло начинающих натуралистов и

¹³¹ Sigrist R., Widmer E.D. Thainnng links and transmission of knowledge in 18th Century botany: a social network analysis // REDES – Revista hispana para el analisis de redes sociales. 2011. Vol. 21. № 7.

¹³² Sigrist R., Widmer E.D. Thainnng links...

фармацевтов, помогая в выборе направления исследования, привлекая к участию в собственных проектах, нанимая в качестве ассистентов, и что, не менее важно, способствуя социализации энтузиастов-провинциалов, недавно прибывших в Лондон¹³³.

Уильям Кертис был многим обязан Фозергиллу и Леттсому и начало его профессиональной карьеры складывалось похожим образом. Вероятно, он много времени проводил в частном ботаническом саду Фозергилла, разбитом на территории старинного Вест-Хэм парка. Изюминкой сада были оранжереи с экзотическими растениями, для которых необходимо было поддерживать специальные условия. Позднее Леттсом издал каталог растений этого сада¹³⁴. Современники оценивали ботанический сад Фозергилла как второй по красоте после Королевских ботанических садов Кью, однако Кертис был не столь восторжен в своих оценках: он полагал, что куда полезнее выращивать и демонстрировать публике представителей местной флоры. С 1777 г. Кертис начал издавать «*Flora Londinensis*», иллюстрированное издание, посвященное растениям, произрастающим в Лондоне и его окрестностях¹³⁵. Это начинание принесло Кертису определенную известность в кругу профессиональных ботаников, но обзоры местной флоры по-прежнему не вызывали особенного интереса у читателей, а значит, не приносили автору почти никакого дохода.

В 1778 г. Кертис публикует брошюру «Предложения по открытию по подписке ботанического сада под названием «Лондонский ботанический сад», созданного для пользы докторов, аптекарей, студентов-медиков, ученых-фермеров, ботаников (главным образом, английских ботаников), любителей цветов и всех желающих». Текст интересен с точки зрения сочетания теоретической и методической частей. Первый раздел написан в жанре памфлета-похвалы ботанике – верной спутнице фармакологии и медицины, чья практическую пользу трудно переоценить, и ученому-ботанику, который «благодаря новому способу видения способен предстать перед ликом природы и имеет превосходную возможность читать ту книгу [природы], что для большинства челове-

¹³³ William Curtis // Quakers in the world.

URL: <https://www.quakersintheworld.org/quakers-in-action/254/William-Curtis>.

¹³⁴ Lettson Jh.C. Hortus uptonensis; or, a catalogue of stove and green-house plants in Dr. Fothergill's garden at Upton, at the time of his decease anno 1780. L., 1783. 44 p.

¹³⁵ Curtis W. Flora Londinensis, or, Plates and descriptions of such plants as grow wild in the environs of London. L., 1777–1798.

ства оказывается лишь собранием пустых страниц»¹³⁶. Второй раздел касается практического устройства ботанического сада, прописывается режим работы, структура насаждений, система наименования растений и порядок их маркировки, стоимость подписки и правила посещения. Здесь же Кертис перечисляет патронов будущего сада: встречаются фамилии аристократов и ученых ботаников, биологов, медиков; упоминается Его королевское высочество – в связи с даром Королевских ботанических садов Кью, а также Аптекарское общество¹³⁷. Ботанический сад Кертиса был открыт 1 января 1779 г. За одну гинею в год можно было посещать сад со вторника по пятницу с шести утра до восьми вечера одному или в компании не более одного сопровождающего. За две гинеи к посещению добавлялась возможность получать почтой семена. В Лондонском ботаническом саду насчитывалось 700 наименований растений, из них 100 относились к лекарственным, 80 – к злаковым, и «огромное множество» – к экзотическим¹³⁸.

С 1787 по 1800 г. издание выходило под названием *The Botanical Magazine* («Ботанический журнал»). Стоит обратить внимание на его полное название, отражающее специфику издания и состав читательской аудитории:

«Воспроизведение декоративного сада, в котором представлены наиболее причудливые экзотические растения, выращиваемые в открытом грунте, зимних садах и оранжереях, переданные в их природных расцветках с точностью; а также дополненные указанием имени, класса, отряда, общих и особенных свойств согласно выдающемуся Линнею; сопровождаемые описанием мест произрастания и временем цветения вместе с наиболее эффективными методами культивации. Работа предназначена для пользы леди, джентльменов и садовников, глубоко заинтересованных в постижении свойств растений, которые они выращивают»¹³⁹.

Страстный приверженец идеи изучения местной флоры, Кертис переориентировался на публикацию иллюстраций экзотических растений, потому что именно истории о их «приручении» и перенесении на английскую почву были востребованы у читателей, иллюстрации редких и новых образцов пользовались успехом. Журнал был первым издательским проектом, основанным на публикации ботанических иллюстраций. Каждое изображение из-

¹³⁶ Curtis W. The proposals for opening by subscription a Botanic Garden, to be called the London Botanic Garden. L., 1778. P. 5.

¹³⁷ Ibid. P. 16–19.

¹³⁸ Curtis W. The proposals... P. 13.

¹³⁹ *The Botanical Magazine*. 1787. Vol. 1. P. 1.

готавливалось в виде гравюры на меди, а затем расписывалось акварелью вручную¹⁴⁰. Внимание к деталям, тщательный подбор цвета, использование высококачественных пигментов и профессионализм приглашенных художников обеспечивали замечательное качество изображений, которые не утратили своей яркости и четкости до сих пор. Для создания иллюстраций использовались только живые растения, выращенные в ботаническом саду Кёртиса или заимствованные из частных коллекций. Подчас над одним выпуском работало порядка тридцати художников, и, хотя все они являлись профессиональными ботаническими иллюстраторами, уже знакомыми с выработанными на тот момент принципами научного изображения растений и рекомендациями по выполнению научных иллюстраций¹⁴¹, их работы отличались друг от друга, носили отпечаток индивидуальности каждого автора¹⁴².

Открытия растений происходили одновременно с трансформацией ценностей. В один ряд с политикой и коммерцией как сферами реализации карьерных амбиций становится наука: публикации в научных журналах, членство в научных обществах, возможность культивации экзотического растения в новом климате в рамках государственного или частного ботанического сада также формируют престижную профессиональную и социальную идентичность¹⁴³. И даже тогда, когда ботаника уже прочно была ассоциирована с экономической прибылью и имперскими проектами, популярной стратегией ботанического нарратива по-прежнему оставалась трансляция романтического флера вокруг новых открытий¹⁴⁴, сулящих приключения и таящих интригу, что

¹⁴⁰ Такой способ применялся вплоть до 1848 г., когда в процесс производства журнала была наконец внедрена технология цветной литографии, к тому моменту применяемая уже повсеместно. Gardham J. «Curtis's Botanical Magazine». Special Collections Depart.: Book of the Month. 2004.

¹⁴¹ Sowerby J. A botanical drawing-book. L., 1788.

¹⁴² Среди наиболее известных иллюстраторов, работавших в журнале, выделяются Джеймс Саурби (1757–1822), спонсировавший первый выпуск журнала; Сиденем Тист Эдвардс (1769–1819) – воспитанник Уильяма Кертиса и главный художник; Уильям Киллбурн (1745–1818), автор иллюстраций к «Flora Londinensis», а также директор Королевских ботанических садов Кью Уильям Джексон Хукер (1785–1865).

¹⁴³ Elina O.Yu. Private botanical gardens in Russia: Between noble culture and scientific professionalization (1760s–1917) // The Global and the Local: The History of Science and the Cultural Integration of Europe / Ed. by M. Kokowski. . Cracow, 2006. P. 579–585.

¹⁴⁴ Thompson C. Women Travellers... P. 432.

приковывало к себе внимание обывателей точно так же, как идеал беспристрастного и объективного научного знания.

Григорий Акинфиевич Демидов (1715–1761) известен как создатель первого частного ботанического сада в России. Сад был заложен в 1731 г. в г. Соликамск, где один из наследников основателя горнозаводской промышленности на Урале поселился вместе со своей супругой Наталией Суровцевой. Первый в мире ботанический сад в резко континентальном климате северо-востока европейского континента отличался от аптекарских огородов Москвы и Петербурга тем, что был основан не с медицинскими целями, а познавательными и экспериментальными. Демидов состоял в переписке с директором московского Аптекарского огорода Т. Гербером и ботаником И. Лерхе, в 1743 г. сад осматривали И. Гмелин и С. Крашенинников, а в 1746 г. его посетил Г. Стеллер. Впечатленный радением о своем саде ботаника-самоучки, Стеллер, предчувствуя скорую кончину, именно ему поручил распорядиться собранными в ходе экспедиции коллекциями. Г.А. Демидов передал гербарную коллекцию в Петербург, послав дубликаты растений Карлу Линнею. Интересно, как сетовал он на отсутствие единой номенклатуры названий в начале обустройства сада и просил подписывать экземпляры по-русски:

«Мой господин доктор Гербер.

Благодарю вас за ваше ко мне приятное писание, которое я от вас получил в прошлом 739 году и для того долго не отвечивал что посылал в Фокино переводить и прошу вас чтоб писма изволяли ко мне писать поруски а у меня переводить некому.

Нонче к вам при сем посылаю трав 241 которые я в прошлом 739 году збирал и некоторые подписаны российскими именами. И прошу вас оные подписать таким же порядком роды разобрать как вы прежде ко мне мои гербарии подписали и прислать ко мне А ежели которые угодны и которые имеютца 2 планты то извольте со мною поделитца А я и впредь буду стараца о российских именах.

В намерении имею травы описать российскими именами и которую траву россияне от болезни употребляют и в каких местах растет и в которые месяцы цветет токмо весьма трудно оное произвеждать от того, что наши ботаники сходно не говорят одну траву один так, а другой инако называет»¹⁴⁵.

Однако в будущем ботанику пришлось освоить биномиальный принцип наименования растений, ведь он вступил в личную переписку с К. Линнеем, которая продолжалась до 1760 г.¹⁴⁶ На ла-

¹⁴⁵ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 104. Ед. хр. 12. С. 41–42.

¹⁴⁶ Смирнов Е. Соликамский ботанический сад и его история. URL: uraloved.ru/istoriya/istoriya-solikamskogo-sada

тыни выполнены и надписи на этикетках к гербарным образцам, которые сохранились в фондах биологического факультета МГУ.

После смерти Григория Акинфиевича Демидова часть его коллекций забрал старший брат Прокофий Акинфиевич Демидов (1710–1786), который в 1756 г. по примеру брата основал ботанический сад в своем имении Нескучное (ныне известный как Нескучный сад в Москве). Сад в Соликамске продолжал свое существование при новых владельцах Турчаниновых до 1810 г. Прежде чем сад перешел в ведение новых хозяев, были составлены его описания И.И. Лепехиным, насчитавшим здесь «422 вида растений не только деревьев и кустарников Урала и Сибири, но и многих теплолюбивых растений из тропических и субтропических зон планеты, таких как кофе, кактуса, алоэ, агавы, амарилисы, канны, гиацинты, ананасы, олеандр, лавр, мирт, банан, лимон»¹⁴⁷. Преемник коллекций, собранных Григорием Демидовым, Прокофий Демидов изображен на известном портрете кисти Д.Г. Левицкого в окружении комнатных растений, лейки и цветочных луковок.

О содержании сада Прокофия Демидова сохранились более точные сведения. В течение целого месяца летом 1781 г. в его доме вынужден был из-за внезапной болезни, помешавшей новой экспедиции, оставаться П.С. Паллас. В благодарность за радушие хозяина дома и отдавая должное отличному состоянию его сада, Паллас составил научное описание всех растений и издал каталог. Во введении Паллас отмечает, что издание каталога позволит другим натуралистам узнать о содержимом коллекции и, вступив в переписку с Демидовым, оказывать друг другу взаимные услуги обмена образцами: «Сей сад не только не имеет себе подобного во всей России, но и со многими в других Государствах славными ботаническими садами сравнен быть может как редкостью, так и множеством содержащихся в оном растений. И ныне с согласия самого владетеля сего прекрасного сада издаю я в свет описание оною, дабы иностранные могли быть известны о изящности оною, и вместе любители ботаники и друзья знали, что они от него заимствовать и также чем его ссудить могут»¹⁴⁸. Паллас отмечает внимательное отношение хозяина сада к гербаризации растений,

¹⁴⁷ Баньковский Л.В. Ботанический сад Григория Демидова // Наука и жизнь. 2007. № 2. С. 24–31.

¹⁴⁸ Паллас П.С. Каталог растениям находящимся в Москве в саду его превосходительства, действительнаго статскаго советника и Имп. Воспитательнаго дома знаменитаго благодетеля, Прокопия Акинфиевича Демидова. СПб., 1781. С. XIII.

используемый им эффективный метод проращивания семян на блюдцах, покрываемых мхом в условиях специальной оранжереи, тщательность в отношении заполнения бирок и этикеток¹⁴⁹. В каталоге перечислены 2224 вида растений, они поименованы на латыни, рядом приведены и русские названия. Отличительной чертой каталога является то, что Паллас не упоминал имени того, кто описал вид¹⁵⁰, но указал свое имя в тех случаях, когда виды были открыты им самим. Таковых на момент издания каталога имелось довольно много, из чего А.К. Сытин делает вывод о любопытном совместном проекте: «Паллас снабжал Демидова семенами, а тот сообщал ему об опыте их выращивания»¹⁵¹.

О повсеместности распространения ботаники говорит и степень вовлеченности женщин в научные изыскания разного уровня сложности. Стоит ли женщинам собирать гербарии, выращивать комнатные растения и участвовать в организации собственного сада – в Британии этот вопрос стал предметом литературной полемики между такими известными в свое время поэтами и публицистами как Эразм Дарвин (1731–1802), Уильям Уизеринг (1741–1799), Ричард Полвел (1760–1838)¹⁵². Все эти джентльмены увлекались ботаникой и каждый по-своему видел пределы допустимого для женщины участия в ботанических изысканиях, поскольку Линней использовал для объяснения своих построений лексику, связанную с семейно-брачными отношениями, а процессы размножения растений описывал при помощи метафор, которые многим его современникам казались фривольными. Наиболее ярко подчеркнул двусмысленность используемого Линнеем языка Эразм Дарвин в своей поэме «Любовь растений» (1789)¹⁵³.

О.А. Валькова в своей монографии, посвященной женщинам-ученым в Российской империи, использует метафору «штурма» академии¹⁵⁴. В Британии женщины избрали тонкую стратегию: отстаивая свое право проводить исследования в сфере ботаники и делиться собственным опытом, они действовали не напря-

¹⁴⁹ Сытин А.К. Ботаник Петр Симон Паллас... С. 166.

¹⁵⁰ Обычно после двухсловного названия, где первое слово обозначало род, а второе – видовой эпитет растения, в полном или сокращенном варианте указывалась фамилия ботаника, впервые описавшего данный вид.

¹⁵¹ Сытин А.К. Ботаник Петр Симон Паллас... С.168.

¹⁵² Fara P. Sex, Botany and Empire... Cambridge, 2003. P. 42–44.

¹⁵³ George S. Epistolary Exchange: the Familiar Letter and the Female Botanist, 1760–1820 // Journal of Literature and Science. 2011. Vol. 4. № 1. P. 16.

¹⁵⁴ Валькова О.А. Штурм цитадель науки. М., 2018.

мую, стремясь принять активное участие в жизни академического сообщества, а в основном посредством литературного творчества¹⁵⁵. Как писал Карл Томпсон, «чтобы обнаружить присутствие женщин в науке данного периода, нужно расширить рамки нашего представления о научных практиках и сообществах»¹⁵⁶.

Основным жанром, который использовали женщины-ботаники в Англии, стал эпистолярный роман. Обращение к роману в письмах как форме изложения ботанических наблюдений и гипотез, впервые использует Жан-Жак Руссо. Его «Письма об элементах ботаники к мадам де Л.» (1771–1774), работа кембриджского профессора ботаники Томаса Мартина «Письма об элементах ботаники, адресованные леди» (1785), представляющая собой перевод книги Руссо, и произведение филантропа и писательницы Присциллы Уэйкфилд (1751–1832) «Введение в ботанику» (1796)¹⁵⁷ стали первыми, наиболее популярными и доступными для женщин пособиями по ботанике, одобренными социумом. Сравнивая между собой эти книги, С. Джордж отмечает ряд отличий, однако в качестве ключевого общего свойства называет поощрение занятий ботаникой для юных девушек и отстаивание идеи благотворного воздействия изучения природы на формирование личности женщины¹⁵⁸. В предисловии к «Введению в ботанику» Присцилла Уэйкфилд своей целью провозглашает «культивацию в юных созданиях любви к изучению природы» и акцентирует внимание на достоинствах такой «страсти»: ботанические изыскания, по ее мнению, «побуждают находиться на свежем воздухе, что благотворно сказывается на здоровье и самочувствии, а объекты для изучения легко доступны благодаря тому, что ничего не стоят и могут быть обнаружены повсеместно»¹⁵⁹.

Успех публикации П. Уэйкфилд вселил уверенность в других женщин и породил серию эпистолярных романов о ботанике, среди которых назовем «Ботанические диалоги» Марии Джексон (1797), «Разговоры о ботанике» Сары Мери и Элизабет Фиттон (1817), «Диалоги о ботанике» Хэрриет Бефорт (1819). Какими

¹⁵⁵ Widder A.H. Women and Botany in the 18th and early 19th Century England. Michigan State University Libraries. URL: <https://lib.msu.edu/exhibits/botany/>

¹⁵⁶ Thompson C. Women Travellers... P. 432.

¹⁵⁷ Wakefield P. An Introduction to Botany, In Series of Familiar Letter, with Illustrative Engravings. Dublin, 1796.

¹⁵⁸ George S. Epistolary Exchange: the Familiar Letter and the Female Botanist, 1760–1820 // Journal of Literature and Science. 2011. Vol. 4. № 1. P. 21–22.

¹⁵⁹ Wakefield P. An Introduction to Botany... P. III–IV.

способами добивались авторы открытого обсуждения вопросов ботаники в кругу женщин? Во-первых, тщательным подбором нейтральных аналогов – своеобразным «вычищением» в переложении системы Линнея всей двусмысленной терминологии. Во-вторых, всяческим поощрением читательниц изучать природу на собственном опыте, подчеркивая, что такой путь познания предпочтительнее чтения ученой литературы. Наконец, важно, что в качестве главных героев этих эпистолярных романов выступают женщины, как правило, юная девушка, ее сестры, мать и гувернантка. Очевидно, что диалоги между героинями в силу их ролевых моделей не содержат и оттенка фривольности, более того, носят ярко выраженный дидактический характер. Жанр романа в письмах, причем, в форме обмена корреспонденцией между членами одной семьи, придает упомянутым произведениям статус литературы для семейного чтения. Действительно, Джордж допускает, что все эти романы, вероятно, читались вслух в домашней обстановке в присутствии домочадцев и слуг¹⁶⁰.

Литературное поприще было популярным, но не единственным способом для англичанок реализовать свой интерес к ботанике. Успеха и признания добивались женщины-коллекционеры и женщины-авторы ботанических иллюстраций. Настоящую славу снискали гербарные коллекции Маргарет Бентинк, герцогини Портлендской (1715–1785), и Мери Делани (1700–1788), изобретательницы техники декупажа¹⁶¹; а ботанические иллюстрации в «Занимательном гербарии» (1737–1739) Элизабет Блэквелл (1707–1758) – книге иллюстраций растений из Челси Физик Гарден, стали настоящим спасением для автора (доход от издания книги позволил Элизабет освободить своего супруга, отбывавшего тюремное заключение за долги)¹⁶². Да, женщины-ботаники имели возможность высказаться, закрепив за собой такие ниши, как дидактическая литература в форме эпистолярного романа и ботаническая иллюстрация, но эти же самые формы не позволяли им понастоящему возвысить свой голос. Мир британской академической науки XVIII в. был открыт только для мужчин.

¹⁶⁰ George S. Epistolary Exchange... P. 21.

¹⁶¹ Flannery M. The 18th-century Passion for Botany: Women. 2019. Herbarium World. URL: <https://herbariumworld.wordpress.com/2019/06/10/the-18th-century-passion-for-botany-women/>

¹⁶² Costantino G. Women in Enlightenment Science. 2018. Biodiversity Heritage Library. URL: <https://blog.biodiversitylibrary.org/2018/10/women-in-enlightenment-science.html>

Проблема участия женщин в науке обсуждалась и в российском обществе. Причем, интересно, что в России как раз есть случаи и формального членства, и замещения должностей в Академии, и научных публикаций. По заключению О.А. Вальковой, «последние два десятилетия XVIII в. в России ознаменовались если не расцветом женской образованности и занятиями науками, то по крайней мере высочайшим поощрением подобных увлечений со стороны монархини: от назначения княгини Е.Р. Дашковой в 1783 г. директором Петербургской академии наук до публикации в 1785 г. типографией Новикова научного труда немецкой естествоиспытательницы М.С. Мериан; от издания биографического словаря, включившего в свой словник имена ученых женщин, в 1790–1798 гг. до публикации первого труда российских девушек, посвященного предметам натуральной истории, в 1792 г. и публичного признания их заслуг Екатериной II»¹⁶³. Действительно, уже упомянутая Доротея Мария Гзель, хоть и не была произведена в академики, но являлась сотрудником Фигурной палаты Академии, где обучала искусству ботанической иллюстрации. Она также занималась подготовкой к изданию третьей части «Книги о гусеницах» своей покойной матери Марии Сибиллы¹⁶⁴. Под «первым трудом российских девушек» в области естествознания Валькова имеет в виду публикацию сестер Волконских Анны Михайловны (1776(?)–1827) и Екатерины Михайловны (1777–1834) – переводного сочинения-хрестоматии «Рассуждения о разных предметах природы, наук и художеств»¹⁶⁵.

«Гг. профессора, обремененные делами, чуждыми их науке, не имели времени заниматься своими специальностями, что вредило успехам науки. Каждый из них может заниматься своей наукой совершенно свободно, не встречая с моей стороны никаких препятствий; со своими делами они обращаются прямо ко мне и получают быстрое их разрешение, не подчиняясь канцелярской волоките, пугавшей некоторых из них»¹⁶⁶, – так отчитывалась Екатерина Романовна Дашкова (1743–1810) об изменениях, про-

¹⁶³ Валькова О.А. Штурмья цитадель науки... С. 57.

¹⁶⁴ Лукина Т.А. Мария Сибилла Мериан, 1647–1717. Л., 1987. С. 123.

¹⁶⁵ Волконская А.М., Волконская Е.М. Рассуждения о разных предметах природы, наук и художеств. Ч.1–2. СПб., 1792.

¹⁶⁶ Дашкова Е.Р. Состояние, в котором находилась императорская Академия наук, когда я вступила в управление ею в 1783 г., и в котором она находится ныне, в 1786 г. Цит. по: Лозинская М.Я. Во главе двух академий. М., 1978. С. 125.

изведенных ею в организации академии. Факт руководства Дашковой сразу двумя научными институтами: Петербургской академией наук и Российской академии в период с 1783 по 1796 г., не оставляет сомнений в участии женщин в академической жизни России, но степень и характер этой вовлеченности определить крайне трудно. Сегодня деятельность Дашковой во главе институтов оценивается очень высоко. При этом ее заслуга – в оптимизации управления, решении многочисленных финансовых вопросов, контроле над постройкой нового здания академии, изыскание средств на важные издательские проекты¹⁶⁷. Ее интерес к естественным наукам подтверждается упоминаниями о сборе коллекций и посещении естественнонаучных кабинетов за границей, но едва ли это был профессиональный интерес, скорее – дань моде.

В это время многие женщины принимали непосредственное участие в научных изысканиях, но остались невидимыми для истории науки, потому что помогали своим мужьям, отцам или братьям, чей социальный статус позволял им презентовать результаты совместной научной деятельности.

Российское и британское сообщества ботаников имеют и другие специфические черты. Так, для Британии характерны две тенденции, которые на первый взгляд могут показаться противоречивыми. Первая – сильное влияние институтов: как академии, так и тематических сообществ. Вторая – крайняя слабость связи «учитель-ученик» и своеобразная «изоляция» ботаников друг от друга. Казалось бы, институты как раз ставят своей целью объединение ученых, однако закрытость этих организаций, строгие требования к публикациям в периодических изданиях, напротив, способствуют тому, что британское сообщество в сравнении с кооперациями ученых во Франции, Италии и Германии, является разрозненным и разобщенным¹⁶⁸. На университетском уровне примером служит карьера преподавателя Оксфорда Иоганна Якоба Дилениуса (профессор с 1734 по 1747 г.), чье блестящее наследие было сведено на нет его преемником Хамфри Сибторпом (профессор с 1747 по 1783 г.), имевшим лишь одного ученика за сорок лет профессорства, и его сына Джона Сибторпа (профессор с 1784 по 1796 г.), у которого не было ни одного ученика.

¹⁶⁷ Смагина Г.И. «Первейшей своей обязанностью ставлю славу и процветание Академии»: К 275-летию директора Академии наук княгини Е.Р. Дашковой // Социология науки и технологий. 2018. Т. 9. № 2. С. 9–12.

¹⁶⁸ Валькова О.А. Штурм цитадель науки. С. 14–17.

Слабый уровень университетской ботаники в Британии в это время компенсировался не только развитой культурой ботанических садов и высоким уровнем подготовки садовников, но также феноменом «ученых торговцев рассадой»¹⁶⁹. Магазины-питомники, торговавшие рассадой и семенами растений, оказывали существенное влияние на популяризацию не просто ботанического знания, но передового достижения оно – системы Линнея. Торговые прилавки Уильяма Малькома и другой – Уоррена Лакера и Сэмюэла Смита отличались от остальных. Помимо общеизвестных садовых растений, таких как крыжовник, тюльпаны или гиацинты, или традиционных агрокультур, они начали продавать декоративные растения, воспринимавшиеся как экзотические: гибискус или «танцующее растение». Кроме того, они впервые стали на этикетках печатать научные наименования, а не общепринятые народные. Благодаря тому, что торговцы растениями стремились подчеркнуть свою приверженность современному ботаническому знанию, которая выражалась в таких актах «ботанической щедрости»¹⁷⁰ и использовании линнеевской номенклатуры, изучение ботаники среди садовников и коллекционеров растений распространялось повсеместно. Многие теплицы / питомники располагались на окраинах или за городом, так как в центральных районах не было для них места и воздух был слишком загрязнен. В центре же находились маленькие магазинчики: в Ковент-Гарден – четыре-пять, в Вестминстере – два¹⁷¹.

Для России, напротив, характерны отношения взаимопомощи и поддержки между учителем и учеником. При этом, уровень распространения естественнонаучного знания в широких слоях населения не мог сравниться с британским. Проекты административных реформ оставались нереализованными из-за слабой подготовки кадров и низкого уровня образования в целом. Одним из решений проблемы стало создание сети общеобразовательных школ – народных училищ, подразделявшихся на главные, средние и малые. В 1782 г. работу по осуществлению реформы образования возглавил приглашенный сербский педагог Федор Иванович Янкович де Мириево (1741–1814). К осени 1786 г. в 25-ти губерниях было открыто 165 училищ. В том же году вышел первый и

¹⁶⁹ Easterby-Smith S. Botanical collecting in eighteenth-century London // Curtis's Botanical Magazine. 2017. № 34(4). P. 285.

¹⁷⁰ Имеется в виду факт передачи в дар большого количества растений только что открывшемуся ботаническому саду У. Кертиса в Лондоне.

¹⁷¹ Easterby-Smith S. Botanical collecting... P. 284.

единственный для XVIII и первой четверти XIX в. оригинальный учебник естествознания на русском языке – «Начертание естественной истории, изданное для народных училищ Российской империи по Высочайшему повелению царствующей Императрицы Екатерины Второй». Так естествознание вошло в программы общеобразовательных школ, с ним знакомились на 4-м году обучения. В предисловии к учебнику говорится:

«...нет почти человека, которому Естественной Истории не знать, каким либо случаем, позволено было. <...> пища и питье, одеяние и прикрытие, нужды преестественные, по разным света полосам различные, однако всегда первья, уже довольно доказывают, сколько влияние Мира о познании веществ натуральных с самага нашего начала на нас невидимо действуют. – Каким же образом познавать, приобращать, употреблять сии вещества, Книга сия, Начертание Естественной Истории, изданная к употреблению в Народных училищах, заключающая в себе нужнейшие и притом по большей части Российское, есть цель, для чего она сделана».

В учебнике содержатся своеобразные методические указания: учителю после прочтения и истолкования учениками того или иного параграфа следует показывать тот предмет «в самой натуре, или по крайней мере на картинке», потому должно в классе всегда иметь естественнонаучную коллекцию и коллекцию иллюстраций. Особо оговаривается необходимость пояснять ученикам, каким образом употребляются дары природного мира «для частной и общественной пользы»¹⁷².

Автором учебника выступил В. Зуев, один из учеников Палласа. В первом разделе мы упоминали о том, что любимым учеником Палласа был Н. Соколов, не пожелавший строить карьеру натуралиста. Способности Зуева были высоко оценены Палласом и по возвращении из экспедиции он способствовал тому, чтобы «академический студент» был отправлен Академией в Лейден, а затем в Страсбург для продолжения образования. Вернувшись осенью 1779 г. в Россию, Зуев выдержал экзамены, защитил диссертацию, был утверждён в звании адъюнкта и вновь прикомандирован к Палласу, которому помогал систематизировать зоологическую коллекцию Кунсткамеры, но главной его помощью учителю стала подготовка перевода *Flora Rossica* на русский язык. С мая по октябрь 1781 г. он предпринял собственную экспедицию в Херсон «для обозрения недавно присоединенных земель по ре-

¹⁷² Зуев В.Ф. Начертание естественной истории / Изд. для народных училищ Российской империи по высочайшему повелению царствующия императрицы Екатерины Втория. СПб., 1786. Предисловие.

кам Буг и Днепр и составления их описания»¹⁷³. По материалам этой экспедиции Зуев издаст «Путешественные записки» (первый том) и несколько статей. Его отношения с руководством Академии складывались не гладко, Палласу не раз приходилось вступаться за своего ученика. На протяжении всей жизни они поддерживали близкие отношения, и когда Зуев подготовил учебник, Паллас выступил с рецензией, в которой отметил, что данное пособие «превосходило все иностранные руководства»¹⁷⁴. Зуев также занимался подготовкой учителей естествознания, став профессором естественной истории в Главном народном училище, учрежденном в 1784 г. в Санкт-Петербурге, а в 1784–1785 гг. – редактором основанного студентами училища ежемесячного издания «Растущий Виноград». Учебник Зуева выдержал пять переизданий (последнее вышло в 1814 г.), и им пользовались вплоть до 1825 г. Так что период с 1786 по 1825 г. по праву считается «зуевским периодом» в истории учебного естествознания в России¹⁷⁵.

Ботаника стала «большой наукой XVIII в.»¹⁷⁶, потому что в этом нуждалась империя. Но нельзя забывать, что необходимым условием триумфа естествознания стали изменения в самом способе и практиках познания. Имперский дискурс подчинения территорий через их природное освоение не был бы возможен без идеи подчинения человеком природы.

Появление и широкая популярность периодических изданий указывают на потребность научного сообщества в таком способе коммуникации как периодическая печать, а тот факт, что «сердцем» таких изданий являлись именно изображения, доказывает большое значение ботанических иллюстраций в дискурсивном пространстве ботанических изысканий. Показательно, что предварительным и необходимым этапом основания журнала Уильяма Кёртиса являлось открытие ботанического сада, сыгравшего роль исследовательской площадки и своеобразной «лаборатории» для создания ботанических иллюстраций.

Удивительный пример российской частной инициативы по основанию сада в Соликамске демонстрирует использование ботаники как средства формирования социального статуса: причем не через карьеру, приносящую доход, как в случае Кертиса, а че-

¹⁷³ Райков Б.Е. Академик Василий Зуев (1752–1794) // Труды Института истории естествознания и техники. 1955. Т. 4. С. 246–247.

¹⁷⁴ Райков Б.Е. Академик Василий Зуев... С. 271.

¹⁷⁵ Там же. С. 276.

¹⁷⁶ Дастон Л. История науки и история знания... С. 63.

рез указание именно на причастность к ученым занятиям, престиж которых велик в глазах общественного мнения.

Ориентация на опытное познание природы, с одной стороны, побуждало к расширению географии исследований, а с другой – позволяло осуществлять наблюдения в пределах своего дома: «некоторые ученые приспособливали собственное жилище для этих целей и требовали от женщин и слуг помогать им в проведении опытов»¹⁷⁷. Женщины действительно разделяют любовь к ботанике и участвуют в процессе накопления и систематизации ботанического знания посредством создания ботанических иллюстраций, перевода зарубежных авторов, адаптации научных трудов для широких слоев читателей.

В Британии наличие разных каналов распространения и способов популяризации актуального научного знания стало важным фактором успеха имперского ботанического дискурса. Отсутствие таких условий в России привело к осознанию необходимости обучения основам естественной истории подрастающего поколения. Введение естественной истории в качестве обязательного предмета в народных училищах и появление первого учебника по естествознанию на русском языке стало знаковым событием в истории науки и образования Российской империи.

3.4. «ИМПЕРСКОЕ НАРОДОВЕДЕНИЕ»

В августе 1774 года Паллас писал своему другу, ботанику Й. Бурману:

«В течение короткого времени... я вполне ясно понял, что не долго смогу выносить эту страну, враждебную благородным устремлениям. Мужественно перенесенным трудам и опасностям не только нет ни награды, ни славы, но напротив, коллеги мои вгрызаются жадным зубом и повсюду возникают зависть и стяжательство, и не только на поприще науки, но в страсти к деньгам. Итак, я распрощаюсь с этой варварской землей – только бы мне рассчитаться с Академией за путешествие»¹⁷⁸.

В этом фрагменте чувствуется отчаяние. Препятствия со стороны местного населения и ограничения, накладываемые на инициативу участников экспедиции Академией, конфликты с коллегами и финансовые трудности имели место и после возвращения

¹⁷⁷ Деар П. Событие революции в науке... С. 212.

¹⁷⁸ Цит. по: Сытин А.К. Ботаник Петр Симон Паллас... С. 142.

Палласа из экспедиции, и отнимали силы и без того перегруженного ученого, вынужденного завершать труды своих погибших коллег¹⁷⁹. Тем не менее, допуская, что характеристика «варварская земля», данная, пусть и «в сердцах», Российской империи – следствие эмоционального дисбаланса ученого, стоит принять во внимание это стремление Палласа отмежеваться от России.

Бездействие Академии в отношении трудностей, с которыми сталкиваются работающие в поле натуралисты, и ограничение исследовательской инициативы приводят к мысли о своеобразном страхе власти перед открывающимся миром нового знания.

Показательны обстоятельства путешествия ученика Палласа Василия Зуева в 1781–1782 гг. по южной части России. Зуеву было поручено обследовать территории между реками Буг и Днестр. По результатам этой поездки в 1787 г. были опубликованы «Путешественные записки Василия Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году». Известно, что местные чиновники препятствовали продвижению Зуева. Особенно вопиющим был оказанный ему «прием» в Харькове: генерал-губернатор Щербинин и почтмейстер Мордовиков взяли Зуева под стражу. Вот что сообщает он об этом в письме академикам от 30 августа 1780 г.:

«Наконец, дошла и до меня участь <...> сравняться бедствием с славнейшими учеными людьми, которые, путешествуя по неизвестным странам, сделались известными несчастными: Ловиц умер насильственно от Пугачева, Гмелин скончался в плену у лезгинского Але-Бейхана, Гильденштедт попался было крымским татарам; все сие по большой части вне государства, среди диких и непросвещенных народов случилось; я внутри моего отечества, в Харькове, захвачен был, посажен под караул, обесчещен; наконец, избавясь, еще должен был бояться, чтоб и в дороге какого насилия не учинилось со мною и всеми при мне находящимися».

¹⁷⁹ Паллас заканчивает письмо сообщением *post scriptum* о гибели в кавказском плену С.Г. Гмелина и самоубийстве И. Фалька. Смерть молодых естествоиспытателей (Гмелину было 30 лет, Фальку – 42 года) произвела на Палласа удручающее впечатление. Напомним, что в ходе Академических экспедиций 1768–1774 гг. Гмелин возглавлял первый отряд Астраханской экспедиции и проводил изучение Прикаспийской низменности и Кавказа, в частности нефтяных месторождений в Баку, а Фальк был руководителем третьего отряда Оренбургской экспедиции и исследовал области по Оке, Волге до Астрахани, Южного Урала, степи юго-востока Европы и юго-запада Азии, Западную Сибирь до Оби. Обработкой записей и материалов коллекций Фалька впоследствии занимался И.Г. Георги; подготовку к публикации четвертой части «Путешествия по России для исследования трех царств природы» Гмелина осуществлял Паллас.

Когда Зуев решил продлить маршрут и из Херсона отправился в Константинополь, Академия перестала спонсировать его поездку¹⁸⁰.

Поощряя приращение научного знания, имперская власть не забывает о главной цели этого процесса познания – установлении контроля. Пиетет перед знанием сочетается с опасением излишней осведомленности подданных. Пока оставим это соображение в качестве предварительного замечания, напоминающего о сложности феномена «имперского естествознания» – его конфликтной и неоднозначной природе, и остановимся подробнее на характеристике такого явления как «имперское народоведение».

Прежде чем на смену энтузиазму первых лет исследований в России пришло разочарование от неспособности власти должным образом организовать работу Академии и обеспечить безопасность ее членов, работающих в полевых условиях, Паллас, Георги, Миллер и другие немецкие натуралисты на русской службе заложили основы изучения не только природного, но и «человеческого разнообразия империи»¹⁸¹. Как мы помним, инструкции участникам экспедиций, носили комплексный характер. Прописанные в них задачи охватывали широкий круг областей: натуралистам предстояло собрать сведения не только о флоре и фауне, но также о людях, населяющих исследуемую территорию.

Какого рода были эти сведения и что представляло собой раннее «имперское народоведение»? От описания внешнего облика и физических данных до характеристики социальных порядков, культурных практик и религиозных верований. Люди вызывали интерес не просто как представители иной культуры, но как ресурс, возможность применения которого зависела от знания его более сложной структуры, обусловленной наличием у этого ресурса собственного опыта овладения окружающей его природой. Дениэл Хендрик в монументальной работе «Власть над народами. Технологии, природа и западный империализм с 1400 г. до наших дней», желая подчеркнуть финальную цель развития знаний о природе, цитирует философа Леона Касса: «То, что мы в действительности понимаем под «властью человека над природой», представляет собой власть одних людей над другими при использовании знаний о природе в качестве инструментов». Но Хендрик идет

¹⁸⁰ Райков Б. Академик Василий Зуев (1752–1794)... С. 258–263.

¹⁸¹ Вишленкова Е.А. Визуальное имперское народоведение, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011. С. 9.

далее и добавляет, что превосходство в знаниях одних обществ над другими определяется наличием институтов, «занимающихся преобразованием знаний в практику»¹⁸².

Любопытство по отношению к Другому и связанная с этим рефлексия по поводу собственного этнического самоопределения объясняют стремление к всестороннему описанию представителей иных культур лишь отчасти. Не менее значимая составляющая этой тотальной нарративизации незнакомых этносов – желание постичь уже накопленный народами технологический опыт использования незнакомых европейцу природных реалий и, таким образом, учитывая ошибки и вдохновляясь предприимчивостью других народов, сократить путь к разработке собственных технологий. Однако траектория, сулившая скорейшее приобретение преимущества, была вместе с тем и более сложной. С одной стороны, «народы» оказывались в том общем исследовательском пространстве, в которое попадал натуралист-естествоиспытатель, обладавший исключительной возможностью экспедиционного опыта. С другой стороны, «народы» очевидно отличались от всех привычных до сих пор объектов исследования. Такой области знания, которая провозглашала бы их своим предметом изучения, в XVIII в. попросту не существовало.

Обратимся к схеме научного знания, данной Эфраимом Чамберсом (1680–1740), автором необычайно популярной в первой половине XVIII в. «Циклопедии, или Всеобщего словаря Искусств и наук» (1728). «Циклопедия» была издана впервые в двух томах на английском языке, впоследствии неоднократно дополнялась и переиздавалась вплоть до 1788 г. и послужила образцом для знаменитой «Энциклопедии» Дидро и Д’Аламбера. Стоит отметить, во-первых, что Чамберс для обозначения всех исследовательских областей использует слово «знание» (англ. knowledge). Во-вторых, все знание подразделяется на «природное» и «научное» (natural, scientific) и «ремесленное» и «техническое» (artificial, technical). Знание о природе, т.е. «научное», в свою очередь, распадается на две области: «чувственное» [познание] и «рациональное» [познание]¹⁸³. По Чамберсу, чувственное

¹⁸² Kass L. The New Biology: What Price Relieving Man’s Estate? // Science. 1971. Vol. 174. P. 782. Цит. по: Хедрик Д. Власть над народами. Технологии, природа и западный империализм с 1400 года до наших дней. М., 2021. С. 16.

¹⁸³ Chambers E. Cyclopeda, or An Universal Dictionary of Arts and Sciences. L., 1728. Vol. 1. P. II.

или опытное познание природы происходит в русле естественной истории, ко-торая «включает в себя Феномены или Внешние объ-екты», и под-разделяется на «метеорологию, гидрологию, мине-ралогию, фитологию и зоологию». В классификации Чамберса отсутствует слово ботаника, но упоминается фитология как об-щее знание о растениях. Физика, натуральная философия, ариф-метика, геометрия и другие отнесены к области рационального познания, т.е. такого, что исследует «данные в восприятии сущ-ностные Черты или Свойства чувственных объектов». Агрономи-ческое знание и садоводство, медицина и анатомия, коммерция, фортификация, равно как поэзия и грамматика, напротив, выне-сены в отдельную сферу «технологий»¹⁸⁴. Чамберсу удастся включить в свою схему всевозможные области применения чело-веческого гения, следуя делению на знание и технологии. Однако в этой схеме отсутствует одна крайне важная сфера исследования – народоведение, или, как мы называем ее сегодня – этнография.

Слабое дисциплинарное проявление при этом не означает отсутствия интереса к народам и попыток их описания. Со второй половины XVIII в. инструкции руководителям экспедиций, путе-вые дневники натуралистов, обширные этнографические коллек-ции фиксируют осознание потребности в народоведении. Таким образом, специфика имперского народоведения заключается в не-разработанности теории и практики изучения народов как само-стоятельной области исследования, а также во внимании к наро-дам периферии империи, а не ее центра.

Принято считать, что процесс институционализации этно-графии начался в России раньше, чем в европейских странах, и был обусловлен проблемой организации управления, крайне ак-туальной, ввиду полиэтничности империи. Выдающийся немец-кий ученый на русской службе, исследователь Сибири Герард Фридрих Миллер (1705–1783) писал: «Трудно найти в мире госу-дарство, которое бы объединяло под своим скипетром столь раз-ные отличные друг от друга народы и, следовательно, вносило бы столь большой вклад в еще никем в полной мере основательно и обстоятельно не начатое составление всеобщего описания наро-дов – составной части истории, как Россия»¹⁸⁵. Принимаясь за восполнение этого пробела – собрание и систематизацию сведе-

¹⁸⁴ Chambers E. Cyclopedia... P. II.

¹⁸⁵ Миллер Г.Ф. Описание Сибирских народов / Пер. с нем. А.Х. Элерт; изд. А.Х. Элерт, В. Хинтцше. М., 2009. Предисловие. С. 37.

ний о народах Сибири, Миллер становится основоположником этнографии. Обобщая собранные им во время участия во Второй Камчатской экспедиции (1733–1743) полевые и архивные материалы, Миллер высказывает мысль о необходимости «некоторой новой науки, от которой бы потомство вечной пользы себе ожидать могло». И тут же сетует на отсутствие исследовательского метода и сколько-нибудь единого подхода, который мог бы быть заложен в основу этой новой науки: «описания народов еще не достигли прямого совершенства», кроме того, «о многих народах еще нет никаких описаний»¹⁸⁶. До недавнего времени этнографические труды Миллера оставались неопубликованными, что, по мнению А.В. Головнева, «не позволяет учитывать их как актуальный факт науки»¹⁸⁷. Однако представляется, что проделанная Миллером работа не осталась незамеченной для современников – его российских и немецких коллег и учеников, воспринявших призыв к созданию новой науки. Так, Август Людвиг Шлецер (1735–1809) и Иоганн Гаттерер (1727–1799) в 1770-х гг. вводят такие понятия как этнография (нем. Ethnographie) и этнология (нем. Volkerkunde), заимствуя концептуальные основания исследований Миллера – полагая за предмет изучения нового направления исследований «народ» (нем. Volk)¹⁸⁸.

Подготовленное Александром Элертом и Виландом Хинтше в 2009 г. издание «Описания сибирских народов» демонстрирует незаурядный вклад Миллера в разработку будущих этнографических исследований. Основываясь на собственном богатом опыте полевых исследований, в 1740 г. он создал программу проведения этнографических изысканий, состоящую из шести разделов и в общей сложности 1287 пунктов опроса информаторов о различных областях жизни населения Сибири. Эту программу Миллер предназначал готовившемуся сменить его на посту придворного историографа И.Э. Фишера, но также – грядущим поколениям исследователей народов, поскольку собирался опубликовать ее в качестве приложения к «Описанию Сибирских народов». Специалисты отмечают среди заслуг Миллера разработку «строгих научных принципов этнографии, использова-

¹⁸⁶ Там же. Вариант 1. С. 31.

¹⁸⁷ Головнев А.В. Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1. С. 9.

¹⁸⁸ Feest Ch. F. Moravians and the Development of the Genre of Ethno-graphy // Ethnographies and Exchanges / ed. A.G. Roeber. State-college, 2008. P. 24.

ние всех доступных в то время письменных источников, проверку их достоверности непосредственно в ходе полевой работы»¹⁸⁹.

Другой герой ранней этнографии – Иоганн Готтлиб Георги. Его труд «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей» (1776–1780) аккумулирует в себе алгоритм описаний народов, предложенный Миллером, концепцию народа в истории Шлёцера, а также сравнительный метод изучения народов, практиковавшийся Палласом¹⁹⁰. Труд Георги знаменует торжество визуального подхода к ранним этнографическим описаниям.

Однако первенство концептуального оформления этнографии и дальнейшей ее институционализации в России соседствует с упущением из виду российским народоведением русского народа. Отмеченная Е.А. Вишленковой проблема поиска русских в практиках описания и изображения многочисленных иных народов и этносов, проживающих на территории Российской империи, остается малоизученной: «в историографии есть «нерусские» народы, а «русские» в качестве подданных, а не абстрактных не-инородцев так и не появились»¹⁹¹. Предполагается, что корни ее связаны с имперской политикой сдерживания русского национализма. Известные семантические трудности самоописания – отрефлексируемые отличия в сравнении и противопоставлении с Другим, в случае российской этнографии разбиваются отнюдь не столько о проблему поражающей воображение множественности Другого (пресловутой многонациональности Российской империи), сколько о смешении русских и не-русских народов в глазах смотрящих на них немецких исследователей. Приглашенные на русскую службу, они как представители иной этнической, языковой и ментальной культуры, как раз имели возможность представления более или менее объективного взгляда со стороны. Однако немецкие натуралисты «не искали в России русского народа»¹⁹². И на то было, как минимум, две причины.

Первая причина – увлечение натуралистов экзотикой. Как и в исследовании растительного мира редкое, непривычное, замыс-

¹⁸⁹ Элерт А.Х., Хинтцше В. Введение // Миллер Г.Х. Описание Сибирских народов... С. 15.

¹⁹⁰ Головнев А.В. Этнография... С. 9.

¹⁹¹ Вишленкова Е.А. Визуальное имперское народоведение... С. 11.

¹⁹² Там же. С. 61.

ловатое скорее приковывало к себе внимание исследователей. Экзотичное лежало на поверхности – в деталях костюма, татуировках, структуре жилища и домашней утвари, религиозных обрядах и музыкальных инструментах. Быт русского дворянина был в большой степени европеизирован, по своей внешней форме привычен немецким натуралистам и отчасти поэтому оставался «слепым пятном» на карте народов Российской империи.

К примеру, Миллер в главе «Об одежде у народов», описывая детали костюма и внешнего вида народов Сибири, упоминает о заимствовании того или иного элемента одежды у русских: «Все остяки носят рубашки, ибо они крещены и полагают, что рубашки составляют принадлежность христианской религии. Они носят большей частью русское платье. Женщины носят кокошники и т.д.»¹⁹³. Однако он нигде не дает детального описания самого русского костюма и не стремится проследить культурные основания его появления. Удивительный тунгусский обычай «вышивать лица», напротив, представлен во всех деталях.

«Лесные тунгусы... имеют особый обычай поручать вышивать лица тем своим детям, которых они особенно любят, что они считают очень красивым. Это делается мальчикам и девочкам в возрасте 8-10-12 лет обыкновенной швейной иглой, но все же довольно тонкой, и тонко расщепленными некручеными оленьими жилами. Жилы чернятся сажей с котла и мелкими стяжками протягиваются под кожей. От этого сажа остается между кожей и мясом и голубовато просвечивает через кожу. Сколько раз нить протягивается под кожей, столько раз она вновь чернится. От этого кровоточит, распухает и очень болит. Они смазывают это животным или рыбьим жиром – от этого заживает...»¹⁹⁴.

Миллер подробно описывает узоры таких вышивок, поясняет, кто обычно наносит их и почему, а также, как осуществлялся процесс «вышивания лиц» до того, как тунгусы «получили иглы от русских». Любопытно, что Миллер приводит упоминания о подобных обычаях у других авторов: описывающего клейма тирольцев Кейслера, рассказывающего о прокалывании щек у американских народов Витсена¹⁹⁵. Подобное сравнение представляет собой прообраз кросс-культурного этнографического метода.

Другая вероятная причина «исчезновения» русского народа из текстов российских этнографов кроется в том, что в сравнении экзотического с привычным авторы под привычным подразуме-

¹⁹³ Миллер Г.Ф. Описание Сибирских народов... С. 126.

¹⁹⁴ Там же. С. 121.

¹⁹⁵ Там же. С. 122.

вали родную немецкую ментальность. Выпускник Берлинской медицинской академии, балтийский немец на русской службе И.А. Гильденштедт, руководивший 2-й Астраханской экспедицией, обследовал Северный Кавказ и Грузию в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг., что «определило повышенное внимание исследователя к вопросам военно-стратегического характера»¹⁹⁶. Результаты обследований обобщены Гильденштедтом в ряде его работ, в том числе в статье «Географическое, историческое и статистическое известие о новой пограничной линии Российской империи между р. Тереком и Азовским морем»¹⁹⁷.

Гильденштедт обследовал районы, заселенные терскими казаками, кумыками, чеченцами, ингушами, побывал в Малой Кабарде и Осетии. Характеризуя постановление о том, что 500 семей волжских и 350 семей донских казаков будут распределены среди 150 семей в станицах вокруг Терека, он отметил¹⁹⁸:

«Очень полезное постановление, если только новые колонисты не разяются ленью прежних жителей Терека и не будут, как и они, пренебрегать возделыванием хлебных злаков, [изготовлением] вина и шелка. И если они не будут заниматься только удовлетворением собственных нужд вместо того, чтобы надлежащим образом использовать прекрасную местность и климат. В этом отношении, может быть, было бы лучше подобрать самых знающих немецких колонистов и поселить их в маленьких деревнях между станицами только для того, чтобы они занимались этими или похожими культурами».

Гильденштедт ориентируется на практическое применение знаний о культуре других народов:

«по поводу самых прибыльных на Тереке ремесел и занятий я бы посоветовал ввести вместо земледелия и скотоводства разные плантации разнообразных красящих растений, особенно же виноделие и шелководство. Казна же могла бы легко существовать с помощью постоянной продажи соли из магазинов, употребления и продажи леса, которого здесь мало на строительство и дрова, отдачи на откуп рыболовства у Кизляра и Моздока, и казаки, по крайней мере живущие не в городах, могли бы сами себя снабжать провиантом».

¹⁹⁶ Карпов Ю.Ю. От переводчика и редактора // Иоганн Антон Гильденштедт. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. / Под ред. Ю.Ю. Карпова. СПб., 2002. С. 14.

¹⁹⁷ Гильденштедт И.А. Географическое, историческое и статистическое известие о новой пограничной линии Российской империи между р. Терекком и Азовским морем // Месяцеслов исторический и географический на 1779 г. СПб., 1779; Guldenstadt J.A. Reisen durch Russland und im Caucasischen Geburg. I–II / hrsg. von P.-S. Pallas. SPb., 1787–1791.

¹⁹⁸ Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. С. 308.

Британское народописание создавалось самими британцами и также было в первую очередь сосредоточено на изучении «экзотических» народов. «Нравы и обычаи на островах Южного моря» Джозефа Бэнкса представляет собой один из первых в истории британского народоведения опытов этнографического описания и антропологических заметок, изучение которого позволяет выявить не только характерные для имперского научного дискурса способы наблюдения за чужой культурой, но также тактики взаимодействия с ней. Дневник Бэнкса в сравнении с путевыми журналами Джеймса Кука предстает гораздо более наглядным, детальным и живым описанием процесса установления контакта англичан с таитянами и островной культуры в целом¹⁹⁹. «Оставаясь на ночлег в их деревянных хижинах с кем-то из своих компаньонов, я чувствовал себя среди них так свободно, словно в своей родной стране», – пишет Бэнкс²⁰⁰. Это замечание в большей мере характеризует эмоциональное состояние натуралиста, но и в этом обращении к чувствам он подчеркивает не только доброжелательный прием, оказанный ему таитянами, но и поразительное сходство ощущений, испытываемых им за сотни миль от дома.

В отрывке, посвященном речи и языку таитян, натуралист вновь проводит сравнение с Англией. Бэнкс стремился как можно лучше освоить язык таитян и благодаря этому, в своих натуралистических и этнографических изысканиях, он не был оторван от жизни команды – известно, что Кук делегировал ему такие важные обязанности как ведение торговли с коренным населением²⁰¹ и разрешение конфликтных ситуаций²⁰². «Их язык мне показался удивительно приятным и мелодичным, что связано с большим количеством гласных звуков. Для нас он весьма легок в произношении, таитянам же совершенно неудобно произносить английские слова. В частности, я затратил так много сил, чтобы научить их произносить мое имя, и они научились: спустя три дня бесплодных усилий мне пришлось выбрать для себя из всех тех вариантов, что они пытались произнести, слово *Tabane* – по крайней мере, оно подражало моей фамилии». Бэнкс старался разобраться в этимологии и приводил сравнительную таблицу для некоторых

¹⁹⁹ Patel S. *Presentations and Representations of Contact...* P. 5.

²⁰⁰ Banks J. *The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768–1771...*

²⁰¹ Smith V. Banks, Tupaia, and Mai: Cross-cultural exchanges and friendship in the Pacific // *Paregon*. Vol. 26. № 2. P. 144.

²⁰² Googing M. *The Voyage of Endeavour, 1768–1771...* P. 14.

слов из языков разных народов, населяющих Острова Тихого океана, пользовался сообщениями о языках из литературы других путешественников. В конечном итоге, он пришел к выводу, что гипотеза о том, что языки всех народов тихоокеанских островов происходят от одного праязыка, «кажется не такой уж невероятной»²⁰³. В «Нравах и обычаях» Бэнкс помещает составленный им словарь избранных слов, наиболее частотных в лексике таитян, а также стремится как можно чаще приводить оригинальные названия, когда речь идет о названиях местных ритуалов, самобытных предметов и специфических практик.

Бэнкс начинает характеристику внешнего облика таитян с описания татуировок на женских ягодицах, которые наносятся девочкам-подросткам. Ботаник стал свидетелем процесса нанесения, проходившего в несколько этапов. Наблюдение за страданиями девочки произвело на него сильное впечатление: «ради чего они терпят столь сильную боль – непонятно». В описании одежды натуралист подчеркивает аккуратность и чистоплотность. Удивляется тому, что здесь принято мыться три раза в день. Описывает крайне бережное отношение к одежде и раскрывает ее символическое значение: много одежды на человеке – верный признак богатства и социального статуса. Здесь же Бэнкс поражается «бесстыдству» таитян, отсутствию у них чувства такта, деликатности и границ в обсуждении интимного: «Целомудрие здесь не в чести. И если выясняется, что жена не верна своему мужу, единственное наказание для нее – побои мужа», а также описывает своеобразные «домики для брака», в которых мужчины и женщины уплывают на лодках, чтобы провести вместе ночь.

Этнографические рисунки были выполнены нанятым для нужд экспедиции художником Сидни Паркинсоном (1745–1771). В ходе плавания художник вынужден был быстро работать в новых для себя и непростых условиях экспедиции: однажды рой экзотических мух уничтожил целую серию его рисунков на Таити. Несмотря на трудности и большой объем работы Паркинсон находился под большим впечатлением от увиденного и находил возможность вести иллюстрированный журнал о путешествии и собирать этнографическую коллекцию. Ввиду смерти художника в 1771 г. по возвращении из экспедиции Бэнкс выплатил его брату Стэнфилду Паркинсону все жалование, которое причиталось Сидни за время экспедиции, однако оставил в собственном рас-

²⁰³ Banks J. The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768–1771...

поряжении не только рисунки, но и путевой журнал и коллекции художника. Последнее вызвало негодование Стэнфилда, но Бэнкс считал, что как покровитель и наставник он вправе распоряжаться интеллектуальным наследством своего младшего коллеги. Рисунки Паркинсона впоследствии стали основой для работы Бэнкса над обширными коллекциями, привезенными из путешествия²⁰⁴. Текст Бэнкса демонстрирует искренний интерес автора к устройству быта и образу жизни туземцев. Большинство исследователей наследия Бэнкса сходятся во мнении о том, что отношение Бэнкса к другой культуре было открытым, дружественным, уважительным²⁰⁵. Но есть и другая точка зрения. Так, Дэниел Симпсон считает, что этнографическая составляющая коллекции Бэнкса была заведомо обречена на фрагментарность, а язык описания – на поверхностность и предвзятость, ввиду очевидного энтузиазма в отношении ботаники и якобы равнодушия к людям²⁰⁶. Однако все подозрения в «равнодушии» снимает с Бэнкса факт дружбы с таитяньским священником Тупаей (Tupaia), который согласился отправиться вместе с Бэнксом в дальнейшее плавание²⁰⁷.

Дружелюбие Бэнкса и неподдельный интерес к жизни аборигенов, но и уважение и признание с его стороны достоинств таитяньского уклада жизни и мудрости, свойственной таитяням, контрастирует с сухостью, настороженностью, а местами и открытым неприятием по отношению к народам Северного Кавказа, которые демонстрирует Гильденштедт. «Вероломство, лицемерие, хищничество, коварство, жестокость и непостоянство кавказских князей ни с чем несравнимо. Князь, который вчера торжественно признавал Россию, завтра будет строить козни и послезавтра станет открытым врагом. Если бы я не соблюдал всевозможную осторожность и осмотрительность, то я наверняка стал бы мучеником естественной истории», – читаем у Гильденштедта²⁰⁸.

Стремление России перенять достижения европейской науки и культуры привело к заимствованию в этот период как спо-

²⁰⁴ Gooding M. The Florilegium, 1772–1990... P. 297.

²⁰⁵ Smith V. Banks, Tupaia, and Mai...; Goodman J. Painting the world: Joseph Banks and his collectors. An adventurous history of botany. 2020.

²⁰⁶ Simpson D. Ethnographic collecting and the despotism of Joseph Banks // Journal of Maritime research. 2020. URL: <https://doi.org/10.1080/21533369.2020.1717166>

²⁰⁷ Этот эпизод из жизни Бэнкса был подробно изучен Ванессой Смит. См.: Smith V. Banks, Tupaia, and Mai... P. 139–160.

²⁰⁸ Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. С. 39.

собов систематического описания, так и художественных канонов и литературных приемов. Сравнение российского и британского народоведческого дискурса обнаруживает принципиальные сходства методов нарождающихся этнографических традиций и некоторые различия в подходах.

Помимо письменных свидетельств участники экспедиции собирали коллекции – как натуралистические, так и этнографические. Если объектами первых становились семена, гербарные и живые образцы растений, окаменелости, минералы, то содержание вторых было весьма разнообразным: и детали костюма, элементы утвари, образцы строительных материалов, орудия труда, музыкальные инструменты, предметы культа – все, что считывалось путешественниками как диковинное и удивительное, подлежащее изучению. В России создание таких коллекций в рамках институциональных структур началось раньше, чем в Британии. Первыми коллекциями, содержащими предметы народной культуры, считаются купленные для Кунсткамеры Петром I коллекции голландского аптекаря Альберта Себы и голландского анатома Фредерика Рюйша в 1716–1717 гг. Этнографические предметы, например, образцы японского оружия, обувь, диковинные предметы культа народов Африки и Америки образовывали раздел собрания «Разное»²⁰⁹ как дополнение к естественнонаучным коллекциям. Этапом для российской этнографии стало поступление в Кунсткамеру коллекций, собранных экспедицией Д.Г. Мессершмидта (1720–1727)²¹⁰, и коллекции, собранной Миллером. Предметы этих коллекций стали частью «целостного, географо-экономического, исторического и культурного описания определенной территории Российской империи»²¹¹.

Предметы, собранные Бэнксом во время первой экспедиции Кука, перешли в ведение Британского музея и вместе с некоторыми предметами коллекции Х. Слоана, составили основу народоведения в Англии²¹². Бэнкс никогда не продавал свои коллек-

²⁰⁹ Дриссен-ван хет Реве Й. Голландские корни Кунсткамеры Петра Великого: история в письмах (1711–1752). СПб., 2015. С. 318–322.

²¹⁰ Хартанович М.В. Принципы собирания этнографических коллекций для Кунсткамеры Императорской академии наук: от сибирской экспедиции Д.Г. Мессершмидта (1719–1727) до Второй Камчатской экспедиции (1733–1743) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. № 5. С. 38–39.

²¹¹ Там же. С. 44.

²¹² Brauholtz H.J. History of Ethnography in the Museum after 1753 (Pt. 1) // The British Museum Quarterly. 1953. Vol. 18. № 3. P. 90.

ции – такие щедрые дары способствовали укреплению его репутации и располагали к нему руководство и сотрудников²¹³. Однако, чтобы эти предметы могли служить ключом к разгадке кода чужой культуры, необходимо было сопроводить их описанием, которое, на первый взгляд, заметно отличалось от описаний натуралистических коллекций: большим объемом, пространностью и разнообразием лексики, но при более пристальном рассмотрении, оказывалось выполнено в соответствии с логикой систематики. Обычно первым делом авторы описывали внешние отличительные признаки представителей чужой культуры: их традиционные одежды и характерные антропологические признаки, вид жилища и домашнюю утварь. Танцы, музыка, религиозные обряды тоже быстро привлекали к себе внимание автора. Политическому устройству, верованиям и познаниям о природе отводились заключительные фрагменты текста. Такая логика построения изложения – от внешнего к внутреннему – характерна как для этнографических очерков внутри объемных описаний, так и для работ, целиком посвященных описанию народов.

Описывая тот или иной предмет, автор обязательно приводит название на местном языке, передает внешний вид предмета и зачастую – способ его изготовления²¹⁴. За детальным описанием могут следовать сведения о символической функции, а также упоминания о сходных предметах и их использовании другими народами с указанием на источник сведений. Описательность, акцент на возможности практического применения предоставляемых сведений, стремление к систематизации по тому или иному признаку, а также на основе проведенной классификации, выявления сходства и отличия – попытки установить родственные связи между явлениями повседневной жизни, используемыми технологиями, названиями и лексическими структурами, – все это следствие усвоения натуралистами линнеевской таксономии и перенесение ее принципов на изучение народов.

Несмотря на стремление к беспристрастной и точной передаче увиденного, субъективные оценки имели место. К примеру, при описании большинства реалий и местной жизни Бэнкс старается придерживаться нейтрального стиля изложения. Однако иногда позволяет себе оценку: так, автор откровенно сожалеет о

²¹³ См.: Chambers N.A. Joseph Banks and the British Museum: the world of collecting, 1770–1830. L., 2007. P. 3–5.

²¹⁴ Banks J. The Endeavour Journal...

том, что «при таком разумном подходе к насущным вещам, эти люди погружены в невежество, которое сковывает их возможности познания и сдерживает их технологии <...> я имею в виду политеизм и убеждение в том, что род людской был создан не Господом-Творцом, а произошел из чрева подземного божества. Попытки вразумить их воспринимаются как акты святотатства. Люди здесь чтут верования своих предков».

Использование визуализации также становится значимым, а в некоторых случаях, даже ведущим способом конструирования этнографического описания. Визуальный код этнической идентичности в России исследован Е. Вишленковой, которая проследила взаимосвязи и преемственность гравюр, сопровождающих работы Георги, и изображений представителей разных народов в художественном журнале «Открываемая Россия» (1774–1775), изданным Христианом Ротом четырехтысячным тиражом. Иллюстрации к «Открываемой России» являют собой «костюмные гравюры». Х. Рот служил в Петербургской академии наук и издавал журнал по собственной инициативе вместе с помощником Дмитрием Шлеппером в традиции западных иллюстраций под названием «городские крики». «Городские крики» представляли собой серию изображений, в центре сюжета которых был горожанин, одетый в тот или иной костюм. «Открываемая Россия» сосредотачивает внимание на народных костюмах. За основу его были взяты как рисунки Георги, так и реальные элементы одежды, привезенные из экспедиций и хранящиеся в Кунсткамере²¹⁵.

Считается, что Георги, находясь в экспедиции, делал наброски, однако художники, их обрабатывавшие, создавали этнографические иллюстрации «из разных фрагментов визуальных впечатлений, приправленных воображением»²¹⁶. Эти композиции были условны и подчинены идее демонстрации одежды – первого отличительного признака народа. Часто давалось изображение спереди и сзади или спереди и сбоку. Позы и жесты фигур напоминали манекены (с них, как считает Е. Вишленкова, и срисовывали одежду), черты лица и прически передавались весьма условно – по описаниям очевидцев-натуралистов. Композицию часто дополняли те или иные вещи, оружие или звери, а также элементы пейзажа, которые служили чаще декоративным обрамлением рисунка, нежели фоном. Как и в случае с ботаническими иллю-

²¹⁵ Вишленкова Е. Визуальное имперское народоведение... С. 48–51.

²¹⁶ Там же. С. 43.

страциями, в процессе создания этнографических гравюр принимали участие несколько специалистов. Сказанное справедливо и для работы Георги, которую он подготовил, вдохновившись замыслом Х. Рота. Если рисунки предшествовали появлению текстовых описаний, даже с учетом того, что Георги пользовался уже опубликованными сообщениями других авторов, его «Описание всех обитавших в Российском государстве народов...» служит удивительным примером создания этнографического нарратива по мотивам визуальных источников с применением методологии линнеевской таксономии. «Образы представлены <...> подобно образцам флоры в гербарии, а текст их описания включал элементы систематизации по внешним признакам и видам. Структурно народные представители распределены по географии их расселения на пространстве империи. <...> прикрепление персонажа к местности создавала сопроводительная подпись под рисунком, указывающая на ареал расселения и имя»²¹⁷.

Однако не только систематика и изобразительное творчество определяло развитие имперского народоведения. Детальное изучение опубликованного путевого дневника Джонатана Карвера (1710–1780) и его черновиков, предпринятое Робертом Сэйером, показывает, что при обработке этнографических наблюдений значительную роль сыграла и «литературная технология».

Джонатан Карвер происходил из состоятельной семьи переселенцев в Новую Англию. Его отец был чиновником в г. Кентербери в Коннектикуте, сам Карвер после женитьбы в 1746 г. переехал поближе к фронтиру и поселился на северо-западе колонии Массачусетс. До начала Семилетней войны занимался изготовлением обуви. С 1756 по 1763 г. служил в колониальной армии, затем вышел в отставку в чине капитана. В 1766 г. он поступает на службу в качестве картографа и топографа в отряд знаменитых «Рэйнджеров Роджерса», вспомогательные войска британской армии, действовавшие против французских колоний и их индейских союзников. Вместе с майором Робертом Роджерсом они разрабатывают маршрут экспедиции с целью открытия Северо-Западного прохода – морского пути, который позволил бы сократить проход между Атлантическим и Тихим океаном в Северном полушарии. Карвер планировал обследовать район Великих озер и верхнего течения р. Миссисипи, в то время малоизвестных англичанам областей. Его путешествие 1766–1768 гг. не увенча-

²¹⁷ Там же. С. 56.

лось успехом открытия начала нового морского пути. Более того, к поискам Карвер со своими спутниками, оставшимся военным Дж. Тьютом и торговцем пушниной Дж.С. Годдардом, так и не приступили – за время их зимовки к северо-западу от оз. Верхнее покровитель Карвера Р. Роджерс попал в тюрьму, а весь запасенный провиант закончился. Вернувшись к осени 1768 г. в Бостон, Карвер принял решение отправиться в Лондон, дабы просить Адмиралтейство о вознаграждении за предпринятый поход. В качестве доказательства ценности своих наблюдений Карвер вез с собой путевой дневник, в котором подробно описан маршрут путешественника и все увиденное им на пути: от флоры и фауны до племен коренных американских народов, их уклада жизни и особенностей мировоззрения. Сейер утверждает, что Карвер надеялся не только на компенсацию отмененной экспедиции по поиску Северо-Западного прохода, но и на назначение в Индию. В компенсации, как и в новой должности ему было отказано. Добившись в 1770 г. покрытия расходов на зимовку у Великих озер, Карвер решает остаться в Лондоне. К 1773 г. его финансы заканчиваются, и он пытается изобрести новые проекты, потенциально прибыльные для Англии. Среди его инициатив были и проект по добыче полезных ископаемых, и винокуренный завод, продукцию которого планировалось обменивать на пушнину. Наконец, Карвер утверждал, что вождь племени Naudowessies пожаловал ему участок земли, который представлял ценность, но никакие его идеи не встретили поддержки у Уильяма Легга, лорда Дартмута, государственного секретаря по делам колоний с 1772 по 1775 гг.

Последней надеждой Карвера остается его путевой дневник. В 1778 и 1779 гг. выходят два издания его «Путешествий через внутренние районы Северной Америки в 1766, 1767 и 1768 гг.»²¹⁸. Первые публикации, однако, не приносят тех денег, на которые автор рассчитывал, и Карвер, испытывая острую нужду, продает рукопись Дж. Кокли Леттсому²¹⁹. Триумфальный успех

²¹⁸ Carver J. Travels Through the Interior Parts of North America in the Years 1766, 1767, and 1768. L., 1780. P. 279–281.

²¹⁹ Леттсом впоследствии утверждал, что познакомился с Карвером в критический момент его жизни, когда опытный путешественник и бывший военный превратился в разбойника и однажды поздним вечером атаковал доктора на дороге со словами «кошелек или жизнь». Но «заподозрив» в своем обидчике хорошо воспитанного гражданина, Леттсом пригласил его как-нибудь зайти в гости, и когда пристыженный Картер явился к нему, выпытал все подробности его исследовательских приключений в Америке и

третьего издания, подготовленного Леттсомом, а также последовавших переизданий дневника на немецком, французском, голландском, дополнительных тиражей, выпущенных в Дублине, Эдинбурге, Глазго, Филадельфии и Бостоне незадачливый капитан Карвер не застал. Он умер в бедности в Лондоне в 1780 г.

Работая над своими путевыми записями, Карвер стремился сделать текст интереснее, увлекательнее и живее, опуская многие детали и топонимы и, наоборот, добавляя описания «приключений». Точная и лаконичная фиксация повседневных реалий индейских племен, свойственная черновому варианту дневника, подвергается литературной обработке²²⁰. Финальный вариант текста изобилует зарисовками об опасных и комичных происшествиях, которые, по замыслу редактора, «улучшат» текст и позволят ему стать более востребованным у публики. Причем, Карвер не просто расписывает свои «приключения», но использует такой прием как «саспенс», который сегодня служит для обозначения целого жанра в литературе и особенно в кинематографе.

Нарастание напряжения повествования и внезапное обрывание рассказа используется, к примеру, в описании «черного танца»²²¹. Остановившись на ночлег у озера Пепин, Карвер был обескуражен появлением «двадцати обнаженных молодых индейцев», тела которых были покрыты красным и черным пигментами. Юноши танцевали, их движения и жесты были обращены непосредственно к Карверу и производили угрожающее впечатление. «С ружьем в одной руке и пистолетом в другой» Карвер ожидал развития события. «Никогда еще я не переживал такого страха», – откровенно признается он. На этом рассказ о воинственных плясках неожиданно прерывается. Лишь спустя несколько страниц автор будничным тоном сообщает: «как мне разъяснили, танец является обычным выражением гостеприимства индейцев, какое они оказывают вождям других племен, появляющихся в их владениях»²²². Приключение, подогревающее интерес читателя, оказалось не таким уж опасным, а подчас и вовсе не приключением.

безуспешных попыток найти себе применение в Лондоне. Леттсом, чтобы выручить нового знакомого, выкупил права на издание книги. См.: Jacobsen V.C. John Coakley Lettson and His Relations with Jonathan Carver, Explorer of the Middle West // *Annals of Medical History*. 1930. Vol. 2. № 2. P. 211.

²²⁰ Sayre R.W. *Modernity and Its Other. The Encounter with North American Indians in the Eighteenth Century*. Lincoln; L., 2017. P. 187–188.

²²¹ Carver J. *Travels Through the Interior Parts of North America...* P. 270.

²²² *Ibid.* P. 279–281.

Но без намека на риск и встречу с опасностью один на один, знание о других народах не привлекало широкую публику. Характерно, что при всей литературной корректировке, Карвер считает все же необходимым добавить своей публикации веса в научных кругах. В 1778 г., в год первой публикации «Путешествий...» президентом Лондонского королевского общества становится Дж. Бэнкс, и Карвер не упускает возможности заручиться его одобрением. В качестве предисловия он помещает письмо-благодарность Бэнксу. Поскольку текст Карвера «выдержал испытание вашим вкусом», автор считает, что ему «нет нужды тревожиться об успехе сего труда», ведь «степень познаний Бэнкса о природе заслуженно отмечена в Ученом Мире»²²³.

Подводя итог, стоит еще раз отметить размытость дисциплинарного поля народоведения, которое в XVIII в. существует в общем пространстве естественной истории. Привычный в отечественной историографии тезис о приоритете появления этнографических исследований в России следует скорректировать. Народоведение рождалось в относительно едином европейском исследовательском пространстве – «республике натуралистов». «Принципиально новое сообщество людей знания и принципиально новая роль этого сообщества, которое из группы талантливых чудаков превращалось в эталон гражданского общества как такового»²²⁴, действовало в условиях расцвета имперского дискурса и подчиняло имевшиеся ресурсы и техники описания представителей другой национальной культуры задачам управления провинциями и колониями. К такому выводу нас подводит анализ стратегии и практики раннего этнографического описания российских и британских натуралистов. Эти практики включают в себя методы естественнонаучной систематизации, визуальное сопровождение описаний, а также определенные «литературные технологии».

Миллер, Гильденштедт, Бэнкс и Карвер предстают перед нами как типичные исследователи Нового времени: уверенные в возможности познания и подчинения окружающего мира, использующие в своем познании идеальные схемы объяснения – искусственную классификацию Линнея, ориентированные на эмпирический метод познания, стремящиеся к созданию нейтрального объективного описания окружающей действительности, при этом свободные в интерпретации увиденного.

²²³ Carver J. Travels Through the Interior Parts of North America... Preface.

²²⁴ Вархотов Т. В поисках эпистемологии согласия... С. 187.

Сопоставление работ Бэнкса, Карвера и Гильденштедта, созданных в одно время, обращает внимание на фактор расстояний. Антропологический компонент работ Бэнкса и Картера представляет нам ученых-путешественников. Складывается впечатление, что чем дальше натуралисты удаляются от дома, тем свободнее они становятся от предубеждений в отношении не-европейцев. Не потому ли Бэнкс и Карвер предстают открытыми к коммуникации с аборигенным населением, проявляющими к ним искренний интерес и дающими положительную оценку многим сторонам жизни этих людей, отличных от принятых в их родной культуре, что их первоочередная задача – открыть для соотечественников эти народы. Напротив, акцент на вопросах военно-стратегического характера и рекомендации, касающиеся оптимизации социально-экономических аспектов управления внутри империи, явились, вероятно, одними из главных причин, по которым «Путешествие по Кавказу» Гильденштедта в течение долгого времени оставляло в тени другие труды натуралиста. Непосредственная близость обследованных Гильденштедтом территорий к границам метрополии, а также заинтересованность оной в присоединении некоторых новых территорий, обуславливают более строгий и прагматичный подход к этнографическому письму.

В России стремление имперской власти контролировать объем новых сведений выразилось в возрастающей формализации экспедиционной документации, сдерживанием исследовательской инициативы, задержкой публикации результатов исследований. В Британии объявления о научных конкурсах и наградах за открытия сопровождаются отказом в финансировании и даже судебными разбирательствами с натуралистами.

Глава IV

АКТОРЫ ИМПЕРИИ

4.1. ПУТЬ ПИЛИГРИМА, ПУРИТАНЕ И «ПЕРВАЯ БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ»

*Я на Царском возвышенном пути,
на пути к святости.
Дай мне дорогу!*

Беньян Дж. Путь пилигрима.
Глава девятая. Аполлон.

История возникновения Британской империи, обнимавшей обширные территории и достигшей пика могущества в первой половине XX в., чаще всего связывается с завоеванием Индии во второй половине XVIII в.¹ При этом достаточно обширный период, практически в два века – от елизаветинских конкистадоров Фрэнсиса Дрейка и Уолтера Рэли и до Семилетней войны – оказывается за пределами внимания специалистов по истории Британской империи и распадается на множество микросюжетов по истории пиратства, торговых компаний, первых пилигримов. А между тем уже к середине XVIII в. Британская империя достигла внушительных размеров: Соединенное Королевство Великобритании, Ирландия, острова Карибского моря и британские континентальные колонии в Северной Америке. Границы этой обширной империи поддерживались протестантизмом и курсирующим между ее частями королевским флотом. Система англосаксонского права (common law) и английский язык постепенно укрепляли союз разрозненных провинций. Свободные белые жители ощущали себя здесь под защитой английской короны и английской конституции, наделявшей их «свободами, вольностями и обычаями» Английского королевства. Эта была т.н. «атлантическая империя» Британии, основой которой был торговый треугольник: Бристоль – Золотой Берег – Вест-Индия².

¹ The Cambridge History of the British Empire / Gen. eds. J. Holland Rose, A.P. Newton and E.A. Benians. In 9 vols. Cambridge, 1929–1961; Oxford History of the British Empire / Gen ed. W. Roger Louis. In 5 vols. Oxford, 1998–1999.

² Британская империя: становление, эволюция, распад / Под общ. ред. В.В. Высоковой. Екатеринбург, 2010. С. 14–15.

Американская революция 1775–1783 гг. и ее последствия разделили историю Британской империи хронологически, географически и институционально на два периода. Началом этого «водораздела» стал Парижский мир 1763 г., положивший конец французскому имперскому расширению. Двадцать лет спустя, Парижский мир 1783 г., по которому Великобритания признала независимость Соединенных Штатов Америки, ознаменовал решительный поворот Британской империи на Восток – в Индийский и Тихий океаны. В британской историографии принято «атлантическую империю» называть «первой империей», хотя некоторые историки XVIII в. выступают против такого деления на том основании, что две эти империи пересекались во времени, имели общие цели и персонал, а различия между колониями-поселениями в Северной Америке и завоеванными с помощью оружия территориями в Индии слишком преувеличены³. Тем не менее, среди специалистов и, что немаловажно, в общественном сознании Британская империя по-прежнему ассоциируется со «второй империей», сложившейся в своей основе к концу XVIII в.⁴

Прежде чем перейти к анализу «первой империи», а именно она будет в фокусе нашего внимания, отметим все же генетическое сходство между ними. «Вторая империя» как империя, основанная на завоевании, расовом подчинении, экономической эксплуатации и территориальной экспансии – характеризовалась несовместимостью стандартов «внутренних» свобод и законов королевства с системой управления на новых «территориях» в Индийском океане. Именно это «вытесняет» историю «второй империи» за пределы отечественной истории Великобритании. Но «внешний» империализм Второй империи был порожден и стал продолжением «внутреннего» колониализма «первой», поскольку англичане уже до этого развивали идеологию своего расового и культурного превосходства, политической гегемонии и цивилизаторской миссии в отношении кельтских «окраин». Речь идет о «внутренней колонизации», четко артикулированной уже в работе М. Гехтера «Внутренний колониализм» (1975)⁵. В этом смысле

³ Marshall P. The First and Second British Empires: A Question of Demarcation // History. 1964. Vol. 49. P. 13–23; Lawson P. The Missing Link: The Imperial Dimension in Understanding Hanoverian Britain // The Historical Journal. 1986. № 29. P. 747–751.

⁴ Beer G.L. The Origins of the British Colonial System, 1578–1660. L., 1908.

⁵ Hechter M. Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development. 2nd ed., L., 1998. Н. Коллманн указывает на родство идеи Гехтера с

происхождение английского империализма – с его маркерами национального превосходства и крестоносной идентичности – восходит к XII в., где уже в работах Уильяма Малмсберийского и Геральда Уэльского отчетливо просматривается идея англлизации Ирландии, Шотландии и Уэльса⁶. Таким образом, «первая империя», по большей части характеризовавшаяся океанической торговлей, факториями и поселениями, поддерживаемая курсирующими торговыми судами, нежели военной силой⁷, соотносится с внутренней историей Трех Королевств. «Первая империя» была продуктом британских норм, экспортированных и поддерживаемых британскими мигрантами. Революционный кризис британского атлантического мира между 1763 и 1783 гг. и выявил практические пределы ассимиляции и способствовал наметившемуся разрыву между национальной и имперской историями. Далее в поле нашего внимания остается только «первая империя».

Идейные истоки английского национализма и британского империализма восходят к эпохе Реформации в Англии и Шотландии⁸. Протестантизм в противостоянии «антихристу» в лице папы римского стал интегрирующей силой формирования уникальной империи «Трех Королевств» (реализованной к 1800 г.). И хотя приходится констатировать безуспешность попыток объединить три королевства вокруг единой версии протестантизма «под властью Бога» во второй половине XVI – XVII в., именно он стал той «основой, которая сделала изобретение Великобритании возможным»⁹. «Христианский провиденциализм» стал «идеологическим стержнем британского империализма»¹⁰. Уникальность этого фе-

книгой 2013 г. А. Эдкинда «Внутренняя колонизация России. Имперский опыт России» (Etkind A. *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Cambridge, 2011), см.: Kollmann N.S. *The Russian Empire 1450–1801*. Oxford, 2017. P. 80–81.

⁶ Gillingham J. *The Beginnings of English Imperialism* // *Journal of Historical Sociology*. 1992. № 5. P. 392–409; Rees D. *The English State and the «Celtic» Peoples 1110–1400* // *Journal of Historical Sociology*. 1993. № 6. P. 1–14.

⁷ Thomas R.M. *Ideologies of the Raj* // *The New Cambridge History of India*. In 5 vols. Cambridge, 1994. Vol. 3. P. 4.

⁸ См.: *Protestantism and National Identity: Britain and Ireland c. 1650 – c. 1850* / Ed. by T. Claydon and I. McBride. Cambridge, 1998.

⁹ Greenfeld L. *Nationalism: Five Roads to Modernity*. Cambridge, Mass., 1992. P. 51; Colley L. *Britons: Forging the Nation, 1707–1832*. New Haven, 1992. P. 53–54.

¹⁰ Drayton R. *Knowledge and Empire* // *The Oxford History of the British Empire*. In 5 vols. Oxford, 1998. Vol. 2. *The Eighteenth Century*. P. 233; Kenneth

номена заключается в том, что доктринальный протестантизм характеризовался скорее разногласиями и догматическими спорами, нежели единством. Если в Англии после Реформации победила епископальная церковная организация, то в Шотландии – пресвитерианская. Кроме того, Елизавета Тюдор была вынуждена мириться с пребыванием в политическом пространстве королевства с немногочисленной, но влиятельной католической общиной (правда, формально исключенной из него). Плюрализм композитарной монархии Стюартов¹¹ «транспортировался» в ее заморские владения. Такая фактическая терпимость к разнообразию была закреплена в основном законе об Унии 1707 г., где признавалось разделение установленных церковью Англии и Шотландии. В этом смысле «первая империя» была скорее разобщенностью, чем единством. Чаще всего антикатолицизм формировал общую платформу конфессионального многообразия империи.

Признание этого факта – «разобщенного единства» империи – стало возможным благодаря преодолению в 1960–1980-х гг. паттернов вигской историографии. В поисках новых интерпретационных моделей так называемые ревизионистские историки выдвинули идею о том, что несмотря на революционные потрясения 1640-х и 1680-х гг. Английское королевство (и далее Британия) оставалось аристократическим «конфессиональным государством» до момента решительного разрыва со «старым порядком» в 1828–1832 гг.¹² Многие из этих провокационных «заявлений» были вскоре абсорбированы текущей историографией, но идея о центральном местоположении религии в политическом, социальном и культурном пространстве английской жизни XVII–XVIII в. имела решающее и плодотворное влияние на реинтерпретацию этого периода национальной истории¹³. Важно отметить, что этот историографический дискурс сугубо национального аспекта британской истории сразу же был увязан с колониальным периодом

R.A. Trade, Plunder and Settlement: Maritime Enterprise and the Genesis of the British Empire, 1480–1630. Cambridge, 1984. P. 31–32.

¹¹ Федоров С.Е. «Restored to the Whole Empire & Name of Great Briteigne»: композитарная монархия и ее границы при первых Стюартах // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2011. С. 202–224.

¹² Clark J.C.D. Revolution and Rebellion: State and Society in England in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Cambridge, 1986.

¹³ См.: Clark J.C.D. The Language of Liberty, 1660–1832: Political Discourse and Social Dynamics in the Anglo-American World. Cambridge, 1994.

истории США и становлением институтов либеральной демократии в англосаксонском мире в целом. Здесь коротко скажем, что изучению светского контекста этого политико-философского дискурса раннего Нового времени посвятили свои труды такие выдающиеся историки как Дж. Дан, Дж. Покок, Кв. Скиннер и прямо соотнесли его с развитием идей Аристотеля в ренессансной интеллектуальной мысли. Однако этот аристотелианский модус гражданских добродетелей был лишь одним из многих в политико-философском дискурсе переходной эпохи.

Другим и магистральным для интеллектуального климата в Англии XVII в. стал пуританский дискурс приближающегося Апокалипсиса и «страшного суда», со всей остротой проявившийся в революции середины века. И несмотря на то, что «судный день» не настал, английское общество XVIII в. осталось еще глубоко погруженным в орбиту борьбы с «антихристом». Теология протестантизма стала краеугольным камнем этого политического дискурса на протяжении трех поколений авторов, сменяющих друг друга с момента Славной революции и связанных между собой, а не идеи Мильтона, Гаррингтона, Локка и других политических мыслителей (подвергнутых «гlorификации» последующей вигской историографией)¹⁴. Идентичность и полемические цели авторов с конца XVII в., замечает Джонатан Кларк, становятся очевидными только тогда, когда помещаются в деноминационные традиции, которых они сознательно придерживались или с которыми страстно не соглашались. Религия была жизненно важной и магистральной заботой как политической элиты, так и населения в целом как в частной жизни и общественной морали, так и в политической мысли. Ключевая идея Дж. Кларка состоит о том, что плюрализм политического порядка на Британских островах объясняется главным образом сложившимся здесь сектантским разнообразием¹⁵. В соперничестве и антагонизме религиозных сект обнаруживается важнейший компонент имперской политики и центральный модус политического дискурса в Англии XVII–XVIII вв. В данном контексте «заморские территории» Англии стали своеобразным испытательным «полигоном»

¹⁴ Clark J.C.D. *English Society 1688–1832: Ideology, Social Structure and Political Practice during the Ancien Regime*. Cambridge, 1985; Bailyn B. *Ideological Origins of the American Revolution*. [S. 1.], 2017. P. 265; Bernard B. *Religion and Revolution: Three Biographical Studies // Perspectives in American History*. 1970. № 4. P. 85–169.

¹⁵ Clark J.C.D. *The Language of Liberty 1660–1832... P. 21–26.*

идей пуританизма на прочность. Именно с ними первое и последующие поколения пилигримов связали строительство «града Божьего» в «земле обетованной», что в свою очередь работало на снятие социальной напряженности в свете динамичного роста народонаселения в XVIII в.

Таким образом, именно религия была основой групповой идентичности этого общества. Она воплощала в себе представление об историческом развитии, прошлом опыте и ожиданиях. Его будущее имплицитно задавалось хилиастическими представлениями о «тысячелетнем царстве», а прошлое, как правило, было наполнено конфликтностью соперничающих деноминаций, памятью о беззакониях, мучениках, гонениях и зачастую приобретало апокалиптический характер. Это общество, как пишет Дж. Кларк, было гораздо более артикулированным, чем общества, пришедшие ему на смену, и социальные отношения внутри него были выражены гораздо лучше¹⁶. Среди обычных мужчин и женщин, степень религиозной осведомленности в трансатлантическом мире раннего Нового времени была высокой. Это была культура, в которой «миряне церкви, придерживаясь богословских и церковных принципов, ...разрушали церкви, опрокидывая богословские и церковные традиции»¹⁷. Надо признать «ведущую роль различных конфессий протестантских диссентеров, чьи взгляды на господство англиканской церкви, ее теологию, литургию и ее социальные формы, в решающей степени сформировали теоретические формулировки свободы...»¹⁸. Протестный дух политико-риторического дискурса проявлялся в бесконечных спорах о Троице, о «тысячелетнем царстве», по вопросам толкования доктрины первородного греха, оправдывающей в конечном счете естественную свободу человека «творить зло», и др. Различные деноминации – англикане, пресвитериане, конгрегационалисты, баптисты, квакеры и другие многочисленные секты, а также католики и англикане выносили на общественную арену отрететированные в XVII в. и все еще остро обсуждаемые позже доктрины об их происхождении, целях и судьбах, а также об их вкладе в развитие королевства или империи¹⁹.

¹⁶ The Return of Grand Theory in the Human Sciences / Ed. by Q. Skinner. Cambridge, 1985.

¹⁷ Butler J. Awash in a Sea of Faith: Christianising the American People. Cambridge, Mass., 1990. P. 8.

¹⁸ Clark J.C.D. The Language of Liberty 1660–1832... P. XII.

¹⁹ Ibid. P. 40.

Итак, в центре нашего внимания взаимосвязанность протестантизма с имперским дискурсом в поле более широкого представления о христианстве как *Rex Christiana*. Действительно тема духовного пути и странничества как «подвига благочестия» была заложена уже в евангельских словах Иисуса: «Иди ко мне: аз есмь путь, истина и живот... Я есмь путь безопасный, истина непреложная, жизнь нескончаемая; я есмь путь самый прямой, истина верховная, жизнь истинная, блаженная и несозданная. Если ты пребудешь в пути моем, ты познаешь истину, и истина освободит тебя, и ты достигнешь жизни вечной»²⁰. Протестантизм раннего Нового времени освобождает волю человека на пути следования божественному «промыслу» и в этот самый момент обнажается многовекторность человеческих «предопределений» и доктринальная конфликтность. Английский пуританизм, отрицающий с особой настойчивостью роль «посредников» и сосредоточенный на живой любви к Богу, стал идейной платформой формирования нового человека на его «возвышенном пути в царство Божье». Эта перспектива отвечала чаяниям нарождающегося «среднего класса», который здесь условно можно определить как не имеющий земельной собственности, но стремящийся занять достойное место в обществе.

Показательным является путь английских пилигримов в Новый Свет. Феномен Мейфлауэр 1620 г., ставший сегодня культовым в США, открыл первую волну пуританской миграции 20-х – 40-х XVII в. в Новый свет. Глубоко религиозные мотивы первых пилигримов четко фиксирует дневник Уильяма Брэдфорда – лидера общины на корабле «Мейфлауэр», впоследствии губернатора Плимутской колонии²¹. В этом тексте Брэдфорд впервые использовал слово «паломники» по отношению к его спутникам на корабле. Он привлек образы ветхозаветных «пришельцев и паломников» из Послания Евреям апостола Павла 11: 13–16: «Все сии умерли в вере, не получив обетований, а только издали видели оные, и радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле; ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут отечества. И если бы они в мыслях имели то отечество, из которого вышли, то имели бы время возвратиться; но они

²⁰ О подражании Христу: Четыре книги Фомы Кемпийского / Пер. М.М. Сперанского. СПб., 1848. Глава LVI. С. 386–387.

²¹ Bradford's History of 'Plimoth Plantation' From the Original Manuscript. With a Report of the Proceedings Incident to the Return of the Manuscript to Massachusetts. URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/24950>

стремились к лучшему, то есть к небесному; посею и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом: ибо Он приготовил им город».

Современный английский историк Д. Армитедж, принципиально настаивающий на вторичности влияния христианской идеи на формирование Британской империи, справедливо аргументирует: «Божье повеление в книге Бытия плодиться и размножаться, и наполнять землю, и обладать ею давало основание для эмиграции и поселения в Новом Свете всему человечеству, а не только Адаму или Аврааму, и его семени (Бытие 1: 28, 9: 1)». В сочетании с двумя другими наиболее часто цитируемыми отрывками из Нового Завета, а именно Евангелие от Матфея (24:14) «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец» и Евангелия от Марка (13:10) «И во всех народах прежде должно быть проповедано Евангелие», конечно, давало протестантским теоретикам обоснование на эмиграцию и расселение в любой части света. Только проблема с такими аргументами, замечает историк, заключалась в том, что они не были применимы исключительно к протестантам. «Если действительно существовало божественное повеление покорять землю, размножаться и осуществлять господство над всеми существами, то оно было адресовано всему человечеству, а не какой-то его отдельной части. Этот аргумент, конечно, не делает его, божественное повеление, несостоятельным в глазах британских протестантов, сторонников колонизации; однако их было явно недостаточно в качестве аргументов в борьбе с другими европейскими монархиями, хотя и можно было использовать против коренного населения²².

Что важно, так это то, что Армитедж ставит на обсуждение вопрос обоснования первыми колонистами прав на новые земельные владения и связывает его с развитием политико-юридических стандартов того времени. В Новом свете колонисты, вначале объединенные и проникнутые образом «града на холме» из библейской Нагорной проповеди, скоро оказались глубоко расколотыми по ряду принципиальных вопросов – самоуправления, отношения к индейцам, рабовладения и др. Однако отношение к земельной собственности, возможности для расширения которой здесь казались безграничными, является может быть самым показательным и оказалось в конце концов консолидированным в этом импер-

²² Armitage D. *The Ideological Origins of the British Empire*. Cambridge, 2000. P. 94–95.

ском дискурсе. Одно дело прийти на землю по воле Господа, а другое – ею владеть. Ярким примером служит ситуация в колонии Массачусетского залива (Massachusetts Bay Colony), где в 1636–1638 гг. между первыми переселенцами разгорелся спор о «явленной благодати» (Free Grace Controversy, иногда упоминается как «The Antinomian Controversy»). Раскол между сторонниками «завета благодати» (covenant of grace) во главе с Генри Вейном, обладавшими «божественным откровением» и выступившими с критикой административного совета колонии, и сторонниками «завета дела» (covenant of works) во главе с Джоном Уинтропом, привел к изгнанию из колонии Джона Коттона, Энн Хатчинсон, Генри Вейна (вернулся обратно в Англию и стал одним из лидеров индипендентов) и др. Поселившись на новых территориях они основали новые «территории» – Коннектикут во главе Томасом Хукером, Род-Айленд – Роджером Уильямсом и пр.

Показательна в этом отношении полемика между Уильямсом и Уинтропом, автором проповеди «Образец христианского милосердия»²³, известной упоминанием «града на холме» и произнесенной на борту корабля «Арабелла» 8 апреля 1630 г. еще на пути в колонию Массачусетского залива²⁴. Изгнанный Уильямс обвинял всех английских поселенцев в узурпации чужого имущества. На что Уинтроп, к тому времени уже крупный землевладелец²⁵, ему отвечал: «наше право на то, чем мы владеем, не имеет религиозной подоплеки... и наш король не бросает этим вызов чьим-либо правам...»²⁶. «Естественное право» «пополнять всю землю» находило здесь свое обоснование в тезисе о поселениях на «свободных местах». Аргумент о вакантности владения (Vacancy domicilium) или отсутствии на него прав собственности (terra nullius) стал впоследствии стандартом для обоснования английской, а затем британской колонизации. В конце концов, как соглашались Уинтроп и Уильямс, одно христианство не могло быть

²³ A Model of Christian Charity. By Governor John Winthrop. 1630. URL: https://www.winthropsociety.com/doc_charity.php.

²⁴ Bremer F. John Winthrop: America's Forgotten Founder. N.Y., 2003. P. 252. Любопытно, что Уильямс в юные годы находился под патронажем знаменитого Эд. Кока, а в начале 1630-х гг. обучал юного Мильтона голландскому языку в Кембридже.

²⁵ Уинтроп владел фермой Ten Hills, а также землей, которая стала городом Биллерика, Губернаторским островом в Бостонской гавани и островом Пруденс в заливе Наррагансетт. См.: Moore J.B. Lives of the Governors of New Plymouth and Massachusetts Bay. Boston, 1851. P. 237.

²⁶ Цит. по: Armitage D. The Ideological Origins... P. 109.

достаточным основанием права на землю или суверенитет²⁷. Божественные повеления в книге Бытия и наставления Евангелий поощряли и узаконивали миграцию, однако уже первые колонисты, как мы видим, осознавали, что ни один из этих аргументов не может служить убедительным аргументом в пользу правообладания на земли или людей, проживающих на них.

Д. Армитедж, таким образом, выделяет два сценария «присвоения» новых земель. Первый базировался на идее «dominium» и согласовался с аргументом римско-католической церкви о том, что «господство основано на благодати» («Dominion is founded in grase») и, следовательно, права собственности вытекали из сотериологического представления о воздаянии. Однако для британцев XVII в. от С. Перчейса до Дж. Локка была характерна разработка аргументов в пользу другого сценария – «imperium», связанного с политико-юридическим обоснованием расширения коронных владений. «Идеологические истоки Британской империи были явно протестантскими только в той мере, в какой они имели отношение к правам владения, а не потому, что они информировали империю о спасительной миссии в конкретном месте в пределах эсхатологического времени или особого местоположения в пределах того, что Локк называл “сакральной географией”»²⁸. Таким образом, уже Хаклюйт, Перчейс и их современники столкнулись с дилеммой оправдания английских владений за пределами королевства и стремились развить аналогию, отличную от папских пожертвований или аргументов о «явленной благодати». Хотя конфликтность между «доминиумом» и «империумом», тем не менее, сохранится как фундаментальная и, в конечном счете, лежащая в основе британской имперской идеологии²⁹.

Система англосаксонского права, юридические практики и оформление института земельной собственности в Англии XVII в. – все говорит в пользу преобладания идеи «imperium» над идеей «dominium» в процессе складывания первой Британской империи.

²⁷ John Winthrop to John Endecott, 3 January 1634 // Winthrop Papers. Vol. 3. 1631–1637. Boston, 1943. P. 147–148; Cotton J. Master John Cottons Reply to Master Roger Williams, 1647 // The Complete Writings of Roger Williams. In 7 vols. N.Y., 1963. Vol. 2. P. 44–47.

²⁸ Purchas S. Hakluytus Posthumus, or Purchas His Pilgrimes. L., 1625. Vol. 1. P. 16; Vol. 4. P. 1810; Locke J. A Letter Concerning Toleration, 1685. Indianapolis, 1983. P. 35, 50; Pagden A. Lords of All the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France c. 1500 – c. 1800. L., 1998. P. 47–48.

²⁹ Armitage D. The ideological origins... P. 96.

Теологическая доктрина «Sola fide», или представление о спасении человека «только верой» в системе меняющихся ценностей XVII в. не прошла испытания на прочность. Земельный вопрос и вопросы совести вступили в решающее противоречие. Библейская мудрость не давала надежного «ответа» в его разрешении, а закон был надежным подспорьем утверждения «нового политического порядка». Вопрос о земельной собственности, как в Англии, так и в ее колониях в Новом свете стал решающим в наметившемся функциональном разделении религии и политики. Славная революция стала важным моментом в достижении религиозной терпимости и оформлении общего абриса «нового политического порядка», в котором идея «imperium» была уже безальтернативной³⁰. Такая историческая ретроспектива приводит к модернизации сознания людей XVII в., которые как раз и находились в процессе переживания духовного опыта создания «града на холме», как у себя дома – в Англии, так и в ее заморских владениях. Но исследование роли пуританизма в этом процессе позволяет понять мироощущение этих людей, проникнутых новым представлением о достижении счастья в жизни земной.

Расцвет пуританизма как новой духовной идеологии в Англии XVII в. можно интерпретировать как национальную интеллектуальную революцию, которую возглавили такие духовные лидеры как Уинтроп, Вейн, Уильямс, Мильтон и многие другие. Это был своеобразный «ответ» на «вызов» укрепления позиций земельной аристократии в быстро меняющихся реалиях конца XVI – первой половины XVII в. Библия стала тем неисчерпаемым источником аргументации в пользу несправедливости нового социального порядка. Собственно, уже Ричард Тоуни в работе «Религия и становление капитализма» (1926) исследовал этот возникающий разлом между сферами религии и светского бизнеса, экономическими интересами и этическими идеалами³¹ в поле нарастающего кризиса первой половины XVII в., углубляющегося состояния тревоги и одновременно надежды³². Суть этой интеллектуальной революции базируется на сомнении в осуждении Богом человека на «вечные мучения» и в необходимости бороться за

³⁰ См.: Spurr J. The post-reformation: religion, politics and society in Britain 1603–1714. L., 2006.

³¹ Tawney R. Religion and the Rise of Capitalism. N.Y., 1926.

³² Collinson P. Godly People: Essays on English Protestantism and Puritanism. L., 1983; Meyer C.S. Anglican and Puritan: The Basis of Their Opposition, 1558–1640. Stanford, 1964.

право быть «вознесенными на небеса»³³. «Грех в умах некоторых мужчин, – заметил Кристофер Хилл, – потерял свою силу великого средства устрашения»³⁴. И не удивительно, что сектантство нашло свое прибежище прежде всего в ливрейных компаниях Лондонского Сити, было поддержано предпринимательскими слоями и в конечном счете уже в секулярном виде воспринято «вигами» XVIII в. В этом смысле следует согласиться с интерпретацией Р. Тоуни пуританства как «учителя среднего класса». И, конечно, эта духовная свобода поражает полнотой своих проявлений – от «всех святых» до свободы нравов эпохи Реставрации.

Механизмом выработки /шлифовки этого нового мировоззрения стала проповедь. В государстве, в котором до 1611 г. не было узаконенного, канонизированного перевода Библии на английский язык, это имело особое значение³⁵. Проповедь, как новшество «спасительного» канона Нового Завета, была призвана «благовествовать» и наставлять человека на подвиг Христов. В реформированной английской церкви XVI в. проповедь заняла центральное место в богослужении, а в XVII в. приобрела форму утонченно-риторической модели³⁶. Распространение пуританизма и возникновение молельных домов привело к расцвету проповеди, зачастую являвшейся живой импровизацией. «В процессе расширения протестантизма до самых темных уголков страны устное слово было более важным, чем печатное...»³⁷. Как выразился К. Хилл: «Как только Писание было переведено на английский язык и отпечатано, ящик Пандоры открылся»³⁸. Проповедь давала проповеднику широкую палитру возможностей, «ибо дух отца вашего говорит в вас» (Матф. 10: 20). Метафизический смысл и духовная глубина ее определялись силой откровения проповедующего, несущего евангельский свет через эмоциональное пере-

³³ Walker D.P. *The Decline of Hell: Seventeenth-Century Discussions of Eternal Torment*. L., 1964.

³⁴ Hill C. *God's Englishman Oliver Cromwell*. L., 1997. P. 215–216.

³⁵ Относительно этого и других изданий по истории английской Библии см.: Bruce F.F. *History of the Bible in English: From the Earliest Versions*. N.Y., 1978; Haller W. *Foxe's Book of Martyrs and the Elect Nation*. L., 1967.

³⁶ Наибольшую известность получили проповедники У. Перкинс (William Perkins, 1558–1602), Дж. Тейлор (Jeremy Taylor, 1613–1667). См.: Ferguson S. *Foreword // The Art of Prophesying*. Edinburgh, 1996; *The Devoted Life: An Invitation to the Puritan Classics* / Ed. by K. Kapic, R. Gleason. [S. 1.], 2004.

³⁷ Хилл К. *Английская Библия и Революция XVII в.* / Пер. Т.А. Павловой. М., 1998. С. 42.

³⁸ Там же. С. 18.

живание³⁹. Несколько поколений детей в отличие от более ранних и более поздних поколений выросли в обстановке, насыщенной новой печатной культурой и Библией на родном языке. При этом важно помнить, что пуритане были гонимы до 1640 г., и традиция устного слова, давно и хорошо усвоенная мирянами, впоследствии, по-видимому, была безнадежно утеряна.

Лучше известно, какое место заняла проповедь странствующих проповедников в Новом свете. Д. Бурстин пишет: «...в основе формирования церкви была не административная санкция, не стихийное собрание верующих, а «ковенант», или договор, в группе «святых», то есть тех, кто на личном опыте «сподобился благодати» опыта обращения (converting experience). Чтобы получить сан проповедника не требовалось кончать семинарию или пройти посвящение специальным обрядом рукоположения священнослужителя более высокого ранга. Скорее это было обязанностью благочестивого христианина по отношению к группе своих единоверцев... Для этого надо было прежде всего быть «призванным» группой собратьев по вере; ...Библия сделалась для пуритан путеводной звездой. Они жаждали быть ведомыми «одним повелением, даже словом единым Вседержителя». Пилигримы исходили из того, что «слова Священного Писания столь совершенны, что способны привести к совершенству каждого истинного верующего, сделать его всецело готовым к любому благовому деянию, а, следовательно, и к тому, чтобы подобающим образом блюсти порядок в доме Божиим»⁴⁰. Таким образом, в «молельных домах ... почетное место занял не алтарь, а амвон». «Важнейшей функцией молельного дома в Новой Англии... являлась функция наставления прихожан. Здесь паству приобщали к ее обязанностям. Здесь человек обретал свой индивидуальный путь к совершенству, здесь он укреплялся духом, дабы во всеоружии принять участие в строительстве Храма Сионского в пустыне, в создании Града на Холме, этой нерушимой твердыни, на которую могли бы с надеждой взирать другие». Молельный дом становился «местом» групповой солидарности. Проповедники... «открывали» прихожанам библейские тексты, в соответствии с которыми им предстояло жить и строить свои отношения. Эти проповеди были весьма содержательны в практическом плане, ...а главная обязанность проповедника – как можно доходчивее и нагляднее сформулиро-

³⁹ Горбунов А.Н. Знакомство с Библией. М., 2016. С. 7.

⁴⁰ Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. М., 1993. С. 29.

вать «поучения, усвоив которые люди могли с просветленной душой закладывать кирпичи в фундамент Храма Сионского»⁴¹.

К. Хилл замечает: «В определенное время и в определенных местах показателем изобретательности проповедника могло служить то, как далеко заходил он при помощи аллюзий и намеков, не переступая известных границ. Наша ограниченность печатным текстом означает, что нам недостает речевого ударения, жеста, косого взгляда, посредством которых хороший проповедник мог много чего высказать своей конгрегации. Например, трактат Джона Беньяна «Несколько вздохов из ада» (1658), основанный на проповеди на притчу о богаче и Лазаре и сделавший его знаменитым до 1660 г. Он немало способствовал решимости бедфордширского джентри заставить его замолчать, как только они получили эту возможность, так как проповедь эта представляет собою яростную атаку на богатых, и некоторые из нападок... вполне узнаваемо могли быть приложены к известным личностям в округе»⁴². Интересна ремарка Хилла об «умолчаниях, ясных всем». Когда Беньян цитировал псалом (Пс. 57:11), нападая на своих гонителей: «Возрадуется праведник, когда увидит отмщение», он сознательно опустил окончание стиха «омоет стопы свои в крови нечестивого», но многие из его слушателей или среди его читателей, без сомнения, знали отлично завершение этой фразы. Беньян в 1660 г. был арестован за проповедь без рукоположения, ему было приказано прекратить свою деятельность, но он отказался, заявив, что проповедь – это его божественное призвание. Его призвание, сказали ему, профессия лудильщика; и посадили в тюрьму на 12 лет, срок более длительный, чем получили самые известные политические лидеры революции. В тюрьме он написал обессмертившее его имя сочинение «Путь пилигрима». Когда его освободили, Беньян опять начал нарушать закон. Он твердо настаивал на праве и обязанности «рабов Божиих поклоняться Ему тем способом, которого, как они думают, Он от них желает, и за это он был готов претерпеть любые мучения»⁴³.

Таким образом, пуританизм стал основой как американской идентичности, так и, в значительной мере, британской, несмотря на господствующие позиции англиканской церкви. В этом отношении историю английского общества эпохи Елизаветы Тюдор

⁴¹ Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт... С. 21–22.

⁴² Хилл К. Английская Библия... 2. Революционная Библия. С. 97.

⁴³ Хилл К. Английская Библия... 17. Мильтон, Баниан и Марвелл. С. 18.

блестяще переосмыслил П. Коллинсон⁴⁴, а К. Хилл предложил убедительную интерпретацию места и роли Библии в интеллектуальном пространстве Английской революции. По другую сторону Атлантики «необычайная жизнеспособность пуританской мысли и характера» была убедительно исследована У. Халлером, членом редакционной коллегии классического издания произведений Мильтона⁴⁵, а также в увлекательных сочинениях П. Миллера⁴⁶, который определил пуританство как ключ к пониманию истории Новой Англии. Исследование пуританизма сегодня стало магистральным направлением изучения истории английского XVII века⁴⁷, что дает возможность уйти от жестко политизированной интерпретации революционных событий, преодолеть старые мифы и упрощения вигской историографии, в которой наименования «пуританин» и «парламентарий» употреблялись как синонимы⁴⁸.

Да, пуританский проект в Англии 1640–1650-х гг. потерпел поражение. «Совесть» с «собственностью» теперь должны были надолго расстаться. Библия, сохраняя роль авторитета в гражданских и политических делах, теперь давала право на политическую власть только одной церкви – англиканской, ставшей «придатком» коронного управления государством. С этого момента открывается страница «внутреннего паломничества» пуритан. Бурстин интерпретирует этот процесс следующим образом: «После того как в 1660 году в Англии потерпел крах пуританский политический курс, каждый из носителей этого вероучения оказался предоставлен самому себе. Помыслы рядовых пуритан волей-неволей устремлялись внутрь, любому из них не оставалось ничего другого, как отыскивать, подобно герою «Благости без-

⁴⁴ Collinson P. *The Elizabethan Puritan Movement*. Methuen, 1967; Collinson P. *The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559–1625*. Oxford, 1982; Collinson P. *English Puritanism*. L., 1983; и др.

⁴⁵ Haller W. *The Works of John Milton*. N.Y., 1931–1932; Haller W. *The Rise of Puritanism*. N.Y., 1938; *The Leveller Tracts, 1647–1653* / Ed. by W. Haller, D. Godfrey. N.Y., 1944; Haller W. *Liberty and Reformation in the Puritan Revolution*. N.Y., 1955; и др.

⁴⁶ Miller P. *Errand into the Wilderness*. Cambridge, 1956; Miller P. *Religion and Freedom of Thought*. N.Y., 1954; Miller P. *The New England Mind: The Seventeenth Century*. [S. l.], 1983; Miller P. *The New England Mind: From Colony to Province*. [S. l.], 2012.

⁴⁷ Richardson R.C. *Puritanism and Historical Controversy* // CLIO. 2000. V. 29. № 4. P. 449.

⁴⁸ Gardiner S. *History of England from the Accession of James I to the Outbreak of the Civil War 1603–1642*. In 10 vols. L., 1863–1882; и др.

границной»⁴⁹, собственный путь духовного совершенствования без оглядки на окружающих»⁵⁰. Примером этой внутренней метафизической «эмиграции»⁵¹ является судьба Дж. Беньяна, автора уже упомянутого выше сочинения «Путь Пилигрима из Этого Мира в Тот, Который Должен Прийти»⁵².

Главный герой «Путешествия», оставляя дом и семью, ищет «наследства нетленного, непорочного, которое никогда не увядает»; идет туда, где «не будет больше стенаний и печали, потому что Владыка тех мест сотрет всякую слезу с наших очей». Наставник главного героя – Евангелист – указывает на три искушения на его пути: не отвергай наставления Бога ради наставлений Мирского Мудреца; всегда помни, что «Крест Христов и поношение Христово должны быть... большим богатством, нежели Египетские сокровища»; не принимай «всякий иной путь, кроме евангельского, потому что всякий иной путь ведет к вечной гибели». Под первой опасностью Беньян ясно подразумевает закон: «...ты должен заключить, что Мирскому Мудрецу чуждо евангельское учение, Законность – обманщик, а сын последнего – Угодливость, несмотря на все свои изысканные манеры и приветливость, никто иной как лицемер. Словом, единственная цель, которую преследуют эти люди, – сбить тебя с того пути». А вот когда «сердце принимает Евангелие (Благую Весть), то Слово Божие, как вода, истребляет всякую пыль и смывает прежнее зло, как бы крепко ни засело оно в нас. Таким образом, грех покорен, побежден и уничтожен, душа чиста чрез веру в Слово Божие и годна для обители Царя славы». «Успокойся, сердце, не страшись, не робей! Лучше идти по истинному пути, преодолевая трудности, чем ради спокойствия избрать путь ложный, ведущий к гибели... Вернуться – верная смерть. Идти вперед – риск, но зато в награду я получу вечную жизнь. Пойду вперед!»⁵³.

⁴⁹ Bunyan J. *Grace Abounding to the Chief of Sinners: A Brief Relation of the Exceeding Mercy of God in Christ to His Poor Servant*, January 1, 1666. [S. 1.], [N. d.]. Это духовная автобиография, написанная Дж. Беньяном во время отбывания двенадцатилетнего тюремного срока за проповедь без лицензии.

⁵⁰ Бурстин Д. *Американцы...* С. 22.

⁵¹ *Glimpses of Glory: John Bunyan and English Dissent* / Ed. by R.L. Greaves. Stanford, 2002.

⁵² *The Pilgrim's Progress from This World, to That Which Is to Come*, 1678. The works of John Bunyan. Pilgrimage. The English Experience from Becket to Bunyan / ed. by C. Morris. Cambridge U.P., 2002.

⁵³ Беньян Д. Путешествие пилигрима. URL: https://thelib.ru/books/benyan_d/puteshestvie_piligrima-read.html. На русский язык переведено дочерью Де-

Как эта мировоззренческая позиция пуритан была связана с развитием Британской империи? Уже в начале XVIII в. нонконформист Дэниел Дефо создаст образ крепко стоящего на ногах моряка из Йорка – Робинзона Крузо, ставшего ключевой и вдохновляющей фигурой имперского дискурса. Этот образ прямо указывает на «новый тип коллективности и социальной структуры»⁵⁴ английского общества, основанной на индивидуальных отношениях с Богом. Пуритане на своем «царственном возвышенном пути» оказались самым мобильным социальным элементом, как с точки зрения развития торговли и предпринимательства, так и – обоснования нового политического порядка. Столь значимые в современной историографии фигуры интеллектуального дискурса второй половины XVII в. Мильтон, Локк, Дефо были выходцами из диссентерской среды. «Ветхий завет дал им [англичанам] язык, которым они могли выражать новое национальное сознание... и стал значительно важнее по своему влиянию, чем язык ренессансного патриотизма, знакомый только небольшой по числу элите»⁵⁵. Главным вопросом революции была «та свобода, которую себе присвоил низший слой граждан под предлогом религии». Это в свою очередь позволило Гоббсу интерпретировать пуританство как «не более чем общую убежденность в необходимости независимого суждения по совести, суждения, основанного на чтении Библии»⁵⁶. Отношения человека с его собственной совестью в этом обществе нашли укоренение в индивидуалистической морали, преобразив христианский канон десяти заповедей Моисея в светский моральный кодекс. В его основе лежал абстрактный принцип блага человека, хотя зачастую и выраженный на языке Библии. Совесть оказалась «гибким» инструментом, претерпевающим изменения вместе с социальными отношениями в ситуации столкновений с новыми вызовами и проблемами. Индивидуальная совесть, как оказалось, может меняться с различной скоростью в различных социальных группах – иногда даже в противоположных направлениях. Обращение к совести против авто-

ниса Давыдова Юлией Засецкой и в 1878 г. опубликовано под названием «Путешествие Пилигрима в Небесную Страну». А.С. Пушкин переложил в ритме первую главу в стихотворении «Странник» (1835).

⁵⁴ Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М., 2008. С. 68.

⁵⁵ Там же. С. 54.

⁵⁶ Hill C., Dell E. The Good Old Cause, 1640–1660, 1943. N.Y., 1969. P. 307; Гринфельд Л. Национализм... С. 477.

ритета – это обращение к настоящему против прошлого. Морально-этический климат в 1660-е гг. менялся настолько быстро, что уже в 1662 г. епископ мог сказать своей пастве: «Писание не обязывает нас верить ничему, что является прямо противоречащим разуму и свидетельству всех наших чувств»⁵⁷. Это был Джон Годуен, автор «Царственного образа»⁵⁸.

Все это так, однако трудно согласиться с оценкой К. Хилла, что «динамит середины XVII в. превратился в сырую петарду»⁵⁹. Это было рождение нового политического порядка, основой которого были крупные земельные собственники, правда, вынужденные в конце концов считаться с растущей мощью Лондонского Сити. «Светский» пуританизм маркируется возникновением радикально-критического социального направления в виде политических теорий Гоббса, Гаррингтона, Локка. Баланс собственности, который так восхвалял Дж. Гаррингтон, пережил все попытки его дискредитации⁶⁰. Здесь несомненно берет свое начало так называемая политическая философия, достигшая своей концептуальной зрелости в статьях американского «Федералиста» А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея.

С реставрацией монархии, Англиканской церкви и цензуры в 1660 г. интеллектуальный климат коренным образом изменился – Карл II уже «не требовал библейского божественного права королей; члены парламента больше не ожидали прихода Тысячелетнего царства в ближайшем будущем. Слово “антихрист” стало вульгарным»⁶¹. Знаковой стала проповедь, произнесенная на открытии Кавалерского парламента в 1661 г. Джереми Тейлором, который заметил, что «обе стороны опирались на Писание; но только одна сторона может опираться на законы»⁶². Ключевым социальным регулятором становится сложившаяся система англосаксонского права. Трудно здесь не заметить прагматизм Гоббса и сторонников Гаррингтона. Вызывает сомнение другой тезис Хилла: «Попытка Гоббса предложить взамен земной авторитет не

⁵⁷ Hill C. The English Bible and the Seventeenth-Century Revolution. Allen Lane, 1993. P. 417.

⁵⁸ Eikon Basilike. The Portrature of His Sacred Majestie in His Solitudes and Sufferings. 1649. ESTC R34429.

⁵⁹ Хилл К. Английская Библия... 1. Библейская культура. С. 6.

⁶⁰ Hill C. The English Bible... P. 421.

⁶¹ Ibid. P. 413.

⁶² A Following Holy Life Jeremy Taylor and His Writings. Norwich, 2011. P. 349–350.

удалась» – английское общество распалось на мелкие группы, как интеллектуалов, так и конгрегаций. И в конце концов сектантство утвердилось как постоянная черта английского общества⁶³. Однако все это разнообразие было встроено в «тело» «нового политического порядка», его «внутренним» основанием стали интересы и жизненные устои земельной аристократии, а «внешне» он поддерживался сложившейся системой прецедентного права.

В данном контексте империя предстает в качестве секуляризованного миллениаризма. И хотя старая Англия и не превратилась в Израиль, а Новая Англия не стала страной, изобилующей «молочными реками с кисельными берегами», однако динамичное развитие торговли и коммерции в англосаксонском мире было обеспечено, а рождение мощной империи, основанной на территориальном завоевании и расовом превосходстве, было уже делом времени. Новым идолом этого общества стало «достоинство» человека, измеряющееся годовым доходом. Интересно, что ключевой тезис о «естественности» складывания Британской империи определит формирование вигской историографии, что, как можно предположить, воспроизводит ключевой тезис пуританского дискурса о «явленной благодати». К. Хилл дал этому тезису безжалостную оценку: «Дар святого надувательства среди англосаксов позволяет им все еще верить, что их обращение с властью отличается от того, что делают низшие по происхождению, и приятнее. Это настолько является их второй натурой, что трудно определить в каждом конкретном случае, является ли их лицемерие сознательным или бессознательным»⁶⁴.

Путь пилигрима из Англии на «окраины» империи в XVII в. обладал определенной спецификой, и его «паломничество» отчетливо просматривается на трех уровнях – «внутренняя колонизация» (Шотландия, Ирландия, Уэльс), «внешняя колонизация» (Новый свет и др.) и создание собственного невидимого «царства / kingdom», основанного на стремлении к жизненному успеху (наподобие Робинзона Крузо)⁶⁵. Пуританизм как мировоззренческая доктрина сыграл, таким образом, ключевую роль не только в формировании Британской империи, но и в складывании самой британской идентичности. Уже в XVII в. английские пуритане

⁶³ Хилл К. Английская Библия... 19. Библия свергнута с престола. С. 18.

⁶⁴ Там же. С. 24.

⁶⁵ Последняя тема получила разработку в работах Ж. Деррида в конце его жизни. Derrida J. *The Beast and the Sovereign*. Chicago, 2009.

ясно осознавали нарастающее противоречие между такими социальными институтами как «совесть» и «собственность», но стремление к «респектабельному образу жизни» оказалось оформлено в чеканный лозунг «разделяй и властвуй», получивший свое крайнее выражение в словах Г. Китченера: «мораль заканчивается за Суэцем». Первая и Вторая мировые войны, год Африки не оставили, казалось бы, и следа от Британской империи. Но индивидуалистическая мораль по-прежнему правит этим миром. Как написал в свое время выдающийся поэт, лауреат Нобелевской премии Томас Элиот в эссе о Мильтоне «...гражданская война середины XVII в. ... все еще не закончилась. Эта гражданская война идет до сих пор; я вообще сомневаюсь, может ли серьезная гражданская война когда-нибудь прийти к завершению»⁶⁶.

4.2. «ПОЛИТИЧЕСКАЯ АРИФМЕТИКА» И «ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНАТОМИЯ»

Оба термина, присутствующие в названии этого раздела, принадлежат выдающемуся британскому ученому, члену-учредителю Лондонского Королевского общества Уильяму Петти (1623–1687), стоявшему у истоков английской классической политической экономии, одному из создателей как статистической, так и демографической науки. Но универсальные ученые эпохи Просвещения были далеки от представления науки в категориях предметных специализаций. Интересы Петти не ограничивались и тем, что мы сегодня назвали бы «обществознанием», он получил естественнонаучное образование и долгое время его профессиональная деятельность была связана с медициной⁶⁷.

⁶⁶ Eliot T.S. On Poetry and Poets. L., 1957. P. 169; Элиот Т. Мильтон II // Литература эпохи просвещения. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/eliot-milton.htm>

⁶⁷ Уильям Петти получил степень доктора медицины (Оксфорд, 1650), а в 1651 г. стал врачом при командующем английской армией в Ирландии, где благодаря покровительству Генри Кромвеля, удачному подряду по землеустроительным работам и сомнительным финансовым операциям превратился к концу 1650-х гг. в одного из крупнейших землевладельцев острова. Сумев сохранить свою собственность и после Реставрации Стюартов, Петти получил в 1661 г. титул баронета. О разносторонних талантах и полной крутых поворотов жизни сына бедного суконщика, неудавшегося юнга, прилежного ученика иезуитов, студента-медика в Утрехте, Лейдене,

Стоит обратить внимание и на то, что в тщательно продуманной терминологии Петти, зафиксированной в названиях его главных трудов⁶⁸, автор акцентировал не предмет изучения, а избранный им метод исследования. В общенаучном смысле это был метод бэконовский – экспериментальный. Вот как пишет об этом сам Петти в «Предисловии автора» к своей работе «Политическая анатомия Ирландии» (1672)⁶⁹:

«Сэр Фрэнсис Бэкон в своей работе “Advancement of Learning” [“О преуспевании наук”] провел весьма правильную во многих отношениях параллель между *физическим* телом и *телом политическим* и между искусством поддержания здоровья как для того, так и для другого. Столь же справедливо и то, что анатомия является наилучшей основой как одного, так и другого и что воздействие на политическое тело без знания его симметрии, структуры и соотношения его частей столь же ненадежно, как и врачебная практика старых женщин и знахарей.

Итак, поскольку знание *анатомии* необходимо не только врачам, но и полезно каждому лицу, занимающемуся философией какого бы то ни было рода, я (хотя и не занимаюсь политикой) попытался из любопытства набросать в общих чертах *первый очерк политической анатомии*.

Более того, подобно тому как лица, изучающие медицину, проделывают свои опыты над дешево стоящими и простыми животными, притом над такими, с поведением которых они лучше всего знакомы и в анатомии которых наблюдается наименьшее смешение и переплетение частей, подобно этому я избрал *Ирландию* как такое *политическое животное*, которому едва 20 лет от роду⁷⁰, у которого

Амстердаме и Париже, секретаря Томаса Гоббса, профессора анатомии и профессора музыки, армейского врача и подрядчика-авантюриста, богатого лендлорда, искусного картографа, изобретателя и судостроителя, одного из учредителей Лондонского Королевского общества и гениального ученого – экономиста и статистика, который считал, что «величайшим и блаженнейшим является труд мышления», см.: Hull C.H. Introduction // The Economic Writings of Sir William Petty / Ed. by C.H. Hull. In 2 vols. Cambridge, 1899. Vol. 1. P. XIII–XXXIII; Strauss E. Sir William Petty. Portrait of a Genius. L., 1954. См. также: Аникин А.В., Аникин В.А. Уильям Петти. М., 1986. С. 13–26.

⁶⁸ Одна из основных работ Петти – «Политическая арифметика» была опубликована уже после его смерти, но он впервые употребил этот термин гораздо раньше – в письме к герцогу Ньюкаслу от 17 декабря 1672 года. См.: The Economic Writings of Sir William Petty / Ed. by C.H. Hull. In 2 vols. Cambridge, 1899. Vol. 1. P. 239–240, note 2.

⁶⁹ Петти В. Политическая анатомия Ирландии // Петти В. Экономические и статистические работы. В 2 т. / Пер. под ред. М. Смит. М., 1940. С. 154–205.

⁷⁰ Там же. С. 90.

государственные дела не очень запутаны и с которым я близко связан с момента его зарождения. <...>

Правда, это любопытное занятие препарирования трупов не может быть произведено без наличия различного рода специальных инструментов. Между тем я имел в своем распоряжении лишь простой *нож* и ветوشку вместо всего того несравненно большего количества орудий, которого требует такая работа...»⁷¹.

Таким «простым ножом», «специальным инструментом», избранным У. Петти для анализа социально-экономического состояния Ирландии в 1672 г., стал количественный (статистический) метод, который в более поздних работах Петти получил имя «политической арифметики». Что же обнаружил Петти в результате «вскрытия», произведенного с помощью своего «простого ножа», в надежде послужить «делу мира и процветания моей страны»⁷²?

Проведя исчисления площади земель Ирландии, стоимости экспортируемых товаров, имущества, скота, вывозившегося из Ирландии в Англию, таможенных пошлин на экспортируемые и импортируемые из Англии в Ирландию товары и проч., он формулирует выводы из полученных данных в виде 14-ти позиций и предлагает использовать их «для устранения недостатков и трудностей, испытываемых торговлей Ирландии», и среди его рекомендаций, помимо «увеличения достоинства монет», снижения процента, пересмотра патентов, совершенствования производства и улучшения качества экспортируемых товаров, восстановления торговли с колониями, развития мореходства и т.п., некоторые соображения иного, сугубо политического, свойства, например:

«<...> если Ирландия до настоящего времени всегда была лишь источником расходов для Англии; если на подавление последнего восстания Англия израсходовала в совокупности, людьми и деньгами, втрое больше того, что стоит все имущество всей страны в целом; если справедливо, чтобы лица, родившиеся в Англии и владеющие там имуществом, были, проживая в Ирландии, представлены в органах законодательной власти и чтобы ирландцев не судили те, кто, как они считают, захватил их владения, – то было бы по-видимому справедливо и удобно, чтобы оба королевства были объединены и подчинены одной и той же законодательной власти. И нетрудно показать, как это может быть проведено практически и каким образом можно удовлетворить, вознаградить и утихомирить тех, кто заинтересован в противном или настроен против предлагаемого мероприятия»⁷³.

⁷¹ Со времени издания «Акта об устройстве Ирландии» в 1652 г.

⁷² Петти В. Политическая анатомия Ирландии... С. 91.

⁷³ Там же. С. 148–150.

<...> В Англии должны быть приложены усилия к тому, чтобы добиться объединения королевств под управлением одной законодательной власти, с соблюдением соответствующих пропорций, как это было когда-то успешно проведено по отношению к Уэльсу»⁷⁴.

<...> *Если все эти реформы будут проведены и если будут упрочены имущественные права, то можно надеяться, что люди, видя, что им более выгодно жить в Ирландии, чем где-нибудь в другом месте, могут согласиться переселиться сюда и таким образом восполнить недостаток населения, являющийся самым крупным и наиболее серьезным пороком этого королевства»*⁷⁵.

«Политическая анатомия» и «политическая арифметика» давали рациональное обоснование проектам реформ, предлагаемым интеллектуалами высшей власти. И эти проекты затрагивали как экономические и демографические, так и политические вопросы.

«Политическая арифметика», как первая форма политико-экономических⁷⁶ и социально-демографических знаний, получила несколько позже лаконичное и очень точное определение своего метода в работе Чарльза Давенанта⁷⁷ «Два рассуждения о публичных доходах и торговле Англии» (1698): «Под политической арифметикой мы разумеем искусство аргументировать числами, применяемое к предметам, относящимся к управлению»⁷⁸. Именно Давенант, как практик государственного управления, дает — уже в развернутой форме — сугубо прагматическое обоснование значения этого «искусства»:

⁷⁴ Там же. С. 152.

⁷⁵ Фраза выделена курсивом в оригинале. — Там же. С. 153.

⁷⁶ Выражение «политическая экономия» как обозначение принципов управления хозяйством страны было введено Антуаном де Монкретьеном (1575–1621) в «Трактате политической экономии» (1615). См.: Монкретьен, Антуан де // *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков*. В 5 т. М., 2004. Т. 1. От зари цивилизации до капитализма / Отв. ред. Г.Г. Фетисов. С. 161. Кстаги, Монкретьен одним из первых начал развивать идеи популяционизма о том, что рост населения ведет к увеличению благосостояния нации, поддерживает военную мощь государства, приумножает приток налогов и пошлин в казну. См.: Слудковская М.А. *Политическая экономия Антуана де Монкретьена (К 400-летию выпуска «Трактата по политической экономии») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6: Экономика*. 2016. № 2. С. 111.

⁷⁷ Чарльз Давенант (1656–1714) — английский политический деятель и публицист, представитель меркантилизма, читавший и комментировавший сочинения У. Петти, с 1678 по 1689 г. — уполномоченный по акцизам, с 1703 по 1714 г. — генеральный инспектор по импорту и экспорту. См.: Waddell D. Charles Davenant (1656–1714). A Biographical Sketch // *Economic History Review*. New Series. 1958. Vol. 11. № 2. P. 279–288.

⁷⁸ *The Political and Commercial Works of that Celebrated Writer Charles D'Avenant / Coll. and rev. by Sir Ch. Whitworth. L., 1771. Vol. 1. P. 128.*

«Дарования любого министра всегда состояли, главным образом, в его способности исчислять. Нельзя также хорошо вести дела войны и мира без рассуждений о вещах при помощи чисел... Великие государственные мужи поэтому всегда заботились о том, чтобы не только знать истинное состояние своей собственной страны, но равным образом в совершенстве уразуметь силу и слабость других народов, с которыми они имели войну, или были в союзе. Суждение, сформулированное таким образом, есть политическая арифметика»⁷⁹.

С учетом конкретных социально-исторических условий, как политического, так и экономического развития страны, становится вполне понятно, почему «политическая арифметика» родилась именно в Англии в середине XVII в. и быстро получила широкое распространение, предоставляя правительству необходимые сведения о динамике доходов, структуре населения, богатстве страны. А тема одной из самых ранних и успешных публикаций сэра Уильяма Петти «Трактат о налогах и сборах...» вовсе не нуждалась в обосновании своей актуальности⁸⁰.

Разумеется, «политические арифметики» раннего Нового времени, в отсутствие планомерно и регулярно организованного сбора базовых данных, могли производить лишь косвенные исчисления и нередко совершали ошибки. Тем не менее, это были первые удачные попытки перехода от описательных характеристик наличного эмпирического материала к последовательному применению правил и процедур научного анализа, а это давало им возможность «составить полезную для общества схему», благодаря которой открывалась желанная перспектива, рассмотрев один предмет, «познать вещи, быть может, совершенно иной при-

⁷⁹ Ibid. P. 131. Цит. по: Птуха М. Очерки по истории статистики XVII–XVIII веков. М., 1945. С. 116.

⁸⁰ Стоит привести полное название, раскрывающее содержание этой небольшой работы: «A treatise of Taxes & Contributions. Shewing the Nature and Measures of Crown-Lands. Assessments. Customs. Poll-Moneys. Lotteries. Benevolence. Penalties. Monopolies. Offices. Tythes. Raising of Coins. Harth-Money. Excize, etc. With several intersperst Discourses and Digressions concerning Warres. The Chuch. Universities. Rents & Purchases. Usury & Exchange. Banks & Lombards. Registries for Conveyances. Beggars. Ensurance. Exportation of Money/Wool. Free-Ports. Coins. Housing. Liberty of Conscience, etc. The same being frequently applied to the Present State and Affairs of Ireland». (Перевод на русский язык: Петти В. Экономические и статистические работы. С. 4–78). Брошюра четыре раза переиздавалась при жизни автора (1662, 1667, 1679, 1685) и еще дважды вскоре после его смерти (1689, 1690), а также в середине XVIII столетия – в сборнике наиболее известных трактатов У. Петти (1769). См.: The Economic Writings of Sir William Petty... Vol. 2. P. 634–637, 650.

роды, ибо, как и в обыкновенной арифметике, одна операция доказывает другую; так, при этом искусстве множественность предположений полезна и одно подтверждает другие»⁸¹. Речь идет о применении статистического метода к изучению массовых явлений с целью открытия закономерностей в жизни общества.

«Политические арифметики», пользуясь новым инструментарием, на основании доступных числовых данных (весьма ограниченных и фрагментарных) делали, помимо прочего, выводы о численности и структуре, а также росте или упадке населения, которое и составляло большую часть национального богатства.

Специалисты признают первой попыткой научного анализа в области демографии работу купца-галантерейщика, капитана лондонской милиции Джона Граунта (1620–1674) «Наблюдения над бюллетенями смертности города Лондона»⁸². На основе изучения бюллетеней смертности, введенных еще в XVI в. в связи с эпидемиями чумы, Граунт построил первую таблицу смертности: число умирающих и число доживающих до определенного возраста. Книга имела успех не только в среде интеллектуалов, она привлекла благосклонное внимание верховной власти. По рекомендации самого Карла II, Джон Граунт был в том же 1662 г. избран членом Королевского общества. Интересно, что «Веселый король» не преминул дать «специальное поручение своему Обществу, в случае, если найдут больше таких купцов... непременно принять их всех, без всяких колебаний»⁸³.

Понимание практического значения своего труда Граунт красноречиво выразил в обращениях к министру лорду Робертсу и президенту Королевского общества сэру Роберту Морю:

«Я представляю себе, что неплохо *нэру парламента* или члену *Королевского совета* знать, как мало из тех, кто просит милостыню, действительно голодает; что антирелигиозные *предложения* некоторых увеличить население путем *полигамии* вместе с тем неразумны и бесполезны; что тягостная изоляция во *время чумы* не является лекарством, а покупается за большие неудобства; что самые большие *эпидемии чумы* в городе быстро компенсируются селом; что

⁸¹ D'Avenant, Charles. Discourses on the Public Revenues... P. 146.

⁸² Новаторский труд Джона Граунта «Natural and political observations upon the bills of Mortality of the city of London» был издан в 1662 г. при активном участии У. Петти. С 1662 по 1676 г. книга переиздавалась еще четыре раза. После разорения Граунта в результате Великого лондонского пожара 1666 г. Петти оказывал материальную помощь своему другу.

⁸³ Sprat T. The History of the Royal Society of London. For the Improving of Natural Knowledge. 3rd ed., corrected. L., 1722. P. 67.

потеря *мужчин* вследствие войны и колонизации не нарушает должной пропорции между ними и *женщинами*; что мнения о том, якобы эпидемия чумы сопровождает вступление на престол *королей*, неправильно и мятежно; что *Лондон, столица Англии*, – голова, быть может, чрезмерно большая для туловища и, вероятно, чересчур сильная; что эта голова растет втрое быстрее, чем туловище, которому она принадлежит, т.е. население ее удваивается в третью часть времени; <...> что мужчин, способных носить оружие, хватит в Лондоне на три такие армии, какие могут быть использованы на этом *острове*; что число людей таково, что оно, несомненно, очень вводило в заблуждение некоторых наших *сенаторов* при назначении ими *подушной подати*, и т.д.»⁸⁴.

Граунт видел искусство управления в том, чтобы «сохранять подданных в мире и многолюдии», а основу честной политики – в учете соотношения земельных участков и рабочих рук на данной территории и различий между ними, а также таких условий, как, например, свойства почвы, близость к «хорошему рынку», половозрастная структура местного населения и проч. Королю и его министрам следует также знать, «какая часть населения занята необходимыми видами труда и профессиями». Знание «всех этих особенностей и многих других необходимо для хорошего, уверенного и легкого управления и даже для уравновешивания партий и групп как в *церкви*, так и в *государстве*»⁸⁵.

М.В. Птуха отметил как крупнейшие заслуги Джона Граунта перед статистической наукой, несмотря на допущенные им ошибки в исчислениях, следующие три его достижения: 1) Граунт первым на конкретном статистическом материале установил специфические закономерности, присущие совокупностям массовых случайных явлений; 2) он показал, как можно критически использовать статистические данные (сопоставляя числовые результаты, полученные разными методами); 3) построил первую таблицу смертности, на основании распределения умерших по возрастам⁸⁶. Было также доказано, что, несмотря на наличие

⁸⁴ Hull C.H. Graunt's Life // The Economic Writings of Sir William Petty... Vol. 1. P. 320. Вероятно, эти обращения были отредактированы Петти. (Цит. по: Птуха М. Очерки по истории статистики... С. 30–31).

⁸⁵ Natural and Political Observations upon the Bills of Mortality / By Capt. J. Graunt. 5th ed. L., 1676 // The Economic Writings of Sir William Petty... Vol. 2. P. 395–397.

⁸⁶ Птуха М. Очерки по истории статистики... С. 33, 36, 42. Впоследствии идея Граунта о построении таблиц смертности для стационарного населения на основании возрастного распределения умерших была правильно применена астрономом и математиком Эдмундом Галлеем (1656–1742), а его

в «Наблюдениях...» Граунта и в работах Петти некоторых параллельных мест, их стилевые и содержательные различия свидетельствуют о несостоятельности гипотезы об авторстве Петти⁸⁷. Одно из таких мест – фраза, приведенная в опубликованных практически одновременно работах Граунта и Петти⁸⁸ («Трактат о налогах и сборах» Петти был издан в том же 1662 г.):

<p>GRAUNT: Now forasmuch as Princes are not only Powerful, but Rich, according to the number of their People (Hands being the Father as Lands are the Mother and Womb of Wealth) it is no wonder why States, by encouraging Marriage, and hindering Licentiousness, advance their own Interest, as well as preserve the Laws of God from contempt and violation⁸⁹.</p>	<p>PETTY: Here we are to remember in consequence of our opinion, [That Labour is the Father and active principle of Wealth, as Lands are the Mother] that the State by killing, mutilating, or imprisoning their members, do withal punish themselves; wherefore such punishments ought (as much as possible) to be avoided and commuted for pecuniary mulcts, which will increase labour and publick wealth⁹⁰.</p>
<p>Поскольку Государи не только Могущественны, но и Богаты соответственно численности своего народа (Руки – это отец, как Земли – Мать и Лоно Богатства), неудивительно, что государства, поощряя брак и препятствуя распущенности, продвигают свои собственные интересы, а также оберегают Законы Господа от презрения и нарушения.</p>	<p>Здесь мы должны, следуя нашему убеждению [что Труд – это Отец и действительный источник Богатства, тогда как Земля – Мать], напомнить, что государство, убивая, калеча или заключая в тюрьму своих подданных, вместе с тем наказывает себя; поэтому таких наказаний следует (насколько возможно) избегать и заменять денежными штрафами, которые увеличат труд и общественное богатство.</p>

Обсуждаемая фраза послужила своеобразной максимой для выражения двух разных, хотя и связанных между собой идей. Приведенные фрагменты (как, собственно, и названия самих этих работ) показывают различия в направлении и предметах научных

таблица смертности использована в практике страхования жизни различными фондами.

⁸⁷ Там же. С. 43–45.

⁸⁸ Petty W. A Treatise of Taxes and Contributions // The Economic Writings of Sir William Petty... Vol. 1. P. 5–97. Обратим внимание на то, что в обеих работах эта фраза приведена в скобках, что в XVII в. обозначало цитату.

⁸⁹ Graunt J. Natural and Political Observations... § 14. P. 377–378.

⁹⁰ Petty W. A Treatise of Taxes and Contributions... Ch. X. § 10. P. 68.

интересов двух друзей. Петти, как и Граунт, проводил подсчеты роста численности населения, вероятной смертности в Лондоне в случае новой эпидемии чумы и проч., особенно в поздних трудах (в т.ч. оставшихся в рукописях), но его подход к изучению населения имел прежде всего социально-экономическую направленность: акцент переносился на то, что население – субъект, приводящий в движение экономику и составляющий большую часть национального богатства, что позволило некоторым исследователям утверждать, что Петти интересовался населением «только как основным фактором производительных сил»⁹¹. Но в последние годы жизни Петти продолжил исследования, начатые им с Граунтом. В 1680-х гг. им была опубликована серия работ, в которых, в частности, рассматривался вопрос о населении земного шара и больших городов Западной Европы (Лондона, Парижа, Рима, Амстердама и др.) в сравнительной перспективе. Известны также разработанные им программы исследований в этой области. По существу, в них предлагалась методика комплексного анализа демографических, экономических и социальных проблем. Вот, например, наиболее важные пункты одной из таких программ:

- Выяснить, как велико число людей, живущих за счет дохода со своей земли, и сколько живет за счет дохода с их движимого имущества, торговли, а также за счет *искусства и труда*. Сколько людей живет за счет *благотворительности*, сколько – на доход от должностей и *службы в государственных учреждениях*. Сколько – за счет *мошенничества и воровства*. Сколько имеется *немогущих детей и дряхлых стариков*...
- Сколько людей в Англии уплачивают *подушную подать* по повышенным ставкам и сколько – по обычным.
- Сколько мужчин и женщин имеют детей, и сколько имеется женатых мужчин и замужних женщин, и сколько неженатых мужчин и незамужних женщин. <...>
- Каким образом 10 тыс. людей могут быть расселены в какой-либо колонии с наибольшей пользой.
- Предположение о числе лет, в течение которых могут быть полностью населены Англия и Ирландия, а также вся Америка и, наконец, вся пригодная для жилья земля. <...>
- Будет ли быстрое заселение земного шара служить:
 - во-первых, благу человечества.
 - во-вторых, исполнению объявленной воли бога,
 - в-третьих, какому государю или государству это принесет наибольшую выгоду»⁹².

⁹¹ Аникин А.В., Аникин В.А. Уильям Петти... С. 72.

⁹² Петти В. Экономические и статистические работы... С. 218–219.

Петти призывал к организации переписей населения с регистрацией возраста, пола, звания, профессии и т.д. Он прекрасно понимал, что сама по себе значительная численность населения еще не является залогом успешного экономического развития страны, поскольку очень многое зависит от распределения населения по профессиям, от занятости имеющихся рабочих рук, от пропорции «бедных» и «богатых», тех, кто трудится, и тех, кто присваивает плоды чужого труда. Его волновали социальные и социально-правовые проблемы «тех, кто трудится», необеспеченность и беззащитность «жителей жалких лачуг», многочисленность нищих и бродяг. «Необходимо внушить мировым судьям, – настаивал Петти в своих рекомендациях, – чтобы они защищали трудолюбивых людей и не допускали, чтобы их труд испытывал помехи от притеснительных и легкомысленных приговоров»⁹³.

В связи с Великой лондонской чумой 1665 года, Петти сделал расчет вероятной смертности в случае новой эпидемии, оценил предполагаемые убытки в сумму около 13 млн. ф.ст. и, аргументируя тем, что любые расходы по предотвращению эпидемии окупятся, предложил программу санитарных мер. К тому же, он предлагал создать сеть больниц, домов для престарелых, родильных домов, воспитательных приютов для сирот⁹⁴.

Наличие нищенства и воровства в Англии и то, что «некоторых людей это обстоятельство доводит до виселицы и голодной смерти», он объяснял «недостатком порядка», считал «результатом ошибок и недочетов управления и воспитания»⁹⁵.

Связь трудовых ресурсов населения и общественного богатства создавала прочный фундамент рассуждений У. Петти, идеалом которого было привлечение всего населения к полезному, производительному труду. По его расчетам, «половина населения может путем затраты незначительного количества труда сильно обогатить королевство и увеличить его славу, выделяя значительные суммы на общественные нужды. Но затруднения вызывает вопрос: производством каких продуктов они должны заняться?». Петти отвечает на этот вопрос в общей форме: «производством пищи и средств жизненной необходимости для всего населения страны посредством затраты труда небольшого числа людей». И он видит два способа достичь этого – «либо путем большего

⁹³ Там же. С. 153.

⁹⁴ Подробнее см.: Аникин А.В., Аникин В.А. Уильям Петти... С. 55–58.

⁹⁵ Там же. С. 88, 129.

напряжения труда, либо путем применения средств, сокращающих и облегчающих труд»⁹⁶.

В Предисловии к своему труду «Политическая арифметика» У. Петти в столь же общей форме «проговорился» о своем стремлении «в качестве члена общества [as a Member of the Common-Wealth] установить, в чем действительно заключается общая выгода», и о своих «надеждах на общественное благополучие [my hopes of the publick Welfare]»⁹⁷. Гораздо подробнее он формулирует *особый способ* реализации своей непосредственной задачи в этой работе – доказать, что «интересы и дела Англии отнюдь не находятся в плачевном положении»:

«Способ, каким я взялся сделать это, однако, не обычный, ибо, вместо того чтобы употреблять слова только в сравнительной и превосходной степени и прибегать к умозрительным аргументам, я вступил на путь выражения своих мнений на языке чисел, весов и мер (я уже давно стремился пойти по этому пути, чтобы показать пример политической арифметики), употребляя только аргументы, идущие от чувственного опыта, и рассматривая только причины, имеющие видимые основания в природе. Те же, которые зависят от непостоянства умов, мнений, желаний и страстей отдельных людей, я оставляю другим. <...> Замечания или положения, выраженные посредством чисел, весов и мер, на которых я основываю нижеследующие рассуждения, являются или верными, или не явно ложными, а если они не являются уже верными, надежными и очевидными, то они все же могут стать таковыми при содействии верховной власти...»⁹⁸.

Обращение к «верховой власти» – неотъемлемый атрибут «политических арифметик», в которых рассуждения неизменно вели от «мнений на языке чисел, весов и мер» к аргументированным выводам и, в конечном счете, к практическим рекомендациям. «Десять основных выводов» в «Политической арифметике» Петти 1676 г. не ограничивались оценками «населения и территорий, подвластных английскому королю», его «богатства и силы», и списком «препятствий на пути к величию Англии»⁹⁹. Ход рассуждений привел автора к «вопросу о прерогативах короля, привилегиях парламента, неясных различиях между законом и справедливостью, а также между гражданской и церковной юрис-

⁹⁶ Там же. С. 88–89.

⁹⁷ Петти В. Политическая арифметика... // Петти В. Экономические и статистические работы... С. 154; Petty W. Political Arithmetick // The Economic Writings of Sir William Petty... Vol. 1. P. 241.

⁹⁸ Петти В. Политическая арифметика... С. 156.

⁹⁹ Там же. С. 184–193.

дикцией». Среди препятствий «правильному функционированию органов власти» было упомянуто и «неравенство графств, епископств, приходов, церковных имений и других подразделений, а также представительства от населения в парламенте».

Впрочем, все выявленные препятствия представлены как *случайные*, Петти объясняет их сугубо *исторически*:

«...все они возникли таким же образом, каким образуются неправоильности в постройках, если одна часть их была построена в одно время, а другая – в другое; а также благодаря изменению положения вещей по сравнению с тем, каким оно было в соответствующее время, когда установления, на которые мы жалуемся, были впервые введены; возможно также, что они являются лишь искривлениями первых установлений, происшедшими под влиянием времени»¹⁰⁰.

И поскольку эти препятствия случайны, то их можно устранить, для чего, разумеется, требуется не только программа политических реформ, но и политическая воля.

«Разве не могут три королевства объединиться в одно и иметь одинаковое представительство в парламенте? Разве не могут различного рода подданные короля одинаково жить вперемешку? Разве нельзя лучше уравнивать приходы и другие территориальные подразделения? Разве нельзя сделать более определенными и надлежащим образом установленными юридические и всякие другие права правительства? Разве нельзя равномерно распределить налоги и использовать их непосредственно для их конечной цели? Разве нельзя дать свободу диссидентам в вопросах религии, раз они оплачивают содержание военных отрядов, необходимых для поддержания общественного спокойствия? Я скромно осмеливаюсь утверждать, что все это может быть сделано, если этого захочет верховная власть...»¹⁰¹.

Непосредственным продолжателем идей Петти в области экономической и демографической статистики был Грегори Кинг (1648–1712), который также интересовался населением как показателем богатства и могущества страны и делил его на тех, кто увеличивает богатство королевства, и тех, кто его уменьшает. Первые – из доходов от земли, ремесел и промышленности не только содержат себя, но каждый год прибавляют кое-что к национальному капиталу, а кроме того, содействуют содержанию второй группы, которая лишь частично содержит себя своим трудом, но в большинстве – это женщины и дети, больные, слабые или ленивые, бродяги и нищие, которые питаются за счет других. Они представляют собой ежегодное бремя для общества,

¹⁰⁰ Там же. С. 195–196.

¹⁰¹ Там же. С. 196.

в то время как потребленные ими продукты могли бы увеличить общий национальный капитал. Кинг осуществил распределение населения страны по социальному составу, полу, возрасту, семейному состоянию, определил средний состав семьи, число семей, ежегодный доход, расходы и накопления¹⁰².

Главная работа Грегори Кинга «Natural and Political Observations and Conclusions upon the State and Condition of England» была написана им в 1696 г., но впервые опубликована лишь через столетие, в 1801 г. Его современник Чарльз Давенант (1656–1714), использовавший эту работу в рукописи (он называл Кинга «гением и мастером искусства исчислений»), внес весомый вклад в развитие *теории политической арифметики*. Давенант писал:

«Большой помощью для всякого правителя, без сомнения, является полное разумение той силы, которой он руководит и которую направляет. Поэтому ему необходимо знать число людей, пригодных для ведения войны, какое количество рук поддерживает государство своим трудом и усердием и кто из людей является нерадивым и бесполезным для него... Таким образом, если количество населения действительно можно установить, если его можно распределить на соответствующие состояния и классы, если можно будет распознать, кто является богатым, кто зажиточным, кто еле может существовать или кто по бедности может мало вносить налогов и оказывать другую помощь обществу – если все это полностью учесть при установлении всякого рода акцизов или новых налогов, можно будет составить исчисления, сколько такие поступления дадут правительству, если только они будут тщательно собираться и пребывать под хорошим управлением»¹⁰³.

Давенант считал основой для роста населения обеспечение свободы и собственности, а также поощрение людей ко вступлению в брак, льготы многодетным семьям и т.п.¹⁰⁴ Без наращивания человеческих ресурсов и «хорошего управления» рост национального капитала не представлялся возможным.

Как считают специалисты, в первой половине XVIII в. развитие «политической арифметики» в Британии приостановилось – ведущие мастера «искусства исчислений» сосредоточились на сугубо практических операциях по страхованию жизни¹⁰⁵. Однако в это время можно обнаружить присутствие некоторых политико-экономических идей, созвучных тем, которые были впервые

¹⁰² Подробно см.: Птуха М. Очерки по истории статистики... С. 184–193.

¹⁰³ The Political and Commercial Works... Vol. 1. P. 138–140.

¹⁰⁴ Ibid. P. 185, 190, 142.

¹⁰⁵ Птуха М. Очерки по истории статистики XVII–XVIII веков... С. 120.

высказаны У. Петти еще в середине XVII в., например, тезис о том, что именно производительный труд (прежде всего, в приложении к земле, но не только) составляет основу богатства нации.

Стоит в этой связи, но, разумеется, с учетом существенно изменившихся социально-экономических (не говоря уже о политических) реалий, обратить внимание на ряд работ выдающегося англо-ирландского философа Джорджа Беркли (1685–1753). Так, в своем сочинении «Эссе о предотвращении разорения Великобритании»¹⁰⁶, написанном по следам разорительного краха «Компании Южных морей», опубликованном в Лондоне в 1721 г. (и прочно закрепленном исследователями в категории «морально-философских»), Беркли, в частности, постулирует: «Труд – вот естественный и верный путь к богатству¹⁰⁷. <...> Деньги ровно настолько полезны для общества, насколько они способствуют развитию производства, а кредит, обладающий тем же эффектом, имеет такую же ценность, что и деньги, но деньги и кредит, которые обращаются в стране из рук в руки, не поощряя труд и прилежание в ее жителях, это просто азартная игра»¹⁰⁸.

В своем эссе Беркли, так же, как его предшественники, рада за «богатство нации», прямо, хотя весьма кратко, затрагивает и проблемы социально-демографического характера: «Численность населения, – пишет он, – является одновременно и средством, и стимулом для развития производства. Поэтому следует поощрять размножение, предоставляя какую-либо награду или же привилегию тем, кто имеет определенное количество детей, и, с другой стороны, устанавливая законом, что общество должно наследовать половину незавещанного имущества всех лиц обоого пола, кто умрет, не состоя в браке»¹⁰⁹.

Можно по-разному расставлять акценты и интерпретировать вышеприведенные тезисы Беркли в этом конкретном произведении. Нет сомнения в том, что в данном тексте затронутые вопросы экономики и законодательного регулирования репро-

¹⁰⁶ Первоначально это эссе было опубликовано анонимно, но позднее оно было включено в сборник произведений Беркли, изданный в 1752 г.

¹⁰⁷ Как мы помним, Петти еще в 1662 г. (в «Трактате о налогах и сборах») заявил, что труд является источником всякого богатства. См.: Petty W. A Treatise of Taxes and Contributions... Ch. X. § 10. P. 68.

¹⁰⁸ An Essay towards preventing the Ruin of Great Britain // The Works of Berkeley D.D.; Formerly Bishop of Cloyne, Including his Post-humous Works / By A. Campbell Fraser. In 4 vols. Oxford, 1901. Vol. 4. P. 323.

¹⁰⁹ Ibid. P. 324.

дуктивного поведения населения страны рассматриваются в особой, столь свойственной Беркли перспективе, а именно – сквозь призму этики и морали. Однако тот же автор, – кстати, уже будучи епископом¹¹⁰, – другую свою известную работу, озаглавленную «Вопрошатель», посвятил уже главным образом социально-экономическим проблемам¹¹¹. И здесь мы встречаем уже хорошо знакомый постулат о том, что подлинным источником богатства является труд, причем сформулированный гораздо более четко и обстоятельно (в вопросе под номером 38):

38. Разве не было бы ошибочным думать, что земля сама по себе есть богатство? и разве мы не должны рассматривать прежде всего трудовую деятельность народа как то, что образует богатство и делает богатством даже землю и серебро, которые не имели бы никакой стоимости, если бы они не были средствами и стимулами к трудовой деятельности? <...>

42. Если человеческий труд является подлинным источником богатства, то разве не следует из этого, что в разумно [устроенном] государстве должно прежде всего препятствовать праздности?

43. Разве не окажутся губительными для страны даже золото и серебро, если они уменьшают трудолюбие жителей? и разве Испания не служит примером этого?

44. Разве убеждения и вытекающее из них трудолюбие людей не являются подлинным богатством Голландии, а отнюдь не серебро, которое, как полагают, хранится в Амстердамском банке?¹¹²

«Разве богатство страны не прямо пропорционально мастерству и трудолюбию ее жителей?»¹¹³. Таков, хотя и не последний, но, по сути, подытоживающий рассуждения о труде и богатстве, 553-й вопрос, поставленный Беркли перед современниками.

¹¹⁰ Дж. Беркли стал епископом Клойна (Ирландия) после возвращения из Америки в 1734 г. Его сочинение в форме риторических вопросов было впервые опубликовано анонимно в трех частях в 1735, 1736, 1737 г., а затем – с изменениями, сокращениями и с прямо выраженным намерением автора «принести своими трудами некоторую пользу человечеству» – в 1750 г. (См.: Advertisement by the Author // The Works of Berkeley... Vol. 4. P. 421). Именно в этой версии текст был переиздан в Глазго в 1751 и 1752 гг. (интересно, что в 1751 г. Адам Смит стал профессором университета Глазго и, возможно, принял участие в издании). Всего при жизни автора «Вопрошатель» издавался не менее 10 раз. – Editor's Preface to the 'Querist' // Ibid. P. 417–418.

¹¹¹ The Querist containing several queries proposed to the consideration of the public // The Works of Berkeley... Vol. 4. P. 415–476.

¹¹² Вопрошатель, содержащий ряд вопросов, предлагаемых на всеобщее рассмотрение // Беркли Дж. Сочинения / Сост., общ. ред. и вступ. ст. И.С. Нарского. М., 2000. С. 477. (Пер. А.Ф. Грязнова).

¹¹³ The Querist... P. 473.

Комплекс идей, составляющих основное содержание «Во-прошателя», включает как общие проблемы экономики, торговли и финансов, так и размышления о способах исправления ситуации в Ирландии, и их конкретизация не ограничивается сугубо этическими позициями епископа-философа.

Причины экономических кризисов Беркли видел в разложении нравов, а не в сфере экономики¹¹⁴, но в определении конкретных путей преодоления отсталости Ирландии он опирался, не в последнюю очередь, на экономические «рецепты», такие как развитие местного производства, сокращение ввоза и рост экспорта товаров, создание Ирландского национального банка.

**«Хотел бы я сочинить примерный счет...»
Из истории социально-демографической мысли
в России и Британии XVIII века**

В середине XVIII столетия идеи «политической арифметики» У. Петти и его последователей в разных странах Европы получили развитие по двум разным векторам, которые можно условно обозначить как «глобально-популяционный» и «социально-демографический». С учетом этого расхождения рассмотрим два оригинальных демографических трактата. Один из них принадлежит перу Михаила Васильевича Ломоносова.

«Хотел бы я сочинить примерный счет, сколько бы из сих 13-ти способов¹¹⁵ (а есть еще и больше) воспоследовало сохранения и приращения подданных Ея Императорского Величества. Однако требуется к тому для известия многие обстоятельства и не мало времени, для того только одною догадкою досягаю несколько, что на каждый год может взойти приращение российского народа больше, против прежнего до полумиллиона душ, а от ревизии до ревизии, в 20-ть лет до 10-ти миллионов. Кроме сего уповаю, что сии способы не будут ничем народу отяготительны; но будут служить к безопасности и успокоению всенародному»¹¹⁶.

Так заканчивается «замечательный трактат о политике народонаселения в России»¹¹⁷, представленный М.В. Ломоносовым

¹¹⁴ См. об этом, например: Беседин А.П. Моральная философия Беркли и ее развитие // Историко-философский ежегодник. 2016. М., 2016. С. 112.

¹¹⁵ Речь идет о развернутых тезисах, изложенных в 13 пунктах, на которые разделен данный текст.

¹¹⁶ Ломоносов М.В. О размножении и сохранении российского народа. [Письмо к И.И. Шувалову от 1 ноября 1761 г.] / Сообщ. П.П. Пекарским // Русская старина. 1873. Т. 8. № 10. С. 580.

¹¹⁷ Так этот небольшой текст аттестовал выдающийся советский экономист М.В. Птуха. См.: Птуха М.В. Очерки по истории статистики... С. 302.

в форме письма, адресованного генерал-адъютанту И.И. Шувалову, фавориту императрицы Елизаветы Петровны (кстати, Шувалов с 1753 г. – член Лондонского королевского общества) в его день рождения 1 ноября 1761 г. Но к этому мы еще вернемся.

Второй текст написан шотландским просветителем, ученым-математиком и статистиком, пресвитерианским священником и королевским капелланом Шотландии Робертом Уоллесом (1697–1771). Роберт Уоллес родился в семье приходского священника, учился в Эдинбургском университете и некоторое время работал ассистентом профессора математики. Получив в 1722 г. лицензию проповедника, он десять лет служил в сельском приходе, с 1733 г. – в Эдинбурге, в 1743 г. Уоллес был избран председателем Общего собрания Церкви Шотландии. Анализируя информацию, полученную из всех пресвитерий Шотландии, с использованием расчётов тарифных ставок страхования на основе методов математической статистики, он разработал схему пенсионного фонда для вдов и сирот служителей Церкви Шотландии (первое успешное предприятие такого рода в Британии).

В 1746 г. Р. Уоллес прочитал перед философским обществом Эдинбурга лекцию, которая позднее, в 1753 г., была опубликована в форме книги под названием «Трактат о численности человечества в древние и новые времена»¹¹⁸. Уоллес рассчитал, что население земли удваивается каждые 33½ года, т.е. вычислил естественные темпы роста населения (представив расчеты в табличной форме)¹¹⁹, для чего провёл анализ природных факторов и экономических условий, сдерживающих рост населения. В своем докладе он, в частности, выдвинул гипотезу о зависимости численности населения от степени обеспеченности общества продовольствием. Поэтому вследствие роста торговли и пренебрежения сельским хозяйством темпы роста населения снижаются, и, соответственно, по мнению Уоллеса, население Европы в XVIII в., по сравнению с античным миром, сократилось. Это положение оспорил в 1752 г. Дэвид Юм, что побудило Уоллеса включить в книгу обширное приложение, посвященное критике взглядов Юма на

¹¹⁸ Wallace R. A Dissertation on the Numbers of Mankind in Antient and Modern Times: in which the Superior Populousness of Antiquity is Maintained, With an Appendix, Containing Additional Observations on the Same Subject, and Some Remarks on Mr. Hume's Political Discourse, of the Populous-ness of Antient Nations. Edinburgh, 1753.

¹¹⁹ См.: Wallace, Robert. A Dissertation on the Numbers of Mankind, in Antient and Modern Times. 2nd ed., revised and corr. Edinburgh, 1809. P. 3–9.

историю народонаселения. Среди факторов снижения населения Уоллес отводил значимую роль «причинам морального свойства, которые происходят из страстей и пороков людей»¹²⁰.

Уоллес пришел к выводу, что в древности население было больше, потому что в те времена люди были более добродетельными, причем добродетель древних он считал следствием их социально-экономической организации: древние народы «делили свои земли на небольшие участки, и даже у выдающихся граждан было всего несколько акров для содержания своих семей», и у них было много людей, занятых работой на земле, а торговля и промышленность, напротив, обогащая нацию, препятствуют использованию рабочих рук в сельском хозяйстве и ведут к уменьшению численности человечества¹²¹.

Р. Уоллеса, как и У. Петти в одном из его «опытов по политической арифметике» за семьдесят лет до Уоллеса, волновал экзистенциальный вопрос, будет ли быстрое заселение земного шара служить благу человечества и исполнению Божьей воли¹²².

Так, в книге «Различные перспективы Человечества, Природы и Провидения»¹²³ Уоллес доказывал, что Природа, щедро даровала свои богатства человечеству и наделила людей способностью использовать эти богатства для достижения общего блага и счастья каждого отдельного члена этого великого сообщества¹²⁴. Восхищаясь созданной Томасом Мором утопической моделью, он утверждает, что «плоды труда каждого должны быть общими для комфортного существования всех членов общества»¹²⁵, и со-

¹²⁰ Ibid. P. 13.

¹²¹ Ibid. P. 18. Тема народонаселения – главная для Уоллеса в этом его труде, но она повторяется – уже не на первом плане – и в его других, более поздних работах. См.: Wallace R. Characteristics of the Present Political State of Great Britain. L., 1758; Idem. Various Prospects of Nature, Mankind and Providence. To which is added Ignorance and superstition, a source of violence and cruelty, a sermon preached in the High Church of Edinburgh, January 6, 1746. L., 1761; Idem. A View of the Internal Policy of Great Britain, in Two Parts. L., 1764.

¹²² Другой опыт по политической арифметике, рассматривающий рост города Лондона // Петти В. Экономические и статистические работы... С. 219.

¹²³ Впервые опубликована в 1761 г. вместе с «Проповедью о невежестве и суеверии, источнике насилия и жестокости».

¹²⁴ Wallace R. Various Prospects of Nature, Mankind and Providence... P. 5.

¹²⁵ Подробно об этом см.: Чудинов А.В. «Предшественники социализма» поневоле // Эгалитаристские памфлеты в Англии середины XVIII в. М., 1992. С. 5–40. Хотя, на самом деле, Роберт Уоллес писал, скорее, не утопию, а антиутопию, но это уже другая тема.

циальное устройство, основанное на равенстве и общей собственности, является единственно возможным способом избавить человечество от бедности. Эта идея служит основанием для приписывания Уоллеса к утопической традиции в истории общественной мысли¹²⁶. Однако он подчеркивает нереализуемость представленной модели по причинам природного (ограниченные ресурсы Земли), человеческого (несправедливость и коррупция) и, наконец, божественного характера¹²⁷. Уоллес видит угрозу в том самом счастье, которое люди получают от обретенного равенства, и в неуправляемом росте населения в благоприятных социальных условиях. Сначала это идеальное сообщество, утверждает Уоллес, будет распространяться, убеждая ближайших соседей соблюдать его принципы и установления. Такое расширение преодолевает границы государств и распространится по разным континентам. Но наступит время, когда всю территорию Земли заселят счастливые люди, и они будут продолжать размножаться, не имея ничего сверх того, что может дать им природа¹²⁸. И «поклонники фантастических схем должны предвидеть роковой период», когда в результате перенаселения доступные человечеству ресурсы (включая плодородие земли) будут исчерпаны и подойдут к концу¹²⁹.

Итак, совершенное счастье привело бы к перенаселению. Известные способы решения этих проблем в русле жестоких и «устаревших традиций» («должен ли существовать закон, ограничивающий брак?», «должны ли многие женщины и мужчины «быть заперты в монастырях?», «должны ли утописты, следуя злой политике суеверий, запретить своим священникам жениться?», следует ли «дать санкцию на противоестественные институты евнухов» или «подвергнуть определенное число младенцев смерти сразу после их рождения, определив пропорцию в соответствии с требованиями государства», или же «сократить период человеческой жизни по закону и приговорить всех к смерти по достижении определенного возраста?») Уоллес отвергает как «противоестественные и бесчеловечные»¹³⁰.

¹²⁶ Wallace R. Various Prospects... P. 40, 46.

¹²⁷ Ibid. P. 58.

¹²⁸ Ibid. P. 46–47.

¹²⁹ Ibid. P. 114.

¹³⁰ Ibid. P. 117–118. Уоллес уже в своей диссертации о численности человечества обсуждал различные способы удержания населения в разумных пределах, придя к выводу об их пагубности.

Таким образом, угроза перенаселения планеты (в соответствии с исчисленным прогнозом относительно естественных темпов роста населения)¹³¹ приводит ученого-статистика Уоллеса к скептическому выводу относительно утопических проектов, подкрепленному ссылкой на то, что Бог не сотворил чудо, которое могло бы сделать человечество более добродетельным и счастливым, и терпит несправедливость и неравенство, зло и коррупцию в обществе, с целью не допустить худшего зла – переполнения Земли и исчерпания ресурсов, ограниченных ее пределами¹³². Ведь недостаток продовольствия и предметов первой необходимости неизбежно приводит к обострению конкуренции и, в конечном счете, к войнам. В отсутствие приемлемых решений, способных предотвратить безудержный рост населения, неизбежна «борьба за богатство и власть между различными нациями, на которые разделено человеческое общество, зависть между великими, амбиции королей и князей... и их кровавые войны», уничтожающие миллионы людей. Впрочем, пресвитерианский священник Роберт Уоллес не питал иллюзий и относительно «самого губительного влияния», которое оказывают на рост населения «несдержанность и распутство». Он также считал большим препятствием на пути роста человечества ту самую, противостоящую утопическому всеобщему равенству и счастью, бедность, которая ограничивает для многих возможность вступать в брак, так как делает их неспособными должным образом заботиться о семье.

Для Уоллеса несомненна определенная связь между ростом или падением численности населения и политическим, экономическим, моральным состоянием общества. В других своих работах он доказывает, что свободы, обеспеченные Славной революцией, играют важную роль в защите труда человека от незаконного присвоения. Он также вполне позитивно относится к тому, что развитие промышленности и торговли способствует росту населения, поскольку в результате увеличиваются ресурсы нации в натуральном и денежном выражении.

Если в своем «Трактате» 1753 г. Уоллес сетовал на то, что молодежь (прежде всего младшие сыновья богатых семей), не

¹³¹ Ibid. P. 122. Не случайно, книга Роберта Уоллеса «Различные перспективы...» считается предтечей антиутопического трактата Т. Мальтуса «Опыт о законе народонаселения» и изложенной в нем теории. См.: Malthus T.R. *En Essay on the Principle of Population* [1798]. L., 2007.

¹³² Wallace R. *Various Prospects...* P. 71, 98–99.

находя себе занятия, способного обеспечить достойный уровень жизни, покидает страну¹³³, то в более поздних работах он прямо указывает на экономические (и, соответственно, демографические) преимущества, которые колонии приносят своей метрополии: они дают ей новые рынки и новые источники сырья, имеющие огромную ценность для развивающегося коммерческого общества. Кроме того, торговля с колониями укрепляет домашнюю промышленность, что способствует росту населения. В отличие от других интеллектуалов, Уоллес, вполне в духе своей концепции народонаселения, не только не озабочен по поводу эмиграции британских граждан в колонии, но напротив, уверен, что в конечном итоге это принесет пользу Британии¹³⁴.

Возвратившись к тому тексту М.В. Ломоносова, фрагмент которого был процитирован в начале этого небольшого раздела, мы вновь сталкиваемся со статистикой в духе «политической арифметики», а также с озабоченностью проблемами народонаселения, но в совершенно иной ситуации и в иной перспективе.

В России, начиная с Петра I, статистико-географическими исследованиями и описаниями занимались ведущие ученые и Академия наук в целом. Причина была, прежде всего, в потребностях освоения вновь приобретенных окраин Империи. Вместе с тем, как отмечает М. Птуха, на пути распространения идей и методов «политической арифметики» в России вплоть до начала XIX в. стояли препятствия двоякого рода: 1) отсутствие системы периодического сбора, проверки и обработки первичных сведений; 2) запрет на использование государственных актов (доступ к архивам узкой группе лиц был разрешен лишь Екаториной II)¹³⁵.

Говоря о больших или меньших заимствованиях западных идей (в первую очередь через немецких и шведских ученых), следует отметить качественную переработку этих идей, включая идею всемерного поощрения роста населения. Мы остановимся только на одном, но бесспорно главном примере – «первом русском трактате о политике народонаселения», программе «размножения и сохранения российского народа», подготовленной и изложенной Михаилом Васильевичем Ломоносовым (1711–1765) в форме письма, адресованного члену Российской академии наук

¹³³ Wallace R. A Dissertation on the Numbers of Mankind... P. 151.

¹³⁴ См.: Wallace R. A Dissertation on the Numbers of Mankind, in Antient and Modern Times. 2nd ed.... P. 3–9.

¹³⁵ Подробнее см.: Птуха М. Очерки по истории статистики... С. 275–276.

и куратору Московского университета Ивану Ивановичу Шувалову¹³⁶. Рассуждения Ломоносова о средствах преодоления препятствий к росту народонаселения построены на глубоком знании российских условий и реалий XVIII в. Но при этом собственно социально-демографические взгляды Ломоносова особым вниманием исследователей не пользуются. Трактат рассматривается отечественными социологами с разным целеполаганием, но в основном с практическими задачами, по случаю юбилея гениального ученого-энциклопедиста – символа отечественной науки и с неизменной «примеркой» к актуальным проблемам современного российского общества¹³⁷.

Текст, условно названный «О размножении и сохранении российского народа», представляет собой фрагмент задуманного Ломоносовым незадолго до смерти труда, в котором он собирался обстоятельно рассмотреть широкий спектр проблем экономической и социальной политики государства. Высказанные в нем идеи ярко характеризуют просветительское мировоззрение Ломоносова. По замыслу автора, структура его будущего труда должна была включать следующие главы:

- 1) О размножении и сохранении Российкаго народа.
- 2) О истреблении праздности.
- 3) О исправлении нравов и о большом народе просвещении.
- 4) О исправлении земледелия.
- 5) О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств.
- 6) О лучших пользах купечества.
- 7) О лучшей Государственной Экономии.
- 8) О сохранении военного искусства во время долговременнаго мира.

Тем не менее, как писал он в письме И.И. Шувалову:

«Начало сего полагаю самым главным делом: сохранением и размножением Российскаго народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего Государства, а не в обширности тщетной без обитателей»¹³⁸.

¹³⁶ Сохранившийся текст – письмо И.И. Шувалову от 1 ноября 1761 г. Подлинная рукопись не сохранилась. Полностью текст был напечатан лишь в 1873 г. См.: Ломоносов М.В. О размножении и сохранении...

¹³⁷ Такала И. «Начала сего полагаю самым главным делом». М.В. Ломоносов о сохранении и размножении российского народа. Доклад на семинаре «Михайло Васильевич Ломоносов: Наука, Академия, Символ». Хельсинки, 21–22 марта 2012 года // LiteraruS. 2012. № 3; Воронцов А.В., Глотов М.Б. М.В. Ломоносов о сохранении и размножении российского народа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2012. № 1. С. 170–182.

¹³⁸ Ломоносов М.В. О размножении и сохранении... С. 566.

Таким образом, главным делом и, соответственно, главным пунктом своей программы Ломоносов считал обеспечение роста численности обитателей России, связывая величие и могущество прирастающего обширными пространствами государства с решением проблемы «приращения подданных Ея Императорского Величества». Выказанные и обоснованные им практические предложения направлены именно на достижение этой цели, затрагивая все аспекты воспроизводства и охраны здоровья населения. Первые два раздела посвящены анализу неравных браков:

«В обычай вошло во многих Российских пределах, а особливо по деревням, что малых ребят, к супружеской должности неспособных, жения на девках взрослых, и часто жена могла бы по летам быть матерью своего мужа. <...> Второе неравенство в супружестве бывает, когда мужчина в престарелых летах женится на очень молодой девушке, которое хотя и не столь опасно, однако приращению народа вредно. [Для исправления существующей ситуации] вредное приумножению и сохранению народа неравенство супружества запретить и в умеренные пределы включить должно. По моему мнению, невеста жениха не должна быть старше разве только двумя годами, а жених старше может быть 15-ю летами».

В третьем пункте речь шла о числе браков, которое ограничивала церковь, допуская лишь два брака, третий разрешался только в случае смерти второго супруга в отсутствие детей. По мнению Ломоносова, государство только бы выиграло, «если бы для размножения народа и для избежания непозволенных плотских смешений, а от того и несчастных приключений, четвертой, а по нужде и пятой брак был позволен, по примеру других христианских народов». Более того, Ломоносов предлагал разрешить овдовевшим священникам, вопреки церковным канонам, вступать во второй брак, а не постригаться в монахи (4 и 5 разделы), и запретить постригаться в монахи мужчинам до 50-ти, а женщинам до 45-ти лет. Таким образом решалась важнейшая задача:

«...запрещением неравного и насильного супружества, позволением четвертого и пятого брака, разрешением к супружеству вдовых попов и дьяконов и непозволением до указных лет принятия Монашеского чина, несомненно воследовать может знатное приумножение народа и нестолько будет беззаконнорожденных, следовательно, и меньше детского душегубства».

Рост брачности естественным образом привел бы к росту рождаемости, но мало родить, надо еще сохранить младенцу жизнь. И Ломоносов поднимает вопрос о младенческой смертности (6 и 7 разделы) и о призрении незаконнорожденных: «иногда в отчаянии матери детей своих убивают. Для избежания столь

ужасного злодейства и для сохранения жизни неповинных младенцев, надобно бы учредить нарочные богоделенные дома для невозбранного зазорных детей приему». Ломоносов писал и о борьбе с детскими болезнями, о суевериях и невежественных обычаях, царящих в деревнях (например, крестить младенцев зимой самой холодной водой). «Для умаления толь великаго зла» он предлагал издавать на русском языке книги о повивальном искусстве (переводные и оригинальные), положив в их основу опыт искусных повивальных бабок; перевести лучшие работы европейских медиков о детских болезнях; распространить эту литературу по всем российским церквям, «чтобы священники и грамотные люди читая могли сами знать и других наставлением пользоваться»; развивать медицину и организовать аптечную сеть по всей стране.

В следующих четырех пунктах письма (8–11), Ломоносов рассуждает о причинах большой смертности среди взрослого населения. Это церковные обычаи и праздники, укореняющие вредные и опасные для здоровья традиции – пьянство, обжорство, скудное питание в период многодневных постов; состояние медицины, нехватка врачей, аптек, лекарств; случайные смерти от стихийных бедствий (пожары, наводнения и т.д.); насильственные смерти «в драках и от разбойников».

«Легко рассудить можно, что готовясь к воздержанию Великаго Поста, во всей России много людей так загавливаются, что и говеть времени неостается. Мертвые по кабакам, по улицам и по дорогам и частыя похороны доказывают то ясно. Розговенья томуж подобно». И все это «самоубийственное неравное течение жизни» приходится на самый сложный для человеческого организма период – конец зимы и весну. Кроме того, это самая праздная часть года, когда большинству народа просто нечем заняться: крестьяне не имеют никакой большой работы, купцам по распутице почти нет проезда с товарами, военные люди стоят по зимним квартирам и т.д. Вся эта праздность «портит здоровье и жизнь коротит».

Считая, что установленные некогда в Греции и на земле обетованной даты не подходят для российского климата, Ломоносов предлагал изменить церковный календарь. Ведь если бы Св. Неделя была около Петрова дня, то «хотя бы кто и напился, однако возвращаясь домой не замерз бы на дороге, как о Масленице бывает, и не провалился бы под лед, как случается на Св. Неделе». Для внесения изменений можно созвать Вселенский собор: «сохранение жизни толь великаго множества народа того стоит»¹³⁹.

¹³⁹ Ломоносов М.В. О размножении и сохранении... С. 572–574.

Даже предвидя препятствия «ужасные», он верил в возможность таких изменений, вдохновляясь примером преобразований петровской эпохи, когда смогли:

«заставить брить бороды, носить немецкое платье, сообщаться обходительством с иноверными». «уничтожить боярство, патриаршество и стрельцов и вместо их учредить Правительствующий Сенат, Святейший Синод, новое регулярное войско, перенести столицу на пустое место и новый год в другой Месяц! Русский народ гибок!».

Ломоносов учитывал роль миграционных процессов, как в потерях населения, так и, напротив, в его приросте. В разделе 12 он писал о том, что крестьяне бегут от помещичьих податей и солдатских наборов, и потому повинности эти надо изменить и облегчить, сохранив тем самым подданных для государства. Потери населения можно также возместить, привлекая в страну иностранцев (раздел 13), поскольку Российская империя «в состоянии вместить в свое безопасное недра целые народы»¹⁴⁰.

В конце письма Ломоносов подводит итог своим соображениям и предлагает «примерный подсчет» того, «сколько бы из сих 13-ти способов (а есть еще и больше) воспоследовало сохранения и приращения подданных ее Императорского величества», то есть делает демографический прогноз, высказывая надежду, что решение поставленных им вопросов приведет к тому, что:

«...на каждый год может взойти приращение российского народа больше, против прежнего до полумиллиона душ, а от ревизии до ревизии, за 20 лет до 10 миллионов. Кроме сего уповаю, что сии способы не будут ничем народу отяготительны; но будут служить к безопасности и успокоению всенародному»¹⁴¹.

По существу, Ломоносов разработал и предложил «высшей власти» глубоко обоснованную систему государственных мер – проект реформ, способных обеспечить ускорение роста населения, и в результате – то искомое «многолюдие» (по Джону Граунту), или же тот трудовой ресурс, в котором Уильям Петти видел «Отца богатства», его «действительный источник».

Некоторые социально-демографические идеи М.В. Ломоносова были реализованы Екатериной II, другие оставались невыполненными в течение многих десятилетий. Однако проведенные им расчеты и оптимистический демографический прогноз, сделанный на основе метода «политической арифметики», свидетельствует о том, что он разделял веру своих западных, в том

¹⁴⁰ Ломоносов М.В. О размножении и сохранении... С. 579.

¹⁴¹ Там же. С. 580.

числе британских, «коллег» в практическую пользу статистических данных. Но значимым в этой интеллектуальной общности был не только числовой метод, общим было осознание неразрывной связи *политической арифметики* (демографической и экономической статистики) и *политической анатомии* (политической экономии) с практическими задачами строительства государства Нового времени, особенно – в его имперском формате.

4.3. НА СЛУЖБЕ ИМПЕРИИ МИТРОПОЛИТ ИОАНН ТОБОЛЬСКИЙ И ТОРГОВАЯ ДИНАСТИЯ СТРОГАНОВЫХ

Митрополит Тобольский и вся Сибири Иоанн (Максимович) (1651–1715) является в полном смысле слова писателем переходного времени: его творчество, уходящее корнями в малороссийское барокко второй половины XVII в., пришлось на самый расцвет Петровской эпохи. Наиболее ярким из его оригинальных сочинений¹⁴² можно считать автобиографический травелог в виршах «Путник» (полное название – «Есть путник из Чернигова в Сибирь», 1711), рассказывающий о поездке бывшего черниговского архиепископа в Тобольск для исполнения обязанностей митрополита¹⁴³. Исследователи только начинают обращаться к этому памятнику, касаясь отдельных его аспектов: жанровой специфики¹⁴⁴, соотношения «своего – чужого»¹⁴⁵, уточнения био-

¹⁴² Перу Иоанна Тобольского принадлежит ряд переводных сочинений: «Феатрон, или Позор нравоучительный» А. Марлиана (1708), «Царский путь креста Господня» Б. Хефтена (1709), «Илиотропион» И. Дрекслея (1714); сборники житий и толкований: «Алфавит» (1705), «Богородице Дево» (1707).

¹⁴³ Сочинение известно в единственном списке: ОР РНБ. Q.IV.375. «Путник» Иоанна Тобольского. Нач. XVIII в.; полуустав; бумага 4°. 156 л. Публикация текста: Иоанн (Максимович), свт. «Путник» – автобиографическое сочинение святителя Иоанна (Максимовича) / Подг. к публ. А.Е. Жуков // Вестник церковной истории. 2012. № ½ (25/26). С. 5–115; № 3/4 (27/28). С. 53–130. Подготовлена публикация была на основе приложения к диссертации выпускника Московской духовной семинарии иеродиакона Серафима (Шлыкова): Серафим (Шлыков), иеродиак. Святитель Иоанн Тобольский и его богословское наследие: дис. ...канд. богословия. Загорск, 1985. Далее ссылки на текст «Путника» приводятся в тексте по журнальной публикации с указанием в круглых скобках номера журнала и цитируемых страниц.

¹⁴⁴ Шильникова Т.В. «Путник» Иоанна Максимовича митрополита Тобольского как жанровая модификация путевой литературы XVIII в. // Державские чтения – 2018. Екатеринбург, 2019. С. 90–97.

графии подвижника¹⁴⁶. С.И. Николаев в порядке сравнения упоминает «Путник» в связи с племянником Иоанна Максимовича – писателем И.П. Максимовичем, указав на «неудержимую страсть к печатному станку его дяди, слывшего уже среди современников графоманом»¹⁴⁷. Так, в 1708 г. Димитрий Ростовский писал Стефану Яворскому о стихотворном толковании Максимовича «Богородице Дево» (1707): «Книга вѣршов печатних прислана мнѣ: Бог дал тѣм вѣршописом друкарню и охоту, и денги, и свободное житие. Мало кому потребныи вещи на свѣт происходят»¹⁴⁸.

Большинство биографических сочинений второй половины XIX – начала XX в. было написано с ориентацией на житийную традицию и установкой на создание образа праведника¹⁴⁹. Тобольский митрополит был прославлен в лике святителей в 1916 г., став «последним царским святым»¹⁵⁰. Однако просветительская и богословская деятельность Максимовича действительно примечательна. Будущий видный интеллектуал родился в семье шляхтича в 1651 г. в Нежине. Его семья находилась под прямой протекцией гетмана Ивана Мазепы (именно он сыграет роковую роль в «сибирском повороте» судьбы Максимовича). После получения образования в Киево-Могилянской академии он был оставлен там

¹⁴⁵ Посохова Л. Митрополит Иоан (Максимович) про «свое» та «чуже» в автобіографічному творі «Подорожній» (1711 р.) // Харківський історіографічний збірник. 2016. Вип. 15. С. 218–227.

¹⁴⁶ Пивоваров Б., прот. Краткие сказания о начале православного просвещения Сибири, об Алацкой иконе Божией Матери и о сибирских святых // Богословский сборник Новосибирской православной духовной семинарии. 2017. Вып. 11. С. 51–118.

¹⁴⁷ Николаев С.И. Литературные занятия Ивана Максимовича // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 40. С. 393. Поэтическое наследие автора насчитывает десятки тысяч стихотворных строк, неоднородных по своему качеству, однако так и рождалась русская поэзия Нового времени.

¹⁴⁸ Димитрий Ростовский. Письмо 4 Стефану Яворскому (24 февраля 1708 г.) // Федотова М.А. Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского: Исследование и тексты. М., 2005. С. 142.

¹⁴⁹ См.: Шильникова Т.В. Репрезентация древнерусской житийной традиции в биографических произведениях об Иоанне Тобольском: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. Основные обстоятельства биографии Максимовича см.: Бусыгин В.В., Пивоваров Б., прот., Э.П.Б., Софронова М.Н. Иоанн (Максимович), митрополит Тобольский и всея Сибири // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 219–230.

¹⁵⁰ Ср. название одной из последних на данный момент биографических книг о Максимовиче: Фомин С.В. Последний царский святой: Святитель Иоанн (Максимович), митрополит Тобольский, Сибирский чудотворец. Житие. Чудеса. Прославление. Служба. Акафист. СПб., 2003.

преподавателем латыни, поэтики и риторики, а в 1675 г., приняв монашеский постриг, служил проповедником в Киево-Печерской лавре. В 1697 г. он стал архиепископом Черниговским, в 1700 г. основал Черниговскую духовную семинарию как подготовительное училище для Киево-Могилянской академии, называя его «новыми Афинами», «черниговским Геликоном»¹⁵¹. В Болдинском монастыре в Чернигове Иоанн открыл типографию, и в ней были изданы почти все созданные им впоследствии сочинения. Потребность публиковать многочисленные труды была обеспечена не только материальными возможностями, на что небезосновательно указывал Димитрий Ростовский, но и осознанием значимости своего труда. В «Путнике» Максимович пишет: «Токмо не подобает во празности жити, / Долженствует всяк к трудом руку приложити» (№ 1/2. С. 23). Рассуждения о пользе, необходимости труда и равно больших и малых дел каждого человека все чаще входили в идейный контекст эпохи перемен. Уезжая в Тобольск, Максимович переживает о своих неопубликованных сочинениях, пишет, что ему будет стыдно, если они не обретут читателя:

Много оставых писаний, к типу зготованных,
 Не вем, аще увижу к чтению изданных.
 Кая мы полза будет, егда вся под спудом
 Покровенны пребудут? Покриюся студом (№ 1/2. С. 83).
 В вашу типографию, елико велите,
 Молю, печатать книги вы благословете.
 Не моя, ваша будет превелия слава,
 По земной митре примет венец ваша глава (№ 3/4. С. 122).

О своих богословских и душеполезных сочинениях Максимович прямо пишет, что они «всякому чину в пользу без мери приличны» (№ 1/2. С. 84). За словом «чин» в этом контексте стоит не столько иерархическая, сколько социальная, распространяющаяся на все сословия трактовка: автор предполагает, что его сочинения принесут пользу всякому человеку, взявшемуся их читать. Максимович явно намеревался опубликовать и свое автобиографическое произведение «Путник», однако перед его смертью из печати успело выйти лишь подготовленное ранее переводное сочинение в пяти книгах – «Илиотропион» (1714). Возможно, что автор не успел подготовить «Путник» к изданию и в силу того, что текст оставался периферийным по отношению к его основному творчеству: хотя он и предназначался для оставленной

¹⁵¹ Николаев С.И. Максимович Иоанн // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. К–П. С. 266.

Максимовичем черниговской паствы, его польза для чтения явно требовала дополнительного обоснования. Вместе с тем «Путник» отчетливо ориентирован на читателей, которым, по мнению автора, может быть безразлична его дальнейшая судьба:

Граждане Чернегова, в здравии живете,
 Множае мене, грешна, лица не узрете.
 Даруй вам, Христе Боже, пастыра бодренна,
 В благодати Божией, в любви умноженна.
 От мала до велика прошу прощения,
 Желаю вам от Бога всем благословения (№ 3/4. С. 127).

Более конкретными адресатами «Путника» были государь и Бог, по их воле Максимович осуществляет поездку: «Аще бы сия не от Бога, / И в Сиберы сподобит небесна чертога» (№ 1/2. С. 33). После суда над гетманом Мазепой черниговскому архиепископу не удалось избежать обвинений в близких связях с ним¹⁵², и, несмотря на расположение Петра (обеспеченное, в частности, посвященными ему панегирическими сочинениями)¹⁵³, Максимович был отправлен в своего рода почетную ссылку в Тобольск (грамота царя от 31 января 1711 г.)¹⁵⁴. Очевидно, что Иоанн не воспринимал это как повышение, несмотря на несравнимые территориальные масштабы данной ему власти.

Максимович начинает путь в феврале и, преодолев более 3000 км, добирается до Тобольска через полгода. Это было в основном речное путешествие, наполненное разнообразными событиями и препятствиями, рассказывать о них подробно автор не считает зазорным, хотя постоянно оговаривается, если уделяет чему-то излишне много слов. Речь идет не о привычной для древнерусского книжника самоуничижительной традиции, наоборот: центром повествования становится сам писатель и его мысли. Автор довольно четко определяет предмет своего сочинения: однажды увлекшись душеполезными виршами, он вдруг одергивает себя, говоря, что ему «слово предлежит о себе писати», и возвращается к размышлениям о взволновавшей его ссылке:

¹⁵² Вина Максимовича косвенно подтверждалась участием в заговоре Мазепы его братьев и племянников: Ольшевская Л.А., Травников С.Н. Жизнь и путешествие Ипполита Вишенского // Ипполит, иером. Пеллигримация, или Путешественник Ипполита Вишенского. 1707–1709. М., 2019. С. 151–153.

¹⁵³ Подробнее о них см.: Панегирическая литература Петровского времени / Изд. подг. В.П. Гребенюк; под ред. О.А. Державиной. М., 1979. С. 54–62.

¹⁵⁴ Есть и другая, гораздо менее правдоподобная версия этого назначения: якобы Петр был благодарен Иоанну за написанный им «Синаксарь в честь и славу Господа Бога Саваофа о преславной победе под Полтавою» (1710).

Но мне слово предлежит о себе писати.
Почто государь царь Петр изволил послати,
Возвавши из Чернегова словом милостивим,
В далечайшую страну и добру милостивым (№ 1/2. С. 31).

Как бы не был велеречив и осторожен в формулировках Максимович, ему не удается скрыть своего недовольства сложившейся ситуацией и личной обиды на Петра и экзарха Стефана Яворского. Он переживает смешанные эмоции и испытывает возможности поэтического языка, основанного на топосах предшествующей литературы, но приспособляющегося говорить об индивидуальных, а не типических эмоциях¹⁵⁵:

Яко человек, слезно всегда въздыхаю,
Чернегова отчужден, сим выни не знаю.
Или не бех достоин ли нечто согреших?
Коя ради выни Чернегов оставых? (№ 1/2. С. 50)

Печаль и слезы перемежаются с хлопотами в преддверии отбытия в Москву по вызову государя: Максимович не знал, что не вернется в Чернигов, хотя и мог подозревать, что вызов в столицу не сулит ему ничего хорошего. Он не рискует высказывать читателю предположения о причинах ссылки, по-видимому, не желая об этом распространяться или не считая их достойными обсуждения. В этом проявляется специфика авторской телеологии переходной эпохи: даже в автобиографическом, насыщенном бытовыми подробностями тексте Максимович остается духовным писателем и стремится оградить письменное слово от бесполезных рассуждений и воздействовать через него на действительность. Слово, в его представлении, способно умиловить не только разгневанного государя (хотя бы на косвенное его внимание к своему тексту автор не может внутренне не рассчитывать), но и Бога. В ряд обращений к Господу попадают молитвы и о благополучном исходе путешествия, и о военных успехах России¹⁵⁶:

И не престану писать, дондеже услышу
Бесурманской державе искоренение (№ 3/4. С. 81).

¹⁵⁵ Об эмоциональности и способах самоописания монашествующих авторов см., напр.: Маркер Г. Из глубины молчания: в поисках контуров монашеского Я «долгой» Петровской эпохи (1680–1720-е) // Вера и личность в меняющемся обществе: Автобиофика и православие в России конца XVII – начала XX века / Под ред. Л. Манчестер, Д.А. Сдвижкова. М., 2019. С. 60–88.

¹⁵⁶ Автору так и не довелось встретиться с царем в Москве (он рассчитывал, что ему удастся лично повлиять на его решение), поскольку тот уехал на войну (неудачный Прутский поход 1711 г. против Османской империи, когда к Турции вернулись Азов и побережье Азовского моря).

Максимович вкладывает в уста Бога слова с гарантиями поддержки Петра, сохранения его царства в мире и тишине:

Сохраню царство твое в мире и тишине,
Поспешество узриши во всякой године.
Управлю царство твое от ныне до века,
Покору ты под нозе всяка человека (№ 1/2. С. 16).

В этом сложноорганизованном произведении Максимович предстает как частный человек, лицом к лицу столкнувшийся с пространством империи и необратимостью царского указа, пытающийся убедить себя в необходимости исполнения своей миссии в Тобольске, несмотря на свою немощь, внутреннее нежелание уезжать столь далеко и надежду на возвращение в Чернигов:

Мое – повеление царско исполнили,
Царскому величеству всем благодарити
Или побыти чолом, да мя во Чернегов
Возвратить изволит. На сие бе готов
И за метрополию зело благодарен,
Як многоценным даром всячески обдарен.
Но немощнии силы мои устрашают,
Неудобства многии бедну приношают (№ 1/2. С. 87).

В некотором смысле эти обстоятельства повлияли на концепцию личности писателя раннего Нового времени, транслируемую им самим через свой текст. Е.К. Ромодановская справедливо считала, что к созданию «Путника» автора подтолкнуло «ощущение перелома отношения власти к прежнего типа сочинениям и переводам»¹⁵⁷. Важно не только то, что Максимович решает сформулировать определенное высказывание в виршевой форме, но и то, каким он стремится представить итоговый текст, чтобы тот был воспринят читателями (как властью, так и его паствой) именно так, как он рассчитывал. Полагаем, Максимович и сам не вполне осознавал цель написания «Путника», в тексте заметны «швы» множества авторских стремлений, что определит особый взгляд художника на реальность, в которой он совершает путешествие, повлияет на отбор деталей и событий. Для своего времени «Путник» был предельно личным текстом, отразившим переживания частного человека на конкретном отрезке его жизни¹⁵⁸. Это

¹⁵⁷ Ромодановская Е.К. Литературно-публицистическая деятельность тобольских архиереев // История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в. / Глав. ред. В.В. Блажес, Е.К. Созина. М., 2012. С. 224.

¹⁵⁸ Можно говорить о некоторой взаимозависимости этого метода и процесса «превращения писателя в частное лицо»: Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 241.

сочинение обнаруживает свою экспериментальную природу. Как травелогу, тексту свойственно описание связанных с путешествием приготовлений, экстремальных ситуаций в пути, отдельных объектов наблюдаемой действительности. Однако у автора не было задачи написать подробный путевой отчет или что-либо изучить. Не была его поездка и паломническим путешествием, по итогам которых обычно создавались многочисленные для этого времени сочинения священников о Святой Земле, ориентированных на определенный жанровый канон¹⁵⁹. Максимович преодолевает саму жанровую номинацию «путника», текст прихотливо подчиняется пространственному перемещению, но преодоление пространства соединяется у автора с преодолением сомнений и утверждением своего предназначения не только для христианского богослужения, но и для государственного устройства.

Максимович не был «придворным» писателем, прославление светской власти в его текстах имело больше дополнительный, чем самостоятельный характер. Это наблюдается и в «Путнике», в котором сильна панегирическая линия в отношении петровских преобразований. Е.К. Ромодановская на материале «Илиотропиона» (1714) отмечает: «для Иоанна важной была мысль о непостижимости воли Господа и необходимости подчиняться ей во всех жизненных ситуациях¹⁶⁰. Эта тема коррелировала с идеей дисциплины, которая так дорога была Петру I, строящему государство нового типа»¹⁶¹. «Путник» – тоже детище эпохи строительства империи. Он вбирает в себя гигантское пространство, подробности жизни отдельных городов, пороки и достоинства их жителей, разнородность национального состава отдельных земель, завоевательные проекты Петра и т.д. Автор не скрывает как восхищения, так и страха перед неведомой Сибирью, хотя и храбрится:

Не боюся в далеку страну изгнания¹⁶²,
Злогубительных словес, ни поругания.

¹⁵⁹ См.: Паломники-писатели петровского и послепетровского времени, или Путники во Святой Град Иерусалим / Прим. архим. Леонида. М., 1874.

¹⁶⁰ В то же время в «Путнике» Максимович называет всех протестантов «кальвинами» и осуждает идею Кальвина о безусловном предопределении каждого верующего к спасению или гибели. Эта мысль коррелирует с его идеями о пользе труда и добрых дел.

¹⁶¹ Ромодановская Е.К. Литературно-публицистическая деятельность тобольских архиереев... С. 223.

¹⁶² Семантика этого слова с того времени не изменилась, что лишний раз говорит о том, как именно воспринимает Максимович свое новое назначение.

Мир сей дом есть всем родний, аз един пребуду,
Аможе обрящуся, скорбети не буду (№ 1/2. С. 34).

Несмотря на то, что Сибирь находится под властью государя, Максимович понимает ее инаковость и чужеродность, отмечает изменения с движением на восток: «Далечайше без меры там разстояние, / Обычаев тамошних преумножение» (№ 1/2. С. 87). Неслучайно в Тобольской епархии Иоанн организует многочисленные миссии к сибирским народам, займется строительством новых храмов, станет инициатором духовной миссии в Пекин. Стремление обратить в православие как можно больше людей отразится и на характерных для того времени проимперских высказываниях автора о «бусурманской» вере в других странах:

Да Тя, Бога, познают и с нами восхвалят,
Мерзску веру отвергут, житие исправят
Не точию в державе росска государя,
Многих стран самодержца, славна Петра царя –
Атаманску порту з всюю державою
Поработит воскоре з многою славою (№ 3/4. С. 79).

Определение «росский государь, многих стран самодержец» предвосхищает титул императора. Когда речь заходит об освобождении Гроба Господня от турецкой неволи, Петр именуется Августом, и при этом подчеркивается, что военные победы способствуют расширению церкви:

Да Петр воцарится, В широкой державе, Приимет владычество, Август наречется, В конец до конец На главу возложит, Свободит плененных, Во свою державу, Благоверна Ольга, На турка победы, Да возвеселится А церкви расширит, «Буды, буды», – рцете,	Царь наш прославится Безконечной славе. Турецко властельство, Везде распространяет, Обладает. Венец Честь Богу умножит, Приведет невредных Турецку сотрет главу. Ожидашь долго Истребы следы, Царь Петр, воцарится, Плененных разрешит. О сем все молете (№3/4. С. 80–81).
--	--

Немногочисленные шестисложные стихи в «Путнике», вероятно, призваны выделять особо значимые мысли. Формулу «в конец до конец» можно рассматривать как вариант т.н. «империальной формулы» (термин Л.В. Пумпянского), имеющей большую предысторию в панегирическом жанре¹⁶³.

¹⁶³ См., в т.ч. в связи с другим сочинением Максимовича: Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006. С. 420–421.

Максимовича мало интересует география, хотя он старательно фиксирует почти каждую новую реку, по которой плывет, и едва ли не каждый населенный пункт, в котором останавливается. Для него не имеет особого значения фиксация нового, он обращает внимание только на то, что сообразно его настроению и образу мыслей. Неожиданный «этнографический» интерес вызывает у него название реки Камы:

Откуда наречется Кама, камо течет?
 Кто долго zde поживе, той известно речет.
 Аз, странний и пришлец, не бывал на Каме,
 Известете мне, странну, лучше весте самы.
 Мню, яко от камене, но не вем якого,
 Аз не выдох бо, як Кама, широкаго.
 Каменистих гор премного от одной страны,
 Не бывають людскими попраны ногами.
 Аще камень, но плоды многие приносят,
 Там шведи, копающе медь, чело оросят. <...>
 Благословенна река, приносяща плоды
 Царю Петру московску. <...> (№ 1/2. С. 101)

Первая его версия: остроумная игра словами «Кама» и евангельским «камо». Другой вариант – связь с каким-либо камнем. Максимович демонстрирует и осведомленность в организации сырьевой отрасли, объясняя топоним добычей руды и многих других «плодов», которые Кама приносит государю. Именно эти идеи занимали умы многих интеллектуалов. И если его не менее талантливый современник, тоболяк Семен Ремезов перечисляет природные богатства в «Похвале» Сибири¹⁶⁴, то Максимович явно ненастроен воспевать неведомый ему доселе и чуждый край. Скорее он готов написать похвалу Каме и всему Прикамью, чего, например, не делает относительно Волги, по которой он плыл тоже очень долго. На это были свои причины, и дело не только в этикетно-формульном характере его стихов: по-видимому, Максимович пленен силой и богатством т.н. Строгановского региона, где его принимают с не меньшим, а то и с большим гостеприимством, чем в центральной России. Он сравнивает Каму с Иорданом и Нилом (№ 1/2. С. 93) и называет ее «предоброй матерью», отмечая различные детали, увиденные зорким глазом (равномерную глубину реки у берегов, горы, похожие на строения и т.п.):

Кама нам изъявися предобрая мати,
 Не стыждуся нимало так ю нарицати. <...>

¹⁶⁴ Дергачева-Скоп Е.И. «Похвала» Сибири С.У. Ремезова // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 266–274.

Як ю мею хвалити, что чтущим подати,
 Что в ней обретається, что о ней писати?
 Водою избыльна, до зела шерока,
 Не точию посреде, но и в берегах глубока.
 На сажень от берега шестом не досягнет,
 Аще и обе руки излишне растягнет.
 Окрест ея высоко предивные горы,
 Разселины при них суть як строены дворы (№ 1/2. С. 87, 88–89).

Последовательно Максимович перечисляет своих благодетелей, снабжающих его всем необходимым во время путешествия, и переходит от похвалы Каме к похвале ее жителям. Особенно он благодарен именитому человеку Г.Д. Строганову (1656–1715), из рода крупнейших русских купцов-промышленников и землевладельцев, наследнику всех «прародительских и родительских и выслуженных и купленных»¹⁶⁵ строгановских вотчин. Личность этого человека заслуживает особого внимания даже в ряду его предприимчивых предков. Неудивительно, что Максимович написал о нем так: «Везде бо его имя славят, величают, / По многих обывтелех молят, восхваляют» (№ 3/4. С. 53).

Г.Д. Строганов был одним из тех, в ком современники видели черты «строителей империи», которые наиболее ярко проявились в сподвижниках Петра¹⁶⁶. Задачу, которую он ставил перед собой в принадлежавших ему обширных землях, недостаточно сформулировать через заведение «всяческих “новизн”, подсмотренных в столице и за рубежом»¹⁶⁷. Мир, создаваемый Строгановыми вокруг себя, отнюдь не описывается моделью «государства в государстве» – это была безупречная последовательность «символических» поступков, через которые именитые люди неизменно позиционировали себя как людей государственных, как часть гораздо более масштабных процессов, чем только жизнь своего собственного рода. Так стирались границы между локальным и общероссийским, и деятельность именитых людей принимала едва ли не мировой масштаб¹⁶⁸. Это ощущение базировалось на

¹⁶⁵ Жалованная грамота именитому человеку Григорию Дмитриевичу Строганову: 7200 (1692) года июля 25 // Андреев А.Р. Строгановы: [XIV–XX в.]: Энцикл. изд. М., 2000. С. 254.

¹⁶⁶ См.: Серов Д.О. Строители Империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996.

¹⁶⁷ Черная Л.А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999. С. 192.

¹⁶⁸ Так, Л.С. Соболева справедливо объясняет политическими амбициями Строгановых выбор церковного праздника Акафиста Богородицы при име-

приверженности идеям и ценностям частной инициативы, предпринимательства и коммерческого интереса, значимость которых Строгановы осознали задолго до петровских преобразований.

Одним из первых русских интеллектуалов, сформулировавших значение частной коммерческой инициативы, был разношторно образованный М.Д. Чулков, который написал первую историю российской торговли с древнейших времен до Екатерининской эпохи. В предисловии к своему фундаментальному труду Чулков привел ряд изречений о коммерции, объединенных одной, пусть и многосоставной, идеей и отразивших пафос этого сочинения. Для его понимания достаточно привести первое изречение, принадлежащее знатному шведскому купцу Фоме Пломгрэну:

«Коммерция наполняет Государство прилежными и полезными жителями, оживляет Науки, художества и ремесла, распространяет кораблеплавание, дальние земли приводит в полезное знакомство и союз, открывает дражайшие сокровища Натуры и делает Государство в самом себе сильным, а у соседей знатным»¹⁶⁹.

Все это было более чем характерно для деятельности и самопрезентации Строгановых. Не менее важно, что именно в этих категориях их описал в своем сочинении Иоанн Максимович. Строгановы всегда демонстрировали преданность государям, достаточно вспомнить их роль в развитии соледобычи, победоносных походах Ермака в Сибирь, охране восточных рубежей страны и событиях Смутного времени (именно тогда царь Василий Шуйский пожаловал им звание «именитых людей», впоследствии закрепленное только за родом Строгановых)¹⁷⁰. Все эти факторы достоинства рода были отражены в многочисленных жалованных грамотах, подтверждающих их права с течением времени и

новании храма Похвалы Богородицы в Орле-городке, центре строгановских владений в Прикамье, которое таким образом «символически соединялось не только с Москвой, но и Царьградом». См.: Соболева Л.С. Проповедь на праздник Акафиста Богородице в рукописи XVII в.: историко-литературный контекст и архитектоника // *Konstantinove Listy*. Т. 14. 2021. № 2. С. 90.

¹⁶⁹ Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах: От древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя имп. Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни имп. Екатерины Великия. В 7 т. СПб., 1781–1788. Т. 1. С. 59.

¹⁷⁰ Высокое положение Строгановых и особое отношение к ним со стороны властей в дальнейшем было подтверждено и в Соборном уложении царя Алексея Михайловича, согласно которому за бесчестье именитых людей накладывался специальный штраф (100 руб.), в два раза превышающий штраф за бесчестье гостей (крупных купцов).

сменой поколений. Личный интерес в получении не только денег и власти, но и особого отношения к себе (родовых привилегий и т.п.), оказался тесно сопряжен с государственным интересом. Власть активно поддерживала предприимчивость Строгановых, наделяя их новыми землями и правами и получая взамен разнообразную помощь¹⁷¹. Подчеркнуто государственное, патриотическое сознание уживалось со старательно затушевываемой необыкновенной расчетливостью Строгановых¹⁷².

В Г.Д. Строганове сосредоточились и оформились ценности и модели поведения, к которым тяготели Строгановы, начиная с основателя солеваренной промышленности Аники Федоровича¹⁷³. В грамоте от 25 июля 1692 г., данной Григорию Дмитриевичу царями Иоанном Алексеевичем и Петром Алексеевичем, в неизменном виде повторяются слова первой полученной им от царя Алексея Михайловича грамоты 1673 г.: «а прадеды и деды его из наших великих государей казны закладов и тех денег не имели и в том прибыли себе не искали, и служили и работали нам великим государям и всему Московскому государству верою и правдою во всем»¹⁷⁴. Такая пролонгированная во времени характеристика дорогого стоила. Предприимчивый наследник строгановских вотчин в полной мере соответствовал ей: принимая активное участие в петровских реформах и оказывая финансовую поддержку государю он воплотил в жизнь идеал предпринимателя с государственным, имперским сознанием. Максимович, несомненно,

¹⁷¹ О длительной истории взаимовыгодных отношений Строгановых с государством см.: Мезенина Т.Г., Мосин А.Г., Мудрова Н.А., Неклюдов Е.Г. Род Строгановых: [Культурно-исторические очерки]. Екатеринбург, 2007.

¹⁷² Яркий пример – многочисленные случаи «произвольной интерпретации древних строгановских актов» со стороны Г.Д. Строганова, который к концу XVII в. сосредоточил в своих руках практически всю крупную солеваренную промышленность. См.: Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке: к вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957. С. 116 и далее.

¹⁷³ Точную характеристику Аники Строганова дал А.А. Введенский: «Предприимчивость, неустанная жажда барышей, умение организовать сложную экспедицию в далекую Сибирь, наличность в составе двора Аники Строганова представителей сибирских народов и даже иностранцев с Запада, владевших туземными и русским языками, готовность рисковать и в то же время осмотрительность и осторожность в действиях и, наконец, необходимые для налаживания большого торгового предприятия денежные средства – все эти характерные черты энергичного хозяина у Аники Строганова были налицо». Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М., 1962. С. 31.

¹⁷⁴ Жалованная грамота именованному человеку... С. 304.

знал о масштабах деятельности Строганова, развивая в «Путнике» тему его преданного служения Петру:

И сохрани и цела, в благополучестве,
Умножая его и сохраняя в державе.
И при нем его раба верна подножие –
Григория Строгана, добро служение
Всеусердно творяща и угождающа,
Чада своя царевы в службу готовяща (№ 1/2. С. 109).

Показательны упоминания сыновей Строганова, в 1722 г. возведенных Петром за заслуги предков в баронское достоинство. Максимович воспекает Григория Дмитриевича, создавая, пожалуй, самую объемную из всех похвал в «Путнике» и охватывая несколько поколений рода именитых людей:

Виват, виват, Боже,	Вспомагай, Госпоже.
Да Строганов примет,	Мзду трудов обьимет.
Григорий преславный,	В чести, славе давный
З Димитрием отцем,	Сиявшим, як слонцем,
С маленькими чады,	Як красными сады,
Процветут во славе,	Превознесут главы
В небе и на земли	(№ 3/4. С. 56).

По степени литературной обработки образа и количеству перечисленных добродетелей похвала Г.Д. Строганову у Максимовича сопоставима разве что с похвалами, адресованными ему благодарным анонимным автором уникального сборника проповедей «Статир» (Прикамье, Орел-городок, конец XVII в.) и музыкальным теоретиком, автором трактата «Идея грамматики мусикийской» (1679) Н.П. Дилецким. Показательно, что Максимович и автор «Статира» воспели его страннолюбие (гостеприимство) через сравнение с ветхозаветным Авраамом: «Григорий Строганов / Як Авраам нов» (№ 3/4. С. 57); «Поистинѣ бысть яко второй страннолюбивый Авраамъ, новый Иовъ»¹⁷⁵. Дилецкий также упоминает эту черту, присущую всему «преименитому дому», возвышающемуся так, что его видят все страны:

«аки градъ на версѣ горы да вси зрятъ своимъ благословениемъ и великолѣпиемъ возвысивши постави: зреть сего со всѣмъ миромъ поднебеснымъ царственная митрополисъ Москва и прочии градове, и страны далечайшия, аки ближайшия: просвѣщаются церкви Божия драгими приносимыми от васъ жертвами и богатыми украшениями: полны и монастыри вашими строении, и благодѣянии, хвалы Гос-

¹⁷⁵ Цит. по: Соболева Л.С. «Предсказание» из рукописного сборника поучений «Статир»: автор и читатель в переходную эпоху // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 3 (31). С. 356.

подня: проповѣдуютъ повсюду страннии страннолюбие, убозии, и нищии въ милостынѣ милостивнѣ щедра подателя»¹⁷⁶.

Все эти талантливые авторы воспели род Строгановых в слове. Безусловно, это было прямым следствием оказанной поддержки, что, однако, не исключает действительно испытываемой благодарности и осознания причастности к исключительной по замыслу культуросозидающей деятельности, особенно на окраинах империи. Храмы Сольвычегодска и Прикамья, потрясавшие современников своим убранством, были не только центрами родовой памяти Строгановых, но и воплощением величия православной культуры, приходившей на эти земли вместе с мигрирующим населением и бурно развивающимися промыслами. Сопричастными этой деятельности были множество строгановских людей и не уступающий столичному круг наемных мастеров в архитектуре, иконописи, живописи, книгописании, певческом искусстве, лицевом шитье, драгоценном деле и т.д. Так, исследователь монументальной живописи Благовещенского собора в Сольвычегодске приходит к выводу, что «Строгановы как храмоздатели и соавторы программы отличались особой чуткостью к судьбам мира и склонностью к размышлениям о пути человека к спасению души, а православия – к финалу своей исторической миссии»¹⁷⁷. Через памятники архитектуры в единстве их внутреннего и внешнего убранства Строгановы активнее всего пользовались возможностью воплотить представления и о своей исторической миссии. Так, собственные Триумфальные врата именитого человека Строганова, возведенные в столице в честь Полтавской победы¹⁷⁸, являлись дополнительным напоминанием о финансовом содействии, оказываемом русской армии в годы Северной войны. Максимович мог видеть их, находясь в Москве перед отъездом.

¹⁷⁶ РГБ. Ф. 173. № 107. Николай Дилецкий. Идея грамматики мусикийской. С. 3–4.

¹⁷⁷ Преображенский А. Монументальная живопись Благовещенского собора // Вклад. Художественное наследие Строгановых XVI–XVII веков в музеях Сольвычегодска и Пермского края. Пермь, 2017. С. 228.

¹⁷⁸ Сохранились только в чертежах и описаниях. См. о них: Мозговая Е.Б. «Врата триумфальные именитого человека Строганова» 1709 года // Строгановы и Пермский край. Пермь, 1992. С. 20–27. Высказано предположение, что в строгановских Введенском соборе в Сольвычегодске, Казанской церкви в Устюжне, Смоленской церкви в с. Гордеевка и Рождественской церкви в Нижнем Новгороде «композиционным единством проникнута трактованная в духе триумфальной арки тема входа в храм». См.: Брайцева О.И. Строгановские постройки рубежа XVII–XVIII веков. М., 1977. С. 133.

Неизвестно, выполнял ли тобольский митрополит какой-то заказ или следовал определенной договоренности (если да, то его придется «уличить» в выполнении множества других заказов от тех лиц, которые помогали ему в пути). Его общение со Строгановым оставалось заочным, все благодеяния были оказаны ему через приказчика Саву Ивановича. Наверняка Максимович видел в Строгановых один из возможных источников средств для своей обширной деятельности (в Тобольске он будет поддерживать, в том числе на собственные деньги, славяно-латинскую школу, основанную его предшественником Филофеем (Лещинским), будет приглашать преподавателей из Киева и Украины, займется благотворительностью, в частности организовывая богадельни). Осуществление церковными иерархами подобных целей часто было просто невозможно без поддержки со стороны. Так, на Украине среди магнатов было распространено своего рода меценатство, особенно в отношении церковных деятелей. Насколько эта культура была развита в России, судить трудно, но необычайная щедрость именитых людей в церковном строительстве и культурном развитии Строгановского региона вызывала восхищение далеко за его пределами¹⁷⁹. Строгановы подчеркивали, что за оказанную помощь ничего не требуют (в дальнейшем это было зафиксировано в знаменитой формуле, начертанной на гербе рода: «*Ferram opes patriae, sibi nomen*» – «Отечеству – богатство, себе – имя»), и Максимовичу импонировала их благотворительность: «А мне тягостно зело, нечим бо воздати, / И они не требуют» (№ 1/2. С. 110). Так, находясь в Прикамье, он одобрительно относится к богатству местного осинского монастыря, которое, по его убеждению, в значительной мере обеспечено деятельностью Строгановых: «Ибо от монастыря, Строганом строенна, / Ина нигде на Каме не сооруженна» (№ 1/2. С. 104). Одного этого аргумента Максимовичу-миссионеру достаточно, чтобы оценить уникальность региона и роль именитых людей в окормлении православием не так давно вошедшего в Россию пространства¹⁸⁰.

Участие Строгановых в строительстве и расширении империи было в немалой степени обусловлено пограничным положе-

¹⁷⁹ Оценить масштабы этой деятельности в полной мере позволяет работа: Вклад. Художественное наследие Строгановых XVI–XVII веков...

¹⁸⁰ Московские митрополиты не препятствовали церковному строительству и христианизации язычников в пермских вотчинах, освобождая новые церкви от пошлин. – Введенский А.А. Дом Строгановых... С. 42.

нием принадлежащих им земель: большое значение они придавали церковному просвещению и миссионерской деятельности¹⁸¹.

Поездка Максимовича пришлась на то время, когда фронт России государства значительно сдвинулся на восток, на окраинах страны еще продолжалась христианизация, а Прикамье на долгое время оставалось главной «точкой роста» восточной части страны. Способствовал этому и приток на Урал «русского крестьянства, которое в поисках “землицы” двигалось на восток, так что эта территория не могла долго остаться пустой. Пришлое население должно было быстро заселить ее и помочь своим трудом»¹⁸². Административную и культуросозидающую деятельность в основном взяли на себя Строгановы. Максимович в самом начале XVIII в. имел возможность наблюдать промежуточные результаты этого процесса и неслучайно показал свое восхищение Прикамьем и деятельностью его управителей.

Еще одним благодетелем Максимовича, которому тот уделяет особое внимание в своем произведении, был казанский губернатор П.М. Апраксин (1659–1728). Автор желает ему не только небесной славы, но и земной («При земной славе будут в чести умножены» (№ 1/2. С. 79)), осознавая важность его трудов для государя и создаваемой им империи. Максимович встречается с ним в самый разгар петровских реформ: в марте 1711 г. Петр подписал указ об именовании главы Казанской губернии губернатором. Иоанн уже называет Апраксина на новый манер, желая государю других столь же достойных служителей: «Пошли государю царю таких служителей, / Праведных, незлобывых в грады правителей» (№ 1/2. С. 83). Благодарность Богу и губернатору Максимович ставит в один ряд, переплетаются сакральный дискурс, направленный на общение с Богом, и дискурс светский, заключающийся в желании выразить благодарность:

Камское плавание должно известити,
Богу, губернатору, – всем благодарствити.
Божим поспешеством спешно плавание
Имехом, везде много бе нам даяние (№ 1/2. С. 74).

¹⁸¹ Достаточно обратиться к «Строгановской летописи», которая в качестве одного из результатов поддержанного Строгановыми похода Ермака описывает, «како ту Сибирскую землю просвети Господь Богъ святым крещением и святыми Божиими церквами». Строгановская летопись // Летописи сибирские / Сост. и общ. ред. Е.И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск, 1991. С. 108.

¹⁸² Введенский А.А. Дом Строгановых... С. 293.

Г.Д. Строганов стоит в том же ряду достойных государевых служителей. В конечном счете частный интерес получил в сочинении Максимовича и нравственное оправдание, связанное прежде всего с идеализацией Строгановых. Неверно говорить о том, что «греховные способы приобретения собственности осознавались предпринимателями. Будучи людьми православными, они пытались в какой-то мере искупить свою вину»¹⁸³. Строительство храмов, вклады в монастыри и прочая благотворительность становились естественной составляющей предпринимательской деятельности. Строгановы многое делали не только для земной, но и для небесной славы, которая была связана и с их активной благотворительной деятельностью, запечатлением памяти о роде через церковное строительство, иконопись, книжность и т.д. Эти ценности в барочную эпоху все больше возрастали в цене.

Усиление роли коммерческого интереса в жизни русского общества повлияло на то, что деньги перестали быть чем-то постыдным для упоминания в литературе. Максимович рассуждает о деньгах как одном из основных средств для воплощения своих идей. Привыкший в черниговский период своей жизни получать помощь от богатых людей в каменном церковном строительстве и видя недостатки в церковных строениях в Тобольске¹⁸⁴, он задается вопросом:

Чим сия строити? Казна истощенна,
По архиереи як, не вем, оставленна.
Дьяки долгу более тысячи исчисляют,
Расходы, вправду, многи прежни изъявляють (№ 3/4. С. 119).

Максимович сетует на то, что жители Тобольска приносят только «портища» и не исполняют в полной мере царского указа о поддержке нового митрополита:

Портищ много, а деньги никто не принесет,
О сем не простираю ни мала словесе.
Положил был некто рубль, и того отдано,
Понес з собою, к тому более не видано (№ 3/4. С. 120).

¹⁸³ Собственность в России: Средневековье и раннее Новое время. М., 2001. С. 199.

¹⁸⁴ Наиболее весомую поддержку черниговскому строительству оказывал генеральный обозный Войска Запорожского В.К. Дунин-Борковский, жизнь которого обросла мрачными легендами, что повлияло на прижизненную репутацию Иоанна Максимовича. См.: Шевченко Ю.Ю. Абалацкая икона Богородицы и коллизии жития свт. Иоанна Тобольского (Максимовича) // Сибирский сборник – 1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. СПб., 2009. Кн. 2 / Отв. ред. Л.Р. Павлинская. С. 7–20.

Решение вопроса материального обеспечения деятельности, приносящей всеобщую пользу, связано для Максимовича с идеями личного служения как в сфере частной жизни семьи или рода, так и на благо строительства богатой и сильной империи. С одной стороны, это топка панегирической литературы эпохи, с другой – искренне высказываемые убеждения. Амбиций у Максимовича было довольно много, он осознавал значимость происходящих перемен и как никто другой понимал, что за масштабными преобразованиями стоят отдельные деятельные личности¹⁸⁵.

Новаторское сочинение Максимовича позволяет реконструировать некоторые представления интеллектуалов рубежа веков о роли частной инициативы в строительстве империи. Образец личного служения государственной власти автор видит в таких людях, как Г.Д. Строганов. Он слышал о его человеческих достоинствах, образованности и преданности делу, при этом они были примерно одного поколения, почти на два десятилетия старше царя-реформатора. Их представления о продуктивном соотношении государственного и частного интереса формировались на основе личного опыта, дававшего уверенность в неразрывности двух, казалось бы, противоположных начал. В случае Максимовича это не приводит к раздвоению образа автора на государственного человека и слугу Господа, он исключает саму возможность противоречия, позиционируя себя как человека петровской эпохи и ставя во главу угла понятия пользы и труда¹⁸⁶. Прославление Максимовичем в государственных людях неустанного труда на благо отечества позволяет говорить об осознаваемых им параллелях: если Г.Д. Строганов приносит пользу государю в экономической сфере, то тобольский архиерей воспитывает слуг отечества через усиление распространения христианства.

¹⁸⁵ Недавние исследования показывают, что поездка черниговского иеромонаха Ипполита Вишенского на Святую землю в 1707–1709 гг. была спланирована и профинансирована гетманом Мазепой и Иоанном Максимовичем с целью создания независимой от России украинской православной церкви. Максимович был потенциальным кандидатом на должность украинского патриарха или киевского митрополита: Ольшевская Л.А., Травников С.Н. Жизнь и путешествие Ипполита Вишенского... С. 143–161.

¹⁸⁶ В этом его взгляды вновь совпадают со взглядами автора «Статира», который «стремился направить горожан на преобразование земной жизни, подтолкнуть их к активной деятельности на благо себе, церкви и Строганова». См.: Соболева Л.С. Литературные памятники Строгановского региона (XVII–XVIII вв.). Статир // История литературы Урала. Конец XIV – XVIII в. / Глав. ред. В. В. Блажес, Е. К. Созина. М., 2012. С. 171.

Несомненно, самопрезентация Строгановых удалась: автор «Путника» был восхищен гостеприимством Прикамья, продемонстрировал осведомленность о промышленном расцвете в регионе, имел представление о походе Ермака, знал ряд географических легенд. Иначе говоря, то, как Строгановы конструировали себя в пространстве создаваемой империи, в полной мере было воспринято отстраненным взглядом Иоанна Максимовича. Хотя для него и важна тема успеха освоения территорий через государственный меркантилизм, он осознает продуктивность протекционизма частного характера.

В итоге тобольский митрополит выступает транслятором имперских идей в лирическом памятнике поэзии русского барокко, который стал ярким примером художественной рефлексии о человеке и путях преобразования России эпохи перемен.

4.4. КАДРЫ ДЛЯ ИМПЕРИИ ВАСИЛИЙ ТАТИЩЕВ И ОРГАНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ НА УРАЛЕ

Василий Никитич Татищев (1686–1750) оказал столь большое влияние на развитие промышленности, культуры, науки, просвещения в России, что историки еще далеки от исчерпывающей оценки значения его личности. Он вошел в историю страны как крупный администратор и ученый, как выдающийся деятель просвещения. Он был одним из «птенцов гнезда Петрова» и какую бы должность не занимал, все свои силы отдавал служению и прославлению своего Отечества. Татищев родился в семье мелкопоместного дворянина, получил домашнее образование, но на протяжении всей жизни совершенствовал его. Как справедливо отмечал А.И. Андреев, В.Н. Татищев «был воспитан и образован жизнью»¹⁸⁷. Он начал службу в 1704 г. рядовым драгуном, был участником Северной войны, в 1712–1716 гг. с перерывами уже в чине капитана изучал иностранный опыт в военном, инженерном деле в Германии, в 1716–1719 гг. в составе армии служил в Восточной Пруссии, Польше, был курьером при Я.В. Брюсе во время переговоров со Швецией на Аландском конгрессе. Дважды судьба связывала Татищева с Уралом.

¹⁸⁷ Андреев А.И. Труды В.Н. Татищева по истории России // Татищев В.Н. История Российская. В 7 т. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 5.

Мы затронем лишь одну важную сферу его деятельности – как активного поборника просвещения на рубежах империи, внесшего большой вклад в теорию и организацию образования.

В 1720 г. в чине капитана 34-летний В.Н. Татищев по приказу Берг-коллегии, возглавляемой Я.В. Брюсом, был отправлен на казенные заводы Урала для поиска руд и строительства новых заводов. Прибыв в Кунгур 30 июля, Татищев сразу же создал здесь Канцелярию горных дел и уже в первом доношении в коллегию 13 сентября поднял вопрос об обучении горному делу до 30 дворянских детей, находившихся в ведении властей Сибирской губернии, а если их будет мало, то и подьяческих¹⁸⁸. Берг-коллегия, не смея распоряжаться дворянами, санкционировала обучение подьяческих и церковничьих детей «цыфири и геометрии и прочих горных дел...»¹⁸⁹. Указ пришел в мае 1721 г., и Татищев сразу же приступил к организации арифметических школ в городе Кунгуре, где легче можно было найти обученных грамоте детей, и при Уктусском заводе. Но раньше, по своей инициативе, он начал открывать первые словесные школы горного ведомства. План их открытия был им изложен в наказе заводскому комиссару Т. Бурцеву в феврале 1721 г. Наказ интересен как первый план развития школьного дела на Урале, первый педагогический опыт Татищева. В главе «О школах» Татищев обосновал задачи организации словесных школ: «заводы... довольством письмо умеющих в лучшее состояние и размножение привести», «народ, хотя мало во обычаях чтанием книг пременить, и во услуги е. в. способнейших учинить». Он видел необходимость в открытии школ не только для развития заводов, но и для подготовки людей нового склада, новой ментальности. Особо подчеркивал их значение для налаживания делопроизводства в органах управления, обслуживавших заводы: из-за недостатка грамотных «дела без записок весьма смятны, что не токмо в несколько лет, но по прошествии нескольких месяцев уже обрести невозможно: кто у какой работы был, что зделал»¹⁹⁰. Словесные школы должны были открываться при двух заводах, находившихся тогда в ведении Берг-коллегии и Канцелярии горных дел, Уктусском и Алапаевском, и в приписанных к ним слободах. При этом предполагалось «обучать всех детей здешних жителей». Поскольку школы предписывалось от-

¹⁸⁸ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 611. Л. 178 об.–179.

¹⁸⁹ Там же. Л. 184.

¹⁹⁰ Татищев В.Н. Записки. Письма. 1717–1750 гг. М., 1990. С.62–63.

крывать и в слободах, ясно, что Татищев делал расчет и на прием детей крестьян, чтобы использовать их впоследствии в слободском управлении. Это делалось впервые в России.

Найти грамотных людей, не занятых делом, в условиях отдаления от городов было невозможно, и Татищев обязал церковных дьячков выступить в роли учителей. Опасаясь тратить заводские средства, он ввел сбор средств с населения. Он также ввел меры заинтересованности: подростков, обучившихся писать «брать в канцелярию для помощи», платя «за труд по рассмотрению»; в первую очередь распределять их к делам; обещал, что обученные письму «никогда в салдаты, матросы и другия невольные службы отданы не будут, но сверх того всегда им большее пред другими жалованья дастся»¹⁹¹. Так обучение в школе становилось своеобразным социальным лифтом, позволявшим выйти «в люди», сделать карьеру в горном ведомстве.

Уже в марте 1721 г. школа при Уктусском заводе начала работать¹⁹², через год в ней числилось 28 человек, в мае 1723 г. – 39, трое уже перешли в арифметическую. Более 66 % учащихся составляли дети заводских работников, в основном высокой квалификации, пятеро принадлежали к духовному ведомству, по одному – сыновья пушкаря, фискала, приказчика, 4 – бобылей¹⁹³. Всего за два года в ней обучилось грамоте как минимум 50 человек. Об открытии школы при Алапаевском заводе Канцелярия горных дел и лично Татищев вынесли ряд предписаний, в том числе:

«Алапаевских заводов и приписных слободах церковничьих, подьяческих, детей боярских и мастеров, детей их велеть обучать читать и писать дьячкам церковным, которым за труд на заводе давать по ноказу, а в слободах впредь определено будет. Ежели же оные дьячки учить не будут, или отцы детей своих обучать не похотят, то оные взяты будут на Уктусской завод для обучения»¹⁹⁴.

Берг-коллегия, заинтересованная в скорейшей подготовке кадров для промышленности, указом от 20 июня 1721 г. разрешила назначить жалованье учащимся арифметических школ¹⁹⁵.

Указ Берг-коллегии с разрешением набирать в арифметические школы детей подьяческих и церковничьих пришел на Урал в мае 1721 г., и Татищев сразу же предписал набирать детей, обу-

¹⁹¹ Там же. С. 63.

¹⁹² ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 7. Л. 181 об.

¹⁹³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 843.

¹⁹⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5. Л. 91.

¹⁹⁵ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 621. Л. 126.

ченных грамоте, с Уктусского завода и приписных к нему слобод и обучать шихтмейстеру Братцеву, выпускнику Московской артиллерийской школы, параллельно с исполнением заводских обязанностей¹⁹⁶. В июне на смотр была вызвана вторая партия «писчиковых» и детей боярских от 5 до 15 лет. Берг-коллегия вторым указом от 20 июня 1721 г. разрешила прием детей из других городов и сел, а также из приписных к заводам крестьян, «а скудных и маломошных брать хотя неволею»¹⁹⁷. В 1723 г. школу пополнили дети с Алапаевского завода и Каменского, переданного горному ведомству в феврале 1723 г., и приписных слобод¹⁹⁸. Пополнения проводились постоянно, как минимум 56 учащихся прошли обучение в Уктусской арифметической школе до ее перевода в Екатеринбург в 1724 г. В сентябре 1721 г. Татищев отправил шихтмейстера Д. Одинцова в Кунгур, вручив ему инструкцию из 12 пунктов, где определил количество часов обучения в день, порядок работы с подростками, методы обучения и воспитания, меры наказания, впервые затронул вопросы об играх учеников и установлении контактов учителя с родителями, мерах наказания¹⁹⁹.

В январе 1722 г., остановившись в Кунгуре по пути в Москву, Татищев выяснил, что на смотр явилось 38 чел., 12 – своею «охотою», т.е. по желанию отцов, но зачислили лишь 16, остальных пришлось отпустить по домам как необученных грамоте. Среди зачисленных 10 учеников г. Кунгура: дети земского комиссара (1), подьячих (2), попов (4), по желанию отцов приняли сына урядника и двух посадских; из сел и острожков уезда взяли детей попов (4), дьячка и пономаря²⁰⁰.

Отбыв в январе 1722 г. в Москву, Татищев вернулся лишь в октябре, уже отстраненным от управления заводами из-за жалобы Н. Демидова, исполняя лишь отдельные поручения нового начальника заводов В.И. Геннина, но продолжал вникать в дела школ. В феврале 1723 г. составил «роспись» первых по успехам учащихся Уктусской школы, приступивших к геометрии, распределив их во второй половине дня обучаться «плотинному» делу, доменному, фурмовому, ходить «в меховую», к лекарю, «доколе

¹⁹⁶ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 616. Л. 117–117 об.

¹⁹⁷ Там же. Д. 621. Л. 126.

¹⁹⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22. Л. 70–70 об., 643.

¹⁹⁹ Сафронова А.М. Инструкция В. Н. Татищева о порядке школьного преподавания (публикация документа) // Уральский археографический ежегодник за 1973 год. Свердловск, 1975. С. 95–98.

²⁰⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 32. Л. 432–434 об.

геометрию окончают». Трое были отправлены в Канцелярию горного начальства «для письма»²⁰¹. Татищев, по сути, стал инициатором введения профессионального обучения школьников, одобренного В.И. Генниным. В 1723 г. начали распределять учащихся арифметических школ: с Уктуса по два ученика – к гармахерскому делу и «для научения проб» руды, одного – в заводскую контору²⁰². В 1724 г. было распределено еще пятеро – к производству гвоздей, медному делу, гармахерскому, «к письму», один отправлен в Москву с Татищевым с образцами руд²⁰³. В 1723 г. 4 ученика Кунгурской школы из духовного сословия трудились «у переклички работных людей» при строительстве Егошихинского завода, один – «у записок» на Мулинском руднике²⁰⁴. Детей двух дьячков обучали плавке металлов и гармахерскому делу²⁰⁵. В 1724 г. двух – плавке меди на Егошихинском заводе, один вел записи при добыче руды для печей Пыскорского завода²⁰⁶.

В апреле 1723 г. Татищев составил «Роспись приказным служителем всех заводов и земского правления»²⁰⁷, согласно которой словесные школы предусматривались уже при 4-х заводах, перевод их содержания на счет заводских сумм, открытие на строящемся Екатеринбургском заводе школы повышенного типа с четырьмя учителями. В июне Татищев, посланный В.И. Генниным по заводским делам в Пермский край, «усмотрел, что в Кунгурской школе малоллюдно», и потребовал у кунгурского протопопа немедленной отправки церковничьих детей в школу. В сентябре обратился к епископу Вятскому и Великопермскому, обличая духовную власть в нежелании исполнять и указы Синода об обучении детей: якобы с 1720 г., имея указ епископа об отправке детей в Вятскую архиерейскую школу, кунгурский протопоп три года «за распутием» медлил и только сейчас решил послать²⁰⁸. Между тем, в январе 1721 г. был издан Духовный регламент, обязавший Синод открывать школы при архиерейских домах и семинарии, а в ноябре 1721 г. дети духовенства были освобождены от обуче-

²⁰¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 23а. Л. 635.

²⁰² Там же. Оп. 12. Д. 148. Л. 284; РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1527. Л. 47 об.

²⁰³ ГАСО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 2. Л. 62 об., 69 об.; Ф. 24. Оп. 1. Д. 37. Л. 413 об.–414; Оп. 2. Д. 147. Л. 38.

²⁰⁴ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 28. Л. 81 об., 511–511 об.

²⁰⁵ Там же. Д. 22. Л. 354, 422, 485.

²⁰⁶ Там же. Д. 28. Л. 90, 93, 245, 505 об.

²⁰⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 624.

²⁰⁸ Татищев В.Н. Записки... С. 66–69.

ния в светских школах²⁰⁹. Но горные власти, заинтересованные в обученных грамоте детях духовенства, вопреки общероссийскому законодательству, продолжали требовать их в школы своего ведомства. Отметим, на территории, подчиненной заводской власти, они делали это беспрепятственно.

Татищев вернулся в Екатеринбург 4 октября 1723 г., получив известие о снятии с него вины указом императора. На этом основании был назначен В.И. Генниным главным членом уральской администрации²¹⁰. 15 октября Татищев завершил составление Наказа новому заводскому комиссару Ф. Неклюдову, распространявшемуся уже на 4 завода, наряду с Уктусским и Алапаевским, на Каменский и строящийся Екатеринбургский. Наказ был утвержден Генниным и в тот же день вручен комиссару²¹¹.

Наказ 1723 г. значительно превосходил прежний, 1721 г., по общему объему и по числу положений, касавшихся школ. Глава «О школах и учении детей» содержала 22 развернутых пункта, более половины из них относилось к деятельности учителей²¹². Словесные школы должны были действовать при каждом из 4-х заводов, Уктусская арифметическая подлежала переводу в Екатеринбург, в нее должны были переводить учеников, закончивших словесные школы при других заводах. Лучшие ученики с других заводов должны были обучаться геометрии, черчению и рисованию – эти предметы были необходимы для составления чертежей, планов заводов, рудников, дорог, населенных мест.

Татищев призывал учитывать склонности и физические возможности детей при выборе ремесел: «определять в работы, каким делам кто охоту возьмем и место есть», распределять «возрастных», «малолетных» же «до удобности к работе» учить чертить и «знаменовать». Предусматривались меры заинтересованности учеников в овладении профессией: плата «до сущей работы» по 60 коп. в месяц, или 7 руб. 20 коп. в год. Это примерно половина оклада кузнеца, немногим меньше оклада заводских учеников при плотине, домне, литейной, занятых полный рабочий день. При освобождении места подмастерья или заводского работника этих учеников предписывалось назначать «прежде других и оных оклад давать им, дабы чрез то к науке лутчею охоту возымели».

²⁰⁹ ПСЗ-1. Т. 6. № 3718, № 3854.

²¹⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1636а. Л. 21 об.

²¹¹ Татищев В.Н. Записки... С. 69–95.

²¹² Там же. С. 87–89.

Татищев сформулировал четыре принципа профессионального обучения: введение практического обучения на определенной стадии общеобразовательной подготовки, установление тесных связей между школьными и практическими занятиями, учет склонностей и физических возможностей детей при определении к ремеслу, использование методов заинтересованности в обучении, таких как введение оплаты ученического труда, преимущественного распределения учеников на вакантные места. Обучение объявлялось обязательным для «детей церковных и приказных служителей, мастерских, подмастерских и всех заводских жителей», «вольнопришедших» разрешалось принимать «всякого чина людей» – потребность в грамотных при заводах была большая, многие специальности требовали умения писать, знания арифметики, а то и основ геометрии, черчения. Поэтому Татищев ужесточил наказание за уклонение от обучения: если кто «от ленности учиться не похочет и в школу ходить не будет», брать пени с родителей или хозяев, у кого живут, за первый день 1 коп., за второй – 2, за третий и следующие по 3 коп. и эти деньги «делить учителям». Наказ 1723 г. предусматривал также выплату казенного жалованья всем взятым в школы из слобод и с других заводов, а сиротам и тем, чьи отцы имели оклады до 12 руб. в год, жалованье полагалось выплачивать при обучении и по месту жительства.

Татищев расписал и состав учебных пособий, определил часы ежедневных занятий, сообразуя со временем года: летом – 12, осенью и весной – 9, зимою – 7 часов. Документ, определив основные стороны жизни школ, являлся руководством для ответственного за них комиссара и для учителей, которым вручались копии с него при вступлении в должность.

В конце 1723 г. Татищев доставил в Берг-коллегию первые штаты заводов, в феврале 1724 г. коллегия предписала: перевести в Екатеринбургскую арифметическую школу учеников из Кунгура, которые пожелают, на содержание школы определить из заводских прибыльных денег 300 руб. в год и содержать на них до 100 чел.²¹³ В марте 1724 г. в Екатеринбург перевели арифметическую школу с Уктуса, в мае 1725 г. – словесную²¹⁴. С июня по октябрь 1725 г. сюда прибывали и учащиеся из Кунгура²¹⁵.

²¹³ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 758. Л. 17 об.

²¹⁴ Козлов А.Г. Вехи истории: (К 250-летию Свердловска). Свердловск, 1973. С. 9–10; ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 9. Л. 93–94.

²¹⁵ ГАСО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 4. Л. 89 об., 140, 169; Ф. 24. Оп. 1. Д. 52. Л. 453.

Таким образом, за полтора года пребывания на Урале в качестве главы казенных заводов (до января 1722 г.) и в течение года выполняя поручения нового начальника заводов (октябрь 1722 – октябрь 1723 г.), Татищев успел проявить себя как успешный администратор, основал первые школы, регламентировал их деятельность, привлек широкий круг учащихся. Перед отъездом успел разработать новый наказ, определивший план развития школ при всех четырех заводах на ряд лет вперед, а при Екатеринбургском (еще до пуска завода в строй) определил программу профессиональной подготовки учащихся на школьной скамье.

Отправленный Петром I в 1724 г. в Швецию, Татищев изучал опыт развития горнозаводского дела в этой стране, монетных дворов, подготовки специалистов, организацию училищ, распределил отобранных им выпускников столичных школ к обучению наиболее важным для России специальностям, пытался нанять специалистов для российских заводов²¹⁶. А с 1727 г. он трудился в Монетной конторе в Москве, занимался проблемой улучшения монетного дела в России и внес ряд предложений по подготовке специалистов высокой квалификации в этой сфере, в 1730 г., на посту первого члена конторы, предложил проект открытия Академии ремесел с отделениями архитектуры, живописи, скульптуры и механики, наметил кандидатуры глав трех ее отделений. В 1732 г. Татищев вновь предлагал открыть «школу ремесел», а в будущем – перейти к преподаванию «высших наук» по примеру других стран. Оба проекта не получили одобрения властей²¹⁷.

Обсуждение при дворе проектов организации учебных заведений²¹⁸ подтолкнуло Татищева в 1733 г. к подаче нового проекта, обнаруженного в бумагах Бирона и опубликованного в приложении к «Разговору» в 1887 г. под названием «Записка В.Н. Татищева (на русском и немецком языках) об учащихся и расходах на просвещение в России»²¹⁹. В первой части Татищев перечислил важнейшие учебные заведения с указанием числа учащихся в них и сумм казенных расходов на их содержание на каждый год. Во

²¹⁶ См.: Юхт А.И. Поездка В.Н. Татищева в Швецию // Исторические записки. 1971. Т. 88. С. 296–335.

²¹⁷ См.: Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х–начале 30-х годов XVIII в. М., 1985. С. 264–267.

²¹⁸ См.: Федюкин И.И. Проектеры: политика школьных реформ в России в первой половине XVIII века. М., 2020. С. 237–271.

²¹⁹ Разговор о пользе наук и училищ / С пред. и указателями Н. Попова. М., 1887. С. 161–162.

второй части привел свои соображения по пересмотру этих сумм. Татищев предложил открыть Академию «для исправления языка, сочинения потребных книг и для переводов», «2 академии ремесл», «2 академии или университета» на 2 тыс. учащихся; 4 гимназии в городах с 6 тыс. учащихся; «до 120 или 200 семинариев для мужских и женских персон на 12 тыс. человек», с выделением на управление всех академий и училищ 12 тыс. руб. в год. По подсчетам Татищева государство тратило на содержание образовательных учреждений с 1850 учащимися 160 тыс. руб. в год, он же предложил на 110 тыс. руб. обучать 21 тыс. чел.²²⁰ Этот самый масштабный, хотя не до конца продуманный проект Татищева предусматривал развитие широкой сети школ в провинции, открытие гимназий, новых высших учебных заведений, женских школ под контролем специального органа управления, но, как и предыдущие, он не получил поддержки верховной власти.

В начале 1730-х гг. Татищев пишет «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» – крупнейший мировоззренческий трактат, составленный в форме вопросов и ответов²²¹, на страницах которого наиболее полно излагает свои мысли о развитии наук, начиная с древности, о состоянии наук в европейских государствах, дает их классификацию, обосновывает пользу изучения отдельных из них, иностранных языков и языков народов России. Представляет перечень наук, овладение которыми необходимо для разных слоев населения: для дворян, военных чинов, солдат, духовенства, заявляя: «Я же рад и крестьян иметь умных и ученых»²²². Татищев излагает свои мысли о пользе и вреде обучения русских за границей, обучении на дому, дает критическую оценку действующим крупным учебным заведениям России, излагает свои предложения об их преобразовании, необходимости широкого издания в России учебных пособий и т.д.

В «Разговоре» Татищев формулирует идею о создании специального органа управления образованием в России. Он допускает организацию управления образованием на уровне коллегии, подобно Военной, Адмиралтейской, высказывает соображения по ее составу²²³. Эта идея Татищева на 70 лет опережала время: Ми-

²²⁰ Сафронова А.М. В.Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в.: к 330-летию со дня рождения. Екатеринбург, 2016. С. 224–229; Федюкин И.И. Прожектеры... С. 268–271.

²²¹ Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 51–132.

²²² Там же. С. 86.

²²³ Там же. С. 131.

нистерство народного просвещения, взявшее под свой контроль часть учебных заведений страны, появилось в России в 1802 г.

В марте 1734 г. В.Н. Татищев получает новое назначение – начальником казенных заводов Урала и Сибири. Проект инструкции, регламентировавшей его обязанности на этой должности был подготовлен П.П. Шафировым, президентом Коммерц-коллегии, ведавшей заводами России. Татищев остался недоволен ее содержанием и, пользуясь расположением к нему Анны Иоанновны, наверняка, обговорив с ней подчинение заводов непосредственно ей и Кабинету министров, составил свой проект инструкции из 22 пунктов, взвалив на себя ряд важных обязанностей по поиску золото- и серебросодержащих руд, мрамора и цветных камней, строительству новых заводов, составлению «исправных ландкарт» Урала и Сибири, контролю за частными заводами, разработке устава, регламентирующего взаимоотношения частных заводчиков и др. 23 марта 1734 года инструкция была подписана императрицей и приобрела силу закона.

Татищев ввел в инструкцию пункт 17-й – о мерах заинтересованности дворян, выпускников столичных школ, группами направляемых на Урал в 1720–1734 гг., в горной службе, закреплении их на новом месте жительства путем выделения имений, взамен оставленных в центральной России, с «некоторою прибавкою, дабы им вечно во услугах при тех заводах остаться и своих детей в то употреблять». Но чтобы «впредь... в научение туда не посылать, а довольствоваться тамошними обыватели», приказывалось устроить на Урале «хорошую школу и брать в оную тамо дворянских, подьяческих и не служащих церковников детей...»²²⁴. Идея организации «хорошей школы» предусматривала открытие в Екатеринбурге учебного заведения, призванного готовить собственные командные кадры для промышленности – на Урале действовало уже 12 казенных заводов, строились новые и через год, другой вводились в строй. Не случаен и социальный состав учащихся – дети основных категорий населения среди них не назывались, зато на первом месте стояли дети дворян.

Первые два года пребывания на Урале, когда полномочия Татищева были широкими, он имел право непосредственного обращения к верховной власти и был полон идеей по развитию образования, стали звездным часом в его служебной деятельности. Как и в первый приезд на Урал в 1720 г., Татищев сразу же

²²⁴ ПСЗ-1. Т. 9. № 6559.

взялся за расширение сети словесных и арифметических школ и организацию «хорошей» школы в Екатеринбурге. Прибыв на место 1 октября 1734 г., 9 октября в первом же доношении в Кабинет министров написал: «А ныне я велел по-прежнему при всех заводах и в Кунгуре школы возобновить...», сообщил о намерении открыть в Екатеринбурге немецкую школу, обосновав это тем, что в России нет книг по горному делу, а на немецком языке «довольно издается, а переводить всегда великой труд», и мастера-немцы при заводах «долго быть не желают, что детей их обучать некому»²²⁵. В эту школу Татищев хотел привлечь детей заводской администрации, они должны были составить новое, уже обученное на месте поколение командных кадров. Он просил кабинет-министров прислать от Академии наук способного учителя, необходимые для школы учебные пособия. Оперативно, уже 14 декабря, действия Татищева получили одобрение²²⁶.

В конце октября 1734 г. Татищев решил открыть в Екатеринбурге и латинскую школу, приказал «собрать в школы, в латинскую – всего ведомства поповых детей, в немецкую – подъяческих и надзирательских детей»²²⁷. 21 октября 1734 г., Татищев и члены канцелярии определили: «годных в научение детей разночинцовых, детей боярских и однодворцовых, церковничьих, подъяческих и мастерских при заводах и в слободах от шести лет и выше переписать имянно». Решили просить Сибирскую губернскую канцелярию переписать в Тобольске и пригородных слободах годных в школу детей тех же категорий, а к управителям в Тюмень, Верхотурье, Туринск, Ялуторовский, Исетский и Шадринский дистрикты послать указы о переписи²²⁸.

Новый всплеск инициатив Татищева видим в январе 1735 г. 2 января он составляет инструкцию гитенмейстеру И. Улиху о поездке в Саксонию для найма заводских специалистов, учителей иноязычных школ, обучении там трех уральских юношей²²⁹; обосновывает эти меры в доношении Анне Иоанновне, сообщает об открытии в Екатеринбурге, наряду с немецкой, латинской школы;

²²⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 27.

²²⁶ Там же. Л. 37 об.

²²⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 577а. Л. 298.

²²⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 215. Л. 69 об.–70.

²²⁹ Проект В.Н. Татищева 1735 г. об отправлении гитенмейстера И. Улиха в Саксонию и Богемию для найма специалистов, обучении детей управителей уральских заводов в Европе и Академии наук (публикация документа) // Уральский археографический альманах. Екатеринбург, 2005. С. 350–363.

предписывает писать в Академию наук о поиске учителей и присылке учебных книг для этих школ, отправляет на учебу в гимназию при Академии четырех детей уральской администрации.

4 января 1735 г. вводились в действие новые штаты заводов, на школы Сибирских заводов выделялось 1500 руб., Пермских – 1200 руб. По инициативе Татищева в этот же день предписывалось: «О школах послать на все заводы указ, чтоб немедленно потребные к тому покои выстроили и прежде хотя б словесному, взяв дьячков или кто способен к научению явится и собрав детей, читать и писать обучили, а затем арифметики и геометрии обучать определенным ныне шихтмейстерам или надзирателям работ»²³⁰. Был назначен ответственный за деятельность школ, главный межешник, член Канцелярии Игнатий Юдин, решен вопрос обеспечения словесных школ учебными пособиями. Так начал претворяться в жизнь план Татищева по организации школ при всех казенных заводах Урала. Все его инициативные решения первоначально фиксировались в делах личной канцелярии, затем принимали форму коллективных решений Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов («Татищев с товарищи определили»). Занятый разработкой новых законопроектов, Татищев редко участвовал в заседаниях, но при решении важных вопросов, в т.ч. в отношении школ, обязательно присутствовал.

8 февраля 1735 г. члены канцелярии во главе с Татищевым вынесли ряд новых решений, касающихся школ: 1) в Екатеринбургскую школу собрать детей с Верх-Исетского и Уктусских обоих заводов, которые в школу еще определены, от 7 лет и обучать грамоте; 2) «детей поповых и церковничьих, которые хотя написаны и в архиерейскую школу, всех, собрав» с заводов и приписных слобод, «выслать сюда, невзирая ни на какия их отговорки... и как собраны будут, по тому ж обучать»; 3) «на других заводах по силе прежних определений учинить о зборе в школы против вышеписанного ж каждому управителю в своем ведомстве»²³¹. Татищев видел в детях духовенства, проживавших на территории горнозаводского ведомства, потенциальных учащихся латинской школы, и хотел ускорить их обучение грамоте под присмотром уральского начальства. На этом же заседании было принято решение о нормах казенного жалованья учащимся. Оно полагалось «малоимушчим», чьи отцы получали меньше 25 руб.

²³⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 216. Л. 16–18.

²³¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 217. Л. 62–65.

в год; всем «иногородним», независимо от окладов отцов; при этом детям «поповским и церковничьим» в жалованье отказывалось. Размеры жалованья дифференцировались в зависимости от ступени обучения: в словесных школах – по 3 руб. в год, в арифметике, геометрии, иностранных языках – по 4 руб., в чертежах и фортификации – 5 руб.; архитектуре и механике – 6 руб. в год. При этом отказавшиеся от жалованья получали свободу выбора будущей деятельности, а получавшие его должны были работать там, куда назначат власти. По окончании школы дети из духовного сословия подлежали распределению на свободные места церковнослужителей с благословения тобольского и вятского митрополитов, поэтому и лишались жалованья. В 1737 г. из 654 учащихся жалованье получали 464 человека или почти 70 % школьников²³². Хотя жалованье было невысоким, оно являлось мощным стимулом, привлекая в школы детей низших слоев населения. Учебные пособия выдавались бесплатно (только с 1749 г. по требованию Берг-коллегии книги для обучения грамоте – азбуки, часословы, псалтири, буквари – стали выдаваться за плату)²³³.

Благодаря действиям Татищева в течение 1735 г. было открыто еще 9 словесных школ: при Уктусском, Лялинском, Сысертском, Каменском, Алапаевском, Полевском, Егошихинском, Пыскорском заводах; в городе Кунгуре, в 1736 г. – при Верх-Исетском заводе. Из-за проблем с поиском грамотных, во многие школы обучать грамоте назначались ссыльные (бывшие попы, игумены, дьячки, подьячие). Изучение переписей детей и ведомостей об успехах учащихся показывает, что возраст школьников колебался от 5 до 16 лет, «возрастных» 15–16 лет брали, если они на дому начинали учить грамоту. Постепенно возраст принимаемых снижался, заводские власти стали проводить сбор детей, по два, а то и по три раза в год, буквально «вылизывая» территории приписных к заводам слобод в поисках детей подьяческих, церковничьих, разночинцев. Так, в школе Каменского завода с августа 1735 г. начали обучаться 47 чел., а уже осенью их число увеличилось до 61²³⁴. Самой большой стала словесная школа Екатеринбургa, в ней в 1735 г. обучалось более 100 чел., в 1737 г. –

²³² Нечаев Н.В. Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия. М., 1944. С. 62.

²³³ Сафронова А.М. Книжные собрания словесных школ горнозаводского Урала (1721–1750 гг.) // Книжные собрания российской провинции: проблемы реконструкции. Сб. науч. трудов. Екатеринбург, 1994. С. 115–149.

²³⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 625. Л. 125–140; Д. 692. Л. 197–205.

171²³⁵. Благодаря широкому охвату обучением детей 7–15 лет, кроме больных и детей ссыльнопоселенцев, поколение горнозаводского населения, родившееся в 1725–1735 гг., стало почти поголовно грамотным. Такой уровень детской грамотности – уникальное явление для России первой половины XVIII в.

Именной инструкцией 1734 г. Татищеву поручалась разработка двух законопроектов – Наказа шихтмейстеру, регламентирующего обязанности правительственных чиновников по контролю за частными предприятиями, и Горного устава, посвященного проблемам взаимоотношений промышленников. Татищев, как блюститель государственных интересов и сторонник контроля государства за частной промышленностью, сам ввел эти пункты в инструкцию. По собственной инициативе в мае 1735 г. он завершил разработку и третьего законопроекта – Заводского устава, определяющего права представителей коронной администрации казенных заводов, отправленного для апробации верховной власти. В нем большое внимание он уделил организации школ, закрепил положения об их организации как одну из обязанностей начальника казенных заводов. В главе 6-й, посвященной главному межевщику, члену канцелярии, определил его ответственность как специального лица по контролю за деятельностью учебных заведений²³⁶. Татищев сформулировал положения о необходимости разумного чередования учебы и отдыха, об учете возрастных особенностей детского организма и впервые попытался ввести их в школьное законодательство. Возможно, Татищев был первым, кто вообще затронул эти проблемы в России.

В статье «О порядке учения» Татищев обосновал пользу параллельного обучения предметам: «чтоб младенцы не долго над одним чтением сидели», как скоро «хотя и складом читать будет, то немедленно ему начать писать... а за тем давать ему вместо чтения из них нравоучительныя статьи из Библии и тому подобной книги выписывать, а при том обучать в особливый час арифметике»²³⁷. Такая методика предлагалась Духовным регламентом, «Регламентом морским», «Уставом Кадетского корпуса»²³⁸, но в них речь шла «о высших науках» – истории, географии, артиллерии, навигации, которые повсеместно так и препо-

²³⁵ См.: Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 187.

²³⁶ Горный журнал. 1831. Ч. 3. Кн. 9. С. 316.

²³⁷ Там же. С. 316–317.

²³⁸ ПСЗ-1. Т. 6. № 3718, 3937; Т. 8. № 5881.

давались. В гарнизонных школах с 1732 г. предлагалось ввести одновременное обучение чтению и письму²³⁹. Татищев же впервые попытался законодательно закрепить параллельное обучение трем основным предметам начальной школы. Он изложил и требования к методам обучения и воспитания детей:

«чтоб с младенцами не слабо и не жестоко поступали, прилежно и внятно не токмо наукам, ремеслам принадлежащим, но страху Божию и благочестному житию поучали; с ними ласково поступали и более любовию нежели страхом обходились, и для того не токмо в школах, но и в гуляньи за ними надзирать и им игор вредительных и досадительных недопущать»²⁴⁰.

Таким образом, Татищев предписывал использовать гуманные методы обучения и воспитания, «о чем наша Академия наук обстоятельнее правила и рассуждения в наказе профессору предписать повинна», т.е. пытался привлечь главный научный центр страны к разработке правил обучения и воспитания детей, которые могли послужить образцом для других учебных заведений.

Интересна статья «О поступках с детьми иноверцев»²⁴¹. Их предписывалось принимать в школы наравне с русскими, отданных по воле родителей знакомить с законом христианским, при этом «ни к чему против воли родителей их не принуждать», закон их не поносить, языка «всякаго учиться не воспрещать, но паче к тому поохочивать и стараться... чтоб тех языков, которые тамо в близости живут, колико возможно лексиконы сочинять и такую орфографию писать, как они сами выговаривают однако оное принимать от людей таких, которые в своем языке и русском довольное знание имеют, а паче чтоб писать и читать умели, а что котораго года соберется оное для сочинения порядочных лексиконов послать в нашу Академию наук».

Обосновав в «Разговоре» выгоды обучения нерусских народностей – для государства, развития науки и культуры²⁴², Татищев использовал возможность и на законодательном уровне провозгласить политику привлечения башкир, татар, мари и других народов, проживавших на территории горного ведомства в горнозаводские школы, закрепить положение о необходимости изучения языков этих народов и составлении лексиконов их языков для отправки в Академию наук.

²³⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 365. Л. 26.

²⁴⁰ Горный журнал. 1831. Ч. 3. Кн. 9. С. 317.

²⁴¹ Там же. С. 318–320.

²⁴² Татищев В.Н. Избранные произведения... С. 103–104.

В главе, посвященной главному казначею заводов, Татищев обосновал новый порядок взимания с промышленников в пользу государства налогов с изготовленной продукции, за отведенные им леса, земли, на содержание школ и богаделен²⁴³. Разработав должностные обязанности заводской администрации, он определил основные направления развития школ при казенных заводах, вопрос их материального обеспечения при частных предприятиях, внося вклад в развитие педагогических идей своего времени.

В мае 1735 г. Татищев предписал вручить главному межевщику, в ведение которого передавались школы, копию с соответствующей главы Заводского устава, и она начала действовать в виде инструкции²⁴⁴. Еще раньше, в январе 1735 г., был разработан и отправлен в столицу Наказ шихтмейстеру. На Урале тогда действовало 16 казенных заводов и 25 частных. Рассматривая этот Наказ как новый шаг в развитии горного законодательства, Татищев попытался от имени верховной власти обязать промышленников открывать школы при своих заводах.

В Наказе шихтмейстеру он изложил программу религиозно-нравственного воспитания взрослого населения и учащихся школ, за претворением в жизнь которой должен следить шихтмейстер, представитель уральской администрации²⁴⁵: «прилежать тебе, чтоб при каждом заводе (ежели где в пяти верстах церкви не обретается) церковь по возможности промышленника построена была...». Расписывались размеры штрафов за работу в праздничные и воскресные дни, за нехождение в церковь, отказ от исповеди и причащения. Из штрафных денег $\frac{1}{3}$ предписывалось отдавать тому, кто приведет, а $\frac{2}{3}$ – на школу и церковь. Татищев определил места расположения школ («при каждом заводе»), состав учащихся («всех обывателей дети, какова б звания ни были»), возраст принимаемых (от 6 до 12 лет), программу обучения (чтение, письмо, арифметика, геометрия). Вопрос с учителями решался лишь в общих чертах – учить «церковному дьячку или сыскав особно способного человека», а если его не окажется, то самому шихтмейстеру, «колико возможно». Назначенных шихтмейстеров Татищев обязал провести переписи детей на частных заводах, выявить грамотных среди них²⁴⁶.

²⁴³ Горный журнал. Ч. 3. Кн. 7. С. 1–6.

²⁴⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 220. Л. 142.

²⁴⁵ Павленко Н.И. «Наказ шихтмейстеру В.Н. Татищева // Исторический архив. 1951. Т. 6. С. 223–225.

²⁴⁶ Сафронова А.М. В.Н. Татищев как выдающийся деятель... С. 270–275.

Отрицательное отношение заводовладельцев к попытке поставить частные заводы под жесткий контроль государства не могло не сказаться на судьбе Заводского устава (где были нормы, устанавливавшие размер налогов с промышленников, в т.ч. на школы) и Наказа шихтмейстеру. В разгар приготовлений к открытию школ при частных заводах самый могущественный из них, Акинфий Демидов, владелец 12 заводов из 25, подал прошение верховной власти, решившее окончательную судьбу начинаний Татищева. 12 декабря 1735 г. Кабинет министров вынес резолюцию на его прошение: «На партикулярных заводах обывательских детей учить читать и писать охотников, а в неволю не принуждать...»²⁴⁷, более того, упразднил сам институт шихтмейстеров, что повлекло за собой и отмену Наказа, так и не ставшего законом. Не получили утверждения и остальные законопроекты.

Эта резолюция, пришедшая на Урал 14 января 1736 г., стала тяжелым ударом для Татищева, положила конец его начинаниям по устройству школ. В доношении Кабинету министров 20 января Татищев заявил, что Демидов «неправильно в.в. доносил и на меня невинно клеветает», попытался оправдать свои действия по всем пунктам обвинения²⁴⁸. В одном из следующих доношений он писал о своем угнетенном настроении в связи с жалобами заводчиков (тем временем поступила жалоба и от Строгановых): «в страх крайней гибели и отчаяние пришел, ничего начать, ниже представить [не]смею, розсудя то, что уже мое безумство неоднова м[еня] обмануло... к дальнейшему произведению никакой смелости не имею... указ в беду и страх привел»²⁴⁹.

Проект создания иноязычных школ, первых на Урале, Татищеву полностью удалось претворить в жизнь. По неполным из-за отсутствия ряда ведомостей подсчетам, к середине XVIII в. в немецкой школе прошли обучение по меньшей мере 124 подростка, из них около 15 % составили дети администрации, детей мастеров насчитывалось 25 человек, канцелярских служащих – 18, низшего военного сословия – 16, много было детей заводских работников. Поначалу в школу зачислялись дети, обученные грамоте на дому и в словесных школах, затем – в основном из арифметической школы Екатеринбурга. Наряду с немецким языком изучали арифметику, а наиболее продвинутые – геометрию, тригонометрию,

²⁴⁷ ПСЗ-1. Т. 9. № 6840.

²⁴⁸ Татищев В.Н. Записки... С. 220.

²⁴⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 288.

знаменование, историю, географию (путем перевода книг с немецкого языка). Они распределялись в ученики геодезии, маркшейдерские, к пробирному делу, лекарю, назначались переводчиками к специалистам-иностранцам, в унтершихтмейстеры²⁵⁰.

Хотя в именной инструкции говорилось о привлечении в «хорошую» школу детей не служащего духовенства, Татищев решил обучать и детей служащих – сначала грамоте в словесных школах, затем переводить в латинскую, а знающих грамоту сразу собирать со всех заводов для обучения латыни, хотя по действовавшему законодательству эти дети подлежали обучению с территории западного Урала – в Вятской архиерейской школе, с остальной – в Тобольской. Но епархиальные власти собирали детей от случая к случаю, а уральское начальство, исходя из принципа обязательности обучения, постоянно отслеживало нахождение детей в школах, освобождая от обучения лишь великовозрастных и больных. В латинскую школу были определены и дети иностранцев, проживавших в Екатеринбурге. Татищев взял на себя смелость нарушить законы во имя блага Отечества в целях подготовки нового поколения образованного духовенства.

В латинской школе программа обучения включала латинский язык, умение переводить текст, составлять стихи, знакомство с риторикой, историей, поэзией, ряд учеников доходил до логики, физики, богословия. Ученики впервые знакомились с сочинениями классиков Древней Греции и Рима. «Эксперимент» завершился в июле 1740 г., когда духовное ведомство, воспользовавшись отставкой Татищева, добилось возвращения детей церковнослужителей в свои учебные заведения. Всего в этой школе получили знания около 100 учащихся²⁵¹.

Появление иноязычных школ способствовало формированию Екатеринбурга как центра культуры российской провинции. Учителем К. Кондратовичем, будущим переводчиком Академии наук, делались переводы с латинского языка книг, необходимых Татищеву для написания «Истории Российской», над которой он активно работал в Екатеринбурге до переезда в Самару в июне 1737 г.²⁵² Силами учителей обеих школ составлялись языковые

²⁵⁰ Сафронова А.М. Первая немецкая школа раннего Екатеринбурга. Екатеринбург, 2019. С. 134–135, 157–180.

²⁵¹ См. подробнее: Сафронова А.М. В.Н. Татищев и организация первой латинской школы в Екатеринбурге. Екатеринбург, 2018.

²⁵² См.: Сафронова А.М. Первые иноязычные школы раннего Екатеринбурга (1735–1750-е гг.). Екатеринбург, 2020. С. 172–202.

лексиконы: русско-латино-немецкий, латино-русско-немецкий. Кондратович трудился над составлением словарей: татарско-русского, удмуртско-русского, хантско-русского, чувашско-русского, черемисско-русского и словаря имен, упомянутых в Библии²⁵³.

В ноябре 1735 г. в Екатеринбурге была открыта и первая на Урале школа знаменования, или рисования, действовавшая более полувека. Татищев лично просил кабинет-министров прислать учителя знаменования и архитектора²⁵⁴, но поиски через Академию наук ни к чему не привели. Учителем был назначен Мирон Аврамов, который обучался живописи и шпалерному делу в Петербурге, а в 1730–1733 гг. служил живописцем на заводах Демидова. В школу отобрали 4-х способных к рисованию юношей из арифметической, через год – 4-х из словесной, в 1739 г. – 7 из арифметической. Обучались они по изданному типографией Академии в 1734 г. пособию главы Нюрнбергской академии живописи И.Д. Прейслера «Основательныя правила, или Краткое руководство к рисовальному художеству». Аврамову «для обучения» из личного собрания Татищева были выданы 11 книг. Ученики рисовали царские персоны, фигуры из евангельских притчей, участвовали в подготовке карт и планов заводов. Их рисунки украшали стены канцелярии и первой аптеки Екатеринбурга²⁵⁵.

В 1736 г. уральские заводы стали подчиняться новому центральному органу руководства горной промышленностью, Генерал-берг-директориуму. Татищев продолжал просить его о присылке из столицы учителей знаменования, архитектуры, механики, химии, намереваясь расширить программу обучения в школах Екатеринбурга²⁵⁶, но эти просьбы перестали удовлетворяться, а на просьбу прислать в астрономии, географии и математике искусного человека глава директориума К. фон Шемберг в августе 1737 г. наложил резолюцию, полную сарказма: «...ежели Академия учреждена имеет быть, то, без сумнения, господин тайной советник Татищев е.и.в. из Кабинета о том указ получил, для чего от него надлежит дожидать указа...»²⁵⁷.

В ноябре 1736 г. Татищевым был разработан еще один важный нормативный документ – «Учреждение, коим порядком учителя русских школ имеют поступать». Это была первая инструк-

²⁵³ Там же. С. 226–240.

²⁵⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 63.

²⁵⁵ Сафронова А.М. В.Н. Татищев как выдающийся деятель... С. 100–119.

²⁵⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 229. Л. 13; Д. 40. Л. 96.

²⁵⁷ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1063. Л. 477.

ция, адресованная всем учителям словесных и арифметических школ, уникальный памятник педагогической мысли, которую историк педагогики А.А. Буров назвал лучшим уставом русской начальной школы²⁵⁸. В «Учреждении» Татищев подчеркнул роль учителя не только в обучении детей, но и в познании «полезных правил жизни человеческой... он, яко един отец им обшчий вместо многих родителей»; сформулировал требования к личности учителя, его поведению, чтобы он «добрым и честным житием был им образец». Впервые вводились точные часы занятий в школах, часы параллельных занятий чтением и письмом, письмом и арифметикой (1 час до обеда и 1 час после). Вводилось параллельное обучение «искусствам» – пробам руд, механике, архитектуре, знаменованию и живописи; ремеслам – резанию и огранке камней, токарному, столярному, паяльному, причем при всех заводах, «где искусные учителя или такие ремесленники есть» по 1 часу ежедневно с постепенным прибавлением часов, смотря по способности учеников. Более детально регламентировались меры воспитания учащихся, предписывалось ввести новые учебные книги вместо часословов и псалтирей, подробно излагались методы обучения письму. Детально регламентировался состав школьной документации: вводились журналы посещаемости, журналы регистрации входящих и исходящих документов, приходные и расходные книги школьных припасов. Тексты «Учреждения»²⁵⁹ были разосланы во все заводские конторы, вручены учителям школ и являлись руководящим документом для них на протяжении первой половины XVIII в., в т.ч. и для иноязычных.

Наряду с расширением сети школ при заводах и разработкой для них нормативных документов огромной заслугой Татищева явилось формирование в Екатеринбурге большой библиотеки горного ведомства в 1734–1737 гг. Еще по пути на Урал Татищев выделил из своей личной библиотеки часть книг на иностранных языках, освещающих передовой опыт организации рудного и заводского дела, создание машин, справочники для приготовления лекарств, собрание словарей для перевода книг с иностранных языков; 11 сборников с российскими законами 1714–1734 гг.

По инициативе Татищева в 1735 г. было выписано из Академии наук и приобретено посланцем заводов А. Порошиным 298

²⁵⁸ Буров А.А. Первый устав русской народной школы // Сов. педагогика. 1960. № 6. С. 119–129; Буров А.А. В.Н. Татищев – выдающийся деятель просвещения первой половины XVIII в. // Сов. педагогика. 1961. № 5. С. 117.

²⁵⁹ Татищев В.Н. Записки... С. 235–243.

книг для иноязычных школ, составивших их школьное собрание. По специальному списку, составленному Татищевым, в Москве в том же году было закуплено для духовенства и школ еще 65 томов литературы. В 1735–1736 гг. по заказу Татищева пришли из Академии наук ее новейшие издания на русском и иностранных языках и лучшие западноевропейские – сочинения немецких, французских, шведских авторов по химии, физике, медицине, фармакологии, горному делу. Впервые поступили книги по архитектуре, рисованию, деловому письму, лечению лошадей, устройству печей, ведению домашнего хозяйства.

В 1736 г. в Академию наук был отправлен официальный заказ книг «к библиотеке» на издания, необходимые Татищеву для написания «Истории Российской», и в 1737 г. пришли сочинения Геродота, Гомера, Иосифа Флавия, Плиния, Плутарха, Марка Поло, историков XVII в.; труды математиков, химиков, ботаников, хирургов. В связи с настойчивыми просьбами учителей немецкой и латинской школ Татищев выслал в Екатеринбургскую библиотеку книги, выписанные в свое время И. Кириловым для будущих школ Оренбурга, 269 изданий с учетом аллигатов, в т.ч. весь цвет классической литературы древних Греции и Рима. В июне 1737 г., получив назначение руководителем Оренбургской экспедиции вместо умершего И. Кирилова, Татищев передал Екатеринбургской библиотеке свое личное книжное собрание, которое он формировал с юности и которое состояло в основном из иностранной литературы (781 книга, в т.ч. 67 на русском языке). Оно дополнило 838 изданий, уже числившихся в казенной библиотеке²⁶⁰.

Подводя итоги, можно сказать: Василий Никитич Татищев – яркий образец того, как много может сделать руководитель региона в сфере культуры и образования всего за несколько лет, если обладает умом и способностями, умеет строить планы и претворять их в жизнь, горит желанием служить своему Отечеству.

В первую очередь благодаря личной инициативе В.Н. Татищева, Екатеринбург в первой половине XVIII в. превратился в надежный форпост Российской империи на границе Европы и Азии.

²⁶⁰ Сафронова А.М. В.Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга: опыт исторической реконструкции. Екатеринбург, 2011; Сафронова А.М. Личная библиотека В.Н. Татищева в Екатеринбурге. Екатеринбург, 2017.

4.5. ИМПЕРИЯ И ТОРГОВЛЯ В ПРОЕКТАХ Г.Н. ТЕПЛОВА

В 1756 г. в журнале Петербургской Академии наук «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих» было опубликовано «Разсуждение о пользе феоретической философии в обществе». В нем обосновывалось значение *разума* и доказывалась важность *феоретической философии*, ведь, как там было заявлено, «все то делает нас обществу полезнейшими, чем исправляется наш разум... Сие делает Феоретическая Философия»²⁶¹. При этом в *разсуждении* автор считал возможным упомянуть несколько *философов*, «которых заслуги к обществу достопамятны», включая Джона Локка. О последнем было написано следующее:

«О Британии говоря вспомнул я заслуги тамошняго *Лока*, проникшаго во внутренность нашего духа... Лок признан был от своего Короля способным к отправлению посольств; он взят был в собрание, которое имело стараться о приращении купечества и Американских селений, и искуснейшие купцы изумелись, что человек упражнявшийся всегда в науках, рассматривал глубже и основательнее их сии дела, над которыми они весь живот свой препровождали»²⁶².

Итак, российскому читателю была представлена фигура светского интеллектуала-философа, который благодаря своим познаниям и профессиональным талантам способен проникать «во внутренность нашего духа», принимать государственные поручения от монарха и делать суждения о торговле лучше, нежели сами торговцы. И, что не менее важно, в России в результате петровских преобразований первой четверти XVIII в., увенчавшихся учреждением в 1724 г. Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге, возникли институциональные условия для появления интеллектуалов такого типа.

Если говорить о влиянии таких интеллектуалов на политику Российской империи XVIII в., то здесь наиболее ярким феноменом является деятельность Григория Николаевича Теплова (1716 или 1717–1779), который как раз мог быть автором процитированного «Разсуждения»²⁶³. Будучи едва ли не первым профессио-

²⁶¹ Разсуждение о пользе феоретической философии в обществе // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих. 1756. Сентябрь. С. 219–220.

²⁶² Разсуждение о пользе феоретической философии... С. 242–243.

²⁶³ А.Г. Готовцева отмечает, что одно из утверждений «Разсуждения» «близко к мыслям Г.Н. Теплова» из опубликованного им в 1751 г. сочинения.

нальным русским философом, в 1760-е гг. он стал доверенным лицом Екатерины II, который, несмотря на скандал из-за его либертинских наклонностей²⁶⁴, в 1768 г. был удостоен императрицей высокой должности сенатора. Здесь будет рассмотрено, как профессиональный интеллектуал начал заботиться «о приращении» торговли в империи и сумел стать важным членом правительства, отвечавшим за выработку экономической политики.

Сын русского солдата, Г.Н. Теплов в буквальном смысле попал на глаза знаменитому архиепископу Феофану Прокоповичу и затем благодаря его содействию и своим немалым умственным способностям получил весьма хорошее образование, в том числе в учебных заведениях Пруссии. Он демонстрировал разные таланты, включая живопись, из-за чего чуть было не пострадал в 1740 г. во время т.н. дела кабинет-министра А.П. Волынского, для которого Теплов нередко «писал картины»²⁶⁵. И, согласно дневниковой записи С.А. Порошина 1764 г., Н.И. Панин, неплохо знавший Теплова, рассказал такую историю: «Он [Теплов], будучи тогда студентом, росписывал дерево для родословной Артемья Петровича. Несчастному Артемью Петровичу Волынскому и то в государственное преступление вменено было между прочим, что он велел написать свою родословную и вел род свой от князя Дмитрия Волынца, известного по Мамаеву побоищу; заключено, что тем будто причитался он в свойство к фамилии Романовых. Сие из самых тягчайших его преступлений было! Но как после доказал, что он разчерчивал только по приказу, не зная ничего; что призван для того был к Волынскому, и Еропкин тут назначил карандашом как чертить ему, то освобожден, а Еропкин взят и вместе с Волынским казнен»²⁶⁶. После этой истории Теплов

См.: Готовцева А.Г. «Сие есть наиболее полезное для российского общества»: журнал «Ежемесячные сочинения» как интеграционный просвещенческий проект середины XVIII века. М., 2019. С. 225.

²⁶⁴ Г.Н. Теплов принуждал своих слуг к мужеложеству, заявляя, что в однополовых сексуальных отношениях «никакова греха нет, и это-де одни дураки-попы установили для своей корысти». Осокин М. «Между делом сквернодействия» Григория Теплова. URL: <https://polit.ru/article/2013/07/27/teplov>

²⁶⁵ Лаврентьев А.В. Кабинет-министр Артемий Петрович Волынский и воевода Дмитрий Михайлович Боброек-Волынский. Опыт изучения и мемориализации Куликовской битвы в России первой половины XVIII в. М.; СПб., 2013. С. 58.

²⁶⁶ Порошин С.А. Записки, служащая к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб., 1881. Стб. 69–70. См. также: Аронова А.А. 73 дня из жизни архи-

сосредоточился на ученой карьере и к 1743 г. занимал должность адъюнкта натуральной истории второго класса при ботанике и кунсткамере в Петербургской Академии наук, выступал «с публичными лекциями, толкуя философию Х. Вольфа»²⁶⁷.

Однако затем он вновь соприкоснулся с придворным миром. Теплов каким-то образом вошел в доверие к близким людям новой императрицы Елизаветы Петровны и был определен наставником брата ее фаворита А.Г. Разумовского Кирилла, отправленного в европейское образовательное путешествие в 1743–1745 гг. «как для изучения полезных наук, так и пристойных честному кавалеру добрых поступок»²⁶⁸. После этого Теплов становится клиентом братьев Разумовских, оказывая по завершению образовательной поездки различные услуги К.Г. Разумовскому.

Когда К.Г. Разумовский в 1746 г. был назначен президентом Петербургской Академии наук, Г.Н. Теплов был определен ассессором Канцелярии Академии наук и стал автором утвержденного в 1747 г. Елизаветой Петровной академического регламента. Уже в 1764 г. М.В. Ломоносов утверждал, что в делах Академии наук «тогдашний ассессор Теплов был ему [К.Г. Разумовскому] предводитель»²⁶⁹. Теплов не оставлял ученых штудий и в 1751 г. опубликовал первое популярное сочинение по философии на русском языке «Знания, касающиеся вообще до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут»²⁷⁰. Заметим, что у Теплова к этому времени сложилась репутация хитрого и даже коварного человека. Как язвительно отмечал прусский дипломат К. фон Финкенштейн, Теплов – «один из величайших плутов, каких только Россия на свет произвела»²⁷¹.

тектора Петра Еропкина // Век Просвещения. Вып. I. Пространство европейской культуры в эпоху Екатерины II / Отв. ред. С.Я. Карп. М., 2006.

²⁶⁷ Кочеткова Н.Д. Теплов Григорий Николаевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. Р–Я. СПб., 2010. С. 230.

²⁶⁸ Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 1. С. 24.

²⁶⁹ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. В 10 т. М.; Л., 1957. Т. 10. Служебные документы. Письма. 1734–1765. С. 313.

²⁷⁰ См.: Теплов Г.Н. Знания, касающиеся вообще до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут // Общественная мысль России XVIII века. В 2 т. М., 2010. Т. 2. *Philosophia moralis* / Сост. Т.В. Артемьева. С. 51–163.

²⁷¹ Финкенштейн К. Общий отчет о русском дворе, 1748 // Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740–1750. М., 2000. С. 299.

В 1750 г. К.Г. Разумовский был утвержден Елизаветой Петровной гетманом Войска Запорожского, т.е. стал правителем Гетманской Украины. В следующем году он отправился на Украину, а 1 марта 1751 г. Елизавета Петровна пожаловала Г.Н. Теплова в коллежские советники и повелела ему «быть при гетмане в Малороссии всегда в таком звании, в каком гетман за благо усмотрит по его чину»²⁷². Фактически Теплов отправлялся при молодом гетмане (ему не было и 30 лет) в качестве помощника-советника. Прибыв на Гетманскую Украину и осмотревшись там, Теплов стал отправлять в столицу весьма критичные зарисовки местных реалий, в которых не упускал возможности блеснуть своей образованностью. Так, в письме от 2 августа 1751 г. из Глухова одному из ключевых вельмож при дворе Елизаветы Петровны вице-канцлеру М.И. Воронцову, которого он числил в своих покровителях, Теплов так описывал свои впечатления:

«Война всех против всех: таков принцип Гуго Гроция, который предложил вывести из него право войны и мира. Не оказал ли этот великий человек огромную услугу украинской нации, которая вся находится в состоянии войны с самой собой? Я не в состоянии выразить, сударь, сколько тяжб... гетман обнаружил по прибытии, сколько истцов, адвокатов, доносчиков. Нет ни одного помещика, ни крестьянина, ни бедняка, ни сироты, ни вдовы, ни женщины или девицы, кто бы не был кем-нибудь из перечисленных. Разбой, кражи, мошенничество – не иначе, как общепринятые вещи в этой стране, поскольку все доношения, которым несть числа, полны [информацией об] этих преступлениях. Что сказать мне о тех, кто должен положить этому конец путем правосудия? Все решается за деньги. Отсюда возникают тяжбы по поводу тяжб, и порой в десятикратном масштабе»²⁷³.

В письме от 2 августа 1751 г. Г.Н. Теплов, не без столичного высокомерия, изображал светские нравы местной элиты: «В карты здесь почти не играют, прогулки ненамного популярнее. [По-

²⁷² СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 149. Л. 430.

²⁷³ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 9. Д. 18. Л. 10 (здесь и далее пер. с фр. М.Ю. Чепуриной). Принцип «война всех против всех» был сформулирован не Гроцием, а другим теоретиком нововременного естественного права – Т. Гоббсом – в трактате «О гражданине» (Гоббс Т. Сочинения. Т. 1. М., 1989. С. 292). Однако Гоббс был не в чести в России в это время, так что Теплов предпочел сделать отсылку к Гроцию, чье сочинение «О праве войны и мира» было на слуху у российской образованной публики. См.: Киселев М.А. Гоббс как знаковая фигура в российских политических текстах XVIII – начала XIX века // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. 2018. № 3. См. также: Переписка Г.Н. Теплова. 1751–1762 гг. // Киселев М.А., Кочегаров К.А., Лазарев Я.А. Патроны, слуги и друзья. Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700–1760-х гг. Исследование и источники. Екатеринбург, 2022. С. 1095–1212.

сещения] церкви и посты строго соблюдаются. Никто не заботится о том, чтобы составить двор своего шефа [гетмана]. А поскольку все люди чего-нибудь просят, двор был бы очень накладным. Сам город грязный и плохо убран. Ни гостиниц, ни контор, ни винных погребов, даже провизия, которую мы привезли с собой, почти вся уже испортилась. Вот так мы тут живем. Что касается графини [жены гетмана Екатерины Ивановны], она пребывает в обществе дам, не умеющих разговаривать, не владеющих языком». Что же до своих занятий, то Теплов писал М.И. Воронцову: «Я, который сейчас как мэтр Жак при графе, удручен делами, которые не укладываются в моей голове»²⁷⁴. *Мэтр Жак* – это персонаж мольеровской пьесы «Скупой», слуга, одновременно исполнявший обязанности повара и кучера. Теплов, как явствовало из его писем, помогал гетману К.Г. Разумовскому как в управлении Гетманской Украиной, так и занимался его хозяйством, т.е. был и государственным советником, и частным экономом.

Повествуя о своей службе К.Г. Разумовскому как главе Малороссии, Теплов в письме М.И. Воронцову от 4 мая 1752 г. утверждал, что он пользуется благосклонностью гетмана, благодаря чему у него было влияние на управление и неплохие доходы: «Я здесь хорошо ем, я здесь пью. Без всякого приказа от господина я распоряжаюсь, и мне подчиняются, мой доход в 1200 рублей удастся откладывать». Правда, при этом он сообщал о своих конфликтах с местной элитой, недовольной его влиянием на К.Г. Разумовского и управление Гетманской Украиной:

«Я дошел до того, что стал уже совершенно невыносим господам из старшины за одно то, что часто раскрываю их уловки проницательным глазам... гетмана. ...Любой честный человек на моем месте должен бы похудеть. Я каждый день и каждое мгновение вижу зловещие физиономии, которые ненавидят меня, веря, что унижают меня уже лишь тем, что называют москалем, каковым я и имею честь быть. Затем они прибежали ко многочисленным инсинуациям по отношению к его превосходительству [гетману] посредством мадам матери [Н.Д. Разумовской], но не преуспели; также, говорю Вам, они пишут грязные письма в Петербург»²⁷⁵.

При этом следует отметить, что отношения со старшиной Гетманщины у Г.Н. Теплова отнюдь не сводились к конфликтам. Он даже успевал общаться с некоторыми из них на книжные темы. Так, 27 февраля 1752 г. бунчуковый товарищ Я.А. Маркович

²⁷⁴ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 9. Д. 18. Л. 10–10 об.

²⁷⁵ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 9. Д. 18. Л. 56. Пер. с фр. М.Ю. Чепуриной.

зафиксировал в дневнике, что Теплов подарил ему «русскую книжку о философии», а он 9 апреля показал ему три книги из своей библиотеки: «Одну печатную Буддея о несоединении российской церкви с римскою; 2-я, писанная: трактат Феофана об оправдании, и 3-я, писанная, великая, где и письма Феофана»²⁷⁶.

Немало сил Теплов тратил на гетманское хозяйство. Высказывая недовольство местным сутяжничеством, в письме от 19 января 1752 г. Теплов жаловался Воронцову на трудности, к которым оно приводит при управлении владениями К.Г. Разумовского: «Я... зделался гипохондрик от несноснаго числа дел, которые происходят от несказаннаго воровства в маестностях». Кроме того, как замечал Теплов, «из ничего надлежало устроить дом, гетману приличный, а наряжать некем, кроме самага себя». Однако этого было недостаточно, он должен был бороться и со *скукой*, которая *преодолевала* привыкшего к столичной придворной жизни гетмана, и брать на себя роль организатора различных увеселений, включая музыку и театр²⁷⁷. И, похоже, он добился в этом деле успеха, так что к *немалому удивлению* прибывшего из Санкт-Петербурга В.И. Суворова, который по поручению Елизаветы Петровны привез для К.Г. Разумовского орден Андрея Первозванного, во время торжества по этому поводу в Глухове 19 апреля 1752 г. «петы были хоры италианские... вокальною и инструментальною музыкаю. А между тем петы были арии италианския нашими украинскими италианцами... представлена была на театре его сиятельства комедия руская Арликин дикой и малинькая пиэса руская же Принужденная женидьба. Между комедиею и малинькою пиэсою игран был концерт на флейте»²⁷⁸.

Службой гетману тепловские хлопоты не ограничивались. Теплов периодически занимался хозяйственными делами иных покровителей. Так, в письме от 27 августа 1751 г. он извещал Воронцова: «Вчера пять пар волов самых лучших, каких я сыскать мог и весьма обыклых к ярму, по приказу его сиятельства [гетмана] в Ваш дом в Петербург отправил... Я тружусь, что б... Анне Карловне [жене М.И. Воронцова] отправить буйволов, но во всей Малой России сыскал только пару одну, и те звери ливанские и

²⁷⁶ Дневныя записки малороссийскаго подскарбия генеральнаго Якова Марковича. Ч. 2 / Изд. А. Марковича. М., 1859. С. 302, 303–304.

²⁷⁷ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 9. Д. 18. Л. 97.

²⁷⁸ Там же. Л. 53 об.–54. «Арликин дикой» – комедия Л.Ф. Делиля де Ла Древетьера, «Принужденная женидьба» – комедия Ж.Б. Мольера, название которой к настоящему времени принято переводить как «Брак поневоле».

дикие, которые вести не дадут себя, разве за конвоем великим, чего ради постараюся выписать ручных из-за Днепра и на будущую весну пришло вместе с малороссийскими овцами». Он прямо заявлял в конце письма, что готов служить своему патрону торговым посредником: «Напоследок прошу повелеть мне быть всегда Вашего дому фактором, дабы я наивысшее мог засвидетельствовать, что я есмь... Вашего сиятельства... слуга Григорей Теплов»²⁷⁹. Оказывая услуги *патронам*, Г.Н. Теплов рассчитывал на ответное покровительство. В случае с К.Г. Разумовским оно было связано с его службой и вознаграждением за оную. В случае же с М.И. Воронцовым Теплову покровительство в 1751–1752 гг. понадобилось из-за столичной молвы. Дело в том, что Теплов решил приобрести довольно большое населенное имение в 570 душ в Кромском уезде стоимостью около 18 000 руб., после этого в Москве и Петербурге стал ходить слух о его богатствах. В письме от 28 ноября 1751 г. Теплов был вынужден объяснять Воронцову как то, что слухи о его состоянии явно преувеличены, так и то, откуда у него появилась немалая сумма на покупку имения: «Две деревнишки в Петербурге продал, за которые взял 4000 рублей, дом продал за 1 500 рублей, да... Алексей Григорьевич [Разумовский] при отъезде пожаловал тысячу червонных, что учинит около восьми тысяч рублей. ... Кирила Григорьевич [Разумовский] жаловал мне в Малой России деревни, которых я за многими резонами не принял, а просил его сиятельство, чтоб меня пожаловал из своих домашних денег эквивалентною суммою, и он изволил наградить за все мои прежде бывшие труды секретно десять тысяч рублей, что и учинит восемнадцать тысяч рублей». Теплов просил Воронцова при случае защитить его репутацию, не забывая при этом предлагать свои скромные услуги: «Ежели что Вашему сиятельству надобно в московском доме заготовить, прошу мне отписать, а именно: не надобно ли к Вам прислать лошадей восемь заднепрских для полеваго цуга»²⁸⁰.

Более того, в 1752 г. тепловские недоброжелатели инспирировали публикацию в голландской «Gazette d'Utrecht» ложной новости, в которой сообщалось, что К.Г. Разумовский, «получа жалобы по причине некоторых взятков, советником от канцелярии учиненных, к которому его сиятельство много доверенности имел и которую помянутый советник в зло употреблял... немедленно

²⁷⁹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 9. Д. 18. Л. 14–14 об.

²⁸⁰ Там же. Л. 29 об.–30, 42 об.

приказал его арестовать и снял с него звание». Теплов, извещенный об этом и легко считавший намек на себя, в письме от 29 августа 1752 г. обратился к Воронцову как одному из руководителей Коллегии иностранных дел, чтобы тот постарался у «газетира утрехтского или у другого амстердамского сыскать бедной моей честишки репарацию. А всегда бы приличнее было тому же газетире сделать ревокацию своей ведомости»²⁸¹. Похоже, Воронцов оказал помощь Теплову, и последний 24 октября 1752 г. извещал вице-канцлера как о состоявшейся покупке имения за двадцать тысяч рублей «с пошлинами», в связи с чем просил содействовать *рассуждениями* «к истреблению худых... слухов», а также благодарил «за милость, которую показали в припечатан[ии?] газетам глуховского артикула» и заявлял: «Я [весь]ма доволен тем, что зависть язык свой читаючи прикуси[т]»²⁸².

В 1757 г. М.И. Воронцов решил добиться разрешения на вывоз хлеба за границу, на что имелись существенные ограничения. Упрашивая о содействии фаворита Елизаветы Петровны И.И. Шувалова в письме от 3 марта 1757 г., он мотивировал свою просьбу тяжелым финансовым положением: «На сих днях срок минует по векселю заплатить барону Вольфу 25 т. рублей. Может быть, что он на некоторое время мне отсрочит, да я никогда не в состоянии ему заплатить, а еще менее прочим должникам». Воронцов, пытаясь его дополнительно заинтересовать, «еще раз» предложил «войти со мною в половину по этой сделке»²⁸³. Просьбы принесли положительный результат, так что Воронцов приступил к организационным хлопотам и в письме от 8 мая 1757 г. обращался уже к К.Г. Разумовскому: «Я, имея на себе ужасный долг, принужден против воли моей вступить в трудныя предприятия... Вашему сиятельству объявляю, не похочете ли в сем торгу участие принять, понеже у вас в Украине ржи и пшеницы весьма много»²⁸⁴. Другое письмо от 8 мая Воронцов адресовал Теплову, где сообщил о решении «производить торговлю хлебом» за границу и потребовал от него «мнения и содействия по сему делу». В доверительной манере он объяснял: «к сему важному пред-

²⁸¹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 9. Д. 18. Л. 82–82 об.

²⁸² НИА СпбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1087. Л. 2–2 об.

²⁸³ Письма гр. М.Л. Воронцова к И.И. Шувалову // Русский архив. 1864. № 4. Стб. 348–350.

²⁸⁴ Письма графа Михайла Ларионовича Воронцова к гетману графу Кириле Григорьевичу Разумовскому // Архив князя Воронцова. Кн. 4. М., 1872. С. 432–433.

приятию не интерес меня понудил, но ужасной долг, от котораго я свободиться желаю». И далее: «Я ожидать буду от Вас дружеского уведомления, каким образом Вы думаете в сем деле участие принять, и можно ли... с аванжем из Украины хлеб в Ригу доставить»²⁸⁵. Итак, Воронцов, основываясь на своем опыте общения в вопросах хозяйства с Тепловым как клиентом, а также на том, что он, трудясь при гетмане Разумовском, поднаторел и в *экономии*, и в управлении, решил, что Теплов вполне может оказать ему немалые услуги в организации большого торгового дела.

Гетман К.Г. Разумовский был готов посодействовать в этом вопросе М.И. Воронцову, хотя и не проявил большого энтузиазма, в том числе сообщив, что «хлеб в Малой России с немалою прибылью на высидку вина здесь обращается»²⁸⁶. В то же время Г.Н. Теплов подошел к этому делу со всей ответственностью. Так, 30 июня 1757 г. он извещал его, что «пшеница и семя льняное – продукты малороссийские не из лучших, потому и не в великом числе, да и не дешевы, почему, хотя еще справок не имею, однакож и не уповаю, чтоб сходно оныя было ставить к Риге. Прочия, как, например, горох, мак, семя конопляное, небезприбыльно будет туда поставить»²⁸⁷. Далее, 17 октября Теплов докладывал Воронцову о своих хлопотах: «Я на сих днях собрал подрядчиков на поставку хлеба разнаго звания отсюда до Риги, а на какое количество и по какой цене последней, о том ожидаю от них последнего ответа, на которой дал им сроку с своими компаниями на неделю условиться»²⁸⁸. Препровождая 23 октября в Санкт-Петербург некоего сотника с Украины, который желал принять участие в хлебных поставках, Теплов писал Воронцову: «Хлеб в Малой России не так дорог, как бы я по неурожаю и бывшей засухи думать было должен. Яровья все скудны и дороги. И так думаю, что Вашему сиятельству с сим человеком об одной ржи дело только будет»²⁸⁹.

Но в конце 1757 г. Г.Н. Теплова ожидали неприятности. Недовольная украинская старшина, равно как и иные тепловские недоброжелатели, не оставляли своих происков. Любимец наследника престола Петра Федоровича А.В. Гудович, сын украинского старшины, выхлопотал у великого князя направленные против

²⁸⁵ НИА СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1087. Л. 6 об.

²⁸⁶ Письма малороссийского гетмана графа К.Г. Разумовского к графу М.Л. Воронцову // Архив князя Воронцова. Кн. 4. С. 385.

²⁸⁷ НИА СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1087. Л. 8.

²⁸⁸ Там же. Л. 23.

²⁸⁹ Там же. Л. 24.

Теплова рекомендательное письмо к фавориту Елизаветы Петровны И.И. Шувалову: «Я вас прошу... сделать мне удовольствие помочь отцу подателя этого письма, поручику (lieutenant) моего полка Гудовичу – от этого зависит его участь, он вам объяснит сам словесно, в чем дело, все, что я знаю, это то, что это происки г. Теплова, которому не в первый раз водить гетмана за нос, и я не могу вам сказать: первое это или последнее дело, в котором гетман мне отказывает. Надеюсь, что вы это обделаете для меня. Я очень прошу об этом потому, что люблю этого офицера»²⁹⁰.

В схожем духе в письме от 10 марта 1755 г. своему патрону И.И. Шувалову жаловался на Теплова из-за конфликтов в Академии наук М.В. Ломоносов, именуя Теплова *коварником* и заявляя: «Я осужден! Теплов цел и торжествует. Виноватый оправлен, правый обвинен. ...Президент наш [К.Г. Разумовский] добрый человек, только вверился в Коварника. Президентским ордерам готов повиноваться, только не Теплова»²⁹¹. И вот Теплов получил известие, что Елизавета Петровна разрешила гетману Разумовскому приехать с Украины в Санкт-Петербург с условием, чтобы Теплов «оставлен был в Украине». Восприняв это как серьезную немилость, Теплов в письме от 28 ноября 1757 г. обратился к Воронцову как своему *всегдашнему патрону и милостивцу* с такой просьбой: «Или вечную отставку мне исходатайствовать или под честным каким-нибудь видом то [остаться в Глухове] мне было сделать повелено, а не просто бросить меня в Глухове»²⁹².

Теплов в итоге не смог удержаться на службе, и 24 декабря 1758 г. состоялось распоряжение о его пожаловании в статские советники «с увольнением от службы»²⁹³. Получалось, что он формально лишался позиции в государственном управлении. Однако, это не мешало К.Г. Разумовскому периодически привлекать его к своим делам на Украине, что позволяло Теплову продолжать претендовать на сохранение влияния на управление Гетманщиной к немалому неудовольствию местной старшины.

Впрочем, и сам Г.Н. Теплов был недоволен своим положением, связанным с отставкой. О последней он писал младшему

²⁹⁰ Письма в.к. Петра Федоровича, найденныя несколько лет тому назад в Москве // Русская старина. 1906. Т. 128. С. 51.

²⁹¹ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений... Т. 10. С. 520.

²⁹² НИА СРБИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1087. Л. 26 об.–27.

²⁹³ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век. Т. 3. 1740–1762 / Сост. П. Баранов. СПб., 1878. № 11246. С. 391.

брату М.И. Воронцова Роману, с которым к этому времени у него были тесные и доверительные отношения: «Я выпросил себе отставку, которой я никогда не желал»²⁹⁴. Правда, тому же Р.И. Воронцову он не без показного смирения заявлял 4 ноября 1759 г.:

«Петербурга более, кроме высочайшей воли или насильства какого, видеть не надеюся по смерти. Не стяжателен, следовательно, и богат быть ни когда не могу. Детей, ежели Бог изволит, сам, будучи учителем, воспитаю. Обществу полезным уже быть не надеюся, а осталось дому своему служить с духом покойным. Трудно иногда бывает жить между невежами и дикими людьми, но нужда ко всему приучает. Легче быть первенствующим между скотами, нежели последним и го- нимым между людьми, так древние пастухи всегда говаривали»²⁹⁵.

Однако отсутствие официального жалования в итоге не дало Теплову «дому своему служить с духом покойным», и вскоре после отставки он был вынужден изыскивать пути улучшить свое финансовое положение, для чего попытался использовать и столичные связи. В письме от 7 августа 1760 г. Р.И. Воронцову Теплов упоминал о возможности совместной организации подряда по поставке провианта с Украины для казны и призывал его *не выпускать из рук* «столь полезного предприятия». Набиваясь к нему в компаньоны, Теплов заявлял: «Сколь мне ни противно в Украине жить, однако ж я увидел было корысть и свою не малую и потому положил оставаться неподвижно на месте для того, что без меня Вам самим весьма трудно бы было дело сие на десять лет отважиться приять». В случае же невозможности организации такого выгодного и долгосрочного дела Теплов полагал, что ему следует отправиться в Санкт-Петербург и попытаться «исходатайствовать место такое, которое бы мне в чужих краях, ежели в Отечестве не сыщется, патронством» М.И. Воронцова, так как «я... по числу фамилии моей нищ и беден, да и живу в таких обстоятельствах, что гетман мне ничего на приращение имения детям не дает»²⁹⁶. Итак, он был готов как заняться крупными торговыми операциями, так и вернуться на государственную службу.

Отметим, что именно в августе 1760 г. карьера Р.И. Воронцова находилась на подъеме: 16 августа он стал сенатором. Теплов, поздравляя его в письме от 12 сентября 1760 г., предлагал свои услуги по управлению имением, которое Воронцову пожаловал на Гетманщине К.Г. Разумовский. Более того, Теплов делал

²⁹⁴ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 10. Д. 27. Л. 1 об.–2.

²⁹⁵ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 10. Д. 12. Л. 4–4 об.

²⁹⁶ Там же. Оп. 9. Д. 76. Л. 5–7.

и такое предложение: «Рублев за тысячу построю Вам каменной дом, который не хуже многих будет в Батурине, и буду сам Ваш по деревням эконо́м, по строению архите́кт, а построивши дворянкой». Необходимость строительства Теплов увязывал со следующим: «Сие когда не детям Вашим сгодится, то любезному сироте, которого я до возрастных его лет себе усыновил»²⁹⁷. Кроме того, Теплов стал направлять Р.И. Воронцову критичные зарисовки местных порядков. Так, он заявил, что «судом всем малороссийским, который живот и смерть определяет, правит один плут и грабитель» генеральный судья И.В. Журман, из-за чего Генеральный войсковой суд – это «прямое торжище лихоимства и часто цена крови»²⁹⁸. Теплов также предлагал Воронцову: «Ежели Вам понадобится, то я однако ж и воровство и правосудие их время возьму к Вам описать»²⁹⁹. В другом письме он делал это предложение в более доверительной манере:

«Я б Вам описывал о склонности к нам сего народа, о законах их, о судах, о владениях, о доходах, о воровстве, о порабощениях к безсильным, о дерзости в рассуждениях и неусердии к нам и проч[ее]. Издерите прежде сию записку, а потом дайте мне знак, надобно ли Вашему сиятельству, чтоб я писал, и когда на досуге и ежели надобно, то сие слово только припишите: пиши, пожалуй, не ленись»³⁰⁰.

Итак, Г.Н. Теплов претендуя на покровительство со стороны Р.И. Воронцова, был готов помогать не только в частных делах, но также снабжать как сенатора ценной информацией, имеющей государственное значение.

Получив ли *знак* от Р.И. Воронцова, или же действуя без оного из-за сложных обстоятельств, Г.Н. Теплов написал сочинение, известное как «Записка о беспорядках в Малороссии», где он рисовал картину упадка казачества Гетманской Украины. Указывая на рост населения Гетманщины, он при этом указывал на падение числа казаков, готовых нести военную службу, связывая это с тем, что старшина, в свою пользу толкуя местное право, скупил земли, с которых казаки должны были нести службу. Как результат, «вся служба козацкая, которая бы по умножению нынешнему народу должна умножиться, исчезла, так что Ея... Величество, по изобилию и плодородию сей земли, весьма мало

²⁹⁷ Там же. Оп. 10. Д. 16. Л. 3 об.–4. *Любезный сирота* – внебрачный сын Р.И. Воронцова Иван Ранцов, которого воспитывал Теплов.

²⁹⁸ Там же. Л. 7.

²⁹⁹ Там же. Л. 5.

³⁰⁰ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 9. Д. 82. Л. 5.

пользы от сего народа [малороссийского] получает»³⁰¹. Рассматривая эту ситуацию, Теплов отмечал «непорядки, которые внутренне сей народ разоряют и в несостояние приводят, а государственный интерес от того ущерб немалый приемлет»³⁰². Главным *непорядком* по Теплову были *малороссийские права*, специфика которых и позволяла старшине злоупотреблять властью³⁰³. Что примечательно, приступая к критике *малороссийских прав*, Теплов обозначал теоретическую основу своего анализа:

«Правы и законы в народах учреждаются на двойственном основании. Первое состоит на натуре врожденной роду человеческому вообще всякому без изъятия, которое называется *право натуральное*; другое на свойстве всякого народа особно и его правления, и оно есть *право гражданское*».

Отталкиваясь от этого определения, Теплов писал:

«Что касается до права натурального, то законы Статута Литовского, введенные в Малороссийский народ, суть те же самые, что и Велико-российские, только иным порядком и иными словами изображенные, и потому отмены и исправления никакова почти не требуют».

Правда, затем он все же находил примеры, когда *малороссийские* «правы натуре не согласны многия находятся». И далее подробно останавливался на особенностях *гражданского права*:

«Правы гражданския, касающиеся до свойства народа управляемого самодержавным государем, яко в Статуте Литовском для республиканского правления учрежденные, весьма несвойственны уже стали и неприличны Малороссийскому народу, в самодержавном владении пребывающему».

Республиканские элементы польско-литовского права, действовавшего на Гетманской Украине, по Теплову, должны были вступать в конфликт с формой правления Российской империи. С учетом этого он делал такой вывод о ряде *малороссийских прав*:

«Одни противны самодержавному государству, другие по угождению вольному республиканскому народу постановлены и натуральному праву противны».

Теплов затем показывал, как старшина Гетманщины извлекала выгоду из запутанности *малороссийского права*, активно используя его для своего обогащения и для сохранения своей деспотической власти:

³⁰¹ [Теплов Г.Н.] Записка о Малой России // Архив князя Воронцова. Кн. 25. М., 1882. С. 264.

³⁰² Там же. С. 350.

³⁰³ Там же. С. 375.

«Простой народ только льстит себя многими мнимыми вольностями, которых он по хитрости старшинами введенной от времени Богдана Хмельницкого действительно не имеет; а старшина, напротив того, определяя им командиров якобы выбором их собственным, а в самом деле единственным своим самовластием, законы многоразличные обращают во вред и пользу ищущим правосудия, по прихоти, содержа их в подобострастии теми чиновниками, которых они определяют и низвергают».

В итоге Теплов делал такой вывод о *малороссийском праве*:

«Оно им вливает мнимую вольность и отличие от других верных подданных Ея... Величества. Оно судию делает лихоимцом безпримерным и повелителем народу, а суды продажными. Оно бедных простых Малороссийских в утеснение приводит, а иногда и в конец разоряет»³⁰⁴.

Итак, *малороссийское право* производило особость, которая создавала условия для злоупотреблений. Не ограничиваясь критикой старшинской власти Теплов остановился также на развитии сельского хозяйства на Гетманщине, которому, по его мнению, мешало право свободного перехода *посполитых* (крестьян):

«К внутреннему и собственному разорению есть вред ближайший вольный переход с места на место, который причиною, что бедные помещики час от часу в большую бедность приходят, богатые паче усиливаются, а мужики, не чувствуя своей гибели, делаются пьяницами, ленивцами и нищими, умирая с голоду в благословенной плодородной земле».

Он объяснял: «Ничто столько не вредительно крестьянину, как празднопелие. Не только оно его нищим, но и впредь к работе по отвычке делает неспособным». В условиях же *вольного перехода* «мужик, имея власть переменять свое селение, всеконечно ищет перво всего, как бы ему найти удобное место хлеб жевать без труда». Как результат, *мужики* «по большей части и никакого у себя не заводят домоводства, дабы удобнее было с места на место подняться, тем больше, что он тот переход тайком от помещика учинить должен», а «помещик, под претекстом тем якобы мужик все, что ни имеет, нажил на его помещичьих грунтах, как скоро проведает о его предприятии, грабит все его имение».

«в изобилии и плодородии земли, Малороссийской земледелец претерпевает глад, убогий помещик в большую бедность впадает, а богатый усиливается числом подданных. Между тем государственная польза из Малороссийскаго народа не только изобилием земли не возрастает, но еще час от часу в упадок приходит»³⁰⁵.

³⁰⁴ Там же. С. 365–375.

³⁰⁵ Там же. С. 379–380.

Итак, пытаясь произвести впечатление на Р.И. Воронцова и услужить ему как государственному деятелю, Г.Н. Теплов создал обширное аналитическое сочинение о порядках на Гетманской Украине, в котором использовал свои наблюдения за местными реалиями и привлек познания в теории государства и права. Показав разложение казачества Гетманщины, что на Украине, в общем-то, не было новостью³⁰⁶, он не просто ставил вопрос о *государственной пользе* для Российской империи от Малороссии: ведь последняя, будучи освобожденной от ряда общеимперских налогов и рекрутских наборов, должна была выставлять многочисленное боеспособное казацкое войско, которое по факту отсутствовало. Теплов, утверждая, что разложение казачества связано с политикой старшины, привлекал концепцию *естественного и гражданского прав*, а также разных форм правления, после чего с их помощью объяснял, что старшинские злоупотребления оказались возможны из-за *непорядков* устройства Гетманщины. Соответственно, он подводил читателя к мысли о внедрении общеимперских порядков в управление Гетманской Украины, особенно в ее право. При этом он не предлагал полностью ликвидировать автономию Гетманщины. Ведь это означало и упразднение института гетманства, что нанесло бы удар по позиции его важного и влиятельного патрона К.Г. Разумовского.

Не ограничиваясь проблемой *пользы* от казацкой службы, Теплов ставил вопрос и об экономической выгоде империи от обладания Гетманщиной, в связи с чем предлагал интенсифицировать там развитие сельского хозяйства посредством закрепощения местного крестьянства, которое, по его мнению, было недостаточно трудолюбивым³⁰⁷. Интересно, что в вопросе о крепостном праве на Гетманщине Теплов совпадал с критикуемой им старшиной. Генеральные старшины еще в январе 1752 г. просили Раз-

³⁰⁶ В 1763 г. Г.А. Полетика заявил о малороссийских казаках: «Смело можно сказать, что нет десятой доли козаков, которые во всей исправности могли бы на службу выйти, а от сего презрение имеют от других воинских людей». См.: Промова Григорія Політики в загальних зборах українського шляхетства у Глухові про права, переваги й потреби України (1763 р.) // Український археографічний щорічник. Вип. 15. Київ, 2010. С. 429.

³⁰⁷ Примечательно, что еще в 1730-е гг. находившийся на русской службе немецкий генерал И. Вейсбах, рассуждая о *изобильном плодородии* Украины, утверждал, что препятствием для полноценной реализации ее экономического потенциала является то, что местный «народ генерало ленив». См.: Лазарев Я.А. Проект экономических преобразований на Гетманской Украине генерала И.Б. Вейсбаха 1733 г. // Славянский альманах. 2016. № 3–4. С. 62.

умовского, чтобы он своей гетманской властью запретил переходы «с места на место посполитим подданным владельческим и другим того ж посполитого звания людям», равно как и принимать «служителей господских, бегающих от господ своих до других без отпуску и без пашпортов»³⁰⁸. Но Теплов, скорее всего, строил свое предложение на ином теоретическом базисе. Как отмечает У. Дэниель, на экономические представления Теплова мог оказать влияние Дж. Такер (Josiah Tucker, 1713–1799), который утверждал, что «труд (не деньги) есть богатство народа» и «придавал большее значение труду и производству товаров, чем накоплению золота и серебра», а потому рост экономического благосостояния государства связан с ростом его населения. Такер полагал, что люди должны правильным образом тратить свое время – в основном посвящать его производительному труду³⁰⁹. С такой позиции крепостное право могло показаться вполне приемлемым инструментом, чтобы заставить с усердием работать недостаточно трудолюбивые низы. Здесь вполне проявлялась своеобразная диалектика Просвещения, в рамках которой раскрепощаемый разум мог приводить не только к освобождению человека, но и к созданию новых оков для него, накладываемых на народ просвещенной элитой на «разумных» основаниях.

Теплов надеялся привлечь внимание Р.И. Воронцова с тем, чтобы его познания оценили и вознаградили значимой должностью. В адресованном Воронцову в октябре-декабре 1760 г. письме Теплов, повествуя о своих конфликтах со старшиной, злоупотребления которой он пытался изобличить перед К.Г. Разумовским, подводил адресата к мысли, что его таланты следует использовать на государственной службе вне Гетманщины:

«Возможно ли мне тут быть одному москалю? И как им меня терпеть при их гетмане? Но поступать мне иным образом, что я должен тогда чести и совести моей буду, а паче моей всемиростивейшей государыне? Неужели мне только знать гетманския кострულიи, сено, овес и тому подобное, так как старшины говорят мне в глаза? Статской советник государынин не может ли на что на чем лучшее годиться?»³¹⁰.

³⁰⁸ 1752 р., лютого 29. Глухів. – Донесення генеральної старшини гетьманові К. Розумовському з проханнями про заборону вільних переходів посполитим // Селянський рух на Україні. Середина XVIII – перша чверть XIX ст. Київ, 1978. С. 46.

³⁰⁹ Daniel W.L. Grigoriï Teplov: A Statesman at the Court of Catherine the Great. Newtonville, 1991. P. 80–81.

³¹⁰ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 10. Д. 30. Л. 4–4 об.

В то же время в феврале 1761 г. Теплов сумел вместе с генеральным подскарбием В.А. Гудовичем заключить договор с одним из наиболее влиятельных сенаторов П.И. Шуваловым, в руках которого находилась табачная монополия, о исключительном праве на продажу малороссийского табака «в Польшу и Крым». Извещая об этом Р.И. Воронцова, Г.Н. Теплов утверждал:

«Я человек еще в таких предприятиях небывалой и потому не ласкаю себя и користью большою. Довольно с меня и того, что я возвращаю благосклонность к себе его сиятельства [П.И. Шувалова], которой я лишился по сие время более по нещастию моему, нежели по заслугам»³¹¹.

Итак, если не получалось добиться содействия одного столичного патрона, можно было прибегнуть к содействию другого.

При этом Теплов не бросал своих хлопот по управлению украинскими имениями Р.И. Воронцова и продолжал заботиться о его внебрачном сыне Иванушке. Отчитываясь о его воспитании, он сообщал Воронцову, а также его сожительнице и матери внебрачных детей Е.Д. Брокет: «Он нередко говорит по-французски, читает обоими языками с руским и писать начинает обоими же. Танцует иногда на бале у графа под именем племянника моего. <...> Меня он честит отцом, а жену матерью»³¹². В качестве вознаграждения за все хлопоты Теплов ожидаемо рассчитывал на содействие Воронцова в своих делах. В письме от 16 августа 1761 г. Теплов просил Воронцова помочь ему в получении должности киевского вице-губернатора, мотивируя это как своими познаниями, необходимыми для ведения корреспонденции с Речью Посполитой, так и своим табачным откупом:

«Некогда Вы мне писали, что можно бы для меня место определить, быть вицегубернатором в Киеве. Я тогда сумневался, а ныне желал бы, чтоб сие место было мне отдано. Я уповаю, что в таком пограничном месте, где надобно великое сведомство иметь о Польше и Малой России, где латинской язык для корреспонденции с поляками весьма надобен и полезен, где искусство и многуо эксперанцию по делам текущим между малороссийскими замашками и великороссийскими отпорами надлежит иметь, весьма бы мне сходствовало и не удалило б меня от моего табачнаго промысла и содержания, в которое я по нещастию вплелся и не знаю, выбреду ли благополучно».

При этом Теплов утверждал, что А.Г. Разумовский был не против такого назначения, «потому что он и сам мне о сем месте напоминал, желаю ли я онаго». Однако Теплов в свое время не

³¹¹ Там же. Оп. 9. Д. 98. Л. 7.

³¹² Там же. Д. 16. Л. 15 об.–16.

воспользовался этим предложением, о чем выражал сожаление Воронцову: «Но я тогда глуп был и отказался. Ваше сиятельство ...сами знаете, что я ни мало на отставного человека не похожу и сожалею о том, что три года прожил, не служа ея... величеству. Да я по нещастию своему и век почти свой употреблен был в такую службу, что службою назвать не можно». Теплов заклинал Воронцова о помощи: «Помоги, милостивой государь, а особливо ежели способ и сообщество имеете с его сиятельством графом Петром Ивановичем, на котораго я милость много надежен, по его сиятельства великодушию к таким людям, которые, сколько ни есть способности, имеют служить Отечеству своему»³¹³.

В этом же письме Теплов сообщал Воронцову о намерении гетмана К.Г. Разумовского отправиться из Глухова в Петербург, после чего писал о своем желании остаться на Украине из-за хлопот по табачному откупу: «Я с его сиятельством всеконечно быть не могу, потому что табачное содержание, которое, как я вижу, наипаче меня в худой кредит к нему привело, не допускает меня ни мало отлучаться. Оно и так худые успехи имеет, а когда отлучусь... мы останемся не в состоянии уплатить его сиятельству графу П[етру] Ивановичу [Шувалову] договоренной по контракту суммы, к которой и теперь еще за всеми нашими попечениями мало надежды»³¹⁴. Кроме того, Теплов полагал, что такое путешествие будет весьма накладно для его кармана: «Приехавши в Петербург, жену и детей содержать в отдалении и самому на своем содержании жить весьма будет по моему самому малому из деревень моих доходу разорительно»³¹⁵. Р.И. Воронцов принимал тепловские услуги, включая и сведения о состоянии Гетманщины. К 1761 г. бюджет Российской империи был истощен из-за участия в Семилетней войне, а население страдало от рекрутских наборов. И вот Воронцов 5 октября 1761 г. выступил в Сенате, где предложил распространить рекрутчину на *малороссиян*, мотивируя это вполне в духе тепловской *записки о непорядках*:

«Обитатели сея земли не платят в государственную казну никаких податей, не положены в подушной оклад и не несут почти никаких служеб; хотя же оные и содержат десять казацких полков, но, включая то, что оные России почти вовсе бесполезны, комплекуются оные полки только из одних казацких детей и казачьих подпомощников, а посполитые так называемые у них дворы в отправлении ка-

³¹³ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 10. Д. 27. Л. 2 об.–3.

³¹⁴ Там же. Л. 5.

³¹⁵ Там же. Л. 2.

зачей службы никакова участия не имеют. Довольствуются же оными дворами только одни малороссийские паны и старшина. Таких же посполитых в Малой России почти больше, нежели казаков, что наипаче от того происходит, что тамошние паны и старшина для собственного своего нажитку делают больше посполитых, утесняя казаков, которые по справедливости с охотою пожелают давать рекрутов, ежели только имение их защищено будет от грабления панов, которые под разным видом их грабят, утесняют и раззоряют»³¹⁶.

Реализуйся это предложение, Воронцов снискал бы себе славу большого государственного деятеля. Что же до ответного содействия Теплову, то здесь Воронцов либо не спешил утруждать себя, либо ему все же недоставало придворного влияния. Как результат, Теплов осенью 1761 г. отправился в Санкт-Петербург.

Дело в том, что К.Г. Разумовский привлек Г.Н. Теплова для составления проектов по реформированию Гетманской Украины. Соответственно, Разумовский, везя эти проекты в столицу, рассчитывал, что Теплов какое-то время будет помогать ему в работе над ними. Теплов 19 июля 1761 г. сообщал Р.И. Воронцову: Разумовский «уговаривает, что б я хоть на два месяца с ним поехал для установления дел его»³¹⁷. И 23 октября 1761 г. Теплов отправился с гетманом из Глухова в Санкт-Петербург, где в конце 1761 г. происходили важные события: 24 декабря скончалась императрица Елизавета Петровна, и на престол вззошел Петр III.

Один из проектов, привезенных с собой К.Г. Разумовским, был создан Г.Н. Тепловым. Он был посвящен учреждению в Батурине университета. В столице Теплов подготовил для подписания Петром III проект привилегии Батуриному университету, согласно которому куратором нового университета должен был стать сам Теплов с солидной годовой пенсией «за труд, им понесенный», в 2500 руб.³¹⁸ Следует при этом отметить, что Теплов, предлагая себя в кураторы, похоже, рассчитывал не просто получать большие деньги, а и работать на *государственный интерес*. Он весьма критично смотрел на образование, которое получали старшинские дети на Гетманской Украине. Так, согласно его «Записке», «по большей части лучших фамилий отцы следующее воспитание детям дают. Научив его читать и писать по-русски, посылают в Киев, Переяслав или Чернигов для обучения Латинского языка, которому не успевают только несколько обучить,

³¹⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1467. Л. 450–450 об.

³¹⁷ Там же. Ф. 1261. Оп. 10. Д. 25. Л. 2 об.

³¹⁸ ОР РГБ. Ф. 354. Д. 183. Л. 45.

как спешат возвратить и записывают в канцеляристы, где... происходят в сотники по старательству старшин, хотя козаки, которые его выберут, прежде и о имени его не слышали»³¹⁹. Соответственно, Теплов мог рассматривать университет как способ дать старшинским детям правильное образование, благодаря чему они могли бы приносить больше пользы империи³²⁰.

Однако Петр III не успел подписать привилегию Батуринскому университету: 28 июня 1762 г. начался дворцовый переворот во главе с его супругой, после чего император был свергнут с трона. Одним из организаторов этого переворота был как раз К.Г. Разумовский. Кроме того, в нем деятельное участие принял и его клиент Г.Н. Теплов. Именно последний своей рукой написал т.н. Краткий манифест, который сообщал подданным Российской империи о восшествии на престол новой императрицы³²¹. Кроме того, Теплов, судя по всему, был одним из авторов т.н. Обстоятельного манифеста от 6 июля 1762 г.³²², где не без влияния идей Дж. Локка и Ф. Фенелона критиковалось *самовластие* Петра III и объяснялась необходимость воцарения Екатерины II. По слухам Теплов был причастен и к убийству свергнутого Петра III.

Екатерина II оценила тепловские услуги, в связи с чем 9 августа 1762 г. сообщала графу С. Понятовскому: «Теплов услужил мне во многом»³²³. В результате, непосредственно с 28 июня 1762 г. Теплов покидает службу у К.Г. Разумовского и начинает исполнять функции своего рода секретаря императрицы, занимаясь составлением и объявлением указов, а также приемом челобитных. С конца ноября 1762 г. он фактически руководил занимавшейся секуляризацией Комиссией о церковных имениях³²⁴, а

³¹⁹ [Теплов Г.Н.] Записка о Малой России // Архив князя Воронцова. Кн. 25. М., 1882. С. 374.

³²⁰ См. об этом подробнее: Лазарев Я.А. «С великою пользою великороссийскою»: проект первого украинского университета в контексте интеграции украинской казацкой элиты // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 127–139.

³²¹ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 103. Л. 1–2.

³²² См. об этом: Киселев М.А. Обстоятельный манифест о восшествии Екатерины II на престол 1762 г.: авторство и идейные истоки // Современная научная мысль. 2018. № 5. С. 48–63.

³²³ Переворот 1762 года. Сочинения и переписка участников и современников. М., 1909. С. 109.

³²⁴ Комиссаренко А.И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в.: (Очерки истории секуляризационной реформы 1764 г.). М., 1990. С. 111; Пырьшкин М.П. Образование канцелярий статс-секретарей в 1762–1764 гг. // Проблемы отечественной истории. Вып. 8. М., 2004. С. 47–64.

после учреждения в 1763 г. Комиссии о коммерции, будучи одним из ключевых ее членов, подготовил ряд экономических проектов, включая и обширную аналитическую записку «О русской торговле»³²⁵. Не забывал при этом Теплов и украинский табак. Он подал Екатерине II обширный проект, в начале которого заявлял:

«По сие время во всем Государстве Российском табак сеют некоторые только жители Малороссийские... Корысть малая, леность земледельцев к труду, и притом неискуство их в произращении, самую малую и прибыль им приносит, а положение земли и качество, соединенное с трудом и искусством, могли бы сию плантацию возвести на высокое достоинство, и коммерцию учинить полезною, а целому Государству прибыльною».

При этом он весьма негативно отзывался и о сортах табака, культивируемого на Украине: «Тютюн и бакун ... кроме подлаго народа, от запаха дурного и часто сырости, от несозрения, к употреблению не годится, тем меньше к произведению коммерции в другия Государства. Причина тому, частью неискуство в растении, собирании, вялении и сохранении, а частью и порода его, врожденная от худаго земледелия, напоследок и самое родящееся количество недовольно к установлению коммерции Государственной». Теплов заявлял, что он проводил эксперименты с другими сортами табака – *виргинским* и *мариландским* – и добился хорошего результата, обещавшего немалую внешнеторговую выгоду. По его словам, П.И. Шувалов «отпуск делал... во Францию ...природнаго Малороссийскаго табаку бакуна и тютюну, но ...откупщики Французские принимать онаго за негодностию не хотели. ...Напротиву того ко мне писано было, на посланную мною пробу Виргинскаго табака, что ежели бы из России все такой табак присылали, то бы они Англичан покинули, а брали бы из России». В связи с этим Теплов предлагал создать большие плантации на Украине с использованием сортов табака, разводившихся в североамериканских колониях Великобритании (*виргинского* и *мариландского*). 11 февраля 1763 г. Екатерина II утвердила тепловский проект, о чем ее подданные были извещены манифестом от 14 марта 1763 г. Согласно этому законодательному акту, Теплов получил «главную дирекцию сих новых плантаций в Малой России» и должен был организовать культивацию табака из *аме-*

³²⁵ См.: Daniel W.L. Grigoriï Teplov...; Троицкий С.М. Россия в XVIII веке. М., 1982. С. 193–199; Ковальчук А.В. Экономическая политика правительства Екатерины II во второй половине XVIII в.: Идеи и практики. М.; СПб., 2017. С. 216–228.

*риканских семян*³²⁶. Что примечательно, Теплов, действуя не просто как предприниматель, но также как просветитель, в том же 1763 г. опубликовал для широкой публики на страницах популярного журнала, издаваемого Академией наук, инструкцию по разведению североамериканского табака на Украине. И завершал он это сочинение морализаторским поучением, превозносившим значение *труда* для экономики и европейскую просвещенность:

«Сия инструкция, хотя кажется трудна к исполнению, однакож привычка мало помалу к сему порядку не будет уже трудною казаться. Памятовать надобно, что когда в Америке люди дикие так точно поступают, то Европейцы за труд уже того почитать себе не должны. А без того товар никогда не будет желаемого получать качества, и земледелец цены высокой не получит. Нет на земле ничего, что бы она без труда нашего из недр своих давала; и слово Божие учит, в поте лица своего хлеб доставать»³²⁷.

Таким образом, Г.Н. Теплов после 1762 г. все же смог перейти от совмещения службы на благо государства с хлопотами по поводу частной экономии и личного заработка к полноценной правительственной деятельности и начать использовать свои знания в выработке экономической политики, развивая торговлю империи. Однако до этого ему пришлось заниматься поисками покровительства у сановитых *патронов* (А.Г. и К.Г. Разумовские, М.И. и Р.И. Воронцовы, П.И. Шувалов). Для удержания их покровительства он был вынужден не только и даже не столько постоянно демонстрировать как свои знания и аналитические способности, но и выступать в роли эконома и даже воспитателя, занимаясь вопросами об их волах, кастрюлях и бастардах. Соответственно, в деле торговли он, прежде всего, до 1762 г. оказывался в положении частного дельца, хотя в кризисные для себя моменты, грозившие ему опалой, он был готов выступить и как поборник *общего блага* и интересов империи, как это произошло в случае с «Запиской о неурядках в Малороссии». Собственно, тепловский интеллектуальный багаж, профессиональные познания и навыки все же были теми отличительными качествами, которые, позволяя создавать блестящие аналитические записки, выделяли Теплова как клиента перед сановными патронами и позволяли претендовать на участие в государственном управлении.

³²⁶ ПСЗ-1. Т. 9. № 11777. С. 178–181, 176.

³²⁷ [Теплов Г.Н.] Инструкция, как производить засева разных табаков чужестранных в Малой России // Ежемесячные сочинения и известия о учебных делах. 1763. Апрель. С. 342.

В итоге, решающего успеха на поприще государственной деятельности Г.Н. Теплов добился, лишь обретя главного патрона-покровителя в империи – саму императрицу. Именно Екатерина II – философ на троне! – отдала должное умственным способностям и накопленному управленческому опыту Теплова и стала активно привлекать его к важным правительственным делам. Работая над ними, он и создал наиболее значимые проекты о коммерции, в т.ч. о развитии табаководства на Украине. В последнем случае он, перенося свои частные опыты как откупщика в сферу государственной политики, представал и как блюститель имперских экономических интересов в правительстве, и как ученый-ботаник, просвещающий публику с помощью печатного слова. Получалось, что тепловский карьерный взлет в правительстве был связан, прежде всего, не с развитием института экспертизы, а с придворными патрон-клиентскими отношениями³²⁸, способностью встроиться в них и оказаться во время политической борьбы в нужном месте в нужное время. С учетом этого можно говорить, что для правительства профессиональные интеллектуалы к середине XVIII в. все же постепенно переставали быть украшением, свидетельствовавшим лишь об успехах правительства в европеизации России, и начинались превращаться в важный элемент управления империей, работавшим на все большее освоение ее пространств и способным в связи с этим привлекать опыт других империй, например, Великобритании.

³²⁸ О влиянии патронажа на становление института литературы в России XVIII в. см.: Осповат К. Придворная словесность: Институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М., 2020.

Глава V

ДИСКУРСЫ ИМПЕРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

5.1. УНИЯ, ИМПЕРИЯ И ШОТЛАНДСКОЕ ИСТОРИОПИСАНИЕ

Англо-шотландская интеграция, важным этапом которой стал договор унии 1707 г., на протяжении десятилетий привлекает внимание исследователей по ряду причин. Во-первых, сама логика развития исторического знания, в котором интерес к политическим институтам сменялся вниманием к динамике более широких социальных процессов, а затем – к культурной и интеллектуальной истории. Вновь и вновь обращаясь к событиям XVII и XVIII вв. исследователи каждый раз находили новые ракурсы в уже, казалось бы, досконально изученной истории англо-шотландской интеграции, вновь оживляя исторические личности, события и процессы былого. В этом смысле дискурсивный поворот конца XX столетия с его вниманием не к структурам, а практикам и дискурсам, переплетающимся в динамичную открытую систему, дал новый импульс исследованию истоков Британской империи. В ней Шотландии было отведено особое место, определяемое не только ролью шотландских служащих и капиталов в становлении империи, но и изменением положения самой Северной Британии в составе империи.

История Шотландии стала своего рода лабораторией новых подходов к прошлому, где дискуссии вокруг англо-шотландского кейса XVIII–XIX вв. велись как между мыслителями, жившими по разные стороны географической границы, так и занимавшими разные позиции – про- и антиуниатские – в самой Шотландии. Уже с 1960-х гг. изучение Шотландии превратилось в зрелую дисциплину не только в шотландских университетах, но в тех научных центрах, где имперская история исследовалась наиболее активно, а новые интеллектуальные тенденции быстро воплощались в изучении конкретных исторических проблем¹. Там,

¹ См.: Macinnes A.I. Early modern Scotland: the current state of play // *Scottish Historical Review*. 1994. № 73. P. 30–46; Houston R.A. Eighteenth-century

где это было уместно, историки шотландского прошлого, практикуя компаративный подход, извлекали идеи из культуры других регионов мира для того, чтобы оживить традиционные темы.

Ежегодно англо-шотландским отношениям Нового времени посвящаются десятки публикаций, однако союз 1707 г. все еще является дискуссионной проблемой. В общем виде все многообразие точек зрения на унию 1707 г. может быть сведено к двум подходам. Сторонники первого исходят из того, что договор был заключен как результат мер дальновидных шотландских политиков, осознавших потребность стимулов для развития шотландской экономики и политической культуры, а также новых средств разрешения политических и экономических проблем, с которыми столкнулась Шотландия в рамках унии корон. Эта точка зрения, восходящая еще к оценкам Д. Дефо², была связана с вигским историописанием и преобладала до 1960-х гг.³ В наиболее детализированной форме она представлена в трудах современных историков, прежде всего, Тома Смута и Кристофера Уотли, считающих Шотландию главным бенефициаром унии⁴. В своей книге, опубликованной в 2006 г., К. Уотли характеризует шотландских политиков, обсуждавших перспективы унии, как «высокомерных циников», а само решение о союзе называет рациональным шагом⁵.

Противоположную позицию представляют исследователи, полагающие, что уния была результатом политических манипуляций и коррупции, направленных на защиту привилегий шотландской парламентской элиты в ущерб интересам шотландской нации. Эта точка зрения занимает центральное место в ревизионистских исследованиях союза 1707 г., опубликованных в 1960-х и 1970-х гг.⁶ В той же мере, что вигская историография находилась под влиянием отчетов Дефо, который был свидетелем дебатов об унии в Эдинбурге, ревизионисты основывали свои идеи на интеллектуальном наследии якобитского политика Локхарта

Scottish studies: out of the laager? // *Ibid.* P. 64–81; Whatley C.A. Response: flat laager? // *Ibid.* P. 82–88.

² Defoe D. *The History of the Union of Great Britain.* Edinburgh, 1709.

³ Whatley C. *The Scots and the Union.* Edinburgh, 2006. P. 23–24, 31.

⁴ Smout T.C. *The Anglo-Scottish Union of 1707: I. The Economic Background* // *Economic History Review.* 1964. Vol. 16. № 3. P. 455–467; Whatley C.A. *Economic Causes and Consequences of the Union of 1707: A Survey* // *Scottish Historical Review.* 1989. Vol. 68. № 2. P. 150–181.

⁵ Whatley C. *The Scots and the Union...*

⁶ См., напр.: Ferguson W. *The Making of the Treaty of Union of 1707* // *Scottish Historical Review.* 1964. Vol. 43. № 136. P. 89–110.

Карнвата, оставившего воспоминания об унии и о коррумпированности шотландских парламентариев⁷. Среди историков, разделяющих эту точку зрения, выделяются Пол Скотт с полемическим текстом «Союз 1707 года: как и почему»⁸ и Аллан Макиннес, который, выдвигая в работе о якобитизме националистические аргументы, утверждает, что союз являлся результатом запугивания и манипуляции со стороны английских вигов и «очевидного презрения к общественному мнению, отраженному в наказах». Подчеркивая в продвижении унии высокий уровень «управленческого мастерства», он полагает, что союз представлял собой «жертву шотландского суверенитета» и, «в первую очередь, служил интересам Англии»⁹.

Вопрос о «шотландской нации» и «политическом участии» является центральной проблемой дискуссий об англо-шотландском объединении и 1603, и 1707 гг., в которых одна из наиболее сложных тем – отношение шотландского «народа» к объединению, концептуализируемая в категории «национальная идентичность». У. Фергюсон подчеркивал, что «шотландская нация в целом была враждебна договору», но К. Уотли отстаивал факт, что некоторые шотландцы поддержали унию, и было великое множество тех, кто не определился с этим вопросом¹⁰.

Совершенно ясно, что именно интеллектуалы – публицисты, историки, писатели и художники – уже с XVII в., когда многим была очевидна неизбежность англо-шотландской интеграции, создавали тот образ союза, который затем тиражировался в массовое сознание, формируя национальную шотландскую идентичность. Эти идеи испытали на себе влияние представлений о пути, пройденном отношениями двух соседних королевств, и рефлексией по поводу исторической вражды, восходящей к Средневековью. Однако не в меньшей степени, дискуссии были обусловлены и социальным контекстом формирующейся Британской империи.

Первым уровнем осмысления англо-шотландской интеграции стала т.н. война памфлетов, развернувшаяся на рубеже XVII–

⁷ [Lockhart G.] *Memoirs concerning the affairs of Scotland, from Queen Anne's accession to the throne, to the commencement of the Union of the two kingdoms of Scotland and England in May 1707.* L., 1714.

⁸ Scott P.H. *The Union of 1707: How and Why.* Edinburgh, 2006.

⁹ Macinnes A.I. *Clanship, Commerce and the House of Stuart, 1603–1788.* East Linton, 1996. P. 193; *Idem.* *Union and Empire: the Making of the United Kingdom in 1707.* Cambridge, 2007. P. 11, 314, 316.

¹⁰ Whatley C. *The Scots and the Union...* P. 6.

XVIII вв., обострившаяся в период провала переговоров по унии в 1702 г., но совершенно очевидно демонстрирующая взгляды двух лагерей – про- и антиуниатского. Прошлое взаимоотношений Шотландии и Англии находилось в центре внимания авторов.

Так, Уильям Этвуд, английский писатель рубежа веков, постоянно подчеркивал случаи подчинения Шотландии Англией, выводя из этого общность судеб двух соседей. Джеймс Андерсон и Томас Крэйг, оспаривая подобные представления, способствовали формированию шотландской идеи, или идеи «шотландскости», противостоящей «английскости». Шотландские публицисты обращали внимание на исторические корни англо-шотландского сближения. Они не единожды подчеркивали роль союза 1603 г., и то, что уже с начала своего правления в Англии Джеймс (Яков I) стал готовить почву для более плотной унии. Была создана комиссия для разработки унии. Один из шотландских комиссионеров Томас Крэйг написал «Трактат об унии Британских королевств» (1605). Изданный на латыни, текст был переведен на английский язык и опубликован только в 1909 г. «Англия никогда не обретет мира ни у себя дома, ни авторитета за ее пределами до тех пор, пока у ее границ будет жить столь враждебный сосед», – полагает автор. В этом он практически дословно повторял мнение Дефо, который, рассуждая о причинах унии, называл в качестве решающего фактора регулярные вторжения шотландских отрядов на территорию Англии¹¹. Страх постоянных стычек был очень силен, особенно у жителей английского пограничья, и, памятуя о военной активности шотландцев на протяжении XVIII в., правительство в Лондоне только в 1797 г. разрешило жителям пограничья обзавестись собственными милицейскими отрядами. Далее, проследившая историю пограничного противостояния, Крэйг обратил внимание на то что антагонизм между англичанами и шотландцами будто бы передавался из поколения в поколение по обе стороны границы: «Так давно как существовали сами имена двух королевств, существовали между ними и столкновения... Почему даже сегодня дети, заводя свои шуточные игры, именуют себя англичанами и шотландцами, а англичане пугают непослушных детей словами: “Смотри шотландец идет! Прячься!”». Крэйг, погруженный в повествование о вражде былых столетий, замечает, что общий «британский патриотизм мог бы объединить весь ост-

¹¹ Defoe D. An Essay at Removing National Prejudices Against a Union with Scotland. Part I. L., 1706. P. 19.

ров против потенциального противника и принести процветание всей стране», вводя в свои аргументы идею настоящего, словно бы опровергающего прошлое. С объединением королевств «в дома и крепости вновь вернутся их жители; деревья, сады и поля вновь будут орошаться водой... для чего необходимы два условия... Во-первых, согласие двух наций должно стать чертой их характера. И, во-вторых, ни одна из сторон не должна доминировать». По мнению Крэйга, в рамках предполагаемой унии следует сохранить традиции каждой из сторон, они должны управляться собственными законами и следовать своим правовым традициям. Многие из аргументов Крэйга были умозрительными и основанными на средневековых представлениях, но они отражали массовые идеи периода активной интеграции¹².

Осознавая собственную культурную значимость и видя несоответствие униатской риторики и реальности, шотландские критики унии в этой «войне памфлетов» не уступали своим противникам. Один из первых шотландских националистов, якобит Джордж Локхарт характеризовал Дефо как подлого монстра и негодяя, отмечая вред, нанесенный им шотландскому национальному достоинству¹³. Парадоксально, но идея франко-шотландского сближения не разделяется шотландцами вопреки мнению англичан. Так, автор памфлета «Причины Унии...» искренне считает, что Франция может использовать кризис англо-шотландских отношений в своих интересах, раскалывая еще больше соседние государства, соответственно, крайне необходимо помешать этим планам сближением Англии и Шотландии. Однако, он же проводит мысль, что уния, несмотря на заинтересованность Англии, «была инициирована в значительной степени Шотландией». Англия могла извлечь два главных преимущества из этого союза: «То, что Англия могла получить, так это безопасность своих северных границ, и возможность рекрутировать [шотландских] мужчин для войны», Шотландия же могла процветать «расширив свою торговлю и увеличив объем наличных денег»¹⁴.

Интересы британской стратегической безопасности выразил Уильям Сеттон Питмеден, памфлетер с четко выраженной про-униатской позицией. Питмеден представлял графство Абер-

¹² Daiches D. *Scotland and the Union*. L., 1977. P. 2.

¹³ *Scotland's Ruine: Lockhart of Carnwath's Memoirs of the Union* / Ed. by D. Szechi. Aberdeen, 1995. P. 147.

¹⁴ *Reasons for An Union Between the Kingdoms of England and Scotland*. L., 1706. P. 36.

дин в последнем шотландском парламенте 1703–1707 гг. и был одним из комиссионеров, которые представляли шотландскую сторону на переговорах по Унии. Будучи членом «дворцовой» партии, он в значительной степени оказал влияние на позицию шотландской стороны. Если автор «Причин Унии...» рассуждает в терминах английской стратегической безопасности, то Питмедден использует концепт стратегической безопасности Британии: «поскольку Уния защитит нашу религию, она будет способствовать нашей безопасности, процветанию и миру Британии»¹⁵. Он обращает внимание на взаимные выгоды унии, поскольку если Англия обеспечит мир своим границам, безопасность со стороны Франции и «храбрых воинов для своего флота и армии», то Шотландия не станет «такой легкой добычей для внешних врагов», поскольку «будет защищена [английским] покровительством», не говоря уже об экономических выгодах союза с Англией.

Если для Уильяма Сеттона военно-стратегический интерес был решающим в его аргументах по поводу унии, то автор «Причин Унии...» считал серьезным мотивом для объединения обеспечение безопасности наследования ганноверской династии. Шотландский акт безопасности открывал возможность для Англии и Шотландии иметь разных монархов, а это делало возможной реставрацию Стюартов в Шотландии. Таким образом, вновь возникла опасность, что Шотландия станет «отдельным королевством, как и в старину, и будет иметь своих королей и жить с ними». Следовательно, уния должна быть заключена как можно быстрее, «в крайнем случае, еще при жизни Ее Величества»¹⁶.

Чем более активной была аргументация про-униатски настроенных шотландцев, тем яростнее становилось сопротивление сторонников шотландской независимости, для которых шотландское прошлое было решающим фактором в пользу суверенного настоящего. Шотландские патриоты обращались к истории борьбы маленькой нации за независимость с куда более могущественным соседом, выигранной только благодаря беспримерной шотландской доблести, теперь проданной за золото праздной аристократией, испорченной роскошью. При этом исторические параллели, которые приводились в дискуссиях о независимом про-

¹⁵ William Setton of Pitmedden. *Scotland's Great Advantages By An Union with England: Showen in a Letter From the Country, To a Member of Parliament. 1706* // Glasgow University Library Special Collections Unit, James Dean Ogilvie Collection. P. 5.

¹⁶ *Reasons for An Union Between the Kingdoms...* P. 39.

шлом, подчеркивали неизбежность и закономерность такой судьбы свободлюбивых народов. В частности, говорилось, что некогда так же Римская империя была куплена и продана алчными потомками Сципиона Африканского и Катона Старшего. Лорд Белхавен в своей гневной антиуниатской речи в шотландском парламенте, которая была переложена на стихи и распространялась как уличная литература, подогревая патриотические настроения простых шотландцев, обращался к древней традиции шотландской доблести¹⁷, а Локхарт еще и подчеркивал «храбрость, благородство, стойкость героического народа Шотландии»¹⁸.

Итак, идея национальной свободы находила обоснование в героическом прошлом. Ностальгия была фактором формирования идентичности в период подготовки союза и в первые годы после принятия унии, обуславливая и взгляды шотландских интеллектуальных и политических элит, одновременно, тиражируясь в массовое сознание. Вместе с тем уже на этом этапе появляются первые свидетельства того, что прошлое существует не ради самого себя. Его правильное прочтение может помочь избежать бедствий в настоящем и способствовать процветанию в будущем.

С ростом ожесточенности интеллектуальных схваток между английскими и шотландскими памфлетерами, увеличивалось и количество противоречивых и экстравагантных концепций объединения. Обратимся к взглядам Эндрю Флетчера, автора серии тематических памфлетов, среди которых наиболее известны «Два рассуждения относительно шотландских дел» (1698). С его точки зрения, уния-инкорпорация, т.е. тот вариант объединения, который предлагался англичанами и был реализован, приведет к концентрации всех ресурсов в Лондоне. Причем именно это более всего пугает Флетчера – не сама Англия, но концентрация ресурсов в ее юго-восточной части: «То, что Лондон стаскивает богатства и правительство трех королевств в юго-восточный угол острова – также неестественно, как если бы один город обладал всеми благами и управлением всего мира»¹⁹. Вместо этого Флетчер предлагает унию-федерацию. Само появление этой идеи свидетельствует, с одной стороны, об открытости обсуждения, которое велось в конце XVII в., а с другой – о том, что общественный

¹⁷ Riley P. W. J. *The Union of England and Scotland*. Manchester, 1978. P. 28.

¹⁸ *Scotland's Ruine...* P. 240.

¹⁹ Fletcher of Salton, Andrew. *Political Works* / Ed. by J. Robertson. Cambridge, 1997. P. 213.

кризис привел к отсутствию жизнеспособных альтернатив англо-шотландских отношений. В мнениях, звучавших с разных сторон, об истоках и формах объединения шотландцы рассматривались как фактор обеспечения безопасности королевства в условиях борьбы за имперские владения. В аргументациях многих мыслителей присутствует элемент инструменталистско-функциональных взглядов на унию и на Британию – новое образование создается против якобитов и Бурбонов. Принципиальная новизна такого подхода заключается в том, что уния не рассматривается как закономерное завершение развития англо-шотландских отношений, скорее, наоборот, союз предстает вынужденным шагом, в целях обеспечения стратегической безопасности. Согласно данному взгляду, уния могла спасти Шотландию от якобитизма и решить проблему статуса страны, которая на протяжении многих лет была придатком английской внешней политики. Подчиненное положение Шотландии нарушало как исконные права ее жителей, так и не отвечало интересам Британии.

Патриотизм многих шотландцев в начале XVIII в. основывался на драматическом чувстве потери древней свободы, что выражалось даже в культивировании среди жителей равнины гэльского языка, который уже давно считался признаком отсталости. Эти идеи поддерживались пресвитерианами, критиковавшими церковную политику Вестминстера, особенно закон о церковном патронаже 1712 г. Так, Уильям Райт, священник из Килмарнока, заявлял, что, несмотря на все экономические прелести унии, политический ущерб его страны – основной показатель положения Шотландии. Не единожды заявляя, что «свобода – это главная вещь», он провозглашал: «Я скорее предпочел бы шотландку и свободу, нежели величайшие лакомства с кинжалом в сердце»²⁰.

Однако с течением лет, патриотизм, основанный на верности Стюартам, выцветал, уступая место осознанию преимуществ союза с Англией, и лозунги политической независимости становились все менее заметны к середине столетия. Уже к 1760-м гг. «шотландскость» наполняется иным содержанием, нежели политическая или экономическая независимость. На смену позиции, не приемлющей никаких изменений, и патриотизму, ориентированному в прошлое, приходит Шотландия, обладающая административной автономией, познавшая плоды участия в британской колониальной системе и готовая к дальнейшей трансформации.

²⁰ Allan D. Scotland in the Eighteenth century. L., 2002. P. 34.

Те концепции, которые предлагались шотландскими интеллектуалами начиная с 1760-х гг., очень чутко реагировали на проявления этой униатской национальной идентичности и в своих интеллектуальных построениях ту же идею выражали в других формах, отрицавших самоценность шотландского прошлого. Это означало начало второго этапа осознания Шотландией своего места в рамках Британии, обусловленного эпохой Просвещения.

Шотландское Просвещение, с его идеей поставить разум на службу материальному «усовершенствованию», отвечало на вопрос о ценности старого и нового однозначно. На этой почве вырос и «новый город» Эдинбурга – «священный город философов-просветителей», и экономическая теория, и философия «здорового смысла», и историография, и множество открытий XVIII–XIX вв. «Полезное учение», символ созданного в 1783 г. Королевского общества Эдинбурга, стало и знаком времени, когда были образованы новые просветительские и научные учреждения.

История человечества, согласно Просветителям, представляет собой необратимый и неизбежный прогресс – морали, форм производства, закона и типов власти. Не менее важно и то, что все эти элементы жизни общества взаимосвязаны. В процессе перехода от примитивного к аграрному обществу, человеческая природа становилась более совершенной, обогащалась политическая культура. Феодальная тирания постепенно уступала место конституционной монархии, защищавшей гражданские свободы. При таком правлении «цивилизованные» люди расширяли производство, формировались коммерческие отношения, что послужило основой современного порядка вещей²¹. Однако, как считает Адам Смит, хотя прогресс и представляет собой общечеловеческую универсальную категорию, люди живут и мыслят в соответствии со своим окружением. Дэвид Юм использует этот принцип при изучении эволюции права. По его мнению, закон – «это собрание тех обычаев и правил, которые человечество, в соответствии с нормами их государства, используют для своего удобства»²². И историки, используя универсальность прогресса для человека, могут исследовать процесс в разных частях мира.

Результатом этих представлений о разуме и прогрессе стало новое понимание англо-шотландских отношений. «Шотланд-

²¹ Culler A.D. *The Victorian Mirror*. New Haven, 1985. P. 22.

²² Garside P. *Scott, the Romantic Past and the nineteenth Century // Review of English Studies*. 1972. № 23. P. 501.

скость» в середине XVIII в. начинает ассоциироваться с борьбой за свободу, понимаемую как возможность более широко быть представленными в рамках Британии – в ее колониальном процветании, в совершенствовании ее политической и, в том числе, избирательной системы, в тех выгодах, которые дает Британское содружество. И теперь девизом шотландцев могли бы стать слова одиннадцатого графа Бьюкана, который сполна насладившись благами Британской империи, финансировал издание биографии Уоллеса, и в 1784 г. написал своим друзьям: «Я считаю себя жителем Соединенного Королевства, но как гражданин, я не могу не помнить, что я шотландец»²³. Это была новая форма патриотической идентичности, в рамках которой «британскость» вытесняла «шотландскость», форма идентичности, позволявшая некоторым даже мечтать о том, что «быть может, неприятное различие между англичанами и шотландцами навсегда ушло в прошлое». Однако важно лишь то, что быть британцем в сознании большинства жителей севера Острова, вовсе не исключало того, чтобы быть шотландцем, и наоборот.

Используя и конституционную, и рыночную, и политическую риторику, как сторонники, так и противники объединения призывали к процветанию шотландского народа. Для них «народ» был синонимом «нации», что полностью соответствует ранним теориям нации как суверенного содружества людей – народа. Но для одних свобода народа-нации возможна была в условиях политической независимости, а для других – лишь в условиях экономического процветания, которое могла гарантировать уния. Однако должно было пройти почти столетие, прежде чем, интегрировавшись, эти представления смогли примирить идеи шотландскости и британскости. Путь утверждения этих представлений пролегал через интеллектуальную обработку исторического прошлого, которая осуществлялась в условиях становления конституционного гражданского общества. В этой связи именно британские либеральные идеи, наряду с политэкономией, формируя общественный дискурс, были доминирующей парадигмой историописания на рубеже XVIII и XIX вв.

В центре просветительской историографии находилась телеология гражданства, целью которой было «проследить человеческое развитие по определенным ступеням прогресса от варварства до изящества». В историографическом дискурсе просветите-

²³ Allan D. Scotland in the Eighteenth century... P. 36.

лей шотландская патриотическая доблесть стояла далеко не на первом месте, по сравнению со стремлением оценивать английские гражданские идеалы как высший образец, к которому Шотландия должна стремиться. Конечным устремлением провозглашался статус шотландской интеллигенции, который благодаря успешной интеграции эволюционирует настолько, что ее «воспитанность» будет походить на «воспитанность» Англии. В дискурсе Просвещения способность шотландцев быстро приспособиваться рассматривается, как частично основанная на их германскости, на общих тевтонских корнях жителей Лоуленда и англичан. Германцы, величайшие почитатели и приверженцы «доблести и... свободы» в древние времена (сейчас, соответственно, далекие), впоследствии, по словам Юма, «подчинили Британию», принеся с собой «этот бесценный дар – античную демократию». Парадоксально, что спустя 60 лет после того, как шотландцы, сопротивляясь унии, гордо воспели свою древнюю доблесть, позволявшую им противостоять саксам, один из величайших шотландских мыслителей века говорит, что Шотландия, как и Англия, была домом саксонской демократии. Юм описывает шотландские атаки на южную соседку как возмутительные акты варварства, но и в самой Англии в тот же период лишь немногие правители использовали «меньше насилия и несправедливости... чтобы получить значительные преимущества над их соседями».

«Смерть шотландской национальной истории», окончательное наступление которой связывается с творчеством В. Скотта, уходит в представление о сущности нации, согласно которому «нации, так же, как и люди, достигают зрелости постепенно, и события, произошедшие в детстве или в ранней молодости... естественно забываются». Следуя этой социальной амнезии, шотландская просветительская историография отказывала шотландской истории в праве на существование. Не только в общих толкованиях Уильяма Робертсона, но и в других подобных историографических примерах, случаи социальных конфликтов и насилия в английской истории рассматриваются, как, скорее, исключение, в то время как аналогичные примеры из шотландского прошлого полностью соответствуют общей линии шотландского развития. Такие представления, оказавшись чрезвычайно жизнестойкими, определяют и тенденции развития современной историографии: идея о том, что Шотландия является землей с жестокой историей и исторически была расколота бурной и кровавой внутренней борьбой, лишь отчасти отступает благодаря тем уче-

ным, которые восстанавливают шотландскую историю, демонтируя миф о Шотландии позднего Средневековья, как о погруженной во мрак земле аристократической анархии.

Существовали, конечно, более умеренные трактовки шотландского прошлого: начиная с Джеймса Макферсона, который относился к традиционным представлениям о шотландской патриотической доблести с уважением, в то же время с сожалением признавая, что она была утрачена, заканчивая Адамом Фергюсоном, который в своем «Опыте истории гражданского общества» (1767) демонстрирует понимание того, что прогресс включает в себя потери в той же мере, что и приобретения, отмечая постоянное противоборство между материальным прогрессом и прогрессом моральным. Эта вторая линия отношения к пост-униатскому шотландскому прогрессу уже в XIX в. найдет выражение в полемичных идеях лорда-провоста Эдинбурга Генри Кобурна. Однако, в погоне за «экономическим прогрессом, социальным усовершенствованием и гармоничной конституцией» человечество способно уничтожить самое свое прошлое. Мыслитель доказывает, что существует общемировая тенденция интеграции наций, ведущая к более органичному развитию. Как участница унии Шотландия может сейчас быть действующей силой в этом процессе, нежели его жертвой.

Однако уже просветители столкнулись с тем, что, признавая за историей функцию давать нравоучительные примеры и отвергая историю Шотландии, необходимо было показать пример «нового прошлого», достойного подражания. Наиболее достойным вариантом была признана история Англии. Уже Юм незаметно для многих, главным образом англичан, преобразовал историю Великобритании в «Историю Англии», то же сделал Джон Миллер в своем труде «Исторический взгляд на английское правительство от поселения саксов в Британии» (1787)²⁴. Именно из ценностей Просвещения, касающихся шотландского прошлого, была заимствована большая часть историографических клише XIX в. К их числу относятся осознание экономической отсталости Шотландии по сравнению с Англией, отсутствие традиций конституционного развития, подмененных тиранией феодальных баронов, акцент на стремлении народа, освободившегося от своих

²⁴ An Historical View of the English Government, From the Settlement of the Saxons in Britain to the Revolution in 1688 / Ed. by M. Salber Philips and D. R. Smith. Indianapolis, 2006.

тиранов в начале XVIII в., сбросить феодальное иго, и, наконец, изображение 1740-х гг. как точки бифуркации, после прохождения которой прогресс стал исторически неизбежным. Задача шотландских интеллектуалов заключалась в том, чтобы представить шотландскую историю как поступательный и неизбежный прогресс во всех сферах жизни. Доля лукавства в постановке этой цели очевидна – просветители не могли не понимать, что теми благами, которыми наслаждалась Шотландия в конце XVIII в., она обязана униатскому повороту 1707 г., и естественного в этом развитии было немного, особенно учитывая якобитский протест. В достижении этой цели шотландцы преуспели, что было отмечено уже в начале XIX в. С. Смитом: «шотландцы, какими бы талантами они не обладали, никогда не могли сжато выражать свои мысли; они всегда начинают рассказ за несколько дней до потопа, постепенно доходя до правления Георга III»²⁵. Этим принципам следовали и просветители, и Вальтер Скотт, с чьим именем связан третий этап шотландской историографической революции, превратившей и ожесточенные дискуссии начала XVIII в., и просветительский культ прогресса и разума в романтическую смерть шотландской истории.

Пожалуй, основной вопрос, возникающий при изучении творчества В. Скотта, заключается в том, был ли он британским юнионистом или шотландским националистом. Х. Тревор Роупер, например, не сомневался, что В. Скотт «верил в Унию с Англией. Он был британский патриот», в то время как Пол Скотт был убежден, что В. Скотт – типичный шотландский националист²⁶. Этот широкий разброс в оценках связан с двойственным стилем историописания В. Скотта, впрочем, как и с характеристикой и оценками шотландского национализма XIX в. По мнению некоторых историков, В. Скотт создал целую систему исторических диалектических категорий, сочетающих «старое» и «новое», которые должны были отвести от него критику²⁷. Стоит отметить и то, что значительное влияние на формирование концепции Скотта оказала идея «Северной Британии», распространенная в среде

²⁵ Garside P. Scott and the “Philosophical historians” // *Journal of the History of Ideas*. 1975. № 36. P. 510.

²⁶ Trevor-Roper H. Sir Walter Scott and History // *The Listener*. 1971. № 2212. P. 226; Scott P. *Walter Scott and Scotland*. Edinburgh, 1981.

²⁷ Pittock M.G.H. *Scott as Historiographer: The Case of Waverly* // *Scott in Carnival* / Ed. by J.H. Alexander and D. Hewitt. Aberdeen, 1993.

шотландской землевладельческой элиты, а также парадоксальная вера в то, что их патриотизм наилучшим способом может быть выражен посредством инкорпорирования Шотландии в Британскую империю. Творчество Скотта наиболее полно отразило эту идею «усовершенствования» в рамках Британии.

Основная идея Скотта, усвоившего уроки Просвещения, заключалась в том, что шотландская история может быть объяснена в соответствии с универсальными принципами прогресса, неизбежно несущими обществу гражданские свободы. Иными словами, можно было бы сопоставить положение Шотландии, расширившей в результате унии свои гражданские свободы, с другими странами, идущими по пути прогресса. Две черты феодального общества, как правило, становились объектами наиболее яростной критики со стороны просветителей – постоянная вражда феодалов друг с другом и аграрная экономика, не способная к развитию. Уния же 1707 г. способствовала изживанию этих черт, приближая Шотландию к процветающему коммерческому обществу²⁸. Рождение Великобритании окончательно утвердило идею необходимости гражданской свободы и экономического развития посредством дефеодализации Шотландии.

Как считает М. Аш, некоторые особенности «философской истории» корнями восходят к шотландской правовой системе, в которой «принципы обращены к повседневным человеческим ситуациям»²⁹. Многие юристы и теоретики права периода Просвещения, включая и самого Скотта, интересовались историей, а историки использовали методы юристов в своих исследованиях. Посредством изучения прецедента, исторического или правового, они вкушали «плоды человеческого опыта». Собственный опыт, его личное отношение к барону Юму, преподававшему Скотту право, и та связь прошлых и настоящих правовых систем, которые постоянно проводил Юм в своих лекциях³⁰, также убеждали Скотта в существовании универсальных законов прогресса.

Писатель следовал в том же русле, что и его предшественники – Тайтлер и Юм. Правда, В. Скотт не отказывал прошлому в его влиянии на настоящее и, в отличие от Юма, признавал значимость средневековой истории. Придерживаясь принципов «фи-

²⁸ Kidd C. *Subverting Scotland's Past*. Cambridge, 1993. P. 109–112.

²⁹ Ash M. *The Strange Death of Scottish History*. Edinburgh, 1980. P. 26.

³⁰ Scott W. *Memoirs // Scott on Himself, A Selection of the Autobiographical Writings of Sir W. Scott* / Ed. by D. Hewitt. Edinburgh, 1981. P. 42–43.

лософской истории», главным образом, в его стадильном взгляде на историю, он в то же время работал и с «антикварным» материалом, закладывая основу новым для его времени принципам историковедческого исследования. Именно в этом уникальность Скотта: он не делал из истории некое «показательное зрелище» и не сводил ее к моральным урокам, а пытался устанавливать некие типичные и общие исторические законы и связи, совмещая, тем самым, «эмпирический» и «философский» методы в истории.

Однако его подход к истории своей страны имел еще и социальную природу – он принадлежал к классу земельной аристократии, разделял торийские убеждения и верил в идею «Северной Британии». Первая часть его жизни прошла в XVIII в., в эпоху веры в прогресс и разум, но одновременно в эпоху, когда якобитизм был еще чрезвычайно жизнестоек, особенно в народной памяти. С одной стороны, его жизнь до 1814 г., когда был написан «Уэверли», являет собой типичную историю жизни шотландского тори. Он получил юридическое образование и, благодаря «дандавовскому деспотизму» с его системой патронажа, занимал ряд постов. Однако его карьера писателя была тесно связана с процессом социальной трансформации общества. И «Уэверли» – типичный пример веры в «Северную Британию».

Судьбы персонажей «Уэверли» зависят от их отношения к меняющемуся миру. Фергюс Макивор, вождь клана со словами «Боже, храни короля Джеймса» встречает наказание, предназначенное ему, но осознает кару как неизбежный результат развития истории. Никому из героев не удастся изменить ход и законы истории. С другой стороны, судьбы тех, кто сумел приспособиться к реальной действительности ганноверского царствования, тоже как бы игнорируются Скоттом. Некоторые авторы противопоставляют якобитские мечты автора и ганноверские реалии его времени. Сам писатель роковую судьбу якобитизма символизирует галантной смертью вождя Макивора. Окончание романа воспекает утверждение цивилизованной Британии, впрочем, как и идеализирует якобитское феодальное прошлое³¹.

Основное отличие В. Скотта и вигских историков, призванных подвергнуть шотландское прошлое забвению, в том, что Скотт, наоборот воспевал его и стремился приукрасить, акцентируя внимания на его двойственности – романтической и реали-

³¹ Smith J.A. Scott and idea of Scotland // The University of Edinburgh Journal. 1963–1964. № 21. P. 199–200.

стичной стороне. По словам исследователя творчества В. Скотта, Дж. Андерсона «его чувства были якобитскими, в то время как по убеждениям он стремился быть ганноверцем»³². И сам Скотт в предисловии к своей книге, изданной в 1802 г. говорит о двойственности собственных чувств, описать которые невозможно³³.

М. Питток считает, что Скотт более всех потрудился на поприще приукрашивания и мифологизации якобитизма, ставшего романтической иконой шотландского прошлого и персонифицированного в личности Прекрасного Принца Чарльза³⁴. Скотт называл Шотландию разделенной нацией, говоря и о религиозных различиях, и о разнице между равнинной и горной частями страны, и об этнической дистанции. Он считал, что эти «исторические пропасти» в ретроспективе препятствовали единению государства. Но воспевая якобитское шотландское прошлое, ему сложно было критически относиться к Хайленду – источнику якобитизма. Горную Шотландию он рассматривал скорее, как искаженный вариант Лоуланда. Даже в последних работах, в которых вера Скотта в прогресс уже не столь отчетлива, этот взгляд на соотношение хайлендерской и лоуллендерской истории сохраняется³⁵.

Практически во всех поздних произведениях В. Скотт обращается к одной проблеме – как уния отразилась на современном положении Шотландии. «Северная Британия» для Скотта стала жертвой англоцентричного унитаризма – Шотландия становилась окраинной провинцией Англии. Шотландия 1820-х гг. испытала на себе неоднозначность проявлений «прогресса» и «улучшений». Совершенно ясно, что писатель вовсе не желает изолировать Шотландию от Англии. То, к чему он стремился, была и не полная независимость, и, одновременно, не инкорпорация Шотландии в «Южную Британию». Его идеал был в сосуществовании Англии и Шотландии, как равных партнеров в деле процветания Британской империи. Однако эта идея «равного статуса» шотландской и британской идентичностей, развивающихся в русле «улучшений» и на основе рационализма, была значительно поколеблена стремительно развивающимися событиями. Скотта удо-

³² Anderson J. Sir Walter Scott and History. Edinburgh, 1983. P. 24.

³³ Scott W. The Minstrelsy of the border Ballads. L., 1802. P. CXXXI.

³⁴ Pittock M. The Myth of Jacobite Clans. Edinburgh, 1995. P. 112; Pittock M. Invention of Scotland: The Stuart myth and the Scottish Identity, 1638 to the present. L., 1991. P. 84–90.

³⁵ Scott W. History of Scotland // D. Lardner. Cabinet Cyclopaedia. In 2 vols. L., 1830. Vol. 1. P. 49–58.

влетворяло осознание того, что якобитизм превращается в величественный национальный миф, поставленный на службу современной «британскости». Признавая это, он занимал вполне очевидную сторону в борьбе между эмоциональным якобитизмом и рациональным юнионизмом, но его попытки примирить прошлое с настоящим порой сталкивались со сложностями. Исследования показывают, что к писателю одинаково применимы и термин британский юнионист, веривший в принципы Просвещения и прогресса, и шотландский националист, отстаивающий права самоуправления Шотландии. Возможно сам он пытался быть и юнионистом, и националистом, стремясь найти место своим националистическим взглядам в рамках унии, что и составило основу т.н. «концентрической идентичности».

Эти идеи наиболее полно отражены в «Дедушкиных рассказах» (1827), которые Скотт писал для внука – Джона Хью Локхарта, с тем чтобы открыть юноше «общий взгляд на шотландскую историю», изложенной в легкой и доступной форме. Большая часть книги посвящена наиболее известным событиям шотландской истории, таким как битва при Беннокберне, история Марии Шотландской, события восстаний 1715 и 1745 гг. «Рассказы» – сжатая версия представлений Скотта о шотландской истории. Писатель начинает с главы «Как Шотландия и Англия стали отдельными королевствами», и в ней обращает внимание на этнические различия между народами³⁶. Он изначально помещает шотландскую историю в контекст неизбежной унии. Идея «обреченной нации» воплощается в описании средневековой шотландской политической системы и постоянных военных стычек. Автор подчеркивает, что склонная к тирании шотландская знать перманентно препятствовала становлению свободной политической системы. Феодалы, обладая иммунитетом, не давали возможности королю вершить истинное правосудие и постоянно погружали страну в пучину «смертельной вражды». Это беззаконие, которое провоцировалось двумя разнородными и периферийными элементами – Горной и Пограничной Шотландией, время от времени пытались исправить «благородные и честные мужи», такие как Роберт Брюс³⁷. В своей книге Скотт воплотил идею шотландского прошлого, характерную для вигской исто-

³⁶ Scott W. *The Tales of Grandfather: being the History of Scotland from the earliest period to the close of Rebellion 1745–46*. L., 1925. P. 2–6.

³⁷ Scott W. *The Tales of Grandfather...* P. 116–120.

риографии. Однако он отходит от англоцентричных историков-вигов, которые считали, что гражданские свободы существовали на территории Британии еще с англо-саксонских времен³⁸.

Отношение Скотта к унии в «Истории» сходно с тем, что мы встречаем в других его текстах, хотя на первый взгляд кажется, что писатель искренне верит в унию. Он пишет, что она не должна диктоваться Англией, а скорее быть результатом взаимного и справедливого согласия. Участие Шотландии в английской торговле было предпосылкой счастливого и справедливого объединения³⁹. То, что англичане приняли Акт о безопасности, гарантировавший неприкосновенность протестантизма в Шотландии, указывает на изменение их отношения от безразличия к участию в шотландской судьбе. В ходе переговоров об унии условия диктовались английским комиссионерами. И Скотт не скрывает своего негодования по отношению к шотландским переговорщикам, которые сдали свои позиции в обмен на уступки по вопросу об Эквиваленте. Но поскольку условия этой «сделки» не были известны широким массам населения, социальный конфликт становится непосредственным результатом принятия унии. Писатель воссоздает развитие этого конфликта: все слои и категории общества объявляют свой протест комиссионерам. Скотт считает, что антиуниатский протест не скоро уйдет в прошлое, так как положительные последствия унии, пока не стали реальностью. Вера в окончательное утверждение унии пришла лишь с подавлением якобитского восстания 1745 г., отменой наследственной юрисдикции и устранением обычая военной службы лэрдам⁴⁰. Наконец, лишь после восшествия на престол Георга III в 1760 г. в Шотландии начался процесс индустриализации, и «забило общее англо-шотландское сердце»⁴¹. Скотт мог бы предсказать и королевский визит 1822 г., и короля Георга, одетого в цвета королевского клана Стюартов, и инкорпорирование шотландского прошлого в британское настоящее. Писатель не пытался, в отличие от своих предшественников-просветителей, полностью вычеркнуть историю Шотландии из мирового процесса, но он превратил историю в рассказ, насытив его колоритными картинками шотландского прошлого, которое попытался объяснить в катего-

³⁸ Sir W. Scott. History of Scotland... Vol. 1. P. 49–58.

³⁹ Ibid. P. 738, 741–745.

⁴⁰ Ibid. P. 1175–1179, 1186.

⁴¹ Ibid. P. 771, 1188–1192.

риях «смешанных чувств». Еще и четверть века спустя «смешанные чувства» являлись исторической реальностью.

С конца XVIII в. предметом активного изучения в Шотландии стали расы. Ранние энтузиасты, такие как Джон Пинкертон, считали расовые характеристики решающими в процессе формирования шотландской нации, а позже эти теории легли в основу построений, увязывающих этничность и институциональную историю⁴². Если тевтонская раса чаще ассоциировалась со свободой, законом и прогрессом, то кельтская – с отсталостью и угнетением. Вся историография XIX в. свидетельствует о том, что история англо-шотландских отношений, а точнее, история ассимиляции Англией Шотландии, неизбежно вела к объединению. Мало кто отваживается отрицать, что сама уния стала актом политической спекуляции, но направленным не против, а в защиту нации, не понимающей своих преимуществ. Вопрос о том, почему три четверти шотландцев первоначально не приняли унию, был решен возведением вины на коррумпированную шотландскую элиту в лице парламента и правительства, которые никогда не представляли мнения народа⁴³.

Одним из первых шотландских историков, использовавших приемы исторической критики, был Патрик Фрейзер Тайтлер. Его «История Шотландии» не касается напрямую англо-шотландской унии 1707 г., но вполне очевидно отношение к ней автора, сформированное под влиянием отца и деда. Дед, Уильям Тайтлер, галантный защитник несчастной королевы Марии Стюарт от клеветников-вигов, работая над «Письмами из шкатулки», задумывался над вопросом о подлинности исторических свидетельств и о том, в каких условиях возможна фальсификация истории. Свой интерес он передал сыну Александру, который при работе над своими «Элементами общей истории» находился под значительным влиянием «философской истории» Просвещения. Оставаясь верным стремлению проследить эволюцию явлений, он намечает такие вехи развития конституции, как норманнское завоевание, Великая хартия вольностей, революция 1688–1689 гг. Примечательно, что для А. Тайтлера, с одной стороны, история английской конституции является выражением всей английской истории, а с другой, он не рассматривает историю Шотландии после

⁴² Pinkerton J. A Dissertation on the origin and Progress of the Scythians and Goths (1787) // Pinkerton J. An Enquiry into the history of Scotland. Edinburg, 1814.

⁴³ Chambers R. History of Scotland. In 2 vols. L., 1849. Vol. 2. P. 159.

1603 года как историю отдельной страны. Критерием общественного прогресса выступает эволюция права. В Шотландии же, по его мнению, в силу борьбы феодальных баронов конституция не получила развития. «Ни в одной стране мира, – пишет он, – феодальная аристократия не достигла большей высоты, чем в Шотландии. Высшие бароны были не ограничены в своих полномочиях и зачастую конкурировали с властью суверена, что становилось причиной многочисленных беспорядков в королевстве...»⁴⁴. А королям далеко не всегда удавалось сдерживать деструктивные амбиции аристократии. Джеймсы I, II и IV были отнесены в категорию успешных правителей, тогда как Роберт III и Джеймс III, напротив, не удостоились высокой оценки из-за слабости их власти. Шотландский же парламент, по мнению А. Тайтлера, не сыграл заметной роли в истории, поскольку короли легко могли им управлять посредством лояльных им прелатов.

Для Патрика Тайтлера, как и для его отца, средневековая Шотландия находилась во власти тиранической аристократии, мешавшей продвижению по пути цивилизованных европейских стран, что особенно заметно в сравнении с Англией. Кровожадность и воинственность шотландской аристократии должна была свидетельствовать о тупиковости шотландской истории, где не сложилось традиции общественного диалога. Характеризуя «дикое государство феодальной свободы», П. Тайтлер пишет:

«...знать была столь же надменной и воинственной, сколь и невежественной, неосведомленной и неграмотной; тогда, когда она не была занята военными походами, она находила себя в грабеже и опустошении, которые перерастали в личную вражду; они относились с презрением к любому занятию, которое не преумножало их богатства или было способно улучшить их нравы... Мы должны рассматривать феодальную систему, невзирая на все благородные и романтические ассоциации, которыми она себя окружила, как главное препятствие для прогресса, свободы и благоустройства»⁴⁵.

Хотя П. Тайтлер не уделяет специального внимания истории унии, но многочисленные примеры, такие как сравнение мрачных похорон лорда Сеттона в Эдинбурге и пышного великолепия юга, должны привести читателя к мысли, что именно союз стал источником и коммерческого процветания, и гражданских свобод, и улучшения нравов.

⁴⁴ Tytler A.F. Elements of general history, ancient and modern. Edinburgh, 1801. Vol. 2. P. 159.

⁴⁵ Tytler P.F. History of Scotland. Edinburgh, 1828–1843. Vol. 2. P. 246.

П. Тайтлер писал свою «Историю Шотландии» почти 20 лет. К 1843 г., когда был окончен последний том, в Шотландии произошло множество событий: умер В. Скотт, вдохновивший историка на работу, тори отошли от власти, была проведена парламентская реформа, раскололась Шотландская церковь. Новые интеллектуальные элиты коммерческого общества инициировали преобразования, которые ускорили процесс интеграции Шотландии, оставив, однако, место для патриотизма. Многим опять, как и столетие назад, стало казаться, что они теряют Шотландию.

Одним из них был Генри Кобурн. Несмотря на то, что его отец был ревностным тори, Генри, еще в молодости примкнул к вигам и сделал блестящую политическую карьеру: когда в конце 1820-х гг. граф Грей стал премьер-министром, Кобурн занял пост Генерального стряпчего. Кобурн испытывал смешанные чувства по отношению к происходящим в Шотландии переменам: он с уважением воспринимал романтическое шотландское прошлое, однако осознавал, что изменения не просто неизбежны, но необходимы. Это была дилемма для многих его современников – как примирить свободлюбивое шотландское прошлое и служение ганноверской династии, с ее коммерческим настоящим. Свое отношение к переменам Кобурн метафорически выразил в сравнении социальных институтов и старого дома: «опасно касаться старого дома, но и опасно оставлять его среди нового окружения»⁴⁶. Архитектура для него стала символом происходящих в обществе процессов. Он выступал в защиту старой архитектуры, говорил о необходимости сохранения наследия прошлого. «Инспекционные поездки», дневниковые записи, которые он вел, объезжая в качестве судьи шотландские графства, скорее напоминают отчет комиссии по сохранению культурного наследия, причем, чаще, отчет далеко не радужный⁴⁷. Местная знать и джентри не отвечают за сохранность прошлого, находящегося на их землях. Мелкие провинциальные города находятся под угрозой, «производство» наступает на них, и деревушки превращаются в заводы». а железные дороги сделали слишком доступными для обывателя некогда заповедные места. «Сельская жизнь стала жертвой железнодорожного сумасшествия», – пишет Кобурн⁴⁸.

⁴⁶ Miller K. Cockburn's Millennium. L., 1975. P. 103.

⁴⁷ Lord Cockburn. Circuit Journeys. Hawick, 1983.

⁴⁸ Bell A. Reason and Dreams: Cockburn's practical and nostalgic views of civic well-being // Lord Cockburn. A Bicentenary Commemoration. 1779–1979 / Ed. by A. Bell. Edinburgh, 1979. P. 45–46.

Экономический прогресс Шотландии совпал с крупномасштабной эмиграцией – и внутренней, в результате которой произошло массовое переселение сельских жителей в города, и внешней, возможности которой были предоставлены шотландцам империей. Шотландцы занимали множество постов в британской армии, на флоте, в колониях, что позволяло им гордиться своей нацией и считать ее главным архитектором империи. Британская империя была также империей шотландской, как и британская идентичность не мешала идентичности региональной. Этот процесс превращения Шотландии из провинции в ядро империи неизбежно должен был найти отражение в историописании. Феодальное прошлое не соответствовало тому предназначению, которое готовило Шотландии ее успешное коммерческое настоящее. В результате возникло то, что М. Аш назовет «смертью шотландской историографии». Инкорпорация Шотландии в британские структуры, требуя пересмотра исторического прошлого, препятствовала формированию национальной исторической школы, что, в свою очередь, способствовало формированию совмещенной концентрической идентичности. Задача создания нового варианта прошлого была выполнена либеральными историками, для которых ценности британского конституционного устройства были непререкаемы, но которые использовали методы работы с историческими документами тори Патрика Тайтлера.

Примером может служить творчество Дж.Х. Бартона. Еще в молодости он стал членом Баннатай-клуба, в который входили В. Скотт, Г. Кобурн, П. Тайтлер и многие другие, кто стремился сберечь остатки шотландского прошлого. Несмотря на политические разногласия взгляды Бартона на шотландское прошлое и отношения с Англией чрезвычайно близки идеям Скотта и Тайтлера. Так, Бартон считал важной вехой эволюции Шотландии кромвелевское завоевание, которое способствовало вымыванию элементов феодальной тирании на севере посредством установления свободной торговли. Полагая, как и Скотт, что Кромвель «распространил правосудие с беспристрастностью, которой шотландский народ был совершенно чужд»⁴⁹, Бартон отмечал его «большую заботу» о благополучии шотландцев «как граждан, и просто об их личных правах и обязанностях», даже несмотря на то, что завоеватели не проявляли «никакого уважения к национальности шотландцев или к их древнему королевству». По мысли Бартона,

⁴⁹ Scott W. *Tales of a Grandfather...* P. XXVI, 121–122.

закон об отмене наследственной юрисдикции 1747 г. устранил «тиранический кошмар феодализма», согласно которому «мелкие королевства-суверенитеты, принадлежавшие лордам, своими неограниченными полномочиями и под видом правосудия, пытались осуществлять акты феодальной мести», не говоря уже о горных районах, где вожди «осуществляли деспотизм столь же безответственный, как и деспотизм любого турецкого паши или французского сеньора времен старой монархии»⁵⁰.

Бартон уже не дает двойственных оценок унии. Он доказывает, что объединение было способом избежать горестной перспективы войны между Англией и Шотландией. Кроме того, договор союза был не просто подражанием английским нормам, а продуманным решением. Его тезис о том, что уния не нанесла ущерба национальной гордости и ничего не имеет общего с национальной катастрофой, в первой половине XIX в. разделялся уже большинством шотландцев, но мало учитывал ситуацию начала XVIII века. Важно, однако, другое – интеллектуальный дискурс теперь совпал с массовым восприятием союза. Когда в 1853 г. была создана Национальная ассоциация по защите шотландских прав, то требование полной национальной независимости в его программе не звучало, наоборот, Англия обвинялась в том, что она нарушает пункты договора 1707 года.

Таким образом, идеи Бартона, с одной стороны, отражали общий интеллектуальный климат и соответствовали распространенным в то время массовым оценкам унии, а с другой – адаптировали концепции рубежа XVIII–XIX вв. к изменившимся условиям окончательно интегрированной Шотландии. Теперь уже не было оснований подвергать союз сомнению, что мог еще позволить себе В. Скотт. Более того, уже не на эмоциональном и литературном, а на академическом уровне доказывается, что союз был и неизбежен, и необходим для сохранения шотландской нации, которая признается и политиками, и историками. Если Скотт, романтизируя шотландское прошлое, спас его от просветителей, не признававших в нем проявлений общечеловеческого прогресса, то Бартон, в свою очередь, на материалах источников идеологически нейтрализовал доуниатский период, лишив политическую независимость ее националистического дискурса.

К 1860-м гг. шотландская историография уже не интересовалась историей шотландского государства и его независимости.

⁵⁰ Burton J.H. History of Scotland. Edinburgh, L., 1876. Vol. 7. P. 46.

Дискурсивная природа шотландского национализма заключалась в том, что независимость, которую он проповедовал, не нуждалась в практическом воплощении. Шотландский исторический дискурс стал рассматриваться в соответствии с британским настоящим региона. Более того, историческое прошлое Шотландии было трансформировано из средства политической дискуссии в объект туристической индустрии, развитию которой содействовал рост среднего класса, получившего возможность наслаждаться свободным временем, читая исторические романы и путешествуя по историческим местам. Количество публикуемой исторической литературы⁵¹ иллюстрирует этот феномен «нейтрализации» прошлого, в рамках которого модернизированные патриотические сантименты находили новое воплощение в символах, лозунгах и идеях.

Если этот процесс и восстановил кельтскую Шотландию, то только с тем, чтобы патриотическая доблесть могла быть снова представлена как романтика: эмоциональная кельтская фантазия, которая уравнивалась практичным тевтонским унионизмом. То и другое было мифом, но между ними создавалась модель страны с эмоциональным и непрактичным кельтским сердцем и практичной, деловой германской головой – образ Шотландии, поддерживаемый многими шотландцами и приспособленный культурными теоретиками, такими как Грегори Смит и его последователи. Этот образ подчеркивал многосторонность, отчасти – жертвенность и противоречивость национальных устремлений к политической автономии, которые «германская» голова освободила в пользу унионизма. «Шотландскость» стала предметом только сердца, находя выражение то в сентиментальности, то в китче, барачных балладах, степенных священниках и, порой, излишне невыдержанных прихожанах, превратившись в воспоминания детства, служивших переработкой взрослых реальностей. Так шотландская идентичность обрела в полном смысле дискурсивную природу, в то время как универсальная «британскость» предполагала каждодневные реификационные практики.

Когда во время визита Георга IV в Эдинбург в 1822 г. Скотт заметил, что «войска и люди» – лучшее, что можно показать королю, тем самым он реанимировал теорию патриотической доблести, но теперь уже в британском аспекте, нежели в шотланд-

⁵¹ Morgan N., Trainor R. The Dominant Class // People and Society in Scotland. In 3 vols. Edinburgh, 1990. Vol. 2. 1830–1914 / Ed. by W.H. Fraser, J. Morris. P. 124–125.

ском. Во-вторых, эта сентенция была исполнена в неловко антикварной манере – под «войсками» он подразумевал шотландскую армию исчезнувшей якобитской эры. Это был гимн патриотической доблести, облаченной в безопасную устарелую форму для того, чтобы подобострастно демонстрировать британскую лояльность, при этом вызывая любопытство Британии. Растущий коммерческий спрос начала XIX в. на клетчатую материю, которая являлась одеждой и символом якобитского движения (Чарльз намеренно одевал свои войска в тартаны горских кланов), свидетельствует о том, что клетка гражданской угрозы становится клеткой имперского триумфа и индикатором лояльности горцев. В историческом сознании память о якобитах-бунтовщиках трансформируется в память о якобитах-защитниках. Происходит санация якобитизма, в рамках которой он становится символом, сопровождаемым множеством знаков, атрибутов, которые должны были воскрешать в памяти лишь романтические эпизоды якобитского прошлого. Такими атрибутами становились старинные палаша, вереск, мифы и горские песни. Все это вытесняло религиозный, международный, династический аспекты якобитизма, оставляя лишь образ его как провинциального движения горских романтиков, ныне включенных в развитие империи.

Интеграция в британские имперские структуры трансформировала даже внешний образ якобита, что выразилось в наделении его символами маскулинности, к которым в XIX в. относились галантность, страстность, налет дикости. Точно так же, как еще столетие назад, гиперболизация выражалась в использовании символов людоедства и зверской жестокости, теперь все это было элегантно преобразовано в символы примитивной лояльности и мужественности. На изображениях шотландских горцев викторианской эпохи они предстают в образе великанов, непринужденно поедающих овсянку. Таким образом, кулинарная эволюция – от людоедства к овсянке – отражает общую динамику трансформации символов якобитизма – от угрозы к защите. Портретные изображения «знамени» якобитского Великого восстания, Чарльза Эдуарда, выполненные в XIX в., тоже далеки от образа кровавого агрессора. Невинный, отчасти ребяческий, а отчасти ангелоподобный лик «молодого претендента, отраженный и в самом прозвище – «милый принц Чарли», стал частью процесса санации якобитизма. Акцентирование его молодости и того, что он «принц», но не «король», делали наивными и романтическими претензии якобитского движения на политическое лидерство.

Все эти образы, перекочевав из массового исторического сознания в профессиональное историописание, определяли и динамику развития либеральной историографии, которая рассматривала Шотландию как «отсталую», «незрелую», но не как «другую» нацию. Якобитизм был спутником исторических конструкций, в которых подчеркивался искусственный характер модернизации шотландского общества, привнесенной лишь благодаря цивилизаторской миссии Англии. Санация якобитизма, включая в себя и переход горцев на военную службу, и коммерциализацию атрибутов «горскости», и, наконец, романтизацию якобитизма, в целом растянулась на столетие – уже в середине XIX в. горцы не только не представляли угрозы для Британии, но были романтическим символом ее могущества. Горская культура превращается в XIX в. в китч, тем самым, отражая эволюцию империи и ее интересов. Характерной чертой стала адаптация исторических образов к потребностям модернизирующегося общества. Миф становится тем, что связало якобитизм и британскую идентичность, частью которой была «шотландскость».

Историописание становилось частью процесса формирования национальной идентичности, происходившей в условиях расширения Империи. Шотландские историки исходили из того, что нация существует, если есть сообщество людей, относящих себя к ней. Они эмоционально и интеллектуально идентифицировали себя с Шотландией, иначе говоря, нация одновременно была и объектом, и субъектом историописания. В этой связи можно говорить о формировании национальной школы историописания. Поэтому несколько категоричным выглядит распространенное мнение о том, что Скотт своей романтизацией шотландского прошлого «уничтожил национальную историографию». Такая точка зрения исходит из упрощенного понимания национальной историографии как всей совокупности работ, произведенных историками данной нации⁵², но такое определение неспособно ничего дать для понимания феномена национального историописания.

Благодаря Скотту и его последователям шотландцам удалось избежать повсеместно распространенного в Европе Нового времени понимания нации как «нации-государства».

⁵² Kizwalter T. National Historiography and its Ideological Conditions (19th – 20th Century) // The National Idea as a Research Problem. Warszawa, 2002. P. 43.

5.2. КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ АНГЛИИ И ШОТЛАНДИИ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОКОВ

«Национальные предрассудки – одна из худших разновидностей человеческих неприязней»⁵³, – писал Д. Дефо в «Эссе об устранении национальных предрассудков против союза с Шотландией» накануне знаменитого акта об Унии, объединившего Англию и Шотландию в Королевство Великобритания. Будучи «тайным политическим агентом» английского правительства⁵⁴, Дефо высказывался в поддержку Унии, но подчеркивал, что заблуждения англичан по поводу шотландцев окажут губительное воздействие на судьбу нового государства. Уже в 1713 г. он признавал, что Уния не принесла единения, и это является «великим несчастьем для обеих наций»⁵⁵. Главной причиной Дефо считал именно предубеждения англичан и шотландцев.

Действительно, стереотипы жителей Британии друг о друге, особенно предвзятое отношение англичан к соседям – шотландцам, валлийцам и ирландцам – в XVIII в. по-прежнему являлись препятствием во взаимоотношениях между подданными одной короны. Как отмечает П. Лэнгфорд, «наиболее противоречиво и наиболее разрушительно последствия английского национализма ощущались дома. Враждебность по отношению к другим народам Британских островов были глубоко укоренены»⁵⁶.

Англичанам XVIII в. не было свойственно высказываться о шотландцах в позитивном ключе. Так, «Жизнь Сэмюэла Джонсона», опубликованная шотландским биографом Дж. Босуэллом, изобилует неличеприятными комментариями в отношении жителей северной Британии. До нас дошли такие анекдотичные выражения доктора Джонсона как «назойливость шотландцев подобна назойливости пиявки»⁵⁷, для шотландца нет лучше «дороги, чем та, что ведет в Англию»⁵⁸, и «какой враг будет вторгаться в Шот-

⁵³ Defoe D. An essay at removing national prejudices against a Union... P. 11.

⁵⁴ The Cambridge Companion to Daniel Defoe / Ed. by J. Richetti. Cambridge, 2008. P. 2.

⁵⁵ Цит. по: Gottlieb E. Feeling British: Sympathy and National Identity in Scottish and English Writing, 1707–1832. Lewisburg, 2010. P. 11.

⁵⁶ Langford P. A Polite and Commercial People: England 1727–1783. Oxford, 1989. P. 323.

⁵⁷ Murphy A. An Essay on the Life and Genius of Samuel Johnson. L., 1792. P. 106.

⁵⁸ Boswell J. Life of Johnson. Oxford, 1998. P. 302.

ландию, если там ничего нет?»⁵⁹. Джонсону вторил и член партии вигов Уильям Петти-Фицморис, второй граф Шелборн. В беседе с Ричардом Прайсом, валлийским философом и проповедником, граф Шелборн с осуждением высказался о шотландцах: «...этнонация с рождения состоит из печального сборища бессердечных, бесстыдных мошенников»⁶⁰.

Подобные предубеждения разделяло большинство англичан. В Англии XVIII в. существовал архетипичный образ шотландца – «простофили» (*англ.* Sawney). В представлении англичан их северные соседи были «грубы, воинственны, прожорливы и алчны»⁶¹. Антишотландские настроения были особенно сильны после поражения якобитов при Каллодене в 1745 г. и еще более – после 1762 г., когда лорд Бьют был назначен премьер-министром, после чего на страницах журналов и газет начали писать о «шотландском нашествии» на Лондон⁶². В частности, анонимный автор «писем Юниуса» с негодованием писал о короле Георге III, с гордостью назвавшем себя британцем: «Вы манерно отреклись от имени англичанина»⁶³. Не меньшее отторжение шотландского «нашествия» высказывал создатель журнала «Северный британец» Дж. Уилкс. Причина неприятия англичанами шотландцев заключалась также в росте конкуренции в области коммерции, медицины и книготорговли в связи с непрекращающейся миграцией в Лондон жителей севера Британии.

Насколько интеллектуальная элита общества поддерживала и продуцировала антишотландские настроения в условиях инкорпорации Шотландии в единое Королевство Великобритания? Нарочитая английскость Дж. Уилкса, выступавшего с защитой погрязших английских прав, подтверждает, что часть памфлетистов и писателей английского происхождения, высказывались негативно в отношении шотландцев. Обращение к ранее упомянутому Сэмюэлу Джонсону, также «чистокровному англичанину», демонстрирует схожие тенденции. В исследовательской литературе последних десятилетий доминирует точка зрения о том, что представление о скоттофобии Джонсона было сформировано на страницах «Жизни Сэмюэла Джонсона» Дж. Босуэлла. Босу-

⁵⁹ Ibid. P. 684.

⁶⁰ The Price Letters, 1767–1790 // Proceedings of Massachusetts Historical Society. Ser. 17. 1903. P. 359.

⁶¹ Pittock M.G.H. Celtic Identity and the British Image. Manchester, 1999. P. 32.

⁶² Langford P. A Polite and Commercial People... P. 327.

⁶³ The Letters of Junius / Ed. by J. Cannon. Oxford, 1978. P. 161.

элл создал образ лексикографа, чьи суждения были ограничены и полны предрассудков против северных соседей⁶⁴. Однако образ Джонсона в книге Босуэлла содержит немало неточностей и преувеличений в отношении характера и взглядов литератора⁶⁵.

Представление доктора Джонсона о шотландцах было не столь предвзятым, как может показаться на первый взгляд. Разумеется, как и многие современники, он всегда находил повод пошутить по поводу своих северных соседей. Чаще всего знаменитые высказывания Джонсона о шотландцах были насмешкой над устоявшимся в английском обществе карикатурным образом шотландцев. В круг общения литератора входили шотландские интеллектуалы, с которыми он переписывался и поддерживал дружеские отношения. К их числу стоит отнести, помимо Босуэлла, историка Уильяма Робертсона, писателя и историка Тобайаса Смоллетта, философа и основателя политэкономии Адама Смита. Более того, литератор был лично знаком с философом и историком Адамом Фергюсоном, с которым встретился в Эдинбурге 16 августа 1773 г.⁶⁶, а также историком Дэвидом Далримплом, знакомство с которым состоялось в начале 1780-х гг.⁶⁷

Суждения Джонсона о Шотландии и ее жителях были связаны с его представлениями о религии, истории и культуре «мятежного края». Наибольшую антипатию он проявлял к пресвитерианской церкви Шотландии. Шотландская Реформация, в отличие от английской, не была инициирована короной. Напротив, она стала идейным фундаментом для представителей оппозиции, выступавших против католических правлений регента Марии де Гиз и королевы Марии Стюарт в 1561–1567 гг. Именно поэтому Джонсон считал, что пресвитерианская церковь виновна в низвержении королей (Марии Стюарт и Карла I), а также в разграблении церквей. Во время путешествия на Гебриды доктор Джонсон, прогуливаясь вокруг руин собора Сент-Эндрюса, пришел к мысли, что, хотя город «страдал ранее от более чудовищных и серьезных раз-

⁶⁴ Pittock M.G.H. *Scotland // Samuel Johnson in Context / Ed. by J. Lynch.* Cambridge, 2014. P. 329.

⁶⁵ См. напр.: *New Light on Boswell: Critical and Historical Essays on the Occasion of the Bicentenary of The Life of Johnson.* Cambridge, 1991.

⁶⁶ Boswell J. *The Journal of a Tour to the Hebrides with Samuel Johnson,* LL.D. L., 1785. P. 39.

⁶⁷ O'Brien K. *Johnson's View of the Scottish Enlightenment in a Journey to the Western Islands of Scotland // The Age of Johnson: A Scholarly Annual.* 1991. № 4. P. 61.

рушений, но недавние бедствия влияют на него с большей силой. Насилие Нокса и его последователей подобно вторжению Алариха и готов»⁶⁸. О личности лидера шотландской Реформации Джона Нокса (1510–1572) литератор высказывался с особым негодованием, полагая, что Нокс «подстрекал толпу» к действиям, «не представляя, к чему это приведет»⁶⁹. Джонсон также винил пресвитериан в разрушении церквей. Он с укоризной припоминал, как «во время Реформации, чтобы снарядить шотландскую армию, были разграблены две церкви, и свинец был отправлен на продажу в Голландию»⁷⁰. В его представлении пресвитериане отличались «жадностью, лицемерием и глупостью»⁷¹, и именно приверженцы пресвитерианства привели Шотландию в упадок. Поэтому оценки Джонсона Шотландии были негативны: он с разочарованием наблюдал за тем, во что превратилась когда-то процветающая страна. Он видел в истории Шотландии пример того, что могло бы произойти в Англии, если бы протестантский фанатизм возобладал в ходе гражданских войн XVII столетия.

Весьма интересны взгляды Джонсона на Унию 1707 г. Признавая плачевное состояние Шотландии в начале XVIII в., он полагал, что жители Лоуленда, выступавшие за Унию, продали свою страну ради собственного процветания, прибыльных должностей и сомнительных богатств. Как считал Джонсон, Уния стала лучом света для бедных шотландцев, в особенности жителей Хайленда. Он писал: «Пока Уния не вынудила их познакомиться с английскими манерами, обработка земель была неумелой, а их домашняя жизнь – бесформенной, их пища была груба, как на пирах эскимосов, и дома грязны, как хижины готтентотов»⁷². В то же время литератор осуждал алчность шотландцев, особенно ярко проявившуюся после объединения королевств. В письме к миссис Трейл литератор сообщал, что шотландцы жадны до получения «немедленной прибыли, и вовсе не думают выращивать или производить что-то, что нельзя почти сразу съесть или продать»⁷³.

⁶⁸ Johnson S. *A Journey to the Western Islands of Scotland* // *Yale Edition of the Works of Samuel Johnson*. Vol. 9 / Ed. by M. Lascelles. New Haven; L., 1971. P. 10.

⁶⁹ Boswell J. *The Life of Samuel Johnson*, LL.D. L., 1835. Vol. 4. P. 58.

⁷⁰ Johnson S. *A Journey to the Western Islands of Scotland*... P. 25.

⁷¹ Pittock M. *Scotland*... P. 335.

⁷² Johnson S. *A Journey to the Western Islands of Scotland*... P. 28.

⁷³ Johnson S. *To Hester Thrale*, 6 September 1773 // *The Letters of Samuel Johnson*. Oxford, 1992. Vol. 2. / Ed. by B. Redford. P. 64.

Джонсон был убежден в культурном упадке Шотландии середины XVIII в., и даже шотландские друзья едва ли были способны переубедить его в этом. Беседуя с Босуэллом, он отказался обсуждать «Историю Шотландии» У. Робертсона, объяснив это так: «Сэр, я люблю Робертсона, и поэтому не буду говорить о его книге»⁷⁴. Намного критичнее он высказывался о Д. Юме: «Юм и другие скептики – тщеславные люди, потакающие себе любой ценой. Правда – непозволительная пища для их тщеславия, поэтому они прибегают ко лжи»⁷⁵. Более того, Джонсон неоднократно высказывался о Юме как о человеке, который «никогда не читал внимательно Новый Завет»⁷⁶. Литературный «диктатор» Англии порой не желал признавать значимость интеллектуальных достижений шотландских литераторов и философов.

Сложности в кросс-культурной интеграции Англии и Шотландии осознавали и шотландские интеллектуалы. После Каллодена шотландцам стало окончательно ясно, что их будущее связано с Англией. Это предвидел Юм, когда писал в эссе «О национальных характерах» 1748 г.: «Там, где несколько людей объединены в одно политическое тело, случаи их общения должны быть настолько частыми для обороны, торговли и управления, что вместе с одной и той же речью или языком они должны приобретать сходство в своих манерах и иметь общий или национальный характер»⁷⁷. Впрочем, нередко старания шотландцев обустроиться на юге туманного Альбиона не вызывали энтузиазма у англичан и служили поводом для насмешек. Показательным является роман писателя шотландского происхождения Тобайаса Смоллетта «Приключения Родерика Рэндома», опубликованный в 1748 г.

К середине XVIII в. Лондон стал одним из самых привлекательных мест для «северных британцев»⁷⁸ и история Родерика Рэндома, представленная в приключенческом романе Смоллетта на манер Дон Кихота, как нельзя лучше отразила проблемы шотландцев в британской столице. Главный герой романа – «северный британец», сталкивающийся с высоким уровнем ксенофобии в лондонском обществе по отношению к прибывающим в столицу северянам. Приехавший в Лондон Рэндом стереотипно описан

⁷⁴ Boswell J. Life of Johnson. 1998... P. 392.

⁷⁵ Ibid. P. 314.

⁷⁶ Ibid. P. 357.

⁷⁷ Hume D. Of National Characters // Essays and Treatises on Several Subjects. L., 1758. P. 122.

⁷⁸ Gottlieb E. Feeling British... P. 61.

как «жадный, амбициозный и агрессивный шотландец»⁷⁹, постоянно подвергающийся издевательствам от местных жителей и глумлению из-за акцента и внешнего вида, выдававшего его происхождение. Тем не менее, конфликты главного героя с горожанами начали идти на убыль после того, как Рэндом начал все более и более адаптироваться к столичной жизни и подражать англичанам, маскируя собственную «шотландскость».

В романе Смоллетт продемонстрировал возможности интеграции шотландцев, их превращения в истинных «северных британцев» – жителей единого Королевства Великобритания. Симпатии английских читателей оказывались на стороне главного героя, что, по сути, служило одним из способов преодоления антишотландских настроений среди англичан. Популярность романа также этому содействовала: в январе 1748 г. в типографии Уильяма Страхана было выпущено 2 тыс. экземпляров романа никому неизвестного автора, после чего последовали многократные переиздания романа (апрель 1748 г., январь 1750 г., август 1754 г.)⁸⁰.

Для многих шотландских интеллектуалов на протяжении всего XVIII в. была характерна «культурная шизофрения»⁸¹ – инкорпорация Шотландии в Британское государство приводила их к лавированию между попытками ассимилироваться в англоязычной среде и стремлением сохранить шотландскую культурную идентичность. Хотя в научной литературе нет устоявшейся точки зрения по поводу взглядов Босуэлла на Шотландию и особенностей его культурной идентичности⁸², можно смело предполагать, что подобная «культурная шизофрения» отражена в биографии Босуэлла, реального воплощения Родерика Рэндома.

В 1762 году Джеймс Босуэлл был повесой двадцати двух лет, смутно представлявшим свой дальнейший жизненный путь.

⁷⁹ Shields J. *Smollett's Scots and Sodomites: British Masculinity in Roderick Random* // *The Eighteenth-century*. 2005. Vol. 46. № 2. P. 175.

⁸⁰ Boucé P.-G. Introduction // Smollett T. *The Adventures of Roderick Random*. Oxford, 1999. P. XIII–XIV.

⁸¹ Sorensen J. *The Grammar of Empire in Eighteenth-century British Writing*. Cambridge, 2000. P. 6.

⁸² В коллективной монографии под редакцией И.М. Ластиг он представляется «гражданином мира», часть авторов (К. Симпсон, Т. Кроуфорд) признают важную роль идентификации Босуэлла как шотландца, несмотря на наличие англофильских взглядов. Э. Готтлиб полагает, что Босуэлл скорее считал себя «истинным британским гражданином». См.: Boswell: *Citizen of the World, Man of Letters* / Ed. by I.M. Lustig. Kentucky, 2009; Pittock M.G.H. *James Boswell*. Aberdeen, 2015. P. 10–13; Gottlieb E. *Feeling British...* P. 132.

Именно в этот год он повторно отправился в Лондон⁸³ в поисках лучшей доли. Дневник, который вел Босуэлл в 1762–1763 гг., свидетельствует о постоянном поиске собственной новой идентичности. Нередко Босуэлл стремился держаться в стороне от других шотландцев: «я пришел к заключению, что мне не следует находиться слишком часто в компании шотландцев, потому что я не могу научиться правильно говорить по-английски и потому что они мешают моему разуму наполниться образами Лондона»⁸⁴. Босуэлл пытался походить на жителей Лондона, однако это не подразумевало полное забвение им собственного шотландского происхождения. Хотя его едва ли принимали за шотландца, он часто оказывался свидетелем ненависти англичан к шотландцам. 8 декабря 1762 г., посетив Ковент-Гарден, он стал очевидцем следующей сцены. «Незадолго до начала увертюры, в зал вошли два хайлендских офицера. Толпа с верхней галереи взревела “Никаких шотландцев! Никаких шотландцев! Уходите!” и начала забрасывать их яблоками. Мое сердце прониклось сочувствием к соотечественникам, моя шотландская кровь вскипела от негодования. Я вскочил на лавку, выкрикнул: “Черт вас побери, негодяи”, – и был в ярости. <...> Я ненавидел англичан; я всей душой хотел, чтобы Уния была разорвана, и мы могли устроить им еще одну битву при Бэннокберне»⁸⁵. Вопреки желанию стать неотъемлемой частью столичного общества, Босуэлл не был готов терпеть оскорбления, адресованные другим шотландцам.

Дневник Босуэлла практически не затрагивает исторический контекст 1762–1763 гг., крайне важный для понимания проблем англо-шотландской интеграции в этот период. Нахождение лорда Бьюта на посту премьер-министра и заключение Парижского мира стало одним из стимулов к всплеску английского национализма и негодования по отношению к шотландцам. Джон Уилкс уверял читателей «Северного британца» в предательстве короля и нашествии шотландцев на Лондон. Ответом на разжигание антишотландских настроений становятся статьи Т. Смоллетта в газете «Британец», издаваемые еженедельно с 29 мая 1762 г. вплоть до

⁸³ О первой поездке Босуэлла в Лондон в 1760 г. сохранилось мало свидетельств. Э. Готтлиб пишет о том, что поездка превратилась в «трехмесячный запой, кутеж и высокопарное общение» с Дэвидом Гарриком и Лоренсом Стерном, из-за чего отец Джеймса, 8-й лорд Окинлек, настоял на его возвращении в Эдинбург. – Gottlieb E. *Feeling British...* P. 102.

⁸⁴ Boswell's *London Journal 1762–1763* / ed. by F.A. Pottle. L., 1982. P. 191.

⁸⁵ Ibid. P. 78.

заключения Парижского мира⁸⁶. Тексты Смоллетта, не получившие столь массового распространения, как работы Уилкса, свидетельствовали о желании писателя поддержать значимость Унии 1707 г. и англо-шотландского единства в Королевстве Великобритания. В представлении Смоллетта идеальный гражданин должен стремиться не к своекорыстию и идентификации с определенной группой населения, а к самоотверженной борьбе за интересы британцев в целом. Таким гражданином стал для него лорд Бьют. Впрочем, отставка премьер-министра и отсутствие интереса к политическим статьям Смоллетта у читающей публики не способствовали росту популярности юнионистских идей.

В 1760-е гг. Д. Юм также не тешил себя надеждой на то, что предубеждения англичан против шотландцев будут скоро изжиты. В письме от 5 сентября 1765 г. к Адаму Смиту, Юм писал о непростой судьбе любого шотландца в Англии:

«Париж – самый приятный город в Европе, и он подходит мне больше всего, но это другая страна. Лондон – столица моей страны; но он никогда не радовал меня. <...> шотландцев ненавидят: суеверия и невежество с каждым днем набирают силу»⁸⁷.

Адам Смит был иного мнения о ситуации в столице Британии, о чем сообщил в ответном письме к Юму:

«Ваши предубеждения против Лондона кажутся мне безосновательными. Ненависть к шотландцам может существовать в настоящее время только среди самых глупых людей, и это такая чепуха, что она не может не вызывать сомнений. Шумиха против Вас из-за деизма, без сомнения, сильнее всего в Лондоне, где Вы туземец и, следовательно, можете претендовать на все, в отличие от Парижа, где, как иностранец, Вы ни на что не можете претендовать. <...> Я очень заинтересован в том, чтобы Вы поселились в Лондоне, где, вопреки неоднократным решениям вернуться в Шотландию, я думаю, что, скорее всего, поселись сам»⁸⁸.

Однако его намерения не осуществились: и Юм, и Смит по возвращении из Франции остановились в Эдинбурге, ставшем главным очагом просветительского движения на Британских островах.

⁸⁶ Fabel R. The Patriotic Briton: Tobias Smollett and English Politics, 1756–1771 // Eighteenth-Century Studies. 1974. Vol. 8. № 1. P. 109.

⁸⁷ A Letter from David Hume, Paris, 5 Sept. 1765 // The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith / Ed. by E.C. Mossner, I.S. Ross. Indianapolis, 1987. P. 107.

⁸⁸ A Letter to David Hume, Toulouse (?), Sept. 1765 // The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith... P. 108.

К числу важнейших проблем, препятствовавших функционированию единого британского государства, относится Хайленд. После 1745–46 гг. одной из первоочередных задач для правительства были «улучшения» в Горной Шотландии, направленные на окончательное решение проблемы – устранение угрозы мятежа и иностранного вторжения, что нашло отражение как в интеллектуальной колонизации Хайленда, так и в политических и экономических преобразованиях на севере Британии⁸⁹. Английские и шотландские интеллектуалы стали свидетелями этих процессов, однако далеко не все из них оценивали интеграцию Горной Шотландии в состав Великобритании положительно.

Английским первооткрывателем «умиротворенного» Хайленда стал доктор Джонсон, совершивший вместе с Босуэллом осенью 1773 г. вояж в эти земли. Оба путешественника оставили заметки о поездке, но восприятие этих текстов в шотландском обществе было диаметрально противоположным. «Путешествие по Западным островам Шотландии» С. Джонсона было раскритиковано шотландскими читателями, посчитавшими, что текст английского лексикографа оскорбляет шотландцев: «что он [Джонсон] написал с намерением оклеветать шотландскую нацию – очевидно; и отчет, который он дает о своем путешествии, показывает, с каким упрямством и надменной злобой он упорствовал в достижении этой цели. Каждая строка полна предубеждений»⁹⁰. Ироничные заметки Джонсона о том, что «дерево – такая же редкость в Шотландии, как и лошадь в Венеции»⁹¹, о безопасности путешествия по пустынным шотландским просторам⁹² и многом другом⁹³, привели некоторых шотландцев в яростное негодование.

⁸⁹ Малкин С.Г. Лаборатория империи: мятеж и колониальное знание в Великобритании в век Просвещения. М., 2016. С. 556.

⁹⁰ M'Nicol D. Remarks on Dr. Johnson's Journey to the Hebrides; in which are contained, Observations on the Antiquities, Language, Genius, and Manners of the Highlanders of Scotland. L., 1779. P. 371.

⁹¹ Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland... P. 10.

⁹² Джонсон писал: «И день, и ночь были одинаково безлюдны и безопасны, ибо там, где так мало путешественников, откуда взяться грабителям» (Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland... P. 13).

⁹³ «Немного прошло времени с тех пор, когда кланы не знали никакого закона, кроме воли лэрда», – утверждал Джонсон после визита на остров Скай. Однако после 1745 г. «кланы едва сохраняют свой оригинальный характер, их жестокий нрав смягчен, их военный пыл погашен, их независимость подавлена, их презрение к правительству приглушено, их благоговение перед вождями ослаблено. Из всего, что они имели до завоевания их

Текст Босуэлла, опубликованный в 1785 г. уже после смерти Джонсона, не вызвал такого отклика у публики. Во многом это связано с намерением Босуэлла изложить в журнале путешествия по Гебридам взгляды Джонсона и отрывки его разговоров с местными жителями и шотландскими просветителями (Фергюсон, Робертсон и др.), в то время как труд Джонсона представляет собой этнографические заметки. Именно поэтому Джонсон порой относился к горцам так, словно бы «они были эскимосами, сибирскими кочевниками, американскими индейцами и тихоокеанскими дикарями»⁹⁴. Босуэлл стремился подчеркнуть такое отношение к местным жителям и ограниченность воззрений Джонсона, что показывало самого шотландца в крайне выгодном свете – как «гражданина мира», свободного от предрассудков⁹⁵.

Действительно, вопреки стремлению беспристрастно поведствовать об жизненном укладе шотландцев и описывать кризис клановой системы Хайленда Джонсон постоянно подчеркивает пользу контактов северных соседей с англичанами. Даже Оливер Кромвель, о котором литератор никогда не был высокого мнения, выглядел спасителем шотландцев. «То, что римляне сделали для других народов, то в значительной степени сделано Кромвелем для шотландцев, завоевывая, он дал им цивилизацию и путем насилия научил искусству мира»⁹⁶ – считал автор «Путешествия...». Таким образом, Джонсон остался убежден, что жители Хайленда – это «народ, едва вышедший из состояния варварства»⁹⁷ и ступивший на путь цивилизации благодаря англичанам.

О постепенной ликвидации различий между Хайлендом и остальным британским государством писал и А. Смит в одной из последних редакций «Теории нравственных чувств». Он отмечал, что разница между «двумя странами становится меньше и меньше каждый день»⁹⁸, подразумевая Англию и Шотландию. В этом контексте Смит упоминает и Горную Шотландию, понимая необратимость процессов разрушения «пасторального» общества Хайленда и коммерциализации отношений в северной Шотландии.

страны, остаются лишь их язык и бедность» (Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland... P. 57).

⁹⁴ Curley T. Samuel Johnson and the Age of Travel. Athens, 2009. P. 184.

⁹⁵ Gottlieb E. Feeling British... P. 128.

⁹⁶ Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland... P. 27.

⁹⁷ Clark J.C.D. Samuel Johnson: Literature, Religion and the English Cultural Politics from the Restoration to Romanticism. Cambridge, 1994. P. 220.

⁹⁸ Smith A. The Theory of Moral Sentiments. N.Y., 1966. P. 327.

По сути, и Джонсон, и Смит ностальгически вспоминают о недавних временах, когда Хайленд представлял собой особое общество, отличное от экономически развитого Лоуленда или Англии, в некотором смысле повторяя миф о романтической полуцивилизованной стране, ассоциирующейся с кланами, туманными горными пейзажами, вереском у берегов Лох-Несса, звуками волынки и песнями на гэльском языке. Однако оба интеллектуала признавали невозможность возвращения былых времен господства клановой структуры и примитивных общественных отношений, что свидетельствует о признании постепенной интеграции в состав королевства даже самых отдаленных частей Британии.

Шотландские интеллектуалы готовы были признать политическое и экономическое превосходство Англии над Шотландией и статус младшего партнера в британском союзе. Однако угроза полной культурной ассимиляции, ставшая вполне реальной после начала политики «умиротворения» Хайленда и попыток «стирания его исторической самобытности»⁹⁹, приводит к желанию шотландцев обратиться к древнему прошлому, отыскать в нем то, что позволило бы противостоять если не политическому, то культурному доминированию Англии. Таким средством стали «Поэмы Оссиана», продемонстрировавшие хрупкость культурной интеграции Англии и Шотландии во второй половине XVIII в.

«Поэмы Оссиана», опубликованные шотландским поэтом Джеймсом Макферсоном (1736–1796) в 1761–1763 гг., были представлены на суд британской читающей публики в качестве аутентичного перевода сохранившихся рукописных фрагментов поэм и устных преданий жителей Хайленда. Макферсон именовал автором сохранившихся поэм легендарного каледонского барда Оссиана, сына кельтского героя Фингала (или Финна Маккула), жившего в III в. н.э. «Поэмы» имели сенсационный успех в европейских литературных кругах. Однако, чем большую популярность приобретали поэмы Оссиана на Британских островах и в Европе, тем ожесточеннее становилась дискуссия о подлинности текстов, разросшаяся в Британии до масштаба «национальной культурной войны»¹⁰⁰. Поэмы воспринимались как вызов для англичан, как оскорбление их гордости и культурного превосходства над шот-

⁹⁹ Womack P. *Improvement and Romance: Constructing the Myth of the Highlands*. Basingstoke, 1989. P. 4.

¹⁰⁰ Curley Th.M. *Samuel Johnson, the Ossian Fraud, and the Celtic Revival in Great Britain and Ireland*. Cambridge, 2009. P. 1.

ландцами, которые отныне могли апеллировать к своему кельтскому происхождению и более развитой древней культуре.

Современные исследователи признают авторство поэм за Макферсоном: «почти три четверти его работ не имеют идентифицируемых аналогов в гэльской традиции. <...> Он никогда не переводил буквально и, за исключением нескольких случаев, никогда не пересказывал по существу»¹⁰¹. Тем не менее, сам переводчик настаивал на аутентичности произведений, благодаря обнаружению которых к нему пришла слава.

Возможно, что ожесточенная полемика о подлинности и мнимости творений Оссиана могла бы не состояться, если бы не стремление Макферсона сознательно удревнить время происхождения поэм и продемонстрировать их значимость для гэльской культуры. В тексте «Рассуждений о древности и других особенностях поэм Оссиана», который предварял публикацию перевода в 1761 г., поэт утверждал, что действия поэм относятся к III в. н.э. и описывают время, когда «некоторые искатели приключений из тех частей Британии, что находятся в пределах видимости от Ирландии, переправились туда и стали родоначальниками ирландской нации»¹⁰². История об этом, согласно Макферсону, дошла до нас благодаря бардам. Древние шотландцы, народ, «не смешивавшийся с чужестранцами и столь приверженный к памяти предков», сохранил «в великой чистоте сочинения бардов»¹⁰³, в том числе поэмы Оссиана. Кроме того, как сам переводчик, так и его современники сопоставляли обнаруженные поэмы с великим эпическим творением далекого прошлого – поэмами Гомера¹⁰⁴. Гений Оссиана приравнивался к гению Гомера и демонстрировал величие древней гэльской культуры, которая была сокрыта столь долгое время в отдаленных уголках Хайленда.

Практически сразу после публикации поэмы Оссиана стали предметом национальной гордости в северной Британии. С восторженными отзывами на поэмы выступил профессор Эдинбургского университета и священник Хью Блэр (1718–1800), опубли-

¹⁰¹ Ibid. P. 27.

¹⁰² Макферсон Дж. Поэмы Оссиана / Под ред. Ю.Д. Левина. Л., 1983. С. 7.

¹⁰³ Там же. С. 14.

¹⁰⁴ В работах, посвященных оссиановской тематике, также нередко проводятся параллели между Оссианом и Гомером. Так, американский историк К. Дуэ подчеркивает, что «изобретение Оссиана» позволило Макферсону создать кельтского Гомера, чьи творения могут быть соизмеримы с гением древнего поэта. См.: Dué C. Invention of Ossian // *Classics*. 2005. № 3. P. 1–46.

ковавший «Критическое размышление о поэмах Оссиана, сына Фингала» (1763). Автор «Критических размышлений» с воодушевлением писал о поэмах и блестящей работе Макферсона: «перевести такие пылкие и одухотворенные мысли с одного языка на другой; перевести дословно, но с таким поэтическим запалом; передать столько страсти и сохранить величие и достоинство текста – нелегкий труд, доказывающий, что переводчик был поистине вдохновлен Оссианом»¹⁰⁵.

Блэр занимал исключительное место в литературном мире Эдинбурга и нередко именовался «литературным диктатором севера»¹⁰⁶ в противовес доктору Джонсону – «литературному диктатору Англии» и впоследствии одному из самых жестких критиков труда Макферсона. К мнению Блэра о поэмах как о блестящих образцах гэльской поэзии прислушались представители «избранного кружка» Эдинбурга – просветители, литераторы и историки Д. Юм, Г. Хоум, У. Робертсон и А. Смит. К примеру, в письме от 19 сентября 1763 г. Юм сообщал Блэру о том, что у него есть «свои особые причины верить в подлинность поэм»¹⁰⁷.

И все же легендарный Оссиан нарушил мир среди британских антикваров и историописателей, отказав Ирландии в праве считаться родиной гэлов. Отныне на это звание претендовала Шотландия. Макферсон спровоцировал начало «кельтского возрождения», поскольку вынудил ирландцев выступить против спекуляций о преимуществе Хайленда в формировании гэльской культуры Британских островов. Переводчик попытался удреветить поэмы Оссиана, упоминая в них о крещении Ирландии св. Патриком. Чтобы унижить Ирландию еще больше, он высказал предположение, что кельты Шотландии «были предками ирландцев»¹⁰⁸.

Первым критиком «создателя» «Оссиана» стал англичанин. Преподобный Фердинандо Уорнер (1703–1768) 2 февраля 1762 г. опубликовал «Замечания относительно древности поэм Оссиана,

¹⁰⁵ Blair H. A Critical Dissertation on the Poems of Ossian, the Son of Fingal. L., 1763. P. 75.

¹⁰⁶ Saunders B. Life and Letters of J. Macpherson. L.; N.Y., 1894. P. 73.

¹⁰⁷ Copy of a Letter from David Hume, Esq. to the Reverend Dr Hugh Blair, on the subject of Ossian's Poems, 19th Septem. 1763 // Report of the Committee of the Highland Society of Scotland Appointed to Inquire Into the Nature and Authenticity of the Poems of Ossian. Edinburgh, 1805. P. 5.

¹⁰⁸ Macpherson J. A Dissertation Concerning the Antiquity of the Poems of Ossian the Son of Fingal // Fingal, an Ancient Epic Poem. In Six Books: Together with Several Other Poems, composed by Ossian the Son of Fingal. Dublin, 1762. P. III.

сына Фингала»¹⁰⁹, где утверждал, что поэмы – всего лишь переложение ирландского литературного наследия на шотландский манер. Вслед за Уорнером поэмы Макферсона осудили ирландцы. Историк Чарльз О'Конор (1710–1791) в «Рассуждениях об истории Ирландии... с некоторыми замечаниями о переводе Фингала и Теморы мистером Макферсоном»¹¹⁰, опубликованных 24 марта 1766 г., обнаружил основную проблему поэм Оссиана не в подлоге, о чем впоследствии откровенно говорил Джонсон, а в неправильном понимании переводчиком истории, иронически подметив, что бесписьменное общество Хайленда просто не могло сохранить изначальную чистоту «оссиановского гэльского языка, диалекта, удержавшегося от загрязнений только благодаря устной традиции, и, к счастью, оберегавшегося от оплошностей переписчиков, создавших бы в течение тысячи лет такие ошибки, которые ученый с трудом мог бы исправить»¹¹¹. Этот аргумент стал важным шагом вперед в развенчании фальсификации поэм Оссиана. Впервые была высказана идея, что собиратель поэм Макферсон является их автором. Доктор Джонсон был куда строже к оссиановским творениям Макферсона, полагая, что написать такие поэмы «могут многие мужчины, многие женщины и многие дети»¹¹². Осознавая масштабы литературной мистификации, Джонсон с презрением смотрел на всех «чувствительных» участников спора о подлинности поэм. Хотя оба, и О'Конор, и Джонсон, не доверяли устной традиции, очевидно, что последний оценивал достоинства труда Макферсона намного ниже.

Спор о подлинности поэм разгорелся с новой силой, когда работа однофамильца автора «Поэм Оссиана», шотландского антиквара Джона Макферсона (1710–1765), под названием «Критические рассуждения о происхождении, древностях, языке, политическом строе, нравах и религии древних каледонцев, их потомков пиктов и британских и ирландских шотландцев»¹¹³, была

¹⁰⁹ Warner F. Remarks on the History of Fingal, and other Poems of Ossian. L., 1762.

¹¹⁰ O'Conor Ch. Dissertations on the History of Ireland, to Which is Subjoined a Dissertation on the Irish Colonies Established in Britain with Some Remarks on Mr. MacPherson's Translation of Fingal and Temora. Dublin, 1766.

¹¹¹ O'Conor Ch. Dissertations... P. 42–43.

¹¹² Boswell J. Life of Johnson... 1998. P. 280.

¹¹³ Macpherson J. Critical Dissertations on the Origin, Antiquities, Language, Government, Manners, and Religion, of the Ancient Caledonians, Their Posterity the Picts, and the British and Irish Scots. L., 1768.

в 1768 г. опубликована его сыном Джоном Макферсоном (1745–1821). В этом трактате антиквар обвинял О'Конора и его единомышленников-антикваров в том, что они осмелились отказать Шотландии в праве называться гэльской родиной. Вдохновившись примером, Джеймс Макферсон, автор «Оссиана», опубликовал в 1771 г. «Введение в историю Великобритании и Ирландии»¹¹⁴, где подвергал сомнению любые доказательства того, что в Ирландии вообще существовала дохристианская цивилизация.

О'Конор прокомментировал «Критические размышления» Джона Макферсона в работе, опубликованной как предисловие к трудам ирландского историка XVII в. Родерика О'Флаэрти¹¹⁵. Он все также иронично относился к попыткам шотландцев возвысить свое национальное прошлое. Более того, историк всецело выступил на стороне литературного «диктатора» Англии, написав, что «некоторые наблюдения доктора Джонсона во время его путешествия по Западным островам Шотландии пролили свет на происхождение поэм, приписываемых Оссиану»¹¹⁶.

Действительно, с самой яростной критикой на поэмы Оссиана обрушился доктор Джонсон. Он назвал труд Джеймса Макферсона заурядным сочинением «лжеца и очернителя»¹¹⁷, а литераторов-защитников поэм – шотландцами, для которых «Шотландия дороже правды»¹¹⁸. Желая убедиться в правильности своего вердикта в отношении поэм, Джонсон отправился в 1773 г. в путешествие по Хайленду, чтобы собственными глазами взглянуть на потомков древнего барда и описать их.

Свой окончательный вердикт он вынес в 1775 г. в тексте «Путешествия по западным островам Шотландии»:

«Я полагаю, что мое мнение о поэмах Оссиана уже известно. Я считаю, что они никогда не предстанут перед нами в какой-либо иной форме, кроме как в той, что мы видим сейчас. Редактор, или автор, он никогда не сможет предъявить нам оригинал, как не может показать его кто-либо другой. <...> Было бы легко показать его, если он

¹¹⁴ Macpherson J. An Introduction to the History of Great Britain. L., 1771.

¹¹⁵ O'Conor Ch. Ogygia Vindicated: Against the Objections of Sir George Mac Kenzie, King's Advocate for Scotland in the Reign of King James II. (A Posthumous Work) by Roderic O'Flaherty, Esq; to which is annexed an Epistle from John Lynch, D.D. to M. Boileau, the Historian of the University of Paris, on the Subject of Scottish Antiquities. With Notes, critical and explanatory, on Mr. O'Flaherty's Text. Dublin, 1775. P. 25–48.

¹¹⁶ O'Conor Ch. Ogygia Vindicated... P. XIV.

¹¹⁷ Saunders B. Life and Letters of J. Macpherson... P. 249.

¹¹⁸ Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland... P. 119.

имелся, но откуда ему взяться? Прошло слишком много времени, чтобы что-то могло дойти до нас в неизменном виде на языке, на котором никогда ничего не записывалось. Без сомнения, он использовал в своих работах распространенные в историях имена легендарных личностей, и, возможно, перевел несколько баллад, если они нашлись. А имена и некоторые ранее запомнившиеся образы позволяют невнимательному слушателю при помощи каледонского фанатизма вообразить будто он уже слышал эту поэму. <...> Быть невежественными неприятно, но куда более опасно утешать себя опиумом поспешных заблуждений. <...> Если мы мало знаем о древних горцах, давайте не будем заполнять пустоту Оссианом»¹¹⁹.

Таким образом, Джонсон утверждал, что поэмы являются подделкой, поскольку Оссиан был «варваром среди варваров»¹²⁰, а гэльский язык является «грубой речью варварского народа»¹²¹. Обвинения в подложности «Оссиана» Макферсон воспринял как личное оскорбление и стремился не допустить выхода в свет «Путешествия...». Он неоднократно писал об этом издателю «Путешествия...», что, впрочем, не возымело никаких последствий. Уязвленный Макферсон написал публичное письмо о том, что «возраст и недуги (Джонсона) – единственное, что защищает от обращения к нему как к бесславному лжецу и очернителю»¹²². На столь дерзостный выпад Джонсон ответил, что считает нужным обращать внимание не на то, что Макферсон говорит, а на то, что он докажет¹²³. Подлинные образцы поэм так и не были предоставлены шотландским поэтом, что убеждало Джонсона в истинности его собственных утверждений.

Дискуссия об аутентичности поэм Оссиана переросла в полемику о национальной чести и гордости англичан, ирландцев, валлийцев и шотландцев, а также роли каждого этноса в составе Британии. Как отметил К. Кидд, поэмы Макферсона – наиболее яркий пример «этнологической путаницы», позволившей шотландцам гордиться своим кельтским прошлым¹²⁴. Такая интерпретация шотландского прошлого дала возможность продемонстрировать превосходство над ирландской гэльской традицией. Попытка переписать шотландскую историю, принижая ирланд-

¹¹⁹ Ibid. P. 118–119.

¹²⁰ Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland... P. 116.

¹²¹ Ibid. P. 114.

¹²² Saunders B. Life and Letters of J. Macpherson... P. 249.

¹²³ Boswell J. Life of Johnson... 1998. P. 579.

¹²⁴ Kidd C. British Identities Before Nationalism: Ethnicity and Nationhood in the Atlantic World, 1600–1800. Cambridge, 2004. P. 200.

скую, привела к ожесточенной полемике интеллектуалов и положила начало «битвы» окраин Британии за кельтское прошлое.

После Унии 1707 г. на карте Европы появилось Королевство Великобритания, объединившее Англию и Шотландию в единое политическое образование. Тем не менее, постепенный процесс политической и экономической интеграции, инкорпорации Шотландии в состав объединенного королевства не привел к стиранию культурных различий внутри Британии. Это осознавали и английские, и шотландские интеллектуалы, отмечая существование предрассудков англичан в отношении шотландцев. Антишотландские настроения нередко использовались в политических целях, как, например, в случае с Дж. Уилксом, сражавшимся против «шотландского нашествия» на Лондон в 1760-х гг. Стереотипы о шотландцах сохранялись и в качестве анекдотов, отраженных в «Жизни Сэмюэла Джонсона» Дж. Босуэлла. Подобные нарративы не могли не влиять на сохранение и поддержание антишотландских предубеждений в английском обществе.

Английские интеллектуалы не были готовы признать равенство англичан и шотландцев в едином государстве. Так, доктор Джонсон был убежден, что шотландцы получили множество преимуществ, присоединившись к Англии, и должны по праву гордиться этим. Это проявлялось как в отрицании достижений шотландских просветителей, так и в готовности сражаться пером против мнимых «поэм Оссиана».

Шотландские просвещенные элиты, напротив, были носителями двух идентичностей: политической, подразумевающей приверженность британской короне и интересам империи, и культурной, предполагающей готовность интеллектуалов шотландского происхождения бороться за прошлое и культуру Шотландии. По этой причине представители Шотландского Просвещения отчаянно защищали «поэмы Оссиана» и право называть себя родной гэлов, превосходящих предков англичан или ирландцев.

Таким образом, складывание Британской империи не привело к стиранию противоречий между англичанами и шотландцами и в XVIII столетии способствовало оформлению ярко выраженной дихотомии в идентификации жителей Англии и Шотландии. Для англичан, как представителей титульной нации, оказывается характерен дискурс превосходства, в связи с чем большинство английских интеллектуалов не стремилось к поддержанию диалога с северными соседями как равными партне-

рами в едином государстве. Шотландцы были поставлены перед необходимостью поиска новой самоидентификации, которая отразилась в своеобразной «культурной шизофрении» - готовности шотландцев внести вклад в формирование общebritанской культуры и одновременного нежелания предать забвению шотландское прошлое.

5.3. ПРОЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ УКРАИНЫ (МАЛОРОССИИ) В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РОССИЙСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Ключевой проблемой в изучении российско-украинских отношений XVII–XVIII вв. является объяснение ликвидации автономии Гетманской Украины и успешной интеграции украинской казацкой элиты в состав российского дворянства во второй половине XVIII в. Решение этой проблемы тесно связано с пониманием того, чем стало для украинских земель и местных сословных групп вхождение в состав Российского государства в 1654 г. в исторической перспективе. До сих пор актуальным историографическим трендом является мнение о закономерном и поэтапном уничтожении украинской (национальной/казацкой) государственности¹²⁵. Проблемным местом подобной социологической модели является то, что крах государственности произошел без каких-либо потрясений или значимых выступлений противников таких процессов. Что могло обеспечить подобную эффективность процессов интеграции и одновременно девальвацию казацкой государственности (автономии) в представлениях украинской казацкой элиты? Сыграл ли свою роль европейский идейный (колониальный) трансфер?

Интересные ответы на столь непростой вопрос можно получить при обращении к проектам интеграции Гетманской Украины, подготовленным российскими интеллектуалами первой половины XVIII в. Заранее следует оговориться, что на тот момент *интеллектуалов* в привычном нам понимании (как чистых мыслителей, экспертов) не существовало, подобная сфера деятельно-

¹²⁵ Когут З.Е. Російський централізм і українська автономія: Ліквідація Гетьманщини, 1760–1830. Київ, 1996; Український Гетьманат: нариси історії національного державотворення XVII–XVIII ст. У 2 кн. / Відп. ред. В. Смолій. Київ, 2018. Кн. 1.

сти находилась в стадии становления и эмансипации. По этой причине мы имеем дело с интеллектуалами-администраторами (чиновниками /государственными служащими), которые от имени государства осуществляли разного рода управленческие функции и поручения. Естественной составляющей этоса такого рода администраторов и порученцев являлось не только чтение актуальной философской и политической литературы, знание языков, но и склонность к политическому теоретизированию, которую они стремились реализовать на практике, т.е. *прожектерству*. В таком ключе перед нами предстает целая плеяда интеллектуалов-администраторов от Д.М. Голицына до А.И. Остермана, для которых проблема интеграции Гетманской Украины становилась важной точкой приложения интеллектуальных сил.

Первым, кто иначе (в сравнении с предшествующим временем) посмотрел на необходимость дальнейшей интеграции Гетманской Украины и усиление контроля за казацкой элитой стал князь Дмитрий Михайлович Голицын (1665–1737). Один из видных государственных деятелей первой трети XVIII в., обладатель крупнейшей и уникальной библиотеки в России. С Гетманской Украиной Голицына связывала административная карьера и интеллектуальные потребности. Долгое время (1707–1718) он являлся киевским воеводой, а затем и киевским губернатором. По долгу службы Голицын являлся одной из ключевых персон, ответственных за безопасность границ России с Крымом и Польшей, он внимательно собирал сведения о действиях неприятеля в регионе, а также о настроениях украинского казачества. Помимо этого, Голицын по своей инициативе заказывал у руководства Киево-Могилянской академии переводы актуальных сочинений по мировой истории и общественно-политической мысли¹²⁶.

Важным фактором, который повлиял на появление проекта кн. Д.М. Голицына, стал переход гетмана И.С. Мазепы на сторону шведского короля (осень 1708 г.). Следствием этого политического решения стала не только дестабилизация военно-политической обстановки на южных границах России, но и временный *кризис доверия* к казацкой элите, лояльность которой российскому престолу вызывала сомнения. Все это нашло отражение в про-

¹²⁶ Словарь писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999. С. 137–138, 490. См. также: Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург, 2016. С. 85–89, 139–142, 195.

екте Голицына. Поводом для его появления стал слух, зафиксированный в сообщении бывшего чигиринского сотника В. Невенчанного, о возможных изменнических настроениях украинской старшины. Оперативно реагируя на полученные сведения, Голицын изложил канцлеру Г.И. Головкину ряд предложений по поводу усиления контроля за регионом и его элитой в пространным письме от 17 февраля 1710 г. В свое время этот документ подробно, но с некоторыми купюрами и стилистическими упрощениями пересказал С.М. Соловьев¹²⁷. В частности, известный русский историк использовал его фрагменты в качестве примера недовольства введением института резидентов, хотя в письме речь шла совершенно о другом. Также была опущена вводная часть, которая скорее всего и заставила Голицына упомянуть слух бывшего сторонника И.С. Мазепы¹²⁸.

Свое письмо Д.М. Голицын начинал с плохих новостей, пришедших с южного (крымско-турецкого) фронта. Они касались экстренных мер, проводимых турецкими властями по предотвращению бунтов во Влахии, и возможного перехода территории вместе с господарем под власть российского царя (арест господаря и обещание налоговых льгот местному населению), а также поимки шведского шпиона в чине унтер-офицера. Голицына особенно волновало то, что новый и лояльный туркам господарь из рода Маврокордато (Шкарлат) в любой момент якобы мог поставить под ружье 15 тыс. чел. по приказу султана¹²⁹. Только после этого он переходил к пересказу о том, что ему «доказывал» чигиринский сотник В. Невенчанный. С его слов выходило, что гетманский посланец Я. Подольский публично выражал недовольство политикой российского правительства, сокрушаясь по поводу неудачи гетмана И.С. Мазепы из-за чего якобы пострадали казацкие вольности. По этой причине нынешний гетман И.И. Скоропадский собирался по весне (когда выйдут с зимних квартир российские войска) поднять вопрос о сохранении казацких прав, а в противном случае «иное... думать». Дополнительной нервозности придавали ссылки на возможное нападение на Украину запорожцев во главе с наказным кошевым атаманом Я. Богушем (Бу-

¹²⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 15 кн. М., 1962. С. 349–350.

¹²⁸ См.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 2. М., 1952. Кн. 8. Т. 15–16. С. 864.

¹²⁹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1710 г. Д. 18. Л. 1–1 об.

гушем) в союзе с татарами. Голицын заверял своего собеседника, что без турецкой помощи «черкасы ничего, чаю, ныне учинить не могут»¹³⁰. Однако, понимая, что в казаках «такое злое дело есть», Голицын считал необходимым подробно изложить свой план действий, направленный на то, чтобы «то мнение из них вывесть»¹³¹.

Суть этого плана сводилась к тому, «чтоб между полковниками и гетманом учинить несогласие и не на всякое прошение гетман был удовольствован». Это касалось ситуаций, когда гетман просил бы наградить деревнями и мельницами кого-либо из своих выдвиженцев, далее следовало лишить должностей всех, кто в «измене были», а на их место поставить тех, кто «хотя малую службу к государю показали». По мысли Голицына, все это ослабит влияние гетмана после чего, поняв, что «гетман такой власти не будет иметь, как Мазепа», начнут приходить доносители («изветчики»). В отношении последних следовало не показывать «суровости», ибо «хотя два с ложью придут, а суровости им не показано, будет третьей, на то смотря, и с правдою придет и ис того гетман и старшина будут иметь опасение».

В качестве наглядного примера Голицын ссылаясь на случай с полтавским полковником И.Ф. Чарнышем, мужем гетманской падчерицы, на которого «целым полком доводят... измену». Также Чарныша, согласно Голицыну, «гетман... защищает». Несмотря на то, что из гетманских писем было известно, чем занимался Чарныш после Полтавской баталии и не был замешан в измене, Голицын рекомендовал принять донос на него и допросить о его миссии в Крыму в период измены, чтобы узнать дополнительные сведения о запорожцах. Свои сомнения в той непростой военно-политической обстановке Голицын высказывал и по отношению к гетману И.И. Скоропадскому, который якобы «всякими способами внушает злобу на тех, которые хотя мало к нам склонны», а также назначает подозрительных лиц вроде корсунского полковника А. Кандыбы. В связи с этим Голицын повторял мысль, высказанную в прошлых письмах, чтобы «во всех порубежных городех были полковники несогласны гетману и ежели несогласны будут и дела их все будут нам открыты»¹³².

Таким образом, предложения Голицына представляли настоящую программу ослабления власти гетмана и формирования

¹³⁰ Там же. Л. 1 об.–2 об.

¹³¹ Там же. Л. 2 об.

¹³² Там же. Л. 3–4.

старшины, лояльной российской администрации. Однако это, похоже, расходилось с представлениями монарха и российского правительства об украинской политике. Российское правительство в лице канцлера Г.И. Головкина моментально отреагировало на сообщение Голицына, уведомив гетмана и резидента А.П. Измайлова о необходимости присылки в Москву «чигиринца», встретившегося гетманскому посланнику, т.е. В. Невенчанного¹³³. Согласно письму канцлера Головкина гетману (январь 1711 г.), российская сторона отказалась поверить словам бывшего чигиринского сотника несмотря на то, что гетманский посланец Подольский, будучи под арестом в Санкт-Петербурге, «некоторые вымышлял безделицы». И если последнего за «службы родственников его» и верность в измену Мазепы освободили без пытки, то Невенчаннный был «пытан в том пружестоко трижды, и огнем сжен». Несмотря на то, что он не отказался от показаний и после пытки, их не сочли внушающими доверия из-за его нелояльности в измену, и поэтому он ожидал решения своей участи Петром I («смертная казнь» или «вечная каторжная работа»)¹³⁴.

Как видно, российское правительство не горело желанием доверяться словам сомнительного доносителя и затевать серьезную чистку кадров среди казацкой старшины. Также можно допустить, что такому исходу дела по доносу Невенчанного, похоже, способствовали сложившиеся отношения гетмана с ближайшим царским фаворитом – А.Д. Меншиковым. Гетман Скоропадский («нижайший слуга») постоянно вел переписку с Меншиковым («милостивый благодетель») и по военным вопросам, и по приватным делам, заискивая перед своим адресатом и прося «патронской» протекции не только для своего зятя И.Ф. Чарныша, но и для себя¹³⁵. Со своей стороны, Меншиков обещал способствовать просьбам гетмана¹³⁶. Такие патрон-клиентские отношения между фаворитом и гетманом имели место примерно до лета 1720 г., когда их отношения испортились в результате земельного конфликта, известного как *Почепское дело*.

Итак, в начале 1710-х гг. предложения Д.М. Голицына не нашли широкой поддержки среди правящей элиты. Зато в после-

¹³³ Там же. Л. 9–10 об.

¹³⁴ Материалы для Отечественной истории / Изд. М. Судниенко. Т. 2. Киев, 1855. С. 167–168.

¹³⁵ НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 5788. Л. 4–5, 9.

¹³⁶ Там же. Д. 4864. Л. 1–1 об., 20 об., 39, 49 об.

петровское время (особенно, в период работы Верховного Тайного Совета (1726–1730)) Голицын являлся одной из ключевых персон в российском правительстве, а также важным экспертом по украинским делам. При этом, на его экспертный статус не повлияли даже события 1730 г. (попытка ограничения самодержавия), после которых Голицын привлекался А.И. Остерманом для обсуждения формата управления Малой Россией после смерти гетмана Д.П. Апостола в начале 1734 г. Изменились ли за это время взгляды интеллектуала-администратора на управление Гетманской Украиной, стремился ли он к претворению в жизнь своих давних предложений?

Взгляды Голицына действительно перетерпели заметные изменения. Проиллюстрируем их на примере его мнения, появившегося в ходе обсуждения в Верховном Тайном Совете предложений («пунктов») гетмана Д.П. Апостола (начало августа 1728 г.). Мнение было зафиксировано 5 и 9 августа статским советником Курбатовым по причине болезни Голицына, который физически не мог присутствовать при обсуждении «пунктов». С самого начала Голицын оговаривался, что главная цель, которой правительство должно добиться на Гетманской Украине – «так сделать, дабы гетман и малоросияне были от нас довольны, а мы об них ни в чем сомнения не имели»¹³⁷. После этого он давал свое экспертное заключение. Первым пунктом шло рассуждение о Генеральном войсковом суде. И тут недавний сторонник политики «разделяй и властвуй» полагал, что «никакой пользы» не будет от того, чтобы подчинить один из высших органов казачьего самоуправления бывшему вице-президенту Малороссийской коллегии А.П. Арсеньеву или другому великороссиянину. А для принятия жалоб на несправедливое судебное решение достаточно одного резидента при гетмане («кто от его императорского величества при гетмане будет»), чтобы представлять соответствующие «резоны» по поводу сомнительных судебных решений, а при возможном нежелании гетмана – взять дела для рассмотрения в столицу (Москву). По поводу налоговых сборов с местного населения Голицын, конечно, считал, что их «лутче брать... в казну, нежели оным гетману и другим корыстоваться». Однако настаивал, что «зборы положить надлежит законные, и которые на предь сего в казну государеву збираны, а протчие оставлять на тамошние войсковые расходы». В этом вопросе Голицын не счи-

¹³⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1806. Л. 187.

тал себя истиной в последней инстанции. Окончательное и справедливое решение российское правительство не могло бы принять без консультаций с другими лицами, вроде бывшего президента Малороссийской коллегии С.Л. Вельяминова и резидента Ф.В. Наумова, «ибо они тот малороссийский край в полном ведении имели о всем знают»¹³⁸. Напоследок, по поводу назначения кандидатов на должности генеральных старшин, Голицын честно признавался, что «никого не знает», кроме Терновского и Валькевича, которых просил не допускать «ни в какие б чины генеральные, ибо не мочно им верить»¹³⁹. Как видно, за полтора десятка лет, разделявших проект и мнение, Голицын уже не находил оснований для целенаправленной политики взращивания лояльной казацкой элиты и поощрения доноительства.

В отличие от Голицына более тонко к проблеме интеграции украинской казацкой элиты и контроля за регионом в первые годы после измены Мазепы подходил Федор Степанович Салтыков (ум. 1715), агент российского царя в Лондоне. Следовательно, он являлся не просто прожектером, но и своеобразным интеллектуалом-наблюдателем. Салтыков, отталкиваясь от наблюдаемых им иноземных обычаев, создал несколько записок для Петра I. В одной из них, написанной в 1712–1713 гг., содержались предложения «О содержании Украйны Черкасской». При их написании Салтыков опирался на английский опыт управления Ирландией, Уэльсом и Шотландией. Свои предложения он начал с констатации, что на Гетманской Украине существовало самоуправление, в которого все должности занимались украинцами и не назначались чиновники из «российских господ» или «российского народа». При этом Украина «всегда исполнена была бурной безпутной польской обыкности и безпутной такой воли их, отчего была великая вредительность обоим народам... и убытки в их изменах». В целях предотвращения в будущем проявлений «старых несостоятельств их мыслимых воли» Салтыков рекомендовал царю предпринять ряд мер. Прежде всего предлагалось, что при гетмане следовало «быть одной роте от кавалерии под образом вида гвардии его, будто в честь его», состоявшей из неженатых великороссийских дворянских детей и кадетов, которые могли бы «осматривать их злыя замышления и измены». Более того, таких гетманских гвардейцев затем следовало продви-

¹³⁸ Там же. Л. 188.

¹³⁹ Там же. Л. 187 об. – 188 об.

гать в местные чины на «умершие места» и женить на дочерях казацкой элиты, «чтоб той народ смешался с российским народом чинами, нравом и свойством, отчего будет сохранение обоих народов от разорений и убытков». В связи с этим Салтыков дополнительно подчеркивал суть предлагаемых им мер: «Довлеет весьма того искать всякими мерами, чтобы тот народ смешать с российским народом и воли их правления исподволь от них отнять и начальных там российских употреблять, хотя и не вдруг».

Таким образом, Салтыков, как и Голицын, предлагал в украинской политике сделать акцент на ограничение влияния гетмана и на формирование лояльной казацкой элиты. Правда, вместо политики *divide et impera* он предлагал идею «смешения» двух народов на уровне элиты. В этом отношении важным для него примером был «колониальный» опыт Великобритании, где «по сему образу Ирландия и Велская сторона в Англии приведена под владение аглинское и ныне такожде приходит и Шкотландия, понеже уже многие знатные чины шкотские имеют аглинские господа»¹⁴⁰. При этом, что примечательно, Салтыков, как и Голицын, не выдвигал идей ликвидации правового и административного своеобразия региона. Похоже, что ключевой проблемой для Салтыкова и Голицына была лояльность украинской старшины, а не особые порядки Гетманской Украины. И решение этой проблемы они видели, прежде всего, на уровне выстраивания неформальных (меж)элитарных отношений.

Однако Петр I в рамках *кризиса доверия*, вызванного действиями Мазепы, пошел по пути усиления административного контроля за казацким самоуправлением Гетманской Украины. Так, с 1709 г. при гетмане появились российские резиденты, должностные следить за ним и казацкой элитой, с 1715 г. был введен новый порядок назначений полковников, предполагавший утверждение кандидатур российским правительством, в 1722 г. была учреждена Малороссийская коллегия, которая, в том числе, стала контролировать все налоговые сборы в регионе, а затем – после смерти И.И. Скоропадского – было ликвидировано и гетманство.

Иное дело, что не стоит преувеличивать административную мощь петровских учреждений. Отчеты резидентов свидетель-

¹⁴⁰ Изъявления прибыточныя государству. Федора Салтыкова, 1714 года // Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого: опыт изучения русских проектов, неизданные их тексты. СПб., 1897. С. 18–19.

ствовали о том, что гетман сохранял независимую позицию, при назначении на войсковые уряды и распределении земельных ресурсов царили семейственность и кумовство, а новый порядок назначений на должности нередко носил формальный характер. Кроме того, введение Малороссийской коллегии не предполагало отмену казацкого самоуправления и судопроизводства, без которого она не могла эффективно выполнять свои функции¹⁴¹.

На фоне формального усиления административного контроля Петр I не спешил воспользоваться рекомендациями Салтыкова по назначению великороссиян на старшинские уряды и стимулированию брачных практик с украинской старшиной, хотя в современной украинской историографии и высказываются мнения, что Петр только и ждал удобного момента для создания старшины, полностью лояльной престолу¹⁴². Еще дореволюционный историк В.Л. Модзалевский утверждал: «решив после измены Мазепы замещать постепенно должности полковников в Малороссии великороссами, Петр Великий сделал первый шаг в этом направлении, назначив в 1719 г. в Нежин полковником» П.П. Толстого¹⁴³. Однако такое утверждение сомнительно хотя бы потому, что между изменой Мазепы и назначением Толстого прошло более десяти лет. Само же назначение Толстого было связано с тем, что сын петровского приближенного П.А. Толстого Петр был в 1718 г. сосватан дочери гетмана И.И. Скоропадского – Ульяне, после чего в 1719 г. и состоялось его назначение нежинским полковником. П.А. Толстой рассматривал нового нежинского полковника в качестве «остерегателя» интересов российского царя во взаимоотношениях с украинской казацкой верхушкой. Судя по письмам отца к сыну, отмеченные отеческие наставления происходили из-за проблем его сына во взаимоотношениях с украинской элитой («потаенные ссоры») в первые годы полковничества, но об их деталях можно только догадываться. Примечательно,

¹⁴¹ Лазарев Я.А. «Глаза и руки ли государевы?» роль резидентов при гетманском дворе в контексте российско-украинских отношений в 10-е гг. XVIII в. // Исторический вестник. 2013. Т. 6. С. 82–111; Лазарев Я.А. Российское правительство и украинская казацкая элита: особенности взаимоотношений в период функционирования Малороссийской коллегии (1722–1727) // Славяноведение. 2016. № 4. С. 41–51.

¹⁴² Горобець В. Влада та соціум Гетьманату. Дослідження з політичної і соціальної історії ранньомодерної України. Київ, 2009. С. 12.

¹⁴³ Модзалевский В.Л. Толстой П.П. // Русский биографический словарь. Т. 25. (Тобизен – Тургенев). М., 1999. С. 92.

однако, что эти проблемы П.А. Толстой собирался решать в тесном взаимодействии с тем же гетманом Скоропадским. П.П. Толстой нередко выступал своеобразным посредником между украинской старшиной и важными великороссиянами в столице и регионе – А.Д. Меншиковым, резидентом при гетмане Ф.И. Протасьевым, президентом Малороссийской коллегии С.Л. Вельяминовым, С. Владиславичем-Рагузинским, Ф.М. Апраксиным. Однако в 1727 г. П.П. Толстой из-за поражения его отца в придворной борьбе был лишен своего уряда.

Изменения в российском законодательстве, произошедшие в отношении управления Малой Россией, отличались консерватизмом и не посягали на казацкие институты самоуправления. Петр I оставался равнодушным к давним предложениям своих соратников по поводу создания лояльной казацкой элиты через назначения на полковничьи уряды или расширение брачной политики. Иначе дело обстояло в части российской правящей элиты, которая под влиянием административных реформ (особенно, коллежской) теперь иначе видела идеальную модель управления Гетманской Украиной, которая по-прежнему рассматривалась в качестве источника серьезных геополитических проблем.

В этой связи весьма примечателен проект об управлении Малой Россией, написанный приближенным Петра I князем Борисом Ивановичем Куракиным (1676–1727). Большая часть карьеры Куракина прошла на дипломатическом поприще, хотя ему и довелось командовать воинскими подразделениями на полях сражений Северной войны. Волей судеб Куракин оказался царским родственником, а силой своего ума – одним из образованнейших людей своей эпохи. Перу Куракина принадлежали пространные исторические сочинения, среди которых – «Гистория о Петре I и ближних к нему людях». Считается, что свой проект об управлении Гетманской Украиной Куракин написал в 1722–1724 гг. Однако само содержание проекта свидетельствует скорее в пользу первой четверти 1722 г., так как в тексте нет ни единого упоминания о Малороссийской коллегии, учрежденной в конце апреля того же года. В своем проекте Куракин рекомендовал *Черкасов* или *Малую Россию* «всемерно под политикою ласковою иметь, для чего народ есть несогласной и много вольной». Для Куракина как дипломата было принципиально, чтобы *черкесы* не пришли к *согласию /соединению* с Польско-Литовским государством и Крымским ханством. Он отмечал, что между поляками и *черкесами* «великая нелюбовь есть» и что «между самих гетманов и

старшин всегда живет противность, для чего их несогласия не будут соединены с татарами». Тем не менее, Куракин полагал, что следует «к содержанию того народа малороссийскаго некоторые пункты секретов иметь». Прежде всего, надлежало поддерживать самоуправление по магдебургскому праву в Киеве и Чернигове, для которых апелляционной инстанцией должно было оставаться российское правительство, а не гетман. Кроме того, в украинских городах – прежде всего, в Киеве, Чернигове, Нежине и Переяславле – следовало сохранить находившиеся в них российские гарнизоны. Далее, гетман не должен быть «нации польской, а быть нации казацкой, а лучше бы и московской», при этом гетманство не должно быть наследственным. Что же до полковников и иных старшин, то им надлежало «быть из той самой нации казацкой, а не из поляков», при этом полагалось следить, чтобы «гетман в полковники и в старшинства своих свойственников и согласных не ставил, а быть от всякаго полку выбором полковничества тех полков от казаков», а казацкая элита не заключала браков с поляками. Затронув вопрос о гетманской гвардии, он предлагал ему «держать... несколько хоругв своей кумпании, а инфантерии гвардии московских народов». Кроме того, при гетмане «от двора московского» следовало быть несколькими персонам, получившим чины от царя «для его состояния и твердости во услуге ко двору царского величества». При выборе на старшинские уряды и при иных делах следовало находиться специально учрежденным «нескольким министрам киевским», хотя Куракин и допускал, что они не должны постоянно находиться на Украине. В качестве последней меры он предлагал несколько раз в год посылать на Украину «инкогнито», которые бы проверяли, «нет ли от проезжих каких тягостей и насильного бранья лошадей, или чего иного, для чего надобно от того унимать, и тот народ не злобить, а к лучшему того содержать»¹⁴⁴.

Таким образом, Б.И. Куракин фактически отдавал предпочтение административным методам контроля над регионом и казацкой элитой при сохранении основных элементов автономии Малой России. Обращает на себя внимание, что ключевыми центрами присутствия царской власти оставались те же города, в которых они находились с 1650–1660-х гг. Что же до неформальных (меж)элитарных отношений, то для него было достаточно, чтобы

¹⁴⁴ Записка об отношениях России к Литве, Малороссии и Запорожью // Архив князя Куракина. Кн. 3. СПб., 1892. С. 241–242.

черкасы не устанавливали прочных связей с поляками, и чтобы гетман не усиливал своего влияния через протезирование при назначении на уряды своей родне и *согласным* с ним. Во имя этого Куракин едва ли не выступал поборником принципов казацкой демократии, настаивая на выборности полковников казаками-полчанами, что, кстати, Петр I попытался реанимировать и законодательно закрепить своим указом 1715 г. Однако в этих вполне традиционных и консервативных предложениях излагалась одна принципиальная *новация*. Ключевым институтом контроля должен был стать коллективный орган – некий совет министров, что косвенно указывало на неэффективность прежних механизмов контроля (например, института резидентов). Предложения Куракина по времени совпали с реализацией масштабных управленческих реформ, которые венчали создание коллегий и издание Генерального регламента. На эти установления монарх делал ключевую ставку в создании своего эффективного «регулярного государства», работавшего на общее благо. Стоит полагать, что этот идейный трансфер не обошел стороной и одного из образованнейших людей той эпохи, коим являлся Куракин. Практическое воплощение идеи коллективного /коллегиального органа в управлении Гетманской Украиной вскоре осуществит император Петр I, для которого это будет отчасти спонтанное решение, воплотившееся в виде *Малороссийской коллегии* (1722–1727).

Смерть Петра I внесла определенные коррективы в поддержании курса на сохранение административного контроля в управлении Гетманской Украиной. Возвышение совсем недавно опального А.Д. Меншикова позволило ему усилить свою украинскую клиентелу, добившись ликвидации Малороссийской коллегии и восстановления гетманства. Новым гетманом стал давний и верный клиент Меншикова Д.П. Апостол. Однако триумф оказался недолгим. Арест Меншикова привел к распаду его украинской клиентелы. Затем на это наложились события 1730 г., когда падение влияния кланов Голицыных и Долгоруких лишило казацкую элиту последних влиятельных покровителей в столице. С приходом к власти Анны Иоанновны все больше влияния стали приобретать люди, которые не особенно стремились к выстраиванию своей украинской клиентелы. За этикетным лицемерием они старались скрыть свое негативное отношение к институту гетманства, над которым «нависала» тень Меншикова. В первую очередь следует упомянуть вице-канцлера Андрея Ивановича Остермана (1686–1747) и князя Алексея Ивановича Шаховского (ок. 1690–

1736). Еще с конца 1720-х гг. Остерман и Шаховской были связаны выработкой и реализацией украинской политики российского правительства: первый как эксперт и видный член правительства, а второй – как резидент при гетмане, а затем и администратор. Оба интеллектуала-администратора на протяжении нескольких лет на практике наблюдали как частные интересы и алчность гетмана Апостола создают все больше проблем внутри казачьей элиты и в поддержании эффективности казачьего войска.

При непосредственном участии Остермана кн. А.И. Шаховскому еще в конце 1732 г. было доверено подготовить «разсуждение» о том, как следовало управлять Гетманской Украиной в случае смерти гетмана. Однако по причине занятости на Слободской Украине реформированием местных казачьих полков Шаховской смог подготовить свой проект только в июне 1733 г. И для этого были созданы просто идеальные условия. С апреля по июль 1733 г. из-за возникшего инсульта гетман находился практически в недееспособном состоянии, а внутри казачьей элиты развернулась настоящая политическая игра, сутью которой было добиться от правительства передачи всей полноты власти над регионом Генеральной войсковой канцелярии. При этом верхушка казачьей элиты пыталась манипулировать больным гетманом. Также в обсуждении некоторое время игнорировались представители имперской власти (тот же резидент). В мае 1733 г. для урегулирования ситуации на Гетманскую Украину был отправлен Шаховской, которому кабинет-министры А.И. Остерман и А.М. Черкасский вновь напомнили о необходимости подготовить «разсуждение» об управлении регионом в случае смерти гетмана. Шаховской, отталкиваясь от наблюдаемой им ситуации и поведения казачьей элиты, 3 июня подготовил 2 письма: одно кабинет-министрам, другое – фавориту императрицы Э.И. Бирону, в которых под впечатлением от действий генеральной старшины изложил свое видение управления Гетманской Украиной.

Письмо кабинет-министрам предваряла я вводная, в которой кратко пересказывались и уточнялись все события с момента приезда А.И. Шаховского в Глухов (26 мая 1733 г.) и до получения письма. Также Шаховской заверял своих адресатов в том, что в этот промежуток времени «исправление... высокого интереса» осуществлялось «по совету моему» с резидентом С.Г. Нарышкиным. По мнению Шаховского, в условиях болезни и ожидаемой смерти гетмана генеральная старшина опасалась, что Генеральная войсковая канцелярия, как высший орган казачьего самоуправле-

ния, будет «отрешена» от управления регионом, поэтому она была заинтересована в скором юридическом оформлении передачи власти, «дабы удобнее им... свои советы употреблять к нему», к чему также якобы был склонен и сам гетман¹⁴⁵. После вводной приводилось «мнение» о необходимости отстранения казацкой верхушки от «правления» Генеральной войсковой канцелярии, что «при жизни гетманской, пока он в болезни своей продолжитца, так и по смерти ево». Во главе высшего органа власти Малой России планировалось поставить резидента С.Г. Нарышкина¹⁴⁶. Данные меры обосновывались как «непорядками», случившимися после смерти прошлого гетмана И.И. Скоропадского и руководства регионом П.Л. Полуботка, так и практическими аспектами эффективного управления регионом: «нынешнюю генеральную старшину удобнее ныне не допустить до той канцелярии, нежели им отказывать как они уже вступят». Шаховской настаивал на том, что текущий кризис – самый удобный случай для усиления административного контроля и ограничения власти казацкой элиты, и подчеркивал, что «непорядки» прошлого времени окончились только после ареста казацкой верхушки. Далее Шаховской развивал свою мысль следующим образом: «в бытность мою здесь, хотя гетман и один персоною своею был, то некоторые дела по представлению моим отпровлялись медленно. Однако *одну персону легче наклонить* [курсив наш], нежели когда будть присутствованного писаря семь персон, ибо и в их голосах может быть разнь, и не надеюсь, их удобно было наклонять, как ныне показалось». Затем были повторены мысли, ранее высказанные Бирону, относительно верности престолу казацкой верхушки, для чего следовало провести тщательные допросы генеральных старшин. Завершались рассуждения заверением в способности резидента Нарышкина справиться с управлением особым регионом.

После этого Шаховской переходил к самой интересной части своего письма («слабое мое мнение») – аргументам, на основании которых можно было обосновать ликвидацию гетманства. При этом князь осторожно замечал, что он «о номерении ея императорского величества... быть ли гетману или не быть точно неизвестен». С его точки зрения, казаки уже сами неоднократно нарушали «пункты гетмана Хмельницкого», избирая гетманов не «из малороссийского народа». Однако не только «иностранное»

¹⁴⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1806. Л. 274 об.

¹⁴⁶ Там же. Л. 275–275 об.

происхождение прошлых гетманов¹⁴⁷ можно было использовать для отмены гетманства, но и, в случае положительного решения императрицы, «мощно и еще к тому многие резоны собрать»¹⁴⁸. Итак, Шаховской, активно взаимодействовавший с местной элитой на неформальном уровне, оказался убежденным противником института гетманства, при котором всегда будет царить волокита.

Во главе Генеральной войсковой канцелярии и «над всею Малороссиею» по смерти гетмана Шаховской предлагал поставить *одну персону* – «генерала и коволера Нарышкина» в должности *наместника гетманства* (в чем можно увидеть некоторую аллюзию на должность *местоблюстителя патриаршества*). Этот наместник должен был «все войсковые и челобитческие дела» отправлять «на прежнем основании их малороссийских прав и обыкновеней со всяким прилежанием и без умедления и волокит, дабы могли от него весь малороссийский народ получить всякое удовольствие». Благодаря этому местное население «час от часу, а не вдруг, и к протчим обычаем удобнея было наклонять по воле ее императорского величества». При этом Шаховской настаивал на том, чтобы местные законодательные нормы остались в целостности: «а чтоб ныне вдруг переменить и содержать их не по их правам, того я запотребно не разсуждаю, для того что прежде при гетманах правливали по их правам и тем бы скоро не подать виду, что при гетмане бывало так, а ныне иначе». Шаховской заверял кабинет-министров, что для дальнейшей интеграции («наклонения») местного населения будет собирать «всякими образы» необходимые «обстоятельства» об этом и доложит в столице по окончании «порученной... в слобочких полках комиссии», а также об окончании перевода малороссийских прав. Дополнительно рекомендовалось после смерти гетмана во избежание «шатости малороссийских жителей», чтобы резидент Нарышкин содержал у себя гетманские знаки власти («гетманские клейноты»)¹⁴⁹. Практически слово в слово свое мнение Шаховской изложил и в письме Бирону, уведомив своего «патрона», что оно было подготовлено на основании письма Остермана и Черкасского, полученного 2 июня. В конце своего пространного письма Шаховской «с покорностью» просил фаворита императрицы до-

¹⁴⁷ По мнению Шаховского, гетманы И.С. Мазепа и И.И. Скоропадский «были ис поляков», а отец Д.П. Апостола – был «волох».

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1806. Л. 276 об.–277.

¹⁴⁹ Там же. Л. 278–278 об.

ложить государыне о его мнении¹⁵⁰. Тем самым, подчеркивалось, что для Шаховского это было не просто экспертное мнение, а план действий, который он хотел бы воплотить на практике.

Российское правительство, реагируя на события в Глухове и действия казацкой верхушки, летом 1733 г. подготовило грамоту гетману и два указа С.Г. Нарышкину, а также особое мнение о том, как следовало управлять Малой Россией, состоявшее из 6-ти пунктов. Во вводной части отмечалось, что и после смерти гетмана «всей Малой России управление и управлять» следовало оставить в руках Нарышкина «или иного кому повелено будет». Только теперь планировалось, что резидент возглавит некий коллегиальный орган «с несколькими числом еще из великороссийских персон, да из малороссийской генеральной старшины и из полковников толькому ж числу сколько будет великороссийских и делать им всем *с общаго согласия и совету* [курсив наш], и подписывать дела и указы всем, и смотреть, дабы ничего противного интересом ея императорского величества и народу малороссийского тягости не было». Отбор «великороссийских персон» отдавался на откуп Нарышкину¹⁵¹. Следующие пункты подчеркивали определенный консерватизм правительственного курса в управлении регионом. Сохранялся в прежнем составе и на «прежнем основании» Генеральной войсковой суд и войсковые подскарбии, в состав которых входили великороссийские персоны. На членов нового коллективного органа ложилась обязанность подготовить мнение «каким порядком впредь то правление для предосторожности ея императорского величества интересу и для содержания в добром порядке малороссийского народа найудобнейше иметь». В конце составители высказывались о возможных геополитических проблемах, которые могут появиться в связи с «гетманской ваканцией» «как из-за границы, так и внутрь Малоросии». В первую очередь это касалось пресечения возможных контактов с оппозиционной украинской эмиграцией во главе «с изменником Орликом». Для этого предполагалось послать секретные указы Нарышкину и киевскому губернатору генералу И.Б. Вейсбаху¹⁵².

В несколько расширенном варианте (7 пунктов) данное мнение стало основой для нового указа резиденту С.Г. Нарышкину 10 июля 1733 г., подписанного Г.И. Головкиным («канцлер») и

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 485. Л. 51–53.

¹⁵¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1806. Л. 279–279 об.

¹⁵² Там же. Л. 280–280 об.

А.И. Остерманом («вице-канцлер»)¹⁵³. В начале документа отмечено, что он шел в уточнение прошлого решения правительства от 12 июня. Далее практически слово в слово повторялись пункты вышеописанного мнения. По поводу отбора «великороссийских персон» в новый коллективный орган и эффективного управления регионом предписывалось проводить консультации («сношения») с Шаховским и не затягивать с присылкой мнения, как лучше содержать «в добром порядке малороссийский народ». Отдельный пункт описывал план действий правительства и резидента в момент смерти гетмана. Сначала Нарышкину следовало отправить курьера в столицу, затем выслать грамоту «для объявления» генеральной старшине и полковникам и «публикации» местному населению о новом «Малой Росии правлении до избрания впредь гетмана». Нарышкину предписывалось, «не дожидаясь присылки той грамоты», сохранять управление в своих руках и обо всем доносить в Коллегию иностранных дел. Последний пункт – предписание до смерти гетмана отмеченные планы содержать «в самом вышшем секрете, чтоб никто кроме вас одного о сем не ведал»¹⁵⁴.

Следовательно, планируя введение нового коллективного органа, в правительстве еще не до конца понимали дальнейший план действий. Вероятно, это было связано с озабоченностью на самом верху по поводу реакции казацкой элиты. По этой причине многие предложения Шаховского были скорректированы. В столице действия генеральной старшины не рассматривали как удобный предлог для ограничения ее власти и влияния. Скорее, наоборот, намерения казацкой элиты, явно дискредитировавшие институт гетманства и резидентов, послужили поводом для создания нормального коллективного органа, в котором в режиме реального времени происходило бы согласование действий российской и украинской сторон по различным вопросам управления регионом и проведения мобилизаций во благо империи. Таким образом, впервые был создан прецедент, когда великороссийские персоны непосредственно отвечали за управление Малой России, чего была лишена, например, Малороссийская коллегия. Однако жизнь несколько отсрочила наметившуюся реформу до середины января 1734 г. Временная поправка здоровья гетмана привела к тому, что никто в российском правительстве и окружении императрицы не решился продавить реализацию уже готовой реформы.

¹⁵³ Там же. Л. 284. Нам удалось ознакомиться только с черновиком.

¹⁵⁴ Там же. Л. 285–285 об.

Все окончательно изменилось со смертью гетмана 17 января 1734 г. В этом контексте проявил себя вице-канцлер А.И. Остерман: он приложил руку практически ко всем решениям Кабинета министров по украинскому вопросу и постарался воспользоваться ситуацией для претворения в жизнь планов по интеграции региона и его элиты. 26 января 1734 года в правительстве еще только приступили к обсуждению формата будущего коллегиального органа и составлению документов, регламентирующих его деятельность. По содержанию распоряжений, подписанных Остерманом, была видна неуверенность в том, что все императорские указы вовремя дойдут до Шаховского, срочно отправленного на Украину. По этой причине основная ставка в управлении регионом делалась на великороссийских чиновников и генерала И.Б. Вейсбаха, который до этого (вместе с Шаховским) готовил корпус для похода в Польшу. Все обсуждения в столице закончились 29 января, когда на собрании Кабинета министров в составе Б.Х. Миниха, А.И. Остермана, А.М. Черкасского, А.И. Ушакова и П.П. Шафирова было объявлено, что «гетману впредь быть не разсуждается, а быть правлению вместо чина гетманского во шти персонах состоящему» (по 3 великороссиянина и малороссиянина, включая Шаховского). Статус членов «правления» считался равным, также указывалось как следовало им заседать: «а сидеть на правой стороне русским, на левой малороссийским». Законодательной основой деятельности правления определялись «прежние указы» и «решительные пункты» 1728 г. гетмана Д.П. Апостола, новое «правление» становилось под «ведением Сената, во особливой конторе». Это решение Кабинета было оформлено императорским указом А.И. Шаховскому от 31 января 1734 г., грамотой казацкой элите и малороссийскому народу, а также специальной инструкцией для учрежденного «правления». В начале указа выражалась надежда, что Шаховской уже прибыл в Глухов. После этого Шаховской ставился перед фактом, что теперь он – глава *Правления гетманского уряда*, состоящего из 6 персон, где среди великороссиян первенствовал Шаховской, а среди малороссиян – Я.Е. Лизогуб. Взаимоотношения с новым учреждением должны были вестись в «особливой конторе» Сената.

Объем полномочий А.И. Шаховского первоначально определялся инструкцией из 8 пунктов, в которой ловко сочетались некоторые новации и прежние практики. В первом речь шла о подписывании всех дел и указов «с общего согласия и совету», отчеты о доходах и расходах с Малой России, освидетельствовав,

отсылать в сенатскую *Канцелярию малороссийских дел* (так теперь именовалась «особливая контора»¹⁵⁵). В остальном же деятельность Правления регулировалась указами и «решительными пунктами» гетмана Д.П. Апостола. По «решительным пунктам» также следовало проводить выборы на вакантные должности «в генеральную старшину и в полковники и в полковую старшину и в сотники», содержать выборных казацких полков («охочонные и охочо-пехотные»). Сохранялась автономия, структура и функционал войсковых судов (полковых и сотенных) и Генерального войскового суда как высшей апелляционной инстанции¹⁵⁶.

Так стараниями А.И. Остермана начался новый этап в истории управления Малой России. Характерной чертой этого этапа стало превалирование формализованного бюрократического контроля и минимализация роли неформальных связей, которые перестали оказывать заметное влияние на выработку правительственного курса в отношении Украины. Появление Правления гетманского уряда стало возможным в результате серии событий, которые со все большей очевидностью дискредитировали институт гетманства и прежние механизмы контроля через резидентов при гетманском дворе. Однако этого было мало А.И. Остерману. 31 января 1734 г. от имени Анны Иоанновны А.И. Шаховскому был направлен указ, в котором настоятельно рекомендовалось назначать справедливых и честных судей, чтобы «не было от них народу озлобления и обид и дабы оной малороссийской народ правосудием тех великороссийских судей был доволен и приобыл к великороссийскому правлению». Другим – секретным – указом от того же числа Шаховскому поручалось следующее:

«Понеже Мы уведомились, что смоленская шляхта с малороссийскими жителями в свойство вступает и с обеих сторон сыновей женят и дочерей выдают, что, кажется, противно нашему интересу, а за пристойнее и полезнее разсуждается, дабы оной малороссийской народ охоту имел свoitца и в свойство вступать с нашим великороссийским народом. Того ради повелеваем Вам, дабы Вы по вашему искусству секретно под рукою особливо трудились малоросiян от свойства с смоляны и с поляки и з другими зарубежными жителями отводить, а побуждать их и искусным образом приводить в свойство с великороссийскими и сие содержать секретно»¹⁵⁷.

¹⁵⁵ Название данного структурного подразделения Сената – Канцелярия малороссийских дел – будет закреплено отдельным указом от 1 февраля 1734 г. (ПСЗ-1. Т. 9. № 6542. С. 263).

¹⁵⁶ Там же. № 6540. С. 261–263.

¹⁵⁷ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 68. Л. 41–41 об., 36.

В 1737 г. кабинет-министры получили от И.Ф. Барятинского доношение, в котором сообщалось, что «некоторые малороссияне» просили по манифесту от 31 декабря 1736 г. разрешить одного из сыновей «оставлять для смотрения деревень и экономии в домех». Проблема заключалась в том, что этот манифест был адресован великороссийскому дворянству и не распространялся на казачество Гетманской Украины. Кабинет-министры А.И. Остерман и А.М. Черкасский дали следующий ответ:

«Таких малороссиян... надлежит вам к тому их приводить и наклонять искусным порядком, чтоб они сами о том просили, и сие содержать в крайнем секрете, чтоб они не дознались, что их ко исполнению российских регулов и указов по малу привлекают»¹⁵⁸.

Однако, похоже, такие распоряжения не возымели какого-либо значимого эффекта. По крайней мере, пока неизвестны те брачные пары, которые возникли благодаря *искусству* Шаховского. Так же не известны результаты тайной агитации Барятинского, подолгу отсутствовавшего в Правлении гетманского уряда из-за русско-турецкой войны, за исполнение *российских регулов*.

Как видно, российское правительство не очень-то стремилось использовать ресурсы империи для целенаправленного претворения в жизнь ассимиляторских планов, которые уже воплотиться в серию специальных указов. Стоит полагать, что в столице были вполне довольны сложившейся системой административного контроля над Гетманской Украиной, осуществляемого, прежде всего, Кабинетом министров. Для А.И. Остермана суть автономии региона сводилась исключительно в военной службе на благо империи, а его элита не рассматривалась в качестве возможной части общеимперского дворянства. Следовательно, дальнейшая судьба региона, его особый статус и интеграция целиком зависели от выполнения казацкой элитой своих прямых обязанностей, подобно другим казацким корпорациям. Неизвестно, как сложилась бы судьба Гетманской Украины и интеграция ее элиты, если бы не события конца 1741 г., когда к власти пришла Елизавета Петровна, а благодаря ей в столице осели два влиятельных украинца – братья Алексей и Кирилл Разумовские¹⁵⁹.

¹⁵⁸ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 117. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. VI. (1737 г.) / Под ред. А.Н. Филиппова. Юрьев, 1904. С. 567.

¹⁵⁹ Об их влиянии на процесс интеграции украинской казацкой элиты см.: Лазарев Я.А. Культурные механизмы интеграции украинской казацкой элиты в общеимперское дворянство // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 1. С. 270–282.

5.4. ЭЛИТА ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА В ПОИСКАХ МЕСТА В ИМПЕРСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Роль региональной интеллектуальной элиты в формировании национальной идентичности находится в поля зрения украинской историографии. Однако империя преимущественно рассматривается с конфронтационных позиций как противостоящая национальным интересам; ей отказано в «имперской правде», т.е. в собственной логике оценки событий и поведения; украинский и имперский проекты понимаются как безальтернативные, статичные и враждебные; империя не учитывается как значимый участник формирования ряда «украинских» национальных проектов¹⁶⁰.

Такая ситуация связана не только с инерцией и идейными позициями историков, но и с высоким общественным запросом на историческое обоснование самодостаточности современного украинского национального проекта. Для украинских историков, не говоря уже об интерпретациях извне, все еще остается актуальным преодоление телеологического взгляда на прошлое Центрально-Восточной Европы и, особенно Российской империи, ориентирующего исследовательскую оптику на отождествление раннемодерных и нынешних реалий, в лучшем случае – на поиски в прошлом истоков современности. Наиболее ярко это прослеживается в выборе пространственного терминологического ряда, когда, игнорируя особенности самоидентификации региональных элит домодерного времени, вместо «малороссов», «слобожан», «киевлян», «волынян», «русинов» и т.д. перед читателем предстают современные «Украина» и «украинцы»¹⁶¹.

Однако за последние годы вышло несколько значимых работ, посвященных формированию национальных идентичностей в XVI – начале XIX в.¹⁶², где метрополия и периферия выступают

¹⁶⁰ Журба О.І. «Українські» національні проекти довгого XIX ст. в імперському просторі // Історія та історіографія в Європі. 2019. Вып. 6. С. 62–69.

¹⁶¹ Журба О.І. Становлення української археографії: люди, ідеї, інституції. Дніпропетровськ, 2003.

¹⁶² Когут З. Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної та модерної історії України. Київ, 2004; Яковенко Н.М. Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. Київ, 2002; Яковенко Н.М. Дзеркала ідентичностей. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI – початку XVIII ст. Київ, 2012; Яковенко Н.М. У пошуках нового неба. Життя і тексти Йоанікія Галятовського. Київ, 2017; Плохій С.М. Козацький міф.

как равноправные партнеры, активно взаимодействуя друг с другом. Хотя, к сожалению, это не привело к заметному изменению историографической ситуации в целом и к пониманию плодотворности подходов в духе «новой имперской истории».

Испытывая острую потребность разорвать герметичность представлений об отечественном прошлом, вписать его в европейский контекст, украинская историография уже неоднократно использовала сравнение судеб Шотландии и Украины, их места и роли в процессе формирования империй. Этому вопросу был даже посвящен отдельный сборник, с авторитетным представительством украинских и зарубежных специалистов (Д. Ливен, А. Миллер, С. Величенко, Я. Дашкевич, Р. Шпорлюк)¹⁶³. Правда, относительно возможности сопоставления этих «провинций» диспутанты расходились. При этом дискуссия велась в основном с украинцентричных позиций. Не вдаваясь в детали, заметим, что потенциал сравнительного подхода не определяется полной тождественностью объектов, а нацелен на выявление специфик однотипных процессов. В этой связи важно, что при выстраивании имперских структур и идеологий на противоположных концах Европы, у Шотландии и Украины были различные «стартовые позиции». Главное в том, что, в отличие от Шотландии, Украина долгое время находилась в поисках своего имени и территории, самосознания и ориентации на возможную метрополию. С Российской империей ее объединяла религиозная и этническая близость, а осознание своего исторического первородства вплоть до середины XIX в. обеспечивало отсутствие у местной элиты комплекса провинциальной неполноценности. Относительно XVII – начала XX в. говорить об Украине как о территориальной, политической, этнической, религиозной общности некорректно из-за отсутствия политической субъектности, провинциального статуса «украинских» ареалов в составе ряда метрополий, специфики их внутренней и внешней идентификации.

Без понимания того, что Левобережная Украина / Малороссия занимает исключительно важное место в формировании современного проекта украинской нации, невозможно адекватно пред-

Історія та націотворення в епоху імперій. Київ, 2013; Литвинова Т.Ф. «Помещичья правда»: дворянство Левобережной Украины и крестьянский вопрос в конце XVIII – первой половине XIX века. М., 2019; Імперські ідентичності в українській історії XVIII – першої половини XIX ст. Львів, 2020.

¹⁶³ Схід-Захід: історико-культурологічний збірник. Харків, 2001. Вип. 4: *Rossia et Britania: імперії та нації на окраїнах Європи.*

ставить не только прошлое Украины, но и ее теперешнее положение. Кроме того, эти термины обладают удивительной эластичностью, смысловой неуловимостью и многозначностью. Разбираться с их происхождением и эволюцией не только занимательно, но и полезно, так как в наше время тотальной инструментализации истории, понятия «Малороссия» и «Украина», «малоросс» и «украинец», с одной стороны, нередко разведены как непримиримые крайности а, с другой – практически отождествляются¹⁶⁴. Интерес к этим понятиям вызван также стремительной динамикой их смыслового наполнения. Так, «Малороссия» совершила головокружительную эволюцию от позитивно-возвышенного обозначения своего выдающегося, великого, первородного Отечества, метрополии, старшего брата по отношению к Великокорсии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.), до убийственных характеристик малороссов как предателей Родины и клейма коллаборационистов (XX – начало XXI в.).

Потенциал использования этих понятий связан не столько с их способностью очерчивать границы реальных территорий, сколько с возможностью обозначать пространства виртуальной географии, отображенные в способах перекрестных идентификаций и самоидентификаций религиозных, административно-политических и этнических образований, а также с чрезвычайной мобильностью населения на южных рубежах Речи Посполитой, Московского царства и Российской империи¹⁶⁵. Обращение к истории этих понятий в нашем случае связано и с огромными, нередко неосознанными трудностями, которые возникают в академической среде при описании исторических процессов и явлений XVII–XIX вв. Самые распространенные из них следующие:

- обобщения, делающиеся под именем «украинского» исключительно на малороссийском материале (например, как «украинские» представляются малороссийские фамилии – Капнисты, Полетики, Ломиковские, Тарновские, Галаганы, Чепы, Марковичи, Белозерские и другие). Отсюда – репрезентации «малороссийского» как «украинского» не только в школьных и вузовских учебниках, но и в профессиональной литературе¹⁶⁶;

¹⁶⁴ Малороссы vs украинцы: украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР. М., 2018.

¹⁶⁵ Журба О. Понятие «Малороссия» и национальные прецеденты XVIII–XIX века / Ред. Р. Камберова // Българска украинистика: алманах. 2020. № 9. С. 199–209.

¹⁶⁶ Гуржі́й О., Чухлі́б Т. Гетьманська Україна. Київ, 1999.

- интерпретация понятий как таких, что обозначают гомогенные объекты и явления без учета исторического контекста. В таком случае Малороссия и/или Украина во все времена выступают в неизменном виде. Между тем значение этих терминов прошло глубокую и сложную эволюцию;
- отсутствие понимания сложности, многослойности, динамики взаимодействия региональных идентичностей, которые и породили эту терминологическую путаницу даже в текстах такого историка как А. Каппелер¹⁶⁷.

Очевидно, что непростая терминологическая ситуация связана и со слабой изученностью социально-экономической, духовно-культурной и интеллектуальной истории Украины, что облегчает ее околонучную инструментализацию и превращает «в целом необходимые терминологические штудии ни во что другое, как в жонглирование понятиями, которое ничего не проясняет»¹⁶⁸.

Проблемность районирования «исторического» украинского пространства вызвана традиционно высокой степенью нестабильности административно-политической, демографической, культурно-религиозной, геополитической, социально-хозяйственной, наконец, языковой ситуации на этих землях. Относительно стабильными в обозримом времени оставались разве что климат и ландшафты. Поэтому административные границы «Новороссии» середины XVIII в. значительно отличались от ее контуров середины XIX в., под «Малороссией» понимали совсем не одни и те же просторы во второй половине XVII, в XVIII и в XIX в., границы «Украины» определяли совершенно по-разному в XVIII в., в середине XIX в. и в начале XX в. В течение указанного времени колоссальные миграционные процессы срывали с мест сотни тысяч людей, которые переносили на новые территории, кроме имущества и производственных навыков, свои исторические представления и способы самоидентификации, что не могло не сказаться на формировании очень эластичного и изменчивого понятийного аппарата, когда такие термины как «малоросс» и «Малороссия», «украинец» и «Украина» даже в текстах одного и того же персонажа могли ситуативно наполняться разным содержанием. Кроме того, доминирование того или иного идентификацион-

¹⁶⁷ Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 125–144.

¹⁶⁸ Литвинова Т.Ф. «Помещичья правда»: дворянство Левобережной Украины и крестьянский вопрос в конце XVIII – первой половине XIX века. М., 2019. С. 35.

ного маркера (например, «Украина», как пространство единой этно-национальной общности, закрепившееся в текстах кирилло-мефодиевцев в середине XIX в.) не означало полного вытеснения старых («Украина» как казацкий ареал до середины XVII в., или южные, степные территории Гетманщины второй половины XVIII в., или пространство слободских полков в конце XVII – XVIII в., или как Слободско-Украинская губерния в конце XVIII и в начале XIX в.). Это ставит перед исследователем сложные вопросы понимания контекстов и смыслов.

Представления о «Малороссии» прошли глубокую и далеко не линейную эволюцию¹⁶⁹, конкурируя не только с другими понятиями, но и с самими собой. В хронологических рамках второй половины XVIII – первой половины XIX в. мы имеем дело, как минимум, с двумя «Малороссиями». Генетически первая (Малороссия или Гетманщина) – с середины XVII в. до 1780-х гг. – казацкая территориальная автономия. С конца XVIII и в первой половине XIX в. за этими территориями термин «Малороссия» закрепился в названиях административных образований Российской империи. Их границы, включавшие Полтавскую и Черниговскую губернии, в целом совпадали с исторической Гетманщиной. Именно этот регион также получил сконструированный в украинской историографии термин «Левобережная Украина» или «Левобережье». С середины XIX в. «Малороссия» приобрела новый, значительно более широкий смысл. Этот регион, преимущественно населенный малороссийским этносом, определяется как «Новая Малороссия», в отличие от «Старой», под которой историки второй половины XIX – начала XX в. (А. Лазаревский, Д. Миллер и др.) понимали исключительно Гетманщину. Приобретенная неоднозначность понятия вызвала к жизни термины «бывшая Гетманщина» для обозначения исторической территории старой Малороссии и «Украина» для маркировки того же этнического пространства, но исключаемого из имперской идентичности, истории и перспектив.

Кроме того, проблема «метрополия и Украина» не ограничивается Российской империей. Специфика исторических судеб украинских регионов обусловила разнонаправленную динамику

¹⁶⁹ Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И. Малоросс // «Понятия о России»: К семантике имперского периода. М., 2012. С. 392–443; Яковенко Н.М. Вибір імені versus вибір шляху: назви української території між кінцем XVI – кінцем XVII ст. // Яковенко Н.М. Дзеркала ідентичностей... С. 9–43.

отношений к «империи» и «имперскому». Но если в работах Н.Н. Яковенко и ее учеников в целом преодолен оформленный еще в казацком историописании образ ляха-врага и утвердился «нормальный» образ Речи Посполитой XVI–XVII в., то, как иронично заметил Г.В. Касьянов, «националистический нарратив вполне может сочетаться с имперским нарративом: свидетельством тому может быть несколько опереточный культ эпохи Франца-Иосифа II и гламура габсбургского периода в Галичине»¹⁷⁰. Что же касается Российской империи, то с вызреванием в конце XIX–XX в. украинского национального проекта ее в целом «позитивному» имиджу был нанесен существенный урон.

Именно поэтому наше внимание обращено к анализу образов своего Отечества интеллектуалами Левобережной Украины / Малороссии в переходный для этого региона период второй половины XVIII – начала XIX в., времени угасания политической Гетманщины и освоения малороссийской элитой новой для себя роли дворянина Российской империи. Мы исходили из понимания того, что это был период трансформации регионального административно-территориального патриотизма местных элит, легитимированного в случае с Малороссией договорами подданства российскому самодержцу, в сторону вызревания этно-национального самосознания, существенно расширяющего представления о границах Старой Малороссии и ее взаимоотношениях с империей. Это было время внутренней борьбы, выработки идеологии, стратегии и тактики в вопросе о месте региона в имперской системе. Соответственно изменялся образ Отчизны, представления о ее статусе и границах, о роли разных социальных групп в ее истории. Невозможность охватить проблему во всей полноте в данном случае определила внимание прежде всего к тем персонажам, которые представляли не только собственные воззрения на прошлое, настоящее и будущее края, но и являлись авторитетными выразителями коллективных настроений элиты.

В интеллектуальной истории Украины особое место принадлежит Григорию Андреевичу Полетике (1725–1784)¹⁷¹. Мы не

¹⁷⁰ Касьянов Г.В. Past Continuos: Історична політика 1980-х – 2000-х: Україна та сусіди. Київ, 2018. С. 31.

¹⁷¹ Когут З. Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини 1760–1830. Київ, 1996; Литвинова Т.Ф. Малоросс в российском культурно-историографическом пространстве второй половины XVIII в. // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. 2001. С. 28–64; Литвинова Т.Ф. Г.А. Полетика: «публічний інтелектуал» второй половины XVIII в.

будем здесь вступать в дискуссию относительно маркировки воззрений Г.А. Полетики (традиционалист, консерватор, шляхетский публицист, прогрессивный консерватор), что заслуживает отдельного, более тонкого разбора. В данном случае важно, что именно этот европейски образованный богатый малороссийский помещик, хорошо вписанный еще с 1740-х гг. в столичную интеллектуальную, академическую среду, в 1760-е гг. сформулировал и представил перед верховной властью коллективный взгляд элиты Гетманщины на статус края и его место в «имперском проекте», закладывая основы образа Отчины, воспринятого последующими поколениями. Обратимся еще раз к проблеме взаимодействия «имперского» и «национального / провинциального», разрывов в «нациестроительстве», «интеграции / инкорпорации» украинской элиты в систему империи, что несколько упрощенно представляется в современной историографии.

Впервые в такой роли Г.А. Полетика выступил в 1763 г. на т.н. Глуховском съезде (раде). Произнесенная им речь, известная под названием «О поправлении состояния Малороссии», по мнению первого историка данного события Д.П. Миллера, «послужила... программой будущих действий» собрания¹⁷². Результатом стало «Прошение малороссийского шляхетства и старшины, вместе с гетманом, о восстановлении разных старинных прав Малороссии, поданное Екатерине II в 1764 году»¹⁷³ и коренная реформа действующих в крае судебных порядков. Значение Глуховского съезда и единодушие, царившее в этом довольно многочисленном собрании, неоднократно отмечалось в литературе. Оно наглядно продемонстрировало, что к 1760-м гг. в Малороссии

// Вестн. Омск. ун-та. Исторические науки. 2015. № 2(6). С. 79–86; Руднев Д.В. Г.А. Полетика и издательская деятельность Морского кадетского корпуса в 1760–1770-е гг. // Вторые Лупповские чтения. М., 2006. С. 42–72; Руднев Д.В. Григорий Андреевич Полетика и книжная культура XVIII века // Литературная культура России XVIII века. СПб., 2008. Вып. 2. С. 53–64; Лазарев Я.А. Идеиное поле «национального» интеллектуала имперского периода: взгляды Г.А. Полетики (1725–1784) на «украинскую государственность» // Slověne= Словѣне. 2016. № 1. С. 184–202; Melnik A., Tairova-Yakovleva T. Hryhorii Poletyka's Introduction of Kyiv-Mohyla Academy Educational Methods in the Russian Empire // Kyiv-Mohyla Humanities Journal. 2019. № 6. P. 115–126.

¹⁷² Миллер Д. Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии. Суды земские, гродские и подкоморские в XVIII в. // Сборник харьковского Историко-филологического общества. 1896. Т. 8. С. 109.

¹⁷³ Прошение малороссийского шляхетства и старшины, вместе с гетманом, о восстановлении разных старинных прав Малороссии, поданное Екатерина II в 1764 году // Киевская старина. 1883. Июнь. С. 317–345.

сложилась собственная элита, понимавшая необходимость реформирования всех сторон жизни края. Анализ Д.П. Миллером списков присутствовавших на съезде представителей полков и сотен дал возможность утверждать, что «участники... – если не все, то большинство, – были люди интеллигентные. Полковники и полковая старшина пеклись в то время почти исключительно из лиц штудированных; о бунчуковых товарищах, этом в своем роде «знатном» малороссийском дворянстве, уже и говорить нечего, даже сотники – и те были выбраны из числа «надежнейших», то есть таких, которые имели достаточное понятие о силе и важности прав малороссийских. ...Многие из них, кроме того, хорошо знали историю своей родины»¹⁷⁴. Поэтому высказанные Полетикой в «Речи» рассуждения о причинах упадка отечества, а также его призыв отложить «все пристрастия и партикулярные пользы», подумать «об восстановлении прежних порядков и благосостояния» попали на благоприятную почву и были, по мнению Д.П. Миллера, выражением всеобщего единодушия собрания¹⁷⁵.

Сравнение «Речи» и «Прошения» к императрице дает основания утверждать, что Полетика участвовал в составлении петиции, а возможно, был одним из ее авторов. Это подтверждает тождественность не только идей, но и речевых оборотов, особенно во вступлении. В преамбуле «Прошения» изложена полетикинская концепция истории Украины с опорой на традиционный для Полетики набор актовых материалов. Основная часть петиции является, по сути, развернутой, углубленной программой преобразований, сформулированной в «Речи» Г. Полетики.

Высказанные оратором предложения о реформировании законодательства, казачьего войска, о развитии торговли, восстановлении сеймов, трибунала, генеральной рады, земских и градских судов, требования возвращения земель, отошедших под поселения иностранцев, раскольников, слободские полки, укрепленную линию и другие нашли отражение в «Прошении» практически в том же виде, в каком они изложены в «Речи». В пункте № 19 «О учреждении университетов, гимназий, топографий» находим часто упоминаемых и в более ранних текстах Полетики П. Конашевича-Сагайдачного и Петра Могилу, как деятелей, способствовавших распространению просвещения. Положение о типографиях, хоть и не нашло места в «Речи», в «Прошении», оче-

¹⁷⁴ Миллер Д.С. Очерки... С. 103.

¹⁷⁵ Там же. С. 106.

видно, появилось под влиянием Полетики, давно специально занимавшегося историей книгопечатания в Российской империи.

Представление Полетики о том, что нарушение прав и привилегий какого-либо одного из сословий ведет к нарушению прав остальных и отечества в целом отразилось в просьбе Глуховского собрания подтвердить «права... малороссийскому гетману, шляхетству, духовному чину, войску, мещанству и всему народу»¹⁷⁶. Отстаивая, таким образом, интересы не только элиты, но и всего общества, «Прошение» как бы напоминало, что Малороссия – это отдельное социальное, экономическое и политическое целое, связанное с Россией лишь личностью монарха. По мнению З. Когута, эта петиция содержала наиболее автономистические взгляды, не высказывавшиеся так открыто со времен Мазепы¹⁷⁷. Если оценка З. Когута и верна, то это сравнение вряд ли корректно. Ни Мазепа, ни его окружение не пытались сформулировать «автономистические» притязания в рамках российской легитимности.

Итак, в 1760-е гг. элита Левобережной Украины не только созрела для понимания необходимости проведения переустройства всех сторон жизни края, но и была способна сформулировать свою собственную общественно-политическую программу, как бы в противовес той, что была представлена Екатерине II Г. Тепловым, где звучал тот же мотив о реформировании, но с имперских, централизаторских позиций.

Эту программу преобразований можно оценивать по-разному. С точки зрения социально-экономического детерминизма к ней можно отнести как к попытке малороссийской шляхты отстоять свои интересы; с точки зрения культурологической – это проявление специфического менталитета, включавшего в себя элементы разных культурных влияний – русинско-польского шляхетского этоса, идей западноевропейского Просвещения, традиций российско-православного пиеизма перед царской властью; с точки зрения развития украинской национальной идеи – это одна из ярких попыток легитимным путем укрепить государственность; с точки зрения политологической – это одна из имперских программ, отражающих борьбу двух тенденций, присущих любым государственным образованиям (тем более имперского характера) – борьбу центростремительного с центробежным; с точки зрения всеобщей истории права – это попытка ре-

¹⁷⁶ Прошение 1764 г... С. 321.

¹⁷⁷ Когут З. Коріння ідентичності... С. 103.

лизации идей естественного права в системе правового волюнтаризма. С нашей точки зрения, исследователю интеллектуальной истории необходимо учесть весь спектр возможных подходов, тем самым создавая условия для вписывания изучаемого явления в исторический контекст во всем его многообразии.

Если выработка программы переустройства края зависела от внутренних возможностей общества, то ее реализация натолкнулась на совершенно противоположный взгляд со стороны центральной власти, что привело впоследствии к результатам, вряд ли прогнозируемым идейным вдохновителем Глуховского собрания Г. Полетикой. Но его активное участие в работе съезда, отношение к общественным делам, идейные позиции, уровень обоснования взглядов приобрели достаточно широкую известность и, без сомнения, способствовали избранию этого петербургского жителя депутатом от шляхетства Лубенского полка в Комиссию по составлению Нового Уложения.

В отличие от коренных русских губерний, где исследователями не отмечены случаи, «когда избрание того или другого депутата определено основывается на соображениях принципиального характера», на Левобережной Украине, согласно А. Флоровскому, переживавшей критический период своего существования, «был особенно важным вопрос о личности депутата и желании, и способности его быть защитником и ходатаем в смысле возможного сохранения всего уклада края от объединительных намерений правительственной власти»¹⁷⁸.

В лице Г. Полетики шляхетство нашло последовательного борца за автономные права, проявившего себя в качестве одного из наиболее деятельных депутатов Комиссии. Еще в мае 1768 г. он был избран членом комиссии «для рассмотрения образа сборов и образа расходов», набрав наибольшее количество голосов. А 20 мая того же года представил огромный фолиант «Права, привилегии, преимущества, вольности и свободы малороссийского шляхетства»¹⁷⁹ – результат многолетнего собирания актовых материалов, начиная с 1433 г. (привилегии и присяги польских королей, статьи конституций, договорные статьи гетманов с российскими монархами, универсалы, разделы Литовского статута, указы и грамоты царей, императоров и императриц).

¹⁷⁸ Флоровский А.В. Состав Законодательной комиссии 1767–1774. Одесса, 1915. С. 300, 302.

¹⁷⁹ ИР НБУВ. Ф. VIII. № 173.

Однако самое главное – Полетика подверг критическому анализу «Наказ» Малороссийской Коллегии, данный Д. Натальину, таким образом сформулировав свое отношение к проблемам, имевшее значительное влияние на всю делегацию Гетманщины.

Г. Максимович, сравнив «Наказ» с «Запиской о усмотренных в Малой России недостатках, о исправлении которых в Малороссийской Коллегии трактовать должно» П.А. Румянцева, пришел к выводу о непосредственном участии или влиянии генерал-губернатора при составлении «Наказа»¹⁸⁰. Вместе с тем, Румянцев в своей деятельности точно руководствовался «секретным наставлением» Екатерины II составленным ее статс-секретарем А.В. Олсуфьевым, который использовал в качестве одного из источников «Записку» Г. Теплова, после утверждения императрицей секретно хранившуюся в Сенате. Подобные инструкции вручались в первую очередь губернаторам окраинных губерний – Архангелогородской, Новгородской, Смоленской, Малороссийской, Новороссийской, Астраханской – и были отражением политики централизации, унификации империи¹⁸¹.

Многие положения «секретной инструкции» и, прежде всего, о поступлении в государственную казну доходов с Левобережной Украины, о беспорядках в различных учреждениях, о переходах посполитых с места на место, о «ленности» населения «к земледелию и другим полезным трудам», через «Записку» Румянцева попали в «Наказ» Малороссийской Коллегии. Поэтому, выступая против положений Коллегии как ненужных, излишних, не соответствующих ни традициям, ни нравам народа, Г. Полетика, по сути, стал в оппозицию к центральному правительству. Обращаясь к Екатерине II в конце «Возражения», он подчеркивал:

[Представляя] «нужды и недостатки наши... первойшую и самой жизни дражайшую надобность почитаем сохранение прав, привилегий, преимуществ, вольностей и обыкновений наших и действительное оным пользованием», а предлагаемые Малороссийской Коллегией «средства все принуждены, все насильны, все отяготительны, все несходны ни с состоянием нашего народа, ни с воспитанием, ни с обыкновениями онаго. Ненадобными почтены наши законы, которые, однако, больше многих других с человеколюбием сходятствуют; уничтожена наша служба, которого предков Вашего

¹⁸⁰ Максимович Г.А. Выборы и наказания в Малороссии в Законодательную Комиссию 1767 г. Нежин, 1917. Ч. 1. С. 299.

¹⁸¹ Круглова Т.А. Экономическая структура городских хозяйств Левобережной Украины в XVIII в. (по материалам Генеральной описи 1765–1769 гг.). М., 1989. С. 47, 54.

Императорского Величества всегда была приятна и от них многократно похвалена; описан с худой стороны и неприятными красками наш народ, который правами и поведением своим нельзя сказать, чтобы других был хуже; представлены способы к нашему отягощению и, можно сказать, к неминуемому разорению»¹⁸².

Полетика был сторонником только таких перемен, которые могли быть оправданы при сохранении национальных традиций. Именно такую позицию, очевидно, привлекательную для большинства малороссийских депутатов, он последовательно представлял в своих речах и записках в Большое собрание. На заседании 21 августа 1768 г. Полетика выступил с обширными возражениями почти по всем пунктам обсуждаемого «Проекта права благородных»¹⁸³. С требованием юридической точности он разбирал каждую статью, но особенно интересно его мнение на статью 43. Не соглашаясь с формулировкой: «Никто кроме российских благородных в России сими правами пользоваться не может», Полетика настаивал на сохранении за малороссийским шляхетством, духовенством, мещанами и казаками всех их прав и привилегий. С ним согласились 26 малороссийских депутатов: 8 от шляхетства, 10 от городов, 8 от казаков¹⁸⁴. Такая поддержка свидетельствует, насколько соответствовало мнение Полетики устремлениям всех депутатов, их представлениям о дальнейшей судьбе отечества и опровергает утверждение об отсутствии в малороссийском обществе XVIII в. патриотизма, стремления не только к национальной, но «даже к провинциальной самобытности»¹⁸⁵.

Депутат козелецкого и остерского поветов В. Золотницкий, ссылаясь на представленный Г. Полетикой сборник «Прав, преимуществ, привилегий...», полагал, что действие «Проекта правам благородных» должно распространяться на «великороссийское дворянство, малороссийское же, лифляндское и эстляндское шляхетства... остаются в рассуждении их мест, на прежних своих правах и привилегиях»¹⁸⁶. Схожие мнения были и у других депутатов – Н. Мотониса, В. Дунина-Борковского. Солидарность про-

¹⁸² Возражение депутата Григория Полетики // ЧОИДР. 1858. Кн. 3. Смесь. С. 53.

¹⁸³ Полетика Г.А. Мнение о начитанном проекте правам благородных // Сборник РИО. СПб, 1882. Т. 36. С. 346–356.

¹⁸⁴ Сборник РИО... 1881. Т. 32. С. 314–315.

¹⁸⁵ Авсеенко В. Малороссия в 1767 г. Эпизод из истории XVIII ст. По неизданным источникам. Киев, 1864. С. 55; Латкин В.Л. Законодательные комиссии в России. СПб., 1887. Т. 1. С. 266.

¹⁸⁶ Сборник РИО... 1882. Т. 36. С. 338.

явилась в дружной поддержке своих депутатов, независимо от того, представителями какого сословия они были в Комиссии. Так, в обсуждении 43 статьи проекта, наряду со шляхетскими, принимали участие и казацкие депутаты. Депутат от казачества Лубенского полка М. Тимофеев горячо поддержал желание шляхетства изменить редакцию 43 статьи, на том основании, что «все... договоры и соглашения во время благоприсоединения М. России к российской империи делаемы были с общаго всех чинов согласия...» и что «сим благополучным единством и до ныне М. Россия утверждалась и управляема была»¹⁸⁷.

Обращение к таким репрезентативным для изучения общественного сознания источникам, как «наказы» и «речи» малороссийских депутатов в Уложенной Комиссии, убеждает, что наряду с отстаиванием сословных, региональных, «партикулярных» интересов, в них четко прослеживается интегрирующая идея о необходимости возобновления во всем объеме институтов, закрепленных «договорными статьями» 1654 года. Общественно-политическое, через которое реализовывалась и этническая самобытность, можно рассматривать в качестве фундамента самосознания малороссов того времени. Подтверждение «прав, привилегий и обыкновений», сохранение судебного, административного, военного устройства и управления – эти требования красной нитью проходят через все «наказы», «челобитные», «речи». А так как главными хранителями и трансляторами исторической традиции (во всяком случае, в общественно-политическом аспекте) были выходцы из казацкой среды, то более всего это заметно именно в казацких и шляхетских «наказах» и «речах».

Глубокие социально-экономические противоречия между казачеством и шляхетством, существовавшие в это время, ставят под сомнение возможность их общественно-политического единения. Но на уровне менталитета они очень близки друг к другу, исторически связаны общностью судьбы, службы, управления, суда, традиционными формами жизни. К тому же новошляхетский этос еще только формировался. Активный процесс социальной стратификации общества хотя и осложнял формулирование единой политической программы, не помешал консолидации усилий в отстаивании автономии края. Не случайно Г. Полетика помогал в составлении казацких и даже мещанских «наказов».

¹⁸⁷ Там же. Т. 32. С. 317–318.

Тяготение к децентрализации и самобытности, проявленное в Комиссии также представившими свои заявления лифляндскими, эстляндскими и смоленскими депутатами противоречило намерениям Екатерины II. Поэтому 9 сентября 1768 г., по ее поручению, маршал А.И. Бибиков обратился к Большому собранию с речью, в которой объяснил, что «Комиссия о сочинении проекта Нового Уложения на основании XV ст. данного ей обряда, не должна ни в чем другом упражняться кроме того, для чего именно она учреждена, то есть в сочинении сего проекта». Остальное же «зависит единственно от монаршей власти». Поэтому Бибиков торжественно возвратил заявления от провинций¹⁸⁸.

Именно Полетика стал выразителем общего мнения украинской делегации, и в ответ на действия маршала писал Бибикову:

«Возвращаемое мне вами мое мнение, предохраняющее права и привилегии Малороссийского Шляхетства и народа я принимаю. Но как вы сами именем сего почтенного собрания объявили, что таковые предохранения поелику касающиеся до правления и зависящие от Монаршей власти, не только в проекте прав благородных написаны, ниже приняты быть не могут; то я, почитая сие ваше объявление за непремяемое и невозвращаемое, уповаю, что комиссия никогда и ни под каким видом не приступит к таким положениям, которая бы следовали хотя к малейшему прав и привилегий наших предосуждению, и что присутствие наше в комиссии и подаваемья, по каким бы то ни было делам, голоса, мнения, примечания и прочая представления и на последок самое да и нет [подчеркнуто Полетикой] непочтенны будут за согласие и добровольное наше к проекту нового уложения приступление: а напротив того мы... сие почтенное собрание уверяем, и всегдашним будем иметь свидетелем, что мы остаемся и отступить не можем от предписаний данных нам в наказах сограждан наших»¹⁸⁹.

Неготовность депутатов согласиться с позицией правительства объясняется как представлениями о самобытности и обособленности отечества, так и пониманием, что в Комиссию они «созваны не только для того, чтобы выслушивать их нужды и недостатки, но и для того, чтобы принять участие в составлении проекта нового уложения». В. Сергиевич отмечал это как характерную черту украинских «наказов» и «речей»¹⁹⁰. Большое внимание депутатов к общественным, а не узко сословным проблемам исследователи объясняли тем, что в то время «культурный уровень

¹⁸⁸ Сборник РИО... 1869. Т. 4. С. XXIV–XXV.

¹⁸⁹ ИР НБУВ. Ф. VIII. № 2439. Л. 1–1 об.

¹⁹⁰ Сергиевич В. Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссии? // Вестник Европы. 1878. Январь. С. 192.

населения... в малороссийских губерниях был вообще значительно выше»¹⁹¹. Так, Полетика, прекрасно осведомленный об уровне образования в России, для своих сыновей избрал Виленский университет и предпочел получить для всего семейства виттенбергское дворянство. Так поступали и многие другие малороссы. Это подтверждает и Д.В. Руднев: «...влияние выходцев с Украины на русскую культуру не ограничивалось первой половиной XVIII в. и активно продолжалось во второй половине века»¹⁹².

Несмотря на имеющиеся сословные противоречия, некоторые расхождения идейных позиций, делегация Гетманщины сумела выработать собственную «программу» в виде «Прошения Малороссийских депутатов во время составления Уложения», которое по поручению 20-ти «депутатов полков и городов» Екатерине II вручили Г.А. Полетика, Н.Н. Мотонис, В.Т. Золотницкий, В.А. Дунин-Борковский, П.И. Рымша¹⁹³. Таким образом, Левобережная Украина снова заявила себя не только как совокупность отдельных сословий и групп, а как автономная часть Российской империи. Как и «Прошение» 1764 г., данное представление императрице также находилось под сильным влиянием Полетики.

Сравнение «Прошения Малороссийских депутатов» с известными полетикинскими бумагами периода Уложенной Комиссии, прежде всего с «Возражением», позволяет утверждать, что он снова был одним из авторов, а может и единственным оформителем общего мнения. В четвертом пункте возникает знакомая концепция истории Украины, в пятом, – как и в «Возражении», перечислены, практически без изменения порядка, «пользы, которые от добровольного Малыя России соединения Российской империи произошли», в седьмом – излагаются «общие нужды» и, в первую очередь, о «сохранении и целости всех прежних прав, привилегий, преимуществ, вольностей, свобод и обыкновений всех обще и каждого особливо, чина, а именно: шляхетства, духовенства, мещан, казаков и всего малороссийскаго народа». Просьбы о том, чтобы «гражданския и земския дела управляемы и судимы были по своим, воинския по своим, а мещанския по своим давним правам о обыкновениям особливо из тамошних

¹⁹¹ Бочкарев В. Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II по материалам Законодательной комиссии 1767 года // Русская старина. 1915. № 4. С. 95; № 5. С. 322.

¹⁹² Руднев Д.В. Григорий Андреевич Полетика... С. 63–64.

¹⁹³ ИР НБУВ. Ф. VIII. № 1745–1746. Л. 1–1 об.

шляхтичей, мещан, и казаков... выбранными людьми, и никогда бы одни дела с другими смешиваемы не были», о невмешательстве во внутренние дела – «наложением податей, поборов, высылка на работы», которые должны производиться с «общаго согласия шляхетства и всех чиновных людей на радах», а в важнейших делах с согласия «старшин, войска и всего посполитства» также были сформулированы в «Возражении» Полетики.

В «Прошении» звучит столь же отрицательное отношение к гетманам и «учреждаемым на их места главным правительством», к рублевому окладу, Генеральной описи, ставшее причиной того, что «малороссийский народ в такой пришел страх и смущение, что многия тысячи онаго безвестно разбежались, и от времени до времени побега умножаются, а другие изнуряются бедностью и нищетою». А заключение петиции полностью совпадает с последними фразами полетикинского «Возражения»:

«Заставьте, всемилодивейшая Государыня, толь многочисленный народ за возобновление свое воздвигнуть вам монументы и жертвенники не на земле и воздухе, но в сердцах. Сколь славныя, сколь величественныя, сколь долговременныя таковым здания!»¹⁹⁴.

Итак, несмотря на отсутствие прямых результатов работы Уложенной Комиссии, она оказала важное влияние на законодательную деятельность Екатерины II и на политику правительства по инкорпорации Левобережья в имперскую административно-политическую систему. Общеимперская программа, сталкиваясь во второй половине XVIII – первой половине XIX в. с консолидированной оппозицией элиты, вынуждена была искать по отношению к Малороссии компромиссные варианты.

В писаниях Г. Полетики и коллективных программах местных интеллектуалов 1760-х гг. формировался образ Малороссии как отдельной нации. Проект домодерной малороссийской нации, как базовый интеллектуальный продукт для строительства всего многообразия «украинских» национальных проектов до начала XX века, существенно недооценен в историографии. Вопрос о его роли в формировании современного украинства был поставлен З. Когутом. Однако, несмотря на важный вывод, что «развитие малороссийской идентичности оказалось началом современного украинского национального строительства», существенные воз-

¹⁹⁴ Прошение Малороссийских депутатов во время составления Уложения // Наказы малороссийских депутатов 1767 года и акты о выборах депутатов в Комиссию сочинения Уложения. Киев, 1890. С. 177–184.

ражения вызывают другие наблюдения автора. Это касается пессимистического утверждения о том, что «подъем исторического самосознания свидетельствовал не о дальнейшем развитии малороссийской идентичности, а скорее об уверенности в ее неминуемом упадке». Историк утверждал: «Вместо того, чтобы перерасти в модерное малороссийское национальное сознание, малороссийская идентичность пошла по пути удивительного *Landespatriotismus*, который оплакивал упадок малороссийской нации»¹⁹⁵. Он признавал амбивалентность воздействий малороссийской идентичности, которая сыграла важную роль в процессе современного украинского национального строительства, но, с другой стороны, «подготовила сторонников великорусской концепции, считавших малороссию ответвлением единой российской нации».

Представление о том, что старая малороссийская идентичность, составлявшая интеллектуальную почву домодерной нации, исчезла вместе с ней в 1840-х гг. и привела к становлению только двух конкурирующих национальных проектов, кажется существенным упрощением. Обойденный вниманием «проект малороссийской нации», созревший в течение XVIII в. и, по мнению историков, «похороненный» в первой половине XIX в., в отличие от аморфных, ситуативных, эксклюзивных, неформленных «малороссийских» и «украинских» проектов XIX в., был зрелым общественно-политическим, ментальным и интеллектуальным продуктом. Он был обоснован, четко оформлен, публично обсужден и представлен прежде всего в текстах Г.А. Полетики. Выработанные им идеи, находящие опору в правовых и исторических аргументах, заложили основы отношения к Гетманщине, которое будет органично воспринято следующим поколением.

Поколение «детей» малороссийской социальной и интеллектуальной элиты в иных условиях также продемонстрировало готовность к корпоративной солидарности и решимость в защите национальных интересов. На рубеже XVIII–XIX вв. малороссийская элита все еще осознавала необходимость отстаивать не только собственные сословные интересы, но и интересы края в целом, что, как и во времена Г.А. Полетики, виделось в сохранении прав каждой социальной группы. Левобережное панство продемонстрировало это, готовя в 1801 г. обращение¹⁹⁶ к Александру I от

¹⁹⁵ Когут З. Коріння ідентичності... С. 99.

¹⁹⁶ ГАЧО. Ф. 133. Оп. 1. Спр. 74. 160 л. Далее в тексте ссылки на номер листа данного дела даются в скобах. Опубликовано: Записка 1801 г. о нуждах

дворянства Малороссийской губернии. Несмотря на все обвинения историков в отстаивании своих узкокорыстных интересов, в целом ряде уездных «положений», на основе которых составлялось данное обращение, поднимались вопросы о «нуждах» и интересах не только дворянского сословия, но и всей малороссийской нации. Дворянство проявило стремление заявить о правах тех соотечественников, которые не могли в данном случае участвовать в составлении петиции императору, и таким образом установить справедливость и законность¹⁹⁷.

Достаточно активно высказались уездные собрания по правовым и административным вопросам, которые почти полностью нашли отражение в коллективной «Записке» – утверждение Литовского Статута, введение в крае управления согласно «Учреждениям в губерниях» 1775 г. и Жалованной грамоте дворянству, восстановление законов «во всем их действии, силе и точности» (л. 127), судов на основе Литовского Статута, прежде всего, гродских. Ряд запросов касался проблем избрания и переизбрания на выборные дворянские должности, в частности, судей, возможности выходить в отставку по уважительным причинам тем, кто занимает должности уездных маршалков, подкомориев, хорунжих¹⁹⁸, зачисления срока пребывания на должностях судебных канцеляристов за службу с повышением чинов.

На так называемые образовательные дела, которые для историков всегда были «лапшовой бумажкой» культуры и ответственности дворянства за общественные интересы, обратило внимание только дворянство Роменского и Золотоношского уездов. Первые хотели видеть в крае «университет и военную школу для воспитания и обучения юношества, а также училища для воспитания женского пола яко Матерей», вторые – «для всей нации в Городе Лубнах учредить училище» (лл. 68 об.; 127 об.). В «Записке» от губернии настаивали только на основании университета в Чернигове согласно указу Екатерины II от 23 апреля 1786 г.

Малороссийское дворянство не просто привыкало к имперской системе и новым обязанностям, в т.ч. к широкой опеке над

малороссийского дворянства // Киевская старина. 1890. Август. Док., изв. и заметки. С. 310–316.

¹⁹⁷ Литвинова Т.Ф. «Сословные нужды и желания» дворянства Лівобережної України на початку ХІХ ст. // Український історичний журнал. 2005. № 2. С. 67–78.

¹⁹⁸ Репертуар этих специфических выборных должностей сохранялся в Малороссии до начала 1830-х г.

крепостными. Чиновникам непросто было прививать дворянству новые стандарты, тем более что они постепенно менялись. Видимо, не случайно замечания высших правителей края о ленивых малороссах относились сначала именно к дворянству, которое не спешило расставаться с традициями и переходить на общероссийские стандарты сословного бытования и общения, как с местными властями, так и со своими подданными. Это четко прослеживается в письмах А.Б. Куракина к брату¹⁹⁹. Жаловались высшей власти на своих привилегированных подчиненных и другие малороссийские генерал-губернаторы, в частности, Н.Г. Репнин²⁰⁰.

Дворянство не только тихо сопротивлялось, но и использовало возможность обращаться к властям. Особенно обострялись отношения с местными администраторами, когда во главе корпорации оказывались такие крупные фигуры, как полтавский губернский предводитель Д.П. Трощинский, имевший и опыт государственной деятельности и кулуарных интриг, и широкие связи. Тогда писались жалобы, «представления» министрам, сенаторам, председателю Комитета министров об «отягощении несчастной сей губернии», а также «своевольных и незаконных действиях» Я.И. Лобанова-Ростовского²⁰¹. Не случайно, по наблюдению историка Кабинета министров С.М. Середонина, наибольшее число конфликтов генерал-губернаторов с дворянством было именно в Малороссии²⁰². В отстаивании своих экономических прав, базировавшихся на древних гарантиях российских монархов, малороссийское дворянство неоднократно высказывало довольно консолидированную позицию, подталкивая генерал-губернаторов обращаться за поддержкой к центральной власти²⁰³. Иногда, реа-

¹⁹⁹ В 1804 г. генерал-губернатор Алексей Борисович Куракин в письме из Чернигова писал родному брату, известному деятелю эпохи Александру Борисовичу Куракину, скорее всего не о крестьянах, а о непосредственных своих подчиненных, то есть дворянах: «Каждое распоряжение требует послушания и времени: что касается первого, то мы его еще не понимаем, второе – так трудно, благодаря *ленивому характеру украинцев*, что оно кажется невыносимым, прежде чем к нему привыкнуть». См.: Письма генерал-губернатора Князя А.Б. Куракина из Малороссии // Труды ПАК. 1903. Вып. 6. Ч. 1. С. 71.

²⁰⁰ См., напр.: РГИА. Ф. 971. Оп. 1. Д. 10; Ф. 1035. Оп. 1. Д. 67. и др.

²⁰¹ Письма Д.П. Трощинского, 1798–1813, М.П. Миклашевскому // Киевская старина. 1890. Апрель. Док., изв. и зам. С. 151–152.

²⁰² Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 2. Ч. 2. С. 249.

²⁰³ Так, результатом претензий Н.Г. Репнина к дворянству приграничных с Великороссией уездов по поводу контрабандной торговли спиртными на-

гируя на представление руководителей Малороссии, сам монарх вынужден был вмешиваться, строго напоминая дворянству о необходимости служить примером государственного порядка²⁰⁴.

Одним из ярких лидеров малороссийской элиты на рубеже XVIII–XIX вв. стал сын Г.А. Полетики Василий (1765–1845). С опорой на рукописи отца, на «Права» 1768 г., он проявил глубокую преемственность взглядов. В сотрудничестве с близкими по духу А.И. Чепой, Н.М. Стороженко, В.И. Чарнышем, А.А. Ригельманом, Ф.О. Туманским, Т.В. Калининским, Р.И. Марковичем и др. он заявил протест в связи с решением Герольдии отказать в дворянстве потомкам низших казацких чинов. В очередном ущемлении традиционных прав дворяне видели не столько нарушение своих личных интересов, сколько оскорбление «патриотического чувства». Не признавая права низших малороссийских чинов, Герольдия оскорбляла память «вождей нации» и ни во что не ставила их доблестные подвиги перед Родиной и престолом²⁰⁵.

На защиту «братии меньшей» выступили ведущие представители элиты, которые уже давно были российскими дворянами, что не позволяет говорить об их корпоративном эгоизме. Лидерами оппозиции стали губернские и уездные маршалы (предводители) дворянства, к которым стекались составленные местными интеллектуалами «записки» и «мнения». В них на многочисленных примерах, с юридическими и историческими экскурсами, доказывалась легитимность «давних прав и вольностей» малороссийского рыцарства и шляхты. Общественное движение, пик которого пришелся на 1805–1810 гг., привлекло на свою сторону симпатии местной имперской администрации – генерал-губернаторов А.Б. Куракина, Я.И. Лобанова-Ростовского, Н.Г. Репнина.

А.И. Чепка в своей «Записке» также ссылаясь на авторитет и значимость наследия Г.А. Полетики. В историческом экскурсе он

питками стала речь глуховского помещика Д.В. Кочубея перед уездным дворянством 10 декабря 1828 г. и коллективное решение собрания с апелляцией к монаршим грамотам, в т.ч. 1654 г., о правах и свободах малороссийской шляхты. РГИА. Ф. 1035. Оп. 1. Д. 10. Л. 15–16 об, 25–27. См. также: Павловский И.Ф. Кн. Репнин в его отношениях к дворянству из-за винной монополии и Д.В. Кочубей // Труды ПАК. 1907. Вып. 4. С. 210–220.

²⁰⁴ Шандра В. Малоросійське генерал-губернаторство, 1802–1856: функції, структура, архів. Київ, 2001. С. 116.

²⁰⁵ Записка о начале, происхождении, и достоинстве Малороссийского дворянства, писанная маршалом Роменского повета Василием Полетикою // Киевская старина. 1893. Январь. Приложение. С. 1–14.

обосновывал первородство Малороссии тем, что она была «прародительной отчизной всероссийских монархов», к «подножию престола» которых малороссийские чины добровольно «повергнули» Малую Россию²⁰⁶. Опорой такой, далекой от провинциальности самоидентификации, было убеждение, что истоки политической самобытности Отчизны закладывались еще во времена Великого княжения Киевского, а предками малороссийского народа были древние руссы. Огромной заслугой Малой России Чепе считал, что «под чужим игом сохранила она от времен древнего русского правления православную веру, русский язык... древние права и уставы, обычай и разделение состояния народа»²⁰⁷.

Яркие, пафосные патриотические манифестации поколения «детей» опирались на идейное наследие 1760-х гг., и, хотя об административно-политической автономии речь уже не могла идти, осознание исключительного положения Отчизны определяло характер мысли и действия. Их девизом были слова В.Г. Полетики, писавшего 2 февраля 1810 г. А.И. Чепе: «Как приятно трудиться для славы и пользы отечества!»²⁰⁸. «Дети» также были уверены в появлении «внуков»: «На сем поприще возобновится память прежних, незабвенных во веки наших патриотов. Щасливы будем ежели увидим новых, защищающих с таким же усердием права, преимущества, вольности и свободы своего отечества. Напротив сего должны мы отвратить взор свой с омерзением от пагубных предателей отечества, вредных себялюбцев»²⁰⁹. В данном случае, вероятно, речь идет об анонимном авторе «Замечаний до Малой России принадлежащих» начала XIX в.

Острый накал писаний малороссийских интеллектуалов совсем не означал их единодушия. Шел интенсивный поиск оптимальных путей интеграции Отечества в имперские структуры при безусловном сохранении его особенностей к приумножению «чести нации нашей»²¹⁰. Однако все общественное напряжение эпо-

²⁰⁶ Записка о преимуществах чинов Малороссийских. Сочинена статским советником Адрианом Чепею 1809 года, февраля 18 дня // Киевская старина. 1897. Апрель-май. Приложение. С. 23–39.

²⁰⁷ Записка о преимуществах чинов Малороссийских... С. 25.

²⁰⁸ Журба О.І. «Представьте Вы себе, какой зверь был гетман! Это были пренечистивые деспоты!» (з листа свідомого українського патріота, автономіста та традиціоналіста початку XIX століття) // Дніпропетровський історико-археологічний збірник. 2009. С. 212.

²⁰⁹ Там же. С. 213.

²¹⁰ Там же. С. 198.

хи З. Когут свел к двум конкурирующим позициям: «ассимиляторы» и «традиционалисты»²¹¹, что благодаря авторитету историка неоднократно повторено зарубежными и украинскими авторами.

Об уязвимости этой схемы, условности и неопределенности предложенных понятий, вслед за которыми появились подобные – «реставраторы» и «модернисты», уже доводилось писать²¹². Тут же лишь заметим, что такие маркировки не позволяют понять всю сложность, разнонаправленность социальных и идейных процессов, понять, например, почему А.И. Чапа, за которым в историографии давно и прочно утвердилась репутация «автономиста», в письме к В.Г. Анастасевичу 28 августа 1816 г. характеризовал гетманское правление как «самое адское», а гетманов как «пренечистивых деспотов». Он писал, что «Малоросия, ежели и имеет какие отличныя преимущества, к добру ей служащая, то имеет по милости Российских Государей»²¹³.

Скептическое отношение к «гетманскому правлению», ставшему символом узурпации власти, не было и ранее чем-то исключительным в среде малороссийской элиты. Еще Г.А. Полетика в своем прошении Елизавете Петровне 1760 г., представляя суть личного конфликта с гетманом К. Разумовским, писал об узурпации власти²¹⁴. Отрицательное отношение Полетики лично к Разумовскому, вероятно, связано и с той ролью, которую гетман, он же президент Академии, сыграл в запрещении к печати в мартовской книжке «Ежемесячных сочинений» за 1757 г. его большого исследования «О начале, возобновлении, и распространении учения и училищ в России, и о нынешнем оных состоянии». Но главное, что этот знаток права неоднократно выступал за разделение военной и гражданской властей на основе Литовского статута, за установление принципов сеймового, коллективного управления. Ярким подтверждением этому служит отказ генеральной старшины, высшего духовенства и даже некоторых близких родственников К. Разумовского подписать петицию о наследственном гетманстве²¹⁵.

²¹¹ Когут З. Російський централізм і українська автономія... С. 226.

²¹² Журба О.И. Региональное историописание второй половины XVIII – первой половины XIX в. в плену «украинского национального возрождения» (проблемы украинской исторической и историографической культуры) // Мир историка. 2013. Вып. 8. С. 124–165.

²¹³ Журба О.И. «Представьте Вы себе...»... С. 202–204.

²¹⁴ ЧИМ. Ал. 502/15/60.

²¹⁵ Когут З. Российский централізм... С. 88.

Элита края, привыкшая к неоднократному запрещению гетманской должности, в 1764 г. спокойно отнеслась к ее ликвидации, в отличие от некоторых историков²¹⁶, не связывая с этим крушение всей автономной системы Гетманщины. Она сохраняла свою административно-территориальную и военную организацию до начала 1780-х гг., правовую автономию – до 1840-х гг., а идейно-культурную и социальную – до начала XX в. Поэтому в актуальной малороссийской повестке принципиально важным было не сохранение / восстановление гетманского уряда, а закрепление и упорядочивание «давних прав и свобод».

Констатация того, что «традиционалисты не смогли остановить постепенную ассимиляцию и интеграцию украинской шляхты с имперским российским дворянством»²¹⁷, коренится в народнических представлениях о «предательстве» интересов народных масс и непонимании социальной элитой «национальных задач». Это стало также составной частью исторической концепции М.С. Грушевского, которую еще в 1966 г. подверг резкой критике О. Прицак²¹⁸.

Деятельность украинских интеллектуалов второй половины XVIII – начала XIX в. принято ныне рассматривать в контексте схемы М. Гроха, адаптированной к украинским реалиям в виде теории «национального возрождения». В современной историографии она выполняет двоякую задачу: вписывания домодерного украинского пространства в контекст общих с Центрально-Восточной Европой социокультурных процессов (с одновременным выписыванием из имперских) и идейной борьбы с современным «малороссийством», ставшим, начиная с революции 1917 г., одним из главных врагов-конкурентов модерного украинского проекта. Исходя из этого, украинцы второй половины XVIII – начала XIX в., которые тогда назывались малороссами, как бы передают эстафетную палочку деятелям украинского движения второй половины XIX в., а те, в свою очередь, оставляют это наследство поколению М.С. Грушевского с его политическими притязаниями. Эта линейная, анахроничная схема, столь популярная и в аналитическом, и в дидактическом историописании, не выдерживает критики, так как отказывает интеллектуалам «украинских» реги-

²¹⁶ Лазарев Я.А. Идейное поле «национального» интеллектуала... С. 186.

²¹⁷ Когут З. Російський централізм... С. 240.

²¹⁸ Прицак О. У століття народин М.С. Грушевського [1966] // Україна модерна. 2007. Ч. 12. С. 180.

онов империи в их адекватной самоидентификации, навязывая формы саморепрезентации в категориях иного времени и стиля мышления. Так, С.Н. Плохий, констатируя, что «История русов» идеально вписывается в первый этап украинского национального возрождения, а год ее первого датированного списка удивительным образом совпадает с публикацией первой грамматики современного украинского языка, выходом первого сборника украинских народных песен, первой украинской пьесы, ссылается на работы А. Павловского, Н. Цертелева, И. Котляревского²¹⁹. Они же, наверное, наивно и ошибочно, считали, что издадут «Граматику малороссийского языка», публикуют «малороссийские песни», перелицовывают «Энеиду» на «малороссийский язык».

Отношение к первым литературным опытам на малороссийском / украинском языке конца XVIII – начала XIX в., которые, действительно, на рубеже 1830–1840-х гг. начинали ретроспективно восприниматься как факт формирования самостоятельного языка и вызывали по этому поводу интеллектуальные дискуссии, современниками оценивались несколько иначе.

В этой связи особенно показательна переписка А.И. Чепы с В.Г. Анастасевичем 1812–1816 гг. Так, в 1813 г. Чепя писал:

«Русские, читая Котляревского Энеиду, могут заключать, что малороссияне говорят совсем не руским языком. Но приехавши сюда, увидят противное. <...> Кажется мне, в каждой губернии, в каждом уезде и в каждом околотке употребляют выдуманнные, там на месте, слова, кои в других околотках неизвестны. В протчем всем им известны общие коренные руские слова»²²⁰.

Не будет большим преувеличением предположить, что И.П. Котляревский с некоторым удивлением в конце 1830-х гг. узнал от поколения «внуков» о своем статусе основателя современного украинского языка и литературы. Вместе с тем литературные опыты начала XIX в. на народном языке имели определяющее значение для формирования в рамках домодерной нации новых критериев определения своей Отчизны, которыми становятся этно-национальные, в том числе и языковые, специфики²²¹.

Оптика «украинского национального возрождения» определила и репрезентации отечественного историографического

²¹⁹ Плохий С.М. Козацький міф... С. 387.

²²⁰ Журба О.І. «Представьте Вы себе...»... С. 196.

²²¹ Журба О.І., Литвинова Т.Ф. Гетманщина в представлениях украинской интеллектуальной элиты второй половины XVIII – середины XIX в. Ч. 2. Новые образы Отчизны // Диалог со временем. 2021. Вып. 75. С. 335–345.

процесса как целостного, непрерывного, линейного развития, без сомнения, *украинской* исторической мысли с древних времен²²². Выходит, что действуем по принципу: если история не укладывается в рамки «универсальной» теории, то тем хуже для истории. Здесь уместно вспомнить замечание французского историка В. Робера: «Какое у нас право полагать, что люди XIX века ошибались? Конечно, историкам, осведомленным о дальнейшем ходе событий, легко демонстрировать ретроспективную проницательность и подчеркивать значение детали, ускользнувшей от внимания современников, но содержащей в себе предвестие будущего. ...если они [современники] придавали некоему событию первостепенное значение, мы обязаны к ним прислушаться. Раз они так поступали, значит, у них наверняка были для этого резоны, сформулированные открыто или только подразумеваемые. Осталось понять, что это за резоны»²²³. Нам очень близок такой ситуативный подход, акцентирующий внимание не на том, чем данное явление станет через много десятилетий, а на том, чем оно было для современников.

Инерция, заданная украинской историографией, ощущается и в построениях российских авторов, которые истоки украинской нации и украинского нациестроительства начинают с 1760-х²²⁴, в то время как осознание этно-национального единства заманифестировано в узком кругу кирилло-мефодиевцев только в середине XIX в. Насколько сложным и долгим оказалось вызревание этого маргинального до революции 1917 г. интеллектуального продукта свидетельствует и то, что даже в конце XIX в. «украинские интеллектуалы все еще расходились относительно того, где именно проходят границы “Украины”»²²⁵.

Вместе с тем обращает на себя внимание, что в текстах малороссийских интеллектуалов начала XIX в. ярко и четко отразились представления об уникальности их Отчизны, понимание ее территориальных границ, отличия от соседних, в т.ч. украино-

²²² Колесник І.І. Українська історіографія (XVIII – початок XX століття). Київ, 2000; Кравченко В.В. Нариси з української історіографії епохи національного Відродження (друга половина XVIII – середина XIX ст.). Харків, 1996; Калакура Я.С. Українська історіографія. Київ, 2012.

²²³ Робер В. Время банкетов: политика и символика одного поколения (1818–1848). М., 2019. С. 53–54.

²²⁴ Лазарев Я.А. Идейное поле «национального» интеллектуала...

²²⁵ Velichenko S. The Issue of Russian Colonialism in Ukrainian Thought. Dependency Identity and Development // Ab Imperio. 2002. № 1. P. 323–367.

этнических регионов, т.е. все то, что позволяет определять административно-территориальный патриотизм как важнейшую черту этого национального организма. Поэтому не случайно вместе с понятием «малороссийский народ» продолжает нередко как самоназвание употребляться и самоопределение «малороссийская нация». В политическом плане она встраивала себя в систему подданства российскому монарху, требуя взамен защиты и поддержки своего эксклюзивного национального пространства.

Домодерная малороссийская нация как политическая и политико-правовая реальность к началу 1840-х гг. постепенно растворялась. Однако инерция «долгого времени» ментальных структур и стереотипов обеспечила ее устойчивость и живучесть, наполняя новым содержанием, смыслом которого становился поиск новой, этнической Родины, пространство которой оказалось значительно шире административно-территориальных границ бывшей Гетманщины. Так что, если говорить о разрыве в украинском национальном строительстве, то его следует искать не в деятельности Г.А. Полетики, вменяя ему то, чего он не мог и не имел намерения делать – формировать новый антиимперский политический язык, идеалы «независимой Украинской казацкой державы»²²⁶, – а в поколении его «внуков». Именно они на одном и том же материале сформулировали два современных конкурирующих национальных проекта – малороссийский, вписывающийся в систему имперской лояльности и органично выросший на плечах «дедов и отцов», и украинский, присвоивший и переопределивший чужую историю, идеи, культурное наследство.

Разумеется, комбинации идентичностей порождают специфику региональных идентичностей. Самоопределение малороссийской элиты осложнялось поисками не только новой социальной, но и национальной идентификации, которая проходила в рамках конкуренции многочисленных домодерных и современных проектов. Это не в последнюю очередь было обусловлено, по наблюдениям М. фон Хагена²²⁷, чрезвычайной культурной и политической проницаемостью общеукраинского пространства.

В заключение важно еще раз подчеркнуть, что исторические параллели между Украиной и Шотландией корректны прежде всего с точки зрения унийных процессов, имевших след-

²²⁶ Лазарев Я.А. Идеиное поле «национального» интеллектуала... С. 199.

²²⁷ Хаген фон М. Имеет ли Украина историю? // *Ab Imperio*. 2000. № 1. С. 66.

ствием создание империй. И тут трудно не согласиться с японским русистом К. Мацузато, который Левобережную Украину-Малороссию считает одним из трех макрорегионов, составлявших территориальное ядро Российской империи и имевших статус «внутренних губерний». При этом «ядерный статус» в империи, по мнению историка, не означал потери исторической и этнической специфики, поскольку Российская империя представляла собой своего рода коалиционное государство трех макрорегионов²²⁸. Не случайно у социальной элиты этого региона, не испытывавшей систематического дискомфорта как минимум до середины XIX в., не было особых проблем вписывания в имперскую систему. Империя для них была общим пространством, в создании которого на протяжении всей ее истории они, иногда задавая тон, принимали активное участие. Но это не отменяло осознания национальной отдельности, а, напротив, усиливало ее. Об этом малороссийская элита хорошо помнила и не уставала напоминать, как один из главных «акционеров» империи.

²²⁸ Мацузато К. Ядро или периферия империи? Генерал-губернаторство и малороссийская идентичность // Український гуманітарний огляд. 2002. Вип. 7. С. 76–78.

Глава VI

ВЛАСТЬ СВЕТСКАЯ И ВЛАСТЬ ДУХОВНАЯ

6.1. МОНАРХИЯ И ВЛАСТЬ В НАСЛЕДИИ ЯКОВА I СТЮАРТА

Воистину, смелые деяния – лишь плод: мудрость же есть древо, носящее их. Деяния – лишь реки, мудрость – источник, что питает их. Здесь мы видим плоды вместе с принесшим их деревом; здесь мы видим реки вместе с питающим их источником, здесь мы видим деяния Соломона вместе с мудростью, зачавшей их. Хотя королям помазывают руки – орудия их свершений, корону возлагают им на голову, вместилище их мудрости. Ибо как в природе, так и в теле общины разыскания и исследования членов направляются из башни ее главы. Здесь расположены очи, за всем присматривающие. Здесь уши, все слышащие. Здесь ноздри, которые ощущают любой запах. Здесь мозг, который трудится для всех. И здесь пребывает мудрость, которая все сохраняет¹.

Дж. Уильямс. Надгробная проповедь Якова I

Трактаты и парламентские речи Якова I Стюарта – уникальный источниковый комплекс, отражающий персональную рефлексию монарха о власти и властвовании, а также его взгляды на разнообразные политико-правовые и религиозные вопросы. Литература раннего Нового времени знает немало текстов на тему власти и ее практической реализации, адресованных подданными (приближенными, юристами, богословами) своим государям. Однако на этом фоне произведения короля Якова – единственное исключение, когда свои представления об управлении «общинной королевства» излагает сам монарх, обращаясь к широкой читательской аудитории. Еще большую ценность наследию «Британского Соломона» придает то, что оно представлено

¹ Williams J. Great Britains Salomon. A sermon preached at the magnificent funeral, of the most high and mighty king, James, the late King of Great Britaine, France, and Ireland, defender of the faith, &c. At the Collegiate Church of Saint Peter at Westminster, the seventh of May 1625. By the Right Honorable, and Right Reuerend Father in God, Iohn, Lord Bishop of Lincolne, Lord Keeper of the Great Seale of England, &c. L., 1625. N. p.

не единичным произведением, но целым рядом разноплановых текстов (трактатов, парламентских речей, поэтических произведений² и писем), что позволяет проследить динамику взглядов монарха как в период его правления в Шотландии, так и после восшествия на английский престол.

Обширный комплекс сочинений короля Якова имеет длительную традицию изучения, и на его оценке сказывалось менявшееся в историографии отношение к фигуре самого монарха. Образ «Британского Соломона», последовательно и успешно сконструированный самим Яковом и воспринятый значительной частью его подданных, в историографии был оспорен уже Дэвидом Юмом³, который видел в первом монархе из дома Стюартов на английском престоле человека, лишённого политической воли, непредприимчивого и пристрастного. Вигская историография⁴ предлагала сугубо отрицательную трактовку личности и правления Якова – безвольного правителя, который ограничил свободы своих подданных, основываясь на «божественном праве королей», и тем самым спровоцировал конституционный конфликт, вылившийся в итоге в Гражданскую войну 1640-х гг. Оценка интеллектуального наследия монарха дополняла непривлекательный портрет, представляя его в худшем случае как мракобеса, поощрявшего охоту на ведьм в трактате «Демонология», в лучшем – как идеолога абсолютизма, попиравшего правовые основы английской конституции.

Переломным моментом стало критическое издание работ Якова I Стюарта Ч. Макилвейном, который не только представил политические, полемические трактаты и парламентские речи монарха как единый источниковый комплекс, но и предпослал изданию критическую статью, которая по сей день остается одной из самых авторитетных работ по данной теме. В 1994 г. очередное критическое издание осуществил Дж. Соммервилл⁵, благодаря работам которого наследие короля-философа подверглось очеред-

² [King James VI]. His Majesties Poetical Exercises at vacant hours. Edinburgh, 1591.

³ Юм Д. Англия под властью дома Стюартов. В 2 т. СПб., 2001. Т. 1. С. 103–104.

⁴ Gardiner S.R. History of England from the Accession of James I to the Outbreak of the Civil War. In 10 vols. L., 1883; Trevelyan G.M. England under the Stuarts. London, 1925; и др.

⁵ King James VI and I. Political Writings / Ed. by J.P. Sommerville. Cambridge, 1994.

ной ревизии в последние десятилетия XX в. Речь идет, как о переоценке историками-ревизионистами всего раннестюартовского правления, так и об использовании для анализа текстов короля Якова методологических разработок в духе лингвистического поворота. В работах П. Крофт⁶, Р. Аша⁷, В. Паттерсона⁸ и других правление Якова характеризовалось как одно из самых успешных с точки зрения государственного и династического строительства. Российские историки также внесли весомый вклад в изучение этой темы, прежде всего благодаря работам С.Е. Федорова и его учеников⁹. Обстоятельный анализ политических взглядов британского Соломона был проделан в диссертации Е.И. Эциной¹⁰.

На первый план выходят исследования королевского двора как главного инструмента поддержания баланса между различными группами элит сложного этнополитического организма – композитарной монархии, возникшей на Британских островах в результате персональной унии 1603 г. В этом контексте созданные Яковом тексты рассматриваются как своего рода ключ к пониманию той системы организации власти, контуры которой начали определяться еще в тюдоровское правление; при Стюартах же она достигает своего логического завершения. Эта модель была патримониальной и реализовывалась как власть монарха-сеньора, основанная на заключении контракта с различными корпорациями – как территориальными, так и социопрофессиональными группами, что предполагало делегирование им короной определенных объемов полномочий¹¹.

⁶ Croft P. *King James*. N.Y., 2003.

⁷ Ash R. *Sacred Kingship Between Disenchantment and Re-enchantment: the French and English Monarchies, 1587–1688*. N.Y.; Oxford, 2014.

⁸ Patterson W. *King James VI and I and the Reunion of Christendom*. Cambridge, 2000.

⁹ Федоров С.Е. *Королевская семья и церемониальное пространство раннестюартовской монархии*. СПб., 2018; *Королевский двор в Англии XV–XVII вв.* / Под ред. С.Е. Федорова. СПб., 2016.

¹⁰ Эцина Е.И. *Идейно-политические основы раннестюартовской монархии: дис. ... канд. ист. наук*. СПб., 2006.

¹¹ Политической полемике в предреволюционной Англии, в т.ч. оспариванию парламентской оппозицией взглядов короля Якова I и близких к нему по духу теоретиков, посвящен поистине огромный пласт литературы: Pocock J.G.A. *The Ancient Constitution and the Feudal Law*. Cambridge, 1987; Burgess G. *The politics of the Ancient Constitution. An introduction to English Political Thought, 1603–1642*. Basingstoke, 1992; *Political Discourse in Early Modern Britain* / Ed. by N. Phillipson, K. Skinner. Cambridge, 1993; *Conflict in early Stuart England. Studies in Religion and Politics, 1603–1642* / Ed. by R. Cust, A.

Нельзя не согласиться с мнением П. Крофт о том, что на протяжении всей жизни Яков I был в большей степени практиком, нежели человеком, склонным к абстрактному теоретизированию¹². Однако именно тесная связь рефлексии монарха с теми событиями и идеями, которые служили импульсом для облеченных в прозу размышлений, делает наследие Якова особенно интересным для исследователя. Как отмечают сегодня практически все стюартоведы, залогом его успешного и стабильного правления как в Шотландии, так и в Англии было умение адаптироваться к менявшимся политическим обстоятельствам, находить путь к компромиссу между интересами конкурирующих сторон и поддерживать его. Если рассматривать написанные королем-философом тексты в их целостности и динамике, то станет очевидным его умение адаптировать используемые идеи и риторику к различным полемическим ситуациям или к решению насущных задач своего царствования. Оставаясь в целом верным своим представлениям о монархической власти и сущности монархии, которые сформировались в период его шотландского правления, Яков обладал выдающимся талантом раскрывать их в различных интеллектуальных контекстах в зависимости от специфики потенциальной аудитории. Как и у большинства его современников, рефлексия о власти выстраивалась не только (и не столько) за счет артикуляции качественно новых идей, сколько за счет интерпретаций античных и средневековых принципов. Это касалось как области нарождавшейся политической теории, так и сфер богословия и права; все они совокупно образовывали пространство разрешения конфликтов и поиска компромисса¹³.

С учетом сказанного, речь далее пойдет о трех ключевых аспектах политико-правовой мысли британского Соломона: восприятии королевской власти в качестве сакральной, патернализме и контрактуализме. Все эти три аспекта в наследии Якова были неразрывно связаны между собой, образуя подвижную риторическую и аргументационную базу, использовавшуюся при обсуждении конкретных проблем в управлении государством.

Один из главных тезисов, выдвинутых Ч. Макилвейном, предполагал, что представления шотландца Якова I оставались

Hughes. L., 2014; Кондратьев С.В. Юристы в предреволюционной Англии (политические и правовые воззрения). Шадринск, 1993; и др.

¹² Croft P. King James... P. 131–132.

¹³ Федоров С.Е., Паламарчук А.А. Рассуждения о формуле власти // Средние века. 2020. Т. 81. Вып. 1. С. 21–30.

чуждыми английской политико-правовой традиции¹⁴, а концепция божественного права королей сформировалась как реакция на «республиканизм кальвинистов и иезуитов»¹⁵. При этом, очевидно, Макилвейн воспринимал концепт «британской конституции» в тех рамках, которые были определены в риторике Эдуарда Кока и парламентской оппозиции (эта риторика, как известно, включала тезис об институтах общего права как гарантах сохранения конституционного порядка¹⁶).

Тем не менее, в традиции английского *common law* концепция божественного права была хорошо известна, будучи проинтерпретирована одним из самых авторитетных для раннестюартовских авторов – средневековым юристом Генри Брактоном: «Король не имеет равных в своем королевстве. Подданные не могут быть равными правителю, ибо тогда он потерял бы свою державу, поскольку равный не имеет власти над равным и *a fortiori* над вышестоящим. Королю не пристало быть под властью человека, но пристало находиться под властью Божией и под властью закона, поскольку закон творит короля. Следовательно, пусть король придает закону то, что закон придает ему, а именно, управление и власть (*dominationem et potestatem*). Ибо там нет короля (*rex*), где не царствует закон (*lex*). Поскольку король – викарий Господа, он должен находиться под законом, явственно по аналогии с Иисусом Христом, наместником коего на земле он и является. И точно так же блаженная Матерь Божия, Дева Мария, Мать нашего Господа, которая по необычайной привилегии пребывала над законом, тем не менее, дабы явить образец смирения, не отказалась покориться существующему закону. То же самое совершает и король, в то время как его власть остается ничем не ограниченной. Не должно быть никого в королевстве, кто превосходил бы его в совершении правосудия»¹⁷.

Согласно Брактону, власть короля не только не имеет аналогов в пределах его владений, но и не может быть ни умалена, ни ограничена иначе, чем в силу добровольного самоограничения, «смирения», которое, через подражание Христу и Марии,

¹⁴ McIlwain Ch. Introduction // The Political Works of James I / Ed. by J. MacIlwain. Cambridge, 1918. P. XXXVI.

¹⁵ McIlwain Ch. Introduction... P. XXXIII.

¹⁶ Pocock J.G.A. The Ancient Constitution...

¹⁷ Bracton on the Laws and Customs of England (Bracton de Legibus et Consuetudines Legum Angliae) / Ed. and transl. by S.E. Thorne. In 2 vols. Cambridge, 1968. Vol. 2. P. 33.

делает эту власть еще более совершенной и тем самым еще более сходной с совершенством божественным. Если право изменчиво, монарх и его воля (неизменно справедливая) постоянны. По меткой формулировке К.Дж. Нидермана, «монарх Брактона – богобоязненный и послушный закону человек, уникальная и специфическая власть которого делала его, тем не менее, недоступным для суда тех, кто в земной иерархии находился ниже»¹⁸.

Монархическая власть, воплощенная в священной и бессмертной персоне, именно благодаря способности самоограничения представлялась явлением более совершенным, чем любые институты и законы, за исключением права божественного. Поэтому ситуация, когда монарх вмешивался в нормальный ход принятия законов или рассмотрение дел, представляла собой не вмешательство единичного (в данном случае королевской воли) в общее (обычай или право), а нисхождение более высокого (монаршей власти) к более низкому, священного – к профанному. Несмотря на то, что в трактатах короля Якова не встречается прямых отсылок к английской политико-правовой традиции (в «Царском даре» и «Истинном законе свободных монархий»), он практически полностью опирается на тексты Священного Писания, и лишь в некоторых случаях добавляет ссылки на Аристотеля и античных риториков; открытая полемика с идеями общего права появляется, однако, в парламентских речах), его видение монархии в целом коррелирует с традиционным не только для английских, но и позднесредневековых континентальных теоретиков¹⁹: «Царь-пророк Давид называет царей богами, ибо выше, чем их земной трон – один лишь Бог, и отчет о своих деяниях они дают лишь Ему»²⁰. К аллюзии на слова псалма 82²¹:6 «Я сказал: вы – боги, и сыны Всевышнего – все вы» Яков будет прибегать неоднократно, в парламентских речах дополняя библейский аргумент другими хорошо известными построениями: «Монархия – самая совершенная вещь на земле, ибо цари не только являются заместителями Бога на земле и восседают на Божием троне, но и сам Бог называет их богами. Есть три главные срав-

¹⁸ Nederman C.J. Bracton on Kingship Revisited // History of Political Thought. 1984. № 5. P. 63.

¹⁹ Федоров С.Е. Имперская идея и монархии к исходу средних веков // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. История. 2013. № 1. С. 77–89.

²⁰ King James I of England. The True Law of Free Monarchies // The Political Works of James I / Ed. by J. Macllwain. Cambridge, 1918. P. 54.

²¹ В русском синодальном переводе – Пс. 81.

нения, иллюстрирующие сущность монархии: одно сравнение основано на Слове Божиим, два других – на доводах политики и философии. В Писании цари называются богами, и их власть таким образом сравнивается с божественной. Царей также сравнивают с отцами семейств, ибо монарх – воистину *pater patriae*, политический отец своего народа. И, наконец, царей сравнивают с главой в микрокосме политического тела»²². Любопытно отметить, что один из самых ярких представителей будущей пропарламентской оппозиции Стюартам в Англии, Дж. Селден, подробнейшим образом освещает библейский и древневосточный контекст именованья монархов богами²³ и представляет данный сакрализирующий королевскую власть элемент органичной частью истории монаршего статуса.

В парламентской речи 1603 г., посвященной унии корон, Яков уже не использует аналогию, но напрямую говорит о себе как воплощении Божьего благословения, а главное – внешнего и внутреннего мира, который несет в себе уния, реализованная в его же персоне. По сравнению с шотландским периодом более значительное место приобретает уподобление персоны монарха источнику (*fountain*) доброго правления, подлинной религиозности и, что очень важно, правосудия²⁴. Эта риторическая фигура должна была вызывать у читателя ассоциации с еще одной хорошо известной метафорой, в которой король отождествлялся с «источником чести», – достоинств и титулов, а также всевозможных материальных и нематериальных благ²⁵. Как и милость Божия, такой источник-фонтан неиссякаем, поскольку питается той же водой, которая из него истекает.

Суждения Якова следует также воспринимать в контексте длительной интеллектуальной и богословской полемики о сущности королевской власти, связанной прежде всего со становле-

²² King James I of England. A Speech to the Lords and Commons of the Parliament at White-hall... // *The Political Works of James I...* P. 308. Далее все тексты произведений Якова цитируются по изданию Макилвейна.

²³ Selden J. *Titles of Honor*. L., 1631. P. 42–45.

²⁴ King James I of England. A Speech in the Starre-chamber... P. 326; Speech of 1607... P. 293 et al.

²⁵ Федоров С.Е., Паламарчук А.А., Сергеева Л.П. Парадоксы и технологии антикварного дискурса в яковитской Англии // *Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени*. 2013. № 10. С. 69; Паламарчук А.А. Символика и атрибутика королевской власти и антикварный дискурс начала XVII века // *Священное тело короля: ритуал и мифология власти* / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006. С. 404–419.

нием кальвинистской политической теории как на Британских островах, так и на континенте. Как известно, Яков VI Шотландский был воспитан убежденным кальвинистом Джорджем Бьюкененом, выразителем идей контракторианства. В главном сочинении Бьюкенена «*De jure regni apud Scotos*» («О праве королевской власти среди шотландцев») ²⁶ основной мотив – противопоставление монархического и тиранического правления; примером последнего для Бьюкенена было царствование матери Якова, Марии Стюарт. По мысли Бьюкенена (как и большинства европейских кальвинистов-монархомахов), монарх-тиран, преступающий законы королевства и не заботящийся о благе подданных, может быть низвергнут. Истинную же монархию Бьюкенен, цитируя Цицерона, который, в свою очередь, опирается на Аристотеля, считает наилучшим отражением «божественного закона, укорененного в нас изначально» ²⁷. Именно вслед за своим учителем ²⁸ Яков уделяет огромное внимание процессу нравственного воспитания монарха и его ответственности за благополучие подданных, отчасти повторяя его мысли о короле как врачевателе политического тела. Но если Бьюкенен говорит о монархии как отражении «законов природы» (а, следовательно, *опосредованном* отражении установленного Творцом порядка), то его воспитанник полагает монархическое правление *непосредственным* воспроизведением того же божественного образца.

Дж. Бернс ²⁹ считает, что главным заочным оппонентом Якова в «Законе свободных монархий» был даже не Бьюкенен, а другой шотландский реформатор и гуманист, составитель ключевой для судеб шотландского пресвитерианства Второй книги дисциплин Эндрю Мелвилл, которому приписывается авторство шотландской версии кальвинистской концепции «двух царств» ³⁰. Со-

²⁶ A Dialogue on the Law of Kingship among the Scots. A Critical Edition and Translation of George Buchanan's *De Jure Regni apud Scotos* Dialogus / Ed. and transl. by R.A. Mason and M.S. Smith. L.; N.Y., 2017.

²⁷ Buchanan G. *De Jure Regni apud Scotos*, Dialogus, autore Georgio Buchananano Scoto. Edinburgi, 1579. P. 8.

²⁸ О рецепции идей Бьюкенена в Европе см.: George Buchanan: Political Thought in early Modern Britain and Europe / Ed. C. Erskine, R.A. Mason. Farnham, 2012; Мурсалимов К.А. Общественно-политические и исторические взгляды Дж. Бьюкенена (1506–1582): дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2009.

²⁹ Burns J.H. *The True Law of Kingship. Concepts of Monarchy in Early Modern Scotland*. Oxford, 1996. P. 224.

³⁰ Д. ван Друнен указывает, что шотландская версия «двух царств» была озвучена уже в правление Марии де Гиз, т.е. задолго до высказывания Мел-

гласно традиции, в 1596 г. Мелвилл в присутствии короля произнес следующую фразу: «Говорю вам, что есть два царя и два царства в Шотландии: король Яков – глава этой общины, и Иисус Христос, глава Церкви, подданным которого является король Яков VI, который в Его царстве не король, не государь, не глава, но обычный его член»³¹. Именно с Мелвиллом, богословская мысль которого имела ярко выраженную анти-иерархическую окраску, полемизирует Яков. В концепции Мелвилла монарху отводится довольно скромное место должностного лица, призванного служить единственному подлинному Царству, воплощенному в шотландской пресвитерианской общине. Вне сомнения, Якову, воочию видевшему последствия низложения своей матери пресвитерианской партией, подобная десакрализация персоны монарха представлялась опаснейшим из зол³².

Развитие идеи сакральной и абсолютной власти неразрывно связано с другим компонентом восприятия Яковом монархии – идеей контракта. На первых же страницах трактата «Истинный закон свободных монархий» Яков заявляет о намерении осветить «истинные основания взаимного долга и верности (*allegiance*) между свободным и абсолютным монархом и его народом». Текст трактата включает пространное рассуждение Якова о коронационной клятве: «Обязанности государя по отношению к своим подданным ясно изложены во многих местах Писания и открыто исповедуются... в коронационной клятве». «Их [монархов] служение – осуществлять справедливость и правосудие в своем народе», – добавляет Яков, используя аллюзию на Послание Римлянам («Начальник есть Божий слуга» (Рим.13:4)). Далее в тексте король помещает описание клятвы и ее содержания как «яснейшего, общинного и фундаментального закона, которым обязанность короля должным образом определена»³³.

Сущность контрактарианской концепции короля сформулирована в следующем пассаже: «Существует взаимное соглашение, контракт, заключенный и скрепленный узами клятвы

вилла. См.: Van Drunen D. *Natural Law and the two Kingdoms. A study in the Development of Reformed Social Thought*. Cambridge, 2010. P. 174 (notes 78,79).

³¹ McCrie Th. *The Life of Andrew Melvill*. In 2 vols. Edinburgh, 1824. Vol. 1. P. 391–392.

³² См.: Reid S.J. *Andrew Melville and the Law of Kingship // Andrew Melville (1545–1622). Writings, Reception and Reputation / Ed. by R.A. Mason and S.J. Reid. L.; N.Y., 2014. P. 47–75.*

³³ King James I of England. *The True Law of Free Monarchies...* P. 55

между королем и его народом... Если одна часть контракта или его пункт будет нарушен со стороны короля, тогда народ более не связан обязательством соблюдать свою часть, но таким образом освобожден от своей клятвы». Эта клятва в высшей степени сакральна: «Господь соделался судьей и отмщением для клятвопреступников, поскольку пред Ним – единственным судьей всех клятв, любые клятвы должны быть приносимы»³⁴.

Представления Якова об узах между государем и его подданными были ориентированы ретроспективно и опирались на модель взаимоотношений между сеньором и его вассалами. Простекавшие из феодального контракта узы верности, «добродетель постоянства», имели самостоятельную социальную ценность, созидавая иерархически упорядоченную территориальную корпорацию, а ритуалы, сопровождавшие контракт, были важной частью коммуникации внутри общины. Контрактные отношения определяли статус и *vice versa* – наследуемый статус определял предсказуемый объем контрактных обязательств, теоретически дискутируемых, но в основе своей регулируемых традицией³⁵.

Обширный пассаж в «Законе свободных монархий» посвящен статусу короля как творца права в шотландском королевстве. Яков настаивает, что установление королевской власти в Шотландии совершилось не в результате выбора, но в результате добровольного признания первым королем Шотландии Фергуса, прибывшего из Ирландии:

«Впоследствии он и его преемники, спустя многие годы после того, как стали королями, время от времени создавали и устанавливали законы по мере необходимости... В Шотландии королевская власть существовала прежде, чем были установлены какие-либо чины или ранги, раньше, чем появился парламент или написаны законы; именно королями распределялась земля (которая в те времена полностью им принадлежала), распознавались и учреждались статусы, предлагались и вводились формы управления. Отсюда с необходимостью следует, что короли были созидателями и творцами законов, а не законы – творцами королей»³⁶.

Данный фрагмент является полемическим ответом Бьюкенену и Мелвиллу, отстаивавшим не только идею выборности мо-

³⁴ King James I of England. The True Law of Free Monarchies... P. 68.

³⁵ Höpfl H., Thompson M.P. The History of Contract as a Motif in Political Thought // American Historical Review. 1979. Vol. 84. P. 919–944; Cervone T. Sworn Bonds in Tudor England: Oath, Vows and Covenants in Civil Life and Literature. Jefferson; L., 2011.

³⁶ King James I of England. The True Law of Free Monarchies... P. 62–63.

нархии, но и первенства обычая над волей монарха (похожей точки зрения будет придерживаться оппозиция в английском парламенте). При этом взгляды Якова очевидно сближались с другими сегментами спектра британской исторической и правовой мысли. Так, английская антикварная традиция неизменно отводила монархам роль активного начала, упорядочивающего и корректирующего обычай посредством королевского законодательства³⁷.

Далее Яков развивает свою мысль: «Не откажусь я от старинного определения короля и права, согласно которому король – говорящее право, а право – немой король; ибо король, правящий не согласно со своим собственным правом, и Богу не угоден в своем правлении, и счастливого и спокойного царствования не созиждет. Хотя я показал, что король – над правом как творец и податель оно, добрый государь не только находит радость в управлении своими подданными согласно законам, но обретает утешение в соответствии своих действий праву, неизменно памятуя о том, что здоровье общины – его главный закон»³⁸. Идея добровольного подчинения творца законам, которые он сам определил для своего творения, очевидно близка к процитированному выше высказыванию Брактона.

К максиме *rex est lex loquens* Яков обращается и годы спустя в своей парламентской речи 1609 г.: «Даже Бог во времена Ветхого Завета говорил через пророков и являл Себя через чудеса... И так монарх стал *lex loquens*, связав себя двойной клятвой соблюдать законы королевства: по умолчанию, будучи королем, призванным оберегать как людей, так и законы своего королевства, так и открыто, принося коронационную клятву»³⁹. Если в сочинениях шотландского периода, определявшихся полемикой с пресвитерианской политической теологией, Яков делал больший акцент на «свободе» монарха, аналогичной свободе Бога в решениях относительно своего творения, то в королевских речах английского периода, обращенных к парламентариям и судьям, подчеркивается добровольное желание короля соблюдать «фундаментальные законы королевства» и быть гарантом их сохранения. По убеждению Якова, «свободным» королевством называется то, «которое управляется своими собственными фунда-

³⁷ Эта точка зрения была выражена в трактатах Г. Спелмана, Дж. Селдена, У. Ламбарда и др. См.: Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Антикварный дис-курс в раннеюжартонской Англии. СПб., 2015.

³⁸ King James I of England. The True Law of Free Monarchies... P. 63.

³⁹ King James I of England. A Speech to the Lords... P. 309.

ментальными законами»⁴⁰, а король в своих действиях подотчетен лишь власти Бога.

Долгое время исследователи, включая Макилвейна, считали Якова I Стюарта наравне с Жаном Боденом одним из главных идеологов «абсолютизма» (понятого как примат королевской воли над любыми законами). Однако успех всего правления британского Соломона и его интеллектуальной программы был обусловлен реактуализацией глубоко традиционной и потому легко усваиваемой обществом риторики. Яков в считанных случаях использует термин «абсолютный» применительно к монархии: в сочетаниях «свободная и абсолютная монархия» или «абсолютный и свободный государь»⁴¹. В произведениях шотландского периода он явным образом предпочитает вынесенный в заголовок трактата термин «свободная монархия» – община, между главой которой и Богом не имеется более никакой светской власти. Такое понимание «свободной монархии», несомненно, было важно в контексте шотландской истории с многовековой традицией отстаивания независимости королевства как на поле боя, так и на страницах исторических сочинений. В английском контексте яковитская «свободная монархия» соответствовала глубоко укорененной в сознании англичан концепции империи⁴².

Использование королем максимы *rex est lex loquens* также вписывается в историю полемики современников об английской «конституции» и административно-судебного порядка в совокупности. Как известно, юристы общего права в тюдоровский и раннестюартовский период были активно развивающимся социoproфессиональным сообществом, претендовавшим на исключительную роль хранителей и интерпретаторов права. Эдвард Кок в своих «Отчетах»⁴³ употребил его в форме *judex est lex loquens*, отводя именно юристам общего права статус финальной инстанции в интерпретации права общины. Высказывания Якова при этом отнюдь не были провокационным нововведением, но полностью отражали традиционный конституционный порядок, в котором монарх был высшей судебной инстанцией в королевстве, а после

⁴⁰ King James I of England. A Speech to the Lords... P. 308.

⁴¹ The Political Works of James I... P. 54, 147.

⁴² Подробнее о концепте «империи» в раннестюартовской правовой мысли см.: Паламарчук А.А. Цивильное право в раннестюартовской Англии: институты и идеи. СПб., 2016. С. 278–290.

⁴³ Helgerson J. Forms of Nationhood. The Elizabethan Writing of England. Chicago, 1994. P. 84–85.

принятия тюдоровского Акта об ограничении апелляций (1533) – последней апелляционной инстанцией. Поэтому вполне объяснимо то, что в речах, произнесенных в Англии, Яков обращает внимание слушателей не столько на законотворческую функцию монарха, сколько на полноту его полномочий в качестве судьи, вновь проводя аналогию с властью Бога:

«Бог имеет власть создавать и разрушать, творить и уничтожать по своей воле, дарить жизнь или посылать смерть, судить всех и не быть судимым никем... И такую же власть имеют короли: они создают и уничтожают подданных, они имеют власть возвышать и низлагать, казнить и миловать, они судьи над всеми своими подданными во всех делах, и не подотчетны никому, кроме самого Бога»⁴⁴.

Сохранение за королем соответствующего объема судебных полномочий, определяемых королевской прерогативой («абсолютной», то есть божественной природой королевской власти, и «персональной», контуры которой совпадали с юрисдикциями прерогативных институтов) виделось Якову возможным при условии поддержания и сохранения в королевстве соответствующего порядка⁴⁵. Категория порядка (order), ключевая для всей средневековой культуры, сохраняла свое фундаментальное организующее значение для английских интеллектуалов и в целом для общества и в начале XVII столетия. В средневековой мысли порядок мог интерпретироваться как онтологическая схема (аристотелевско-томистская модель творения, упорядоченная по степеням бытия) или как схема функциональная (пример такой схемы – хорошо известная «трехчастная модель» общества, проанализированная Ж. Дюби). В своих текстах король Яков предлагает своему читателю постигать фундаментальное значение порядка через использование двух хорошо известных метафор и одной конкретной функциональной схемы.

Первая метафора, которую король использует на всех этапах своего творчества, – община королевства как политическое тело – пожалуй, основополагающая для британской политико-правовой мысли. Монарх – его глава, неразрывно связанная с другими членами в их единстве; состояние главы неизбежно отражается на состоянии всего тела: «Ибо глава, вместилище здравого смысла,

⁴⁴ King James I of England. A Speech to the Lords... P. 308.

⁴⁵ Исчерпывающий анализ использования категории порядка в английской политической теологии см.: Фадеев И.А. Божественное право королей и интерпретация идеи порядка в английской политической теологии XVII в. // Новая и новейшая история. 2020. № 6. С. 42–52.

обеспечивает заботу и определяет путь, предотвращая любое зло, что может случиться с каким-либо членом. Глава заботится о теле, и так же король заботится о своем народе. Как суждения и указания нисходят от главы, а их исполнение надлежит членам, каждому согласно их предназначению, так заведено между королем и его народом». Призвание монарха – исцелять болезни и немощи политического тела, а страдание членов неизбежно отражается и на их главе. Если же одна из частей тела безнадежно поражена недугом, ее следует отсечь, дабы не подвергать весь организм угрозе распада. Мрачным пророчеством звучат слова короля: «Каким будет состояние тела, если от него отсечь главу, предоставляю судить читателю»⁴⁶. Можно предположить, что Яков не только использует метафору политического тела как необходимое общее место политико-правовых построений, но и подчеркивает органическое, телесное единство монарха со своей общиной. Под его пером «политическое тело» становится вполне осязаемым. Особенно это заметно в парламентской речи 1603 г., в которой Яков в чрезвычайно сильных выражениях («единство, обретенное в моей крови») говорит о себе как осязаемом физическом воплощении воссоединенного политического тела. В этой же речи Яков рассуждает о важности сохранения традиционных прав и привилегий в обоих королевствах, то есть верного порядка функций и обязанностей членов тела композитарной монархии.

Та же идея гармоничного распределения привилегий и обязанностей обретает конкретное измерение в речи перед судьями Звездной палаты в 1616 г. Ее текст справедливо считается прежде всего апологией королевской прерогативы, которая к тому моменту стала значимым аспектом политической дискуссии. При этом текст речи имеет не только апологетическую, но и ярко выраженную систематизаторскую направленность. Король объясняет правоведам, как внутри политического тела монархии, воплощенного в разнообразии административно-правовых институтов, должны пролегать границы между юридическими системами общего и гражданского права, каковы границы юрисдикций отдельных судов, в т.ч. прерогативных, какой статус и функции имеет каждый из них. Соблюдение иерархического порядка – между объединенными в унии королевствами, королем и его судьями, между прерогативными институтами и судами общего права – единственный способ поддержания мира. Обращаясь к судьям,

⁴⁶ King James I of England. The True Law of Free Monarchies... P. 64–65.

монарх не просто стремится урегулировать спорную ситуацию, но осуществляет вверенную ему Богом миссию: «Служение монарха – защищать и поддерживать истинную интерпретацию Закона Божия в своих владениях, а служение судей – истолковывать королевское право, коему они подчинены»⁴⁷.

Наконец, как в интеллектуальном наследии, так и в самом правлении Якова неизменно присутствует мотив патриархальной власти монарха. Представления о монархе как отце своих подданных, власть которого имитировала власть Бога над своим творением, использовалась в средневековой потестарной культуре наравне с метафорой политического тела. Библейские примеры органично дополнялись привлечением аристотелевской модели формирования государства⁴⁸.

Метафора отцовства приобретает все большую актуальность после унии корон. Очевидно восприятие монарха в качестве отца позволяло акцентировать его естественную любовь к каждому из сыновей – двум королевствам, Англии и Шотландии, не уравнивая при этом их статус. При Стюартах, как и при Тюдорах, продолжает активно эксплуатироваться гальфридианский миф о сыновьях Брута: Локрине (прародителе англичан), Альбанакте (прародителе шотландцев) и Камбре (родоначальнике валлийцев). Таким образом, народы, населявшие Британские острова, представляли собой семью, наконец воссоединившуюся под скипетром династии Стюартов.

Разумеется, для осуществления высокой миссии отца народов королю – образу Божьему на земле – необходимо быть для своих подданных образцом добродетели. Подробное объяснение того, как должен выглядеть достойный государь – отец своего народа – Яков дает в трактате «*Basilikon Doron*» («Царский дар»), написанном им в Шотландии для наставления старшего сына, принца Генри, которому так и не суждено было занять ни шотландский, ни английский престол. Цель Якова, выступающего уже в роли монарха-отца, – воспитать преемника, который будет достойно заниматься «поддержанием нашей чести (*honor*) и блага нашего народа»⁴⁹.

⁴⁷ King James I of England. A Speech in the Starre-chamber... P. 327.

⁴⁸ Аристотель. Политика. Кн. 1. I, 2–8 // Аристотель. Сочинения. В 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 376–644.

⁴⁹ King James I of England. *Basilikon Doron* // *The Political Works of James I.* / Ed. by J. MacIlwain. Cambridge, 1918. P. 11.

Первая часть трактата описывает христианские обязанности государя, при этом особенно важное место уделяется воспитанию чувствительной совести⁵⁰, позволяющей здраво оценивать свои поступки перед Богом и перед людьми. Вторая часть, озаглавленная «Обязанности короля в его служении», основывается преимущественно на античном материале, в том числе на цicerоновской риторике: благо народа и обязанность государя заключаются в мире и его поддержании.

Яков мудро подсказывает сыну практические пути к достижению мира среди своих шотландских подданных, необузданных и легких на расправу. Однако основой успешного правления оказывается нравственное совершенство самого государя:

«Чтобы быть достойным монархом, недостаточно править скипетром добрых законов и силой оружия защищать свой народ, если не будет это дополнено его собственной добродетелью, жизнью его двора и окружения; добрым примером побуждай подданных любить добродетель и ненавидеть зло. Потому как, сын мой, люди по природе своей склонны подражать примеру своих государей... Позволь же, чтобы твоя жизнь была сводом законов и зеркалом твоему народу, чтобы в ней они могли прочесть исполнение их собственного закона; и так, в твоём образе они увидят то, чем сами призваны руководствоваться»⁵¹.

6.2. КРИЗИС СИМФОНИИ СВЯЩЕНСТВА И ЦАРСТВА «ВИЗАНТИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ» В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Во второй половине XVII в. православное духовенство продолжало занимать одно из важнейших мест среди культурных элит России. В условиях развития самодержавной монархии церковные элиты стремились не только сохранить, но и увеличить свою роль в жизни общества и государства. Вопрос церковно-государственных отношений всегда был болезненным: традиции Московской Руси XV–XVI вв. предполагали скорее цезарепатризм, чем какое-либо равноправное сосуществование, достаточно вспомнить конфликты Ивана III, его сына и внука с митрополитами всея Руси. Только статус отца царя поменял положение патриарха Филарета, который занимал роль «второго» государя. Однако вторая половина XVII в. уникальна тем, что породила на эту

⁵⁰ King James I of England. *Basilikon Doron*... P. 16–18.

⁵¹ *Ibid.* P. 29–30.

тему общественную дискуссию, прежде всего со стороны Церкви, дискуссию, которая нашла отражение и в политической жизни, и значительно повлияла на церковную политику Петра Великого.

Вопрос взглядов людей Московского царства второй половины XVII в. на церковно-государственные отношения уже поднимался в историографии⁵². Вместе с тем мнения высшего духовенства (патриархов и рядового епископата Московского царства как верхушки церковных элит) о выстраивании отношений «Церковь–государство» еще требуют пристального изучения, итог которого поможет качественнее реконструировать общественно-политическую мысль эпохи. Их представления о природе священства и царства могли реально оказывать влияние на церковную и политическую ситуацию в России. Однако надо обратить внимание на то, что епископат представлял собой лишь верхушку в первую очередь черного, но вместе с тем и белого духовенства (достаточно вспомнить самого патриарха Никона – выходца из приходского духовенства), т.е. мнения епископата так или иначе разделяла целая прослойка русского общества того времени.

Вторая половина XVII в. ознаменовалась в России дискуссией об отношениях священства и царства, фактически – о месте церковных и светских элит в жизни Московского царства. Причин этому было несколько. Во-первых, активное государственное строительство и связанная с ним самоидентификация московских государей, их явное стремление к усилению самодержавной монархии; во-вторых, как следствие первого, ликвидация феодальных вольностей (в т.ч. церковных), усиление унитарности русского государства. Однако решающее значение для проблемы «священства и царства» имело появление в середине XVII в. нового комплекса идей, который сменил в официальной и церковно-государственной идеологии идею «Москва – Третий Рим» и получил в историографии именование «Византийское наследие».

Концепция «Византийского (константинопольского) наследия» и ее бытование во второй половине XVII в. недостаточно изучена. По справедливому утверждению Н.В. Сеницыной, «этот новый комплекс идей обосновывал возросшую роль России и ее столицы, русского православного царя в православном мире, утверждал значение не только “константинопольской вот-

⁵² См.: Балалыкин Д.А. Проблемы «Священства» и «Царства» в России второй половины XVII в. в отечественной историографии (1917–2000 гг.). М., 2006.

чины” (в политическом аспекте), но и духовного наследия христианского Востока, значение христианских святынь, переносимых в Москву, сохранение чистоты греческого Православия»⁵³. Исследовательница назвала данную концепцию «константинопольским наследием». По ее мнению, принципиальное отличие от идеи «Москва – Третий Рим» состоит в том, что в новой идее отсутствует упоминание об утрате греками истинной веры после событий XV в.: Константинополь остается духовной столицей мира, которую необходимо освободить.

Большой вклад в изучение формирования и развития концепции в середине XVII в. сделала Н.П. Чеснокова⁵⁴. Она предлагает иное наименование комплекса идей, а именно – «византийское наследие» (что, пожалуй, более полно отражает суть концепции). В последней трети XVII в. наиболее последовательно эти идеи выразил Игнатий (Римский Корсаков), известный церковный деятель и писатель⁵⁵. Небольшую статью этому вопросу посвятил А.П. Богданов⁵⁶, который, впрочем, не разграничивает концепции «Москва – III Рим» и «константинопольское наследие». Н.Ф. Каптерев уделил большое внимание влиянию греков на развитие данной теории, не выделяя ее в особую систему и видя в ней лишь развитие идей XVI в.⁵⁷ Хорошо изученными представляются вопросы взаимоотношений России с православным Востоком и перенесение христианских святынь в Москву⁵⁸.

⁵³ Сеницына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 307.

⁵⁴ Чеснокова Н.П. Христианский Восток и Россия: политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (по документам Российского государственного архива древних актов). М., 2011. С. 159–198.

⁵⁵ Подробнее о его биографии, сочинениях и взглядах см.: Никурлин И.А. Преподобный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский / Отв. ред. И.Л. Манькова. Екатеринбург, 2015.

⁵⁶ Богданов А.П. Россия накануне империи: политические концепции и реальность последней четверти XVII в. // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. Материалы IX Международного семинара исторических исследований «От Рима к Третьему Риму», Москва, 29–31 мая 1989 г. М., 1995. С. 333–352.

⁵⁷ Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885. С. 248–281.

⁵⁸ Христианские реликвии в Московском Кремле. Сб. ст. / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2000; Фонкич Б.Л. Чудотворные иконы и реликвии христианского Востока в Москве в середине XVII в. // Очерки феодальной России. М., 2001. Вып. 5. С. 70–97; Фонкич Б.Л. Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв.: Греческие рукописи в России. М., 1977; Яворская С.Л.

Во второй половине XVII в. было предпринято немало попыток определить место Российского царства в мире и мировой истории, что отразилось в «издательской» деятельности Посольского приказа, когда при участии Николая Спафария составлялись такие труды, как «Титулярник», «Василиологион» и «Хрисмологион», а также в трудах многих других писателей. В историографии политические концепции второй половины XVII в. по-прежнему часто именуется идеей «Москва – III Рим»⁵⁹. Согласно Н.П. Чесноковой, причинами появления новых религиозно-политических идей, были участвовавшие еще в первой половине XVII в. контакты с греческими иерархами, активное принесение святынь⁶⁰ и актуализация старых идей преемственности от Византии, отраженных в ряде литературных памятников. По мнению Н.В. Сеницыной, идеологическая ситуация середины XVII в. напоминала идеи «константинопольской вотчины» рубежа XV–XVI вв., возникшие также при влиянии извне⁶¹.

В отличие от идеи «Москва – III Рим», в новой политической мысли отсутствует упоминание о Риме (или о Москве как преемнице Рима), а главной мечтой становится освобождение Константинополя и Византии. Важным элементом в этой системе стало понимание Алексея Михайловича (и его преемников) как нового императора Константина, наследника престола византийских василевсов, что нашло отражение, например, в актах Большого Московского Собора 1666–1667 гг. С определенной долей уверенности можно говорить, что политическая мечта о «Византийском наследии» оставалась в умах элит и при преемниках Алексея Михайловича вплоть до конца XVII в.⁶²

Наиболее полно концепция «Византийского наследия» дана в изложении преосвященного Игнатия (Римского-Корсакова), который, будучи настоятелем Новоспасского монастыря в Москве, активно участвовал в церковно-политической и литературной жизни своего времени. Задачи, стоявшие перед московскими мо-

Значение креста в иеротопическом замысле Нового Иерусалима: От Константина Великого до царя Алексея Михайловича // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2009. С. 774–782; и др.

⁵⁹ См., например: Воробьева Н.В. Богословские воззрения патриарха Никона. СПб., 2018. С. 119–120.

⁶⁰ Чеснокова Н.П. Христианский Восток и Россия... С. 159.

⁶¹ Сеницына Н.В. Третий Рим... С. 309.

⁶² Чеснокова Н.П. Христианский Восток и Россия... С. 201–202.

нархами и Российским царством, он сформулировал в ряде сочинений, и, прежде всего, в «Слове воинству перед Крымским походом», «Сказание о Софии Премудрости Слова Божия» и «Слове о Российском царствии».

Рассматриваемая концепция осмысливается у митрополита Игнатия в прямой связи с историософией Московского царства. Истоки российской цивилизации – это, конечно, проповедь апостола Андрея Первозванного. Последний именуется у владыки Игнатия «крестным отцом» «всероссийских чад»⁶³. В то же время важной вехой становится принятие христианства в конце X в. – преосвященный Игнатий пишет: «посетил ны есть Восток свыше, и озари светом просвещения Святыя... Троицы... и породися святым крещением вся Великороссийская земля, в первом нашем благоверном и святом великом князе, и царе (!) Владимире, нареченном во святом крещении Василий, в лето 6496»⁶⁴.

Российские цари названы законными преемниками византийских императоров. Эта законность доказывается следующими аргументами: «Царство Ромейское, еже есть греческое за многое время... по части приношашеся в Россию». И владыка Игнатий перечисляет этапы «перенесения» царства: первый – Крещение Руси св. князем Владимиром, второй – «царства Ромейского венцем венчан бысть великий государь царь и великий князь Владимир Всеволодович Мономах». Последнему, согласно митрополиту Игнатию, «царь греческий Константин Мономах» послал диадему, венец, Крест Животворящего Древа, порамицу царскую и крабийцу сердоличную и цепь златую» и т.д. Преосвященный Игнатий подчеркивает царское достоинство Владимира Мономаха: «венчан... бысть... в Киеве тем царским венцем... от святейшаго митрополита господина Неофита Ефесского и от прочих... пришедших от Царяграда»; «и отголе боговенчанный царь нарицашеся в Российском царствии»⁶⁵.

Таким образом, по версии владыки Игнатия, началом Российского царства становится не XVI, а XII в. Эта идея не была его изобретением, она звучит и в «Чине постановления на царство

⁶³ «Слово благочестивому и христоробивому воинству» // Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегерики / Подг. текста, предисл. и комм. А.П. Богданова. В 2 ч. М., 1983. Ч. 1. С. 139.

⁶⁴ Послания блаженнаго Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского. Казань, 1855. С. 71.

⁶⁵ «Слово благочестивому и христоробивому воинству»... С. 165–166.

царя Алексея Михайловича»⁶⁶. Ко времени преосвященного Игнатия «все царство Ромейское приклоняется под державу российских царей Романовых»⁶⁷. «Видимое царство» должно потенциально включать в себя всю вселенную, т.е. христианскую «ойкумену». Толкуя именование царей «всех России», будущий митрополит Игнатий пишет, что под этим титулом нужно разуметь «вселенные цари»⁶⁸. Более того, он подчеркивает это в царском титуле, именуя «царей и кесарей» «самодержцами всех России, Востока и Запада»⁶⁹. У него приобретает смысл игра слов: «цари ромейские» – «цари Романовы». На этом фоне становятся актуальными и задачи, которые стоят перед Московским «вселенским» царством. По мнению Игнатия, одной из самых главных задач царской власти является «охранение Церкви». «Охранение Церкви» означало для него охранение вселенского Православия, средоточием которого в его время являлись Восточные патриархаты – за освобождение их и ратовал митрополит. Освобождение Восточных патриархатов от «поганных» было для митрополита ключевым моментом концепции. Именно на это он обращал значительное внимание в своих сочинениях. Так, в «Слове перед Крымским походом» владыка Игнатий отмечает, что военный поход идет «всего православия в защищение, и в сохранение святых Божиих церквей и православных христианских веры, и их пресветлых государей наших царскую честь же и славу, и всего православия благостоянного ради мира и тишины»⁷⁰.

В доказательство концепции приводится пророчество об освобождении Константинополя⁷¹, известное по Повести Нестора Искандера в составе Русского хронографа. В последнем «русый род» превращается в «русский род», и это преосвященный Игнатий также использует в своей концепции⁷². В подтверждение концепции он приводит и русские свидетельства – пророчество преподобного Кирилла Новозерского⁷³ и др. Именно это

⁶⁶ Алгави Л. Русское барокко конца XVII века: На материале литературы и публицистики: дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. С. 97.

⁶⁷ «Слово благочестивому и христоробивому воинству»... С. 166.

⁶⁸ Там же. С. 157.

⁶⁹ Там же. С. 169.

⁷⁰ Там же. С. 165.

⁷¹ Там же. С. 166–167.

⁷² Синицына Н.В. Третий Рим... С. 192.

⁷³ См.: Карбасова Т.Б. Кирилл Новозерский: История почитания. М.; СПб., 2011.

пророчество стало центральной мыслью всего «Слова о Российском царствии»:

«И абие рече: “Видех на престоле царя сидяща и пред ним два отрока стояща, храбра зело, и умиленна имуща на главах своих венцы царствия. И вдаде им Господь оружие на сопротивныя. И поклонятся ему вси языцы, и будет царство наше умирено Богом и управлено”»⁷⁴.

После пророчества приводится его толкование. «Два отрока стояща храбра зело, и умиленна» у Игнатия превращаются в молодых царей Иоанна и Петра. Данное пророчество вписывается в концепцию. Фраза «поклонятся ему вси языцы» подчеркивает именно всемирное значение Российского царства.

Каким же образом должны быть реализованы эти задачи, или как освободить Константинополь? Отвечая на этот вопрос, будущий митрополит также использует пророчество преподобного Кирилла: «и вдаде им Господь оружие на сопротивныя». Но как понимать это «оружие»? «Вданное има оружие Господне, Животворящий Крест, яко же и царю Константину, тако же показан бысть крест на небеси изображен звездами»⁷⁵.

Преосвященный Игнатий поясняет, что это за крест:

«на его же образ святыи царь Константин, призвав хитрия златохитрецы, повеле им устроити от злата крест святыи, якоже бысть ему показан на небеси. Той убо святыи крест, повелением пресветлаго царя государя и великаго князя Алексия Михайловича, всея России самодержца, принесен бысть в Россию из святыя Афонския горы»⁷⁶.

Владыка Игнатий имеет в виду крест императора Константина, принесенный в Россию с Афона в царствование Алексея Михайловича. Эта святыня должна помочь в освобождении Царьграда, как она помогла императору Константину одолеть Максенция.

Идеи митрополита Игнатия тождественны идеям середины XVII в. Таким образом, концепция в течение второй половины XVII в. не претерпела серьезных изменений, а оставалась актуальной на протяжении длительного времени, Игнатий лишь транслировал уже распространенные идеи.

Патриарх Никон и его «Возражение»

Вне всякого сомнения, большую роль в сближении будущего патриарха Никона и молодого царя Алексея Михайловича сыграла зарождавшаяся концепция «византийского наследия». Архимандрит Никон хорошо относился к грекам и разделял стремле-

⁷⁴ БАН. П. I. А № 10. Л. 13–13 об.

⁷⁵ Там же. Л. 29 об.–30.

⁷⁶ Там же. Л. 30–30 об.

ние царя совершить литургию в храме святой Софии в Константинополе. Разделял он и понимание роли русского царя в восставлении Византийской империи. Однако каким было понимание церковно-государственных отношений у патриарха Никона?

Чтобы дать ответ на этот вопрос, необходимо учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, Никон был прежде всего талантливым организатором⁷⁷, его литературные сочинения носили ситуативный характер и его взгляды трудно выстроить в единую систему. Взгляды Никона, несмотря на близость византийским средневековым построениям, своеобразны и запутанны, менялись на протяжении времени. Во-вторых, как бы не стремились преувеличить его писательские таланты, Никон оставался лишь прекрасным книжником (как точно отмечает С.К. Севастьянова, «По эпистолярным сочинениям и духовным трудам патриарха как по учебнику можно изучать технику работы средневекового автора»)⁷⁸. И самое трудное, что стоит перед исследователем, – довлеющий над всяким приступающим к этой теме сложный историографический образ патриарха-реформатора.

Тем не менее, постараемся хотя бы в основных чертах обрисовать понимание модели церковно-государственных отношений патриархом Никоном, который, несмотря на краткость своего патриаршества, задал тон целой эпохе. Наиболее полно воззрения патриарха Никона на церковно-государственные отношения пытались оценить В.Е. Вальденберг, Н.В. Воробьева, Н.Ф. Каптерев, М.В. Зызыкин, В.В. Шмидт⁷⁹. Истории изучения жизни, богословских и канонических взглядов патриарха Никона также посвящен ряд работ⁸⁰. Отбрасывая крайности исследова-

⁷⁷ Лавров А.С. Рец. на кн.: Воробьева Н.В. Патриарх Никон: власть, вера, образ // Вестник Свято-Филаретовского института. 2019. № 32. С. 208.

⁷⁸ Севастьянова С.К. «Возражение» патриарха Никона как памятник русской полемической культуры второй половины XVII в.: проблемы и перспективы изучения // Каптеревские чтения. 2019. № 17. С. 139.

⁷⁹ Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Пг., 1916. С. 373–397; Воробьева Н.В. Богословские воззрения патриарха Никона. С. 119–120; Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. В 2 т. Сергиев Посад, 1909–1912; Зызыкин М.В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. В 3 ч. М.; Берлин, 2019; Богословие Никона, патриарха Московского // Никон, патр. Труды / Авт.-сост. В.В. Шмидт. М., 2004. С. 929–1047.

⁸⁰ Воробьева Н.В. Патриарх Никон: власть, вера, образ. М.; СПб., 2019; Шмидт В.В. Никоноведение: библиография, историография и историософия

телей, за последние чуть более ста лет в российской историографии сложилось вполне ясное представление о Никоне как идеалисте, ориентировавшемся на христианско-византийский опыт и развивавшем концепцию «Византийского наследия», прежде всего, на основании законодательных и канонических памятников Византийской империи. Если царю Алексею Михайловичу был более всего важен образ византийских императоров, то патриарха Никона с самого начала патриаршества скорее интересовало место патриарха и его отношение к царской власти. Примером может послужить Кормчая, подготовка которой была начата еще при патриархе Иосифе в 1649 г., а издание осуществилось при активном участии патриарха Никона уже в 1653 г.⁸¹ Необходимо отметить, что печатная кормчая содержала не только церковное право, но и византийские законы церковной тематики, к которым и апеллировал впоследствии Никон (впрочем, изданное в 1649 г. Соборное уложение как к своему источнику также апеллировало к «градским законам греческих царей»). Идеи византийской модели «симфонии» Церкви и государства звучали и в предисловиях к Служебнику (1655) и Скрижали (1655–1656).

Однако наиболее последовательно свои взгляды на отношения священства и царства патриарх Никон выразил в знаменитом «Возражении, или разорении смиренного Никона...», написанном в период, когда он уже оставил патриарший престол и проживал в Новоиерусалимском монастыре в первой половине 1660-х гг.⁸²

Сочинение представляет собой комментарии Никона на вопросы боярина Семена Лукьяновича Стрешнева и ответы Газского митрополита Паисия Лигарида. Новые исследования этого обширного памятника показывают, что автор использует и ссылается на три основных источника: Библию, Кормчую и «Правила Василия Великого»⁸³. Это не умаляет патриарха Никона как книж-

// Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2008. № 3–4. С. 96–227; Румянцева В.С. Патриарх Никон в отечественной историографии периода ее становления: конец XVIII – середина XIX в. // Вопросы истории. 2005. № 10. С. 156–161.

⁸¹ Белякова Е.В. и др. Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию. М.; СПб., 2017. С. 407–408.

⁸² Существуют разные датировки: Севастьянова С.К. «Нравственные правила» Василия Великого и «Наставление царю» как источники «Возражения» Патриарха Никона // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2014. № 1. С. 146.

⁸³ Воробьева Н.В. Богословские воззрения патриарха Никона. С. 48–49; Севастьянова С.К. Правила святых апостолов и святых отцов из печатной

ника и знатока книжности, произведение сложное, к тому же представляет собой письменную дискуссию людей разной культуры.

В «Возражении» Никон четко выражает свои представления о существе церковно-государственных отношений. Будучи глубоко религиозным человеком (в этом смысле похожим на своих оппонентов из числа противников исправления церковных обрядов), он, однако, пытается пересмотреть ситуацию, исходя из теории Византийского наследия, византийской христианской традиции и норм церковного права. Он ставит Церковь выше царства:

«Хощеши ли навькнути, яко священство и самага царства честнейши и болши есть началство, и да неба границу речеши ми, ниже диадиму, ниже ризы златы, сень бо вся она и весных цветков худейша. Всяко бо слава человека, рече, яко цвет травный, аще и самую, речеши, царскую багряницу, не убо ми сия глаголи. Но аще хощеши иерейское ко царю разнство видети, яже коемуждо данья власти истязуй и множае от царя высочайши узриши иерея седящи. Аще бо и честне вам престол царьский является от приложных ему камней и обдержаша и злата, должен есть судитися яко царь, но обаче, яже на земли получил есть строительствовати и множае сея власти не имать ничтоже. Священства же престол на небеси посажен есть. Кто сия глаголет, сам Небесный Царь. Елика бо аще свяжете на земли, будут связани на небесех. Что сея равно убо будет чести от земли начало суда приемлет небо, понеже судия на земли седит, Владыка последует рабу. И яже убо сей отсудит, сия Он горе утверждает; и между Бога и человеческого естества стоит священник, яже отонуду чести сводя к нам, яже от нас. Гневающаяся, того ко общему примирив естество, приразившая ся нас, изхищая от того руку. Сего ради и царие помазуются от священническую руку, а не священники от царьския руки. И самую царскую главу, под священникове руце принося, полагает Бог, наказуя нас, яко се онаго болши есть властник, меньше бо от болшаго благословляется»⁸⁴.

Мысль о том, что власть священства исходит от Бога и священство выше царства, повторяется в разных формах на протяжении всего «Возражения»⁸⁵. Царь, прежде всего, сын Церкви и христианин и лишь потом земной владыка, и как христианин он имеет обязанности заботы и попечения о церкви, но не имеет никакой власти в ней. Никон настаивает на независимости патриарха и епископата в делах высшего церковного управления, таких

книги Кормчей 1653 года в «Возражении» патриарха Никона. Ч. II // Каптеревские чтения – 10. Сб. ст. М., 2012. С. 21–38; Севастьянова С.К. «Нравственные правила» Василия Великого. С. 145.

⁸⁴ Возражение, или Разорение смиренного Никона... Вопрос 20 // Никон, патр. Труды... С. 197–464.

⁸⁵ См.: Возражение, или Разорение смиренного Никона... Вопрос 9.

как созыв церковных соборов (царь может просить иерархов о созыве Соборов), избрание епископов и т.п. Красной нитью проходит и мысль о полной независимости церковного суда (по всем видам преступлений)⁸⁶ и власти епископата над движимым и недвижимым церковным имуществом, в т.ч. вотчинами⁸⁷.

Важным элементом мировоззрения патриарха были представления об особой власти первенствующего епископа – патриарха, в частности он настаивает на рассмотрении своего дела вселенским патриархом.

Трудно не согласиться с М.В. Зызыкиным, который считал, что патриарх Никон шел по пути византийских ревнителей канонов и активно использовал предшествующую ему традицию⁸⁸. Однако его вывод о том, что взгляды Никона исходили только из святоотеческой традиции, не совсем точны, скорее патриарх Никон предложил свою интерпретацию византийского богословия с учетом реалий середины XVII столетия, своих представлений о православном богословии и непростого личного характера.

Несомненно, взгляды Никона были новыми для его времени. Еще Н.Ф. Каптерев писал: «Усвоив себе взгляд на священство, как высшее царства, как на независимое от него ни в чем, требующее себе со стороны царства не только почитания и внимания, но и послушания, Никон подверг, с этой точки зрения, беспощадной критике существовавшие при нем, исторически сложившиеся отношения церкви к государству и естественно приходит к тому выводу, что Церковь находится в положении гонимой и угнетаемой со стороны светской власти»⁸⁹.

Представления о месте священства у русских архиереев последней трети XVII в.

Характер Никона и обстоятельства не могли сделать его лидером церковной иерархии, но его идеи, укорененные в концепции «Византийского наследия», глубоко проникли в умы высшего духовенства Московского царства. Об этом свидетельствует дискуссия на Большом Московском Соборе, подробно описанная Паисием Лигаридом. Великорусский епископат занимал в этих спорах вполне никонианские позиции (без некоторых крайно-

⁸⁶ Возражение, или Разорение смиреннаго Никона... Вопрос 17.

⁸⁷ Там же. Вопрос 19.

⁸⁸ Зызыкин М.В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи... Ч. 3. С. 462.

⁸⁹ Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон... Т. 2. С. 209–250.

стей), тогда как греческие иерархи, в т.ч. и Паисий Лигарид, придерживались близких светской элите взглядов, отраженных, например, в «Росписи вкратце» Федора Трофимова⁹⁰. Несмотря на то, что итогом дискуссии стала довольно сдержанная формула о преимуществе царя в делах светских, а патриарха в делах церковных⁹¹, это был большой шаг в сторону торжества идей Никона – прежде всего, церковь получила независимый от царской власти церковный суд (на деле монастырский приказ был ликвидирован через 10 лет после Большого Московского Собора), ликвидацию института десятильников и передачу их функций духовенству.

Однако добившись компромиссного разрешения вопроса о священстве и царстве в 1667 г., московские архиереи не отказались от своих идей, более того, в 1670–1690-е гг. по мере возможностей они стремились к расширению своих прав. Об этом свидетельствует проповедь будущего патриарха Иоакима, произнесенная им в 1672 г.:

«И елико разнствует тело души, или, елико отстоит небо от земли, толико и паче много вядище разство и разстояние внешния власти и церковныя. Ктоже власть церковная? Суть богопоставленнии архиереи и иереи, иже немощныя врачуют, иже мраком сует мира сего ослепшия, зарями богодуховенных словес просвещают, иже храмлющия лестною стезею самомнения, путеводят правым шествием истинных церковных догмат учения, иже имут ключи неземнаго некоего града, но самага небесе, иже царство небесное заключают и отверзают: елико бо аще свяжете на земли, будут связанны на небеси, рече Христос, и елики же аще разрешите на земли, будут разрешени на небеси. Сю и сичевуи власть имущим, должнствуют подвластни со всяким смирением и покорением подчинитися»⁹².

О двух равновеликих величинах – священстве и царстве – писал патриарх Иоаким и в предисловии к «Щиту веры»⁹³. Такими, близкими патриарху Никону представлениями руководствовался Иоаким в своей деятельности. Именно ему удалось добиться полной ликвидации монастырского приказа, ликвидировать

⁹⁰ Представления светской власти о месте церковной иерархии в жизни Московского царства отражает дискуссия на Большом Московском Соборе в 1667 г. и, в частности, «Роспись вкратце, чем Никон патриарх с товарищи на царскую державу возгордились и его царский чин, и власть и обдержанье себе похищают» подьячего Федора Трофимова. О ее содержании см.: Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон... Т. 2. С. 209–214.

⁹¹ Там же. С. 245.

⁹² Там же. С. 250–251.

⁹³ Панич Т.В. Писатели патриаршего круга в богословской полемике 80-х – 90-х гг. XVII в.: дис. ... докт. филол. наук. Новосибирск, 2007. С. 62.

институт светских архиерейских чиновников – десятильников, значительно возвысить статус патриарха среди прочих епископов, играть активную роль в общественно-политической жизни того времени. Программа, лишь намеченная Никоном, была отчасти реализована патриархом Иоакимом, как известно резко отрицательно относившимся к опальному патриарху.

Преемник Иоакима Адриан сразу после вступления на первосвятительскую кафедру пишет в Окружном послании 1690 г. ко всем православным христианам всего Российского царства о преимуществе священства над царством:

«Два начальства вышнейших устрои Бог на земли, священство глаголю и царство. Ово убо божественным служаща, ово человеческими владуща... Царство убо власть имать точию на земли... Священство же власть имать и на земли и на небеси... Мерность Наша... есть архипастырь и отец и глава всех, патриарх бо есть образ Христов. Убо все православнии оная сынове суть по духу, царие, князи, вельможы... и просто богаты и убозии мужие и жены... моя овцы суть...»⁹⁴.

Исследователи не раз отмечали, что во взглядах он был близок к Никону⁹⁵. Подобных взглядов, по-видимому, придерживался и рядовой епископат Московского царства. Н.Ф. Каптерев писал, что «во второй половине XVII в. архиереи и на соборах, и в своих поучениях к пасомым свободно заявляли, что “духовный начальник много вящий светскаго”, что “елико разнствует тело души, или, елико отстоит небо от земли, толико и паче много вящие разнство и расстояние внешния власти и церковныя”, что “церковную власть имущим, долженствуют подвластнии со всяким смирением и покорением подчиняться”»⁹⁶. Как показала Т.В. Панич, писатели патриаршего круга, среди которых был архиепископ Холмогорский Афанасий, активно использовали актуализированные патриархом Никоном византийские идеи симфонии священства и царства и превосходства церковной власти как власти духовной над властью светской, относящейся к земному⁹⁷.

Яркая иллюстрация взглядов высшей иерархии на церковно-государственные отношения в 1680–1690-е гг. – представления

⁹⁴ См.: Есипов Г.В. Раскольничьи дела XVIII столетия. В 2 т. М., 1863. Т. 2. Приложение. С. 76–77.

⁹⁵ Сворцов Г.А. Патриарх Адриан, его жизнь и труды в связи с состоянием русской церкви в последнее десятилетие XVII века. Казань, 1913. С. 17; Белякова Е.В. Адриан // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 312–313.

⁹⁶ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон... Т. 2. С. 252.

⁹⁷ Панич Т.В. Писатели патриаршего круга... С. 49–71.

митрополита Игнатия (Римского-Корсакова), оставившего целый ряд литературных произведений, в которых он сформулировал свою позицию⁹⁸. В его представлениях, «царство Отца и Сына и Святого Духа» разделяется на две части – «видимое же и невидимое». Последнее является «Царствием Небесным», «уготованным» для праведников. Игнатий не излагает подробно его связь со священством, а лишь намекает на превосходство духовного человека, принявшего дар от Бога, над душевным. «Видимое царство», по Игнатию, «Божью милостию соблюдаемое царство христианское: Российское царство»⁹⁹. В произведениях отразилась мысль о почитании и послушании патриарху царей. Царство должно заботиться о внешней жизни Церкви¹⁰⁰. Деятельность тобольского архиерея показывает, что Игнатий был сторонником широкого участия представителей Церкви в общественной жизни. Дело не только в панегириках (весьма поучительных), обращенных к царским особам, или в произнесении пламенных патриотических речей. Игнатий активно вмешивается в светскую жизнь: пересылает в Москву жалобы на местные сибирские власти, ходатайствует о выплатах жалованию служилому населению Сибири, в период Красноярского бунта через послание призывает подчиниться власти нового воеводы. Он не боится в вопросе компетенции церковного суда пойти на открытую конфронтацию с воеводой А.Ф. Нарышкиным и отлучить его от Церкви. Из трудов митрополита Игнатия видно, что он с уважением относился к личности патриарха Никона, именуя его «добрым Христова всероссийскаго стада пастырем, и неусыпным стражем»¹⁰¹. О близких к Игнатию взглядах свидетельствует поведение его предшественника по Тобольской кафедре – Павла, в конфликте с одним из тобольских воевод и судном деле с Илимским воеводой¹⁰².

⁹⁸ Подробнее о взглядах Игнатия см.: Никулин И. Священство и царство в представлениях Сибирского митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1143–1156.

⁹⁹ «Свидетельство... о Российском благословенном царствии» // Памятники общественно-политической мысли... Ч. 2. С. 233.

¹⁰⁰ Там же. С. 235–236; БАН. П. I. А 10. Л. 22 об.–23 об.

¹⁰¹ Послания блаженнаго Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского. Казань, 1855. С. 107.

¹⁰² Полное собрание русских летописей. Т. 36. Ч. 1. Сибирские летописи: группа Есиповской летописи / Предисл. Н.Н. Покровского, Е.К. Ромодановской. М., 1987. С. 172; Архипастыри Тобольской епархии // *Религия и Церковь в Сибири*. Сб. науч. ст. и док. материалов. Вып. 4. Тюмень, 1992. С. 82–83; РГАДА. Ф. 214. Ст. 858, 531, 788.

Рассматриваемым идеям близко и анонимное сочинение о патриархе Никоне 1690-х гг., недавно введенное в научный оборот С.К. Севастьяновой: «Церковь же убо именуется и Небом земным... Виноград есть Церковь христианская Апостоломъ, Патриархом и прочим архиереом, яко делателем тоя, [а не царем земном] врученная от Господа... В ней же есть и столп власти духовныя, а не земныя царския. И не точию, еже божественная таинства совершати, но и люди вся во звании христианством содержать, вязати же и решити...»¹⁰³.

Таким образом, в середине XVII в. в результате появления религиозно-политической концепции «Византийского наследия» и деятельности патриарха Никона формулируются идеи духовного превосходства священства над царством как средство для увеличения независимости церковной организации. Преемники Никона по московской кафедре и провинциальный епископат, вне зависимости от своего отношения к личности Никона, придерживались во многом никонианских позиций о главенстве священства над царством (или как минимум их равнозначности), независимости церковной организации и церковного суда и обязанности царства покровительствовать и всецело заботиться о Церкви.

Представления русского епископата, скорее новаторские (по отношению к представлениям дониконовской эпохи)¹⁰⁴, чем традиционные, были реакцией духовенства на начинавшуюся секуляризацию и усиление роли государства в церковной жизни, контроль за церковным судом, вотчинами и финансами. В этом смысле московские чиновники второй половины XVII в. придерживались традиционных взглядов о подчинении Церкви государству, не предлагая нового в сфере церковно-государственных отношений. Несомненно, одним из толчков к распространению идей послужила книгоиздательская деятельность Печатного двора и рост церковного самосознания под ее влиянием.

Начавшиеся в 1701 г.¹⁰⁵ церковные преобразования Петра I шли вразрез с изложенными представлениями великорусского

¹⁰³ Севастьянова С.К. Символико-аллегорические определения и метафорические образы Церкви в найденном сочинении конца XVII в. о патриархе Никоне // Вестн. ПСТГУ. История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 4 (59). С. 147–148.

¹⁰⁴ Новаторство идей Никона отмечает и Н.Ф. Каптерев. См.: Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон... Т. 2. С. 209.

¹⁰⁵ См.: Шамина И.Н. Практическая реализация первого этапа церковной реформы Петра I (1701–1703) // Российская история. 2021. № 4. С. 60–73.

епископата. На этом фоне иных взглядов придерживались представители малороссийского духовенства, в результате присоединения Киевской митрополии в 1686 г. вошедшего в состав Русской Церкви. Один из ярких представителей киевских школ архиепископ Феофан (Прокопович) в начале 1720-х гг. писал:

«Государь, власть высочайшая, есть надсмотритель совершенный, крайний, верховный и вседействительный, то есть имущий силу и повеления, и крайнего суда, и наказания, над всеми себе подданными чинами и властями, как мирскими, так и духовными. И понеже и над духовным чином государское надсмотрительство от Бога уставлено есть, того ради всяк законный государь в государстве своем есть воистину епископ епископов»¹⁰⁶.

Г.В. Бежанидзе и А.О. Титова, изучая взгляды архиепископа Феофана (Прокоповича), пришли к выводу, что он мыслил в рамках средневековой модели церковно-государственных отношений в ее императорской версии с привлечением новых идей лишь в качестве обрамления своих взглядов¹⁰⁷. Таким образом, один из ярких сторонников церковных реформ Петра Великого по своим взглядам был близок секулярному настрою чиновников середины XVII в.

В 1699–1718 гг. царская власть постепенно полностью заменила епископат Русской Церкви выходцами из Юго-Западной Руси. Традиционно, вслед за известным специалистом по истории малороссийского влияния на великорусскую церковную жизнь К.В. Харламповичем, считается, что причиной таких перемен была высокая образованность и те просветительские задачи, которые ставила перед «новым» епископатом царская власть¹⁰⁸. Представляется, однако, что краеугольным камнем петровской кадровой политики в церкви было то, что малороссы имели совершенно иные представления о церковно-государственных отношениях, дополнявшиеся к тому же известным сервилизмом в процессе обучения в киевских духовных школах¹⁰⁹.

¹⁰⁶ Цит. по: Флоровский Г.В. Пути русского богословия. М., 2009. С. 119.

¹⁰⁷ Бежанидзе Г.В., Титова А.О. Парадигма церковно-государственных отношений у архиепископа Феофана (Прокоповича): от Средневековья к Новому времени // Христианское чтение. 2020. № 6. С. 25–46.

¹⁰⁸ Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914. С. 465.

¹⁰⁹ Это признает, в частности, и К.В. Харлампович. См.: Там же. С. 468.

6.3. МУЧЕНИКИ ПОД ГОСУДАРСТВЕННЫМ КОНТРОЛЕМ ПОЛЕМИКА О САМОСОЖЖЕНИЯХ СТАРООБРЯДЦЕВ

Старообрядчеству в России с самого его зарождения была свойственна необычайная смелость публичного поступка и высказывания. За внешним консерватизмом староверов стоял непрерывающийся процесс конструирования собственной аксиологии, риторики и культуры. Готовность пострадать за веру, уподобиться мученикам и Христу, быть «изгнанными правды ради» и самим образом жизни ежедневно приносить Господу жертву духовную являются общими местами древнерусской и в целом христианской культуры, но первый век старообрядчества стал исключительным в этой устремленности даже по раннехристианским меркам. Проповедь аскетических форм жизни и готовности к страданиям, организация собственных поселений со строгими самоограничениями, а также такие радикальные практики, как самосожжение, стали не только проявлениями эсхатологических ожиданий, но и демонстрацией нового взгляда на человека переходной эпохи.

Процесс сакрализации старообрядческой жертвенности, в первую очередь через создание соответствующих нарративов¹¹⁰, был неотрывен от ее практического воплощения и обсуждения. Это дискурсивное по своей сути явление, хотя и имело меньшее хождение, чем «слово и дело государево», привело ко вполне сопоставимому числу человеческих жертв. Разумеется, не каждое претерпевание страданий и лишений можно отнести к «жертвенному» дискурсу – для этого необходимо, чтобы страдания субъекта были проинтерпретированы соответствующим образом кем-либо из соучастников дискурса. Иначе говоря, необходимо осознание отчуждения каких-либо ценностей (как правило, в пользу сакрального субъекта) и возможности приобретения ценностей иного «высшего» порядка. В христианской культуре ориентиром жертвенности является Христос, распятый во искупление грехов человечества и отменивший этим ветхозаветное жертвоприношение. Крайней степенью религиозной жертвенности было мученичество как добровольное принятие смерти за веру.

¹¹⁰ Традиция почитания мучеников за веру в старообрядческой литературе складывается уже в текстах раннего старообрядчества. См., напр.: Демидова Л.Д. Об истоках традиции почитания мучеников за веру // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск, 2015. С. 41–57.

В национальной культуре, перенявшей христианскую трактовку жертвенности в том виде, в котором она была сформулирована в корпусе священных текстов, те или иные смысловые линии зачастую трансформировались: акцентировались или замалчивались детали, актуальные или нежелательные для тех или иных государственных и церковных институтов, социальных групп и отдельных личностей. Жертвенность могла интерпретироваться и в негативном, неблагочестивом ключе, например, как порожденная гордыней и честолюбием. Не исключены и взаимовлияния противоположных сторон дискурса: так, замечание А.А. Панченко о том, что логика категоризации старообрядцев и сектантов, характерная для России синодального периода, «имела известное влияние и на идентичность, религиозные идеи и практики самих религиозных диссидентов, так что мы можем считать государственных служащих, духовенство, миссионеров и сектантов игроками (хотя и не равноправными) на общем “дискурсивном поле”»¹¹¹, приложимо и к более ранней истории старообрядчества. Официальная церковь и государство как участники общего со старообрядцами дискурса достаточно рано обратили внимание на пафос жертвенности, характерный не столько для письменных текстов староверов (обобщающие мартирологи еще не были написаны), сколько для их устных выступлений. Призывы отдать жизнь за старую веру, которые в большом количестве можно встретить в публицистических сочинениях протопопа Аввакума и других лидеров раннего старообрядчества¹¹², распространялись в народной среде, не имевшей прямого доступа к текстам, со стремительной скоростью (нередко в виде слухов и видений¹¹³), и аргументация основных сторон полемики ни для кого не была секретом.

Заклание агнцев в «Слове благодарственном» Иоакима

Формировавшееся «дискурсивное поле» было более чем конфликтным. Первое столкновение разных взглядов на жертвенность старообрядцев относится к периоду патриаршества Иоакима, на который, помимо активной богословской и законодатель-

¹¹¹ Панченко А. «Старые секты» на новый лад: проблемы и перспективы изучения русских религиозных диссидентов XVIII–XX вв. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38 (3). С. 29.

¹¹² Достаточно обратить внимание на такие памятники, как «Ответ православных» (1660-е), «Исповедание» Игнатия Соловецкого (1682), «Послание к некоему брату» Аввакума (или псевдо-Аввакума) и др.

¹¹³ См., напр.: Пулькин М.В. Самосожжения старообрядцев (середина XVII – XIX в.). М., 2013. С. 52–58.

ной антистарообрядческой полемики¹¹⁴, пришелся спор о вере 1682 г.¹¹⁵ В «Слове благодарственном о избавлении церкви от отступников» Иоаким так описывает замыслы организатора спора, суздальского священника Никиты, прозванного «Пустосвятом»:

«И тако бы насъ лестно, аки для состязания о вѣрѣ, яко иновѣрныхъ за градъ кремль, на мѣсто лобное изведше, всѣхъ со правовѣрными и, яко агнцевъ закланию, или инымъ коимъ свирѣпѣйшимъ мучениемъ, ругателнѣ поноснѣй напрасно смерти предати»¹¹⁶.

Упоминание Лобного места можно считать не только топографической деталью повествования: Иоаким стремится воссоздать ветхозаветную обстановку заклания агнцев при стечении большого числа людей на открытой местности¹¹⁷, способствуя тем самым оценке неблагоприятного характера происходящего.

Издание «Слова» должно было транслировать точку зрения церкви на события июля 1682 г.: оно располагало подробнейшим рубрикаторм для быстрого отыскания нужных мест, отдельные части предназначались для произнесения перед паствой, получая черты проповеди. Переходя к обличению самоубийств, Иоаким производит деконструкцию «методов» убеждения пожертвовать жизнью за старую веру:

«К томужде и се они окаянии злии прелестницы народу на злѣйшую прелесть повѣдуютъ. Яко бы они се все дѣлають и правую вѣру старую имъ проповѣдуть не для славы или каковыя либо своея от чловѣкъ корысти. Но ради себѣ за то от Бога милости, и народу ради душевнаго спасения. Тѣмъ же и бѣды, гонения и страдания они терпятъ. И то себѣ за великое спасение они прелестницы полагають»¹¹⁸.

Он говорит о прельщении народа собственными страданиями и обещаниями спасения. Иоаким точно передает аргументы староверов о приходе антихриста и спасении самоубийством:

¹¹⁴ См.: Панич Т.В. Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск, 2004. С. 104–166; Белянкин Ю.С. Церковь и государство в полемике со старообрядцами во второй половине XVII в. (на примере деятельности Московского Печатного двора): дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 104–166.

¹¹⁵ Подробнее о его обстоятельствах см.: Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 210–235.

¹¹⁶ Иоаким, патр. Слово благодарственное о избавлении церкви от отступников. М., 1683. С. 44.

¹¹⁷ Можно предположить и историческую аллюзию такого выбора места староверами: именно на Лобное место были вынесены тела убитых при Стрелецком бунте 1682 года приближенных к Нарышкиным бояр. Иоаким мог воспринимать выбор этого места как зловещий знак.

¹¹⁸ Иоаким, патр. Слово благодарственное... С. 74–75.

«Инии же из нихъ яко бы злѣйшии дуси, нѣкакими волхвовании прелстивше невинныя простыя души, сжигати самим себе повелѣвають, и глаголют имь таковую злоковарную лещь на ихъ погибель: яко уже нынѣ антихристь в мирѣ. Друзии же глаголют: яко уже и царствует. Инии глаголють: яко вскорѣ имать правовѣрныхъ рабовъ христовыхъ мучити. А есть ли кто ихъ нынѣ послушаетъ, якоже они проклятии глаголють, и сам себе сожжетъ, и той и от антихристова мучения уйдетъ и со Христомъ, и со всѣми святыми в небѣ царствовати вѣчно будет»¹¹⁹.

«Слово» начинается благодарственной духовной жертвой – молитвой, противопоставленной той несправедливой жертве, которую приносят староверы, сравниваемые патриархом со злыми душами, способными к волхвованию¹²⁰: «При сей пресвятѣйшей жертвѣ за оно достойно и праведно благодаримъ Господа Бога нашего»¹²¹. Одна из четырех частей «Слова» посвящена библейским и византийским образцам благодарственных жертв, среди которых, в частности, упомянуты жертва всежжения Ноя, десятина Авраама, жертва дочерью Иеффая, отданный на службу Богу сын пророчицы Анны пророк Самуил и т.д. В этот же ряд Иоаким помещает и собственное сочинение, демонстрируя его богоприятный характер. Предаяющие себя добровольной смерти сравниваются с «самовольными убийцами», которые навечно погубили свою душу, таковых он насчитывает «много тысящъ душъ христіанскихъ»¹²². А далее Иоаким создает целый плач по погубленным душам, подобный библейским плачам, сравнивая действия проповедников самосожжения с братоубийством Каина:

«Аще бо единого Авеля, от брата убиение, прежде закона и благодати закование, не минуло от Бога без великаго ему наказания, како убо тии прелестницы <...> убѣгнут по дѣлом от Бога праведнаго воздаяния. Каин убо Авеля уби, точию тѣлеснѣ, а сии бѣднхъ челоуѣковъ прежде ядом лукаваго своего бѣсовскаго прелщения, души убиваютъ <...> А потом и тѣлеса сожжениемъ погубляютъ»¹²³.

Подобная трактовка старообрядческого самопожертвования, а также приписывание староверам желания принести в жертву

¹¹⁹ Там же. С. 76–78.

¹²⁰ Это была достаточно устойчивая топика, восходившая, по крайней мере, к раннему средневековью и связанная с легендой о ритуальном убийстве. В колдовских приемах склонения людей к самосожжениям раскольников обвиняли Игнатий (Римский-Корсаков) (сибирские послания 1690-х) и Дмитрий Ростовский («Розыск о раскольнической брынской вере», 1709).

¹²¹ Иоаким, патр. Слово благодарственное... С. 7.

¹²² Там же. С. 79–80.

¹²³ Там же. С. 83–84.

никониан, «яко агнцев», имеет целью вывести полемику за пределы «закона и благодати» и обнажить несоответствие ни ветхозаветным, ни новозаветным образцам. Иоаким обвиняет староверов в корыстном желании обставить страдания и самоожжения сакральным контекстом «для славы» и говорит об опасности распространения их идей в народе. А как настоящую добровольную жертву, готовую на заклание, если на то будет воля Божья, переворачивая жертвенный дискурс, он изображает себя и других участников спора о вере. Это свидетельствует об общности данной топики, которая искусно приспособлялась под нужды противоположных сторон дискурса посредством перенесения аргументации противника на самохарактеристику.

Старообрядцы о мучениках в раннее Новое время

Культурная ситуация переходного времени была связана с перераспределением мирских и сакральных ценностей¹²⁴, мировоззренческими сдвигами, перезаполнением понятийно-семантической сетки и усложнением риторики. Уже во второй половине XVI в. возмущение Ивана Грозного вызвала подмена устойчивых сакральных понятий: Андрей Курбский провозгласил мучениками и страдальцами за веру изменников, «справедливо» наказанных единоверным царем. Заявив в полемическом запале, что мучеников за веру в их время нет, царь сформулировал не только собственную точку зрения в ответ на попытки Курбского канонизировать людей¹²⁵, казненных царем-мучителем, но и выразил мнение определенной части русского общества. Царь, предполагая, что подтвердил собственную правоту догматическими рассуждениями, формально снимал с себя ответственность за произошедшее. Казнь за инакомыслие волей-неволей получала мученический ореол, немало этому способствовало и то, что Курбский исходил из представлений о невинных страданиях, формально подтвержденных примерами из Священного Писания.

Если во времена Ивана Грозного прославление такого рода новомучеников не получило заметного масштаба, то, начиная со второй половины XVII в., почитание собственных мучеников ста-

¹²⁴ Этот процесс не был однонаправленным: наряду с процессами обмирщения (секуляризации) шли процессы дополнительной сакрализации тех или иных мирских объектов.

¹²⁵ Курбский, придававший большое значение творчеству, видел в своих текстах дополнительное свидетельство святости убиенных, которое было адресовано прежде всего Господу.

рообрядцами охватило значительную часть русского общества¹²⁶. Массовое сочувствие староверам объясняется прежде всего тем, что сопротивление церковным реформам, наделяемое раннехристианскими чертами страданий и гонений за веру и правду, представлялось жертвенным подвигом. Сотни староверов поминались в Синодиках если не в чине мучеников, то как «за благочестие пострадавшие» или «сожженные благочестия ради»¹²⁷. Жертвы мучителей прославлялись в памятниках разной жанровой природы: от текстов малых жанров до монументальных историко-агиографических повествований, созданных в первой половине XVIII в. в Выго-Лексинской пустыни – центре Поморского согласия: «Винограда Российского» и «Истории об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова и «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова. Не только раннехристианский контекст, но и композиционная схема мартиролога – действенные приемы старообрядческих сочинений, имевшие конечной целью прославление сонма новых святых и их канонизацию¹²⁸, чему немало способствовали обстоятельства жизни и смерти погибших за старую веру пустозерских страдальцев и соловецких монахов¹²⁹ и других старообрядцев, лишивших себя жизни в многочисленных горях¹³⁰.

¹²⁶ Локальные практики почитания страдальцев частично описаны в работе: Пулькин М.В. Самосожжения старообрядцев... С. 221–224.

¹²⁷ Пыпин А.Н. Сводный старообрядческий синодик. СПб., 1883. С. 21–28.

¹²⁸ Примеры контекстуализации и наполнения старообрядческих текстов соответствующей топикой довольно многочисленны. Основные линии «словесного» воплощения жертвенного подвига см.: Попович А.И. Осмысление конфликта с государством через понятие жертвы в старообрядческих сочинениях XVIII века // Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения: (К 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума). М., 2020. С. 129–142.

¹²⁹ В одной из челобитных Соловецкого монастыря был сформулирован взгляд на «временную» смерть от руки мучителей: «Путше намь временную смертию умрети, нежели вѣчно погибнути или, государь, огню и мукамь насъ тѣ новые учителя предадутъ, и на уды разсекуть, но убо изменити апостольскаго отческаго предания не будемъ во веки». См.: Барсков Я.Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 27.

¹³⁰ В отношении большинства старообрядческих самосожжений можно согласиться с мнением Е.М. Юхименко, что это была крайняя и вынужденная мера, что, однако, не внесло значимых корректив в дискурс самопожертвования и скорее наоборот способствовало его укреплению: Юхименко Е.М. Каргопольские «гари» 1683–1684 годов: (К проблеме самосожжений в русском старообрядчестве) // Старообрядчество в России. Сб. науч. тр. Вып. 1. М., 1994. С. 64–119.

Большинство исследований феномена старообрядческих самосожжений, как верно отмечают авторы появившихся в последнее время работ по этой проблеме, рассматривают их исключительно в системе причинно-следственных связей¹³¹. Е.В. Романова предлагает рассмотреть их как «комплекс религиозных практик, выработанных и принятых теми религиозными движениями, связанными с церковными реформами середины XVII в., которые позже стали известны как старообрядчество»¹³². Действительно, практики самосожжения находились в русле более общей тенденции времени – «самосакрализации» личности¹³³, не обязательно подразумевающей обретение голоса частным человеком, единицей «безмолвного большинства». Голос личности приобретал значение не на фоне других голосов, по какой-то причине оказавшихся менее значимыми, а в рефлексии и осознании самостоятельности и свободы сделанного для спасения души выбора.

Полемика о жертвенности староверов представлена по меньшей мере тремя общими «голосами»: официальной церкви (и со временем все более определяющей ее позицию государственной власти), радикально настроенных лидеров старообрядчества (позиция которых, во-видимому, находила значительный отклик в народной религиозности), а также тех староверов, которые выступали категорически против самосожжений, но настаивали на жертвенности другого типа.

Старообрядцы, обличавшие самосожжения, фактически выступили против самоубийств и их трактовки как мученичества, апеллируя к ответственности старообрядческих наставников за пагубные идеи, внушаемые пастве. Наиболее яркий текст, написанный в этом направлении, – «Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей» инока Евфросина (1691), в котором полемически для своего времени зазвучала тема ценности человеческой жизни¹³⁴, однако обоснованная в со-

¹³¹ Пулькин М. В. Самосожжения старообрядцев... С. 24; Романова Е.В. Массовые самосожжения старообрядцев в России в XVII–XIX веках. СПб., 2012. С. 31–32.

¹³² Там же. С. 44.

¹³³ Плюханова М.Б. О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры. 2-е изд. М., 2000. Т. 3. С. 380–459.

¹³⁴ Елеонская А.С. Утверждение ценности жизни («Отразительное писание» инока Евфросина) // Елеонская А.С. Русская публицистика второй половины XVII века. М., 1978. С. 186–231.

вершено определенном ключе. Если сторонники самосожжений считали их едва ли не высшим подвигом за веру, то Евфросин призывает староверов к подвигам иного рода:

«Великий даръ Божий, что намъ долго жить на семь свѣте, долгия тѣ труды и поты к мученикомъ нас равняютъ; да не в блудѣ же и в пьянстве житие бѣ толко шло, но скитатися в вѣре похвално зѣло; зѣло себѣ саможженцы и люто прелстили, гонения не терпятъ, постится не хотятъ, дѣвственнаго терпѣнія бѣгають, что медвѣдя; дѣвки и дѣтины скоряя в огонь да в воду; полно колкотится!»¹³⁵

К смиренію, терпенію скорбей и гонений и благим делам призывают и немногочисленные тексты того же времени, подготовленные сторонниками Евфросина и сохранившиеся в кижском сборнике-конвюте XVI–XVIII вв.¹³⁶: «Жалобница» поморских старцев против самосожжений (1691 г.), выписки из Священного Писания и святоотеческих творений о греховности самоубийства, а также «Писание отчасти». В ряду прочих сочинений эти тексты стали довольно слабым голосом, поднятым против «самовольно-мученичества». И те, и другие участники внутренней старообрядческой полемики признавали истинную веру важнейшей составляющей своей жизни, однако по-разному формулировали, каким должен быть личный подвиг и какая жертва приятнее Богу.

«Увещание» Прокоповича

В начале XVIII в. в полемику о возможности обрести мученический венец путем самоубийственной смерти с собственными задачами включается государство. Создатель «Духовного регламента» Феофан Прокопович стал ключевой фигурой длительной борьбы с «самовольным страданием». Именно такая формулировка содержится в заглавии увещания, подготовленного Священным Синодом по распоряжению Петра I: «О недействительности самовольного страдания, навлекаемого законопреступными деяниями» (16 июля 1722 г.)¹³⁷. Предыстория создания этого текста,

¹³⁵ Оразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей: Вновь найденный старообрядческий трактат против самосожжения 1691 года / Сообщ. Х. Лопарева. СПб., 1895. С. 62.

¹³⁶ Описание см.: Памятники книжной старины Русского Севера: коллекция рукописей XV–XX веков в государственных хранилищах Республики Карелия / Сост., отв. ред. и авт. предисл. А.В. Пигин. СПб., 2010. С. 293–300.

¹³⁷ ПСЗ-1. Т. 6. С. 742–746. Нельзя согласиться с Е.В. Анисимовым в том, что «указ о запрете добровольного страдания вызван делом старообрядца В.С. Левина, отдавшего себя в руки властей с тем, чтобы пострадать за веру». См.: Биохроника Петра Великого (1672–1725). URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/246798653>. У создания увещания были более серьез-

несмотря на достаточное количество имеющихся источников, не до конца ясна. В одной из недатированных записных книжек Петра I мученики, которые «противятся в светских делах», упоминаются в контексте тех мер, которые необходимо предпринять в отношении старообрядцев:

«Чтоб написат книгу о ханжах и изявит блаженствы, (кротость Давидову и прот.) то не так, как оне думают; и приплесь к Требникам, а в предисловии явит то делцом Ростовского с товарищи. Также не противилис мученики в светских делах»¹³⁸.

Исследователи расходятся в вопросе о том, к какому времени относятся эти записи. В.В. Калугиным убедительно показано, что в первой записи речь идет о двух антистарообрядческих подделках 1710-х: «Соборном деянии» («книги о ханжах») и «Требнике Феогноста», что датирует ее 1710–1713 гг.¹³⁹ Другие исследователи справедливо видят во фразе «изявит блаженствы» указание на книгу Прокоповича «Христовы о блаженствах проповеди толкование», вышедшую 16 марта 1722 г. (уже 24 апреля и 28 августа вышли ее второе и третье издания), на что намекает и сформулированная менее конкретно запись о мучениках¹⁴⁰. Вряд ли Петр I делал эти записи с большим разрывом во времени, скорее можно говорить о том, что уже в начале 1710-х наметилась проблема проникновения мученического дискурса в «светские дела».

Сам Прокопович еще 10 мая 1720 г. в письме к своему другу и ученику Якову Маркевичу сообщает, что работает над «небольшим трактатом о мученичествѣ»¹⁴¹, который ему поручил писать император, «сожалѣя о слѣпотѣ окаяннѣйшихъ фанати-

ные предпосылки, а формулировка «законопреступные деяния» распространялась и на религиозные убеждения. Не менее резонансным было упомянутое в другом увещании Синода (27 января 1722 г.) дело Г. Талицкого, который «ни для чего, только вмѣняя то за истину, страдать радъ быть». См.: ПСЗ-1. Т. 6. С. 495.

¹³⁸ Законодательные акты Петра I: Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники: сб. док. В 3 т. / Сост. Н.А. Воскресенский; отв. ред. Е.В. Анисимов; предисл. и подг. текста Д.О. Серова; археограф. предисл. А.А. Богданова. М., 2020. Т. 2. Акты об общественных классах. Т. 3. Акты о промышленности и торговле. С. 336.

¹³⁹ Калугин В.В. Киевские фальсификаторы начала XVIII века («Требник 1329 г. митрополита Феогноста») // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). Сб. науч. тр. Вып. 5. М., 2013. С. 127–131.

¹⁴⁰ Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. Киев, 1895. Вып. 1. С. 420–421, прим. 1.

¹⁴¹ Прокопович Ф. Письмо к Якову Маркевичу – из Петербурга от 10 мая 1720 г. // Труды Киевской духовной академии. Т. 1. Киев, 1865. С. 292.

ковь, которые, чтобы приобре́сти имя мучениковъ, принимаютъ на себя глупую ревность, и съ величайшею дерзостию и наглостию кидаются на пастырей и даже на самага государя»¹⁴². «Трактат» этот был не чем иным как частью книги «Христовы о блаженствах проповеди толкование»¹⁴³. Толкование на блаженство изгнанных правды ради было наиболее развернутым среди прочих толкований, составивших эту книгу¹⁴⁴.

28 апреля 1722 г. Петр, «будучи в Преображенском, указал о таких продерзателѣх которые от невѣжества или от крайнея злобы, прельщающесе именем страдания, дерзають наразсудно на мучение, и сами своей погибели бывають выновни»¹⁴⁵, а 30 апреля члены Синода постановили:

«Оное увѣщание выбравъ из новопечатныхъ толкования евангельскихъ блаженствъ книжиць напечатать слѣдующимъ образомъ и разпубликовать по обикновению немедленно во всѣ епархїи ко архиереомъ послать», чтобы священники их «в воскресные дни и господские праздники во услышание всѣмъ читали, не отлагая времени до времени, и имѣли бѣ всегда за неисполнение сего страха лишения священства»¹⁴⁶.

Только по этому указу было разослано 12362 листа увещания¹⁴⁷, и затем такие указы продолжали выходить с неизменной установкой на произнесение перед широкой аудиторией¹⁴⁸.

¹⁴² Прокопович Ф. Письмо к Якову Маркевичу... С. 292.

¹⁴³ «Трактат», созданный Прокоповичем, имеет сложную текстологическую историю, в каждом отдельном случае есть отличия, принадлежащие не только автору, но и императору, членам Синода, работникам типографии и иным лицам, причастным к законотворчеству. Исследователи, упоминающие данный указ, как правило, оставляют без внимания историю текста и некорректно считают Прокоповича единоличным автором-составителем.

¹⁴⁴ О важности этого раздела прямо говорится в объявлении Синода от 5 июля 1725 г.: «Аще же объявительное сие увѣщание и во всѣхъ дѣлахъ и дѣяніяхъ христіанскихъ потребно есть, но наипаче въ страдальческихъ подвигахъ». См.: Объявление от Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода во увещание обретающимся во всем Российскомъ государстве раскольникамъ (5 июля 1725 г.) // Барсов Е.В. Новые материалы для истории старообрядчества XVII–XVIII веков. М., 1890. С. 161.

¹⁴⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 2. Д. 528. Л. 1.

¹⁴⁶ Там же. Л. 1 об.

¹⁴⁷ Там же. Л. 13.

¹⁴⁸ Так, в постановлении от 20 ноября 1723 г. «О мерах к пресечению самосожигательства раскольниковъ» вновь приказывается «увѣщаниямъ исполненіе чинити неотложно» – Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православнаго исповѣданія Российской имперіи. СПб., 1869–1911. Т. 3. С. 227.

А.С. Елеонская считает, что позиция Евфросина была «значительно ближе к точке зрения носителя новой идеологии Феофана Прокоповича, чем к взглядам единомышленников по вере»¹⁴⁹. Противников самосожжения объединяет стремление опровергнуть рассуждения о душеспасительности самовольной смерти и убежденность в том, что простой народ легко соблазнить «баснословиями многоплетенных лживых словес»¹⁵⁰. Между тем, Прокопович саркастически развивает аргументацию староверов, обвиняя их в тщеславном желании славы мученика и обличителя власти¹⁵¹:

«Таковии же треокаяннии челоувѣцы прельщаются, симъ будущия славы мечтаниемъ услаждающе себе, хвалимъ буду, и блажмъ отъ всѣхъ, аще за сие простражду, напишется о мнѣ история, пронесется всюду похвала, не единъ удивляясь скажетъ о мнѣ, великодушень мужъ былъ, Царя обличилъ, мукъ лютыхъ не убоялся»¹⁵².

Прокопович предостерегает от веры устным историям о новых мучениках и отвергает их письменную фиксацию, прежде всего в жанре мученических житий. В продолжение этой мысли автор высказывает догадку о влиянии на людей чтения (или «слышания») историй о мучениках¹⁵³, которым те завидуют и мечтают о такой же славе, подобно еретикам-донатистам (IV в.):

«Отвергаются отъ блаженства въ самую адскую пропасть, и онии неистовии страдальцы, котории слышаниемъ или чтениемъ славныхъ подвиговъ мученическихъ услаждаеми, ищутъ и безъ причины страдания, или сами себе смерти предають. Каковии древле во Африкѣ были донатисты еретики, которые сами себя убивали, или напрашивали и накупали. <...> Како не запрещаетъ тожде Божие слово ни за что безъ гонения смерти себе предати, или ея искати, аки завидя славы святымъ мученикамъ, каковии и они суть, которые нѣкоторою

¹⁴⁹ Елеонская А.С. Утверждение ценности жизни... С. 206.

¹⁵⁰ Памятники книжной старины Русского Севера... С. 482.

¹⁵¹ Тех же проблем в дальнейшем касалось и объявление Синода 1725 года: «И да отвержется всякъ и поплюетъ, аще на мысль найдуть ему мечтательныя суетнаго и погибельнаго страдальчества помысль». – Объявление от Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода во увещание обретающимся во всем Российском государстве раскольникам (5 июля 1725 г.) // Барсов Е.В. Новые материалы... С. 160.

¹⁵² ПСЗ-1. Т. 6. С. 744.

¹⁵³ В этом контексте интересны наблюдения американского исследователя Р. Крамми, изучавшего старообрядчество как сложное взаимодействие «народной» и «элитарной» культур, книжности и устных традиций, плоды такого взаимодействия, в частности, он видит в аскетическом движении Капитона и преобладании «чудесного» над мученичеством в сочинениях пустозерских страдальцев: Crummeу R.O. Old Believers in a Changing World. DeKalb, 2011. P. 52–67, 85–96.

бѣшеною похотию жаждуше мучения, а въ мирѣ церковномъ отъ единовѣрныхъ себѣ обрѣсти не могуще, таковымъ образомъ славы искали, не разсуждающе добрая ли, токмо бы великая была»¹⁵⁴.

В народной среде сочувствие к страдальцам было тесно связано с многочисленными локальными культами не канонизированных официальной церковью святых, процветала вера в чудеса, совершаемые на их могилах¹⁵⁵, вызывая к жизни «остросюжетные» описания в житиях и устных нарративах¹⁵⁶. Этим отчасти объясняется риторика государства и официальной церкви, направленная на десакрализацию текстов о жертвенности староверов, придании им черт порождений уязвленного воображения.

Очевидно, что об аргументах увещания имел представление едва ли не каждый прихожанин церкви, слышавший его хотя бы раз в жизни. Пытаясь нивелировать сакральность самопожертвования староверов, называя его страданием «за мнимую имъ правду»¹⁵⁷, власть обставляла его профанным контекстом: такое уничижение, учитывая масштаб распространения увещания, имело целью не только конкретную богословскую или общественную полемику, но и создание негативного образа «раскольника» в глазах общества. Показательно, что не все примеры из толкования на блаженство были включены в текст увещания. Составители не стали включать в него рассуждения о душевных болезнях как причине почитания самовольных мучеников:

«Мнози не смотря на вину, коея ради страждеть кто, токмо самага ради страдания ублажають страждущаго. Сии суть от числа оныхъ мяляхолоиковъ¹⁵⁸, котории аки бы присяжнии враги добра чуждаго,

¹⁵⁴ ПСЗ-1. Т. 6. С. 744, 745.

¹⁵⁵ См.: Лавров А.С. Колдовство и религия в России: 1700–1740 гг. М., 2000. С. 167–243.

¹⁵⁶ Именно к такого рода повествованиям относятся жития Адриана Пошехонского, Иоанна и Логгина Яренгских, Варлаама Керетского и Артемия Веркольского, созданные на Русском Севере в конце XVI – начале XVII в. Л.А. Дмитриев отмечает «проникновение в жития рассказов о ярких случаях из реальной жизни, обыденно-бытовых историй» и называет его «тенденцией к секуляризации церковного жанра». См.: Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII веков. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 268, 269.

¹⁵⁷ ПСЗ-1. Т. 6. С. 744.

¹⁵⁸ Автор дважды употребляет это слово. Второй раз в контексте: «Человѣкъ быть природы не веселья, ума остраго, но сумрачнаго». См.: Прокопович Ф. Христовы о блаженствах проповеди толкование. 1-е изд. СПб., 1722. Л. 126. Очевидно, что здесь он опирается на древнегреческую трактовку слова: «развѣ будетъ и толь желчнаго, и толь гордаго сердца человекъ». Там же. Л. 127 об.

когда видятъ челоуѣка во здравии, чести и всякомъ благосостоянии пребывающаго, ненавидятъ его аки бы за самое то виннаго: видяще же другаго злостраждуща, аще и праведно, за злодѣйство, любятъ и улаживаютъ яко сего блаженства участника»¹⁵⁹.

Меланхолией в первой половине XVIII в. часто объяснялось девиантное поведение¹⁶⁰, однако Прокопович едва ли не первым в России называет ее одной из возможных причин почитания новых мучеников за веру. Не рискнули составители увещания включить в него упоминание о «недостовѣрных» повестях и писателях «темных времен», сохранив, тем не менее, критику противоречащих кроткому образу мученика хулы и укоров в адрес власти:

«И когда набредутъ на нѣкия повѣсти о мученикахъ недостовѣрныхъ (яковыхъ в разная темная времена безчисла наплетено) и увидятъ, что будто страдалецъ хулително и укоризненно кричалъ на властей, услаждаются тѣмъ яко мужественнымъ нѣкимъ, по мнѣнию своему, дерзновеннымъ, и акъ бы Илииною ревностию, и точас и въ самихъ себѣ подобный пламень ощущаютъ: и тако, когда позоветъ случай, часто же таковаго случая и нарочно ищутъ, тогда слѣпою на муки отвагою вооружившеся, безстудно гремятъ лаями и укоризнами на властей, мечтающе непрестанно въ помыслахъ своихъ, какъ то ихъ дерзновение дивно и славно в народѣ будетъ: ни мало же помышляють, каковое оно явится на судѣ Божии»¹⁶¹.

Прокопович, стремясь увеличить число аргументов, допускает некоторую непоследовательность, оставляя старообрядцам почву для сравнения нынешнего времени с временами древних мучителей. А в составленном в 1723 г. Феофилактом, епископом Тверским и Кашинским¹⁶² «Увещании к православным христианам об остерегательстве от лжеучения раскольников, об обличении скрывающихся из них и о представлении таковых к суду», отпечатанном на восьми тысячах листов для повсеместного чтения (указ от 14 декабря 1724 г.), старообрядцам вменяется в вину отказ давать ответ о христианской вере перед «мучителями»:

«Древнии бо христиане аще себѣ сами мучителемъ и не предавали напрасно, обаче когда ихъ ко отвѣту о христианствѣи вѣрѣ призывано, или хотя и не призывано, но токмо имъ воля дана была на сие, аще и не безъ опасения мукъ и смерти, съ великою охотою пред-

¹⁵⁹ Там же. Л. 107.

¹⁶⁰ См.: Махотина Е. Меланхолия приходит в Россию: Монастыри как долгаузы в России в XVIII веке // Вивлютика. E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2019. Vol. 7. P. 21–46.

¹⁶¹ Прокопович Ф. Христовы о блаженствахъ проповеди... Л. 134–134 об.

¹⁶² Феофилакт (Лопатинский), будучи архимандритом Чудовского монастыря, был одним из основных лиц Синода, причастных к составлению увещания 1722 г. – РГИА. Ф. 796. Оп. 2. Д. 528. Л. 12 об.

ставляли себе вопрошающимъ... Тако поступали древнии христиане. Наши же суевѣрцы не восхотѣли тако творити, аще и старовѣрцами себе нарицають»¹⁶³.

Добавленная к увещанию 1722 г. оговорка, отсутствующая в толковании, по-видимому, была призвана указать на невозможность сравнения разных эпох и государств:

«Хотя такового правды ради гонения никогда въ Российскомъ, яко православномъ Государствѣ, опасатися не подобаетъ, понеже то и быти не можетъ»¹⁶⁴.

Страдания за веру или «за дела беззаконные»

Увещание не сократило число старообрядческих самосожжений. Ответ на обвинения в незаконном самовольном страдании в «трактате» Прокоповича, был сформулирован Семеном Денисовым в «Повести о сибирских страдальцах» (1722), посвященной Тарскому «бунту» и Елунской гари 1722 г.:

«Да заградятя прочее уста, глаголющая неправедная беззаконие гордынею неправилнаго самосожжения и уничижением самоволнаго самоубийства, и сего ради недостойнством помяновения осуждающия и с православноумершими от веков несочетающия. И всяк язык да исповест, яко воистину не точию помяновения правилнаго от православных со всеми православноумершими достойни, но и убожению со всеми тако по ревности Божии различно благочестно с само-скончавшимися достождолжни, и славы, и похвалам от благочестивых подоболепни»¹⁶⁵.

Как полемика с обвинениями в баснословии звучат слова Ивана Филиппова из «Истории Выговской пустыни»:

«Вам же любезно да будет слышати добрыя повести о благочестивых мужех, не бо басни и кошуны глаголем, но самую известную истину, ниже еллинских поганых человек дела предлагаем, но мужей честных и добродетельных...»¹⁶⁶.

Это не означает, что лидеры беспоповцев были активными сторонниками самосожжений. Иван Филиппов описывает в «Повести о злочлочении на Выговскую пустыню» приезд комиссии из Синода в 1739 г.: выговцы были готовы повторить Палеостровскую гарь, но Семен Денисов не дал на это благословения¹⁶⁷. Кроме того, в «Описании нелепых случаев» (1740-е), автором

¹⁶³ Полное собрание постановлений и распоряжений... Т. 4. С. 297.

¹⁶⁴ ПСЗ-1. Т. 6. С. 743.

¹⁶⁵ Мальцев А.И. Неизвестное сочинение С. Денисова о тарском «бунте» 1722 г. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 240.

¹⁶⁶ Филиппов, Иван. История Выговской старообрядческой пустыни. М., 2005. С. 87.

¹⁶⁷ Там же. С. 318.

которого Н.С. Гурьянова небезосновательно считает Ивана Филиппова, условием подлинной жертвенности названо благочестие. Автор с горечью замечает не порядок в жизни Выга, частично признавая справедливость ряда официальных указов:

«Аще ли же за злая и незаконная дела страждем, не точию не блажени, но и окаянни есмы, яко начало болезнем терпим. <...> Аще ли же кто и спасется от них, но покаянием спасется, а не злостраданием своим, ибо и со Христом распятый злодей покаянием рай обрете, а не смертью своею. За что убо страждем? За веру ли святую или за дела незаконная? Но како можем и помyslити, яко за веру страждем! Ибо и Синод, и комиссия, и канцелярии не веру нашу следуют уже, но дела»¹⁶⁸.

Было бы неверно следовать за оценками официальной церкви самопожертвований староверов, однако обсуждение проблемы искренности и богоугодности подвига самими лидерами старообрядчества свидетельствует о признании, что в ряде случаев за ним могли стоять далеко не героические помыслы. Староверы, вероятно, изначально видели в самопожертвовании определенную последовательность (ритуал) благочестивых действий: даже если это было добровольное самосожжение¹⁶⁹, они стремились соответствующим образом контекстуализировать жизнь и смерть, и внутренне подготовиться к духовной жертве. Власть видела в этом искусственную самосакрализацию и включилась в публичное обсуждение путей обретения мученического венца, рассчитывая, с одной стороны, на ресурсы репрессивного аппарата, а с другой – на богобоязненность своей паствы. Спасение души, не важно коллективное или индивидуальное, было важнейшим рычагом, приводимым в действие той и другой стороной полемики.

Жертвенность входила в эмоциональную культуру того времени, и старообрядцы едва ли не первыми открыли для себя новые грани переживаний, абсолютизируя протест и неприятие насилия как в глубинном смысле – в вере, так и в поведенческом (от внешности до речи). Безусловно, они декларировали это приверженностью к древним образцам, но так, что власть, стремив-

¹⁶⁸ Гурьянова Н.С. «Описание о нелепых случаях и необычных пустынному житию действиях, внесшихся от своевольников» // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 244.

¹⁶⁹ См. описание обрядов перед самосожжением: Пулькин М.В. Самосожжения старообрядцев. С. 166–173. Предположение о мистериальной связи старообрядческих самосожжений высказано А.Т. Шашковым в работе: Шашков А.Т. «Неоскверняемое крещение огнем» // Шашков А.Т. Избранные труды. Екатеринбург, 2013. С. 163–179.

шаяся привести религиозность к знаменателю закона, ужаснулась неподконтрольному внутреннему освобождению человека. Аргументация власти прошла определенный путь от иррациональных и субъективных высказываний авторов конца XVII в. до рационалистического подхода Прокоповича и осознания государственного статуса самой задачи. Обличение старообрядческого мученичества вписывалось в более общую тенденцию борьбы с широко трактуемыми суевериями¹⁷⁰.

Обвинения в меланхолии, чрезмерном воображении, чтении недостоверных повестей о мучениках и нерассудительности в почитании святых были продиктованы едва ли не исключительно государственным интересом сбережения податного населения. Подспудно в увещании проводилась распространенная в Петровскую эпоху мысль о том, что государственная служба является «главным инструментом христианского спасения»¹⁷¹. На это работает перекочевавшее из книги Прокоповича сравнение истинного мученика с воином на поле боя, который без указа начальника не идет на смерть. И если в сочинении Евфросина сравнение старообрядческих лжеучителей с полковниками носило иронический характер («Полковников не бѣ и полки не явлены»¹⁷²), то Прокопович говорит об этом совершенно серьезно:

«Паче же долженствуемъ не дерзати сами собою на толикий подвигъ безъ собственнаго Божия вдохновения, якоже не дерзаетъ воинъ на бой безъ указа начальника своего»¹⁷³.

Автор имплицитно предлагает альтернативу, говоря если не об «общем благе», то во всяком случае о преданности и верности государю, которую можно показать в более рациональной жертвенности на войне.

В аксиологии старообрядцев жизнь была величайшей ценностью, которой они были готовы пожертвовать во имя старой веры. Предлагаемые государством альтернативы полезной отечеству реализации этого Божьего дара отвергались староверами

¹⁷⁰ Так, например, Большой Московский Собор 1666–1667 гг. очень похожим образом осудил отшельников и юродивых, которые «наги и боси ходять по градам и селамъ въ міре, тщеславія ради, да воспримуть славу от народа, и да почитаютъ ихъ во святыхъ, ко прелести простымъ и невеждамъ». Цит. по: Живов В. Два этапа дисциплинарной революции в России XVII и XVIII столетия // Cahiers du monde russe. Т. 53. 2012. № 2–3. Р. 358.

¹⁷¹ Там же. С. 362.

¹⁷² Огразительное писание... С. 59.

¹⁷³ ПСЗ-1. Т. 6. С. 743.

как навязываемые модели поведения. Они исходили из того, что в обстановке гонений и прихода антихриста спасти душу можно было, только сохранив в себе истинную веру. Спротивление прославлению новомучеников в конечном итоге уверяло староверов в святости мучеников последних времен и ценности собственного выбора, какие бы мотивации им не пытались приписать их обличители.

6.4. БЕНДЖАМИН ХОУДЛИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА ДИССЕНТЕРОВ

Кем был Бенджамин Хоудли? Почему он имеет отношение к книге об интеллектуалах и власти в Великобритании и России XVII–XVIII вв.? И как он помогает нам понять переход к модерности? Его имя сейчас почти незнакомо за пределами небольшой группы ученых, специализирующихся на истории англиканской церкви XVIII в. Хоудли родился в 1676 г. в строгой пуританской и клерикальной семье, сделал выдающуюся духовную карьеру, поднявшись до епископства Бангора в удивительно молодом возрасте 39 лет, затем последовательно занимал епископские кафедры в Херефорде, Солсбери и, наконец, Винчестере¹⁷⁴. При жизни он претендовал на звание знаменитости. Хоудли – один из немногих священнослужителей, фигурирующих в современных ему сатирических карикатурах, в первую очередь из-за его роли пропагандиста в делах вигов во время правления королевы Анны¹⁷⁵. В некотором смысле он был ответом вигов Генри Сашевереллу (Henry Sacheverell, 1674–1724), тори и возмутителю спокойствия,

¹⁷⁴ Недавние исследования о карьере Хоудли, не всегда согласующиеся с нашей интерпретацией: Taylor S. Benjamin Hoadly (1676–1761), bishop of Winchester // *Oxford Dictionary of National Biography*. Oxford, 2004; Gibson W. Enlightenment prelate. Benjamin Hoadly, 1676–1761. Cambridge, 2004; Rutherford S. Reformation principles: the religious and political ideas of Benjamin Hoadly (1676–1761). PhD diss., Northumbria University, 2000. Влиятельные среди давних исследований: Sykes N. Benjamin Hoadly, bishop of Bangor // *The social and political ideas of some English thinkers of the Augustan age, 1650–1750* / Ed. by F. Hearnshaw. L., 1928. P. 112–155; Stephen L. *History of English thought in the eighteenth century*. 3rd ed. In 2 vols. L., 1902. Vol. 2. P. 152–167.

¹⁷⁵ Miller J. *Religion in the popular prints 1660–1832*. Cambridge, 1986. P. 142–147. О ранней карьере Хоудли как пропагандиста см.: Bingham E.R. *The political apprenticeship of Benjamin Hoadly* // *Church History*. Vol. 16. 1947. P. 154–165.

англиканскому священнику Высокой церкви¹⁷⁶, чья карьера в последнее время привлекла внимание историков¹⁷⁷.

Хоудли был ведущим церковным вигом и епископом, но также важным общественным и политическим деятелем, хотя эти термины не использовались в его время. Хоудли был политическим теоретиком. Его сочинение «Происхождение и институт гражданского правления» (1709) – одно из наиболее значительных и влиятельных по переосмыслению и углублению политической теории Локка в период после Славной революции¹⁷⁸. Он был политическим журналистом и пропагандистом, писавшим в поддержку министерства Роберта Уолпола. В начале 1720-х гг. он выпустил серию полемических писем о текущих событиях и в защиту министерства вигов в периодическом издании «London Journal»¹⁷⁹. Как епископ, Хоудли, конечно, являлся членом Палаты лордов, где принимал активное участие в дебатах. Он также был одним из самых выдающихся представителей латитудинариев¹⁸⁰ в начале XVIII в. Как богослов, Хоудли своим сочинением «Простое изложение природы и свершения таинства Вечери Господней» (1735)¹⁸¹ оставил важный «достопамятный»

¹⁷⁶ Для государственной церкви Англии характерно неформальное деление на два течения – Высокая церковь (High Church) и Низкая церковь (Low Church), сложившееся в XVII в. Первое отстаивает важность в англиканском богослужении роли епископов, таинств и ритуалов. Низкая церковь стремится минимизировать «внешнюю» атрибутику богослужения и придает особое значение евангелической традиции.

¹⁷⁷ The state trial of Dr Henry Sacheverell / Ed. by B. Cowan // Parliamentary History: Texts and Studies. № 6. 2012; Faction displayed: reconsidering the impeachment of Dr Henry Sacheverell / Ed. by M. Knights. Chichester, 2012; Cowan B. Relitigation revolution: address, progress, and redress in the long summer of 1710 // The state trials and the politics of justice in later Stuart England / Ed. by B. Cowan and S. Sowerby. Woodbridge, 2021. P. 204–223.

¹⁷⁸ Hoadly B. The original and institution of civil government, discuss'd. L., 1710. О значении этого сочинения см.: Ward F. R. The early influence of John Locke's political thought in England, 1689–1720. PhD diss., University of California. Riverside, 1995.

¹⁷⁹ О письмах «Британикуса», происхождении и институте гражданского правления см.: Browning R. Political and constitutional ideas of the court whigs. Baton Rouge, 1982. P. 67–88.

¹⁸⁰ Латитудинарии (англ. Latitudinarians, от лат. latitudo «широта») – течение внутри англиканской церкви, чьи сторонники отличались терпимостью по отношению к неконформистам различных толков, также меньшей строгостью в соблюдении принципов морали и нравственности.

¹⁸¹ Hoadly B. A plain account of the nature and end of the sacrament of the Lord's Supper. L., 1735; Rutherford S. Benjamin Hoadly: sacramental tests and

след в англиканских дебатах о таинстве¹⁸². Как религиозный писатель, он стал автором работы «Условия примирения с Богом» (1711), которая многократно переиздавалась и оставалась популярным произведением среди представителей Низкой церкви¹⁸³.

Речь далее пойдет о вмешательстве Хоудли в один из решающих споров раннего Нового времени при переходе Европы к модерности – спор об отношениях церкви и государства, гражданского и религиозного общества. Многие ученые уже давно указывают на связь между секуляризацией и модернизацией, соотнося их как с концом XVII, так и с XVIII в. Секуляризация – общеизвестный, но очень «скользкий» термин. Недавно его использовали историки как протестантской Реформации, так и культурной революции 1960-х¹⁸⁴. Но в отношении Европы конца XVII и XVIII в. мы определенно обнаруживаем процесс десакрализации государства, а также убедительные попытки политических теоретиков рассматривать сферы политики и религии отдельно друг от друга. Многие из объемных работ Хоудли, занимающих три огромных фолианта, затрагивают тему взаимоотношений церкви и государства, а также между религиозным и гражданским сообществами¹⁸⁵. Здесь мы рассмотрим самую известную его работу – проповедь «О природе Царства Христова»¹⁸⁶, которая была

eucharistic thought in early eighteenth-century England // *Anglican and Episcopal History*. 2002. № 71. P. 473–497.

¹⁸² Акт о корпорациях 1661 г. (Corporation Act, 1661) и Акт о присяге 1672 г. (Test Act, 1672) требовали, чтобы гражданские и военные должностные лица при вступлении в должность продемонстрировали, что они приняли причастие в соответствии с обрядами англиканской церкви. Статуты см.: *Statutes of the Realm: Statutes of the Realm // British History Online* (british-history.ac.uk). Краткий обзор см.: Ogg D. *England in the reign of Charles II*. 2nd ed. Oxford, 1956. P. 368–369, 517–519. Акт о присяге (Test Act, 1678) требовал, чтобы члены парламента и пэры делали публичное заявление, отрицающее римско-католическую доктрину пресуществления (doctrine of transubstantiation), чтобы занять свои места в парламенте.

¹⁸³ Hoadly B. Several discourses concerning the terms of acceptance with God. L., 1711; 7th ed. 1766. В «The English Short-Title Catalogue» (ESTC) также зафиксированы издания в Дублине и Глазго.

¹⁸⁴ Gregory V. *The unintended reformation. How a religious revolution secularized society*. Cambridge, Mass., 2012; Brown C. *The death of Christian Britain. Understanding secularisation, 1800–2000*. L., 2000.

¹⁸⁵ *The Works of Benjamin Hoadly, D.D.* / Ed. by J. Hoadly. In 3 vols. L., 1773. Цитация приведена по оригинальным прижизненным изданиям памфлетов.

¹⁸⁶ Hoadly B. *The nature of the kingdom, or church, of Christ. A sermon preach'd before the king, at the royal chapel at St James's, on Sunday March 31, 1717*. L., 1717.

прочитана перед королем Георгом I в Королевской часовне Сент-Джеймского дворца 31 марта 1717 г. Опубликованная версия проповеди породила самую значительную (по числу публикаций) политико-богословскую полемику XVIII в.¹⁸⁷

Бангорианская «контроверза», получившая название от местечка Бангор в Уэльсе, где Хоудли в то время был епископом, уходит своими корнями в вызов, брошенный латудинариями – сторонниками широкой религиозной терпимости (к ним относился Хоудли), – взглядам «ортодоксальных» церковников, и «амплитуда» мнений в этой дискуссии была весьма обширной. Но ее непосредственное происхождение лежало в религиозной программе нового министерства вигов во главе с графом Стэнхоупом и графом Сандерлендом, и особенно это проявлялось в кампании за отмену Актов о присяге (Test and Corporation Acts 1661, 1672 и 1678). Виги выступали за распространение на неконформистов права занимать должности на гражданской и военной службе¹⁸⁸. Дальнейшее рассуждение о роли и месте Хоудли в этой дискуссии будет разделено на три части. Во-первых, чтобы понять контекст, в котором Хоудли произнес свою проповедь, кратко прокомментируем место религии в политике и обществе Британии начала XVIII в. Во-вторых, сосредоточим внимание на самой проповеди «О природе Царства Христова», на том, как Хоудли понимает взаимоотношения церкви и государства, и как эта проповедь повлияла впоследствии на политические права диссентеров. Наконец, необходимо разрешить противоречие в защите Хоудли политических прав диссентеров с его более ранними требованиями их отделения от официальной церкви. Полагаем, такой подход раскроет некоторые парадоксы и неясности, которые зачастую определяют упрощенное описание взаимосвязи процесса секуляризации и модернизации в Британии на рубеже XVII–XVIII вв.

Говоря о наличии публичной сферы к началу XVIII в., важно признать, что она не была просто светским пространством, основанным на таких учреждениях, как кофейни и газетная пресса¹⁸⁹.

¹⁸⁷ Starkie A. The Church of England and the Bangorian controversy, 1716 – 1721. Woodbridge, 2007.

¹⁸⁸ Оба статута были приняты во время правления Карла II – «The Corporation Act» в 1661 г. (13 Charles II, st. 2, c. 1), «The Test Act» в 1673 г. (25 Charles II, c. 2). Они ограничивали занятие политических и военных должностей представителями англиканской церкви, как в центре, так и на местах.

¹⁸⁹ Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Neuwied, 1962; The politics of the public

Существовал также важный религиозный аспект повседневной жизни, прочно основанный на церковном календаре и религиозных учреждениях, такие как Королевская часовня и церковь Святой Маргариты в Вестминстере¹⁹⁰. Проповеди были устоявшимся и популярным литературным жанром, который давал священнослужителям всех степеней возможность комментировать общественные дела перед аудиторией далеко за пределами прихода. В календаре англиканской церкви были следующие «события» – богослужение 30 января (годовщина «мученичества» Карла I), 29 мая (Реставрация Карла II), 5 ноября (Пороховой заговор и революция 1688 г.) и день коронации действующего монарха, а также дни поста, богослужения по случаю и в дни благодарения, которые не только давали духовенству возможность рассуждать на политические темы, но почти требовали от него размышлений об обязанностях подданных по отношению к правительству¹⁹¹. Менее чем за десять лет до появления этой проповеди Хоудли возможность влиять на общественную политику и доминировать в ней «с амвона» была ярко продемонстрирована Генри Сашевереллом с его проповедью «Опасности, исходящие от лжебратьев» в соборе Св. Павла 5 ноября 1709 г.¹⁹² Последовавшее привлечение Сашеверелла к суду правительством вигов вызвало яростную, а то и жестокую реакцию тори и высокопоставленных церковни-

sphere in early modern England / Ed. by P. Lake and S. Pincus. Manchester, 2007; Cowan B. The social life of coffee. The emergence of the British coffee house. New Haven, 2005; Pincus S. Coffee politicians does create: coffeehouses and Restoration political culture // Journal of Modern History. 1995. № 67. P. 807–834.

¹⁹⁰ О ключевых локациях см.: Ihalainen P. The sermon, court and parliament, 1689–1789 // Oxford handbook of the British sermon 1689–1901 / Ed. by K.A. Francis, W. Gibson. Oxford, 2012. P. 229–244. Большое значение имеет также работа А. Барбера: Barber A. The restraint of the press in England, 1660–1715. The communication of sin. Woodbridge, 2022.

¹⁹¹ National prayers. Special worship since the Reformation / Ed. by Ph. Williamson, S. Taylor, N. Mears and A. Raffe. In 4 vols, Church of England Record Society, 2013. Работа Lacey A. The cult of King Charles the martyr. Woodbridge, 2011, обеспечивает важное исследование одной из ежегодных памятных дат. Проповеди, произносимые в таких случаях, уже давно являются предметом изучения. Среди множества работ см.: Caudle J. Measures of allegiance: sermon culture and the creation of a public discourse of obedience and resistance in Georgian Britain, 1714–1760. PhD diss. Yale University, 1996; Johnston W. National thanksgivings and ideas of Britain, 1689–1816. Woodbridge, 2020.

¹⁹² Sacheverell H. The perils of false brethren, both in church, and state: set forth in a sermon preach'd before the right honourable the lord-mayor, aldermen, and citizens of London, at the cathedral-church of St Paul, on the 5th of November, 1709. L., 1709.

ков, кульминацией которой стали выборы в палату общин 1710 г., по итогам которых виги были отстранены от власти. Без сомнения, Сашеверелл, преднамеренно занял провокационную позицию, стремясь к судебному преследованию в поисках мантии мученика, Он попытался защитить высокое дело тори, бросив вызов религиозной политике вигов и их стремлению переформулировать дебаты о значении революции 1688 г.¹⁹³

Трудно избежать вывода о том, что Хоудли был добровольным сообщником министров-вигов в проведении аналогичной стратегии по стимулированию и определению публичных политических дебатов в 1717 г. Правительство, возглавляемое доминирующей фракцией вигов Сандерленд-Стэнхоуп, было привержено проведению либеральной, даже антиклерикальной религиозной политики; в частности, оно стремилось вознаградить диссентеров за их поддержку вигов и восхождение Ганноверской династии на английский престол¹⁹⁴. Многие подозревали, а некоторые знали, что король Георг I разделял сочувствие своих министров к нонконформистам и что он не видел причин лишать их прав занимать гражданские и военные должности¹⁹⁵. Доказательства причастности Хоудли к планам министерства косвенные, но убедительные. Его приглашение проповедовать перед королем 31 марта, в четвертое воскресенье Великого поста, само по себе было необычным. Проповедники во время Великого поста обычно избирались из списка королевских капелланов и придворных прелатов. Хоудли не был ни тем, ни другим, поэтому следует предположить, что он был специально приглашен, почти наверняка лордом-камергером, герцогом Болтоном. Текст, выбранный Хоудли для своей проповеди, из Евангелия от Иоанна (18:36), не входил в число чтений того дня, предписанных в Книге общих молитв¹⁹⁶. Затем проповедь была опубликована по «особому ука-

¹⁹³ См.: Holmes G. The trial of Doctor Sacheverell. L., 1973; Goldie M. Tory political thought, 1689–1714. PhD diss. University of Cambridge, 1977. Ch. 13.

¹⁹⁴ Townend G. Religious radicalism and conservatism in the whig party under George I: the repeal of the Occasional Conformity and Schism Acts // *Parliamentary History*. Vol. 7. 1988. P. 24–44; Taylor S. «Dr Codex» and the whig «pope»: Edmund Gibson, bishop of London, 1716–1748 // *Lords of parliament. Studies 1714–1914* / Ed. by R.W. Davis. Stanford, Ca., 1995. P. 9–28, 183–191.

¹⁹⁵ Hatton R. George I. Elector and king. L., 1978. P. 289.

¹⁹⁶ Книга общих молитв (The Book of Common Prayer) – молитвенник англиканской церкви, утвержденный в середине XVI в. и включающий полные формы ежедневного и воскресного богослужения на английском языке; содержал Утреннюю Молитву, Вечернюю Молитву, Ектению и Святое При-

зу» короля. Любые сомнения в том, что она получила одобрение королевской семьи и министров, впоследствии были устранены увольнением двух королевских капелланов Томаса Шерлока и Эндрю Снейпа за публикацию брошюр с критикой проповеди Хоудли¹⁹⁷. Во всяком случае, Хоудли «запускал змея» религиозной политики нового министерства, но кажется гораздо более вероятным, что Королевская часовня преднамеренно использовалась для того, чтобы сигнализировать о желании министерства и самого короля отменить Акт о присяге.

Обратимся теперь к тому, что сказал Хоудли, вернее, к тому, что он напечатал. Различие важно, поскольку современники прекрасно понимали, что проповедь как живое слово может сильно отличаться от устного текста, и каждая из этих форм имеет собственную риторику и условности¹⁹⁸.

Проповедь «О природе Царства Христова» при обсуждении творчества Хоудли часто связывают с опубликованной годом ранее брошюрой «Защита от принципов и обычаев неприсягнувших священников и мирян» (далее – «Защита»)¹⁹⁹. Рассмотрение двух этих работ вместе полезно для понимания идей Хоудли не в последнюю очередь потому, что мы можем наблюдать увеличивающуюся тревогу Хоудли и других вигских церковников по поводу нарастающей резкости и экстремизма «неприсягнувших», той группы духовенства и мирян, которые отказались в 1688–1689 гг. принести присягу режиму Вильгельма Оранского, а теперь и Георга I, и отказывались признать законность лишения их прав как священнослужителей и в занятии мирских должностей²⁰⁰. Одной из проблем в контексте якобитского восстания 1715 г. была интеллектуальная поддержка, оказанная «неприсягнувшими» якобитскому движению. Другим обстоятельством была привержен-

частье, а также службы по случаю в полном объеме – на Крещение, Миропомазание, заключение Брака, «молитвы над больными», отпевание и т.д.

¹⁹⁷ The National Archives. LC 3/63. P. 177.

¹⁹⁸ Одним из наиболее изнуряющих аспектов Бангорианского спора был обмен мнениями между Хоудли, епископом Уильямом Николсоном и Уайтом Кеннеттом о том, были ли внесены изменения в проповедь перед публикацией. См.: Starkie A. Church of England... P. 92–93.

¹⁹⁹ Hoadly B. A preservative against the principles and practices of the non-jurors both in church and state. Or, an appeal to the consciences and common sense of the Christian liberty. L., 1716.

²⁰⁰ Cornwall R. Visible and apostolic. The constitution of the church in high church Anglican and nonjuror thought. Newark, 1993; Broxap H. The later non-jurors. Cambridge, 1924.

ность «неприсягнувших» священников более «католическим» обрядам и практикам, которую, казалось, поощрял растущий священнический дух многих высокопоставленных священнослужителей, оставшихся в англиканской церкви.

Написание «Защиты» Хоудли побудила посмертная публикация «Конституции католической церкви», написанная лидером «неприсягнувших» Джорджем Хиксом. Хикс утверждал, что англиканская церковь была раскольнической церковью, проповедующей еретическое учение о послушании, а государство не имело прав на церковь, что в свою очередь делало «исключение» «неприсягнувших» священнослужителей и мирян незаконным²⁰¹. Большая часть ответа Хоудли базировалась на аргументах, знакомых со времен Вильгельма Оранского. Хоудли защищал его революционное урегулирование этих вопросов и исключение всех католиков из списка претендентов на право престолонаследия²⁰². Затем он обратил внимание на тех, кто отказывался признать новых монархов, продемонстрировав, что государство «наделено всякой властью, необходимой для его защиты, как и гражданской властью», и, таким образом, имело право исключать из своих рядов епископов, которые в «осуществлении их епископского сана» угрожали ему уничтожением²⁰³. Наконец, он высмеивал заявление «неприсягнувших» о том, что они ограничивают возможность спасения исключительно «для сообщества людей, объединенных общими религиозными убеждениями, или церковью» («Communion of your particular, little Body, or Church»), утверждая, что сущность истинной религии заключается в «искренности»:

«Ваше право на благосклонность Бога... не может зависеть Просто от того, будете ли вы придерживаться этого сообщества; потому что сама принадлежность к этому сообществу, если бы оно было против вашей Совести, прогневило бы Господа. Но оно должно зависеть от того, что считается честным поведением, диктуемым вашей совестью. Милость Божья... следует за Искренностью... И, следовательно, в равной степени следует в соответствии с проявленной степенью искренности»²⁰⁴.

Эта доктрина была важным событием в латитудинарном богословии. Ее формулировка в «Защите» высветила и вскрыла на-

²⁰¹ Hickee G. The constitution of the catholick church, and the nature and consequences of schism. [L. ?], 1716.

²⁰² Hoadly B. Preservative... P. 13–34.

²⁰³ Hoadly B. Preservative... P. 64, 61.

²⁰⁴ Ibid. P. 89, 90–91. См.: Thomas D.O. Benjamin Hoadly: the ethics of sincerity // Enlightenment and Dissent. 1996. № 15. P. 71–88.

пряженность, которая уже существовала между Хоудли и его более консервативными коллегами из вигов. Уильям Николсон, епископ Карлайла, друг и корреспондент Уильяма Уэйка, архиепископа Кентерберийского, и Эдмунда Гибсона, епископа Линкольна, например, удовлетворился тем, что поддерживал оправдание точки зрения Хоудли в отношении «неприсягнувшего» духовенства и не хотел обсуждать этот вопрос в связи с дискуссией вокруг принципа апостольского преемства. Но Николсон считал, что учение об искренности несовместимо с принципами англиканской церкви, потому что оно лишало духовенство духовной власти, дарованной ему при рукоположении. Он не мог согласиться с идеей, что «наших людей следует учить тому, что они не должны ожидать никаких Божьих милостей, благословений или отпущений грехов ни от каких рук, кроме их собственных»²⁰⁵.

В «Защите» «исследование» доктрины искренности было направлено вовне, на тех, кто отверг англиканскую церковь – «неприсягнувших». Напротив, здесь в проповеди «О природе Царства Христова» Хоудли прорабатывал ее значимость для самой англиканской церкви. Взяв за основу текста тезис Христа: «Царство Мое не от мира сего», – он утверждал, что Христос был «Единственным Законодателем для своих подданных и Единственным Судьей в вопросах, касающихся Спасения». Следовательно,

«в делах совести и вечного спасения... Он... не оставил после себя никакой видимой человеческой власти; нет заместителей, о которых можно сказать, что они замещают его место; никаких толкователей, от которых должны полностью зависеть его подданные; нет судей над совестью или религией своего народа»²⁰⁶.

Он продолжил аргументировать, что «награды» и «наказания» христиан придут в будущем [в загробной жизни], что в жизни земной «наград» и «наказаний» искать равносильно «действию, противоречащему интересам истинной религии»²⁰⁷. Хоудли нигде в проповеди не упомянул Акт о присяге как «наказания» в жизни земной, но ближе всего подошел к этому, когда объяснял:

«Заповеди Христа» (Sanctions of Christ's Law) – «не награды этого мира; не должности или слава этого государства; не муки тюрем, изгнаний, штрафов или любых более или менее умеренных наказаний; нет, не те, гораздо меньшие неблагоприятные разочарования, свой-

²⁰⁵ Christ Church. Oxford. Arch.W.Epist. 20. fols 277–8. Bishop Nicolson to Archbishop Wake, 23 Dec. 1716.

²⁰⁶ Hoadly B. Nature of the kingdom of Christ... P. 11.

²⁰⁷ Ibid. P. 20.

ственные человеческому обществу... все заповеди, которые Он счел нужным дать Своим Законом, были вовсе не от мира сего»²⁰⁸.

Но Хоудли не нужно было разъяснять смысл своих слов. Многим его читателям сразу стало ясно, что его аргументы служат идеологическим оправданием отмены Акта о присяге. В одном из первых опубликованных ответов Эндрю Снейп посетовал, что проповедь в равной мере нанесла удар «по всем лишаящим дееспособности законам, действующим не только против нонконформистов, но и против папистов», распространяясь даже на Акт о престолонаследии (1701), которым корона была передана Ганноверскому дому²⁰⁹. Многие церковники действительно полагали, что доктрины Хоудли, отрицая всякую власть видимой церкви, подрывают не только сохранение покровительства законом англиканской церкви, защищая ее от нонконформистов, которые, если они получают доступ к должностям, могут подорвать не только ее саму, но и основу христианства. Этот момент был ясно изложен в отчете комитета нижней палаты Конвокации²¹⁰ (церковного парламента), который осудил Хоудли за то, что он подорвал «всякое правительство и дисциплину в Церкви Христовой, а также за то, что оспаривал верховенство короля «как главы англиканской церкви, а также полномочия законодательной власти принуждать к послушанию в вопросах религии гражданскими санкциями»²¹¹.

Это осуждение вряд ли было неожиданным. Высокая церковь и тори составляли большинство в нижней палате Конвокации. Но вынесение ее синодального порицания епископу ясно показало глубину раскола внутри самой англиканской Церкви. Конечно, одной из определяющих черт политических и религиозных дебатов в предшествующие тридцать лет были разногласия между высшими и низшими церковниками. Эти споры подпитывали конфликт между тори и вигами. Многие из самых успешных и наиболее читаемых критиков Хоудли были высшими церковными деятелями, такие как Шерлок и Снейп. Однако Бангориан-

²⁰⁸ Ibid. P. 18–19.

²⁰⁹ Snape A. A letter to the bishop of Bangor, occasion'd by his lordship's sermon preach'd before the king at S. James's, March 31st 1717. L., 1717. P. 30–31.

²¹⁰ Конвокация (Convocation) – синодальное собрание епископов и духовенства, по указу короля как главы англиканской церкви, состояла из двух палат: верхней палаты епископов и нижней палаты другого духовенства.

²¹¹ Cardwell E. Synodalia. A collection of articles of religion, canons, and proceedings of convocation in the province of Canterbury from the year 1547 to the year 1717. In 2 vols. L., 1842. Vol. 2. P. 829.

ский спор также привел к расколу союза низших церквей, которые удивительно хорошо держались вместе во время правления королевы Анны. Ведущие церковные деятели-виги, такие как Уэйк и Гибсон, отстаивавшие интересы Низкой церкви во время разногласий по поводу созыва Конвокации и были ключевыми союзниками архиепископа Тенисона, были в ужасе от сочинений Хоудли. Пока они ограничивались частной перепиской и беседами, другие, в т.ч. Джон Поттер, епископ Оксфорда, и Фрэнсис Хэйр, будущий епископ и бывший капеллан герцога Мальборо (который также был покровителем Хоудли), опубликовали свои работы, а Роберт Кэннон, известный спорщик начала 1710-х гг. в Низкой церкви, член комитета нижней палаты Конвокации, написал брошюру, защищающую ее решения²¹².

До сих пор мы рассматривали роль и место одного видного епископа-латитудинария в дебатах о гражданских правах религиозных неконформистов. Но аргументы, выдвинутые Хоудли, проливают свет на гораздо более общую озабоченность не только критиков и противников англиканской церкви и ее привилегий, но и некоторых ее членов, а также их стремление провести разграничение между сферами влияния церкви и государства, между «вечным» и «временным». Бангорианский спор, не без оснований, упрочил за Хоудли репутацию «друга» протестантов. Он фигурировал в печати как сторонник отмены Акта о присяге и, когда этот вопрос вновь возник в 1730-х гг., ясно дал понять Роберту Уолполу, что проголосует за отмену, если законопроект поступит в Палату лордов, как бы это ни оскорбляло духовенство, заседающее в ней²¹³. Но в 1703 г. в его первой значимой работе, посвященной религиозным вопросам брошюре «Разумность конформизма англиканской церкви» (далее – «Разумность конформизма») Хоудли был несдержанным и откровенным в нападках на диссентеров. Хоудли осуждал раскол среди диссенте-

²¹² Potter J. The bishop of Oxford's charge to the clergy of his diocese, at his triennial visitation in July, 1719. L., 1719; Potter J. A defence of the late charge deliver'd to the clergy of the diocese of Oxford, July 1719. L., 1720; Hare F. Church-authority vindicated, in a sermon preach'd at Putney, May 5, 1719. At a visitation of the peculiars of the most reverend the lord archbishop of Canterbury. L., 1719; Cannon R. A vindication of the proceedings of the lower house of convocation, with regard to the king's supremacy. On the 3d and 10th of May 1717. L., 1717.

²¹³ John, Lord Hervey, Some materials towards memoirs of the reign of King George II, ed. Romney Sedgwick. In 3 vols. L., 1931. Vol. 1. P. 125–126; Hoadly B. A charge delivered to the clergy, at the bishop's pastoral visitation of his diocese of Winchester, in the year 1736 // Works of Hoadly. Vol. 3. P. 487–493.

ров как неизбежно ведущий к «делению и делению без конца, путанице и беспорядку, неприличию в поклонении Богу, нарушению норм, раздорам и соперничеству, разгулу пыла и страстей, недоброжелательности и злобе»²¹⁴. Этот текст стал ответом на защиту диссентеров со стороны выдающегося пресвитерианина Эдмунда Калами в его сочинении «Краткое изложение “Истории его жизни” Ричарда Бакстера».

Последовавший за этим спор длился четыре года, и сам Хоудли написал еще четыре трактата, в том числе «Побуждение мирян к согласию» (1704) и «Краткая защита епископского рукоположения» (1707)²¹⁵. Его аргументы были достаточно убедительны, чтобы конгрегационалист Новой Англии Сэмюэл Джонсон перешел в англиканство в начале своего путешествия в Северную Америку, где он стал ведущим высшим церковным деятелем²¹⁶. Даже такой современник Хоудли, как Томас Херринг, архиепископ Кентерберийский из Низкой церкви, признался, что он «не видит, как примирить» эту раннюю работу Хоудли с его проповедью «О природе Царства Христова», поскольку «невозможно создать учреждение, которое хоть в какой-то степени было бы способно контролировать свободу совести»²¹⁷.

Так как же нам согласовать проповедь «О природе царства Христова» с «Разумностью конформизма»? Некоторые современники пришли к очевидному выводу, что между 1707 и 1717 г. взгляды Хоудли развивались в гораздо более радикальном направлении. Один сельский священник прокомментировал проповедь 1717 г. так: «он [Хоудли] полностью отказывается от епископата», что явно не соответствовало позиции Хоудли десятилетием ранее²¹⁸. Эта интерпретация, безусловно, не лишена правдоподобия. В XIX в. С.Х. Кассан описывал Хоудли как «антиепрелатского прелата», и даже Норман Сайкс, возможно, ведущий специалист

²¹⁴ Hoadly B. The reasonableness of conformity to the Church of England, represented to the dissenting ministers. In answer to the tenth chapter of Mr Calamy's Abridgement of Mr Baxter's history of his life and times. Pt 2. L., 1703. P. 110.

²¹⁵ Hoadly B. A persuasive to lay-conformity: or, the reasonableness of constant communion with the Church of England, represented to the dissenting laity. L., 1704; Hoadly B. A brief defense of episcopal ordination. L., 1707.

²¹⁶ Johnson S., president of King's College: his career and writings / Ed. by H. Schneider and S. Schneider. In 4 vols. N.Y., 1929. Vol. 1. P. 13.

²¹⁷ Nottingham University Library. Portland Papers. PWV 121/113. Archbishop Herring to William Herring, 27 Dec. 1754.

²¹⁸ British Library. Add. MS 22560. fo. 48: diaries of John Thomlinson, curate of Rothbury.

XX в. по истории церкви Георгианской эпохи, чьи симпатии к «широкой церкви» часто заставляли его относиться положительно к духовенству XVIII столетия, придерживался аналогичной точки зрения²¹⁹. Однако тот факт, что Хоудли никогда не отрекался от «Разумности конформизма» и даже переиздал ее без изменений в 1720 г., означает, что мы должны быть осторожны в предположении, что его взгляды на диссентеров изменились каким-либо существенным образом.

На самом деле работа «Разумность конформизма» опиралась на основные принципы Низкой церкви. Она была нацелена на умеренных неконформистов, т.е. на тех, кто поддерживал идеал национальной церкви, но не хотел подчиняться англиканской церкви, ввиду неприятия ее литургии и управления. Хоудли, однако, убеждал их, что было «безответственно и несообразно отделяться от несовершенной церкви, чтобы развивать Реформацию дальше». Он признавал, что конституция англиканской церкви несовершенна, и заявлял, что сам выступает за определенные реформы²²⁰. Что особенно важно, Хоудли выдвинул сильный аргумент в защиту Церкви по одному из основных вопросов, спорных с пресвитерианами, – правлению епископов. Он отрицал, что епископство наделено *jure divino*²²¹ и, следовательно, «необходимо для христианской церкви», но утверждал, что эта практика имеет апостольское происхождение, что она поддерживается традицией и является обязательной для церкви, если только «не превращается в имитацию»²²². Таким образом, он отказался осудить иностранные реформатские церкви, в которых не было епископов, и, в отличие от большинства высокопоставленных церковников, считал необходимым признать пресвитерианских священников, рукоположенных в период Междуцарствия, когда епископство было упразднено и использование Молитвенника запрещено²²³. Однако правление епископов не могло оправдать раскола, наоборот, по мнению Хоудли, считать это основанием для раскола, как это делали диссентеры с 1662 г., было греховно.

Вопрос, поставленный на карту в 1717 г., был другим. Подчеркивая, что право судить человеческую совесть принадлежит

²¹⁹ Cassan S.H. The lives of the bishops of Winchester. In 2 vols. L., 1827. Vol. 2. P. 403–405; Sykes N. Benjamin Hoadly... P. 146.

²²⁰ Hoadly B. Reasonableness of conformity... Pt 2. P. 103–104.

²²¹ «По божественному праву».

²²² Hoadly B. Brief defense of episcopal ordination... P. 248.

²²³ Hoadly B. Reasonableness of conformity... Pt 1. P. 16–17, 24–25.

только Христу и не может быть присвоено служителями какой-либо видимой церкви, утверждая, что основы христианства – это просто «Исполнение всех Обязательств, которые мы должны выполнять перед собой и перед нашим Соседом», и, подчеркивая важность искренности, Хоудли определенно приуменьшил роль видимых церквей в деле спасения²²⁴.

Используя аргумент Локка о том, что обязанности гражданского магистрата ограничиваются попечением о благополучии гражданского общества и не имеют никакого отношения к «заботе об истинной религии», он наносил удар по оправданию Акта о присяге и всех других законов, на основании которых англиканская церковь занимала привилегированное положение по сравнению с другими подданными короны²²⁵. Но Хоудли не стал подвергать сомнению полезность церковного правления, ясно заявив о своей вере в то, что «все видимые церкви должны быть организованными сообществами»²²⁶. Он также подтвердил свою приверженность англиканской церкви, признав, что она не была «полностью совершенна и не поддается изменению», но настаивал на «ее превосходстве над любой другой» из всех, которые он знал²²⁷. Частью этого «превосходства» было правление епископов. Таким образом, хотя Хоудли, возможно, и не одобрял отстранение неконформистов от государственных должностей, он, тем не менее, не оправдывал их отделение от англиканской церкви. Согласно Хоудли, неконформисты, отделив себя от англиканской церкви, стали даже больше чем грешниками.

Представленный здесь текст можно читать на нескольких уровнях. Во-первых, это опыт создания биографии, попытка объяснить загадку в жизни и мышлении епископа начала XVIII в., который был видным участником некоторых самых значительных политико-религиозных дебатов того времени. Во-вторых, анализ причин, по которым этот епископ выступал за отмену Акта о присяге, который многие считают одним из ключевых законодательных гарантов положения англиканской церкви как офи-

²²⁴ Hoadly B. An answer to the representation drawn up by the committee of the lower-house of convocation concerning several dangerous positions and doctrines contained in the bishop of Bangor's Preservative and Sermon. L., 1718. P. 151.

²²⁵ Ibid. P. 221–222.

²²⁶ Hoadly B. An answer to the reverend Dr Hare's sermon, intitule': Church authority vindicated... With a postscript occasion'd by the lord bishop of Oxford's late charge to his clergy. L., 1720. P. 227.

²²⁷ Hoadly B. A charge // Works of Hoadly... Vol. 3. P. 492.

циальной церкви, с опорой на аргументы, которые подрывали представления эпохи Реформации об идентичности церкви и государства. В-третьих, это небольшой вклад в современные дебаты о соотношении понятий «секуляризация» и «модернизация» в Англии в переходную эпоху. Заманчиво видеть в Хоудли апостола модерности. Он был одним из самых радикальных латудинариев, занимавших епископскую кафедру на протяжении всего XVIII в. Он разработал идеи в поддержку отмены Акта о присяге, законодательства, которое, когда оно наконец было принято более века спустя, рассматривалось как разрушение одного из столпов *ancien régime* в Англии. Однако, если у нас возникнет искушение изобразить Хоудли и его сочинения в контексте процесса секуляризации, нам нужно использовать наши термины с осторожностью. Хоудли определенно верил в локковское разделение церкви и государства. Но, отвергнув концепции христианского сообщества эпохи Реформации, он по-прежнему был в основном озабочен вопросом спасения. Он считал, что спасение не может быть достигнуто простым подчинением видимой церкви, какой бы истинной ни была ее доктрина, но в решающей степени зависит от искренности веры человека в Бога. Другими словами, этот апостол модерности и секуляризации был озабочен жизнью вечной не меньше, чем жизнью земной.

Глава VII

«ЛЕВИАФАН» И РОЖДЕНИЕ РЕГУЛЯРНОГО ГОСУДАРСТВА

7.1. ТОМАС ГОББС: ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛЕВИАФАНА

Правители-автократы всех времен и народов, считающие своих подданных «овцами» и «крысами», могли бы установить памятник Томасу Гоббсу за его вклад в теоретическое обоснование их прав на послушание. Что касается простой публики, то главное, чем одарил нас Гоббс, это утвердившийся в сознании образ государства как средоточия власти, персонализированной правителем, как бы его ни называли, императором, королем или президентом. Мы подчиняемся правителю не как личности, а на надындивидуальном уровне, как воплощению государственного начала. Гоббс конструировал «однозначное утверждение о том, что государство – это название искусственной личности, носителем и представителем которого являются обладатели суверенной власти, и что их представительные действия легитимны, так как авторизованы их собственными подданными»¹.

Государство воплотилось в образе библейского Левиафана. Гоббс, по крайней мере, с 1640 г. выступает как последовательный сторонник абсолютного суверенитета, а это предполагает, что носитель власти обладает всеми властными полномочиями, включая контроль над внутренней жизнью, право вести войну и заключать мир, издавать законы, судить за предполагаемое преступное поведение и даже приказывать подданному убить родителей. Меч правосудия и меч войны должны быть в одних руках. Признак суверенности власти в том, что она выше закона. Идея ограниченной власти несостоятельна, потому что любое ограничение ведет к неспособности выполнить задачи, ради которых власть учреждалась. В Англии подобные идеи многие считали вредными, и современники Гоббса, и их потомки. Как отметил видный либеральный историк межвоенного периода Дж. Кларк, учение Гоббса, «сконструированное на основе материалистиче-

¹ Скиннер Кв. Свобода до либерализма. СПб., 2006. С. 18.

ской философии, определенно представлялось угрозой добрым христианам и всем тем, кто разделял опасения относительно произвола власти»².

По единодушному мнению современных историков, поиск путей создания политических понятий, центральным среди которых стал «государственный интерес» (*raison d'état*), происходил в долгий исторический период от гугенотских войн во Франции до Великой Французской революции. Известный немецкий историк Р. Козеллек считал, что в это время на европейском континенте были сформулированы принципы абсолютистского государства. Он полагал, что в XVI в., в частности, под влиянием Реформации, прежняя система господства /подчинения рухнула, как и весь социальный порядок: «Всеобщая анархия вела к дуэлям, насилию и убийствам, а плюрализация *Ecclesia sancta* – к брожению того, что еще оставалось единым: семей, сословий, стран, наций. Таким образом, со второй половины XVI в. проблема нарастала с вирулентностью, превзошедшей ресурсы традиционного порядка. Возникла потребность найти решение в противовес яростному противостоянию борющихся друг с другом церковью и фракцией старых сословий, повязанных религиозными принципами, решение, которое могло помочь обойти, урегулировать или сгладить конфликт. Как договориться о мире? В большинстве европейских стран этот эпохальный вопрос нашел решение в создании абсолютистского государства»³. Основой урегулирования религиозных противоречий стало подчинение церкви государю, что подразумевало следование принципу «Чья земля, того и вера» (*Cuius regio eius relegio*).

Следуя терминологии Козеллека, можно отметить, что указанный период явился «временем седловины», когда сложились главные современные политические понятия. Козеллек уточнял, что для Англии «время седловины» оказалось более сжатым, чем в континентальной Европе: расцвет идейно-политической борьбы пришелся на период Английской революции середины XVII в., фактически вскоре после Славной революции формирование политических теорий и политической риторики, которой оперировали и в дальнейшем, завершается. Для германских государств «время седловины» сдвинулось на 1750–1850 гг. С принятием

² Clark G. *The Later Stuarts 1660–1714*. Oxford, 1956. P. 34.

³ Koselleck R. *Critique and Crisis. Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society*. Cambridge, Mass., 1988. P. 17.

гугенотских войн как отправной точки формирования современных политических теорий согласен Квентин Скиннер, который проследил истоки и трансформацию идей французских кальвинистов: «Следует выяснить, когда именно понятия религиозного долга сопротивления трансформировалось у протестантских теоретиков в современное и строго политическое право на сопротивление. На этот вопрос можно ответить сразу. Теория в ее современном виде была в полном виде артикулирована гугенотами во второй половине XVI в., в период религиозных войн во Франции. После этого она была усвоена кальвинистами в Нидерландах, а затем перекечевала в Англию и стала важной частью идеологии, стоявшей за английской революцией 1640-х гг.»⁴.

В публичной лекции «Свобода до либерализма» Скиннер выделял три идейных течения раннего времени. Во-первых, неоримскую традицию, в которой понятие гражданской свободы ассоциировалась с классическим идеалом *civitas libera*, т.е. свободного государства. Эта теория проистекала из римской правовой и моральной доктрины и была возрождена в эпоху Ренессанса, к чему руку приложил Макиавелли в «Рассуждениях о римской истории Тита Ливия»⁵. Этому течению и посвящена, в основном, лекция Скиннера. Он обнаруживал влияние Макиавелли, в частности, на Филиппа Сиднея, Бена Джонсона, Фрэнсиса Бэкона. Главным проявлением этой традиции стали взгляды ряда авторов в годы революции, тех, кто придерживался республиканских принципов, таких как Маркамонт Нидэм и, разумеется, Джон Милтон. В дальнейшем с неоримских позиций выступили Генри Невилл и Элджернон Сидней. В 1720-х гг. эту теорию использовал лорд Болингброк для критики правительства Роберта Уолпола, а также Ричард Прайс и другие «республиканцы, выступившие в защиту прав американских колонистов». По выражению Скиннера, «теория свободных государств продолжала оставаться неудобной занозой как для договорной, так и патриархальной теорий правления вплоть до середины XVIII века»⁶. В основе взглядов представителей неоримской теории лежит идеализированное представление о Риме как о свободном государстве. Используя соматическую метафору, они уподобляют че-

⁴ Скиннер Кв. Истоки современной политической мысли. В 2 т. М., 2018. Т. 2. С. 353.

⁵ Скиннер Кв. Свобода до либерализма... С. 22.

⁶ Там же. С. 23.

ловеческие и политические тела. Главным признаком свободного государства, как и свободной личности, является способность следовать собственной воле, являющейся объединенной волей его членов. Для них состояние свободы является естественным состоянием человечества. Мильтон утверждал: «Никто не может быть настолько глуп, чтобы отрицать, что все люди рождены свободными, будучи образом и подобием самого Бога»⁷.

Динамика событий рубежа 1640–1650-х гг. вызывала у неоримских теоретиков тревоги и опасения. Они отождествляли Оливера Кромвеля с римским диктатором Луцием Суллой, особенно после завоевания Шотландии и Ирландии, и тем более после разгона охвостья Долгого парламента в 1653 г. Даже успехи Кромвеля на международной арене воспринимались такими авторами, как Дж. Харрингтон, угрозой свободе внутри страны. И после смерти Кромвеля он, как и Мильтон, полагал, что республику можно считать наилучшим устройством, так она менее всего угрожает народным свободам.

Безусловно, приверженцы неоримской теории игнорировали многие проявления социальной и политической реальности, противоречили себе, с откровенным недоверием рассуждая о низах. Верным признаком свободного государства является участие граждан в волеизъявлении и составлении законов, но «массы склонны к неумеренности и чрезмерности». Это противоречие до известной степени снимается договорной теорией классического либерализма. По Скиннеру, сущность отличия между этими формами либеральной идеологии лежит в разном понимании свободы. Для классических либералов единственными формами ограничения индивидуальной свободы является сила или угроза ее применения. Неоримские теоретики полагают, что жизнь в состоянии зависимости тоже является формой ограничения и ведет к потере некоторых гражданских прав⁸. Скиннер отмечал, что эта теория «на удивление быстро двигалась к закату. С появлением в XVIII в. классического утилитаризма и использованием утилитарных принципов обоснования либерального государства теория свободных государств все больше впадала в немилость и, наконец, почти исчезла»⁹. Конфликт неоримских теорий и традиционного либерализма Скиннер осмысливал в контексте ценностей

⁷ Скиннер Кв. Свобода до либерализма... С. 29.

⁸ Там же. С. 75.

⁹ Там же. С. 42

современного Запада: обе стороны в нем «согласны, что одна из главных целей государства состоит в том, чтобы сохранять и уважать свободу своих граждан. Одна сторона утверждает, что государство выполнит этот долг, если позволит своим гражданам не испытывать несправедливого или ненужного вмешательства при реализации выбранных ими целей. Другая сторона утверждает, что этого недостаточно и что государство должно также обеспечить, чтобы его граждане не попадали в зависимость от воли других, если этой зависимости вообще можно избежать. Государство должно не просто освободить граждан от личной эксплуатации и зависимости, но и помешать чиновникам, облеченным какими-либо властными полномочиями, творить произвол при установлении правил, регулирующих нашу совместную жизнь»¹⁰.

Третью теорию Скиннер называл патриархальной. Ее истоки тоже обнаруживаются в римском праве. Например, у Домиция Ульпиана (II–III вв.) присутствовала мысль, что закон порождает «страх наказаний», что делает нас «добрыми». Ссылки на античную интеллектуальную традицию использовали главные теоретики роялизма – Дадли Диггс, епископ Джон Брэмхолл и сэр Роберт Филмер. Но именно Гоббс, которого Скиннер соотносил с патриархальной традицией, предложил самый сильный и, на первый взгляд, парадоксальный философский аргумент. В «Левиафане», в главе «О свободе подданных» он утверждал, что обыкновенное понимание свободы – результат путаницы. Свобода и страх совместимы: если человек из боязни, что корабль тонет, бросает свои вещи в море, то он поступает добровольно, поскольку может этого не делать. Следовательно, это есть действие свободного человека. Если из опасения оказаться в тюрьме человек выплачивает долги, то он действует свободно, ибо может и не платить. Гоббс писал: «Как правило, все действия, совершаемые людьми в государствах из страха перед законом, являются действиями, от которых совершающие их имеют свободу воздержаться»¹¹.

Получается, даже в условиях тоталитарной власти человек остается свободным, делая выбор, нарушая установленные предписания или «уходя во внутреннюю эмиграцию», выражая свое несогласие с волей Левиафана способами, остающимися до поры до времени «незапрещенными». Этот аспект был крайне важен для Козеллека. Он считал, что мысль Гоббса о сохранении чело-

¹⁰ Скиннер Кв. Свобода до либерализма... С. 99.

¹¹ Гоббс Т. Сочинения. В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 164.

веком «внутренней свободы» помогает понять специфику абсолютизма как формы государства. То, что человек оставался индивидом, было его «секретом». Пока главной целью абсолютистского государства было прекращение гражданской войны и достижение мира, а подданный выполнял свои обязанности и подчинялся, его частная жизнь мало интересовала суверена. Поэтому в XVIII в. абсолютистское государство, в целом, не противодействовало секуляризации морали. Гоббс не мог предвидеть, что постепенно, но быстро это пространство «внутренней свободы» сократится¹². Вспомним, что в наши дни внесение государством многочисленных ограничений в сфере морали и ограничение «личного пространства» часто рассматривается как признак перерастания авторитарного государства в тоталитарное.

Перес Загорин подчеркивал оригинальность учения Гоббса: «Очевидно, что от первой презентации своей политической философии и задолго до того, как он оказал влияние на многочисленных писателей в конце 1640-х гг., в вопросе подчинения революционному режиму и спорах о новом устройстве он находился в интеллектуальной изоляции или в стороне»¹³. Гоббса отличал от роялистских авторов фактический отказ от идеи божественного происхождения власти, или, по меньшей мере, смещение акцентов в этом вопросе. Наоборот, лорд Кларендон принимал ее и многократно упоминал о влиянии божественного провидения. В то же время он, будучи убежденным, что Гоббс, по сути, пытается опровергнуть английскую конституцию, делал шаг к договорной теории в том виде, в котором она сложилась в XVIII в.¹⁴

Критика Гоббса представителями неоримской теории, по существу, сводилась к указанию на его неспособность (или нежелание) видеть связь между публичной и частной свободой. Скиннер отметил важность возражений Харрингтона на иронические замечания Гоббса в разделе «Левиафана», имеющем характерный подзаголовок «Свобода, которую восхваляют писатели, – это свобода не частных лиц, а суверенов». Подобно тому, как «среди людей, не признающих никакой власти, имеет место непрерывная война каждого против своего соседа», то же происходит и со «свободными государствами». «В силу этого они живут

¹² Koselleck. *Critique and Crisis*... P. 38–39.

¹³ Zagorin P. *Clarendon and Hobbes* // *Journal of Modern History*. 1985. Vol. 57. № 4. P. 605.

¹⁴ Соколов А.Б. Гоббс и Кларендон: интеллектуальное противостояние // *Диалог со временем*. 2020. Вып. 73. С. 7–23.

в состоянии непрерывной войны и постоянной готовности к бою, о чем говорят укрепленные границы и пушки, направленные против соседей. Афиняне и римляне были свободны; то есть свободными государствами, это означает не то, что какие-либо лица пользовались там свободой оказывать сопротивление своим представителям, а то, что их представители имели свободу оказывать сопротивление другим народам или завоевывать их. На башнях города Лука [так в тексте] начертано в наши дни большими буквами слово LIBERTAS, но никто не может отсюда заключить, что человек здесь в большей степени свободен или же избавлен от службы государству, чем в Константинополе»¹⁵. Харрингтон возражал Гоббсу: если ты будешь подданным султана, ты будешь менее свободен, чем гражданин Лукки, просто потому, что твоя свобода в Константинополе, сколь бы велика она ни была, будет полностью зависеть от доброй воли султана. Даже крупнейший паша является временным держателем своей головы, и может потерять ее, вызвав гнев султана своими суждениями или поступками¹⁶.

Изучение наследия Гоббса и истории общественной мысли раннего Нового времени, в целом, проходят под сильным влиянием кембриджской школы. В результате наблюдается отход от рассмотрения истории политической теории как последовательности канонических текстов, в которой каждому гению предпослано собственное место, а история политической мысли, как таковая, становится свидетельством прогресса человеческого разума. Кембриджская школа породила поворот в интеллектуальной истории, точнее, два поворота. По признанию Кв. Скиннера, Дж. Покок «научил мое поколение мыслить историю политической теории как широкое исследование меняющегося политического языка, на котором общество разговаривает само с собой»¹⁷. Обращение к политической риторике в контексте времени было проявлением лингвистического поворота. Как и Покок, Скиннер рассматривал политическую риторику как самостоятельный элемент. С одной стороны, язык пластичен, значит, каждый актер заново выбирает и интерпретирует термины. С другой стороны, язык устойчив, поэтому не может находиться вне риторической и социальной практики. Задача историка направлена не на идентификацию «вечных

¹⁵ Гоббс Т. Сочинения... Т. 2. С. 167.

¹⁶ Скиннер Кв. Свобода до либерализма... С. 76–77.

¹⁷ Там же. С. 87.

истин» в политических сочинениях, а на поиск уникальности авторского языка через понимание контекста. По выражению Покока, «король всего – контекст»¹⁸. Для понимания высказывания необходимо поместить его в соответствующий языковой и идейный контекст, ухватить его смысл. Явный смысл вкладывается отношением автора, скрытый смысл происходит из устоявшихся условий, которые определяют, как автор создавал текст. Покок и Скиннер выдвинули доказательства в пользу подхода, «согласно которому ученые не в состоянии верно ухватить суть высказывания, иначе как делая это изнутри контекста соответствующего дискурса или полемики. Многие ученые применили этот лингвистический контекстуализм, в частности, при изучении политической теории раннего Нового времени, а также истории идей в более широком смысле»¹⁹.

Взгляды представителей кембриджской школы часто рассматривают как весьма близкие Р. Козеллеку. В этом утверждении есть рациональное зерно. Действительно, «история понятий» связана с изучением политической риторики, а признание важности контекста не чуждо мэтру немецкой историографии. Он писал: «Несомненно, что доктрина государства у Гоббса выросла из исторической ситуации гражданской войны. Для Гоббса, который имел опыт, связанный с формированием абсолютистского государства во Франции, который находился там, когда был убит Генрих IV, затем, когда Ришелье окружил войсками Ла Рошель, – для него не было более важной цели, чем предотвратить гражданскую войну, которая, как он видел, приближалась, а когда она началась, способствовать ее окончанию»²⁰. Тем не менее отождествлять два направления в историографии было бы ошибочно²¹. Для Козеллека несомненна связь между трансформацией понятий и социальной эволюцией. Он понимал, что такое контекст, скорее традиционно, а не дискурсивно («то, что на кончике языка») и явно метил

¹⁸ Атнашев Т., Велижев М. И. Кембриджская школа. «Context is king»: Джон Покок – историк политических языков // Новое литературное обозрение. 2015. № 4. С. 21–44.

¹⁹ История понятий, история дискурса, история метафор / Под ред. Х.Э. Бедекера. М., 2010. С. 112–113.

²⁰ Koselleck R. Critique and Crisis... P. 23.

²¹ Подробный анализ различий между кембриджскими и билефельскими историками см. в статье: Дубина В. Из Билефельда в Кембридж и обратно: пути утверждения «истории понятий» в России // История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010. С. 298–319.

в английских историков, когда писал: «Некоторые критики истории понятий идут дальше, утверждая, что подобным исследованиям должен быть предпослан широкий контекст, точнее, какой-либо текст или даже серия текстов. Без этого широкого контекста, как они утверждают, абсолютно невозможно реконструировать смысл и изменения смысла отдельных понятий. Я не склонен соглашаться с направлением этой критики на теоретическом уровне. Как мне кажется, чтобы дать на нее ответ, достаточно и практического уровня исследования. Стоит только начать рассматривать контексты, в которых можно было бы анализировать значение этих понятий, как им уже не будет конца»²².

Козеллек и Скиннер прямо обращались к Гоббсу и предложили свои интерпретации его произведений. С учетом того, что в историографии всегда принимались во внимание время и обстоятельства написания изучаемого произведения, правомерно поставить вопрос, что же нового привнесено в понимание категории «контекст» в интерпретации взглядов английского философа?

Козеллек писал о Гоббсе в книге «Критика и кризис. Просвещение и патогенез современного общества» (1959). В главе «Рационализм Гоббса и истоки Просвещения» он утверждал, что учение философа было одним из краеугольных камней в обосновании понятия «государственный интерес» и европейского абсолютизма. Оно представляло собой как бы *преднамеренную* попытку предложить в период революционных волнений такую форму государства, которая обеспечит мир и безопасность. Все прежние попытки такого рода были, утверждал Гоббс, неудачными потому, что теологи, представители моральной философии или политической мысли действовали в интересах каких-то партий, следовательно, не гасили, а разжигали огонь гражданских войн. Гоббс был уверен, что сумел преодолеть эту односторонность, и Козеллек не оспаривал этого утверждения, фактически солидаризируясь с ним: «То, что будоражило английские умы – отношения между сектами и государственной церковью, между парламентом и королем, фундаментальными законами и властью протектора – все это Гоббс отвергал как искусственное»²³. Например, попытка пресвитериан и индепендентов обвинять друг друга, исходя из теологических принципов божьей благодати, была для него простым прикрытием собственных пристрастий.

²² История понятий, история дискурса, история метафор... С. 21–22.

²³ Koselleck R. Critique and Crisis... P. 25.

Он принимал как данность расхождение между морально-теологическими целями и практикой деятельности: «Хотя можно не сомневаться в отношении их добрых намерений и стремления к миру, они совершенно по-разному понимали пути и средства, которые могли привести или не привести к их достижению». В результате партии противостояли не только в действиях, но и в намерениях. Цель сокрушения врага вела ко все более радикальным действиям. Это была «битва намерений», сущность которой была скрыта от самих участников²⁴.

Логику интерпретации Козеллеком учения Гоббса можно кратко представить так. Суть человеческой природы составляют желание и страх. Это создает предпосылку одновременно для организации «правильного» государства и свободного развития индивида. Человек одержим непрерывной страстью к власти, которая заканчивается только со смертью. Постоянный страх насильственной смерти не позволяет дышать спокойно. Стремление к миру имеет тот же источник, что и стремление к власти. Состояние войны соответствует природе человека, а мир и спокойствие существуют только как желание и надежда. Обращаясь к категории государственного интереса, он «заменяет моральную альтернативу выбора между добром и злом на политическую: мир или война»²⁵. Инструментом этого смещения является манипуляция с понятием «сознание», которое лишается у Гоббса привычного религиозного значения. Оно становится всего лишь «мнением», индивидуальным представлением, субъективным взглядом²⁶. Секуляризация сознания позволила Гоббсу развеять ореол «священнодействия» в позициях противоборствовавших религиозных партий. Породившая раскол Реформация вселила новый дух в «сознание», породила идол самодовольства; религиозное сознание более не может судить о добре и зле, оно само стало источником зла²⁷. В гражданской войне трудно решить безоговорочно, кто правая, а кто виноватая сторона, а желание заключить мир не означает отказ от претензии на власть.

На этой философской основе строится часть учения Гоббса о государстве, лучше знакомая читателю. Он противопоставил моральным принципам принципы политические, диктуемые ра-

²⁴ Koselleck R. Critique and Crisis... P. 27.

²⁵ Ibid. P. 25.

²⁶ Ibid. P. 26–27.

²⁷ Ibid. P. 28.

зумом и интересом. Носителем этих новых принципов и спасителем от жестокостей гражданской войны может стать только Государство. Оно может быть дееспособным только в том случае, если каждый гражданин передал свои права суверену, являющемуся носителем общей воли. Состояние мира гарантировано только тогда, когда передача прав индивида суверену «трансформируется в акт послушания»²⁸. Козеллек прав, что Гоббс не был историком, он не собирал и не сообщал исторические факты. История была для него «бесконечным чередованием циклов от гражданской войны к государству и от государства к гражданской войне. Только если пренебречь этой одновременно угрожающей и обещающей неопределенностью, игнорируя изначальную историческую основу, вытащив его теорию из исторического контекста событий [которые он имеет в виду] – только тогда логические нестыковки его учения становятся видимыми для нас»²⁹. Козеллек выводит теорию Гоббса из осознанного намерения предотвратить или остановить гражданскую войну, что и определяет ее достоинства и недостатки; у кембриджских историков – это политико-риторическая конструкция, используемая в различных контекстах с разными политическими целями.

В январе 1649 г. в Лондоне по приговору созданного охвотством Долгого парламента Верховного трибунала путем отрубания головы был казнен английский король Карл I. Для эмигрантов-роялистов, покинувших Англию после поражения в гражданских войнах, вопрос о преемственности власти не стоял: «Король умер – да здравствует король». Для них законным монархом стал Карл II. Иное дело – те, кто потерпел поражение и остался в Англии. Как бы они ни симпатизировали в душе Стюартам, им приходилось признавать сложившуюся политическую реальность – власть победителей, индипендентов, Государственного совета, созданного по воле этой группировки. Для тех, кто в Париже, дилеммы нет, «а что с теми, кто застрял в Уилтшире? Там над тобой завис вопрос не о правомерности, а о выживании. Все остальное самообман и чушь собачья. Ясные и неизбежные тревоги заполняли голову любого разумного человека. Что случится со мной и моими близкими? Кому следует подчиняться? От кого зависит моя элементарная безопасность? Кто остановит разногласию мнений и религий, чтобы они не стали причинами беско-

²⁸ Koselleck R. Critique and Crisis... P. 32.

²⁹ Ibid. P. 34.

нечной убийственной войны (Гоббс считал, что никакими судебными решениями их не преодолеть). Кто остановит солдат, сжигающих жилища, крадущих скот и убивающих беззащитных? Кто принудит к договору, мерилу справедливости? Кто позволит спокойно спать в своих постелях? И как принять этого защитника: убеждением или разумом?»³⁰.

Однако роялисты не были единственной партией, потерпевшей поражение в гражданской войне. Индепенденты одержали победу над пресвитерианами, которые, собственно, и были отцами революции, вступившими в открытый конфликт с короной и составлявшими твердое большинство в Долгом парламенте. Армия взяла верх, и Прайдова чистка в декабре 1648 г. совершенно устранила их с политической авансцены. Пресвитерианам тоже предстояло принять новую власть, и они, как и роялисты, отчаянно нуждались в доводах, которые оправдают их смирение. Пожалуй, только радикалы, левеллеры, не были готовы внять разуму, а были готовы стоять против Государственного совета до конца. Один из блестящих ораторов и памфлетистов Джон Лильберн назвал власть индепендентов «новыми цепями» Англии.

Признать законный характер Государственного совета было не просто: в сознании прочно укрепилась идея божественного происхождения власти монарха; негативизм по отношению к нормандскому завоеванию как историческому прецеденту подавления прав свободнорожденных англичан подводил к отрицанию того, что завоевание может служить законным источником власти; сильным было недоверие к религиозным принципам индепендентов. Поиск аргументов и теоретических доказательств, способных убедить общество в правомерности «нового устройства», начался сразу после установления диктатуры индепендентов. Блестящий анализ этих попыток, не особенно удачных и более убедительных, предложил Кв. Скиннер³¹. Принципы «нового устройства» были изложены в Декларации Государственного совета, которая основывалась на договорной теории, провозглашенной в 1647 г. в «Главах предложений», подготовленных для короля главным теоретиком индепендентов, зятем Кромвеля Генри Айртоном. Они сразу нашли отражение в про-

³⁰ Schama S. A History of Britain. In 3 vols. L., 2001. Vol. 2. P. 173.

³¹ Skinner Q. Conquest and Consent: Thomas Hobbes and the Engagement Controversy // The Interregnum: The Quest for Settlement 1646–1660 / Ed. by G.E. Aylmer. L., 1972. P. 79–98.

паганде новой власти, и самым видным пропагандистом этого толка стал Мильтон. Казнь Карла I оправдывалась как способ устранения тирана и восстановления права народа ограничивать правительства. Более того, народ имеет право избрать или сместить короля, хотя бы он не был тираном, просто по праву свободнорожденных людей иметь такое правление, какое они хотят³². Эту идею Мильтон провозглашал в «Обязанностях королей и магистратов», в «Иконоборце» и «Защите английского народа». Такого рода утверждение не могло убедить ни роялистов, политические обязательства которых вытекали из тезиса о божественном праве монарха, ни пресвитериан, сохранявших приверженность Ковенанту и клявшихся защитить безопасность короля.

В этой ситуации группа политических писателей озабочилась заполнением вакуума. Скиннер назвал их «теоретиками *de facto*», поскольку они принимали «новое устройство» как данность, переместив акцент с обвинений в адрес Карла I на то, что послушание власти – обязанность каждого христианина. Этот постулат вытекал из учения апостола Павла и был закреплен авторитетом Ж. Кальвина, который в «Духовных упражнениях» проводил мысль, что частным лицам не следует вмешиваться в дела государственного управления. Одним из тех, кто стал развивать эту линию защиты новой власти, приемлемую для пуритан, был пресвитерианский священник Джон Дьюри, в марте 1649 г. опубликовавший сочинение “A Case of Conscience Resolved”, в котором вслед за Кальвином утверждал, что в число христианских добродетелей не входит судить о «великих мира сего». Однако иных аргументов он не находил. К религиозному обоснованию добавилось светское, которое могло привлечь тех, кто симпатизировал монархии, так как оправдывало их неучастие в политической борьбе времен междуцарствия. Скиннер относил к тем, кто считал, что пришло время примириться любой ценой, поэтов-роялистов, таких как Эдмунд Уоллер или юрист Джон Вохэм, воспевавших прелести деревенской жизни. Уоллер восхвалял Кромвеля, а потом Карла II. Лорд Кларендон с иронией отмечал, что Уоллер начал писать стихи в возрасте, когда другие уже оставляют это занятие. Скиннер напоминал, что в 1653 г. была издана впервые книга Исаака Уолтона «Всё для рыбака» (Compleate Angler), сопоставимая по количеству изданий только с Шекспиром. Эта литера-

³² Павлова Т.А. Милтон. М., 1997. С. 258.

тура создавала определенную атмосферу, но не давала весомых политических аргументов в пользу индependентов³³.

Политические дебаты начались вскоре после установления власти индependентов. В апреле 1649 г. вышел памфлет Френсиса Роуза, пресвитерианского богослова, заседавшего в Долгом парламенте и присоединившегося к партии Кромвеля, «Законность повиновения нынешнему правительству». Не отрицая, что новая власть незаконна, он доказывал, что подчинение ей закону не противоречит. Он не только ссылался на учение Святого Павла, но обновлял аргументацию. В истории Англии он находил много случаев, когда нация полностью подчинялась тем, кто пришел к власти при помощи силы, потому что способность управлять сама по себе является достаточным знаком воли Бога и Провидения. Однако не для всех этот аргумент был достаточен. Критики считали, что Роуз смешивает силу и власть, а это ведет к тому, что сопротивление даже самому тираническому правлению никак нельзя оправдать. Тем более, позиция Роуза не убеждала роялистов. Скиннер приводил ответ одного роялиста солдату, сказавшему, что победы парламента – это знак божественного расположения к нему: «Это не так, друг. Хорошо известно, что Господь часто позволяет дурным людям достигать успеха, но это ведет к их гибели. Если бы ты был историком, то знал, что Господь заставил христиан страдать от турок сотни лет за их грехи»³⁴.

В условиях, когда движение левеллеров представляло определенную угрозу Государственному совету, и он потребовал присяги «новому устройству», нужда в идеологическом обосновании режима росла. По мнению Скиннера, первым теоретиком, в полной мере осознавшим недостаточность прежних аргументов, был Энтони Эшам, опубликовавший в 1648–1649 гг. ряд памфлетов. Кр. Хилл приводит высказывание из его работы «О хаосе и революциях в правлении» как пример субъективности в интерпретации «общего смысла Писания». Речь идет о еврейях в Ветхом завете: «Когда им приходило в голову сменить правительство, ввязаться в гражданскую войну, сменить царскую семью, реформировать религию и расчленить свое царство... они слышали голос с небес, чтобы подкрепить их действия и направить ход событий»³⁵. Эшам

³³ См.: Соколов А.Б. Кларендон и его время. Странная история Эдварда Хайда, канцлера и изгнанника. СПб., 2017. С. 63.

³⁴ Skinner Q. Conquest and Consent... P. 85.

³⁵ Хилл К. Английская Библия и революция XVII века. М., 1998. С. 257.

придал дискуссии светский характер (конечно, не по форме, а по сути) и перевел ее из сферы рассуждений о провидении в плоскость общественных нужд: «Тот, кто хочет сохранить естественную свободу вне зависимости от государства, потеряет ее и все остальное, но тот, кто отдаст свободу, может сохранить для себя удовольствие от многих вещей»³⁶. Основная мысль автора в том, что обязанность подчиняться существующей власти вытекает из самой простой логики: только она может защитить, то есть надо исходить из соображений общего блага. Отвечая на критику, он пошел дальше Роуза, отказавшись признать, что новое правление можно назвать незаконным. С позиции беспристрастности приходится признать, что в «запутанном положении дел» суждения о законности «невозможны с моральной точки зрения». Тезис Эшама был привлекателен, но ему не хватало доказательств, поэтому он оставался догадкой.

Идею Эшама подхватили другие публицисты, которые, однако, продолжали оперировать категорией «провидение». Одним из них был парламентский журналист М. Недхэм (Скиннер позднее относил его к числу сторонников неоримской теории), перешедший на сторону республики и ставший ее главным пропагандистом. Он не только признал «новое устройство», но и «выражал публично свою позицию, которая должна была примирить многие тысячи роялистов в Англии с властью охвостья и его правительства *de facto*. Недхэм начал с того же предположения, что и Гоббс: главная причина учреждения любого правительства и согласия подчиняться ему состоит в том, что оно предлагает подданным защиту, в противном случае они станут добычей анархии. Его аргумент, усиленный Гоббсом, заключался в смещении вопроса с «Правильно ли это?» на «Работает ли это?». От этого простого сдвига перспективы, хорошо это или плохо, родилась современная политическая наука»³⁷.

Сочинения памфлетистов, сторонников теории власти *de facto*, выходили раньше или примерно тогда же, что и сочинения Гоббса. Только «Гражданин» был опубликован за несколько лет до этого, но известно, что никто из упомянутых авторов не был знаком с данным произведением. Поэтому говорить о влиянии Гоббса на них не приходится, тем более показательно, что они сразу оценили силу его аргументации.

³⁶ Цит. по: Skinner Q. *Conquest and Consent*... P. 88.

³⁷ Schama S. *A History of Britain*... Vol. 2. P. 194.

Что обеспечило Гоббсу его место в истории общественной мысли? Скиннер указывал на две ошибки. Во-первых, ошибочно предполагать, что Гоббс был уникален в своих политических утверждениях. Очевидно, что в них не было ничего необычного и оригинального. Во-вторых, из этого вытекает, что мы ошибаемся, приписывая Гоббсу особый статус как политическому писателю. В действительности «его оригинальность лежит в плоскости эпистемологии, не в политических идеях как таковых, а в их обосновании с опорой на всестороннее описание политической природы человека, и в полном отказе от терминологии провиденциализма»³⁸. Скиннер отмечал: «Из теоретиков, выступивших в дискуссии о правах власти *de facto*, полностью исключил все неудобства, происходившие из концепции божественного провидения, и основывался на учении о политической природе человека, фактически только один. Этим единственным, по большому счету, гением был Томас Гоббс»³⁹.

Почему Скиннер уделил Гоббсу такое внимание? Хорошо известно, что Гоббс занялся политической философией довольно поздно, его первой большой работой такого рода были «Элементы закона, естественного и политического», которая была завершена весной 1640 г. и циркулировала как рукопись в течение нескольких недель, причем в разных версиях. Известно, что среди интеллектуалов, читавших этот труд и высоко его оценивших, был патрон и друг будущего лорда Кларендона лорд Фолкленд, хозяин поместья Грейт Тью, где собирался кружок блестящих интеллектуалов, к которому Гоббс имел некоторое отношение. Надо полагать, что причиной высокой оценки был потенциал этого сочинения для отстаивания королевских прерогатив. Однако, как заметил американский биограф Гоббса, в этом сочинении уже присутствовали почти все доктрины, которые обнаруживаются в «Левиафане»⁴⁰. В 1650 г., в разгар полемики о «новом устройстве», оно вышло в Англии на английском языке в виде двух произведений: «Человеческая природа» и «О политическом теле». Третья часть «Элементов», называвшаяся «О гражданине», была опубликована маленьким тиражом в 1642 г. в Париже, в 1647 г. – большим тиражом в Амстердаме, а в марте 1651 г. в Англии под названием «Философские рудименты о правлении

³⁸ Skinner Q. *Conquest and Consent...* P. 97–98.

³⁹ *Ibid.* P. 94.

⁴⁰ Martinich A.P. *Hobbes. A Biography.* Cambridge, 1999. P. 123.

и обществе». Через несколько месяцев появился шедевр «Левиафан», над которым Гоббс работал в течение двух лет. П. Загорин справедливо считал, что утверждения о значительном сдвиге во взглядах Гоббса после «Элементов» неосновательны: «Фундаментальная концепция, проходящая через всю политическую философию Гоббса – это концепция естественного права, права человека на жизнь, дающая людям свободу делать все, что они посчитают необходимым для самосохранения. Разум как закон природы неизбежно демонстрирует им, что, только провозглашая тотальную свободу государства, они достигнут цели самосохранения. Для этого они договариваются между собой о создании гражданского общества и суверенной власти, которой на основании естественных законов обязаны подчиняться. Несмотря на подчинение суверену, естественное право человека сохраняется, потому что единственное оправдание гражданского общества в том, что оно служит для безопасности и обеспечивает удобства цивилизованной жизни»⁴¹.

Как уже отмечалось, в логике своих рассуждений Гоббс в первой части «Левиафана» «О человеке» отталкивается от тезиса о равенстве людей от природы, из чего проистекает взаимное недоверие, приводящее к тому, что они становятся врагами, стараются погубить и покорить друг друга, и это ведет к войнам. «Пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, – пишет Гоббс, – они находятся в состоянии войны всех против всех». Здесь присутствует отсылка к Английской революции: «Во всяком случае, какова была жизнь людей при отсутствии общей власти, внушающей страх, можно видеть из того образа жизни, до которого люди, жившие раньше под властью мирного правительства, обыкновенно опускаются во время гражданской войны»⁴². Гоббс – настоящий пессимист в оценке природы человека, и в этом для него нет печали: «Если человек человеку волк, то это просто факт природы, который надо принять к сведению, но который бесполезно оплакивать. Нет здесь и мистического пессимизма, для утверждения которого Местр создаст философию реакции. Дело гораздо проще и объясняется общеизвестными примерами: люди в пустынных местах носят оружие, держат свои сундуки запертыми, а отдельные государства даже во время мира постоянно готовы к войне. Нечего обижаться и на охоту

⁴¹ Zagorin P. Clarendon and Hobbes... P. 603.

⁴² Гоббс Т. Сочинения... Т. 2. С. 97.

обижать других, которая по Гоббсу есть одна из глубоких основ человеческой природы», писал С.А. Котляревский⁴³.

В разделе «О государстве» Гоббс указывал на отсутствие принципиальных различий между государством, основанным на приобретении (силой) и государством, основанном на установлении (путем рождения). В обоих случаях побудительным мотивом является страх. В первом случае власть приобретена победителем, «когда побежденный во избежание грозящего смертельного удара ясно выраженными словами или каким-нибудь другим проявлением своей воли дает согласие на то, чтобы в течение всего времени, пока ему будут сохранены жизнь и физическая свобода, победитель использовал эту жизнь и свободу по своему усмотрению»⁴⁴. Власть суверена абсолютна, и она распространяется не только на самого подданного и его собственность, но и на членов его семьи. Наконец, права суверена распространяются и на вопросы веры. И здесь есть одно из немногих отличий между «Левиафаном» и более ранними работами, в этом случае «Философскими основаниями учения о гражданине». С.А. Котляревский писал: «Этот абсолютизм охватывает и область, которая с таким жаром отстаивалась среди бурь английской революции, как область религиозной свободы. Для Гоббса религиозной свободы не существует совершенно. Истинная религия есть та, которую устанавливает суверен. В *De Cive* гражданину, которому власть предписывает нарушить закон христианской веры, еще разрешается отказ от повиновения, принятие мученического венца. В Левиафане за ним не остается и этого права: внутреннее его убеждение недостижимо для правителя, но внешнее исповедование должно быть согласовано с велениями законной власти, и религиозная ответственность за такое вынужденное внешнее исповедование не падает на гражданина. Это самое крайнее развитие того принципа, на котором был заключен первоначальный мир между немецкими протестантами и католиками: *cuius regio, cuius religio*»⁴⁵.

Еще один подход, элементы которого присутствуют в историографии, в биографиях Гоббса, – психоисторический. Соблазн опереться на него велик, ибо страх – это чувство, в котором философ сам признавался, и это категория, которой он часто поль-

⁴³ Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. М., 1914. С. VII–XIII.

⁴⁴ Гоббс Т. Сочинения... Т. 2. С. 157.

⁴⁵ Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине... С. IX–X.

зуется. Страх заставляет людей искать в правителе спасение, страх побуждает их подчиняться суверену. Об обстоятельствах своего рождения Гоббс повествовал сам. Он родился 5 апреля 1588 г., перед Пасхой. Уже с декабря 1587 г. ходили слухи об испанском флоте, который готовится к отплытию, чтобы погубить английских протестантов. В богословской литературе отразились ожидания конца света в 1588 г. Еще сподвижник Мартина Лютера Филипп Меланхтон предупреждал в 1518 г. о новом вавилонском пленении, которое произойдет через 70 лет, и о приходе Антихриста. Позднее Гоббс говорил, что мать родила близнецов: его самого и чувство страха. Некоторые считали, что генетический страх подспудно объяснял его политическую беспринципность, готовность служить любому режиму. А. Мартинич отмечал: «Травматическое рождение преследовало Гоббса всю жизнь. Он считал, что обстоятельства рождения “объясняют его ненависть к врагам страны”»⁴⁶. Отцом Гоббса был священник, принадлежавший к низшему слою англиканского духовенства, из числа тех, кого называли *dumb dogs* (тупые псы), кто не читал собственных проповедей. Вдобавок, это был человек, расположенный к элю, «холерического темперамента, невоздержанный на язык, из-за чего, в конце концов, был вынужден покинуть родной городок Малмсбери в Уилтшире. Принадлежность по рождению к сословию более низкому, чем подавляющее большинство тех, с кем ему доведется общаться, не могло не создавать неуверенности. Младший современник и идейный противник Гоббса лорд Кларендон считал своего отца образцом, «лучшим отцом и лучшим другом», самым мудрым из людей, которых он знал. У Гоббса не было оснований считать так же. Когда старший Томас Гоббс уезжал из Малмсбери, будущий философ уже обучался в Оксфорде. Неизвестно, посетил ли его по дороге отец; он «просто исчез из истории»⁴⁷. В материальном отношении молодой человек получил больше от дяди, занимавшего должность в городском совете Малмсбери. Он обеспечил учебу в Оксфорде и впоследствии завещал племяннику земельные угодья.

Впрочем, одно отцовское наследство мыслитель получил – гены долголетия. Известно, что отец умер в возрасте 83 лет, Гоббс дожил до 91 года. У него были старший брат и младшая сестра. Гоббс оставался одинок, насколько известно о его личной

⁴⁶ Martinich A.P. Hobbes. A Biography... P. 2.

⁴⁷ Ibid. P. 4.

жизни, женщины играли в ней незначительную роль. В его завещании были упомянуты племянники, 200 фунтов глухой девочке, находившейся под его опекой, десять фунтов досталось некоей Мэри Делл, личность которой неизвестна. Для сравнения: годовой доход его отца, когда он был священником, составлял около 10 фунтов, сам Томас получал на службе у Кавендишей порядка 80 фунтов, не считая особых пожалований и подарков. На момент смерти состояние Гоббса насчитывало тысячу фунтов, примерный эквивалент его десятилетнего жалования.

Страх, происхождение, одиночество (не социальное, а личное) могли быть причинами комплексов. Классик психоанализа К.Г. Юнг отмечал, что «есть давно утраченные и неприятные темы», которые человек не хочет держать в памяти и *сознательно* забывает. Психологи связывали «комплексы» с «подавленным эмоциональным содержанием, которое могло вызывать постоянное психологическое раздражение или в некоторых случаях даже симптом невроза»⁴⁸. Юнг выделял также «привычные» комплексы – наиболее чувствительные зоны психики, приоритетно реагирующие на внешние беспокоящие стимулы. Страх мог быть привычным комплексом. Как известно, одно из расхождений Юнга с его коллегой и учителем З. Фрейдом состояло в понимании источников бессознательного в психике человека. Если Фрейд считал, что бессознательные комплексы формируются в раннем детстве, то для Юнга приоритетным стало понятие «коллективного бессознательного», а ведущей категорией – «архетип», унаследованный от древней культуры и подразумевающий «нечто смутное, неизвестное или скрытое от нас». Эта часть учения Юнга тоже пригодна при «раскодировании» «бессознательного» у Гоббса. И здесь имеет значение сам образ библейского Левиафана. Как отмечалось, мыслитель имел отношение к оформлению обложки первого издания книги, на которой Левиафан представлен в виде великана, чертами лица, как показалось многим, напоминающий Кромвеля. Юнг писал: «Универсальный миф о герое всегда относится к человеку-богатырю или богочеловеку, который побеждает зло в виде драконов, змей, монстров, демонов и так далее и который освобождает свой народ от смерти и разрушения»⁴⁹. Для Гоббса в битве добра и зла государство – несомненный фактор добра. Левиафан появляется из моря: «Вода по-земному осязема,

⁴⁸ Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991. С. 31.

⁴⁹ Там же. С. 73.

она является текучестью тел, над которыми господствуют влечения, это кровь и кровожадность, животный запах и отягченность телесной страстью»⁵⁰. Пучина гражданской войны – это метафора воды. Недаром на одном из изображений 1646 г., знаменовавшем поражение кавалеров в первой гражданской войне, они тонут в бушующем море⁵¹.

В биографии Гоббса нетрудно найти другие поводы для обид. Будучи болезненным ребенком, Гоббс оказался в Оксфорде в четырнадцать лет, одноклассники были старше его примерно на три года, не удивительно, что он чувствовал себя одиноким. В «Бегемоте» он сообщал, что студенты привержены пьянству, распутству и азартным играм. Вероятно, самым ярким впечатлением Гоббса от пребывания в Оксфордском университете было посещение его королем Яковом I, принимавшим участие в диспутах. Труды и идеи Якова произвели на Гоббса неизгладимое впечатление, стали важным источником для формирования его собственных концепций. В своих произведениях он не игнорировал аргументов Якова, одного из главных в Новое время теоретиков концепции «божественного происхождения» королевской власти. Однако от этой концепции Гоббс отказался. Тот же принцип абсолютной власти он обосновывал посредством договорной теории и концепцией естественных прав человека, повернув их в противоположную сторону от левеллеров.

Гоббсу надо было зарабатывать на жизнь, и он стал тьютором в аристократическом семействе Кавендишей, затем графов Девонширских. В течение короткого времени Гоббс был секретарем Фрэнсиса Бэкона, уже после отставки последнего и незадолго до его смерти. О влиянии Бэкона на Гоббса есть разные мнения; некоторые авторы полагают, что быть усердным секретарем не значит считать патрона своим кумиром. Другие даже допускали, что за Бэкона мог писать Гоббс (как Бэкона некоторые антистратфордIANцы считали настоящим автором пьес Шекспира). Вряд ли это утверждение имеет основание, но какие-то мысли у них могли пересекаться. Именно от Гоббса мы знаем о знаменитой фразе Бэкона «Знание – сила». Обстоятельства смерти Бэкона, подхватившего бронхит из-за эксперимента с замораживанием цыпленка, тоже известны со слов Гоббса, и в них, вероятно, присутствует ироничное отношение к патрону и его экспериментальному мето-

⁵⁰ Юнг К.Г. Архетип и символ... С. 110.

⁵¹ Соколов А.Б. Кларендон и его время... Цв. вкладка 4.

ду. Метод Гоббса отличался от метода Бэкона. Еще в 1620-х гг. Гоббс познакомился с медиком Уильямом Гарвеем, который не любил Бэкона и говорил, что тот философствует, «как лорд-канцлер». Гоббс, скорее всего, соглашался с этим. Для Бэкона был характерен крайний эмпиризм, для Гоббса – рационализм⁵².

Как секретарь второго графа Девоншира Гоббс вникал в парламентские дела, а также в деятельность Виргинской компании, погруженной в раздоры, пайщиком которой он стал при поддержке своего патрона. С практической точки зрения, жизнь Гоббса прошла на политических «задах», что, возможно, порождало комплекс второсортности. В теоретическом плане его учение о государстве было напрямую увязано с политикой и трансформацией, которую она претерпевала. Долгая зависимость Гоббса от Кавендишшей (действительно, философ жил в этом аристократическом доме до самой смерти в 1679 г.) дала Кларендону повод обвинить его в неблагодарности. Для Хайда неприемлем философский эгалитаризм Гоббса, еще в «Элементах» утверждавшего, что от природы все люди равны, а те, кто думает, что от природы «у одного кровь лучше, чем у другого», невежественны. Различия между людьми конвенциональны, они целиком зависят от воли правителя. Правитель – полный повелитель не только простолюдина, но и аристократа. Для человека, который жил десятилетиями за счет аристократов, это ошеломляющее заявление. Кларендон не мог пройти мимо: Гоббс проявил «исключительную злобу к знати, чей хлеб он всегда ел»⁵³. Иерархические границы значили для Кларендона куда больше, чем для Гоббса. Более того, Гоббс полагал, что в естественном состоянии частная собственность отсутствовала. Если у каждого есть право на все, то никто ничем не владеет. Собственность возникает с возникновением государства и принадлежит суверену. Если ею обладают другие, то это создает угрозу для осуществления им своих полномочий и ведет к возникновению претензий на что угодно, следовательно, к утрате безопасности. Нетрудно заметить, насколько такой взгляд противоречил принципам имущественного и социального устройства Англии.

Благодаря возможности сопровождать своих подопечных в образовательный тур на континент Гоббс установил связи со многими знаменитостями ученого мира, в том числе с Рене Декартом, Пьером Гассенди, Мареном Мерсенном, Галилео Галилеем, Эван-

⁵² Martinich A.P. Hobbes. A Biography... P. 65, 218.

⁵³ Ibid. P. 144.

джелисто Торричелли. Некоторые понятия из области естественных наук, например, «торричеллеву пустоту» Гоббс использует в своей политической философии. Большинство из ученых, с которыми он поддерживал дружеские связи, умерли раньше него. И далеко не все в ученном мире испытывали перед ним пиетет. Напротив, сторонники эмпирической науки считали его метафизиком. Хотя Карл II приветствовал Гоббса, сняв шляпу, возле дома Девонширов через несколько дней после возвращения в Лондон, предоставил свободный доступ к собственной персоне и даже назначил пенсию (впрочем, она выплачивалась нерегулярно), но в состав созданного монархом Королевского общества его не включили. В нем было немало влиятельных оппонентов философа, и в 1660-х гг. ему приходилось участвовать в бесконечной полемике, защищаясь от нападков и нападая. Яростными противниками Гоббса были физик Роберт Бойль и математик Джон Уоллис. Последний даже обвинял его в плагиате. Как писал о Гоббсе Джордж Кларк, «хотя его скептический и материалистический дух сделал многое, чтобы проложить путь ученым, сам он ученым не был, только немножко математиком, и его презрительная неортодоксальность не была в моде во время Реставрации»⁵⁴.

Политическое учение Гоббса несет черты социологии, будучи, по словам С.А. Котляревского, «геометрическим». Загорин справедливо отмечал: «Противостояние Кларендона философии Гоббса основано не только на политических расхождениях, но и на абсолютно разной и противоположной интеллектуальной ориентации. Представитель новой механической философии, Гоббс следовал дедуктивному методу, создавая модель республики и пытаясь трансформировать гражданскую философию или политику в науку, основателем которой, собственно, он и считал самого себя. Его постулат об абсолютном суверене как аксиоматичной необходимости государственного устройства был утопическим, так как преступал границы того, что существовало исторически. Пропась, разделяющая Кларендона и Гоббса, обозначена и тем, что в “Очерке” Кларендон пренебрежительно обращается к философу как к “художнику” и “архитектору”, упрекая его в изобретении “вымышленного правительства” при помощи “правил арифметики и геометрии”, с которыми ни один народ никогда не экспериментировал»⁵⁵.

⁵⁴ Clark G. The Later Stuarts... P. 30.

⁵⁵ Zagorin P. Clarendon and Hobbes... P. 610–611.

Гоббс стал политическим писателем поздно, когда он уже приобрел известность в области естественной философии и математики (что тогда было прочно связано). Как были приняты политические взгляды Гоббса? В 1640 г., перед выборами в парламент, который назовут Коротким, взгляды Гоббса были восприняты как беззащитная апология абсолютистского режима, «тирании», как считали многие, Карла I. Единственной попыткой Гоббса прямо войти в политику было участие в выборах в палату общин в 1640 г., однако влияния третьего графа Девонширского не хватило, и она провалилась. Это не значит, что в жизни Гоббса элемент политики отсутствовал: близкий круг его общения делал его жизнь политической. Есть мнение, что провал на выборах объясняется именно знакомством публики с «Элементами», фактически защищавшими право суверена вводить новые налоги, что контрастировало с настроениями в обществе. После ареста графа Страффорда Долгим парламентом в ноябре 1640 г. Гоббс испытал страх, уверившись (справедливо или нет, трудно сказать), что сам станет ближайшей жертвой, и, как утверждают, первым из роялистов бежал во Францию. П. Загорин писал: «Авторство «Элементов» объясняет неожиданное бегство Гоббса из Англии в ноябре 1640 г., через несколько дней после созыва Долгого парламента. Он боялся, что если останется, то станет мишенью ярости парламентариев из-за доктрин, которые провозгласил в своей работе. Через шесть месяцев в письме из Франции он утверждал: «Причина, по которой я выехал, состоит в том, что я увидел: слова, произносимые в поддержку королевских прерогатив, становились предметом разбирательств в парламенте»⁵⁶. Некоторые роялисты считали его «трусом», предавшим короля, ибо он мог защищать монархию, если не на поле брани (оправданием мог быть возраст), то политически и как идеолог. В этой роли за Карла выступили оставшийся при нем медик Харвей или Эдвард Хайд, непригодный к военной службе. В эмиграции Гоббс продолжил ученые занятия, учил математике принца Уэльского, который, став королем Карлом II, не забыл этого.

Самым скандальным эпизодом жизни Гоббса было возвращение в индипендентскую Англию и публикация «Левиафана». Почему Гоббс вернулся в Англию, а не уехал в толерантную Голландию (даже если допустить, что ему было рискованно оставаться в Париже, где многих, особенно католическое духовен-

⁵⁶ Zagorin P. Clarendon and Hobbes... P. 599.

ство, раздражало его отношение к религии), остается загадкой. Четвертая часть «Левиафана», над которым он работал перед возвращением в Англию, «О царстве тьмы», содержала резкие высказывания о ложном толковании Писания, о лживости утверждений, будто нынешняя церковь – это царство Божие, а папа является верховным наместником Христа. Достаточно сказать, что крещение, по его мнению, заменено колдовством, колдовства не лишены такие обряды, как венчание, соборование, посещение больных, освящение церквей и кладбищ. Разве можно иначе, чем ересью, назвать утверждение: «Когда человек умирает, остается лишь его труп, то разве не может Бог, сотворивший своих существ из безжизненного праха и глины, так же легко воскресить труп к новой жизни и продлить его жизнь навеки или другим своим словом заставить его умереть снова?»⁵⁷. Здесь мы уходим от вопроса, правомерно ли считать Гоббса атеистом, в чем его обвиняли некоторые современники. Однако предположение, что такого рода строки не могли быть опубликованы тогда в католической Франции, представляется обоснованным.

Возможной причиной нежелания отправиться в Голландию могло быть то, что и там казалось небезопасно: в 1651 г. в гостинице неподалеку от Гааги был убит роялистами посланник Государственного совета, цареубийца, подписавший приговор казненному королю, кембриджский богослов Исаак Дорислаус. Нельзя сбросить со счетов тоску по родине. Возможно, Гоббс думал о возвращении в течение нескольких лет. Во всяком случае, он запретил амстердамским публикаторам «О гражданине» указывать тьюторство над принцем Уэльским. Но выехать он решился только тогда, когда в Англии установился порядок. Его биограф писал: «Как в конце 1640 года он бежал из Англии, чувствуя, что парламентские псы наступают ему на пятки, он ощущал такую же собачью погоню в начале 1652 г. Если верить Кларендону, “он был вынужден тайно бежать из Парижа, предчувствуя, что справедливость настигнет его”»⁵⁸. «Левиафан» сделал его пребывание в кромвелевской Англии безопасным и достаточно комфортным. Но тот же «Левиафан» поспособствовал благоволению Карла II, защитившего бывшего учителя от нападков. Как писал один из биографов Гоббса, «теория, изложенная им в «Левиафане», о подчинении существующей власти не считалась больше вредной, ибо

⁵⁷ Гоббс Т. Сочинения... Т. 2. С. 470–471.

⁵⁸ Martinich A.P. Hobbes. A Biography... P. 215.

она служила теперь, после реставрации, королю так же, как раньше Кромвелю»⁵⁹. Действительно, в «Бегемоте», сочинении о революции 1640–1660 гг., Гоббс отмечал: взглянув на мир и понаблюдав за поступками людей, «особенно в Англии, можно узреть все виды несправедливости и безумия, которые только может представить нам мир, и как они были произведены их источниками – лицемерием и самомнением». Тогда «народ был развращен, а непокорные считались лучшими патриотами»⁶⁰. Удивительно звучат эти слова в устах защитника индипендентов. На примере Гоббса трудно не заметить, что одно содержание приобретает различные, даже противоположные смыслы в разных социальных и временных ситуациях. Смыслы конструируются на основе контекста, а не выражают «истину». Это и есть риторическая «самостоятельность», которую отмечала кембриджская школа.

Мы выделили три подхода, присутствующие в историографии, посвященной Гоббсу, в последние десятилетия. Первый, «классический», основан на традиционной герменевтике и акцентировании идеологического содержания трудов философов и политических мыслителей, при этом может присутствовать различие в оценках достоинств и недостатков этих трудов. Так, в рассмотренном сочинении Р. Козеллека указывалось на отсутствие исторической аргументации у Гоббса и в то же время его значение в идеологическом конструировании абсолютизма XVIII в. Второй подход, связанный с кембриджской школой, основан на анализе политической риторики, воспроизводящей контекст ситуации, с которой соотносится политический язык. Мы видели, что на протяжении жизни Гоббса его учение, как минимум, трижды меняло свой политический смысл, хотя существенной трансформации не претерпело. Так, в 1640 г. его политические идеи были восприняты как защита Карла I, в 1651 г. как апологетика Кромвеля, в 1660 г. как способ укрепить реставрированную монархию Стюартов. Это утверждение не стоит понимать буквально и практически. При Карле II в основании режима оставалась идеологема «древней конституции». Как отмечал историк ревизионистского направления Дж. Кларк, «немногие экстремисты» занимали крайние, республиканские или абсолютистские позиции

⁵⁹ Ческис Л.А. Томас Гоббс (Его жизнь и учение в связи с историей общественной жизни в Англии конца XVI и первой половины XVII в.). М., 1929. С. 98.

⁶⁰ Гоббс Т. Сочинения... Т. 2. С. 591–592.

из религиозных мотивов. Гоббс был исключением, поскольку его мотивация не носила теологического характера⁶¹.

Психоистория, не в своей крайней форме, использовалась при конструировании биографий Гоббса, например, в книге американского историка А.П. Мартинича. Он заключал: «Что мы знаем о жизни Гоббса? Если коротко, то, что она не была уединенной, полной жестокостей и короткой. Тем не менее, в ней было немало мерзостей. Его семья принадлежала к низшему среднему классу, его отец покинул семью, когда Гоббс был подростком. Многое, что он делал, было мотивировано страхом. Он десять лет жил в изгнании, потому что боялся, что его убьют в гражданских войнах. Он вернулся в Англию потому, что боялся французов и некоторых англиканских священников-эмигрантов, считая возможным, что его убьют злопамятные роялисты. В Англии он боялся, что подвергнется преследованию за атеизм, и при республике, и в годы Реставрации. Также он начал бояться того, что утрачивает репутацию математика и вступил в борьбу, яростную, но не всегда мудрую, против нескольких самых влиятельных членов Королевского общества. Короче, большая часть его жизни была прожита в страхе войны. Оставшееся время было миром»⁶².

Гоббса иногда называли атеистом, что он упорно отрицал. Скорее, его позиция была деистской. В практическом смысле он был сторонником епископальной англиканской церкви, следуя принципу, сформулированному еще Яковом I: «Нет епископа – нет короля». В этом отношении в начале революции он стоял на более консервативных позициях, чем некоторые другие члены англиканской церкви. В отдельные моменты (в 1641 и 1651 гг.) Гоббс допускал иные формы церковного устройства, исходя из позиции теологов, утверждавших, что власть епископов не проистекает напрямую из воли Христа, а появилась в более позднюю эпоху. Однако пресвитерианство он считал неприемлемым. В 1660-х гг. он вернулся к прежним взглядам на епископат. Как видим, Гоббс менял взгляды на церковное устройство, что заставляет вспомнить о его политическом «оппортунизме», если не сказать, беспринципности.

Учение Гоббса трудно назвать зародышем принципов гражданского общества. Его называют сторонником договорной теории по недоразумению. Для него принципиально важно, что гос-

⁶¹ Clark J.C.D. *English Society 1660–1832...* P. 67.

⁶² Martinich A.P. *Hobbes. A Biography...* P. 357.

ударство учреждается не договором, а ковенантом. Договором люди передают права на вещи, например, при купле-продаже, ковенант накладывает на людей обязательства поступать в дальнейшем определенным образом. В советской научной литературе Гоббса называли представителем «буржуазного свободомыслия», переводя дискурс о свободе в плоскость говорения о критике «церковных установлений»⁶³, что имело определенную логику. Свобода, с одной стороны, в теории представлялась как неотъемлемое право народов и обоснование их прав на революцию, что видно через концепт политических причин Английской революции (как и любой другой). С другой стороны, в реальности такая свобода оказывалась излишней и недостижимой. Противоречие снималось при помощи идеологом о достигнутой свободе для эксплуатируемого большинства в «пролетарском государстве» и для всех классов в «общенародном». Гоббс был, упрощенно говоря, подтверждением права государства на насилие. Тенденция современной идейно-политической мысли заключается в отрицании права народа на сопротивление тирании и на революцию, в принципе. Это становится возможным, в том числе, благодаря уходу от марксизма с его апологетикой революций. В такой ситуации Гоббс продолжает служить современному этатизму.

7.2. ТОМАС УАЙТ О ПОДЧИНЕНИИ РЕСПУБЛИКЕ И СОПРОТИВЛЕНИИ ТИРАНУ

Английское католическое сообщество XVI–XVII вв. лишь в последние пару десятилетий вновь оказалось вписанным в историю своей страны, а до этого на протяжении долгого времени рассматривалось как нечто чуждое, маргинальное, а следовательно, заслуживающее краткого примечания, но уж никак не подробного анализа⁶⁴. Такой подход существенно исказил представление историков о многих аспектах истории английского общества, создав множество лакун, которые только начинают заполняться.

Английские католики в 1559–1829 гг. были лишены многих гражданских прав, включая право получать образование в своей

⁶³ См., напр.: Мееровский Б.В. Гоббс. М., 1975. С. 7.

⁶⁴ O'Day R. The Debate on the English Reformation. 2nd ed. Manchester, 2014. P. 240–247.

стране. Многие из них, и в том числе все, кто собирался принять сан, учились за пределами Англии, в коллегиях и университетах Испанских Нидерландов, Франции, Италии и Испании⁶⁵. Там они знакомились с последними достижениями европейской мысли, становясь важными посредниками, своего рода «переводчиками», усваивавшими континентальные идеи и адаптировавшими их к английской аудитории, и это обстоятельство делало сочинения английских католиков интересными отнюдь не только для единоверцев, выводило их за конфессиональные рамки.

Изучение воздействия трудов католических авторов XVI–XVII вв. на английскую аудиторию только начинается⁶⁶. В данном исследовании речь пойдет о Томасе Уайте, одном из английских авторов-католиков, труды которого вызывали жаркие споры современников, но позднее были вычеркнуты не только из национального канона политической и философской мысли, но из истории английского католического сообщества. Богослов и философ, Томас Уайт издал более 60 произведений, которые читали и комментировали как в Англии, так и за ее пределами. Однако уже к концу XVII в. о нем предпочли забыть даже его единоверцы, и одной из причин тому стал написанный в 1655 г. памфлет «Основы подчинения и управления»⁶⁷.

Памфлет затрагивал злободневные для Англии середины XVII в. темы: природу политической власти, права подданных и их отношения с правительством, допустимость /недопустимость сопротивления правителю. Политические взгляды Томаса Уайта, изложенные в памфлете, предопределили судьбу его интеллектуального наследия. Его политические идеи уже становились объектом изучения⁶⁸, но сочинения Уайта рассматривались в полити-

⁶⁵ Questier M. *Seminary Colleges, Converts and Religious Change in Post-Reformation England, 1568–1688* // *College Communities Abroad* / Ed. by L. Chambers, T. O'Connor. Manchester, 2017. P. 142–171.

⁶⁶ См., например, работу Питера Лейка о католических памфлетистах конца XVI в.: Lake P. *Bad Queen Bess? Libels, Secret Histories, and the Politics of Publicity in the Reign of Queen Elizabeth I*. Oxford, 2016.

⁶⁷ White T. *The Grounds of Obedience and Government*. L., 1655.

⁶⁸ Southgate B.C. «That Damned Booke»: *The Grounds of Obedience and Government (1655), and the Downfall of Thomas White* // *British Catholic History*. 1984. Vol. 17. P. 238–253; Tutino S. *The Catholic Church and the English Civil War: the Case of Thomas White* // *Journal of Ecclesiastical History*. 2007. Vol 58. P. 232–255; Tutino S. *Thomas White and the Blackcloists: Between Politics and Theology During the English Civil War*. Aldershot, 2008.

ческом и идеологическом контексте середины XVII в., а в его идеях искали отзвуки реакций на произведения современников и друзей – Мерсенна, Гассенди, Гоббса и др.⁶⁹ Чтобы определить место Уайта в английской политической традиции, необходимо соотнести его памфлет с трудами предшественников и вписать его в контекст политических дискуссий раннего Нового времени, активными участниками которых были английские католики и их единоверцы во Франции, Италии и Испании.

Томас Уайт (1593–1676)⁷⁰, более известный под псевдонимом «Блекло» (Blacklow), родился в семье дворянина – католика Роберта Уайта из Хаттон-холла (Эссекс). Его мать Мэри была дочерью известного елизаветинского юриста – католика, сэра Эдмунда Плаудена⁷¹. Томас был вторым сыном и с детства предназначался церкви: еще совсем юным его отправили учиться в английскую иезуитскую школу в Сент-Омер (тогда – Испанские Нидерланды)⁷². В 1609 г. Томас Уайт числился уже среди студентов другой Английской коллегии – в Вальядолиде⁷³. Оттуда он отправился в Английскую коллегию Дуэ⁷⁴, которую и закончил. В 1617 г. Томас был рукоположен в Аррасе; именно тогда впервые фиксируется его псевдоним, «Блэкло», под которым ему предстояло войти в историю: католическим священникам было запрещено находиться в Англии под страхом смерти, а

⁶⁹ Tutino S. Thomas White and the Blackloists... P. 18–20.

⁷⁰ Биографические данные Томаса Уайта приводятся по: Southgate B.C. Thomas White // ODNB online. URL: <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/29274>

⁷¹ Сэр Эдмунд Плауден (1518–1585), юрист и теоретик общего права, известный своими католическими взглядами. См.: Brooks C.W. Plowden, Edmund // ODNB online. URL: <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/22389>. Вместе с другим юристом-католиком, сэром Энтони Брауном, сформулировал теорию двух тел короля: Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. яз. М.Ю. Бойцова и А.Ю. Серегинной. М., 2014. С. 74–77.

⁷² Коллегия (школа для мальчиков) была основана в 1593 г. в Сент-Омере (Артуа) иезуитом Робертом Парсонсом. См.: Whitehead M. English Jesuit Education: Expulsion, Suppression, Survival and Restoration, 1762–1803. Abingdon, 2013. P. 23–30.

⁷³ Семинария, основанная иезуитом Робертом Парсонсом в 1589 г. См.: Williams M. St Alban's College, Valladolid: Four Centuries of English Catholic Presence in Spain. L., 1986.

⁷⁴ Первая английская семинария за границей, основана в 1568 г. будущим кардиналом Уильямом Алленом. См.: Beales A.C.F. Education Under Penalty: English Catholic Education from the Reformation to the Fall of James II, 1547–1689. L., 1963. P. 66–68.

укрывательство священника грозило его друзьям и родственникам суровыми карами (вплоть до казни)⁷⁵, поэтому получившие образование в континентальных семинариях миссионеры обычно скрывали своим имена⁷⁶. Таланты молодого священника были замечены его наставниками, видевшими в нем скорее ученого и преподавателя, нежели миссионера. Практически сразу после выпуска Уайт начал преподавать в своей alma mater, коллегии Дуэ, риторику и философию, а затем, после получения степени бакалавра богословия в университете Дуэ – и эту дисциплину.

В 1623 г. Т. Уайт отправился изучать каноническое право в Париж, а в 1624–1625 гг. жил в Риме в качестве представителя своей коллегии при папской курии. Позднее он вернулся к преподаванию в Дуэ, затем, в 1630–1633 гг. – в Лиссабонской коллегии⁷⁷, главой которой был назначен. В 1640-х гг. Уайт вновь преподавал в коллегии Дуэ, а позднее отправился в Англию в качестве миссионера. В 1650-х гг. он входил в состав Капитула, управлявшего католическим духовенством в Англии в отсутствие там епископов⁷⁸, а после 1655 г. фактически его возглавил. Группа сторонников Уайта (которых оппоненты впоследствии назовут «блэклоистами») доминировала в Капитуле, не в последнюю очередь благодаря тому, о чем пойдет речь ниже, – попыткам добиться признания законного статуса католиков в Англии, договорившись с лордом-протектором Оливером Кромвелем. Это обстоятельство стало и причиной завершения его публичной карьеры: в 1660 г., опасаясь мести роялистов, Томас Уайт вышел из состава капитула и даже счел необходимым уехать из Англии в Голлан-

⁷⁵ Согласно статуту 1585 г., все католические священники, рукоположенные за пределами Англии (фактически все, возведенные в сан после 1558 г.) объявлялись изменниками. Укрывательство изменников каралось смертной казнью. См.: Statutes of the Realm. Vol. IV. Pt II. L., 1819. P. 706–708. Рус. пер.: Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII вв. СПб., 2006. Приложение III. С. 279–281.

⁷⁶ Shell A. Oral Culture and Catholicism in Early Modern England. Cambridge, 2007. P. 132–139.

⁷⁷ Семинария в Лиссабоне была основана в 1624 г. Уильямом Ньюменом и Педру Коутинью. См.: Beales A.C.F. Education Under Penalty...

⁷⁸ В 1623–1629 гг. католическое духовенство в Англии находилось под управлением епископа Халцедонского (Уильяма Бишопа, затем Ричарда Смита). После отъезда Р. Смита из Англии в 1629 г. и до 1672 г. de facto, а в 1655–1672 гг. и de jure католической миссией в Англии управляли 12 каноников, составлявшие Капитул. Birrell T.A. English Catholics without a Bishop, 1655–1672 // British Catholic History [Recusant History]. 1958. Vol. 4. P. 142–178.

дию. Вернулся он только в 1662 г. и все оставшиеся годы жил в Лондоне, на Друри-лейн, на средства, выделенные ему его другом и покровителем, сэром Кенельмом Дигби⁷⁹, полностью посвятив себя ученым занятиям. Умер Томас Уайт в июле 1676 г. и был похоронен в церкви Св. Мартина-в-полях⁸⁰.

Обучение в Испании, Франции, Нидерландах и пребывание в Риме дали Уайту возможность познакомиться с новейшими течениями европейской мысли. В Париже 1630–1640 гг. он входил в круг Марена Мерсенна и подружился с Томасом Гоббсом. Его собственные философские взгляды, привлечшие внимание ученых только после того, как в 1976 г. был обнаружен рукописный комментарий Гоббса к одному из трактатов Уайта⁸¹, представляли собой соединение аристотелизма (традиции, в которой он был обучен) и атомистической философии, а в своих трудах он старался вписать в аристотелианскую традицию достижения научной мысли XVII в. Исследования, посвященные философским сочинениям Т. Уайта, обычно рассматривают его именно в контексте истории английского аристотелизма и полемики с носителями традиции европейского скептицизма⁸².

⁷⁹ Сэр Кенельм Дигби (1603–1665) – английский придворный, дипломат и философ. См.: Foster M. Digby, Sir Kenelm // OBND online. URL: <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/7629>

⁸⁰ Квартал вокруг церкви Св. Мартина-в-полях был в XVII в. западным пригородом английской столицы, а сохранившийся со времен Средневековья особый правовой режим, восходивший к праву убежища для преступников, которым владела церковь Св. Мартина, и не позволявший властям города вмешиваться в местные дела, делал его привлекательным для иностранцев и религиозных диссидентов. С начала XVII в. этот район стал одним из католических районов Лондона. См.: Sheils W. ‘Getting on’ and ‘Getting along’ in Parish and Town: Catholics and Their Neighbours in England // Catholic Communities in Protestant States: Britain and the Netherlands, с. 1570–1720 / Ed. by B. Kaplan, B. Moore, H. van Nierop, J. Pollmann. Manchester, 2009. P. 74–77.

⁸¹ Hobbes T. Critique du ‘De Mundo’ de Thomas White / Ed. by H.W. Jones. L., 1976.

⁸² Southgate B.C. Excluding Sceptics: The Case of Thomas White, 1593–1676 // The Sceptical Mode in Modern Philosophy. Essays in Honour of Richard H. Popkin / Ed. by R.A. Watson. Dordrecht, 1988. P. 76–81; Southgate B.C. Cauteering the Tumour of Pyrrhonism: Blackloism versus Skepticism // Journal of the History of Ideas. 1992. Vol. 53. P. 631–645; Southgate B.C. Torn between Two Obligations: The Compromise of Thomas White // The Rise of Modern Philosophy: The Tension between the New and Traditional Philosophies from Machiavelli to Leibniz / Ed. by T. Sorrell. Oxford, 1993. P. 107–127; Southgate B.C. «Covetous of Truth»: The Life and Work of Thomas White, 1593–1676. Dordrecht; Boston, 1993; Tutino S. Thomas White and the Blackloists; Scarbi M.

Тем не менее, несомненные достижения Уайта как философа для его современников оказались словно бы в тени единственного политического произведения, оказавшего огромное влияние на судьбу автора и других его сочинений. Современные исследователи рассматривают памфлет «Основы подчинения и управления» в контексте английской протестантской мысли, в особенности республиканской, в связи с полемической реакцией на него со стороны протестантов второй половины XVII столетия⁸³, а также в соотнесении с авторитетными католическими авторами (не англичанами), прежде всего, иезуитами⁸⁴. Однако сочинение Уайта, написанное, в отличие от его философских трудов, по-английски, предназначалось «домашней» аудитории, и прежде всего, английским католикам, на что указывает как набор затронутых в нем сюжетов, так и полемика с английскими католическими авторами (например, с иезуитом Робертом Парсонсом, 1546–1610⁸⁵).

Здесь памфлет Томаса Уайта будет рассмотрен в соотнесении с традициями английской католической мысли, проигнорированными в существующих исследованиях.

Небольшое – 200-страничный памфлет формата in octavo – произведение было написано и опубликовано в 1655 г. История его появления на свет предопределена положением, в котором находилось английское католическое сообщество в этот период. Начиная с 1559 г., когда в Англии было официально принято протестантское исповедание, католики в стране подвергались преследованиям: статуты, принятые в правление королевы Елизаветы I (в 1559, 1563, 1571, 1581, 1585, 1587 и 1593 гг.), предписывали взимать с них крупные штрафы за непосещение приходских (протестантских) церквей; присутствие на мессе грозило тюремным заключением, а укрывательство священников могло привести на плаху. Для самих священников выполнение своих пастырских обязанностей в Англии считалось государственной изменой и ка-

Thomas White, an Aristotelian Response to Scepticism // *Archiwum Historii Filozofii i Myśli Społeczne*. 2013. Vol. 58. P. 83–96.

⁸³ Tutino S. Thomas White and the Blackloists... P. 73–81.

⁸⁴ Lockey B. *Early Modern Catholics, Royalists and Cosmopolitans: English Transnationalism and the Christian Commonwealth*. Farnham, 2015. P. 219–223.

⁸⁵ О Роберте Парсонсе см.: Houlston V. *Catholic Resistance: Robert Persons's Jesuit Polemics, 1580–1610*. Aldershot, 2007; Серегина А.Ю. Роберт Парсонс и его «Рассуждение о наследовании английского престола» // Парсонс Р. *Рассуждение о наследовании английского престола [1594]* / Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. А.Ю. Серегинной. М., 2013. С. 4–99, особ. 47–67.

ралось смертной казнью⁸⁶. Унаследовавший в 1603 г. английский престол Яков I Стюарт оставил в силе все эти законы, хотя в годы его правления преследования постепенно прекратились *de facto*. Женившийся на католической принцессе Карл I также воздерживался от применения карательных законов; штрафы с католиков, впрочем, взимались и составляли часть доходов казны⁸⁷.

По сравнению с преследованиями времен Елизаветы (унесших жизни около 300 католиков) все это было существенным улучшением, и именно поэтому католики воспринимали монархов из династии Стюартов как «своих». О равноправии говорить не приходилось – английские католики по-прежнему не могли занимать никаких должностей, избираться в палату общин и служить в армии. Однако многие из них рассчитывали со временем добиться признания своих прав (подобно гугенотам во Франции) благодаря покровительству дружественных католических держав или даже обращению самого монарха в католичество⁸⁸. Когда в 1639 г. Карл I отменил запрет католикам служить в армии, многие из них устремились в королевские полки. Английское католическое сообщество безоговорочно поддержало короля в годы гражданской войны; дворяне-католики воевали на стороне короля, жертвовали средства на его армию, а позднее, когда дела роялистов пошли плохо, устремились в эмиграцию. Такая позиция определялась как верностью Стюартам, стремлением кровью доказать верность королю и заслужить полное гражданское равноправие, так и страхом перед радикальными протестантами, стремившимися к полному искоренению католичества в Англии⁸⁹.

Роялизм английских католиков дорого им обошелся: в Лондоне и других местах, подконтрольных парламенту, их дома громили, лондонское правительство налагало на них тяжелые, разорительные штрафы и конфисковывало владения⁹⁰. Тем не менее, большинство католиков были верны Карлу I, но после его казни в январе 1649 г. и неудачной попытки принца Чарльза в 1650–

⁸⁶ Серегина А.Ю. Политическая мысль... С. 22, 25, 31, 40–43.

⁸⁷ Там же. С. 53–56; Серегина А.Ю. Английское католическое сообщество XVI–XVII вв.: виконты Монтегио. М.; СПб., 2017. С. 238–242.

⁸⁸ Там же. С. 239.

⁸⁹ Newman P.R. Roman Catholic Royalists: Papist Commanders under Charles I and Charles II, 1642–1660 // *British Catholic History*. 1981. Vol. 15. P. 395–405.

⁹⁰ Lindley K.L. The Part Played by Catholics // *Politics, Religion, and the Civil Wars* / Ed. by B. Manning. L., 1973. P. 126–176; Gregory E. Catholics during the English Revolution, 1642–1660. Woodbridge, 2021. P. 21–23.

1651 г. завоевать отцовский трон католики лишились надежд на возвращение Стюартов. В начале и середине 1650-х гг. многие из них вынуждены были присягнуть на верность лорду-протектору Оливеру Кромвелю⁹¹. Тем не менее, агитация роялистов не прекращалась: в 1655 г. было поднято восстание против правительства Кромвеля на западе Англии⁹². В этой ситуации английским дворянам-католикам, и не только, необходимо было решать, стоит ли поддерживать роялистов в их казавшемся безнадежным предприятии, рискуя при этом жизнью и положением семьи ради династии, представители которой так и не рискнули публично пообещать им равноправия.

В 1647 г., на завершающем этапе гражданской войны, группой католиков во главе с лордом Томасом Браденеллом и иезуитом Генри Мором вела переговоры с индепендентами Кромвеля с целью получить право исповедовать католичество и совершать мессу в частных домах в обмен на присягу на верность новому правительству. Индепенденты в своих предварительных условиях потребовали, чтобы католики согласились на полный запрет проповеди права папы Римского объявлять светских правителей смещенными с престола и освобождать подданных от присяги им, а также вытекающих из этого положения учений об убийстве правителя и об отказе от присяг и клятв, данных «еретикам»⁹³. Два последних положения католики приняли сразу, однако право папы объявлять государей лишенными власти было одной из важнейших тем католической политической мысли, обсуждение которой в XVI–XVII вв. позволило выявить несколько подходов.

Представление о том, что папа обладает всей полнотой власти, как викарий Христа, и потому может при необходимости

⁹¹ В годы гражданской войны и Протектората Кромвеля английские католики-дворяне, которых подозревали в роялистских симпатиях (т.е. их подавляющее большинство), приговаривались к конфискации недвижимого имущества. Чтобы избежать конфискации и получить право сохранить владения после выплаты крупного штрафа, зачастую равнявшегося годовому доходу с этих земель, глава семьи должен был произнести формулу отречения от власти папы и основных положений католического вероучения: См.: Gregory E. Catholics during the English Revolution... P. 112–114, 181–183.

⁹² Underdown D. Royalist Conspiracy in England, 1649–1660. New Haven, 1960. P. 149–165.

⁹³ Gillett C.P. Probabilism, Pluralism, and Papalism: Jesuit Allegiance Politics in the British Atlantic and Continental Europe, 1644–50 // Jesuit Intellectual and Physical exchange between England and Mainland Europe, c. 1580–1789 / Ed. by J.E. Kelly, H. Thomas. Leiden, 2019. P. 236, 240.

лишать власти светских правителей, к XVI в. стало уже анахронизмом, и его придерживались немногие даже в папской курии⁹⁴. Гораздо более распространенной была т.н. теория косвенной власти папы в светских делах, сформулированная в конце XVI в. иезуитом Роберто Беллармино и систематизированная его собратом по ордену Франсиско Суаресом. Этот подход к проблеме предполагал последовательное разграничение светской и духовной властей и подчеркивание их независимого происхождения и функционирования, а также и неравного их достоинства: духовная власть превосходила светскую в силу того, что конечная цель ее существования – спасение душ – неизмеримо важнее сохранения мирского благополучия подданных. Соответственно, папа как носитель высшей духовной власти, обязанный заботиться о спасении своей паствы, имел право вмешаться в действия светских государей – вплоть до объявления их лишенными власти – если считал, что эти действия несут угрозу верующим⁹⁵.

Это мнение, распространенное и принятое подавляющим большинством понтификов конца XVI–XVII вв., отнюдь не было единственно возможным: среди католических богословов оставались последователи канонистов и богословов – сторонников Соборного движения, которые четко разграничивали сферы применения духовной и светской властей и сопровождали возможное вмешательство папы в светские дела таким количеством оговорок, которое фактически сводило на нет его практическую применимость⁹⁶. Наконец, были и сторонники полного разграничения двух сфер и невмешательства папы в светские дела (их позиции были особенно сильны в галликанской Франции, но и среди английских католиков также находились ее приверженцы)⁹⁷.

Для английских католиков середины XVII в. рассуждения о власти папы и государей имели большое значение по двум причинам. Первая из них относилась именно к условиям, в которых находилось английское католическое сообщество в XVII в. На-

⁹⁴ Среди немногочисленных сторонников этой точки зрения в конце XVI в. были канонисты Томмазо Боцио, Алессандро Карреро, папа Сикст V и даже церковный историк Бароний.

⁹⁵ Tutino S. *Empire of Souls: Robert Bellarmine and the Christian Commonwealth*. Oxford, 2010. P. 9–49; Серегина А.Ю. Политическая мысль. С. 112–116, 133–140.

⁹⁶ К этой группе относился, например, иезуит Роберт Парсонс: См.: Серегина А.Ю. Политическая мысль... С. 140–145.

⁹⁷ Там же. С. 150–153.

чаяя с последних лет правления королевы Елизаветы, группы английских католиков (т.н. Апеллянты) пытались договориться с правительством об ограниченном режиме веротерпимости (разрешение католического богослужения в частных домах в обмен на присягу верности монарху)⁹⁸. Попытки таких переговоров будут предприниматься на протяжении всего столетия. В начале правления Якова I появилось и новое препятствие: после Порохового заговора в 1606 г. католикам предписывали по требованию властей приносить присягу на верность королю, среди положений которой было и требование признать еретической идею о том, что папа обладает правом объявлять государей лишенными власти (*deposing power* в терминологии английских правовых документов и памфлетов). Поскольку это представление разделялось многими папами, фактически от католиков требовали признать понтификов еретиками. Таким образом, вопрос о праве папы лишать государей власти оказывался тесно увязанным с вопросом о хотя бы ограниченной терпимости к католикам в Англии.

Во-вторых, введение присяги на верность в 1606 г., а точнее, присутствие в ней пункта о смещении государей, спровоцировало памфлетную войну общеевропейского масштаба. Сам король и ведущие английские богословы защищали формулировку присяги, а против нее выступили знаменитые католические богословы – кардинал Беллармино, Франсиско Суарес и др., не говоря уже о множестве английских католиков. Длилась полемика почти 20 лет (1606–1624)⁹⁹ и стала важным фактором развития политических дебатов в Англии, ведь в ходе полемики неоднократно обсуждались такие темы, как происхождение власти духовной и светской, формы последней, а также и ее пределы, роль подданных (=верующих) в определении границ юрисдикций обеих властей. Все эти темы вновь станут актуальными в ходе политического конфликта середины XVII в.

В 1647 г. английским католикам, пытавшимся договориться с индипендентами Кромвеля, вновь пришлось обратиться к во-

⁹⁸ Серегина А.Ю. Политическая мысль... С. 47–52.

⁹⁹ Questier M.C. *Loyalty, Religion and State Power in Early Modern England: English Romanism and the Jacobean Oath of Allegiance* // *Historical Journal*. Vol. 40. 1997. P. 311–329; Sommerville J.P. *Papalist Political Thought and the Controversy over the Jacobean Oath of Allegiance* // *Catholics and the «Protestant Nation»: Religious Politics and Identity in Early Modern England* / Ed. by E. Shagan. Manchester, 2005. P. 162–184; Tutino S. *Law and Conscience: Catholicism in Early Modern England, 1570–1625*. Aldershot, 2007. P. 132–193.

просу о власти папы в светских делах и *deposing power*. В принятом Брэдэнеллом, Мором и их сторонниками документе говорилось, что право папы объявлять светских государей лишенными власти, является лишь одним из мнений католических богословов и не обладает статусом положения вероучения, следовательно, католические священники в Англии не учат и не обязаны учить этому свою паству¹⁰⁰. Такой подход не был беспрецедентным: именно так истолковывали учение о *deposing power* некоторые английские участники полемики, например, бенедиктинец Томас Престон¹⁰¹. Комиссия богословов, собранная Римской курией в 1647 г. и состоявшая из иезуитов, согласилась с тем, что такая формулировка не содержит ничего, противоречащего вере. Однако папа Павел V отверг документ, тем самым сделав дальнейшее продолжение переговоров невозможным¹⁰².

Томас Уайт изначально поддерживал идею переговоров, однако он, как увидим далее, был гораздо более скептически настроен по отношению к идее вмешательства папы в светские дела и сделал выводы из провала переговоров. Когда спустя пару лет уже сам Уайт и его сторонники вели подобные переговоры с Кромвелем, они были готовы зайти гораздо дальше: апеллируя к галликанской традиции, они предполагали сделать английскую католическую церковь фактически независимой от Рима. Делами английских католиков должна была ведать коллегия епископов, а не папа, и эти епископы в светских делах подчинялись бы английскому правительству¹⁰³. Однако большинство английских католиков не было готово к полному разрыву связей с Римом, к которому могло привести такое решение.

Патрон Уайта, сэра Кенельма Дигби, вернувшийся в Англию из эмиграции в 1654 г., был сторонником урегулирования и примирения с Кромвелем. Неудивительно поэтому, что в 1655 г., посреди слухов о новом роялистском восстании, Уайт счел необходимым издать сочинение, в котором он рассуждал об отношениях подданных и правителя. И хотя в посвящении он оговаривал, что его труд – исключительно теоретический, не имеющий

¹⁰⁰ Gillett C.P. Probabilism, Pluralism, and Papalism... P. 243.

¹⁰¹ Сегегина А.Ю. Политическая мысль... С. 147–150.

¹⁰² Gillett C.P. Probabilism, Pluralism, and Papalism... P. 248–254.

¹⁰³ Tutino S. Thomas White and the Blackloists. P. 49–53; Collins J.R. Thomas Hobbes and the Blackloist Conspiracy of 1649 // The Historical Journal. 2002. Vol. 45. P. 305–331.

практического приложения¹⁰⁴, в нем рассматривались самые животрепещущие политические проблемы страны.

Отправным пунктом размышлений Уайта стал вопрос о происхождении и природе власти в обществе. Исходя из традиционного аристотелианского посыла о естественной социальности человека, Уайт при этом приводил и более негативную трактовку возникновения политической власти, неизбежно напоминающую читателю о «Левиафане» его друга Гоббса¹⁰⁵. Впрочем, Уайт не следует идеям Гоббса буквально. По его мнению, человек обладает свободой воли и способностью к рациональному мышлению, что позволяет ему определять личное благо и стремиться к нему¹⁰⁶. Однако преследование личного блага зачастую приводит людей к конфликтам, если их интересы пересекаются, и в конечном счете – к анархии¹⁰⁷. В отличие от Гоббса, подчеркивавшего, что именно стремление людей избежать насильственной смерти приводит их к учреждению властных институтов, Уайт добавлял и другие соображения: любовь (прежде всего, к семье и друзьям) и стремление к обмену продуктами, которых одному не хватает, а у другого в избытке¹⁰⁸.

Организация обмена требовала ограничения анархии и тем самым вела к возникновению идеи управления во имя общего блага членов сообщества: «Правление – власть или право направлять публичные дела множества, благодаря добровольному подчинению воле людей воле правителей, которым они доверяют на том основании, что те разумны и честны и станут управлять обществом мудро и благо, к наибольшей выгоде для народа»¹⁰⁹.

Уайт заключает, что высший правитель (Supreme Governour) – монарх или избранная ассамблея – обладает всей полнотой власти, а создавшие государство люди не сохранили за собой

¹⁰⁴ White T. The Grounds of Obedience. Epistle dedicatory... (unpaginated).

¹⁰⁵ Гоббс Т. Левиафан / Пер. с англ. яз. А. Гутермана. М., 2001. С. 85–111, 116–120.

¹⁰⁶ White T. The Grounds of Obedience... P. 5–6.

¹⁰⁷ Ibid. P. 38–39.

¹⁰⁸ Гоббс Т. Левиафан... С. 181–187; White T. The Grounds of Obedience... P. 45–46.

¹⁰⁹ Ibid. P. 47–48: “Government is, naturally, a power or right of directing the common affairs of a multitude by a voluntary submission of the communities wills to the will of the Governours; whom they trust, upon opinion that they are understanding and honest, and will administer the Commonalty by the rules of wisdom and goodnesse, as is most convenient and advantageous for the people”.

никакого права контролировать действия правителя и тем более ему сопротивляться¹¹⁰. Здесь Уайт спорит с английскими католическими полемистами, и, прежде всего, с Парсонсом¹¹¹. Оба они были согласны в том, что изначальная полнота власти находилась в руках народа (сообщества), однако Парсонс считал, что суверенитет народа сохраняется и после установления той или иной формы правления. Именно из этого принципа он выводил право народа противодействовать действиям правителя, если они противоречили общему благу. По словам Парсонса, «общество никогда не передает власть таким образом, чтобы полностью лишиться ее»¹¹². А власть, данная государю сообществом, является «властью делегированной, властью по поручению»¹¹³.

Уайт же объяснял, что врученная монарху суверенная власть необходима для общего блага; подданные не могут вмешиваться в политические решения потому, что не обладают необходимым для этого досугом – они занимаются делами, необходимыми для поддержания их благосостояния¹¹⁴. Не обладают они и знаниями, требуемыми для управления; их, не уточняя, Уайт именует «политической наукой»¹¹⁵. Именно поэтому им порой недоступно понимание происходящего на политической арене. Это объяснение выдержано вполне в стилистике XVII столетия, когда политика превратилась в отдельную сферу занятий, или набор навыков и умений, которые необходимо было постигать.

Неискушенным в политике действия правителя могут казаться опасными, хотя они на самом деле направлены на достижение общего блага: «Правителю поручено действовать во имя общего блага; причина поручения в том, что поручители, по их мнению, либо из-за неспособности, или в силу других занятий, не знают, в чем на самом деле состоит общее благо. Таким образом ониверяют ему больше, чем могут понять, так что он имеет власть действовать в соответствии со своим представлением, даже если оно противоречит их взглядам»¹¹⁶.

¹¹⁰ White T. The Grounds of Obedience... P. 48–53.

¹¹¹ Серегина А.Ю. Политическая мысль... С. 181–196.

¹¹² Doleman R. [Persons R.] A Conference about the next succession. Antwerp, 1594. Pt I. P. 72. Здесь и далее цит. по: Парсонс Р. Рассуждение... С. 159.

¹¹³ Там же. С. 159.

¹¹⁴ White T. The Grounds of Obedience... P. 87–90.

¹¹⁵ Ibid. P. 181: “the science of Politicks”.

¹¹⁶ Ibid. P. 88: “Hee is entrusted to doe for the common good: and the reason why hee is entrusted is, because the entrusters conceive themselves either trough

Последнее тем более верно, что, по определению Уайта, благо правителя и общее благо – одно и то же, ведь в интересах любого правительства – оставаться у власти, а, следовательно, заботиться о благе подданных¹¹⁷. Таким образом, у подданных нет ни права, ни причин вмешиваться в дела управления. Их неотъемлемым правом остается лишь частная жизнь – управление семьей и имуществом. Вмешательство в эту сферу Уайт однозначно определяет как тиранию и рабство, следуя за своими предшественниками – аристотелианцами XVI в.¹¹⁸

При этом Уайт отверг теории божественного происхождения власти (прежде всего, монархии), настаивая, что власть существует только ради общего блага, определяемого в светских понятиях, а не как обеспечение спасения души (в отличие от иезуитов XVI в. – Роберто Беллармино, Франсиско Суареса и Роберта Парсонса¹¹⁹). Возникает же правительство в любых его формах из «обещания» (или «контракта»), подразумевающего передачу ему функции управления от людей, окончательно и бесповоротно.

Цель существования правителя и управления – общее благо – определяет и ситуации, когда Уайт считает допустимым сопротивление, а точнее – свержение одного правителя/правительства и замена его другим. По мысли Уайта, сопротивление противоречит принципу верховного управления: если подданные признают кого-либо правителем, то передают ему всю полноту власти, не оставляя за собой права его ограничивать, или контролировать его действия. Следовательно, сопротивление на самом деле подразумевает разрушение старых отношений и создание новых, а поскольку правитель обязан защищать свою власть, оно может быть только насильственным¹²⁰.

Уайт несколько раз проговаривает, что свержение правителя допустимо только в тех случаях, когда его действия настолько явно противоречат общему благу, что это очевидно большинству

their incapacity or attendance to other imployments, ignorant of what is truly the common good. They entrust him, therefore, with more than they understand; and so his power is to proceed, according to his understanding, though it crosse theirs”.

¹¹⁷ White T. The Grounds of Obedience... P. 81.

¹¹⁸ Ibid. P. 65–66. Ср.: Парсонс Р. Рассуждение. С. 157: «Второе высказывание – о том, что мирские блага принадлежат государю – порождает не меньше нелепостей, чем предыдущее <...> подобное утверждение противоречит природе государства и делает подданных рабами».

¹¹⁹ Серегина А.Ю. Политическая мысль... С. 221–222.

¹²⁰ White T. The Grounds of Obedience... P. 110.

его подданных. Правда, его сочинение не указывает, каким образом можно было бы понять, что большинство придерживается такого мнения, и не оговаривает существование возможных арбитров. Напротив, Уайт приходит к выводу, что существование потенциальных арбитров – например, знатоков права – противоречит принципу полноты власти правителя, а, следовательно, у юристов не может быть таких полномочий и они не могут выступать судьями в споре правителя и подданных¹²¹. Таким образом, на практике оговариваемое Уайтом право на свержение правителя оказывается нереализуемым. Кроме того, он подчеркивает, что в тех ситуациях, когда свержение грешащего против общего блага правителя требует больших усилий и опасностей (например, кровопролития), подданные обязаны воздержаться от насильственных действий во имя того же общего блага: «Когда тирания правителя превосходит угрозу ущерба [от восстания], когда так случается, то, какими бы ни были материальные условия, подданный свободен. Если же нет, то подданный не должен восставать ни при каких обстоятельствах»¹²².

Несколько глав памфлета непосредственно посвящены злободневным проблемам Англии¹²³, хотя Уайт нигде прямо об этом не говорит и приводит рассуждения в самом общем виде. Здесь автор задается вопросом о том, как должны поступить подданные, если их законный и, в общем, совсем неплохой правитель свергнут и лишился власти. Должны ли они, рискуя жизнью и имуществом, пытаться вернуть к власти его или его законных наследников? Уайт прямо говорит, что даже если претендент на власть обладает законными правами (например, наследственными), его бывшие подданные не обязаны рисковать войной и разрушениями ради него и его семьи: «Лишившийся власти магистрат не имеет права быть восстановленным, а подданные обязаны не восстанавливать его власть, но противостоять ему»¹²⁴. Более того, если свергнутый правитель руководствуется принципом общего блага, как и подобает хорошему политику, он должен от-

¹²¹ White T. The Grounds of Obedience... P. 172–179.

¹²² Ibid. P. 114: “When evidently the tyranny of the Governour is greater then the mischief hazarded. Whenever this happeneth, bee the material conditions what they will, the subject is free: And if this bee not, whatsoever the circumstances bee, the subject ought not to stirre”.

¹²³ White T. The Grounds of Obedience... Grounds 14–19. P. 109–180.

¹²⁴ Ibid. P. 142: “A Magistrate actually dispossessed hath no right to be restored, nor the Subject any obligation to seek to restore, but oppose him”.

казаться от своих прав, так как реализовать их можно только путем большого насилия, противоречащего этому благу¹²⁵. Здесь прочитывается ответ на вопрос о том, как именно католики должны отнестись к притязаниям на власть в Англии принца Уэльского. По мнению Уайта, они не обязаны ему верностью и не должны воевать ради восстановления его на английском престоле.

Наконец, в одной из завершающих памфлет глав (XVII)¹²⁶ Уайт затрагивает еще одну болезненную для англичан середины XVII столетия тему: можно ли считать законной власть правителя, свергнувшего предшественника (т.е. узурпатора)? По мысли Уайта, если новый правитель сумел удержать власть и владеет ею мирно в течение как минимум пяти лет, то его можно считать действующим в интересах общего блага, а его власть – законной. Подданные обязаны подчинением такому правителю¹²⁷. Таким образом, Уайт говорит англичанам, прежде всего своим единоверцам: теперь наш правитель – Оливер Кромвель, и вы должны повиноваться ему.

Получивший образование в семинариях, преподавание в которых велось в соответствии с программами иезуитских школ, т.е. в широком русле аристотелианской традиции XVI–XVII вв., Уайт в своем труде демонстрирует несомненное влияние политических теорий эпохи поздней схоластики. Это проявляется в понимании им происхождения власти из стремления людей избежать первобытной анархии, в отсутствии идеи «золотого века», несвойственной английской католической мысли этого периода и в представлении о контрактной основе государственной власти¹²⁸.

Разрыв с традицией проявился в ряде важных особенностей сочинения Уайта. Одной из важнейших особенностей политической теории Уайта по сравнению с другими католическими авторами было его отрицание права римских понтификов объявлять светских государей смещенными с престола. Здесь отчетливо проявилось влияние Томаса Гоббса: именно он в главе XLII «Левиафана» подробно рассмотрел и опроверг учение о косвенной власти папы в светских делах, избрав в качестве мишени сочинения кардинала Беллармино¹²⁹. Как и многие англичане-протестан-

¹²⁵ White T. The Grounds of Obedience... P. 135–136.

¹²⁶ Ibid. Ground 17. P. 144–158.

¹²⁷ Ibid. P. 155–157.

¹²⁸ Серегина А.Ю. Политическая мысль... С. 180–186.

¹²⁹ Гоббс Т. Левиафан... С. 332–395.

ты, Гоббс изучал произведения Беллармино в Кембридже и внимательно следил за ходом полемики вокруг присяги католиков на верность королю Якову I. Конечно, до Гоббса с Беллармино и его последователями полемизировали десятки протестантов, в том числе англичан¹³⁰. Однако все они разделяли с Беллармино представление о существовании двух властей, духовной и светской, хотя и расходились с ним во мнениях о том, кому именно принадлежит первая из них, и какие последствия этот факт имеет для второй. Гоббс же опровергал сам принцип существования отдельной духовной власти церкви (и, следовательно, права папы как главы духовной власти), доказывая, что если папа и обладает какой-то политической властью, то точно такой же, как и у светских правителей¹³¹. Томас Уайт в своем сочинении не высказывает напрямую сходных идей. Однако, хотя его труд и адресован в первую очередь английским католикам, в нем совершенно отсутствуют упоминания духовной власти, а среди целей существования политической власти не упоминается спасение души подданных, что было свойственно другим политическим теориям, католическим и протестантским.

Из этой особенности труда Уайта вытекает и вторая: отказ от теории косвенной власти папы в светских делах подразумевал и отказ от связанных с ней теорий сопротивления светскому правителю. У полемистов XVI – первой половины XVII в. мы находим разные варианты таких учений. Чаще всего речь шла о сопротивлении (вплоть до свержения) монарху, которого церковь (папа) провозгласил еретиком. В данном случае церковь выступает в роли арбитра, решающего, способствует ли то или иное правительство спасению душ людей, или препятствует ему. Такой точки зрения придерживались иезуиты Роберто Беллармино и Франсиско Суарес, а среди английских католиков первой половины XVII в. – иезуиты Томас Фицгерберт и Джон Флойд, а также глава коллегии Дуэ и наставник Уайта Мэттью Келлисон¹³².

¹³⁰ В их числе были протестантские теологи Ланселот Эндриус, Роберт Берхилл, Уильям Тукер, Роберт Эббот, Уильям Барлоу, Джон Гордон, Ричард Томсон, Ричард Харрис, Сэмюэл Коллинз, Джордж Карлтон, Джон Бакеридж, Томас Мортон и др. См.: Серегина А.Ю. Политическая мысль... С. 66–67.

¹³¹ Rose M. *Hobbes contra Bellarmine* // *Journal of Moral Theology*. 2015. Vol. 4. P. 43–62; Springborg P. *Thomas Hobbes and Cardinal Bellarmine: Leviathan and the Ghost of the Roman Empire* // *History of Political Thought*. 1995. Vol. 16. P. 513–521.

¹³² Серегина А.Ю. Политическая мысль... С. 112–116, 133–140.

Другие возможности сопротивления правителю, которые католическая мысль рассматривала только в светском контексте – например, изложенное в трактате Роберта Парсонса «Рассуждение о наследовании английского престола» (1594, переиздания: 1648, 1655, 1681)¹³³ обоснование права светских магистратов (парламентариев или членов других ассамблей) решать, угрожают ли действия того или иного правителя общему благу¹³⁴ – Уайтом были явным образом отвергнуты в главе, где речь идет о невозможности для юристов (читай: парламентариев, ведь парламент есть и высший суд Англии) выносить подобные вердикты относительно правительства.

До сих пор содержание памфлета Томаса Уайта рассматривалось в отрыве от контекста политических дискуссий середины XVII в. в Англии. Однако детальный анализ текста и приведенной в памфлете аргументации выявляет два вопроса, разрешение которых сталкивает Уайта с его предшественниками: вопрос о происхождении власти и передачи суверенитета от народа к правителю и теория сопротивления, вернее, фактическое ее отсутствие. Примечательно, что именно эти темы – народный суверенитет и теория сопротивления – выделяли из ряда других сочинений трактат Роберта Парсонса. Особенности политических взглядов английского иезуита – его представление о том, что высшая власть сохраняется за политическим сообществом и вытекающее отсюда обоснование права на сопротивление монарху – делали его сочинение актуальным в середине XVII в., что обусловило переиздание его версий в 1648 и 1655 г. Версия трактата Парсонса, увидевшая свет в 1648 г., была издана сторонниками парламента как обоснование их права судить короля. Их оппоненты не преминули обвинить горящихся своим анти-католицизмом пуритан в заимствовании идей иезуита. Поэтому в издании 1655 г. было указано, что автор сочинения – католик. Вероятнее всего, целью этого упоминания и переиздания в целом было связать идеи Парсонса о допустимости сопротивления правительству (на этот раз – правительству лорда-протектора Кромвеля) с роялистским заговором, скомпрометировав тех роялистов, которые католиками не были¹³⁵. Памфлет Уайта опровергает именно доводы,

¹³³ Серегина А.Ю. Роберт Парсонс и его «Рассуждение о наследовании английского престола» // Парсонс Р. Рассуждение... С. 94–96.

¹³⁴ Там же. С. 62–63.

¹³⁵ Там же. С. 96.

изложенные у Парсонса. Представляется, что весь его текст – прямой ответ на версию сочинения Парсонса, изданную в 1655 г.

Как предполагал сам Уайт, после выхода «Основ подчинения», на него обрушилась яростная критика роялистов, а противники из числа католического духовенства начали искать в его философских произведениях признаки ереси, в чем ему впоследствии пришлось каяться¹³⁶. Но если нападки роялистов он предвидел и даже пытался отбить заранее, о чем свидетельствуют выпады в их адрес на страницах памфлета, то восстановление монархии в Англии всего через пять лет Уайт не предусмотрел. Отнесение блэкклоистов к еретикам затруднило для католиков возможность обращения к его текстам (по крайней мере, их цитирования), что, однако, не говорит о незначительности его наследия.

Памфлет Томаса Уайта «Основы подчинения» вновь оказался актуальным для католиков в конце XVII – начале XVIII в., когда династия Стюартов вновь была свергнута, а на английском престоле сидел «узурпатор» Вильгельм Оранский. Католикам пришлось опять задумываться о том, обязывает ли их верность старой династии к борьбе с новым правителем. В этом контексте идеи Уайта оказались настолько востребованы, что в 1700 г. его памфлет бы переиздан в Лондоне¹³⁷.

Во второй половине XVIII в. положение католиков в Британии претерпело существенные изменения. Они уже не подвергались преследованиям и могли исповедать свою веру, хотя публичные богослужения и были запрещены. В публичных дискуссиях конца XVIII в. речь шла уже о возвращении католикам гражданской правоспособности и уравнивании их в правах с протестантами. Камнем преткновения на этом пути оказался вопрос о власти папы над английскими католиками и ее потенциальном конфликте с властью национального правительства над ними как подданными британской короны. В ходе полемики 1780–1790-х гг. либеральные католики (Джеймс Беррингтон и др.) подчеркивали свои национальные корни, лояльность правительству и стремились

¹³⁶ Southgate B.C. «That Damned Booke»... P. 238–253.

¹³⁷ Tutino S. Thomas White and the Blackloists... P. 145; White T. Grounds of Obedience and Government / Printed and sold by A. Baldwin. L., 1700. Переиздание было опубликовано в типографии Абигаиль (или Энн) Болдуин, вдовы издателя Ричарда Болдуина, известного сторонника вигов и Вильгельма Оранского. См.: Plomer H.R. A Dictionary of the Booksellers and Printers, 1668–1725. L., 1922. P. 15–16; Lynch B. Baldwin, Richard // ODNB online. URL: <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/56526>.

к ограничению права пап вмешиваться в их дела (например, назначать епископов без согласия самих прихожан и консультаций с английским правительством)¹³⁸. Таким образом, сочинение Уайта во многом предвосхитило направление развития католической полемики в Англии XVIII в., когда его единоверцы стремились дистанцироваться от Рима и влиться в английское общество.

7.3. РЕЦЕПЦИЯ ПОЛЕМИКИ АНДРЕЯ КУРБСКОГО С ИВАНОМ ГРОЗНЫМ В XVII ВЕКЕ

Полемика между двумя крупнейшими интеллектуалами своего времени – князем А.М. Курбским и царем Иваном IV Васильевичем – традиционно привлекает внимание исследователей¹³⁹, в том числе и предметом самого спора. О чем именно спорили Курбский и Грозный, какова логика аргументации той и другой стороны – вопросы, на которые до сих пор находятся новые ответы¹⁴⁰. Можно согласиться с мнением Д.М. Буланина, что «спор Курбского с Грозным в значительной степени был беспредметным. Оппоненты исходили из одного и того же представления об идеальном самодержце, представления, ориентированного на совокупность византийских и иноземных образцов и примененного для раскрытия новой провиденциальной роли Московского царства. Спор сводился к тому, насколько Грозный соответствовал в прошлом и в настоящем аксиоматичной для обоих корреспондентов парадигме богоизбранного правителя»¹⁴¹.

¹³⁸ O'Day R. The Debate on the English Reformation... P. 70–71.

¹³⁹ Подробный обзор многообразия исследований представлен в словарных статьях: Лурье Я.С., Роменская О.Я. Иван IV Васильевич Грозный // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 1. Л., 1988. С. 371–384; Гладкий А.И., Цеханович А.А. Курбский Андрей Михайлович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. С. 494–503; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 3. СПб., 2012. С. 182–192, 236–246.

¹⁴⁰ Из последних специальных исследований вопроса необходимо назвать: Филюшкин А.И. Логика спора Ивана Грозного с Андреем Курбским // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 9. М., 1998. С. 236–263; Каравашкин А.В. Иван Грозный и Андрей Курбский: конфликт интерпретаций // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 1. С. 148–161.

¹⁴¹ Буланин Д.М. Политическая доктрина в афоризмах: малоизученные источники Первого послания Ивана Грозного Андрею Курбскому // *Die Welt der Slaven*. 2019. Bd. 64. Heft 1. S. 89–90. Разбор древнерусских представле-

В то же время оппоненты явно добавляют к идеальному образу поставленного Богом правителя собственные оценки, индивидуальный взгляд на те критерии, которым должен соответствовать государь в своих высказываниях и поступках.

Подойти к решению этой проблемы можно, обратив внимание на публицистическое воплощение таких значимых в христианской аксиологии категорий, как жертва и жертвенность, которыми царь и князь в равной степени оперировали. На первый взгляд, такое ограничение задачи предельно сужает проблематику исследования, однако оно может подвести и к обобщениям иного порядка. Жанровая специфика переписки способствовала появлению в древнерусской книжности «голоса жертвы», точки зрения пострадавшей стороны: оба автора преследуют, в сущности, одни и те же цели: доказать, что один пострадал от несправедливых действий другого, а также оспорить «порочную» аргументацию противника – по этой причине каждый текст преобразуется в скрытый диалог, вбирая в себя разноречивые аргументы.

Пальма первенства в споре принадлежит Курбскому: отталкиваясь от его аргументов, царь будет выстраивать собственную линию доказательств и опровержений. В первую очередь Курбский противопоставляет готовность к героической смерти за царя и отечество¹⁴² и насильственную мученическую смерть от руки несправедливого царя. В посланиях Грозному князь обвиняет его в убийстве невинных людей, впоследствии, по убеждению автора, ставших новомучениками. По сути, Курбский прибегает к житийной топике *imitatio Christi*¹⁴³, но с совершенно иными, чем создатели агиографических произведений, целями¹⁴⁴. Буквально с первых строк первого послания он обращается к Ивану Грозному: «Про что, царю, сильных в[о] Израили побил] еси и воевод, от Бога данных ти на враги твоя, различными смертми разторгнул еси, и победоносную святую кровь их во церкв[а]х [Божиях пр]олиал

ний о власти см. в не утратившей актуальности работе: Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Пг., 1916.

¹⁴² Явление, которое было широко распространено в воинской среде. Курбский был полководцем и говорил совсем не о гипотетическом страдании.

¹⁴³ Она подробно описана в работе: Руди Т.Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: исследования. Публикации. Polemica / Под ред. С.А. Семячко и Т.Р. Руди. СПб., 2005. Т. 1. С. 59–101.

¹⁴⁴ В еще большей степени этому подчинена его «История о великом князе Московском» (1570-е гг.), о которой пойдет речь ниже.

еси и мученическими кровьми праги церковныя обагрил еси и на доброхотных твоих, душа своя за тя полагающих, неслых[ованные от] века муки и смерти и гонения умыслил еси ...?»¹⁴⁵. Фраза «душа своя за тя полагающих» отсылает к евангельскому «болши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя» (Ин. 15:13). Курбский в соответствии со своей логикой отвергает жертву во имя несостоятельной личности государя – в один узел им связывается идеализация царя при проявлении Божественной воли в его поставлении и характеристика самой личности Ивана, обладающей или не обладающей соответствующими качествами. Практически вся дальнейшая аргументация Курбского будет основываться именно на нравственных критериях, апелляции к личным достоинствам и недостаткам государя.

Усиливая обвинения, Курбский включает в аргументацию собственную судьбу, пронизывая текст библейскими аллюзиями и призывая в свидетели чувства («совесть») и разум, составляющие неразрывное единство: «Кровь моя, яко вода пролита за тя, [вопиет на] тя Богу моему. Богъ – сердцам зритель – во уме моем прилежне смыслях и совесть мою сведетеля представлях, и исках, и зрех [смышленно] обращаая, и не свем себе, и не найдох в чем пред тобою виновата и согрешивша». Продолжая начальную мысль, Курбский не только пишет о себе как о потенциальной жертве Грозного-мучителя, но и напоминает царю о своих военных заслугах и ранениях – уже принесенной жертве во благо государя: «...паче же учащаем бых ранами от варварских рук в различных битвах. Сокрушенно же ранами все тело мое имею». Он упрекает Грозного, что тому нет дела до его подвигов и бесчисленных страданий: «И тебѣ, царю, вся сиа ни во что же бысть. Курбский подразумевает грех неблагодарности по отношению ко всем гонимым «правды ради», за который (в ряду прочих грехов) Грозного ждет отмщение: «Царю, не помышляй и не мудрствуй мыслями, аки уже погибших [и избивенных] от тебя неповинно, и заточенных, и прогнанных без правды. Не радуйся о сем, аки хваляся сим: разсеченыя тобою у престола [предстоят] Владычния отомщения на тя просят, заточенныя же и прогнанныя тобою без правды от земля Богу вопиют на тя день и ночь!»¹⁴⁶.

¹⁴⁵ Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI – начала XVII века / Подг. Б.Н. Морозов // Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987. С. 287.

¹⁴⁶ Первое послание Курбского... С. 288.

Бегство из страны и трактовка Курбским своих прошлых военных подвигов как страданий вызвали ответную иронию Грозного: «Се бо есть воля Господня – еже, благое творяще, пострадади. А аще праведен еси и благочестив, про что не изволил еси от мене, строптиваго владыки, страдади и венец жизни наследити?»¹⁴⁷. В ответ Курбский сформулировал различие между смертью за праведного царя, у которого «власть от Бога», и смертью по вине и желанию неправедного монарха, последнюю он приравнивает к самоубийству: «Аще ли же кто прелютаго ради гонения не бегает, аки бы сам себе убийца»¹⁴⁸. Курбский, отрицая измену, оправдывает свое бегство нежеланием совершить смертный грех самоубийства – дерзкая для своего времени мысль по отношению к царю. Для него важно доказать, что он, как и все «сильные во Израили», был готов пострадать за благое дело, – так князь демонстрирует соответствие собственных нравственных качеств христианской аксиологии. И наоборот, последовательно доказывая несоответствие личности царя христианским представлениям об идеальном самодержце, он убеждает читателя и самого себя в возможности противостояния Ивану IV, несмотря на то что он поставлен Богом.

Грозный отрицает это несоответствие и упрекает Курбского в проявлении гордыни евангельской фразой: «Иже есть высокость в человецех, мерзость пред Богом»¹⁴⁹ (ср.: Лк. 16:15). Считая князя недостойным высказываться по таким вопросам, он уходит от логического рассуждения и характеризует аргументацию оппонента как порождение дьявола: «...то еси писал и глаголал лжею, яко же отец твой диявол научил тя есть»¹⁵⁰. За подобными высказываниями стоит твердое убеждение Грозного в том, что власть дается Богом и любое сопротивление царю равнозначно отступничеству: «... яко противляйся власти Богу противится; аще убо кто Богу противится, – сей отступник именуется»¹⁵¹. Он хорошо понимал цели посланий Курбского и распознавал контекстуальный фон его аргументации, ему было выгоднее опровергать, иронизировать и издеваться над доводами

¹⁴⁷ Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. М., 1981. С. 14.

¹⁴⁸ Третье послание Курбского Ивану Грозному // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским... С. 108.

¹⁴⁹ Первое послание Ивана Грозного... С. 36.

¹⁵⁰ Там же. С. 25.

¹⁵¹ Там же. С. 14.

князя, неизменно апеллируя к идеям, выбранным из Священного писания. Для первого послания Грозного характерно намерение опровергнуть аргументацию изменника в специфическом для него «кусательном» стиле¹⁵². Грозный стремится вернуть трактовку действий Курбского к средневековому смирению подданного перед властью, не допуская и мысли о корректировке собственных действий как монарха. Царь «погружает» себя в биографический и риторический контекст «православного истинного христианского самодержавства, многими владычества владычащаго» и обличает Курбского как врага христианства, адресуя послание «...крестопреступнику честнаго и животворящаго креста Господня, и губителю хрестиянскому...»¹⁵³.

Грозный убежден, что царь в своем поведении должен соответствовать времени: «Како убо, по твоему безумному разуму, одинако быти царю, а не по настоящему времени?»¹⁵⁴. В частности, Иван Грозный соответствующим образом сопоставляет церковную власть и царскую, их различие диктует тип поведения и не может оцениваться в одном ключе: «Но ино убо еже свою душу спасти, ино же многими душами и телесы пещися; ино убо есть постническое пребывание, ино же во общем житии сожитие, ино же святительская власть, ино царское правление. <...> Се убо разумей разньство постничеству, и общежителству, и святительству, и царству. И аще убо царю се прилично: иже биющему в ланиту обратити другую?»¹⁵⁵. Общехристианский постулат о спасении через смирение оказывается несущественным для государя при исполнении им «царского правления». Правомерно поставить вопрос, не высказывает ли здесь Грозный идею о том, что на царя вообще не распространяется необходимость христианского смирения и т.п. ограничений¹⁵⁶.

¹⁵² О литературном стиле Грозного см. подробнее: Шмидт С.О. Заметки о языке посланий Ивана Грозного // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 256–265; Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный: теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. М., 1998. С. 225–235; Лихачев Д.С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского (царь и «государев изменник») // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским... С. 183–202.

¹⁵³ Первое послание Ивана Грозного... С. 13.

¹⁵⁴ Там же. С. 18.

¹⁵⁵ Там же. С. 24.

¹⁵⁶ О царской харизме, поведении Ивана Грозного и осмыслении им собственной личности существует обширная литература. См., например: Hunt P. Ivan IV's Personal Mythology of Kingship // Slavic Review. 1993. Vol. 52. № 4.

По мнению А.В. Каравашкина, «жертва царя, с точки зрения Грозного, состоит не только в том, что он принимает на себя ответственность за своих подданных и готов расплачиваться за грехи “мира” на Страшном суде, но и в том, что царь вольно или невольно должен нанести ущерб своей душе и, возможно, пожертвовать личным спасением “царствия ради”»¹⁵⁷. Вряд ли можно согласиться с тем, что Грозный видит предназначение царя в смирении и жертве¹⁵⁸. Необходимо различать активную и пассивную роли (мучителя и жертву), внутренние и внешние проявления жертвенности: Грозный убежден, что его окружают враги, и ему предназначено противостоять их угрозам, быть наказующей силой. В понимании собственных страданий как жертвенности он несколько удаляется от христианского ее понимания, о чем говорит сам, когда сопоставляет священство и царство. Если внутренне, в соответствии с небесной логикой, когда речь идет о спасении души, царь готов к жертвенности, то касательно действий правителя он предпочитает карать, а не смиряться.

Русский царь формулирует прогосударственный смысл готовности пострадать, заявляя Курбскому, что в их время нет мучеников за веру и страдания изменников – это не что иное, как наказание за преступление, при этом он разделяет внешнюю преданность и внутренние убеждения. Лживость внешнего поведения имеет результатом «казнь»: «...мучеников же в сие время за веру у нас нет¹⁵⁹; доброхотных же своих и душу за нас полагающих истинно, а не лестно, не языком глаголюще блага, а сердцем злая собирающе, не пред очима собирающе и похваляюще, а вне – расточяюще и укаряюще <...> мы того жалуем своим великим всяким жалованием; а еже обрящется в сопротивных, еже выше рехом, тот по своей вине и казнь приемлет»¹⁶⁰. Приведенные слова Грозного не соответствуют предложенной А.В. Каравашкиным концепции «мучителя» во имя царства, заключаю-

Р. 769–811; Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России: (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.

¹⁵⁷ Каравашкин А.В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М., 2000. С. 187–188.

¹⁵⁸ В то же время в первом послании Курбскому царь говорит о готовности пожертвовать собой: «На род же кристиянский мучительных сосудов не умышляем, но паче за них желаем противу всех враг их не токмо до крови, но и до смерти пострадати» – Первое послание Ивана Грозного... С. 46.

¹⁵⁹ О том же царь говорит выше: «Победоносные же святые крови в своей земле в нынечнее время ничья явленно, не вемы». См.: Там же. С. 26.

¹⁶⁰ Там же.

щейся в том, что царь хочет поспособствовать через наказание искуплению грехов своих подданных, в т.ч. их «самовольства»: «Богоизбранный государь получает особые права, он не только заботится о чистоте веры, но и должен сдерживать “самовольство”, становясь своеобразным исполнителем казней Божиих и главным защитником высшей справедливости. И здесь дело не в том, что царь должен обуздать чье-либо самоопределение, а в том, что он обязан направить его на стяжание жизни вечной»¹⁶¹.

Скорее, царь, будучи волен распоряжаться жизнями своих подданных, предпочитает не только видеть их готовыми пострадать за отечество, но и твердой рукой направить их на это под страхом наказания. Грозный спекулятивно искажает смысл угрозы Курбского о «вопяущей крови» за преступления, выстраивая логику страдания за «отечество» как обязательного долга: «И аще кровь твоя, пролитая от иноплеменных за нас, по твоему безумию, вопиет на нас к Богу, и еже убо не от нас пролитая, тем же убо смеху подлежит сия, еже убо от иного пролитая и на иного вопиет, паче же и должная отечеству сие совершил еси; аще бы сего не сотворил еси, то не бы еси был христианин, но варвар; и сие к нам неприлично»¹⁶². В идеологию Грозного вписывается идея жертвы за государство, в конечном счете за царя. Она не была новаторской, но изначально была связана с понятием «Русской земли»¹⁶³, корни которого нужно искать в родовом праве. Царь, осознавая или не осознавая, привносит в этот мотив личностный оттенок, используя местоимения: когда царь говорит «душу свою *за нас* полагают», он не всегда имеет в виду жертву во имя русской земли или государства – он имеет в виду самого себя не только как государя, но и как земного человека: «И тако ли душу свою за нас полагают, еже убо душу нашу желают от мира сего на всяк час во он век препустити?»¹⁶⁴.

Понимание истоков этих идей Грозного требует дополнительных изысканий, но так или иначе можно говорить об очередном этапе формирования государственной мифологии в России раннего Нового времени¹⁶⁵.

¹⁶¹ Каравашкин А.В. Русская средневековая публицистика... С. 182.

¹⁶² Первое послание Ивана Грозного... С. 42.

¹⁶³ См. об этом, в частности: Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М., 2018. С. 222.

¹⁶⁴ Первое послание Ивана Грозного... С. 29.

¹⁶⁵ Уже в XVIII в. жертва во имя отечества – распространенный языковой штамп, и эта государственная идея сохраняется едва ли не до XXI в. Типо-

В ответ на упреки Курбского в невнимании к его страданиям Грозный апеллирует к биографическому контексту и воссоздает картину личных страданий, особенно акцентируя детские переживания и объясняя свое спасение заступом высших сил, включая родовое благословение: «Кольми же паче наша кровь на вас вопиет к Богу, от вас самех пролитая: не ранами, ниже кровными потоки, но многими поты...»¹⁶⁶. Также царь обвиняет изменников в желании убить его сына: «И се ли убо доброхотны есте и души за мя полагаете, еже, подобно Ироду, ссушаго млеко младенца моего смертью пагубною хотесте света сего лишити, чюжаго же царя в царство ввести?»¹⁶⁷. Вспоминая царя Ирода, по евангельской легенде погубившего Вифлеемских младенцев с целью убиения Сына Божия, Грозный обвиняет противников в противодействии власти от Бога, стремлении к самозванству (ввести «чюжого царя» вместо законного «от Бога»). Во втором послании Курбскому Грозный продолжит тему бесчисленности собственных страданий: «Да много того. Что мне от вас бед, всего того не исписати»¹⁶⁸. Царь и сам словно требует сострадания к себе – язык описания собственных страданий схож с языком Курбского, несмотря на противоположность позиций.

В «Кратком отвещании на зело широкую епистолию князя великого Московского», являющемся своеобразным «литературным манифестом» писателя-западника¹⁶⁹, будет продолжена линия первого послания: Курбский, уповая на второе пришествие, верит в свое нахождение рядом со всеми мучениками и утверждает подлинное судилище, даже не действия, а совести: «...тогда, егда Христос приидет судити, и возглаголют со многим дерзно-

логически сходные концепции обнаруживаются в Западной Европе. См.: Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. 2-е изд., испр. / Пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серегиной. М., 2015. С. 340–342, 361–362, 370.

¹⁶⁶ Первое послание Ивана Грозного... С. 42. Комментаторы отмечают, что «ссылка на “слезы” и “поты” как на жертву, не менее дорогую, чем кровь, заимствована царем из “Просветителя” Иосифа Волоцкого». См.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским... С. 400.

¹⁶⁷ Первое послание Ивана Грозного... С. 25.

¹⁶⁸ Второе послание Ивана Грозного Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским... С. 104.

¹⁶⁹ Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 64–71; Лихачев Д.С. На пути к новому литературному сознанию (вторая половина XVI века) // Лихачев Д.С. Великий путь: Становление русской литературы XI–XVII вв. М., 1987. С. 181.

вением со мучащими или обидящими их, иде же, яко и сам веси, не будет лица приятия на суде оном, но каждому человеку правость сердечная и лукавство изьявляемо будет, вместо же свидетелей самага кождаго свойственно совести вопиющей и свидетельствующей»¹⁷⁰. По А.И. Филюшкину, фраза Курбского «смирившемуся уже до зела» содержит утверждение духовного подвига, превышающего царский подвиг: «князь противопоставляет свое смирение – несомненную добродетель – гордыне царя»¹⁷¹. По сути, речь идет о поиске Курбским в своей биографии духовных подвигов, дающих ему моральное право не подчиняться царю, оправдывающих измену и утверждающих его личное достоинство: «ко мне, человеку, смирившемуся уже до зела, в странстве, много оскорбленному и без правды изгнанному, аще и многогрешному, но очи сердечные и язык не неученный имущу...»¹⁷².

Таким образом, князь делает все возможное, чтобы доказать, что Иоанн IV не подлинный христианский царь и что он не достоин того, чтобы отдавать за него жизнь. Идеи Курбского будут развиты в объемном сочинении «История о великом князе Московском», где он назвал Грозного «новоявленным звѣрем»¹⁷³ и изобразил его через апокалиптический образ дракона – «внутреннего врага» христианства, сравнив его с «внѣшним врагом» Батыем: «...такое же и сей Михаил победоносец <...> сожжен ото внутренняго дракона церковнаго, губителя христианскаго»¹⁷⁴. Это подтверждает глубокое убеждение Курбского в высказываемых в посланиях царю мыслях. В «Истории», как и в третьем послании, Курбский характеризует род царя как «издавна кровопивственный»¹⁷⁵, а также формулирует концепцию «двух Иванов» (благочестивого и «развращенного»), показывая не только свое, но и всеобщее удивление перед катастрофической переменой, случившейся с царем с 1560-х гг.: «Зело аз о сем удивляюся и все сущие, имущие разум, наипаче же те, которые пред тем знали тя, когда в заповедех Господних пребывал еси <...>. А ныне во якую

¹⁷⁰ Второе послание Курбского... С. 102.

¹⁷¹ Филюшкин А.И. Андрей Михайлович Курбский: просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007. С. 306.

¹⁷² Второе послание Курбского... С. 101.

¹⁷³ Курбский А.М. История о делах великого князя московского / Изд. подг. К.Ю. Ерусалимский. М., 2015. С. 136.

¹⁷⁴ Там же. С. 150.

¹⁷⁵ Третье послание Курбского... С. 109.

бездну глупства и безумия развращения ради прискверных маньяков твоих совлечен еси и памяти здравы лишен!»¹⁷⁶. Курбский будет неоднократно призывать Грозного возвратиться к прежнему образу через покаяние и «разум»: «Помяни первые дни и возвратися. Поки нагою главою безстыдствуешь сопровтив Господа твоего? Або еще не час образумитися и покаяться, и возвратитися ко Христу?»¹⁷⁷. Грозный выступит принципиально против такого учительства: «Почто ж и учитель ми еси, душе моей и телу моему? Кто убо тя постави судию или владателя надо мною?»¹⁷⁸.

Неслучайно Курбский вводит в «Историю» традиционные образы «злого советника» – «сына дьявола» Вассиана Топоркова и «доброего» – Максима Грека, предсказавшего царю гибель сына, если тот не послушается его совета. Приближенный к царю интеллектуал считал важной тему праведного совета, и в этом случае он обращается ко вполне традиционному для Руси институту советников¹⁷⁹. Для Курбского характерна идеализация неких избранных советников, в отношении которых Грозный ведет себя неправедно¹⁸⁰: «Се таков наш царь был, поки любил около себя добрых и правду совѣтующих, а не презлых ласкателей, над них же губительнѣйшаго и горшаго во царстве ничто же может быти»¹⁸¹.

Трудно согласиться с утверждением А.В. Каравашкина, что, «будучи апологетом человеческой свободы, Курбский, тем не менее, создает образ самого несвободного и зависимого от внешних обстоятельств героя древнерусской литературы»¹⁸². Если обратиться к распространенной в древнерусской литературе топике и раннехристианскому мученическому контексту, к которому Курбский выстраивает прямые аллюзии, то можно проследить, что чаще всего мучитель активен в своих действиях, является действующим лицом, и Курбский продолжает эту традицию.

¹⁷⁶ Третье послание Курбского... С. 113.

¹⁷⁷ Там же. С. 115.

¹⁷⁸ Первое послание Ивана Грозного... С. 19.

¹⁷⁹ Шмидт С.О. К изучению «Истории» князя Курбского: (О поучении попа Сильвестра) // Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 339–347. О становлении самого института см. подробнее: Bogatyrev S. The Sovereign and His Counsellor: Ritualised Consultations in Muscovite Political Culture, 1350s–1570s. Helsinki, 2000.

¹⁸⁰ А.И. Филюшкин убедительно показал, что не стоит из этих слов выводить т.н. Избранную Раду: Филюшкин А.И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998.

¹⁸¹ Курбский А.М. История... С. 84.

¹⁸² Каравашкин А.В. Русская средневековая публицистика... С. 502.

Грозный выступает как активный субъект своей греховности, как правитель, пренебрегший узким путем покаяния и выбравший принесение жертв едва ли не самому дьяволу: «Но новый наш, не внѣшний, но воистинну внутренни дракон не болваном служити повелѣд, ани жертвы приносити им, но первые сам самага дьявола волю исполнил, возненавидев уский и прискорбный путь покоянием ко спасению приводящ, и потек с радостию по широкому и пространному пути, водящим в погибель...»¹⁸³. Курбский имеет в виду «пространный антихристов путь» мучителя, который по степени греха превосходит дела язычников. Поэтому нельзя сказать, что Курбский начисто лишает главного героя своей «Истории» внутреннего конфликта, наоборот, он постоянно обращается к внутреннему миру Грозного, апеллируя к его совести: «Собравшись со всем твоим воинством, за леса забившись, яко един хороняка и бегун, трепещеш и исчезаеш; никому же гонящу тя, токмо совесть твоя внутрь вопиюще на тя, обличающе за прескверные твои дела и бесчисленные крове»¹⁸⁴.

Акцентируя опасность власти «второго Ивана» для царства и всего народа, Курбский говорит о несоответствии личности Грозного христианскому образу идеального самодержца, но не о государе или государстве как таковых. Оба автора разделяют христианскую логику ответственности человека за грехи, однако «общие места» древнерусской книжности начинают использоваться в их творчестве в идеологических целях. Вряд ли придется иметь дело с искажением понимания жертвенного подвига, но авторов объединяет субъективность в обращении с категорией жертвы. Можно предположить, что иное, по сравнению с предшествующими эпохами, использование этой категории было связано с общим для XVI в. подъемом гуманистической мысли. А.И. Клибанов так скажет об этом: «Духовная история русского общества, выдвинув еще в первой половине XVI в. проблему самооценки человека, страстно дебатировавшуюся представителями всех общественных кругов, ее сторонниками и противниками, опережала ход социально-экономического развития страны»¹⁸⁵.

Специфика переходного времени заключается в том, что «земная» и «небесная» логика вступают в некоторое противоречие. Служение государю, хотя и связано с божественным замыс-

¹⁸³ Курбский А.М. История... С. 210, 212.

¹⁸⁴ Третье послание Курбского... С. 115.

¹⁸⁵ Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С. 278.

лом, все чаще оценивается в рамках земного существования. Если говорить о категории жертвы, то в соответствии с небесной логикой жертва связана с метафизической стороной жизни человека и как религиозный ритуал участвует в деле спасения его души. В свою очередь мирская логика постулирует необходимость жертвы под разного рода «идеологическими» предложениями.

Курбский нередко обращается к предательству Грозного в земном мире, однако предпочитает использовать религиозную логику в оценке несправедного поведения государя. Царь, как правило, дает собственную «камеру обскура», возвращая читателя к воле Бога, без которой ничего не происходит, а главный исполнитель воли – он сам, но в этом также проявляется спекулятивная мирская логика Грозного. Действительно, сочинения Ивана Грозного и Андрея Курбского вступают в область «конфликта интерпретаций»¹⁸⁶. Грозный, опровергая аргументацию Курбского, по-своему интерпретирует необходимость жертвовать во имя государства, если не профанируя идею жертвы за отечество, то сильно подрывая ее сакральный контекст тем, что невольно переводит высокую идею на политико-идеологический уровень, заставляя Курбского утвердиться в соответствующей оценке личности государя. Царь находит оправдание террору против «изменников» и для их уничтожения использует все доступные ему литературные приемы, опровергая аргументы Курбского и оборачивая его обвинения против него.

Логика Курбского в трактовке событий «приземлена» ровно в той же степени, что и логика Грозного, – и тот и другой стремятся выставить себя жертвами антихристианского, как им кажется, поведения другого. Причины подобных явлений, думается, нужно искать в исторической психологии того времени: эти тенденции, не являясь еще в полной мере «обмирщением», постепенно вели к нему посредством индивидуально-личностных стремлений доказать собственную правоту, в конечном счете соглашаясь принять новую, антропоцентричную логику спора, не смотря на укорененность в иной полемической традиции.

Рецепция полемики через «Историю» Курбского

«История о великом князе Московском» носит итоговый характер для понимания позиции Курбского в полемике с Иваном Грозным. Части «Истории», подчиненные разнородным задачам,

¹⁸⁶ Каравашкин А.В. Иван Грозный и Андрей Курбский...

ориентируются на разные жанры¹⁸⁷, объединенные целью создания¹⁸⁸. Если первая часть «Истории» в основном посвящена «первому Ивану», то вторая часть озаглавлена Курбским как «История новоизбиенных мучеников». Помимо того, что Курбский обращается к популярному в западноевропейской агиографии жанру мученического жития и создает своеобразный мартиролог¹⁸⁹, пишет своего рода «антижитие» Ивана Грозного¹⁹⁰, и оба эти приема работают на создание образа несправедливого правителя. Как автор Курбский берет на себя функцию судьи и подводит к идее о Страшном суде, на котором он будет очевидцем, а его «История» станет важным свидетельством его правоты, поскольку в ней перечислены многие грехи Грозного и обозначены его жертвы¹⁹¹.

«История», как и переписка, будет иметь широкое хождение в XVII–XVIII вв., став популярной у многочисленных читателей, которые в Сборниках Курбского, объединявших «Историю» и переписку князя с царем, вычитывали разные аргументы, нередко интерпретируя их по-своему. Редчайший случай особого читательского внимания переписчика обнаруживается на полях одного из Сборников Курбского XVIII в. К фразе «те последние мученики» в рукописи дана помета: «Когда тѣхъ хвалишь и мучениками называешь, для чево ж ты в чужое королевство ушел. Может быт чтоб и ты венець принял такой же, ажно называешся измѣник, а не мученикъ»¹⁹². К.Ю. Ерусалимский видит источник этого высказывания в Первом послании Грозного¹⁹³, но не стоит

¹⁸⁷ Большинство исследователей приходит к мнению о полижанровой природе памятника: Уваров К.А. Князь А.М. Курбский – писатель («История о великом князе Московском»); автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973; Лихачев Д.С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского. С. 207–211; Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 204.

¹⁸⁸ Ерусалимский К.Ю. Назначение «Истории» // Курбский А.М. История. С. 221–287.

¹⁸⁹ Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный... С. 182–204.

¹⁹⁰ Лихачев Д.С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского... С. 207–209.

¹⁹¹ Эсхатологические настроения присущи и раннему творчеству Курбского (например, переписке со старцем Вассианом Муромским), но особенно сильно они выразились в «Истории» и других поздних трудах (в частности, в предисловии к переводу из Иоанна Златоуста – «Новому Маргариту»). См.: Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный... С. 23–30.

¹⁹² ОР РГБ. Ф. 209. № 500. Л. 121 об.

¹⁹³ Ерусалимский К.Ю. Сборник Курбского... Т. 1. С. 98. Ср.: «Како же не стыдиши злодеев мученики нарицати, не разсуждая, за что кто страждет?». См.: Первое послание Ивана Грозного Курбскому... С. 18.

недооценивать значение индивидуального сознания переписчика, которому был внутренне близок ход рассуждений Грозного в определении разницы между мучениками и изменниками. Владелец сборника, известный коллекционер имперского времени А.И. Сулакадзев ответил на реплику следующим образом: «Да и ты Курбского бранишь, а попробоваль бы сам тутъ быть, такъ мы бы и увидѣли, терпеливъ ли бы остался, а то всегда легче говорить, нежели дѣлать»¹⁹⁴. Восприятие конфликта царя и князя, таким образом, все чаще разделяло общество на противников и сторонников той или иной стороны знаменитой полемики XVI в.

«История» Курбского представляет интерес для оценки роли полемики царя и князя в общем контексте времени, когда это объемное сочинение распространялось и переписывалось. В России массового хождения сразу после своего создания «История» не имела, будучи запретна для чтения, и изначально распространялась на территории Речи Посполитой. Ее переписывание в составе Сборников Курбского в России началось во второй половине XVII в. и было наиболее активным в 1750–1780-е гг.¹⁹⁵

К.Ю. Уваров относит появление «Истории» в рукописной традиции России к третьей четверти XVII в. и связывает его с деятельностью царя Алексея Михайловича, который, как сообщают материалы переговоров о мире между Россией и Швецией, находил «большое удовольствие в Истории Ивана Васильевича, в рассказах о его тирании»¹⁹⁶. Более того, в других материалах Стокгольмского государственного архива Уваров находит следующее свидетельство: «царь так увлекается чтением сочинений по истории Грозного и его войн, что наверное захочет идти по его стопам и всем пожертвовать для мести шведам и водворения в Ливонию»¹⁹⁷. Готовность царя Алексея Михайловича «всем пожертвовать», вероятно, являлась одним из основных возможных сценариев его военных решений. Архидиакон Павел Алеппский в своем обширном сочинении «Путешествие антиохийскаго патриарха Макария в Россию в половине XVII века» приводит слова Алексея Михайловича о желании освободить южнославянские народы, находящиеся в руках врагов веры: «Я принял на себя обязательство, что, если Богу будетъ угодно, я принесу въ жертву свое

¹⁹⁴ ОР РГБ. Ф. 209. № 500. Л. 121 об.

¹⁹⁵ Ерусалимский К.Ю. Сборник Курбского... Т. 1. С. 98–100.

¹⁹⁶ Цит. по: Уваров К.А. Князь А.М. Курбский – писатель... С. 9.

¹⁹⁷ Там же.

войско, казну и даже кровь свою для их избавления»¹⁹⁸. «Тишайший» царь был явно склонен к подобному направлению мысли, подсказанному ему опытом своего «грозного» предшественника: логика самодержца не останавливается ни перед чем ради достижения результата. Напрашивается вопрос: как Алексей Михайлович относился к общему идейному содержанию «Истории» Курбского – развенчанию Грозного как греховной личности и резким обвинениям в его адрес? Можно предположить, во-первых, что негативный пафос Курбского его мало интересовал, поскольку первая половина «Истории» посвящена концепции разумного, «неиспорченного» «первого Ивана», а также военным победам Москвы, во-вторых, на Руси было не так много исторических сочинений об этом периоде для того, чтобы пренебрегать трудом Курбского, пусть и оппозиционным.

Интерпретация сочинения Курбского уже при Алексее Михайловиче не могла быть однозначной. Со всей присущей «Истории» сложностью, судя по всему, воспринимал ее видный государственный деятель, начальник Посольского приказа, ближний боярин А.С. Матвеев, при котором особенно развернулась работа по созданию исторических книг для царя. Матвеев, по замечанию К.Ю. Уварова, не мог не быть знаком с «Историей» Курбского¹⁹⁹. Однако влияние Матвеева быстро сошло на нет после смерти царя, когда его судьба кардинально изменилась. Описанию его жизни была посвящена знаменитая «История о невинном заточении боярина А.С. Матвеева», автором-составителем которой, по последней версии, обоснованной В.И. Байдиным, мог быть приближенный к Матвееву и Петру I священник Великого Посольства И.Л. Поборский, возмужавший у Симеона Полоцкого²⁰⁰. Формирующийся в этом сочинении образ боярина оказывается близок с содержанием посланий Курбского царю. Сходство, например, обнаруживается в первой челобитной Матвеева царю 1677 г., причем прежде всего в концепции жертвенного служения государю. Общность произведений выражена в устойчивом вы-

¹⁹⁸ Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с араб. Г. Муркоса. Вып. 4. М., 1898. С. 171.

¹⁹⁹ Уваров К.А. Князь А.М. Курбский – писатель... С. 10.

²⁰⁰ Байдин В.И. Священник И.Л. Поборский – писатель первой трети XVIII столетия: к вопросу об авторстве «Истории о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева...» // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 3 (27). С. 195–237.

ражении «кровь моя как/яко вода»²⁰¹: «...работаль вамъ великимъ Государямъ на приступахъ и на бояхъ, въ скорыхъ и частыхъ посылкахъ и на пожарахъ, изувъченъ, и все тѣло и кости мои сокрушены, кровь моя какъ вода пролита за васъ Государей, и вопію ко Всесильному богу на тѣхъ, которые меня, холопа твоего, безъ всякія моя вина отъ милости твоей Государской отлучили, и посланъ въ заточеніе въ Пустозерскій острог, гдѣ гладомъ и тамошніе жители тають и скончаваются, а мнѣ, холопу твоему, глада жъ ради прежде времени душа изврещи»²⁰².

И.М. Кудрявцев также допускает «знакомство автора с сочинениями Андрея Курбского, с судьбой которого, может быть, сопоставлял Матвеев свою судьбу»²⁰³. Но говорить о тождественности не приходится – жанр челобитной отличается от жанра послания: если Курбский ведет диалог с царем с равных позиций и даже обвиняет его в несправедном поведении и своих страданиях, то Матвеев постоянно называет себя «холопом» и «вопиет» к Богу на тех, кто отлучил его от царской милости. В «Истории о невинном заточении» появляется такой распространенный в книжности оборот, как «последняя капля крови»²⁰⁴, не встречающийся в «Истории» и посланиях Курбского царю, однако повторяющий идею готовности пострадать по воле государя²⁰⁵: «за твое Государское повелѣніе должень и послѣднюю каплю крови своей источить, и въ томъ свидѣтельствуй Господемъ богомъ»²⁰⁶.

Подобные не столько текстологические, сколько типологические сопоставления тех или иных памятников с «Историей»

²⁰¹ Ср.: «Кровь моя, яко вода пролита за тя, вопіет на тя Богу моему. Богъ – сердцам зритель – во уме моем прилежно смышлях, и совесть мою свидетеля представлях, и исках, и зрех смышленно обращааяся, и не само себе, и не найдох в чем пред тобою виновата и согрешивша». См.: Первое послание Курбского... С. 288.

²⁰² История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева / Изд. Н. Новиковым. СПб., 1776. С. 67–68.

²⁰³ Кудрявцев И.М. «Издательская» деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 8. М., 1963. С. 179–244.

²⁰⁴ В современном русском языке этот фразеологизм чаще всего упоминается в варианте «до последней капли крови».

²⁰⁵ Ср. готовность Курбского пострадать в Первом послании Грозному: «...победоносную святую кровь их въ церквах Божіях пролиал еси, и мученическими кровями праги церковныя обагрил еси и на доброхотных твоих, душа своя за тя полагающих». См.: Первое послание Курбского... С. 287.

²⁰⁶ История о невинном заточении... С. 67.

Курбского значительно усложняют идейный контекст эпохи, в которую распространялись сочинения опального князя. Не лишним будет напомнить, что сосланный «западник» И.А. Хворостинин цитировал Первое послание Курбского царю²⁰⁷ в предисловии «К читателю» к стихотворному трактату «Изложение на еретики злохулники»²⁰⁸, в частности, призывая Бога в свидетели несчастья «безвинно страждуща»: «Богъ убо сердца моего зритель и всякому благодѣянію податель <...> Той бо вѣсть, коего злого гоненія не претерпѣхъ, коихъ напастей не претерпѣхъ, коего зла не возведоша на мя, коего лжееретичества и лжеизмѣнныхъ малодушствъ не приложиша ми»²⁰⁹.

Идейное содержание сочинений Курбского имело немало сторонников и противников в России уже в начале XVII в., и речь в данном случае идет не столько о пафосе противостояния власти, сколько об образе мысли образованных интеллектуалов того времени. Хворостинин, знакомый с судьбой Курбского и цитировавший его сочинения, не мог не сравнивать себя с ним и не проводить исторические аллюзии на времена Грозного; вероятно, он видел в Курбском своего сторонника, особенно по вопросам веры²¹⁰. Как отметил К.Ю. Ерусалимский, «первые читатели Сборника Курбского происходят из кругов российской аристократии и высшего духовенства»²¹¹, а в конце XVII – XVIII в. Сборник воспринимался как «другая история», «философская литература»²¹².

Показатель повышенного читательского внимания к «Истории» в XVII–XVIII вв. – появление нескольких редакций памят-

²⁰⁷ На рубеже XVI–XVII вв. Первое послание Курбского царю отличалось особенной популярностью среди прочих его сочинений, см. об этом: Ерусалимский К.Ю. Сборник Курбского... Т. 1. С. 84.

²⁰⁸ Буланин Д.М., Семенова Е.П. Хворостинин Иван Андреевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. СПб., 1998. С. 194.

²⁰⁹ Вновь открытые полемические сочинения XVII в. против еретиков / Савва В.И., Платонов С.Ф., Дружинин В.Г. // Летопись занятий Археологической комиссии за 1905 г. Вып. 18. СПб., 1907. С. 39.

²¹⁰ О контексте и собственно религиозно-богословских причинах наказания Хворостинина см.: Опарина Т.А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 144–155.

²¹¹ Ерусалимский К.Ю. Сборник Курбского... Т. 1. С. 20.

²¹² Там же. С. 97. 85. Кодикологический и текстологический анализ 85 сборников позволил К.Ю. Ерусалимскому уточнить этапы бытования Сборника Курбского в России XVII–XX вв. и предложить ряд версий популярности книги на разных отрезках времени. Им также высказано предположение о существовании созданного самим Курбским I извода Сборника.

ника. Исследователи расходятся в вопросе об их количестве, но наиболее устойчиво выделяются Полная, Компилятивная и Сокращенная редакции²¹³. Особый интерес представляет Компилятивная редакция «Истории», вместе с которой в сборниках появляется послание Максима Грека Ивану Грозному о небритии бороды, а также «Выпись о втором браке Василия III». Ю.Д. Рыков связывает создание этой редакции с интересом русского общества к опричнине Ивана Грозного и к бракоразводному процессу его отца²¹⁴, хотя и приводит далеко не противоречащую первой второй версии создания этой редакции в связи с расправой Петра I над восставшими стрельцами и насильственным заточением его первой жены Евдокии в Покровский Суздальский монастырь²¹⁵. По предположению Ерусалимского, протографом всей традиции Компилятивной повести является сборник Синодальный № 483 (ОР ГИМ. Синод. собр. № 483), составленный, скорее всего, Евфимием Чудовским. Авторитетный грекофил имел личные причины для неприязни к Петру I (книжник был в 1690 г. отстранен царем от должности после почти сорокалетней работы на Московском Печатном дворе). В.В. Калугин поддержал точку зрения Рыкова на причины создания Компилятивной редакции, предположив, что, «не рискуя открыто выразить протест, ее составитель прибег в завуалированной форме к исторической аналогии»²¹⁶.

Помимо вполне традиционного для православного книжника отношения к разводу и восприятия его как причины греховного поведения царя, Евфимия (или другого вероятного составителя данной редакции) могло объединять с Курбским осуждающее отношение к царю как к тирану, совершающему неоправданно жестокие казни²¹⁷. В подтверждение своей гипотезы Ерусалимский приводит любопытное высказывание из черновых конспек-

²¹³ Рыков Ю.Д. Редакции «Истории» князя Курбского // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971. С. 129–137.

²¹⁴ Сам Курбский писал об этом так: «Бо отец его Василей со оною предреченною законопреступною женою, юною сушею, сам стар будуще, искал чаровников презлых отовсюду, да помогут ему ко плодотворению, не хотяше властеля быти брата его по нем» – Курбский А.М. История... С. 150.

²¹⁵ Рыков Ю.Д. Редакции «Истории» князя Курбского... С. 134.

²¹⁶ Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный... С. 267–271.

²¹⁷ К.А. Уваров справедливо сравнивает трактовки этих событий Курбским и игуменом Корнилием – составителем враждебной великокняжескому роду Псковской третьей летописи, в которой, в частности, представлены обвинения Василию III за насильственное присоединение Пскова: Уваров К.А. Князь А.М. Курбский – писатель... С. 11–12.

тов сборника Синодального № 483, написанных рукой Евфимия: «...и возвратився во своя, живяше в царстве своем, всегда неприязненная дея, имяше убо у себе жены многы, их же овья пострижая, инья же поемля, объять бысть женонеистовством, и иная премногая пребеззаконная деяше, яже не меть есть глаголати»²¹⁸. Характеризуя ранний этап бытования Компильтивной повести, Ерусалимский обращает внимание на небольшое количество списков (в настоящее время их известно всего пять) и тот факт, что она переписывалась в кругах духовенства и, по-видимому, намеренно перекладывалась религиозными и прочими подобными текстами²¹⁹. Создание Компильтивной редакции духовенством может объясняться и внутрицерковными спорами «архаистов» и «новаторов» накануне Петровских преобразований²²⁰.

Ю.Д. Рыков связывает появление Сокращенной редакции «Истории» с возрастанием интереса к прошлому и проблемой популяризации исторических знаний в XVIII в.²²¹ К.Ю. Ерусалимский характеризует эту редакцию как «пример “лояльного” переложения Сборника Курбского»: переписчик устранил из текста обличения царя и богословские отрывки, при этом «апологетические выступления Курбского относительно светских и духовных мучеников сокращены или полностью устранены»²²². За счет этого сочинение Курбского значительно упрощалось и становилось своего рода беллетризованным, но от этого более массовым чтением. Справедливости ради нужно напомнить, что большинство переработок «Истории» осуществлялось практически одновременно представителями разных социальных групп, и в контексте активного книгопечатания рукописные сборники оставались предельно сложным и самостоятельным явлением российского литературного процесса переходного времени²²³.

Одна из важнейших для Курбского тем – тема защиты православия, и адресаты его сочинений в Речи Посполитой – право-

²¹⁸ Цит. по: Ерусалимский К.Ю. Сборник Курбского... Т. 1. С. 141.

²¹⁹ Там же. С. 142.

²²⁰ О многообразии сторон и участников внутрицерковных споров конца XVII века см. подробнее: Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М., 2004. С. 7–34.

²²¹ Рыков Ю.Д. Редакции «Истории» князя Курбского... С. 137.

²²² Ерусалимский К.Ю. Сборник Курбского... Т. 1. С. 149.

²²³ Ср. схожие наблюдения над рукописными четвыми сборниками XVII–XVIII вв.: Фокина О.Н. Эволюция древнерусского четвего сборника как народной книги в историко-литературном контексте XVII–XVIII вв.: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2009.

славные верующие²²⁴. Князь, несомненно, был апологетом православия, отдельные места «Истории» выстраивались им как богословская полемика²²⁵ (отчасти отсюда в ней возникает тема внутренних и внешних врагов православия). В то же время описания Казанских походов и победа христианской веры расценивались особым образом уже А.И. Лызловым, историком второй половины XVII в., который цитирует Курбского в «Скифской истории», обращая внимание на противостояние христиан и мусульман²²⁶.

Вопросы чистоты веры и соответствия царя христианским представлениям о земной власти волновали Курбского, что отразилось в многочисленных библейских цитатах и аллюзиях, но чаще всего (за исключением духовенства) мало заботили его читателей конца XVII – начала XVIII в., видевших в «Истории» исторический трактат или источник для аналогий с современностью. Интерес к тирании и «непарадной» стороне жизни Ивана Грозного в это время также был довольно устойчивым. Яркий пример – знакомство со Сборником фаворита Софьи Алексеевны В.В. Голицына, в книгописной мастерской которого накануне Чигиринского похода книжники присоединили к «Истории» другие тираноборческие тексты: переводы частей «Хроники Сарматии Европейской» А. Гваньини, повести из «Хроники польской, литовской, жмойтской и всея Руси» М. Стрыйковского, – сделал таким образом акцент на зверствах царя²²⁷.

С учетом распространения Сборника может быть продолжена высказанная В.В. Калугиным мысль: «Под его [Курбского] пером наметилось превращение жития в историко-биографическое повествование, прославляющее мучеников не столько рели-

²²⁴ Андреев В.В. Очерк деятельности князя А.М. Курбского на защиту православия в Литве и на Волыни. [М.], 1873.

²²⁵ Не был чужд подобной полемики и Иван Грозный, упрекавший Стефана Батория в распространении в Речи Посполитой ислама: «...вера латынская полухристианство, а паны твои веруют иконоборную ересь лоторскую. А ныне слышим, что в твоей земли арианская вера начинается явно, а где арианская вера, тут и Христово имя не вмещается...». См.: Неизвестный памятник древнерусской литературы: «Грамота государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии к Степану, королю польскому» / Подгот. Д.К. Уо // Археографический ежегодник за 1971 г. М., 1972. С. 360.

²²⁶ Чистякова Е.В. «Скифская история» А.И. Лызлова и труды польских историков XVI–XVII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 348–357.

²²⁷ Богданов А.П. Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001. С. 117–118.

гиозной, сколько политической идеи»²²⁸. Агиографическая скорее по установке, чем по жанру, «История» Курбского в памятниках последующей литературной традиции практически не воспринималась как глубоко религиозное сочинение, скорее наоборот: XVII и XVIII вв. были склонны в определенной степени модернизировать «Историю» и несколько упрощать авторский замысел. Таким образом, двойственный и динамический характер самих оснований спора царя и князя (взаимодействие мирской и небесной логики) к этому времени принимается как должное и даже нивелируется среди отдельных категорий читателей.

Новое время актуализирует в замысле Курбского преимущественно те идеи и образы, которыми «История» качественно отличалась от предшествующей книжной традиции: среди них образы тирана и его жертв, тема вынужденных страданий в противовес добровольной готовности пострадать за отечество. В то же время тема мученичества за веру убитых Грозным людей находит среди владельцев и переписчиков Сборников Курбского как сторонников, так и противников. Нравственно-религиозные смыслы, заложенные Курбским, так или иначе отходят на второй план, а на первый план выходит рациональный исторический аспект упрощаемого сложного повествования Курбского, воспринимаемый как близкая аналогия для вольнодумцев, в т.ч. для читателей, которые, подобно Курбскому, воспринимали себя пострадавшей стороной – жертвами власти. Главным приемом, позволившим донести эту динамически развивающуюся идею до читателей разного времени, становятся общие места и вариативные аллюзии к библейским текстам, агиографическим сочинениям в сочетании с историческими коллизиями и героями.

Таким образом, спор Андрея Курбского и Ивана Грозного повлиял на активное формирование в отношении земной власти не столько готовых «идеальных» критериев соответствия правителя божественному замыслу, сколько индивидуально осмысленных нравственных критериев. Интеллектуалы переходной эпохи в дальнейшей рецепции полемики Курбского и Грозного все чаще обсуждали личное достоинство правителя, за которого присягали пожертвовать жизнью, а значит, все чаще ставили вопрос о собственном выборе и гражданской позиции. Для Курбского победа в споре была своего рода «делом чести», утверждением своего достоинства. Эта позиция, имеющая предельно антропоцен-

²²⁸ Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный... С. 204.

тричное обоснование, все чаще формировалась под одновременным воздействием двух систем координат: обе стороны полемики выстраивали аргументацию в религиозных категориях, постоянно обращаясь к волновавшему их земному бытию.

7.4. САКРАЛЬНОСТЬ ВЛАСТИ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА В БАРОЧНЫХ ТЕКСТАХ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Феномен сакральности светской власти, закрепивший формы и процессы сакрализации – овеществление и институализацию сакрального в социуме – исследуется в истории религии и политики, антропологии и истории культуры, социологии и философии с начала XX в. Возникновение данной предметности в сопоставительных исследованиях различных религий связывают с работами Натана Зёдерблома (Nathan Söderblom, 1913), который ввел различие *сакральное* (holy, consecrated) и *профанное* для характеристики любых проявлений религиозной жизни²²⁹. В отечественной научной литературе понятие *сакральное* («священное», «святое») относят к «мировоззренческим категориям»; его смысл определен неким уникальным «свойством», которое сообщает «объекту», им обладающему, сверхзначимость, «непреходящую ценность, и на этом основании требует благоговейного к нему отношения»²³⁰. Дискурсивный характер работы с феноменом сакральности позволяет различить множественность его значений в культуре, способствующих его сохранению или трансформации: в частности, в религиозных, властных, личных отношениях. Другая сторона разработки проблемы связана с анализом локализации сакральности в обществе и с разработкой механизмов ее функционирования, что позволяет понять роль феномена сакральности в событиях, относящихся к религии и власти, а также состояниях и статусах тех, кто включен в эти события. Если французские исследователи находили объяснения феномену сакрального в отношениях человека и социума на религиозной почве (Э. Дюркгейм «Элементарные формы религиозной жизни», 1912; Р. Кайуа «Человек и сакральное», 1939), то немецкая мета-

²²⁹ Sacred // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/sacred#ref66481>

²³⁰ Забияко А.П. Сакральное // Новая философская энциклопедия. М., 2001 Т. 3. С. 482–483.

физическая традиция апеллирует к состояниям сознания человека (Р. Отто). Оба аспекта имеют значение для данной темы.

Сакральность светской власти стала ведущей историко-политической темой после книги М. Блока «Короли-чудотворцы» (1923), которая открыла область исследований конкретно-исторических феноменов сакральности высшей политической власти, их влияния в истории ментальностей. Важно, что в аутентичном своему времени тексте феномен сакральности власти (царя, короля, его использования двойниками-самозванцами) проявляет себя в зависимости от исторического контекста разными способами. Отдельного внимания требует вопрос о текстовом закреплении феномена сакральности, которое позволяет проследить складывание его текстово-контекстной модели. Разумеется, самый первый текст сакрализации власти определен ритуалом поставления во власть будущего властного лица. Текст как репрезентация слова/дела выступает способом стабилизации самого феномена сакральности власти в культурно-политическом контексте, что особенно востребовано в «эпохах перехода».

В русской истории таким временем был XVII в. Нельзя не согласиться с наблюдением исследователей, которые отмечают, что в новых видах деятельности этого времени артикулирование «мысли/смыслов», роль интеллектуальных практик резко возрастает: «Слово становится точкой приложения сил и раскрытия творческого потенциала литературно одаренных мастеров»²³¹. Слово на переломе эпох обретает силу в *действиях* того, к кому оно обращено или о ком оно говорит. И тогда само слово о святости и божественности царской власти способствует собиранию и наращиванию смыслов в действиях сакральной персоны.

Феномен сакральности власти светского правителя в русском Средневековье и раннем Новом времени стал предметом семиотического исследования В.М. Живова и Б.А. Успенского²³². Его результаты были затем расширены и фундированы подробным анализом ритуалов поставления глав государства и церкви²³³. В этих работах процесс сакрализации рассмотрен в связи

²³¹ Репина Л.П., Высокова В.В. Идеи и ценности в эпоху перемен // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 6.

²³² Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культур и проблемы переводимости. М., 1987. С. 47–153.

²³³ Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1988.

с усвоением русской культурой византийских образцов при поставлении царя, что и свидетельствовало о сакральности его фигуры и заставляло воспринимать события его правления как знаки участия в них Божественного провидения.

Сакральность власти на русской почве стала разрабатываться и как литературный текст, используемый в придворных церемониях. Такие книги подносились лицу, которому они посвящались, как правило, это был царь или его наследник. В них прославлялась связь царской персоны с Богом, успехи в его государственных делах, военные победы, защита царства. Метафоричность и многозначность барочных риторически организованных текстов, иным образом и много позже, чем это происходило в Европе, осваивались русской культурой и постепенно завоевывали пространство дворцовой жизни Московского Кремля при царе Алексее Михайловиче, наращивая смыслы, закрепляясь и множась в текстуальном оформлении сакральной фигуры царя и его семьи. Инаковость в сравнении с Европой объясняется тем, что в России культура барокко, как писал Живов, «не есть результат органического культурного развития, но возникает <...> как один из важнейших моментов европеизации или западного влияния»²³⁴. Кроме того, барокко включало и те культурные феномены, которые Европейские дворы освоили еще в эпоху Ренессанса.

О барочных текстах, созданных рукой иеромонаха Симеона Полоцкого и представляющих словесно выраженный феномен сакральности власти царя Алексея Михайловича и его наследника, царя Федора Алексеевича, а также об их месте в трансформировавшейся древнерусской книжной культуре второй половины XVII в. и будет идти речь далее.

Знакомству Симеона (монашеское имя Самуила Гавриловича Петровского-Ситняновича, учителя Богоявленского монастыря белорусского города Полоцка, находившегося под властью Речи Посполитой) с русским царем Алексеем Михайловичем способствовала военная ситуация 1656 г. Царь с Государевым полком, «в который вошла почти половина всех войск, направленных против шведов», по совету патриарха Никона, направлялся на Ригу²³⁵.

²³⁴ Живов В.М. К типологии барокко в русской литературе XVII – начала XVIII в. // Человек в культуре русского барокко. Сб. статей / Отв. ред. М.С. Киселева. М., 2007. С. 11.

²³⁵ Курбатов О.А. Рижский поход царя Алексея Михайловича 1656 г.: Проблемы и перспективы исследования // Проблемы социальной и политической истории России / Ред. Р.Г. Пихоя. М., 2009. С. 85.

Шведская корона крепла и угрожала восточноевропейским государствам; Московское царство воевало со шведами за территории, заявляя свои интересы. Современный исследователь, во многом пересмотрев пораженческую оценку шведского похода 1656 г., когда царь снял осаду и отступил от Риги, сделал такой вывод: «Государев поход уже в июле 1656 г. превратился в грандиозную демонстрацию силы, на фоне которой велись активные переговоры с поляками, Бранденбургом, Курляндией, Данией и т.п.»²³⁶. В Европе к тому времени развивались кризисные события, эпидемия чумы и страшного мора особенно поразила Италию. Европейские газеты того времени сообщали о походе московского царя, переводя и печатая новости из московских вестей-курантов²³⁷ вместе с известиями об ужасах распространения чумной болезни и в Московии.

На пути в Ригу и обратно царь прошел через Полоцк, присоединив его к своим самодержавным владениям. Дважды Симеон со своими учениками приветствовал его в Богоявленском монастыре города. Эти первые панегирики, как представляется, произвели должное впечатление на царя: поэт представил царя Солнцем, Орлом и хранителем православной веры в ярких метафорических образах барочной декламации. Разумеется, царь не был знаком с риторическими приемами прославления царской власти, и тем более с поэтическими эффектами сакрализации власти, широко распространенными в европейских монарших дворцах.

В декламации, сохранившейся под названием «Метры», Симеон, прославляя русского царя, соединил воедино три главных концепта, составляющих суть деяний царя. Власть, вера и война слились в царском образе. Демонстрируя их очевидную связь и найдя для ее выражения необходимые слова в трехчастной форме панегирических приветствий 12 отроками-учениками, Симеон выразил свое преклонение перед сакральной персоной царя. Публикатор текста декламации обращает внимание: «примерно половина “Метров” из рукописи <...> не принадлежит Симеону Полоцкому и почти буквально копирует “декламацию” “Просфониму”, изданную во Львове в 1591 г. Симеон Полоцкий ограничился заменой имени митрополита Михаила Рогозы (“Просфонима” посвящена ему) на имя царя Алексея Михайловича и некото-

²³⁶ Курбатов О.А. Рижский поход царя Алексея Михайловича... С. 86.

²³⁷ Вести-Куранты: 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. М., 1996. С. 108, 115.

рыми другими незначительными изменениями текста)²³⁸. Иными словами, текст, созданный для прославления власти духовной, был адресован светской властвующей персоне. Харизма власти духовной и власти светской выражались одними и теми же концептами в барочной поэзии, как далее станет ясно, а копирование и заимствование были «литературной» нормой того времени.

При первой встрече с царем 5 июля 1656 г. (дата стоит в конце всего текста) каждый из отроков говорил по одному панегирическому двустушию из «Метров» во славу царя «восточного» (не географическое, а сакральное определение), желая расширить православную веру «во всех краях». В «Рифмах первых» царь-освободитель «свобождает» от врага не только земли, но и церкви: «отчыный Полоцьк», отданный царю под руку Москвы, назывался «твоим градом», «благочестием» просвещенным. Власть в тексте обретала метафорические смыслы в устойчивых концептах барочной риторики – *светом и солнцем*, которые составляли традиционно основу сакральной символики в подобных текстах. Свет – от веры, царь – гарант ее сохранения и защиты: народы всей России, куда входит и «Белая з Малою», светом веры «просветитися» под царственной рукою²³⁹.

В «Рифмы вторые» Симеон включил также широко распространенные еще в средневековых текстах сравнение царя с историческими фигурами власти: царь как император Константин, но теперь в «новом Рыме»; вождь, Богом данный, защитник всех христиан. Его назначение как воина – противопоставить тьме вражьих напастей свет победы; а как спасителя истинной веры – проложить пути ко Христу как пути к Солнцу и включить в это праведное движение жителей Полоцка, и всей Белой Руси.

В заключительных двустрочных «Рифмах третьих» все выказанные ранее эпитеты и метафоры расширились до сложной концептной конструкции. Царь обретал сакральную солнечность и сам отождествлялся с *Солнцем*, которым «просветлилась» Русь.

²³⁸ Прашкович Н.И. Из ранних декламаций Симеона Полоцкого («Метры» и «Диалог краткий») // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 29, 33. Данная публикация осуществлена по рукописи: РГАДА. Ф. 381. № 1800. Известны еще две рукописи: ГИМ. Синод. собр. № 731; РГБ. Ф. 299 (Собр. Н.С. Тихонравова). № 249. См.: Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006. С. 51, прим. 9. Полный текст «Метров». URL: [https://wikilivres.ru/Метры_на_пришествие_\(Симеон_Полоцкий\)](https://wikilivres.ru/Метры_на_пришествие_(Симеон_Полоцкий))

²³⁹ Прашкович Н.И. Из ранних декламаций Симеона Полоцкого. С. 32. Далее в цитатах из этой работы в тексте указывается автор и страница в скобках.

«Око царево» – солнце, от его света люди как от круга солнца «просвещаются». Симеон поэтически «сконструировал» небесный свод, в котором солнце выше всех планет и превосходит луну. Солнце, как и луна, – распространенные метафоры барочной поэзии, находившие себя в разных контекстах творчества поэта.

Симеон сосредоточен на прославлении царя-солнца, который рассеивает тьму и верой просветляет людей, дотягиваясь до каждого солнечными лучами. *Единственное* Солнце на небе связано аллегорическим переходом с земным «восточным миром», где правит *единственный* царь Алексей Михайлович.

И, наконец, образ царя воплощен в метафоре *Орла*²⁴⁰. Барочный концепт царской власти Орел визуализирует в государственной геральдике, о чем далее еще будет идти речь. В его образе скрыт важный аллегорический смысл властной задачи царя:

Орлом цар ест, бо яко орел свое дети
На слонце, так на Христа всех учит смотрети. (Прашкович, 34)

Разъяснение смысла связано с книжной традицией:

Орля, кгда в слонце не зрит, то орел загубит.
Кто на Христа не смотрит, наш орел не любит. (Прашкович, 37)

В Бестиариях с отсылкой к Аристотелю сообщается, что орел может смотреть, не мигая, на солнце и обучает этому своих орлят. Тех же, кто отворачивается от солнечного света, сбрасывает на землю²⁴¹. Теперь солнце представляет Христа. Царь же, отвечая за своих поданных, заставляет их «смотреть» на Христа, подражая ему в собственной жизни. «Солнечное послушание» и привитие его своим поданным есть удел венценосного царя.

Панегирик произвел впечатление на царя. Возвращаясь после неудачи осады Риги в октябре того же года, царь остановился в Полоцке и вновь его приветствовал Симеон с учениками. Стоит задуматься не только о первом впечатлении царя от выслушанного в свой адрес панегирического приветствия, но и о содержании этого церемониального акта, а также его влиянии на окружение

²⁴⁰ Образ Орла имеет источник из Псалтыри: «Обновится, яко орля, юность твоя» (Пс 102:5). Эта цитата используется в тексте Симеона «Похвала царю Алексею Михайловичу в день его ангела» (текстологический анализ и сравнение его с «Орлом Российским» см.: Сазонова Л.И. Литературная культура России. С. 727–731).

²⁴¹ «Морской орел обладает наиболее острым зрением и принуждает детей, когда они еще без перьев, смотреть на солнце, а не желающего бьет и поворачивает, и у кого глаза раньше начинают слезиться, того убивает, другого же выкармливает» – Arist. *Historia animalium*, 620a1-5 Bekker.

царствующей персоны. В декламации именно царь именовался спасителем православной веры, «свободителем» земель Белой Руси и славного города Полоцка. В перспективе тех проблем, которые встанут перед Алексеем Михайловичем по возвращении в Москву, когда возмужавший царь и патриарх-реформатор столкнутся в вопросе о пределах власти светской и церковной, фигура не занятого государственными интригами книжника, богослова и поэта, возможно, будет вспоминаться Алексеем Михайловичем.

Рассуждение о сакральности царской власти предполагает обращение к той реальной истории, драматическое развитие которой в царствование Алексея Михайловича вылилось в открытое противостояние двух значимых сакральных фигур – царя и патриарха. Церемония поставления на царство Алексея Михайловича происходила 28 сентября 1645 года в Успенском соборе Москвы по Чину венчания, впервые разработанному при поставлении на царство Ивана IV (16 января 1547 г.)²⁴². По чину сакральное действие завершалось литургией. Ее служил патриарх Иосиф, совершив таинство миропомазания и причащения, которое и придало шестнадцатилетнему царю Алексею Михайловичу, первому наследнику новой династии Романовых, его царской власти и его будущим деяниям сакральный характер, сблизив его самой процедурой с духовной властью.

Б.А. Успенский, исследуя проблему поставления царя и патриарха в Византии, церемонию коронации в европейских государствах и в Московском царстве, показал, что византийский образец коронационного чина, когда Византия давно пала и живые контакты стали невозможны, а именно этому образцу следовали в Москве, был трансформирован, ибо осуществлялся при поставлении на Царство как обряд второго таинства миропомазания, совершаемого патриархом. Результат заимствования чина поставления и его приспособления к российским обстоятельствам имел очевидное влияние на развитие конфликта двух властей в царствовании Алексея Михайловича. Успенский пишет о *восприятии*

²⁴² Чин венчания царя Алексея Михайловича был составлен по образцу его отца – первого из династии Романовых Михаила Федоровича. В чине большую роль играла идея преемственности власти русских царей от византийских и римских императоров. Чин венчания Алексея Михайловича отнес время преемственности царского венца от «греческих» царей к периоду Владимира Мономаха. Процесс составления чина венчания был долгим, и даже после церемонии дьяки продолжали работать над описанием венчания, внося необходимые, с точки зрения окружения Алексея Михайловича, дополнения.

в Московском государстве византийских моделей царской и патриаршей власти: «появляется представление об особой харизме как царя, так и патриарха, которое и определяет специфику русской концепции светской и духовной власти»²⁴³. Что есть такая «двойная харизма»? Эта та сакральность власти, которая связывает таинством ее носителя с Богом и позволяет, как царю, так и патриарху быть, как пишет автор, «вне сферы действия общих канонических правил»; и царь, и патриарх как сакральные фигуры «как бы принадлежат иной, высшей сфере бытия»²⁴⁴.

Но здесь и проблема: как возможно существование двух харизматических фигур в одном властном пространстве? Именно она и встала перед царем Алексеем Михайловичем в полный рост, причем в уже беспокойном православном государстве, разделенном церковной реформой, которую проводил патриарх Никон и поддерживал царь. Реакция на реформу тех, кто держался традиции веры отцов и дедов была жесткая: староверы выступили против Никона и официальной церкви и ушли в раскол. Отметим кратко основные точки роста этого «конфликта харизм».

Во-первых, ничего не предвещавшее начало: в июле 1652 г., незадолго до возведения в патриарший сан, митрополит Нижегородский Никон возглавил перенесение останков митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря в Успенский собор Московского Кремля. В грамоте 23-летний Алексей Михайлович склонил свою царскую голову со словами покаяния, обращенными к Филиппу, за расправу над ним царя Ивана IV. Никон зачитал грамоту перед мощами митрополита в Спасо-Преображенском соборе монастыря: «Молю тя и приити тебѣ желаю сѣмо, еже разрѣшити согрѣшение прадеда нашего, царя и великого князя Иоанна, нанесенное на тя неразумно завистию и неудержаниемъ ярости»²⁴⁵.

Во-вторых, событие 25 июля 1652 г., когда по смерти патриарха Иосифа Никон был возведен на Патриарший престол по решению царя, который выбрал его из 12 других архиереев. Царь подчеркнул значение главы священства в Московском царстве и дал обещание не вмешиваться в церковные дела, «послушати его во всѣм, яко начальника и пастыря и отца краснѣйшаго»²⁴⁶. Ви-

²⁴³ Успенский Б.А. Царь и патриарх... С. 13.

²⁴⁴ Там же. С. 108.

²⁴⁵ Сочинения царя Алексея Михайловича. Послание на Соловки // Памятники литературы Древней Руси. М., 1988. Кн. 1. С. 499.

²⁴⁶ Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. В 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 124.

димо, на это обещание и были рассчитаны *многожды повторявшиеся отказы* Никона от возведения в Патриархи. Как и патриарх Филарет, являвшийся царю Михаилу родным отцом, Никон получил титул «Великого Государя», по особому расположению к нему царя Алексея Михайловича.

В-третьих, вмешательство патриарха в светское управление в 1654–1657 гг., когда будущее противоборство трудно было вообразить: царь был молод и его делом была война. С 1654 г. до января 1657 г. он находился в военных походах, воюя сначала с Речью Посполитой, а затем со шведами. Оставаясь в Москве, Никон был занят не только богослужбной реформой и правкой книг по греческим образцам, он также принимал прямое участие в решении государственных вопросов, чем вызывал большое недовольство думных чинов, боярских элит и ближнего царского окружения. Царь, считая патриарха «собинным» другом, доверял ему не только государственные дела, но и заботу о своей семье.

В-четвертых, было документально закреплено равенство двух центров власти – светской и церковной, царя и патриарха. В предисловии к Служебнику, изданному с благословения патриарха в 1655 г., Никон сформулировал сложившееся, по его разумению, в Московском царстве *единство власти в двух лицах* как Богом дарованные «два великие дара». Царь и патриарх были определены как «богоизбранная сия и богомудрая двоица», которая «предстательствоваста» на Московском Соборе 1654 г., повелев собрать в Москву древние святые книги. И далее: «богоизбранная сия сугубица» послали свои грамоты к Цареградскому патриарху Паисию, чтобы по получении ответа от Паисия «благочестивая сия и богомудрая двоица» созвали новый Собор в Москве. Заключается предисловие так: «Должно убо всем, повсюду обитающим, православным народом восхвалити же и прославити Бога, яко избра в начальство и снабдение людем своим сию премудрую двоицу, великаго государя царя Алексея Михайловича и великаго государя святейшаго Никона патриарха»²⁴⁷.

В-пятых, по возвращении в Москву, Алексей Михайлович постепенно осознал окрепшую в его отсутствие позицию патриарха как главного сакрального лица в строительстве Православного царства. Становилось очевидным, что не Царство Московское, а Церковь, Новый Иерусалим, будет, по очевидным делам

²⁴⁷ Макарий (Булгаков), Митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. XII. URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/436176/>

патриарха, центром спасения всех православных народов: недаром Никон построил Воскресенский Новоиерусалимский монастырь не на Москве-реке, а на Истре. Никоново «священство» явно возвысило себя, «царство» Алексея Михайловича, возмужавшего за годы военных походов, побед и поражений, не могло смириться с им же созданным соперником.

В-шестых, ряд переломных в отношении царя и патриарха событий 1658 г. – патриарх 6 июля не зван на встречу грузинского православного царевича, на которой был обижен боярином Б. Хитрово стряпчий патриарха кн. Мещерский; 8 июля царь не явился в Успенский собор на праздник Казанской иконы Божией Матери, а 10 июля на праздник Положения ризы Господней – поставили Никона перед выбором: смириться с харизмой царя или сохранять свою позицию как «Великого государя», равного положения с царем. 10 июля в Успенском соборе кн. Ромодановский объявил патриарху царский гнев и передал слова почти 30-летнего царя: «у нас один великий государь – царь». На это Никон вернул свой патриарший посох и объявил об уходе по своей воле. 12 июля он оставил патриарший двор, Кремль, Москву и уехал в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. Московская иерархия и Царский двор лишились действующего патриарха.

Восемь лет русская православная церковь не могла разрешить создавшееся положение дел. Царь прибегал к разным способам решения кризиса власти. В феврале 1660 г. он собрал Поместный Собор, на котором были рассмотрены разнообразные «скаски» боярского окружения царя, из которых следовало, что Никон отказался от патриаршего престола. Однако мятежный патриарх занял крепкую оборону, и Собор не смог вынести решение об официальном отказе Никона от патриаршего стола, что не позволяло избрать нового патриарха.

Симеон впервые прибыл в Москву спустя 4 года после знакомства с Алексеем Михайловичем, войдя в свиту полоцкого архимандрита Игнатия Иевлевича, приглашенного на Собор. Симеон, очевидно, был в курсе перемен в отношениях главных фигур церковной и светской властей Московского государства. 19 января 1660 г. на церемонии представления полоцкого архимандрита царю²⁴⁸ «отроки града Полоцка» числом 12, произнесли панеги-

²⁴⁸ Ігнатаў У.К. Барока у праваслаўнай культуры Усходняй Еўропы XVI–XVII стст. // Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. У 6 т. Мінск, 2013. Т. 3. С. 376.

рик «Стеси крассогласнии ко пресвѣтлѣйшему самодержавнѣйшему великому государю царю и великому князю Алексию Михайловичю всея Великая и Малая и Бѣлая России самодержцу»²⁴⁹. За эпитетами царской титулатуры в превосходной степени, виден не только общий возвышенный стиль, свойственный барочным панегирикам. Симеон, конечно, старался усилить сакральность и высоту царской власти в своих «крассогласных» стихах.

Главным источником смыслов христианской культуры того времени являлось Священное Писание. Поэзия барокко, подчеркивающая божественный характер власти государя, также опиралась на Священные тексты. В этом отношении интересен завершающий стих декламации, в котором Симеон представляет «славную» Россию как «велие тело», головой которой является «царь велий»²⁵⁰. Здесь, как полагают исследователи, можно видеть влияние 1 главы Послания ап. Павла Ефесянам, где Христос наречен главой церкви, «которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем» (Еф. 1. 22–23). За текстом Послания стоит обряд, и Симеон заостряет на этом свое внимание: земной царь «волею Бога» создан, обрядом венчания утверждён – «честным камнем венчан». В тексте далее определяются два важных качества главы государственного тела: ум и «храбрство». Ими и прославляется тело царства и крепость его столицы «Блаженного града». Прославление Москвы как столицы, где правит царь важно и верно, тем более в ситуации, когда в государстве царство и священство локализованы в разных пространствах – царь в Москве, а патриарх вне Патриаршего дворца Кремля, в Воскресенском монастыре. Симеон, прославляя государство, возвышал его столицу как Блаженный град. Декламация завершается утверждением сакральности «царя света»: с царем Бог, которому подчинен земной мир жителей его царства:

Бог есть с тобою, с ним буди царь света;
царствуй над людьми, им же многа лета²⁵¹.

²⁴⁹ Симеон Полоцкий. Стиси крассогласнии // Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Л., 1953. С. 97–102.

²⁵⁰ Велик соблазн думать, что Симеон видел вышедшую в 1651 г. (именно тогда он закончил Киево-Могилянскую коллегию) книгу Томаса Гоббса «Левифан», где на титуле было представлено тело суверена как политическое тело его государства, населенного многочисленными подданными, голова же принадлежала главе государства. Однако в каталоге библиотеки Симеона такой книги нет. См.: Hippisly A., Luk'janova E. Simeon Polockij's Library. A Catalogue. Köln; Weimar; Wien, 2005.

²⁵¹ Симеон Полоцкий. Стиси крассогласнии... С. 102.

Будущие поэтические труды Симеона, когда он в 1664 г. во второй раз отправится в Москву, где останется до конца жизни (1680 г.) иеромонахом московского Заиконоспасского монастыря, интеллектуалом-богословом, учителем царских детей, создателем букваря, катехизиса, книг для чтения венценосных учеников; первым придворным поэтом, автором «книжиц», посвященных важным событиям жизни царской семьи, церемониальных стихов, панегириков и посвящений; переводчиком, автором книжных проповедей и православным просветителем, будут словом укреплять сакральность власти царя Алексея Михайловича десяти последних лет его правления, а затем и его молодого наследника.

Симеон Полоцкий станет не только поэтом и проводником барочного слова в России, не только православным просветителем, ратующим за открытие школ в Московском царстве, но и своего рода идеологом светской церемониальности православного Кремлевского Дворца, находясь между двумя враждебными, но авторитетными фигурами – устранившимся от действий, но номинально активно защищающим свою сакральность патриархом, возвышающим себя перед царем и вождями раскола, которые сначала защищали царя от патриарха и его реформ, а потом увидели в нем антихриста. Царь внутри своего дворцового окружения нуждался в такой персоне, которая, не вмешиваясь в политическую и религиозную борьбу, подтверждала поэтическими виршами и участием в церемониях сакральность царской власти. Однако это время пока не пришло.

Важным этапом в развитии конфликта царства и священства стала переписка царского сподвижника боярина Семена Лукьяновича Стрешнева с митрополитом Газским Паисием Ликарием. Боярин 15 августа 1662 г. отправил митрополиту 30 вопросов и затем получил от него ответ. Познакомившись с этой перепиской, патриарх Никон, долго составлял отписку к боярину на его вопросы и на ответы Паисия. И только год спустя, найдя и откомментировав нужные страницы Библии, решения Вселенских соборов, Кормчих книг, Никон представил свое понимание сложившейся ситуации в тексте «Возражение, или разорение смиренного Никона, Божию милостию патриарха...»²⁵².

²⁵² Патриарх Никон (Минин). Возражение, или разорение смиренного Никона, Божию милостию патриарха, противу вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа газскому митрополиту Паисее Ликаридиусу, и на ответы Паисеовы. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikon_Minin/vozrazhenie-ili-razorenje-smirenno-nikona-bozhieyu-milostiyu-patriarha-protivo-voprosov-

Алексею Михайловичу понадобилось еще три года на подготовку Собора 1666–1667 г. Для освящения его авторитета царь пригласил греческих патриархов, что позволило разрешить затянувшийся конфликт. Результатом соборного рассмотрения стало лишение Никона патриаршей власти. 31 января 1667 г. в Успенском соборе архимандрит Троице-Сергеевой Лавры Иоасаф был возведен на Московский патриарший престол патриархами Александрийским Паисием и Антиохийским Макарием. В мае 1667 г. под его председательством состоялось заключительное заседание Большого Московского Собора, на котором была произнесена и анафема на идеологов раскола. Их положили судить «градским» судом, т.е. как государственных преступников через уголовное преследование. Патриарх Иоасаф соглашался во всем с волей царя Алексея Михайловича и конфликт двух харизм был разрешен.

Имея в виду как непростой расклад сил при подготовке и проведении Собора, так и то, что Симеон прожил в Москве всего два года, государь поручил ему присутствовать на заседаниях Собора и вести «протокольный отчет» процедуры. До нас дошла «литературная обработка» (так назвал ее Н.Ф. Каптерев) этого события – книга «Жезл правления», посвященная разбору дел и обвинений на раскольников, изданная на Печатном дворе в 1667 г. Симеон стал, по существу, автором этого труда. Критически оценивая труд Симеона и не воспринимая его как исторический документ, Каптерев писал: «Полоцкий, при обработке соборного материала, относился к нему довольно свободно и даже вносил в соборные деяния и нечто свое личное. Так он приделал к соборным деяниям сочиненное им вступление, совершенно бессодержательное, не имеющее никакой исторической ценности и к делу прямо не относящееся, – обычный продукт тогдашнего пустого красноречия»²⁵³. Однако этот труд Симеона, надо думать, позволил ему увидеть, как сейчас бы сказали, властную элиту вблизи и найти свое место, отдалившись от круга московских книжников на почтительное расстояние. Владея разнообразием риторических возможностей барочной поэзии и знанием текстов западной придворной литературы, в которой главная тема – возвышение власти царя; не в последнюю очередь заботясь об обеспечении собственной жизни за счет поэтических трудов, Симеон включился

bojarina-simeona-streshneva-ezhe-napisa-gazskomu-mitropolitu-paisee-likaridiusu-i-na-otvety-paiseovy/

²⁵³ Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон... Т. 2. С. 28–29.

в выполнение поэтических, учительских и церемониальных обязанностей на благо Московского царства, прежде всего, государя.

Можно полагать, что царь остался доволен работой Симеона на Соборе. В том же 1667 г. Алексей Михайлович призвал его в учителя к царскому наследнику Алексею Алексеевичу, которого «философ» и «вития» (так называли Симеона за западную ученость русские книжники Печатного двора) обучал латинскому и польскому языкам, славянской грамматике и арифметике²⁵⁴. Свое образование православный иеромонах получил в Киево-Могилянской коллегии, а затем, скорее всего, у иезуитов в Вильно (документы не сохранились). Во всяком случае, в Москву он привез в сундуках огромное количество книг на польском и латинском языках, были и книги кириллического письма («Грамматика» Мелетия Смотрицкого, «Требник» и др.). Книги в его келье составили самую большую библиотеку Московского государства того времени. Симеон, благодаря им мог заниматься переводами или использовать их материал для составления собственных трудов. Отметим, что барочная поэзия, как и в целом тип культуры барокко, имела синтетический характер, соединяя в себе и словесное искусство, и визуализацию слова, и эмблематику и разнообразие тем, в основном, религиозного, но и мирского содержания. Авторы таких работ также представляли собой фигуру синтетическую, выполняя одновременно много социальных ролей: и поэта, служителя муз Аполлона, и просветителя, и идеолога абсолютизма, и христианского проповедника.

Дискурс симеоновых панегириков, посвящений, книжиц «Рифмологиона» (1679) показывает обращенность их содержания к концептам святости и сакральных метафор, возвышающих власть Алексея Михайловича, а затем и его сына Федора Алексеевича. В обозначенной динамике конфликта властной «двоицы» Симеон, несмотря на иеромонашескую принадлежность к церковной иерархии, своим поэтическим даром барочного слова был ближе к задачам, в выполнении которых нуждался царь: барочная книжная культура оказала свою поддержку формирующемуся абсолютизму Российского царства.

²⁵⁴ В 1670 г. царевич Алексей неожиданно умер. Но учительство Симеона продолжалось: его учениками теперь были царевич Федор и его сестра, будущая царица Софья. Имеются разные мнения об обучении Федора и Софьи сложению вирш. Подробнее об этом: Седов П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. 2-е изд., испр. СПб., 2008. С. 178–182.

1 сентября 1667 г. в Москве произошло важное государственное событие, о подготовке которого, прежде всего, заботился царь. Наведя порядок в отношениях двух властей, Алексей Михайлович обязан был для сохранения и укрепления новой династии определить порядок в наследовании светской власти. Торжественно и официально царевич Алексей Алексеевич был представлен народу как совершеннолетний сын действующего царя. Царевичу исполнилось 13 лет, что и инициировало церемонию объявления наследника (сам термин «наследник» в документе отсутствует). Документ от 1 сентября 1667 г. носит название «Обнародование о вступлении в совершеннолетие Царевича Алексея Алексеевича и о бывшей по случаю сему церемонии»²⁵⁵. В тексте подробно описана вся церемония: многократно перечислены ее участники – светские и церковные элиты; указан маршрут движения процессии из одного собора в другой, объяснено, где присутствующие расставлялись на рундуки по церковным, мирским, и военным званиям, стояли за праздничными столами, выслушивали речи патриарха, царя Алексея Михайловича, виновника торжества, именуемого Государь Царевич Алексей Алексеевич; произнесены самим царем пожалования на празднование с точным указанием сумм различным чинам и званиям и пр. Литургия завершала церемонию, после чего государь звал присутствующих в Грановитую палату к «столу Государеву». В тексте следующего документа от октября 1667 г. об этом событии кратко написано так: «По милости всемогущего в Троице Славимого Бога, изволили Мы, Великий Государь, нашего Царского Величества сына благоверного Царевича и Великого князя Алексея Алексеевича объявить в народ...»²⁵⁶.

Симеон, будучи учителем царевича Алексея Алексеевича, скорее всего, принимал участие в составлении его речи на церемонии. В тексте «Обнародования...» впечатление от этой речи явно выдает мастерство учителя: царевич произносил «благоразумные словеса, яко росу небесную каплющу <...> сладкоточивые гласы производяща и сими всех увеселяюща...»²⁵⁷.

Надо отметить, что Алексей Михайлович был вторым правящим государем новой династии Романовых в Российском государстве: вопрос о наследовании власти в этой ситуации оставался

²⁵⁵ ПСЗ-1. Т. 1. С. 719–724.

²⁵⁶ Там же. С. 724.

²⁵⁷ Там же. С. 722.

чрезвычайно важным, остро переживался и в связи с конфликтом властей. Культура того времени нашла свои формы реакции на эти проблемы. Правление новой династии Романовых расширило диапазон представления родословия великих князей и царей Московских. Формирование собственной династической идеи и ее закрепление в разных источниках относится еще к XVI в.²⁵⁸ Вместе со сменой династии возник и новый способ визуализации правителей России. Теперь не только в иконописи, фресках и книжной миниатюре, но в новой форме «изображения древ спиритуальной генеалогии нового правящего дома»²⁵⁹. Таким образом светская власть укрепляла свою роль в государстве и сакральное значение самой персоны монарха. В том же направлении действовал и Симеон, слагая вирши барочным поэтическим словом.

Поселившийся в Заиконоспасском монастыре, Симеон, видимо, прочувствовал внимание царской семьи к династическим вопросам. Еще в 1665 г. он поднес царю стихотворное «Благоприветствование по случаю рождения царевича Симеона», а на «обнародование» совершеннолетия царевича Алексея Алексеевича поэт сочинил книжицу «Орел Российский». «Речь до Пресвѣтлаго Царскаго Величества при вручении книги Орла Российска», адресованная царю Алексею Михайловичу, была произнесена 1 сентября 1667 г. на новолетие и посвящена в солнце представленному «Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу Всея Великая и Малыя и Белья России Самодержцу» и его сыну Алексею Алексеевичу – «нововозсиявшему солнцу» в день торжественный «всемирнорадостного проявления его»²⁶⁰.

И еще одно событие этого года следует отметить. Андрусовское перемирие с Речью Посполитой сроком на 13 лет до заключения «Вечного мира», завершившее тринадцатилетнюю войну

²⁵⁸ См.: Сиренов А.В. Концепция династической монархии в России XVI – первой половины XVII в. // Древняя Русь после Древней Руси дискурс восточнославянского (не) единства. М., 2017. С. 345–357.

²⁵⁹ Подробнее об этом см.: Сукина Л.Б. Родословные древа великих князей и царей в русской художественной культуре XVII столетия // Родословные древа великих князей и русских царей XVII–XVIII столетия / Сост. А.В. Сиренов. М., 2018. С. 28–39; Сукина Л.Б. Поздняя осень русского Средневековья. Очерки культурной истории Московского государства (XVI–XVII вв.). М.; СПб., 2021. С. 237–255.

²⁶⁰ Симеон Полоцкий. Орел Российский // Симеон Полоцкий. Рифмология. Собрание придворно-церемониальных стихов / Подг. текста, ст. и коммент. А. Хипписли, Х. Роте, Л. Сазоновой. Wien; Köln; Weimar, 2017. Band 2. С. 209, 212. Далее ссылки в тексте (Орел...) с указанием страницы.

двух соседних государств, было подписано в том же 1667 г. По этому перемирию Полоцк оставался за Польшей. Для Симеона это была достаточная причина, чтобы не уезжать из Москвы.

* * *

В своих поэтических текстах Симеон настойчиво проводил тему прославления сакральной царской власти. Поэзия барокко, которую он принес на Московский двор, обладала образными и риторическими ресурсами, наилучшим образом подходившими для панегирических вирш. Симеон, наученный риторическому искусству составления речей и разнообразию визуальных средств их оформления, находил метафоры, концепты, образы, которые отвечали целям утверждения символики православной сакральности царской власти. Церковные праздники и светские придворные церемонии были для этого прекрасным поводом. Исследователь и издатель поэзии Симеона Л.И. Сазонова пишет об эффекте новизны его поэтических трудов для России: «Придворная поэзия в той форме, в какой предложил ее царю впервые Симеон Полоцкий, была известна европейским литературам Возрождения и барокко, но в России представляла собой явление небывалое»²⁶¹.

«Рифмологион» – компендиум придворной церемониальной поэзии, который собрал сам Симеон в конце своей жизни, представляет собой соединение словесного текста и изображения по правилам барочной визуализации и составлен из множества стихов, написанных им по случаю, к светским или церковным праздникам. В него также входят пять «книжиц», в которых объединены панегирические и приветственные стихи во славу и могущество Богом благословенного Российского государства. Их содержание связано с определенными событиями, имеющими государственное значение: «Благоприветствование по случаю рождения царевича Симеона» (1665); «Орел Российский» (1667) – поэма, написанная к церемонии объявления наследником царевича Алексея Алексеевича; «Френы, или плачи» – на смерть царицы Марии Ильиничны (1669); «Глас последний на смерть царя Алексея Михайловича (поднесена 30 января 1676 г. молодому царю); «Гусли доброгласная» – поэма по случаю восшествия на престол царя Федора Алексеевича (18 июня 1676 г.).

²⁶¹ Сазонова Л.И. К истории создания «Рифмологиона» Симеона Полоцкого // Славяноведение 2011. № 2. С. 21. См. также: Гребенюк В.П. «Рифмологион» Симеона Полоцкого: история создания, структура, идеи // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982. С. 259–308.

Анализируя барочную символику «Орла Российского», Сазонова определила текст как «геральдико-эмблематическую поэму», показывая библейско-мифологические традиции, лежащие в основании центрального концепта поэмы – «Царь-Орел»²⁶². Вместе с тем, в ней сильна и собственно тема сакральности царской власти, где работают традиционные для барочных текстов концепты и метафоры: солнца, орла, света, Божественного провидения. Бог – всегда с царем; он указывает, защищает, вразумляет, дарует и т.д. В «Рифмологион» включено не одно приветствие, приуроченное к церемонии объявления наследника. В тексте «К Великому Государю Царю» тема сакральности власти соединяет концепты Бога, солнца, управление миром Богом, начинание нового года (1 сентября по календарю того времени – новолетие), а вместе с ним благовестие Божьего слова царю Российскому, которое обязательно должно обратиться *делом*. Ибо царь – непременно *главная действующая фигура* своего государства:

Мир, благоденство, земли благи плоды,
 благий Бог благо творит на вся роды.
 Изряднѣ же, Царю правоверный,
 тебѣ Христос даст сей круг лѣта мирный
 И вся благая даст твоей державѣ,
 но прежде тебѣ, яко царства главѣ.
 Твое бо сердце Христа Бога слово
 словом и делом полнити готово²⁶³.

Под рукой Симеона идеологема становящегося абсолютистского государства в России обогатилась новыми властными символами, прямо соответствующими геральдике российской государственности. В посвящении «Орла» царю Алексею Михайловичу и его сыну Алексею Алексеевичу дана эмблема, девиз которой сопрягает царя и его государство с солнцем: «Во солнци положи селение Свое, и той яко // жених, исходяй от чертога своего, // возрадуется, яко исполин тещи путь» (Орел, 212). В центре во весь солнечный диск изображен двуглавый орел, обрамленный солнечными лучами с тремя венцами, скипетром и мечом в когтях, крыльями поддерживающий щит с образом Георгия поражающего копьём змия. В эмблеме узнается государственный герб Московского царства. В многочисленных лучах солнца по кругу читаются «сокровища добродетелей божественных»: вера, надеж-

²⁶² Сазонова Л.И. Литературная культура России... С. 385–393.

²⁶³ Симеон Полоцкий. К Великому Государю Царю в день 1 септемвриа 1667 // Симеон Полоцкий. Рифмологион... С. 183.

да, любовь, мудрость, милосердие, разум, страх Божий, ревность побед и многие другие. Направленные от центра солнечного круга вовне они символизируют как защиту Орла Российского, так и намерение преобразовать мир. Важнейшим делом всякого властителя, свидетельством его «добродетельства» для государства являются военные победы, преумножение и расширение своих земель; эти добродетели также зафиксированы в солнечных лучах.

В следующем, прозаическом, тексте «Орла Российского» под названием «Енкомион» (прославления царя) Симеон представляет царя как Солнце. Этот концепт дает основное направление для собирания светоносности всего текста, давая ключ к пониманию структуры панегирика, ведущего читателя от высших сфер к земным делам. Как Солнцу присуще «день творити», так и «скипетродержавцу» надлежит напитаться «сокровищем добродетелей божественных», что есть его долг перед своими гражданами. Мудрость и совершенство самодержца приведет их к украшению и озарению жизни государства: «Вся твоя дела – дела совершенна и словеса – словеса премудра. Вся творимая тобою – благодать и вся, глаголемая – мудрость». Дела и задачи самодержца исполнимы, поскольку его власть «от Бога избрана, от естества ко скипетру уготована», т.е. по наследству передана. Симеон позволяет себе и определение личностных, говоря сегодняшним языком, задач Государя («внутри еси»): «внутр тебе самага, страстем [в иных неукротимым] царствуеши и повелителствуеши», что и есть «истеннейшее царствование» (Орел, 214). Иными словами, государь управляет не только другими, но и самим собой.

Далее в стихотворном тексте «Елогион» (похвала – *elogium*) поэт подробно описывает топику Орла Российского в солнечных, расходящихся от него в разные стороны лучах. Поэтический текст не устанавливает пределов царских интересов и деяний, объединяя просторы неба и земли. Здесь работает аналогия со свободно парящим орлом, которому доступны все четыре стороны света: и дальние страны, и моря, океаны, реки, и горные ветры. Симеон перечисляет их греческие названия, выстраивая свободу небесных просторов; затем переходит к земной истории, давая характеристику дел древних царей – Александра Великого, Тита Римского Кесаря, которых царь Алексей, конечно же превосходит силой и разумом. Античные отсылки в тексте «Орла Российского», что характерно для барокко как проводника греко-римской мифологии в русскую культуру, волею Симеона организованы по порядку произнесения поэтических речей девятью му-

зами Аполлона, которые прославляют Российского Орла и весь царский род. И это не произвол Симеона. Обращение к античной традиции, соединяющей светоносные божественные смыслы дохристианской и христианской культуры, расширяет сакральное пространство царской власти. В греческой мифологии Аполлон – бог света (Феб – лучезарный). Слово «свет» в древнерусском языке, происходит от греческого *φῶς* со значениями: евангельское учение, просвещающее разум человека; название Сына Божьего; все светлое (чувственное, вещественное, духовное), «слова: свет (светить) и свят(святить) филологически тождественны»²⁶⁴.

Из речей муз, которыми управляет лучезарный Аполлон, необходимо остановиться на одном тексте. Изображение воинственного Орла Российского Симеон толкует устами Полигимнии, музы красноречия и гимнов. Полигимния передает царскому сыну Алексею Алексеевичу скипетр, «да мечем его соблюдет, // он меч абие си препоясает»; царю Алексею «Дий небовладный» скиптр посылает, «Арей же вручает // Чрез Орла сего мечь обоестранны, // хитрым Вулканом добре укованны» (Орел, 232). Соединение российского текста с мифологией античности и придает новый оттенок сакральности фигуре молодого царя.

Политические амбиции Российского государства второй половины XVII в. и интересы европейских государств, прежде всего, в поисках союзников в борьбе с турецкими завоевателями европейских территорий, сделали актуальным для Москвы понимание своего места среди европейских дворов. Визуализация Симеоном царской власти через эмблему Орла Российского – герба Российского царства оказалась в центре предприятия, которое было поручено Лаврентию Хуреличу (Хурелевичу), в русских источниках определяемого герольдмейстером Императора Священной Римской Империи. Все в том же 1667 г. он был послан в Россию для составления царского «Родословия». Цель предприятия – показать родство России с восемью европейскими державами. Рукопись «Родословия» исследователи называют своеобразным «публицистическим приемом» для организации совместной борьбы против воинственной Османской империи. В ней герольдмейстер описал российский герб, воспроизведя титул Алексея Михайловича: «Орел двоеглавый есть герб державный Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея Ве-

²⁶⁴ Свет. Полный церковно-славянский словарь / Сост. прот. Г. Дьяченко. М., 2011. С. 582.

лика и Малая и Белья России самодержца, его Царского Величества Российского царствия, на котором три коруны изображены, знаменующие три великия Казанское, Астраханское, Сибирское славныя царства, покоряющиеся Богом хранимому и высочайшей Его Царского Величества милостивейшаго Государя державе и повелению <...> на персях изображение наследника, в пазонктех скипетр и яблоко, и являют милостивейшаго Государя, Его Царского Величества Самодержца и Обладателя»²⁶⁵.

Работа герольдмейстера Хурелича по созданию «Родословия русских великих князей и царей» завершилась через 6 лет. Этот труд как «зрелище царския чести и крови» служил для представления другим государствам родословия светской власти Российского государства. Текст «Родословия» разделен на «венцы» или «короны»; каждая из частей показывает родство русских великих князей и царей с разными царствующими европейскими домами. Текст лицевого рукописного свода, иллюстрированный эмблемами, геральдикой и стихотворными надписями, как произведение барочной культуры, имевшее политическое значение, был переведен для царя с латинского языка в Посольском приказе. Шесть лет, которые ушли на создание этого рукописного свода, стали для Московского царства и для царя Алексея Михайловича временем больших перемен. 1667 год можно считать годом победных событий: это и окончание войны с Польшей, и развязка конфликта властной «двоицы», и поставление патриарха Иоасафа, и обнаружение наследника престола, и время готовности Европы видеть Россию своим союзником в войне с турками. Иными словами, и во внешней, и во внутренней политике государства происходило упорядочивание властных государственных структур. Но и тогда уже на Волге было неспокойно.

Донские казаки во главе со Степаном Разиным, окрепшие в первых разбойных набегах в 1667 г. на торговые суда по Волге и Дону, дошедшие до Каспия в 1668 г. и вкусившие там победу у Свиного острова, весной 1670 г. организовали новый поход на Волгу, который охватил многие волжские города и превратился в восстание вольного казачества против местных представителей власти. Сакральную фигуру царя Разин не предполагал трогать, наоборот пытался «защищать», объявив себя врагом царских воевод и церковных служителей, которых считал царскими изменни-

²⁶⁵ Пчелов Е.В. Российский государственный герб: композиция, стилистика и семантика в историческом контексте. М., 2005. С. 41–42.

ками, а потому, захватывая города и крепости, убивал местную администрацию. Сакральность властных фигур оказалась востребованной у восставших. Разин применил старый прием самозванства, пустив слух, будто в его казачьем войске находятся и царевич Алексей Алексеевич (умерший в Москве 17 января 1670 г.), и патриарх Никон, который в то время отбывал ссылку. Во всех занятых казаками городах и крепостях вводилось разрушительное для государства казачье устройство: царских воевод убивали, делопроизводство уничтожалось, купцов торговых судов грабили. Разина поддержали восставшие русские крестьяне Поволжья, недавно потерявшие личную свободу, а также жившие там народности: марийцы, чувашаи, татары. С весны до осени 1670 г. Разин захватил Астрахань, Царицын, Саратов, Самару и небольшие крепости, но осенью под Симбирском восставшие были разбиты посланным царем войском. Раненого предводителя спасли и вывезли на Дон в Кагальницкий городок, однако новое войско ему собрать не удалось. 13 апреля 1671 г. семейные (домовитые) казаки взяли городок штурмом, пленили Разина и выдали его царским воеводам. Социальные катаклизмы обнажили и военные (стрелецкие), и экономические проблемы Московского царства.

Самый конец 1660-х гг. стал трагическим временем для царя и его семьи. 3 марта 1669 г. тяжелыми родами умерла царица Мария Ильинична, царская дочь Евдокия (Меншая) умерла тремя днями ранее, а через три месяца скончался четырехлетний царевич Симеон Алексеевич, которому была адресована первая книжица симеонова «Рифмологиона». За 21 год супружества царица родила 13 детей, но болезненность царских сыновей имела следствием проблему наследника престола, которая обострилась, когда в 1670 г. из жизни ушел наследник царя Алексей Алексеевич.

Церемония выбора невесты 40-летним царем завершилась объявлением Наталии Кирилловны Нарышкиной невестой, а затем женитьбой Алексея Михайловича 22 января 1671 г. Это событие повлекло постепенную смену дворцовой элиты. Из всей череды потерь и обретений семейной жизни Алексея Михайловича Симеон посчитал возможным написать и посвятить государю только книжицу «Френы, или Плачи всѣх чинов православнороссийского царства...» о смерти Царицы и Великой Княгини Марии Ильиничны, вручив ее Алексею Михайловичу 20 апреля 1669 г.²⁶⁶

²⁶⁶ Симеон Полоцкий. «Френы, или Плачи всѣх чинов православнороссийского царства о смерти Благовѣрных и Христоробивых Государыни Царицы и Великия Княгини Марии Иличны» // Симеон Полоцкий. Рифмологион...

* * *

Книжица «Глас последний ко Господу Богу» на смерть Алексея Михайловича (29 января 1676 г.) Симеоном Полоцким была написана в 1676 г. и поднесена царевичу Федору Алексеевичу, пятнадцатилетнему будущему царю и своему ученику. Весь текст можно воспринимать как подробно прописанный сценарий церемонии прощания с царем. Событие представляется в модусе действия, где речи основных участников церемонии содержат важнейшие властные, духовные, нравственные, семейные и проч. ценности Российского царства конца XVII в.

В написанном прозой посвящении Федору Алексеевичу, повторяя в обращении к нему официальную титулатуру царя, Симеон использует очень распространенную в барочной литературе властную метафору: «Бѣдство же сотворися велие, яко преискуснѣйшаго кормчия Россійскаго царствія посредѣ гордо-надменных волн вражих прещений на океанѣ мира сего плавающее, увы нам, лишихомся»²⁶⁷. И действительно, Россия воюет, кормчий, ведущий корабль-государство к победе, умер и понятно, что юного царя ожидают большие трудности.

Текст «Глас последнего ко Господу Богу» Алексея Михайловича содержит обращение к Господу с благодарностью, славословием и хвалой, поклонами, просьбой милости к себе, к остающимся – вдове, детям и сестрам, и молитвами... Царь возвращает Российское царство Богу: «изволи прияти, яко зѣницу ока соблюдати», а затем молит о щедром благословении сына Федора Алексеевича: «вмѣсто мене раб да будет Тебѣ» (Глас, 336). Слова прощания отца с сыном и просьбы Господа о благословении нового царя есть знак будущего сакрального действия – венчания сына Федора Алексеевича на царство. Подробная разработка этой темы представлена в «Гласе со благословением на Царство», адресованном сыну: «Прииди, Чадо, Богом ми данное, скипетру царства уготованное» – во исполнения воли почившего отца: «Царское сердце вѣси в руках быти // Бога живаго и тѣм ся правити».

Важнейшие слова завещания отца сыну собраны в тексте «Завет», состоящем из 80-ти шестистрочных «велѣний» (Глас, 337–356), – панорамы обязанностей правящего государя по всем

С. 261–324. Также Симеоноу принадлежит: «Епитафион, или нагробие смерти Благовѣрных и Царици и Великия Княгины Марии Иличны» // Там же. С. 325.

²⁶⁷ Симеон Полоцкий. Глас Последний ко Господу Богу // Там же. С. 332. Далее в тексте в скобках (Глас...) с указанием страницы.

направлениям его государственной службы; соблюдения церковных догматов православного правителя (с завещанием «истребления раскола»), нравственных правил и почитания, относящихся как к царской семье (памяти почившего отца и почитания его супруги Наталии Кирилловны Нарышкиной, как родной матери; и всей царской родни), так и духовным чинам. Особо следует отметить заботу, высказанную Алексеем Михайловичем о мудром правлении сына: мудрости «проси у Бога» для правого суда и совершения дел «всечинно». Далее, как это предусмотрено в церемонии, следовал ответ царевича: «Вся велѣния завѣта твоего // пишу на сердца скръжалѣх моего» (Глас, 357).

Следующая часть написана Симеоном в форме диалога: Глас последний царя к патриарху и его ответ; Глас поочередно ко всем членам царской семьи и их ответы; Глас к православным иерархам и их ответы; Глас к сигклиту и думе с ответами; Глас к средним церковным чинам и всему Причту с ответами; Глас к князем, боярам и всему христоролюбивому воинству с ответами и, наконец, ко всем православным христианам, которые дают ответ: «Течеси, Солнце к западу твоему, // ночь оставляя царствию своему» (Глас, 373). Церемония завершается блаженным концом царя Алексея Михайловича и 12-ю плачами о преданном земле теле и принятии души в небесное блаженство Господом. В Заключение всей книжной церемонии Симеон просит Бога даровать царю вечное небесное блаженство. И сакральность фигуры царя при его жизни, наконец, по смерти в небесном свете обретает Божьим даром вечную славу. Симеон от своего имени пишет заключительные слова:

Боже всещедрый, изволи воздати
явленныя ми Царем благодати.
Даждь небо свѣтло и трапезу вѣчну,
царствие, славу и жизнь бесконечну.
Вѣчно блаженство в небѣ ему буди,
здѣ же со мною да поют вси люди. (Глас, 393)

Последние слова – *царю Алексею Михайловичу вечная память* – встроены в напоминающий могильную плиту траурный лабиринт (прямоугольник 15x18 букв)²⁶⁸, текст которого читается с левой, выделенной, верхней буквы первой строки. Текст имеет начало, но повторение его не имеет конца, символизируя вечность.

²⁶⁸ Подробнее о живописной поэзии барокко и графемах в стихах см.: Сазонова Л.И. Литературная культура России. С. 233–242. О лабиринте в «Гласе...» см.: Там же. С. 244.

18 июня 1676 г., через полгода после смерти отца, царевич Федор Алексеевич венчался на царство. «Трудолюбием многогрѣшнаго Иеромонаха Симеона Полотскаго мысленно сооруженная, усердием уструненная, бряцалом пера биенная, рачительства десницею и смирения шуйцею»²⁶⁹ молодому царю была поднесена новая книжица «Гусль доброгласная» в честь этого важнейшего государственного события. Книжица дает возможность представить иерархические отношения «в Верху», как называли царские покои в Кремле, в представленной поэтом церемонии венчания на царство юного царевича Федора Алексеевича.

В посвящении царю Симеон ведет речь о торжестве, приводя в пример библейский текст о Соломоне («любезнѣйшее чадо» благочестивого Царя Давида), когда он от иерея был помазан на царство. Из этого фрагмента и взято название. Симеон ведет речь о 24 старцах, «имуще кождо гусли и фиалы златы, полны фимиама, яже суть молитвы святых, и пѣша пѣснь нову» (Гусли, 395) Вот и Симеон поет новую песнь новому царю, хотя главные образы и концепты – царя-Орла, солнца-света-сияния праведной веры, Христа, представляющего собой праведное солнце, – сохраняются, но они по-новому организованы в этом ярко звучащем тексте. Надо отметить и графические композиции, в которых поэт помещает свои стихи. Во-первых, в самом начале текста стихотворение в форме креста (Гусль, 398), утверждающее святость всей церемонии; во-вторых, в тексте, после двадцати «Желаний Благих» от Иоакима Патриарха Московского и всея России, семьи царской, от высших духовных чинов, всего Синклита и низших чинов; от князей и бояр и всех православных христиан, Симеон расположил Заключение в «скрижаль многопутную» (лабиринт, 15x19 букв): «Царствуй многая лета» (Гусль, 405), читаемую из центра также бесконечно во все стороны.

«Приветство 1» Симеон выстраивает вокруг концепта солнца, просветлившего Россию после смерти царя Алексея Михайловича. Отождествление молодого царя с солнцем есть проявление Божественного дара: «Солнце ты наше, убо день великий // тобою бысть нам от вѣчна Владыки» (Гусль, 407). Как и в отце, поэт видел в молодом царе защитника отечества, и образ Орла также содействовал укреплению силы государства: «Отчества гнѣздо покрывай крилами, // вражия сѣти разтерзай ногами» (Гусли, 415).

²⁶⁹ Симеон Полоцкий. Гусль доброгласная // Рифмологион. С. 394. Далее в тексте в скобках (Гусль...) с указанием страницы.

Пожелание это было очень важным, ибо царствование молодого Федора Алексеевича, вступившего на престол в 15-летнем возрасте, началось чередой военных конфликтов с Османской империей, на стороне которой воевало Крымское ханство. После Андрусовского перемирия в состав России вошли земли Левобережной Украины. Киев и другие города регулярно подвергались нападениям турок и крымских татар. Симеон был в курсе военных событий. О разорении украинских монастырей и сел крымскими татарами он знал и как придворный поэт, и по переписке с интеллектуалами из монастырей Киева и Чернигова. Поэтические метафоры в тексте Симеона имеют прямое отношение к войне России с Османской империей. В композиции «Приветства 2» использован зодиакальный цикл, по которому солнце «претекает» двенадцать «мест»-знаков зодиака, связывая с каждым из них пожелания побед в борьбе с врагами молодого царя:

...Скорпий, исполн яда,
сего ти нужда есть попраги гада,
Общаго врага рода христианска,
змия, глаголю, люта Агарянска... (Гусль, 410).

Поэт, призывая Господа для помощи, желает царю освободить попавших к туркам пленных. Стрелец («из лука стрелы изпускает») – метафора силы царя Федора. Он должен воплотить «умысел» своего отца царя Алексея Михайловича и «сокрушить» луки и стрелы «скифских стран» (крымских татар), их «гордыя главы до стоп понудиши». «Козел рогатый» символ греческого царя: «В Писании же козел знаменует // царя Греческа, – Даниил сказует». И.П. Еремин, комментируя эти строфы о тогдашних властителях греческих земель, писал: «Под “козлом рогатым” Симеон Полоцкий везде имеет в виду турецкого султана Мухаммеда IV»²⁷⁰. Симеон желает царю Федору сломить «гордость» скачущего по горам козла и «его преклонити роги» (Гусль, 411).

«Водолий мокрый», по замыслу Симеона, должен помочь царю в плавании его войск через морские воды к «престолу граду гречески» для того, чтобы завоеванный турками Константинополь «из скверных взяти Агарянских // рук и передати до рук христианских // Твоих пресветлых», обращается к царю Симеон (Гусль, 411). Этот же мотив развивается и в связи с зодиакальным знаком рыб. Симеон желает царю Федору «крестити, //

²⁷⁰ Еремин И.П. Симеон Полоцкий – поэт и драматург // Симеон Полоцкий. Избр. соч. Л., 1953. С. 261. Турецкие «роги», символизировали полумесяц – символ мусульманской веры.

дать Бог, Агарян и рыботворити // Из скверных змиев водами святыми, // да будут Богу рыбами чистыми...» (Гусли, 412).

В «Приветстве 3» Симеон возвращается к образу Орла, побеждающего «агарян гордых». Поэт метафорически представляет эту победу как сложение имеющей «своя роги» Луны, мусульманского символа, под ноги орла, укрощая ее в «круглость», наполняемую постепенно светом солнца Христова и истиной верой. Так враги станут друзьями, а свет Христов «даждь Феодору царю Агаряны, // Божиим даром да будут владами // Орлом Российским к небеси ведомы» (Гусли, 415–416). Войны завершились только в 1681 г. Бахчисарайским договором, всего за два года до кончины молодого, но очень больного царя.

Можно с полной уверенностью считать, что свою задачу Симеон, как придворный поэт и учитель, выполнил, придав традиционному московскому этикету «просвещенные формы» не только в стилистических новинах и риторических формах выражения, но также и в наращивании православного содержания в поэтических формулах сакральности царской власти. В «Приветстве 24», последней части «Гусли доброгласной», Симеон определяет правление Федора в контексте как духовных, так и светских исторических личностей и завершает текст стиха уверением царя в помощи Бога для укрепления его власти и силы в солнечном свете:

Здравствуй, глаголю, Царь православный,
на престолѣ ти буди міру явный
Премудростию Царя Соломона,
силою паки славна Македона.

Сам Бог на тыя будет в помощь тебѣ
вѣнец побѣднѣй уготовит в небѣ,
Десницу твою изволит крѣпити,
гдѣ солнце свѣтит, вездѣ ю слависти... (Гусль, 441).

Завершая тему, необходимо сказать, что даже из рассмотренных текстов «Рифмологиона» очевидно: в российском раннем Новом времени нет более плодovitого книжника и поэта, чем Симеон. «Общее количество стихотворных строк, написанных им за все годы его литературной деятельности, достигает пятидесяти тысяч. Нет, кажется, жанра, в котором Симеон Полоцкий не пытался бы написать стихотворение», – отмечал исследователь и первый публикатор творений Симеона И.П. Еремин²⁷¹.

²⁷¹ Еремин И.П. Симеон Полоцкий // История русской литературы. В 10 т. М.; Л., 1941–1956. Т. 2. Ч. 2. С. 345.

Потребности придворных церемоний, в которых Симеон принимал участие, готовился к ним и писал свои стихотворные тексты, множили его творения. Видимо, понимая дальнейшую востребованность своих церемониальных стихов, а также необходимость сохранения уже написанного, Симеон в конце жизни собрал стихи по случаю и пять книжиц в «Рифмологион». Как можно было убедиться, этот сборник сохранил не только стихотворные тексты, но и включенные в них разнообразные барочные визуализированные формы: акrostих, «эхо» с рифмой вопрос-ответ; фигурные в форме креста или лучей лабиринты; живописные изображения и эмблемы; макаронические стихи с использованием разных языков.

Но не только церемониальная поэзия прославляла царскую власть и Российское государство. Посвящения царю можно найти и в его сборниках проповедей «Обед душевный» (1681 г.) и «Вечеря душевная» (1683 г.), и в энциклопедическом поэтическом труде «Вертоград многоцветный», над которым он начал работать после смерти царя Алексея Михайловича, направив свой поэтический талант на решение просветительских задач в православном мире Российского царства.

Еремин писал, и с ним трудно не согласиться: «Центральной темой “Рифмологиона” является “Российское государство”, его политическое могущество и его слава. <...> Царь и государство – оба эти понятия в сознании Симеона Полоцкого сливались в одно, заменяя друг друга. Царь – символ Российской державы, живое воплощение ее всесветной славы, живая персонификация ее политического могущества»²⁷².

Царь Алексей Михайлович, еще в 1656 г. услышав прославление царской силы и мощи «восточного государя» белорусским монахом Симеоном, не ошибся, определив необходимость такого рода деятельности на Московском дворе. Симеон заложил основы новой книжности и просвещенного православия в Российском государстве. Осознавая абсолютизм царской власти, он прославлял «Благочестивѣшего Тишайшего Богом вѣнчанного Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича», когда патриарх Никон, как и протопоп Аввакум, видели в царе Алексее Михайловиче антихриста.

²⁷² Еремин И.П. Симеон Полоцкий – поэт и драматург... С. 245.

Симеон стал альтернативной фигурой в идейном раскладе сил, оставаясь «многогрешным» иеромонахом, беспокоясь об учреждении Академии в Москве и своими поэтическими творениями укрепляя силу и мощь царского трона и самого государя, просвещая его царственных детей.

Как показывает история европейских государств XVII в., развитие просвещенного абсолютизма ведет к появлению, а затем и расцвету как литературных, так и иных светских форм интеллектуальной и духовной жизни общества. Для России точкой отсчета этих форм стал двор царя Алексея Михайловича.

Важно отметить, что Симеон включил в «Рифмологион» и свои две пьесы в стихах: «Комидия притчи о блудном сыне», написанная на евангельский сюжет притчи о блудном сыне, и «трагедию» «О Навуходоносоре царе, о теле злате и о триех отроцех, в печи не сожженных»²⁷³. Первый сценический опыт в России проходил в Кремле. Театральное действо на «властные» темы («Артаксерксово действо», «Юдифь» и др.) позволяло увидеть людей, облеченных властью, не только в жизни, но и на театральных подмостках, приоткрыть дверь в новый мир представления иерархического устройства государства.

Оживление слова в светском, а не монастырском или храмовом, пространстве, по-новому заставляло относиться к знакомым библейским сюжетам, связанным с властными отношениями. Обличение Навуходоносора как правителя-тирана, разыгрываемое перед зрителем – дворцовой элитой (театр в России не начинался, как «Глобус» Шекспира, с городской публики), буквально демонстрировало и проговаривало священный текст, где его исполнителями были «царь и его приближенные». Это был абсолютно новый этап освоения русской книжностью властных сюжетов, но учительно-нравственный характер оставался для первого театрального опыта определяющим.

В тексте «Орла Российского» Клио вопрошала: «Благо ти, Орле, в Христъ пребывати, // кто бо возмоет на тя ратовати, // так облеченна?» (Орел, 225). Делая свое поэтическое дело, отводя в стихах врагов от Российского царства и светом солнечным озаряя путь государя Алексея Михайловича и нового Солнца,

²⁷³ Об этой стороне творчества Симеона см.: Софронова Л.А. Поэтика славянского театра XVII–XVIII в.: Польша, Украина, Россия. М., 1981; Еремин И.П. Симеон Полоцкий – поэт и драматург. С. 248–256; Тихонравов Н.С. Русские драматические произведения: 1672–1725. СПб., 1874. Т. 1.

наследника Алексея Алексеевича, а затем и своего ученика молодого царя Федора Алексеевича, Симеон указывает и на свои чувства довольного своей работой просвещенного поэта и воспитателя в Московском государстве, говоря от лица водителя муз Аполлона: «Радость играти о новоявленном // Солнцѣ Россій-стем, славно просвещенном» (Там же, 234).

7.5. «РЕГУЛЯРНОЕ ГОСУДАРСТВО» ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Под «ментальным государством» понимается сконструированная идеальная модель государства, ставшая результатом умственной, интеллектуальной деятельности, плодом обобщенного практического и теоретического опыта. Эта модель по большому счету отличается степенью и глубиной рефлексии как от бытовых, профанных стереотипов о государстве с одной стороны, так и от различного рода «теорий государства» – с другой.

Первые бытуют в массовом сознании: каждый человек обладает своими, зачастую смутными, неупорядоченными, фрагментарными представлениями о государстве (власти) и своих отношениях с ним (претензиях к нему, благоговении перед ним и пр.). Вторые имеют «кабинетный» характер, являются плодом профессиональной деятельности юристов-цивилистов, философов, политологов и др.

Конструкту «ментального государства», как он формируется в петровскую эпоху отводится роль среднего звена в этой шкале рефлексий о государстве; *светской политической концепции*, появление которой было вызвано как уникальной исторической ситуацией, в которой оказалась Россия на рубеже XVII–XVIII столетий, так и личностными характеристиками ее лидера – царя Петра I.

Предприняв грандиозные усилия по преобразованию всех сторон общественной и государственной жизни, Петр был вынужден взять на себя роль не только практика (политика, полководца, организатора производства и т.п.), но и *идеолога* преобразований – роль, которую в странах европейского Запада, имевших долгую традицию «воспитания интеллекта», играли выпускники университетов. Поэтому, говоря о Петре как идеологе реформ и авторе *вербально* выраженной концепции государства, целесообразно начать разговор с рассуждений о его ин-

теллеktуальном потенциале, о самой способности Петра к такого рода умственной работе. Это обусловлено прежде всего закрепившимся в общественном сознании стереотипным образом первого российского императора.

Природный ум Петра, его несомненная литературная одаренность, необычайная широта кругозора, стремление к постоянному саморазвитию, начитанность, чрезвычайно богатые речевые способности неоднократно отмечались современниками, признавались практически всеми историками и находят подтверждение в лингвистических и культурологических исследованиях. Однако, признавая выдающиеся умственные дарования первого русского императора, порой – гениальность, немало историков, тем не менее, отказывают ему в умении синтезировать полученные знания в четко выраженную мировоззренческую концепцию, а более конкретно – в формулировании завершенной и цельной программы реформ.

Среди тех историков, кто придерживался такого мнения – лучшие знатоки эпохи, начиная от М.М. Богословского, проводившего эту мысль через ряд своих исследований («Общие понятия и отвлеченные идеи ему не давались...»²⁷⁴, у Петра «никогда не было общего, заранее обдуманного и соображенного плана реформы, общей идеи о реформе как таковой»²⁷⁵) до Н.И. Павленко (писавшего о «хаотичном и поспешном» характере петровских преобразований, отсутствии у него «продуманного плана»²⁷⁶), X. Баггера (Петр «так и не стал теоретиком»²⁷⁷), отчасти В.И. Буганова²⁷⁸ и Е.В. Анисимова, которые отмечали бессистемность и хаотичность процесса реформ («реформы не согласовывались между собой, и создаваемые элементы новой государ-

²⁷⁴ Богословский М.М. Петр Великий по его письмам // Богословский М.М. Российский XVIII век. Кн. 1 / Отв. ред. С.О. Шмидт; сост., подг. текста, прим. А.В. Мельникова. М., 2008. С. 218.

²⁷⁵ Цит. по: Шмидт С.О. Многомотное исследование академика М.М. Богословского «Петр Великий: материалы для биографии» // Богословский М.М. Петр Великий: материалы для биографии. М., 2005. Т. 1. Детство. Юность. Азовские походы, 30 мая 1672 – 9 марта 1697 / Отв. ред. С.О. Шмидт; подгот. текста А.В. Мельников. С. 427–428. Здесь и далее выделено нами.

²⁷⁶ Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990. С. 442.

²⁷⁷ Баггер X. Реформы Петра Великого в России // Царь Петр и король Карл: два правителя и их народы. М., 1999. С. 140.

²⁷⁸ Буганов В.И. Петр Великий и его время... М., 1989. С. 129.

ственной и социальной структуры долгое время не сочетались в единое целое»²⁷⁹), хотя и признавали, что в последний период петровского царствования эти «элементы» стали складываться в некую систему.

Неоднозначность оценок Петра в этом смысле, думается, проистекает от того, что, во-первых, историки, как правило, склонны смешивать *представления* Петра о государстве (в их дискурсивном выражении) и его *практическую реформаторскую деятельность* (как набор действий и их результат). Во-вторых, эти оценки являются результатом исходно неверного посыла: оппозиционного противопоставления практического и теоретического мышления, где второе всегда оказывается явлением более высокого порядка, чем первое.

Проследить развитие воззрений Петра I на проблемы государственного строительства, вычленив в этом процессе идеологическую составляющую, выявить все разнообразные источники влияния, формировавшие концептуальные предпочтения царя в этом вопросе, очень непросто, не в последнюю очередь потому что (как ни парадоксально) обо всем этом так или иначе написано очень много. В петроведческой историографии накопилось множество «общих мест», стереотипных оценок, которые приводят либо к противоречивым выводам (необычайно грамотный и начитанный человек, но неспособный к обобщениям; гений, но не «теоретик» и т.п.), либо к априорным и не менее противоречивым заключениям (Петр Великий – чуть ли не адепт теорий Гоббса, Гроция и Пуфендорфа, но при этом «технократ» и «прагматик»). В этой ситуации представляется целесообразным обращение к письменному наследию императора, особенно к текстам его указов, рассмотренных не столько как законодательные акты, сколько как *нарратив*; контекстуальный анализ его круга чтения; обращение к исследовательскому арсеналу смежных дисциплин с целью выяснить эволюцию политического и морального дискурса Петра.

Как же формировались особенности мышления Петра I, и в чем, собственно, они заключались?

Практически все биографы и исследователи петровской эпохи констатировали особый интерес царя к техническим и естественнонаучным дисциплинам.

²⁷⁹ Анисимов Е.В. «Шведская модель» с русской «особостью» // Звезда. 1995. № 1. С. 137, 141.

Характеризуя этапы обучения русского монарха, О.Г. Агеева, отметила, что очень рано, в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет он начал получать «свое второе образование – иное по типу (техничко-математическое) и характеру (западноевропейское)», имея в виду под первым образованием традиционное русское, освоенное им в детстве²⁸⁰. Современники отмечали, что полученные царем знания имели основательный характер и широкий диапазон.

Красноречив состав личной библиотеки Петра I, обширной даже по европейским меркам (более чем полторы тысячи томов, не считая 1351 наименования собраний карт, чертежей, иллюстративных материалов и нескольких сотен рукописей). Почти наполовину она состояла из книг по техническим и естественным наукам и дисциплинам – от трактатов по математике и астрономии до трудов по гражданской архитектуре на разных европейских языках²⁸¹. Владение Петром многими ремеслами, его основательные познания в математике, физике, военно-инженерных дисциплинах, баллистике и т.п. обычно служат доказательством узкоспециального характера его образования. Отсюда следует логический вывод относительно оценки самого характера его мышления как прагматического и даже технократического. Но надо помнить, что все эти познания легли на фундамент традиционного образования, гуманитарного по своей природе и, пожалуй, не менее глубокого по уровню усвоения.

Известно, например, что с детских лет Петр был очень начитан в религиозной литературе. Он знал наизусть основные книги Нового Завета – Евангелие и Апостол, умел вести беседы на богословские темы²⁸², живо интересовался древней и новой

²⁸⁰ Агеева О.Г. Петр I: у истоков российского имперства // Отечественная история. 2005. № 4. С. 6.

²⁸¹ Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 170. Книжный фонд государя мог быть куда больше, если бы в 1714 г. он не передал какую-то его часть в новоучрежденную библиотеку Академии наук.

²⁸² Известный богослов Г. Барнет, епископ Солсбери, писал руководителю певческой капеллы в Йорке Фаллю (от 19 марта 1698 г.): «Дорогой сэръ!.. После вашего отъезда, царь приезжал однажды в Ламбет, видел таинство причащения и рукоположения и остался очень доволен. Я часто бываю с ним. В прошлый понедельник, я провел у него четыре часа. Мы рассуждали о многих вещах; он обладает такой степенью знания, какой я не ожидал видеть в нем. Он тщательно изучал св. Писание» и т.п. – Цит. по: Шубинский С.Н. Петр Великий в Дептфорде // Исторический вестник. 1888. Т. 34. С. 413.

историей и иностранными языками, из которых, Петр на довольно приличном уровне, освоил голландский и немецкий.

Если 44,4% книг в библиотеке Петра приходилось на долю естественнонаучной и технической тематики, то другие 55,6% – на долю всей остальной, из которой исторические сочинения количественно немногим уступали трудам по любимому царем военному делу (149 томов против 166), а религиозная литература превосходила общее число книг по морскому и военному делу (457 томов против 368).

Тот равновесный интерес Петра к широкому кругу знаний, который можно понять из общей оценки состава его личной библиотеки, тем более примечателен, если учесть, что «это было *рабочее* книжное собрание», «случайных книг в библиотеке Петра было немного». Царь собирал ее самостоятельно и целенаправленно, начав масштабные закупки иностранной литературы уже в ходе Великого посольства и продолжая приобретать книги крупными партиями в дальнейшем, в том числе в самые тяжелые годы Северной войны²⁸³.

Следует также помнить, что в то время между техническим, естественнонаучным и гуманитарным знанием не было того жесткого разграничения, которое станет свойственно наукам впоследствии, когда их развитие пойдет по пути углубления дифференциации и специализации. Интеллектуал раннего Нового времени был универсальным: математик и физик, являвшийся одновременно историком, философом и богословом – явление для эпохи не редкое. Петр, несомненно, относился к такого рода людям. Это означает, помимо всего прочего, что его довольно раннее и в то же время основательное знание в области, например, математики, геометрии, фортификации и гражданской архитектуры не только служило прагматическим целям, но имело дисциплинирующее воздействие на сам процесс мышления и давало материал для ассоциативных умственных операций в сфере формирования представлений о политике, морали, государственном управлении. Мир упорядоченных, регулярных предметов, явлений и процессов в технических областях знания вполне мог воспитывать в мировоззрении Петра I склонность к переносу таких же упорядоченных и регулярных представлений на организацию жизни государства и общества.

²⁸³ Луппов С.П. Книга в России... С. 166–177.

То, что Петр обладал возможностями мыслить ассоциациями и образами, подтверждается имеющимися исследованиями его речевых особенностей. Исследования особенностей языка первого русского императора, основанные на анализе его огромного, прежде всего эпистолярного, письменного наследия, показывают, среди прочего, мощную лингво-когнитивную составляющую его языковой личности и, в частности, активное использование им в речи того, что на современном научном языке называют практикой вторичных номинаций, из которых едва ли не излюбленным приемом Петра являлся метафорический перенос²⁸⁴. В этом смысле Петр, вписываясь в общеевропейский барочный контекст с «характерной для него игрой смыслами и принципиальной метафоричностью»²⁸⁵.

Метафоричность и образность петровских текстов, не только эпистолярных, но и проявленных также в созданном им законодательстве, хорошо известны. Эти характерные черты языка Петра I, а значит и его мышления, позволяют говорить о его способности к смысловому переносу опыта и знаний, полученных в рамках одних предметных полей на другие.

Те историки, которые упрекают Петра за узкий прагматизм и отказывают ему в способности к теоретическим обобщениям или созданию общей идеи реформ, не берут во внимание, что, во-первых, прагматизм и рационализм как таковые являлись общими свойствами философских идей европейского Просвещения, а, во-вторых, неоправданно понижают значимость прагматизма как типа мышления, как интеллектуального качества. Между тем, современные специалисты подчеркивают, что практическое мышление «может оперировать сложнейшими теоретическими понятийными конструкциями», оно «направлено на преобразование (а не объяснение) действительности»²⁸⁶.

Все это позволяет лучше понять характер когнитивных способностей Петра I, особенности его стиля мышления. Отмечаемый всеми историками прагматизм Петра не являлся ограниче-

²⁸⁴ Подробно см.: Гайнуллина Н.И. Языковая личность Петра Великого (Опыт диахронического описания). Алматы, 2002.

²⁸⁵ Успенский Б.А. Царь и Бог // Успенский Б.А. Избр. труды. В 3 т. М., 1994. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 174.

²⁸⁶ Панкратов А.В. Субъектность как одно из свойств обобщений практического мышления // Практическое мышление: специфика обобщения, природа вербализации и реализуемость знаний / Под ред. Ю.К. Корнилова. Ярославль, 1997. С. 120.

нием или, тем более, препятствием в конструировании им больших генерализирующих идей.

«Общее благо» и очарование «регулярства»

Ренессансная и барочная культуры характеризовались переосмыслением ряда фундаментальных понятий, на которых покоились морально-политические устои средневековой Европы. Получившие распространение в обновленном (рационалистическом и индивидуалистическом) виде с XVII в., логически взаимосвязанные философские теории *естественного права* и *общественного договора* не только определили магистральное развитие общественной мысли, но и обосновывали и объясняли необходимость перемен в устройстве государственного управления, организации общества и экономики, вызванных вполне объективными причинами: прогрессом производственных технологий, совершенствованием вооружений, колониальной экспансией и связанной со всем этим глобальной перенастройкой международных коммуникаций. Модерные вариации теорий естественного права и общественного договора обусловили популярность представлений об *общественном благе*, или *общественной пользе* как выражения естественно-правовой справедливости и, одновременно, цели, к которой должны стремиться народы. Особая ответственность за достижение общего блага возлагалась на *светскую верховную власть*, в какой бы из форм она ни существовала.

Уже во второй половине XVII в. эти идеи, в усеченном, опосредованном виде, тем не менее, занимали определенное место в умах отечественных «западников» допетровской эпохи, в риторике духовенства западнорусского происхождения, циркулировали в переводной литературе²⁸⁷. Петр, открытый новым знаниям, а значит и западным новациям, не только в общих чертах усвоил основные идеи означенных теорий, но и принял их (проинтерпре-

²⁸⁷ См., напр.: Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. / Отв. ред. А.И. Клибанов; подг. текста М.Ю. Сорокина, Л.А. Черная. М., 1990. С. 168–204; Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития её культуры и политики / Пред. М.Ю. Сорокиной; подг. текста М.Ю. Сорокиной при уч. К.Ю. Лаппо-Данилевского. Köln, 2005. С. 177–255; Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX века // Из истории русской культуры. Т. 4 (XVIII – начало XIX века). 2-е изд. М., 2000. С. 39–59; Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII в. Екатеринбург, 2016. С. 57–82.

тировав по-своему). Наиболее близки юному монарху оказались мысли об *общественном благе*, тесно связанные с идеями о происхождении и долге царской власти. Риторика такого рода была освоена государем довольно рано, о чем свидетельствует манифест от 16 апреля 1702 г., названный публикаторами «Полного собрания законов Российской империи» манифестом «О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы исповедания»²⁸⁸.

Начальные строки этого указа очень часто цитируются историками, когда они рассуждают о формировании «западнических» взглядов Петра I. Но комментарий заслуживает весь документ, особенно его преамбула. Во-первых, потому что он проявляет новаторское отношение царя к нормативному акту как способу публичной коммуникации, с помощью которого стало возможно доносить до самой широкой аудитории не только волю монарха, облеченную в норму закона, но и мотивации, побуждавшие к принятию нормы. Во-вторых, потому что в этом манифесте он кратко, но емко позиционировал себя как христианского просвещенного европейского государя, отказавшись от традиционных для его предшественников претензий на исключительную богоизбранность, связанную с принадлежностью к православию как единственно истинной форме христианского исповедания.

Манифест начинался декларацией, что Петр с самого начала своего царствования был озабочен и прилагал старание к тому, чтобы все подданные «попечением нашим *о всеобщем благе* более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние». Таковое виделось государю в сохранении «внутреннего спокойствия», защите страны «от внешнего нападения» и в улучшении и распространении торговли. Царь подчеркивал, что был побужден также «учинить некоторые нужные и *к благу земли нашей служащие перемены*», сводившиеся к научению подданных «ныне им неизвестным познаниям», в чем можно усмотреть одну из ранних петровских сентенций о пользе просвещения, хотя под «неизвестными познаниями» в данном тексте Петр понимал не просвещение вообще, а познания, ведущие к более искусному ведению все тех же торговых дел. Призвание на службу иноземцев монарх объяснял поиском дополнительных способов приведения государства в безопасность от нападения неприятелей, сохранения прав и преимуществ страны и поддержания всеобщего спокойствия в «Христианстве», т.е. во всем христианском мире, «как то

²⁸⁸ ПСЗ-1. Т. 4. № 1910.

христианскому монарху следует». Разумеется, поскольку Россия находилась в состоянии войны, обращение Петра в первую очередь адресовалось военным специалистам, но и «купно с прочими государству полезными художниками». Манифест гарантировал иностранцам не только свободу исповедания, но – и это было новацией – особую подсудность некой «Тайной военного совета коллегии», дела в которой будут рассматриваться на основании «Божеских законов», «по римскому гражданскому праву и другим народным обычаям», а также право отставки (и, по умолчанию, отъезда на родину, чего при прежних государях добиться служилые иноземцы просто не могли) на тех же основаниях, которые «обыкновенно водятся у других европейских монархов».

Рассчитанный на западную аудиторию текст был написан очень толково, оперируя ясными в этой среде понятиями и каждой своей строкой доказывая, что Россия – одна из европейских стран, жизнь и служба в ней строятся на тех же основаниях, что и во всем христианском мире, а ее монарх – надежный гарант счастья подданных и всех, кто захочет служить его скипетру.

В дальнейшем рассуждения об общем благе становятся одной из любимых тем петровских указов, а забота о нем – основой монаршего долга. Через концепцию общего блага можно уяснить отношение Петра к базовым понятиям общественного договора и естественного права.

Долг правителя в деле обеспечения благопроцветания подданных представлялся общим местом в морально-политической мысли барочной Европы. Вследствие Реформации и ослабления политической роли церковной организации, перехода к регулярным армиям и переменам в экономике, в странах Запада значительно расширилась роль государства (светского правителя и его администрации) во всех сферах частной и общественной жизни, а соответственно, вышло убеждение в том, что «сильное независимое правительство и могущественный правитель являются необходимыми предпосылками для духовного и материального благосостояния подданных...»²⁸⁹. И если эти воззрения прежде всего возникают в протестантских государствах, то в тех или иных вариациях они распространяются во всех европейских стра-

²⁸⁹ Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика. Имперский период. Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 51, 53.

нах того времени²⁹⁰. Вопрос о форме светской власти – монархической или республиканской – в этом смысле становится вторичным. Долг доброго правителя в деле достижения общего блага оказывается одинаковым. Петру такая идея служения была близка. Она соответствовала его вестернизированному восприятию власти, но не противоречила и традиционным взглядам на природу и смысл царской власти: православный благочестивый государь, по определению, являлся источником блага и «тишины» для своего народа – эта идея была «отформатирована» русскими публицистами в спорах об отличии «истинного» и «злочестивого» царя еще в конце XV–XVI в. При этом «русским теоретикам была ближе римско-имперская мысль об эпифании – *непосредственном* воплощении божества в царе». Усиленная устранением из политического пространства церкви (Петр сначала фактической, а позднее – юридической отменой патриаршества сделал ту работу, которую на Западе исполнила Реформация), эта мысль сняла вопрос о «договорных обязательствах между властью и народом», но, с другой стороны, облекла заботу об общественном благе в форму «патронального деспотизма»²⁹¹.

Отеческое отношение к народу, отождествление его с детьми, которых следует воспитывать, приучая к добрым обычаям, в том числе путем принуждения – один из устойчивых мотивов петровских указов и их «дидактических» интонаций²⁹². Это можно отнести на счет характерного для России определения отношений между царем и подданными, но можно рассматривать и в русле нового морально-политического дискурса барочной Европы²⁹³, усвоенного Петром под влиянием западных новаций. Вдобавок, принуждая своих «детей» к «ныне им неизвестным познаниям», ведущим к их же пользе, российский просвещенный

²⁹⁰ Ср., напр.: «Все политические доктрины той поры исходят из того, что верховная власть существует для блага подданных». См.: Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры... С. 50.

²⁹¹ Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры... С. 51.

²⁹² Воскресенский Н.А. Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века / Науч. ред. и вступ. ст. Д.О. Серова. М., 2017. С. 350–351.

²⁹³ О том, что европейское камералистское полицейское государство представляло собой *не*-юридическую форму регуляции, организация в которой строится не на законе, а на представлениях монарха о благе народа и данных монархом установлениях, писал К. Трайб. См.: Tribe K. Strategies of Economic Order. German Economic Discourse, 1750–1950. N.Y., 1995. P. 21.

монарх реализовывал цивилизаторскую миссию, «присовокупляя» подданных к числу «политичных» народов²⁹⁴.

В рамках подобных представлений теоретические рассуждения об общественном договоре и естественном праве, едва ли были актуальны для Петра. Когда текущие политические обстоятельства чрезвычайного характера (вроде кризиса в отношениях со старшим сыном и обострившимся в связи с этим вопросом о престолонаследии) вынуждали его оправдываться в глазах общественного мнения (западного – в немалой степени) и искать дополнительные аргументы в обоснование своих поступков, он проявлял к ним интерес, прибегая при этом к помощи специалистов вроде Феофана Прокоповича. В остальном же рассуждения о свободе воли, «естественных» и «искусственных» законах, соотносительности свободы, равенства и собственности были, похоже, для него избыточными. Показательно в этом плане наставление Петра, данное им уже на склоне жизненного пути, в 1724 г., переводчиком неких «экономических на немецком диалекте книг»:

«Понеже немцы обыкли многими рассказами негодными книги свои наполнят, толко для того, чтоб велики казались, чего, кроме самого дела и краткого пред всякою вещию разговора переводит не надлежит; но и вышереченной разговор, чтоб не празной ради красоты, но для вразумления и наставления о том чтущему был...»²⁹⁵.

Обычно эту цитату приводят, чтобы лишний раз доказать пресловутый узкий прагматизм Петра. Но неприязнь к «многим рассказам негодным», которыми иные авторы злоупотребляют, стремясь, по его мнению, доказать свою ученость, могла корениться не только в практическом складе его мышления. Просто царь имел собственные и вполне ясные представления и о природе власти, и о «правах гражданских» (ярко и емко он изложил свой взгляд на этот вопрос в известном указе 1722 г.), и о наилучшей форме правления, а потому не особо нуждался в теоретических рефлексиях на этот счет. Может быть, именно поэтому сочинения Гоббса и Гроция красноречиво отсутствовали в его личной библиотеке, Христиан Вольф интересовал его, скорее,

²⁹⁴ См.: Вульпиус Р. К семантике *империи* в России XVIII века: понятийное поле *цивилизации* // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. В 2 т. М., 2012. Т. 2. С. 50–70.

²⁹⁵ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники / Под ред. и с предисл. Б.И. Сыромятникова. Т. 1. Акты о высших государственных установлениях. М.; Л., 1945. № 203.

как математик²⁹⁶, а Пуфендорф – лишь как историк²⁹⁷, равно как и лично знакомый ему Лейбниц, в чьем творчестве царя занимали «помимо истории, еще и правовые практики, а отнюдь не теоретические рассуждения... о праве»²⁹⁸.

Итак, магистральной идеей в мировоззрении Петра I была идея достижения состояния всеобщего блага, стремление к общей пользе. При этом для царя не было различий в *государственной* пользе и *народной* пользе: они представлялись ему тождественными. Эту мысль он последовательно проводил в своих указах. Всеобщего блага можно было достичь с помощью правильно организованного, *регулярного* управления и правильного поведения всех членов общества, действовавших слаженно и согласно ради достижения общей цели.

Примечательно, что, как свидетельствуют этимологические словари, само слово «регулярный» в значении «правильный», «организованный» появляется в русском языке из латыни через польское опосредование именно в петровскую эпоху²⁹⁹. Как видно, в идее «регулярства» заключался мощный этатистский посыл, вера в то, что хорошо отлаженное государственное администрирование – своеобразный ключ к счастью. На государство, в первую очередь на государя как на воплощение первого, возлагалась миссия создания условий для рационального управления материальными ресурсами и контроля над подданными, а также воспитания самих этих «полезных» подданных – просвещенных, нравственных, искусных в нужных «художествах», исполненных чувства долга к исполнению своих обязанностей.

Нетрудно увидеть в этих положениях постулаты, сформулированные ранними немецкими камералистами, логично соединившими в своих трактатах и передовые морально-философские

²⁹⁶ Из сочинений Вольфа в каталоге личной царской библиотеки зафиксировано лишь 2 экземпляра его «Elementa matheseos universale» – латиноязычных изданий, напечатанных в Галле и Магдебурге в 1713 и 1715 гг. соответственно. См.: Библиотека Петра I (указатель-справочник) / Под ред. Д.С. Лихачева; сост. Е.И. Боброва. Л., 1978. С. 161.

²⁹⁷ Основной теоретический труд Самуэля Пуфендорфа «De officiis hominis et civis» («О правах человека и гражданина») стал известен Петру только незадолго до смерти, в 1724 г. См.: Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель... С. 95–96.

²⁹⁸ Там же. С. 91.

²⁹⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. 4-е изд. М., 2009. Т. 3. С. 458; Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994. С. 270.

воззрения³⁰⁰, и «преимущественно механическое обобщение крупиц тривиальной административной мудрости», придавшие этим трактатам вид всеобъемлющей теории, «теории всего»³⁰¹.

Петру I камералистское учение было гораздо ближе, чем общие рассуждения о праве и морали именно благодаря своей внешней универсальности, ориентированности на практику в сочетании с «научностью»³⁰². Экономическая составляющая камерализма, роднящая его с меркантилизмом, с присущими последнему протекционистскими мерами, ориентиром на импортозамещение в организации национального производства, нацеленным на достижение активного внешнеторгового баланса и мобилизацию внутреннего производственного потенциала, были хорошо известны царю по деятельности его предшественников (вспомним т.н. Новоторговый устав 1667 г., опыты с заведением текстильных и металлургических мануфактур и попытки реформирования денежной и налоговой систем).

Знакомство Петра I с административной или шире – с «полицейской» составляющей камерализма³⁰³ было более сложным.

³⁰⁰ Идеиная связь камерализма с трудами философов-рационалистов позднего Ренессанса и раннего Просвещения, а также с ранними сочинениями по политической экономии (главным образом, итальянскими), прослежена С.А. Рейнертом, который исследовал источники творчества самой значимой фигуры немецкого камерализма второй половины XVII века Ф.-Л. фон Зекендорфа. См.: Reinert S.A. Cameralism and Commercial Rivalry: Nation-building through Economic Autarky in Secendorff's 1665 Additiones // European Journal of Law and Economics. 2005. № 19. P. 277–278.

³⁰¹ Зубков К.И. Камерализм как модель взаимодействия государства и общества: новое прочтение // Уральский исторический вестник. 2013. № 3 (40). С. 20.

³⁰² На эту универсальность указывал и фон Зекендорф: «В предисловии к “Немецкому княжескому государству” Зекендорф писал, что его мысли были адаптированы к потребностям государства среднего размера, но их легко приспособить к *любому* из государств “немецкой гражданской семьи”». – Reinert S.A. Cameralism and Commercial Rivalry... P. 278. Напротив, мысль о практической несостоятельности теоретических постулатов камералистов наиболее последовательно отстаивает Э. Уэйкфилд. – Wakefield A. The Disordered Polise State. Chicago, 2009.

³⁰³ Понимая под «полицейским» комплекс регулируемых государством мер по организации рациональной общественной деятельности. Позднее экономическая часть камералистского учения (точнее, вопросы управления экономикой) и его административная часть оформятся в рамках университетского набора дисциплин – камералистики, или камеральных наук (Kammeralwissenschaft), в Staatswirthschaft (государственная экономика) и

Его интерес к западным управленческим моделям прошел свою эволюцию и имел определенную специфику. Ранний этап того, что мы по традиции называем административными реформами, будь то т.н. первая городская реформа или первая губернская, она же областная реформа, дает очень мало информации, позволяющей говорить о стремлении монарха создать «хорошо организованное государство». Можно предположить, что в эти годы (конец 1690-х – 1700-е, даже середина 1710-х гг.), царь и не ставил целью реформирование системы управления, тем более – в соответствии с некими передовыми западными образцами, если понимать под реформой осознанное и более или менее ясно декларируемое *стремление к прогрессивным новациям*³⁰⁴.

Что действительно стало объектом реформирования в современном смысле этого понятия, так это вооруженные силы. Именно вооруженные силы, а не армия, потому что, помимо регулярной армии, несопоставимо лучше организованной, чем при царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче, армии, включавшей в себя не только полевую пехоту и кавалерию, но и гарнизонные части, Петр I создал новый для России *вид* вооруженных сил – военно-морской флот. Это потребовало колоссального напряжения и беспрецедентной мобилизации ресурсов, тем более что военная реформа шла в условиях затяжной войны с одним из сильнейших государств Европы того времени. Все усилия царя как организатора реформы были сосредоточены на проблеме материально-технического снабжения войск.

В те годы вся страна стала приложением к вооруженным силам, что касалось также административной системы в широком смысле: все управленческие эксперименты тех лет имели одну цель – поиск средств. Утилитарный смысл административных поисков 1700-х – первой половины 1710-х раскрыл П.Н. Ми-

Polizeiwissenschaft (полицистика) соответственно. О позднем камерализме и камеральных науках, кроме классического труда А. Смолла (Small A.W. The Cameralists. The Pioneers of German Social Polity. Chicago, 1909). См.: Трибе К. Strategies of Economic Order...; в т.ч. в России: Чаплыгина И.Г. Камерализм и экономические дисциплины в Московском университете XVIII века // Terra Economicus. 2019. № 17 (4). С. 80–94; Расков Д.Е. Камерализм книг: переводы Юсти в России XVIII века // Terra Economicus. 2019. № 17 (4). С. 62–79.

³⁰⁴ См., напр.: Кром М.М., Пименова Л.А. Феномен реформ в Европе раннего Нового времени (вместо предисловия) // Феномен реформ на Западе и Востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) / Под ред. М.М. Крома, Л.А. Пименовой. СПб., 2013. С. 7–16.

люков в исследовании губернского хозяйства. Единственной целью создания губерний было содержание за их счет «прикрепленных» к ним полков действующей армии. Это ярко подтверждают наблюдения над функционированием административно-территориального аппарата губерний или аналогичных им образований, созданных до распространения губернского деления на всю страну (прежде всего в Ингерманландской губернии 1702–1708 гг.). Нас не должно смущать усвоение в эти годы западных наименований должностных лиц и учреждениям новой администрации: то были примеры простой подражательности, экземплификации, выполнявшей роль своеобразной культурной «мимикрии» – смысл ее сводился к тому, чтобы быть «как в других странах».

Порой самому Петру не вполне был понятен действительный функционал тех или иных должностей в странах заимствования, как это было с должностью ландрихтеров образца 1707 г. или более поздних ландратов. За время существования первых «реформированных» администраций для них не было создано более или менее однотипных должностных инструкций. Не удивительно, что историки не могут найти и следов какого-либо «обдуманного и соображенного плана реформы» в эти годы. Гражданское управление в замыслах и действиях Петра имело вспомогательный характер по отношению к реформе вооруженных сил. Но именно в ходе реформы вооруженных сил он приобретал практический опыт и теоретические познания, потенциально пригодные для реформы государственного аппарата, ориентированного на современные камералистские модели. Военное строительство на новых основаниях включало не просто переход к иным способам комплектования войск и применение передовых тактических приемов и вооружений. Организация управления, снабжения, правового регулирования и квартирования войск (включая и мирное время) стала хорошей школой администрирования, отработки техники нормативно-законодательного творчества и административного делопроизводства. Армия и флот стали для Петра *действующей моделью идеальной общественной организации*, устроенной в соответствии с идеями «регулярства» и служения «общественному благу»³⁰⁵, а его познания в «натуральных науках», ма-

³⁰⁵ Армия служила для Петра своеобразной моделью построения гражданской системы управления. См.: Анисимов Е.В. Петр Великий. Личность и реформы. СПб., 2009. С. 133; Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven; L., 1998. P. 77–78.

тематике и ремеслах лишь усиливали убежденность в правильности действий. «Регулярному» государству предшествовала регулярная армия, и Петр, вовсе не из риторических побуждений, заявлял в преамбуле указа от 19 декабря 1718 г. (об учреждении коллегий): приведя в добрый порядок военные дела, он, *«управя оное, и о земском правлении не пренебрег, но трудитца и сие в такой же порядок привесть, как и воинское дело»*³⁰⁶.

Управленческие новации, опробованные в войсках, применялись в сфере гражданского регулирования. Это касалось и первых опытов организации управления в фискально-финансовой сфере (институт комиссаров и провиантмейстеров – особых чиновников по денежным и продовольственным сборам и снабжению, который был учрежден в армии и активно использовался в гражданских учреждениях), и распространения норм Устава воинского в сферу общего судопроизводства³⁰⁷, и широкого привлечения действующих и отставных офицеров, как наиболее подготовленных, приученных к «регулярству» управленцев на руководящих должностях госаппарата и судебно-следственных органов.

Беспрецедентной в сравнении с предшествовавшими военными преобразованиями стала работа по теоретическому обеспечению реформы войск. С первых лет XVIII в., по распоряжению Петра, начинается выявление, отбор и приобретение текстов, содержащих сведения о структуре и принципах военного и военно-административного устройства практически всех значимых европейских государств: Священной Римской империи, Дании, Англии, Шотландии, Швеции, Голландии, Испании, Франции, Пруссии. Но уже в это время заметен интерес Петра к вопросам организации собственно *государственного управления*. Судя по тематике книг, приобретаемых по распоряжению царя, среди сочинений по военному праву и военному делу были и издания гражданских законодательных актов западных стран. Так, из 36 книг на французском и латыни, закупленных в 1702 г., десять содержали различные образцы французского законодательства³⁰⁸. Подробное описание организации гражданского и военного управления во Франции привез государю в мае 1709 г. А.А. Матвеев, бывший в 1705–1706 гг. русским резидентом при версальском

³⁰⁶ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I... № 60.

³⁰⁷ Указ о распространении норм Устава воинского на гражданские суды. См.: Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I... № 38.

³⁰⁸ Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право... С. 83.

дворе³⁰⁹. Анализ этих текстов, их систематизация, подготовка на их основе разнообразных «экстрактов» и сводных документов, оценка их пригодности для использования в России – вся та огромная работа, которая велась при личном участии Петра I, стала основой для вызревания его взглядов на государство *как правильно организованную систему* со специализированным и унифицированным управлением, рациональным ведением хозяйства и столь же рационально организованным обществом.

Со временем сбор информации об организации управления стал подлинно масштабным. Историки единодушно отмечают, что разворот к проблематике государственного строительства происходит у Петра в 1712–1715 гг. Хотя основным источником информации о камералистских принципах управления оставались нормативно-законодательные акты разных государств, он не обходит вниманием и специальные обобщающие труды камералистов. В его личной библиотеке выявляется небольшая, но показательная тематическая подборка. Одним из первых камералистских сочинений, попавших в руки Петра, стало «Fürstliche Macht-Kunst, oder Unerschöpfliche Gold-Grube, wodurch in Fürst sich kann mächtig und seine Unterthanen reich machen» (1703) Генриха фон Боде, профессора права в университете Галле, главном центре немецкого камерализма. Этот труд Боде царь высоко ценил: с него был сделан рукописный перевод под названием «Княжеских сил хитрость, или неисчерпаемый золотый кладезь, чрез который государь сильным себя учинить и подданных своих обогатить может»³¹⁰. Петр был знаком и с творчеством Иоганна-Иоахима Бехера, влиятельного теоретика австрийского камерализма второй половины XVII в. Хотя в каталоге библиотеки Петра не зафиксирован главный труд Бехера («Politisch», 1667), но имелось другое сочинение, более «прикладного» характера³¹¹.

³⁰⁹ Законодательные акты Петра I: Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники: сб. док. В 3 т. / Сост. Н.А. Воскресенский; отв. ред. Е.В. Анисимов; предисл. и подг. текста Д.О. Серова; археограф. предисл. А.А. Богданова. М., 2020. Т. 2. Акты об общественных классах. Т. 3. Акты о промышленности и торговле. № 99.

³¹⁰ Библиотека Петра I... С. 21; нем. оригинал на с. 112. Петр даже распорядился напечатать перевод, но это намерение осталось нереализованным. См.: Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право... С. 102.

³¹¹ «Närische Weisheit und weise Nartheit, oder ein Hundert so politische, als physicalische, mechanische und mercantilische Concepten...» франкфуртского издания 1683 г. в 12 долю листа. См.: Библиотека Петра I... С. 109.

Представления Петра о новациях в области права пополняли сочинения Бенедикта Карпцова (младшего), профессора Лейпцигского университета и заседателя лейпцигского верховного суда, признанного впоследствии основателем современного немецкого права, в т.ч. его «Jurisprudentia ecclesiastica, seu consistorialis rerum et questionum in... principis electoris Saxon...» – первое систематическое изложение протестантского церковного права, и «Responsa juris electoralia in... archiprincipis electoris Saxon...», изданные соответственно в 1685 и 1683 гг.³¹² К ним тематически примыкал восьмитомный «Словарь филополитический, Или политический сундук сокровищ» («Thesauri Philopolitici. Oder: Politisches Schatz-Kästlein», Франкфурт, 1627–1631) Иоганна-Филиппа Абелина, писавшего под псевдонимом Иоганна-Людвига Готфрида, знаменитого основателя и издателя «Theatrum Europaicum», *временника* по новейшей истории и международной политике³¹³. Не это ли издание имел в виду Петр, когда в 1715 г., кому-то из своих зарубежных дипломатических агентов поручал узнать имя автора «Универсального лексикона», который следовало приобрести в Праге и перевести на русский А. Веселовскому, царскому резиденту при венском императорском дворе³¹⁴?

Экономическая литература камералистского толка представлена в библиотеке Петра настоящим «бестселлером» – новейшим сочинением Джона Ло (Жана Лауса, как на французский лад именовался этот финансовый гений и любимец регента, герцога Филиппа Орлеанского) «Considération sur le commerce et sur l'argent», в английском переводе 1720 г. Там же имелся рукописный русский перевод, осуществленный кн. И.А. Щербатовым и поднесенный Петру в том же году: «Деньги и купечество... чрез Ивана Ляуса, ныне управителя королевского банку в Париже»³¹⁵. Какое-то представление имел царь и о новейшем фундаментальном труде по полицейистике: «Traité de la police» Николя Деламара. Как выяснил Н.А. Воскресенский, ряд положений из этого труда вошел в петровский Регламент, или устав Главного магистрата 1721 г.³¹⁶ Если добавить к этому списку классическое сочинение

³¹² Там же. С. 115.

³¹³ Там же. С. 126.

³¹⁴ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I... № 47.

³¹⁵ Библиотека Петра I... С. 34, 133.

³¹⁶ Воскресенский Н.А. Петр Великий как законодатель... С. 471. Выдержка из «Traité de la police» (т. 1, кн. 1, титул 1, гл. 1) на французском языке с русским переводом обнаруживается в рабочих документах Петра I, ис-

Факсардо Диего де Сааведры «*Idea principis christiano-politici in centum symbolis expressa*» (Брюссель, 1649) и его рукописный перевод 1707–1709 гг. Феофана Прокоповича («Изображение Христиана политического властелина, символами объясненное от Дидакоа Саведры Факсарда, ныне же с латинского на диалект русский переведенное»), то станет понятно, что Петр I имел возможность выработать собственное мнение о камералистском учении не только на основании уставов и регламентов западно-европейских стран.

«Регулярство», как фундамент государственного устройства, залог успешного развития даже при ограниченных ресурсах, стало к рубежу 1710–1720-х гг. глубоким убеждением монарха, которое он старался донести до своих подданных, даже до тех, кому было не по силам освоить назидательные сентенции преамбул и «экспликаций» его указов. В записных книжках Петра, в которых он обычно кратко фиксировал мысли, пригодные для дальнейшей реализации, можно найти сделанную, вероятно, в 1718 г. запись: «Чтоб мужикам зделат какой маленькой регул и читать по церквам для вразумления»³¹⁷. А во время работы над очередной редакцией Табели о рангах, видимо, в 1721 г., император многозначительно заметил: «Гишпания многия земли, флоты, войска имела, но понеже *регулярного разделения и учрежденное управление в советах не было*, и для того она великая машина и сила *во временное умаление... пришла...*»³¹⁸. Когда в декабре 1718 г. Петр объявил о намерении привести в доброе состояние «земское управление», он уже точно представлял, какое государство будет строить.

«Российское имперское государство»

Говоря о петровских реформах последних лет его царствования, историки выделяют коллежскую реформу, реформу Сената, судебную реформу, вторую областную реформу. Между тем, все они являлись составляющими одной большой реформы государственного управления, связанными единой целью, общей идеологией, и имели взаимодополняющий характер. Законодатель-

пользованных при подготовке текста Регламента Главного магистрата. См.: Законодательные акты Петра I... № 212. Правда, насколько глубоко было знакомство царя с этим трудом, был ли он вообще в его распоряжении, или монарх пользовался только какими-то переведенными фрагментами, вроде вышеупомянутого, сказать невозможно. В библиотеке Петра этой книги нет.

³¹⁷ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I... № 67.

³¹⁸ Законодательные акты Петра I... № 43.

ное обеспечение реформы состояло в серии указов, инструкций и регламентов, написанных при участии Петра I или им самим, прошедших его редактирование и имевших, по сути, пакетный характер. Большинство из этих законодательных актов были созданы в коротком временном диапазоне между 1718 и 1724 г. В них можно видеть некий *авторский мега-текст*, единое дискурсивное целое, не только нормативную основу, но также идейную концепцию, в соответствии с которой должны были развиваться отношения власти и общества. Если объединить этот нарратив под одной обложкой, дать общее наименование, сгруппировать указы и регламенты по тематическим разделам в виде частей и глав со своими названиями, снабдить введением и заключением, то мы получим солидный камералистский трактат, не уступающий лучшим западным образцам жанра. Файт-Людвиг фон Зекендорф, этот «Адам Смит камерализма»³¹⁹, назвал свой главный труд «Teutscher Fürstenstaat» («Немецкое княжеское государство»). «Трактат», составленный из петровских указов, можно было бы назвать «Российское имперское государство» («Russischer Reichsstaat»). В нем мы увидим петровский взгляд на свою империю, то самое «ментальное государство» Петра Великого. Так что же оно представляло собой в основных чертах?

Прежде всего, в полном соответствии с камералистской идеей, оно основано на мудрых установлениях, данных государем, – тех самых «правах гражданских», которые всем должно неукоснительно и в точности исполнять. Всякого рода толкователи законов (в петровской логике – уставов и регламентов) уподоблялись карточным шулерам, прибирающим «масть к масти». Любые вопросы, возникающие в связи с исполнением узаконений (и в связи с наличием в них «темных мест»), разрешаются исключительно монархом³²⁰. Правильное управление, установленное государем «по примеру других христианских областей», есть залог порядка. Оно введено «ради исправного определения и исчисления... приходов, и поправления полезной юстиции и полиции (то есть в расправе судной и гражданстве), также ради возможного охранения своих верных подданных, и содержания своих мор-

³¹⁹ Small A.W. The Cameralists... P. 69.

³²⁰ Указ «О хранении прав гражданских» от 17 апреля 1722 г. См.: ПСЗ-1. Т. 6. № 3970. Понимание законов как свода обязывающих норм и запрет на их толкование были присущи всем абсолютным монархам Европы XVIII в.; Уортман называет этот феномен «антилегализмом». Уортман Р.С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М., 2004.

ских и сухопутных войск в добром состоянии, тако ж коммерции, художеств и мануфактур, и доброго учреждения своих морских и земских пошлин, и ради умножения и приращения рудокопных заводов и прочих государственных нужд...»³²¹.

Все полезное государству оказывается полезным и народу, а всякое «похищение государственных интересов» влечет «бедственные народные тягости», отчего «многие всяких чинов люди, а наипаче крестьяне, приходят в разорение и бедность»³²². Подданные «Российского имперского государства» являют собой образец добродетелей: они нравственны, трудолюбивы, склонны к просвещению и «размножению» всяких «полезных художеств». В их рядах нет места нищим, странникам, юродивым – всем тем категориям, которые были вполне приемлемы и даже нужны в прежней, традиционной социальности, поскольку фактом своего существования поощряли к христианскому милосердию, указывали на несовершенство мирских ценностей, обличали сильных мира сего и подавали пример смирения³²³. В камералистском «ментальном государстве» они становились лишними, ибо были непригодны для деятельности во имя всеобщего блага. Физически немощным был путь в богадельню, где они находили признание благотворительной полиции и «доброе гражданства», а физически годным – принудительный труд в работных домах и солдатская служба.

В этом государстве доходы казны растут «без тягости народной»³²⁴, с учетом «особливого состояния» всех «народов и провинций». для чего правительственные учреждения располагают исчерпывающими сведениями о ресурсах страны: «о натуре (природе), о ситуации (состоянии), о расположении, о расходах и оборочных статьях государства»³²⁵; имеют «генеральные и партикулярные ландкарты» с описанием «всех границ, рек, городов, мес-

³²¹ Генеральный регламент (Преамбула) от 28 февраля 1720 г. См.: ПСЗ-1. Т. 6. № 3534.

³²² Указ «О разных государственных сборах, о наказаниях хищников за взятки лишением имения и живота» от 22 июня 1720 г.: ПСЗ-1. Т. 6. № 3601.

³²³ См., например: «Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии. Даже доньше терпим голод и жажду, и наготу, и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим...» (1 Кор. 4:10).

³²⁴ Указ «О разных государственных сборах, о наказаниях хищников за взятки лишением имения и живота» от 22 июня 1720 г. ПСЗ-1. Т. 6. № 3601.

³²⁵ Регламент Камер-коллегии от 11 декабря 1719 г. ПСЗ-1. Т. 5. № 3466.

течек, церквей, деревень, лесов и прочего»³²⁶; поощряют жителей к полезным занятиям, таким как развитие «рудокопных заводов», от «прилежного устройства» которых «земля обогатится и процветет, также пустые и бесплодные места многолюдством населятся»³²⁷. Развитие собственного производства, поддержание активного внешнеторгового баланса через тарифную политику и поощрение промышленников и купечества – основа экономической деятельности власти: «Надлежит смотреть в подрядах и в покупке материалов, ружья и аммуниции, чтоб оное все было своего государства, кроме тех, которых в своем государстве сыскать невозможно, или и есть, да негодное; и ежели возможно, то что б и выписывать из чужих государств чрез своих купцов»³²⁸.

Петровское государство – унифицированное, «статистически» организованное административное пространство. В его основе – дистрикты, административно-территориальные единицы («на манер шведского») с примерно равным количеством проживающих в них налогоплательщиков, снабжающих материальными ресурсами государство без «излишнего для себя отягощения»; они сменили хаотично и спонтанно возникавшие разнокалиберные уезды прежней России. Это пространство пронизывает благоустроенная дорожная сеть «для отправления всяких посылаемых из Сената, из коллегий указов и протчих писем и воспринимания на оные ответов»³²⁹. Законодательные импульсы из столицы достигают провинциальных административных центров быстро, ответные действия и отчеты об исполнении возвращаются в столицу незамедлительно. «...На все указы, когда где кто получит, на другой день тотчас ответствовать, что оной принят, и по оному что мочно в какое время сделать или что не мочно и зачем [по какой причине]», категорически определяет именной указ от 19 марта 1719 г.³³⁰ Впрочем, транспортные коммуникации призваны служить не только казенным надобностям. Вдоль них расположе-

³²⁶ Генеральный регламент от 28 февраля 1720 г. ПСЗ-1. Т. 6. № 3534. О том же более подробно: Регламент, или устав главного магистрата от 16 января 1721 г. Гл. III. О состоянии городов. См.: ПСЗ-1. Т. 6. № 3708.

³²⁷ Указ «Об учреждении Берг-коллегии» (Берг-привилегия) от 10 декабря 1719 г. См.: ПСЗ-1. Т. 5. № 3464.

³²⁸ Регламент Адмиралтейства и верфи от 5 апреля 1722 г. (Гл. I. О должности Адмиралтейской коллегии, п. 17). См.: ПСЗ-1. Т. 6. № 3937.

³²⁹ Из текста именного указа от 30 апреля 1719 г. об улучшении почтового сообщения. См.: ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 439. Л. 22–22 об.

³³⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 17. Л. 390.

ны постоянные дворы, обеспеченные необходимыми удобствами и запасами фуража и продовольствия: всякий проезжающий может воспользоваться этим по умеренным и справедливым ценам³³¹.

Основной принцип управления в «ментальном государстве» Петра Великого – конечно же, коллегиальный. Он торжествует во всей полноте в указах и регламентах конца 1710-х – 1720-х гг., монополизировав центральный аппарат, реализуясь в системе коллегий, хотя и несколько отступая на местном уровне власти. Другой принцип управления, вместе с коллегиальностью формирующий основу «ментального государства» Петра, – принцип специализации управленческих функций. Специализация перестраивает центральный коллежский аппарат, группируя коллегии в ведомственные блоки: военный, дипломатический, финансовый, промышленный, торговый, юридический. Сообразно специализации центральных органов власти организуются ведомственные управленческие вертикали на местах: от губернии / провинции до уезда / дистрикта; особенно четко заметны эти специализированные институты в финансовом, судебном, промышленном и военном (с момента развертывания полковых канцелярий и канцелярий сбора подушной подати) ведомствах.

Воображаемую государственную машину обслуживают многочисленные чиновники. Они носят новые, настолько непривычные русскому уху наименования, что время от времени к указам приходится прилагать пояснения, подыскивать иностранным словам русские аналоги. Эти чиновники получают фиксированное жалованье за свой специфический труд. Им строжайше запрещается принимать, а тем более вымогать с населения любые виды частного вознаграждения. Их служебная деятельность тщательно продумана и законодательно организована должностными инструкциями, коллежскими и Генеральным регламентами. Особая миссия лежит на местных управленцах, ведь они непосредственно олицетворяют регулярное государство в глазах населения. Помимо прямых обязанностей: организации обороны вверенных территорий, сбора податей, контроля над исправлением натуральных повинностей и обеспечения бесперебойного и правильно устроенного документооборота, инструкции возлагают на них широкий круг забот по благоустройству жизни и организации образования и нравственного воспитания народа.

³³¹ Инструкция, или наказ воеводам, январь 1719, п. 18: ПСЗ-1. Т. 5. № 3294.

Вероятно, первоначально у Петра I была мысль более последовательного разделения функций чиновничества. Помимо перечисленных специализаций в сферах финансов, юстиции, торговли, промышленности и военного администрирования, он присматривался к возможности создания полицейских должностей, понимая их в самом широком камералистском духе, а камералистские трактаты относили полицейское управление к категории фундаментальных. Во всяком случае, работая над выписками из иностранного законодательства при разработке Табели о рангах, император среди различных гражданских должностей особо выделил т.н. «полицеимастеров советников», о которых записал: «В моралиях, в политике и в економии ученные люди суть, оне учреждение чинят, которое к благоповедению всего государства касаетца, дабы подданныя в покое и в довольстве жили, дабы города и поля дворами, мостами, корчмами, улицами, колодцами снабдены, и дабы безбожныя люди, гуляки к работе навывкали, и все дороги безопасны учинены были. И для того оне в назначенныя им уезды по деревням ездят, смотрят и примеченныя погрешения доводят и о всех доносят»³³². Однако в конечных вариантах сочиненного Петром государства никаких особых «полицейских советников» не появилось. Исключение составило столичное управление, в структуре которого в 1718 г. была учреждена должность генерал-полицмейстера³³³.

Законодателем также мыслилось распространение полицейского управления на все российские города: слишком уж важна была идея *Polizeistaat* для достижения общественного блага. В результате, в Регламенте Главного магистрата 1720 г. появилось положение о полиции, значимость которой под пером венценосного автора приобрела универсальное значение, особенно в первой, наиболее пространной редакции, а фраза: «полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков, и фундаментальной подпор человеческой безопасности и удобства» – стала одной из самых ярких и узнаваемых петровских метафор³³⁴.

³³² Законодательные акты Петра I... № 43.

³³³ «Пункты» (инструкцию) Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру от 25 мая 1718 г. см.: ПСЗ-1. Т. 5. № 3203.

³³⁴ Петр тщательно оттачивал эту фразу, вошедшую в беловой текст регламента. В черновом варианте она имела не столь совершенный вид и читалась так: «...полиция есть душа *гражданского обхождения*, и всех добрых порядков, и *фундамент подпори человеческого обхождения, хранения и beneficia*».

Широкие полицейские функции оказались возложены на лиц местной администрации общего и камерального профилей. Их попечению вверяется устройство и поддержание в порядке сухопутных и водных транспортных коммуникаций; учреждение и содержание постоянных дворов; надзор за ценами на продовольствие и фураж. Губернаторам и воеводам следовало иметь смотрение над академиями, школами и госпиталями (в «ментальном государстве» они имели, вероятно, широкое распространение), а земские комиссары, оказывается, были должны побуждать подданных «к правде и справедливости ко всем людям», воспитывая в них склонность «к добрым поступкам», «страху Божию и добродетели» и потребность к обучению своих детей «читанию и письму»³³⁵. Да и могло ли быть иначе, если «академии и школы сочиняют новой народ и новой свет, как мы во многих иных европейских нациях видим... Сей есть главнейший пункт всей полиции и единая из главных должностей высоких правителей»³³⁶.

Наконец, все это великолепие и процветание охраняют от внешних посягательств мощные армия и флот, деятельность которых, по самой сути «хорошо организованная», детальнейшим образом регламентирована уставами: Воинским, Морским и Регламентом Адмиралтейства и верфи.

Конечно, Петр не был так наивен, чтобы не понимать некоторой иллюзорности созданной им концепции. Многое в указах и

ние». См.: Регламент Главного магистрата. Гл. X. О делах полицейских. Первая – А – редакция 1720 г. – Законодательные акты Петра I... № 208.

³³⁵ Инструкция, или наказ воеводам, п. 4, 15. См.: ПСЗ-1. Т. 5. № 3294. Нормы этой инструкции распространялись и на губернаторов, что было подтверждено отдельным указом в том же 1719 г. См.: ПСЗ-1. Т. 5. № 3381. Обязанности земских комиссаров регламентировались Инструкцией, или наказом земским комиссарам, в частности, п. 19.1, 19.2, 20. См.: ПСЗ-1. Т. 5. № 3295. Все эти сентенции об обязанностях местных администраторов способствовать просвещению и моральному воспитанию населения непосредственно навеяны шведской Инструкцией ландсгевдингам, добыть которую удалось через одного из агентов Я.В. Брюса в ноябре 1718 г. Расхваливая полезность этой инструкции и прося средств для расчета с агентом, Брюс, в частности, пояснял, что она важна и тем, что в ней описано «...также и о всяких земских и гражданских делах подробно, о академиях, о госпиталях, о школах, о сиротстве, о нищих и гулящих людях, о содержании мостов и дорог, о почтах, о рудокопных и протчих делах, вкратце сказать – о всем, что принадлежит ко владению и употреблению губернии». См.: Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I... № 53.

³³⁶ Регламент Главного магистрата. Гл. XXIV. О школах. Первая – А – редакция 1720 г. См.: Законодательные акты Петра I... № 208.

регламентах прямо указывает на то, что заложенные в них идеи понимались императором как перспектива, что модель его государства задана «на вырост». «Такое новое дело невозможно везде вдруг, или все в один раз учредить, ибо одна конфузия одной следовать будет», – написал он в одной из заключительных глав первой редакции Регламента Главного магистрата³³⁷. Эти слова справедливо отнести ко всему, декларированному в текстах последних лет его царствования. Более того, многие его действия, предпринимаемые на практике, разрушали целостность заявленной концепции, плохо с ней сочетались и, в конечном итоге, привели к кризису всей системы управления, разрешать который пришлось его ближайшим преемникам и недавним соратникам³³⁸. Но значение написанного Петром заключается не в этом.

Став в результате длительной эволюции убежденным камералистом и предприняв к концу жизни грандиозный труд по преобразованию системы государственного управления, монарх разработал не просто перспективную программу реформ. Под его пером обрела отчетливые очертания *новая государственная идея*.

Петр больше не занимался созиданием священного царства, как это несколько веков ранее начали делать его предшественники. Он осознанно провозгласил строительство государства всеобщего блага, которое должно было стать в один ряд с процветающими и политичными державами «христианства». Хороша ли была эта идея, выиграла или проиграла от этого Россия, чего лишилась, а что приобрела – вопросы иного порядка. Но мобилизующее значение такого рода идей, даже ложных (и чаще всего ложных), хорошо известно. «Ментальное государство» Петра Великого сумело интегрировать вокруг себя российские элиты на доброе столетие вперед, а его импульсы заметны, по крайней мере, еще в министерской реформе начала XIX века.

³³⁷ Гл. XXVII. О порядке, которой при сем учреждении внимать надлежит. Первая – А – редакция 1720. См.: Законодательные акты Петра I. № 208.

³³⁸ Редин Д.А. Эффективность местного управления в Петровскую эпоху: парадоксы централизации // *Quaestio Rossica*. 2016. Т. 4. № 3. С. 190–216.

Глава VIII

«СОН РАЗУМА РОЖДАЕТ...»

8.1. ВЛАСТЬ МАММОНЫ ФИНАНСОВЫЕ АФЕРЫ И КОРРУПЦИЯ В БРИТАНИИ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII ВЕКОВ

Не можете служить Богу и Маммоне.
(Мф. 6:24, Лк. 16:13)

Рубеж XVII–XVIII вв. оказался переломным в истории Английского королевства. Его взлет в социально-экономическом и государственно-политическом развитии объясняется в первую очередь становлением финансового капитализма, на что нечасто обращают внимание, сосредотачиваясь на «уникальном» политическом устройстве этого островного государства. Тезис о решающей роли финансов будет здесь рассмотрен на трех уровнях. На первом мы обратимся к политике меркантилизма как системообразующему фактору концентрации капиталов и канализации их на решение задач государственного масштаба (строительство флота, ведения войн и т.д.). На втором уровне присмотримся к тому, какую роль в эпоху меркантилизма играли частная инициатива и торговые компании на примере Компании Южных морей. Наконец, третий аспект, который нас будет интересовать: каким образом реагировали современники на изменение в интеллектуальном климате, как произошло оправдание нового «идеала» служения «золотому тельцу». Собственно, все три аспекта нашли яркое проявление в самой громкой финансовой афере XVIII в. – крахе Компании Южных морей 1720 г. (South Sea Bubble).

Долгое время оценка меркантилизма в истории Англии определялась точкой зрения Адама Смита, который вынес ему приговор как заговору торгового меньшинства, стремящегося набить свои карманы за счет остальной части общества¹. И действительно, «теоретиками» меркантилизма в Англии в отличие от других стран (где, как правило, ими были представители бюрократии) являлись торговцы. Их идеи были положены в основу Навигационного акта 1654 г. Современный исследователь Ларс

¹ Smith A. The Wealth of Nations. Book IV. Of system of political Economy. Amsterdam, 2007. P. 327–535.

Магнуссон подтверждает эту мысль: основная часть того, что принято называть «меркантилистской литературой»², появилась в Англии в 1620-х гг.³ Переосмысление смитовской оценки меркантилизма произошло в работах Эли Хекшера⁴, Чарльза Уилсона из Кембриджа⁵, Питера Диксона⁶. Они доказывают, «меркантилистская система» была временем впечатляющего, уникального роста в доиндустриальную эпоху. Это была «коммерческая революция», в ходе которой «английский торговый класс был способен разбогатеть, накапливать капитал на посреднических операциях и на растущей судоходной отрасли, которая была необходима для перевозки дешевого сахара, табака, перца и солины по океанским маршрутам»⁷. В работах этих и других исследователей меркантилизм предстал в качестве «инструмента» превращения Англии в «великую державу», анализ оказывался сосредоточен на тесной взаимосвязи экономического и политического контекстов английской истории рубежа XVII–XVIII вв.

«Ревизии» оказался подвержен еще один из мифов «вигской интерпретации» английской истории – миф о слабом государстве в Англии XVII–XVIII вв. Система налогов и сборов, а также военно-морская мощь стали ключами к эффективности государства. Формирование новой фискальной системы имело в основном внутривнутриполитическую направленность, в то время как строительство флота (в ситуации практически непрекращающихся войн рубежа XVII–XVIII вв.) в большей степени было связано с внешнеполитической угрозой, хотя обе эти тенденции пересекались в отчаянной схватке между Францией и Англией за влияние в Европе и колониальные рынки. При восшествии в январе 1689 г. на английский престол Вильгельма Оранского франко-голландская

² Hales J. A Discourse of The Common Weal of This Realm of England. Cambridge, 1893. P. 62–63; Misselden E. Free Trade, or the Means to make Trade flourish. L., 1622; Malynes G. The Circle of Commerce, or the Ballance of Trade, in Defence of Free Trade L., 1623.

³ Magnusson L.G. Mercantilism // A Companion to the History of Economic Thought / Ed. by W.J. Samuels, J.E. Biddle, J.B. Davis. L., 2003. P. 47.

⁴ Heckscher E.F. Mercantilism. In 2 vols. L., 1935; Heckscher E.F. Multilateralism, Baltic Trade, and the Mercantilists // Economic History Review. 2d. ser. 1950. Vol. 3. № 2. P. 219–228.

⁵ Wilson C. England's apprenticeship, 1603–1763. L., 1965; и др.

⁶ Dickson P. The Financial Revolution in England: A Study in the Development of Public Credit, 1688–1756. L.; N.Y., 2016.

⁷ Davis R. English Foreign Trade 1660–1700 // Economic History Review. 1954. Vol. 7. (New Series). № 2. P. 150–166.

война переросла в войну Франции с Англией, а поражение английского флота при Бичи-Хэд 11 июля 1690 г., Якобитское восстание в Ирландии 1689–1691 гг. создали реальную опасность для власти нового короля. От решения финансовых проблем зависел исход Славной революции. Английским военным и правительству, что очевидно, теперь требовались гораздо более крупные суммы, чем в прошлом. Действия правительства в этой ситуации определялись поиском средств на создание флота и поддержание армии в Девятилетней войне (1688–1697).

Одним из основных источников доходов государства стала новая система прямого налогообложения. Законодательство 1692 г. о «предоставлении помощи Вильгельму и Марии Оранским в размере четырех шиллингов с фунта в течение одного года “на ведение энергичной войны против Франции”»⁸ считается поворотным моментом в истории налогов и сборов в Англии⁸. Один из первых авторитетных исследователей в этом вопросе Стивен Доуэлл, автор «Истории налогообложения в Англии»⁹, и современные авторы сходятся в оценке решающей роли «нового регулярного прямого налога», *налога на помощь*, получившего название «земельного налога»¹⁰. Этот новый монетарный подход позволил правительству собирать в казну в период между 1692 г. и 1713 г. в среднем в год 4418 тыс. ф.ст., что было значительным шагом вперед по сравнению с аналогичными сборами в 1658 тыс. ф.ст. в период правления Карла II и Якова II¹¹. Из этих более чем 4 млн в год: земельные налоги составляли в среднем 1670 тыс., таможенные пошлины – 1114 тыс. и акцизы – 1291 тыс.¹² Как замечает британский исследователь Дж. Беккет: «...в годы между революцией и Утрехтским договором (1713) центральному правительству удалось извлечь значительные суммы прямого налогообложения, по сути дела, с землевладельцев. Сумма, которую они вно-

⁸ 4 William and Mary, c. I. An Act for granting for their Majesties an Aid four Shillings in the Pound for One Year for carrying on the Vigorous War against France // The statutes at large: from Magna Charta, to the end of the last parliament, 1761. In 8 vols. L., 1763. Vol. 3. P. 483–499; Beckett J. V. Land Tax or Excise: the levying of taxation in seventeenth- and eighteenth-century England // The English Historical Review. 1985. Apr., Vol. 100. № 395. P. 285.

⁹ Dowell S. A History of Taxation and Taxes in England. In 4 vols. L., 1888. Vol. 3. P. 81.

¹⁰ Jones J. R. Country and Court: England, 1658–1714. Cambridge, Mass., 1978. P. 65.

¹¹ Beckett J. V. Land Tax or Excise... P. 285.

¹² Ibid. P. 306.

силы в государственную казну, была пропорционально значительно больше, чем когда-либо...»¹³. Согласно П. Диксону, «дворяне выплачивали пятую часть своих доходов в виде земельного налога» «в большей степени из-за страха перед военной мощью» Франции¹⁴. Однако это был отложенный доход в казну.

В начале 1690-х гг. правительству пришлось прибегать к краткосрочным займам в ожидании будущих поступлений¹⁵, и только к 1694 г. оформилось решение о долгосрочном государственном займе, который бы обслуживался созданным для этих целей Банком Англии (Bank of England). Сама идея принадлежала разбогатевшему на работорговле в Вест-Индии Уильяму Патерсону, который еще в 1691 г. изложил свой проект в брошюре «Краткое суждение о предполагаемом банке Англии»¹⁶. Он видел выход из сложившихся финансовых трудностей в следующем: а) собрать ссуду в размере 1,2 млн ф.ст., что станет уставным капиталом банка; б) при этом все заемщики войдут в правление банка; в) наделить банк банковскими привилегиями, включая выпуск банкнот. Удивительно, но факт, что в конце июня – начале июля 1694 г., всего за десять дней, необходимая сумма была собрана. Помимо короля и королевы, совместно внесших 10 000 ф.ст. – максимально разрешенный взнос, среди других подписчиков в 10 тыс. ф.ст. было еще одиннадцать персон¹⁷. Более того, здесь оказались также первый лорд казначейства лорд Годольфин, внесший сумму в 4 000 ф.ст., часовщик Джон Эбсворт – 1 000 ф.ст., философ Джон Локк – 500 ф.ст. Последней из 1268 подписчиков была Джудит Ширли из Престона в Сассексе, сделавшая скромную ставку в размере 75,1 ф.ст.¹⁸. Королевская хартия на создание банка была дарована 27 июля 1694 г., а Патерсон назначен его первым директором, хотя из-за разногласий с коллегами вскоре вышел из правления. Модератором проекта по обслуживанию государственного долга стал ученик И. Ньютона Чарльз Монтагю, канцлер казначейства в 1694–1699 гг.

¹³ Ibid. P. 308.

¹⁴ Dickson P. The Financial Revolution in England... P. 10.

¹⁵ Ibid. P. 50.

¹⁶ Paterson W. A brief account of the intended Bank of England. L., 1694.

¹⁷ Поименный список см.: Dickson P. The Financial Revolution... P. 257.

¹⁸ Stephens T.A. A Contribution to the Bibliography of the Bank of England. L., 1979. P. 86; The Correspondence of John Locke / Ed. by E.S. de Beer. Oxford, 1979. Vol. 5. P. 81; Carruthers B.G. City of Capital. Politics and Markets in the English Financial Revolution. Princeton, 1996. P. 246.

Следует сделать пояснения относительно заинтересованности сторон в создании этого частного акционерного банка по обслуживанию государственного долга, так как мы столкнемся с этой схемой по ходу наших размышлений еще два раза.

Правительство фактически одномоментно получало необходимую сумму на строительство флота и погашение краткосрочных долгов – 1 200 000 ф.ст. Сумма была собрана в звонкой монете, а взамен вкладчики получали акции. Банк брал на себя обязательство обеспечить заемщикам 8 % годовых¹⁹. За свою работу директора банка запрашивали сумму 4 000 ф.ст. в год, при этом, надо понимать, что они и являлись основными заемщиками.

Банк становился игроком на рынке акций и, таким образом, за счет прибылей плавающих цен на акции предполагалось погашать государственный долг. С этого времени привлечение частных средств для удовлетворения нужд государства стало постоянной практикой для английских, а затем и британских правительств. Должный спрос удавалось поддерживать благодаря высоким процентным ставкам ежегодного дохода в 6–8 %.

Новая модель взаимоотношений между частными кредиторами и правительством создавала прочную основу для предприимчивых финансистов, которые обещали вкладчикам хорошие дивиденды. Хотя адаптация к новым условиям финансового рынка проходила медленно, исполнение обязательств Банком определялось не в последнюю очередь тем, что вкладчиками как раз и были первые лица государства, а это в свою очередь обеспечивало парламентское согласие по вопросу о государственных займах.

П. Диксон приводит свои подсчеты в таблице «Английские военные расходы и государственные займы 1688–1713/1714», из которой следует, что одна треть расходов на войну в рассматриваемый период формировалась за счет государственного долга²⁰:

Войны	Расходы, всего, ф.ст.	Доходы, всего, ф.ст.	Государственные займы, ф.ст.	Соотношение колонок 4 и 2
1	2	3	4	5
1688–97	49 320 145	32 766 754	16 553 391	33,6%
1702–13	93 644 560	64 239 477	64 239 477	31,4%

¹⁹ Giuseppi J. The Bank of England: A History from its foundation in 1694. L., 1966. P. 10–11.

²⁰ Dickson P. The Financial Revolution in England... P. 10.

К успехам прямого налогообложения и государственного займа следует также отнести успешно проведенную денежную реформу в середине 1690-х гг. по инициативе Монтагю и под непосредственным руководством Исаака Ньютона, что укрепило фунт стерлингов и определило в перспективе его статус мировой обменной валюты. Все эти мероприятия свидетельствуют о силе правительства, которое оказалось способным установить консенсус между крупными земельными собственниками и торговыми «классами». И. Валлерстайн приводит изречение Ричарда Тоуни: «Буржуазная революция? Конечно, это была буржуазная революция. Проблема в том, что буржуазия в ней была с обеих сторон», и добавляет, это верно и для Славной революции 1688–1689 гг.²¹ Правительство, формировавшееся из представителей аристократической элиты, оказывалось втянутым в получение прибылей торговых компаний, Банка Англии, ясно осознавая необходимость привлечения оборотных капиталов для решения задач государственного масштаба. Одной из таких задач было строительство флота, так как «центральным звеном [в] цепи обмена, по которой богатство накапливалось», был контроль над морями²² и к 1713 г. Королевский флот достиг мощи в своей знаменитой формуле «британский флот должен превосходить два следующих за ним по силе флота вместе взятых».

Теперь, когда мы рассмотрели, откуда и как изыскивались правительством на нужды военного времени средства, остановимся на практиках их реализации. Почти двести тысяч человек были поставлены под ружье²³. Их надо было одевать, кормить, выплачивать им жалование. Армейские заказы покупались, и те, у кого были деньги, чтобы их купить, были в основном младшие сыновья семей вигов. Армия, в свою очередь, «была укомплектована офицерами и управлялась представителями тех же самых семей, что контролировали парламент»²⁴. Помимо этого, следует обратить внимание на связь между банкирами Амстердама и решением финансовых проблем в Англии. Вильгельм Оранский

²¹ Валлерстайн И. Мир-система модерна II. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750. М., 2015. С. 145.

²² Wallerstein I. The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750. Los Angeles, 2011. P. 249.

²³ Wallerstein I. The Modern World-System II... P. 247. Другую оценку численности армии дает Диксон – с 10 000 в 1689 г. до не менее 70 000 к 1711 г. См.: Dickson P. The Financial Revolution in England... P. 10.

²⁴ Wallerstein I. The Modern World-System II... P. 248.

привез с собой группу финансистов, которые стали поставщиками его армий. Мозес Мачадо и Фрэнсис Перейра снабжали его армии в Испании и Голландии, Соломон Медина обеспечивал поставки Мальборо во Фландрии, Джозеф Кортиссо снабжал английскую армию в Испании и др. П. Диксон показывает этот мир «космополитичной торговой плутократии Сити» и «верхушку» этого айсберга на момент 1709 г. Это – семьдесят четыре держателя акций Банка Англии на сумму в 5 000 ф.ст. или более. Только трое из них жили за пределами Лондона и близлежащего графства Хорн. Десять – имели еврейское происхождение: Альваро да Кошта (держатель акций на сумму 16350 ф.ст.), Энтони да Кошта (7700 ф.ст.), Питер Энрикес младший (25200 ф.ст.), Франсиско де Лис младший (17150 ф.ст.), сэр Соломон Медина (6600 ф.ст.), Фрэнсис Перейра (13200 ф.ст.), Альфонсо Родригес (11700 ф.ст.), Джейкоб Тейшейра де Маттос (5375 ф.ст.), Джейкоб да Вейга (6050 ф.ст.) и Родриго Хименес (6600 ф.ст.). Кроме того, Медина, Перейра, Родригес и Хименес были держателями акций на 5000 ф.ст. или более Ост-Индской компании. Перейра и Тейшейра де Маттос были подписчиками акций на 5000 ф.ст. по долгосрочному государственному займу 1707 г. Энрикес младший был подписан на 20500 ф.ст. на годовой заем в 1709 г. и являлся держателем акций Ост-Индийской компании на 146591 ф.ст. и т.д.²⁵

Анализ финансовой элиты королевства в конце XVII в. указывает на перемещение финансового центра Европы из Амстердама в Лондон. Голландская банковская система показала «особенно оживленный» интерес к английскому государственному долгу. Валлерстайн пишет, что после 1689 г. Англия стала «излюбленным полем вложения амстердамского капитала... Процентная ставка в Соединенных провинциях, которая упала с 6¼ % в начале семнадцатого века до 2½ % к середине восемнадцатого, 6 % предлагаемых Банком Англии, казались очень привлекательными для голландских инвесторов»²⁶. Так и концепция центрального банка с самостоятельным выпуском банкнот была скопирована У. Патерсоном с Банка Амстердама, основанного в 1609 г. Однако надо подчеркнуть одну существенную особенность Банка Англии. Если другие европейские банки того времени, такие как Банк Генуи, Венеции и Амстердама, были преимущественно депозитными банками, Банк Англии начал формировать свой соб-

²⁵ Dickson P. The Financial Revolution in England... P. 263.

²⁶ Wallerstein I. The Modern World-System II... P. 280.

ственный кредит в денежном исчислении, что положило начало монетарному обслуживанию финансовых «продуктов».

В условиях войны Банку Англии с трудом удавалось оставаться на плаву. А когда в 1710 г. к власти пришли тори, поднялась волна антикоррупционных расследований. Возможно, самым громким «делом» стало парламентское расследование финансовой деятельности герцога Мальборо на посту главнокомандующего английской армии. Роберт Харли, ставший в августе 1710 г. канцлером казначейства и получивший в наследство от Годольфина необеспеченных долгов правительства на сумму более 8 млн ф.ст. и фактически пустую казну (сумма наличных, найденная Харли в кассе казначейства, составляла чуть более 5000)²⁷, взял курс на расследование казенных трат и, таким образом, на дискредитацию вигов. Когда новый парламент собрался в ноябре 1710 г., Харли день за днем представлял палате общин подробные отчеты о понесенных долгах и скандальных расходах предшествующей администрации, публикуя эту информацию в прессе, постоянно добавляя новые детали и обстоятельства, пока в январе 1711 г. палата не согласилась назначить комитет для расследования трат по государственным займам. Очень быстро фокус следствия сосредоточился на главнокомандующем (как единственном крупном виге, оставшемся у власти). 24 ноября 1711 г. палатой общин было возбуждено судебное расследование коррупционной деятельности герцога. На этом фоне широкий резонанс получило, опубликованное в ноябре 1711 г. и, по-видимому, проплаченное новой администрацией, эссе Дж. Свифта «Действия Союзников и бывшего министерства в начале и ходе нынешней войны»²⁸, направленного против герцога. И уже 29 декабря 1711 г. королева Анна подписала приказ об отставке Мальборо с поста главнокомандующего, не дожидаясь результатов расследования.

Сторона обвинения утверждала, что Мальборо за десять лет войны незаконно присвоил себе примерно 20% средств, выделенных из казны на содержание армии. Его обвиняли в растратах, в сговоре с поставщиками оружия и амуниции, получении денежных взяток от союзников и врагов Англии. Было подсчитано, что главнокомандующий получил от поставщиков для армии взяток

²⁷ Hill B.W. Robert Harley: Speaker, Secretary of State and Premier Minister. New Haven, 1988. P. 135.

²⁸ Swift J. The Conduct of the Allies and of the Late Ministry in Beginning and Carrying on the Present War. L., 2010.

на сумму в 63619 ф.ст.²⁹ Всего сумма незаконно присвоенных средств Мальборо по разным оценкам составляла от 160000 до 350000 ф.ст. Главным фигурантом по делу выступил один из поставщиков – Соломон Медина, который сопровождал герцога в его европейских походах, ссужал ему деньги, помогал снабжать войска и стал ключевым источником разведанных. Герцог щедро за это платил (6000 ф.ст. в год) и имел проценты (2,5%) по контрактам на поставку оружия, фуража и продовольствия. В ходе расследования выяснялась «нечистоплотность» поставщиков: «Английская армия имела дело с подрядчиками через агентство комиссаров снабжения и транспорта, назначаемых правительством и действующих через полевых комиссаров. Подрядчиками хлеба во Фландрии в начале XVIII в. были в основном испанские или голландские евреи – Соломон и Моисей Медина, Минхеер Хекоп, Вандеркаа и Мачадо, большинство из которых... не были щепетильными людьми и за ними нужно было тщательно следить...они постоянно уменьшали вес или добавляли песок в мешки с кукурузой»³⁰. Но, как бы то ни было, палата общин 267 голосами против 165 вынесла обвинительный вердикт Мальборо. Роскошный Бленхеймский дворец, инвестиции в акции Ост-Индской компании – все говорило об огромном состоянии герцога, который отправился в изгнание, так и не признав за собой вины.

Таким образом, взлет Английского королевства оказался обеспечен высокой концентрацией капиталов в стране, что, с одной стороны, задавалось аккумуляцией средств в цепи международной посреднической торговли, и, с другой, именно новыми финансовыми инструментами, ключевым из которых стал государственный заем или долг. На этом зиждился триумф политики вигских кабинетов в ситуации военного противоборства с Францией³¹. Парадоксальным образом вигский лозунг 1688 г. «никакой постоянной армии» обернулся парламентской поддержкой драматического расширения армии. Историками по-разному оцениваются произошедшие перемены. Дж. Плам пишет: «Странные эти виги!... Они хотели захватить правительственную машину и запустить ее... Они чувствовали, что, учитывая полное покровительство короля, они могли заставить правительство работать как

²⁹ Ивонина Л.И. Герцог Мальборо. Человек, полководец, политик. М., 2019. С. 219.

³⁰ Chandler D. G. The Art of Warfare in the Age of Marlborough. Boston, 1995. P. 16.

³¹ Wallerstein I. The Modern World-System II... P. 268.

на национальные интересы, так и на свои собственные»³². И. Валлерстайн, ссылаясь на Э.П. Томпсона, ставит вопрос: был ли это «государственный бандитизм»³³? Да, это был политический диктат узкой группы людей, но обеспечивший политическую стабильность после 1713 г.³⁴ Сам же Томпсон пишет: «Политическая жизнь в Англии в 1720-х гг. была чем-то наподобие “банановой республики”. Каждый политик путем кумовства, заинтересованности и подкупа собирал вокруг себя преданных ему лояльных иждивенцев. Цель состояла в том, чтобы вознаградить их, дав им какую-нибудь должность, на которой они могли бы доить часть государственных доходов: армейские финансы, церковь, акциз... Крупнейшие землевладельцы, спекулянты и политики были людьми огромного богатства, чьи доходы возвышались, как Анды, над дождевыми лесами бедности простого человека»³⁵.

Компания Южных морей, основанная в 1711 г., создавалась как десятки других торговых компаний. Однако она оказалась напрямую связана с резкой сменой политического курса в 1710 г. – победой тори на парламентских выборах и их курсом на завершение войны. Так как Банк Англии находился «в руках» проигравших вигов, а в 1710 г. истекла выданная ему лицензия на осуществление банковской деятельности, новый глава казначейства Роберт Харли пошел на изыскание средств из иных источников. Отчаянное положение правительства определялось задолженностью перед армией и флотом в сумме от 4 до 5 млн ф.ст. к концу 1709 г. (счета за продовольствие, долговые обязательства на боеприпасы, жалование офицерам, солдатам и матросам и т.п.). Авторитетный исследователь Л. Нил считает эти цифры заниженными: «...война увеличила британский государственный долг с 16,4 млн ф.ст. до 53,7 млн ф.ст.»³⁶.

Первой заботой Харли было найти 300 тыс. ф.ст. на выплаты в следующем квартале действующей на континенте армии под командованием герцога Мальборо. Финансирование было предоставлено частным консорциумом в составе Эдварда Гиббона (деда будущего историка), Джорджа Косуэлла и Хор-банка (Hoare's

³² Ibid. P. 247.

³³ Thompson E.P. Whigs and Hunters: The Origin of the Black Act. N.Y., 1975. P. 285–286, 294.

³⁴ Валлерстайн И. Мир-система модерна II... С. 349.

³⁵ Thompson E.P. Whigs and Hunters... P. 197–198.

³⁶ Neal L. The Rise of Financial Capitalism: International Capital Markets in the Age of Reason. Cambridge, 1990. P. 90.

Bank). Второй серьезной проблемой для Казначейства стали краткосрочные долги правительства перед Банком Англии, некоторые из них должны были быть погашены в один или два месяца, и к декабрю 1710 г. составляли около 600000 ф.ст.³⁷ В этой ситуации Харли выступил с идеей лотерейного кредита и предложил право провести лотерею Джону Бланту, управляющему Компании по производству рапир с полой заточкой (Hollow Sword Blade Company). Эта компания, несмотря на свое название, являлась неофициальным банком, так как это монопольное право было закреплено за Банком Англии. Продажи начались 3 марта 1711 г., а к 7 марта все билеты были распроданы, что сделало лотерею первой по-настоящему успешной английской государственной лотереей³⁸. Сразу за ней была проведена вторая лотерея.

Именно Блант убедил канцлера казначейства провести вторую, гораздо более масштабную лотерею, известную как «Два миллиона». Она была организована следующим образом и здесь существует сходство с тем, как Блант будет действовать в 1719 г. при подписке на акции Компании Южных морей. Назначался главный приз лотереи в размере 20 тыс. ф.ст. Жеребьевка была разделена на пять классов, в каждом из которых был разный и последовательно более высокий набор призов. Призы самого низкого класса варьировались между 110 и 1000 ф.ст., а в пятом, последнем классе – от 130 до 20000 ф.ст. Поэтапные розыгрыши призов были организованы так, чтобы подогревать ажиотаж, пока из коробки не будет извлечен последний билет пятого последнего розыгрыша в 20000 ф.ст. Лотереи Бланта имели большой успех и привлекли внимание публики. Вместе взятые они дали 3500000 ф.ст.³⁹, что позволило Р. Харли восстановить платежеспособность правительства и доверие к государственному кредиту, а также повысило степень лояльности Банка Англии и Сити.

Обратим внимание на Джона Бланта и компанию «Hollow Sword Blades». Она была основана в 1691 г. как акционерная компания сэром Стивеном Эвансом. Начавшаяся война между Францией и Англией в начале 1690-х гг. прервала импорт из Франции популярных в Англии полых рапир. Эванс организовал переезд

³⁷ Hill B. W. Robert Harley... P. 143.

³⁸ Carswell J. The South Sea Bubble. L., 1960. P. 274–279.

³⁹ Dale R. S., Johnson J., Tang L. Financial markets can go mad: evidence of irrational behaviour during the South Sea Bubble // Economic History Review. 2005. Vol. 58. № 2. P. 260.

мастеров-гугенотов в Англию и зарегистрировал компанию по производству рапир 13 октября 1691 г. Сам он был ювелиром, и другие его разнообразные «предприятия» были связаны партнерством с семейством Хублонов (основателей Банка Англии). Кроме того, Эванс был губернатором Компании Гудзонова залива в 1692–1696 и 1700–1712 гг., а также комиссаром по акцизам и ювелиром короля Вильгельма III. В 1700 г. компания была выкуплена у Эванса «синдикатом» дельцов, которые использовали компанию уже исключительно в качестве банка. Секретарем компании стал упомянутый Джон Блант, юрист, специализирующийся на деловых и финансовых контрактах⁴⁰, новым управляющим – Элиас Тернер, ювелир с магазином на Ломбард-стрит, заместителем управляющего – Джейкоб Соубридж, выходец из деловой семьи. Четвертым партнером был Джордж Косуэлл, из Леоминстера, который его семья на протяжении многих поколений представляла в палате общин. Целью «синдиката» было проникнуть в монополизированный Банком Англии бизнес, по обслуживанию государственного долга и предоставлению ссуд правительству.

Компания «Hollow Sword Blade», после 1700 г. действовавшая уже исключительно как финансовое учреждение, занималась спекуляцией земельными участками в Ирландии (ликвидированными у якобитов), принимая денежные вклады и выпуская собственные банкноты. Это привлекло внимание Банка Англии, который сообщил казначейству, что их монополия нарушается. Казначейство не предприняло никаких действий, а в ситуации вокруг продления полномочий Банка Англии в 1710 г. этот «синдикат» выступил с альтернативным предложением взять на себя финансирование последнего займа, затребованного правительством. Банк Англии отреагировал снижением процентной ставки и преуспел в продлении своего устава до 1732 г. с более жесткими условиями сохранения своей монополии в качестве государственного банка. Триумвирату Тернер-Косуэлл-Соубридж пришлось отступить, но их «звездный час» был впереди.

В ситуации сложного финансового положения правительства Харли был вынужден воспользоваться настойчивым предложением Компании «Hollow Sword Blade». Она преобразовывалась во вновь создающуюся Компанию Южных морей (далее – Компания) по следующей схеме, представленной Харли парламенту в мае 1711 г. Он спроектировал ее так, чтобы объединить

⁴⁰ Carswell J. The South Sea Bubble... P. 31.

все государственные долги, которые на тот момент имели самые низкие процентные ставки на рынке, в ее основной капитал. Выплата процентов по таким ценным бумагам теперь теоретически обеспечивалась бы государственной рентой Компании в размере 6% от капитала, конвертированного из старых долгов. Привлечение вкладчиков предполагалось обеспечить скорым миром с Испанией и получением права асьенто – монопольной торговлей рабами в «южных морях» (т.е. по большей части испанской Центральной и Южной Америки). Банк Англии был удовлетворен зафиксированным в Уставе компании запретом на ведение денежных депозитных счетов для клиентов Компании.

Создание Компании Южных морей было «шахом и матом» Роберта Харли своим политическим и личным оппонентам. Этим шагом он сумел уравновесить конкурирующие интересы в свою пользу. Административный аппарат и капиталы Компания Южных морей унаследовала от «Hollow Sword Blade Company». Управляющим компании был избран Дж. Блант. Ее директорами и держателями капиталов стали участники «триумvirата» Косуэлл-Соубридж-Тернер⁴¹. Таким образом, Харли создал альтернативу Банку Англии и с этого времени Компания Южных морей становится главным финансовым спонсором правительства. Громкие обещания директоров Компании о баснословных прибылях с продаж рабов в испанских колониях поначалу привлекли потенциальных вкладчиков, однако право асьенто вступило в силу только в 1714 г., а последовавшая отставка Харли и приход к власти вигов опять сформировали для «триумvirата» неблагоприятную политическую конъюнктуру.

Момент создания Компании Южных морей свидетельствует о формировании в Англии фондового рынка, основой которого являлись акции. Торговые компании, возникающие как акционерные общества, приобретали свой капитал путем продажи акций населению. Со временем возник вторичный рынок – рынок акций, или фондовый рынок, который сформировался в Лондоне в первые два десятилетия XVIII в. Сделки происходили в нескольких местах. Покупатель или продавец могли перейти в го-

⁴¹ Carlos A., Neal L., Wandschneider K. Dissecting the Anatomy of Exchange Alley: The Dealings of Stockjobbers during and after the South Sea Bubble. Paris, 2007. P. 10. Манипуляции «триумvirата» с акциями Ост-Индской торговой компании также сегодня хорошо исследованы: Mays A., Shea G.S. East India Company and Bank of England Shareholders during the South Sea Bubble: Partitions, Components and Connectivity in a Dynamic Trading Network. 2011.

ловной офис торговой компании, например, Ост-Индской, или здание Банка Англии и найти там кого-то, кто хотел продать или купить акции. Сделки также могли проходить в кофейнях Обменного переулка (Exchange Alley), таких как «Jonathan» и «Garraway». А если кому-то было неудобно посещать кофейню или идти в головной офис компании, можно было использовать известного брокера, который покупал и продавал акции. Фактическая передача права собственности происходила в тот момент, когда продажа была зарегистрирована в соответствующей компании. Право собственности юридически определялось уставом соответствующей компании и давало право физическому лицу потенциально принимать участие в делах компании, в ряде случаев быть избранным в Совет директоров, а самое главное, давало лицу право на поток дивидендов или убытки. Появились джобберы (stock-jobbers) – те, кто покупал и продавал акции для получения прибыли на разнице цен, но, в отличие от брокеров, работавших за комиссионные и не вкладывавших своих капиталов, джобберы брали на себя гораздо больший риск, покупая ценные бумаги за свои деньги⁴². Ряд печатных изданий начали информировать текущих и потенциальных инвесторов о развитии событий на рынке ценных бумаг, размещая регулярно информацию о последних ценах на акции. Возможно, самым показательным является специализированное издание «Курс обмена» Дж. Кастейна, выходившее регулярно по вторникам и пятницам с 1698 г. Конкуренцию Кастейну составлял листок «Цена некоторых акций», выходивший с марта 1714 по июнь 1722 г. Так как право собственности на акцию было четко определено и легко передавалось, а цены были прозрачны, акции были ликвидным финансовым активом. На самом деле именно ликвидность акций объясняет возникновение «пузыря» Компании Южных морей 1720 г.

Работорговля, которая началась только после заключения Раштадского мирного договора 1714 г., была строго ограничена испанскими чиновниками, а в 1718–1720 гг. последовала новая война с Испанией – активы в Новом свете были потеряны, и всякая перспектива получения прибыли от работорговли исчезла. В этой ситуации ряд обстоятельств предопределили созревание «пузыря» Компании Южных морей. Два из них можно определить как внешнеполитические. Одно из них – неудачная попытка

⁴² Мошенский С.З. Зарождение финансового капитализма. Рынок ценных бумаг доиндустриальной эпохи. Киев, 2016. С. 126.

в марте 1719 г. Старого Претендента Джеймса Стюарта высадиться в Шотландии. Якобиты потерпели поражение в битве при Глен Шил 10 июня 1719 г., а уже в июле 1719 г. Компания Южных морей начала кампанию по распространению слухов о том, что Претендент схвачен, и всеобщая эйфория вызвала рост цены акций Компании Южных морей со 100 ф.ст. до 114 ф.ст. Здесь фиксируется старт роста стоимости акций Компании. Вторым немаловажным обстоятельством стал крах в мае 1720 г. Королевского банка Франции, созданного Джоном Ло, и схлопывание к концу 1719 г. другого французского проекта Ло – Миссисипской компании, что обеспечило ощутимый прилив капиталов в Британию.

Другие обстоятельства были срежиссированы самой компанией и имели исключительно организационный характер. Главным и решающим обстоятельством было получение права на проведение государственного займа 1710 г. Виги, вернувшиеся после 1714 г. к власти, в поисках средств могли опираться на три «денежные» компании – Банк Англии, Компанию Южных морей и Ост-Индскую компанию. Предшествующий опыт взаимодействия с ними уже показал, что обмен государственного долга на акции компании может сократить расходы по обслуживанию государственного долга⁴³. В конце концов на уровне правительства и палаты общин была продавлена схема Компанией Южных морей. Компания получала право покупать все бессрочные государственные долговые ренты, короткие аннуитеты и срочные займы (~31,5 млн ф.ст.) в обмен на собственные акции с процентной ставкой в 4 % до 1727 г. Примерно половина из них должна была обмениваться с держателями государственных долговых обязательств, а оставшаяся часть в виде новой эмиссии акций⁴⁴. Правительство должно было выплачивать Компании 576 534 ф.ст. в год за решение проблемы государственного долга. Компания Южных морей в обмен на эту привилегию соглашалась предоставить правительству сумму в размере 7,6 млн ф.ст. при условии полной конверсии государственного долга. Можно сказать, что это обстоятельство было решающим – наконец-то обслуживание государственного долга попало в руки Компании Южных морей.

Компания Южных морей отказалась заранее устанавливать номинальную сумму акций, подлежащих обмену на государственный долг, поэтому любое повышение цены акций выше номи-

⁴³ Neal L. The Rise of Financial Capitalism... P. 24–44.

⁴⁴ Dickson P. The Financial Revolution in England... P. 498–499.

нальной стоимости в 100 ф.ст. уменьшало количество акций, необходимых для конвертации непогашенного государственного долга. Так, если бы цена акции составляла 300 ф.ст., государственный долг в размере 31,5 млн ф.ст. можно было бы выкупить, выпустив акции лишь на сумму 10,5 млн ф.ст., а остаток в 21 млн ф.ст. выпущенных акций мог обеспечить потенциальный денежный поток в размере 63 млн ф.ст. по преобладающей рыночной цене (300 ф.ст.), часть из которых может быть использована для покрытия 7,6 млн ф.ст., подлежащих выплате правительству.

Ожидаемое повышение цены акций предоставляло Компании средства для увеличения дивидендов. Кроме того, позже выяснилось, что стремясь обеспечить прохождение схемы через парламент, Компания предоставила «опционы» ключевым министрам правительства, 40–50 парламентариям и лицам, тесно связанным с короной, тем самым гарантируя, что у этой влиятельной группы будет сильное желание увидеть рост цены на акции⁴⁵. При реализации схемы конвертации долга Компания занималась тем, что скептически настроенный член парламента Хатчесон назвал «искусным управлением духом азартной игры»⁴⁶. Был использован ряд приемов, чтобы выпустить как можно больше акций и одновременно взвинтить на них цену. Во-первых, были запущены четыре последовательных выпуска акций на протяжении 1720 г. на щедрых условиях подписки, предполагавших небольшие авансовые платежи: 14 апреля; 29 апреля; 16 июня; 24 августа. Во-вторых, был разработан частично оплачиваемый специальный выпуск, с высоким уровнем заемных средств, сразу привлечший спекулянтов. В-третьих, Компания Южных морей поощряла инвесторов брать у нее кредиты под залог ее же акций или расписок по подписке, чем стремилась повысить ликвидность и поощрять дальнейший спрос на свои акции. В итоге, таким образом, было собрано более 11 млн ф.ст. В-четвертых, Компания Южных морей поддерживала цену своих акций, скупая собственные акции. В-пятых, Компания повысила ожидания инвесторов за счет тщательно срежиссированных объявлений о дивидендах, например, за день до первой подписки было объявлено, что летние дивиденды будут увеличены до 10% (с 3%). Наконец, Компания задержала выпуск акций тем, кто конвертировал свои ренты, и не

⁴⁵ Dale R. S., Johnson J., Tang L. Financial markets... P. 235.

⁴⁶ Hutcheson A. Collection of calculations and remarks relating to the South Sea scheme and stock, 1720. Gale Ecco, 2018. P. 64.

выдала квитанции за третью и четвертую подписки. Намерение здесь состояло в том, чтобы затруднить конвертацию ренты и продажу акций и частично оплаченных сертификатов на вторичном рынке, тем самым оказывая дополнительную поддержку цене акций. Однако эта последняя уловка была в лучшем случае лишь частично успешной, поскольку инвесторы могли и действительно торговали подписными квитанциями до того, как они были доставлены компанией, и есть веские доказательства того, что такая торговля была широко распространена⁴⁷.

Благодаря всем ухищрениям акции Компании Южных морей выросли со 130 ф.ст. в феврале 1720 г. до более чем 300 ф.ст. в начале апреля, 400 ф.ст. – 20 мая, до 500 ф.ст. – 28 мая, а затем до 600 ф.ст. – 31 мая. Вертикальный взлет цен продолжился в следующем месяце: цена акций превысила 700 ф.ст. – 1 июня и 800 ф.ст. – 4 июня. А 23 июня Компания закрыла свои бухгалтерские книги на два месяца, чтобы обработать дивиденды середины лета, и цены в течение этого периода фактически достигли наивысшей цены. Самая высокая цена (1050 ф.ст.) была зафиксирована 25 июня 1720 г., но, когда книги были вновь открыты, цена упала до 820 ф.ст. После этого акции Компании резко упали в цене – до 520 ф.ст. в середине сентября, 290 ф.ст. в начале октября и 170 ф.ст. 14 октября 1720 г. Пузырь лопнул.

По оценке П. Гарбера, рыночная капитализация Компании Южных морей на конец августа 1720 г. составляла 164 млн ф.ст., т.е. примерно в пять раз больше материальных чистых активов Компании⁴⁸. После того, как «пузырь» лопнул, в декабре 1720 г. парламент подтвердил обязательный характер контрактов Компании: «все подписки на государственные долги и обременения, а также другие контракты, заключенные Компанией Южных морей, на основании закона, принятого на прошлой сессии, остаются в нынешнем состоянии, если только они не будут изменены для облегчения... собственников... или отменены в соответствии с установленными законом нормами»⁴⁹. В результате возбужденного парламентского расследования было выявлено мошенничество среди директоров Компании и коррупция в кабинете министров. Среди замешанных были канцлер казначейства, министр

⁴⁷ Dickson P. The Financial Revolution in England... P. 129.

⁴⁸ Garber P. M. Famous First Bubbles: The Fundamentals of Early Manias, Cambridge, 2000. P. 52.

⁴⁹ The Parliamentary history of England from the earliest period to the year 1803. In 36 vols. L., 1806–1820. Vol. 7. P. 680.

почт, министр департамента Южных морей и лидеры вигов – лорд Стэнхоуп и лорд Сандерленд. Всем было предъявлено обвинение в коррупции. Канцлер был заточен в тюрьму как виновный в «самой печально известной, опасной и позорной коррупции». Директора компании были сурово оштрафованы, все их поместья и средства были экспропрированы, за исключением суммы 5000 ф.ст. «так необходимых лондонскому джентльмену восемнадцатого века»⁵⁰. Ответственность за акции Компании Южных морей была разделена между Банком Англии и Ост-Индской компанией.

Исследование событий «пузыря» Компании Южных морей, предпринятое Адамом Андерсоном еще в XVIII в., остается авторитетным источником для анализа этого события⁵¹. Суть его выводов – в том, что правительство было подкуплено советом директоров Компании, чтобы позволить им одурачить держателей акций текущего государственного долга. Именно этого вердикта придерживался Роберт Уолпол, который возглавил расследование краха Компании и, по существу, закрепил сходную практику обслуживания государственного долга на протяжении более чем двадцатилетнего периода своего премьерства (1720–1742). Все последующие историки разделяли эту точку зрения с акцентом на различных обстоятельствах этого дела: на политических интригах того времени, общей коррумпированности правительства, особенностях Компании Южных морей и влиянии международной спекулятивной лихорадки. И сегодня нет сомнений в том, что этот эпизод включал как мошенничество со стороны директоров Компании, так и повсеместную коррупцию высокопоставленных чиновников, фаворитов двора и членов парламента.

Новое поколение государственных деятелей и мыслителей эпохи Реставрации обратило внимание на необходимость административно-экономической реконструкции королевства и увеличения национального богатства. Поколение, приветствовавшее Карла II в мае 1660 г., живо интересовалось этими вопросами, а также связанными с ними новыми науками – физикой и математикой. Это был век создания Королевской академии наук. Это было поколение Уильяма Петти, Роберта Бойля, Джона Локка, Кристофера Рена, Исаака Ньютона, статистика Грегори Кинга, экономиста Чарльза Давенанта, астронома Эдмунда Галлея и др. Это

⁵⁰ Neal L. The Rise of Financial Capitalism... P. 89.

⁵¹ Anderson A. An Historical and Chronological Deduction of the Origin of Commerce, from the earliest accounts. In 4 vols. N.Y., 1967. Vol. 3. P. 91–126.

было время ощутимого расширения торговли с новыми «плантациями» в Вест-Индии и Северной Америке и беспокойного духа технических изобретений среди ученых и торговцев Лондонского Сити, а также борьбы за экономическое превосходство с голландцами в стремлении стать «мастерской мира». Подразумеваемая философия, стоящая за этим, заключалась в том, что богатство – это хорошо и может быть заработано талантом и упорным трудом, и что при разумном государственном планировании и поощрении людей, стремящихся к собственному благу, будет обеспечено богатство и процветание своей страны⁵².

Это поколение (и в значительной мере следующее) столкнулось с непредвиденными обстоятельствами господства финансовой олигархии в виде тесной «смычки» верхушки аристократии с финансистами Лондонского Сити. За 30 лет правления Вильгельма Оранского произошло складывание вторичного рынка ценных бумаг, как следствия монетизации экономики, а с другой стороны, небывалого притока денежных средств в страну в результате мировой посреднической торговли. Эти обстоятельства задали формирование новой ценностной шкалы. Богатство человека стало измеряться его годовым доходом. Проницательные современники не были удивлены. Джордж Беркли писал: «События компании Южных морей... не есть какое-то неожиданное зло, или великий источник наших несчастий, нет, это естественный эффект тех принципов, которые в течение многих лет пропагандировались...»⁵³. Вопрос не в том, что ростовщичество в Англии не было до этого, а в том, что произошла взаимовыгодная «смычка» правительства с воротилами финансового рынка, а значительная часть населения оказалась втянута в финансовые «игры».

Обратимся к другому проницательному современнику событий, уроженцу Сити, дважды пережившему полное финансовое банкротство – Даниэлю Дефо. Еще накануне краха Компании Южных морей в 1719 г. он анонимно опубликовал эссе «Анатомия Обменного переулка или система биржевой торговли», где воспроизвел атмосферу этого «переулка обмана». «Exchange Alley» была узкой извилистой улочкой в центре Сити, соединяющая Корнхилл и Ломбард-стрит. Она была местом оживленной торговли акциями. Здесь-то и вершилось зло обмана. Д. Дефо писал:

⁵² Dickson P. The Financial Revolution in England... P. 6.

⁵³ The Works of George Berkeley, Bishop of Cloyne. In 9 vols. / ed. by A.A. Luce, T.E. Jessop. L.; Edinburgh, 1953. Vol. 5. P. 84.

«Всеобщее возмущение биржевой спекуляцией таково, и люди так долго и так справедливо жалуются на нее как на нарушение общественного порядка; и что еще хуже, так долго не находят правовой защиты, что спекулянты, закоренелые в своем преступлении, в конце концов перешли всякие границы, и если даже спящее правосудие проснется и обратит на них свое внимание, и если даже этого не произойдет прямо сейчас, эти вездесущие творения, неутомимые в своих интересах, добьются того, что правительству рано или поздно будет абсолютно необходимо вычистить их».

Автор эссе прямо заявляет: «Я знаю, что они открыто смеются над всем этим, и имею достоинство полагать, что есть средства обуздать их». Один из «воротил» этого «бизнеса» открыто указал автору эссе, что, может быть, кто-то в парламенте и хотел бы с ними расправиться, но как они это будут делать?

«Это невозможно, – сказал он, – если правительство берет кредит, эти средства поступают на рынок; а пока есть рынок, мы будем покупать и продавать; в мире нет более действенного способа обуздать нас, – сказал он, – кроме одного, а именно: правительство должно сначала выплатить все государственные долги, вернуть все займы, расторгнуть все хартии (Банка Англии, Компании Южных морей и Ост-Индской компании) и ничего не покупать на доверии, и тогда, говорит он, им не нужно будет вешать биржевых маклеров, потому что они сами будут склонны повеситься»⁵⁴.

Его оппонент, автор эссе, замечает:

«...я далек от мысли, что это единственный способ [решения проблем правительства] – иметь дело с бандой ростовщиков, которые “заложили под процент” целую Нацию и держат кошельки бедных и богатых в своих руках и могут открывать и закрывать их, когда им это заблагорассудится»⁵⁵.

Дефо смело выносит обвинительный приговор этим «финансистам», называя преступлением заработать деньги на обмане. «Анатомия» обмана выглядит следующим образом. Эти «продавцы воздуха» вводят в заблуждение потенциальных вкладчиков ложными слухами, создавая ажиотаж вокруг акций той или иной компании. Они действуют в сговоре, быстро, напористо и являются негодяями хуже, чем разбойники с большой дороги:

«Разве я не слышал от T.W.B.O. и J.S. тысячу раз, как они говорят, что знают, что их занятие является разновидностью грабежа... и отличается только двумя обстоятельствам, во-первых, по *степени* [грехопадения], (а именно) их [грабеж] в десять тысяч раз хуже, так как он более безжалостный, более бесчеловечный, совершаемый без

⁵⁴ Defoe D. The anatomy of Exchange-Alley: or, a system of stock-jobbing. L., 1719. P. 2.

⁵⁵ Ibid. P. 3.

всякой на то необходимости и направленный против отцов, братьев, вдов, сирот и близких друзей; во всяком случае разбойники, как правило, испытывают угрызения совести и под воздействием принципов человечности и великодушия, останавливаются и решают охотиться только на незнакомцев; во-вторых, в *опасности*, они грабят открыто; разбойники грабят с максимальным риском для своей жизни, уверенные, что их повесят первыми или последними, в то время как эти рискуют потерять свою репутацию, которая на самом деле обычно уже потеряна, когда они вышли на этот рынок, и свои души, пустяк, о котором не стоит и упоминать»⁵⁶.

«Разве доктрина биржевой спекуляции не является всецело наукой мошенничества, – вопрошает Дефо, – а торговцы акциями попросту настоящие воры и карманники?»⁵⁷ Вводить в заблуждение, открыто лгать, щедро раздавать обещания получить хорошие деньги на разнице курсов, и, в конце концов, оставить вкладчика с носом (обесцененными акциями или долгами) – вот тактика «ловкачей», сколачивающих на биржевой игре баснословные состояния. На верхушке этой пирамиды «выдающийся триумвират воровства»: «С» (Дж. Косуэлл), «S» (Дж. Соубридж) и «Т» (Э. Тернер). Эти три «столичных шулера Великобритании» держат мошенников меньшего масштаба в своей узде: «Обменная аллея наводнена евреями, джобберами и брокерами, у которых нет имен, их облик отвратителен, как и их работа...»⁵⁸. Богатство этой «банды разбойников и мошенников» определяется «ценой жизни каждого человека, которого они в состоянии надуть» (*Price of every Man they can bubble*)⁵⁹. В историографии посчитано, что игроков, которые имели 15 и более сделок, было примерно 50 человек, из них 15 совершили более 30 сделок в качестве покупателя и столько же в качестве продавца⁶⁰.

Автор показывает, как эта «банда» не только охотится за кошельками отдельных людей, но и залезла в государственную казну и использует правительство. Здесь они тоже действуют искусно, вступая в сделку с государственными деятелями, которые, таким образом, оказываются в сговоре с этой «бандой», чтобы «обокрасть народ». Герцоги, по сути, превращаются в биржевых спекулянтов, пишет Дефо. Во-первых, сделки по акциям государственных лотерей и займов начинаются еще до утверждения их

⁵⁶ Ibid. P. 8–9.

⁵⁷ Ibid. P. 8.

⁵⁸ Ibid. P. 41.

⁵⁹ Ibid. P. 38.

⁶⁰ Carlos A., Neal L., Wandschneider K. *Dissecting the Anatomy...* P. 10.

парламентским актом. Во-вторых, маклеры делают деньги на политических новостях (о восстании якобитов, вторжении испанцев и т.п.), распространяя ложные слухи, поэтому в Обменном переулке только и слышно: «Джентльмены! Позаботьтесь о своих карманах». И когда политические новости покупаются и продаются – это уже опаснее, чем внешний враг, это опаснее, чем чума. Дефо определяет этих «друзей правительства» как врагов нации, короля Георга и называет их изменниками родины⁶¹. Когда мы «видим, как государственные деятели превращаются в торговцев, и люди чести опускаются до хитрых проделок (*Chicanry of Jobbing*); видим человека в Офисе – утром, в Парламенте – в полдень, в Кабинете – ночью, а в промежутках между ними в Обменном переулке, что это – новый феномен? Какие фатальные вещи могут предсказать эти “сияющие звезды”... государству и обществу; ибо, когда государственные деятели превращаются в спекулянтов (*Jobbers*), государство может быть ограблено»⁶². Взятничество царит в министерствах, парламенте и кабинете министров: подкупаются конкуренты, вознаграждаются сторонники и так обеспечивается победа на парламентских выборах. «Ничто не может быть более фатальным в Англии для нашей нынешней конституции, а со временем может стать таковым для нашей свободы и религии, чем обмен интересов на выборах в парламент – на деньги (*Elections Jobb'd upon Exchange for Money*) и перевод их в акции Ост-Индской компании, – в интересах тех, кто предлагает больше всего»⁶³. «Биржевые спекулянты, которым нет дела ни на фартинг до того, какая сторона одержит верх, сделает добычей их обоих, развивая этот новый вид спекуляции на выборах»⁶⁴.

Все это подталкивает нас к оценке А. Смита меркантилизма как «заговора торгового меньшинства, стремящегося набить свои карманы за счет остальной части общества». Сейчас уже можно сделать уточнение в отношении количественного измерения этого «торгового меньшинства» – это единицы, примерно около полусотни человек, и здесь есть своя «верхушка». Это жестокий мир, где отсутствует мораль и господствует Маммона – демон, олицетворяющий богатство, алчность и стяжательство. Но важно уточнить: финансовый рынок в начале XVIII в. не только имел

⁶¹ Defoe D. *The anatomy of Exchange-Alley...* P. 22–24.

⁶² *Ibid.* P. 42.

⁶³ *Ibid.* P. 48.

⁶⁴ *Ibid.* P. 50.

влияние на парламентские выборы и находящихся у власти политиков, он уже определял политическую конъюнктуру. Что касается политической элиты, то «узкий круг этих революционеров» – действующий кабинет министров и его клиентела. Этот «расклад» получил свое классическое воплощение в эпоху Роберта Уолпола, закрепившегося у власти на последующие двадцать с лишним лет после краха Компании Южных морей.

Актуальность темы определяется работами Т. Пикетти⁶⁵, где автор, констатируя захват мировыми финансовыми элитами ключевых властных позиций, связывает возникновение двухполюсного мира «бедных» и «богатых» и несопоставимого неравенства людей в доходах с началом XVIII века, когда на смену средневековой иерархии сословий пришло общество собственников.

8.2. ПРАВОВОЙ ТЕЗАУРУС ЭПОХИ «КРОВАВЫХ КОДЕКСОВ» В БРИТАНИИ

История становления системы уголовного права британского «регулярного» государства включает этап, обозначаемый соответствующей перифразой «Законодательство кровавого кодекса» (Bloody Code). Таким дисфемизмом «наградили» уголовное законодательство Англии и Уэльса, действующее в 1688–1815 гг., по которому высшая мера (смертная казнь через повешение) применялась как панацея против всех совершенных проступков, начиная от кражи носового платка стоимостью в пять шиллингов, заканчивая жестоким убийством. В течение XIX в. это понятие прочно вошло в политический дискурс и историописание «вигского нарратива». Придерживаясь концепции Т.Б. Маколея, уверенного в постоянном движении английской истории и права по пути прогресса, современники королевы Виктории представляли изменения в уголовном кодексе Англии как восхождение от кровавых статутов к современному им цивилизованному законодательству и усовершенствованной системе правоохранительных органов. Итог дискредитации системы уголовного права предшествующего столетия подвел знаменитый судья Верховного суда Великобритании, автор внушительного труда «Общий обзор уголовного законодательства Англии» (1863) сэр Джеймс Стивен,

⁶⁵ Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. Cambridge, Mass., 2014; Piketty T. Capital and Ideology. Cambridge, Mass., 2020.

назвав систему «тощей и покрытой морщинами», а законодательство «самым нелепым, самым безответственным и самым жестоким, которое позорило цивилизованную страну»⁶⁶.

В 1865 г. сочинение Дж. Стивена, появившись в русском переводе, было высоко оценено юристами и историками права – И. Фойницким, М. Филипповым, А. Кистяковским, С. Богородским⁶⁷. Криминолог Фойницкий определял Англию как «классическую страну применения смертной казни», по праву занимавшую первое место в Европе Нового времени по числу преступлений, за которые полагалась высшая мера, как в простой, так и в квалифицированных формах⁶⁸. Кистяковский посвятил диссертационное исследование изучению теории и практики применения смертной казни и в историографическом обзоре литературы XIX столетия назвал важнейшим источником «большинства фактов и документов» труд Блэкстона⁶⁹, а сочинения современных ему англичан – «богатейшим собранием фактов и опытов, доказывающих бесполезность и несправедливость смертной казни»⁷⁰. На основе трудов российских ученых впоследствии были заложены основы методологии исследования английского уголовного права и процесса, создана периодизация и построен классический курс истории государства и права зарубежных стран.

В советское время изменились только идеологические оценки уголовного права «буржуазных государств»: стигма «кровавого кодекса» органично вписалась в критику законодательства «господствующих эксплуататорских классов» и «наживал»⁷¹. Круг

⁶⁶ Stephen J.F. A General View of the Criminal Law of England. L.; Cambridge, 1863.

⁶⁷ Уголовное право Англии в кратком очертании. Сочинение Дж. Фиц-Стифена / Пер. В. Спасовича. СПб., 1865. См.: Фойницкий И.Я. Ссылка на Западе в ее историческом развитии и современном состоянии. СПб., 1881; Филиппов М.А. История и современное состояние карательных учреждений за границу и в России. СПб., 1873; Богородский С.О. Очерк истории уголовного законодательства в Европе с начала XVIII века. В 2 т. Киев, 1862. Т. 1; Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. Киев, 1867.

⁶⁸ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб., 1889. С. 134–135.

⁶⁹ Уильям Блэкстон – английский юрист и историк права. И. Фойницкий ссылается на фундаментальный труд Блэкстона, 4-х томное издание «Комментарии к законам Англии» (1765). Первый русскоязычный перевод: Ис толкование аглинских законов Г. Блакстона. В 3 кн. М., 1780–1782.

⁷⁰ Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни... С. 15.

⁷¹ Утевский Б.С. История уголовного права буржуазных государств. М., 1950. С. 3.

же источников существенно не изменился: советские правоведы использовали труды отечественных классиков XIX века и переводы таких корифеев английской истории права, как У. Блэкстон, И. Бентам, Дж. Стивен и др., практически не привлекая англоязычные первоисточники.

Современные историки права существенно продвинулись в изучении европейского уголовного законодательства периода становления «регулярных» государств⁷², значительно расширили круг источников, но так и не смогли преодолеть влияние государственно-правового подхода в своих оценках. Используемая в отечественной практике нормативистская концепция правопонимания превращает историю изучаемой эпохи в историю норм, санкций, законов и постановлений, исключая из предметного поля исследования *исторический контекст*, что ведет к упрощению и осовремениванию правового дискурса. Словно предостерегая от такой крайности, медиевист Жак Ле Гофф называет подобные «узко-юридические концепции» и право *пугалом историка*⁷³.

Между тем, зарубежные исследователи XX в. постепенно развенчали сложившиеся стереотипы в оценке эпохи «кровавого кодекса» посредством скрупулезного изучения не столько законодательства, сколько практики его применения. В частности, была выдвинута и подтверждена гипотеза о непрерывном процессе «экспериментирования» в английском уголовном законодательстве XVIII в. и отработки отдельных прецедентов новых видов наказания в уголовном процессе. Влияние гуманистического мировоззрения и философии Просвещения не могло не затронуть правовые системы «регулярных» государств. Правовая коллизия, которую разрешила кардинальная реформа уголовного закона в первой четверти XIX в. состояла в том, что кровавым был преимущественно *кодекс* – сводный законодательный акт, систематизировавший сходные правовые нормы, но не *исполнительное правосудие*. Оппонент политической истории Дж. Тревел्यान иронично критиковал юриста Блэкстона за то, что тот приучал людей «делать фетиш из законов Англии в той именно форме, в которой они когда-то появились, – в форме, продиктованной не потребностями настоящего века, а потребностями веков, давно прошед-

⁷² См., например: Тепляшин П.В. Европейские пенитенциарные системы (теоретико-прикладное и сравнительно-правовое исследование): дис. ... докт. юрид. наук. Красноярск, 2018.

⁷³ Ле Гофф Ж. Является ли все же политическая история становым хребтом истории? // Thesis. 1994. Вып. 4. С. 177–192.

ших»⁷⁴. Отказавшись от историописания эпохи с опорой на канонические труды по истории английской правовой системы, зарубежные исследователи пришли к подобным выводам путем всестороннего изучения социальных и культурных практик и значительного обогащения корпуса исторических источников, в первую очередь источников непосредственного уголовного процесса.

Попытаемся разнообразить исследования эпохи «кровавого кодекса» введением в научный оборот альтернативного источника, в котором отпечатались противоречивая практика исполнения существующих статутов. Речь пойдет о популярном в профессиональных кругах, но практически неизвестном в отечественной историографии справочнике – руководстве для мировых судей, составленном в 1618 г. мировым судьей из Кембриджа Майклом Далтоном. До 1746 г. справочник выдержал около двадцати переизданий⁷⁵, т.е. не реже одного раза в десятилетие, что говорит не только о его популярности, но и об удобстве применения.

Подобные практические указания для должностных лиц стали появляться в Англии уже с начала XVI в., что было связано как с развитием книгопечатания, так и с профессионализацией юриспруденции и усложнением механизмов применения прецедентного права. Для более эффективного исполнения должностных обязанностей магистраты предпочитали опираться на стандартизированные справочники с четкими инструкциями действий в той или иной ситуации. Л.М. Бойер отмечал, что высокая востребованность была обусловлена слабой юридической подготовкой должностных лиц: «Избранные из местного джентри редко обладали знаниями в области права и нуждались в письменном руководстве... В течение XVI столетия появились как минимум пятьдесят изданий четырех трактатов об обязанностях мирового судьи»⁷⁶. Так, в 1506 г. увидела свет анонимная «Книга мировых

⁷⁴ Тревельян Дж.М. Социальная история Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, 2002. С. 378.

⁷⁵ The country justice: containing the practice of the justices of the peace, as well in as out of their gathered for the better help of such justices of peace that as have been not very conservant in the study of the laws of that realm sessions by Michael Dalton of Lincolns-Inn, Esq. and one of the Masters in Chancery. L., 1666. С изменениями и дополнениями переиздавалось в Англии 1630, 1635, 1655, 1666, 1677, 1682, 1690, 1697, 1715, 1727, 1742, 1746 гг. Существуют американские издания.

⁷⁶ Boyer L.M. The justice of peace in England and America from 1506 to 1776. A bibliographic history // The Quarterly Journal of the Library of Congress. 1977. Vol. 34. № 4. P. 316.

судей», ошибочно приписываемая знаменитому юристу и судье Энтони Фицгерберту, автору двух фундаментальных трудов, один из них был переведен на английский и напечатан в 1538 г. Далее следует «Иринарх» Уильяма Ламбарда, мирового судьи из графства Кент, и руководство Ричарда Кромптона, представлявшее переработку «Новой книги мировых судей» Энтони Фитцгерберга⁷⁷. С расширением объема обязанностей и властных полномочий мировых судей в XVII–XVIII вв. росло и число изданий, регламентирующих различные аспекты осуществления их юрисдикции⁷⁸. Справочное издание М. Далтона «Государственное правосудие» не без оснований признается одним из самых знаменитых и влиятельных, о чем свидетельствует и число переизданий.

Несмотря на то, что руководство Далтона довольно часто упоминается в разных контекстах, касающихся эволюции англо-американской правовой системы⁷⁹, исследований его содержания относительно немного⁸⁰. Биография М. Далтона (1564–1644) ма-

⁷⁷ The Boke of Justices of Peas (1506); Fitzherbert A. La Graunde Abridgement (1514), L'Office et Auctorite de Justices de Peace (1514), The New Boke of Justices of Peas (1538); Lambard W. Eirenarcha: or the office of the Justices of peace (1581); Crompton R. L'Office et Auctoritie de Justices de Peace (1583).

⁷⁸ Sheppard W. A Sure Guide for his Majesties Justices of Peace (1649); Bond J. Complete Guide for Justices of Peace (1683); Keble J. An Assistance to Justices of Peace (1683); Nelson W. The office and authority of a Justice of peace (1704); Blackberby S. The Justice of Peace his Companion (1711); Shaw J. The Practical Justice of Peace (1728); Burn R. The Justice of Peace and Parish Officer (1755).

⁷⁹ Boyer L.M. The justice of peace...; Hull H.L. "Lowe and lay ministers of the peace": the proliferation of office holding manuals in early modern England // Renaissance papers. Publ. for the Southeastern Renaissance conference / Ed. by C. Cobb. N.Y., 2009. P. 37–55; Saxon Oxfordshire: charters and ancient highways / Ed. by G.B. Grundy // Oxfordshire Record Series. 1933. Vol. 15. P. 126; Gretton M.S. Oxfordshire justices of the peace in the seventeenth century // Oxfordshire Record Series. 1934. P. 126; Flaherty D.H. Criminal Practice in provincial Massachusetts // Law in colonial Massachusetts 1630–1800. A conference held 6–7 November 1981 / Ed. by D.R. Coquillette. Boston, 1984. P. 357–360; Shaw P. Suffering and Sentiment in Romantic Military art. L., 2016; Gaskill M. Witchcraft and Evidence in Early Modern England // Past and present. 2008. № 198. P. 33–70.

⁸⁰ Michael Dalton // Shaping the Common Law: From Glanvill to Hale, 1188–1688. Essays by Thomas Garden Barnes / Ed. and with an introd. by A.D. Boyer. Stanford, 2008. P. 136–151; Shapiro B.J. Beyond «Reasonable Doubt» and «probable Cause»: Historical Perspectives on the Anglo-American law of evidence. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1991; Putnam B.H. Early treatises on the practice of the justices of the peace in the fifteenth and sixteenth centuries. Oxford, 1924; Putnam B.H. Sixteenth-Century Treatises for Justices of the Peace // The University of Toronto Law Journal. 1947. Vol. 7. № 1. P. 137–161; Holdsworth W.S. Sources and literature of English law. Oxford, 1925. P. 126–130.

лоизвестна. Весьма любопытным является предположение об отсутствии у него специального образования: «Далтон скорее всего не был юристом и никогда не входил в профессиональные адвокатские корпорации (Inns of Court)», – пишет Л. Бойер⁸¹. Вопрос остается открытым. Интересно, что на титульном листе «Государственного правосудия» значится следующее: составлено М. Далтоном из Линкольн-Иннз, *эсквайром и магистром Канцлерского суда*, но фамилии Далтона нет в соответствующем перечне, составленном британским ученым-архивистом Т.Д. Харди⁸².

В настоящее время в открытом доступе имеются полнотекстовые версии «Государственного правосудия» 1666, 1690 и 1746 гг. Каждое новое издание увеличивалось в объеме, что было обусловлено разрастанием законодательного корпуса и накоплением прецедентной практики. В издании 1666 г. – 145 глав, 1690 г. – 195, в 1746 г. добавлена 196 глава «О полномочиях мировых судей в соответствии с последними статутами». Как правило, вносимые изменения отображались на титульном листе и в предисловии. На титуле 1690 г. значится: «Государственное правосудие... куда добавлены: обязанности и полномочия мировых судей во время сессий; выдержки из всех соответствующих статутов; большой алфавитный указатель, две таблицы, с названиями глав и парламентскими актами, касающимися исполнения обязанностей мирового судьи». В предисловии к последнему изданию 1746 г. отмечено, что редакторская правка состояла в исправлении ошибок, как фактических, так и типографских, изъятии некоторых повторов, переводе с латыни отдельных терминов⁸³.

Мы рассматриваем последнюю версию, так как именно она максимально привлекалась практиками эпохи «кровавого кодекса». Несмотря на то, что в содержательном плане она довольно далека от оригинальной версии 1618 г. в силу хронологического разрыва, в структурном – она представляется наиболее целостной и удобной для практического использования, и потому соответ-

⁸¹ Boyer L.M. The justice of peace... P. 317.

⁸² A catalogue of lords chancellors, keepers of the great seal, masters of the rolls, and principal officers of the High Court of Chancery / T.D. Hardy. L., 1843.

⁸³ The country justice: containing the practice, duty and power of the justices of the peace, as well in as out of their sessions by Michael Dalton of Lincolns-Inn, Esq. and one of the Masters in Chancery wherein all the statutes in force and use from Magna Charta 9 Hen. III to 15 & 16 George II and also all the cases in law, relating to the jurisdiction and authority of Justices of the peace are carefully collected and digested. L., 1746.

ствующей первоначальному замыслу Далтона. Текст автора помечен литерой «D», по ней можно не только вычленив оригинал, но и отследить изменения. Книгу предваряют два обращения. В первом, адресованном сэру Генри Монтагю, Лорду-Главному судье по общим тяжбам, Далтон пишет: «После того как я, будучи призванным служить справедливости, провел много лет, изучая законы этого государства в должности судьи, я счел недостаточной опорой лишь на прецеденты и указания прошлых лет и решил представить обзор новых случаев, которые ежедневно случаются в моей практике, что поспособствует лучшему исполнению должностных обязанностей». «Лучше бы я жил в спокойствии, не рискуя навлечь на себя недовольство», – рассуждает автор, обозначая мотивы, заставившие его взяться за перо. Именно пренебрежение к мировым судьям со стороны центральной власти и желание привлечь внимание Его Величества, высокопарно именуемого «источником справедливости», к нелегкому труду своих коллег, подвигли Далтона упорядочить записи соразмерно его «скромному» пониманию: «Я спрашивал себя, предать ли мой труд гласности или оставить для личного пользования, но все же отдал его в печать после того как Ваша Милость выказал благосклонность к моему начинанию»⁸⁴.

Обосновывая свой порыв к публичности, автор фактически апеллирует к популярному принципу «общего блага», выражая надежду, что печать трактата будет благоприятствовать отправлению правосудия к вящей славе и безопасности Его Величества, а также миру и процветанию Его подданных.

Примечательно, что во втором обращении, посвященном сэру Джеймсу Ли, королевскому адвокату Палаты феодальных сборов, Далтон именуется себя «давним, но бесполезным»⁸⁵ членом уважаемого сообщества (Линкольн-Иннз) и довольно высокопарно заявляет, что «даже скромные способности не помеха для стремления внести лепту в процветание государства»⁸⁶. Складывается впечатление, что Далтон намеренно подчеркивает ничтожность своей особы перед профессиональными юристами и любительский характер своей работы, признавая, что «существуют более ученые и последовательные труды подобного рода». В списке

⁸⁴ To the Right Honorable Sir Henry Montague // *The Country Justice...* N. p.

⁸⁵ *англ.* unprofitable.

⁸⁶ М. Далтон приводит популярное высказывание Цицерона: *лат.* «non solum nati fumus, sed partim patriae» [«мы родились не только для себя... и на наше существование притязает отчасти наше отечество»].

сокращений указаны авторы, к трудам которых апеллирует Далтон, такие признанные авторитеты в области юриспруденции, как Э. Фицджерберт, У. Кок, Г. Финч, Ф. Бэкон, У. Ломбард, Т. Кромптон. Свою задачу Далтон видит в том, чтобы, не касаясь дел, разбираемых на квартальных сессиях, помочь тем мировым судьям, которые, хоть и не знакомы с трудами достопочтенных авторов, но «хотят преуспеть в усердном служении на благо страны», разобраться в статутах, количество и содержание которых меняется и запутывается с каждым новым парламентским актом: «Я постарался излагать материал со всевозможной краткостью и ясностью со ссылками на выдержки из соответствующих статутов, чтобы читатель мог обратиться к ним и узнать, что надо делать в том или ином случае между квартальными сессиями»⁸⁷.

Информация в справочнике структурирована в виде блоков содержательных элементов. Первый представлен таблицей действующих статутов, регулирующих деятельность мировых судей по годам правления королей, в трех колонках содержатся сведения о том, когда был принят соответствующий акт, номер главы цитируемого статута и номер соответствующей главы «Государственного правосудия», в которой Далтон ссылается на документ.

Самый объемный блок состоит из 196 глав, охватывающих типы дел и правонарушений, в которых мировой судья мог осуществлять правосудие в соответствии со статутным правом. В первых шести главах Далтон дает краткий исторический экскурс института мировых судей и характеристику их полномочий между квартальными сессиями. В следующих частях он останавливается на процедуре исполнения мировыми судьями своих обязанностей: арест, опознание, освидетельствование, выдача ордеров и предписаний. Большинство вопросов, комментариев и оценок вызывает построение основной содержательной части – описания правонарушений и разъяснения назначаемых санкций. Далтон не отказывается от классической триады: *treason /felony/ misdemeanor* – норм общего права, сложившихся в Англии со времен средневековья. Опираясь на труды предшественников, статутное право и судебные прецеденты, он перечисляет признаки, наличие которых позволяет квалифицировать деяние как вид фелонии – особо тяжкие уголовные преступления, которым посвящена та или иная глава. Причисляя конкретное правонарушение к категории фелоний – например, непредумышленное убийство (*man-*

⁸⁷ To the Right Worshipful Sir James Lee // The Country Justice... N.p.

slaughter), кража (larceny) и др., – автор (и последующие редакторы) дают подробный разбор оснований квалифицировать правонарушение как фелонию, отсылку к статутам или прецедентам.

Бесспорным новаторством справочника стал алфавитный порядок структурирования возможных видов малозначительных преступлений – мисдиминоров и правонарушений, наказывавшихся лишь взысканием причиненного ущерба в гражданском порядке. Более ста глав включают нарушения от питейных заведений до оскорблений и рекомендованные санкции. Подобное расположение материала позволяло редакторам последующих изданий вставлять новые главы в соответствии с возникающими прецедентами и новыми статутами. Так, к примеру, глава «О каретах, повозках, телегах» базируется исключительно на обзоре статутов, принятых после Славной Революции 1689 г. В качестве дескрипторов выступают слова, обозначающие область правонарушения, требующего вмешательства мирового судьи. Поражает степень детализации, с которой описываются нюансы, касающиеся ловли и продажи рыбы, изготовления и реализации мясомолочной продукции, посещаемости церкви, параметров суконного полотна в зависимости от графства, функционирования рабочих домов и т.д. Обширность юрисдикции связана с тем, что с XVII в. мировые судьи стали фактически полноправными управителями графств. Все гражданские и уголовные дела, кроме государственной измены, находились в их ведении⁸⁸.

Таким образом, отказываясь от логической схемы представления правового материала, автор (а за ним издатели) использовали алфавитный принцип расположения уголовных и административных правонарушений, руководствуясь исключительно утилитарными целями упрощения восприятия и оперативного использования. Показательно, что изложение материала соответствует принципам организации правового тезауруса – сложной системы словарного типа, иерархически упорядочивающей терминологию конкретной предметной области, вводящей для используемых терминов группы условной эквивалентности, построенной по родовидовому принципу⁸⁹. Сначала дается дефиниция слов, обозначающих суть явления с точки зрения их этимологии, а затем идет

⁸⁸ См.: Boyer L.M. The justice of peace... P. 317.

⁸⁹ Лапаев П.В., Торопов В.А. Возможности оптимизации нормотворчества в органах внутренних дел на основе тезаурусного подхода // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). С. 112–118.

переход к нормативной части, приводятся ссылки на статуты и прецеденты из судебной практики, а также комментарии.

Подобный новаторский подход не мог не заинтересовать исследователей систем права. По мнению некоторых, «Государственное правосудие» Далтона – «стандартный справочник, организованный по принципу медицинского компендиума»⁹⁰. Б. Шапиро последовательно критикует руководство Далтона за эклектичный принцип организации материала, который не всегда классифицирован (систематизирован) должным образом, многочисленные повторения и противоречия, затрудняющие трактовку правовых ситуаций⁹¹. Однако, с учетом базового принципа историзма, предписывающего осторожно оценивать эпоху по ее внутренним законам, а не категориями другого века, такая критическая оценка источников права прошлого в сравнении, например, с современным правовым тезаурусом, вряд ли оправдана.

Размышления об уровне развития права и управленческой деятельности, равно как представление об образованности и профессиональной компетентности мировых судей в первой половине XVII в., позволит под другим углом оценить попытку Далтона упорядочить правовую информацию и терминологию на основе юридических документов с учетом актуального теоретического и эмпирического знания. Автор планомерно описывает все объекты и отношения между ними, существующие в исследуемой предметной области, выносимой им в название главы, располагая их в алфавитном порядке. Несомненно, при нарушении алфавитного строя, естественным образом имевшем место при последующих переизданиях справочника, заданный изначально алгоритм поиска информации затруднялся. Можно предположить, что и из-за этого каждое издание актуализировалось не только с точки зрения обновления законодательства, но и упорядочения логики презентуемого материала. В 1746 г. издатель добавил приложение, где свел обширный материал в алфавитную таблицу «правонарушение/наказание» (offences/penalties), чтобы сделать текст максимально практико-ориентированным и удобным в использовании, что соответствовало первоначальному замыслу Далтона.

Учитывая целевую аудиторию – сельские мировые судьи, часто не получившие не только образования барристеров, но даже

⁹⁰ Barker C.A. *American Convictions: Cycles of Public Thought, 1600–1850*. Philadelphia, 1970. P. 196.

⁹¹ Shapiro B.J. *Beyond «Reasonable Doubt»*... P. 155.

знаний солиситоров – автор и издатели стремились упростить использование руководства. Пользуясь дескрипторами, правонарушение можно было разбить на множество составляющих элементов, потенциальные комбинации которых и предстояло трактовать мировым судьям. Таких комбинаций могло быть множество, ведь изощренность криминальных биографий эпохи стала для современников «притчей во языцех», для творцов кисти и слова – источником вдохновения, а для исследователей – предметом пристального изучения. Яркий источник рассматриваемого периода – «кровавый реестр негодяев» (Bloody Register of Malefactors), как называли современники «Ньюгейтский Календарь», сохранил частные обстоятельства разнообразных преступлений.

Пользуясь руководством Далтона, обратимся к анализу истории Джозефа Роулинса. Следствие выяснило, что 6 сентября 1747 г. Роулинс и еще 13 человек *около восьми вечера* подъехали к дому мистера Уэйкфилда. Один из злоумышленников, притворившись, что заблудился, попросил подсказать дорогу. Слуги показали ему, как проехать, после он попросил пива, а затем эля. Пожилая служанка сказала, что ключ от запасов эля есть только у хозяина дома, и отправилась спать. После этого к дому подоспели другие члены банды, вооруженные мушкетонами и пистолетами, и потребовали вызвать хозяина дома, настаивая на том, что тот укрывает у себя контрабандистов. Получив ответ, что он в постели, они взломали дверь в спальню и, поднявшись в комнату мистера Уэйкфилда, направили ему в грудь мушкетон и потребовали ответа, где он хранит деньги и столовое серебро. Взломав сундук, они извлекли из него серебряную кружку, солонку, миску, поднос и двенадцать ложек, а также украли обнаруженные в другой комнате 14 гиней, серебряные часы и еще несколько ценных вещей. Грабители вынесли из дома все ценные вещи, после чего вернулись к мистеру Уэйкфилду и угрожая смертью, потребовали двести фунтов, которые, как они утверждали, он только что получил от сделки, заключенной в Бристоле. Негодяи вытащили хозяйина из постели и поклялись, что убьют его, если он не отдаст обозначенную сумму, но, убедившись в том, что мистер Уэйкфилд говорит правду, отпустили и покинули дом. Присяжные признали виновным только Роулинса, чьи оправдания показались неубедительными. В 1748 г. суд присяжных предъявил ему обвинение за взлом жилого дома и кражу денежных средств, столового серебра и других вещей, являющихся собственностью мистера Уэйкфилда. Вынесенный Роулинсу смертный приговор приведен в испол-

нение в Винчестере 10 октября 1748 г. Из истории непонятно, были ли члены банды привлечены к ответственности⁹².

С помощью дескриптора находим понятие *взлом*, знакомимся с его этимологией⁹³. Справочник разъясняет, что по английским законам, чтобы быть квалифицированным как взлом, преступление должно соответствовать ряду критериев. Во-первых, оно должно быть совершено ночью: «По мнению сэра Энтони Брауна, сэра Эдварда Монтагю, сэра Роберта Брука, возглавлявших Суд общих тяжб в последнее время, если человек пытается проникнуть в жилой дом ночью с умыслом ограбить и убить, при том, что ему не удалось попасть внутрь, это полный и окончательный взлом». Но, если некто входит в дом днем, ест и пьет, а ночью вторгается в спальню хозяина или другую комнату с целью его ограбить, то это также считается взломом»⁹⁴.

По статутному праву, к взлому приравнивались следующие действия: взломать форточку кинжалом или ножом, разбить окно и с помощью крючка вытащить вещи, проникнуть в дом через отверстие в потолке вне зависимости от того, является ли строение частным владением или имеет публичный характер: «Ночное проникновение в амбар или другие хозяйственные пристройки, также считается взломом, даже если ничего не было взято... Если кто-то проникает ночью в здание Линкольн-Иннз, любого суда или любого колледжа (в Оксфорде или Кембридже) с намерением осуществить фелонию, даже если в помещении никого не было, это считается взломом»⁹⁵. Таким образом, действия Роулинса по всем признакам соответствуют данной категории фелоний.

С помощью справочника можно квалифицировать преступление и других членов банды: «Если несколько человек явились к дому с намерением совершить взлом, а один из них остается снаружи, чтобы прийти на подмогу в случае необходимости, то во взломе виновны все участники ограбления»⁹⁶. Однако проявленному присяжными гуманизму в отношении подельников Роулинса или намеренному пренебрежению к уликам, что позволило избежать определенного законодательной нормой уголовного наказания – высшей меры, есть свои объяснения. По замечанию

⁹² The Newgate Calendar / By A. Knapp and W. Baldwin. V. 2. L., 1825. P. 19.

⁹³ *англ.* burglary происходит от *франц.* burg «деревня» и *larron* «вор», и буквально означает «ограбление дома».

⁹⁴ The Country Justice... P. 341.

⁹⁵ Ibid. P. 342.

⁹⁶ Ibidem.

Дж. Тревелияна, «следствием возрастающей строгости законов в этом постепенно становившемся более гуманным веке было то, что присяжные часто отказывались признавать людей виновными в небольших преступлениях, которые привели бы их на эшафот. Более того, для уголовных преступников было легко с помощью мудрых законодателей ускользнуть на основе чисто формальных юридических ухищрений из сетей старинной и хорошо разработанной процедуры. Из шести воров, приведенных в суд, пять могли тем или иным путем спастись, тогда как одного несчастного вешали»⁹⁷. Историк В. Гэтрелл, подробно описав сложившуюся в XVIII в. практику помилования, пришел к выводу, что свыше двух третей смертных приговоров выносились уже с расчетом на последующую королевскую амнистию⁹⁸. По его данным, между 1780 и 1830 гг. в Англии к смертной казни были приговорены 35 тыс. человек, но фактически в исполнение была приведена только пятая часть приговоров⁹⁹. Здесь мы видим явное расхождение между *нормой* «кровавого кодекса», инкриминировавшей взлом и хищение и предписывавшей высшую меру всем участникам банды, и практикой исполнения (неисполнения) нормы.

Объяснение этой юридической коллизии сторонники реформизма видели в бессмысленно жестоких статутах «кровавого кодекса». «Свидетели умалчивают показания, страшись стать причиной чьей-то смерти, судьи отступают от присяги, а присяжные часто руководствуются не законностью, а состраданием»¹⁰⁰, — писал юрист и парламентарий У. Иден. Сторонники правового консерватизма и поборники строгого соблюдения существующих норм «кровавого кодекса» не считали их суровыми или избыточными, а проблему разгула преступности усматривали как раз в злоупотреблении властью представителей закона¹⁰¹. Но пока те и другие в бурной полемике, памфлетных войнах и парламентских дебатах «выковывали» новый уголовный кодекс, система правосудия обязана была работать, охраняя интересы государства и его граждан. И руководство М. Далтона вносило весомый вклад в обеспечение этой ежедневной работы.

⁹⁷ Тревелияна Дж.М. Социальная история Англии... С. 376.

⁹⁸ Gatrell V.A.C. The Hanging Tree: Execution and the English People 1770–1868. Oxford, 1996. P. 9.

⁹⁹ Gatrell V.A.C. The Hanging Tree... P. 226.

¹⁰⁰ Eden W. Principles of Penal Law. L., 1771. P. 268–270.

¹⁰¹ См., например: Madan M. Thoughts on executive justice with respect to our criminal laws, particularly on the circuits. L., 1785.

Тревелиян раскритиковал самое знаменитое юридическое сочинение XVIII в. «Комментарии к законам Англии» У. Блэкстона за утверждение такого идеализированного понятия о верховенстве закона, когда он «рассматривался преимущественно статически, как вещь, данная раз навсегда, тогда как если закон действительно должен быть постоянным правилом жизни нации, он должен быть способным изменяться вместе с изменением обстановки и потребностей общества»¹⁰². Руководство М. Далтона, безусловно, не было таким определяющим эпоху произведением, как «Комментарии» Блэкстона. Но пока нормы утверждались законодателем в той форме, которую диктовал ход исторических событий, скромный справочник благодаря стараниям оставшихся безызвестными издателей менялся для удобства и практической пользы рядовых управленцев.

К примеру, во времена Далтона уголовные преступления категории фелоний в большинстве своем квалифицировались как тяжкие и подлежали наказанию смертной казнью. Несмотря на то, что рассматриваемый период с конца XVII до первой четверти XIX в. характеризуется беспрецедентным ростом количества видов правонарушений, караемых смертью, это еще и время параллельных экспериментов законодателя в поисках альтернативы высшей мере. Так в 1706 г. был принят акт, который современники кратко называли «Закон о тяжелом труде»¹⁰³, который разрешил судьям на свое усмотрение приговаривать к принудительным работам в исправительных домах за преступления, за которые по существующим прецедентам полагалась смертная казнь, на срок от полугода до двух лет. В справочнике 1746 г. принудительный труд упоминается как прецедентная мера наказания свыше 60 раз, в основном за преступления имущественного характера. По «Закону о транспортировке»¹⁰⁴ 1717 г. судьи получили право приговаривать к высылке осужденных за преступления против собственности: воровство в крупных или средних размерах, любое преступное хищение денег, товаров, движимого имущества, мошенничество. Кроме того, высылка могла быть результатом королевского помилования приговоренных к высшей мере – смертной казни. Сроки, установленные законом (7 или 14 лет) определяли временной отрезок, в который «помилованный» не

¹⁰² Тревелиян Дж.М. Социальная история Англии... С. 378.

¹⁰³ Penitentiary Act 1779.

¹⁰⁴ Transportation Act 1717.

мог возвращаться ни в Великобританию, ни в Ирландию, в противном случае приговор к высшей мере автоматически вступал в силу. И в рассматриваемом издании уже учтены не только прецеденты приговора к ссылке, но и стратегия ведения дела лица, нарушившего запрет на возвращение в метрополию¹⁰⁵.

Итак, справочник не устанавливал нормы, не менял действующие, но менялся вместе с ними, по-прежнему оставаясь «руководством М. Далтона», широко цитируемым и переиздаваемым с завидной регулярностью. Несмотря на скромные цели, поставленные автором, «Государственное правосудие» приобрело статус одного из самых авторитетных источников в сфере юриспруденции. Руководство Далтона было настолько популярно, что упоминается в одном из номеров «Зрителя». На вопрос некой Леоноры о критериях подбора литературы для представительниц прекрасного пола Аддисон не без иронии отвечает, что получил много писем от преуспевающих книготорговцев, которые с пиететом к публикуемым ими авторам рекомендовали целый каталог книг, заботясь скорее о своей выгоде, чем о воспитании юных леди: «Один из них заявил, что для женщин, желающих получить истинное представление о правах и справедливости, нет лучшей книги чем “Государственное правосудие” Далтона»¹⁰⁶.

О востребованности и прикладной пользе творения Далтона свидетельствует и то обстоятельство, что «Государственное правосудие» часто использовалось в юридической практике североамериканских колоний. Колониальные ассамблеи принимали специальные постановления, призывающие ввозить те или иные книги. В акте, принятом в Вирджинии в 1666 г., значилось: «для соответствия судопроизводства этой страны английским законам следует закупать надлежащие книги. “Правосудие” Далтона вполне удовлетворяет этому намерению»¹⁰⁷. Представители колониальной администрации зачастую были еще дальше от юриспруденции, чем мировые судьи метрополии. Поэтому удобное алфавитное руководство, не отягощенное пространными комментариями и углублением в теорию права, было востребовано в правоприменительной практике колоний. Так, «на одном из ассизов

¹⁰⁵ The Country Justice... P. 514.

¹⁰⁶ Addison J., Steele R. The Spectator. Ess. № 92, Friday, June, 15, 1711 // A new edition with biographical notices and contributions. L., 1891. Vol. 1. URL <https://www.gutenberg.org/files/12030/12030-h/SV1/Spectator1.html#section92>

¹⁰⁷ Boyer L.M. The justice of peace... P. 323.

1702 года был процитирован Далтон... В 1705 году на заседании провинциального суда, обсуждавшем дело Джорджа Лоусона, чей дом был разгромлен толпой в отместку за совершенное им прелюбодеяние, губернатор Дадли [колония Массачусетс] сослался на «Государственное правосудие» Далтона...»¹⁰⁸. Историки высоко оценивают авторитет этого издания в контексте рассмотрения веховских процессов в Новой Англии, называя его «общепринятым юридическим справочником для провинций» и утверждая, что описанные им прецеденты, указания, процедуры дознания были в точности воспроизведены в Салемских процессах¹⁰⁹.

Несомненно, «нелогичный хаос законов»¹¹⁰ эпохи «кровавого кодекса» нуждался в упорядочении и гуманизации. Над этим трудились блестящие представители правовой и политической мысли: И. Бентам, У. Иден, С. Ромилли, Р. Пиль, Дж. Говард. Современники королевы Виктории искренне гордились своим правосознанием и кодексом, особенно в сравнении с предшествующим столетием: «В каменных стенах зданий более не отдаются гулким эхом грохот выстрелов и душераздирающие стенания, по дорогам не льются реки крови, все реже тротуары украшает месиво из выбитых мозгов, а жестокие сцены насилия испарились, как ночные призраки в ослепительном свете дня»¹¹¹. Справочник Далтона временно канул в лету вместе со старым кодексом, который автор пытался упростить для практиков. Очевидно, что современным правоведам он может казаться не соответствующим принципам классического правового тезауруса, эклектичным и противоречивым, как сама эпоха, которая его породила, но в свое время он прекрасно выполнял роль настольной книги для тех, кто желал «преуспеть в усердном служении на благо страны».

¹⁰⁸ Flaherty D.H. Criminal Practice... P. 229.

¹⁰⁹ *Witches of the Atlantic World: An Historical Reader and Primary Sourcebook* / Ed. by E.G. Breslaw. N.Y.; L., 2000. P. 3.

¹¹⁰ Тревельян Дж.М. Социальная история Англии... С. 376.

¹¹¹ *Hints for a History of Highwaymen* // *Fraser's magazine for town and country*. Vol. 9. January to June. 1834. P. 284.

8.3. БОРЬБА С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ

Специализированная полицейская служба появилась в России поздно. Обычно ее историю отсчитывают от 1718 г., когда в Санкт-Петербурге учредили должность генерал-полицмейстера; в его ведении оказался контингент полицейских, призванный поддерживать благоустройство и правопорядок в столице. Но развернутая сеть полицейских учреждений была создана в России и того позже – лишь в результате екатерининских реформ. А вот уголовная преступность была всегда, и противодействие ей при отсутствии специальной полицейской службы оказывалось серьезной проблемой как для властей, так и для населения. Особенно остро эта проблема обнаруживала себя во время разнообразных общественно-политических катаклизмов, неизбежно вызывавших количественный рост преступлений, их широкий территориальный размах и квалифицированный характер.

Петровская эпоха была одной из тех, когда уголовные преступления превратились в серьезную угрозу функционирования государства. Если это утверждение и кажется преувеличением, то лишь оттого, что данный вопрос до сих пор не исследован комплексно и системно. Основные труды посвящены истории создания столичной полиции, работе московской полицмейстерской канцелярии и т.п.¹¹² Очень редки работы по истории противодействия уголовным преступлениям в сельской местности и в провинциальных городах петровского времени¹¹³. Возможно, такая историографическая избирательность оказалась обусловлена тем, что внимание историков традиционно фокусировалось на всепоглощающей теме реформ, через призму которых оценивался весь исторический период. В этом большом проблемном поле уголов-

¹¹² Сизиков М.И. Становление центрального и столичного аппарата регулярной полиции России в первой четверти XVIII в. // Государственный аппарат: Историко-правовые исследования. Свердловск, 1975. С. 5–39; Сизиков М.И. Полицейская реформа Петра I // Правоведение. 1992. № 2. С. 88–96; Аказеев Д.М. К вопросу о комплектовании полиции Российской империи в первой половине XVIII века // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 2 (38). С. 70–73; и др.

¹¹³ Общее состояние изученности проблемы можно понять из работы: Рассказов В.Л. Органы сыскальной полиции Российской империи в трудах отечественных исследователей // Политематический сетевой электр. науч. журн. Кубан. гос. аграр. ун-та. 2015. № 107. С. 243–258.

ная преступность (а значит, и борьба с ней), в отличие от борьбы с политическими и должностными преступлениями, не могла претендовать на особый исследовательский интерес. Не стоит забывать и о том, что в советский период организованную уголовную преступность часто определяли как проявление классово-вой борьбы, что мешало вычленению предмета изучения.

Между тем, у современников были иные взгляды на ситуацию. Всезнающий Иван Посошков считал уголовную преступность одним из главных препятствий процветанию страны. «Разбойников у нас в Руси паче иных государств множество, ибо не токмо по десяти или двадцати человек, но бывает по сту и по двести человек в артеле и больши (и аще их весьма не истребити, то царству нашему российскому ни коими делы обогатится невозможно)...», – писал он в книге «О скудости и богатстве»¹¹⁴. Архивные документы подтверждают правоту писателя-экономиста: истории о целых бандах, терроризировавших население по всем петровским губерниям, блокировавших внутренние коммуникации и державших под контролем волости и уезды, весьма многочисленны. Санкт-Петербургская губерния в этом ряду не исключение. Судя по источникам, разгул «воровских станиц» достигал в разные годы масштабов настоящих боевых действий.

Вот лишь один пример. В челобитной крестьян Чамеровской волости, входившей тогда в состав Ярославской провинции названной губернии, от 15 мая 1715 г. описываются события 1710 г. Тогда контроль над волостью захватили в свои руки разбойничьи шайки, самой крупной из которых (свыше сотни человек) была банда атамана Савватия Вахрушенка. Начав свои действия с разграбления богатого села Романовского, принадлежавшего боярину П.И. Бутурлину, где они выжгли до 50 дворов, и с набегов на окрестные деревни, разбойники попытались захватить и центр присуда – село Чамерово, в котором хранилась «государева денежная казна» в две с лишним тысячи рублей. Это были деньги, собранные по окладным сборам с волостных крестьян за первые две трети 1710 г. и предназначавшиеся для отправки в столицу. Сидевший в Чамерово комендант Федор Лаговчин, совершенно не располагая военными ресурсами, сумел мобилизовать местных жителей и в результате пятичасового боя отбить нападение. Несмотря на это, Вахрушенок письменно потребовал у коменданта

¹¹⁴ Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. Завещание отеческое / Сост., вступ. ст. и коммент. Н.В. Козлова, Л.Н. Вдовина. М., 2010. С. 50.

обеспечить его людей «порохом и припасами», грозя новым приступом. Напрасно Лаговчин зывал о помощи в Ярославль, подчеркивая, что без поддержки служилых людей он не только не отстоит села, но и не сможет обеспечить сохранность казны. Провинциальный центр не удостоил коменданта даже отпиской, а Вахрушенок, между тем, сумел существенно усилить свои возможности. Он объединился с более мелкой бандой атамана Гаврила Боровиченка и в числе свыше полутора сотен человек вторично напал на волостной центр. Из челобитной видно, что комендант Лаговчин использовал все имевшиеся у него скудные резервы. На защиту, кроме самих селян, были подняты подьячие местной канцелярии, приставы, тюремные сторожа и даже местный палач. Но на этот раз силы оказались неравными. В результате длительного боя разбойники получили богатую поживу. Они захватили казну, разграбили чамеровские церкви, многие дворы сельских жителей, разгромили канцелярию, частью уничтожив, а частью подрав на патроны хранившиеся там документы, и скрылись. Коменданту и подьячим каким-то образом удалось спастись; из служителей на поле боя остались приказчик села Романовского Автоном Бухарев, палач и два тюремных сторожа¹¹⁵.

Что могла противопоставить местная власть подобным угрозам? Ценную информацию на этот счет содержит указ Санкт-Петербургской губернской канцелярии от 6 июня 1716 г., обнаруженный в фонде Юстиц-конторы РГАДА (ф. 285). Принятый в качестве непосредственной реакции на ситуацию в Ржеве Володимировой (по-видимому, вполне типовой, отраженной в многочисленных жалобах крестьян и помещиков губернии), указ раскрывает конкретные действия губернской администрации, определяет способы искоренения действующих на территории губернии разбойничьих шаек и меры по профилактике их появления. Конечно, указ, как любой нормативно-законодательный документ, скорее, фиксирует в своем тексте намерения, чем реализованные действия. Но уровень принятия указа – губернский, позволяет полагать, что он лучше отражает реальность, чем указы высшей и центральной власти, по крайней мере потому, что его писали люди, находившиеся, по своему служебному рангу, ближе «к земле» и непосредственно отвечавшие за состояние дел в губернии. Хотя в преамбуле указа отмечалось, что он был принят коллегиально – губернатором «с товарищи», едва ли следует со-

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 64. Л. 27–27 об.

мневаться, что его авторство принадлежит А.Д. Меншикову. Известно, что этот выдающийся государственный деятель петровского царствования отличался высокой продуктивностью на посту главы столичной губернии, полностью контролировал кадровые перемещения, вникал в мельчайшие подробности ее управления, в том числе и как нормотворец, автор разнообразных должностных инструкций и других распорядительных документов. Несомненно, что такое важное дело, как борьба с преступностью на вверенной ему территории, находилось под самым пристальным личным контролем сановника.

Данный экземпляр указа адресован ландрату Бежецкой и Деревской пятин, составлявших ландратскую долю стольника Григория Тимофеевича Квашнина-Самарина, но в целом носил циркулярный характер и предназначался к рассылке всем руководителям административно-территориальных подразделений губернии. Рассмотрим, что именно предусматривал Меншиков для обуздания уголовников, а после проинтерпретируем текст.

Прежде всего, губернатор намеревался сбить волну организованной преступности, покончить с уже существовавшими бандами. Непосредственное руководство этими действиями вменялось в обязанность обер-комендантам и комендантам, их заместителям и другим «управителям», под которыми, видимо, в первую очередь имелись в виду ландраты. Этим администраторам, на вверенной им территории, следовало собрать ополчение и сформировать из его состава вооруженные отряды. Ядром ополчения, по смыслу указа, становилась городская служилая корпорация, включавшая отставных офицеров и местных дворян, в том числе недорослей в возрасте от 14 лет и дворян, платящих окладные деньги вместо отбывания действительной службы, «с ружьем и людьми их, сколько у кого есть». Ополчение получало дополнительный ресурс в лице мобилизованных из уезда «прикащиков, и старост, и крестьян по сколько человек возможно с ружьем же, а буде у кого ружья нет – с косами, и с рогатины»¹¹⁶, и традиционную сотенную организацию. Сотенными командирами «выбирались» (т.е. назначались комендантами) «добрые и знающие люди» из дворян, а ополчение в целом поступало под личное командование комендантов, которые и должны были вести его в бой, оставив, ради такого важного дела, даже управление городом на кого-то из избранных дворян. Задачей ополчению ставилось уни-

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Д. 1552. Л. 20.

чтожение «воровских станов» – разбойничьих баз, поимка преступников, доставка их в уездный город и проведение следственных действий – розыска. Следственные материалы надлежало отправлять в губернскую канцелярию, в которой, очевидно, выносились приговоры и определялась мера наказания подследственным (т.е. осуществлялись собственно судебные процедуры). Туда же надо было посылать подробные рапорты о ходе полицейских мероприятий (даты проведения операций, количество задействованных ополченцев, их поименный состав, начиная с командиров), поскольку указ обещал, что те «помещики и вотчинники, и люди их, и крестьяне, которые покажут в том усердное радение и службу, награждены будут Его государевою милостью»¹¹⁷.

В дальнейшем, после того как все активные организованные преступные сообщества будут уничтожены, указом предусматривалось осуществление мер, направленных на ликвидацию самих условий для появления таковых в дальнейшем. Для этого, по мнению губернского руководства, следовало максимально ограничить все свободные перемещения людей. Под подозрением оказывались не только собственно «воровские люди» и беглые драгуны, солдаты, матросы и рекруты, но и вообще все «пришлые». Под таковыми подразумевались люди «всех чинов», у которых не окажется при себе «указов и отпусков за руками командиров или приказных людей, от кого они отпущены». Но даже самого факта наличия таких «отпусков» оказывалось недостаточно для передвижений. Местным властям надлежало, занеся данные об обладателе пропуска в специальную записную книгу, получить подтверждение о достоверности его посылки в пункте убытия и пункте прибытия («кто которого города на которой город шол, справливаться с теми городами»¹¹⁸). Передвижения запрещались по проселочным дорогам, которые должны были перекрываться охраняемыми засеками; пытающихся пробираться проселками указ предписывал «ловить и отсылать в городы к розыску». Движение разрешалось только по большим дорогам, снабженным заставами для проверки проездных документов.

Обеспечивать действие пропускного режима должно было население, обязанное круговой порукой не только не давать пристанища подозрительным лицам, но и вести активный поиск и их задержание. Соответственно, ополчение, организованное для раз-

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Д. 1552. Л. 19 об.–20 об.

¹¹⁸ Там же. Л. 21.

грома банд, после их ликвидации не распускалось, а лишь переводилось на, если можно так сказать, облегченный режим несения повинности. В сельской местности по-прежнему следовало иметь сотских и десятников, которые, в случае необходимости, могли бы собрать крестьян, вооруженных «во всяком десятке двум или трем человеком ружье, а достальным – рогатины, и копии, и косы, и иное тому подобное оружие, у кого какое есть»¹¹⁹, и подавать еженедельные рапорты о состоянии дел представителям администрации. В городах такую «милицейскую» службу («для всяких посылок и поимки воров и разбойников») возлагали на дворян от 14 до 40 лет и отставников-офицеров. Указ уже не сулил им за это «государеву милость»; подобная служба рассматривалась как вид деятельности, необходимый не только для защиты «государева интереса», но и самих помещиков. В то же время, Меншиков и его сослуживцы по губернскому управлению не считали исполнение этих полицейских функций (при всей их значимости) за действительную службу: помещиков, положенных в оклад, не освобождали от платежа, «для того, что они всегда близ домов своих». Любого, уклоняющегося от несения полицейской повинности, проявляющего нерадение в преследовании преступников, а уж тем более дающего приют «пришлым» ждало наказание «то ж, что и вора́м». Личная ответственность за поддержание описанного режима лежала на комендантах.

В этом небольшом, но очень насыщенном тексте содержится много информации, дающей пищу для размышления не только о методах борьбы с организованной преступностью, но и об общем состоянии управления и организации общества в России в первой четверти XVIII в. Первое, что бросается в глаза – полное отсутствие упоминаний армии как инструмента искоренения разбойников. Создается впечатление, что в распоряжении губернской власти просто не было регулярных армейских частей, пригодных для поддержания правопорядка. Текст указа опровергает, или, как минимум, серьезно корректирует устоявшееся мнение о том, что в петровское время полицейские функции исполняли гарнизонные, а порой и полевые команды¹²⁰. Конечно, из источников из-

¹¹⁹ Там же. Л. 20 об.

¹²⁰ Амиров Р.З. Полицейские функции армии российского государства (XVIII – первая четверть XIX в.): автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 1997. С. 9; Матиенко Т.Л. Особенности организации и правового регулирования общеуголовного сыска в первой половине XVIII в. // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2012. № 7. С. 11.

вестно, что при возможности военных использовали в преследовании разбойничьих шаек. Более того, сенатский указ от 12 августа 1712 г. обязывал командиров армейских полков не только участвовать в уничтожении банд по запросам местных гражданских руководителей, но проявлять инициативу в этом важном деле. Полковым командирам грозила ответственность за принятие мер по борьбе с организованной преступностью¹²¹. Но цитированный губернский указ даже такой *возможности* не предусматривает: про армию, про гарнизонные части, которые, казалось бы, по определению должны быть в распоряжении оберкомендантов и комендантов, в нем нет ни слова. Повторно и более развернуто роль армии в поддержании правопорядка раскрывала «Инструкции полевых и гарнизонных команд офицерам, отправленных для сыску беглых драгун, солдат, матросов и рекрут для искоренения воров и разбойников и пристанодержателей их»¹²² от 24 декабря 1719 г. Но документ появился на свет несколькими годами позже рассматриваемых событий и был создан с расчетом на то, что вскоре по всей территории государства будут расквартированы войска, освободившиеся с театров военных действий. Тем не менее, известно, что размещение войск по губерниям растянулось на несколько лет, и эффективность участия армейских команд в борьбе с организованной уголовной преступностью – тема, требующая отдельного исследования.

В приведенном меншиковском тексте 1716 г. общая ответственность за охрану общественной безопасности ложится на местных администраторов, непосредственное исполнение – на местное население всех категорий, в порядке исполнения повинности. Примечательно, что ключевой фигурой в вопросах поддержания общественной безопасности, согласно указу, определялся комендант, а территориальными границами зоны его ответственности – уезд. На первый взгляд, в этом нет ничего удивительного. И в допетровскую эпоху руководитель уезда – городской воевода – был ответственен за все, происходящее в рамках его административной территории. Даже наличие в уезде губной избы со старостой и его аппаратом, специализировавшимися на противодействии уголовной преступности, не снимал с воеводы обязанностей по охране правопорядка. Если же учесть, что губная организация имела не повсеместное распространение, а там, где

¹²¹ ПСЗ-1. Т. 4. № 2573.

¹²² ПСЗ-1. Т. 5. № 3477.

она была развита, как, например, в южных уездах России, губные старосты в конце XVII в., оказались попросту подчинены воеводской власти, ведущая роль воевод в искоренении разбоев не подлежит сомнению¹²³. Конечно, в XVII в., особенно во второй половине, для организации оперативных-следственных действий и полицейских операций в провинции, Москва, в ряде случаев, отряжала т.н. сыщиков – коронных агентов, подчиненных тем или иным профильным приказам (Разбойному, Земскому, Сибирскому). У них имелись широкие полномочия, и местные администрации обязаны были содействовать им в проведении розысков¹²⁴. После ликвидации Разбойного (Сыского) приказа в 1701 г. и окончательной ликвидации губных учреждений в 1702 г. воеводы стали единственными должностными лицами, на которых легла ответственность за поддержание правопорядка на местах. Содержание цитируемого указа побуждает критически воспринимать информацию о восстановлении в 1710–1711 гг. института сыщиков¹²⁵. Подчиненные приказу Земских дел, ведомству, возникшему в 1701 г.¹²⁶, они, судя по сенатскому указу от 12 октября 1711 г., рассматривались верховной властью в роли действенного и общегосударственного органа, координирующего и руководящего полицейскими и судебно-следственными мероприятиями на местах, но утверждать, что это именно так и произошло, следует с большой осторожностью. Судя по анализируемому документу, власти Санкт-Петербургской губернии на сыщиков нисколько не уповали и даже речи о них не вели. В 1700–1710-х гг. петровские коменданты, по сути, стали правопреемниками городских воевод в обеспечении общественной безопасности.

Известно, что ко времени опубликования указа (1716 г.) в России уже третий год шла т.н. ландратская реформа. В соот-

¹²³ Подробнее см.: Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001.

¹²⁴ Если проводить какие-то аналогии с современностью, то институт сыщиков XVII – первой трети XVIII в. по своим задачам был близок криминальной полиции, а в компетенцию местных администраций входило выполнение задач, присущих современной полиции общественной безопасности, хотя, разумеется, такой четкой специализации тогда не было, и обе институции, в зависимости от ситуации, могли исполнять функции и той, и другой полиции одновременно.

¹²⁵ ПСЗ-1. Т. 4. № 2310, 2349.

¹²⁶ Бабич М.В. Приказ земских дел // Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.). Словарь-справочник. Кн. 3. М., 2001. С. 389–390.

ветствии с именным указом от 28 января 1715 г.¹²⁷ должна была произойти очередная реорганизация низового административно-территориального деления. Место уездов, по замыслу законодателя, занимала ландратская доля; ландрат становился ее руководителем, оттесняя на второй план коменданта, при этом власть комендантов ограничивалась лишь теми городами, в которых располагались гарнизоны. Эта схема, как было доказано М.М. Богословским, очень плохо приживалась на практике¹²⁸. Ландратские доли, созданные, между прочим, не повсеместно¹²⁹, лишь усложнили существовавшую территориальную организацию и запутали взаимоотношения между комендантами и ландратами. Если вернуться к ситуации в Санкт-Петербургской губернии, то к 1716 г. ее деление на ландратские доли можно считать свершившимся фактом: таковых было создано 18¹³⁰. Но анализируемый указ губернской канцелярии ясно дает понять, что, вопреки этому факту, главными действующими лицами, на которых возлагалась борьба с разбоями, оставались обер-коменданты и коменданты, а их власть отнюдь не ограничивалась гарнизонными частями, о которых не было сказано ни слова, а распространялась на *город и уезд*. И хотя конкретный экземпляр указа адресовался ландрату Г.Т. Квашнину-Самарину, в самом его тексте ни о ландратских долях, ни о ландратах речи не шло. Последние, в лучшем случае, угадываются под общим и размытым термином «управители», к каковым могут быть отнесены как ландраты, так и самые разные должностные лица от офицеров-управителей монастырскими вотчинами до всяких «командиров» с разовыми поручениями вроде комиссаров, посланных руководить дорожно-строительными работами или заготовками корабельного леса. Таким образом, этот губернский указ, посвященный, вроде бы, вполне конкрет-

¹²⁷ ПСЗ-1. Т. 5. № 2879.

¹²⁸ Богословский М.М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Ч. 349. С. 45–144.

¹²⁹ Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. С. 162–176, 188–195; Редин Д.А. Сибирская ландратура: место вятских ландратов в структуре губернского управления периода первой областной реформы Петра Великого // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2012. № 3 (105). С. 31–47.

¹³⁰ См.: «Именная роспись ландратам и камисарам Санкт-Петербургской губернии» от 19 января 1717 г.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 82. Л. I, 1–7 об.

ной проблеме, становится любопытным, хотя и косвенным источником по истории организации местного коронного управления накануне второй областной реформы в целом.

Ближайшим ресурсом коменданта в формировании вооруженных отрядов для преследования разбойников и его кадровым резервом, согласно меншиковскому распоряжению, было местное дворянство. Из содержания документа видно, что оно сосредоточено в городе – уездном центре. Для губернских властей, в данном случае, это непреложный факт: даже если дворяне проживают в сельских усадьбах, город для них – естественный центр географической и административной консолидации. Во время «горячей» фазы операции дворяне становятся сотниками ополчения, а один из них замещает коменданта на городском управлении; в дальнейшем их предусмотрено держать в городах «для посылок» и использовать в качестве вспомогательной силы для «поимки воров и разбойников», хотя основная тяжесть «профилактики» организованной преступности (сооружение засек, несение караульной службы, быстрое реагирование на появление «пришлых» людей и «воровских пристаней») переходит на крестьян.

Заметим, что в петровской России не только администрация Санкт-Петербургской губернии, но и центральные власти и сам государь рассматривали пресловутое «местное дворянство» как едва ли не панацею в решении всех проблем, связанных с кадровым дефицитом. Любая из многочисленных канцелярий и комиссий должна была рассчитывать в своей деятельности на сотрудников из числа местного дворянства; ландратов планировалось рекрутировать из местного дворянства; из местного дворянства следовало выбирать «комиссаров от земли», которые вместе с уполномоченными офицерами прочились в сборщики подушной подати; местное дворянство содействовало дорожному строительству, контролю за казенными подрядными операциями, на него же, как мы видим, уповали как на военно-полицейскую силу.

Между тем, на поверку часто оказывалось, что местное дворянство, этот, в правительственных представлениях, неисчерпаемый кладезь «земских сил», было малолюдным, недостаточно мощным, во всяком случае для того, чтобы выполнять многочисленные поручения короны. Затяжная война и рост численности вооруженных сил непрерывно втягивали в свой водоворот всех пригодных к действительной службе помещиков. Попав в армию, вернуться к прежней усадебной жизни удавалось лишь тем, кто оказывался совершенно непригодным к строевой по физическим

показателям (по дряхлости, тяжелым увечьям и болезням). Конечно, при слабом уровне учета и контроля, в мобилизационные сети попадали далеко не все. Материалы Герольдмейстерской конторы, например, приводят немало случаев выявления 30- и 40-летних «недорослей», умудрявшихся избегать смотров и сидевших без дворовых и крестьян на «своей поместной земле» по глухим углам обширных российских провинций. Но насколько многочисленным и, самое главное, пригодным хоть к какой-то полезной деятельности был этот контингент, пока остается только гадать. Те же ландраты, чаще всего, набирались не столько из местных дворян, сколько из «царедворцев» – столичного дворянства, старых придворных чинов (стольников, стряпчих и жильцов), расписанных по губерниям в качестве минимального кадрового резерва на занятие руководящих должностей в местном аппарате. Известно также, что иные из помещиков сами сколачивали шайки из своих дворовых и промышляли разбоем¹³¹. В итоге выходит, что единственной значимой силой в борьбе с бандитизмом, разбоями и грабежами в провинции оставалось крестьянство¹³².

Не менее любопытны предписанные указом меры по профилактике бандитизма и разбоя. Их главная идея – тотальный кон-

¹³¹ Такая банда, организованная в Костромском и Галицком уездах помещиками З. Полозовым, Н. Сыгиным и П. Синяшиным, была разгромлена (кстати, с помощью военных, силами роты капитана Рагульского) в 1702 г. См.: Гольцев В.А. Законодательство и нравы в России XVIII в. СПб., 1886. С. 36–37. Уклонявшихся от службы и промышлявших разбоем помещиков Ф. Пустошкина из Устрицкого стана Новгородского уезда и И. Золоторева из Алексинского уезда вспоминал И.Т. Посошков. См.: Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве... С. 106.

¹³² Местные дворяне часто были совершенно бессильны в противостоянии с разбойничьими бандами. Указ о назначении сыщиком полковника Ф.Ю. Козина для поимки воров и разбойников в 1710 г., стал прямой реакцией на челобитные клинских, волоколамских и можайских помещиков, чьи деревни и усадьбы безнаказанно грабили и жгли разбойники. В 1709 г. шайка из 20 человек, в составе которой, правда, были шведские солдаты, отбившиеся от своих частей, разграбили в Ильинском погосте Новгородского уезда села помещиков Б. Рахманова и П. Черткова (причем первого убили). Петр Чертков, имевший в столичном гарнизоне знакомого офицера, капитана А.П. Путилова, просил о военной помощи, указывая, что данный эпизод был не единичен: «...раззоряютца государевы люди от таких воров и шишей по вси годы». И лишь благодаря этому знакомству помещику удалось выйти на петербургского коменданта Д.Я. Бильса и губернского оберкоменданта Р.В. Брюса и добиться действенной реакции властей. См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 9. Л. 15–49. Такие примеры можно продолжать.

троль над географической мобильностью населения. Справедливо полагая дезертирство и бегство едва ли не главными источниками преступности, носители этой идеи, конечно, не задумывались над тем, какими причинами они порождены. Предельно ограничить свободу передвижения ради достижения социальной стабильности и эффективного фиска стремились не только А.Д. Меншиков «с товарищи». Эта мысль буквально витала в воздухе и читается в сочинениях разнообразных прожектеров 1700–1720-х гг.: Федора Салтыкова, Семена Юрлова, Алексея Нестерова, Ивана Филиппова, Ивана Посошкова¹³³. В конце концов она воплотится в паспортную систему, возникшую в ходе податной реформы 1719–1728 гг. Что касается рассматриваемого указа 1716 г., то он поражает радикализмом предложенных действий. Как было замечено, по букве и духу указа в число подозрительных автоматически попадали все проезжающие, люди «всех чинов». И если проверка проездных документов и фиксация данного факта в специально учрежденной для того книге вполне укладывается в традиционную практику функционирования коммуникаций эпохи (выдача подорожных и их запись по ямам, в почтовых конторах и на станциях были делом рутинным), то требование посылать дополнительные запросы с подтверждением легальности поездки в город убытия и в город прибытия выглядит избыточным.

Как это можно было воплотить на практике и сколько времени требовалось для получения таких подтверждений, учитывая вечный недостаток людей для посылок и трудности преодоления пространства, – остается загадкой. Между тем, подобные меры, если они последовательно исполнялись, ставили под угрозу срыва всю, так сказать, казенную логистику. Движение по дорогам губернии было, по понятным причинам, очень интенсивным и в первую очередь это касалось именно тех «больших дорог», которые связывали две столицы между собой и столицы с уездными городами, и которые единственно были открыты для легального передвижения в соответствии с меншиковским указом. Вот, например, донесение в Санкт-Петербургскую губернскую канцелярию «почтовых дел управителя» Ивана Бровитенева из Новгорода от 23 октября 1715 года. Чиновнику поручалось обустроить

¹³³ Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого: опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. СПб., 1897. С. 1–68; Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве... С. 108–109, 149, 153–154, 158–159.

новопостроенный участок тракта («перспективной дороги») от Санкт-Петербурга до Новгорода почтовыми станами. Для этого пришлось снять всех лошадей и ямщиков с летней Ладужской дороги, но их не хватило: из шести станов получилось обустроить пять. В донесении слышится вопль отчаяния: «А для того, что оною дорогою перегон излишнее прежнего и нынешним путем почтовая гонба жестока, понеже посыланные от царского величества куриеры едут непрестанно, и выходит на всякие сутки мерин по десяти, и по пятнатцати, а иногда и болши, и теми меринами на почтовых станех некоторыми меры управитца невозможно...»¹³⁴. В этом пассаже нет преувеличения; если учесть, что каждый стан имел в своем составе 22 лошади, то можно представить, что и люди, и кони при таком режиме работали на пределе возможного. Очевидно, что получать по каждому случаю подтверждение о легальности поездки «людей всех чинов» было физически невозможно; для казенных курьеров просто необходимо было делать исключения, и данная норма указа, наверное, применялась выборочно. Столь же трудновыполнимым, хотя по своему мотивированным, выглядит запрет на использование проселочных дорог и их блокирование засеками и караулами. Надо полагать, проселками пользовались не только «воровские люди»; их закрытие потенциально нарушало всякую экономическую жизнь в уездах, ставило под вопрос коммуникацию между селами и деревнями как элементами сельскохозяйственной инфраструктуры.

Анализ указа санкт-петербургской губернской канцелярии 1716 г. и некоторых «конвойных» текстов показывает, что правительственный арсенал противодействия организованной уголовной преступности в петровское время был крайне ограничен. По сути, он не выходил за рамки практик предшествовавшего периода. Регулярная армия, созданная в ходе реформ, использовалась в полицейских операциях слабо. Даже в Санкт-Петербургской губернии, где при наличии значительного числа городов и крепостей с гарнизонами, их потенциал по какой-то причине не мог быть использован в достаточной мере. Во всяком случае, князь А.Д. Меншиков, чей административный ресурс был мощнее, чем у любого из современных ему губернаторов, разрабатывая меры по борьбе с разбоями на территории губернии, совсем не брал в расчет привлечение регулярных военных команд.

¹³⁴ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 74. Л. 191.

Использование местного дворянства и отставных офицеров для создания отрядов самообороны и контроля за криминальной обстановкой в уездах едва ли являлось настолько действенной мерой, чтобы с ее помощью можно было надеяться на сохранение устойчивого контроля над ситуацией. Впрочем, все могло зависеть от конкретных обстоятельств, и роль дворянского милицейского ополчения в борьбе с организованной преступностью нуждается в масштабном и систематическом исследовании.

В отсутствии специализированных криминальной полиции и полиции общественной безопасности властям оставалось уповать только на мобилизацию крестьян на основе веками проверенной сотенной организации и круговой поруки, в порядке несения очередной повинности. Парадокс заключался в том, что это же крестьянство являлось, в итоге, главным (хотя и не единственным) источником формирования криминальной среды. Нужен был очень высокий уровень криминогенности, чтобы крестьяне, почувствовав серьезную угрозу своим жизням и имуществу, не на страх, а на совесть встали на защиту правопорядка и прекратили давать хлеб и кров беглым и «гулящим».

В качестве профилактической меры губернское руководство рассматривало установление жесткого режима контроля над мобильностью населения. Насколько последовательно его удавалось претворять на практике, и какова была его локальная эффективность – вопросы, еще требующие выяснения. Но, по крайней мере, идея ограничения свободы передвижения, в первую очередь – тяглого населения, оказалась настолько заманчивой, что привела, по совокупности причин, к введению паспортной системы.

8.4. «ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ ПОВОРОТ» ЕКАТЕРИНЫ II ОТ КАРЫ К ИСПРАВЛЕНИЮ

Среди проблем истории становления европейских «регулярных» государств одно из центральных мест занимает вопрос реформирования социально-экономической и правовой сфер. Этот процесс затронул все институты государственной власти, в том числе и те, которые обеспечивали защиту общества от преступных посягательств. Конец XVIII – начало XIX в. принято считать началом «эры карательной сдержанности», когда важнейший вид уголовного наказания – смертная казнь, рассматривается уже как

средневековый анахронизм, не достойный высокоморального и цивилизованного общества. Эпоха европейского Просвещения привела к радикальным изменениям в системе уголовного правосудия и становлению национальных пенитенциарных систем – государственных институтов, ведающих исполнением уголовных наказаний, наложенных на граждан в соответствии с законом.

Первыми переход от карательных традиций уголовного правосудия – публичных казней, телесных наказаний, каторги и ссылки – к тюремному содержанию преступников совершили Великобритания и США. Англичанам принадлежит пальма первенства в разработке теоретических основ современной системы наказания, Соединенные Штаты стали своеобразной «социальной лабораторией» по практическому воплощению идей английских просветителей и созданию первых тюремных моделей.

Источником идей, совершивших революционный переворот в традиционном уголовном правосудии, послужила английская общественная мысль, явившая новую парадигму отношения общества и государства к исполнению уголовных наказаний: стремление к замене репрессивных мер, подавляющих личность преступника, к реализации принципа исправительного заключения. Впервые сформулированные гуманистические принципы содержания арестантов (правовая защита содержащихся под стражей, раздельное пребывание мужчин и женщин, медицинское обслуживание, улучшение санитарно-бытовых условий) стали основой для широкомасштабного трансфера идей просвещения в области уголовного права. В XIX в. англо-американские пенитенциарные практики вышли за пределы национальных пенитенциарных систем и были заимствованы большинством европейских стран, в т.ч. Российской империей. Подобные институциональные изменения в системе исполнения уголовных наказаний в странах Европы и Америки носят собирательное название *пенитенциарные реформы* и рассматриваются в историко-правовой исследовательской традиции как единый общеевропейский процесс.

Отечественное тюрьмоведение, опираясь в целом на методологию государственно-правового подхода, заложенного правововедами XIX – начала XX в., датирует российскую пенитенциарную реформу 1879 годом. Преобразования в сфере исполнения уголовных наказаний в целом были определены логикой и содержанием либеральных реформ в России 1860–1870 гг. Содержанием этой реформы стало приведение сложившейся пенитенциарной практики в соответствие с международными нормами.

Смена методологического фокуса и ориентация современных исследований на принципы интеллектуальной истории, позволяет констатировать «пенитенциарный поворот» в российской государственной политике исполнения наказаний гораздо раньше установленных в историко-правовой литературе хронологических границ и обнаружить истоки отечественной пенитенциарной реформы во второй половине XVIII столетия.

В 1781 г. Российскую империю посетил знаменитый англичанин – врач, филантроп и реформатор тюрем – Джон Говард. Биографы Говарда, опираясь на воспоминания его друзей, сообщают, что англичанин был приглашен ко двору Екатерины II, но отклонил приглашение, заметив, что «посвятил себя посещению тюрем и узников, а не дворцов и королевских особ»¹³⁵. Попытки обнаружить в отечественных архивах следы не только дерзкого ответа именитого филантропа, но даже самого приглашения, успехом не увенчались. Тем не менее, хотя аудиенция реформатора у императрицы не состоялась, именно в этот период отечественный правительственный курс в отношении исполнения наказаний начинает меняться, а в русле карательной уголовной политики зарождаются исправительные тенденции.

Анализируя такой кардинальный поворот, связанный с законодательными инициативами Екатерины II, дореволюционный правовед М. Филиппов отметил, что принципы пенитенциарной политики императрицы «опередили все европейские законодательства почти на целое столетие», и здесь же добавил, что «до настоящего времени не сделана надлежащая оценка тем великим началам любви и милосердия, которые внесены в наше уголовное правосудие великою преобразовательницею»¹³⁶. В панегирическом историко-правовом обзоре пенитенциарных документов авторства Екатерины II историк права сетует, что все «лавры» современная ему тюремная наука не признала за «великой государыней», а приписала иностранцам, в частности «знаменитому Говарду». Презентуя на страницах журнала «Русская старина»

¹³⁵ The Life of John Howard; with Comments on his Character and Philanthropic Labours / By the rev. J. Field, M.A. L., 1850. P. 303; Memoirs of John Howard, esq. F.R.S., the Christian Philanthropist: with a detail of his most Extraordinary Labours in the cause of Benevolence; and a brief account of the prisons, hospitals, schools, lazarettoes, and other public institutions he visited / By T. Taylor. 2nd ed. L., 1836. P. 164.

¹³⁶ Филиппов М.А. Тюрьмы в России. Собственноручный проект Екатерины II // Русская старина. 1873. Вып. 7. С. 60.

Проект «Устава о тюрьмах», собственноручно написанный императрицей в 1787 г., М. Филиппов убежденно заявляет, что предложенная императрицей тюремная система есть «плод самостоятельного ее гения», и выражает надежду, что этот текст займет «по справедливости одно из самых видных мест не только в истории права, но и в пенитенциарной науке»¹³⁷.

Не менее подробный разбор документа предпринял один из самых известных советских тюрьмоведов М. Гернет в первой части пятитомного издания «История царской тюрьмы». В советской историографии обозначился концептуальный разрыв с «буржуазной карательной системой», а идеи европейских просветителей – основоположников пенитенциарного дела – подвергнуты жесткой критике. Наказ Екатерины II признали всего лишь «литературным памятником», куда она включила «несколько притупленные» идеи Беккариа в области уголовного права¹³⁸, а «Устав о тюрьмах» был заклеен как «мертворожденное проектирование», «громкие, напыщенные фразы, прикрывающие самую тяжелую фактическую действительность», «несбыточное фантазирование, в реальность которого, конечно, не верила и сама Екатерина» и «писала для своей рекламы»¹³⁹. Интересно, что Гернет связывает проект императрицы о тюрьмах и приезд в Россию Говарда, но подчеркивает, что своим показным реформаторством Екатерине «не удалось “обойти” Говарда с той легкостью, с какой она заручилась благорасположением Вольтера и Дидро»¹⁴⁰.

В современном исследовательском дискурсе маятник историко-правовой оценки инициатив Екатерины II в области тюремного дела вновь качнулся к признанию «свойственного человеколюбия» и определенных реформаторских новаций. «Проект тюремного устава – Наказ императрицы Екатерины II, – пишет известный юрист Н. Шурухнов, – являлся обстоятельным, своевременным организационно-правовым документом Российской империи, в определенной степени он определил эпоху»¹⁴¹. Таким об-

¹³⁷ Там же. С. 65.

¹³⁸ Исаев М.М. К вопросу о политической оценке идей классической школы уголовного права. Доклад, сделанный в Военно-юридической академии в апреле 1946 г. М., 1947. С. 30.

¹³⁹ Гернет М. История царской тюрьмы. 2-е изд. М., 1951. Т. 1. С. 68–69.

¹⁴⁰ Гернет М. История царской тюрьмы... Т. 1. С. 67.

¹⁴¹ Шурухнов Н.Г. Тюрьмы России по собственноручному проекту императрицы Екатерины II 1787 года (краткий ретроспективный обзор) // Человек: преступление и наказание. 2021. Т. 29 (1–4). № 1. С. 81.

разом, историографические и историко-правовые оценки правотворчества Екатерины II в области тюремного реформирования варьируют в широком диапазоне от позиции «великие начала любви и милосердия в уголовном правосудии» до «плода несбыточных фантазий». Сегодня методологический инструментарий культурно-интеллектуальной истории, стимулирующий постановку нетрадиционных вопросов к историческому источнику, позволит рассмотреть развитие сферы исполнения уголовных наказаний в России в XVII–XVIII вв. и «пенитенциарный поворот» Екатерины II в контексте социально-культурных и политических практик, дать ответ на открытый вопрос о самобытности и заимствованиях некоторых передовых пенитенциарных идей в правотворчестве российской государыни.

Обратившись к характеристике сложившихся в России уголовно-исполнительных практик, определявших политико-правовой ландшафт в XVII в. и ставших в итоге триггером модернистского дискурса Екатерины II в тюремном вопросе, отметим доминирование концепта «кары и мести», которое было характерно в целом и для европейского уголовно-исполнительного законодательства. Либеральный отечественный правовед рубежа XIX и XX вв., известный как последовательный критик «карательной деятельности государства», С.В. Познышев убедительно доказывал, что такие тенденции были присущи «общему для всех народов периоду», просуществовавшему, по его оценкам, вплоть до конца XVIII в.: «Карательные системы этого периода поражают своей жестокостью. Главное место в них принадлежит разным зверским формам смертной казни и телесным наказаниям, которые щедро расточались законодателями не только за тяжкие преступления, но нередко и за неважные проступки. По содержанию своему наказание в то время было, прежде всего, главным образом физическим мучением»¹⁴². Либеральные интеллектуалы начала XX в. имели полное право постфактум критиковать с позиции морали отечественную систему наказания предшествующей эпохи, в которой господствовали телесные наказания и смертная казнь, однако это не снимает вопроса о легитимности и эффективности ее применения в конкретно-исторической ситуации.

Современные исследователи вполне обоснованно обращают внимание на то обстоятельство, что сложившиеся формы наказа-

¹⁴² Учение о карательных мерах и мере наказания: курс, составленный по лекциям профессора С.В. Познышева. М., 1908. С. 6.

ния должны были соответствовать существовавшим представлениям о справедливости, так как «законы, противоречащие социальным нормам, не выживают»¹⁴³. Применительно к российской действительности начала XVII века обоснован вывод о том, что «санкционированное государством насилие проводилось в жизнь хотя и принудительно, но в контексте взаимодействия между населением и государством». Доказательством этому служила сама система, сложившаяся в Московском централизованном государстве, когда «известных в округе преступников власть не могла поставить перед судом без содействия рекрутируемых из местного населения команд, стражников и приставов, толпа, глядевшая на экзекуцию, вполне могла одобрять наказание людей, отбросивших моральные обязательства перед членами своих... общин, городских или сельских»¹⁴⁴.

Таким образом, господствовавшая в российском законодательстве система личных и публичных наказаний в XVII веке достигла своей возможной полноты и относительной определенности. Наказания за большую часть преступлений были направлены на причинение личности преступника конкретного материального вреда, или «зла». По словам российского юриста второй половины XIX в. А.М. Богдановского, «в чем бы не выражалось это зло, – в лишении жизни, здоровья, свободы или чести, – оно воздается преступнику во имя общего интереса, во имя оскорбленной им правды общественной. Во имя нарушенного им земского покоя и порядка, – притом с той или другой внешней политической целью: “да и прочие страх примут таковое не творить” – “дабы другим неповадно было так делать” – “дабы лихих извести”»¹⁴⁵.

Уголовно-исполнительная практика периода «Соборного уложения» 1649 г., в целом следуя принципам репрессивного возмездия в исполнении наказаний, тем не менее, допускала использование тюрьмы в основном как средства для содержания преступников до их осуждения на смерть или «торговую казнь», а также в качестве самостоятельного или дополнительного наказания. Со временем тюремное заключение в качестве основного наказания или в сочетании с телесными наказаниями и имущест-

¹⁴³ Wegert K. The Social Context of State Terror in Early Modern Germany // Canadian Journal of History. 1991. № 26. P. 27.

¹⁴⁴ Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2016. С. 268.

¹⁴⁵ Богдановский А.М. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857. С. 69.

венными взысканиями становится одной из наиболее употребляемых санкций: в Уложении оно упоминается уже в более полу-сотни статей и по этому критерию уступает лишь смертной казни.

В «Соборном уложении» впервые четко определялся круг лиц, на которых возлагалось управление местами заключения. Тюремь должны были строиться, ремонтироваться и содержаться на местные средства под руководством наместников, воевод и губных старост. В Москве тюрьмы строились за государственный счет и находились в ведении Земского и Разбойного приказа. В остальных городах тюрьмы строились на местные средства и были подведомственны Разбойному приказу. Общее наблюдение за их состоянием и деятельностью поручалось выборным губным старостам, непосредственный же контроль мест заключения осуществляли тюремные целовальники и сторожа. Они должны были жить при тюрьмах и при вступлении в должность принимали определенные обязательства:

«воровством никаким не воровать, зерню и карты не играть, и корчмы не держать, и тюремных сидельцов без указа великих государей из тюрьмы никак никоими мерами не выпускать, и в мир ходя их не отпустить, и за город их не выводить, и воровать им не давать, и в тюрьме им зерню и карты играть и топоров и ножей и шил и костей и веревок держать не давати ж, и к тюрьме никого ни с каким воровством не припускать, и на кабак тюремных сидельцов не водить и пить не давать, и самому пьяно не напиватца»¹⁴⁶.

На основе анализа законодательства можно утверждать, что в XVII в. лишение свободы постепенно занимает все более заметное место в системе уголовных наказаний Московского государства, а тюремное дело впервые получает определенную регламентацию и приобретает черты самостоятельного вида государственной службы. С этого времени, по мнению большинства исследователей, и начинается собственно история русской тюрьмы.

В соответствии с парадигмой «кары и устрашения» государство практически не обращало внимания на вопросы внутреннего устройства тюремной жизни, предоставляя сидельцев самим себе. Известный российский специалист по истории пенитенциарной системы И. Фойницкий писал, что тюрьма в это время «означала мучительные телесные страдания, сопровождалась наложением оков, кандалов, приковыванием к стене и отбывалась в помеще-

¹⁴⁶ Акты, относящиеся до юридического быта древней России / Изд. Археографической Комиссией; под ред. члена комиссии Н. Качалова. Т. 1. СПб., 1857. С. 5–6.

ниях, наименее удобных для жизни»¹⁴⁷. В переполненных тюремных амбарах, избах и дворах сидели вместе без разделения по полу и возрасту представители высших и низших сословий, и подследственные, и приговоренные, тяжкие преступники и мало-важные, уголовные, должники и холопы. Отдельно содержались лишь заключенные в «земельных тюрьмах» и приговоренные к смерти. От всего этого колодникам «чинилась теснота и голод».

Государство не выделяло никаких средств на содержание тюремных сидельцев, более того, вновь прибывшие должны были сами заплатить тюремной администрации и тюремной общине негласный налог – «власяное». Казенной одежды и пищи арестантам не полагалось, при этом, по свидетельству одного из современников, их снабжение осуществлялось следующим образом:

«А которых воров, разбойников и татей... приводят и сажают их в тюрьму, и тех людей, у кого есть отцы и матери или иные сродичи, и жена, и дети, кормят их сами, своим. А у кого нет сродичей и кормиться нечем, и из тех воров, которые в малых винах сидят, на всякий день выпускают по два человека скованных, со сторожами, собирати по людем, по дворам и по торгам милостыню, деньгами и хлебом; а что от которого дни соберут, мало или много, и то меж себя делят с товарищи все вместе и тем себя кормят»¹⁴⁸.

Никаких занятий в тюрьмах того времени не было, поэтому, те, кто мог, занимались ремеслами «чем сытым быть». На государственные работы заключенных привлекали не систематически, гораздо чаще, по-видимому, воеводы и губные старосты старались использовать арестантский труд в личных целях. Такая практика была повсеместной, поэтому неслучайно в «Соборном уложении» появилась статья, прямо запрещающая должностным лицам брать арестантов к себе «в холопство и во крестьянство», а также «и иным никому, по свойству, или по дружбе, их в холопство и во крестьянство не отдавати»¹⁴⁹. Таким образом, в XVII в. в Московском государстве были созданы сеть мест лишения свободы и специальный аппарат по исполнению этого вида наказания, что значительно расширило сферу его применения.

Карательная доминанта в системе уголовных наказаний сохранилась в целом и в петровский период, но в это время формируется ее модернизированная версия, мотивированная прагма-

¹⁴⁷ Фойницкий И.Я. Учение о наказании... С. 308.

¹⁴⁸ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 17.

¹⁴⁹ ПСЗ-1. Т. 1. Гл. XXI. Ст. 104.

тичным подходом к личности преступника. Одно из первых свидетельств такого подхода обнаруживается в записке дьяка по-сольского приказа Андрея Виниуса, предлагавшего в 1668 г., по опыту иностранных государств, массово использовать труд осужденных преступников на галерах (каторгах) на Каспийском море:

«Всяких воров и бусурманских полоняников мочно на катарги сажать для гребли на цепях, чтоб не розбежались и зла не учинили; и чем таким вора и полоняником, которых по тюрьмам бывает много, хлеб ту не давать, и они б на катаргах хлеб заработовали, а иных воров, по делу смотря, мочно посадить на пять или на шесть лет и болши, а иных, которые достойли смерти, и на век по обычаю иных государств»¹⁵⁰.

Прагматичную идею извлекать выгоду из каторжного труда несколько позже взял на заметку Петр I во время путешествия по Европе. Остро нуждаясь в огромном количестве рабочих рук для осуществления своих преобразовательных планов, молодой царь-реформатор смотрел на преступников исключительно как на даровую рабочую силу, не требующую государственных затрат, и представляющую широкие возможности для получения максимальной выгоды. Поэтому в первой четверти XVIII в. практика тюремного заключения начала уступать место другим видам наказания, более соответствовавшим интересам политики Петра I: лишению свободы в виде ссылки и каторжных работ, которые стали применяться необычайно широко.

Законодательство периода петровских реформ последовательно отменяло те случаи, которые по действующему на тот период «Соборному уложению» предписывали в качестве наказания тюремное заключение. «Артикулами воинскими», принятыми в 1715 г., тюремное заключение применялось чрезвычайно ограниченно. Однако, хотя петровская уголовно-исполнительная политика резко сократила применение тюремного заключения как вида уголовного наказания, на рубеже XVII–XVIII вв. оно получило окончательное утверждение как единственная форма предварительного заключения, окончательно вытеснив отдачу обвиняемого на поруки и за пристава. Начиная с 1701 г. государственная власть предписывала «винных людей держать до решения в тюрьме», заключению в тюрьму подверглись все обвиняемые в уголовных делах, без всяких условий, в т.ч. обвиняемые в маловажных преступлениях. Такая политика привела к быстрому перепополнению тюрем. Тюремные постройки нуждались в постоянном

¹⁵⁰ Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею. Т. 5. СПб., 1853. С. 330–331.

ремонте, пища и одежда колодников продолжали зависеть от самообеспечения и случайной благотворительности.

Чрезвычайный рост количества арестантов с начала XVIII в. вынуждал власть обратить внимание на участь заключенных. Вопросы условий и порядков содержания заключенных оставались неизменными со времен «Соборного уложения», специальных нормативных актов, регламентирующих эту сферу, так и не появилось. Изменения происходили только вследствие реформирования других областей государственной жизни. Одной из сложнейших оставалась проблема содержания арестантов в тюрьмах. В течение всего XVIII в. правительство неоднократно предпринимало попытки его решения. Во-первых, власти неоднократно объявляли о запрещении выводить арестантов для сбора милостыни. Но, когда эти попытки не увенчались успехом, было решено хоть как-то регламентировать эту процедуру. В столицах запретили выводить колодников на связках и без одежды, а местной администрации предписывалось изыскать казенные деньги на продовольствие арестантов. Однако эти требования, судя по всему, также не были выполнены.

Итак, в первой половине XVIII в. в системе исполнения наказаний тюремное заключение выступало в роли дорогого и второстепенного средства, лишь обслуживавшего систему каторги и ссылки. Положение тюрем оставалось без должного внимания со стороны государства, в тюремных постройках повсеместно фиксировалась «теснота превеликая, крыши ветхи и грозят обрушиться, и продовольствие арестантов не обеспечено»¹⁵¹.

Лишь со второй половины XVIII в., как в России, так и в западных странах, в тюремные порядки вносятся существенные изменения, проявляется тенденция к превращению лишения свободы в исправительную меру. Реформаторские проекты, направленные на гуманизацию пенитенциарной системы, характерные для политики Просвещения, обозначили новую эру в уголовном правосудии и содержании заключенных. И вполне справедлива та точка зрения, что самостоятельным и активным началом в этом процессе в России является фигура императрицы Екатерины II.

Как отмечал В.О. Ключевский, по признанию самой Екатерины, в России она застала весьма мрачную картину: тюрьмы были переполнены, несмотря на освобождение до 17 тыс. колодников в последние годы царствования Елизаветы Петровны, на мо-

¹⁵¹ Цит. по: Фойницкий И.Я. Учение о наказании... С. 316.

мент коронации Екатерины II в 1762 г. в местах заключения оставалось более 8 тыс. человек. Казалось, выхода из создавшегося положения не было даже видно, а «жестокие пытки и наказания за безделицу так ожесточили умы, что другого, более человеческого правосудия и представить себе не могли»¹⁵². Первый екатеринский указ, касающийся положения арестантов, относится к 1765 г. В течение XVIII столетия правительство неуклонно шло к пониманию необходимости содержания арестантов за счет казны. Уже во второй половине века проблема содержания заключенных все чаще решалась за счет казенных средств, но единых предписаний по этому вопросу все еще не было. Согласно указу 1765 г., наместники, посылая в Сенат ведомости о колодниках, должны были указывать «откуда и какое каждый из них имеет пропитание и довольны ли они таковым»¹⁵³. Очевидно, что государство всерьез озаботилось вопросом о снабжении арестантов, и выясняло, как обстоят дела на местах. 24 декабря 1767 года появилась первая инструкция «О порядке содержания колодников в острогах и о доставлении им пропитания»¹⁵⁴. Инструкция определяла снабжение арестантов одеждой и пищей за счет казенных средств, не устанавливая, однако, размера содержания.

Последовавшие в дальнейшем изменения в уголовно-исполнительной сфере, задуманные Екатериной II, стали синтезом передовой европейской мысли и личной монаршей воли. Основные контуры «пенитенциарного поворота» были изложены императрицей в «Наказе» Уложенной комиссии 1767 г.¹⁵⁵ Свообразным манифестом новой парадигмы исполнения уголовных наказаний и ее доктринальной основой считается X глава «Наказа», с идейными источниками которой историки и правоведы определились практически единогласно. Изучив труды Ч. Бекария и других европейских просветителей, Екатерина внесла все те идеи, которые соответствовали ее замыслам или в виде прямого заимствования, или незначительно видоизменив их. О своих обезличенных заимствованиях из работы Монтескье «О духе законов», которую императрица называла своим «молитвенником», Екатерина II сама признавалась в письме к Д'Аламберу¹⁵⁶. Современные историки

¹⁵² Ключевский В.О. Русская история. В 3 кн. М., 1993. Кн. 3. С. 251.

¹⁵³ ПСЗ-1. Т. 17. № 12521.

¹⁵⁴ Там же. Т. 18. № 13040.

¹⁵⁵ Там же. № 12949.

¹⁵⁶ Собственноручное черновое письмо Екатерины II к Д'Аламберу с похвалами сочинения Монтескье и уверением, что сочинения Д'Аламбера по-

права буквально «разобрали» на цитаты искомую главу и работу итальянского просветителя Беккариа «О преступлениях и наказаниях», чтобы обозначить оригинальный текст и вариацию в тексте «Наказа». Воспользовавшись экспрессивной терминологией М. Гернета, предположим, что Екатерина и не пыталась в данном случае «обойти» Беккариа, выдав его взгляды на природу преступления и наказания за свои собственные.

Отмечая трансфер просвещенческих идей в интеллектуальном пространстве европейских государств, отечественный биограф Беккариа П. Левенсон так отозвался о резонансном эффекте его труда: «Идеи, впервые высказанные в этой небольшой книжке, нашли радостный отклик в сердцах незабвенных умственных двигателей конца XVIII столетия, были с восторгом приветствованы французскими энциклопедистами, проникли в царские чертоги и вскоре вошли в лучшие кодексы передовых народов Европы... Шум, поднятый сторонниками старых судебных порядков при появлении этого замечательного трактата, обратил внимание лучших людей европейского общества на молодого миланского философа-публициста. Редкое сочинение, волновавшее умы передовых деятелей прошлого века, производило такое потрясающее впечатление на современников, как трактат, вышедший из-под пера скромного миланского патриция. В первые полгода после своего появления книга Ч. Беккариа выдержала семь изданий, а в следующие годы – 32 издания; затем она была переведена компетентными людьми на все европейские языки»¹⁵⁷.

Заимствование передовых идей, взбудораживших лучшие европейские умы и повлиявших на оформление теоретических основ новой уголовно-исполнительной политики, сделало честь российскому просвещенному абсолютизму. Эти идеи были оперативно адаптированы Екатериной II и включены в «Наказ». Беккариа опубликовал работу в 1764 г., первый перевод книги на французский язык аббатом Мореллэ появился в России в 1766 г., знаменитый «Наказ» увидел свет меньше, чем через год.

Цель уголовного наказания четко определяется «Наказом»:

«воспрепятствовать наказанному снова сделаться вредным обществу и служить примером – потому, что не чрезмерная строгость наказания и не лишение жизни наиболее действуют на общественное на-

служат на благо человечеству // Сборник Русского исторического общества. Т. 10. СПб., 1872. С. 31.

¹⁵⁷ Левенсон П.Я. Беккариа и Бентам. Их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1893. С. 5–6.

строение, а продолжительность наказания. Смерть злодея менее обуздывает преступление, чем продолжительный пример человека, лишённого свободы для того, чтобы он искупил трудами целой жизни нанесённый им обществу вред. Притом лучшее обуздание преступности заключается не в жестокости наказания, а в убеждении, что всякое нарушение закона наказывается».

Исходя из этих начал, «Наказ» запрещал пытки и провозглашал принцип соразмерности наказания совершенному преступлению. Обозначенные в «Наказе» принципы шли вразрез не только с традициями существующей в России уголовно-исполнительной политики и практики, но и, во многом, с реалиями европейского уголовного судопроизводства. Несмотря на то, что большинство положений «Наказа» не получили силу закона, он послужил общей программой, руководством для правящих сфер в государственном строительстве последующих десятилетий. Сама императрица в своей деятельности стремилась придерживаться обозначенных ею принципов, по крайней мере её политика в пенитенциарной сфере всегда соответствовала духу «Наказа».

М. Филиппов назвал его первым документом, обратившим внимание «со свойственным императрице энергией и человеколюбием» на плачевное состояние узников в тюрьмах. Среди главных новелл «Наказа» правовед выделяет отмену пыток и тюремного заключения для должников; введение рационального тюремного содержания в систему уголовных наказаний; строгое отделение осуждённых от подсудственных и всевозможные снисхождения последним. Кроме того, в сфере исполнения уголовных наказаний Филиппов относит к однозначно передовым такие практические мероприятия, как организация содержания заключённых за счёт государственных средств, а также учреждение смиренных и работных домов, в которых юрист обнаружил «уже правильную пенитенциарную систему»¹⁵⁸.

Именно в царствование Екатерины II в интеллектуальном контексте российского просвещённого абсолютизма проявилось качественно новое и, несомненно, актуальное, направление политики государства – *исправление* наказанием. Впервые была вброшена идея о реформирующем характере труда арестантов, поэтому закономерным этапом стало возникновение в России первых пенитенциарных организаций исправительного характера. В «Учреждении об управлении губерниями» 1775 г. содержатся первые

¹⁵⁸ Филиппов М.А. Тюрьмы в России... С. 61.

указания к устройению подобных учреждений под ведомством образованного в губерниях Приказа общественного призрения:

«В рассуждение установления и надзирания Смирительных домов Приказу предписывается учреждать оные со всяким прилежанием, дабы установление совершенно соответствовало намерению, ибо доброустроенный Смирительный дом ограждает общество от многих предрозостей, добронравие повреждающих, и следовательно бывает нужен для общего благочестия и спокойствия семей»¹⁵⁹.

Виновные направлялись в смирительные дома в тех случаях, в которых по прежним законам назначались телесные наказания и ссылка. В смирительные дома помещались люди обоего пола, по повелению наместника, по приговору суда или по прошению родителей, родственников и требованию помещиков и хозяев. Содержание там было временное или вечное, арестанты разделялись по полу и должны были работать внутри дома. Нежелающих работать принуждали, наказывая тремя ударами прутьями, содержанием три дня на хлебе и воде или помещением на неделю в карцер. Одежда и пища арестантам полагалась скромная, без излишеств, помещенные по приговору суда или наместника содержались за счет средств приказа, остальных содержали те, по чьей просьбе они оказались в смирительном доме. Еще одной характерной чертой этого исправительного учреждения стал открытый срок приговора, «дондеже исправится».

В 1781 г. были учреждены рабочие дома «с назначением в них работ для пользы общей потребных»¹⁶⁰. Они также находились в ведении Приказа общественного призрения и содержались за его счет. Туда предполагали помещать преступников, осужденных за мелкие кражи, грабежи и мошенничество. Датирование закона о появлении смирительных домов дало Филиппову основания приписать первенство учреждению «правильной пенитенциарной организации» Екатерине II, прибегая к не вполне корректной аргументации. Правовед ссылается на 1777 г. – дату первой публикации фундаментального труда Дж. Говарда «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе», получившего мировую известность как первое эмпирическое исследование в области пенологии. Этот труд еще при жизни реформатора был переведен на ряд европейских языков, но не на русский¹⁶¹. Книга принесла извест-

¹⁵⁹ ПСЗ-1. Т. 20. № 14392.

¹⁶⁰ Там же. Т. 21. № 15147.

¹⁶¹ Во время путешествия по России Говард в письме сообщал другу об обещании «первых людей королевства» перевести и напечатать его труд на

ность Гентской тюрьме и реформатору виконту Вилену, который в 1771 г. организовал тюремное заключение на принципах исправительного труда и деления арестантов на категории по нравственным качествам. М. Филиппов утверждает, что «Учреждение об управлении губерниями» получило силу закона в 1775 г., а было составлено гораздо раньше, следовательно, Екатерина II никак не могла знать о гентском пенитенциарном эксперименте, а значит, смирительные и рабочие дома, как тюремные учреждения нового типа, – плод ее «самостоятельного гения».

Искажение исторических фактов состоит в том, что подобные учреждения с выраженной целью *нравственного исправления*, появились в европейской практике гораздо раньше. Аналогом смирительного дома стал английский исправительный дом или брайдуэлл¹⁶², возникший еще в XVI в. В зарубежной историографии исправительные дома рассматриваются как *особый социальный институт*, созданный с целью борьбы с важнейшими социальными девиациями в Англии раннего Нового времени – бродяжничеством, мелким воровством и «преступлениями против нравственности». Английские интеллектуалы инициировали проекты избавления бедноты от пороков пьянства, блуда, сквернословия, азартных игр и непосещения воскресных служб, которые складывались в целые кампании по «исправлению манер». Такой подход позволяет рассматривать брайдуэллы как благотворительные заведения социальной помощи и реабилитации. Особого внимания заслуживает тот факт, что российские смирительные и рабочие дома также находились в ведении Приказа общественного призрения – губернского учреждения, ведавшего социальной помощью и благотворительностью.

В начале XVIII столетия брайдуэллы постепенно становятся частью английской пенитенциарной культуры. Актом 1706 г., который современники именовали «Законом о тяжком труде», исправительные дома де-юре были включены в систему исполнения уголовных наказаний, а судьи получили право приговаривать к содержанию и принудительному труду в доме коррекции за

русском языке (Memoirs of John Howard, esq. F.R.S. P. 173). Этому обещанию не суждено было исполниться и по сей день, но труд Говарда появился в России во французском переводе в 1784 г., а несколько позже, в 1791 г. юридический журнал «Театр судоведения» напечатал перевод первых секций книги, где содержались основные предложения по усовершенствованию системы тюремного заключения.

¹⁶² *англ.* House of correction, Bridewell.

преступления мелкой и средней тяжести. Аналоги английского брайдуэлла – исправительные дома – возникли во многих европейских государствах. Ученый-пенитенциарист с мировым именем П. Фойницкий, в отличие от М. Филиппова, объективно оценивал роль и значение домов коррекции Англии, Германии, Голландии и Италии в XVII в. и считал их «провозвестниками тюремной реформы в Западной Европе»¹⁶³. Уже к началу XVIII в. исправительный дом стал неотъемлемой частью социального пространства европейского города, поэтому приписывать Екатерине II или даже виконту Вилену «честь этой пенитенциарной организации» не совсем корректно. Однако осведомленность государыни о европейских методах борьбы с социальными девиациями эпохи раннего капитализма – бродяжничеством, мелкой преступностью, преступлениями против нравственности, а также попытка внедрения нового социального института, нацеленного на «огорождение общества от многих предрозостей, добронравие повреждающих»¹⁶⁴, вполне соответствует духу просвещенного абсолютизма, сопровождавшему начало ее царствования.

Стремление следовать европейским пенитенциарным новациям можно обнаружить и в законодательном акте, впервые предусматривавшем организацию духовного попечения о заключенных. Постановлением Сената от 17 января 1765 года «Об увещевании и исповедании колодников и обозначении в присылаемых ведомостях, сколько в которой после исповедано»¹⁶⁵ предписывалось направлять в тюрьмы ученых священников для нравственных бесед с арестантами. В Европе в течение XVIII в. тюремный капеллан постепенно стал неотъемлемой частью обязательного штата любого тюремного учреждения. Первый законодательный акт, официально регламентировавший функции капеллана как сотрудника тюрьмы, появился в Великобритании в 1773 г., однако в статистическом исследовании европейских тюрем, предпринятом Говардом в 1770-х годов, факты наличия тюремного капеллана, часовни или церкви в тюрьме или исправительном доме зафиксированы уже практически во всех европейских странах.

С появлением исправительных учреждений организация мест лишения свободы в России приобретала системный вид и выглядела следующим образом: работные дома – для нищих и

¹⁶³ Фойницкий И.Я. Учение о наказании... С. 309–310.

¹⁶⁴ ПСЗ-1. Т. 20. № 14392.

¹⁶⁵ Там же. Т. 17. № 12312.

бродяг; остроги и тюрьмы – для подсудимых и подследственных до исполнения приговора; смирительные дома – для лиц, уличенных в административных проступках и приговоренных за мало-важные преступления, требующих исправления; рабочие дома – для приговоренных за преступления средней тяжести, требующих наказания и исправления; каторжные работы и вечная ссылка – для приговоренных за особо тяжкие преступления.

Следующим закономерным этапом преобразования пенитенциарной сферы в России стала попытка систематизации и регламентации тюремного управления. В 1785 г. из казны стали выделять суммы на отопление и освещение тюрем, в 1787 и 1788 гг. был точно установлен размер кормовых денег здоровым и больным арестантам и определены размеры сумм, положенных на отопление и освещение тюрем, далее последовало указание лечить больных колодников за счет казны. Так постепенно государство этап за этапом переводило арестантов на казенное содержание. Таким образом, екатерининскую эпоху можно квалифицировать как период окончательного утверждения государственного подхода в отношении осужденных, когда наметилась определенная централизация тюремного управления. Казна постепенно брала на себя обязательства по содержанию, продовольствию, лечению и нравственному исправлению колодников.

Результатом этой последовательной и грамотно продуманной деятельности стал Проект «Устава о тюрьмах», собственноручно написанный Екатериной II в 1787 г. Учитывая рассмотренные выше инициативы императрицы и ее выраженное стремление внести в уголовно-исполнительную политику принципы гуманизма и просвещения, Проект, очевидно, не стал непосредственным результатом посещения России «самим Д. Говардом», как пишет, к примеру, современный историк права И. Упоров. Однако можно согласиться с исследователем в том, что в Проекте «учтен (позаимствован) опыт организации тюрем в европейских странах»¹⁶⁶.

Вариант Проекта в том виде, в котором он был извлечен из архива и в первый раз подготовлен к публикации М. Филипповым в «Русской старине», состоит из ста параграфов. М. Гернет ссылается на оригинал и черновой вариант документа, с которым ему довелось работать в ЦГАДА (ныне РГАДА), где предполага-

¹⁶⁶ Упоров И.В. Тюремное дело в России второй половины XVIII в.: концептуальные идеи и проекты // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 6–6. С. 25–26.

лось больше параграфов в нескольких редакциях, имелись чертежи и правки¹⁶⁷. Комплекс предложений, регламентирующих работу тюрем, можно условно разделить на предписания по *организации тюремного пространства* (виды тюрем, внешнее и внутреннее устройство зданий, хозяйственное обеспечение, больницы), *распорядок работы* (прием, содержание и охрана арестантов, хранение вещей, организация быта, питания, лечения, занятий) и *требования к тюремному персоналу*. Первые двадцать параграфов описывают виды тюрем и их предполагаемое устройство. Губернские тюрьмы делились на уголовные и гражданские (§ 1), в свою очередь уголовная тюрьма – на отделения для приговорных, подстражных и осужденных (§ 3–4). Каждое отделение обязательно предусматривало мужскую и женскую горницы (§ 4, 9–10). Проект, таким образом, предполагал постройку в губернских городах шести отдельных уголовных тюрем, и по три в каждом уездном городе. Система содержания арестантов должна была быть кельейной, поэтому тюрьмы должны были состоять из маленьких одиночных камер. Тюремные камеры размером 9 на 9 аршин и в 6 аршин вышиной обязательно должны были иметь зарешеченное окно в 1½ аршина, зафиксированные каменные стол и скамью, а также печь с лежанкой. Отапливаться камера должна была снаружи, и закрываться двойной дверью, окованной железом. Кроме того, в губернских городах предполагалась постройка отдельных пересылочных тюрем, для приговоренных к ссылке, и каторжный двор, состоящий из 4 казарм, в которых временно содержались бы различные категории пересылаемых на каторгу.

В системе императрицы, предусматривавшей разные виды тюрем, Филиппов увидел главное отличие от «системы Говарда», который говорил «о разных отделениях в одной и той же тюрьме»¹⁶⁸. На наш взгляд, это не делает проекты российской императрицы и английского филантропа кардинально отличными друг от друга, поскольку в основу положен принцип строгого деления арестантов на категории: отделение подсудимых от осужденных, мужчин от женщин, малолетних от рецидивистов. Деление арестантов на категории считают, пожалуй, краеугольным камнем рекомендаций Говарда по улучшению условий содержания и управления тюрьмами. Для английских пенитенциарных учреждений он предлагал режим одиночного содержания там, где есть

¹⁶⁷ Гернет М.Н. История царской тюрьмы... Т. 1. § 9.

¹⁶⁸ Филиппов М.А. Тюрьмы в России... С. 63–64.

возможность его обеспечить, в противном случае настаивал всевозможными средствами разделять их на ночь¹⁶⁹. Несколько параграфов проекта Екатерины также обязывают тюремщиков, «пока пустые горницы есть, то всякого приговорного сажать особо» (§39, 43). Однако саму идею разобщения арестантов нельзя приписывать ни императрице, ни Говарду – она появилась гораздо раньше второй половины XVIII в. в предложениях просветителей¹⁷⁰. Екатерина и Говард лишь выказали приверженность данному принципу, сформированному в интеллектуальном контексте европейских пенитенциарных реформ в течение XVIII века.

Оговорки «где есть возможность его обеспечить» и «пока пустые горницы есть», выдают практицизм реформаторов, которые отдавали себе отчет в том, что тюремное дело никогда не являлось первостепенной статьей государственного финансирования, и в провинциях, скорее всего, придется приспособлять имеющиеся здания, а если проектировать новые, то подходить к этому делу экономно, не допуская излишних затрат. Именно поэтому в Проекте предполагалось типовое устройство тюремных зданий, которые должны были строиться на безопасных от наводнений и пожаров возвышенных местах (§ 7), по единым проектам в виде каменного замка, укрепленного по периметру стеною или забором, «чтобы из оною уход никто учинить не мог, и чтоб тою оградю уменьшено было число людей для стережения» (§ 5–6). При тюрьмах должны быть созданы все необходимые для их деятельности хозяйственные постройки и службы (§ 8).

Примечательная особенность Проекта Екатерины II – повышенное внимание к медицинской части и санитарно-гигиеническим условиям. «Вольный воздух» и «текучая вода» – обязательные условия для устройства тюремного замка (§ 7), как и «перемена воздуха открытием окон», в т.ч. зимой (§ 30, 78). Интересно,

¹⁶⁹ Howard J. The State of the Prisons in England and Wales. L., 1792. P. 22.

¹⁷⁰ За первостепенное деление арестантов на категории и введение одиночного режима содержания одним из первых высказался доктор Т. Брей. – Bray T. An Essay towards the Reformation of Newgate, and the other Prisons in and about London // John Howard and The Prison-World of Europe. From Original and Authentic Documents / ed. by H. Dixon. N.Y., 1850. P. 33–41. Систему обособленного келейного заключения предлагали Б. Мандевиль, Г. Филдинг, епископ Дж. Батлер, Дж. Хэнвей. См.: Mandeville B. An Enquiry into the Causes of the Frequent Executions at Tyburn. L., 1725; Fielding H. A proposal for making the poor for amending their morals, and for rendering them useful members of the society. Dublin, 1753; Hanway J. Solitude in Imprisonment. L., 1776.

что Говард свои предложения начинает с аналогичных требований: насос для поставки чистой воды, баня с котлом для подогрева воды и оборудованным местом для стирки, лазарет, система циркуляции воздуха – в инструктивной форме определяют минимальные санитарные нормы тюремного содержания¹⁷¹. Профессиональные комментарии по организации тюремного быта выдаются в английском реформаторе врача-эпидемиолога, который посвятил всю свою жизнь изучению механизмов распространения «тюремной лихорадки» (сыпного тифа). Осознавая основное условие «повальных» заболеваний – массовое скопление людей в замкнутом пространстве, Говард выступал за максимально возможное разобщение. В проекте Екатерины II один из параграфов также предусматривает «отлучение прилипчивых болезней от прочих» (§ 93). Обращает на себя внимание количество пунктов, в которых регламентировано медицинское обслуживание арестантов, работа тюремной больницы, порядок лечения. Из ста параграфов опубликованного Проекта, практически четверть (24!) посвящены вопросам медицины. Активная вовлеченность врачей в дискуссии о необходимости кардинального переустройства тюремного пространства стала характерной особенностью английского пенитенциарного реформизма. И здесь усматривается попытка Екатерины не «обойти Говарда», а максимально учесть рекомендации общепризнанных профессионалов в данном вопросе.

Заслуживает отдельного внимания регламентация работы тюремного персонала. Восемнадцатое столетие можно рассматривать как рубеж между практикой «кормления» тюремщиков за счет своей должности и формированием государственной пенитенциарной службы. Основные упреки к должности тюремщика, которые неизменно встречаются в дискурсе европейских реформ начиная с XVII в., можно условно разделить на критику «кормовых взносов» в пользу надзирателей и претензии к их моральному облику. Европейские тюрьмы, в особенности долговые, часто отдавали «на откуп» частным лицам, которые, соответственно, обеспечивали «доходность» своего предприятия не самыми гуманными способами. По Проекту Екатерины II тюремное дело впервые приобретает черты профессиональной государственной службы (§65–88). В данном случае иностранным реформаторам можно было бы поучиться у российской императрицы: детально регламентированы обязанности старших и младших чинов, вы-

¹⁷¹ Howard J. The State of the Prisons... P. 23.

строена вертикаль подчинения, должное внимание уделено строгому запрету на взятки (§ 76, 84). Параграф 70 – уникальная присяга тюремных служащих, предложенная императрицей:

«Аз ниже именованный обещаю перед всевидящим Богом чисто-сердечно, что хочу и должен всеми силами своими отправлять стражу над тюремными так, как мне в должность предписано, и оную преступать и упускать не буду ни для вражды, ни для дружбы, ни для родства, ни для лицепрятия. Определенное тюремным пищу, житие, одежду и проч. содержание доставлять без малейшего ущерба, сурово с ними поступать не буду, но человеколюбиво, без послабления; подарков, посул и взяток ни от кого брать не буду; за подчиненными неусыпное смотрение иметь обещаю, дабы они, обще со мной, должность свою исправно и радетельно исполняли и отправляли».

Здесь мы наблюдаем не только становление отдельного вида государственной службы, но и подтверждение полного перехода арестантов на государственное обеспечение, которое окончательно оформилось именно при Екатерине II. Принцип «человеколюбивого» общения с арестантами, обозначенный в присяге, открывает раздел (§ 27), регламентирующий распорядок работы тюрьмы. Главные требования к личным качествам надзирателя, которые перечисляет в своей книге Говард – *честность, деятельность и гуманность*¹⁷² – учтены в Проекте в полной мере.

Тем, кто всерьез задается целью определить, насколько труды Говарда стали источником для Проекта Екатерины II, стоит поразмыслить над следующим. Здесь были обозначены общие места Проекта и предложений Говарда из книги «Состояние тюрем...». Но если говорить о базовых принципах, под которые пенология XIX в. подвела понятие «система Говарда», то основными ее «столпами» называют *труд* и *религию*. Знаменитое «сделайте людей трудолюбивыми, и вы сделаете их честными» выражает основной посыл предложений Говарда: если тюрьма должна стать местом исправления, то приучение к труду и соблюдение норм религии – основные средства исправления. Реформатор призывал к расширению требований к работе тюремного священника, к тому, чтобы ставить акцент не на соблюдение обрядовой деятельности, а на ведение нравственных «покаянных» бесед, чтобы пробудить голос совести и желание изменить свою жизнь. Труд в качестве средства исправления Говард рекомендовал, в основном, для исправительных домов. Городским властям реформатор предлагал вменить в обязанность не только обеспе-

¹⁷² Ibid. P. 25.

чить арестантов брайдуэлла постоянной работой, но и позаботиться о реализации продукции с расчетом направить заработанные средства на улучшение питания, ремонт помещений и т.п.¹⁷³

В Проекте Екатерины II этим принципам внимание практически не уделено. В двух параграфах, регламентирующих содержание ссылочных и каторжных, указано: «смотреть, чтобы приговоренные к ссылке и к работе привыкшие люди, пока сошлют куда следует, праздны не были; но всяк по полу и состоянию своему обращался бы в сходственной ему работе» (§ 48) и «смотреть накрепко, чтобы на каторге осужденные, кроме нужного человеку времени для сна и пищи, отнюдь праздно не были, но обращались бы в непрерывной работе» (§ 55). Однако разъяснений о характере труда, определения его корректирующих целей, устройства мастерских и пр. документом не предусмотрено. В отношении религии, которой англичанин уделял первостепенное внимание, лишь в одном параграфе отвлеченно сказано: «содержанием да не отягчится судьба осужденного, власть на то имеющим судом по закону; но да устережется во время покаяния единственно от ухода и вреда. Покаяние же всяк учинит по обряду своей веры» (§ 51). Если бы Проект Екатерины II изначально был «плодом несбыточных фантазий», который она создавала «для своей рекламы», то параллелей с системой Говарда было бы намного больше. Содержание документа выдает в императрице реформатора-прагматика, скорее государственника и хозяйственника. Екатерина II понимала, что пока не налажена административно-хозяйственная часть, не создана настоящая государственная служба, не решены бытовые проблемы содержания, обмундирования и питания арестантов, говорить о нравственном исправлении или проектировать тюремные церкви несколько преждевременно.

Неслучайно сверху на проекте императрица подписала:

«Отдать сей проект губернскому прокурору на прочтение с тем, чтобы он одного сообразил с локальным состоянием здешнего замка, осматривая одного все место, и сказал, чего находит или не находит удобного в действительном исполнении, и чего недостаточно и в чем лучше или хуже противу теперешнего содержания злосчастных»¹⁷⁴.

Таким образом, предусмотрев профессиональную оценку Проекта, Екатерина II действовала вдумчиво и осторожно, опасаясь «мертворожденного проектирования», обратилась к практикам. Известно, что Проект так и не получил силу закона, вероят-

¹⁷³ Ibid. P. 38.

¹⁷⁴ Филиппов М.А. Тюрмы в России... С. 64.

но, после нескольких негласных консультаций императрица положила свое творение под сукно. Однако, несмотря на эти обстоятельства, ей удалось воплотить в пенитенциарной сфере многое из того, что она провозглашала и проектировала.

В екатерининскую эпоху мероприятия в сфере исполнения наказаний стали носить характер продуманной и внятной государственной политики, имевшей не столько карательные, сколько исправительные цели; а тюремное дело начинало приобретать вид системы, которой императрица стремилась придать четкую централизованную структуру. «Устав о тюрьмах», как и большинство положений «Наказа», затрагивающих тюремную сферу, не получили силу закона. Екатерина II лишь определила «правила игры» для всех звеньев управления, вбросив в оборот много новых идей, которые были еще не освоенными не только в России. По замыслам, зафиксированным в «доктринальном пенитенциарном наследии» Екатерины II, императрица опередила будущих реформаторов российской пенитенциарной системы на столетие и практически предопределила вектор развития пенитенциарных реформ не только в России, но и за ее пределами.

Зарубежные исследователи доказали, что принципы новой парадигмы уголовной политики, базирующейся на идее исправления и ресоциализации осужденного, не принадлежали авторству Дж. Говарда, а являлись определенным трендом, встречающимся в трудах многих европейских интеллектуалов начиная с эпохи Возрождения. Первому пенологу, как позиционирует английского филантропа современная наука, принадлежит скорее заслуга их обобщения, систематизации и популяризации. О резонансном эффекте его труда «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе» можно сказать словами Екатерины, которыми она охарактеризовала значение работ Монтескье в письме к Д^юАламберу: «Вот, государь мой, образчик судьбы, которой подвергаются книги гениальных людей: он служит для благосостояния человеческого рода»¹⁷⁵. Но если Говард не был первым в своем отечестве, то за императрицей Екатериной II, вне всяких сомнений, по праву должны признать эту честь в истории российской пенитенциарной мысли.

¹⁷⁵ Собственноручное черновое письмо Екатерины II... С. 31.

Глава IX

«ОБЩЕЕ БЛАГО» И ИДЕЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

9.1. МИЛЬТОН, РЕСПУБЛИКА И РОССИЯ

Республика (commonwealth)¹ становится центральным объектом исследования Джона Мильтона (1608–1674) в его раннем тексте «О Реформации» (1641) и в более поздней работе «Скорый и легкий путь к установлению свободной республики» (1660)². В сочинении о России «Краткая история Московии» (1682), написанной в 1640-е гг.³, даже скорее в конце 1640-х гг.⁴, и опублико-

¹ В данном тексте речь идет об английском варианте понятия республика «commonwealth», которое также иногда переводится как «содружество» (например, в составе наименования государства – Британское Содружество Наций (British Commonwealth of Nations). Об истории понятия в английском языке и связи с идеей «общего блага» (англ. common wealth, public good) подробно сказано в тексте этого раздела. Поскольку понятие исследуется в контексте политического дискурса, мы сочли возможным перевести commonwealth как «республика», в отдельных случаях «английский вариант понятия республика» или «английская республика», опуская кавычки (прим. переводчика).

² Fink Z.F. *The Classical Republicans: An Essay in the Recovery of a Pattern of Thought in Seventeenth-Century England*. Evanston, 1962 [1945]. Ch. 4; Dzelzainis M. *Milton's Classical Republicanism // Milton and Republicanism / Ed. by D. Armitage, A. Himy, and Q. Skinner*. Cambridge, 1995. P. 3–24; Corns Th.C. *Milton and the Characteristics of a Free Commonwealth // Ibid.* P. 25–42; Lovett F. *Milton's Case for a Free Commonwealth // American Journal of Political Science*. 2004. P. 466–478; Scott J. *Commonwealth Principles: Republican Writing of the English Revolution*. Cambridge, 2004; Scott J. *What Were Commonwealth Principles? // This Historical Journal*. 2004. P. 591–613; Walker W. *Antiformalism, Antimonarchism, and Republicanism in Milton's 'Regicide Tracts' // Modern Philology*. 2011. P. 507–537.

³ Maltzahn von N. *John Milton: The Later Life (1641–1674)*. The Oxford Handbook of Milton / Ed. by N. McDowell and N. Smith. Oxford, 2009. P. 41; Campbell G., Corns Th.N. *John Milton: Life, Work, and Thought*. Oxford, 2008. P. 192; Lewalski B.K. *The Life of John Milton*. Reprint. Oxford, 2003. P. 212; Bedford R. *Milton's Journeys North: A Brief History of Moscovia and Paradise Lost // Renaissance Studies*. 1993. № 71. P. 71–85. В ранней историографии даты варьируются довольно широко, порой исключая, а порой акцентируя 1640-е гг. К примеру, Проудфут и Дисландерс предлагают 1626 г. См.: Proudfoot D.S., Deslandres D. *Samuel Purchas and the Date of Milton's Moscovia // Philological Quarterly*. 1985. P. 263. Дж. Паркс указывает на «вероятные даты

ванной после смерти автора, «республика» на самом деле не упоминается. Однако это слово точно присутствует в одном из источников, использованных Мильтоном, – трактате «О Русской Республике» («Of the Russe Common Wealth», 1589) Джэйлса Флетчера⁵. Сочинение Флетчера служит примером для Мильтона: автор «Краткой истории...» не только приводит цитаты из влиятельного труда Флетчера, но также заимствует лексику его политико-философского дискурса при описании России.

Какой смысл вкладывал Мильтон в понятие «республика», описывая Россию? О целях создания «Краткой истории...» Мильтон говорит во введении, озаглавленном «Эссе как оно есть»⁶. Как полагает Ч. Даннинг в работе «Потерянные главы “Московии” Джона Мильтона»⁷, интерес Мильтона к России возникает в

появления книги в промежутке от 1633 до 1650 г. См.: Parks G.B. Preface and Notes // *A Brief History of Moscovia* / By John Milton. Complete Prose Works of John Milton / Ed. by Don. M. Wolfe. In 8 vols. Vol. 8. New Haven, 1982, P. 456; У.Р. Паркер пишет об «определенном моменте в 1648 г.». См.: Parker W.R. Milton: A Biography. Vol. 1. Oxford, 1968. P. 939; Дж.Т. Шавкросс называет промежутком времени «между 1642 и началом 1643 г.». См.: Shawcross J.T. What We Can Learn from Milton's Spelling // *Huntington Library Quarterly*. 1963. P. 361; в другой статье Дж.Б. Паркса речь идет о «декабре 1649 и январе 1649–50 гг.». См.: Parks G.B. The Occasion of Milton's 'Moscovia' // *Studies in Philology*. 1943. P. 400; Дж.А. Брайан определяет промежуток «между 1639 и 1641 гг.». См.: Bryant J.A. Milton and the Art of History: A Study of the Two Influences on "A Brief History of Moscovia" // *Philological Quarterly*. 1950. P. 16; Дэвид Мэссон склоняется к периоду «между 1649 и 1652 гг.». См.: Masson D. *The Life of John Milton...* Vol. 6. L.: Macmillan, 1880. P. 813.

⁴ См.: Lewalski B.K. *The Life of John Milton...* P. 212; Maltzahn von N. *John Milton: The Later Life...* P. 41.

⁵ В переводе на русский язык названия сочинения Дж. Флетчера обычно используется перевод «О государстве русском». См.: Флетчер Дж. О государстве Русском, или образ правления Русского Царя (обыкновенно называемого Царем Московским): С описанием нравов и обычаев жителей этой страны / Пер. М.А. Оболенского. М. 2014). (прим. переводчика).

⁶ Milton J. *A Brief History of Moscovia*. L., 1682. Вопрос о сущности и предназначении «Краткой истории...» остается дискуссионным. Полную и точную характеристику см. в статьях: Толстой Ю.В. Заметка по поводу статьи Полуденского «Русская история Мильтона» // *Чтения*. 1874. Ч. 4. С. 1–24; Gleason J. The Nature of Milton's 'Moscovia' // *Studies in Philology*. 1964. P. 640–649. Устаревшие или идеологизированные взгляды представлены в работах: Parks G.B. Preface and Notes... Vol. 8. P. 462; Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей: введение, тексты и комментарии. Иркутск, 1941. С. 302.

⁷ Dunning Ch. Lost Chapters of John Milton's *Moscovia* // *Canadian-American Slavic Studies*. 2011. Vol. 45. № 2. P. 133–161.

1640-е гг. и сохраняется в период Реставрации, когда он, вероятно, переписывает текст введения к «Краткой истории»⁸. Уже из текста введения становится ясно, что посредством исторического описания русских царей, народа и церкви Мильтон раскрывает свои этические взгляды. На русском примере он освещает сильные и слабые стороны республики. Обращение к «Краткой истории...» позволяет составить представление не только о том, как Мильтон понимал республику и какую роль в складывании представления англичан о России сыграли аристотелевская философия и республиканский дискурс, но также выявить полемическую оценку современных автору лидеров и политических практик.

Происхождение «республики»

Согласно Д. Уоттону, латинский термин *res publica* с течением времени преобразился в *république* во французском и *commonwealth* в английском языках⁹. В английском это был буквальный перевод с латыни. Свою роль сыграло и противопоставление латинских слов *res publica* (общий) и *res privata* (частный). Как поясняет Кнут Хааконсен, в то время как *res privata* относится к сфере частной жизни, *res publica*, обозначает «публичную сферу общих (совместных) действий людей вне их семейного круга»¹⁰. Эта публичная сфера в английском языке имела название *common weal*, или *commonwealth*, что дословно можно перевести на русский язык как «общее благо». Английское слово *common* (общий), заимствованное из французского, обозначало «разделенный между людьми, общий, не-частный», а *weal, wealth* (благо) – староанглийское слово, означающее «богатства», а также «счастье, блаженство» именно в контексте «благоденствия страны или сообщества, всеобщих благ», иными словами, всеобщего блага, блага для всех (*weal-public*)¹¹. Таким образом, английский вариант понятия «республика» (*commonwealth*) стал обозначать такую политическую практику, которая имеет прямое отношение к «общему благу» (*public good*).

⁸ Во введении Мильтон указывает «много лет с тех пор» как он создал рукопись. См. Milton J. A Brief History History... N. p., Preface.

⁹ Wootton D. Introduction: The Republican Tradition: From Common-wealth to Common Sense // Republicanism, Liberty, and Commercial Society: 1649–1776 / Ed. by D. Wootton. Stanford, 1994. P. 5.

¹⁰ Haakonssen K. Republicanism // A Companion to Contemporary Political Philosophy / Ed. by R.E. Goodin et al. Oxford, 2007. Vol. 2. P. 730.

¹¹ «общий, прил.» (англ. “common, adj. and adv.”); «благо, сущ.» (“wealth, n.”); «всеобщее благо» (“commonwealth, n.”). См.: OED Online. June 2021.

По мнению Дэвида Уоттона, в течение всего XVI в. вплоть до середины XVII в. для большинства англичан слово «республика» являлось синонимом «достойной формы монархии... в которой публичные интересы стояли выше частных и преобладало верховенство закона»¹². Благодаря этому акценту на публичных интересах и верховенству закона республика ассоциировалась с монархией в том случае, когда короли были способны править в интересах общего блага, руководствуясь принципом верховенства закона. Соответственно, республика и монархия не являлись синонимами в тех случаях, когда государственная власть преследовала интересы частных лиц или группы, а также нарушала установленное законодательство. Когда власть руководствовалась частными интересами и выказывала неуважение к закону, она определялась чаще, как тирания, нежели монархия.

Граница между монархией и тиранией, по мнению Джона Скотта, уходила корнями в «Законы» Платона и «Политику» Аристотеля и уже в этих текстах «проходила» именно по принципу общего блага: монархическая форма правления следует принципу общей пользы, тогда как тирания – частным интересам¹³. Контраст между общим и частным описан в «Политике». Аристотель утверждает, что «тирания есть такое проявление монархии, которая блюдет лишь интересы самого монарха»¹⁴, а «истинные формы правления... это те, при которых один, несколько или много [царей] управляют, учитывая общие интересы; но те формы правления, которые руководствуются лишь частным интересом... суть искажения»¹⁵. Это утверждение о том, что формы правления, преследующие частный интерес, являются искажениями, помогает понять, каким образом уникальная встроенность идеи общего блага в английский вариант понятия республики находит опору в античной традиции.

В самом деле, Дж. Скотт уверен, что платоновские и аристотелевские построения заимствуются, когда речь идет о «республиканских принципах», и особенно о «публичном социальном и политическом сообществе», таким образом конструируя

¹² Wootton D. The Republican Tradition... P. 5. О том, что слово “commonwealth” не вызывало противоречий «вплоть до середины XVII в.» см. также Scott J. Commonwealth Principles... P. 34.

¹³ Ibid. P. 36–38.

¹⁴ Aristotle. The Politics of Aristotle / Transl. by B. Jowett. Vol. 1. Oxford, 1885. Book 3. Part 7. P. 80.

¹⁵ Ibid. P. 79.

«республиканский дискурс»¹⁶. В рамках этого дискурса «государство, каким бы ни было оно по своему конституционному устройству, должно устремляться к общему благу»¹⁷. Такая республиканская риторика содержит в себе по меньшей мере двойной акцент на общем благе как принципе, который соответствует конституции и имеет правовое обоснование, а также противопоставлен «воле отдельной личности»¹⁸.

Скептическое отношение к «отдельной личности» достигло кульминации в Англии во время событий 1630–1640-х гг., сначала в период единоличного правления Карла I (1629–1640), а затем в ходе Гражданской войны (1642–1651). Эти события привели к трансформации смысла английского понятия республики: оно все более отдалялось от монархии и приближалось к современной концепции республиканизма. Так, согласно Г. Бёрджесу, обновление дискурса абсолютной монархии происходило одновременно с изменениями в дискурсе английской республики¹⁹. Изначально термин «абсолютная монархия» обозначал совершенную, «чистую» монархию²⁰, а эпитет «абсолютный» имел позитивную и нейтральную окраску и, как поясняет Дж. Дэйли, был синонимичен словам «безусловный», «совершенный», «не вызывающий сомнений» или «в высшей степени превосходный»²¹.

¹⁶ Scott J. *Commonwealth Principles*... P. 36.

¹⁷ *Ibid.* P. 34. В литературе есть и иные трактовки понятия. Ф.Дж. Стаут утверждает, что «тюдоровская политическая доктрина республики ("commonwealth") подразумевала, что «долг всех членов государства вносить вклад в общее благо». См.: Stout F.J. *Exploring Russia in the Elizabethan Commonwealth: The Muscovy Company and Giles Fletcher, the elder (1546–1611)*. Manchester, 2015. P. 32. Однако Г. Берджесс считает, что "commonwealth" было лишь обозначением сообщества людей, живущих по общим принципам. См.: Burgess G. *Tyrants, Absolute Kings, Arbitrary Rulers and The Commonwealth of England: Some Reflections on Seventeenth-Century English Political Vocabulary // Monarchism and Absolutism in Early Modern Europe / Ed. by C. Cuttica and G. Burgess. L., 2012. P. 151*. Д. Норброк определяет «commonwealth» как «мировоззрение, согласно которому государство есть институт, созданный скорее посредством коллективного волеизъявления, нежели иерархической структура, воплощенная в фигуре монарха». См.: Norbrook D. *Poetry and Politics in the English Renaissance*. Oxford, 2002. P. 43.

¹⁸ Scott J. *Commonwealth Principles*... P. 36.

¹⁹ Burgess G. *Tyrants, Absolute Kings, Arbitrary Rulers and The Commonwealth of England*... P. 153.

²⁰ Burgess G. *Tyrants, Absolute Kings, Arbitrary Rulers*... P. 154.

²¹ Daly The Idea of Absolute Monarchy in Seventeenth-Century England // *The Historical Journal*. 1978. P. 229–230.

Именно в значении первых трех приведенных синонимов пишет об абсолютной монархии Мильтон в трактате «О Реформации» (1641). Когда речь идет о соотношении авторитета королевской власти и церкви, Мильтон пишет, что авторитет правителя остается нерушимым, даже несмотря на угрозу отлучения от церкви. Король может «обладать прежними правами и всем обилием прерогатив, которые наделяют совершенной властью короля, остаются столь же нетронутыми, сколь абсолютными, как и вся его собственность и государственные доходы»²². У Мильтона эпитет «абсолютный» используется в том же значении, о котором говорит Дэйли. По Мильтону, королевская власть является безусловной и нерушимой, несмотря на угрозы со стороны церкви.

В дополнение к этим нейтральным значениям, определение «в высшей степени превосходный» имеет ярко выраженную позитивную коннотацию в контексте политической репрезентации эпитета «абсолютный» и призвано подчеркнуть английскую независимость от континентальных держав. Тем не менее, это понятие, как указывает Дэйли, «прошло долгий путь», прежде чем укорениться в английской юрисдикции и до того, как приобрести негативную коннотацию для «все большего и большего числа англичан»²³, что произошло, главным образом, вследствие введенных Карлом I различных систем налогообложения²⁴ и событий развернувшейся гражданской войны. Эти негативные коннотации смешались в 1640-е гг., когда одновременно существовали три варианта смысловой окраски слова «абсолютный» в контексте описания политики королевской власти. Первое значение – нейтральное, в соответствии с которым под «абсолютностью» монархии понималось «безусловное право» короля на власть. Второе – более формальное, подразумевавшее, что «право принадлежит только королю». И лишь третье значение имело негативный оттенок. Под «абсолютностью» королевской власти понималось то, что она «не поддается ограничению и не имеет пределов»²⁵. Именно это негативное значение к концу 1640-х, по утверждению Бёрджесса, привело к тому, что «полемиические ма-

²² Milton J. *Of Reformation // The Complete Prose Works of John Milton*. Vol. 1. New Haven, 1953. P. 609.

²³ Daly J. *The Idea of Absolute Monarchy...* P. 232.

²⁴ О налогообложении Карла II см.: Carlton Ch. *The Personal Monarch*. 2nd ed. L., 1995. P. 190–192; Woolrych A. *Britain in Revolution: 1625–1660*. Oxford, 2002. P. 66–67.

²⁵ Daly J. *The Idea of Absolute Monarchy...* P. 231–233.

нипуляции превратили “абсолютного” монарха в деспота (arbitrary ruler)». В результате «абсолютный» монарх стал воплощением правителя, наделенного неограниченной властью. Иными словами, таким государем, под руководством которого «его подданные уже не могут жить по принципам истинной республики». Таким образом, в 1640-е гг. в ходе активной политической полемики понятие «абсолютная монархия» претерпела смысловую трансформацию. Безусловная и «чистая» вначале она со временем стала синонимом деспотической монархии, а правитель стал восприниматься как суверен, чья власть более не имеет никаких преград. Эти дискурсивные перемены в отношении понятия абсолютной монархии, пишет Бёрджесс, «происходили одновременно с тем, как менялся смысл английского варианта понятия республика. Так абсолютная монархия и подлинная республика отныне стали несовместимы». Критика в отношении единоличного или деспотического правителя, наделенного неограниченной властью, стала частью республиканского дискурса к 1649 г. и трансформировала смысл республики настолько, что «республика и монархия стали абсолютно несовместимы». Теперь, когда кто-то заявлял, что «королевство трансформировалось в “commonwealth”», подразумевалось, что оно стало республикой. К началу 1650-х гг. смысл английского понятия «commonwealth» оказался очень близок к современному пониманию республики, в соответствии с которым государственная власть принадлежит народу и реализуется посредством выборных представителей²⁶.

«Краткая история Московии» Мильтона и «О русской республике» Флетчера

В 1640–1650-е гг., как раз в то время, когда английское понятие республики переживало трансформации, Джон Милтон, вероятно, работал над «Краткой историей Московии». Согласно исследованиям Барбары Левольски и Николаса фон Мальцена, Милтон трудился над текстом в конце 1640-х гг., прежде чем начать «Историю Британии» (1670)²⁷. Озаглавленная как «история» (вероятно, издателем Мильтона Брабазоном Эйлмером)²⁸, и

²⁶ Burgess G. Tyrants, Absolute Kings, Arbitrary Rulers... P. 153–156.

²⁷ См.: Lewalski B.K. The Life of John Milton... P. 212; Maltzahn von N. John Milton: The Later Life... P. 41.

²⁸ См.: Parks G.B. Preface and Notes... Vol. 8. P. 464. Как сказано в Словаре Сэмюэла Джонсона, издатели «историй» публикуют «факты», Johnson S. Dictionary. N. p.; см. также: Popper N. Walter Raleigh's History of the World and the Historical Culture of the Late Renaissance. Chicago, 2012. P. 64–70. Поппер

охарактеризованная как «география» самим Мильтоном во Введении²⁹, «Краткая история Московии» изначально мыслилась автором как собрание рассказов (англ. “Relations”): «Московия, или Собрание рассказов о Московии, созданных английскими путешественниками, отобранных из свидетельств очевидцев, а также сообщения о других странах к востоку от России, в частности, Китае и других землях, открытых недавно русскими»³⁰.

И хотя Мильтон ни в названии своего труда, ни на одной из его 109 страниц не называет Россию непосредственно «республикой», он пользуется источником, в котором Россия прямо определяется как таковая. Этот источник – сочинение Дж. Флетчера «О русской республике» (1591).

Автор «Краткой истории» советует своим читателям ознакомиться с записками Флетчера: «Доктор Джайлс Флетчер служил королевским послом при дворе императора Фёдора; его свидетельства точны и правдивы, будучи рассказами очевидца»³¹.

Мильтон разделяет взгляды Флетчера, изложенные в его «Свидетельствах» и попадает под их сильное влияние. По мнению Ллойда Берри, это влияние стало определяющим в формировании того, что называют «мильтоновской концепцией России»³². Как следует из заглавия работы Флетчера, ключевой чертой русского государства в представлении автора является соответствие политического устройства России идеалу республики. Вслед за исследователями Уоттоном и Хааконсеном Фелисити Джейн Стаут акцентирует внимание на взаимосвязи английской республики и идеи общего блага в Тюдоровской Англии, когда «долгом всех подданных государства является служение общему благу, даже в сфере их частной жизни»³³. Согласно трактовке Стаут, Россия в изображении Флетчера предстает именно такой республикой, идейной основой которой является общее благо, однако она является при этом «вымышленной» или искусствен-

объясняет, что история в конце XVI в. как жанр могла включать в себя сравнение прошлого с современными событиями.

²⁹ Rubiés J.-P. *Travel and Ethnology in the Renaissance: South India through European Eyes, 1250–1625*. Cambridge, 2000. P. 6. Здесь география как жанр определяется как «рассказы очевидцев».

³⁰ Milton J. *A Brief History...* P. 1.

³¹ Ibid. P. 100.

³² Berry L.E. *Giles Fletcher, the Elder, and Milton's A Brief History of Moscovia* // *Review of English Studies*. 1960. Vol. 11. № 42. P. 150.

³³ Stout F.J. *Exploring Russia in the Elizabethan Commonwealth...* P. 32.

но сконструированной республикой» ('feigned' or invented commonwealth)³⁴. Для Флетчера такая искусственная республика выступает в роли модели, на примере которой он раскрывает свои представления о государстве. Стаут поясняет, что Флетчер сплетает в едином повествовании «идею республики, ряд реальных событий и поучительные наставления» для того, чтобы подкрепить его «глубокую убежденность в способности поэта-творца просветить монарха и республику»³⁵. Вместе с этим желанием просветить королеву и остальных, Флетчер на примере России стремится объяснить свою гражданскую философию, размышляя о последствиях деспотического правления. Называя Россию республикой и обращаясь к описанным у древних греков различиям между монархией и тиранией, Флетчер раскрывает свои воззрения при помощи противопоставления Англии и России. Первая является истинной республикой, тогда как вторая – тиранией, власть которой подчинена частным интересам правителя.

Этот контраст между тиранией и монархией, Россией и Англией, особенно явно показан в части посвящения Елизавете I. Обращаясь к королеве, Флетчер, сообщает, что его труд «изобличает подлинное лицо деспотического государства, так непохожего на лик Англии»; «в то время, когда во власти королевы сосредоточена судьба ее подданных, царь правит лишь рабами»³⁶. Приверженность королевы принципам свободы и счастья ее английских подданных противопоставляется суровости царей и раболепству русских подданных³⁷. Причину критического отношения Флетчера к России Стаут усматривает в том, что «благословенные богом богатства этой страны не получили своего развития и полной экономической, социальной и культурной реализации из-за упадка республики и народа, попавших под гнет тирании»³⁸.

Как республика и монархия Россия не сумела воплотить все свои возможности и достичь общего блага по причине того, что ее государь и знать действовали исключительно в личных интересах в ущерб общественным. В качестве примера Флетчер описывает «Собор, или Всеобщее собрание», в котором участвует

³⁴ Ibid. P. 93.

³⁵ Ibid. P. 94.

³⁶ Fletcher G. Of the Russe Common Wealth. L., 1591. Epistle Dedicatorie, n.p.

³⁷ Э. Кросс рассматривает рассуждения Флетчера о «тирании, зле и распадстве во всех слоях общества». Cross A. Peter the Great Through British Eyes: Perceptions and Representations of the Tsar since 1698. Cambridge, 2000. P. 2.

³⁸ Stout F.J. Exploring Russia in the Elizabethan Commonwealth... P. 127.

царь вместе с «патриархом, митрополитами и епископами, представителями знати, входящими в совет приближенных, а также два секретаря». Автор также сетует на то, что «русский парламент не знает такого обычая или установленного права как выдвижение предложений и инициатив, которые любой человек может полагать полезными для всеобщего процветания»³⁹. В его описании Земский Собор направляется исключительно волей царя, патриарха и избранной знати, и это доказывает, что отнюдь не стремление к общему благу, а частные интересы, руководят работой парламента, и то, почему Россия – республика, пронизанная коррупцией, тогда как Англия времен королевы Елизаветы – контрастирующая с ней идеальная монархия.

Взгляд Флетчера на общее благо, представленный в трактате «О русской республике» был позаимствован и использован Мильтоном в «Краткой истории». Вслед за Флетчером Мильтон стремится поведать своим читателям о России, но он гораздо меньше заинтересован в противопоставлении русской тирании и английской монархии. В частности, он описывает различные институты республики и разное поведение ее подданных, показывая, в каких случаях они соответствуют английскому пониманию республики, а в каких – нет. В «Краткой истории» Мильтон избегает каких-либо сопоставлений с тиранией в описании государственного устройства России и с рабством – в описании народа. При этом, характеризуя царей, народ и церковь, Мильтон использует такие категории, как добродетель и порок для того, чтобы явить читателю сильные и слабые стороны республики⁴⁰.

Во введении к «Краткой истории» Мильтон делится своим желанием раскрыть свои этические взгляды⁴¹. Введение было написано, если верить автору, после того, как он собрал весь необходимый материал для рукописи о России в 1640-х гг. Здесь Мильтон определяет свое сочинение как «описание одной или двух стран, которое может впредь послужить примером или образцом для более осмотрительных поколений»⁴². На примере

³⁹ Fletcher G. Of the Russe Common Wealth. L., 1591. P. 23.

⁴⁰ См.: Binney M.W. Russia as 'Pattern or Example': John Milton's A Brief History of Moscovia (1682) // Prose Studies. 2021. P. 1–27.

⁴¹ Блэр Уорден показал, какое значение для Мильтона имеет взаимосвязь политики и этических концептов. См.: Worden B. Milton's Republicanism and Tyranny of Heave // Machiavelli and Republicanism / Ed. by G. Bock, Q. Skinner and M. Viroli. Cambridge, 1990. P. 229.

⁴² Parks G.B. Preface and Notes... Vol. 8. P. 457.

России Мильтон раскрывает свои этические воззрения, так же, как и Флетчер, надеясь, что они послужат цели просвещения и воспитания публики, сделав ее «более предусмотрительной». Этическая и политическая философия Мильтона прослеживается в его описаниях русских царей, народа и церкви⁴³.

Мильтон и республика

Две важнейших категории этической философии Мильтона – добродетель и свобода, обе они заимствованы из древнегреческой традиции и подробно рассмотрены в работах Джонатана Скотта⁴⁴. Скотт считает, что для Мильтона главной добродетелью была мудрость, высшая степень которой заключалась в «познании Бога как единственного источника божественного». По мысли Мильтона, граждане республики должны были избавить правительство от произвола, порока и страстей, и руководствоваться разумом как «частью божественной природы, оставшейся в человеке» для того, чтобы «каждый человек мог обрести нравственное благо»⁴⁵. Выбор между нравственностью и пороком направляется разумом. Мартин Джелзэйнис согласен с трактовкой Дж. Скотта: «Мильтон настаивает на необходимости возвращать добродетели, дабы республика действительно принесла плоды»⁴⁶. Возвращать добродетели Мильтон призывает при помощи неустанного воспитания разума, что в контексте республики принесет плоды в виде преобладания общего блага над частным интересом.

Условием плодотворного воспитания разума является обладание как гражданами, так и их политическими лидерами личной свободой и, главным образом, свободой выбора⁴⁷. В этой при-

⁴³ См.: Binney M.W. John Milton's A Brief History of Moscovia (1682): Aristotelian Virtue and Reproach of the Past // *Philological Quarterly*. 2020. Vol. 100. № 2. P. 135–160.

⁴⁴ См.: Scott J. The English Republican Imagination // *Revolution and Restoration: England in the 1650s* / Ed. by J. Morrill. L., 1992. P. 47. О «неоримской» традиции толкования свободы как свободы от всякого давления одного субъекта на другого см.: Skinner Q. John Milton and the Politics of Slavery // *Prose Studies*. 2000. P. 1–22; Dzelzainis M. Republicanism // *A New Companion to Milton* / Ed. by Th.N. Corns. Oxford, 2016. P. 330–331.

⁴⁵ Scott J. *Commonwealth Principles*... P. 171.

⁴⁶ Dzelzainis M. *Milton's Classical Republicanism*... P. 21.

⁴⁷ Вудхаус утверждает, что «индивиды вольны следовать внутреннему закону, который, согласно Мильтону, есть закон природы, запечатленный в сердце. (P. 71). Причем этот закон есть не что иное как «закон свободы, знанием о котором обладают лишь духовно возрожденные граждане, и с его помощью они действительно обладают руководством к жизни (P. 93).

верженности идеалам личной свободы и свободы выбора Квентин Скиннер обращает внимание на то, что на Мильтона оказали влияние не только труды Платона и Аристотеля, но и «неоримской» традиции мысли⁴⁸. Данная традиция как раз противопоставляет свободу и рабство. Покуда гражданин или подданный испытывает на себе давление воли другого, он является скорее рабом, нежели гражданином. К. Скиннер отмечает: «свободный гражданин это тот, кто не скован волей кого-либо еще, но способен изъявлять свою волю и действовать в рамках своих прав»⁴⁹. Наиболее яркий пример наличия или отсутствия такой способности к волеизъявлению, по мнению Джелзэйниса, Мильтон приводит в трактате «Ареопагитика» (1643), где он исследует пределы контроля цензора над автором текста. Взаимоотношения цензора и автора – это зависимые отношения, и «зависимость неизбежно приводит к ограничению поведения»⁵⁰. Отношения зависимости и принуждения лишают подданных свободы выбора и возможности открытого волеизъявления, превращая их в рабов. Становясь рабами, они не могут реализовать свою свободу выбора и тем самым предпочесть добродетель пороку, а общее благо – частному интересу. Только свободные, независимые граждане способны воспитывать свой разум с тем, чтобы отдавать предпочтение благочестию и действовать во имя общего блага.

В трактате «О реформации» Мильтон описывает, насколько важен для республики этот выбор между добродетелью и пороком. В работе «Христианские республики» он вновь подчеркивает эту идею: «управлять грамотно значит направлять нацию, руководствуясь подлинной мудростью и добродетелью»⁵¹. Добродетель же, как уже было отмечено, заключается в способности распознавать общее благо. Кроме того, Мильтон предостерегает

Woodhouse A.S.P. Introduction // *Puritanism and Liberty: Being the Army Debates (1647–49) from the Clarke Manuscripts with Supplementary Documents* / Ed. by A.S.P. Woodhouse. Chicago, 1951. P. 11–100.

⁴⁸ Skinner Q. John Milton and the Politics of Slavery // *Prose Studies*. 2000. P. 1–22; Pettit Ph. *Republicanism: A Theory of Freedom and Government*. Oxford, 1999. Критику неоримской традиции толкования свободы см.: Dzelzainis M. *Harrington and Oligarchs: Milton, Vane, and Stubbe* // *Perspectives on English Revolutionary Republicanism* / Ed. by D. Wiemann and G. Mahlberg. Farnham, 2014. P. 15–34.

⁴⁹ Skinner Q. *John Milton and the Politics of Slavery*... P. 2.

⁵⁰ Dzelzainis M. *Republicanism* // *A New Companion to Milton*... P. 333.

⁵¹ Milton J. *Of Reformation* // *The Complete Prose Works of John Milton*... Vol. 1. P. 571.

от беспринципных политиков, которые изловчились под видом общих интересов преследовать свои собственные. Действительно, некоторые политические лидеры поработают народ и с его молчаливого согласия и подневольного положения лишь прикрываются риторикой общего блага.

Когда такие политики притязают в своих речах на общее благо, они «подчиняют закон собственной воле и ставят его в зависимость от личных страстей и низменных влечений»⁵². Такое поведение, считает Мильтон, «подрывает национальный дух, а мужество оказывается повержено развратом, вульгарной роскошью и невежеством, что заставляет одних людей прогибаться под другими... они распоряжаются жизнями бедняков и надругаются над республикой, словно заблудшим тельцом, понукаемым бичом тирании»⁵³. Когда эти политики и подданные пренебрегают общим благом, они оказываются в подчинении своих «страстей и низменных влечений», питающих порочность «вульгарной роскоши и невежества», в то время как республика становится «обезображена», поскольку допускает подобное угнетение.

Воспитание свободы выбора посредством обращения к разуму и предпочтение добродетели пороку требует дисциплины. В «Рассуждении об управлении церковью» (1641) Мильтон утверждает: «Тот, кто читал со вниманием и критикой о народах и республиках, городах и поселениях, морях и землях, войне и мире, легко согласится с тем, что расцвет и упадок всех гражданских сообществ, как и все значительные моменты и повороты в человеческой судьбе, зависят от прочности остова дисциплины. Потому, коль скоро более малодушные из нас объясняют успех или неудачу в своих мирских делах фортуной, я с уверенностью заявляю, что те, кто честен к себе, объясняют первое усердным трудом, а второе – нехваткой дисциплины»⁵⁴.

Дисциплина среди граждан республики и их лидеров позволяет им действовать в интересах общего блага и предохранять республику от опасностей угнетения и тирании. По Мильтону, эта дисциплина должна быть присуща не только правителям, но и подданным. Обладающих такой дисциплиной подданных Мильтон называет духовно возрожденными гражданами (англ.

⁵² Ibidem.

⁵³ Ibid. P. 572.

⁵⁴ Milton J. Reason of Church-Government // Complete Prose Works of John Milton... Vol. 1. P. 751; Scott J. Commonwealth Principles... P. 170–171.

regenerate). Духовно возрожденные, согласно Перцу Загорину, это образованные граждане, способные воспитывать свой разум и совершать добродетельные поступки⁵⁵. Такие граждане демонстрируют дисциплинированность, когда они обуздывают корысть, неважно, касается это их частных дел или государственных. В «Полномочиях королей и магистратов» Мильтон определяет их как «тех самых героев», единственных, кто трудится «среди сонма глупцов и невежд»⁵⁶, а в «Оправдании народа Англии» описывает их как «немногих, стремящихся к свободе», а также «мудрых, равно как и храбрых»⁵⁷. Эти «мудрые» граждане – духовно возрожденные граждане, которые должны не только прилагать все усилия для контроля над собой, чтобы не поддасться искушению роскошью и не предаться пороку, но также иметь смелость сменить правителей, правящих в угоду личным интересам и ставящих под угрозу угнетения республику⁵⁸.

В отношении правителей, воплощением дисциплины выступают аристотелевские цари (англ. Aristotelian kings). По мнению Блэра Уордена, прежние цари, такие как «Марк Аврелий, Агрикола и Альфред» как раз являют собой примеры благочестивых аристотелевских царей. Они олицетворяют «справедливость и разум» и абсолютно непохожи на «недостойных современных правителей»⁵⁹. Аристотелевские цари обнаруживают справедливость и разум, поскольку предпочитают добродетель пороку и правят во имя общего блага, а не личной выгоды; это такие правители, которые продвигают вперед республику и защищают ее от коррупции, а граждан – от угнетения.

⁵⁵ Zagorin P. A History of Political Thought, L., 1998. P. 111–112; Grace W.J. Preface and Notes // A Defence of the People of England // Complete Prose Works... Vol. 4. Part 1. P. 422–423; Woodhouse A.S.P. Introduction // Puritanism and Liberty... P. 67–68, 93.

⁵⁶ Milton J. The Tenure of Kings and Magistrates // Complete Works of J. Milton / Ed. by N.H. Keeble and N. McDowell. Oxford, 2013. Vol. 6. P. 152.

⁵⁷ Milton J. A Defence of the People of England. Trans. Donald C. Mackenzie // Complete Prose Works... Vol. 4. Part 1. P. 343.

⁵⁸ Skinner Q. John Milton and the Politics of Slavery... P. 8; Salmon J.H.M. French Religious Wars in English Political Thought. Oxford, 1959. P. 63.

⁵⁹ Worden B. Milton's Republicanism and Tyranny of Heaven // Machiavelli and Republicanism / Ed. by G. Bock, Q. Skinner and M. Viroli. Cambridge, 1990. P. 229; Worden B. Literature and Politics in Cromwellian England: John Milton, Andrew Marvell, Marchamont Nedham. Oxford, 2007. P. 233–234; Worden B. Republicanism, Regicide and Republic: The English Experience // Republicanism: A Shared European Heritage / Ed. by M. van Gelderen and Q. Skinner. Vol. 1. Cambridge, 2002. P. 312.

Такой акцент на общих интересах в образе аристотелевского царя контрастирует с «единоличным правителем», правящим исключительно в собственных целях. Для Мильтона такой человек предстает деспотом в тирании, а не монархом в республике. Во «Второй защите» (1654) Милтон утверждает: «Если я порицаю тиранов, то кто же тогда те цари, что так далеки от них? Так же сильно, как добрый человек отличается от дурного, отличается царь от тирана. Отсюда следует, что тиран не только не есть царь, но он также представляет постоянную угрозу царям»⁶⁰. Тираны угрожают царям, поскольку они поощряют порок, а не взращивают добродетель, и делают выбор в пользу собственной выгоды, а не общего блага. Образ тирана, при помощи которого Милтон рисует портрет Карла I (1625–1649), был заимствован им из писаний Василия Великого (330–379), «Никомаховой этики» Аристотеля, а также «Республики Англии, или *De Republica Anglorum*» (1583) Томаса Смита⁶¹. Смитовское определение тирана, в свою очередь, также появляется у Мильтона в «Собрании цитат» (англ. *Commonplace Book*). В этой работе он формулирует определение следующим образом: царь «стремится прежде всего к благосостоянию своего народа», тогда как тиран «преступает закон по своему усмотрению, помыкает другими без согласия на то народа, и служит не благу всех, а личному успеху, успеху своей клики и родни»⁶². Таким образом, цари стремятся к интересам народа. Тираны преступают закон и преследуют свои собственные и партикулярные интересы, подрывая республику.

Если царь, решая действовать в угоду частной выгоде, превращается в тирана, то граждане, действуя в личных интересах, становятся заложниками не только тирана-правителя, но и своего «внутреннего тирана». Когда граждане подчиняются тирану внутри себя, они потакают корыстолюбию и нечистоплотности, превращая себя в рабов собственных желаний, как и в рабов и прислужников правителя, поскольку лишают себя свободы выбора.

Итак, для Мильтона республика содействует распространению мудрости и добродетели среди всех своих граждан, приви-

⁶⁰ Milton J. A Second Defence of the English People / Transl. H. North // Complete Prose Works of John Milton... Vol. 4. Part 1. P. 561.

⁶¹ О тирании, Св. Василии и Аристотеле см.: Hughes M.Y. Introduction // The Complete Prose Works of John Milton... Vol. 3. P. 99, 202, 212. О тирании и республике в Англии см.: Milton J. Com-monplace Book // The Complete Works of John Milton... Vol. 11. P. 228–229.

⁶² Ibid. P. 217.

вая свободу выбора обществу, его политическим лидерам и институтам, поощряя чутко распознавать общее благо и осознанно делать выбор в его пользу. Общее благо – безусловная добродетель, в отличие от личной выгоды, которая является пороком⁶³.

Республика, Флетчер и «Краткая история Московии» Мильтона

Столь же большое значение имеют для Мильтона категории добродетели и порока при описании России. Мильтон обнаруживает примеры добродетели и порока в русских царях, подданных, церкви, давая понять, что в его сообщении о России находят отражение различные значения республики (как показал Берджесс, понятие «*commonwealth*» до 1649 г. и после провозглашения Англии республикой имело разные смыслы)⁶⁴, но также, и в этом позиции Мильтона и Флетчера разнятся, подчеркивает свой скептицизм в отношении способности Англии противостоять пороку⁶⁵. Отталкиваясь от более раннего значения понятия республики, Мильтон не отрицает за царем могущество и власть, но акцентирует внимание на том, что царь должен быть благочестивым⁶⁶. Вслед за Флетчером Мильтон использует Россию в качестве назидательного примера и, как и он, различие между тиранией и монархией основывает на греческой традиции.

⁶³ Вопрос о значении смешанной формы правления в политической концепции Мильтона 1640–1660 гг. в контексте республики остается дискуссионным. З.Ф. Финк и Д. Норбрук полагают, что Мильтон считал уместной смешанную форму правления для республики. См.: Fink Z.F. *The Classical Republicans...* P. 95; Norbrook D. *Writing the English Republic: Poetry, Rhetoric and Politics, 1627–1660*. Cambridge, 1999. P. 113. М. Джелзейнис же утверждает, что Мильтон не выводит смешанную форму правления на первый план. См.: Dzelzainis M. *Milton's Classical Republicanism // Milton and Republicanism; Idem. Republicanism // A New Companion to Milton...* P. 328.

⁶⁴ Джелзейнис акцентирует внимание на том, что «кульминацией» мильтоновского республиканизма стали его рассуждения, изложенные во втором издании «Скорый и легкий путь к установлению свободной Республики» (апрель 1660), в котором автор развивает мысль о попрании свободы в том случае, когда у власти находится один единственный человек. Dzelzainis M. *Republicanism // New Companion to Milton...* P. 341.

⁶⁵ Dzelzainis M. *The vulgar only scap'd who stood without': Milton and the Politics of Exclusion // Democracy and Anti-Democracy in Early Modern England, 1603–1689 / Ed. by C. Cuttica and M. Peltonen*. Leiden, 2019. P. 240; Hammond P. *Milton and the People*. Oxford, 2014.

⁶⁶ М. По называет описание царской власти у Мильтона, не иначе как «хвалебным гимном Московской власти». Пое М. «A People Born to Slavery»: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Ithaca, 2000. P. 117; см. также Binney M.W. *John Milton's A Brief History of Moscovia...*

Однако решение исследовать монархию и тиранию через категории добродетели и порока на примере русских царей, народа и церкви, Мильтон принимает без оглядки на Флетчера. Эти добродетели и пороки становятся у него «примерами», о которых англичанам следует знать, дабы иметь возможность стать «более прозорливыми» в своей собственной республике. Таким образом, Мильтон опирается на историю России с целью изложить собственные этические воззрения. Его цель – научить читателей распознавать достойное поведение правителей и подданных и правильную политику общественных институтов с тем, чтобы они не утратили права называться славным именем республики и не примеряли на себя позорное ярмо тирании.

«Краткая история Московии» и «сильные и слабые стороны республики»

Образ России Мильтон создает, детально описывая добродетель и порок в царях, народе и церкви. Он поясняет, когда все они действуют во благо или во вред общему благу, в соответствии со свободой выбора или вопреки ей. Идеал аристотелевских царей по-прежнему служит Мильтону образцом правления во имя общего блага, духовно возрожденные граждане – примером борьбы с корыстолюбием и сопротивлением угнетению сильных, а церковь – достойной подражания традиции возвращения независимой мысли. Зло проявляется: в правителях, когда они ставят личные интересы выше общих; в гражданах, когда они поработаются страстями вместо того, чтобы использовать свое право свободы выбора; в церкви, когда ее последователи потворствуют суевериям, догматизму, формализму и высшим сановникам.

Сильные и слабые стороны правителей

Мильтон раскрывает образ добродетельного правителя на примере царя Федора Ивановича. Воплощением дурных правителей для него являются Иван IV и Борис Годунов. Царствование Ивана IV он описывает так: «Суровость своего правления царь оправдывал зловерностью и предательством своих подданных. Но некоторых его приближенных, напротив, именно жестокость правителя подтолкнула к обращению к крымским татарам, поджогу которых до основания разрушил Москву в 1571 г.»⁶⁷ В этом емком утверждении о жестокости правления Ивана IV Мильтон

⁶⁷ Milton J. A Brief History of Moscovia... P. 47. Мильтон заимствует свидетельства из: Hakluyt R. Principal Navigations. Vol. 1. L., 1599. P. 224; Purchas S. Purchas His Pilgrimage... P. 975.

опирается на свидетельства, которые приводят в своих работах Хаклюйт и Перчейс⁶⁸. Поступки Ивана IV вынудили знать призвать крымских татар, дабы пресечь беззаконие. И эта отчаянная мера доказывает, сколь далек был в своей политике царь от идеала общего блага. В соответствии с мильтоновским пониманием республики, подданные вправе сменить своего правителя, если он слишком жесток и неоправданно суров, т.е. отступает от интересов общества, ставя на первое место свои собственные⁶⁹.

Ивану IV противопоставлен царь Федор Иванович, чье правление оценивается в «Краткой истории» исключительно положительно⁷⁰. Мы узнаем, что воцарение Федора стало «триумфом, <...> и, в отличие от предшественника, многие королевские забавы считались приемлемыми»; что «для знати выборными стали новые должности и связанные с ними привилегии»; что «царь по совету Бориса присоединил обширные территории Сибири» и что Федор «отстранил от дел нечистоплотных дьяков и упразднил чрезмерные подати». Мильтон пишет, что «в итоге, в правительстве произошло великое переустройство, и все осуществилось спокойно и без волнений», а «все эти меры вселили восхищение перед русским царем в правителях соседних государств»⁷¹. Федор расширил территорию, пресек коррупцию в правительстве, сократил чрезмерные налоги и завоевал уважение своих соседей⁷². Он правил как добродетельные аристотелевские цари прошлого.

Добродетель Федора резко контрастирует с порочностью Бориса Годунова, чьи вероломные поступки привели к пресече-

⁶⁸ Большая часть этого первого пассажа в описании суровости правления Ивана IV заимствована Мильтоном из текста Хаклюйта, посвященного Даниилу-принцу из Бухова, посла Священной Римской империи в России. См. об этом Parks G.B. *Preface and Notes...* Vol. 8. P. 511. Вторая часть восходит к описаниям Иеронима Горсея (ум. 1626), опубликованным в «Извлечениях» Перчейса (изд. 1626 г.).

⁶⁹ См. Skinner Q. *John Milton and the Politics of Slavery...* P. 10.

⁷⁰ Мильтон опускает явные свидетельства о физической немощи и ментальном расстройстве царя Федора Ивановича в трудах Флетчера и Жака Огюста де Ту, которые в кратком изложении приведены у Перчейса. См.: Fletcher G. *Of the Russe Common Wealth...* P. 110; Purchas S. *Purchas His Pilgrimes...* P. 744–745. О том, как Перчейс заимствует у де Ту см.: Parks G. *Preface and Notes...* Vol. 8. P. 517.

⁷¹ Milton J. *A Brief History of Moscovia...* P. 51; Hakluyt R. *Principal Navigations*. Vol. 1. L., 1599. P. 469.

⁷² Мильтон описывает Федора похожим на Этельстана в «Истории Британии». См. Milton J. *History of Britain // The Complete Prose Works of John Milton...* Vol. 5. Part 1. P. 312–313.

нию династии Рюриковичей и позволили ему занять трон: «Однако триумф не продлился долго, так как именно коварство Бориса привело сначала к смерти царевича Дмитрия, а затем к воцарению Годунова, и ознаменовало угасание 300-летнего славного правления прежней царской династии»⁷³. Слова «слава» и «вероломство» отсутствуют в источниках, которыми пользовался Мильтон. Он вводит их, чтобы представить читателю образ добродетельного правления царя Федора и незаконного пребывания у власти Бориса Годунова⁷⁴. На место «славы» Федора приходит прискорбное «вероломство» Бориса. О правлении Годунова Мильтон пишет: «страна канула в пучину лихоимства»⁷⁵. Достойное всяческого почитания царствование Федора Ивановича и сомнительный приход к власти Бориса Годунова акцентируют добродетель первого. Мильтон рисует Федора как могущественного, благочестивого царя, правящего во имя общего блага, а Ивана IV и Бориса Годунова изображает царями, ведомыми личными страстями, один из которых заслуживал свержения, а второй остался в памяти как коварный узурпатор. Если добродетель Федора превращает его в аристотелевского царя, то суровость Ивана IV и вероломство Годунова изобличают в них тиранов. Первый служит общему благу, вторые – частным интересам.

Сильные и слабые стороны подданных

Подданные, как и правители, обнаруживают в себе добродетель или порок. Они могут совершенствоваться в своем руководстве свободой выбора или идти на поводу у низменных влечений⁷⁶. Зловредность и корыстолюбие, отмеченные в русских подданных, историки обычно расценивают как негативный взгляд Мильтона на Россию⁷⁷. Мильтон пишет: «нет другого народа, ко-

⁷³ Milton J. *A Brief History of Moscovia...* P. 52; Purchas S. *Purchas His Pilgrimage*. L., 1626. P. 991.

⁷⁴ Parks G.B. *Preface and Notes...* № 19. Vol. 8. P. 517; Binney M.W. *John Milton's A Brief History of Moscovia (1682) and Jerome Horsey's Extracts (1626)* // *Диалог со временем*. 2020. № 73. С. 197.

⁷⁵ Milton J. *A Brief History of Moscovia...* P. 54; Purchas S. *Purchas His Pilgrimes...* Vol. 3. P. 752.

⁷⁶ Dzelzainis M. *Republicanism...* P. 207.

⁷⁷ Parks G.B. *Preface and Notes...* Vol. 8. P. 469; Szenczi M. *Milton on Russia* // *The New Hungarian Quarterly*. 1967. P. 179; Cawley R.R. *Milton and the Literature of Travel*. New Jersey, 1951. P. 42; Bedford Milton's *Journeys North...* P. 77; Archer J.M. *Old Worlds: Egypt, Southwest Asia, India, and Russia in Early Modern English Writing*. Stanford, 2001. P. 138; Demaray J. *From Pilgrimage to History: The Renaissance and Global Historicism*. N.Y., 2006. P. 112.

торый влачил бы столь убогое существование, как русские бедняки»; «они безграмотны»; «их величайшая отрада – в пьянстве»; «они большие лжецы, пустозвоны, подхалимы и лицемеры»; мужья используют розги в качестве как наказания, так и награды для своих жен⁷⁸. Такие эмоциональные характеристики призваны показать, сколь бедны и вульгарны подданные, чьи страсти и похоти одерживают верх над добродетелью и интересами общества.

Нелицеприятные описания бедных и необразованных подданных приведены, чтобы подчеркнуть достоинства духовно возрожденных граждан, которых также описывает Мильтон. Эти граждане представлены не только вышеупомянутой аристократией, пытавшейся переломить жестокость правления Ивана IV, но также такими личностями, как Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский. По Мильтону, в период Смуты (1598–1613) Минин и Пожарский проявили себя как деятельные и бдительные граждане, противостоявшие тирании зла и корыстолюбия. Мильтон рассуждает о поражении, нанесенном поляками, поскольку затем им [русским] удалось избавить Кремль от захватчиков в московском сражении 1612 г. Минин описан как «человек низкого происхождения», который при этом избличил «низость знати и корыстолюбие чиновников, и заявил о том, что только если они изберут благонадежного казначея, дабы справедливо платить войскам и сыщут талантливое полководца (а именно, князя Пожарского, небогатого дворянина, не так давно вернувшегося со службы, но позабытого всеми), у него не останется сомнений в том, что поляки будут изгнаны из страны»⁷⁹. Мильтон подчеркивал низкое происхождение Минина и скромное финансовое положение дворянина Пожарского (хотя, в действительности, Минин был состоятельным купцом в Нижнем Новгороде, а Пожарский носил титул князя⁸⁰), дабы продемонстрировать торжество своей этико-политической концепции духовно возрожденных, добродетельных и бдительных граждан, способных, исходя из ценности общего блага, обуздать в себе стремление к обогащению. Как воплощение такой гражданственности, Минин и По-

⁷⁸ Milton J. A Brief History of Moscovia... P. 20–22. Об источниках Мильтона, в том числе работе Хаклюйта, см.: Parks G.B. Preface and Notes... Vol. 8. P. 493–495.

⁷⁹ Milton J. A Brief History of Moscovia... P. 66; Purchas S. Purchas His Pilgrimes... Vol. 3. P. 790–791.

⁸⁰ Skrynnikov R.G. The Time of Troubles: Russia in Crisis, 1604–1618 / Ed. and transl. by H.F. Graham. Gulf Breeze, FL., 1988. P. 186, 72.

жарский сражаются против коррупции в государстве и противостоят алчности и расчетливой амбициозности в самих себе. Тем самым они преодолевают политическую нестабильность, вызванную претендующими на трон Лжедмитриями. Зло оказывается повержено, а подданные защищают и продвигают всеобщие интересы, создавая сильную республику.

Сильные и слабые стороны церкви

В церкви тоже может царить как добродетель, так и порок. Первая проявляется в традициях, воспитывающих в прихожанах свободу выбора, а второй – в ритуалах и церемониях высших церковных сановников, попустительствующих суевериям, рабству и беспрекословному подчинению. Описывая корыстолюбие, Мильтон обращается к изображению священников и ритуалов Русской Православной церкви (он, разумеется, рассуждает о русской церкви в духе протестантского восприятия⁸¹). Мильтон заимствует у Ричарда Ченслора (ум. 1556) утверждение о том, что «они следуют традициям Греческой церкви, но также [здесь] сохраняются пережитки идолопоклонства»⁸². «Идолопоклонство» проявляется внутри церковной иерархии, на вершине которой – священники, а повинующиеся им светские лица – рабы⁸³. Привязанность к суевериям и сильный пиетет по отношению к высшим сановникам церкви побуждают верующих поклоняться священным предметам и соблюдать внешние формы благочестия, вместо того, чтобы следовать разуму и Господу Богу⁸⁴. Эта привязанность обращает прихожан в рабов, над которыми имеет чрезвычайную власть священник или икона. В «Рассуждении об управлении церковью» (1641) Мильтон пишет: «Во имя истины... надлежит избавлять от рабского ига и освобождать умы и души нации, прежде всего, из плена греха и идолопоклонства»⁸⁵. Разум должен быть освобожден от идолопоклонства, проявляющегося в преклонении перед предметами и различными ритуалами, и церемониями, а также в митре и облачении священ-

⁸¹ См.: Poe M. A People Born to Slavery... P. 148–150.

⁸² Milton J. A Brief History of Moscovia... P. 18; Purchas S. Purchas His Pilgrimes... Vol. 1. P. 253.

⁸³ См.: Keeble N.H. Milton and Puritanism // A Companion to Milton. Ed. by Thomas N. Corns. Oxford, 2003. P. 132; Hadfield A. The English and Other Peoples // A Companion to Milton. Ed. by Th.N. Corns. Oxford, 2003. P. 177.

⁸⁴ Мильтон обращается к этой проблеме привязанности к объектам, а не к разуму, в работе “Of Reformation”, 1:520.

⁸⁵ Milton J. Reason of Church-Government... Vol. 1. P. 853.

ников, украшенных золотом и всякой мишурой»⁸⁶. Религиозные атрибуты вводят в заблуждение верующих, заставляя их подчиняться и удерживая от самостоятельного рассуждения о свободе выбора, ограничивая тем самым их поведение и молитву.

Поясные поклоны представляют собой скорее сосредоточенность прихожан на внешней форме, нежели на помыслах. Мильтон описывает показную покорность Ивана IV, демонстрируемую им во время молитвы: «Царь кажется чрезвычайно верующим человеком. Поскольку русские в их церквах с рвением и глубоким трепетом кладут поклоны, да так, что ударяются лбами об пол, то и лоб государя редко бывает без шишек и ссадин, и напротив, часто кровоточит»⁸⁷. Так, при помощи поясных поклонов, подобно многим другим верующим Иван IV доказывает свою праведность⁸⁸. И хотя Мильтон более никак не комментирует поведение царя, его оценка содержится в выборе им слов, чтобы подчеркнуть театральность религиозного поведения. Так, если у Хаклюйта в оригинале использован глагол «есть, является» (англ. is), то Мильтон меняет его на «кажется» (англ. seem), чтобы подчеркнуть показной и нарочитый характер моления Ивана IV в церкви. Такое ритуальное поведение Мильтон порицает за суеверное отношение к телу, застилающее разум.

Идолопоклонство, ритуалы и формализм делают верующих рабами внешних форм, а не освобождают их умы, что разжигает в людях страсти и подталкивает их к пороку. Это утверждение Мильтон подкрепляет описанием русских монахов и священников. Отталкиваясь от упоминания Томасом Рэндольфом (1523–1590) монахов-пьяниц в описании иноков Николо-Карельского монастыря в Архангельске, Мильтон пишет: «Залив Святого Николая, на берегу которого был построен деревянный монастырь, находится на 64-й параллели; живущие в нем монахи – великие пьяницы, а храм похож на сказку: полный образов и свечей»⁸⁹. Он усиливает акцент на пьянстве, утверждая, что «блуда, пьянства и вымогательства здесь не меньше, чем среди священников»⁹⁰.

⁸⁶ Milton J. *Of Reformation...* Vol. 1. P. 521.

⁸⁷ Milton J. *A Brief History of Moscovia...* P. 47.

⁸⁸ Ф. Стаут полагает, что это критическое суждение заимствовано у Герберштейна, Флетчера и Турбервилля. См.: Stout F.J. *Exploring Russia...* P. 44.

⁸⁹ Milton J. *A Brief History of Moscovia...* P. 2–3; Hakluyt R. *Principal Navigations...* Vol. 1. P. 376.

⁹⁰ Milton J. *A Brief History of Moscovia...* P. 19. Hakluyt R. *Principal Navigations...* Vol. 1. P. 242.

Церковные иконы и свечи, как и поясные поклоны, вводят в заблуждение и сковывают разум клира и прихожан. Русские священники, монахи и верующие подчинены внешним обрядовым формам, что множит их страсти, превращает в рабов суеверий и лишает возможности мыслить независимо и свободно. В результате их души отворачиваются от Бога и обращаются к догматизму, раболепию и пороку. Порок же превращает их в слуг прелатства и отворачивает от общего блага республики.

Порицание идолопоклонства сменяется восхвалением некоторых свобод, обнаруживаемых Мильтоном в русской церкви и отсутствующих в Англии. В частности, он говорит о праве на развод и о свободе вероисповедания. Описывая отношения мужчин и женщин в браке, он восхваляет церковную практику разводов: «Объявивший о своем неудовольствии [от брака], муж разводится; такую свободу они [русские], несомненно, унаследовали от Греческой церкви и Законов [Византийской] империи»⁹¹. Упоминания о такой свободе нет в источниках, которыми пользовался Мильтон. Этот пассаж отражает его личное недовольство английским правом⁹². В эссе «О разводе» (1644) Мильтон исследует отношение англичан к браку, который «мыслится как нечто столь священное, что ни адюльтер, ни уход супруга из семьи не могут служить достаточным основанием для расторжения брака; такова суть наших законов в Англии на сегодняшний день»⁹³. Мильтон оспаривает «священство» брака⁹⁴. Брак следует расторгнуть, настаивает он, в случае «немощи или неготовности супруга к браку, или его противоречия здравому смыслу»⁹⁵. Обращение Мильтона к теме брака в «Краткой истории» призвано продемонстрировать, каким образом Русская Православная церковь взращивает добродетель, а Англиканская церковь, напротив, – порок⁹⁶.

Помимо права на развод в Русской Православной церкви похвалы со стороны Мильтона заслуживает и свобода совести.

⁹¹ Milton J. A Brief History of Moscovia... P. 20.

⁹² Parks G.B. Preface and Notes... Vol. 8. P. 494.

⁹³ Milton J. Doctrine and Discipline of Divorce. In Complete Prose Works of John Milton / Ed. by E. Sirluck. Vol. 2. New Haven, 1959. P. 237.

⁹⁴ Schwartz R. Milton on the Bible // A Companion to Milton... P. 39; Patterson A. Milton, Marriage and Divorce // A Companion to Milton... P. 279–280; Sirluck E. Introduction // Complete Prose Works... P. 145–150.

⁹⁵ Milton J. Doctrine and Discipline... Vol. 2. P. 242.

⁹⁶ О трактатах, посвященных свободе и разводам см.: Achinstein Sh. 'A Law in this Matter to Himself': Contextualizing Milton's Divorce Tracts // Oxford Handbook of Milton / Ed. by N. McDowell and N. Smith. Oxford, 2009. P. 185.

Во второй главе «Краткой истории...», когда речь идет о присоединении территорий Сибири, Мильтон приводит заимствованные из сообщения Перчейса пассажи о том, что в районе р. Обь, «а также и в других областях [появляются] церкви, однако никого не принуждают к религиозному обращению»⁹⁷. Мильтон подчеркивает, что никто не подвергается принуждению, тогда как в оригинале у Перчейса сказано, что людей «склоняют и уговаривают к тому». Подмена Мильтона, как представляется, призвана подчеркнуть отсутствие случаев неосознанного перехода в другую веру⁹⁸. Тема принуждения к смене религиозных убеждений становится очень важной для Мильтона в конце 1640-х гг., в частности, из-за утверждения пресвитериан в Вестминстерском аббатстве, которые, как он полагал, были сторонниками жесткого подхода к установлению церковного единообразия, по примеру Высокой церкви Уильяма Лода⁹⁹. В его сонете «На принуждение к вероисповеданию» (*On the Forcers of Conscience*) (1647), пресвитериане «осмелились <...> принудить нашу совесть, которую Христос освободил»¹⁰⁰. Эта точка зрения Мильтона эхом повторяется в «Краткой истории...». Русская церковь поддерживает свободу совести и благословляет разводы. И это служит укором Англии, где подобные свободы отсутствуют, что порождает такую политику государства и такое поведение его граждан, которые ведут к увеличению порока и корыстолюбия в республике.

Россия и модель «commonwealth» в трудах Мильтона

Итак, вслед за Флетчером Мильтон использует дискурс о России в качестве исторического нарратива, на материале кото-

⁹⁷ Milton J. *A Brief History of Moscovia...* P. 26; Purchas S. *Purchas His Pilgrimes...* Vol. 1. P. 526.

⁹⁸ О Мильтоне и свободе совести, см.: Iacono G. *John Milton, Oliver Cromwell, and the Cause of Conscience* // *Studies in Philology*. 2015. P. 774–797; Steven P. *How Milton's Nationalism Works: Globalization and the Possibilities of Positive Nationalism* // *Early Modern Nationalism and Milton's England* / Ed. by D. Loewenstein and P. Stevens. Toronto, 2008. P. 291; Worden B. *Literature and Politics...* Ch. 10; Achinstein Sh., Sauer E. *Milton and Toleration*. Oxford, 2007; Sirluck E. *Introduction...* P. 175–181.

⁹⁹ Уильям Лод (1573–1645) – архиепископ Кентерберийский (1632–1643), последовательный сторонник Высокой церкви (направления в протестантизме, основанного на сохранении дореформационного богослужения) и Карла I. В соответствии с биллем об опале был приговорен к смертной казни и обезглавлен (прим. переводчика).

¹⁰⁰ Milton J. *The Complete Poetry of John Milton* / Ed. by J.T. Shawcross, rev. ed. Garden City, N.Y., 1971. P. 211.

рого излагает основания своей этической и политической философии. Однако он в меньшей степени, чем Флетчер, акцентирует внимание на различиях между тиранией и монархией и противопоставлении России и Англии, а сосредотачивает свое внимание на проявлениях добродетели и порока внутри одного государства. Правители, подданные и церковь должны выстраивать свое поведение, религиозную практику и политику таким образом, чтобы способствовать реализации права свободы выбора и ценности общего блага, тем самым укрепляя стабильность республики. Такая политика и такие практики включают в себя поощрение независимости внутри общества и его институтов с тем, чтобы граждане могли наставлять свой разум в предпочтении добродетели пороку точно так же как в выборе общего блага вместо стяжательства и личной выгоды. Описание России Мильтон использует для критики английского правительства и его подданных, но также на примере России он раскрывает и свое видение республики. Действительно, подход Мильтона к описанию сильных и слабых сторон республики, проливает свет на то, как в конце XVII в. англичане могли представлять себе Россию, и по каким параметрам сравнивать между собой два государства. При этом, «Краткая история...» Мильтона была опубликована позднее другого ученого трактата XVII в., а именно «Русского самозванца» (1674)¹⁰¹. Автором изданного в самом начале конфликтов между Карлом II и парламентом «Русского самозванца» был сэр Роджер Мэнли (1626–1688), роялист, занявший сторону Карла I в гражданской войне, а впоследствии ставший историком¹⁰². Трактат Мэнли, описывая разных претендентов на русский престол в период Смуты, породившей «злоклучения и напасти»¹⁰³, призван напомнить о сходстве этих событий с прошлым и настоящим Англии, а именно, с гражданской войной, установлением республики и конфликтом между Карлом II и парламентом. И Мэнли, и Мильтон используют Россию, как зеркало, в котором англичане смогли бы увидеть самих себя, свои собственные «злоклучения и напасти», а также как дискурсив-

¹⁰¹ Loewenson L. Sir Roger Manley's History of Muscovy: The Russian Impostor (1674) // The Slavonic and East European Review. 1952. P. 239.

¹⁰² См.: Cheesman N. Manley, Sir Roger (d. 1687) // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford, 2004. P. 430.

¹⁰³ Manley R. The Russian Impostor: or, the History of Muskovie, under the Usurpation of Boris and the Imposture of Demetrius, Late Emperors of Muskovy. L., 1674. P. 242.

ное поле, при помощи которого они могут изложить свои политические взгляды и различные политико-философские доктрины.

В то же время, воззрения Мильтона, как мы стремились показать, определяются его пониманием республики, в котором на первый план выходят ценности общего блага и свободы выбора. Созданный Мильтоном образ России послужил примером для последующих поколений публицистов. Так, взгляд на Россию, представленный в работе Йодокуса Крулла «Древнее и новое государство Московии» (1698), вышедшей в год посещения Петром I Англии, имеет много общего с Россией, описанной Мильтоном и Мэнли¹⁰⁴. К сравнению России и Англии, по примеру Мильтона, впоследствии обратятся Даниэль Дефо в памфлете «Налоги, которые не взимаются» (*Taxes No Charge*) (1690) и Елкана Сеттла в работе «Современное состояние Англии в отношении папства» (*The Present State of England in Relation to Popery*) (1684)¹⁰⁵.

9.2. VITA ACTIVA И VITA CONTEMPLATIVA В КОНТЕКСТЕ СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И КУЛЬТУРЫ XVII В.

Раннее Новое время обычно описывают как период глубоких трансформаций в публичной, частной и социальной сферах, изменивших образ жизни, образ мысли и формы коммуникации людей. Не все эти перемены в равной мере привлекали внимание современников, но среди тех, что вызывали наиболее сильную реакцию, безусловно, можно назвать развитие новых форм и практик светской культуры. Начиная с эпохи Возрождения, неуклонно росло количество текстов, которые можно связать с этими трансформациями, в особенности, когда те или иные политические события или социальные процессы делали особенно актуальными вопросы поведения людей и его нравственных оснований.

В истории Англии одним из таких периодов стала реставрация монархии в 1660 г. После турбулентных лет гражданской войны, революции и Протектората восстановление во всем блес-

¹⁰⁴ См. Bedford R.D. Jodocus Crull and Milton's "A Brief History of Moscovia" // *The Review of English Studies*. 1996. Vol. 47. № 186. P. 207–211.

¹⁰⁵ Согласно Максу Скъенсенбергу политические дебаты на страницах памфлетов в 1680-е гг. артикулировали позиции вигов и тори накануне революции по поводу республиканизма первых и теории божественного права вторых. См.: Skjõnsberg M. *The Persistence of Party: Ideas of Harmonious Discord in Eighteenth-Century Britain*. Cambridge, 2021. P. 89.

ке тех форм социального взаимодействия, которые совсем недавно вызывали ожесточенную критику и подвергались запрету, появление множества новых практик и вместе с тем попытки обуздать, если не запретить те, которые ассоциировались с хаосом революционного времени, очевидное влияние французской культуры – все это провоцировало появление многочисленных моралистических сочинений, в которых новая ситуация получала ту или иную оценку. Разнообразие этих оценок нередко порождало публичные дискуссии, сами по себе свидетельствующие о произошедших трансформациях. Не случайно, вторая половина XVII в. считается в английской истории временем формирования новой морали – не только сочинений, обосновывавших с этической точки зрения практики и нормы светской культуры, но и самой концепции морали, отсылающей не к религиозным заповедям, а к «естественному» поведению человека. По традиции английскими моралистами XVII в. называют именно создателей новой светской этики, не опирающейся на религиозные догмы, а ищущей иные основания морального закона и поведения.

Эти новые веяния затронули и аспект, связанный с пониманием *публичной* (англ. *public*) и *частной* (англ. *private*) жизни (эти слова активно использовались во второй половине XVII в.), о чем свидетельствует любопытная, хотя и малоизвестная полемика, имевшая место во второй половине 1660-х гг. Она связана с переосмыслением представлений об активной и созерцательной жизни в контексте культуры Реставрации. В 1665 г. известный шотландский адвокат и моралист сэр Джордж Маккензи¹⁰⁶ опубликовал «Моральное эссе о предпочтении уединения перед публичной деятельностью и всеми ее атрибутами, такими как слава, власть, богатства, удовольствия, общение и т.п.»¹⁰⁷. Несмотря на свою бурную профессиональную деятельность, активную публичную поддержку монархии и довольно жесткую позицию по отношению к оппонентам, Маккензи выступил с критикой сложившейся культуры власти и публичной жизни, которая ассоциировалась у него в первую очередь с придворным сообществом, поскольку он рассуждал об образе жизни джентльмена. Два года спустя был опубликован полемический ответ на это

¹⁰⁶ Подробную биографию Маккензи см.: Lang A. Sir George Mackenzie, king's advocate, of Rosehaugh: his life and times 1636(?)–1691. L.; N.Y., 1909.

¹⁰⁷ Mackenzie G. A moral essay, preferring solitude to publick employment, and all it's appanages, such as fame, command, riches, pleasures, conversation. Scotland, 1665.

рассуждение под зеркально противоположным названием, написанный Джоном Ивлиным¹⁰⁸ – человеком, который, напротив, никогда не занимал публичных постов и был известен своей любовью к жизни в имении и разведению садов¹⁰⁹.

Оба автора, во многом опираясь на идеи Ренессанса, предлагают объяснения светской жизни современного им общества, исходя прежде всего из представлений о том, как устроена социальная жизнь и что такое человек как член социума. Они выстраивают противопоставление, которое легко прочитывается в контексте давней традиции рассуждений о созерцательной и деятельностной жизни; Ивлин даже выносит отсылку к этой традиции в название своего опуса, увязывая публичную жизнь с активным служением. Разоблачительный пафос, свойственный и Маккензи, и Ивлину, делает общим контекстом, в котором они оценивают возможности, предоставляемые созерцательной и деятельностной жизнью, развитие светского общества и светской культуры.

Впрочем, само понятие «светский» применительно к интеллектуальной культуре Великобритании второй половины XVII в. нуждается в пояснении, поскольку в привычном для нас прочтении оно выдвигает на первый план идею противопоставления мирского и религиозного. Его можно обнаружить в религиозной мысли того времени, в рамках которой критика современной культуры выстраивалась как критика культуры светской, обмирщенной. В тексте Маккензи, осуждающего пороки современной публичной жизни, влияние этой традиции ощущается довольно сильно. Однако для рассматриваемых авторов, особенно для Ивлина, категория светского определялась и в рамках другой оппозиции – варварства и цивилизации. Один из самых известных современных исследователей культуры общения в Англии Кейт Томас, отмечал, что идея *светскости* в европейской культуре раннего Нового времени претерпевает существенные трансформации. В средневековой культуре основным способом описания особенностей европейской культуры было противопоставление христианства и язычества, которое наложило на существовавшую в античной традиции дихотомию варварства и цивилизации. Эти две системы определений уживались не впол-

¹⁰⁸ Evelyn J. Publick employment and an active life prefer'd to solitude, and all its appanages, such as fame, command, riches, conversation, &c. In reply to a late ingenious essay of a contrary. L., 1667.

¹⁰⁹ Об Ивлине см., напр.: Darley G. John Evelyn: living for ingenuity. New Haven; L., 2006.

не мирно, но культурное и экономическое развитие Европы, особенно городской культуры, способствовало тому, что в эпоху Ренессанса стало возможным противопоставлять христианскую Европу и исламские государства как территории цивилизации и варварства. Открытие Нового света способствовало тому, что бинарная оппозиция сменилась представлениями о разных градациях варварства и цивилизованности, а последняя все больше ассоциировалась со светским образом жизни, манерами и отношениями в обществе, а не с религией. В итоге, отмечает автор, это привело к тому, что слово *civility* было (и остается) ускользающим и нестабильным, но, «хотя оно использовалось в раннее Новое время во множестве значений, все они были связаны тем или иным образом с наличием хорошо организованного политического сообщества и с коррелирующими с этим качествами и манерами поведения, ожидавшимися от его членов»¹¹⁰. Рассуждения, предлагаемые Маккензи и Ивлином, имели своей общей точкой, вокруг которой разворачивалась дискуссия, представления о том, что существует / должен существовать член цивилизованного светского общества, но к вопросу функционирования «организованного политического сообщества» авторы подходят с принципиально разных, но сформированных в рамках общего интеллектуального контекста позиций.

Маккензи делает объектом рассмотрения отдельного человека, который, однако, не является обособленным микрокосмом, а все время взаимодействует с окружающим миром, и начинает свое рассуждение с вполне традиционного уподобления человеческой души океану, в котором страсти порождают волнение, но который в состоянии спокойствия отражает красоту божественного образа¹¹¹. Он оценивает образ жизни сельского джентльмена и столичного придворного, исходя из того, что они дают человеку, чего позволяют добиться и какой ценой. В соответствии с этой метафорой, он оценивает публичную жизнь как потакание страстям, весьма цинично высказываясь о людях, которые к ней стремятся: «Когда их переполняет философия или крепкие напитки, они говорят, что делают это, чтобы служить своей стране,

¹¹⁰ Thomas K. In Pursuit of Civility. Manners and civilization in Early Modern England. New Haven; L., 2018. P. 4–6.

¹¹¹ Здесь и далее все эссе Маккензи цитируются по изданию 1713 г. Mackenzie G. A moral essay, preferring solitude to publick employment, and all it's appanages, such as fame, command, riches, pleasures, conversation // Mackenzie G. Essays upon Several Moral Subjects. L., 1713. P. 91.

а не собственным устремлениям, и льстецы делают вид, что верят, будто их цель заключается в том, чтобы угодить государю, а не потакать самим себе»¹¹². У шотландца, чья юность пришлось на период острого религиозно-политического противостояния, и который к тому же имел опыт судебного адвоката по очень громкому политическому делу¹¹³, связанному с этим конфликтом, очевидно, было немало оснований для такого скептицизма. Однако эссе было опубликовано в 1665 г. и объектом его критики выступали не шотландские бунтари, а два культурных типажа двора Карла II – *государственные деятели (statesmen)* и *светские кавалеры (gallants)*. В первые годы Реставрации король щедро раздавал земли и титулы своим сторонникам, а с другой стороны, создал двор, который представлял собой «собрание либертенов, денди и интриганов, не имевшее себе подобных в Европе второй половины XVII в.»¹¹⁴ и бывший источником множества скандалов, что вызывало немалую критику в обществе.

Маккензи не видит большой разницы между придворными щеголями, дамскими угодниками и государственными деятелями, поскольку и те, и другие вовлекаются в публичную жизнь, преследуя какую-то корыстную цель. Но интересна не сама по себе критика стремления к богатству, славе, титулам, возможности управлять другими, получать удовольствия и т.п., а то значение, которое он придает им и, соответственно, публичной жизни.

Как отмечает Кристиан Морер, Маккензи представлял собой исключение в шотландской этической мысли XVII столетия, которая развивалась почти исключительно в академической среде и была тесным образом связана с протестантской религиозной культурой и традициями аристотелизма¹¹⁵. Маккензи «защищал

¹¹² Ibid. P. 96.

¹¹³ В начале 1661 г. Маккензи выступал в качестве защитника на крупнейшем в Шотландии эпохи Реставрации политическом процессе против Арчибальда Кэмпбелла маркиза Аргайла, обвиненного в государственной измене, соучастии в казни короля Карла I и сотрудничестве с Оливером Кромвелем. Аргайл был фактическим правителем Шотландии в период Ковенанта и в 1642 г. выступил на стороне парламента. Первые два обвинения были сняты, но по последнему он был приговорен к смертной казни и обезглавлен в мае того же года.

¹¹⁴ De Krey G.S. Restoration and Revolution in Britain. A political History of the Era of Charles II and the Glorious Revolution. Basingstoke, 2007. P. 58.

¹¹⁵ Maurer Ch. Human Nature, the Passions, and the Fall. Themes from Seventeenth-Century Scottish Moral Philosophy // Scottish Philosophy in the Seventeenth Century / Ed. by A. Broadie. Oxford, 2020. P. 179.

в печатных текстах версию [неостоицизма – А.С.], которую правильно было бы назвать “христианским стоицизмом”¹¹⁶, polemизируя с доктринальной протестантской этикой, отстаивавшей идею полной зависимости человека от божественной милости. Он полагал, что человек может быть добродетелен сам по себе, поскольку добродетель согласуется с человеческой природой, и потому праведный образ жизни приносит удовольствие и удовлетворение, грех же есть отклонение от природы, требующее дополнительных усилий и делающее человека несчастным.

Два года спустя, в другом моральном эссе Маккензи писал: «*Природа* (англ. nature) стремится к тому, чтобы всякая вещь осуществилась в соответствующих ей пропорциях и удовлетворила справедливые *желания* (англ. desires)», соответственно грех связан с нарушением этой гармонии – избытком или недостатком, непропорциональностью в человеческих действиях, желаниях, чувствах и мыслях¹¹⁷. Морер отмечал, что из стоицизма Маккензи заимствовал несколько важных идей, в частности «различение между истинным внутренним благом, добродетелью и подлинной честью, с одной стороны, и суетными внешними вещами, такими как слава, власть и богатство, с другой, подчеркивая необходимость контролировать наши представления или “фантазии” о вещах»¹¹⁸. С идеей греховной чрезмерности, потакания желанию величия, власти и т.п. Маккензи связывал разные проявления публичной деятельности. Если этот трактат посвящен придворным и политикам, то выпущенный двумя годами ранее сборник «Religio Stoici» вышел с «дружеским обращением стоика к фанатикам всех сект и видов». Его описание фанатиков и придворных очень схоже – и те, и другие руководствуются «неестественным рвением» и суетным тщеславием. Одни стремятся к земной власти, другие обладают «тщеславием такой силы, что мечтают обрести место на Небесах прямо под правой и левой дланями Христа»¹¹⁹, но и те, и другие не прино-

¹¹⁶ Ibid. P. 185. В 1663 г. Маккензи выпустил сборник эссе под общим названием «Religio Stoici», и все последующие его моральные эссе были отмечены влиянием стоицизма, особенно опубликованный в 1667 г. «Моральный парадокс, доказывающий, что быть добродетельным гораздо легче, чем порочным и утешение против клеветников».

¹¹⁷ Mackenzie G. A moral paradox maintaining, that it is much easier to be virtuous then vitious // Mackenzie G. Essays... P. 248.

¹¹⁸ Maurer Ch. Human Nature, the Passions, and the Fall... P. 186.

¹¹⁹ Mackenzie G. Religio Stoici // Mackenzie G. Essays... [N.P.]

сят и не получают ничего, кроме страданий. Публичная жизнь эпохи Реставрации видится ему основанной на тех же принципах, что и фанатизм предшествующих лет. Сообразуясь с представлениями о слабости человека, Маккензи утверждал, что лучше и легче всего поддерживать естественный (добродетельный, умеренный и гармоничный, а значит наиболее соответствующий божественному замыслу) и потому счастливый образ жизни в уединении и близости к природе, где человеческие желания подвержены меньшему количеству соблазнов, и, напротив – «нет такого, греха, который можно совершить в уединении, которому публичный человек ни был бы подвержен в еще большей степени»¹²⁰. Марен-Софи Рествиг в своем исследовании, посвященном образу счастливого человека в XVII–XVIII вв., обращала внимание на то, что подобные идеи Маккензи, ассоциирующие счастливую и добродетельную жизнь с естественным состоянием человека и с существованием в гармонии с природой, «сформировали основу многих мыслей восемнадцатого столетия»¹²¹.

Центральной фигурой, вокруг которой выстраиваются рассуждения шотландского моралиста, является «счастливый человек» (англ. happy man). Речь идет не просто о том, что уединение дает человеку покой, свободу и достоинство, в отличие от городской суеты, что, как отмечал Бэкон, являлось уже довольно избитой темой¹²², но именно о счастье, удовольствиях, которые может дать только жизнь в уединении на лоне природы. Обоснование этой идеи, которое приводит Маккензи, связано с крайне популярной в XVII в. проблематикой *страстей* (англ. passions).

Кристофер Тилмауф связывал трансформацию субъективности в культуре раннего Нового времени с изменением отношения к аффектам. Постепенный переход от идеи страстей как навязанного со стороны душевного переживания, к эмоциям – ее активным движениям он расценивает как показатель фундаментального сдвига в отношении человека к миру, поскольку «за поворотом аффективности от пассивного страдания к активному излиянию стоит усиливающееся ощущение свободы действия индивида»¹²³.

¹²⁰ Mackenzie G. A moral essay... P. 108.

¹²¹ Røstvig M.-S. The Happy Man: Studies in the metamorphoses of a classical ideal. Oslo, 1958. Vol. 2. 1700–1760. P. 46.

¹²² Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Соч. В 2 т. М., 1977. С. 97.

¹²³ Tilmouth Ch. Passions and Intersubjectivity in Early Modern Literature. Basingstoke, 2015. P. 31.

С этим изменением он связывает и нарастающий протест против идей стоицизма о том, что переживания являются ложной формой сознания¹²⁴. Обращение Маккензи к стоицизму оказывается очень любопытным в этом контексте, поскольку он использует стоическую идею счастья как самообладания и познания мира как самопознания. Однако, как показывает исследование Сьюзан Джеймс, очень сложно отделить новаторские идеи Декарта (с ними был знаком Маккензи) и других мыслителей от идей стоицизма о познании как обретении целостности. Именно они, в сочетании с христианскими, приведут к появлению деизма¹²⁵. Одним из основных новшеств, привнесенных Декартом и последующими философами, является переосмысление проблемы активного разума и пассивных страстей, которое приводит к пониманию желания как стремления к самосохранению и власти, т.е. основополагающего естественного стремления человека¹²⁶. И эти взгляды становятся основой как идеала активного познающего субъекта, так и новых концепций общества у Гоббса, Локка и их последователей.

Маккензи основывает идею счастья на представлениях о том, как человек взаимодействует с окружающим миром, полагая удовольствие (*pleasure*) результатом работы воображения и, соответственно, души. Источником удовольствия могут быть чувственные ощущения от внешнего мира, но человек способен и сам давать пищу воображению, через размышления и созерцание, тем самым самостоятельно генерируя удовольствие. Оно является более сильным, поскольку «воздействует на душу самым непосредственным образом», тогда как «чувственные удовольствия и те, что порождаются внешними объектами» теряют значительную часть своей силы, пока добираются до души¹²⁷, и к тому же нейтрализуются страданиями, неприятными ощущениями, также получаемыми через чувственное воздействие.

Этими двумя состояниями и определяется различие между счастливой жизнью в уединении и куда менее приятным публичным существованием. Он говорит о том, что чувственные ощущения хороши как средство познания, когда они дополняются размышлениями и созерцанием, которые и дают человеку власть над воздействующим на него миром, который помимо

¹²⁴ Ibid. P. 24.

¹²⁵ James S. *Passion and Action. The Emotions in Seventeenth-Century Philosophy*. Oxford, 1997. P. 242.

¹²⁶ Ibid. P. 271.

¹²⁷ Mackenzie G. *A moral essay...* P. 135.

удовольствий доставляет массу неприятностей, делающими человека несчастным и зависимым. Метафора, которую он использует, хорошо отражает социальные реалии: «Мир – это комедия, в которой каждый имеет отведенную ему провидением роль. И поскольку считается более благородным смотреть ее, чем играть в ней, то я действительно не могу назвать более безопасной ложи, из которой это можно делать, чем уединение»¹²⁸. Любопытным образом созерцательная жизнь оказывается более свободной и активной, чем жизнь публичная.

В соответствии с этими идеями, критика публичной жизни строится на трех основных аргументах. Во-первых, публичная жизнь предоставляет множество чувственных соблазнов, которые поглощают все внимание человека, заставляют воображение перескакивать с одной фантазии на другую, и в конечном счете человек стремится удовлетворить одну страсть за другой, не получая от этого удовольствия. В результате даже желание власти оказывается не основной движущей человеком силой, но лишь одной из множества страстей: «...Мы находим удовлетворение чести и амбиций уступающим даже низменным удовольствиям и таким, в которых нет другой приятности, кроме той, что происходит из развращенности наших чувств... Разве светский повеса или даже государственный деятель, влюбленный в свою любовницу, а порой и шлюху, или испытывающий неутолимую жажду к вину и общению, не предпочитает само удовлетворение этих страстей любым преимуществам и удовольствиям, которые они могут принести? А это свидетельствует о том, что желание управлять по своей природе не самое сильное; по крайней мере, у нашего воображения могут быть другие объекты, менее опасные и столь же приятные, которые будут его восхищать»¹²⁹. Это ведет к той самой избыточности, чрезмерности, которая ассоциируется с неестественным греховным состоянием: «Еда не доставляет удовольствия, если ты не голоден. И нам, несомненно было бы лучше даже вовсе не испытывать голода, чем есть без остановки, в ожидании, что он наступит. Именно этому способствует роскошный стол и стремление к еще лучшей должности, и любые помехи умаляют уже достигнутое. Я убежден, что те, кто находятся в таком рабском подчинении, испытывают больше неудобств, добываясь представившейся возможности, чем частный

¹²⁸ Ibid. P. 138–139.

¹²⁹ Ibid. P. 136.

человек, изголодавшийся по хлебу, ибо они ради своей цели становятся нелюбезными с друзьями, обманывают своих близких, изменяют любовницам, обрекают себя на сплетни и тысячи других неприятностей, с которыми не столкнулись бы, если бы отказались от самых больших своих притязаний, от которых обычный человек только страдает. Но даже если они достигли своей цели, что это приносит кроме болезни, зависти, мук совести и упреков со стороны?»¹³⁰. Что не менее важно, люди, поглощенные чрезмерными страстями, не несут ничего хорошего окружающим, ибо готовы пойти на любые меры – войны, убийства, предательства – ради удовлетворения своих амбиций.

Соответственно, во-вторых, погоня за удовольствиями, определяющая публичную жизнь, приносит человеку больше негативных ощущений, а также массу забот и неудобств, поскольку человек максимально открыт внешним воздействиям. Одним из основных недостатков публичной жизни, рассмотренной в таком ключе, Маккензи считает то, что вне зависимости о того, будет ли человек успешен в своей карьере или нет, она все равно не принесет ему удовлетворения: «...публичные люди могут получить те плоды, на которые они нацеливались, и в этом случае существует масса способов сделать их несчастными, поскольку исчезновение хотя бы одного из этого множества удовольствий лишает их всего удовлетворения и возможности наслаждаться оставшимися, а вот путей обрести счастье очень не много, ибо мало что можно добавить к тому, чем они уже владеют. Или же они могут не достигнуть того, к чему стремились, и тогда они сильнее раздражаются и страдают от большего беспокойства, чем самый простой слуга, которым они помыкают, и подобно герою притчи, больше сокрушаются об одной потерянной овце, чем о девяти оставшихся»¹³¹.

К тому же, публичная жизнь предъявляет к человеку массу требований: необходимо всеми способами демонстрировать свой успех, поэтому вместо того, чтобы есть простую, сытную и вкусную еду, приходится нанимать поваров, чья пища «вгоняет желудок в тяжесть, а порождаемые ею газы изгоняют из головы все светлые мысли, чтобы дать место туману»¹³², а вместо комфортной одежды, которую ты выбираешь сообразно своему вкусу,

¹³⁰ Ibid. P. 143.

¹³¹ Mackenzie G. A moral essay... P. 100–101.

¹³² Ibid. P. 146.

приходится носить то, что считается модным, но доставляет массу неудобств¹³³. Человек может мечтать о богатстве, но ему придется тратить гораздо больше денег на то, чтобы его демонстрировать, у возжелавших славы всегда найдутся хулители, которые будут ее чернить и которых нужно задабривать, тот, кто хотел вести осмысленные разговоры с приятным собеседником, будет вынужден без конца болтать о пустяках со всеми подряд и т.п.

С этим связан и третий, пожалуй, самый важный недостаток публичной жизни – потеря свободы, того, что мы могли бы назвать субъектностью. Человек, занимающий ту или иную должность, оказывается вовлечен в сеть обязательств, которые не позволяют ему поступать по собственному усмотрению, в соответствии со своими принципами, взглядами и целями. Ему приходится жертвовать одними интересами ради других, предавать друзей и продвигать врагов, говорить не то, что он думает и т.п. Маккензи подробно расписывает отношения публичной персоны с теми, кто равен ему по положению, выше и ниже его, демонстрируя, что вне зависимости от успешности своей карьеры такой человек всегда вынужден постоянно беспокоиться о поддержании социальных связей, о своей репутации, о том, как лавировать между людьми, которые недолюбливают друг друга, о том, что кто-то другой преуспел больше и так далее, но результат этих усилий, как правило, оказывается неудовлетворительным, как для самого человека, так и для его окружения. Он относит желание управлять людьми к стремлению получить свободу, стать независимым от других и обрести полную власть над самим собой и последовательно демонстрирует, что это стремление, свойственное человечеству, невозможно реализовать через публичную карьеру и обретение максимально возможной полноты власти: «разве французского короля не волнует, что он не в силах управлять Великим Господом, так же сильно, как французского придворного то, что он ниже своего монарха?»¹³⁴.

Текст Маккензи поднимает ключевую проблему для эпохи модерности, проблему независимого субъекта. Его критика публичной жизни и стремления современников к тому, чтобы включаться в эту жизнь, коррелирует с идеями современных исследователей об особенностях субъектности раннего Нового времени. После М. Фуко и С. Гринблатта, выдвинувших тезис о том, что

¹³³ Ibid. P. 145.

¹³⁴ Ibid. P. 129.

она формировалась извне и была способом адаптации к изменившимся внешним обстоятельствам, историки стали говорить об интерсубъективности раннего Нового времени. Как отмечала Нэнси Селлек, люди XVI века при всех различиях в их взглядах «разделяли склонность искать свою индивидуальность (selfhood) за пределами субъективного опыта, в опыте другого»¹³⁵, в силу чего индивидуальность носила своего рода интерперсональный характер. Речь идет уже не об абстрактных внешних силах, но о значимости взгляда другого человека, взгляда со стороны для самоопределения и формирования собственной идентичности, что очень наглядно проявляется в развитии такого понятия как репутация. В этом смысле *Я* человека раннего Нового времени мыслится как сформированное извне, в отличие от более поздней современной субъективности, источником которой принято считать «внутренний» опыт. Однако позднее исследователи стали отказываться от этого противопоставления, делая акцент на том, как одна модель идентичности вырастала из другой. В частности, Тилмауф отмечал, что рассуждения Селлек вовсе не предполагают, что самоощущение человека не имеет значения для его идентичности, но оно обретает ценность при соотнесении с взглядом другого, а значит «идентичность человека раннего Нового времени лучше всего понимать как результат диалога между интерсубъективностью и этой действующей изнутри силой»¹³⁶.

В этом отношении критика публичной жизни, предлагаемая Маккензи, оказывается очень интересной, поскольку с публичной жизнью он связывает такое состояние человека, когда он стремится быть сам себе хозяином, но при этом его самоощущение и его счастье зависит от отношений с другими людьми. Основная идея противопоставления публичной жизни и уединения, заключается в том, что у человека гораздо больше возможностей быть самим собой, если он ведет уединенный образ жизни сельского джентльмена: «И я полагаю, что тот самый импульс, который возбуждает в людях *желание* величия, с тем, чтобы они могли быть *господами* (masters), должен, в согласии с разумом вести их к уединению, ибо тогда они могут освободиться от этих необходимостей и не подчиняться никому, кроме *Бога и природы*

¹³⁵ Selleck N. The Interpersonal Idiom in Shakespeare, Donne, and Early Modern Culture. Basingstoke, 2008. P. 1–2.

¹³⁶ Tilmouth Ch. Passions and Intersubjectivity in Early Modern Literature // Passions and Subjectivity in Early Modern Culture. Farnham, 2013. P. 22.

– *господам*, которые велют нам делать только то, что мы и сами сочли бы подходящим для себя, если бы не подчинялись им»¹³⁷.

Маккензи заходит настолько далеко, насколько это было возможно в рамках протестантской этики в формулировании идеи независимого субъекта, оставляя только те ограничения, которые обусловлены двойственной – земной и божественной – природой человека. Подчинение, которое характеризует существование в публичной придворной культуре, определяется им, как мы видели, не столько тем, что нужно будет выполнять повеления других людей, что кто-то будет иметь над ними власть, сколько тем, что человек потеряет власть над самим собой – его поведением будут управлять страсти, вызванные чувственными ощущениями, внешние обстоятельства и желания других людей, он будет заниматься постоянным самопринуждением делать и изображать из себя человека, которым не является, но который может снискать одобрение, ограничивать себя в своих желаниях и т.п. В результате Маккензи заключает, что «*служба (employment) и безумие* находятся в очень тесном союзе, и если второе является болезнью, то и первая должна считаться таковой»¹³⁸. По его мнению, это касается не только политиков, которые исполняют волю монарха, но и придворных, светских кавалеров и всех публичных персон, которые делают своей целью обрести определенную репутацию в глазах других. В конечном счете, Маккензи рисует уединение (которое одновременно является частной жизнью в противовес публичной и жизнью на лоне природы в противовес существованию в грязном, тесном, вонючем городе, жизнью интеллектуальной в противовес чувственной) как счастливое, полное удовольствий существование самодостаточного человека, который имеет контроль над своей жизнью, насколько это вообще возможно, и занимает активную и позитивную позицию по отношению к миру. Ограничение чувственных удовольствий порожденными окружающей природой и наводящими на размышления, способствует тому, что «уединение имеет преимущества перед своим оппонентом, ибо здесь воображение имеет большую свободу и менее сдержано в странствиях, чем, когда оно ограничено узостью чувственных ощущений, через дверь которых не может войти ничего большого и величественного»¹³⁹.

¹³⁷ Mackenzie G. A moral essay... P. 106.

¹³⁸ Ibidem.

¹³⁹ Ibid. P. 138.

Маккензи рисует идиллическую жизнь сельского джентльмена, который занимается рыбалкой, любит небосвод, изучает бабочек и растения и получает наслаждение гораздо более сильное, поскольку созерцание и размышление имеют большую власть над воображением, чем чувственные ощущения: «Созерцание доводит души до экстаза и так очаровывает, что правильнее будет сказать, что оно не просто нравится, но приводит в восхищение»¹⁴⁰.

Эта же избирательность и умеренность касается и других аспектов счастливого состояния, поскольку человек ограничивает круг своего общения и тем самым избавляется от всех описанных выше проблем. В контексте противопоставления публичной жизни и уединения известная метафора чтения как общения с авторами также становится у Маккензи инструментом для противопоставления публичной светской и уединенной частной жизни. В первой человек вынужден общаться даже с теми, кто ему неприятен и вести беседы на неинтересные, ничего не значащие темы ради низменных и по большому счету деструктивных целей, во второй, благодаря чтению можно общаться только с лучшими умами и выбирать предмет беседы по своему усмотрению, сосредотачиваясь на возвышенных и прекрасных вещах.

В рассуждениях шотландского моралиста можно увидеть нарождающуюся в культуре раннего Нового времени фигуру наблюдателя и новые черты субъекта. Независимость, автономность по отношению к другим людям и внешнему миру оказывается тесным образом связана с идеей познания, что было свойственно формирующемуся научному дискурсу. Показательно, что Маккензи, далекий от естественнонаучных штудий, соединяет, как и его старший современник Томас Гоббс и многие другие авторы второй половины XVII в., идеи, родившиеся в контексте обсуждения вопросов познания с видением устройства общества и норм светского общения. Не менее любопытно, что Джон Ивлин, имеющий прямое отношение к науке, будучи одним из основателей Лондонского королевского общества, выступает с критикой не столько уединенной жизни самой по себе, сколько этого видения человека.

Ивлин, опубликовавший свой ответ около двух лет спустя, очень точно ухватил, что в основе выстраиваемой Маккензи оппозиции между публичной и уединенной жизнью лежит индиви-

¹⁴⁰ Ibid. P. 135.

дуалистический взгляд на человека как на некоторую самооценную единицу. Он выстраивает свой текст как полемический ответ, почти зеркально отражающий основные идеи оппонента, что подчеркивается названием его сочинения и заявленной в обращении к читателю целью – воздать должное публичному служению¹⁴¹. Однако за этой нарочитой оппозицией в действительности скрывается несколько другой посыл: уединенная жизнь вовсе не плоха, она очень приятна («Кто бы не возжелал такого уединения, которое он описывает?»¹⁴²), но Маккензи придает ей неверное значение. Ивлин оценивает человека с принципиально другой позиции – как члена общества, который не может существовать изолированно и, значит, устранившись от публичной жизни и от своих обязанностей члена общества, он ведет себя эгоистично и идет против *Бога и природы*:

«Он ошибается не меньше касательно ее [уединенной жизни] предпочтительности перед публичными делами с точки зрения *достоинства* (англ. dignity), ибо заботиться о благополучии столь многих сообществ бесконечно более благородно, чем думать только о себе. И, если следовать его логике, *quod effecit tale, est magis tale*¹⁴³, наиболее счастливыми должны считаться те, кто делает таковыми других, если мы принимаем во внимание *Бога и природу*: разве мог бы *счастливый человек* оставаться в этом желанном состоянии, если бы другие люди не жили бы *активной жизнью* (англ. active life) для того, чтобы защищать его от грабежей, кормить и обеспечивать хлебом, одеждой и удовлетворять его пристойные потребности?»¹⁴⁴.

Позиция, озвученная Ивлином, – о том, что общество является своеобразным единым телом, для успешного функционирования которого необходимо слаженное участие всех, не оригинальна, как и идеи Маккензи, но она также обрела новое значение в культуре раннего Нового времени. Пожалуй, самым известным свидетельством таких переинтерпретаций был «Левиафан» Гоббса (широко обсуждавшийся в 1660-е гг. и знакомый Ивлину), который как раз предлагал переосмысление давней метафоры в контексте новых достижений науки и философии¹⁴⁵.

¹⁴¹ Evelyn J. Publick employment and an active life...

¹⁴² Ibid. P. 10.

¹⁴³ То, что производит это, есть больше этого (лат).

¹⁴⁴ Evelyn J. Publick employment and an active life... P. 13.

¹⁴⁵ Как отмечал Майкл Шонфельд, «впитав и понимание Декартом тела как машины, и открытое Гарвеем кровообращение, Гоббс переписывает идею политического тела в терминах новой науки». См.: Shoenfeldt M. Reading bodies // Reading, Society and Politics in Early Modern England / Ed. by K. Sharp and S. Zwicker. Cambridge, 2003. P. 228.

Связь моралистических суждений с наукой XVI–XVII вв. и определяемым ею новым видением мира, характерная для Гоббса, еще более заметна в рассуждениях Ивлина. Он опирается на ключевые в новой, особенно ньютоновской, науке понятия *движения* (motion) и *действия* (action), видя в них естественные принципы мироздания. *Бог* рассматривается им как чистое *действие*, ибо он является творцом: он не просто помыслил мир, но сотворил его «и тем самым, равно как и беспрестанным *движением* планет и вращением небесных тел показал, что для того, чтобы уподобиться ему (что является вершиной блаженства) мы постоянно должны *действовать*, ничто более этого не может соответствовать его *природе*»¹⁴⁶. Различие помысленного и претворенного в жизнь и определяет его интерпретацию созерцательной и деятельностной жизни и, соответственно, уединения и публичной жизни.

В понимании Ивлина, уединение, каким описывает его Маккензи, это, действительно, приятный и беззаботный образ жизни, который хорош в качестве временного отдыха, но такая жизнь является противоестественной в силу ее пассивности. Рассуждения Ивлина перекликаются с социально-политическими идеями, которые получают развитие в культуре второй половины XVII – XVIII в. и теснейшим образом связаны с формирующейся культурой Просвещения. Он делает своим идеалом не самодостаточного свободного индивида, но ответственного и активного члена общества, осознающего, что его деятельность имеет значение для многих людей и для государства в целом. Политическим контекстом, в котором становится значимой подобная позиция, опять же выступает период революции и Реставрации: «...в то время как наши государи оказались приговорены к топору, а наши герои к веревке, мы можем наблюдать, как люди более скромной судьбы и частного положения, *любители уединения*¹⁴⁷ (сокрушающиеся о любой незначительной потере) продают (prostitute) свою честь и совесть ради того, чтобы сохранить или восполнить то, что боятся потерять»¹⁴⁸. Ивлин, знавший, но недолго любивший сочинение Гоббса, и впоследствии с большим увлечением читавший Локка, изображает современное общество как результат активного взаимодействия его членов, которое и осуществляется в публичной сфере. Он характеризовал его как «собрание людей, регулируемое

¹⁴⁶ Evelyn J. Publick employment... P. 4.

¹⁴⁷ Здесь и далее – курсив автора по изданию 1667 г.

¹⁴⁸ Evelyn J. Publick employment... P. 27–28.

активными законами, поддерживаемое коммерцией, дисциплинированное добродетелью и развиваемое искусствами, которое действительно впало бы в неразбериху и разобщение без постоянной заботы и публичного попечения»¹⁴⁹.

Ставя в оппозицию целостной независимой личности идею ответственного гражданина и члена общества, Ивлин иначе определяет и публичную, и частную / уединенную жизнь. И Маккензи, и Ивлин, говоря о сфере публичного, делают акцент на двух основных значениях слова *public*: публичный как общий, принадлежащий всем, и публичный как открытый и просматриваемый. У Маккензи они очень сильно взаимосвязаны, поскольку в его представлении публичная жизнь связана с двором и теми должностями, которые дают доступ к королю, т.е. теми, что ассоциируются с «величием». Публичный человек – это тот, кто принадлежит всем (в силу обязательств, необходимости быть на виду, зависимости от остальных), но не самому себе. Для Ивлино публичный человек – тот, кто занят публичными, т.е. затрагивающими интересы многих, *общими делами*. Таким образом, в согласии с последующими рассуждениями Ханны Арендт о том, что «Новое время в семнадцатом веке начало с теоретического возвеличивания труда»¹⁵⁰, труд делает человека, приносящего пользу, более ценным членом общества, чем бездельник, даже если он имеет более высокое социальное положение: «Что вы думаете о пахарях и изобретателях? Разве тот, кто занимается умственным трудом, сотворяя новые искусства и производя так много полезных вещей для человеческого сообщества, не является противоположностью нашему джентльмену, предающемуся соколиной и псовой охоте, который рано встает и прилагает столько усилий ради столь ничтожной цели?»¹⁵¹. Ивлин упоминает в своем эссе труд (*labour*) всех сословий как публично значимый, развивая в новом контексте традиционные представления об обществе, в котором каждая социальная группа выполняет общепользную функцию. В заключении он восклицает: «Посему давайте же будем прославлять публичную деятельность и активную жизнь, которые позволяют нам приближаться к добродетели (*virtue*), определяют и обеспечивают наше существование, поддерживают общество, хранят мир в королевствах, которые открыли новые ми-

¹⁴⁹ Ibid. P. 14.

¹⁵⁰ Арендт Х. *Vita activa, или о деятельности жизни*. СПб., 2000. С. 11.

¹⁵¹ Evelyn J. *Publick employment...* P. 13–14.

ры и засеяли словом Божьим, которые увеличивают знания, возделывают искусства, несут облегчение страждущим и, в целом, без которых само мироздание по сей день пребывало бы в состоянии грубого непреобразованного хаоса (chaos)»¹⁵².

Идея о том, что активная деятельность позволяет не просто создавать и поддерживать существование, но преобразовывать из грубого, невозделанного состояния в нечто прекрасное, очень важна для Ивлина. Он особо выделяет тот тип труда, который имеет целью не комфортное существование в настоящем (как физический труд), но совершенствование общества. К этим видам деятельности относится вся интеллектуальная культура и искусства, которые помогают совершенствоваться (improve) человеку и всему обществу (рассуждения Ивлина прекрасно показывают тот интеллектуальный контекст, в котором формировались идеи Локка об образовании и воспитании как механизме трансформации общества), а также все аспекты, связанные с налаживанием «цивилизованного» общения. Как отмечал Кейт Томас, начиная с елизаветинского периода, в Англии все чаще рассуждали о позитивном влиянии торговли как механизме коммуникации, преобразовывающем мир в дружеское сообщество, а в период Реставрации «...Томас Спрат, Джон Ивлин и другие высказывались о том, каким образом торговля и производство способствовали распространению вежливости и утонченности, ведя людей от варварства к цивилизованности»¹⁵³. Как уже упоминалось выше, понимание светской жизни было тесно связано с идеей цивилизации. Ивлин противопоставляет изолированные («одинокие») *варварские* (barbarous) народы современным колониям, которые привносят коммерцию – общение и торговлю – и *цивилизацию* (civility)¹⁵⁴.

Если Маккензи интерпретирует светскую жизнь через идею чувственных соблазнов и страстей, то Ивлин – через идею общения как фактора развития общества, как процесса цивилизации, понимаемого и как интеллектуально-технические достижения и как развитие форм и норм любезного и вежливого общения. Занятия, которым предается человек, удалившийся от общества «не лучше, чем занятия животного, разве что он больше думает и меньше двигается и, по собственному разумению, он не может быть мудрым и счастливым, не будучи при этом угрюмым и не-

¹⁵² Ibid. P. 115.

¹⁵³ Thomas K. The Ends of Life. Roads to Fulfilment in Early Modern England. Oxford, 2009. P. 145.

¹⁵⁴ Evelyn J. Publick employment... P. 116.

любезным (uncivil)»¹⁵⁵. Посему все формы светской жизни, и особенно светские беседы, которым Ивлин, вслед за своим оппонентом, посвящает целый раздел, рассматриваются им как инструмент развития цивилизованного светского общества. Но среди видов публичной деятельности он уделяет особое внимание науке – как полезной и соответствующей положению джентльмена.

Для Ивлиина позиция в отношении науки как публично полезной и социально престижной сферы деятельности, возможно, была одной из наиболее важных в его полемике с Маккензи, поскольку была тесно связана с идеями Лондонского королевского общества, которые он отстаивал. Как показывают современные исследования по истории культуры любопытства, в Англии раннего Нового времени происходили существенные трансформации в его понимании, главным образом как раз под влиянием Общества. Барбара Бенедикт отмечала, что культурная ситуация конца XVI – начала XVII в. способствовала тому, что любопытство открыло новые возможности, которые раньше находились под запретом, благодаря чему стала формироваться новая модель идентичности, в которой знание было источником индивидуальной власти и удовольствия, посему «эгоистичность» любопытства оставалась больной темой раннего Нового времени¹⁵⁶. Изучение природы, коллекционирование расценивались как проявления такого частного удовольствия, которое давало человеку удовлетворение и самодостаточность, но рассматривалось скорее как невинная забава, тесно связанная с чувственным зрительным удовольствием разглядывания и удивлением. Это служило одним из поводов для дискуссий, в рамках которых любопытство «осуждалось за то, что оно ставит частное удовольствие выше общественного блага и высмеивалась мода заменять производство удовольствием»¹⁵⁷. Они во многом были связаны с деятельностью Лондонского королевского общества, которое в пике критикам стремилось преподнести науку как достойное джентльмена и одновременно полезное публичное занятие, одновременно прилагая усилия для того, чтобы установить исследовательские нормы, которые действительно позволили бы сделать разглядывание природных диковинок полезным для общества

¹⁵⁵ Ibid. P. 113.

¹⁵⁶ Benedict B.M. Curiosity: A Cultural History of Early Modern Inquiry. Chicago, 2001. P. 8.

¹⁵⁷ Benedict B.M. Curiosity: A Cultural History... P. 83.

занятием. Учитывая критику, которой подвергалась деятельность Общества, реакция Ивлиина на текст Маккензи не удивительна, ибо хоть тот и описывал исследовательскую деятельность весьма положительно, но связывал ее с одиночеством, самодостаточностью и частным удовольствием. Принимая во внимание вовлеченность Ивлиина в деятельность Общества, можно даже предположить, что именно эта довольно болезненная для новой науки тема и сподвигла его написать критический ответ, не случайно он упоминает Общество уже на первых страницах текста.

Полемизирует Ивлиин не только с Маккензи, но и с критиками Общества. Значительная часть его текста посвящена обоснованию того, «насколько полноправна философия как публичная деятельность»¹⁵⁸. Философия понимается им широко, он последовательно отстаивает идею публичной значимости знания в целом и, соответственно, людей, которые его производят. Включенность знания в публично значимые виды деятельности рассматривается им в двух аспектах. Во-первых, знание – это то, что движет мир вперед от варварства к цивилизации, во-вторых, оно может быть такой движущей силой, только если знание публично и включено в механизмы общения, через которые развивается и распространяется¹⁵⁹.

Как отмечали многие исследователи, та модель полезного и социально включенного знания, которую отстаивало Лондонское королевское общество, имело большое значение для развития национального сознания. Как утверждает Барбара Бенедикт, деятельность Лондонского королевского общества, связанная с активным изучением мира, способствовала тому, что, начиная с последней трети XVII в., «собираение объектов иной культуры и природы и их упорядочивание ради зрительского анализа и удовольствия превращается в своеобразный общebritанский проект. Соответственно, их созерцание становилось актом приобщения к британской идентичности»¹⁶⁰. Но, что не менее важно, формирование публичного знания, которое вырабатывалось в процессе общения посредством переписки, публичных дискуссий и печат-

¹⁵⁸ Evelyn J. Publick employment... P. 99.

¹⁵⁹ «Поверьте, сударь, мудрейшие люди получают не в комнатах и кабинетах, загроможденных полками, но благодаря постоянному и живому общению». См.: *Ibid.* P. 77.

¹⁶⁰ Benedict B. Spectating Science in the Early Modern Collection // *Travel Narratives, the New Science, and Literary Discourse, 1569–1750* / Ed. by J.A. Hayden. Farnham, 2012. P. 208.

ных книг и было открыто для публики, играло, как прекрасно показала Элизабет Йейл «ключевую роль в закреплении “воображаемого сообщества” в национальном масштабе»¹⁶¹. В то же время, как видно из рассуждений Ивлина, эта модель знания способствовала распространению представлений о публичной сфере как пространстве, в котором происходит преобразование общества и его продвижение вперед в рамках процесса цивилизации.

Все это отнюдь не означает, что жизнь в уединении получает безоговорочное осуждение со стороны Ивлина, хотя он и критикует идиллическое ее описание у Маккензи: «Поскольку он заявляет, что в его уединении нет подобных соблазнов, там гораздо меньше и испытаний для его добродетели. Это скорее *избегание* (англ. *privation*) зла, чем действительная привычка к добру. Безусловно, в деревне нет той восхитительной простоты, на которую он претендует, и люди не всегда ведут себя с такой честностью (*integrity*)»¹⁶². Публичная же сфера видится пространством воспитания добродетелей в силу тех самых факторов, которые ругал Маккензи, – наличия соблазнов и необходимости подлаживаться под интересы других людей.

Ивлин характеризует ту созерцательную сельскую уединенную жизнь, которую описывает Маккензи, как состояние депривации – человек, говоря актуальным языком, самоизолируется и, ограждая себя от зла, одновременно лишает себя и многих значимых сторон жизни и теряет всяческую ценность как член общества. Не случайно он перенаправляет метафоры голода и несвободы («его *счастливый человек* представляется в лучшем случае голодным или закованным в цепи львом, который натворил бы немало бед, если бы имел для этого достаточно свободы и сил, соразмерно своим желаниям»¹⁶³), которые использовал Маккензи к уединенной приватной сфере, опять же вполне в духе рассуждений Ханны Арендт, описывая состояние лишения возможностей. По мнению Ивлина, выключенность из публичной жизни не только делает жизнь бессмысленной и предосудительной с моральной точки зрения, но и не приносит того спокойствия и счастья, к которому стремится Маккензи: «Если бы, как он говорит, те, кто менее всего вмешивается в публичную

¹⁶¹ Yale E. *Sociable Knowledge. Natural History and the Nation in Early Modern Britain*. Philadelphia, 2016. P. 252.

¹⁶² Evelyn J. *Publick employment...* P. 41–42.

¹⁶³ *Ibid.* P. 50.

деятельность, наслаждались наибольшим спокойствием ума, то тогда, несомненно, женщины были бы тишайшими овечками в мире и намного превосходили бы мужчин в умиротворенности и спокойствии, поскольку они редко выходят из своих домов. И все же мы имеем дело с печально известной противоположностью, и этот слабый пол (на который даже ветер не смеет подуть) столь же полон зависти, гнева, беспокойства, ревности и гордости, как и те мужчины, кто более всего вовлечен в публичную жизнь и являются деловыми людьми»¹⁶⁴.

Переопределяя сферу публичной деятельности («не только города и дворы»¹⁶⁵), он иначе характеризует и сферу частного существования. Во-первых, как уже отмечалось выше, сельский джентльмен, предающийся охоте, созерцанию звезд и чтению, вовсе не находится в уединении, как он предпочитает думать. Он живет среди семьи, прислуги, соседей, арендаторов. Мы видим публичных людей, живущих у всех на виду, и потому их страсти подобны молниям, носящимся в воздухе, но «мы не замечаем конфликтов и эмоций, искрящихся в недрах земли: Насколько нетерпимы и несправедливы некоторые ваши сельские джентльмены к своей прислуге? Насколько они притесняют арендаторов? Насколько неестественно ведут себя со своими детьми и нелюбезно (uncivil) с женами?»¹⁶⁶. Такой человек, живет не сам по себе, но полагает, что он свободен от всех обязательств и ведет себя соответственно, тем более что его частная жизнь закрыта от посторонних глаз. Такая позиция – это своего рода демонстративный (а потому публичный) и эгоистический жест. Во-вторых, уединенная сельская жизнь вовсе не подразумевает отсутствия публичной деятельности, во многом все зависит как раз от того, как человек относится к своим обязанностям члена социума, ведь заниматься делами, имеющими публичную значимость, такими как наука или философия, можно и в уединении.

Клэр Престон отмечала, что та интерпретация, которую Ивлин дает описанному Маккензи уединению, «связывает частную жизнь и затворничество с атомизированным хаосом крайней изоляции индивидов, тогда как настоящее уединение, по Ивлину, это полезное дистанцирование мудрецов, занятых серьезными заботами, от легкомысленного большинства, с тем, чтобы вести ак-

¹⁶⁴ Ibid. P. 30.

¹⁶⁵ Ibid. P. 92.

¹⁶⁶ Evelyn J. Publick employment... P. 45.

тивную жизнь, полную энергичного участия в планах, имеющих своей целью совершенствование знания во благо всех»¹⁶⁷. С намеренной изоляцией от общества Ивлин связывает те пороки, которые Маккензи приписывает публичной жизни, – эгоистическое преследование собственных страстей. Ученый у него оказывается одной из публичных фигур, наряду с политиками и проч., а вот фанатики, напротив, оказываются продуктом нарочито уединенного существования, поскольку они не приучили себя к постоянному самоограничению, вследствие чего «...столь многие люди, как кажется, полны самоотречения и больше всех затронуты уединением и благочестивым энтузиазмом, которые презирают почести и публичные обязанности, но при этом не несут ничего, кроме разрухи и разрушений»¹⁶⁸.

Стивен Шейпин в своей знаменитой работе, посвященной категории «правды» в раннее Новое время и ее связи с кодами джентльменского поведения, обратил внимание на тот факт, что Маккензи и Ивлин, защищая две разных характерных для Англии модели поведения джентльмена, оба апеллировали к исследовательской деятельности как к одному из важнейших достоинств отстаиваемого каждым образа жизни, и, более того, «каждый автор стремился обосновать предпочитаемый им образ жизни, приведя в пример одного, и только одного современника, чье поведение придало бы ей авторитетность»¹⁶⁹. В обоих случаях этой фигурой становится Роберт Бойль, и на его примере Шейпин показывает то разнообразие значений, которое связывалось с поведением джентльмена в связи с его научными интересами: статус ученого предполагал уединение, а статус дворянина – активную социальную жизнь. По мнению Шейпина, Бойлю удалось удачно совместить обе эти идентичности¹⁷⁰. И для Ивлиана Бойль является примером того, как можно в уединении оставаться публично значимой персоной.

Более того, такой персоной Ивлин делает и самого Маккензи, используя в качестве аргумента их полемику. Он обращает внимание на очевидное противоречие, что человек, который «столь красноречиво протестует против публичной деятельно-

¹⁶⁷ Preston C. *The Poetics of Scientific Investigation in Seventeenth-Century England*. Oxford, 2015. P. 131.

¹⁶⁸ Evelyn J. *Public employment...* P. 38.

¹⁶⁹ Shapin S. *A Social History of Truth. Civility and Science in Seven-teenth-Century England*. Chicago; L., 1995. P. 189.

¹⁷⁰ Shapin S. *A Social History...* P. 187.

сти, славы, власти, богатства, удовольствия, бесед и прочих вопросов на своем фронтисписе и пытается убедить нас полностью удалиться от активного мира»¹⁷¹, сам публикует книгу на эту тему в погоне за славой. Эндрю Мэттисон, изучавший письменную культуру Ренессанса в контексте корреляций между уединением и безмолвием, отмечал, что Маккензи, видимо, сам ощущал некоторое противоречие между своими рассуждениями и стремлением их опубликовать, поскольку он пытался опередить критику, говоря о том, что любовь и близкое знакомство с объектом любви не притупляют желания прочитать воспеваемые ему хвалы¹⁷². Мэттисон справедливо заключает, что сам текст Маккензи, как и критика Ивлина делают очевидным, что «его основной аудиторией является не его удалившийся от мира покровитель, но вращающиеся в обществе члены читательской публики»¹⁷³. Но и Ивлин также хитрит, порицая Маккензи за суетное стремление к славе и одновременно своими рассуждениями и самим фактом своего публичного ответа делая сочинение Маккензи частью публично существующего полезного знания, а шотландского моралиста и самого себя активными членами общества.

В обращении к читателю Ивлин называет полемику с Маккензи любезной / цивилизованной (*civil*) и невинной войной: «Эта война невинна и я буду очень рад, если благодаря такому *диспуту* и *коротким* рассуждениям в отношении всех [его] *аргументов*, в чем другие языки намного нас превосходят, удастся поупражнять наши умы и улучшить английский стиль»¹⁷⁴. Использование этой метафоры подчеркивает активную позицию обоих участников «военных действий» в публичном пространстве печатной культуры, в отличие от пассивной созерцательности частных размышлений. Но подтверждая тем самым собственную позицию, он подтверждает и правоту Маккензи: публичная жизнь – это жизнь напоказ. Она не просто выставлена на всеобщее рассмотрение, она устроена таким образом, чтобы привлекать внимание. Это делает Маккензи, когда называет воображаемого адресата своих рассуждений Селадором – именем, которое очевидным образом должно было напомнить читателям о Селадоне – герое пасторального французского романа Оноре д'Юрфе «Астрея», очень популярно-

¹⁷¹ Evelyn J. Publick employment... P. 5.

¹⁷² Mackenzie G. A moral essay... P. 95–96.

¹⁷³ Mattison A. Solitude and Speechlessness. Renaissance Writing and Reading in Isolation. Toronto, 2019. P. 134.

¹⁷⁴ Evelyn J. Publick employment... N. p.

го в Англии 1660-х гг., – и привлечь их внимание¹⁷⁵. Это делает и Ивлин, подчеркивавший противостояние с Маккензи и его неправоту, в то время как в «частном» порядке обменивался с ним письмами о взаимном уважении и дружбе¹⁷⁶.

Сам факт того, что Ивлин намеренно преподносит свой ответ как полемический, соответствующий традициям этого жанра, является весьма показательным, поскольку полемика ведется вокруг вопросов морали. Оба автора не имели публичного статуса, позволявшего претендовать на авторитет в области морали, и оба преподносят свои суждения как сугубо частное мнение, хотя оно (в отличие от чуть более поздних текстов английских моралистов) традиционно подкрепляется многочисленными ссылками на древних авторов и примерами из истории. Исследователи, занимающиеся историей моральной философии, связывают этот существенный сдвиг, сделавший возможным частное мнение по вопросам этики и полемику вокруг вопросов морали, с Реформацией, которая «дала старт новой этической позиции, основанной на свободе совести индивида и постоянном наблюдении со стороны как религиозных институций, так и граждан»¹⁷⁷. Помимо прочего, это сделало религиозные и этические вопросы предметом публичного политического обсуждения, а значит и дискуссий, что способствовало формированию представлений об автономности морального субъекта и такой концепции морали, в которой сам субъект является источником морального авторитета. Ключевым моментом в этой истории считается принятие Акта о веротерпимости 1688 г., который сделал моральный закон независящим от религиозных постулатов (конечно же, в определенных рамках)¹⁷⁸, и, соответственно, развитие либерализма.

¹⁷⁵ Маккензи не раз обращался к галантной проблематике в своих моралистических сочинениях. В 1660 г. он опубликовал «Аретина, или серьезный роман» (сейчас известен как первый шотландский роман), используя популярную форму высокого галантно-героического романа в назидательных целях. В 1667 г. вышло его эссе «Нравственная галантность», где он вновь использовал галантную риторику в моралистическом сочинении.

¹⁷⁶ Эти письма опубликованы в работе Э. Ланга и издании писем Ивлины. См.: Lang A. Sir George Mackenzie, king's advocate, of Rosehaugh. P. 74, 78–79; Evelyn J. The Letterbook of John Evelyn / Ed. by D.D.C. Chambers and D. Galbraith. Toronto, 2014. Vol. 1. P. 436, 455.

¹⁷⁷ Caldwell M. Skepticism and Belief in Early Modern England: the Reformation of Moral Value. L., 2016. P. 9.

¹⁷⁸ Darwall S. The British Moralists and the Internal 'Ought', 1640–1740. Cambridge, 1995. P. 8.

Лоуренс Клейн в конце 1990-х гг. отмечал, что существуют очень разные интерпретации того, как соотносятся культура общения (*sociability*) и уединение в культуре раннего Нового времени, определяющиеся пониманием процессов формирования культуры модерности в XVIII столетии. С одной стороны, появление «внутреннего» индивида и развитие романтического индивидуализма считается реакцией на акцентирование общения как интеллектуально и социально значимого феномена, с другой – развитие идеалов «органично» устроенного общества видится ответом на развитие либерального индивидуализма¹⁷⁹. Клейн отмечал, что понимание светской жизни и общения во второй половине XVII в. во многом определялось теми проблемами и социальными беспорядками, которые ассоциировались с энтузиазмом, хотя эти интерпретации и могли быть очень разными¹⁸⁰.

Сформулированные в 1660-е гг. суждения обоих сторонников монархии, Маккензи и Ивлина, о светской культуре Реставрации, проистекали из неприятия религиозно-политического фанатизма, который виделся основополагающей чертой хаоса гражданских войн и революции, понимаемого как следствие эгоистичных устремлений людей, управляемых своими страстями – поведения, которое расценивается ими как неестественное и противное божественному замыслу. Критика эгоизма ведет авторов, как мы видели, к представляющимся противоположными идеалам – счастливого, цельного, самодостаточного человека и ответственного, активного гражданина, которые будут иметь столь большое значение в следующем столетии. Как показывает Ивлин, это противопоставление – надуманное, намеренно усиленное ради воздействия на публику. Не случайно единым ориентиром для них выступает очень значимая для английской культуры XVII в. фигура ученого-исследователя, а научные дискурсы, оказываются ключевыми для обсуждения проблем существования человека в божественном мире. Фигура ученого аккумулирует разные социальные, этические, религиозные, политические значения, и поэтому на некоторое время превращается в эталонную картинку, при помощи которой можно представлять публике разные, но одинаково позитивные образы светского человека.

¹⁷⁹ Klein L.E. *Sociability, Solitude, and Enthusiasm* // *The Huntington Library Quarterly*. 1997. Vol. 60. № 1/2 (*Enthusiasm and Enlightenment in Europe, 1650–1850*). P. 155–156.

¹⁸⁰ Klein L. E. *Sociability, Solitude, and Enthusiasm*... P. 177.

9.3. ПЛУТАРХ ПРИ ДВОРЕ ЦАРЯ «ГРАЖДАНСТВО» СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО И ЛЕГАЛИЗМ В РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ

В начале 1676 г. на российский престол взошел Федор Алексеевич. Одним из важных отличий от предшественников на троне было его образование и – шире – воспитание, данное ему, прежде всего, при участии выходца из западнорусских земель Речи Посполитой, православного монаха Симеона Полоцкого (1629–1680), известного также своей литературной деятельностью при царском дворе. Как отмечает ведущий специалист по творчеству Симеона Полоцкого Л.И. Сазонова, «благодаря незаурядному таланту, прекрасной для восточных славян образованности и огромному трудолюбию Симеон Полоцкий стал первым московским просветителем европейского типа. Он принес в русскую культуру многие небывалые в ней ранее явления и по сути, и по форме, и по масштабу. Идеологические и художественные новации, введенные им, а также другими выходцами из бывших окраин Речи Посполитой – представителями украинской и белорусской интеллигенции, устремившимися в середине века в свою новую столицу, можно определить как вторжение в национально замкнутую жизнь русского общества европейской постренессанской культуры»¹⁸¹. Такое вторжение европейских новаций коснулось и политических идей, и этому более чем способствовало положение Симеона Полоцкого как воспитателя наследника престола, который, настроенный благосклонно к своему учителю, затем стал царем. Для интеллектуала, жившего в эпоху перемен, Симеон Полоцкий оказался в весьма благоприятных условиях, открывавших новые возможности для распространения в пространстве двора новационных представлений о политике.

Еще в 1863 г. С.М. Соловьев, рассуждая о России накануне петровских преобразований, обратил особое внимание на деятельность Симеона Полоцкого при царском дворе. Историк писал: «Симеон Полоцкий был образцом домашнего учителя, какой требовался у нас в XVII, XVIII и даже в XIX вв.: выучить детей всему, но без принуждения, уметь подсластить науку, приохотить к ней; но кроме учения детей домашний учитель должен быть годен и на другие послуги в доме». Соловьев отмечал, что

¹⁸¹ Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006. С. 53.

Симеон Полоцкий – это «ходячая энциклопедия, неутомимый борзописец, умевший писать обо всем, ловкий собиратель отовсюду чужих мнений и старающийся представить их занятно, заставить выучить их шутя: разумеется, от такого человека нельзя требовать оригинальности, самостоятельности». И далее Соловьев предлагал: «Войдем же в учебную комнату и посмотрим, что Полоцкий предлагает в виршах своему ученику. Он говорит ему о *гражданстве* и предлагает определения семи греческих мудрецов, внушая, что все они хороши. ...В виршах Полоцкий представляет своему ученику образец доброго начальника... В виршах описывает добродетели, приличные державным»¹⁸².

В.О. Ключевский, следуя за своим учителем, при анализе «западного влияния» в России XVII в. также обратился к фигуре Симеона Полоцкого: «Люди высшего московского класса старались запастись средствами для домашнего образования своих детей, принимая к себе в дома приезжих учителей, западнорусских монахов и даже поляков. Сам царь Алексей подавал пример в этом. Он не удовлетворялся элементарным обучением, какое получили его старшие сыновья Алексей и Федор от московского приказного учителя, велел обучать их иноземным языкам латинскому и польскому и для довершения их образования призвал западнорусского ученого монаха Симеона Ситиановича Полоцкого». Полагая, что в «его виршах можно видеть стихотворный конспект его уроков», Ключевский писал, что в своих стихотворных произведениях Симеон Полоцкий «касается и политических предметов, стараясь развить в своих царственных питомцах политическое сознание... Он рисует своим ученикам политический идеал отношений царя к подданным в образе доброго пастыря и овец»¹⁸³. Что примечательно, В.О. Ключевский, как и С.М. Соловьев, проиллюстрировал политические рассуждения Симеона Полоцкого, прежде всего, виршей «Гражданство».

Наблюдения дореволюционных авторов получили подтверждение и развитие в советское время. В 1953 г. И.П. Еремин, говоря о поэтической энциклопедии «Вертоград многоцветный», писал, что это – «корпус всей дидактической поэзии Симеона Полоцкого». Далее он отмечал, что «сравнительно большое мес-

¹⁸² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 15 кн. М., 1962. Кн. 7. С. 149–150.

¹⁸³ Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. М., 1988. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. С. 263.

то в составе сборника занимают стихотворения, посвященные общественно-политической проблематике. Сюда относятся: стихотворение “Гражданство”, где Симеон Полоцкий устами ряда прославленных философов древности подробно характеризует все те основания человеческого “гражданского” общежития, которые “крепят государства, чинна и славна содевают царства”; стихотворения, где говорится о “гражданских” обязанностях каждого человека, о необходимости “правителям” соблюдать установленные в стране законы, о труде как обязательной основе всякого благоустроенного общества¹⁸⁴.

В 1958 г. В.М. Пузиков, давая общую оценку политическим идеям, которые развивал Симеон Полоцкий при московском дворе, указывал: «Требование установления сильной и неограниченной царской власти сочеталось у С. Полоцкого с поучениями царям по поводу всей их личной и государственной деятельности, по поводу их прав и обязанностей в отношении ко всем членам общества. Он начертал довольно широкую программу внешнеполитической и внутренней, государственной и личной деятельности царя. Эту программу и образ “идеального” монарха С. Полоцкий отчетливо наметил уже в сборнике “Вертоград многоцветный” в таких стихотворениях, как “Гражданство”, “Начальники”, “Закон”, “Труд”, “Разнствие”, “Нищета царей”, “Любовь к подданным”, “Образ”, “Суд”, “Риза”»¹⁸⁵.

В 1974 г. А.Н. Робинсон со ссылкой именно на «Гражданство» указывал, что, «опережая свое время, Симеон Полоцкий первым в русской литературе стремился выразить западноевропейскую идею абсолютистского легитимизма»¹⁸⁶. В 1978 г. В.П. Гребенюк, О.А. Державина и А.С. Елеонская определили «Гражданство» как *программное стихотворение* Симеона¹⁸⁷. В 1983 г. болгарская исследовательница Л.И. Боева в схожем духе написала, что «одно из лучших стихотворений Полоцкого в сборнике “Вер-

¹⁸⁴ Еремин И.П. Симеон Полоцкий – поэт и драматург // Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М.; Л., 1953. С. 232, 233.

¹⁸⁵ Пузиков В.М. Общественно-политические взгляды Симеона Полоцкого // Научные труды по философии Белорусского государственного университета. Вып. 2. Ч. 2. Минск, 1958. С. 37.

¹⁸⁶ Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 69.

¹⁸⁷ Гребенюк В.П., Державина О.А., Елеонская А.С. Античное наследие в русской литературе XVII – начала XVIII века // Славянские литературы. М., 1978. С. 206.

тоград многоцветный” написано в панегирическом жанре, но в нем воспевается уже не царь или царский наследник, а “гражданство преблаго”. В стихотворении “Гражданство” Полоцкий, как все просветители следующего XVIII в., выступает за соблюдение закона в государственной жизни. В государстве тогда все в порядке, когда и царь, и подданные соблюдают законы¹⁸⁸.

Кроме того, уже современный исследователь В.С. Никоненко в 1998 г., анализируя социально-политические представления Симеона Полоцкого, пришел к выводу, что «видение социального и политического мира со стороны подданных... и дальнейшая разработка социально-политического идеала, наиболее ярко выражены в стихотворении “Гражданство”»¹⁸⁹.

Итак, начиная с С.М. Соловьева, исследователи, рассуждая о политических идеях, которые Симеон Полоцкий высказывал при дворе царя Федора Алексеевича, отводят центральное место вирше «Гражданство», приписывая ей программный характер. При этом оказывается, что Симеон Полоцкий именно в этом стихотворении предвосхитил легализм XVIII в., в рамках которого понятие *закон* стало одним из центральных в политическом языке Российской империи¹⁹⁰.

Авторов, упомянутых выше, вирша «Гражданство» притягивала, прежде всего, своим содержанием. Собственно, исходя из последнего они и устанавливали его программный статус. Однако, как следует из исследований Л.И. Сазоновой, и для самого Симеона Полоцкого «Гражданство» имело статус программного. «Гражданство» было частью поэтической энциклопедии «Вертоград многоцветный», над которой Симеон Полоцкий работал во второй половине 1670-х. В ее белой редакции, с которой, как правило, работали исследователи, стихотворения были упорядочены по алфавитному принципу. Изучая автограф «Вертограда», Сазонова обнаружила, что, «когда Симеон приступал к работе над “Вертоградом”, он не собирался располагать стихи в последо-

¹⁸⁸ Боева Л.И. Развитие жанров в русской и болгарской литературах XVII и XVIII вв. София, 1983. С. 151.

¹⁸⁹ Никоненко В.С. Русская философия накануне Петровских преобразований. СПб., 1998. С. 188.

¹⁹⁰ См.: Киселев М.А. Правда и закон во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: От монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. В 2 т. М., 2012. Т. 1. С. 49–65; Марасинова Е.Н. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века. М., 2017.

вательности алфавита... Он не писал азбуковника и не сочинял стихов на буквы алфавита». Первоначально «Вертоград» состоял из ряда тематических блоков, один из которых был посвящен светской власти. В связи с этим Сазонова отмечает: «Обсуждение проблемы гражданской власти начинается в стихотворении «Гражданство»..., где трактуется о благе государства, искусстве общественного управления. Далее описывается, какими качествами должен обладать начальник, какие отношения должны его связывать с подданными («Начальник»...; «Непокорство»...; «Суд»...), какие требования к себе он должен предъявлять («Правитель»...). Качества подданных разбираются в стихотворении «Овцы»»¹⁹¹. Итак, для Симеона Полоцкого именно виршей «Гражданство» открывался разговор о светской власти.

Несмотря на внимание исследователей к «Гражданству», оно изучено довольно слабо. Еще в конце XIX в. было установлено, что Симеон Полоцкий положил в основу большинства своих вирш и «Вертограда» ряд сочинений западноевропейских авторов. Согласно последним подсчетам А. Хипписли, из 2317 стихотворений «Вертограда» «1234 восходят к Фаберу, 189 – к Меффрету, 42 – к «Великому зеркалу», 28 – к «Polyanthea», 12 – к «Золотой легенде» де Ворагине и 7 – к Марханти. Для 855 стихотворений источник пока не найден»¹⁹². «Гражданство» находится среди последних. Однако без знаний о таком источнике оказывается весьма непросто объяснить, например, благодаря чему Симеон Полоцкий смог предвосхитить легализм XVIII в. Н.П. Берков постулировал в статье 1968 г., что Симеон в своих сочинениях настойчиво разрабатывал темы, которые станут ведущими в русской литературе XVIII в., включая тему «идеального государя». Указав на «Гражданство» и отметив, что «большое внимание уделяет Симеон Полоцкий теме “закона”», Берков написал, что «в творчестве Симеона Полоцкого предвосхищаются темы, впоследствии разрабатывавшиеся русскими писателями XVIII в., источники которых литературоведы видели в произведении западных философов и моралистов». Из этого он делал вывод, что такая «идеальная» проблематика была продиктована русским пи-

¹⁹¹ Сазонова Л.И. «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого (Эволюция художественного замысла) // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность / Под ред. А.Н. Робинсона. М., 1982. С. 210, 220.

¹⁹² Хипписли А. Западное влияние на «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2001. Т. 52. С. 707.

сателям самой жизнью, исторической действительностью, а не почерпнута из просветительской литературы Запада»¹⁹³.

Что ж, действительно, без знания об источниках политического вдохновения Симеона Полоцкого остается только ограничиваться рассуждениями, что именно московская жизнь второй половины XVII в. поставила перед ним проблему идеального монарха. В конце концов, статус придворного интеллектуала и учителя наследника престола располагал к тому, чтобы в творчестве затрагивались актуальные политические проблемы. Однако такое допущение, например, игнорирует вопрос о возможностях самого интеллектуала откликаться на запросы жизни своим конкретным, определенным способом, равно как и формировать новую проблематику, исходя из собственных идейных предпочтений и концептуального багажа. Ведь Симеон Полоцкий, пользуясь своим выгодным положением в придворном пространстве, мог стремиться, основываясь на своем немосковском опыте, привнести в московскую политическую культуру что-то новое. В связи с этим допущения о влиянии исторической действительности все же недостаточно, чтобы объяснить политический язык Симеона и обосновать, почему он оперировал именно понятиями *гражданство* и *закон*, а, например, не более традиционными для Московского царства *государством* и *правдой*. Здесь дополнительно заметим, что исследователи оставили без разъяснений, почему Симеон Полоцкий писал именно о *гражданстве*, а не вынес в заглавие программной политической вирши иное понятие.

В настоящей работе мы специально проанализируем идейное содержание вирши «Гражданство» Симеона Полоцкого, для чего, во-первых, рассмотрим вопрос о бытовании понятия *гражданство* в московском политическом языке ко времени появления при царском дворе Симеона Полоцкого и, во-вторых, постараемся установить источник, который поэт положил в основу своего программного политического стихотворения.

Что касается *гражданства*, то в академическом «Словаре русского языка XI–XVII вв.» есть две статьи, связанные с этим словом. Первая – *гражданство*, которое определяется как «Совокупность граждан, общество». В качестве примера его использования приведена цитата из послания Федора Карпова митрополиту Даниилу (между 1522 и 1539 гг.). Вторая – *гражданство*, кото-

¹⁹³ Берков П.Н. Проблемы исторического развития литератур. Л., 1981. С. 144–146.

рое определяется как «гражданское устройство, порядок». В качестве примера приведена цитата из «Арифметики» Л.Ф. Магницкого 1703 г.¹⁹⁴. В связи с этим отметим, что разнесение в разные статьи *гражданства* и *гражданства* едва ли оправдано. *Гражданство* относилось к набору слов, пришедших в русский язык из староболгарского¹⁹⁵, и в процессе их адаптации старославянское сочетание *жд* иногда заменялось древнерусским *жс*. Но в результате второго южнославянского влияния XIV–XVI вв. происходит новое «внедрение в русскую лексику слов с сочетанием согласных *жд* (из исконного *dj*)»¹⁹⁶. Соответственно, *гражданство* и *гражданство* – это два варианта написания одного слова. Иное дело, что с этим словом, привнесенным извне, русский читатель мог столкнуться, прежде всего, в переводных текстах, включая Священное писание.

Приведем следующий пример. В московской печатной Библии 1663 г., как и в первом полном издании Священного Писания на церковнославянском языке – Острожской Библии Ивана Федорова 1581 г., во второй книге Маккавейской в рассказе о походе на Иерусалим селевкидского войска был эпизод, во время которого предводитель евреев Иуда Маккавей призвал быть готовыми во время сражения принять смерть «закон ради, и с[вя]щеннаго града, и отечества, и гражданства» (2 Мак 13: 14). Это был не совсем точный перевод с греческого выражения «περὶ νόμου, περὶ ἱεροῦ, πόλεως, πατρίδος, πολιτείας», в современном переводе – «за законы, за Храм, за Город, за отечество и за гражданское общежителство»¹⁹⁷. Итак, *гражданство* – это греческая *πολιτεία*, т.е., в одном из основных значений, гражданская община / политическая общность граждан. Если же говорить о латыни, для перевода

¹⁹⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4 (Г–Д). М., 1977. С. 117, 118.

¹⁹⁵ Филкова П.Д. Староболгарские традиции в истории русского литературного языка. София, 1991. С. 217, 320, 373.

¹⁹⁶ Мещерский Н.А. История русского литературного языка. Л., 1981. С. 75, 109.

¹⁹⁷ Брагинская Н.В., Селезнев М.Г., Шмаина-Великанова А.И. «Номос» и «номой» во второй книге Маккавеев // Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 6. С. 23. В Вульгате это выражение выглядело так: «pro legibus, templo, civitate, patria et civibus». Соответственно, в русском переводе конца XV в., который был выполнен с латыни во время работы над т.н. Геннадиевской Библией, этот пассаж звучал так: «за законы, ц[е]рк[о]вь, града, от[е]чства и граждане» (ОР РГБ. Ф. 113. Д. 11. Л. 258 об.).

греческой *πολιτεία* использовали слово *respublica*, а также его синоним – *civitas*. В связи с этим отметим, что в 1649 г. в Москву из Киева прибыл ученый монах-богослов Епифаний Славинецкий, который привез с собой составленный им же «Латинский лексикон», где для латинского слова *respublica* был предложен перевод *гражданство, житие народное*. В другом словаре, составленном Епифанием с привлечением другого выходца из Речи Посполитой Арсения Сатановского и названным «Лексикон словенолатинский», *гражданство* переводилось как *civitas, urbanitas*¹⁹⁸. Итак, за *гражданством* скрывалась идущая из античности традиция, связанная с понятиями *πολιτεία, respublica* и *civitas*. Здесь необходимо отметить, что за понятием *respublica* значение немонархической формы правления окончательно утвердилось только к концу XVIII в. До этого времени оно будет регулярно использоваться и для обозначения политической общности (государства) как таковой, независимо от того, монархия это, или же демократия. При этом, конечно, с античности подразумевалось, что такая *respublica* имеет своей целью общее благо всех своих членов-граждан¹⁹⁹.

Если говорить не о переводных текстах, а об оригинальных сочинениях московских авторов XVI – середины XVII в., то в них понятие *гражд(д)анство* в значении политическая общность / государство использовалось весьма редко. Один раз *гражданство* упоминалось в послании митрополиту Даниилу, написанном московским дипломатом Ф.И. Карповым между 1522 и 1539 гг. Последний утверждал, что «потребна суть во всяком гражаньстве правда и законы ко исправлению неустроиных», или, в переводе Д.М. Буланина, «необходимы во всяком государстве правда и законы для исправления бесчинных». Однако специфика этого сочинения заключалась в том, что Карпов в своих рассуждениях ориентировался на тексты античных авторов и прямо ссылаясь на «Никомахову этику» Аристотеля, заявляя, например: «Всяк град и всяко царство, по Аристотелю, управлятися имать от начальник в правде и известными законы праведными, а не трпением»²⁰⁰.

¹⁹⁸ Лексикони Е. Славинецького та А. Корецького-Сатановського / Підг. до вид. В.В. Німчук. Київ, 1973. С. 353, 441, 472.

¹⁹⁹ См.: Хархордин О.В. Республика. СПб., 2020. С. 15–19; Хархордин О.В. Республика. Полная версия. СПб., 2021. С. 8–86.

²⁰⁰ Карпов Ф.И. Послание митрополиту Даниилу // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. Конец XV – первая половина XVI века. СПб., 2006. С. 354, 355, 352.

При этом, как отметил Д. Фрейданк, политическая терминология послания Карпова имела латинскую – не греческую – основу: «дело народное = *res publica* для *πολιτεία, πόλις*; начальство = *principatus* для *αριστοκρατία*; гражданство = *civitas*»²⁰¹, – в связи с чем можно сделать вывод, что, скорее всего, Карпов «пользовался латинским переводом Аристотеля»²⁰². В этом отношении послание Карпова оказывалось одним из довольно редких сочинений московского автора, ориентировавшегося не только на религиозные тексты православной традиции, но и на сочинения античных авторов и использовавшего соответствующий политический лексикон, включая слово *гражд(д)анство*. И все же в слабо связанной с античностью политической культуре Московского государства, при рассуждениях о формах правления предпочитали прибегать к понятиям типа *государство* и *царство*, отсылавшим к единовластному правлению²⁰³. В связи с этим стоит отметить, что исследователям, не учитывавшим таких античных корней понятия *гражданство*, не всегда было понятно, в каком значении его использовал Симеон Полоцкий. Так, Л.В. Крестова в 1958 г. утверждала, в т.ч. ссылаясь на виршу «Гражданство», что «в политическом словаре С. Полоцкого слово “гражданство”, “гражданский” – синонимы “подданных”»²⁰⁴. Однако для Симеона Полоцкого *гражданство* было не просто совокупностью подданных, а политическим телом, частью которого являлись и правители.

Таким образом, актуализация Симеоном Полоцким понятия *гражданство* в российском политическом лексиконе оказывалась немалой новацией для его московских читателей и слушателей. При этом привлечение данного понятия было более чем осмысленным, на что указывали регулярные случаи его использования. Так, в одной из *бесед* 1677 г. он рассуждал, что «во всяком царстве земных доброустроенном гражданстве не точию за-

²⁰¹ Freydanck D. Zu Wesen und Begriffsbestimmung des russischen Humanismus // Zeitschrift für Slavistik. 1968. Vol. 13. № 1. S. 104.

²⁰² Буланин Д.М. Комментарии // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. Конец XV – первая половина XVI века. СПб., 2006. С. 548.

²⁰³ См.: Киселев М.А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века // Исторический вестник. 2013. Т. 6 (153).

²⁰⁴ Крестова Л.В. Отражение формирования русской нации в русской литературе и публицистике первой половины XVIII в. // Вопросы формирования русской народности и нации / Под ред. Н.М. Дружинина и Л.В. Черепнина. М.; Л., 1958. С. 255.

конами писаными жители правими бывают, но и доброхвалными обычай или преданми древними, аще в писаниих и не обретаются»²⁰⁵. Кроме того, в «Вертограде» в вирше «Власть» Симеон Полоцкий поместил такие строфы:

Властелин глава, прочие же люди
суть во гражданстве, яко в теле уди.
Глава всех тело, власть люд управляет
и промышленяет²⁰⁶.

Итак, и *властелин*, и *прочие люди* являлись составной частью именно *гражданства*, а не *государства*. При этом тезис, что *властелин* – *глава (голова) гражданства*, а *другие люди* – остальные члены политического тела, более чем прозрачно воспроизводит существовавшее с эпохи Средневековья западноевропейские утверждение: «Rex / Princeps caput est Reipublica»²⁰⁷.

Саму виршу «Гражданство» Симеон Полоцкий открывал таким четверостишием:

Како гражданство прелблago бывает,
гражданствующим знати подобате.
разная седми суть мнения,
но вся виновна граждан спасения²⁰⁸.

И после этого излагал советы семи древнегреческих мудрецов о *гражданстве*.

Схожие «Гражданству» советы семи античных мудрецов обнаруживаются в сочинении Плутарха «Пир семи мудрецов», латинский перевод которого в составе плутарховских «Моралий» издавался с XVI в. Однако при сравнении текста Плутарха и вирши Симеона Полоцкого обнаруживается расхождение в списке семи мудрецов. У Плутарха это были Солон, Биант, Фалес, Анахарсис, Клеобул, Питтак и Хилон. У Симеона Полоцкого вместо Анахарсиса фигурирует Периандр. Из этого можно сделать вывод, что Симеон Полоцкий при написании «Гражданства» не опирался непосредственно на сочинение Плутарха. В связи с этим следует отметить, что изложение такой политической беседы се-

²⁰⁵ Цит. по: Елеонская А.С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII в. М., 1990. С. 101.

²⁰⁶ Simeon Polockij. Vertograd mnogocvĕtnij. Vol. 1. «Aaron» – «Dĕtem blagoslovenie» / Ed. by A. Hipsley and L.I. Sazonova. Köln; [etc.], 1996. S. 155.

²⁰⁷ См.: Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2014. С. 314–320.

²⁰⁸ Simeon Polockij. Vertograd mnogocvĕtnij... Vol. 1. S. 227.

ми мудрецов по Плутарху, в которой вместо Анахарсиса был Периандр, сделал позднеантичный писатель-компилятор V в. Иоанн Стобей. Его тексты, включавшие фрагменты «Пира семи мудрецов» Плутарха, также издавались в Европе с XVI в. как на латыни, так и на греческом с параллельным латинским переводом. Более того, сочинения Стобея можно было найти в Москве даже до приезда Симеона Полоцкого: в описи имущества патриарха Никона 1658 г. значилась «Книга Стобея Философа, в четверть, печатана Греко-Латински»²⁰⁹.

Тот факт, что у Симеона Полоцкого в вирше вместо Анахарсиса фигурировал Периандр, позволяет сделать вывод, что он положил в основу «Гражданства» беседу семи мудрецов Плутарха из антологии Стобея. Дополнительно на это указывает то, как в «Гражданстве» изложен совет Питтака. В платоновском сочинении он звучит так: «То, где дурным людям нельзя править, а хорошим нельзя не править»²¹⁰. У Стобея он был сокращен до следующей рекомендации: «Где злу не позволено править [ubi malis non imperare liceat]»²¹¹. И в версии Симеона Полоцкого он излагался ближе именно к Стобею: «В нем же началство не дается злomu». При этом заметим, что высказывания остальных шести мудрецов Стобей передал без значимых неточностей.

Таким образом, в основу «Гражданства» Симеон Полоцкий положил часть сочинения античного автора – Плутарха, пусть и не в совсем точной передаче автора V в. Иоанна Стобея

Теперь рассмотрим, как же именно Симеон Полоцкий адаптировал идеи из Плутарха для своих московских читателей и слушателей. При этом, рассматривая текст Плутарха с учетом его изложения по Стобею, мы будем обращаться к лексике его латинского перевода, так как Симеон не знал греческого языка²¹² и, соответственно, опирался на латинский текст. (См. таблицу на следующей странице).

²⁰⁹ Переписная книга домово́й казны патриарха Никона // Временник Императорскаго Московскаго общества истории и древностей российских. Кн. 15. М., 1852. С. 134.

²¹⁰ Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990. С. 251.

²¹¹ Stobaeus I. Sententiae ex thesauris graecorum delectae, quarum authores circiter ducentos et quinquaginta citat. Tiguri, 1543. P. 281. В данном издании этот фрагмент с советами был озаглавлен «Septem Sapientum apothegmata de Republica», т.е. «Апофегмата семи мудрецов о республике».

²¹² Фонкич Б.Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009. С. 80.

Симеон Полоцкий
«Гражданство»²¹³

Плутарх
«Пир семи мудрецов»²¹⁴

Премудрый Виас даде слово свое,
Гражданство быти преизрядно тое,
В нем же закона як царя боятся,
и царя, яко закона, страшатся.

Сказал Биант: «Крепче всего народо-
властие [democratiam] там, где закона
[legem] страшатся, словно тиранна
[tyrannum]».

Хилон блажит, где законов слушают,
Велесловных же ритор не глашают

Хилон ... откликнулся: «Лучшее
государство [respublica] – то, где
больше слушают законы [leges],
меньше – ораторов».

Клеовул паки той град похваляет,
Где безчестия вся ся устрашает
Гражданин паче закона самого,
на преступники в книгах писаннаго.

Клеобул: «Самый разумный тот
народ [populum], в котором граждане
боятся больше порицания, чем зако-
на».

Периандер же то славит гражданство,
В нем же, всем прочим имущым ра-
венство,
Добродетelmi зовутся лучшая
и наричутся злобы вся худшая.

Анахарсис (Периандр у Стобея. –
М.К.): «То, где лучшее воздается
добродетели, худшее – пороку, а все
остальное – поровну».

Питтак похвалу дает граду тому,
в нем же началство не дается злому.

Питтак: «То, где дурным людям
нельзя править, а хорошим нельзя не
править». (У Стобея: «Где злу не
позволяется править [ubi malis non
imperare liceat]». – *М.К.*)

Фалес град блажит, где граждане мнози
ни пребогати, ни зело убози

Фалес: «То, в котором нет ни бедных
граждан, ни безмерно богатых».

Солону град люб, в нем же обид творцы
вся равно имут праведная борцы,
Не токмо беду от них страдавшия,
но ни едины тщеты познавшия.
Еще, иде же блазии блажатся,
честь приемлющие, злии же казнятся.
Еще и в нем же граждане слушают
начальных, сии закон почитают.

Солон начал: «... в том государстве
[respublica] лучше всего правление и
крепче всего народовластие
[democratiam], где обидчика к суду и
расправе привлекает не только оби-
женный, но и необиженный».

²¹³ Simeon Polockij. Vertograd mnogocvĕtnij... Vol. 1. S. 228.

²¹⁴ Плутарх. Застольные беседы... С. 251; Plularch. Moralia. Vol. 1. Franco-
forti ad Moenum, 1642. P. 296–297; Stobaeus I. Sententiae ex thesauris graecorum
delectae, quarum authores circiter ducentos et quinquaginta citat... P. 281.

Как нетрудно заметить, изложенные выше советы у Плутарха предназначались отнюдь не для любой формы *гражданства*, а для *демократии*. Собственно, в «Пире семи мудрецов» сперва велась беседа о единовластных правителях, и лишь после этого от имени Мнесифила Афинянина делалось предложение порассуждать о форме правления, близкой к Афинам: «То, что было до сих пор говорено о царстве и владычестве [de dominatione, & regno], к нашему народному правлению не относится; потому, я думаю, не лишне будет, чтобы снова каждый из вас высказал свое суждение, на этот раз – о государстве [de reipublicum forma], где все равны перед законами [aequali omnes iure]»²¹⁵. И вот после этого семь мудрецов и дали свои советы о том, что должно способствовать устойчивости *демократии*. Именно в последней было важно, чтобы среди граждан не было большого имущественного расслоения. Равным образом, именно в демократиях угрозу могли представлять ораторы-демагоги, существование которых в связи с отсутствием публичных демократических процедур в монархиях едва ли было возможно. Далее, при единовластном правлении подданные могли страшиться *тиранна*. Однако это было невозможно в демократии из-за отсутствия последнего. Соответственно, на его место выдвигался *закон*, который и надлежало слушать гражданам, или же, согласно совету Бианта, бояться, как *тиранна* в *тирании*. Кроме того, также в демократии было важно, чтобы и необиженный гражданин был готов выступить на страже справедливости, демонстрируя свою вовлеченность в управление, в то время как в монархии / тирании можно и подчас должно было бы уповать на единовластного правителя и его слуг.

Несмотря на такую демократическую составляющую советов семи мудрецов, Симеон Полоцкий счел возможным адаптировать их для Российской монархии, в связи с чем вирша «Гражданство» завершалась следующим утверждением о пользе советов семи мудрецов о *гражданстве*, где при этом упоминались более привычные для московских читателей и слушателей политические понятия, отсылавшие к единовластному правлению:

Сия суть, яже крепят государства,
чинна и славна содевают царства²¹⁶.

²¹⁵ Плутарх. Застольные беседы... С. 251; Plularch. Moralia... P. 296–297.

²¹⁶ Simeon Polockij. Vertograd mnogocvĕtnij... Vol. 1. S. 228.

Таким образом, в «Гражданстве» Симеон Полоцкий продемонстрировал весьма интересный *адаптационный перенос*, связанный с помещением политических утверждений из одного контекста (античные рассуждения о *демократии*) в другой (рассуждения об устойчивости *монархии* в Московском царстве). Как результат, произошел идейный сдвиг в описании политики в монархии и возникли новые политические смыслы, одним из которых и оказался отмечаемый исследователями легализм.

В плутарховском совете Бианта *закон* противопоставлялся *тиранну* в *тирании*. Симеон Полоцкий, оставляя *закон*, не мог, озвучивая такие советы в пространстве московской политической культуры, ни сделать *закон* альтернативой *царю*, ни поставить *закон* выше *царя*. Он вместо этого «просто» добавил к *закону* фигуру *царя*, после чего фактически поставил между ними знак равенства: и того, и другого гражданам следовало бояться. Однако больше фигура *царя* в вирше не призывалась, в то время как в советах Хилона и Клеобула вновь упоминается *закон*. При этом заметим: из совета Клеобула следовало, что в виду имелся не некий *Божий закон*, а *закон* светский, который был записан «на преступники в книгах». Конечно, в заключительном совете Солона Симеон Полоцкий присовокупил рекомендацию, которая отсутствовала у Плутарха, о том, что *граждане* должны слушать *начальных*. Затем он добавлял, что *начальным* в свою очередь надлежит *почитать закон*. Причем под *начальными* подразумевался и сам правитель. Об этом позволяет говорить написанное Симеоном Полоцким от имени умирающего царя Алексея Михайловича обращение к взошедшему на престол Федору Алексеевичу, где последний призывался соблюдать *законы*:

Яже подданным творити велиши,
сам прежде закон той да сохраниши.
Паче бо слова, дело подражают,
иже законом царским подлежат²¹⁷.

Итак, выбор Симеоном Полоцким в качестве центрального понятия концепта *гражданство*, т.е. староболгаризма, использовавшегося для перевода латинского понятия *re(s)publica*, был существенной новацией для московской политической культуры. Благодаря этому понятие *государство*, обладавшее частноправо-

²¹⁷ Симеон Полоцкий. Глас последний ко Господу Богу // Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Минск, 1962. С. 249.

выми коннотациями, оказывалось в тени, а правитель-государь из владельца *государства* превращался в главу *гражданства*, которому надлежало управлять *гражданами* на основании писанных *законов*. При этом *закон*, благодаря адаптационному переносу плутарховских идей, провозглашался не просто одним из атрибутов власти, а фактически оказывался равным монарху по своему значению в управлении подданными-гражданами. Конечно, *законы* отнюдь не ставились выше правителя. Тем не менее, должное отправление власти царем, по Симеону Полоцкому, увязывалось самым непосредственным образом с *законом*. Соответственно, отправление государственной власти должно было протекать в публично-правовом поле в границах, задаваемых *законами*, которые следовало соблюдать и монарху. В этом отношении Симеон Полоцкий действительно предвосхищал идейно-политическую проблематику XVIII в. с ее легализмом. Однако он это делал не на основании использования трудов «новых» – современных ему западноевропейских мыслителей, а с привлечением «древних» – сочинений античных авторов, в данном случае – Плутарха. Это было одним из свидетельств того, что античное наследие оставалось идейным ориентиром в сфере представлений о власти для ряда авторов раннего Нового времени. В конце концов, Новое время не сразу стало мыслить себя именно Новым, так что политические понятия, призванные описывать новые политические практики, нередко конструировались через обращение к великим «древним», не копируя их, а, скорее, реинтерпретируя сообразно потребностям времени.

В связи с этим стоит вернуться к проблеме, насколько такое обращение к античности было связано с исторической действительностью России последней четверти XVII столетия. На наш взгляд, использование легалистских советов Плутарха было не просто игрой ума придворного интеллектуала. Московское царство накануне петровских преобразований являлось успешно развивающейся политией раннего Нового времени с увеличивавшейся территорией и усложнявшейся структурой общества. Как результат, идея личного контроля монарха над всем государственным аппаратом и, шире, над всем царством, все больше и больше превращалась в недостижимую утопию. Последовавшее за царствованием Федора Алексеевича правление Петра I показало невозможность осуществления персонального контроля над всеми сторонами управления даже самым деятельным и харизма-

тичным монархом. Соответственно, *закон* становился весьма удобным инструментом управления деперсонализирующимся государством – своеобразным субститутом монарха. Однако для такого умозаключения оказывалось как желательным, так и необходимым все же иметь представление о том, что есть не только идеал *государства* во главе с *царем*, судящим всех по *правде*, а что могут также существовать политики (*гражданства*), управляемые с помощью строгого соблюдения *законов*. И тут проявлялось важное (предна)значение интеллектуала-во-власти: умение, основываясь на своем концептуальном багаже, сформулировать и выразить идеи, актуальность которых в сфере практик государственного управления определялась лишь на интуитивном уровне. В этом отношении Симеон Полоцкий со своим «Гражданством» оказывался среди тех, кто уже на теоретическом уровне прокладывал путь легализму ментального государства Петра I.

9.4. «ПО ВСЕМ СВЕТСКИМ И НАТУРАЛЬНЫМ ПРАВАМ» ИДЕАЛЬНОЕ «САМОДЕРЖАВСТВО» А.И. ОСТЕРМАНА

Граф Андрей Иванович Остерман – исторический персонаж, политическая деятельность которого в профессиональном сообществе историков все еще вызывает больше вопросов, чем дает ответов. Одним из таких вопросов является неясность механизмов его влияния на власть. Однако историк, который обращается к биографии и политической деятельности Остермана, сталкивается с образом влиятельного царедворца, который не оставил после себя сколько-нибудь значимых текстов, свидетельствующих о политических принципах его деятельности.

Мифы вокруг персоны Остермана стали складываться еще при жизни. Современники называли его в своих воспоминаниях «хитроумным»²¹⁸, отзывались о нем как о человеке, который «не может никого терпеть около себя»²¹⁹. Одной из самых ярких характеристик Остермана наградила Ж.-И. Т. Шетарди, заявляя, что граф был занят «единственно мыслию удержаться на месте во время частых дворских бурь» и стремился не «пристать к которой

²¹⁸ Манштейн Х. Записки о России генерала Манштейна // Перевороты и войны. М., 1997. С. 31.

²¹⁹ Миних Б.-Х. Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб., 1874. С. 303.

либо партии»²²⁰. Да, Остерман, будучи кабинетным министром, входил в ближайший круг императрицы Анны Иоанновны, а потом – регентши Анны Леопольдовны. Но достаточно ли этого для сохранения поста первого министра за собой? Ведь кроме Остермана членами Кабинета был А.М. Черкасский, а также ряд других политиков, сменявших друг друга в течение десяти лет существования этого органа, но именно Остерман среди них заслужил звание «первого министра».

Опираясь на ряд его «конспектов» и записок, зафиксировавших его мнения по разным вопросам государственной важности, кажется возможным назвать его «проектором»²²¹. Но мы не ставим перед собой задачу оценивать категориями успеха /неуспеха идеи и замыслы Остермана, а обращаемся к ним с целью выявить идеи и принципы политического устройства государства и административного управления, которыми Остерман руководствовался в своей деятельности. Один из таких проектов – «Мнение», адресованное Анне Леопольдовне. Этот текст, с некоторыми оговорками, можно считать политическим завещанием Остермана.

Итак, А.И. Остерман – политический деятель, который со времени прихода к власти Анны Иоанновны получил возможность реализовывать свои идеи и представления о том, каким должен быть политический строй в государстве и каким должен быть его руководитель. Нет сомнений, что идеальным политическим устройством Остерман видел монархию. В ноябре 1741 г. во время переговоров по составлению нового закона о престолонаследии состоялся спор между Остерманом и другим кабинетным министром – М.Г. Головкиным. Поднимая вопрос о законах передачи власти, Остерман сравнивал российский опыт передачи власти по женской линии с другими европейскими странами: «Такое наследство введено не токмо в России, но оно и в других землях, как в Гишпании, в Англии, в Португалии и в Дании употребительно, тако ж и при нынешней в Венгрии королеве». Однако, когда Головкин при этом счел возможным упомянуть и Швецию, Остерман заявил: «И в Швеции також содержится было, как долго там находилось самодержавство. А ныне Швеция в рассуждении настоящего ея состояния примером нам в том быть

²²⁰ Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге. СПб., 1862. С. 2.

²²¹ См.: Feduykin I. The Enterprisers: The Politics of School in Early Modern Russia. Oxford, 2019.

не может»²²². Остерман имел в виду, что с 1720 г. в Швеции после упразднения королевского абсолютизма («самодержавства») была ограниченная монархия, которая никоим образом не могла послужить образцом для российского «самодержавства».

В этом разговоре, в связи с необходимостью обоснования легитимности передачи власти по женской линии, прозвучало понятие «основательных узаконений»: «Оное дело само по себе ничего чрезвычайного не содержит, потому что по *основательным узаконениям* [выделено нами] сего государства, за неимением принца, принцессы безпрекословия наследовать могут, как сие поныне и всегда содержано было».

Через два дня после этой беседы Остерманом было подготовлено «мнение», предназначенное Анне Леопольдовне, в котором он указывал на право принцесс наследовать власть: «по силе здешних государственных установлений (*constitution*), основательных законов (*grund gesetzen*) и обыкновений приходит наследство до принцесс и само по себе, когда не бывает принцов». Остерман указывал на то, что согласно Уставу 1722 г., «зависит то всегда от воли владеющего самодержавного государя, такое определение о наследстве учинить, какое он по своей самодержавной власти заблагоразсудит». Обращаясь к Анне Леопольдовне, он заявлял: «Ваше императорское высочество императорским именем с такою ж самодержавною властью и силою государство правите, какая приличествует владеющему императору»²²³.

Беседа между кабинетными министрами, состоявшаяся осенью 1741 г., является не единственным и не первым случаем, когда А.И. Остерман высказывал подобные идеи.

В 1736 г. от имени Анны Иоанновны был составлен манифест о необходимости войны с Портой. Вместе с ним была опубликована копия письма Остермана, адресованного турецкому визирю. В манифесте заявлялось: «При таком злобственном сего неприятеля намерении Мы по натуральным правам и по положенному на нас от Бога о безопасности наших государств попечению, необходимо принуждены... силы употребить».

В письме А.И. Остермана, где содержится обоснование начала войны с Османской империей, также содержалась отсылка к естественному праву:

²²² РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 41 об.

²²³ Там же. Л. 38–39.

«И как по закону Божию и по всем светским и натуральным правам [выделено нами], так и по должности своей, яко Государь и Мать Империи своей принужденну себя находит все от Бога ей дарованные силы в защищение своей империи, и подданных своих, противу Порты употреблять»²²⁴.

То есть Анна Иоанновна была «принуждена» к этому «законом Божиим», «светскими и натуральными правами», а также своей «должностью» правителя.

Итак, над правителем предсказуемо возвышался Бог. Однако над монархом возвышались и «светские и натуральные права». Если рассуждения об обязанностях правителя перед Богом для российской политической традиции были привычными, то отсылка об обязанностях, вытекающих из светского и естественного права, были новыми и напрямую отсылали к идеям нововременных авторов, писавших о естественном праве. Таким образом, речь идет о том, что «самодержавная власть» в России покоится на «основательных законах».

Заметим, что проникновение представлений о государственном устройстве, в котором верховная власть осуществляет управление страной в соответствии с *фундаментальными законами*, фиксируется в России еще в первой трети XVIII в. Если же говорить о появлении *фундаментальных законов* в политической практике, то можно констатировать, что к настоящему времени первым известным случаем его использования был проект И.И. Шувалова, подготовленный по повелению императрицы Елизаветы Петровны в 1760–1761 гг.²²⁵ Однако, как видно из процитированных выше источников, А.И. Остерман использует это понятие уже в начале 1740-х гг.

Таким образом, согласно представлениям Остермана, в России была абсолютная монархия, в которой существовал «основательный закон» – петровский Устав о престолонаследии 1722 г.

²²⁴ Копия с письма отправленного по указу ея императорского величества самодержицы всероссийской от кабинетного министра вице-канцлера и орденов всероссийских кавалера графа Остермана к турецкому верховному везиру Апреля 12 дня, 1736 года. [СПб., 1736].

²²⁵ Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999. С. 124; Киселев М.А. Проблема прав и обязанностей российского дворянства в Уложенной комиссии на рубеже 1750-х и 1760-х гг.: к истории Манифеста о вольности дворянской // Урал. ист. вестн. 2013. № 3(40). С. 33; Польской С.В. Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII века // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. В 2 т. М., 2012. Т. 1. С. 94–150.

Что он имел ввиду? В европейской юриспруденции Нового времени было два подхода к пониманию того, что есть фундаментальные законы в государстве. Первый подход – это отношение к фундаментальному закону как к старому обычаю (*ancient custom*), являвшемуся важной частью государственного устройства (*constitution*). Второй подход, связанный с контрактной теорией возникновения государства, предполагал, что фундаментальные законы есть некие правила, которыми ограничивается власть правителя, включая и его право распоряжения престолом²²⁶.

Исходя из остермановских суждений о «здесьних государственных установлениях, основательных законах и обыкновениях», по которым в России наследование «понеыне и всегда содержится было», можно сказать, что это соответствовало логике понимания фундаментальных законов как части правовой традиции страны. При этом не стоит упускать из виду присутствие в библиотеке А.И. Остермана сочинений европейских юриспрудентов Нового времени, написанных в рамках контрактной теории.

Обратимся к рассуждениям одного из наиболее известных правоведов XVII в. С. Пуфендорфа, чей трактат «О должности человека и гражданина по закону естественному» был издан в Санкт-Петербурге в 1726 г., и идеи которого излагались на лекциях профессором Хр.-Ф. Гроссом²²⁷. В этой книге Пуфендорф утверждал, что власть правителя могла быть установлена либо через «насилие брани», либо «самоизвольно избирают над собою граждане властелина». В первом случае правители могли распоряжаться захваченной страной как своей собственностью, включая возможность раздела государства по завещанию между детьми. А во втором случае, «во оных же государствах, которые от начала самоизвольно народа волею устроены суть, чин наследствия из начала в воли тогожде народа имеется». И народ может либо установить законы о престолонаследии, где будет прописан порядок наследования в семье правителя, или же, «которые егда Государю с государством купно и право о устроении наследника вручал: то наследовати будет, кого он восхоцет». Получение правителем от народа права назначать себе наследника подразу-

²²⁶ Thompson M.P. The History of Fundamental Law in Political Thought from the French Wars of Religion to the American Revolution // The American Historical review. 1986. Vol. 91, № 5. P. 1106, 1108, 1109.

²²⁷ Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург, 2016. С. 130, 144.

мевало, что он должен помнить про «целость государства», т.е. не распоряжаться страной как своей собственностью²²⁸.

Учитывая правовые рассуждения такого рода, можно говорить о договорных коннотациях в остермановской формулировке об Уставе 1722 г. («по учиненному от Петра ... и от всех государственных чинов присягами подтвержденному узаконению зависит то всегда от воли владеющего самодержавного государя такое определение о наследстве учинить, какое он по своей самодержавной власти заблагоразсудит»), которая указывала не только на прерогативы монарха, но также подразумевала, как это не покажется на первый взгляд парадоксальным, и ограничение его всевластия. В этой логике, например, нельзя было рассматривать Российскую империю как частное владение династии Романовых, где монарх мог распоряжаться как вотчинник.

Действительно, если бы подданные российского монарха были частью имущества вотчинника (рабами), зачем нужно было беспокоиться об организации «прошения от народа»? Получалось, что отношения между государственной властью и народом в России строились на публично-правовых основаниях, в основе которых лежал договор между монархом и подданными. В то же время такая наша интерпретация остермановских рассуждений является дискуссионной и не согласуется концепцией, согласно которой российское самодержавие XVIII в., по формулировке Е.В. Анисимова, имело «право править без права»²²⁹.

Кроме представлений о форме правления и его обосновании можно рассуждать и о том, каким видел А.И. Остерман идеального монарха. Это возможно благодаря обширному «Мнению», подготовленному им для Анны Леопольдовны и опубликованному под заголовком «Представление генерал-адмирала графа Андрея Ивановича Остермана в 1740 г., на немецком языке писанное, правительнице принцессе Анне о внутреннем тогда состоянии Российской империи и о надежнейших способах к благоуспешному управлению государством». Идеи, озвученные в этом «Представлении», в более схематичной форме он высказывал в «Записке для памяти», которая являлась своего рода конспектом

²²⁸ Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб., 1726. Кн. 2. С. 440–446.

²²⁹ Анисимов Е.В. Самодержавие XVIII века: право править без права // Нестор: ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 7. Технология власти (источники, исследования, историография). 2005. № 1. С. 200–207.

текста, предназначенного регентше. Черновой вариант, написанный на немецком языке и во многом соответствующий опубликованному варианту текста, хранится в РГАДА.

В тексте «Мнения» главными для монарха Остерман называл три качества. Первое – «благочестие», нравственно-религиозное содержание которого в его понимании превращается в политическую добродетель, о чем говорят авторские пояснения: «Оно учинит Вас как временно, так и вечно счастливою. Упование, возлагаемое на Ваше N.N. целым народом, чрез то наипаче утвердится, поелику он знать и потому счастливым себя считать будет, что имеет благочестивую правительницу»²³⁰. Таким образом, благочестие правителя, в первую очередь, вело не к спасению души или к получению иного воздаяния от Бога, а к лучшему управлению подданными. Идея «благочестия» является также одной из «ключевых тем» в проекте Морской Академии (сер. 1730-х гг.). И.И. Федюкин отмечает, что благочестие – это и долг, и «первая и основная мотивация надлежащего поведения в целом». При этом «первой обязанностью учеников объявляется не верность государю или исполнение профессионального долга, а именно “страх божий”»²³¹. Действительно, глава «О должности учащихся общей» (XI.1) начинается со следующих слов: «Должны они, во-первых, в божеском страхе быть и всякия христианския добродетели творить, и от всех злых и скверных дел воздержаться, ведая, что от лица божия нигде скрытны быть не могут»²³². Но, как и в случае с «благочестием» монарха, здесь идея духовного благочестия дополняется светским долженствованием благочестия. Далее речь шла о «человеколюбии и благосклонности», которыми царствующая особа привлечет «к себе во всякое время сердца и умы целого народа... Всем известно, какое доброе действие производит то в умах подданных, когда имеют они правительницу милостиво и человеколюбно их выслушивающую, и никого от себя печальным не отпускающую»²³³.

²³⁰ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году, сообщено им же, с заметкою А.К. // Памятники новой русской истории. Сб. исторических статей и материалов. Т. 3. СПб., 1873. С. 257.

²³¹ Федюкин И.И. Граф А.И. Остерман и проект реформирования Морской академии // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России первой половине XVIII века. М., 2015. С. 183.

²³² Проект к Морской академии и принадлежащей ко оной школе (1730-е) // «Регулярная академия учреждена будет...»... С. 198.

²³³ Мнение графа А.И. Остермана... С. 257.

Третьим качеством названа «любовь к правосудию и истине»: «Злоба чрез то покорянится; все будет в должном повиновении и в сердцах всех честных подданных, боящихся Бога и хотящих быть христианами, воспалится неугасимый огонь любви и радостного на Ваше N.N. упования»²³⁴. Благодаря руководству этими качествами, «правление счастливым, славным и вкупе спокойным [будет], поелику ничем другим, как токмо оными, можно привлечь к себе умы всех и получить благословение от Бога»²³⁵.

Кроме того, Остерман обращался к категориям «справедливости» и «правосудия» (его он признает «подпорою каждого правительства»). Он отдельно написал про «власть законов», которые «каждому надлежащую определяя мзду, должны быть для каждого священны»²³⁶. Поэтому неподдельное раздражение его вызывал медленный и затянувшийся более чем на 20 лет процесс составления нового Уложения, «как трудятся... над новою книгою законов»²³⁷. По мнению Остермана, следствием руководства буквой закона станет то, что у подданных будет «любовь вместе с повиновением, и время и опыт покажут великую от того пользу»²³⁸. Таким образом, божественное ушло на второй план, уступая место светским нормам.

Одной из обязанностей монарха, по мнению Остермана, было поощрение подданных к службе. Эту идею он неоднократно повторял в разных проектах и докладах. В записке (1730) такое поощрение Остерман называл «анкуражированием»: «особливо» надлежало «смотреть», «ежели кто какую особливую службу показал», такого человека, несмотря на возраст и ни на что другое, «пожаловать пристойно, для анкуражирования другим». В противном случае следовало учитывать «достоинство» и «старшинство», иначе «старший в печали останется и охота к службе пропадет»²³⁹. Остерман, осознавая важность мотивации в работе, указывал на необходимость «узнавать людей по их делам»²⁴⁰ и

²³⁴ Там же. В «Записке для памяти» это звучит так: «Милосердие и снисходительство. Любовь к правосудию и исполнение онаго. Поклеплять правосудие частыми издаваемыми манифестами». Записка для памяти графа Андрея Ивановича Остермана // Архив князя Воронцова. Кн. 24. М., 1880. С. 1.

²³⁵ Мнение графа А.И. Остермана... С. 259.

²³⁶ Там же. С. 258.

²³⁷ Там же. С. 259.

²³⁸ Там же. С. 260.

²³⁹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 225. Л. 1.

²⁴⁰ Мнение графа А.И. Остермана... С. 259.

указывал на важность привлечения к службе карьерными перспективами: «Никто не хочет охотно служить во флоте, потому что они там не имеют таких случаев к повышению и к знатнейшим чинам, как в сухопутной армии; для того потребно для сих людей некоторое поощрение»²⁴¹. Концепт поощрения присутствует и в проекте Морской Академии, который предполагал задачу «воспитателей не принуждать учеников, а возбудить в них “охоту” и к учебе, и к успешной службе в целом»²⁴². В качестве мотивации предлагалась возможность, говоря современным языком, карьерного роста. Эти принципы Остерман распространял и на вольнонаемный труд. Летом 1739 г. в связи с выговором императрицы он подготовил оправдательный доклад, в котором приводил следующие сведения: «Сие генерално толко могу донести, что по учиненной от меня в Морской комиссии пробе явно показалось к немалой Вашего Императорского Величества казенной ползе, что все то, что порядочным наймом исправлено быть может, прибылнея и скоряе делается»²⁴³.

При этом на первое место А.И. Остерман выдвигал профессиональные навыки (благодаря чему он сам смог сделать свою карьеру). При выборе кандидатов он руководствовался следующими правилами: «Выбрать тех, которые... себя особливо пред другими радетельно показали», далее по приоритетам «при пожаловании других» шло «достоинство» и «старшинство», а для этого «повелеть себе подать исправную роспись всем чинам до полуполковническаго рангу»²⁴⁴. Кроме того, он рекомендовал «генерално объявить, что... извольте в ранги производить по некоторому определенному числу..., и сперва производить в том числе тех, которые того особливо достойными... себя учинили, а потом, сколько возможно по старшенству, чтоб никому напрасной обиды не было»²⁴⁵. Он указывал, что ряд кандидатов при армии «места не имеют и иметь не могут», поэтому следовало их «в статские чины с повышением» производить. Таким образом Остерман предлагал разрешить и ситуацию кадровой перенасыщенности: «Лишняго генералитетства не прибудет»²⁴⁶.

²⁴¹ Там же. С. 267.

²⁴² Федюкин И.И. Граф А.И. Остерман и проект реформирования Морской академии... С. 184.

²⁴³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1182. Л. 128.

²⁴⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 225. Л. 2.

²⁴⁵ Там же. Л. 2 об.

²⁴⁶ Там же. Л. 3.

Особое внимание Остерман уделял перспективам развития образовательной системы. Он писал: «Ничто так государству не нужно, как хорошия училища». Обучение детей и юношей, полагал он, «послужило б со временем к сильному искоренению злобы»²⁴⁷, и способствовало бы лучшему управлению подданными.

«Представление» является наиболее обширным из всех текстов А.И. Остермана. В некотором смысле, это единственное мнение-проект, потому что все остальные упоминаемые нарративы являются докладами, оправдательными записками, полумемуарными конспектами «конференций» (заседаний кабинетных министров в доме Остермана), целью которых было объяснение, оправдание перед монархом. Однако «Представление» – это именно проект по государственному управлению, который имел рекомендательный характер и адресовался особе, только что занявшей престол в качестве регента в возрасте 22 лет. Анна Леопольдовна, которой этот проект адресовался, не готовилась ранее к роли правителя, не обладала поддержкой знати и заняла престол благодаря тому, что была матерью младенца-императора Иоанна, назначенного наследником предыдущей правительницей Анной Иоанновной. Анна Леопольдовна была юной и неискушенной в управлении особой, которая нуждалась в советниках. Может показаться, что Остерман решил воспользоваться случаем и, представив такой проект, заслужить внимание правительницы. Более того, некоторые мемуарные источники подтверждают нарастающее влияние Остермана в конце 1740-го и начале 1741 г. Однако появление проекта можно объяснить не только тем, что Остерман попытался вернуть влияние, которое стал терять с появлением А.П. Волынского в Кабинете министров, но и тем, что стремился внушить Анне Леопольдовне свои идеи в связи очевидным финалом своей политической карьеры.

К этому времени А.И. Остерман – политик, переживший пять правителей и, находясь в возрасте 54 лет, уже успел потерять свое влияние, пик которого пришелся на начало 1730-х гг. Приход Анны Леопольдовны к власти не сулил ему выигрышной позиции, так как его оппонентами оставались Б.Х. Миних и, что еще важнее, М.Г. Головкин, находившийся в кровнородственных связях с новой правительницей. Влияние Остермана ослабло в начале 1741 г., о чем мы можем судить из спора, возникшего между ним и Минихом в отношении новой департаментской ре-

²⁴⁷ Мнение графа А.И. Остермана... С. 261.

формы Сената²⁴⁸. Влияние Головкина было довольно сильным – он занимал вместе с Остерманом пост кабинетного министра, и Анна старалась не допустить ссоры между ними, о чем напрямую писала Остерману осенью 1741 г. во время «конференций», проводимых в доме Остермана с целью разработки нового закона о престолонаследии: «з Головкиным сношение иметь, понеже он... то дело зачал, и дабы в противном случае от того не произошли б ссоры»²⁴⁹. Остерман, будучи умелым и изощренным политиком, понимал, что при новом правлении от него требуются скорее консультативные услуги, а реальная власть, как и влияние на регентшу, находились в других руках.

«Представление» является проектом, написанным опытным политиком и адресованным юной правительнице, т.е. в некотором смысле А.И. Остерман выступал в качестве «учителя» или «наставника». Здесь он суммировал весь управленческий опыт, которым обладал к 1740 г. Более тщательный анализ текста показывает, что все его предыдущие политические инициативы, разрозненные на первый взгляд, складываются в целостную картину и выступают в качестве программы, отраженной в «Представлении» – программы, нацеленной на централизацию власти с департаментизацией органов управления, открытием учебных заведений, расширением международной торговли, и все это под управлением мудрого монарха. При этом, его суждения носили именно рекомендательный характер, не подразумевая особой роли автора при реализации проекта.

Последний вопрос, который все еще остается открытым: почему опытный политик Остерман, зная о готовящемся перевороте Елизаветы Петровны, не предпринял никаких действий, чтобы предотвратить его? Мы знаем, что он предупреждал Анну Леопольдовну, но эти действия не возымели должного эффекта. Безусловно, он понимал, что приход к власти дочери Петра не сулил ему продвижения по карьерной лестнице и грозил опалой, так как он принимал активное участие в вопросах престолонаследия и не рассматривал Елизавету в качестве вероятной претендентки на престол (в итоге, именно этот пункт обвинения ему был предъявлен в первую очередь после переворота 1741 г. и был основанием

²⁴⁸ Лысцова А.С. Реформа Кабинета и Сената 1741 г.: к истории государственной деятельности А.И. Остермана и Б.-Х. Миниха // Вестник Вятск. гос. ун-та. 2017. № 3. С. 28–29.

²⁴⁹ РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 27.

для смертной казни, замененной ссылкой). Возможно, Остерман рассчитывал успеть уйти в тень до переворота Елизаветы, но неожиданность ее действий нарушила его планы.

Таким образом, по представлениям А.И. Остермана, в России была и должна была быть абсолютная монархия – «самодержавство». При этом можно говорить о наличии в его концепции «договора» между монархом и народом. Хорошему монарху он приписывал три основных качества, благодаря которым его правление должно было быть «счастливым» – «благочестие», «человеколюбие и благосклонность», «любовь к правосудию и истине». Обладание этими морально-нравственными качествами создавали, по идее Остермана, позитивный образ правителя в глазах подданных, что служило основным инструментом в управлении народом. Остерман отталкивался в данном случае от идеи естественного права, на основании которого *правильное руководство ведет к общему благу*. Как следствие, хороший монарх должен был постоянно поощрять – «анкураживать» – своих подданных к службе, учитывая, в первую очередь, не принадлежность к старому роду, а личные качества и способности.

В целом, эти идеи исходили из понимания человеческой природы, когда светские представления стали доминировать над религиозными. Религиозные предписания уже не могли быть инструментом, сдерживающим человеческие страсти. Как пишет А.О. Хиршман, встала задача найти «более эффективные способы регулирования человеческого действия, чем те, что сводились к морализаторским наставлениям или же угрозам вечного проклятья»²⁵⁰. Это вполне соответствует идеям естественного права, под влиянием которых находился Остерман. Свободно владея несколькими иностранными языками, он был знаком с обширной современной ему литературой (обладатель одного из самых обширных книжных собраний своего времени), а среди тех немногих, кого он приближал к себе, был знаток естественного права профессор Гросс (он руководил воспитанием детей Остермана). К этому можно добавить не первый по значению, но важный фактор – А.И. Остерман был иностранцем, он получил хорошее (правда, неоконченное) европейское образование, и в своих реформаторских начинаниях руководствовался актуальным европейским опытом управления.

²⁵⁰ Хиршман А.О. Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. М., 2012. С. 42.

9.5. «СЛУГИ ЛЕВИАФАНА» ПОД ПРИЦЕЛОМ ЮНИУСА

Идея баланса сил между государством и обществом закрепилась в политической культуре Великобритании в эпоху Просвещения, на этой идейной основе шло формирование институтов гражданского общества и сложилась политическая журналистика, которая оказалась в состоянии защищать принципы свободы слова и печати. Показателем развития политической журналистики в Британии, начиная с «памфлетной войны» в правление королевы Анны, было нарастание ежедневной печатной продукции, газет, летучих листов и т.п. Приметой времени стали журналы Р. Стила и Дж. Аддисона – «The Tatler» («Болтун») и «The Spectator» («Наблюдатель»). Тем не менее, подлинное рождение политической публицистики начинается в 1760–1770-е гг. К этому времени уже хорошо известны имена Дж. Свифта, Д. Дефо, Г. Филдинга, Дж. Уилкса и др. Еще одним интеллектуалом, оставившим свой след в борьбе за свободу слова, был журналист, писавший под псевдонимом Юниус.

Имя «Юниус» использовал Филипп Фрэнсис (1740–1818), клерк военного министерства. Он был хорошо образован (выпускник школы Св. Павла), разбирался в политике и экономике, с юных лет собирал информацию об известных политиках, и, судя по всему, был честолюбивым молодым человеком. Письма «Юниуса» печатались в газете «The Public Advertiser» с ноября 1768 г. по 1772 г. И благодаря печати писем Юниуса тираж газеты заметно увеличился с 2800 до 4800 экземпляров ежедневно²⁵¹. В 1772 г. издатель «The Public Advertiser» Генри Вудфолл опубликовал сборник писем «Stat Nominis Umbra». В издание вошло 69 писем, как самого Юниуса, так и его оппонентов²⁵². Название сборника с латинского языка можно перевести как «В тени [великого] имени». Филипп Фрэнсис, вероятно, использовал крылатую фразу «Magni nominis umbra» («Тень великого имени»). До конца жизни он так и не признался даже самым близким людям в своем авторстве: «я один только обладаю своей тайной, и она умрет вместе со мной»²⁵³.

²⁵¹ Rea R.R. The English Press in Politics 1760–1774. Lincoln, 1963. P. 176.

²⁵² 42 письма имеют подпись Юниуса, 16 – Фило Юниуса (Philo Junius), 5 – сэра Уильяма Дрейпера, 3 – Джона Тука Хорна и 3 – без подписи.

²⁵³ Пименова Э.К. Очерк истории развития английской журналистики // История печати: Антология. В 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 345. Загадка авторства Юниуса беспокоила ученые умы с конца XVIII до начала XX века.

Юниус владел ресурсами английского языка непревзойденным образом. Он был мастером саркастической инвективы. При этом его сочинения содержали последовательную политическую философию. Он был вигом, хорошо разбирался в работах Гоббса, Локка и их французских преемников. Для него конституция Англии была священна: она оберегала права народа, который нуждался в защите от посягательств не только короля, но и парламента, и главной гарантией этого была свобода печати. Только свободная пресса могла держать граждан в курсе возможных злоупотреблений власти и нарушении прав. Кроме того, пресса служила для информирования правительства о нуждах и желаниях народа, была средством предотвращения катастрофического расширения дистанции между правителем и народом. Свобода печати, говорил Юниус во введении к сборнику писем, была «Палладиумом всех гражданских, политических и религиозных прав англичанина»²⁵⁴. Практически во всех письмах он использует риторический прием обращения к «публике», анализируя публичный образ «адресата-жертвы». Предмет пристального внимания Юниуса – поведение первых лиц государства, их моральный облик. Он постоянно апеллирует к духу британцев и указывает на несправедливость и незаконность действий правительства в отношении «народа этой страны», «законам и обычаям этого королевства». Он не призывает народ к бунту, а стремится предостеречь правительство от такого исхода событий.

Британский историк Д. МакКракен назвал письма Юниуса «подробным, хотя и весьма предвзятым, политическим учебником той эпохи»²⁵⁵. Действительно, Юниус поднимает в своих письмах множество тем – от мелких судебных разбирательств до роста независимости Североамериканских колоний. Он империалист, искренне радеющий за возвышение и возвеличивание Англии. Его анализ потери Корсики и неиспользования возможностей Фолклендского кризиса – тому доказательство. Он убежден, что налогообложение Североамериканских колоний – это святое право Британии. Юниус ненавидит и презирает все шотландское, при этом с уважением относится к Ирландии (она является родиной Ф. Фрэнсиса). Автор глубоко разбирается в британской конституции. Его нападки сопровождаются примерами прецедентов

²⁵⁴ Junius. *Dedication to the English Nation* // Junius. *Stat Nominis Umbra*. In 2 vols. L., 1772. Vol. 1 / Ed. by H.S. Woodfall. P. V.

²⁵⁵ McCracken D. *Junius and Philip Francis*. Boston, 1979. P. 69.

и ссылками на законодательные документы. Юниус крайне редко отклоняется от своей модели разоблачения: начиная с воспевания «благодетельных качеств» своих «жертв» и заканчивая их полным разгромом. Он апеллирует к морально-нравственным чувствам своих адресатов, обращая внимание на то, что личная выгода не может быть выше общественной, и советуя им быть честными и справедливыми.

Литературный стиль анонимного автора насыщен богатыми метафорами и интересными сатирическими оборотами²⁵⁶. Юниус был хорошо знаком с греческим, латинским, итальянским, французским языками, цитировал Шекспира и Мильтона. В письмах ощущается влияние Гоббса и Локка, Болингброка и Свифта, а также Тацита²⁵⁷. Письма оказались непревзойденным образцом гражданской журналистики и политической публицистики.

В своих письмах Юниус демонизирует сначала герцога Графтона, потом лорда Мэнсфилда. В начале своей деятельности он не мог знать, чем кончатся его нападки на правительство. Его мотив – недовольство арестом и последующим исключением Дж. Уилкса из парламента, а задача автора – обличить виновных и привлечь внимание общественности. Его аудиторией, в первую очередь, выступает образованное общество, способное присоединиться к его борьбе против власти, во вторую – находящиеся у руля правления аристократы. Таким образом, и провокативный дискурс писем становится понятен.

Если рассматривать ключевые понятия, используемые анонимным автором, то выделяются следующие: «народ» (*nation, people, men*), «власть» (*ministers, administration, power, court, judgement*), «права» (*common law, rights, constitution*), «коррупция» (*corruption, sale*) и свобода (*freedom, liberty*). Вокабуляр Юниуса чрезвычайно богат на синонимы.

Используя слова «nation», «people», «men», Юниус, как правило, добавляет к ним определение «english» (*english nation, english people* или *people of England, Englishmen* и т.п.). Используется это понятие исключительно в положительном контексте, и неразрывно с ним – понятие «право», тоже в положительной коннотации. Права «естественны» и даны народу «при рождении».

«Власть» и «коррупция», в большинстве случаев, применяются в негативном контексте. Юниус предпринимает попытки

²⁵⁶ Taylor J. A discovery of the author of the letters of Junius. L., 1813. P. 65–67.

²⁵⁷ Ibid. P. 82.

описать, как должна действовать власть, чтобы понятие приобрело позитивную коннотацию. Однако практически в каждом письме заключает: власть пренебрегает правами народа. Так, данные четыре понятия складываются в систему: «права» и «народ» противопоставляются «власти» и «коррупции».

К понятию «свобода» Юниус обращается реже, хотя все его письма пропитаны духом либерализма, сохранения права выбора и борьбой за свободу слова. В целом же через противопоставление «народа» с его «правами» и «власти» с ее «коррупцией» прослеживается главный тезис: власть должна ограничить себя и предоставить больше «свободы» народу.

Юниус поднимает злободневные вопросы, осознанно прибегает к использованию «крамольной клеветы» для большего привлечения внимания. На протяжении 1768–1772 гг. ему это удается, но после освобождения Уилкса, отставки герцога Графтона и успешного для дела свободы печати окончания судов над издателями интерес к письмам спадает. Это чувствует сам автор и прекращает свою деятельность, так и оставшись инкогнито.

Для более глубокого анализа пяти ключевых понятий Юниуса необходимо рассмотреть четыре основных сюжета его публицистики. Во-первых, это дело Уилкса и развернувшееся впоследствии петиционное движение. Во-вторых, «незаконные», по мнению Юниуса, действия парламента и министерства герцога Графтона. В-третьих, обращение к Георгу III. И, в-четвертых, суды над издателями, опубликовавшими письмо королю.

Петиционное движение

Дело Уилкса берет начало в № 45 «The North Briton» («Северный британец»), который вышел 23 апреля 1763 г. в ситуации заключения непопулярного Парижского мирного договора²⁵⁸. Дж. Уилкс был задержан за «крамольную клевету», и его бумаги изъяты. Тем не менее, как член палаты общин он был выпущен на свободу под залог. Однако, не дожидаясь судебного разбирательства, Уилкс бежит во Францию. Из Парижа он возвращается в 1768 г. в надежде снова получить место в палате общин в ходе очередных парламентских выборов. В марте 1768 г. он одержал победу на выборах в Мидлсексе, а в апреле суд все же состоялся, и Уилкс был приговорен к штрафу в 500 фунтов и 22 месяцам

²⁵⁸ Parkes J. Memoirs of Sir Philip Francis, K.C.B. With Correspondence and Journals. Vol. 1. L., 1867. P. 62.

заклучения за «крамольную клевету»²⁵⁹. Протесты против его ареста в мае 1768 г. привели к «резне на полях Св. Георгия»²⁶⁰. Кабинет и король были категорически против его кандидатуры, и герцог Графтон убедил членов палаты общин не признавать результаты выборов в Мидлсексе. 3 февраля 1769 г. парламент исключил Уилкса из состава палаты общин. После этого Уилкс, все еще находясь в заключении, трижды выдвигал свою кандидатуру на выборах в Мидлсексе, трижды побеждал и трижды исключался из парламента. 15 апреля 1769 г. в палате общин созрело предложение предоставить это место полковнику Генри Латтреллу, последний раз проигравшему Уилксу²⁶¹, 5 мая палата общин постановила, что «Генри Лоус Латтрелл должным образом избран графством Мидлсекс»²⁶². Это событие повлекло за собой развитие петиционного движения (Petitioning Movement). В 1769 г. под руководством Дж. Хорна было сформировано Общество сторонников Билля о правах (Society for the Supporters of the Bill of Rights). Организация рассылала по всей стране циркуляры с петициями, требующими отставки правительства Графтона. 72 депутата подписали документ, осуждающий действия палаты общин по отстранению Уилкса от должности члена парламента. К концу 1769 г. восемнадцать округов и тринадцать городов подали петицию о роспуске парламента, и более четверти всего электората подписали подобные петиции, но все они были проигнорированы администрацией Графтона. Как пишет М.П. Айзенштат, исключение Уилкса и замена его другим кандидатом делало решение палаты равносильным парламентамскому акту, т.е. закону, который принят обеими палатами и утвержден королем²⁶³. Эти события стали катализатором для Юниуса.

Именно на деле Уилкса остановился Юниус в своем первом письме, опубликованном 21 ноября 1768 г. Он описывает Уилкса как человека, который был «предан своими друзьями» и поэтому

²⁵⁹ Cash A. H. John Wilkes. The Scandalous Father of Civil Liberty. L., 2006. P. 227.

²⁶⁰ Ibid. P. 223–224.

²⁶¹ Сидоренко Л.В. Герцог Графтон в кабинетной политике Георга III в 1760–1780-е гг. // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2009. № 3. С. 25–26.

²⁶² Семенов С.Б. Парадокс Джона Уилкса // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 207.

²⁶³ Айзенштат М.П. Британия Нового времени. Политическая история. М., 2007. С. 78.

заслуживает «великодушной симпатии человечества», и двух его «предателей» – герцога Графтона и лорда Кэмдена, которых упрекает в пренебрежении политической дружбой. По мнению Юниуса, благодаря Дж. Уилксу и его журналу «The North Briton» кабинет лорда Бьюта в 1763 г. ушел в отставку.

В 1766 г. в кабинет Уильяма Питта-старшего вошли и герцог Графтон, и лорд Кэмден. Юниус, очевидно, считает, что без отставки лорда Бьюта они не получили бы своих должностей. Таким образом, «казус» Уилкса помог им подняться до первых постов в королевстве, а «друзья» не протянули ему руку помощи. В заключении письма звучала угроза в адрес премьер-министра: «В данном случае герцог Графтон вполне может обнаружить, что он играл в глупую игру. Он поднялся благодаря популярности мистера Уилкса, и нет ничего невероятного в том, что он может и пасть из-за нее»²⁶⁴. Юниус высказывает мысль, что исключением Уилкса из палаты общин администрация Графтона нарушит конституцию и, более того, Графтон не в состоянии будет справиться с текущим политическим кризисом «Уилкса и свободы».

В последующих письмах Юниус обращает внимание общества на «редкое проявление законности», утвердившее Латтрелла представителем электората, который проголосовал за Уилкса. «С этим прецедентом, с принципами, на которых он был создан, и с будущей палатой общин, возможно менее добродетельной, чем нынешняя, каждое графство в Англии при поддержке казны может быть абсолютно так же представлено, как и графство Мидлсекс»²⁶⁵. По мнению Юниуса, дело не в Уилксе, а в том, что своими действиями правительство посягнуло на права избирателей: «Вы объединили эту страну против себя по большому конституционному вопросу, от решения которого абсолютно зависит наше существование как свободного народа. Вы показали не на словах, а на деле, что представительство в парламенте не зависит от выбора фригольдеров»²⁶⁶.

В апреле – мае 1770 г. в парламенте, в городе, в газетах виги упорно продолжали свою борьбу за власть. Общество сторонников Билля о правах выплатило все долги мистера Уилкса на сум-

²⁶⁴ The Letters of Junius / Ed. by J. Cannon. Oxford, 1978. P. 456.

²⁶⁵ Сидоркина Т.С., Кручинина Н.А. Борьба Юниуса за соблюдение избирательных прав: «Письмо XI, его светлости герцогу Графтону» // *Imagines mundi*: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. 2019. № 10.

²⁶⁶ Там же. С. 38.

му 17 тыс. ф. ст. 17 апреля срок его заключения истек. Он был освобожден и избран олдерменом округа Фаррингдон-Уитаут²⁶⁷.

Через этот сюжет прослеживается ключевая тема Юниуса – тема свободы. В данном контексте понятие «свобода» интерпретируется как право выбора представителей в парламент. Несмотря на то, что реально палата общин имела право исключать депутатов и самостоятельно решать избирательные споры, Юниус считает решение о замене Уилкса Латтреллом антиконституционным и незаконным. А значит, это решение нарушает права англичан, «данное им при рождении». Соответственно власть действует не в интересах общества, пренебрегает его свободами.

Министерство герцога Графтона и парламент

Юниус обращается ко многим личностям, входящим в администрацию в промежуток с 1769 по 1772 гг. Однако ключевой фигурой – лицом министерства и «нечестивого» парламента – становится герцог Графтон, против которого Юниус разворачивает настоящую борьбу. Каждое письмо с 1768 по 1770 гг. он выстраивает таким образом, чтобы навредить администрации Графтона, которая нарушает «естественные права англичан».

Первые 18 писем Юниуса дают нам представление о целях и характере борьбы молодого Филиппа Фрэнсиса. Он совершает свои атаки на кабинет министров Графтона, вскрывая «нарывы» проблем, образовавшиеся из-за «неумелого» руководством герцога. Юниус описывает Графтона как человека аморального, перенявшего худшие черты своих предков Стюартов, предателя своих друзей и бесчестного мужчину, состоявшего в незаконных отношениях с женщиной. Юниус перечисляет ошибки премьер-министра в колониальной политике и признает его «заслуги» во французском завоевании Корсики. Он считает его систему управления «одновременно отвратительной и недостойной»²⁶⁸ и «сваливает» на Графтона все беды королевства: рост антиамериканских настроений, беспорядки в Лондоне, арест Уилкса и последующие «антиконституционные» меры по отношению к народу. Юниус поднимает вопрос о правомочности решений существующей палаты общин и настаивает на ее роспуске. Ответы, которые он получит, его не устроят, а только разожгут огонь его сопротивления и вдохновят его на новые письма.

²⁶⁷ Cash A. John Wilkes... P. 267.

²⁶⁸ Junius. Letter XII to his Grace the Duke of Grafton. 30. May, 1769 // Junius. Stat Nominis Umbra. Vol. 1 / Ed. by H.S. Woodfall. L., 1772. P. 85–86.

Юниус вступает в полемику с доктором Блэкстоном касательно законности утверждения Генри Латрелла вместо избранного фригольдерами Миддлсекса Уилкса. Эту историю Юниус заканчивает следующей фразой: «Я не могу выразить свое мнение о нынешнем министерстве более точно, чем словами сэра Ричарда Стила: “нами правит кучка болтунов, чья глупость лишает проблемы всех их достоинств и делает абсурдными даже катастрофы”»²⁶⁹. Более того, в своем письме XLVI от 22 мая 1771 г. Юниус выдвинет опасение, что прецедент Уилкса, может сыграть злую шутку с нынешней и будущей палатой общин. Ведь может сложиться так, что «член нынешней палаты общин будет вести себя столь неподобающе и в действительности будет заслуживать того, чтобы быть изгнанным... с позорным клеймом», но настоящая палата не рискнет изгнать его, «потому что они знают, что народ снова попытается решить великий вопрос о праве»²⁷⁰.

Юниус поднимает свое перо и против герцога Бедфорда. В этом случае его нападки, возможно, достигли предела. У герцога умер единственный сын, многообещающий молодой человек²⁷¹. Обычного соперника это обстоятельство бы обезоружило. Но Юниус использовал его в своих интересах, попытавшись вызвать к герцогу отвращение. Бедфорд, несмотря на свою потерю и скорбь, продолжал выполнять свои общественные обязанности. Юниус обвинил его за это в бесчувственности. В иронично-возвышенной прозе Юниус противопоставляет того, кем мог бы быть «самый богатый пэр Англии», тому, кем он на самом деле является. Он выборочно пересказывает историю карьеры Бедфорда, в которой значимые события включают в себя «куплю-продажу городов» по Парижскому договору и оскорбительное поведение по отношению к королю²⁷². Бедфорд в свое время требовал от короля отставки его фаворита лорда Бьюта. Созданный имидж – это образ жаждущего власти, продажного политика, настолько ненавистного всем, что в старости он не может найти безопасного места для выхода на пенсию.

²⁶⁹ Junius. Letter XXII to the Printer of the Public Advertiser 4. Sept., 1769 // Stat Nominis Umbra... Vol. 1. P. 162.

²⁷⁰ Philo Junius. Letter XLVI to the Printer of the Public Advertiser. 22 May, 1771 // Stat Nominis Umbra... Vol. 2. P. 173.

²⁷¹ Massey W. A History of England during the Reign of George the Third. Vol. 1. L., 1855. P. 367.

²⁷² Junius. Letter XXIII to His Grace the Duke of Bedford 19 Sept., 1769 // Stat Nominis Umbra... Vol. 1. P. 162–176.

Поднимаются также вопросы о коррупции. Юниус узнал о Сэмюэле Воане, который 27 ноября 1769 г. предстал перед лордом Мэнсфилдом за попытку выкупить у Графтона офис на Ямайке²⁷³. Еще в 1765 г. Воан «выкупил» у герцога должность секретаря Верховного суда Ямайки, а 1769 г. хотел продлить этот договор за сумму в 5000 ф. ст. для передачи офиса трем своим сыновьям²⁷⁴, но Графтон по какой-то причине отказал и вызвал Воана для расследования дела по предложению взятки в суд королевской скамьи²⁷⁵. Интересно, что это событие сыграло против обоих участников скандала. В коротком письме XXXIII, которое Юниус опубликовал 29 ноября 1769 г., сообщалось, что это обвинение является средством для укрепления репутации герцога. Теперь премьер-министр может принимать будущие взятки «с безопасностью» – прецедент уже создан. В поддержку этой интерпретации Юниус обвинил Графтона в продаже патента на должность сборщика таможенных пошлин в Эксетере Роберту Хайну, за которую Графтон взял 3500 ф. ст. По мнению Юниуса, премьер-министр потратил эти деньги на карточные игры. Это обвинение послужило основанием для серии гневных риторических вопросов: «Вы смеете преследовать такое существо, как Воан, в то время как сами подло выставляете Королевское покровительство на аукцион? Как Вы смеете жаловаться на посягательство на Вашу собственную честь, продавая милости короны? <...> И, уж я надеюсь, Вы не думаете, что такие чудовищные события могут обойтись без импичмента?»²⁷⁶.

Юниус, чьи письма выходили в 1770 – начале 1771 г. заметно реже, оживился, когда король предложил герцогу Графтону место лорда хранителя малой печати. Он был в ярости из-за того, что Графтон осмелится принять назначение, и из-за того, что король осмелился вознаградить его. Юниус припоминает Графтону старые обиды, дополняя их новыми обвинениями²⁷⁷. С перерыва-

²⁷³ Lindsay D.W. Junius and the Grafton administration 1768–1770 // *Prose Studies. History, Theory, Criticism*. 1986. Vol. 9. P. 172.

²⁷⁴ Boswell J. *The general correspondence of James Boswell, 1766–1769*. Vol. 2. Edinburgh, 1997. P. 239.

²⁷⁵ *The Political Register and Impartial Review for MDCCLXX* / Ed. by J. Almon. Vol. 6. L., 1770. P. 23.

²⁷⁶ Junius. Letter XXXIII to His Grace the Duke of Grafton 29 Nov., 1769 // *Stat Nominis Umbra...* Vol. 2. P. 20–21.

²⁷⁷ Junius. Letter XLIX to His Grace the Duke of Grafton. 22 June, 1771 // *Stat Nominis Umbra...* Vol. 2. P. 182–189.

ми Юниус посвящает Графтону еще три письма от 9 июля²⁷⁸, 28 августа²⁷⁹ и 27 ноября 1771 г.²⁸⁰ В них он анализирует деятельность герцога Графтона уже на новом посту и указывает на его ошибки, еще не известные миру. С жаром Юниус отмечает, что война Графтона против Уилкса закончилась тем, что последний стал олдерменом Лондона²⁸¹.

В конечном счете, герцог Графтон после нескольких лет борьбы подает в отставку (28 января 1770 г.). Атака на Графтона проходит в три этапа: в 1769 г. – последний год его нахождения в должности премьер-министра (письма VIII, XI, XII, XV, XXXIII, XXXIV), в феврале 1770 г. – при его отставке (письмо XXXVI) и в июне 1771 г. – при получении должности лорда-хранителя тайной печати (письма XLIX, L, LVII и LVIII).

Право выбора в этом сюжете прослеживается более отчетливо. Юниус утверждает: «Палата общин – это всего лишь рассказчики, чей долг – верно донести до короны чувства народа»²⁸². А как эти чувства могут быть полноценно выражены, если парламент пренебрегает избирательными правами народа? Кроме того, в этом сюжете и в последующем, помимо нарушения прав английского народа активно поднимается тема коррупции.

Юниус рисует образ министерства, равно как и парламента, как монстра, представляющего собой все самое худшее.

Обращение к королю

Письмо под номером XXXV²⁸³ стало кульминационным в карьере Юниуса. Оно содержит в себе анализ всех сложных и проблемных эпизодов за первое десятилетие правления Георга III. Юниус писал Г. Вудфоллу: эта публикация будет «большой и, я надеюсь, заключительной частью» борьбы с властью. Это письмо было знаменитой атакой на короля, описанной Х. Уолполом как самое дерзкое оскорбление, когда-либо нанесенное принцу со

²⁷⁸ Junius. Letter L to His Grace the Duke of Grafton. 9 July, 1771 // *Stat Nominis Umbra...* Vol. 2. P. 190–196.

²⁷⁹ Junius. Letter LVII to His Grace the Duke of Grafton. 28 Sept., 1771 // *Stat Nominis Umbra...* Vol. 2. P. 248–257.

²⁸⁰ Junius. Letter LXVII to His Grace the Duke of Grafton. 27 November 1771 // *Stat Nominis Umbra...* Vol. 2. P. 302–308.

²⁸¹ Junius. Letter L to His Grace the Duke of Grafton. 9 July, 1771 // *Stat Nominis Umbra...* Vol. 2. P. 192.

²⁸² Junius. Letter XXXVIII to the Printer of the Public Advertiser. 3 April, 1770 // *Stat Nominis Umbra...* Vol. 2. P. 89.

²⁸³ Junius. Letter XXXV to the Printer of the Public Advertiser. 19 December, 1769 // *Stat Nominis Umbra...* Vol. 2. P. 29–56.

времен последней революции. Хотя по большей части Юниус придерживается линии, что Георг III был введен в заблуждение своими министрами, он был ближе, чем когда-либо прежде, к тому, чтобы возложить на короля личную ответственность за события своего царствования²⁸⁴.

Письмо XXXV от 19 декабря 1769 г. было адресовано издателю «The Public Advertiser». Однако реальным адресатом являлся Георг III. Юниус на протяжении всего письма критикует политическую деятельность первого человека в государстве. Король, по мнению автора, подвержен влиянию со стороны матери, лорда Бьюта и своих министров. Юниус выражает «искренние симпатии» королю в период его восшествия на престол, намекая на дальнейшие разочарования народа.

Юниус поднимает вопросы Ирландии и Шотландии, считая, что король едва ли может рассчитывать на их искреннюю преданность, пишет о стремящихся к свободе Североамериканских колонистах, разнузданном парламенте, меняющем конституцию ради собственной выгоды, упрекает Его Величество в использовании армии против гражданского населения. Закljučая, что во всех делах государства что-то не так, он изрекает пророческую фразу: «Если это мгновенно не потрясет Ваше царствование, то навсегда лишит Вас душевного покоя»²⁸⁵. Как известно, Георг III перенес четыре приступа безумия в период с 1788 по 1810 гг.

Юниус обращается к излюбленной теме. Решение палаты общин об исключении Уилкса опасно как для народа и конституции, так и для самого короля. Где залог того, что парламент так же не снимет корону с Георга III, как Уилкса с должности? Ведь такой прецедент в истории уже был. Интерес и долг короля, по версии Юниуса, состоит в том, чтобы сохранять равновесие между короной, палатой лордов (аристократией) и палатой общин (представителями народа). Король должен «помешать одной из трех групп вторгнуться в полномочия двух других или взять на себя власть над ними всеми. Когда они отклонятся от великого конституционного вектора, по которому должны быть направлены все их действия, кто будет контролировать их будущее сдерживание?»²⁸⁶ Юниус дает королю совет, как выйти из этой «плачевной» ситуации. Он утверждает, что незаконные и неконститу-

²⁸⁴ The Letters of Junius... P. 159.

²⁸⁵ Junius. Letter XXXV... P. 49.

²⁸⁶ Junius. Letter XXXV... P. 52.

ционные методы преследования Уилкса настолько подорвали доверие общественности, что права людей могут быть восстановлены только путем роспуска парламента. Поведение палаты общин, по мнению публициста, представляет угрозу не только для избирателей, но и для короны. Он призывает короля действовать «благородно»: помиловать Уилкса, распустить парламент и освободиться от пагубного влияния премьер-министра²⁸⁷.

«Предоставьте им [подданным] самим определять своим решением на будущих выборах, действительно ли общее мнение нации состоит в том, чтобы их права были произвольно нарушены нынешней палатой общин, а конституция предана»²⁸⁸.

Опасности, подстерегающие Георга III, если он проигнорирует этот совет, четко изложены в ссылке на судьбу Стюартов:

«Само по себе имя Стюартов достойно лишь презрения, они были вооружены абсолютной властью, их принципы пугали. Принц, который подражает их поведению, должен быть предупрежден их примером; и в то время как он гордится безопасностью своего права на корону, ему следует помнить, что, поскольку она [корона] была приобретена одной революцией, она может быть утрачена другой»²⁸⁹.

Обращение к королю и отставка Графтона стали победой Юниуса. Издатели, опубликовавшие это письмо, подверглись аресту. Возможно, Юниус перегнул палку. Его манера письма с каждым новым выпуском становилась все ядовитее и саркастичнее. Хотя письмо королю было умеренным, Юниус на некоторое время станет врагом номер один. Даже представители оппозиции впоследствии «со страхом отрекутся от него»²⁹⁰.

В предисловии к «Stat Nominis Umbra» Юниус вновь обращается к суверену: «Как долго и в какой степени король Англии может быть защищен формами [закона], когда он нарушает дух конституции, заслуживает рассмотрения». Он восклицает: «Вы один являетесь виновником величайшего зла, причиненного Вашим подданным и Вам самому»²⁹¹.

До января 1772 г. Ф. Фрэнсис будет продолжать свои атаки на парламент, упрекая его в пренебрежении правами фригольдеров Мидлсекса, на администрацию лорда Норта и лорда главного судью Мэнсфилда, которому предстоит вести дела печатников.

²⁸⁷ Ibid. P. 36–37.

²⁸⁸ Ibid. P. 54.

²⁸⁹ Ibid. P. 56.

²⁹⁰ The Letters of Junius with notes and illustrations historical, political, biographical, and critical. Vol. 2 / Ed. by R. Heron. L., 1802. P. 189–190.

²⁹¹ Preface // Stat Nominis Umbra... Vol. 1. P. XXVIII.

В очередной раз он поднимает вопрос о нарушении прав нации. Когда после публикации письма XXXV издатели Юниуса подвергнутся аресту, у него появится возможность поднять вопрос о Законах о клевете и свободе слова.

Суды по делам о крамольной клевете

К XVIII в. в основе законодательства о клевете лежали следующие постулаты: распространение крамольной клеветы, включая написание, печать и продажу, является преступным деянием независимо от намерения, правдивость или ложность опубликованной информации не имеет значения²⁹². Определение крамольной клеветы было достаточно широким, чтобы охватывать все: от ложных и злонамеренных нападок на правительство до его критики или даже простого неуважения. Все, что могло вызвать нарушение спокойствия, подлежало судебному преследованию. Это определение было достаточно расплывчатым, чтобы открывать бесчисленные возможности для произвола. Даже знаток английского права Уильям Питт-старший говорил: «что касается меня, то я никогда не мог понять, что [юридически] значит клевета»²⁹³.

Правительство через своих назначенных судей решало, какие публикации крамольные, а какие нет. Присяжным было разрешено определять только «факты», т.е. действительно ли публикация была опубликована обвиняемым²⁹⁴. «Вопросы права», в т.ч. то, была ли публикация подстрекательской к мятежу, оставались на усмотрение судьи. Очевидно, что во многих случаях присяжные были практически «безоружны»²⁹⁵.

19 декабря 1769 г. Вудфолл опубликовал письмо Юниуса за номером XXXV. Другие газеты немедленно перепечатали его, и правительство вынуждено было принять меры, чтобы наказать анонимного автора. Поскольку никто не знал личности Юниуса, правительство привлекло к ответственности его издателей. В течение двух дней после появления письма генеральный прокурор Уильям де Грей без участия присяжных предъявил обвинения Генри Вудфоллу из «The Public Advertiser», Джону Алмону из «The London Museum», Джону Миллеру из «The London Evening Post», Генри Болдуину из «The St. James's Chronicle», Джорджу Робинсону из «The Independent Chronicle» и Чарльзу Сэйю из

²⁹² McCracken D. Junius... P. 89.

²⁹³ Fischel Ed. The English Constitution. L., 1863. P. 93.

²⁹⁴ May T.E. Constitutional History of England since the Accession of George III, 1760–1860: With a New Supplementary Chapter. Vol. 2. N.Y., 1895. P. 114.

²⁹⁵ McCracken D. Junius... P. 89–90.

«The Gazetteer»²⁹⁶. В частных письмах Вудфоллу Юниус призвал его быть стойким «со всеми скромными проявлениями раскаяния», убеждал, что «не одни присяжные, особенно в наши дни, не позволят его наказать». Он также пообещал оплатить расходы, понесенные Вудфоллом в ходе судебного разбирательства²⁹⁷.

Однако первым издателем, которого судили, был не Вудфолл, а Алмон. 2 июня 1770 г. Алмон предстал перед Судом Королевской скамьи под председательством лорда главного судьи Мэнсфилда. Его обвинили в том, что он «безнравственными, коварными, скандальными и злонамеренными намеками, предположениями и инсинуациями ... самым незаконным, безнравственным и злонамеренным образом оклеветал, опозорил и очернил нашего нынешнего суверенного короля»²⁹⁸. Адвокат Джон Глинн, друг Уилкса, умело справлялся с защитой: «свобода политических дискуссий имеет большое значение для всей нашей свободы»²⁹⁹. Однако, получив указание определить только факт публикации, присяжные вынесли обвинительный приговор.

Суд над Вудфоллом состоялся 13 июня 1770 г. под председательством Мэнсфилда в ратуше лондонского Сити. В своей защите Глинн использовал аргумент о том, что публикация является не клеветой, но фактом. Он обратился к присяжным с сильным эмоциональным призывом. Но на стороне Мэнсфилда был закон, и присяжные были проинструктированы определять только факт публикации. После десятичасового обсуждения их вердикт был таков: «Виновен только в печати и публикации»³⁰⁰. Возник вопрос: как понять этот неоднозначный приговор? Мэнсфилд утверждал, что, поскольку присяжные ограничились принятием решения только о факте публикации письма Вудфоллом, сам он невинен. Мэнсфилд отложил решение до следующего заседания³⁰¹.

Когда 18 июля Миллер и Болдуин предстали перед судом в ратуше Гилдхолла, две группы присяжных независимо друг от друга приняли оправдательное решение. Лондонцы были в восторге. Толпа собралась у дома Мэнсфилда на Блумсбери-сквер и ликовала из-за унижения правительства. Эдмунд Берк, не являв-

²⁹⁶ Rea R. R. *The English Press...* 1963. P. 177.

²⁹⁷ *The Letters of Junius...* 1978. P. 361.

²⁹⁸ Pares R. *King George III and Politicians*. Oxford, 1953. P. 72.

²⁹⁹ Quoted in Rea R. R. *The English Press...* P. 178.

³⁰⁰ McCracken D. *Junius...* P. 90.

³⁰¹ Heward E. *Lord Mansfield: A Biography of William Murray 1st Earl of Mansfield 1705–1793 Lord Chief Justice for 32 years*. Chichester, 1979. P. 77.

шийся сторонником нынешнего министерства, заявил в парламенте, что закон нарушается и попирается: «Победа издателей фактически была поражением закона, поскольку присяжные сознательно нарушали установленный закон. Но в суждениях присяжных присутствовал здравый смысл. Их представление о клевете сильно отличалось от правительственного, и их бунт против юридических обвинений был одним из способов заставить правительство более внимательно относиться к мнению населения»³⁰².

Признание Алмона виновным, конечно же, оставалось в силе, и он был оштрафован за публикацию письма Юниуса. Но дело Вудфолла так и не было решено. Когда он явился на повторное судебное разбирательство, обвинение признало, что оно утратило доказательства. Копий «The Public Advertiser» от 19 декабря нигде не было. МакКракен пишет: «было ли это правдой или просто правительственной уловкой, чтобы выбраться из безуспешного разбирательства, так и не стало ясно». Вудфолл понес лишь незначительные расходы³⁰³, о других печатниках просто забыли.

Лондонские присяжные – не единственные, кто был против использования закона о клевете. Судебные разбирательства стали предметом критики Юниуса и некоторых членов парламента. Все они выступили против вмешательства в права присяжных, а также против осуждения Алмона³⁰⁴.

В преддверии успешного окончания судебных процессов Юниус 14 ноября 1770 г. адресует лорду Мэнсфилду письмо XLI³⁰⁵. Самым сильным аргументом Юниуса против лорда главного судьи является ограничение деятельности присяжных. Как уже говорилось, они могли только определить факт печати письма королю, а не то, является ли этот текст клеветой. Большая часть письма нацелена на то, чтобы доказать, что Мэнсфилд рассматривал дела печатников о клевете незаконно. Юниус начинает свое обвинение со слов: «Пренебрегая или не зная общего права Англии, Вы решили ввести в суд, где Вы председательствуете, принципы юриспруденции, неизвестные англичанам»³⁰⁶. В це-

³⁰² Quoted in Rea R. R. *The English Press...* P. 183–184.

³⁰³ Junius: including letters by the same writer under other signatures: to which are added his confidential correspondence with Mr. Wilkes, and his private letters to Mr. H. S. Woodfall. Vol. 1 / Ed. by J. Wade. L., 1850. P. 474.

³⁰⁴ May T.E. *Constitutional History of England...* P. 116.

³⁰⁵ Junius. Letter XLI to the Right Honourable Lord Mansfield. 14 Nov., 1770 // *Stat Nominis Umbra...* Vol. 2. P. 113–131.

³⁰⁶ *Ibid.* P. 116.

лом, несмотря на то, что письмо посвящено лично главному судье, его скорее можно считать нападением на закон о клевете. По мнению автора, этот закон является угрозой независимой печати.

Юниус даже прибегает к иронии Дефо в сочинении «Кратчайший путь расправы с диссентерами». Он наигранно предлагает своему адресату перестать ограничиваться известными видами наказаний за клевету: штрафом, заключением, позорным столбом. «Почему бы [не ввести] смертную казнь?»³⁰⁷ – восклицает он. Автор, по-видимому, надеялся своим письмом вооружить оппозицию против главного судьи. В целом, ему это удалось. В палате лордов Чатем и Кэмден вели борьбу против Мэнсфилда. Чатем заявил, что поведение Мэнсфилда на судебном процессе Вудфолла было «беспорядочным, незаконным, беспрецедентным»³⁰⁸. Этот аргумент исходил от Ф. Фрэнсиса, который написал статью о проступках Мэнсфилда и передал ее Чатему через их общего друга Колкрафта. Через несколько дней, 10 декабря, он прозвучал из уст графа на заседании палаты лордов³⁰⁹. Позже Юниус процитировал эту речь в предисловии к сборнику «Stat Nominis Umbra» и заверил читателей, что слова были «взяты с точностью»³¹⁰.

В 1792 г. Кэмдену, Томасу Эрскину и Чарльзу Джеймсу Фоксу удастся объединиться и протолкнуть законопроект о клевете через парламент. Закон об устранении неясностей в отношении функций присяжных по делам о клевете (The Act to Remove Doubts respecting the Functions of Juries in Cases of Libel)³¹¹ или Закон о клевете (1792) был, наконец, принят после десятилетних волнений. Он определил права присяжных в отношении выявления клеветы, а также фактов и намерений автора, печатника и продавца³¹². Данный сюжет олицетворяет собой процесс борьбы Юниуса за свободу слова. Суды по делам о клевете прошли в нужное время и в нужном месте, когда вопрос о независимости прессы стоял остро. И присяжные, и оппозиция были готовы подключиться к борьбе, начатой анонимным журналистом.

³⁰⁷ Ibid. P. 121.

³⁰⁸ Correspondence of William Pitt, Earl of Chatham / Ed. by W.S. Taylor, J.H. Pringle. Vol. 4. L., 1839. P. 49.

³⁰⁹ McCracken D. Junius... P. 93.

³¹⁰ Preface // Stat Nominis Umbra... Vol. 1. P. XVIII.

³¹¹ Libel Act 1792 // The Official Home of UK Legislation. URL: <https://www.legislation.gov.uk/apgb/Geo3/32/60/2010-01-12?view=plain>

³¹² McCracken D. Junius... P. 93.

Юниус потерпел поражение в вопросе свободных выборов в Мидлсексе. Персона Уилкса, из-за его освобождения из Тауэра и продвижения по карьерной лестнице, становилась все менее интересна народу. Власть перестала применять к нему санкции, и он перестал быть символом борьбы.

Одновременно с поражениями Юниусу удалось добиться и положительных результатов. Две его ставки сыграли: герцог Графтон ушел в отставку, а дела о клевете были проиграны правительством. Значение первого случая нельзя умалить, так как пресса уже во второй раз (первым можно считать отставку лорда Бьюта после выхода в свет № 45 «The North Briton») повлияла на политические перемены. Слова Эдмунда Берка о появлении четвертой власти подтверждают этот факт³¹³. Последствия судов над издателями после публикации письма королю будут отложенными. Только через двадцать лет, в 1792 г., будет принят новый закон о клевете, по которому права присяжных расширятся.

Относительно свободы выборов Юниус не добился желаемых результатов. Но вопрос независимости прессы благодаря ему встает остро. Понятие «свобода слова» обрывает новыми смыслами, становится глубже и сложнее. Если в XVII в. оно было применимо к членам парламента, которые имели право свободно высказываться на заседаниях обеих палат, то к концу XVIII в. речь шла о свободе слова вообще и независимости прессы в частности. Юниус публиковал свои письма в переломную эпоху, когда журналистика начала приобретать статус «четвертой власти» и воздействовать на гражданские процессы. Анонимный автор стал одним из тех интеллектуалов, кто внес большой вклад в эту трансформацию.

³¹³ В 1771 г. в парламент были допущены журналисты. Их места находились в галерее верхней части зала, что дало повод Эдмунду Берку в 1787 г. сказать: в парламенте присутствуют три сословия, но возвышается над ними и правит всеми ветвями четвертое сословие – пресса. После этого за прессой прочно закрепилось название – четвертое сословие или власть. См.: Carlyle T. Sartor Resartus: On Heroes, Hero-worship and the Heroic in History Past and Present. L., 1893. P. 134.

9.6. «НОВАЯ ЖЕНЩИНА» В ДВОРЯНСКОЙ СРЕДЕ СМОЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ КАК ПРОЕКТ

Воспитание идеального человека было одной из основных задач эпохи Просвещения, основой педагогической утопии, которая должна была стать альтернативой по отношению к воспитательной системе прошлого и настоящего. Подобная установка закладывалась уже в статьях «Энциклопедии», где Ж.-Ж. Руссо («О политической экономии») так выражал данную мысль: «Если это хорошо – уметь использовать людей такими, каковы они, – то еще много лучше – сделать их такими, какими нужно, чтобы они были; самая неограниченная власть – эта та, которая проникает в самое нутро человека и оказывает не меньшее влияние на его волю, чем на его поступки»³¹⁴. Эти мечтания Руссо соответствовали настроениям в начале Екатерининского царствования, когда в России впервые заявляет о себе государственная программа воспитания и образования. По словам русского просветителя В.В. Попугаева: «Воспитание есть первая пружина к общественному благосостоянию, есть первое средство, могущее привести в действие законы и поддержать конституцию»³¹⁵. Как писала Т.В. Артемьева: «Екатерина полагала, что именно воспитание лежит в основании совершенствования общества. С помощью воспитательных институтов можно не только создать “идеального человека” и “идеального гражданина”, но даже и “идеального правителя»»³¹⁶. Находясь «в плену мифа Просвещения», Екатерина «искала пути создания “новой породы людей” путем создания сети закрытых воспитательных домов для детей»³¹⁷.

Важнейшим аспектом системы воспитания идеального человека можно считать установку на воспитание гражданина. Это в полной степени соответствовало задачам, стоявшим тогда перед представителями российского благородного сословия. В «Генеральном учреждении о воспитании обоего пола юношества», педагогическом проекте, разработанном И.И. Бецким, уже прекрас-

³¹⁴ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998. С. 30.

³¹⁵ Попугаев В.В. О просвещении и личном достоинстве управляющих // Русские просветители. В 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 310.

³¹⁶ Артемьева Т.В. От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб., 2005. С. 139.

³¹⁷ Парсамов В., Шанская Т. Власть и Просвещение в России // Логос. 2003. № 4–5. С. 251–253.

но осознавалась принципиальная разница между хорошим образованием и хорошим воспитанием. Проект Бецкого утверждал: «...один только украшенный или просвещенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина; но во многих случаях паче во вред бывает, если кто от самых нежных юности своей лет воспитан не в добродетели»³¹⁸. Моменты, еще интуитивно осознаваемые Екатериной II и Бецким в 1760-е гг., найдут свое теоретическое подтверждение в трактате «О должностях человека и гражданина» (1783), книге, неоднократно переиздаваемой как в XVIII, так и в XIX столетии как «книга к чтению, определенная в народных городских училищах Российской империи». В книге при характеристике гражданского общества выделялось несколько состояний: простой народ, благовоспитанные граждане, духовенство, военные люди и дворяне, характеризующиеся как «благородное состояние». Все «состояния» государства образуют совокупно «союз гражданский», каждое состояние характеризуется любовью к отечеству, что рассматривается как важнейшая черта гражданственности, о которой, по традиции, рассуждение идет в духе культа героической античности, мифориторической культурной традиции. Автор замечает:

«Большая часть великих действий древних греков и римлян, коими поныне мы еще удивляемся, была следствием и действием любви их к отечеству. В книгах исторических находятся знаменитые и почти невероятные действия добродетельных сынов отечества. Сим именем называют людей *обоего пола и всякого состояния* [выделено нами], кои отечество свое почитают, о благе его пекутся, при благосостоянии его чувствуют истинное удовольствие, в несчастиях и опасностях не пребывают равнодушны; но сколько можно благополучию и спасению отечества способствуют»³¹⁹.

Так как именно дворянам принадлежали «высокие места в гражданском правлении и в войске», то именно «дворяне есть то состояние, которое наиболее для пользы отечества делать может и долженствует»³²⁰. Автор трактата оспаривает мнение, что гражданские добродетели, та же любовь к отечеству, свойственны исключительно вольному обществу, то есть Республике. В случае отсутствия должного чувства любви к отечеству у граждан «не

³¹⁸ Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества...С. 2.

³¹⁹ О должностях человека и гражданина, книга к чтению определенная в народных училищах Российской империи, изданная по Высочайшему повелению. СПб., 1805. С. 110–111.

³²⁰ Там же. С. 133–134.

образ государственного правления, но недостатки в воспитании причиной бывают <...> И для сего нужно делать то же, что делали Римляне, а особливо древние греки. Греки почитали воспитание детей государственным предметом: верховные начальники имели о них попечение и устроивали воспитание. Они не оставляли оно никогда на произвол одних родителей»³²¹. Таким образом, под соответствующее времени гражданское воспитание детей и отроков подводилась база изолированного общественного воспитания, устраняющего родителей как единственных носителей педагогической программы Просвещения.

Первой серьезной концепцией воспитания, с которой познакомились россияне в XVIII в., была концепция Дж. Локка, Идеи, высказанные им в трактате «Мысли о воспитании» (1693) впервые нашли свое отражение в России в 1730-гг. в VII сатире А. Кантемира «О воспитании». Локк предложил не столько образовательную, сколько воспитательную программу, предназначенную для «молодого джентльмена». С точки зрения Локка, огромное значение для воспитания имеет среда, в которой воспитываются дети, так как «если же они воспитываются в дурной среде, никакие правила в мире и никакие мыслимые меры исправления не в состоянии будут их отшлифовать»³²². Отстаивая принципы домашнего воспитания, Локк утверждал: «Великая задача воспитателя заключается в том, чтобы формировать поведение и душу своего воспитанника, чтобы привить ему хорошие привычки, заложить в нем основы добродетели и мудрости, научить его постепенно знанию людей, внушить любовь и стремление подражать всему, что прекрасно и достойно похвалы, и вооружать его силой, энергией и усердием в стремлении к этим целям»³²³. Данная установка Дж. Локка вполне соответствовала педагогическим идеалам русского Просвещения XVIII века.

Популярность этого педагогического трактата у российской элиты проанализировала Т.Л. Лабутина, отмечая частые ссылки на трактат не только у отца-основателя Смольного института И.И. Бецкого, но также у императрицы Екатерины II и княгини Е.Р. Дашковой, автора статьи «О смысле слова “воспитание”» (1783). Екатерина II «не симпатизировала французской системе образования, доминировавшей в России с середины XVIII века,

³²¹ Там же. С. 113–114.

³²² Локк Д. Мысли о воспитании // Локк Д. Соч. М., 1988. Т. 3. С. 457.

³²³ Там же. С. 491.

зато в своих инструкциях по поводу воспитания внуков заимствовала целые страницы из сочинения Локка. Будущий император Александр I был воспитан “по английскому плану”, что означало “свежий воздух, либеральные идеи и наставления в области морали и поведения”³²⁴. Статья Е.Р. Дашковой была написана во многом под влиянием размышлений, вызванных обучением ее сына Михаила Дашкова в 1776–1780 гг. в Эдинбургском университете. Из переписки княгини с ректором университета следует, что Дашкова в духе нравственной философии Просвещения, отдавала предпочтение воспитанию перед образованием.

Если рассматривать влияние на русскую педагогику не только трактата Локка, но в целом английской образовательной программы, то следует обратить внимание на сходство причин, вызвавших к жизни «революцию» в образовании в обеих странах. Эти причины можно охарактеризовать как социально-политические, в их основе лежат революционные преобразования в обществе. В России XVIII в. это были вначале петровские реформы, положившие конец «теремному заключению» женщин, а затем реформы Екатерины II, ставящие своей целью превращение России в просвещенную монархию. В Англии XVII в. – это гражданская война под предводительством Оливера Кромвеля, открывшая собой эпоху «разительных перемен не только в религиозном, но и в культурном, и социальном плане»³²⁵. К концу века остро встал вопрос об образовании, в т.ч. женском. Среди новых форм женского образования Т.Л. Лабутина называет благотворительные школы для бедняков, где могли учиться девочки, школы для девочек, открытие которых было связано с деятельностью первых английских феминисток. Наконец, в XVIII в. – это частные пансионы для девочек или домашнее образование при помощи гувернантки или учителей, приходящих в дом для подготовки братьев к поступлению в грамматические школы.

Проблема воспитания девочек поднималась в статьях и трактатах английских публицистов и писателей. Достаточно вспомнить «Новогодний подарок для леди, или Наставление дочери» маркиза Галифакса, «Женские академии» Д. Дефо или

³²⁴ Лабутина Т.Л. Мир английских леди. Воспитание, образование, семья XVII – начала XVIII века. М., 2016. С. 181.

³²⁵ Ушакова Е.В., Павлова О.В. Особенности развития женского образования в Англии XVII – начала XVIII века // Образование в современном мире. Сб. науч. статей. Саратов, 2019. С. 185.

«Письмо к очень юной леди по поводу ее замужества». Безусловно, основной целью получения образования девочками средних и высших классов в Англии XVII в. было удачное замужество. Тем не менее, «благодаря революционным переменам в английском обществе XVII в., благодаря появлению раннего феминизма, получению женщинами права на издание своих произведений, благодаря растущему числу различных женских учебных заведений и росту популярности женского образования, XVIII в. в Англии породит множество выдающихся женщин – знаменитых писательниц, поэтесс и авторов передовых статей и трактатов»³²⁶.

Однако в Англии XVII–XVIII вв. все же не появилось учебного заведения, подобного Смольного института, с его ярко выраженной утопической установкой. Во многом это было связано с тем, что екатерининский проект испытал на себе влияние еще одного известного педагогического трактата эпохи Просвещения. Речь идет о трактате Руссо «Эмиль, или о воспитании» (1762). Руссо, резко выступив против общественного воспитания, ввел в европейскую педагогику идею изоляции ребенка от семьи с целью получения не сословного воспитания, как у Локка, но воспитания, ставящего своей целью появление «естественного человека». Этот «естественный человек» мог бы легко занимать любое место в обществе, оставаясь при этом самим собой. Важнейшей фигурой педагогического процесса у Руссо была фигура воспитателя, который заботливо, день за днем, в течение 20 лет будет формировать характер человека «новой породы».

Общий дух руссоистского воспитания в целом не понравился Екатерине II, однако ее заинтересовала идея Руссо об изоляции ребенка от общества (в т.ч. и от родителей) в процессе воспитания. Этим можно было избежать распространения множества опасных идей, «предерзостных мыслей и суждений», которые могли овладеть умами благородных российских юношей и девушек при бесконтрольном домашнем воспитании. Поэтому воспитанию «людей новой породы» должна была способствовать система закрытых учебных заведений. Екатерина «...задумывает проект создания “новой расы”, с помощью воспитания нескольких поколений на одних и тех же фундаментальных законах»³²⁷.

Проводником новой педагогической политики Екатерины II стал И.И. Бецкой, который долгое время жил за границей (Герма-

³²⁶ Ушакова Е.В., Павлова О.В. Особенности развития. С... 188.

³²⁷ Геллер Л., Нике М. Утопия в России. СПб., 2003. С. 60.

ния, Голландия, Франция, Италия, Австрия), выполняя дипломатические поручения или просто путешествуя. Он был лично знаком со многими представителями «интеллектуальной аристократии» того времени, например, французскими энциклопедистами. Ко времени создания Смольного института Бецкой управлял Академией художеств (с 1764 г. – президент), при которой он создал воспитательное училище, учредил в Москве Воспитательный дом «для несчастнорожденных» «ззорных младенцев». В 1765 г. Бецкой становится шефом Сухопутного шляхетского корпуса, для которого пишет новый Устав, направленный на воспитание образованных в офицеров, владеющих не только шпагой, но и пером.

В 1764 г. Екатерина утвердила разработанное Бецким «Генеральное учреждение о воспитании обоого пола юношества», которое ставило перед собой грандиозные задачи: «преодолеть суеверие веков, дать народу своему новое воспитание и, так сказать, новое порождение», так как «корень всему злу и добру – воспитание»³²⁸. При этом утверждалось, что «один только украшенный или просвещенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина». Основная же задача «Генерального учреждения...» формулировалась буквально так: «произвести сперва способом воспитания... *новую породу, или новых отцов и матерей*, которые бы детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие получили они сами, а от них дети передали бы паки своим детям, и так следует из родов в роды в будущие веки»³²⁹.

При этом новая система воспитания принципиально не допускала физических наказаний, что отличало ее как от домостроевской традиции воспитания детей, так и от системы Локка, который, призывая родителей обращаться с детьми, как «с разумными существами», не рассматривал страх розги в качестве лучшей исправительной меры воздействия, предпочитая рассматривать в качестве самых могущественных стимулов души «честь и позор». Он писал: «Если вам удалось научить детей дорожить доброй репутацией и страшиться стыда и позора, вы вложили в них правильное начало, которое будет всегда проявлять свое действие и склонять их к добру»³³⁰.

³²⁸ Бецкой И.И. Генеральное учреждение о воспитании обоого пола юношества. СПб., [1764]. С. 1.

³²⁹ Там же. С. 2.

³³⁰ Локк Д. Мысли о воспитании... С. 445-446.

С точки зрения Локка, есть только один серьезный проступок, за который следует подвергать детей физическому наказанию, а именно – упорство и открытое неповиновение. Тем не менее, и в этом случае он считал, что нужно наказывать детей не с бешенством, но бесстрастно, размеренно, «чередую удары с увещаниями, наблюдая за их действием и прекращая наказание лишь тогда, когда оно сделало ребенка покорным и послушным и вызвало в нем раскаяние»³³¹. В новых педагогических учреждениях Екатерины II, не только в Смольном, но и в кадетских корпусах, например, в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе (впоследствии 1-м кадетском корпусе), физические наказания были под строгим запретом.

Локк отстаивал ценности домашнего воспитания перед общественным, школьным. Он указывал на недостаток последнего – «приобщение мальчика к разношерстной толпе недисциплинированных мальчишек»³³², представляющих собой «смесь грубости и дурно направленной самоуверенности»³³³.

В случае с российским педагогическим проектом это должно было быть исключено благодаря правильному подбору учителей и наставников, рационально продуманной системе воспитания и образования, а также более чем юному возрасту принимаемых в училища воспитанников. Так, в первом наборе смолянок не должно было быть девочек старше 5–6 лет, что исключало приобретенные дома дурные нравы.

Екатерининский проект был высоко оценен Д. Дидро: «Ваше величество занято образованием и воспитанием юношей и девушек. Если учреждения, созданные для этой цели, сохраняются, то не пройдет и двадцати лет, как лицо вашей империи изменится. Россия будет иметь образованных отцов и матерей. Эти отцы и матери дадут своим детям такое же образование, какое они получили сами. Влияние правильного воспитания, подкрепляемое непрерывными выпусками этих двух учреждений, будет крепнуть с каждым годом и распространится на все сословия. Вся нация, просвещаясь, станет цивилизованной»³³⁴.

Таким образом, предполагалось, что, «воздействуя на общественное мнение, умело и заботливо воспитывая «обоего пола

³³¹ Там же. С. 508.

³³² Там же. С. 461.

³³³ Там же. С. 459.

³³⁴ Дидро Д. Философские, исторические... С. 170.

ионошество», можно будет со временем получить просвещенных дворян, прилежных купцов, промышленников и ремесленников, миролюбивых и послушных крестьян <...> Особенно подчеркивалась необходимость женского обучения и воспитания»³³⁵.

В эпоху Просвещения необходимость правильного женского воспитания и образования оказалась неразрывно связана с тем высоким местом, которое занимала женщина в культурном сознании эпохи. С одной стороны, в силу своей природной отстраненности от иерархического государственного мира, в котором живут мужчины, женщина была идеальная *tabula rasa* – объект педагогических экспериментов. С другой же стороны, именно XVIII в. был веком господства женщин, веком гинекократии не только в России, но и в Европе. В подобных условиях женское образование превращалось в государственную необходимость.

А.Н. Фанталов и М.А. Малязина проанализировали типологию сходства и отличий между Смольным институтом и французским Сен-Сиром, Королевским Институтом Святого Людовика, основанным в 1684 г. благодаря стараниям второй супруги короля Людовика XIV мадам де Ментенон³³⁶. По результатам исследования была составлена таблица, из которой следовало, что Сен-Сир и Смольный объединяла, прежде всего, социальная стратификация воспитанниц. Это, прежде всего, дворянские дочери, правда, в Смольном впоследствии возникло мещанское отделение, в котором учились представительницы российского третьего сословия. Воспитанницы делились на классы по возрастам (всего 4 класса), при этом каждый возраст имел свою цветовую символику. В обоих учебных заведениях большое внимание уделялось театральным постановкам. Можно добавить, что общее количество воспитанниц в Сен-Сире и Смольном институте было примерно одинаковым: 250 в Сен-Сире, 200 – в Смольном. Кроме того, на протяжении первых 30-ти лет существования Смольного института должность директрисы, а потом главной начальницы исполняла Софья де Лафон, выпускница Сен-Сира, вдова французского генерала на русской службе.

³³⁵ Русская мысль в век Просвещения. М., 1991. С. 204.

³³⁶ Фанталов А.Н., Малязина М.А. Сен-Сир и Смольный институт – первые учебные заведения для женщин во Франции и России // Герценовские чтения. Художественное образование ребенка: стратегии будущего. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. 2020. СПб., 2020.

В отличие от Сен-Сира, с его светско-духовным воспитанием, воспитание в Смольном носило чисто светский характер. Безусловно, Смольный институт в полной мере испытал на себе влияние духа Просвещения. Однако это не значит, что религиозное воспитание у российских женщин «новой породы» отсутствовало. В соответствии с Уставом Смольного института, изучение Закона Божьего стояло там на первом месте: «Первое попечение надлежит иметь о вере, дабы заблаговременно посеять и вкоренить в сердцах благоговение, то есть безмолвное почитание христианского благочестия; церковная служба и проповедь слова божия будут верными в сем пути предводителями»³³⁷.

Размещая девочек в Воскресенском Новодевичьем монастыре, Екатерина даже некоторое время думала о совмещении в новом учебном заведении монастырских традиций и традиций светской школы. Для этого она искала в женских монастырях образованных стариц дворянского происхождения, которые должны были, помимо участия в церковных службах, обучать грамоте воспитанниц младшей группы. В конечном счете, ей удалось найти 14 женщин, однако проект слияния монастыря и учебного заведения потерпел крах. В результате старицы остались в Смольном лишь «смотрительницами» за больными в лазарете.

Специфика педагогической ситуации в России заключалась в том, что Екатерина II видела новое образование женщин одновременно и как образование естественное, т.е. основанное на истинных законах Разума, и как образование светское, готовящее девушек к блестящей придворной карьере. Обычно подчеркивается только вторая составляющая проекта. Так, Т.Е. Смольянинова пишет: «...Екатерина II решает создать новый тип светского учебного заведения в России для представителей элиты дворянского сословия, с целью получения в высшем обществе необходимых для него знаний из области светских наук и навыков благовоспитанности, под которыми подразумевается совокупность добродетельных моральных качеств»³³⁸.

³³⁷ Бецкой И.И. Устав воспитания двух сот благородных девиц учрежденного Ее Величества Государынею Императрицей Екатериной Второй, Самодержицею Всероссийской, Материю Отечества и прочее, и прочее, и прочее. СПб., [1764]. С. 13–14.

³³⁸ Смольянинова Т.Е. Придворная культура в век Екатерины II // *Studia culturae*. СПб., 2002. Вып. 2. С. 120.

Д. Дидро, поддержавший педагогическую утопию Екатерины, так высказался о достижениях и долгосрочных перспективах Смольного института благородных девиц: «Здесь готовят честных и образованных женщин... Здесь осуществили самую чудесную и самую полезную из химер: создали школу, какой никогда не было, какой нет ныне и какой не будет никогда, – школу, которая, быть может, оказалась бы невозможной ни в одной из стран Европы. Если это учреждение упрочится, то лицо империи изменится менее чем в двадцать лет, ибо женщины повелевают мужчинами»³³⁹.

Если посмотреть социальную стратификацию смолянок особенно первых, екатерининских, выпусков, то мы увидим, что там присутствовали как представительницы знатных родов, так и девушки, принадлежащие к мелкопоместному провинциальному дворянству, чьи отцы находились в небольших чинах. Так, среди смолянок 1 выпуска (1776) мы видим, с одной стороны, Марию Вальдштейн, дочь графа Ф.И. Вальдштейна, ставшую впоследствии Кавалерственной дамой ордена Св. Екатерины малого креста, дочь сенатора А.Г. Жеребцова Елену, дочь Белорусского генерал-губернатора П.Б. Пассека Варвару, дочь князя-историографа М.М. Щербатова Прасковью, дочь генерал-майора Кавалергардского корпуса, первого Тульского губернского предводителя дворян Д.С. Арсеньева Евдокию. Это, говоря современным языком, «золотая молодежь» Екатерининской России, но рядом с ними мы встречаем в первом наборе дочь сержанта И.И. Уварова Фиону, дочь поручика галерных солдатских рот М.С. Свистунова Анисью, дочь отставного капитана армии Д.А. Ланского Варвару, дочь смоленского шляхтича Ф.Е. Глинского Марию, дочь капитана В.В. Павлова Прасковью.

В целом, из 50 девочек первого набора лишь 7 принадлежали к аристократическим фамилиям. Большинство же смолянок были представительницами средне-, а то и мелкопоместного дворянства, вроде Г. Алымовой – одной из лучших арфисток своего времени, супруги поэта А. Ржевского. Она была дочерью мелкопоместного смоленского дворянина, хотя и отставного полковника лейб-гвардии Конного полка И.А. Алымова, и 19-м (!) ребенком в семье, родившимся уже после смерти отца. Мать, впервые увидевшая дочь, когда той уже исполнился год, с легким сердцем в 7-летнем возрасте отдала ее в Смольный.

³³⁹ Дидро Д. Философские, исторические... С. 105.

Помимо дворянского отделения в Смольном было и «мещанское» отделение для «воспитания малолетних девушек всякого чина». В это отделение попадали девушки недворянского происхождения: дочери солдат, лакеев, конюхов. Конечно, образовательные программы двух отделений отличались друг от друга. Хотя мещанок обучали и иностранным языкам, и арифметике, и танцам, и музыке, в основном их готовили «к употреблению ко всем женским рукоделиям и работам». После окончания института их предназначением было стать горничными в знатных домах или гувернантками-учительницами в семьях мелкопоместных провинциальных дворян. Но у них было одно важное преимущество для крепостной империи: они были вольными. Кроме того, выпускницам Мещанского училища была дарована одна важная привилегия. Если они выходили замуж за крепостного человека, то муж тоже автоматически получал вольную. Вольными были и дети этой пары. Одно только это обстоятельство делало смолянок-мещанок завидными невестами³⁴⁰.

Образовательная программа Смольного была весьма обширной. В «Уставе...» Смольного И.И. Бецкой предполагал, что помимо изучения катехизиса и догматов православной веры «должно их обучать российскому и чужестранным языкам, дабы на оных исправно читать, писать и говорить умели; арифметике, географии, истории, стихотворству и отчасти архитектуре и геральдике, а в художествах наставлять рисованию, миниатюре, танцеванию, музыке вокальной и инструментальной, шитью всякого рода, вязанию и плетению шелковому, нитяному, шерстяному и бумажному, а к сему присовокупить надлежит и все части экономии»³⁴¹. Таким образом, в течение 12 лет смолянка в идеале должна была стать образцовой, с точки зрения требований философии Просвещения, женщиной.

Программа Смольного института была распределена по возрастам следующим образом: Первый возраст (от 6 до 9 лет) предполагал изучение исполнения закона и катехизиса, все части воспитания и благонравия, российский и иностранные языки, арифметики, рисования, танцев, музыки вокальной и инструментальной

³⁴⁰ Первоначально дворянское и мещанское отделения Смольного находились в одном здании, но в разных корпусах. Однако сразу же после открытия института для «мещанок» стали строить особое помещение, к северу от собственно Смольного, куда те переехали в 1775 г.

³⁴¹ Бецкой И.И. Устав воспитания... С. 14.

ной, шитья и вязания всякого рода. Во втором возрасте (от 9 до 12 лет) к прежним предметам добавлялись география, история, некоторые части экономии, или домостроительства. В третьем возрасте (от 12 до 15) добавлялись словесные науки, к которым принадлежит чтение исторических и нравоучительных книг, часть архитектуры и геральдики, смолянкам предписывалась «действительно вступать в экономию по очереди»³⁴². Последнее предполагало, что смолянки учились производить расчеты за продукты, которые поступали на кухню Смольного института, определять их качество, вес. Это готовило девушек к ведению собственного домашнего хозяйства. В четвертом возрасте (от 15 до 18 лет) смолянки должны были демонстрировать совершенное знание закона Божьего, знание правил доброго воспитания, благонравия, светского обхождения и учтивости, также продолжалось изучение практической экономии и происходило «повторение всего прежнего, в чем совершенного знания еще не имеют»³⁴³. Таким образом, становится очевидным, что наиболее напряженный график учебы у смолянок был до 15-летнего возраста. А в последние годы учебы при условии хорошей успеваемости на предыдущих курсах они всецело могли заняться подготовкой себя к будущей семейной и светской жизни.

Екатерина II думала и о художественном образовании воспитанниц. Смолянки играли вполне серьезный театральный материал, часто обращаясь к пьесам Вольтера, о чем Екатерина не без гордости ему сообщала. Это трагедия «Заира», комедии «Нанин, или Предубеждение побеждено» и «Блудный сын». Вольтера и Екатерину II объединяло отношение к театру как к учреждению, способствующему повышению общественной нравственности и благотворно влияющему на зрителей и на актеров. Успехами смолянок Екатерина неизменно делилась с Вольтером. Чтобы произвести на него впечатление, она преувеличивала количество воспитанниц, в письме от 10 февраля 1772 г. называя цифру 500. Столько воспитанниц в Смольном в это время не было, даже если считать с мещанским отделением. Екатерина II писала: «Вам известно, потому что ничего от вас не может скрыться, что у нас в одной обители, в которой прежде сего жили триста Христовых невест, ныне воспитывается 500 девиц. Сии девицы признаться должно, подают о себе надежду, превосходящую наше чаяние;

³⁴² Там же. С. 5.

³⁴³ Там же. С. 6.

они преуспевают удивительным образом, и все вообще согласно утверждают, что они столько же соделываются любви достойными, сколько получают полезных для общежития познаний. Их нравы отчуждены от всякого порока, хотя вид их и не показывает наружной строгости затворниц»³⁴⁴. После того как Вольтер иронически назвал смолянок «батальоном амазонок» императрица в письме от 3 апреля 1772 г. пояснила свой педагогический замысел: «Я не знаю, произойдут ли из оного так названного вами батальона девиц амазонки; но, впрочем, скажу, что мы весьма удалены от того, чтоб из них стариц сделать. Напротив, мы с тем их воспитываем, чтоб они были утешением тех семейств, в кои они вступят. Мы желаем, чтоб они были не лицемерками и не прелестницами, но были бы любви достойными и способными детей своих воспитывать, и иметь попечение о доме своем»³⁴⁵.

Гордость Екатерины II за успехи «женского образования» разделяли многие ее современники, например, А.П. Сумароков. В «Письме к девицам г. Нелидовой и г. Барщовой» (1774) поэт, восхищаясь театральными опытами смолянок, прославляет их как «возвышенных питомиц муз», «дщерей Талии и дщерей Мельпомены»: «От вас науке ждем и вкусу мы наград, И просвещенных чад. Предвижу, каковы нам следуют потомки». Это почти дословное повторение установки «Генерального плана», разработанного Бецким. Тем, более, что Сумароков не забыл в этом послании отметить и заслуги самого воспитателя: «Скажите Бецкому: сии его заслуги Чтут россы все и все наук и вкуса други, И что, трудясь о сем, блажен на свете он», и директрисы института: «Блажена часть твоя, начальница Лафон!»³⁴⁶.

Тем не менее, Екатерина II не рассматривала Смольный как аналог женского университета, готовящего для России «ученых» женщин. Главной задачей этого культурно-образовательного проекта была гуманизация нравов русского дворянства. Для этого необходимо было облагораживать нравы самих смолянок, не допуская, чтобы в институте они сталкивались с примерами грубого

³⁴⁴ Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера, продолжавшаяся с 1763 по 1778 год. В 2 ч. М., 1803. Ч. 2. С. 67.

³⁴⁵ Переписка российской императрицы... С. 81.

³⁴⁶ Сумароков А.П. Избранные произведения. Л., 1957. С. 307. Внучка Сумарокова Анна, рожденная от его дочери-поэтессы Екатерины и драматурга Я.Б. Княжнина, автора тираноборческой трагедии «Вадим Новгородский», стала смолянкой второго набора, закончив институт в 1782 г., уже после смерти знаменитого деда.

поведения. Кротость, благопристойность, учтивость в поведении Устав Смольного института предписывал демонстрировать всему персоналу, начиная от госпожи Начальницы и кончая привратником. Так, госпожа Начальница была обязана «во всем поступать с крайним благоразумием и кротостию, тем наипаче, что собственным примером должна она ободрять всех прочих, к воспитанию и руководству молодых девиц определенных, а особливо Учительниц, от которых зависит все совершенство доброго воспитания и обучения»³⁴⁷.

Эго-документы подтверждают, что смолянки Екатерининской эпохи сыграли большую роль в гуманизации нравов, в том числе провинциальных. Так, С.В. Скалон (урожденная Капнист), в воспоминаниях восхищается энергией и культурой своей матери-смолянки А.А. Дьяковой, дочери обер-прокурора Сената. Выйдя замуж за поэта В. Капниста, она уезжает с ним в его мало-российское имение Обуховка, где становится матерью 15 детей, из которых выжило шесть. С. Скалон вспоминает: «Мать не только одна, с помощью лишь старшей своей дочери, занималась нашим воспитанием, но и управляла всем домашним хозяйством, а впоследствии и всей деревней. Тем не менее, она находила еще время заниматься сама немецким языком, чтением, разными выписками из книг и с большим усердием лечила, по совету доктора, бедных людей, приходивших к ней со всех сторон»³⁴⁸. Мать поэта Евгения Боратынского, смолянка А.Ф. Черепанова, бывшая фрейлина императрицы Марии Федоровны, не ограничившись знанием французского, немецкого и итальянского языков, которым обучали в Смольном, самостоятельно выучила английский язык в своем тамбовском имении и проводила много времени, занимаясь воспитанием своего сына.

Образы смолянок встречаются в двух автобиографических текстах кн. И.М. Долгорукова: «Повести о рождении моем, происхождении и всей жизни...» и «Капище моего сердца...». Обе жены Долгорукова – Е.С. Смирная и А.А. Пожарская были смолянками, или, как их называл мемуарист, монастырками. Особенно он был привязан к своей первой супруге, которую называл «женщина несравненная»³⁴⁹. Она была дочерью бедных дворян,

³⁴⁷ Бецкой И.И. Устав воспитания... С. 4–5.

³⁴⁸ Скалон С.В. Воспоминания С.В. Скалон... С. 348.

³⁴⁹ Долгоруков И.М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М., 1997. С. 26.

лишилась отца во время восстания Емельяна Пугачева, ее мать, имея всего 17 душ крестьян в Тверской губернии, воспитывала четырех сыновей и двух дочерей. Евгения, смолянка четвертого набора, отличалась большими художественными талантами. Долгоруков вспоминал о ней: «Она прекрасно пела, танцевала, играла на арфе и к театральному выражению, то есть к декламации, была очень склонна»³⁵⁰. Евгения Смирная закончила Смольный институт в 1785 г., удостоившись малой золотой медали и шифра императрицы. Она стала фрейлиной сначала великой княгини Натальи Алексеевны, которая к ней особенно благоволила, а после ее смерти – великой княгини Марии Федоровны. Долгоруков подчеркивал, что в достославном Смольном монастыре «жили и воспитывались беднейшие благородные девушки законного рождения на всем казенном коште»³⁵¹, но в другом месте «Повести...» он писал о Смольном, что «все лучшие и знаменитейшие дворяне отдавали сюда дочерей своих воспитываться»³⁵². Здесь нет противоречия, так как в Смольном учились, как бедные и незнатные, так и богатые и знатные девицы.

В воспоминаниях Долгорукова впервые зафиксировано появление социального типа «барышни», воспитанницы, компаньонки, живущей в богатых домах и ответственной за культурный досуг дворянской семьи. Этими «барышнями» часто становились бедные и незнатные воспитанницы, которые не остались при дворе и не смогли сразу после выпуска из Смольного института сделать приличную партию.

Уже в первые годы существования Смольного института стали создаваться его «антимифы», выражающие себя чаще всего в анекдотах, высмеивающих непрактичность и неприспособленность смолянок к реальной жизни – естественный результат изолированного от общества воспитания. К примеру, литератор Н. Греч в своих мемуарах писал, что «воспитанницы первых выпусков Смольного монастыря, набитые ученостью, вовсе не знали света и забавляли публику своими наивностями, спрашивая, например, где то дерево, на котором растет белый хлеб?»³⁵³. Кро-

³⁵⁰ Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. В 2 т. СПб., 2004. Т. 1. С. 121.

³⁵¹ Там же. С. 32.

³⁵² Там же. С. 121.

³⁵³ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 79.

ме того, им приписывали чрезмерную экзальтированность и восторженность, институтскую чувствительность.

Иногда эти «антимифы» Смольного разделяют и современные исследователи, заявляющие, что «способность “смолянок” приспособляться к жизни оказалась равной нулю» и «едва ли из “смолянок” получались хорошие жены и хозяйки»³⁵⁴. На самом деле смолянки не были такими уж беспомощными в реальной жизни и достигали больших высот. Об этом свидетельствует тот же первый выпуск 1776 г. Так, Н.С. Борщова и Е.И. Нелидова сделали придворную карьеру. Но не все выдающиеся смолянки первого выпуска мечтали о таком жизненном пути. Некоторые из них вошли в историю благодаря своему гражданскому мужеству и умению отстаивать свои права, выступая против законов не только человеческих, но и божественных. Одной из них была Е.В. Рубановская, дочь камер-фурьера В.К. Рубановского, она была удостоена золотой медали первой величины, но не взята ко двору. Причиной этого, скорее всего, был независимый нрав девушки, не желавшей принимать общего восторженного стиля обращения к императрице других смолянок, видевших в Екатерине не только Мать отечества, но и буквально Матушку, для которой каждая из воспитанниц была любимой дочерью.

У Елизаветы Васильевны сложилась героическая и трагическая судьба. Ее старшая сестра, Анна Васильевна, в 1775 г., когда Елизавета еще находилась в институте, вышла замуж за Александра Радищева, будущего автора «Путешествия из Петербурга в Москву». Через 8 лет, в 1783 г., став матерью 6 детей, из которых 2 умерли во младенчестве, она скончалась. Заботу о сиротах взяла на себя Елизавета, в сердце которой уже тогда зародилось запретное, согласно религии, чувство к свояку. Когда Радищев был арестован и посажен в крепость, Елизавета не стала просить императрицу о милости, хотя та была крестной матерью ее младшей сестры Дарьи. Вначале она, боясь, что в Петропавловской крепости Радищева будут пытать, подкупала «гостинцами» Степана Шешковского, личного «кнутобойца» императрицы. После же отправки Радищева в Сибирь поехала вслед за ним с двумя младшими детьми писателя, Екатериной и Павлом. Догнав Радищева в Тобольске, она отправилась за ним дальше: в Иркутск, затем в Илимск. Став гражданской супругой человека, которого

³⁵⁴ Хренов Н.А., Соколов К. Художественная жизнь императорской России (субкультура, картина мира, ментальность). СПб., 2001. С. 649.

давно любила и разделяя с ним все тяготы ссылки, Елизавета родила трех детей в Сибири, но скончалась от простуды на обратном пути из ссылки и была похоронена в Тобольске. Так, за 30 лет до восстания на Сенатской площади смолянка Елизавета Рубановская-Радищева продемонстрировала образец героического, по классификации Ю.М. Лотмана³⁵⁵, женского характера.

Екатерина была чрезвычайно привязана к своим «смолянкам», особенно из первого выпуска. Например, с А.П. Левшиной (в замужестве княгиней Черкасской), она состояла во время учебы той в институте в искренней, хоть и шуточной, переписке, называя ее «черномазой Лёвушкой». «Черномазая Лёвушка» была дочерью армейского майора П.И. Левшина и Т.И. Кольцовой-Массальской, в жилах которой текла кровь Рюриковичей. Рано потеряв мать, она была отдана отцом в институт в возрасте всего 4 лет. По семейному преданию, принимая Левшину в институт, Екатерина II сказала: «Пусть отец ее позабудет, что он имеет дочь; я беру ее на свои руки!»³⁵⁶.

Всего сохранилось 16 писем Левшиной к императрице, написанных в период с 1772 по 1780 г. При этом с 1776 г. девушка находилась при дворе в качестве фрейлины императрицы. Все письма, кроме одного, написаны на французском языке. Кстати, после того как «Черномазая Лёвушка» по желанию императрицы написала ей письмо на русском языке с большим количеством ошибок, неумением подобрать нужные по смыслу русские слова, которые она заменила французскими, Екатерина выразила неудовольствие качеством обучения смолянок родному языку. Из четырех сохранившихся ответных писем императрицы видно, какое заинтересованное участие принимала она в своем любимом первом выпуске Смольного. Письма самой Левшиной показывают, как в среде смолянок формировалась та атмосфера обожания монарха, которая впоследствии станет отличительной чертой субкультуры Смольного. По этим письмам можно судить о повседневной жизни смолянок первого выпуска, описанной наблюдательным и насмешливым пером³⁵⁷. Письма Левшиной свидетельствуют и о том, что изоляция смолянок первого выпус-

³⁵⁵ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX века). СПб., 1994.

³⁵⁶ Переписка императрицы Екатерины II с А.П. Левшиной // Русская старина. 1896. № 11. С. 315.

³⁵⁷ Переписка императрицы... С. 334.

ка была относительной. Они достаточно часто отправлялись на экскурсии, что также составляло часть плана императрицы. Смолянки должны были не только узнавать окружающий их мир, но и этот мир должен был видеть девушек «новой породы», воплощающих собой счастливое будущее России.

В июне 1771 года смолянки посетили Зимний дворец, Эрмитаж, а 20 мая 1773 года гуляли в Летнем саду, вызывая всеобщее изумление. Бецкой устраивал для смолянок первого выпуска всевозможные развлечения и «забавы». Смолянки любят картинную галерею Эрмитажа, видят экспонаты кабинета естественной истории, восхищаются обширной библиотекой императрицы. В Царском селе им показывают прекрасный английский, т.е. пейзажный, сад с рукотворными развалинами, их веселят пляской толпы празднично одетых крестьян и крестьянок. Не удивительно, что, находясь в контексте утопического педагогического проекта, смолянки первых выпусков творили свои мифы о Смольном, в которых рассматривали Институт как земной рай, педагогический Эдем. Глафира Алымова в своих «Памятных записках» называла годы, проведенные в Смольном, самыми счастливыми, противопоставляя их своей последующей жизни при дворе, с его интригами и заботами мелочного честолюбия. Алымова пишет: «Нельзя вообразить себе более счастливого положения, как то, в котором я находилась в течение 11 лет в Смольном. Счастье, которым я пользовалась, нельзя сравнить ни с богатством, ни с блестящим положением светским, ни с царскими милостями»³⁵⁸.

Культурный миф о Смольном как о рае в записках институток екатерининской эпохи можно считать общим местом, если бы не одно обстоятельство. Умная, наблюдательная, независимая и самолюбивая Алымова была очень далека от классического представления о наивной и «чувствительной» институтке, ежеминутно падающей в обморок. Она сумела обстоятельно, с «просветительским» знанием дела охарактеризовать основные преимущества «смольного» воспитания, позволившего воспитать поистине «новую» породу русских женщин, умеющих бороться за свое счастье и одерживать победу в этой борьбе.

Во-первых, в смолянках воспитывали естественное чувство «равенства» друг перед другом (так же как впоследствии в учениках Царскосельского Лицея): «сироты, бедные и богатые, име-

³⁵⁸ Ржевская Г.И. Памятные записки... С. 6.

ли одинаковое право пользоваться прекрасным воспитанием, основой которого служило совершенное равенство. Это была община сестер, подчиненных одним правилам. Единственным отличием служили достоинства и таланты»³⁵⁹.

Во-вторых, воспитатели стремились сохранить у учениц самобытность их природных характеров. Это было очень важно, так как «в свете... не встретишь самобытного характера, отличающего человека от других, как отличается он чертами лица, но, при всеобщем единообразии, резко выделяются характеры девушек, воспитанных в наших заведениях: из них каждая имеет свой личный характер». Алымова утверждает, говоря о смолянках: «Им приходилось бороться против существовавших предрассудков на счет институтского воспитания, встречаемых даже в собственной семье, и против общего нерасположения. Во всех испытаниях они действовали прямо, энергично защищая свои правила»³⁶⁰.

В связи с этим можно вспомнить завет Локка, не раз осмысляющийся в записках Алымовой: «Мы не должны рассчитывать на то, чтобы полностью изменить их природные характеры, чтобы сделать веселого человека задумчивым и серьезным, а меланхолика веселым человеком, не портя их. Бог наложил определенную печать на душу каждого человека, которая, подобно его внешнему облику, может быть немного исправлена, но вряд ли можно ее целиком изменить и превратить в противоположное»³⁶¹.

В-третьих, Алымова утверждает, что воспитатели внушили воспитанницам уверенность в их благополучии, избавив от забот о будущем: «...скрывая от нас горести житейские и доставляя нам невинные радости, нас приучили довольствоваться настоящим и не думать о будущем»³⁶². Она также пишет: «Между нами царило согласие: общий приговор полагал конец малейшим ссорам. Обоюдное уважение мы ценили более милостей начальниц, никогда не прибегали к заступничеству старших, не жаловались друг на друга, не клеветали, не сплетничали, потому не было и раздоров между нами...»³⁶³.

В январе 1785 г. императрица в последний раз лично присутствовала на экзамене четвертого выпуска смолянок. А. Да-

³⁵⁹ Там же. С. 40.

³⁶⁰ Там же. С. 6.

³⁶¹ Локк Д. Мысли о воспитании... С. 452–453.

³⁶² Ржевская Г.И. Памятные записки... С. 6.

³⁶³ Там же. С. 9.

нилова по этому поводу отмечает: «Этим четвертым по счету выпуском, в котором теперь было уже 89 воспитанниц, заканчивался первый, блестящий период существования Воспитательно-го общества благородных девиц»³⁶⁴.

Несмотря на то, что руководителями Смольного допускался ряд педагогических ошибок, сама «система Смольного института удивительным образом представляла собой гармоничное соединение в одно целое воспитания, образования и духовности»³⁶⁵. Данный проект соответствовал общей установке русского Просвещения. Как подчеркивает Р.Ю. Данилевский, система школьного и внешкольного обучения, «как и система воспитательных учреждений в России, долго обозначалась тем же термином, что и обсуждаемая эпоха, – “просвещение”»³⁶⁶.

Светские добродетели смолянок, заявленные в «Уставе», включали следующее: «повиновение начальствующим, взаимная учтивость, кротость, воздержание, равенственное в благонравии поведение, чистое, к добру склонное и праводушное сердце, а напоследок благородным особам приличная скромность и великодушие, и, одним словом, удаление от всего того, что гордостью и самолюбием назваться может»,³⁶⁷ – впоследствии найдут закрепление в трактате «О должностях человека и гражданина» (Глава I «О добродетелях человеческих» и Глава V «О том, чего убежать должен добродетельный» Части I «Об образовании души»).

Традиция, заложенная Смольным институтом и направленная на воспитание «новой породы» людей, обладающих высоко развитым чувством гражданственности, продолжила свое развитие и в эпоху императора Александра I. Еще одной попыткой реализации педагогической утопии на практике была программа организации Царскосельского Лицея, учебного заведения нового типа, где братья русского царя, Николай и Михаил, должны были учиться вместе с талантливыми юношами дворянского сословия. Первый директор лицея В.Ф. Малиновский искренно считал, что в основу человеческих отношений должны быть положены просвещение, добродетель, дружба, любовь. Как следствие

³⁶⁴ Данилова А. Благородные девицы. Воспитанницы Смольного института. Биографические хроники. М., 2007. С. 133.

³⁶⁵ Пушкарева Н.Л. Образовательная система Смольного института благородных девиц // Глобальный научный потенциал. 2017. № 11 (80). С. 23.

³⁶⁶ Данилевский Р.Ю. Воспитательный пафос Русского Просвещения // Русская литература. 2003. № 3. С. 190.

³⁶⁷ Бецкой И.И. Устав воспитания... С. 14.

высшее назначение человека – «составить блаженство многих людей»³⁶⁸. Адъюнкт-профессор А.П. Куницын, выступая на открытии Царскосельского лицея, специально подчеркнул необходимость образования и воспитания гражданина, государственного человека и воина как человека добродетельного, для которого первым предметом воспитания является «наука общежития», т.е. «истинное образование ума и сердца»³⁶⁹. Как утверждал критик К.Д. Кавелин, поколение людей Александровской эпохи «всегда будет служить ярким образцом того, какие люди могут вырабатываться в России при благоприятных обстоятельствах»³⁷⁰.

В конечном счете русское дворянство сумело воспитать совершенно особый тип человека, который Ю.М. Лотман считал «вершинным достижением русской культуры»³⁷¹. Люди «новой породы» в России все же появились, хотя и не в таком большом количестве, как того хотелось создателям педагогической утопии.

³⁶⁸ Малиновский В.Ф. Из дневника 1803 г. // Русские просветители. В 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 253–262.

³⁶⁹ Наставления воспитанникам, читанные Александром Куницыным, адъюнкт-профессором нравственных наук // Речи, произнесенные при открытии императорского Царскосельского лицея в присутствии Е.И.В. и августейшей фамилии. Октября 19 дня 1811. СПб., 1811. С. 6, 13.

³⁷⁰ Кавелин К.Д. Авдотья Петровна Елагина // Русское общество 30-х годов XIX в.: мемуары современников. М., 1989. С. 147.

³⁷¹ Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни: Бытовое поведение как историко-психологическая категория // Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 334–335.

Глава X

«ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ», ИЛИ ПАТРИОТИЗМ

10.1. «ДРЕВНИЕ СВОБОДЫ НАШЕГО КОРОЛЕВСТВА» ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО БРИТАНИИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Период 1580–1640 гг. был временем решительной трансформации всех сторон жизни английского общества. В процессе строительства нового – протестантского и имперского по своей сути – государства на Британских островах формируется сложная культурная модель идентичности. Поиск новых форм выражения этих идей в области исторического письма, который был, в частности, концептуализирован в тезисе об «исторической революции» в Англии в эпоху поздних Тюдоров – ранних Стюартов¹, на практике оказался связанным, в первую очередь, с антикварным движением, сплотившим лучшие умы елизаветинской эпохи. Как известно, начало «исторической революции» в Британии ознаменовалось расцветом городских хроник и «историй» графств, причем с 1590-х гг. поток топографических обзоров и локальных историй начал быстро нарастать². Их авторами были за редким исключением люди, получившие блестящее образование, но вынужденные в силу отсутствия титула и унаследованного состояния заботиться о себе исключительно своими талантами, причем большинство антикваров «служили» государству (династии) через своих покровителей, что задавало новый патриотический дискурс наведения порядка в «собственном доме» («Nationhood»).

Настойчивое стремление «сконструировать» целостность пространства «общего дома» определялось новым представлением о государстве. Первые лица государства остро ощущали необходимость установления четких географических границ подвластных им территорий. «Атлас» К. Сакстона, опубликованный

¹ Fussner F.S. *The Historical Revolution: English Historical Writing and Thought, 1580–1640*. L., 1962; Levine J.M. *Ancients, Moderns and the Continuity of English Historical Writing in the Later Seventeenth Century* // *Studies in Change and Revolution* / Ed. P.J. Korshin. L., 1972. P. 43–75; Preston J. *Was there an Historical Revolution* // *Journal of the History of Ideas*. 1977. № 33. P. 353–364.

² См.: Mendyk S.G. *Speculum Britanniae: Regional study, antiquarianism, and science in Britain to 1700*. Toronto, 1989.

еще в 1579 г., стал политическим инструментом и топографическим стандартом на многие десятилетия вперед. Никто так пристально не всматривался в очертания Англии на ней как лорд Берли, который, в отличие от Томаса Кромвелля, уже мог лицезреть управляемое им королевство на карте³. По работам Сакстона, Нордена и других картографов англичане открывают себя в своем прошлом пространственно – с помощью уточненных карт и описаний ландшафтов в локальных историях. В первую очередь через эти практики формировалось представление о том, «кто мы». Если историки графств «вели» читателей по дорогам и водным путям своей страны, то собрание травелогов «Главных путешествий» Ричарда Хаклюйта 1589 г. (расширенное издание – 1598–1600 гг.) стало настоящей эпопеей подвигов английского народа в Великих географических открытиях, собранием рассказов о смелости и находчивости англичан в освоении новых «территорий».

Сознание новой элиты было пронизано национальной идеей и оказывало влияние на быстро меняющееся английское общество. «Британия» У. Кемдена является вершиной развития английской хорографии и одновременно проекцией идеи создания сильного, единого и протестантского государства на Британских островах его покровителя, лорда Берли. В этом сочинении переплетаются два дискурса: ренессансный дискурс времени, опрокинутый в эпоху великого Рима, и антикварный дискурс пространства-территории, основанный на идее нации-государства⁴. Обращает на себя внимание патриотический пафос этого историко-топографического дискурса. У. Кемден во введении к «Британии» так обосновывает мотивы ее написания: «Слава моей страны вдохновила меня на это», а также «взаимная любовь нашей общей матери и родной страны, древняя честь имени британцев» («the glory of my country encouraged me to undertake it», «the common love of our common mother and native country, the ancient honour of the British name»). Кемден, Дрейтон и др. активно формировали идею Великой Британии. В опубликованном Кемденом в начале XVII в. сборнике эссе (автор скромно назвал их «остатками от его великой работы “Британия”») английская нация, предстает как обладательница «самой славной из всех ныне суще-

³ Collinson P. This England: race, nation, patriotism // Collinson P. This England. Essays on the English nation and commonwealth in the sixteenth century. Manchester, N.Y., 2011. P. 26–27.

⁴ Этот феномен пересечения двух дискурсов получил название «зеркального эффекта». См.: Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Антикварный дискурс в раннеюартовской Англии. СПб., 2013. С. 144–155.

ствующих [наций] в Европе моральной и боевой силой»⁵ – источником английской свободы.

Национальная идентичность на Британских островах в XVII – XVIII вв. формировалась десятками модусов – от церкви до театра. Она сосредотачивалась в разнообразных социальных институтах и видах деятельности, многие из которых обладали собственным прошлым. «Нация» притягивала к себе мифы и символы, обладающие потенциалом *общего прошлого*. Через жанр хореографии, где пространство и время соединялись особым образом, был создан ясный и убедительный образ Великой Британии.

Образы прошлого в британской исторической культуре середины XVII – начала XVIII в.

Национальный «проект», созданный в исторических сочинениях позднетиюдоровской и раннестюартовской Англии – «Британия» У. Кемдена, «Поли-Ольбион» М. Дрейтона, «Исторические хроники» У. Шекспира, вскоре пережил испытание на прочность в горниле гражданской войны середины XVII века. Собственно, революция сама по себе указывает на неудачу попыток первых Стюартов создать на основе британской идентичности сильное, хорошо управляемое государство в составе Англии, Шотландии, Ирландии и Уэльса – то, что впоследствии получит название композитарной монархии. Как хорошо известно, «великий мятеж» начался с англо-шотландского конфликта – «войны епископов» 1639–1640 гг. То, что бесспорным авторитетом в ситуации конфликта стала Библия, говорит о том, что «пространство» и «время» в ренессансном измерении не стали преобладающими тропами мышления в Англии середины XVII века. Именно «Библия... стала разделяющим мечом или скорее арсеналом, из которого все партии выбирали себе оружие, отвечавшее их нуждам»⁶. Ренессансный «проект» «De Republica Anglorum» рассыпался на глазах, едва начавшись.

Революция станет «моментом» рождения политической философии в Англии, где идея сильного светского государства займет центральное положение. Томас Гоббс в своем сочинении «Левиафан» (1651) даст обоснование этой идеи как единственного средства предотвращения распада общественного порядка. Работа «Патриарх» Роберта Филмера, главного критика Гоббса,

⁵ Camden W. Remaines of a Greater Worke, Concerning Britaine, the inhabitants thereof, their languages, names, surnames, empresses, wise speeches, poesies and epitaphes / Ed. by R.D. Dunn. Toronto, 1984.

⁶ Хилл К. Английская Библия и революция XVII в. М., 1998. С. 3–4.

защищавшего божественное право королей, была опубликована лишь в 1680 г. посмертно. Именно она стала предметом острой критики со стороны Джона Локка в первой части «Двух трактатов о правлении», Олджернона Сидни в «Беседах о правительстве» («Discourses Concerning Government», 1680) и Джеймса Тиррела в «Патриарх – не монарх» («Patriarcha non monarcha», 1681). Исследования политических дискуссий конца XVII – начала XVIII в. показывают, однако, что не Гоббс, Локк или Сидни, а Филмер был самым влиятельным политическим мыслителем того времени⁷. Для нас в данном контексте неважно идет ли речь о деспотической или олигархической форме правления (в последней представление о божественном происхождении королевской власти будет бесповоротно отброшено). Важно, что речь шла о некоем устойчивом «порядке правления», который вскоре получит обоснование в конституции.

Самостоятельным модусом формирования нового политического порядка стала история. Изобретение мифа древней конституции Англии оказалось напрямую связано с политической борьбой на протяжении всего XVII в., отголоски которой «слышны» на страницах уже упомянутых сочинений. Именно здесь надо искать истоки дискуссии о «нормандском иге» – магистральной теме в процессе становления парламентской монархии в Англии.

Дж. Покок в фундаментальном труде «Древняя конституция и феодальное право. Изучение английской исторической мысли в XVII веке»⁸ прямо увязал понятия «древняя конституция» и «нормандское иго» как смысловые оппозиции, сформированные во второй половине XVII в. В ситуации становления национальных государств, отметил он, общим местом было «удревнение» законов и обычаев королевств под давлением политических условий современности. Знатоки права не находили, как правило, аналогий римскому праву в собственном национальном прошлом, особенно в вопросах, связанных с законом, правом и суверенитетом. Для них само собой разумеющимся было предположить существование «древней конституции» с незапамятных времен в виде обычаев и их производных, юридически имеющих обязательную силу на данный момент времени. «Древнее» обладало высшим

⁷ Kenyon J. *Revolution Principles. The Politics of Party. 1689–1720.* Cambridge, 1977. P. 63.

⁸ Pocock J.G.A. *The Ancient Constitution and the Feudal Law: A study of English Historical Thought in the Seventeenth Century. A Reissue with a Retrospect.* Cambridge, 1987 [1 ed. – 1957]. P. VIII, XIV.

авторитетом, потому что древние законы не требовали дополнительной легитимации.

В ситуации борьбы короля и парламента первых лет правления Карла I Стюарта самый влиятельный юрист начала XVII в., глава Суда Королевской скамьи (1613–1616) Эдмунд Кок, оказавшись в оппозиции короне, сумел выстроить убедительную систему доказательств в пользу удревнения английской конституции. В знаменитом сочинении «Институты законов Англии» (1628–1644)⁹, он показал, что суды, парламент и право появились в Английском королевстве с незапамятных времен и существовали задолго до Вильгельма Завоевателя, который, между прочим, поклялся соблюдать древние законы Эдуарда Исповедника и даже настаивал на их соблюдении и сохранении. На самом деле Кок характеризовал как существовавшие с «незапамятных времен» те учреждения, которые были введены нормандцами только в XI в.¹⁰ Миф-концепция подтверждения древности английских законов у Э. Кока достигает своего пика в его оценке Великой хартии вольностей 1215 г. (впоследствии нарушенной Тюдорами), содержание которой было положено в основу «Петиции о праве» 1628 г.

Социальные трансформации XVI–XVII вв. в Английском королевстве неизбежно вели к изменениям политико-правового характера. Дж. Покок замечает, что «когда парламенты Елизаветы I начали заявлять свои права, которые были фактически новыми, на самом деле они создавали прецеденты... Поиск прецедентов завершается расширением корпуса предполагаемых прав и привилегий, которые должны были быть древними сами по себе, и это – в сочетании с общим и твердым убеждением, что Англия управляется законом, который сам по себе существовал с незапамятных времен – привело, в свою очередь, к оформлению такого наиболее важного и неувимого понятия семнадцатого века как основной закон»¹¹. Ясно, что «древний» (ancient) и «основной» (fundamental) закон в XVII в. были синонимичными понятиями¹².

Отмеченные тенденции хорошо известны из политической истории Англии XVII в., но наш главный вопрос заключается в другом: каким образом эта ситуация влияла на формирование концепции национальной истории.

⁹ См.: Coke E. The First Part of the Institutes of the Lawes of England. Or, a Commentarie upon Littleton, Not the Name of a Lawyer Onely, but of the Law it selfe, L., 1628.

¹⁰ Pocock J.G.A. The Ancient Constitution... P. 43.

¹¹ Ibid. P. 47–48.

¹² Gough J. Fundamental Law in English Constitutional History. Oxford, 1955.

Не удивительно, что парламентарии и законники-юристы следовали концепции «древней конституции», но в то же время складывалась и другая, альтернативная точка зрения по этому вопросу. Суть ее заключалась в том, что свободы Западной Европы, в т.ч. английское право и парламент были по происхождению «готскими», т.е. древнегерманскими. Дж. Покок одним из первых поставил вопрос о двух линиях историко-правового развития в XVII в. – «кокианской», или «общеправовой», и «готской»¹³.

Кокианская, хоть и апеллировала к эпохе короля Альфреда, но без акцента на его древнегерманском происхождении: он предстал лишь одним из древних британских королей. Англосаксонское право для Кока и его последователей носило исключительно островной характер, и смешивать миф о древности английского закона с готской свободой означало для них смешать себя с примитивными варварами германского леса Тацита.

Вторая «линия» была связана с попытками исторически осмыслить вопрос нормандского влияния через понятие «феодализм», пришедшее с континента, как с точки зрения исторических событий XI века, так и с точки зрения развития историографии XVI–XVII вв.¹⁴ Этот вопрос упирался в изучение традиции письменной систематизации правовых отношений господина и вассала. Открытие места Англии в правовой истории Европы принадлежало не юристам, а сплоченной группе антикваров эпохи правления Якова I Стюарта.

Решающую роль в формировании альтернативной оценки нормандского вторжения сыграл сэр Генри Спелмен (1562–1641). Не будучи ни юристом, ни богословом, он, как ученый-антиквар, смог сосредоточиться в последние тридцать лет своей жизни на изучении истории общего права и истории церкви. Но в отличие от Кока, для которого история закона состояла из прецедентов и обоснования ими прав и действий в современности, для Спелмена это был вопрос понимания этимологии вышедших из употребления слов и интерпретация их смыслов. Не ограничиваясь выяснением смысла слова на основании английских исторических источников, Спелмен выявлял аналогии в других языках – готском, древнесаксонском и пр. И в данном случае, не так важен диапазон его эрудиции, как его сравнительный подход, который позволил ему критически подойти к изучению английского прошлого.

¹³ Pocock J.G.A. The Ancient Constitution... P. 57.

¹⁴ Pocock J.G.A. Ch. III. The Discovery of Feudalism: French and Scottish Historians // Pocock J.G.A. The Ancient Constitution... P. 70–91.

Исходя из своих филологических штудий Спелмен предполагал, что английское общее право своим происхождением в значительной степени обязано древнегерманскому влиянию. Он понимал, что древнегерманский обычай не мог сохраниться в своем первоизданном виде и знал, что законы «варваров» претерпевали существенную историческую эволюцию. Разработанная Спелменом концепция «феода» оказала существенное влияние на его интерпретацию англонормандского периода в истории Британии, а именно, на рассмотрение парламентской истории в свете эволюции феодализма. Рассматривая работу Спелмена в целом, можно сказать, что он опередил своих современников в осмыслении англо-нормандского периода в истории Британии. Переосмысление конституционной истории на основании концепции феода по Спелмену стало возможным лишь после завершения Гражданской войны – в эпоху Реставрации. В памфлетной войне середины XVII в. идеи Спелмена были на руку роялистски ориентированным консервативным авторам (таким как Р. Филмер) для отрицания идеи «социального контракта» и утверждения о позднем возникновении Палаты общин.

В 1675 г. сэр Уильям Дагдейл опубликовал первый том своего труда «Бароны Англии», где в предисловии дал обзор парламентской истории на основе идей Спелмена. Но даже его тезис о возникновении палаты общин в середине XIII в. встретил всеобщее неприятие. Самым громким оказался голос вигского интерпретатора «древней конституции» и предтечи Локка – Уильяма Пети (1641–1707). Его сочинение «Древнее право коммонеров» (1680) изначально было задумано как ответ Дагдейлу¹⁵.

Первым кто всецело воспринял концепцию Спелмена и, более того, развил ее, был д-р Роберт Бреди (1627–1700), роялист из графства Норфолк, подвергнутый гонениям в период Республики. Ранее никогда не писавший исторических сочинений, он решил в 1675 г. создать историю Англии, которая будет «учить людей лояльности и послушанию, дабы предотвратить замыслы мятежников»¹⁶. Патроном Бреди с конца 1670-х гг. стал архиепископ Кентерберийский (1677–1690). Уильям Санкрофт, ключевая фигура эпохи Славной революции, возглавивший впоследствии неприсягнувших священников. Бреди был сторонником идей трактата Роберта Филмера «Патриарх» и, кроме того, по рекоменда-

¹⁵ Petyt W. The Antient Right... 1680.

¹⁶ Pocock J.G.A. Robert Brady, 1627–1700. A Cambridge Historian of the Restoration // Cambridge Historical Journal. 1951. Vol. X. № 2. P. 186–204.

ции Санкрофта сблизился с Дагдейлом. Работа Уильяма Пети «Древнее право коммонеров» ввергла Бреди в круговорот нарастающей дискуссии первых вигских парламентов 1679–1681 г.

В 1681 г. он опубликовал «Полный и ясный ответ на книгу Уильяма Пети, эсквайра»¹⁷. Это сочинение носит остро полемический характер. Для У. Пети и сторонников «древней конституции» Вильгельм не был завоевателем, а на протяжении XIII в. имело место лишь поправление древней английской конституции. Именно сюда был направлен главный удар Бреди. Это было завоевание, пишет он, а также привнесение нового вида права и принципиальное изменение отношений в англосаксонском обществе, и это произошло по праву завоевания. Бреди заключает:

«Большинство наших законов, в том числе главные, были доставлены сюда из Нормандии ЗАВОЕВАТЕЛЕМ. Оттуда мы получили наши ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ и способ владения нашим имуществом во всех отношениях, и оттуда мы также получили ОБЫЧАИ, соответствующие этим *владениям*. Их качество было в основе своей *феодалным*, ими пользовались при условии выполнения определенных ВОЕННЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ и СЛУЖБ, и, как необходимое следствие, мы должны были получить законы, также соответствующие этим ВЛАДЕНИЯМ и ОБЫЧАЯМ, пригодные для их регулирования, в соответствии с которым каждый человек имел право на такое владение, которое было бы защищено в соответствии с их природой»¹⁸.

Всю оставшуюся жизнь Бреди посвятил обоснованию своего вывода¹⁹. Бреди доказывал, что до правления Эдуарда I понятие «король в совете» соответствовало, в первую очередь, простому собранию крупных держателей земли в ситуации разрешения королем трудных вопросов по принципу: «то, что касается всех, должно быть одобрено всеми». Он первым в британской историографии обратил внимание на термин «*Communitas Regni*». У. Пети, в духе его провигской концепции, не сомневается, что «*Communitas Regni*» – это и есть «*commonalty of the realm*» или «*House of Commons*», «палата общин». Бреди, верный основным принципам работы Спелмена, доказывает, что в XIII в. этот термин следует понимать, прежде всего, в феодальном смысле – как «*Communitas militum*», т.е. собрание, включающее как крупных, так и мелких держателей земли, во главе с королем, когда речь шла о военных вопросах²⁰.

¹⁷ Brady R. A Full and Clear Answer... 1681.

¹⁸ Brady R. An Introduction to the Old English History... 1684. P. 14, 203.

¹⁹ См.: Brady R. A Complete History of England. L., 1685; Brady R. An Historical Treatise of Cities and Burghs. L., 1690.

²⁰ Brady R. Introduction to the Old English History... P. 73–76, 80–81, 84ff.

Концепция Спелмена стала оружием в споре о «древней английской конституции» и о суверенитете в преддверии Славной революции. Она позволила Бреди подвергнуть аргументированной критике понятие «древней конституции», базирующейся на «древнем законе» и «древнем парламенте» на том простом основании, что институты феодальных отношений уже давно исчезли из английской жизни. Этот вывод Бреди был пионерским, по своей сути, и завершал формирование концепции Спелмена о феодальных отношениях на Британских островах.

Однако парадокс заключался в том, что эти революционные идеи Спелмена и Бреди вплоть до второй половины XIX в. оставались маргинальными – в основном потому, что политическая позиция Бреди была консервативной и базировалась на представлении о суверенной власти монарха, а победу одержали виги и локкианская идея разделения властей. В такой ситуации большинство консервативно ориентированных полемистов (например, лорд Кларендон) приняли доктрину «древней конституции» и на этом основании отстаивали идею прерогатив королевской власти. Историография Просвещения последовала курсом, заданным Э. Коком и У. Пети. История англо-нормандской Англии интерпретировалась в духе неизменного абстрактного древнего «общего права». Дж. Локк, который не питал интереса к истории, в своих сочинениях оформил понятие «английской конституции» как социального контракта на основе таких документов как Великая хартия вольностей, Петиция о праве и Билль о правах²¹.

Следует сказать и о «третьей линии» в интерпретациях событий 1066 г. в историографии XVII в. Речь идет о «левой» традиции, именуемой в британской историографии «радикальной». В своих сочинениях Джон Мильтон, Джон Лильберн, Джерард Уинстенли заявляли о насильственном завоевании, следствием которого было установление тиранического нелегитимного правления Вильгельма – «нормандского ига». Их «историзм» определялся радикальной критикой существующих порядков. Представители и кокианской, и радикальной линии опирались в своих концептуальных построениях на прошлое с акцентом на права англичан в древности. Но юристы общего права выводили линию непрерывной преемственности между прошлым и настоящим для обоснования «основного закона» в современности; в то время как радикалы говорили о «потерянном рае», где англичане были свободны, и необходимости его восстановления. В отличие от юри-

²¹ Locke J. Two Treatises of Government / Ed. P. Laslett. Cambridge, 1988.

стов радикалы апеллировали не к законам, а к «естественному праву» и «разуму»²². Эта позиция получила развитие в XVIII в. Томас Пейн в своих сочинениях призывал вернуться к «золотому веку» англосаксов как обществу, где все люди были равны²³.

Британская традиция историописания в эпоху Просвещения – благодатное поле для исследования процесса конструирования концепции национального прошлого вплоть до конца XVIII в.

Антиквары эпохи Просвещения на первый взгляд мало чем отличались от антикваров елизаветинской эпохи. Они также были собирателями артефактов старины – древних рукописей, археологических находок, надписей, редких камней и прочих диковин. Но в проекте Просвещения миссия антикваров была принципиально иной и заключалась в адаптации «прошлого» к новому коммерциализированному обществу, которое формировало свой «запрос» и хотело знать о своем прошлом в соответствии с ним. Антикварное знание формировало новую культурную идентичность британцев, выстраивая связь между прошлым и настоящим.

Отправной точкой для антикварного дискурса XVIII в. стало новое издание «Британии» Кемдена, осуществленное Э. Гибсоном в 1695 г. Антиквары уточняли, развергивали, интерпретировали основные тезисы Кемдена. Сотни энергичных людей путешествовали по графствам, раскапывали курганы, зарисовывали развалины церквей, надписи на монументах, записывали все, что видели или слышали. Антиквары были неутомимыми собирателями и коллекционерами и просто-таки горели любовью к прошлому. Они находились в постоянном контакте, обменивались информацией и делали выписки друг для друга. О масштабах их деятельности можно судить по издательскому проекту Антикварного общества Лондона «Древние памятники», или *Vetusta monumenta* (эту серию составили 70 томов, вышедших за первые 30 лет публикаторской деятельности Общества)²⁴, а также таблицам о деятельности общества с 1717 по 1784 г., изданным антикваром

²² Hill C. *The Norman Yoke // Democracy and the Labour Movement*. London, 1954. P. 54.

²³ Brownlie S. *Memory and Myths of the Norman Conquest*. Woodbridge, Suffolk, 2013.

²⁴ *Vetusta monumenta quae ad Rerum Britannicarum memoriam conservandam Societas Antiquariorum Londini sumptu suo edenda curavit. 1718–1906*; Grazia L.M. *Ceci n'est pas un monument: Vetusta Monumenta and antiquarian aesthetics / Producing the Past: Aspects of Antiquarian Culture and Practice, 1700–1850*. Ed. by M. Myrone and L. Peltz. Ashgate, 1999. P. 1–20.

Джоном Фенном²⁵. Важным аспектом этой деятельности была «фиксация» исторических «остатков» – визуализация прошлого.

«Занятия древностями» в глазах самих антикваров были признаком джентльменства, патриотизма и служения родине. Антиквар второй половины XVIII века Ричард Гоф напишет:

«Слава этого века и нации заключается в том, чтобы проникнуть в дебри Европы, пустыни Азии и Африки за остатками греческой, римской и еще более ранней архитектуры, но ни один художник не предлагает свои услуги для восславления памятников наших предков, для сохранения древностей в своей собственной стране»²⁶.

Изложенное выше заставляет задуматься о переосмыслении антикварного наследия эпохи Просвещения. Недавние исследования подтверждают необходимость признания глубокого влияния антикварианизма на различные аспекты исторической культуры британского общества и его неопределимый вклад в сохранение общего национального наследия²⁷.

В «зачет» антикваров XVIII в. идет также их активное участие в издании журнала *Gentleman's Magazine*, который начал выходить в 1731 г. С 1736 г. он носил название *The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle*²⁸. По завещанию на правах дарения антиквары начали оставлять свои коллекции Лондонскому обществу антикваров или королевской семье, а в 1753 г. по Акту парламента о Британском музее коллекции знаменитых антикваров были объединены с библиотекой Роберта Коттона, Харлеанской

²⁵ Fenn J. Three chronological tables. L., 1784.

²⁶ Goagh R. Anecdotes of British Topography. L., 1768. P. XX.

²⁷ Frew J. An Aspect of the Early Gothic Revival: The Transformation of Medievalist Research // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes XLIII. 1980. P. 174–185; Gerrard C. The Patriot Opposition to Walpole. Politics, Poetry and National Myth, 1725–1742. Oxford, 1994. P. 101–141; Groom N. Thomas Percy's Reliques of Ancient English Poetry: its Context, Presentation and Reception. Ph.D. diss. Univ of Oxford, 1993. P. 192–237; Kidd C. Subverting Scotland's Past: Scottish Whig Historians and the Creation of an Anglo-British Identity, 1689–c.1830. Cambridge. 1993; Kidd C. Gaelic Antiquity and National Identity // English Historical Review. November 1994. Vol. 109. Iss. 434. P. 1197; Grazia L. M. Monuments and texts: antiquarianism and the beauty of antiquity // Art history. 2002. № 25. P. 431–449; Newman G. The Rise of English Nationalism. L., 1987. P. 110–117; O'Halloran F. Antiquarian Debate on the Celtic Past and Ethnic Identity in Scotland and Ireland / Conflict, Identity and Economic Development: Ireland and Scotland 1600–1839. Preston. 1985. P. 135–147; Ousby I. The Englishman's England. Taste, Travel and the Rise of Tourism. Cambridge, 1990. P. 92–129.

²⁸ См.: The gentleman's magazine, and historical chronicle. 1736. Режим доступа: <https://archive.org/stream/gentlemansmagazi03marc#page/16/mode/2up>

библиотекой и таким образом было положено основание Британскому музею. Деятельность антикваров имела значимый общественный резонанс. Они обсуждали свои «дела» в кофейных домах, литературных клубах и провинциальных обществах, публиковали результаты своих изысканий в памфлетах, периодической печати и толстых фолиантах.

Миссия антикваров в XVIII в., с одной стороны, соответствовала идеологическому проекту вигов, а, с другой, питала ностальгию тори по прошлому. Антикварианизм, по существу, был коллективным проектом, цель которого заключалась в восстановлении, «фиксации» и демонстрации знания о прошлом страны.

Кельтское прошлое в представлениях историописателей XVIII века

Деятельность антикваров стала ключевым «ферментом» в формировании «британских идентичностей до национализма». Изучение древних обычаев и языков Британии, истории Шотландии и англо-саксонских «конституций» обеспечивало эмпирическую базу, на которой эти идентичности конструировались.

История изучения кельтских «окраин» Британии в XVIII в. имела разные траектории развития в Уэльсе, Ирландии, Шотландии и самой Англии²⁹. Топографический антикварианизм, который доминировал в английском варианте, был слабо выражен в валлийской и ирландской традиции, но тема кельтского прошлого в политических дебатах здесь была выражена куда сильнее. Однако в целом, в интерпретациях антикваров, древние кельты представляли сродни цивилизации древних греков в описании Гомера. Причем в этом дискурсе невольно возникало сравнение, а иногда и противопоставление древних кельтов «грубым тевтонским варварам»: англам, саксам, нормандцам. Богатейшая кельтская мифология давала обильную почву для этого. Проблема заключалась в том, что к XVIII в. эти рассказы и «повести» сохранились в устной традиции бардов в среде неграмотного кельтского населения, и кое-что было записано францисканскими монахами в эпоху позднего средневековья на латыни³⁰. А для того, чтобы реализовать на практике идею «великой кельтской цивилизации» требовались записи этих текстов. Что и попытался сделать выдающийся шотландский поэт Джеймс Макферсон (1736–1796),

²⁹ Sweet R. *Antiquaries: the Discovery of the Past in Eighteenth Century Britain*. L., 2004. P. 142–143.

³⁰ Celtic textual sources // Monaghan P. *The Encyclopedia of Celtic Mythology and Folklore*. N.Y., 2004. P. IX–XI.

«открыв» в 1762 г. широкой читающей публике поэму «Фингал»³¹. Публикуемый текст он представил в качестве аутентичных «остатков» поэм древней кельтской дохристианской цивилизации. Поэма повествовала о королевстве честных и доблестных людей. Это был «северный мир» эквивалентный «южному миру» Гомера³². В интерпретации Макферсона кельты были облагорожены религией, которая органично предшествовала христианству. Кельты наподобие древних греков и римлян были показаны философами. Фианы-воины были свободолюбивы, благородны и добродетельны. Саксы же представляли как варварские и жестокие племена, уничтожившие культуру завоеванного народа. Интерес к сочинению Макферсона определялся также и тем, что оно было созвучно недавним событиям Восстания 1745 г. в Шотландии.

Вокруг публикаций Макферсона сломано много копий³³. Литературные достоинства созданных им текстов чрезвычайно высоки. «Фингал» обеспечил ему европейскую славу одного из самых ярких представителей предромантизма. Макферсон родился в Горной Шотландии, владел гаэльским языком и восходил корнями к клану Макдональдов. В 1760 г. он действительно предпринял экспедицию по горной части Шотландии для сбора рукописей, песнопений и другой информации о древней гаэльской поэзии. Однако окончательный поэтический текст на английском языке – талантливая литературная мистификация. Скандальность ситуации состояла в том, что скептически настроенные читатели сразу потребовали предъявить оригинальные тексты на гаэльском языке, а Макферсон обещал их предоставить. Конечно, он дискредитировал себя в ученом мире, но его сочинения стали зарей «кельтского возрождения». В Ирландии, Уэльсе, Шотландии началось разыскание и транскрибирование кельтских текстов.

Судьба шотландского культурного локуса определялась самой Унией 1707 г., а также противоборствующими тенденциями юнионизма и национализма в шотландской историографии. В контексте будущего англо-шотландского союза термин «Британия» для шотландцев был более приемлемым и название *United Kingdom of Great Britain* является их изобретением. Д. Юм и другие великие умы Эдинбурга XVIII века настаивали на самоназва-

³¹ Macpherson J. *Fingal, an Ancient Epic Poem in Six Books*. 2 vols. 1799.

³² O'Halloran C. *Irish Recreation of the Celtic Past: Challenge of Macpherson's Ossian // Past and Present*. 1989. № 124. P. 69–95.

³³ См., напр.: Stafford F.J. *The Sublime Savage: A Study of James Macpherson and The poems of Ossian*. Edinburgh, 1988.

нии «северный британец», имея в виду, что они не англичане, и что англичане в этом контексте – тоже британцы.

Шотландская историография в XVIII в. столкнулась с трудной ситуацией «альтернативности». Покок оценивает шотландское Просвещение как «кульминацию», «крупное событие в истории общественного сознания» XVIII в. Оказавшись под влиянием в первую очередь французских мыслителей, шотландские умы сформировали умозрительную метафизическую концепцию истории, чуждую антикварной традиции, господствовавшей в английской исторической мысли на раннем этапе Британского Просвещения. И здесь нам следует приоткрыть почти неизвестную в отечественной историографии страницу шотландской истории – эпоху гуманизма. Наряду с сохранявшейся культурой «благородных дикарей» здесь обнаруживается мощное ядро ученых-гуманистов. Подавляющее их большинство были выходцами с равнинной части Шотландии, точнее из восточной ее части – Логгиана. Образование свое, как правило, они получили в Парижском университете. В первую очередь к ним следует отнести отца-основателя юнионистской идеи и национальной традиции историописания, выдающегося шотландского богослова Джона Мейджора (1467–1550)³⁴, именно он создал труд «Великая Британия»³⁵, написанный на классической латыни. Особое место в данном ряду занимает Джордж Бьюкенен (1506–1582), который принял активное участие в Реформации, а с 1570 г. стал наставником юного короля Якова VI, в будущем короля Англии Якова I Стюарта. Благоприятным для творчества оказался последний период его жизни, когда Бьюкенен опубликовал выдающиеся труды по политической философии и истории Шотландии. В 1579 г. вышла книга «De Jure Regni apud Scotos», посвященная природе государственной власти, а в 1582 г. – «Rerum Scoticarum Historia», освещающая события, современником которых он был³⁶. Гектор Бойс, сэр Томас Крейг, Адам Блеквуд и другие развивали гуманистические идеи в шотландской интеллектуальной культуре XVI–XVII вв.³⁷

³⁴ Mason R.A. Kingship, nobility and Anglo-Scottish union : John Mair's History of Greater Britain (1521) // Innes Review. 1990. Vol. 41. P. 182–222.

³⁵ Major J. De Gestis Scotorum. Paris. 1521.

³⁶ George Buchanan: The political poetry / Ed. by P.J.McGinnis, A.H. Williamson. Edinburgh, 1995; The British Union: A Critical Edition and Translation of David Hume of Godscroft's De Unione Insulae Britannicae. P.J. McGinnis (Author), A.H. Williamson (Ed.). L., 2002.

³⁷ Williamson A.H. Scottish National Consciousness in the Age of James VI: The apocalypse, the Union, and shaping of Scotland's public culture. Edinb., 1979.

В работах шотландских гуманистов сложилась англо-ориентированная, если не сказать англоцентричная, позиция в интерпретации шотландской истории. Здесь была сконструирована идея «древней конституции» Шотландии, восходящей к первому полумифическому королю скоттов Фергюсу I, возглавившему около 330 г. до н.э. переселение скотов из Ирландии на территорию западного побережья современной Шотландии. Его потомки и основали в V в. н.э. королевство Дал Риада (на территориях областей Аргайл и Бьют, части Гебридских островов, а также северо-востоке Ольстера на острове Ирландия). Другим важным компонентом этой историографической линии был концепт раннего кельтского, свободного от римско-католического влияния, христианства, основанного на «культе предков», «кульди» (англ. «Culdees»). Его центром считался остров Айона (Iona) на Гебридах, который стал духовным центром Дал Риады и где в VI в. проповедовал Св. Коломба. «Кульди» интерпретировался как «чистая и простая апостольская религия», основанная на ритуалах. Шотландские интеллектуалы XVI–XVII в. доказывали, что ее исповедовал Роберт Брюс и последующие шотландские короли.

Современное королевство Шотландия в их интерпретациях представало как триединство нации, монархии и европейской культурной провинции. Оно сформировалось на основе взаимодействия различных культурных компонентов – латинского, римского, гаэльского, нормандского, датского и английского. «Rex Scottorum» носит, полагали они, «имперскую корону», отстаивая ее в борьбе с мощным южным соседом, опираясь на лояльность подданных, способных заявлять о себе и мыслить в понятиях нации и своей национальной самодостаточности. При этом в историографическом каноне, сложившемся в работах Мейджора и других шотландских гуманистов, со всем сказанным выше мирно уживался тезис о том, что шотландская история может быть написана только в контексте Великой Британии³⁸. Эти идеи получили дальнейшее развитие в эпоху Просвещения. Показателем было переиздание работ Мейджора и Бьюкенена в 1740-х гг. классицистом Томасом Руддменом (1674–1757)³⁹.

Кидд в работе «Британская этничность до национализма» четко обозначил «гаэльскую дилемму» – дуализм Лоуланда и Хайленда⁴⁰. Древнее полумифическое королевство Дал Риада

³⁸ Pocock J.G.A. The Discovery of Islands... P. 59.

³⁹ Allan D. Virtue, Learning and the Scottish Enlightenment. Edinburgh, 1993.

⁴⁰ Kidd C. British Identity before nationalism... P. 123–146.

стало отправной смысловой точкой для развития двух интеллектуальных модусов в процессе формирования шотландской нации и, соответственно, двух интерпретаций национального прошлого. Парадокс заключался в том, что интеллектуальная элита равнинной части Шотландии стремилась дистанцироваться от гаэльских шотландцев Хайленда, или ассимилировать их по лекалам своих культурных стандартов общественного порядка, законов и языка. Формирование Лоуленда как особого культурного локуса определялось, во-первых, «Старым Альянсом 1295 г.»; во-вторых, общей исторической судьбой с «Англией» (романизация, германизация); и, в-третьих, складыванием пространства диффузии двух доминантных культур «севера» и «юга» – английской и шотландской. В результате, в XVIII в. мы видим «диких» шотландцев, чей статус реабилитирован Макферсоном и его последователями, и «цивилизованных» шотландцев Эдинбурга, Сент-Эндрюса, Абердина, которые уже мыслят в духе юнионистской концепции шотландского прошлого Джорджа Бьюкенена. Революция 1689 г. усилила значение идеи общего гаэльского дома *Gaeldom*, но не уменьшила дуализма формирующейся шотландской политической и интеллектуальной идентичности.

В течение последующих пятидесяти лет виги и ториякобыты, пресвитериане и епископальная церковь в Шотландии вели ожесточенную идейную борьбу под знаком легендарного прошлого древней Дал Риады. Это был «последний вздох независимой государственности до вхождения в союз 1707 г., которому она [Шотландия] оставалась преданной, отбросив окончательно гаэльское измерение национальной идентичности»⁴¹. Теперь шотландцы были вынуждены убеждать своих коллег-англичан, что Союз 1707 г. является договором между двумя суверенными нациями, а не подчинением своенравного вассала-нации английской панбританской империи⁴².

Можно с высокой долей определенности говорить о двух самостоятельных историографических тенденциях в интеллектуальном поле Шотландского просвещения. Первая – маргинальная – развивала идею двухтысячелетней истории Шотландского королевства, опиралась на гаэльский язык, кельтскую мифологию и «чистое» доримское христианство. Другая – доминировавшая – задавалась юнионистской англо-шотландской идеей Бьюкенена,

⁴¹ Ibid. P. 133.

⁴² Ferguson W. Imperial crowns: A neglected facet of the background to the Treaty of Union of 1707 // Scottish Historical Review. 1974. № 53. P. 22–44.

«гаэльской дилеммой»), а также историческим «казусом» наследования шотландской династией английской короны в 1603 г.

1760–1780-е годы в истории Британии – это начало промышленного переворота, восхождение на английский престол Георга III и, в конце концов, первый кризис Британской империи в ситуации Войны за независимость в Северной Америке. На первые позиции к этому времени вышла шотландская историческая школа в лице Д. Юма, А. Фергюсона и У. Робертсона⁴³.

Шеститомная «История Англии» Д. Юма увидела свет в 1754–1762 гг. Юму удалось создать непротиворечивый, отвечающий вызовам времени, образ национального прошлого Британии⁴⁴. Имея в своем распоряжении уже существующие работы антикваров, он придал им форму блестящего литературного нарратива. Юм сумел уловить новую качественную черту британского общества – формирование «публичной сферы». Его адресная аудитория – широкие читательские слои и, прежде всего, средний класс, определявший конъюнктуру политического и культурного развития Великобритании XVIII в.

«История» Юма стала концентрированным выражением сложившейся к середине XVIII в. мифологизированной концепции национальной истории. Составляющими элементами этой концепции стали: величие древних кельтов; идея древней конституции Британии времен короля Альфреда; концепция нормандского ига; идея исключительной англиканской церкви. Последний этап английской истории, «Великую смуту», следовало бы, исходя из данной логики мифотворчества, подчинить идее восстановления «попранной» древней конституции, но Юм не мог с этим согласиться. Как известно, его критикам больше всего не нравилось сочувствие Юма Карлу I и презрение к «фанатичным» пуританам, которые, как считал он, превратили многообещающее движение обновления в кровопролитную гражданскую войну и военную диктатуру. Юм был агностиком и скептиком и не разделял идеи божественного происхождения королевской власти, пассивного послушания правящему режиму и другие принципы тради-

⁴³ См. об этом: Высокова В.В. Шотландские просветители: круг идей // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 78–90.

⁴⁴ Подробнее см.: Высокова В.В. Историографический и социальный контекст формирования концепции истории Дэвида Юма // Диалог со временем. 2013. Вып. 45. С. 70–87.

ционного торизма. Он считал, что сильная монархия обеспечивала государственный порядок, служила основой для коммерческого роста и создания сильного среднего класса, который был действительной основой представительного правления. «История» Юма имела беспрецедентный успех⁴⁵. Ему удалось добиться признания в широких слоях британского общества, прежде всего среднего класса, определявшего конъюнктуру политического и культурного развития Великобритании в середине XVIII в. И если Кемден создал образ Великой Британии, то именно Юм задал англоцентризм национальной истории Британских островов.

Историки следующего поколения – Г. Галлама, Т.Б. Маколея, Дж.Э. Фруда, Э.А. Фримена, У. Стаббса, Дж.Р. Грина, С. Гардинера – роднило стремление «переписать» «Историю Англии» Дэвида Юма – самую читаемую и популярную историю вплоть до середины XIX в. В XIX в. причудливым образом конкурирующие дискурсы предшествующего периода в интерпретации национального прошлого, а именно: *антикварный* (концепция Спелмена-Бреди), *готский* и *кокианский* – соединятся в вигском метанарративе, который станет «библией» расцветающей нации.

10.2. ОБРАЗ ОТЕЧЕСТВА, ИЛИ КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОШЛОГО В СОЧИНЕНИЯХ РУССКИХ ИСТОРИОПИСАТЕЛЕЙ XVIII ВЕКА

Национальные истории были и являются неотъемлемой частью широкой исторической культуры, в рамках которой конструировались места национальной памяти. В данном разделе речь пойдет о практиках презентации национальной истории, которые во второй половине XVIII века оказывали влияние на формирование национальной идентичности россиян.

Современные исследователи довольно широко понимают способ историописания, называемые «национальной историей». Так, например, Д.Р. Келли предлагает вести линию развития национальной истории еще от прагматической истории Полибия, через Макиавелли к Новому времени⁴⁶. Другие авторы именуют

⁴⁵ Его труд выдержал семь полных изданий при его жизни, и еще 175 – в течение ста лет после его смерти. См.: David Hume: Philosophical Historian / Ed. by D.F. Norton and R.H. Popkin. Indianapolis, 1965. P. 109, 413–417.

⁴⁶ Kelley D.R. Versions of history from antiquity to the Enlightenment. New Haven, L., 1991. P. 8–9, 311–312.

национальной историей работы европейских историков XVIII в., повествующие об особой роли своего государства и народа, при этом отмечая, что национальная история появляется как реакция на универсалистское Просвещение⁴⁷. Таким образом исследователи давно обращают внимание на различие европейской национальной истории XVIII в. и XIX в. Впрочем, не все историки согласны с расширительным толкованием понятия «национальная история», а значит – с отсутствием строгости в его употреблении⁴⁸. В российской историографии, наряду с использованием понятий «национальная история» (С.Ф. Платонов), стало привычным называть комплекс исторических произведений, посвященных истории России, «отечественной историей».

Выражая согласие с желанием историков разграничить виды историописания XVIII и XIX вв., следует принять во внимание трансформацию традиции обращения к национальному прошлому. В данном случае, под *трансформацией* понимается не простое обновление или постепенное изменение, а преобразование структуры, способа историописания и целевой направленности национальной истории. В XVIII в. в России, как и во всей Европе, появился широкий спектр сочинений по национальной истории, написанных историками, писателями, чиновниками, учителями, священниками, императрицей и др. Современные исследователи, изучающие историографию, следуют по давно намеченному пути расширения и уточнения социокультурных факторов историописания и структурирования тематической специфики исторических произведений. Чаще всего историография изучается посредством канонических фигур, писавших о национальной истории авторов или с точки зрения их вклада в формирующийся национальный исторический мастер-нарратив. Так, Н.Л. Рубинштейн в «Русской историографии» (следует учесть, что это учебное пособие) писал, что в историографии XVIII века

⁴⁷ Nations and their Histories: Con-structions and Representations / Ed. by S. Carvalho, F. Gemenne. Basingstoke, 2009. P. 1.

⁴⁸ Так, Л.П. Репина проекты о национальном прошлом XVIII в. назвала «государственно-историческими». См.: Репина Л.П. «Национальные истории» и концепции «истории как науки»: проблема совместимости // Национальный / социальный характер: археология идей и современное наследство. М., 2010. С. 77. А.А. Лиакос дал им название «преднациональной истории», так как они отличаются от национальной истории XIX–XX вв. любительским характером. См.: Liakos A. The Canon of European History and the Con-ceptual Framework of National Historiographies // Transnational Challenges to National History Writing // Ed. by M. Middell, L. Roura. N.Y., 2013. P. 316.

нужно выделять, в первую очередь, В.Н. Татищева, Г.Ф. Миллера и М.М. Щербатова. У остальных «попытки исторического повествования переходят в чисто литературные упражнения. Их авторы – журналисты... любители... но не ученые, и их труды лишены научного значения»⁴⁹. Но каждый продукт человеческого интеллекта структурирован своей целью, а цели, которые ставили себе историописатели, приступая к написанию своих трудов – больших (полных) национальных историй, учебных книг по национальной истории и др., – не могли быть одинаковыми.

Историописатели XVIII в. воспринимали исторический процесс в виде временных рамок, в которых «случались» те или иные события. М.М. Щербатов заимствует модель историописания у Д. Юма, отмечая, что это «великая цепь событий», в которую скрупулезно вставляются случившиеся во времени явления («коснуться каждого звена оныя»)⁵⁰. Доминирует представление о получении из знания о прошлом поучительных примеров для настоящего. Как писал И.П. Елагин, история помогает «открывать добродетель к подражанию и порок к отвращению»⁵¹.

Уже в XVIII в., в период складывания европейской классической модели исторической науки, особую роль в исторической культуре стала выполнять многотомная национальная история – *большая история* («большой нарратив») о национальном прошлом. В России она получает название *полная [российская] история*. Именно так в начале XVIII в. ее назвал Ф.А. Куракин, а затем В.Н. Татищев и, уже во второй половине века в «Опыте исторического словаря русских писателей», Н.И. Новиков⁵².

Большие истории о национальном прошлом, например, британца Уильяма Робертсона или князя М.М. Щербатова, демонстрируют, что обращение авторов к национальному прошлому в немалой степени было вызвано интересом к общему европейскому прошлому, они старались рассмотреть то, как общие нормы и универсальные ценности претворяются в истории их

⁴⁹ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 92.

⁵⁰ Щербатов М.[М.] История российская с древнейших времен: в VII т. [15 ч.]. Т. I. СПб., 1770. Т. 1. С. XV.

⁵¹ Елагин И.[П]. Опыт повествования о России: сочинение Ивана Елагина, начатое на 65-м году от его рождения, лета от Р.Х. 1790, Двора его императорского величества обер-гофмейстера. Кн. 1. М., 1803. С. IX.

⁵² Архив кн. Ф.А. Куракина: в 10 кн. СПб., 1890. Кн. 1. С. 42; Новиков Н. Опыт исторического словаря о российских писателях, с разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий, и словесных преданий. СПб., 1772. С. 250.

народа или государства. Неслучайно, Робертсон, начиная многотомную «Историю Шотландии» обратил внимание на весь «грубый и невежественный» в прошлом север Европы и описывал деятельность не только «своих», но и континентальных монархов⁵³, а Щербатов в начале своего труда написал: «...Я пишу в такое время, когда Россия просвещением своим равняется со всеми другими европейскими государствами»⁵⁴. В своей «Истории» он не замыкался только в национальном прошлом, а старался, где это получалось, помещать его в европейский контекст.

В больших национальных историях актуализировались вопросы о территории (Ф.А. Эмин⁵⁵), о периодизации (И.П. Елагин)⁵⁶, а в «Истории» М.М. Щербатова она отчетливо выступает в общей структуре работы⁵⁷. Выстраивалась также линейность исторического рассказа (перешедшая в рационалистическую историографию из христианской модели историописания), позиционируемая в качестве последовательности изложения событий прошлого. Рефлексию о линейности можно найти в «Опыте» И.П. Елагина, заметившего: «Я разделяю сочинение мое на книги, по мере цепи приключений, дабы взаимная одного времени связь деяний без окончания не прерывалась»⁵⁸.

Национальные истории второй половины XVIII в. в Европе позиционировали универсальность опыта прошлого и, такой способ историописания современные исследователи иногда объясняют «космополитическим подходом к вопросам национальной истории»⁵⁹. Универсализм в исторической культуре этого периода связан с верой в неизменность природы самого человека неза-

⁵³ См., напр.: Robertson W. History of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI // The Works of William Robertson: in 10 vol. Vol. 1. L., 1826. P. 1, 76–83.

⁵⁴ Щербатов М.[М.] История российская с древнейших времен... С. XV.

⁵⁵ Ф.А. Эмин писал: «все почти европейские народы должны искать своих праотцов в землях ныне России принадлежащих», «нынешняя Российская империя величиной своей превосходит <...> древние [Дария и Александра] монархии». См.: Эмин Ф.[А.] Российская история жизни всех древних от самого начала России государей / сочиненная Федором Эминим. В 3 т. СПб., 1767–1769. Т. I. С. XLII, 3.

⁵⁶ И.П. Елагин выявлял на протяжении четырех страниц своего труда периоды истории России, называя их «корни времени». См.: Елагин И.[ИП]. Опыт повествования о России... С. XLVI–XLIX.

⁵⁷ См.: Щербатов М.[М.] История российская с древнейших времен...

⁵⁸ Елагин И.[ИП]. Опыт повествования о России... С. XIV.

⁵⁹ См., напр.: O'Brien K. Narratives of Enlightenment: Cosmopolitan History from Voltaire to Gibbon. Cambridge, 1997. P. 12.

висимо от времени и культуры, в которой он жил. Екатерина II в многотомных «Записках касательно российской истории», указывала: «Род человеческий везде <...> имел страсти, желания, намерения и к достижению употреблял не редко одинакие способы»⁶⁰. А в «Опыте» по истории России, И.П. Елагин писал так:

«Известно мне, что сердце человеческое всегда одинако, и то же ныне, каково было от самых веков начала. Я ведаю, что теж добродетели и теж пороки и страсти присущи и ныне в Петербурге и в Москве, какие в Афинах и Риме существовали. Не изменение сердец, но больше меньше просвещения и невежества творят нравов разновидность <...>. Иоанн в Москве таков же тиран, каков Нерон был в Риме. Каков тамо возмутитель Катилина и мятежны трибуны; таков и у нас Хованской и головы стрелецкие. Как безрассудна и буйственна необузданная чернь в ветхой Италии, так равно и в Руси возмущенный народ слеп и кровожаждуш»⁶¹.

В России во второй половине XVIII в. большая история была представлена в первую очередь «Российской историей жизни всех древних от самого начала России государей» Ф.А. Эмина и «Историей российской с древнейших времен» кн. М.М. Щербатова. Только две части (с древнейших времен до 1054 г.) из задуманной полной русской истории успел написать М.В. Ломоносов, а восемь из 9-ти частей «Опыта повествования о России» И.П. Елагина остались неизданными. Кроме того, Елагин писал не столько полную русскую историю, сколько *испытывал* свой взгляд на нее в очерковой форме «опыта». В «Записках касательно российской истории» [Екатерина II] использована очерковая форма подачи исторического материала для учебной книги (книги для чтения) для юношества. Возвращаясь к приведенному замечанию о космополитическом подходе историописателей XVIII века к вопросам национальной истории, все же нужно иметь в виду, что такое замечание будет более понятным при сравнении текстов больших национальных историй этой эпохи с национально-государственным нарративом следующего XIX века.

Конечно, историописатели XVIII в. никогда не теряли из вида свой народ. В.Н. Татищев даже выразился о российской истории как о «своей собственной истории [здесь и далее курсив наш]»⁶², а Дэвид Юм не упускал случая подчеркнуть, что «позиция королевской власти стала основанием английской конститу-

⁶⁰ [Екатерина II] Записки касательно российской истории: в 6 ч. СПб., 1787–1794. Ч. 1. С. I–II.

⁶¹ Елагин И.[П]. Опыт повествования о России... С. XXXVII–XXXVIII.

⁶² [Татищев В.Н.] История Российская с древнейших времен... Кн. 1. С. V.

ции и принципом свободы <...>, которым она наслаждается в большей степени, чем в других монархиях», что «можно справедливо подтвердить без всякого преувеличения, что мы на острове наслаждаемся <...> самой большой свободой <...> среди человечества», несмотря на то, что Французская Академия поддерживается королем «именно в Англии появились превосходные гении, обратившие внимание Европы» и т.д.⁶³

Национальное чувство ярко проявилось в рассуждении князя М.М. Щербатова, примерившего формирующуюся стадильную теорию развития человечества к «своей» истории:

«Россия не так, как другие страны, которые по степеням из грубейшего невежества выходили; но можно сказать, что вдруг сделала один шаг из самой грубости, какую кочевой народ может иметь, гораздо к великому просвещению, то есть, что принявши вдруг христианский закон, общее с ним приобрел смягчение с ним своих суровых нравов и письмены, которых, конечно, прежде не имел»⁶⁴.

Однако нужно повториться, историописатели XVIII столетия еще были далеки от практики идеализации истории «своего» народа, которая появится в XIX в.

В российской культуре XVIII в. стали появляться произведения, которые в своем названии имели слово «записки». Среди исторических произведений это, в первую очередь, уже упомянутое издание Екатерины II «Записки касательно российской истории» в шести частях. Екатерина II перед своим трудом поставила сугубо практические цели, она посвятила его подрастающему поколению, которому следовало читать «правильные» истории, написав: «Сии записки касательно Российской Истории сочинены для юношества в такое время, когда выходят на чужестранных языках книги под именем Истории Российской, кои скорее именовать можно сотворениями пристрастными...». При этом, в качестве основной функции истории Екатерина II указала на то, что «она учит добро творить и от дурного остерегаться»⁶⁵. В «Записках» Екатерина II хотела продемонстрировать легитимный характер власти, выраженный в согласии между властью и обществом. Целью Екатерины была трансляция этой идеи российскому читателю для формирования в его сознании «правильного» отношения к прошлому и существующей (разумной) вла-

⁶³ Hume D. The History of England, From the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688: in 6 vol. by David Hume Esq. [Reprint originally published: London, 1778]. N.Y., 1983. Т. 6. P. 454, 531, 541.

⁶⁴ Щербатов М. История российская с древнейших времен... Т. 1. С. II.

⁶⁵ [Екатерина II] Записки касательно российской истории... Ч. 1. С. I, 1.

сти. В «Записках» выбранная императрицей модель «разумного прошлого» заняла высшее место в иерархии правил оформления письма истории. Важно также отметить, что четвертая часть произведения императрицы имеет другое самоназвание – «*Опыт* [курсив мой – С.М.]. Знаменитые происшествия второй эпохи российской истории от 862 года по 1224»⁶⁶.

Авторы XVIII в. объясняли выбор такой формы организации исторического материала рядом причин. П.И. Рычков отмечал, что это первая попытка связно расположить исторический материал о выбранном для исследования объекте (Казанская земля), который «не имеет еще обстоятельной своей истории»⁶⁷. Другой автор «Опыта» о происхождении г. Москвы – М.И. Ильинский, давая «предварительное сведение читателю», обратил внимание на то, что многие вопросы «остались закрыты и неизъяснены». Поэтому по примеру некоторых других русских историков «не осмелился я сие сочинение назвать иначе, как только опытом исторического описания»⁶⁸. Авторы опытов указывали и на ограниченность своих возможностей при сборе материала: «предлагаю, сколько можно было собрать»⁶⁹.

Предпринявший первую попытку рассмотрения истории России новейшего (для начала 1760-х гг.) времени, т.е. истории Смутного времени, Г.Ф. Миллер прекрасно понимал, что такая история еще и не совсем подходит для сознания россиян, приучаемого, в первую очередь стараниями М.В. Ломоносова, к картине триумфального прошлого России. Миллер собирался продолжить русскую историю с того момента, на котором закончил «Историю» В.Н. Татишев (Миллер был хорошо знаком с его рукописью «Истории», доведенной до конца XVI в. и подготовил ее к изданию). Он начал «Опыт новейшей истории о России» осторожным объяснением, которое призвано было указать не столько на научные трудности, сопровождавшие практику написания «Опыта», сколько на политические последствия, которые могут случиться

⁶⁶ [Екатерина II] Записки касательно российской истории... Ч. 4.

⁶⁷ Рычков П.[И.] Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб., 1767. С. 5–11 (нумер).

⁶⁸ Ильинский М. Опыт исторического описания о начале города Москвы, как и по каким причинам она основалась, кем и когда престол великокняжеский туда перенесен; и от чего сей город получил тогда свое возвышение. М., 1795. С. I–II.

⁶⁹ [Соковкин С.П.] Опыт исторического словаря всех в истинной православной греко-российской вере святою непорочною жизнью прославившихся святых мужах. М., 1784. С. V.

в связи с публикацией произведения в журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» (январь, февраль, март 1761 г., затем публикация была остановлена). Миллер писал:

«Вознамерившись описать новейшую Историю о России, которая начинается с правления Царя Бориса Федоровича Годунова и со внутренних беспокойств, изнуривших государство, до благополучного вступления Государя Царя Михаила Федоровича на Российский престол, охотно признаюсь, что *сие не такое время, которое великолепно представляется мыслям нашим, или которого память достойно бы было выхвалять потомству*»⁷⁰.

Заклучил свое объяснение читателю Миллер важной для выбранной формы историописания фразой: «Теперь я должен ожидать, какую *апробацию* иметь будут мои труды...»⁷¹. «Апробацию» пришлось ждать недолго, вмешательство Ломоносова остановило дальнейшую публикацию «Опыта» Миллера.

В.В. Крестинин, воспользовался формой *опыта*, чтобы с позиций рационализма помочь сформировать местную архангелогородскую идентичность и испытать на примере истории своего локуса одну из важнейших функций историописания того времени: согражданам «открыть... недостатки, бывшие в прежние веки, наполненные грубостью и скудостью», показать «сим малым трудом» «достохвальные к подражанию примеры, верность к престолу, любовь к отечеству и службу»⁷².

Практику *опыта* выбрал для конструирования российской истории и екатерининский вельможа, масон И.П. Елагин. Первоначально, он, как и Г.Ф. Миллер (своим «Опытом новейшей истории») намеревался продолжить «Историю» Татищева (Елагин знал ее опубликованный вариант в 4-х кн. до 1462 г.). Начав с 1788 г. писать «Опыт повествования о государях российских, об их царствованиях, от великого князя Иоанна Васильевича третьего всея России самодержца», он довел повествование до 1564 г.⁷³ Однако затем решил создать новую историческую нарратацию – опять в форме опыта, но уже с древнейших времен (первоначальное название: «Опыт любомудрого и политического повествования о России»⁷⁴) до Ивана III. Таким образом, к своей кончине в 1793 г. он написал 9 частей «Опыта», в 1803 г. посмертно была

⁷⁰ Миллер Г.Ф. Опыт новейшей истории о России // Миллер Г.Ф. Избранные труды; сост., ст., примеч. С.С. Илизаров. М., 2007. С. 158.

⁷¹ Миллер Г.Ф. Опыт новейшей истории о России... С. 163.

⁷² Крестинин В. Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве Двинского народа в Севере. СПб., 1785. С. 5.

⁷³ См.: ОР РНБ. Ф. IV–34/6.

⁷⁴ См.: ОР РНБ. Ф. IV–34/1.

издана его другом А.И. Мусиным-Пушкиным только первая часть под авторским названием «Опыт повествования о России»⁷⁵.

В начале своего «Опыта» в коротком «Приношении премудрости» («божественной Софии»), И.П. Елагин указал, что если читающими будет замечено его усердие в писании, то значит можно «занять пользою праздное их время»⁷⁶. А в пространном «Преуведомлении читателю», он пояснил, что ранее историки, восхваляя государей, составляли «жития героев наших» и вводили их «во храм незабвенной памяти», но его история отличается от других тем, что в ней читатель может не найти героические описания государей и небрежное описание народа («славные Государей деяния, а народа с небрежением»). Нельзя, по его мнению, изображать одними красками Владимира Первого и Ивана Грозного, нельзя одинаково осуждать «мятежного Хованского» и «поборствующего по новгородской вольности Борецкого»⁷⁷. Завершая «Преуведомление» он уже в извинительном тоне снова актуализирует эту мысль: «да не сочтут меня не привыкшие к такому роду сочинений язвителем бывших государей, которые по закоренелому может быть страху и предубеждению, великими Отцами отечества почитаются, а повествования справедливость инако их описует»⁷⁸. И.П. Елагин решил *испытать* новую модель истории строительства России, поэтому выбрал историческую нарратацию в форме опыта. Это решение он принял в конце XVIII в., когда уже приближалось время появления новой формы национальной истории – национально-государственного нарратива, призванного формировать национально-государственную идентичность. Через два года после получения звания историографа, в 1805 г. автор первого российского национально-государственного нарратива Н.М. Карамзин, в статье о некоторых «неприемлемых» положениях изданной части «Опыта» Елагина, написал, что «никто (до времен Татищева) не смел противуречить Российскому Иродоту [летописцу Нестору], никто не

⁷⁵ В 1819 г. некоторые сановники (в т.ч. министр духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицын) выступили с инициативой продолжить издание «Опыта» И.П. Елагина, но по сути отрицательный отзыв Н.М. Карамзина (к тому времени издавшего первые восемь томов своей «Истории государства российского») не позволил этот план реализовать. Подробнее об этом см.: Моисеева Г.Н. «Опыт повествования о России» И.П. Елагина в оценке Н.М. Карамзина // XVIII век. Л., 1989. Вып. 16. С. 104–109.

⁷⁶ Елагин И.П. Опыт повествования о России... С. 4 (нумер.).

⁷⁷ Там же. С. VII.

⁷⁸ Там же. С. LVI.

смел отвергать истины, принятой праотцами, утвержденной столетиями; никому не приходило на мысль сомневаться, что Волгские Болгары, Жиды от Казар, Паписты и Греки приходили к Великому Князю [Владимиру Святославичу] с предложениями о принятии вер их, что Владимир посылал десять мужей благоразумных в разные государства для испытания религий...», пока смелая догадка (навеянная Татищевым) не посетила покойного сочинителя «Опыта повествования о России»⁷⁹.

Учитывая, что в неопубликованной части «Опыта» Елагина присутствовали еще и масонские пацифистские рассуждения, подвергавшие, например, сомнению военный триумф российского государства, содержалась защита автором новгородцев от обвинений их со стороны историков изменниками (за нежелание входить в состав Московского государства)⁸⁰, нетрудно представить, что эти конструкции могли внести противоречия в формирующийся российский исторический мастер-нарратив с содержащимся в нем набором героев и антигероев.

Близкой к форме опыта выступала практика изложения материала в виде *очерков* и *начертаний*⁸¹. Как исторические произведения научного характера⁸², так и относимые к социально ориентированному типу исторического знания, могли иметь в самоназвании слово «*описание*». М.Д. Чулков в своем «Историческом описании российской коммерции» ставил цель социализировать российское купечество осознанием общего прошлого, познакомив с историей отечественной коммерции⁸³. Другой автор, А.Г. Левшин, старался укрепить в светских читателях русскую культурно-религиозную идентичность, поясняя, что его тема (история московского первопрестольного Успенского и возобновления других московских соборов) – частная и «легко может наскучить читателям веселых и забавных сочинений». Но,

⁷⁹ [Карамзин Н.М.] О. Смелая догадка // Вестник Европы. 1805. Ч. 21. № 10. С. 114–115.

⁸⁰ ОР РНБ. Ф. IV–34/5. С. 67, 227; Маловичко С., Нисковская М. История киевского князя Изяслава Ярославича в Опыте повествования о России Ивана Елагина // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 8. № 5. С. 1647–1666.

⁸¹ См., напр.: Крестинин В.[В.] Начертание истории города Холмогор. СПб., 1790. С. IV–V.

⁸² Байер Г.З. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города, до возвращения оного под Российскую державу» (1734).

⁸³ Чулков М.[Д.] Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до настоящего: в 7 т. [21 кн.]. СПб., 1781–1788. Т. 1. Кн. 1. С. 15–16.

зачем им нужно знать «долготу и высоту египетских колоссов, и подробное описание перемен с ними бывших от самого их основания»? Кроме того, полезно ли тратить время на «изложителей человеческих любомудрий»? Ведь намного полезнее читать «истолкователей истинного благочестия, утвердителей христианской веры и защитителей православия»⁸⁴.

Наибольшее влияние на формирование национальной русской идентичности в этот период оказывали большие национальные истории и истории, выполненные в очерковой форме, в которой было легче позиционировать свой (в т.ч. групповой) взгляд на национальное прошлое, прикрываясь при этом щитом «ограниченности» / «незавершенности» выполненной наррации.

Во второй половине XVIII века в российской исторической культуре происходит активное строительство национального исторического мастер-нарратива, «притираются» и становятся в общем непротиворечивыми периоды русской истории, наборы государствообразующих событий, герои и, конечно, антигерои. Любопытным примером процесса такой «притирки» служит практика конструирования дославянского прошлого на территории будущей России. Включение сюжетов со скифской, сарматской и историей других древних народов в национально-государственных нарративах XIX века станет само собой разумеющимся, но, в конце 1760-х М.М. Щербатов еще не был уверен в правильности такого шага. Помещая данный сюжет в свою «Историю», он вынужден был объяснить этот шаг так: «...для удовольствия читателей я за полезное рассудил начать мой труд повествованием о старобытном состоянии обладателей России, когда еще они под именем скифов, сарматов и других <...> народов знаемы были»⁸⁵.

Несмотря на то, что в последующем специалисты больше внимания уделяли историкам XVIII в., которые позиционировали научность в своих произведениях, среди русских писателей и читателей второй половины века и последующего времени, большей популярностью пользовались истории, авторы которых ставили отнюдь не научные цели и позиционировали иной тип исторического знания, поскольку существовала (и существует) потребность в специальном конструировании ориентированного на удо-

⁸⁴ Левшин А.Г. Историческое описание первопрестольного в России храма, Московского Большого Успенского собора, и о возобновлении первых трех московских соборов Успенского, Благовещенского и Архангельского. М., 1783. С. 9–11 (ненумер.).

⁸⁵ Щербатов М.[М.] История российская с древнейших времен.. Т. 1. С. III.

влетворение потребностей социума исторического знания, не базирующегося на исторической науке, но особым образом востребующего ее фактологию⁸⁶. Так как оба типа исторического знания выполняли одну задачу – конструирование национальной (а потом национально-государственной) истории и ее трансляцию в общественное сознание, то нередко возникали дискуссии и даже споры между их носителями. Один из самых ярких споров по вопросам русской истории произошел между профессиональным историком (если такая характеристика уместна для XVIII века) Г.Ф. Миллером и историком-любителем М.В. Ломоносовым.

Исторические произведения Ломоносова представлены разными формами историописания, имевшими целью строительство национальной идентичности, их можно отнести: 1) к *материалам историографических дискуссий* – «Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера “Происхождение имени и народа Российского”», 2) к *большой (полной) национальной истории* (осталась незаконченной) – «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года»; 3) к *учебной книге по национальной истории* (книга для чтения) – «Краткий российский летописец». Правда, указанное последним произведение Ломоносова не обязательно предназначалось для детей, по крайней мере, такую цель автор не ставил⁸⁷. Учебной книгой краткую национальную историю Ломоносова сделала русская культура 1760–1770-х гг.

Произведения Миллера представляли научный тип историописания: *научное сообщение* («ученое слово»⁸⁸) «Происхождение народа и имени Российского», *научное исследование* (историко-этнографического и географического характера) «Описание Сибирского царства и всех произшедших в нем дел», «О народах издревле в России обитавших», *очерк* (научный) «Опыт новейшей истории о России», *научная статья* «О первом летописателе Российском преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях оных», «Предложения, как исправить погрешно-

⁸⁶ Подробнее об этом см.: Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. Орехово-Зуево, 2013.

⁸⁷ Не увидел в этом произведении учебную книгу и современник Ломоносова Вольтер, назвав её «странной запиской». См.: Прийма Ф.Я. Ломоносов и «История Российской империи при Петре Великом» Вольтера // XVIII век: Сборник 3. М.; Л., 1958. С. 181.

⁸⁸ Так назвал его автор. См.: [Миллер Г.Ф.] О народах издревле в России обитавших. СПб., 1773. С. 123.

сти, находящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве» (публицистического характера) и др.

В своей первой наррации по национальной истории «Краткий российский летописец» Ломоносов постарался презентовать читателю героическую историю предков, изобразить «Российских предков славных геройски подвиги». В это произведение он включил исторические конструкции о славянах «с королем Пилименом бывши в Трое», о происхождении варягов-россов от (род-ственных славянам) роксолан, о городе Славенске (предшественнике Новгорода), построенном легендарным князем Славеном и т.д.⁸⁹ Книга получила довольно большое распространение, в первую очередь в практике образования.

В своих исторических работах Ломоносов использовал в основном позднесредневековые московские, украинские и польские сочинения, а Миллер – древнерусские летописи и иностранные исторические источники. Ломоносов полагался не на критерий «достоверности», базирующийся на «критике текста», бывшей порождением классической модели рациональности, а исходил из «полезности» их сообщений для конструирования *положительного исторического образа России*. Он заметил об источниковедческой процедуре, проведённой Миллером: «Господин Миллер сию летопись [Новгородский летописец XVII в. П.Н. Крекшина⁹⁰] за бабьи басни почитает»⁹¹. Таков был его ответ на замечание Миллера об источнике, который использовал Ломоносов: «Новгородскому летописцу, в котором написано, будто Новгород построен во времена Моисеева и Израильской работы [там указан 3099 год от сотворения мира], никто поверить не может...»⁹².

Для Ломоносова было вполне очевидным сравнение современных исторических сочинений со средневековыми хрониками и античными произведениями. Он считал, что работа Миллера не основательнее сочинений «европейских славных авторов [древних авторов]». Ломоносов не старался отличить исторические

⁸⁹ Ломоносов М.[В.] Краткий российский летописец с родословием. СПб., 1760. С. 3–6 (нумер).

⁹⁰ См.: Лурье Я.С. История России в летописании и в восприятии Нового Времени // Лурье Я.С. Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 43.

⁹¹ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера «Происхождение имени и народа Российского» // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии, 1747–1765 гг. / Глав. ред. С.И. Вавилов. М.; Л., 1952. С. 27.

⁹² Миллер Г.Ф. Происхождение народа и имени Российского. СПб., 1749. С. 14, 52.

источники от исторических сочинений, о чем свидетельствуют его замечания: «Христофор Целларий примечает», «Страбон говорит», «Несторово, Стриковского и других авторов свидетельство», «Киевского Синописа автор упоминает» и т.д., а самого Миллера он противопоставил летописцу Нестору, Стрыйковскому (польский хронист XVI в.) и «Синопису» (1674 г.)⁹³.

Миллер же пытался провести различие между средневековыми источниками и исторической литературой, называя авторов первых или «летописателями», или «писателями средних времён», но часто и позднесредневековых хронистов, и своих современников (собратьев по цеху) именовал «историками»⁹⁴. И Щербатов в одном предложении мог назвать «летописателем» и позднесредневекового хрониста, и историков XVIII в.⁹⁵

Г.Ф. Миллер применял приемы критики источников, определяя их «достоверность» не просто при помощи рациональной процедуры «возможности произошедшего», но исходя из определения времени возникновения исторического источника, отдавая, например, предпочтение летописи Нестора перед более поздним сочинением московской поры: «Новгородский летописец ошибочно называет Гостомысла Князем, так как Нестор пишет о нем как о старейшине»⁹⁶. Положительно отзываясь об исследовательской практике В.Н. Татищева, который сличал списки летописей и сводил в один текст, Миллер все же отметил: «с довольною ли осторожностью свожены разные речения списков и всегда ли справедливейшие из них выбраны»⁹⁷. Применяемый Миллером подход к историческим источникам вполне вписывался в практику современной ему рационалистической историографии.

Ломоносов не всегда следил за логикой объяснения и не сверял между собой те изменения, которым подвергал сообщения исторических источников, например, заменяя летописных «старцев градских» на «старых городских начальников»⁹⁸, т.е. княже-

⁹³ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера... С. 19–42.

⁹⁴ Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. М., 1996. С. 5, 16, 355; Его же. О народах издревле в России обитавших. СПб., 1788. С. 32–36.

⁹⁵ Щербатов М.[М.] История российская... Т. 1. С. 116.

⁹⁶ Миллер Г.Ф. Происхождение народа... С. 52.

⁹⁷ Миллер Г.Ф. О первом летописателе Российском преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях оныя // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России... С. 6.

⁹⁸ См.: Ломоносов М.[В.] Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб., 1766. С. 113.

ских чиновников. Пытаясь отстоять один из элементов старой московской культуры от нападков рационалистической историографии Ломоносов упорно защищал и свою источниковую базу, заявляя: «сего древнего о Славенске предания ничем опровергнуть нельзя», и, несмотря на то, что больше никакие исторические источники этого не подтверждают, подчеркивал, что сообщение о Славенске и Русе «само собою стоять может, и самовольно опровергать его в предосуждение древности славенороссийского народа не должно»⁹⁹. Отметим, что уже Татищев вполне определенно отзывался об авторе сочинения, на которое ссылается Ломоносов: «Колико сей сказатель, или паче враль, вероятия достоин, я толковать оставляю, но довольно того, что он никакого древнего свидетельства на то не покажет»¹⁰⁰.

Напротив, Миллер требовал точности в восстановлении исторических событий, стремился избегать всего, что ни по каким историческим известиям доказано быть не может. Не создавая крупных обобщений, он обращал внимание на любое сообщение источников и подчеркивал: «Должность истории писателя требует, чтоб подлиннику своему в приведении всех... приключений верно последовать. Истина того, что в историях главнейшее есть, тем не затмевается, и здравое рассуждение у читателя вольности не отнимает»¹⁰¹. «Здравое рассуждение» позволяло Миллеру с рационалистических позиций объяснять некоторые места исторических источников, как, например, летописное сообщение о «призвании варягов», которому он не стал полностью доверяться. Отказавшись от общепринятого взгляда, что варяжские князья были приглашены в Новгород на княжение, исследователь указал: «Но не безрассудно ли, что вольный народ недавно еще пред тем угнетение от чужой власти чувствовавший добровольно выбирает себе государя иностранца». Нет, братьев-варягов пригласили не властвовать, а для защиты от опасности»¹⁰².

У Миллера мы находим рационалистическое объяснение процесса градостроительства; древнерусские города строили не легендарные герои, а конкретные славянские племена, которым они и принадлежали: «Дреговичи построили Дорогобуж», криви-

⁹⁹ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера... С. 39.

¹⁰⁰ Татищев В.Н. История Российская... Кн. 1. Ч. 2. С. 426.

¹⁰¹ Миллер Г.-Ф. Описание Сибирского царства и всех произшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. СПб., 1750. Кн. 1. С. 121.

¹⁰² Миллер Г.Ф. О народах издревле в России обитавших... С. 91, 102.

чи Смоленск, «полочане – Полоцк», «главный Древлянский город был Коростень» и т.д.¹⁰³ Напротив, Ломоносов нередко ход исторических событий объяснял в обычных для общественного сознания антропоморфных категориях. Он упрекал Миллера за то, что тот «упомяновения не удостоил» первых легендарных градостроителей, добавив, что «надлежало бы ему, предложив о Славене, Русе, Болгаре, Комане, Истере <...> и купно сообщить свое мнение, а не так совсем без основания откинуть»¹⁰⁴.

Русский ученый критиковал Миллера за то, что тот «опровергает мнение о происхождении от Мосоха [внука библейского Ноя] Москвы»¹⁰⁵. Через некоторое время даже А.П. Сумароков (литературный оппонент Ломоносова) в VII явлении комедии «Ядовитый» высмеет писателей, веривших в происхождение Москвы от Мосоха, написав, что они «разинув рот слушали те твои похождения, которые тебе пригрезилися во сне и историю о Мосохе, рассказываемую тобою так ясно и точно, как бы у него был наперсником»¹⁰⁶.

М.В. Ломоносов уделял пристальное внимание красочности своего рассказа, торжественности стиля описания важных событий. По некоторым примерам видно, что он использовал понравившиеся ему речевые обороты из чужих текстов, незначительно их обрабатывая и подчиняя нуждам своего письма истории. Так, сравнение Вступления к «Древней российской истории» Ломоносова и Proemium (вступления) к «Методу легкого познания истории» Жана Бодена дает возможность заметить такую дискурсивную операцию. Слова русского ученого «Когда вымышленные повествования производят движения в сердцах человеческих, то правдивая ли история побуждать к похвальным делам не имеет силы...?», ни что иное как перефразированная мысль французского историописателя второй половины XVI – начала XVII в. о том, что если люди, награжденные любознательностью наслаждаются даже баснословными рассказами, то какую радость они испытают перед правдивыми фактами?¹⁰⁷

¹⁰³ Миллер Г.Ф. Происхождение народа и имени Российского... С. 18.

¹⁰⁴ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера. С. 38–39.

¹⁰⁵ Там же. С. 176.

¹⁰⁶ Сумароков А.П. Ядовитый, комедия // Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе, покойного Действительного Статского советника, Ордена Св. Анны Кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена, Александра Петровича Сумарокова. В 10 ч. М., 1787. Ч. V. С. 141–178.

¹⁰⁷ Bodini Ioannis. Methodus ad facilem historiarum cognitionem. Genevae, M.DCX [1610]. P. 17.

М.В. Ломоносов превратил практику отсылки на источники, исторические сочинения и их авторов в полемическую игру с оценочными высказываниями. Последнее наглядно показывает текст его известных «Замечаний» на работу Миллера: «Миллер свои мнения утверждает... весьма неприлично», «весьма несправедливо и дерзновенно», «без всякого успеха», «весьма смешным образом», «говорит весьма предерзостно и хулительно», «равно как на показ для смеху». О Г.З. Байере русский учёный заметил, что тот «впал в превеликие и смешные погрешности», «не умнее сказал он», «сии Байеровы перевертки», «он в таком своем испуслении или полоумстве», похож на «некоторого идольского жреца, который, окутив себя беленою и дурманом, ...дает сумнительные, темные, непонятные и совсем дикие советы» и т.д.¹⁰⁸ В письменной полемике он демонстрировал риторическую, отличную от научной практику ведения спора, например, замечая оппоненту, что описание Нестором древлян (которые, согласно ПВЛ, жили «звериным обычаем») имеется «только в искаженной летописи Нестора. Ведь даже иноземные писатели признают, что славяне отличались добрыми нравами»¹⁰⁹. Это замечание демонстрирует еще и стиль отбора сюжетов, подлежащих забвению.

Таким образом, историографические операции оппонентов были разными, неодинаковой была и рефлексия об историческом письме (история воспитательных примеров – Ломоносов; история сама по себе, не зависящая от практических задач – Миллер).

Много написано о том, что скорее следует отнести литературный стиль Ломоносова не к классицизму, начинавшему господствовать на европейском и российском культурном пространстве, а к предшествовавшему ему барокко. Известный советский литературовед Г.А. Гуковский отделил его от классицизма. Ломоносов был последним великим представителем европейской традиции культуры Возрождения. «Он воспринял традиции Ренессанса через немецкую литературу барокко, явившуюся в свою очередь наследницей итальянского искусства XV в. и французского XVI в. Патетика ломоносовской оды, ее грандиозный размах, ее напряженно-образная, яркая метафорическая манера сближает ее именно с искусством Возрождения»¹¹⁰.

¹⁰⁸ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера. С. 19–42.

¹⁰⁹ Ломоносов М.В. Замечания на ответы Миллера // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 62.

¹¹⁰ Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века: учеб. для вузов. М., 1939. С. 108. Этот вывод был поддержан другими исследователями. См.:

Согласимся с тем, что в творчестве Ломоносова присутствовали черты барочной культуры, их несложно вычленить и в его историописании. Можно показать привязанность Ломоносова к московскому и польско-украинскому историческим текстам XVI–XVII вв. и заключить, что русский ученый и некоторые другие авторы XVIII в. относились к практике историописания иначе, нежели было принято в рамках утверждавшейся рационалистической историографии. Но тогда возникает вопрос: почему исторические работы М.В. Ломоносова пользовались определенной популярностью в обществе, которое уже переросло барокко и приучалось к вкусу классицизма, а также рационализма?

Если в литературе М.В. Ломоносов и был последним представителем европейского Возрождения, то в историческом дискурсе его голос был не одинок. В период начала строительства национальных государств актуализируется тип исторического знания, тесно связанный с общественным сознанием и выполнявший практические задачи конструирования национального прошлого, а также контроля над национальной памятью. Его истоки уходят в эпоху Ренессанса в Западной Европе, а на её востоке в то же самое время книжники подводят идеологический фундамент под строительство Московского государства. По мнению редакторов третьего тома «Оксфордской истории историописания», в европейском интеллектуальном пространстве Позднего Средневековья и Раннего Нового времени уже проявляются яркие не только политические, но даже и национальные черты, в первую очередь, в историописании Западной и Северной Европы, особенно в Англии, Испании, Франции и России¹¹¹.

В XVII – начале XVIII в. у М.В. Ломоносова было немало предшественников в западноевропейской, в западнославянской и даже южнославянской и восточнославянской исторической мысли. Его европейские современники в практических целях создавали исторические нарративы. Были и последователи (намного менее известные) в российской историографии. Так практика историописания, ориентированная на политические вкусы общества, в XVIII в. распространяется по всей Европе¹¹².

Моисеева Г.Н. Ломоносов // История русской литературы. В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 529–530.

¹¹¹ См.: Rabasa J., Sato M., Tortarolo E., Woolf D. Editors' Introduction // *The Oxford History of Historical Writing...* Vol. 3. 1400–1800. P. 12.

¹¹² См.: Whittaker C.H. *The Autocracy Among Eighteenth-Century Russian Historians // Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State / Ed. by Thomas Sanders. N.Y., 1999. P. 18.*

Представители этого типа исторического знания изучали историю не ради нее самой, а для объяснения настоящего и преследовали цель конструирования и/или «изобретения» национального прошлого¹¹³. Делая предметом своих изысканий прошлое, они транслировали его в современную жизнь для поучения читателя. В шотландской истории, как замечает В.Ю. Апрыщенко, первая половина XVIII в. – «это период национализма и антикваризма, точнее национализма, принимающего форму антикваризма»¹¹⁴.

Ту же тенденцию отмечал в русской культуре П.Н. Берков, подчеркнувший, что в XVIII в. интерес к историческому прошлому России был связан именно с развитием русского национализма¹¹⁵. В данном случае национализм как культурная форма, присущая сознанию европейцев Нового времени, не несёт в себе никакой оценочной характеристики.

В России, в первую очередь у М.В. Ломоносова, мы находим желание организовать определенную русскую национальную память. Он оберегал национальное прошлое от «хулительства», заявляя, что в истории «не должно быть ничего такого, что бы российским слушателям было противно»¹¹⁶. Конструируя прошлое при помощи блоков из древней и средневековой истории, он выбирал примеры позитивного образа России из московской и польско-украинской позднесредневековой литературы, чтобы «соблюсти похвальных дел должную славу». Ломоносов не мог к прошлому подходить «нейтрально», как того начинала требовать зарождающаяся историческая наука. Значит, спор с ее представителями был неминуем.

Риторичный стиль написания истории М.В. Ломоносовым – это лишь внешняя, барочная литературная обработка конструируемого им текста, а выбранная практика отношения к историческим источникам – не случайная, а вполне отрефлексированная и вовсе не говорит о том, что М.В. Ломоносов, как писал П.Н. Миллюков, оказался «ниже» того уровня, который демонстрировал

¹¹³ Verschaffel T. The Modernization of Historiography in 18th-century Belgium // History of European Ideas. 2005. Vol. 31. No. 2. P. 135-146.

¹¹⁴ Апрыщенко В.Ю. От Просвещения к Романтизму: шотландская антикварная традиция и поиски национального прошлого // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 555–557.

¹¹⁵ Берков П.Н. Неиспользованные материалы для истории русской литературы XVIII в. // XVIII век: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1935. Вып. 1. С. 366–367.

¹¹⁶ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера. С. 196–197.

В.Н. Татищев¹¹⁷. Ведь даже писатель А.П. Сумароков, имевший меньше отношения к практике занятий историей, чем М.В. Ломоносов, смог посмеяться над теми, кто уверовал в сообщения польских и украинских позднесредневековых сочинений о Мосохе и Москве.

Здесь уместно обратить внимание на ряд примеров восприятия подходов к описанию прошлого Ломоносовым и Миллером некоторыми современниками, российскими просвещенными читателями – авторами, не принадлежавшими к цеху историков, но попробовавшими свое перо на ниве историописательства. Так, академик В.К. Тредиаковский (1703–1769) раскритиковал один из источников, который помогал Ломоносову выстраивать «доисторическое» прошлое славян (летопись Крекшина), написав, что сообщение о строительстве городов славянами в 3099 г. от сотворения мира «есть не право»¹¹⁸. Напротив, известный правовед, первый профессор права в Московском университете Ф.Г. Дильтей (1723–1781), приглашенный в Россию хлопотами Миллера, российскую древность представил так же, как Ломоносов, начав с легендарного князя Славена и со строительства славянами городов в III тыс. до н.э.¹¹⁹ Отставной военный Ф.И. Дмитриев-Мамонов (1727–1805) свой исторический «опыт» писал уже на основании сюжетов, как Ломоносова, так и Дильтея (правда, рядом с их именами он поставил еще имя летописца Нестора), а потому древность славян начал описывать с библейского Мосоха¹²⁰.

Скандално известный поэт И.С. Барков (1732–1768), одно время работавший переписчиком у М.В. Ломоносова и под его влиянием полюбивший исторические штудии, на основе его же

¹¹⁷ См.: Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 1897. С. 102–103.

¹¹⁸ Тредиаковский В.[К.] Три разсуждения о трех главнейших древностях Российских, а именно: О первоначалии словянского языка перед тевтоническим. О первоначалии россов. О варягах – руссах славянского звания, рода и языка. СПб., 1773. С. 119.

¹¹⁹ Дильтей Ф.Г. Первые основания Универсальной истории с сокращенною хронологию в пользу обучающегося Российского дворянства. В 3 ч. М., 1763. Ч. 2. С. 317.

¹²⁰ [Дмитриев-Мамонов Ф.И.] Хронология, переведенная тщанием сочинителя Философа дворянина, из науки, которую сочинил г. де Шевиньи, дополнил г. де Лимьер для учения придворным, военным и статским знатым особам, с прибавлением к тому Китайской хронологии, подражая Лексикону г. Морери, и Российской хронологии, подражая сокращенной Российской истории г. Ломоносова, начальным семью книгам г. Эмина и несторовой летописи. В 2 ч. М., 1782. Ч. 2. С. 68–69.

«Древней российской истории» составил «Краткую российскую историю» (она вошла в издание «Сокращенной универсальной истории» Г. Кураса), в которой не последовал за «баснословием» оригинала и начал изложение российского прошлого с последних веков первого тысячелетия н.э.¹²¹ Другой известный общественный деятель и архангелогородский историописатель (земляк Ломоносова) В.В. Крестинин (1729–1795), под влиянием рационализма описывая историю г. Холмогоры, критиковал за неточность «догадок» и Миллера, и Ломоносова¹²². Таким образом, не обязательно нужно было быть русским, чтобы принять патриотический настрой исторического письма Ломоносова и, напротив, можно было писать «срамные оды», пересыпанные русской ненормативной лексикой, любить свой край, посвящая ему все творческие силы, и при этом сделать выбор в пользу рационалистической позиции в историческом дискурсе.

О полемике Ломоносова и Миллера верно заметил А.Б. Каменский: дело «было именно в понимании научной истины и её значения». Это был спор не только о норманнской проблеме. Это был спор о существовании и назначении истории, о роли историка – и позиции двух ученых в этом вопросе были диаметрально противоположными¹²³. Не лишним будет напомнить, что еще до начала известного спора Ломоносов критиковал Миллера за некоторые места в его «Истории Сибири» (например, грабежи отрядом Ермака коренных сибирских народов), которые по отношению к героям национального прошлого «с несколькими похулением написаны»¹²⁴. Русский ученый не мог допустить, чтобы такое прошлое помещалось в историю.

Мы подошли к проблеме *целеполагания истории*, которая, как можно догадаться, не обязательно связана с профессионализмом. Так, писателю А.П. Сумарокову импонировал тот подход к истории, который предлагала рационалистическая историография, и перед своими немногочисленными историческими опытами он ставил цель отличную от той, которую демонстрировали

¹²¹ [Барков И.С.] Краткая российская история // Сокращенная Универсальная история содержащая все достопамятные случаи, с приобщением краткой Российской истории. СПб., 1762. С. 357.

¹²² См.: Крестинин В.[В.] Начертание истории города Холмогор. СПб., 1790. С. III–V.

¹²³ Каменский А.Б. Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера (1705–1783) // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России... С. 384.

¹²⁴ Протокол Исторического собрания 3 июня 1748 г. // Библиографические записки. 1861. Т. III. № 17. С. 515–517.

труды Ломоносова. Если практика изучения истории у Сумарокова несла в себе наивный рационализм, то его целеполагание близко к миллеровскому. Сумароков писал:

«...во всякой Истории надлежит писать истину; дабы человеки научились от худа отвращаться и к добру прицепляться. Историк не праведно хулы и хвалы своему соплетающий отечеству, есть враг отечества своего; и бывшее худо и бывшее добро общему наставлению и общему благоденствию служит. Не полезно вымышленное повествование, о ком бы оно ни было. И вредносна ложная История тому народу, о котором она: ежели она тем народом допущена или не опровержена, к ослеплению читателей»¹²⁵.

Известно замечание Сумарокова (1759), словно специально заострённое против ломоносовской модели историописания:

«Никто не будет охуждать сочинителя слова похвального в том, что он Героя своего всеми добродетелями, всеми дарованиями украшает, не упоминая его погрешностей. Напротив того, ежели историк, подражая сочинителю слова похвального, подобное употребит ласкательство или, последуя стихотворцу, станет рассказывать превращения, не будет ли сочинение его баснею, без стоп и без рифм составленною»¹²⁶.

Целеполагание Ломоносова иное. Что «соплетать», а что «не соплетать» у него подчинялось формуле «не предосудительно ли славе российского народа будет»¹²⁷. Свою роль историописателя он оценивает как великий труд – «велико есть дело». Он прямо говорит, что его задача не просто повествование о прошлом, а конструирование национальной идентичности посредством соединения прошлого и настоящего: «пренося минувшие деяния в потомство и в глубокую вечность, соединить тех, которых натура долгою времени разделила»¹²⁸. У него присутствует полная уверенность, в том, что, какой он сконструирует историю своего отечества, такой она и будет.

Ломоносов, конечно, говорит об объективности: «твёрдо намеряюсь держаться истины и употреблять на то целую сил возможность», но его практическое отношение к истории ставило «истину» в зависимость от поставленной цели – «соблести похвальных дел должную славу»¹²⁹. Он считал неприемлемым, чтобы русский читатель знакомился с периодами истории своего го-

¹²⁵ Сумароков А.[П.] Первый и главный стрелецкий бунт, бывший в Москве в 1682 году в месяце маии. СПб., 1768. С. 48.

¹²⁶ Стенник Ю.В. Сумароков – историк // XVIII век /отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб., 1996. Сборник 20. С. 29.

¹²⁷ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера... С. 41.

¹²⁸ Ломоносов М.[В.] Древняя российская история... С. 3–4.

¹²⁹ Там же. С. 3–4.

сударства, разрушающегося под воздействием внутренних смут, и потому привлекал сановников к запрету публикации такой истории¹³⁰. Не случайно при подготовке «Древней российской истории» к изданию А.Л. Шлёцер был вынужден откорректировать обращение «К читателю» и вместо слов о том, что Ломоносов собрал «*всё к объяснению оныя служащее*», поставил: «*что ему полезно казалось к познанию России прежде Рурика*»¹³¹.

М.В. Ломоносов возложил на себя определенную социальную функцию, по сути, он реализовывал политику памяти, определяя, что достойно сохранения, а что забвения, пытался вселить уверенность в исторической славе и исконной исключительности в самосознание формирующейся нации. Социально ориентированная практика историописания Ломоносова не была новацией. Московские книжники находили славянскую «славу» в III тыс. до н.э., определили «сродство» императора Августа с князем Рюриком, которого вместе с варягами вывели от «своих» и т.д. В последней четверти XVII в. московская историческая конструкция приняла удары наукообразного польско-украинского исторического нарратива (с набором не менее героических сюжетов о славянах) и включила в себя ряд мифологем (происхождение названия «Москва» от библейского Мосоха и «руси» от «своих», строительство Киева в V в., династия Кия и др.), привнесённых многократно тиражируемым (типографским путём с 1674 г.) киевским «Синописом». Но уже со второй четверти XVIII в. устои формирующейся социальной памяти с рационалистических позиций всё сильнее стали колебать Г.З. Байер, В.Н. Татищев, затем Г.Ф. Миллер. Они стали «оскорблять некоторые национальные святыни» ради нового знания¹³², ради научной истории, рационально добивавшейся «истины».

Для власти и значительной части российской интеллектуальной элиты нужны были примеры «похвального» исторического опыта. В новом социокультурном пространстве возникла по-

¹³⁰ Речь идет о предпринятом Миллером опыте написания труда об истории Смутного времени (Миллер Г.Ф. Опыт новейшей истории о России // Сочинения и переводы к пользе и увеселений служащие. 1761. Январь. С. 3–63; Февраль. С. 99–154; Март. С. 195–244), публикация которого была прекращена после жалоб М.В. Ломоносова к К.Г. Разумовскому.

¹³¹ Вознесенский А.В. Неизвестный вариант издания «Древней Российской истории» М.В. Ломоносова // XVIII век. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века / отв. ред. А.М. Панченко. Л., 1989. Сб. 16. С. 217.

¹³² См.: Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Сочинения. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 175–176.

требность создания «нужной» для Империи идентичности и, неслучайно, в России историописание становится государственным занятием. Но, поскольку никакая идентичность «не является естественно заданной, то она должна вырабатываться через усилия интеллектуалов, политиков и общественных активистов»¹³³. Происходит актуализация барочных сюжетов московских, украинских и польских текстов. Эти тексты вносил в современность не только М.В. Ломоносов, но он стал последовательно проводить политику отбора уже известных и создания новых элементов прошедшего. Тем самым, его работа над прошлым была иной, нежели того требовала зарождающаяся научная практика. Именно с ней он и развернул спор, в котором сконструировать «нужную» историческую память россиян, посредством механизма нарратива. К примеру, кому из русских XVIII века не понравилась бы подобная операция М.В. Ломоносова с прошлым:

«К доказательному умножению славянского могущества не мало служат походы от Севера готов, вандалов и лангобардов. Ибо <...> немалую часть воинств их славяне составляли; и не токмо рядовые, но и главные предводители были славянской породы. И так ныне довольно явствует, коль велико было славянское племя уже в первые веки по Рождестве Христовом»^{134?}

Вместе с профессионализацией исторического знания, начиная с XVIII в., историография, с одной стороны, начала борьбу с социально мотивированным «ложным» истолкованием прошлого, с другой стороны, она стала (и это вполне объективный процесс) отрываться от общественного исторического сознания.

Как видим, уже в середине XVIII в. у нее наметились разрывы и с групповыми ожиданиями российского общества. Историописатели-любители редко не называли имя М.В. Ломоносова, а Г.Ф. Миллера могли не упомянуть даже там, где этого требовали правила построения исторического текста. Например, М.Д. Чулков в многотомном «Историческом описании российской коммерции» неоднократно упомянул Ломоносова при описании древних новгородских порядков (хотя тот специально не занимался этой темой), но Миллера не назвал. При этом, описывая новгородских посадников, Чулков использовал именно мысли Миллера из статьи «Краткое известие о начале Новагорода и о происхождении российского народа» (1761)¹³⁵. И другой исто-

¹³³ Репина Л.П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности // Диалог со временем. 2007. Вып. 21. С. 11.

¹³⁴ Ломоносов М.[В.] Древняя российская история... С. 11.

¹³⁵ Чулков М.[Д.] Историческое описание... Т. 1. Кн. 1. С. 90–103.

риописатель Н.С. Ильинский, так изложил структуру власти в республиканском Пскове, что не понадобится даже внимательно вчитываться, чтобы по-нять – он заимствовал это из «Краткого известия о начале Новагорода» Г.Ф. Миллера, но сноски на историка не сделал¹³⁶.

Отношение истории (как науки) и общества к прошлому не обязательно должны совпадать. Чаще всего они разные. Напрашивающийся вывод о (не)профессионализме М.В. Ломоносова в сравнении с Г.Ф. Миллером надо оставить в стороне.

Ломоносов просто был «другим» историком – историком, позиционировавшим социально ориентированное историческое знание, конструировавшим похвальный исторический опыт и служившим общественному сознанию. М.В. Ломоносов писал в духе времени (имеется в виду не барочная практика украшения текста, а умение выбрать «полезные» для читателя исторические сюжеты), откликался на требования настоящего, выполняя заказ, шедший от современной ему власти, а также значительной части общества, и в итоге, он оказался более востребованным властью и просвещенной элитой, нежели его современники-историки. Его исторические работы были «любопытны» как для августейшего, так и для обычного читателя, давая возможность видеть «бесспорную» славу своих предков в древности.

10.3. ДИСКУССИЯ О ПАТРИОТИЗМЕ В БРИТАНИИ XVIII в.

Первое появление термина «патриот» (в значении «земляк», «соотечественник») в Англии относится к концу XVI столетия. Тем не менее, на протяжении XVII века это понятие не было широко распространено в английском языке. Среди авторов, использовавших в своих текстах слова «патриот» и «патриотизм», можно выделить лидера левеллеров Джона Лилберна и поэта Джона Мильтона.

В понимании Лилберна, патриот – это «солдат, сражающийся за права и свободы каждого»¹³⁷, что во многом близко представлению Мильтона о том, что патриоты должны являться «ис-

¹³⁶ Ильинский Н.С. Историческое описание города Пскова и его древних пригородов с самого их основания, заключающее в себе многие достойные любопытства происходи. В 6 ч. СПб., 1790–1795. Ч. 1. С. 17.

¹³⁷ Viroli M. For Love of Country: An Essay on Patriotism and Nationalism. Oxford: Clarendon Press, 2003. P. 51.

тинными хранителями нашей свободы»¹³⁸. В дальнейшем слово «патриот» продолжает обрастать новыми смыслами, поскольку в следующем столетии развернулась настоящая дискуссия о том, кто является «истинным» и «мнимым» патриотом. Ведущую роль в этой полемике сыграли интеллектуалы, чьи произведения, ставшие ответом на вызовы эпохи, привели к появлению детальных характеристик патриотизма.

В Британии XVIII века понятия «патриот» и «патриотизм» начали повсеместно употребляться в литературных и публицистических сочинениях, материалах прессы и газет. Поэтические произведения А. Поупа, У. Купера, У. Коллинза и О. Голдсмита были наполнены патриотическими воззваниями, что подтверждает призыв автора знаменитых строк «Правь, Британия, морями!» У. Томсона «соединить патриотизм с пламенем поэзии»¹³⁹.

Непростой процесс формирования единого британского государства после подписания Акта об унии 1707 г., многочисленные военные конфликты за пределами туманного Альбиона, такие как Война за испанское наследство (1702–1713), Война за австрийское наследство (1743–1748), Семилетняя война (1756–1763), Война за независимость североамериканских колоний (1776–1783), а также якобитские восстания 1715 и 1745–46 гг. не могли не повлиять на ситуацию в стране. Это способствовало активизации споров о содержании понятия «патриот» и послужило толчком к появлению обвинений в «мнимом» патриотизме.

В XVIII в. «патриотизм стал инструментом легитимации оппозиции»¹⁴⁰. Особенно ярко эта тенденция проявилась в первой половине века, о чем можно судить на основании работы «Идея о короле-патриоте» 1738 г. лорда Болингброка. Будучи сторонником тори, Болингброк был враждебно настроен по отношению к главе британского правительства Роберту Уолполу и в 1720–1730-е гг. возглавлял внепарламентскую оппозицию¹⁴¹. Однако к концу 1730-х гг. стало заметно разочарование Болингброка

¹³⁸ Milton J. *The Ready and Easy Way to Establish a Free Commonwealth* / Ed. by E.M. Clark. New Haven and L., 1915. P. 26.

¹³⁹ Thomson J. *The four seasons, and other poems* // <https://quod.lib.umich.edu/e/ecco/004810089.0001.000/1:16?rgn=div1;view=fulltext>

¹⁴⁰ Cunningham H. *The Language of Patriotism, 1750–1914* // *History Workshop*. 1981. № 12 (1) P. 9.

¹⁴¹ Барг М.А. Болингброк и английской Просвещение // Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 286.; Krammick I. *Bolingbroke and His Circle: The Politics of Nostalgia in the Age of Walpole*. Ithaca and L., 1992. P. 29–30.

в оппозиции, которую он ранее столь отчаянно поддерживал, даже находясь в ссылке во Франции. Он начинает понимать, что «не только Уолпол, но и все экономические и политические инновации с 1688 г. были причиной беспорядков» в Англии¹⁴². Это приводит его к решению изложить свое политическое кредо и взгляды на патриотизм в тексте «Идеи о Короле-Патриоте».

Суть воззрений Болингброка состояла в выстраивании политического равновесия между королем, Палатой лордов и Палатой общин, гарантом которого должен стать король. «Едва Король-Патриот взойдет на престол, – писал Болингброк, – это будет целительной панацеей: естественным образом возродится дух конституции, а по мере его возрождения будут восстанавливаться в своей первоначальной целостности порядки и формы конституции, которые станут тем, чем им предназначено быть, то есть подлинными преградами произволу власти, а не ширмами и не масками, под которыми будет скрывать свой лик тирания»¹⁴³. По мнению Болингброка, патриоту «надобно иметь среди прочих качеств что-то более существенное, нежели одно желание славы», патриотизм «должен быть основан на высоких принципах и подкреплен высокими добродетелями»¹⁴⁴. Король-патриот должен быть беспристрастен и не может защищать интересы какой-либо политической группировки, он должен «править в качестве отца всего своего народа». Это «столь важная черта в характере Короля-Патриота, что тот, кто поступает иначе, утрачивает право на сей титул»¹⁴⁵. В конце 1730-х – 1740-е гг. представления лорда Болингброка о короле-патриоте определяли содержание патриотической риторики в Британии.

С началом конфликта, получившего название «Война за ухо Дженкинса» 1739–1742 гг., ситуация в Королевстве Великобритания все больше обостряется. Одним из ключевых событий, оказавших значительное влияние на оформление новых интерпретаций патриотизма, становится восстание якобитов, начавшееся в условиях вступления Британии в Войну за австрийское наследство в 1743 г. Высадка Молодого Претендента Карла Эдуарда Стюарта на Британских островах в августе 1745 г. усугубила положение в стране, и без того находящейся в затруднительном по-

¹⁴² Kramnick I. Bolingbroke and His Circle... P. 30.

¹⁴³ Болингброк. *Идея о Короле-Патриоте* // Болингброк Г.С. Дж. Письма о пользе и изучении истории. М., 1979. С. 221.

¹⁴⁴ Там же. С. 209.

¹⁴⁵ Там же. С. 226.

ложении. Якобитская угроза разделила британское общество и активизировала споры о том, на чьей стороне должны быть «истинные» патриоты. В этих непростых условиях английский писатель и адвокат Генри Филдинг, ранее активно поддерживавший оппозиционных Уолполу «патриотов», выступил с основанием нового периодического издания «Истинный патриот» (*англ.* The True Patriot). Первый выпуск газеты пришелся на 5 ноября 1745 г., когда успех сопутствовал продвигавшимся к английской границе якобитам. Каждый номер состоял из четырех страниц и выходил по вторникам вплоть до 10 июня 1746 г. Всего за полгода из печати вышло 32 номера, каждый из которых стоил три пенса. Издателем газеты была Мэри Купер, вдова владельца типографии Томаса Купера, продолжившая его дело¹⁴⁶.

Филдинг стал первым английским интеллектуалом, заявившим о существовании «истинного» и «мнимого» патриотизма. Во втором номере газеты, вышедшем 12 ноября 1745 г. в условиях приближения якобитской армии к английскому городу Карлайл, он дал характеристику «истинного» патриота: «Поскольку сохранение нынешней Королевской Семьи на троне – это единственный способ сохранить саму сущность этой Нации, настоящий Патриот будет использовать все свои возможности, даже ставя под угрозу собственную жизнь, чтобы подавить Восстание, посягнувшее на уничтожение власти короля и истребление всего государства; ничто не может убедить такого Человека смутить или огорчить Короля, когда требуется абсолютное единодушие для победы над злыми умыслами тех могущественных врагов, которые объединены против нас»¹⁴⁷. Таким образом, «истинный» патриот в представлении Филдинга – сторонник Ганноверской династии, готовый встать на защиту власти Георга II от посягательств якобитских повстанцев.

«Мнимый» патриот изображается в газете иначе. По мнению писателя, такой «патриот» использует любовь к стране как прикрытие для «Честолюбия, Алчности, Зависти, Зломыслия, любой дурной Страсти в Человеческом Разуме». Филдинг утверждал:

«теперь среди нас есть люди, которые называли себя патриотами, в то время как они продвигали свои интересы и изводили своих врагов накануне явной опасности гибели их собственной страны»¹⁴⁸.

¹⁴⁶ Henry Fielding. The True Patriot: and The History of Our Own Times / Ed. by M.A. Locke. Tuscaloosa, 1964. P. 14.

¹⁴⁷ Ibid. P. 46.

¹⁴⁸ Ibidem.

В данной статье «мнимыми» патриотами оказываются не соратники Молодого Претендента, а те, кто стал причиной невзгод, постигнувших Британию. К их числу Филдинг относил сторонников курса Р. Уолпола.

В 25-м номере газеты, вышедшем 22 апреля вслед за сражением при Каллодене 16 апреля 1745 г., Филдинг вносит уточнения в определение «истинного» и «мнимого» патриота. По мнению писателя, «только тот является настоящим патриотом, кто делает все, что в его силах, ради служения своей стране без каких-либо своекорыстных интересов»¹⁴⁹. Таким патриотом Филдинг считал герцога Камберлендского, разгромившего якобитов при Каллодене. В то же время, с точки зрения автора, «мнимый» патриотизм подразумевает популистов, громогласно заявляющих о свободах англичан, но легко меняющих собственные политические предпочтения. «Почему так много наших современников, претендующих быть Патриотами, – вопрошал Филдинг, – красноречиво выступали с речами в парламенте и, казалось, глубоко заботились о благополучии своей страны, были громкими и упорными защитниками ее прав и поборниками ее свобод; почему многие из них часто внезапно и почти мгновенно меняли свои речи и становились раболепными просителями при дворе?»¹⁵⁰. Подобный человек, казалось бы, защищающий исконные права англичан, но готовый поступиться принципами ради личной выгоды, не мог считаться «истинным» патриотом.

У определений патриотизма, данных Болингброком и Филдингом, есть определенные параллели с терминами, встречающимися в английской лексикографической традиции второй трети XVIII в. Так, в словаре Нейтана Бейля под патриотом понимается «отец своей страны, общественный благодетель»¹⁵¹, что возвращает нас к представлениям Болингброка о короле-патриоте. Несколько иначе понятие «патриот» интерпретировал Сэмюэл

¹⁴⁹ Henry Fielding. *The True Patriot: and The History of Our Own Times...* P. 203.

¹⁵⁰ *Ibidem*.

¹⁵¹ Bailey N. *Dictionarium Britannicum: or, A More Compleat Universal Etymological Dictionary Than Any Extant. Containing Not Only the Words, and Their Explication; But Their Etymologies from the Antient British, Teutonic, Low and High Dutch, Saxon, Danish, Norman and Modern French, Italian, Spanish, Latin, Greek, Hebrew, Chaldee, &c. Each in Its Proper Character. Also Explaining Hard and Technical Words, Or Terms of Art, in All the Arts, Sciences, and Mysteries Following. Together with Accents Directing to Their Proper Pronunciation, Shewing Both the Orthography and Orthoepia of the English Tongue.* L., 1736. P. 303.

Джонсон в первом издании «Словаря английского языка» 1755 г. По мнению лексикографа, патриот – «тот, чьей главной страстью является любовь к своей стране»¹⁵². Такое определение близко взглядам Филдинга. Однако уже в четвертом издании (1773 г.) «Словаря», помимо этого определения термина «патриот», появляется пояснение, что иногда данное слово используется для характеристики «фракционного возмутителя спокойствия в правительстве»¹⁵³. Причины появления второго определения, которое явно подразумевает «мнимый» патриотизм, кроются в общественно-политической ситуации в Англии 1760–1770-х гг.

Первое десятилетие правления Георга III оказалось отмеченным острейшими политическими дискуссиями по поводу «внутренних» и «внешних» врагов и, как следствие, чехардой кабинетов и борьбой за свободу слова.

В спорах о завершении Семилетней войны со всей остротой проявилось новое качество общественной реакции на внешнеполитические события. Считалось, что Георг III поступил «непатриотично», отправив главного героя этой войны Уильяма Питта в отставку осенью 1761 г., а тем более «сдав» по Парижскому миру от 10 февраля 1763 г. завоеванные британцами территории – отнятые у Франции острова в Вест-Индии (Мартинику и Гваделупу) и у Испании (Гавану и Манилу). Большею частью общества это рассматривалось не просто как проявление слабости правительства, а как прямое предательство национальных интересов. Шлюзом, открывшим публичное выражение общественного негодования, стала тронная речь Георга III от 23 апреля 1763 г. на первом заседании парламента нового созыва.

Самым дерзким оказался выпад в тот же день английского «друга свободы» Джона Уилкса в 45-м номере «Северного британца», посчитавшего выступление короля прямым свидетельством попрания свобод английского народа. Эти обстоятельства открывают период 1763–1774 гг., получивший в историографии устойчивое наименование «патриотического апогея», или уилковского радикализма¹⁵⁴.

¹⁵² Johnson S. A Dictionary of the English Language: in which the Words are deduced from their Originals, and Illustrated in their Different Significations by Examples from the best Writers. To which are prefixed, A History of the Language, and An English Grammar. In 2 Vols. Vol. 2. L., 1755. P. 315.

¹⁵³ Johnson S. A Dictionary of the English Language: in which the Words... Vol. 2. L., 1773. P. 105.

¹⁵⁴ Wilson K. The Sense of the People: Politics, Culture and Imperialism in England 1715–1785. Cambridge. P. 206.

С начала 1760-х гг. патриотическая риторика все активнее начинает использоваться в проправительственной и оппозиционной прессе. Окончание Семилетней войны не принесло британскому обществу долгожданного спокойствия. Первое десятилетие правления Георга III стало временем «памфлетной войны» на страницах журналов и газет. Недаром, выступая в парламенте, лорд Норт сетовал: «первое, что мы берем в руки утром – это пасквиль; последнее, что мы берем в руки вечером – это пасквиль»¹⁵⁵. Как уже было сказано, зачинателем «памфлетной войны» стал Джон Уилкс (1725–1797), один из первых представителей радикального движения. Напомним, что ключевым лозунгом английских радикальных публицистов Дж. Бурга и Дж. Картрайта было достижение политического равенства путем введения всеобщего избирательного права. Главной опорой формирующегося радикального движения стали горожане, по-прежнему в подавляющей массе лишённые избирательных прав. На городское население и были сориентированы речи и статьи Джона Уилкса.

Уилкс начал свою политическую карьеру как сторонник У. Питта в 1757 г., когда был избран в состав палаты общин от избирательного округа Эйлсбери (Aylesbury), графство Бэкингемшир. Оказавшись в оппозиции к власти после отставки кабинета Питта в октябре 1761 г., эсквайр Уилкс в разгромных статьях основанного им журнала «Северный британец» обрушился на правительство, сформированное лордом Бьютом при поддержке Георга III. По его мнению, оно стремилось отобрать у английского народа его исконные свободы. «Прерогативой короны, – писал Уилкс в уже упомянутом 45 номере “Северного британца”, – являются конституционные полномочия, возложенные на нее не в пользу чего-либо интереса или пристрастности, но в пользу мудрости и рассудительности. Это дух нашей конституции. Народ тоже имеет свои прерогативы и, я надеюсь, что прекрасные слова Драйдена будут выгравированы в наших сердцах: Свобода – это прерогатива англичанина»¹⁵⁶. Будучи острым на язык и талантливым журналистом, именно «патриотизм» Уилкс избрал в качестве главного орудия разоблачения власти. Уилкс представлялся патриотом-борцом против коррупции и тирании власти¹⁵⁷, предста-

¹⁵⁵ The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the year 1803. Vol. XVI. 1765–1771 / Ed. by W. Cobbett, J. Wright. L., 1813. P. 1165–1166.

¹⁵⁶ Wilkes J. The North Briton. Vol. II. Dublin, 1763. P. 172.

¹⁵⁷ Sainsbury J. John Wilkes, Debt, and Patriotism // Journal of British Studies. 1995. № 34 (2). P. 176.

вители которой вовсе не думают о народе. Заключение Парижского мира в 1763 г. – яркий тому пример и явно непатриотичный акт. Мирный договор предусматривал ряд унижительных территориальных уступок. Именно вест-индские колонии считались среди британцев наиболее ценными колониальными владениями. Колонии становились очевидным фактором процветания английской нации. Недаром «в разгар Семилетней войны, в 1759 г., Питт-старший воскликнул в палате общин: “Сахар, м-р спикер, кто сейчас станет смеяться над сахаром!”»¹⁵⁸. Уилкс играл и на «инородности» шотландца Бьюта. Уилкс-патриот считал англичан избранным народом, а правительство и окружение Георга III находящимися под властью иностранцев, далеких от понимания истинных «традиционных прав и свобод» английского народа¹⁵⁹.

Нарастающую волну патриотизма отражает другой памфлет «Министерский патриотизм разоблачен»¹⁶⁰ 1763 г. Анонимный автор отрицал наличие каких-либо признаков патриотизма у лорда Бьюта. Достойными называться «патриотами» автор считал «лорда Темпла, Питта и Уилкса, людей с прекрасной репутацией»¹⁶¹. Памфлетист пишет, что, если бы «этот министр [Бьют], хотя бы в глубине души, желал принести благо нации», то он бы не заключил столь невыгодный для Британии Парижский мир¹⁶². Неизвестный памфлетист убеждал читателей, что истинные патриоты являются оппозиционерами двора Георга III. В этой интерпретации патриотизма можно увидеть отголоски общественно-политической борьбы в 20-30-х гг., когда принадлежность к оппозиции Р. Уолпола также означала приверженность патриотизму.

Таким образом, можно выделить следующие характерные черты «уилковского патриотизма». Во-первых, истинные патриоты, по мнению Уилкса и его сторонников, радуют за «древнюю конституцию» и сохранение «естественных» прав английского народа. Потому патриотам следует быть в оппозиции к власти до тех пор, пока не будут восстановлены права и свободы англичан. Во-вторых, патриотизм Уилкса зиждился на идее об англичанах

¹⁵⁸ Соколов А.Б. «Правь, Британия, морями»?... Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. СПб., 2015. С. 121.

¹⁵⁹ Colley L. *Britons: Forging the Nation, 1707–1832*. L., 2003. P. 106.

¹⁶⁰ *Ministreal Patriotism Detected; or the Present Opposition Proved to be Founded on Truly, just and laudable Principles, by the Evidence of Facts*. London, 1763.

¹⁶¹ *Ibid.* P. 25.

¹⁶² *Ibid.* P. 33.

как избранной нации, поскольку Англия есть не что иное, как «дом свободы и конституции». Однако и то, и другое, как полагал Уилкс, патриоты должны были вернуть английскому народу.

Последующее отношение к «патриотам» и «истинным друзьям свободы» определялось реакцией самого Уилкса на обвинения в мятежной клевете (*seditious libel*). Вместе с еще 49-ю «подстрекателями к мятежу» он был заключен под стражу 30 апреля 1763 г. Первое, к чему апеллировал Уилкс в этой ситуации, так это к своей парламентской неприкосновенности. Он был отпущен по решению лорда главного судьи до суда. В это время его сочинения стали предметом обсуждения в обеих палатах парламента. В палате лордов было зачитано скабрзное стихотворение Уилкса «Эссе о женщине» (пародия на А. Поупа «Эссе о человеке»). Сочинение было признано непристойным, а Уилкс – аморальным человеком, что повлекло за собой решение о лишении его парламентского мандата. Несмотря на то, что по всей стране прошла волна в его поддержку «Уилкс, свобода и 45 номер!», он позорно бежал в Париж, не дождавшись решения суда. Суд прошел без обвиняемого. Уилкс был заочно признан виновным в написании «непристойного пасквиля» и «мятежной клевете» и объявлен вне закона 19 января 1764 г. А когда в феврале 1768 г. он был вынужден вернуться в Англию, скрываясь от французских кредиторов, на решение суда власти прикрыли глаза, дабы не возбуждать общественного спокойствия.

Вернувшись, Уилкс выдвигает свою кандидатуру на выборы в парламент от Мидлсекса. Вопреки скандальной репутации он был избран в Палату общин 28 марта 1768 г., однако это привело к ожесточенным парламентским дебатам. На протяжении двух лет в стенах парламента решался вопрос о законности его избрания и назначались повторные выборы в Мидлсексе (14 декабря 1768 г., 16 февраля, 16 марта и 13 апреля 1769 г.), на которых Уилкс уверенно одерживал победу. Казус Уилкса в глазах широкой общественности представал как патриотическая борьба за исконные права и свободы англичан.

Все это заставило взяться за перо несогласных с итогом выборов. Анонимный автор «Эссе о патриотизме» 1768 г.¹⁶³ с негодованием отзывался о «популярных джентльменах», которые, изображая себя патриотами, на деле такими не являются. Подобный джентльмен – Джон Уилкс, настоящий «мошенник», обма-

¹⁶³ Essay on Patriotism and on the Character and Conduct of some late famous pretenders to that virtue, particularity of the present Popular Gentleman. L., 1768.

нувший доверчивую публику своей патриотической риторикой: «он только притворяется Патриотом, чтобы исписывать бумагу и кричать ради Свободы и Независимости, а все его распутство и расточительность позабыты и никем не припоминаются»¹⁶⁴.

Самая глубокая критика уилксовского «патриотизма» принадлежит упомянутому ранее литературному гению английского Просвещения – доктору Джонсону. Сэмюэл Джонсон, большую часть своей жизни далекий от перипетий политической жизни, не смог остаться в стороне. Когда по итогам прений о судьбе Уилкса 17 апреля 1770 г. обвинения с «друга свободы» были сняты, и избранник Мидлсекса стал парламентарием, несогласный с этим Джонсон взял на себя роль разоблачителя «патриотизма» Уилкса. В январе 1770 г. Джонсон опубликовал памфлет «Ложная тревога», в нем он стремился развенчать подобного рода «патриотизм», смысл которого виделся ему как подстрекательство к мятежу: «Любая уловка используется для подстрекательства к мятежу, чтобы пробудить недовольство и разжечь возмущение. Каждый день статьи наполнены призывами и угрозами. Безумие охватывает все ранги и представителей обоих полов, женщины и дети ратуют за мистера Уилкса»¹⁶⁵. Эта попытка разоблачить «патриотизм» Уилкса не увенчалась успехом. Большинство публицистов восприняли памфлет резко отрицательно. Джонсона с насмешкой именовали автором «Ворчуна», а не «Бродяги» (*The Grumbler*, что созвучно названию журнала *The Rambler*, издаваемого литератором в 1750-е гг.). На страницах *The London Evening Post* и вовсе с иронией сообщалось о вероятном увеличении размера королевской пенсии Джонсона после публикации памфлета¹⁶⁶.

Памфлет Джонсона привлек внимание Уилкса и в феврале 1770 г., «друг свободы» ответил ему в «Письме к Джонсону», полагая, что народ имеет «право выбирать так, как ему заблагорассудится»¹⁶⁷. Уилкс выступил в качестве борца за всеобщее право: «слово “Избиратель” имеет такое же отношение к палате общин, как Творец к созданному им. Права народа – не то, что палата общин уступила им, а то, что они сохранили себе»¹⁶⁸. Популизм Уилкса сделал свое дело: в 1771 г. жители Лондона избирают Уилкса шерифом, а в 1774 г. – лорд-мэром Лондона.

¹⁶⁴ Ibid. P. 3.

¹⁶⁵ Johnson S. *The False Alarm*. L., 1770. P. 16.

¹⁶⁶ McGuffie M.C. *Samuel Johnson in the British Press, 1749–1784*. A Chronological Checklist. N.Y. and L., 1976. P. 69.

¹⁶⁷ Wilkes J. *The Letter to Samuel Johnson*. L., 1770. P. 28.

¹⁶⁸ Ibid. P. 23.

Новым предостережением от «уилксовского патриотизма» становится следующий памфлет Джонсона – «Патриот. Обращение к избирателям Великобритании». Судьбу этого памфлета едва ли можно считать прозаичной. Все началось с того, что путешествие Джонсона в Северный Уэльс, предпринятое им летом 1774 г. совместно с семьей пивовара Генри Трейла, члена британского парламента с 1765 г., было неожиданно прервано. Во время тура стало известно о решении Георга III распустить парламент и досрочно провести выборы¹⁶⁹. В пятницу 30 сентября путешественники спешно возвращаются в Лондон и сразу же погружаются в перипетии предвыборной кампании, целью которой в данном случае стало сохранение мистером Трейлом места в Палате общин от Саутворка. В этот же день было объявлено о роспуске парламента. Этот шаг можно объяснить стремлением короля предотвратить усиление парламентской оппозиции, выступавшей за уступки восставшим колонистам в тринадцати колониях. Речь идет о группировке, которую возглавляли Уильям Питт Старший, граф Чэтэм, и Чарльз Уотсон-Уэнтворт, второй маркиз Рокингем. Граф Чэтэм с большим сочувствием смотрел на американцев, предпочитающих «бедность и свободу позолоченным цепям и жалкому изобилию»¹⁷⁰, и выступал за примирение и вывод войск из Бостона для «успокоения колоний»¹⁷¹. Из сподвижников маркиза Рокингема стоит выделить Эдмунда Берка, предупреждавшего, что «сохранение единства империи требует осторожных и взвешенных решений»¹⁷². Таким образом, целью очередных выборов стало увеличение количества сторонников политической линии Фредерика Нортона в парламенте, что позволило бы Георгу III и премьер-министру продолжить жесткую политику «усмирения» североамериканских колоний.

Доктор Джонсон не остался в стороне от происходивших событий. В среду 12 октября 1774 г. в газете *London Chronicle* было опубликовано объявление о выходе в свет памфлета Джонсона под заголовком «Патриот. Обращение к избирателям Великобритании»¹⁷³. Текст, направленный против мнимых патриотов

¹⁶⁹ Cash A. John Wilkes: Scandalous Father of British Liberty. New Haven, 2006. P. 309.

¹⁷⁰ The Parliamentary History of England... Vol. 18. P. 154.

¹⁷¹ Соколов А.Б. «Правь, Британия, морями»?... С. 220.

¹⁷² Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции: Э. Берк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М., 1996. С. 30.

¹⁷³ Johnson S. The Patriot. Addressed to the Electors of the Great Britain. L., 1774.

и оппозиционеров, не повлиял на общий ход выборов в Саутворке, итог которых был предрешен в пользу мистера Трейла. Главным объектом критики оказался Уилкс и его сторонники. Джонсон, имевший, давние счеты с вновь избранным лорд-мэром, считал своим долгом разоблачить популистские лозунги Уилкса, рядящегося в тогу истинного патриота своей страны, и предотвратить его избрание в Палату общин от Мидлсекса.

Первое издание «Патриота», опубликованное типографией Т. Каделла, было распродано по цене в 6 пенсов столь быстро, что уже 5 ноября последовало его переиздание¹⁷⁴. В дальнейшем, 8 мая 1775 г. памфлет был опубликован третий раз. Автор «Жизни Сэмюэла Джонсона», шотландский биограф Джеймс Босуэлл, упоминая памфлет, отмечал, что он написан «энергично и живо», и содержит «демонстрацию свойств настоящего патриота в подлинном смысле этого слова – искреннего, разумного и беспристрастного сторонника процветания короля и своей страны»¹⁷⁵.

Вслед за Филдингом Джонсон также выделяет «истинных» и «мнимых» патриотов, считая, что «места в парламенте достоин лишь тот, кто является Патриотом»¹⁷⁶. В определении «истинного» патриота он развивает идеи предшественников: «Патриот – тот, чье общественное поведение определяется одним единственным чувством – любовью к своей стране; тот, кто как представитель парламента ни надежду, ни страх, ни одобрение, ни праведный гнев своих сторонников не использует в личных интересах, но направляет все это во имя общей цели»¹⁷⁷. Более того, литератор был убежден, что признаком истинного патриота является и то, что «патриот всегда готов поддержать справедливые требования и оживить разумные надежды людей; он беспрестанно напоминает им об их законных правах, побуждает их негодовать против посягательств и обеспечивать порядок»¹⁷⁸. Однако настоящий патриот никогда не будет так действовать ради игры на публику и сиюминутных целей. Таким образом, по мнению литератора, может поступать лишь человек, притворяющийся патриотом. Имен-

¹⁷⁴ Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 10. Political Writings / Ed. by J. Greene. New Haven and L., 1977. P. 387.

¹⁷⁵ Boswell J. Life of Johnson / Ed. by R.W. Chapman. Oxford, 1998. P. 568.

¹⁷⁶ Патриот. Обращение к избирателям Великобритании / Косых Т.А., Шипицына Ю.С. Дискуссия об «истинных» и «мнимых» патриотах в памфлете Сэмюэла Джонсона // *Imagines Mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* № 10. Сер. Альбионика. Екатеринбург, 2019. С. 45.

¹⁷⁷ Там же. С. 45–46.

¹⁷⁸ Там же. С. 49.

но Уилкс стал причиной, по которой Джонсон добавил новое определение термина «патриот» в четвертом издании «Словаря».

Джонсон подчеркивал, что Уилкс и его сторонники вовсе не являются патриотами. Таких «патриотов» стоит остерегаться избирателям, поскольку большинство из них «рвет и мечет, выведывает и строит козни, забывая о народе вовсе, не опасаясь народа, не заботясь о благе народа, но надеясь силой проложить дорогу к собственному процветанию при помощи злобы и брани»¹⁷⁹. Поэтому памфлет Джонсона заканчивается призывом к народу объединиться против «мнимого патриотизма»: «исцелиться от своего заблуждения и объединиться в отвращении к тем, кто, обманывая легковверных небывальными выдумками, подавляя слабых дерзкой ложью, обращаясь к суждениям, полным невежества и тщеславного бахвальства, клеветая на честность и оскорбляя достоинство, собрал вокруг себя все низменное и вызывающее в королевстве, чтобы... присвоить себе имя патриотов»¹⁸⁰. Подобный притворный патриотизм, как полагал Джонсон, оказывался «последним прибежищем негодяя»¹⁸¹. Таким негодяем и был, по мнению Джонсона и многих других, Джон Уилкс.

В целом «Патриот» Джонсона был воспринят публикой положительно. Судить об этом можно по британской прессе. Так, в общей сложности во второй половине октября в британских газетах и журналах памфлет был упомянут 17 раз (в таких изданиях, как *London Chronicle*, *General Evening Post*, *Whitehall Evening Post*, *Caledonian Mercury*, *Weekly Magazine*, *Edinburgh Advertiser*, *Gentleman's Magazine*, *Scots Magazine* и другие)¹⁸². Любопытно, что критика памфлета содержалась только в одной статье, опубликованной на страницах *London Magazine*. Впрочем, негативная оценка «Патриота» Джонсона в данном журнале вполне объяснима политической направленностью *London Magazine* – журнал с момента его основания в 1732 г. отличался оппозиционными настроениями по отношению к сторонникам тори, к которым мы можем причислять доктора Джонсона. Автор заметки о «Патриоте» осудил продажность литератора, именуя его «известным королевским пенсионером» и предполагая очередное увеличение размера пенсии Джонсона, однако признал, что «стиль [памфлета] приятен и многие его [Джонсона] суждения справедливы»¹⁸³.

¹⁷⁹ Там же. С. 46.

¹⁸⁰ Там же. С. 54.

¹⁸¹ Boswell J. *Life of Johnson*. P. 543.

¹⁸² McGuffie M.C. *Samuel Johnson in the British Press*. P. 132–133.

¹⁸³ *The London Magazine*. 1774. Vol. 43. P. 502.

После 1775 г. основной темой общественных дискуссий становится Война за независимость США. Споры о природе патриотизма, «истинных» и «мнимых» патриотах уступили место полемике о будущем английских североамериканских колоний. Как известно, во время военных действий в Северной Америке «патриотами стали называть себя сторонники независимости от английской короны»¹⁸⁴. В самой же Британии война и последовавшая за ней Французская революция вызвали радикализацию определений патриотизма¹⁸⁵. В этом контексте наибольший интерес представляют взгляды на патриотизм английского священника и радикала Ричарда Прайса. Его проповедь «Беседа о любви к нашей стране» была прочитана по поводу юбилея Славной революции 4 ноября 1789 г. на собрании Лондонского революционного общества, созданного годом ранее. Патриот, по мнению Прайса, должен оставаться мудрым человеком и «любить свою семью, друзей и страну»¹⁸⁶. В то же время весьма интересно, что Прайс подразумевает под «страной», любовь к которой является главным признаком патриотизма. «Под нашей страной я понимаю, – писал Прайс, – не почву или место, где мы родились; не леса и поля, а то сообщество, членами которого мы являемся; или группу товарищей, друзей и родственников, которые связаны одной и той же конституцией или правительством, защищены одними и теми же законами и связаны одним и тем же гражданским государством»¹⁸⁷. Это уточнение, а также утверждение о том, что «нам следует быть гражданами мира»¹⁸⁸ вызвало негодование у философа и политического деятеля Э. Берка, в дальнейшем обвинявшего Прайса в симпатиях к революционной Франции. И все же, несмотря на радикальные для своего времени взгляды в отношении будущего переустройства британского государства¹⁸⁹, Прайс призывал сторонников не осквернять дело патриотизма распутным и аморальным поведением¹⁹⁰, что существенно отличает его от другого «радикального патриота» – Уилкса.

¹⁸⁴ Кром М.М. Патриотизм, или Дым отечества. СПб., 2020. С. 39.

¹⁸⁵ Cunningham H. The Language of Patriotism... P. 13.

¹⁸⁶ Price R. A Discourse on the Love of Our Country. L., 1789. P. 4.

¹⁸⁷ Ibid. P. 2–3.

¹⁸⁸ Ibid. P. 10.

¹⁸⁹ Прайс выступал в поддержку всеобщего избирательного права и равенства всех людей перед законом. «Даже король как глава исполнительной власти есть порождение закона и должен подчиняться ему “как самый низкий крестьянин”». См.: Семенов С.Б. Политические взгляды английских радикалов XVIII в. Самара, 1995. С. 49–50.

¹⁹⁰ Price R. A Discourse on the Love of Our Country. L., 1789. P. 42.

Таким образом, обращение к истории понятий «патриот» и «патриотизм» в Британии XVIII в. позволяет говорить об их многозначности. Конечно, труды «властителей умов», в которых раскрывались основные характеристики патриота, были реакцией на происходящие события и военные действия и стали попыткой дать ответ на то, каким должен быть настоящий патриот, либо разоблачить под какими лозунгами может быть сокрыт притворный патриотизм. В то же время интерпретации патриотизма были неоднозначны и зависели от позиции, которую занимал тот или иной интеллектуал.

Большинство интеллектуалов сходилось во мнении о том, что патриота отличает такое качество как любовь к своей стране. Однако другие характеристики патриота различаются. Так, Король-Патриот Болингброка должен заботиться о благе подданных, невзирая на собственные пристрастия и убеждения. Аналогично патриот должен поступать и по мнению Г. Филдинга, хотя важнейшей чертой его определения патриотизма является готовность патриота встать на защиту Ганноверской династии перед угрозой армии якобитов. Нередко патриоту приписывалось такое свойство как нахождение в оппозиции к власти. Этой характеристикой патриотизма не преминул воспользоваться Дж. Уилкс, полагавший, что истинный патриот должен выступать против власти, предавшей национальные интересы заключением Парижского мира в 1763 г. Действительно, определению патриотизма Уилкса был присущ национализм, выразившийся в желании низвергнуть шотландского премьер-министра лорда Бьюта. Против этой точки зрения категорически выступал доктор Джонсон, по мнению которого «патриотизм» внепарламентской оппозиции был лишь средством достижения корыстных интересов «мнимых» патриотов. Вклад Р. Прайса в дискуссию о патриотизме также не может быть недооценен. Несмотря на радикальные политические взгляды, которых он придерживался, его определение патриота близко к представлениям Джонсона о необходимости поддержания соответствующего морального облика для человека, желающего носить гордое имя Патриота.

Дискуссия о патриотизме в Британии XVIII в. продемонстрировала конфликт интерпретаций понятий «патриот» и «патриотизм», но, в то же время, способствовала тому, что эти понятия начали приобретать нравственно-этическую окраску.

10.4. ОБРАЗЫ ПАТРИОТА В РОССИИ И БРИТАНИИ XVIII ВЕКА

В историографии нет целостного исследования истории понятий «патриота» и «патриотизма» как в Британии, так и в России, как нет и сравнительно-исторического исследования с использованием достаточно широкого круга источников.

Существует круг хорошо известных текстов, как правило публицистических, которые традиционно попадают в фокус внимания исследователей, интересующихся историей понятий «патриот» и «патриотизм» в общественно-политической жизни Британии эпохи Просвещения. Прежде всего, это сочинения лорда Болингброка, и не только «Письмо о духе патриотизма» (1735) и «Идея о Короле-Патриоте» (1738), но также «Рассуждение о партиях» (1726), «Заметки по истории Англии» (1730–1731), «Некоторые размышления о современном состоянии нации» (1750)¹⁹¹. Это также статьи Генри Филдинга в его «Истинном патриоте» (*The True Patriot*, 1745–1746)¹⁹². Это, конечно, дефиниции Сэмюэла Джонсона в разных изданиях «Словаря английского языка» 1750-х – 1770-х гг. и в его анти-уилксовских памфлетах, как и тексты самого Джона Уилкса и «радикальных патриотов» второй половины 1770-х – 1780-х гг.; и ряд других. Все эти тексты, возникшие в ходе политических дискуссий XVIII века, предметно рассмотрены в предыдущем разделе настоящей главы¹⁹³.

Столь же привычный, хотя и довольно широкий, круг сочинений традиционно привлекается исследователями к анализу «патриотического сознания» российской элиты в XVIII – начале XIX в., причем эти тексты радикально отличаются от британских по своим жанровым характеристикам, а потому при прямом сопоставлении производят искажающий эффект.

Как можно увидеть при ближайшем рассмотрении, в отношении английского материала приоритетом пользуется патриотическая риторика в публицистике, бурной полемике в проправительственной и оппозиционной прессе середины столетия (в т.ч. числе об «истинных» и «мнимых» патриотах, об «истинном» и «ложном» патриотизме), и в ней преобладает составляющая, ко-

¹⁹¹ См.: *The Works of Lord Bolingbroke*. In Eight Volumes. Philadelphia, 1841.

¹⁹² Henry Fielding. *The True Patriot: and The History of Our Own Times* / Ed. by M.A. Locke. University of Alabama Press, 1964.

¹⁹³ См. выше, с. 788–802.

тору можно с некоторой долей условности назвать «конъюнктурно-оппозиционной». В то время как на российском материале предпочтения исследователей, как филологов, так и историков, сосредоточены в пространстве риторической поэзии (как, например, торжественные оды М.В. Ломоносова, с ключевыми концептами «славы» и «щастья»¹⁹⁴, или же стихотворные произведения А.П. Сумарокова, прежде всего, с наставлениями «Любовь к отечеству есть перва добродетель»¹⁹⁵ и «Будь сын отечества и государю верен!»¹⁹⁶) а также достаточно многочисленных эго-источников, отражающих «патриотические идеалы» высшего сословия, «сынов Отечества» в духе «монархического патриотизма»¹⁹⁷.

В данном разделе, разумеется, не ставится задача полномасштабного исследования «патриотического» дискурса и даже только понятий «патриота» и «патриотизма» в двух странах на протяжении полутора столетий. Здесь предлагается параллельно рассмотреть два интереснейших, но малоизвестных в пространстве данной проблематики текста, которые контрастируют по своим целям, жанру, способу презентации и при этом – а скорее всего именно поэтому – дополняют имеющиеся представления о значимых различиях и неочевидных сходствах в образах «патриота» и в концептах «патриотизма», присутствующих в двух интеллектуальных культурах эпохи Просвещения. Это, во-первых, «Максимы о патриотизме» выдающегося британского философа, епископа Клойнского¹⁹⁸ Джорджа Беркли¹⁹⁹ и, во-вторых, «Про-

¹⁹⁴ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений / Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. М.-Л., 1959. С. 284. См. анализ текстов од в статье: Соловьев К.А. «Господствуй и имей над щастьем полну власть»: семантика власти в торжественных одах М.В. Ломоносова // Диалог со временем. 2017. Вып. 59. С. 151-168.

¹⁹⁵ Сумароков А.П. Эпистола его императорскому высочеству государю великому князю Павлу Петровичу в день рождения его 1761 года сентября 20 числа // Сумароков А.П. Стихотворения. Избранные произведения. Л., 1957. (Серия «Библиотека поэта»). С. 151.

¹⁹⁶ Сумароков А.П. О Честности // Там же. С. 169.

¹⁹⁷ См., например: Минц С.С. Мемуары и российское дворянство. Историковединский аспект историко-психологического исследования. СПб., 1998; Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. (По материалам переписки). М. 1999; Марасинова Е.Н. Власть и личность (Очерки русской истории XVIII века). М., 2008. См. также: Милёшина Н.А. Трансформация патриотического сознания российского дворянства в XVII–XIX столетиях // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 2. С. 14-21.

¹⁹⁸ Cloyne – епархия Англиканской Церкви в Ирландии.

поведи» 1775–1782 гг.²⁰⁰ архимандрита Богоявленского монастыря, ректора Славяно-греко-латинской академии, викария Московской епархии (позднее – епископа Нижегородского и Алатырского) Дамаскина (в миру – Дмитрия Семенова-Руднева).

Используя сравнительный анализ, мы исходим из необходимости поиска не только идентичных слов, но прежде всего их аналогов, то есть слов с аналогичным концептуальным содержанием. Поскольку концептуальная нагруженность понятия выявляется в контексте его употребления, то в каждом отдельном случае речь идет о прояснении контекста – как общих исторических обстоятельств, так и конкретной ситуации создания и презентации рассматриваемого текста, а также уточнения его жанровых характеристик.

Сначала, для прояснения интеллектуального контекста, попробуем, суммировав результаты исследований употребления понятий «патриот» и «патриотизм» в сочинениях выдающихся британских интеллектуалов и в памфлетной литературе первой половины и середины XVIII века, выделить ключевые элементы патриотической риторики данного периода. Инвентарь важнейших качеств и определений «патриота» и «патриотизма» в данном хронологическом диапазоне можно представить в концентрированном виде следующим образом:

В основе патриотизма – «высокие принципы», **«высокие добродетели»**, «дух конституции», «дух свободы» против «духа фракций»; «Король-патриот» правит «в качестве отца всего своего народа» (Генри Болингброк. 1738)

Только тот – настоящий патриот, кто бескорыстно **служит своей стране**, кто «искренне привержен истинным интересам своей страны и полон решимости рискнуть все ради ее сохранения». Противопоставление «истинного» и «мнимого патриота», или «истинного и

¹⁹⁹ См.: Berkeley, George. *Maxims Concerning Patriotism // The Works of George Berkeley D.D.; Formerly Bishop of Cloyne. Including his Posthumous Works. With Prefaces, Annotations, Appendices, and Accounts of his Life, by Alexander Campbell Fraser. In Four Volumes. Vol. IV. Miscellaneous Works, 1707–1750. Oxford: Printed at the Clarendon Press, 1901. P. 319–338.* Впервые максимы были опубликованы в 1750 г. в Дублине.

²⁰⁰ Проповеди Святейшего Правительствующего Синода члена, ставропигального второклассного Заиконоспасского училища монастыря архимандрита и Московской Славяно-греко-латинской Академии ректора Дамаскина в бытность его в Московской Академии сперва префектом, потом ректором в высокочестивые и другие дни говоренные с 1775 по 1782 г. Изданием Новикова и Компании. М.: Университетская типография, у Новикова, 1783.

«ложного патриотизма»: первый способен пожертвовать жизнью ради спасения власти короля и государства, второй – лишь притворяется патриотом, защитником исконных прав и свобод англичан, но защищает только собственные интересы, ищет личной выгоды (Генри Филдинг. 1745–1746).

Наконец, известное определение подлинного патриота, данное Сэмюэлом Джонсоном в памфлете «Патриот» 1774 года²⁰¹, ставит в центр внимания главный признак – «любовь к своей стране»: «Патриот – тот, чье общественное поведение определяется одним единственным чувством – любовью к своей стране; тот, кто как представитель парламента ни надежду, ни страх, ни одобрение, ни праведный гнев своих сторонников не использует в личных интересах, но направляет все это во имя общей цели»²⁰², под которой подразумевается «приумножение общего блага»²⁰³. «Некоторые стремятся вписать свое имя в список Патриотов, вступая во враждебную и упорную оппозицию королевскому двору. Такой признак ни в коем случае не является надежным. Патриотизм – это **необязательно противостояние**. Человек может ненавидеть своего короля, но это еще не значит, что он любит свою страну»²⁰⁴.

Как видим, в этом рассуждении Джонсон практически повторяет (хотя и с достаточно весомым расширением) свое более лаконичное определение термина «патриот» из первого издания «Словаря английского языка» 1755 года: ««тот, чьей главной страстью является любовь к своей стране»»²⁰⁵.

Точная параллель «патриотизма» и «любви к своей стране» запечатлена в одной из проповедей «О любви к ближнему» философа-моралиста и епископа Даремского Джозефа Батлера (1692–1752)²⁰⁶. Поставив свой риторический вопрос, «кто же является нашим ближним», Батлер отвечает на него, последовательно переходя от общих определений (на самых дальних дистанциях речь идет о любви ко «всей вселенной»), а затем к «человечеству» в целом – в интерпретации «писателей-моралистов») к более

²⁰¹ Patriot. Addressed to the Electors of Great Britain (1774). Текст переведен на русский язык: Патриот. Обращение к избирателям Великобритании / Косых Т.А., Шипицына Ю.С. Дискуссия об «истинных» и «мнимых» патриотах: памфлет Сэмюэла Джонсона «Патриот»... С. 45–55.

²⁰² Там же. С. 45–46.

²⁰³ Там же. С. 50.

²⁰⁴ Там же. С. 46.

²⁰⁵ См. выше. С. 793.

²⁰⁶ Джозеф Батлер (1692–1752) проповедовал в Лондоне в 1719–1726 гг., был капелланом при лорде-канцлере (1733–36), затем личным секретарем королевы Каролины (1736–37), епископом Бристольским (1738–50) и настоятелем собора Св. Павла в Лондоне (1740–50), личным секретарем Георга II (1746–50). Известно, что в 1747 г. он отклонил предложение занять место архиепископа Кентерберийского, а в 1750 г. стал епископом Даремским.

частным, и гораздо подробнее останавливается на следующей позиции, указывая на то, что «люди более практичные поставили, вместо человечества, нашу страну» и утверждают, что эта «человеческая добродетель любви к ближнему состоит в единой *любви к нашей стране*; и это то, что мы называем общественным духом (public spirit), который в публичных людях (men of public stations) является *отличительной чертой патриота*»²⁰⁷.

Итак, мы возвращаемся в точную середину века – в год 1750-й, а это также год первого издания «Максим о патриотизме» Джорджа Беркли, где в 23-х максимах из сорока двух получили яркое и лаконичное выражение сформировавшиеся к этому времени идеи Беркли о патриотизме, хотя отдельные мысли по этой ставшей особенно актуальной теме были изложены им еще в 1721 г. в знаменитом «Эссе о предотвращении разорения Британии»²⁰⁸. Вот лишь некоторые из этих максим (они даны под номерами, присвоенными им при первой публикации)²⁰⁹:

1. Every man, by consulting **his own heart** may easily know whether he is or not a patriot. But it is not so easy for the by-standers. / Каждый человек, обратившись к собственному сердцу, может легко узнать, является ли он патриотом или нет. Но это не так просто узнать со стороны.

2. Being loud and vehement **either against a court, or for a court**, is no proof of patriotism. / Громко и страстно выступать против Двора, либо за Двор, не является доказательством патриотизма.

3. A man whose **passion for money** runs high, bids fair for being **no patriot**. And he likewise whose appetite is **keen for power**. / Человека, чья страсть к деньгам очень велика, нельзя признать патриотом, как и того, кто жаждет власти.

²⁰⁷ Sermon XII. Upon the Love of Our Neighbourhood // Fifteen Sermons preached at the Rolls Chapel; to which are added Six Sermons preached on public occasions, &c. By Joseph Butler Bishop of Durham. A New Edition. L., 1841. P. 131. Впрочем, сам Батлер считал такое понимание христианской заповеди ограниченным, относящимся только к людям государственным (прежде всего к королям и правительствам), в то время как «обычные люди» (common men), напоминал проповедник, не соотносят свои действия «со всем сообществом, членами которого они являются», и для всех добродетель «любви к ближнему» относится к «менее всеобщему и более близкому объекту», почти буквально к «соседу», то есть к «той части вселенной, той части человечества, той части нашей страны, которая находится непосредственно в поле нашего зрения, знакомства и влияния, и с которой нам приходится иметь дело». См.: Sermon XII. P. 131.

²⁰⁸ Berkeley, George. An Essay towards preventing the Ruin of Great Britain // The Works of George Berkeley... Vol. IV. P. 319–338.

²⁰⁹ Максимы приводятся как в английском оригинале (специфика этого жанра требует точного воспроизведения оригинального текста), так и в русском переводе. Выделения полужирным шрифтом сделаны нами.

6. It is impossible a man who **cheats** at cards, or cogs the dice, should be a Patriot. / Не может быть патриотом человек, который жульничает в карты или в кости.

10. A sot, a beast, benumbed and stupified by excess, is good for nothing, **much less to make a patriot of**. / Горький пьяница, зверь одурманенный и отупевший, ни на что не годится, тем более для того, чтобы из него делать патриота.

11. A fop or man of pleasure makes but a **scurvy patriot**. / Из пижона или человека удовольствий получается только ложный патриот.

12. A sullen, churlish man, **who loves nobody, will hardly love his Country**. / Угрюмый, грубый человек, который не любит никого, вряд ли будет любить свою страну.

13. The love of praise and esteem may do something: but to make a **true patriot** there must be an **inward sense of duty and conscience**. / Любовь к похвалам и почету может что-то значить: но чтобы стать настоящим патриотом, необходимо внутреннее чувство долга и совести.

15. To be a **real patriot**, a man must consider his countrymen as God's Creatures, and himself **as accountable** for his acting towards them. / Чтобы быть настоящим патриотом, человек должен считать своих соотечественников Божьими созданиями, а себя - ответственным за свои поступки по отношению к ним.

16. If **pro aris et focis** be the life of patriotism, he who hath no religion or no home makes a suspected (bad) Patriot. / Если "pro Aris et Focis" (лат. – «за алтари и очаги») – это о патриотизме, то тот, кто не имеет ни религии, ни дома, – сомнительный (плохой) патриот.

23. We are not to think every **clamorous haranguer**, or every **splenetic repiner** against a court, is therefore a patriot. / Не нужно думать, что каждый громогласный краснобай или каждый желчный жалобщик против двора – патриот.

24. A patriot is one who **heartily wisheth the public prosperity**, and doth not only wish, but also study and **endeavour to promote it**. / Патриот – это тот, кто искренне желает процветания общества, и не только желает, но и учится и старается этому способствовать.

25. Gamesters, fops, rakes, bullies, stock-jobbers: alas! **what patriots?** / Игроки, пижоны, грабители, забияки, биржевики: увы, какие из них патриоты?

27. The patriot aims at his private good **in the Public**. The knave makes the public subservient to **his private Interest**. The former considers himself as **part of a whole**, the latter considers himself as **the whole**. / Патриот стремится к своему личному благу в обществе. Плут подчиняет общество своим личным интересам. Первый рассматривает себя как часть целого, второй – как целое.

28. There is and ever will be a **natural strife between court and country**. The one will get as much, and the other give as little as it can. How must the patriot behave himself? / Между Двором и Страной идет и всегда будет идти естественная борьба. Один желает получить как можно больше, а другой отдать как можно меньше. Как должен вести себя патриот?

29. He gives the necessary. **If he gives more, it is with a view of gaining more to his country.** / Он отдает то, что необходимо. Если он отдает больше, то с целью получить больше для своей страны.
30. A patriot will never barter the **public money** for his **private gain.** / Патриот никогда не будет менять государственные деньги на свою личную прибыль.
32. Where **the heart is right**, there is **true patriotism.** / Где сердце верное, там истинный патриотизм.
34. A patriot will admit there may be honest men, and that **honest men may differ.** / Патриот признает, что могут быть честные люди, и что честные люди могут расходиться во взглядах.
35. He that always blames or always praises is **no patriot.** / Тот, кто всегда порицает или всегда хвалит, не патриот.
37. A Patriot would hardly wish there was no **Contrast in the State** / Патриот вряд ли пожелал бы, чтобы в государстве не было противовеса.
39. A Man rages, rails and raves; I **suspect his Patriotism** / Если человек гневается, бранится, бушует; я сомневаюсь в его патриотизме.
41. A Patriot will esteem no Man **for being of his Party.** / Патриот не будет ценить человека только за то, что он принадлежит к его партии.
42. The **factious Man** is apt to mistake himself for a Patriot / Фракционер склонен принимать себя за патриота.

Итак, мы обнаруживаем в понимании патриотизма Джорджем Беркли, с одной стороны, внутреннее («в сердце») чувство долга и совести, прочные морально-нравственные качества патриота – честность, верность, чувство ответственности по отношению к согражданам и любовь к своей стране, бескорыстность, трезвый разум, умеренность, несовместимость с жадной наживы и власти, чувство принадлежности к сообществу и подчинение личных интересов общественным, готовность к защите своей веры и «родного очага».

С другой стороны, образ «истинного патриота» (a true patriot, a real patriot) и «истинного патриотизма» возникает как позитивный отпечаток на фоне абсолютного негатива – во всех отношениях неприглядного портрета «не-патриота» (not a patriot), или же более сложно определяемого «подозрительного», «сомнительного патриота» – ущербного не только по своим морально-этическим и частно-бытовым качествам, но также – и прежде всего – по его поведению на политической арене, в борьбе партий и политических группировок.

В этой связи стоит специально присмотреться к максимам под номерами 2, 23 и 29, в которых автор решительно отказывает в претензиях на «патриотизм» обеим сторонам противостояния – и «за двор», и «против двора», и тем, кто постоянно «хвалит», и тем, кто всегда громогласно «порицает», а также к максиме под

номером 28 – «о неизменном и естественном (natural) раздоре между двором и страной», которая дополняется максимой под номером 37 – о необходимости баланса сил, наличия противовеса государственной власти. Особо отметим также максиму 34 – о признании других мнений «честных людей».

И все же, как представляется, точнейшим образом подход Беркли к понятию патриота сформулирован (в соответствующем афористическом стиле) в максиме 27: «Патриот стремится к своему *личному благу в обществе*. Плут подчиняет общество своим личным интересам. Первый рассматривает себя как *часть целого*, второй – как целое». На первый план здесь, несомненно, выступает стремление индивида «к личному благу в обществе» как позитивная ценность, а реализация «не-патриотом» своих личных целей за счет общественных интересов – как негативная.

В свое время Квентин Скиннер, задаваясь вопросом, каковы отношения между понятиями и словами и опираясь на положение об определяющей роли контекста их употребления, привлек особое внимание к оценочной силе термина и его идеологическим искажениям: «В конечном итоге неясность относительно условий применения оспариваемого термина может привести не к полисемии, а к возврату к использованию первоначальных условий и устареванию более новых употреблений»²¹⁰.

В качестве примера, Скиннер обратился как раз к истории слова «патриот» и к дискуссиям о «патриотизме» и о том, кто может считаться истинным патриотом. Скиннер констатировал: «В XVIII веке враги правящей олигархии в Англии стремились легитимировать свои нападки на правительство, утверждая, что они были движимы исключительно уважением к конституции и что поэтому их действия заслуживают одобрения как патриотические, а не осуждения как фракционные. В результате слово “патриот” стало *означать* (согласно одному из определений доктора Джонсона) “смутьяна”. Но с постепенным укреплением партийной политики оно перестало использоваться для осуждения, к нему вернулось его первоначальное значение и стандартное употребление для выражения похвалы»²¹¹. Думается, однако, что изменения в оценочной характеристике образа патриота в Британии, произошедшие в течение XVIII века, имели более сложный характер и определялись не только общей политической конъю-

²¹⁰ Скиннер Кв. Язык и политические изменения // Логос. Философско-литературный журнал. 2005. № 3 (48). С. 148.

²¹¹ Там же. С. 148–149.

юнктурой и конкретной политической позицией автора, но также принципами христианской этики и моральной философии.

Понятия «общее благо», «общественная польза» (с приоритетом общей пользы над личной выгодой), «любовь к своей стране», «чувство долга и ответственности /служение», «патриотизм» связывались между собой в сознании представителей британской интеллектуальной элиты в качестве блока в трансформирующейся системе ценностей переходной эпохи.

Устойчивые параллели этим понятиям (с отдельными вариациями) обнаруживаются в пространстве российской культуры XVIII столетия, получая все большее распространение в его второй половине. Они строятся вокруг образа монарха как «Отца Отечества»²¹²: «служба царю, Богу и Отечеству», «любовь к Отечеству», «общее благо», «слава Отечества», «верность Отечеству». Принцип «общего блага» (одно из основных условий общественного договора) был закреплен в российском законодательстве, в царствование Петра I получили также распространение понятия «общей пользы», или «пользы Отечества». Именно в петровское время впервые появляется термин «патриотизм» в сочинении П.П. Шафирова «Рассуждение. Какие законные причины его царское величество Петр Первый, царь и повелитель Всероссийский... к начатию войны против короля Карла XII, Шведского, в 1700 году имел...» (1717). Тем не менее в течение всего XVIII столетия постоянно использовалось именно выражение «сын Отечества» как адекватная замена слова «патриот». При этом М.М. Кром подчеркивает «патриотизм» как обобщающее понятие появляется к концу XVIII века²¹³.

Патриотизм, определяемый через «служение царю и Отечеству», причислялся к добродетелям и в то же время представлял собой некоторую совокупность идей, тесно связанных с государственным строительством и «государственным интересом»²¹⁴. Государь выступал как гарант «всеобщего блага» / «общественного блага», призванный действовать «ради общего всего отече-

²¹² Петр Алексеевич принял 22 октября (2 ноября) 1721 г. титул «Великого, отца Отечества, императора Всероссийского».

²¹³ Кром М.М. Патриотизм, или Дым отечества. СПб., 2020. С. 60–71. См. также: Кром М.М. К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма в России // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.). М., 1994. С. 16–30.

²¹⁴ Подробнее о концепции «общего блага» см.: Малинов А.В. Польза и «общее благо» // Малинов А.В. Философия истории в России XVIII века. СПб., 2003. С. 102–114.

ства и народа сохранения»²¹⁵. В исторических сочинениях разного уровня стремились представить «достохвальные к подражанию примеры», демонстрирующие «верность к престолу, любовь к отечеству и службу»²¹⁶.

Этот комплекс идей и понятий органично дополняет ряд тезисов из проповедей митрополита Московского Платона Левшина и Дамаскина, также связанных с принципом «общего блага» и «общей пользы», но в сопоставлении с «собственной», личной пользой или выгодой и с пастырским наставлением, чтобы «единого общества члены... не свою больше, но общую пользу наблюдали; не о своих прихотях, но о других благосостоянии наипаче пеклися и друг за друга жизни своей не щадили»²¹⁷, «чтобы ничего нам не было дражае благополучия общаго... пропали бы вредныя прибыльщики, которые общей пользе предпочитают собственную свою, вместо того, чтобы пользу общую защищать, не только с потерей пользы своей, но когда бы того нужда потребовала – и самой жизни...»²¹⁸

«И когда где случится, что собственная польза не может быть соблюдена без нарушения общей, тогда общую пользу предпочитать надлежит своей собственной...». (С. 42). «Всеобщее благо... не что иное есть, как такое добро, которое не до единого токмо члена общества, но и до всех равномерно принадлежит. Оно включает в себе пользу, для всех частных членов общества совокупно взятых, потребнейшую, и происходит из совокупления всех единичных стараний каждым человеком в своем состоянии и звании прилагаемых, чтоб делать то, что всяк по силе своего звания делать должен» (С. 106). И каждый член общества «уверен быть должен, что он распространяет всеобщее благо» (С. 111).

²¹⁵ Бужинский, Гавриил. Слово Похвальное на Рождение Государя Царевича и великого князя Петра Петровича / Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований / Издал Е.В. Петухов. Юрьев, 1901. С. 95. Гавриил Бужинский (ок. 1680–1731) – епископ Рязанский и Муромский.

²¹⁶ См., например: Крестинин В. Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве Двинского народа в Севере. СПб., 1785. С. 5.

²¹⁷ Дамаскин. Проповеди... С. 42. (Далее страницы с цитатами из проповедей Дамаскина указываются в скобках в тексте).

²¹⁸ Полное собрание сочинений Платона (Левшина) Митрополита Московского. В 10 т. Т. 1. СПб., 1913. С. 56. Митрополит Платон, в миру Петр Георгиевич Левшин (1737–1812) – выпускник Славяно-Греко-Латинской Академии, ректор Троицкой лаврской семинарии, в 1763 г. был назначен Екатериной II придворным проповедником и наставником наследника престола, с 1768 г. член Святейшего синода, с 1775 г. архиепископ Московский и Калужский, директор Славяно-Греко-Латинской Академии, с 1779 г. митрополит Московский и Коломенский.

Жизненный путь и разнообразная деятельность (проповедническая, переводческая, литературная, издательская) Дамаскина (в миру Дмитрия Семенова-Руднева) описаны в ряде публикаций²¹⁹ (с опорой на собственноручно составленную им автобиографическую справку), поэтому ограничимся краткой информацией, необходимой для понимания уровня образования, научных интересов, мировоззрения и общественной позиции этой личности. Начнем с того, что сын священника и выпускник Московской духовной академии, определенный учителем в Крутицкую духовную семинарию, в 1765 г. подал прошение об отправке его для продолжения образования в Англию, а в 1766 г. был отправлен для учебы в Геттингенский университет, где обучался немецкому и французскому языкам, слушал лекции по герменевтике, богословию, церковной, всеобщей и европейской истории, «опытной физике», статистике и математике. Вернувшись в Россию, в 1773 г. был назначен учителем Московской академии, в 1775 г. стал префектом и профессором философии, а в 1778 г. ректором Славяно-греко-латинской академии, ввел в практику академии торжественные собрания и ученые диспуты. В течение десяти лет Дамаскин вел активную преподавательскую работу, широко используя приобретенные в Геттингене знания и вывезенные оттуда книги, в основном сочинения античных авторов и немецких философов, в том числе Христиана Вольфа. В 1779 г. он был назначен членом Московской Синодальной конторы, в 1780 г. – цензором духовных книг; участвовал в трудах Вольного Российского собрания при Московском университете²²⁰, но из своих сочинений издал только Проповеди, читанные им с 1775 по 1782 год. Зато собрал и издал «Сочинения М.В. Ломоносова» (1778), а также «Поучительные слова и другие сочинения преосвященного Платона, митрополита Московского» (1779). За свои ученые тру-

²¹⁹ Кузнецов Е.В., Никулин И.Н., Титков Е.П. Епископ Нижегородский и Алатырский Дамаскин. Страницы жизни, деятельности, творчества. Арзамас, 1998; Романовская В.Б., Титков Е.П. Теория естественного права в проповедях Нижегородского епископа Дамаскина (70–80 гг. XVIII в.) // Англия и Европа: проблемы истории и историографии / Отв. ред. Е.В. Кузнецов. Арзамас, 2001. С. 174–181; Титков Е.П. Просветительская деятельность епископа Дамаскина: опыт мировоззренческой симфонии // История и историки – 2007. М., 2009. С.89–109; и др.

²²⁰ Общество существовало в 1771–1787 гг., должно было способствовать развитию исторических и филологических наук в России, «исправлению и обогащению» русского языка, вводу в обиход русских научных терминов, изданию исторических источников. См.: Императорский Московский университет: 1755–1917. Энциклопедический словарь. М., 2010. С. 134.

ды (в основном переводы) был избран в экстраординарные члены Геттингенского университета, в России – в члены Академии наук.

Митрополит Дамаскин – настоящий религиозный просветитель, представитель российской интеллектуальной элиты, которая создавала культурный мост, соединявший идеи западноевропейского просвещения с традициями православной мысли. В его «придворных» проповедях²²¹, с которыми он выступал в Успенском соборе Кремля при большом скоплении слушателей, «витает» дух теории общественного договора. Две из этих проповедей Дамаскин специально посвятил сюжетам, непосредственно связанным с идеями гражданственности и патриотизма. Первая из них – проповедь «О любви к Отечеству»²²², прочитанная в Большом Успенском Соборе 22 сентября 1776 г. – не случайно открывает основное содержание сборника. А вторая проповедь – «Об истинном гражданине», примыкающая к первой, была произнесена 29 июня 1777 года на торжественном богослужении в честь тезоименитства наследника престола Павла Петровича. Примечательно, что сам же Дамаскин подчеркивает предметную связь между двумя текстами, обращаясь в первой проповеди к «благочестивым слушателям» с предложением побеседовать с ними, как «единого общества сочленами, о *подлинном гражданине* (здесь и далее курсив автора)». В основе взаимоотношений между «сочленами» единого общества, утверждает он, лежит особая «добродетель» – дружелюбие, т.е. любовь к другим «сочленам». Ведь невозможно было бы «без **взаимного дружелюбия** жить в обществе», которое «побудило и прежде людей сойтися в обще-

²²¹ «Придворные проповеди», которые обычно произносились во время праздничных торжеств и богослужений в присутствии правителя, часто в Успенском соборе в Москве и Петропавловском соборе в Петербурге, стали регулярными в 1750-е гг. Они составлялись к определенной дате, связанной с главными государственными праздниками, к числу которых относились четыре ежегодных царских дня (день восшествия на престол, день коронации, день тезоименитства и день рождения царствующей особы), а также дни рождения и кончины лиц царской семьи. Еще в 1742 г. Елизавета Петровна издала указ об обязательном печатании проповедей, произносимых в ее присутствии (рукопись такой проповеди передавалась в Синод для рассмотрения и последующей публикации). См.: Kislova E.I. Sermons and Sermonizing in 18th-Century Russia: At Court and Beyond // Slovene. 2014. № 2. P. 175–193. Во второй половине XVIII в. в семинариях эти тексты образованных придворных проповедников, обнаруживающие усвоение идей Просвещения в творчески адаптированном к православию виде, использовались в качестве образцов, по которым студенты и учителя составляли собственные тексты.

²²² Дамаскин. Проповеди... С. 1–19.

житии, заключить вспомогательные договоры, утвердить дружеские союзы, оградить себя законами». Если «любовь к Отечеству» утверждается Дамаскином как «первейшая и главнейшая всякого гражданина добродетель» (С. 3), то понимание того, что только «**человеколюбие** есть подлинно источник любви к Отечеству» (С. 11), подчеркивает гуманистический характер этого комплекса идей, опирающегося на социальные идеалы и морально-нравственные ценности христианства. Но в этой системе вполне органично звучит и определение понятия «гражданина» как «сына отечества» (патриота):

«сия добродетель есть всего общественного спокойствия, всего благоденствия источник и основание. В ком она водворяется, тот по справедливости назван быть должен любитель общества, друг народа, сын Отечества. Она-то есть первейшая и главнейшая всякого гражданина, колыми паче Государя, добродетель иначе *любовь к Отечеству* называемая (курсив автора)» (С. 2–3).

Таким образом, любовь к Отечеству, к «общественной душе», соединяющей «благословенным союзом» сердца граждан, основывается, для Дамаскина, на побуждениях «великодушнейшего доброжелательства». Однако он считает необходимым охарактеризовать различия в формах ее выражения. И далее следует детальное рассуждение о том, что же такое любовь к Отечеству, и одинакова ли она у разных «сочленов» единого сообщества:

«Любовь к Отечеству. Благ. Слуш. есть двоякая: одна *простонародная* и *непросвещенная*; другая *благородная* и *просвещенная* (курсив авт.). Первая есть действие природного побуждения. Она **любит только то, что близ ее находится**; что ее трогает: отдаленным же, как бы оно хорошо и почтительно ни было, не побуждается... Она стремится **только на свою землю, на своих граждан**. Сих только находит достойными своего уважения, своего почтения, своего призрения. Прочие же все люди суть для нее ничто. И так, чем теснейшая имеет границы сия любовь, тем она пылчее, тем стремительнее, тем сильнее, тем выше ставит собственное свое достоинство. Сие сильное движение сердца, сию любовь к Отечеству нельзя не похвалить. Она имела великое участие в благосостоянии народов. Без ней ни общежительства составиться, утвердиться, и непоколебимо в своем союзе пребывать не могли. Без ней ни благоустройство в народе удержаться, ни трудолюбие вкорениться, ни купечество в цветущее состояние притти, ни художества и науки, обществу полезнейшие распространиться, ни воинство храброе и искусное заведено быть не могло...» (С. 4–5).

Эта любовь к Отечеству – «простонародная» и «непросвещенная», но она вовсе не бесполезна, а люди, «которые в непросвещенные времена» положили основание всему общежительному благоденствию», достойны благодарности. Однако «в наши лучшие и просвещеннейшие времена любить свое Отечество по-

мянутым только простонародным образом» недостаточно. Поэтому проповедник обращается к «другому роду любви к Отечеству», любви «гораздо благороднейшей, и с благоразумием каждого просвещенного человека согласнейшей...» (С. 6).

В чем же, по представлениям Дамаскина, состоит этот другой род любви к Отечеству, свойственный просвещенным людям? В соответствии с христианским гуманизмом для него та любовью к Отечеству истинна, которая «от единого человеколюбия, яко чистой поток от немутного источника, проистекает». Побуждаемый таким чувством «добродетельной гражданин, любит своего согражданина не для того только, что он той же с ним земли, тогож народа, тогож Отечества; но что такой человек, каков и он. [...] Для того старается благотворить всякому человеку, какого бы он общества ни был...». Но уж если он «замечает в себе неспособность» к такой неизбирательной благотворительности, тогда «препохвальное свое сердца движение устремляет на ту страну, в которой он рожден, воспитан и промыслом небесным оставлен для обитания». Ценность такого «движения сердца» несомненна и заслуживает всяческого одобрения:

«Коль благополучна сия страна, в которой таковые любители Отечества находятся! [...] Там царствует довольство, изобилие, трудолюбие, спокойствие, правосудие. Ибо всякой там за долг свой почитает делать других счастливыми. Там у каждого в мысли и на сердце оное превосходное и похвальное преимущество истинныя свободы, чтоб делать добро неограниченным образом. Коль изрядно, и коль велико есть сие преимущество! коль благородным делает оно всякаго гражданина! понеже всякой знает, как достойную своему Отечеству приносить пользу» (С. 7–8).

Но чтобы приносить своему Отечеству пользу требуются «великия и превосходныя добродетели», которые невозможно обрести без просвещения, без освобождения «от ига предрассудков, невежества и пристрастий». Освободившийся от этих «трех зловредных пороков» гражданин «любит свое Отечество», но не «по слепому и безрассудному побуждению», поскольку не только «почитает его преимущества», но также «старается всяким образом недостатки или злоупотребления своего Отечества мало помалу уменьшить, или совсем искоренить». И, если он сталкивается с серьезными препятствиями, то «всякого случая ищет все их победить, уверен будучи совершенно, что старание добродетельного человека никогда не будет тщетно, и что доброе намерение **Патриота** никогда всуе не останется. [...] Он во всяком смертном почитает неучтожимые права человечества...» (С. 9–10).

Особенно примечательны вдохновенные слова истинного гражданина и патриота, завершающие проповедь:

«Боже Всеблагий! Благоволи, чтобы мы во всякое время пред каждым человеком свидетельствовать о себе могли, что мы лучшими, полезнейшими и добродетельнейшими гражданами сделались! Благоволи сию нежнейшую любовь к Отечеству и в нас всегда сохранять, и до позднейших наших потомков преселять! [...] благоволи, да каждой из нас гражданин, каждой член общества безпрестанно имеет в себе сие чувство, что ни один человек не может быть в превосходной степени блаженным, ежели к блаженству своего Отечества, и к благополучию человеческого рода нимало не пособствует. Аминь» (С. 19).

И во второй проповеди – «Об истинном гражданине» Дамаскин, суммируя обязанности каждого гражданина (просвещать свой разум, противостоять страстям, «волну приучать к избранию добра», «подкреплять себя твердейшими основаниями благочестия и здравого рассудка», всегда помнить о том союзе, в котором он находится «и с Богом и с человечеством, и с обществом и с каждым в особенности человеком»²²³), подчеркивает, что средоточием всех действий и намерений «истинного», то есть «благоразумного и добродетельного гражданина», является «всеобщее благоденствие и каждого сочлена спокойствие»:

«Все его труды и все попечения всегда туда стремятся, чтобы сделать кого благополучным. Обогащать себя чрез обиду другого, похитить у кого его достойнейшаго честь непристойным образом, то есть, или лестью, или ласкательством, или обманом, или хитростию, или подкуплением гнилых душ, или прозбою, почитает он за такое преступление каково есть похищение всеобщаго сокровища, или измена государственная. Словом, он все свои силы посвящает **всеобщему благу**, всю свою любовь добродетели и заслугам, весь свой избыток имения на вспоможение бедных и недостаточных» (С. 30–31).

Отступление добродетельного и благоразумного гражданина от высоких духовно-нравственных принципов Дамаскин приравнивает к посягательству на «общее добро» и, равным образом, к самому страшному преступлению – государственной измене. Ведь тем, кому поручено управление гражданским сообществом и охрана общественных законов, гражданин считает своей обязанностью повиноваться: «хотя бы они тиранское над обществом имели правление, хотя бы угнетали его и разоряли, но и тогда не находит он права возставать против своих властей» (С. 34).

Следуя в основном теории естественного права и общественного договора²²⁴, а в данном случае и идее пассивного под-

²²³ Дамаскин. Проповеди... С. 28.

²²⁴ Особенно ярко эти идеи звучат в Проповеди III. «О том, что правда возвышает народ, а грехи уменьшают его» (произнесена 24 ноября 1778 г. в день тезоименитства Екатерины II). См.: Дамаскин. Проповеди... С. 37–51. См. также прочитанную во время торжественного богослужения в день ко-

чинения, Дамаскин вводит в это европейское идейное пространство категории правды и справедливости: «где нет правды, там не возвышается общество, но уменьшается», а «где царствует правда, там всяк бывает доволен своим состоянием» (С. 46–47):

«О коль блаженно то общество, где наблюдается правда! коль напротив жалостно, где ея нет! Ибо там пышность и надменность правителей, пресеваемая их примером и в самых ими правимых, влечет за собою все те злощастия, которые за несправедливостию всегда неотлучно следуют. [...] Отсюда рождаются внутрь мятежи, отвне брани; отсюда дороговизна, голод и язва; отсюда вооружение неба и земли против такого общества; и как бы оно пространно и многолюдно ни было, должно однако наконец поколебаться, упасть и разрушиться и сделаться ясным примером гнева Божия, ко оправданию его промысла...». (С. 48–49).

Торжество справедливости видится ученому и придворному проповеднику в Наказе, данном Уложенной Комиссии Великой Екатериной, ибо «собственным ЕЯ умом и руками обработанные узаконения не на чем ином основаны, как токмо на человеколюбии и правде... Правда есть цель всех ЕЯ намерений...» (С. 50).

Интересно сопоставить основные элементы рассмотренных выше концепций патриотизма, сформулированные до наступления того водораздела новоевропейской истории, который обозначен великим событием Французской революции, с взглядами на ту же тему английского радикала и диссентерского священника Ричарда Прайса, проповедь которого «Рассуждение о любви к нашей стране» была произнесена 4 ноября 1789 г. по поводу юбилейной коммеморации Славной революции перед собранием Лондонского революционного общества (Revolution Society). Последующая публикация слегка отредактированной версии устного текста с приложением резко критического выпада Эдмунда Бёрка не раз привлекала к себе внимание историков, в большей степени в связи с историческим контекстом ее появления, но относительно недавние исследования поставили те же вопросы, которые затронул в первой части своей проповеди Прайс, использовавший подходящий, с его точки зрения повод, чтобы «пояснить, в чем состоит наш долг по отношению к нашей стране, а также природу, основания и правильные способы выражения этой любви»²²⁵. Стоит отметить, что направление мысли радикала Прайса, последовательно раскрывающего свое понимание самого объекта этой любви, практически не отличается от того, с чем мы сталки-

ронования Екатерины II 22 сентября 1780 г. Проповедь VII. «О распространении всеобщего блага» // Там же. С. 103–114.

²²⁵ Price R. A Discourse on the Love of Our Country. L., 1789. P. 1–2.

вались в версиях интеллектуалов и религиозных деятелей более ортодоксальных взглядов. Вполне конвенционально понимая под «страной» сообщество, члены которого связаны отношениями гражданства, общими законами и конституцией, Прайс одновременно формулирует ряд постулатов, которые позволили некоторым исследователям говорить о наличии у него «теории патриотизма и космополитизма»²²⁶. Однако, помещая идеи Прайса в общий контекст дебатов о ценности «любви к отечеству» и «всеобщего блага», а также о совместимости патриотизма и христианской этики, следует признать, как это делает Реми Дютиль²²⁷, что центральное положение у Прайса занимает защита всеобщей доброжелательности и любви к своей стране и, в этом плане, выбор им для этой цели проповеднического дискурса являлся для английских интеллектуалов традиционным²²⁸. Защита Прайсом «любви к своей стране», которая является подлинной добродетелью только в той мере, в какой руководствуется всеобщей доброжелательностью и любовью к человечеству, имела (заметим, как, в частности, и у Дамаскина) двойное основание: религиозное и моральное, а утверждение о том, что патриотическое чувство, хотя и «благородная страсть», должно быть непременно очищено от иррационального духа соперничества (как «ложного патриотизма»), ведущего к конфликтам, войнам и разрушениям) и подчинено разуму (с упором на образование), прямо вытекает из его рационалистской этики эпохи Просвещения.

И «космополитизм» Прайса как «гражданина мира» оказывается выраженным в знакомой форме различения между более узкой и более широкой формой «любви к ближнему» (ближнему как соседу или ближнему как человеку), иначе говоря, между доброжелательностью, ограниченной пределами страны / нации и доброжелательностью универсальной (здесь уместно вспомнить о «всеобщем дружелюбии» Дамаскина), распространенной

²²⁶ См., прежде всего: Fitzpatrick, Martin. Patriots and patriotisms: Richard Price and the early reception of the French Revolution in England // Nations and Nationalisms: France, Britain, Ireland and the Eighteenth-century Context / Ed. by M. O'Dea, K. Whelan. Oxford, 1995. P. 211–230.

²²⁷ Duthille, Rémy. Richard Price on patriotism and universal benevolence // Enlightenment and Dissent. 2012. Vol. 28. P. 24–41.

²²⁸ Так, согласно подсчетам, произведенным по *English Short Title Catalogue* (<http://estc.bl.uk>), семьдесят изданных с 1700 по 1800 год книг содержали в своих заголовках фразу *love of country* (или очень близкие варианты), и из них не менее 54-х представляли собой проповеди. См.: Duthille R. Richard Price on patriotism... P. 26–27.

на все человечество²²⁹. Политизированный «универсализм» как космополитизм» Прайса выглядит противоположностью «оппозиционному патриотизму» 1730-х годов, и в этом, пожалуй, ярко высвечиваются те изменения, которые произошли в исторической ситуации в стране, в Европе и в мире в последние десятилетия XVIII века, включая процесс формирования национальных государств, который актуализировал дебаты о совместимости патриотизма с христианской этикой доброжелательности, идеологического содержания понятия «патриотического долга» — с «подлинным выражением любви к стране», защитой гражданской и религиозной свободы и права на сопротивление против злоупотребления властью²³⁰.

В целом можно сделать вывод о том, что расширение жанрового спектра изучаемых текстов и интерпретация этих текстов в конкретно-исторических контекстах их создания и функционирования позволяет увидеть не только очевидные языковые и концептуальные различия, но также весьма значимые идейно-смысловые сходства.

²²⁹ О возможном спектре позиций по этому вопросу см.: Radcliffe, Evan. Revolutionary writing, moral philosophy, and universal benevolence in the eighteenth century // *Journal of the History of Ideas*. 1993. Vol. 54. P. 223–227.

²³⁰ Duthille, Rémy. Richard Price on patriotism... P. 33.

Глава XI

ВОСПИТАНИЕ ПРАВОВ ПОРОКИ И ДОБРОДЕТЕЛИ

11.1. О БОГАТСТВЕ, НИЩЕТЕ И МИЛОСЕРДИИ В ПРОПОВЕДНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XVII В.

Блаженны нищие духом,
ибо их есть Царство Небесное
(Мф. 5:3)

Трактовка «тварного мира» в парадигме антитезы, свойственная Средневековью, захватывала отношение к материальному состоянию человека. Дихотомическое разделение на богатых и бедных казалось предопределенным и неизменным, на протяжении жизни одного поколения – очевидно, а в нескольких поколениях – с незначительной вероятностью, могло сложиться изменение материального положения целого рода или отдельного человека. Зачастую для этого должны были произойти сверхординарные события или проявиться способности человека в их наивысшей востребованности и соответствии времени. Представление о невозможности достичь вечного спасения при несомненной греховности богатства корректировалось требованием неизменного милосердия к бедным и нищим. Христианство требовало оправдания богатства, что усиливалось общепринятым представлением о нищенстве Сына Божия, и формулировалось в доминировании веры над материальными благами. В общем и широко трактуемом призыве жить как «птицы небесные», которые «не сеют, не жнут, не собирают в житницы» (Мф. 6, 26), богословами акцентировалось доминирование духовного начала над мирским и суетным: «Ищите же прежде всего Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам», ибо «душа не больше ли пищи, и тело – одежды?» (Мф. 6, 33). В этом контексте нищий становился своего рода эталоном на пути достижения Царствия небесного, обретая в Средневековье статус нравственного идеала. Непостижимо для более позднего рационализованного сознания было очертание сословных преград и пафосных обличений богатства в сочинениях отцов церкви. Противопоставление бедности и богатства в христианских установках находило антиномичное слия-

ние в нравственной категории «нищеты духа». Осуждалась жажда обеспеченной, благополучной жизни. Милостыня нищему, убогому, бедному, призрение сирых, сострадание к недужным, слабым, больным представляли главными добродетелями христианина, являлись неотъемлемой чертой религиозного поведения. Она становилась своего рода «данью», уплачиваемой состоятельными слоями общества за надежду обрести спасение. Одобрялась и в качестве высшей добродетели прописывалась готовность расстаться с богатством, и что особенно приветствовалось – как результат – жертвования церкви и монастырям, а также создание и обеспечение храмов и монастырей¹. Особое почитание нищего, уподоблявшегося в своем убожестве Христу, приводило к приписыванию нищим способности к исцелению, особенно детей.

Выявляя значимость для русского национального самосознания этой стороны образа Христа, С.Н. Булгаков писал, что более всего душой православного народа овладел «образ кроткого и смиренного Христа, Агнца Божия, внемлющего грех мира и умилившего Себя до смиренного человеческого образа, пришедшего в мир, чтобы послужить всем, но не Себе принять служение, безропотно приемлющего хулы, поношения и запевания и на них отвечающего любовью. Путь нищеты духовной, в которой содержатся уже все другие «блаженства», более всего открылся пред православною душой»². Нагота Адама и его стенания после изгнания из рая оказались также трактованы как наиболее естественная сторона жизни, выраженная в безматериальном нищенстве. Добровольная нищета, нищета по велению духа – черта, которая особенно выделяется и мифологизируется в образе Иисуса Христа – вольной жертвы, которую Сын Божий приносит своим земным бытием. В раннее Средневековье, отмечает А. Гуревич «Нищета была не вынужденным состоянием, из которого желательнее было бы выбраться, а состоянием самоотречения и отвержения мира, и потому нищенский промысел был неотъемлемым элементом средневековой общественной практики»³.

Милость к нищему и убогому была декларирована как фундаментальная и первейшая добродетель христианина: милосерди-

¹ Особенности антитезы бедность-богатство в мировоззрении Средневековья см.: Гуревич А. Категории средневековой культуры // Гуревич А. Избранные труды. В 2 т. М.; СПб., 1999. Т. 2. Средневековый мир. С. 213–223.

² Булгаков С.Н. Православие: очерки учения православной церкви. М., 1991. С. 320–321.

³ Гуревич А. Категории средневековой культуры... С. 192.

ем верующий соотносился с человеколюбивым Богом, очищая и тем самым спасая свою душу. В раннем Средневековье писатели создали систему образов, мотивов, сюжетов, поддерживающих высокий образ нищего в сознании человека и внушающих читателям необходимость милосердия и нищелюбия. В наставлениях, относимых к сильным мира сего, давались указания богатым и одновременно властителям. Такую компиляцию из сочинений диакона Агапита (между 527 и 548 гг.), для императора Юстиниана, находим в древнерусском Изборнике 1076 г. Показательно, что среди указанных добродетелей, милосердие к нищим является основой контакта с Богом («Отъвързаи уши свои въ ништегѣ стражюштимъ, да обратиши и ты бжии слоухъ»)⁴. В «Наказании» нет мысли о греховности богатства как такового и греха алчности, сопряженной с приобретением богатства. Состояние требует соответственного поведения, хотя даровано Богом.

Трагические последствия ордынского нашествия привели к теме обнищания Русской земли в проповедях талантливого писателя и духовного наставника Серапиона, епископа Владимирского (ум. 1275). «Несьтовство имѣния поработы ны, – утверждает проповедник, – не дасть миловати ны сироть, не дасть знати челоуѣческаго ествства – но, акы звѣрье жадають насытитися плоть, тако и мы жадаемъ и не престанемъ, абы всѣхъ погубити, а горкое то имѣнье и кровавое к собѣ пограбити; звѣрье ѣдше насыщаются, мы же насытитися не можемъ: того добывше, другаго желаемъ!»⁵. Проповедник переключает внимание читателя на человеческие качества и жадность приравнивает человека к зверю, безграничность желаний противоречит обретению милосердия. Серапион Владимирский предостерегает тех, кто видит цель жизни в «имении»: «Еще не будем таи – гнев божие будьте на нас...»⁶.

О сложных перипетиях в судьбах людей разных сословий, стремящихся к достижению социальных верхов и занятых своим благосостоянием, ярко живописал Й. Хейзинга в историческом бестселлере «Осень Средневековья», заметив относительно аксиологической системы, что «ни одно зло этого времени не поминается чаще корыстолюбия. Гордыню и корыстолюбие можно про-

⁴ Буланин Д.М. Неизвестный источник Изборника 1076 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1990. Т. 44. С. 171.

⁵ Серапион Владимирский. Слово третье // Памятники литературы Древней Руси: XIII век / Вступ. ст. Д.С. Лихачева; сост. и общая ред. Д.С. Лихачева и Л.А. Дмитриева. М., 1981. С. 448.

⁶ Там же. С. 444.

тивопоставить друг другу как грехи прежнего и нового времени... начиная с XIII в. укрепляется убеждение в том, что именно необузданная алчность ведет к гибели мира, – вытесняя из умов современников представление о гордыне как о первейшем и пагубнейшем из пороков»⁷.

Новые акценты в теме богатства и бедности открываются в европейской проповеднической традиции. Проповедник XIII в. Бертольд Регенбургский насыщает проповеди призывами к исповедальности, и увещевает богатых просьбами о помощи прежде всего тем слоям населения, для которых труд – основа выживания (ремесленники, мастеровые, слуги, поденщики и т.п.) и в среде которых «возросла социальная этика труда», а не нищим⁸. В текстах Бертольда и других проповедей этого периода расплата грешников – утеснителей бедных и обуреваемых жадностью – происходит отнюдь не в небесном, а в земном пространстве, хотя и представляется вмешательством сакральных сил⁹. Проповедник настаивает на внутренней душевной работе, а не на формальном благочестии, не факт отказа от богатства, но осознание избранного пути к добродетели – единственное средство спасения¹⁰.

В контексте русского православия XVI в. отношение к богатству как безусловному греху и обвинение в стяжательстве оказалось распространено на монастыри и иерархов в обличениях Максима Грека. Требование нищелюбия, милосердия, нестяжания формулируются в его трактате «Слово душеполезно зело внимающим ему. Беседует ум к души своей, в нем же и на лихоимство». В форме беседы Максим выстраивает в обличениях «ума» аксиологию времени, особенно укоряя за прегрешения служителей христианства. С открытым пафосом «ум» призывает возненавидеть стяжание: «эту губительницу добродѣтелей» и возлюбить «худость ризь и брашень, и священное бдѣние – мать цѣломудрия...»¹¹. Ярко описывает Максим Грек последствия «неправедного лихоимания» и ростовщичества монахов: «Питаясь кровью

⁷ Хейзинга Й. Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М., 1989. С. 29.

⁸ Гуревич А. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства // Гуревич А. Избранные труды... Т. 2. С. 423.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 426.

¹¹ Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. В 3 т. [Сергиев Посад], 1910. Т. 1. Нравоучительные сочинения. С. 9.

бѣдственнo живущихъ и утѣшаясь пагубноу лихвою, ты уподобляешься какому-то звѣрю кровопийцѣ, и изъ сухихъ костей стараешься высосать мозги, подобно псамъ и воронамъ. Тебе велѣно, о несмысленная, своими трудами питать убогихъ, а не пить кровь другихъ посредствомъ лихоимства...»¹². Завершает изображение прегрешений автор прямыми угрозами наказания в случае отказа в милосердии нищим и убогим «безъ этого же, все остальное не приносить пользы, – ни воздержание в пищѣ, ни продолжительные молитвенные подвиги... Всегда помни, душа, страшнаго Судию, какъ Онъ во время страшнаго суда за благодѣяния нищимъ, стоящимъ тогда "одесную" Его, сплетаетъ вѣнцы и даруетъ нескончаемое царство и жизнь, и славу небесную; а за немилосердие к нимъ – стоящимъ "ошуюю" грозно изречетъ: исчезните отъ Меня, проклятии, во огонь неугасимый...»¹³.

В качестве главной, идея нищелюбия и милосердия вырисовывается в послании Максима Грека «Поучение съкрашено всякому обуреваемому в море житейском»¹⁴. Автор противопоставляет евангельский призыв Христа богатому юноше раздать свое имение нищим описанию современников, немногие из которых следуют этим заповедям: «...зело малыхъ обретаемъ ныне шествующихъ по немъ прямымъ шествиемъ, зане же побезжени быхомъ окаяно отъ самолюбія, и властолюбія, и стяжанолюбія, и всехъ злобахъ губителнейшаго славолюбія...»¹⁵. Высшим воплощением аскетического образа жизни, свойственного «неложнымъ» монахам и священникам, является добровольная нищета, которая уподобляет их ангелам. В приверженности человека к добродетели и идеалу нищенства писатель видит возможность противостоять тому, что несет с собой меняющееся время: эгоизму, властолюбию, жадности и честолюбию, присущих, как показывает писатель, не только «мирской», но и монашеской жизни¹⁶.

Сомнения в безусловном значении нищенства для спасения начинают проникать и в русскую литературу вслед за пародиями в письменности позднего Средневековья Европы. Нищих начина-

¹² Сочинения преподобнаго Максима Грека... С. 18.

¹³ Там же. С. 19.

¹⁴ Текст послания см.: Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984. С. 208–211.

¹⁵ Буланин Д.М. Переводы и послания... С. 209.

¹⁶ Синицына Н.В. Этический и социальный аспекты нестяжательских воззрений Максима Грека // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 159–170.

ют высмеивать как бесполезных для общества людей, в отличие, скажем, от бедняков¹⁷. Русского автора волнуют причины нищего состояния человека, но видятся они в его неблагочестивом поведении (пьянстве, разгуле), ведущем к расточительству. Такого нищего показывает «Слово о Хмеле» (XV в.), сохранившееся в многочисленных рукописях позднейшего времени¹⁸:

Недостатки у него дома съдять,
а раны у него по плечем лежать,
туга и скорбь по бедрам гладомъ позваниваетъ,
убожие у него в калитѣ гнѣздо свилю,
привязалася к нему злая лѣньность, какъ милая жена,
а сонъ – какъ отецъ, а охание – какъ любая чяда¹⁹.

Освещая преимущественно жанр церковного красноречия с привлечением публицистических материалов, надо отметить наличие большого блока нарративов житийного и повествовательного плана, обращавшихся к идее богатства и нищенства в различных сюжетных обрисовках²⁰.

¹⁷ Даркевич В.П. Народная культура Средневековья: Пародия в литературе и искусстве IX–XVI вв. М., 1992. С. 123.

¹⁸ Слово о Хмеле // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2 (Л–Я). Л., 1989. С. 405–408.

¹⁹ Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. М., 1982. С. 580.

²⁰ Упомянем некоторые житийные сюжеты, связанные с нищелюбием состоятельных героев в Прологе, учитывая, что последний имел богослужебное назначение, а, следовательно, жития были известны пастве широкого круга, в отличие даже от житий из Миней Четых: Преподобный Маркиан (10 января), отдавший свою одежду нищему. См.: Пролог (сентябрь – февраль. М., 1642. Л. 654 об. – 655 (далее листы указываются в тексте); царица и чудотворица Феофания (16 декабря), не только сама соблюдала аскетический образ жизни, но изо всех сил помогала бедным, вдовам и сиротам (л. 523 об. – 525); Святой Мартин (13 февраля), разрезал ризу напополам, чтобы укрыть нищего (л. 811 – 811 об.). Для ряда героев нищета стала желанным обретением покоя: Некий старец (9 февраля) оставил мир, богатство и славу мирскую, «приидохъ въ пустыню» и предался труду молитвы (л. 785 об. – 787); Преподобная Мелания Римская (31 декабря) все богатство раздала нищим и ушла в монастырь (л. 791 – 791 об.). Предлагает Пролог сюжеты с инверсией героя: переход от ненависти к нищим к милосердию – в притче о Петре-мытаре (22 сентября) (л. 86 об. – 87 об.). В Прологе на вторую часть года главенствует в этой теме Притча о богатом и Лазаре (11 июня). См.: Пролог, вторая половина (март–август). М., 1643. Л. 406 – 406 об. Об отражении социальной тематики в Прологе 1675–1677 гг. см.: Державина О.А. Социальные и исторические темы в пятом издании Пролога // Русская старопечатная литература XVI – первая четверть XVIII века. Литературный сборник XVII века Пролог. М., 1978. С. 107–131.

**Богатство и бедность:
многоликая трактовка в проповедях XVII в.**

Христианская традиция выявила сюжетно-мотивный комплекс на тему богатства–бедности, основанный на главах из Евангелий. В соединении с рядом образов (богатого, нищего, Лазаря, мамоны и др.), они входят в содержание воскресных проповедей обличительного и нравоучительного свойства. Повторяясь в системе праздников, проповеди XVII в. наполняются авторским отношением, изменяя степень радикальности обличения и находя новые грани в конфликтном соположении богатого и нищего.

Учительное евангелие (приписываемое Каллисту) с толкованием притч широко распространилось к XVII в., благодаря деятельности Московского печатного двора²¹, выпустившего 8 тиражей этого сборника постоянного состава, начиная с 1629 г. В нескольких проповедях предлагается образное решение темы богатства – бедности, дается система воззрений и оценок персонажей и их деяний. Преимущественно проповеди о конфликтном материальном положении сосредоточены в первой (Триодный) части сборника, связанной с пасхальным кругом праздников. Очевидно, что в средневековом памятнике учительных слов, богатство рассматривается в одном ряду с грехами грабежа и неправды.

В поучении «О сребролюбии, и о чистотѣ ума и о лихоимствѣ, и о лжи, и о клеветѣ» (Неделя 3. Слово 24, л. 129 об. – 133 об.), основанном на притче из Евангелия от Матфея (гл. 6), разбирается постулат о слепоте души, вызванной сребролюбием, которое становится основой конфликтов не только между родственниками, но и со всеми людьми («корень всѣхъ злыхъ»). Помраченное «око» помрачает ум, носит вред душевный и телесный. Вторая тема этого Поучения братолюбие, «которое «не токмо от Бога отлучаетъ насъ, но и мамонѣ порабощаетъ насъ», приводя к «неправде» (л. 131). Убеждая паству заботиться о душе, а не о теле, автор возлагает надежду на Бога. Разъясняя, автор добавляет мысль, что Бог не запрещает «ясти и пити и одѣяться», но «возбраняетъ», если «глаголати о сихъ и пещися сие» (л. 133).

Об антагонизме в судьбе и положении героев – богатого и нищего – подробно рассказывает поучение «О богатѣмъ и убозѣмъ Лазарѣ» (Неделя 22. Слово 43, л. 220 об. – 227 об.). В пропо-

²¹ Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М., 1958. №№ 73, 95, 112, 240, 298, 367, 399, 475 (воскресное).

веди с живописными деталями описываются бытовые подробности, становящиеся знаками статуса бедного и богатого, разные пути, ведущие к гибели или спасению, неотвратимость загробных мучений для богатого и воздаяние терпению нищего.

Подробно описываются ужасы «лихоимѣния» в поучении «О богатомъ и лихоимствующемъ» (Неделя 25. Слово 46, л. 243–248) на основе притчи Евангелия от Луки (12 гл.) утверждается зависимость судьбы и состояния богача от воли Бога и проявления его милосердия. Автор призывает к нищелюбию, которое способно избавить имеющего богатство от «печали и скорби». Богатство даруется человеку «на давание и ч(е)л(о)в(е)колюбие» (л. 244). Рассуждает автор о соотношении зла – нищеты – богатства, уверяя слушателей / читателей, что злое начало может затрагивать души всех вне зависимости от материального положения и вести к погибели (л. 245 об.). Разделяет автор в конце проповеди праведное и неправедное богатство, вводя различие в способах обретения богатства через «благодать» добрых дел: «благихъ дѣлъ дарования к дающимъ возвращаются, и нескудно есть благотворения богатство, еже бо давати приемлется и еже расточати собирается» (л. 248).

Тема неправедного богатства через обращение к Евангелию от Луки (19 гл.) усиливается в поучении «О всякой неправдѣ и лихоимствѣ и иже от сего милостыня мерзка Богу есть» (Неделя 32. Слово 53, л. 273–277 об.). Рисуя злые дела мытаря как воплощение злобы, неправды и «лихомѣния», автор прибегает к противостоящим образам безвинно обиженного Лазаря и лихоимца Каина. Господу не нужна ложная жертва, принесенная «от неправды». «Не хочеть бо Христось лихоимѣниемъ питатися, ниже приемлетъ такового приношения» (л. 274). Таким образом, тема богатства усложняется понятиями праведного (от своих дел) и неправедного (от лихоимства) богатства, и разграничиваются понятия достойного и ложного милосердия.

Сребролюбие в сочинении Кирилла Транквилиона-Ставровецкого: апокалиптический контекст

Впечатляющие проповеди о богатстве и бедности/нищенстве принадлежат перу Кирилла Транквилиона-Ставровецкого – духовного деятеля и талантливое писателя второй половины XVI – первой четверти XVII в. В это время на Украине разворачивалась борьба разных религиозных воззрений: католики, православные и протестанты отстаивали свои интересы, обращаясь к богословско-литературному творчеству. Создавая «Евангелие учительное»

(Рохманово, 1619)²². Кирилл Транквиллион ставил перед собой не только богослужебные, теологические и просветительские, но и полемические задачи, связанные с размышлениями о судьбе православия в сложных исторических обстоятельствах²³.

Тема несправедливого богатства касалась, видимо, лично автора и вызывала открытое возмущение проповедника, заставляла обращаться к радикальной апокалиптической поэтике в архитектонике проповедей. В первой части поучения «О сребролюбии и о мамонѣ, яко многихъ прельщаетъ въ вѣцѣхъ семь и в работу свою приводить» (3 неделя по сошествии Святого Духа. Ч. 1, л. 213 об. – 217 об.) привлекается та же глава из Евангелия от Матфея, что и в классическом Евангелии, но образ мамоны, разворачивается в эпическую картину погибающего мира. Автор оживляет эмоциональным отношением метафорические образы, внедряя паству в драматическое эмотивное пространство: «Тако и мы, братие, егда въникнемъ в дымъ житейскихъ и прелестныхъ вещей вѣка сего – объядению, пьянству, имѣнний желанию, злата, сребра, рабовъ, сель събранию и похотемъ блуднымъ, – тогда и намъ зѣло плачуть очи душѣ нашей, и о(т) горести того прелестного дыму болезнь лютую терпя(т) и слѣпоту кругъ» (Ч. 1, л. 214).

Обличая тех, кто стремится к обогащению вместе с известным противопоставлением бессмысленности тленного богатства перед душевными устремлениями, Кирилл добавляет немислимое желание грешника поработить всех ради «скровищ». В число несчастных входят не только чужие, но и родные люди.

«И начинаетъ въ себѣ помышляеть всѣхъ чѣловоковъ в работу забрати и о(т)уду умножити скровище, но аще и сия будутъ, то нѣсть ему довольно, то пакы помышляеть превратити грады и погубити сильныхъ и себѣ подобныхъ богатыревъ и от тѣхъ руки взяти безчисленное злато. И не на сихъ токмо ратуеть, но и на самое естество свое: на отца и матеръ, на брата и сестру мѣчъ по(д)носить, и сына злата ради убиваетъ. Но нѣ сим утѣшить свое злое желание, но паче помышляеть събрати злато всего мира, и желаетъ: да будетъ новымъ злато(м) и земля, и горы, и камение, и прочая видимая мира сего: таковъ бо есть недугъ сребролюбия и работа лютая сея мамонъ» (Ч. 1, л. 21 об.).

Не упоминая, но явно используя миф о царе Мидасе, имевшем несчастье превращать в золото все, к чему прикоснется, автор адресует эту возможность языческой силе мамоны – кумиру, упоминаемому в Евангелии (Мф. 6, 24; Лк. 16, 13). Он утрирует

²² Ссылки на листы издания приводятся в тексте.

²³ Маслов С.И. Кирилл Транквиллион-Ставровецкий и его литературная деятельность. Киев, 1984. С. 87.

состояние привязанности к богатству, утверждая, что не только обладание, но само желание имения является лютым недугом. Он видит двойное повреждение от богатства. Во-первых – вооружает против воров и разбойников, во-вторых – «умъ помрачаетъ», от Бога отлучает, обращает к идолослужению. Нельзя работать одновременно Богу и мамоне, автор популяризирует эти две силы, тем самым невольно утверждая их аксиологическую равновеликость в судьбе:

«Ибо мамона повелѣваетъ чужое похищати, Богъ же и свое ра(з)давати и о(т) всѣхъ сущихъ съвлачитися. Богъ повелѣваетъ цѣломудренно чисто жити, мамона же – блудно и скверно жити. Богъ повелѣваетъ поститися и въздержати, мамона же – объядатися и упивати, Богъ повелѣваетъ не любити мира, но вѣчныхъ искати, мамона же – временныхъ желати и в мирѣ пространно жити. Богъ повелѣваетъ о(т) грѣха бѣжати, мамона же – грѣху служити» (Ч. 1, л. 216).

В завершающей части автор, соединяя образ мамоны – символ алчности и телесного низа – с образом прелюбодейства из Откровения Иоанна Богослова (Откр. 17, 5) «царицею вавилонскою» или вавилонской блудницей, красноречиво ее изображает:

«жена одѣяна въ порфиру и червленицу, золотомъ и каменемъ многоцѣннымъ, и перлами украшена ...Имѣ аще чашу златую в руцѣ своей, полна мерзости, сквернь любодѣяния ея, и на чель ея имя написано тайна «Вавилон великий»: мати прелюбодѣйцемъ и мерзостемъ земнымъ» (Ч. 1, л. 216 об.)²⁴. Происходит олицетворение алчности в самом неприглядном образе грешницы, призывающей разные сословия испить из ее чаши. Проповедник обобщает: «И многии и нынѣ страны и народы, князи и цари земныи, богатыреве вѣка сего, сильный воемъ начальници и триста пятьдесятъ сущьници, воинове, всякъ рабъ и свободъ, старьи и младьи той проклятой мамонѣ работаютъ, любезно и колѣна свои предъ нею покланяють. Купци, о(т) силы пища ея разбогатѣша, и упилися мерзости о(т) златой чашѣ ая, мнози бо и нынѣ служатъ той проклятой мамонѣ и неправдѣ, и роскоши вѣка сего, день и ночь работающе ей паче, нежели Богу» (Там же).

²⁴ Изображение Вавилонской блудницы, восседающей на звере с чашей / кубком в руке было хорошо представлено в русской и европейской рукописной традиции. В конце XV – XVI в. оно было тиражировано в печатном издании Библии с гравюрами Альбрехта Дюрера (1497–1498), Нового Завета Мартина Лютера (Аугсбург, 1522) и отдельными гравированными листами Лукаса Кранаха (1472–1553), Ганса Бургкмайера Старшего (к Новому Завету Лютера, 1523), Джона Бейля (1545) и др. Усиление эсхатологических ожиданий в XVI в. в Московском государстве вызвало как злодейский радикализм Ивана Грозного, так и претворилось в иконописные сюжеты Страшного суда, создание Апокалипсисов лицевых и т.п. См.: Косякова В. Апокалипсис Средневековья. Иероним Босх, Иван Грозный, Конец света. М., 2018. С. 292–313.

Этот образ составляет важную часть эсхатологических воззрений Кирилла Транквилиона, его творческий вклад в воспитание страха перед грядущим концом света, который вслед авторами раннехристианской традиции (Василием Великим, Ефремом Сирийским, Мефодием Патарским и др.) он воспринимает во временной конкретности (8000 лет от создания мира). Развивая идею противостояния силы мамоны и силы Бога, автор рисует образ Правды Божией, которая также держит в руке чашу причастия:

«в ней же – вино веселия вѣчного и манна, дающая животь вѣчный, тѣло и кровь, и свой сла(д)кий гласъ подносить, всѣхъ призывающе къ себѣ, иже живутъ на лици земномъ, и умиленно просить, да послѣдуютъ ей и да вѣрують словесемъ ея, и сице глаголетъ: “Прийдѣте ко мнѣ всѣ обремененныи, азъ вы упокою и труды вашѣ облегччу, прийдѣте къ мне и примѣте богатство, зготованное вамъ”» (Ч. 1, л. 216 об.).

Возникает образ противостояния смертной чаши и чаши животильной, выбор остается за человеком, и автор со всей страстью предостерегает, выявляя трагическое состояние мира:

«Тая то чаша проклятая напо(л)нена кровию лю(д)скою и слезами кровавыми убогихъ сиротъ и вдовицъ! Для той то чашѣ златой предѣлы земныи кровию намочены, и море кровию смѣшенно, тая то чаша златая от начала миру мѣста, замки, грады будовныи от основания с фундаменту выворочаетъ, и въ огни ховаеть, святоапостольскую и царскую кровь с прахомъ мѣшаетъ, и третью часть человекъ под мѣчь нахилиеть, пре(д) сие житие настоящего вѣка смерти предаеть... для той то златой матки, дѣтей своихъ на блудъ продаютъ, и мнози оскверня(т)ся смрадомъ содомскимъ, блудодѣяннемъ и прелюбодѣяннемъ; для той чашѣ – разбой, татьба, убийства, лжесвѣдительство, кривоприсяжество, судъ неправедный обидимымъ, чародѣяние и дѣмономъ зыскъ; для той чашѣ проданъ непроданный, страсти въ небрежению, манастырѣ спустошено, церкви и алтарѣ обыдраны святое немѣтъ ходитъ, а прочее – помолчу и слезами затру».

Вторая часть слова самим заголовком подчеркивает идеальный выход: «О беспечальномъ и несвятателномъ житии, яко вѣчныхъ лучше есть искати» (Ч. 1, л. 217 об.). Этот момент заметил исследователь XIX в. С.И. Маслов: «Осуществлением идеала земной жизни, по его [Кирилла] представлениям, является жизнь отшельников, свободная от всех человеческих отношений, полная презрения к земным благам, посвященная исключительно подготовке к загробному существованию»²⁵.

Добавлением к этим двум частям проповеди является специальное «Нравоучение о сребролюбцахъ и яко мамоны кумиръ по-

²⁵ Маслов С.И. Кирилл Транквилион-Ставровецкий... С. 163–171.

ставлень въ мирѣ и нищеты печь» (Ч. 1, л. 219 об. – 222 об.). На основе образа «пеши» из Книги пророка Даниила (Дан. 3, 1–33), который был метафорически переосмыслен Иоанном Златоустом в его Беседах на Евангелие от Матфея (гл. 4: 10–11) Кирилл Транквиллион создает красочный рассказ о «пеши нищеты». Отрывок о трех отроках, спасенных Богом от казни вавилонского царя Навуходоносора, по приказу которого их бросили в раскаленную печь, используется проповедником для обличения состояния мира. Уподобляя современное ему общество Вавилонскому царству, писатель с горечью пишет, что всем правит «дьяволь, князь тьмы грѣховной», искушая людей златолюбием и сребролюбием, заставляет «кланяться ему подручныхъ себѣ», а «не поклоняющихся мамонѣ его *въ печь нищеты вметаеть...*» (Ч. 1, л. 219 об. Здесь и далее курсив наш). Обобщенный образ, так талантливо использованный Златоустом для обличения богатых, которые сами сгорают от своих грехов, продолжен Кириллом. Изначально «печь нищеты», по мысли проповедника, была создана для мучения нищих, испытывая их нуждою, лишениями, тяжелой работой: «Диаволь бо постави печь нищеты: богатыи распалюють в ней пламень на мучение нищихъ, сирѣчь имѣние и труды ихъ нуждою въсхищають, оных же в нищету, яко в печь вмѣтають...». Однако жертвами геенского огня оказываются сами богатые, поклоняющиеся золотому идолу и служащие мамоне, которых: «огонь геенский поядаетъ, его же распалиша злымъ своимъ вождельниемъ несытымъ... и в томъ они мучатся безъ единой кроплѣ студеной воды...»; убогие же, напротив, пройдя испытание огнем, остаются целыми и невредимыми, сгорают только оковы, а самих нищих ангел защищает своими крыльями: «а убогимъ в печи нищеты, точию оковы грѣховнии сѣгарають, сами же цѣлы зостають, и свѣтлѣйшии явѣ исходятъ... оныхъ бо ангель крилома покриваше...» (Ч. 1, л. 219 об. – 220 об.).

Впечатляющий образ «*пеши нищеты*» обретает здесь символическое значение высшей справедливости, спасение получают те, кто прошли испытания нищетой, лишениями, нуждой и не поддались искушениям. Яркая картина крылатого ангела, прикрывающего нищих «крылами» соотносится с трактовкой образа Иисуса Христа в виде «ангела Великого Совета»²⁶.

²⁶ Луковникова Е.А. Ангел Великого Совета Иисус Христос // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 290–291. Это изображение становится популярным с XVI в. в связи с иконографией сюжета «Благое молчание».

В «О юноши златолюбивомъ, яко многое имѣние вредително душу от Б(о)га разлучаетъ» (Поучение 49, на 12-ю неделю Всѣхъ с(вя)тыхъ. Ч. 2, л. 178 об.) автор на основе притчи из Евангелия от Матфея (Мф. 19, 16–24) продолжает размышления о сущности богатства и приходит к идее, что если богатство нажито от праведных трудов, то способно нести добро в мир, главное, чтобы человек «не уповал на него, но паче на Бога». Важно, чтобы богатство «не расточалось на избытки мира сего» (гордыню, тщеславие, объедение и пьянства, блудодеяния и убийства), свойственные образу жизни богатых. Автор показывает контрастную картину с красноречивыми деталями: богатые «златомъ обложены и коврами», а убогие «наги отъ мраза померзають и гладомъ погыбляють», у богатых «преизобилно мяса», а у нищего «нѣ дробины малой и нѣзбытного окруха хлѣба», у богатого «шелковыи ризы», а «убогий нѣразодранного рубища нѣ имеет» (Ч. 1, л. 276 об.).

Горькая несправедливость в образе жизни настолько ярко рисуется и переживается проповедником, что вступает в противоречие с темой предопределенности, которая утверждалась в Евангелии учительном Каллиста. Смягчая ее в ракурсе действительного противостояния, проповедник обращается к поиску утешения в жизненном пути Христа, явившего миру пример крайней нищеты. Даже в смерти «онъ в чужемъ гробѣ полагается, – утверждает автор в Надгробном поучении на пятницу Страстной недели, – чужимъ міромъ помазуется и чужею плащаницею одѣвается: сиа слышавше да утѣшайся нищий и убогий, и всѣмъ достоинъ отсель учиться добровольной нищеты и презирати вся краснаа мира сего и корень сребролюбия отсѣкати, и не уповати на богатство мира сего: ибо нѣчесоже отъ мира неизнесем, яко нѣчтоже и въ миръ принесохомъ, точию едину наготу и плачь» (Ч. 1, л. 116 об. – 117). Многократно употребленный эпитет «чужой» усиливает ощущение величайшего смирения. Видя в каждом просящем подавание «брата Христа», «потому что и Христос жил в нищете» (Ч. 1, л. 26), Кирилл Транквилион продолжает говорить об этом в рамках морального осуждения и призывает к милосердию как обретению спасения. Но внушая эту вполне традиционную идею, он видит глубже и многократно возвращается к высказыванию, что не всякая милость угодна Богу, а только та, что является результатом «праведныхъ трудовъ» (Ч. 1, л. 33 об. «Поучение в неделю сыропустную»).

Непримиримая позиция Кирилла, его эмоциональное обличение неправедности богатых и правителей могло быть дополни-

тельным аргументом к запрещению его книги на территории Московского государства в первой половине XVII в.

Стоит учитывать, что даже самые незначительные на взгляд современности, изменения в характеристике богатства и его истоков, а также в нравоучениях бедным имеют причиной важные метаморфозы средневекового религиозного сознания, особенно для более чем традиционного православия.

Проповеди Симеона Полоцкого: антагонизм вне конфликта

Тема богатства и бедности – одна из самых важных для Симеона Полоцкого в его духовной деятельности 70–80-х гг. XVII в. Этому посвящено несколько обширных Слов в сборнике проповедей «Обед душевный»²⁷. Одно из Слов, связанных с этой тематикой, рассмотрел А.Н. Робинсон, сопоставляя позицию царского проповедника и раскольниковьего протопопа Аввакума. В Поучении «О богатом и немилостивом, и о заповедехъ человеку божихъ и мамоны, и о воздаянии богатому и нищему Лазарю» – в первой части, во второй – «О нищете, спасающей человѣка» (22 неделя по Пятидесятнице, л. 372–391 об.) автор призывает богатых «к разумному лихоиманию», а бедных к непременному терпению, которым они заслужат «царство божие». Остаются у Симеона красочное описание мук богатого в геенне огненной и благодать нищего в раю. Вторая часть слова описывает пребывание нищего в раю как компенсацию за его терпение и незлобивость. А.Н. Робинсон приходит к заключению, что «проповедь Симеона сохраняла все признаки традиционно-христианского толкования этой темы, и в то же время вполне отвечала его положению придворного писателя, публициста, учителя»²⁸.

В заголовке Проповеди в 3-ю (по Пятидесятнице), где толкуется высказывание о невозможности служить двум господам (Богу и мамоне), развернутой Кириллом Транквилионом в апокалиптическую картину образа мамоны как вавилонской блудницы, Симеон осторожно добавляет «и како убо богатии возмогутъ безпакостно богатства содѣржати и царствия небеснаго не лишитися» (л. 13). В тексте проповеди он формулирует ясно: «не деѣть богатство препятія внитию в ц(а)рствие небесное, аще не лакомо стяжается, ...богатство не пагубно, но желание имѣнія не-

²⁷ Симеон Полоцкий. Обед душевный. М., 1681. Л. 134. Далее указание на листы в цитатах приводятся в тексте.

²⁸ Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 261–262.

чинное душевредно» (л. 135 об.). Показательно уточнение «нечинное», т.е. не в соответствии со статусом. Призывая избегать богатства, особенно «новых образцов обогащения», автор в духе раннего меркантилизма уточняет: «Безпакостно есть спасению богатство... безвредно есть спасению злато, аще кто не работаеть ему» (л. 137 об.). Приводя в пример Иова праведного, лишившегося богатства, но не веры, автор переходит на земные дела, повторяя «безпакостна тому богатства, аще кто мѣрно ихъ на свою нужду и на инья честная дѣла употребляетъ... безмѣримъ же расточаемая к погибели приводятъ» (л. 138). Но при этом Симеон отделяет богатых и сребролюбцев; иеромонах сопоставляет блудников и сребролюбцов с бесом, у которого «лице песию купно и волчью личину да являет... но неприятное нѣчто и страшное да реветъ», но «много лютѣй есть сребролюбецъ» (Слово на 5-ю неделю, л. 154 об. – 155). В отличие от Кирилла Транквиллиона, описывающего царя Мидаса без упоминания имени, Полоцкий указывает на «баснословия еллинские» и в деталях пересказывает историю любителя золота. Обоснование и подробную характеристику милосердия богатых он дает в Слове на 12-ю неделю (по Пятидесятнице), где заголовок говорит о позиции автора «и кому-ждо убо богатому стяжание его во ползу будет» (л. 14).

Опираясь на сюжет о богатом, погубившем душу (Мф. 19), автор возглашает блаженство творящим милостыню и расточившим богатство среди нищих и описывает благодати, которые получает тот, кто творит милостыню, утверждая ожидаемую сентенцию: «еже бо даль еси, съ прибыткомъ возвращается». Милосердие он представляет в виде первой от «дщерей царскихъ», на голове которой «вѣнецъ от ветвей масличныхъ»²⁹. Немилосердный, скупой человек, объявляющий себя «нищим скудным», вызывает у Симеона гневную отповедь, где реверсивно говорится о скудной надежде на спасение, скудном ожидании блага и любви (л. 248 – 249 об.). Он систематизирует ложные аргументы тех, кто отвергает необходимость милосердия в ожидании тяжелых времен, заботе о потомстве, невозможности объять заботой всех и подобные, якобы, препятствия. Положение, что «всякаго инаго богача богатство, яко камень, влечеть низу от небесныхъ» (л. 258 об.), дополняется советом: «егда твориши пирь, зови нищия, маломощныя, хромья, слѣпья – и блаженъ будеши» (л. 259).

²⁹ Источник образа – Житие Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского (автор Леонтий Неополитанский, VII в.).

Большой критике подвергается богатство в Слове на 26-ю неделю (л. 426–431). Симеон видит в нем корень всех бед. В традиционной средневековой трактовке корень многих бед – гордыня. Но в понимании конца XVII в. гордость проистекает «изъ богатства», а также нечистота (содомский грех), леность, гневливость, чревоугодие и пьянство – из того же источника: «Прочии же грѣси съ богатствъ, яко дымъ со огнемъ ходятъ выну: и яко малый огонь много дыма производитъ, тако и малая богатства много грѣховъ раждають». В то же время автор осторожно предупреждает: «не сама богатства тымъ злымъ виновна суть, но злое ихъ употребление» (л. 426 об.). Разворачивает аргументацию, что человека «не нищета спасеть, но добродѣтели» Симеон в проповеди «О богатствѣ и нищетѣ, яко ни богатства ч(е)л(о)вѣка погубляит, но тѣхъ безчинное желание и любление...» (л. 16) (30-я неделя). Многократно он возвращается к мысли, что «не за злобу есть богатствъ, яже по существу своему суть бл(а)га, вся бо от бл(а)гаго Б(о)га созданная, но за злобу лакомага с(е)рдца, еже истяжетъ я без божия страха» (л. 479–479 об.), и внушает эту идею пастве, повторяя снова и снова «не зла вещь богатство, но зло лакомство, зло желание». Радость от богатства и его желание порождают прочие грехи. «Тяжкая болѣзнь есть лакомство... ибо очи ослѣпляютъ, ушеса затыкаетъ и звѣря жестокшыя творить» (л. 481 об.). Однако в проповеди происходит своего рода реабилитация богатых, которые нищих питают, одевают, богатеют не ради себя, но ради Бога. Аргументируя, автор цитирует молитву «хлеб наш, насущный, даждь нам днесь», и далее разъясняет, что ни богатым закрыт вход в царствие небесное, но «точию лакомымъ сребролюбцемъ, скупымъ зѣло» (л. 483). Сребролюбие не зависит от состояния человека, желание обогащения столь же губительно для нищих, если это занимает их ум, как и для богатых. И быть нищим не означает наследовать царствие небесное, но стать нищим «по духу» «иже земная богатства аки бремя нѣкое отверже». И такой богатый также «блаженъ есть, яко того есть ц(а)рствие н(е)б(е)сное» (л. 483 об.). Обращение о милостыне относится ко всем слоям населения, автор прибегает к развернутой метафоре: все должны «гщится» быть богатыми добродетелями и нищими злобой.

Завершая текст, он еще раз утвердительно восклицает, расширяя категорию богатства на характеристику нравственности, «богатого милостию и щедротами нетлѣнная восприимете в цар-ствии небесномъ богатства» (484 об.).

Симеон Полоцкий в этом вполне соотносится с высказываниями Бертольда Регенсбургского. Новое отношение к богатству еще сохраняется в понимании его происхождения от божественного волеизъявления, но и требование отказа от него как условия спасения все более изменяется на условие «нищеты духа», воплощенного в милосердии. Модернизируется представление о нищих, которых проповедник призывает к смирению и согласию со своим положением, отвергая «лакомые» мечты об обогащении, ибо только тогда тезис о наследовании нищими царствия небесного оказывается действенным.

Богатство – нищенство – спасение в проповедях «Статира»

Более радикальной и оригинальной в разработке темы материального благосостояния оказывается рукописный сборник проповедей «Статир», созданный в Прикамских владениях Строгановых анонимным проповедником последней трети XVII в.³⁰ Конфликтное противостояние бедности и богатства оказывается одной из самых актуальных тем среди 156 проповедей, сочиненных к великим праздникам и значимым событиям. В разной степени и с различными поворотами эта тема затрагивается в двух десятках текстов рукописи. И это внимание объяснимо спецификой строгановского региона, в сферу влияния которого входит купеческий город Соликамск. В XVII в. Прикамье расценивается как ресурсобогатый регион, где сформировались оптимальные условия для добычи соли – важнейшего компонента жизнеобеспечения. Сочетание речного пути, наличия леса для выпаривания соли и сравнительно не глубоко залегающего насыщенного соляного раствора предопределили успех развития промышленного производства. В регион притекают инвестиции, налаживается международная торговля, не только Соликамск активно строится, возникают многочисленные городки на торговых путях и местах добычи соли³¹. Развиваются разные сферы искусства: книжно-рукописное, иконописное, архитектурное, прикладное изразцовое производство³². Одновременно это арена многочисленных социальных и личностных конфликтов разного уровня: столкновения

³⁰ ОР РГБ. Ф. 256 (Румянцевское собр.). № 411. Далее листы рукописи указаны в круглых скобках при цитате.

³¹ Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. М., 1957. С. 116 и далее; Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М., 1962.

³² Вклад. Художественное наследие Строгановых XVI–XVII веков в музеях Сольвычегодска и Пермского края. Пермь, 2017.

владельцев соляных варниц, нарушения законов и подкупы правительственного чиновничества, побег крестьян, бунты и разинский протест, докатившийся в 1670-х до строгановских владений.

Будучи весьма начитанным в богослужебной литературной сфере, автор «Статира» частично заимствует высказывания и образные находки у предшественников. Особенно активно он обращается к трудам Кирилла Транквиллиона и Симеона Полоцкого, но добавляет к аргументам эмоциональное отношение очень личного характера, что придает текстам столь характерное для времени внимание к деталям и подробное описание «мирской» деятельности человека. Показателен эпизод из проповеди о сребролюбцах (3-я неделя по Пятидесятнице, л. 123–127), в котором автор пишет об абсолютном бессердечии богачей: «и ни единого милуетъ: ни друга, ни сродниковъ, ни брата, ни сестру, ниже самого о(т)ца, родившаго его и воспитавшаго, ни мать щадить, болѣзновавшую, ниже жену, ни своихъ чадъ, ни ц(а)ря боится, ниже с(вя)тая срамляется, ниже с(вя)щенника чтить, но всѣхъ помысломъ находя убиваетъ и всехъ свободныхъ в работу плѣнять» (л. 125 об. – л. 126). В группе лиц, которым богачи отказывают в помощи, на первом месте оказываются друзья, родные, и только за ними следуют государь и священники. Автор явно учитывал драматизм семейных кризисов паствы.

Одно из самых подробных размышлений присутствует в проповеди «Яко тлѣннаго ради богатства лишаются ч(е)л(о)в(е)щы живота вѣчнаго» (Поучение 48, неделя 12-я по Пятидесятнице, л. 201–209 об.). Начав с утверждения, что «змий древний, змий великий» извечно враждует с Богом, «прелщаетъ богатствомъ и сластолюбиемъ» и уводит на «широкий путь» погибели души, автор приводит разговоры с паствой, в которых критикуются его обвинения окружающих: «Дивно ми о семь: наша и словеса тяжка вменяете, а своя злая дѣла не сматряете!» (л. 201 об.). Углубляя представления об источнике богатства, проповедник «выводит» из-под удара в обвинении стяжательства царя, противопоставляя его государственные заботы бытовым «беседам» окружающих:

«Не зрите ли ц(а)ря земнаго во славѣ и веселии живуща, въ пищѣ и покое мнозѣ? Но онъ никое слово иное творить, но точию како и коимъ образомъ на сопостаты удержати побѣды, грады в мирѣ сохрани и воевод и воинст-во избрати, дани истязати. И сия онъ д(е)нь и ночь бесѣдуетъ, нам же о сихъ ниже во снѣ подобаеъ гл(а)голаги. Но и вась зрю бесѣдующихъ: дабы убо село купить, и яко раби убѣгли, и како бы многая имѣния притяжати. И на кийждо д(е)нь сия бесѣдующе не насыщаемся» (л. 201 об. – 202).

Автор видит в стяжательстве основу всех бед и нанизывает негативные последствия богатства, опираясь на сочинения христианских учителей:

«Сребролюбие есть идолопоклонение, невѣрствие д(у)ши, немощи извѣстница, старости волхвъ, глуду провозвѣстникъ, бездождию воспоминатель, ев(ан)г(е)лский ругатель и самовольный отступникъ, яко и сей юноша: отиде, скорбя, яко болный от врача, не може стерпѣти из пронзеннаго его с(е)рдца, еже бы врачу терние изяти» (л. 204).

Со ссылкой на Кирилла Транквиллиона автор обращается к образу мамоны – вавилонской блудницы и золотой чаши богатства, которая «от начала мѣра землю разделила» и «для той чаши разбой, тат[ь]ба, убийство, лжесвидѣтельства, клятвы преступленія и судъ неправедный, чарования и волхованія, прочее умолкну, утолю слезами» (л. 205). Автор силой таланта стремится вызвать негативное восприятие «сребролюбца», неприятие и омерзение от его дел. Индивидуальное осуждение каждого должно служить препятствием для сребролюбца к неправедному обогащению. Поэтому Поучение превращается автором в эмоциональное выступление с элементами саморазоблачения:

«Тако и мы, любимицы, повержемъ богатство во глубину с(е)рд(е)ць нищихъ, донели же насъ не постигнетъ см(е)ртъ лютая. Уне намъ здѣ богатство расточити, нежели по насъ врагомъ нашимъ трудомъ ся веселити, а намъ самѣмъ, нагимъ и посрамленнымъ, на мѣста мучимыя отведеннымъ быти» (л. 206 об.).

Обращается автор напрямую к сребролюбцу, стоящему перед ним в храме, рисуя картину мучений его души:

«Ты же о, богатолюбче, что убо от сихъ хоцещи? Каменные ли быти ч(е)л(о)в(е)ки? Оле, окаяннаго ч(е)л(о)в(е)ка! На руганія достойнаго, сицеваго влающася, яко же въ мори бурюю тяжкою объята, аки бѣдствомъ зимы одержима, многого оплакованія и помилованія достойна, и таковая д(у)ша мучится в тѣлеси, аки въ преисподнѣмъ адѣ, племенемъ геенскимъ объята, не имѣть ни д(е)нь, ни ночь покоя» (л. 208 об.).

Продолжая обращение к душам паствы, автор для усиления воздействия соединяет себя со всеми, призывая не верить внешнему впечатлению, а заглянуть в душу и самим научиться щедрости и бескорыстию:

«Сего ради, братія моя возлюбленная, очистимъ сердце от несъятнаго вожделѣннѣя, аще бы кто усмотрилъ нѣкоего в ризахъ свѣтлыхъ сияюща и многу почестъ от ч(е)л(о)в(е)къ приемлюща? Разгни же его совѣсть и многу обрящещи паучину внутрь его и многий прахъ узриши. Отсецъте, молю сию страсть, истребите и сердца пронзенное терние, очистите д(у)шу паучиной обвитую, примите внутрь себе югъ тонкий и хладный, вѣющій веселие сердцамъ вашимъ, научитесь нестяжанию не с печалию» (л. 208 об.).

Помимо ярко выраженной лиричности автор явно склоняется к желанию убедить каждого персонально, выявляя тем самым тенденцию времени – возрастание личностного начала в понимании человеком своей судьбы.

Связь греховных поступков человека со сребролюбием является в проповеди «Яко нѣсть ино зло тако погубити чело(ве)-ка, и на сохраняющия жита, и ждущия гладу, яко не знают Б(о)га таковой» (Слово 76, неделя 26 по Пятидесятнице, л. 323–328 об.). Отдав дань «нестяжанию» в метафорических образах («ангелское житие, пустынное гражданство, вѣры совершение, надежда несумѣнная»), автор добавляет: «И велми полезно есть ч(е)л(о)в(е)ку нестяжание», потому что сребролюбие не только душу губит, но и в земной жизни «злую кончину наводитъ». И, приведя притчу об Ахаре (Анахе) (Нав. VII, 18), с горечью еще добавляет: «Мы же коликихъ мукъ достойни, иже у едноплеменныхъ похищаемъ, и сиротъ, и вдовиць убогихъ насилуемъ, клятвопреступлениемъ и крадениемъ взимаемъ» (л. 324). Не чуждается автор афористических определений: «Аще бо кто нищихъ не милуетъ, и тои Хри(и)ста предасть, а кто ихъ обидить, той его распинаеть» (л. 324 об.). Нелицеприятно автор относится к богачам, которые, чтобы «царю бы дань не давати» и ничего не давать нищим стараются показать себя неимущими (л. 327 об.). Во второй части проповеди как отдельную величину он изображает душу, вопрошая: «О ч(е)л(о)-в(е)че, видѣл ли еси безобразіе сребролюбнаго д(у)ши?» и далее рисует подробности посмертного телесного разложения, заставляя читателя переносить это восприятие на душу сребролюбца:

«Аще восхоцете лихоимцеву д(у)шу, послѣдуйте ми. Пойдемъ во гробища, и видимъ мертвыя, гибелию истаявша, како растлѣваются и како превращаются, како злосмрадия исполнени суть, како имъ скверная обличія какови нечисти, но и воздухъ злыя вони наполняют. Такова суть и д(у)ша лихоимцевъ» (л. 330).

Разнообразя повествование и драматизируя нарратив, автор олицетворяет серебро и сребролюбие, давая им возможность высказаться в требовании принести в жертву душу:

«Бѣса бо люгѣйши сребролюбное вождельніе, сему бо мнози и служить и поклоняются, нежели идолу. Сребро гл(а)з(о)л(е)тъ: “Ратникъ буди врагъ всѣмъ, не вѣдай естество, пренебрези Б(о)га, пожри себе, и вся сия сотворяють истуканнымъ бо волы и овцы пожирають”. Сребролюбие же гл(а)з(о)л(е)тъ: “Пожри мнѣ свою душу, то ми есть жертва, не требую инаго” (л. 329 об. – 330).

Не раз автор обращается к образно-словесным парадоксам, играя смыслами, используя рифмы: «Мнози бо от богатства по-

гибоша, а *от* нищеты бесчисленны спасошася» (л. 331). Сопоставляет автор корыстолюбца с блудницей, считая, что он еще хуже, потому как «лихоимцы паче блудницы: и бестуднѣиши не в дому стоять, но посреди града, не тѣло продають, но д(у)шу» (330 об.). Наконец появляется тема источника богатства. И это уже не просто – дар судьбы, автор обличает богатство, полученное «от неправды»: иже собираеши много и избогатился еси *от* всякой неправды, плѣнил еси под ся многи страны и народы, понудил еси свободныхъ в работу, пролиля еси кровь неповинныхъ, яко воду, приобрѣл еси весь мѣръ...» (л. 331).

Иной аспект темы появляется в проповеди «Яко прелщаеть диаволь прелестию мира сего, яко музыкаю, и яко не просто нищета сп(а)саетъ и богатство погубляетъ, и на блудниковъ» (Слове 84, 30-я неделя по Пятидесятнице, л. 371–376)³³. Автор развивает идею разумного отношения к богатству и нищете, которые могут способствовать добру или приносить зло, все зависит от человека: «не погибели ходатай бога[т]ство, нищета сп(а)сению, но вся въ произволеніи нашемъ лежить – бл(а)гое и злое» (л. 362).

В проповеди рассматриваются условия, при которых богатство признается праведным, а нищета – добродетелью, и причины, когда оба эти состояния превращаются в порок. Обретение богатства начинает трактоваться не только как дар судьбы и божественного волеизъявления, но рассматриваются реалистичные картины произвола богатых, неправдою наживающих свои состояния. В рассуждения проповедника проникают конкретные детали убранства дома и отношения к людям, что делает проповеди наглядными и драматичными: «...горе, иже созидають домъ свой в неправдѣ и горницы свои в судъ, друга своего работою отягцають и мзды не воздають ему, иже себѣ созидають дома пространны и горницы широки, окна себѣ отворяють и сотворяють своды кедровы, пишутъ же червцемъ, а убогихъ стесняютъ и малыя хижицы ихъ разоряють и заслонивше выотою стѣнною всегда имъ ноцъ сотворяють» (л. 290). Рисуя далее контрастную картину довольства богачей и сопутствующие им страдания нищих, писатель использует прием антитезы, отказывая богатым в разуме и человеческом облике: «онъ, богачъ, не внять вѣры..., но

³³ Более подробный анализ данной проповеди и научная публикация текста представлены в работе: Сгибнева Н.Ф. «Яко не просто нищета спасает и богатство погубляет»: о богатстве и нищете в сборнике проповедей конца XVII в. «Стагир» // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2011. Т. 90. № 2. С. 223–237. Текст проповеди выверен нами по рукописи.

страстию несът(о)вства пленен, естество ч(е)л(о)в(ѣ)ческое измѣниша и всякаго звѣря летѣйши сталь...» (л. 290).

Автор сопрягает в единое целое тело и душу человека: больное, изможденное тело становится метафорой больной души, пораженной недугом обогащения. Проповедник создает впечатляющую картину негативного воздействия богатства на человека: желание «усладить» тело, губит его вкупе с душой:

«Что бо сего бесчестнѣ, аще бы кому тѣло красное было и всѣхъ превсходящее добротою? Бога[т]ство же, пришедши, обѣщало бы ся сотворити тѣло студно и вмѣсто здраваго – недужно, вмѣсто же спрятаннаго – опухлое. И вся уды труда воднаго исполнивше надуло бы, и лице отвсюду сотворило бы пухнути: надуло бы ноги и паче бервень тяжчайшая сотворило бы, надуло бы утробу и всякия делвы болши содѣлало бы, и не хотѣло бы и ко врачу исцелитися отпустить. Ед[в]али бы ты даль богатству на тѣле власть такуюю, почто же даль еси надъ [ду]ши, еже не послушати законѣвъ Б(о)жиихъ?» (л. 368 об.–369).

Подобные антиномии были типичны для проповеди эпохи барокко второй половины XVII в. Слияние телесности человека с его душевной организацией отмечены в связи с проповедями Симеона из «Обеда душевного» М.С. Киселевой. «Внимание к телу в текстах проповедей XVII в. – пишет исследователь, – ничуть не меньше, чем к душе и чувствам человека. Для барочного автора тело становится источником множества метафор и сравнений, доносящих до слушателя главную тему его наставлений, адресованных человеку, спасающему свою душу»³⁴. Автор «Статира» неоднократно прибегает к развернутым метафорам, соединяющим духовное и телесное начала в человеке, что отвечает пониманию его целостности в контексте размышлений времени.

Утверждая в качестве идеального добровольный выбор нищеты – духовного креста, автор пишет о кротости и смирении, и главным аргументом становится путь Христа: «такожде и нищии, аще кротѣи и бл(а)г(о)даря Б(о)га *нищету терпятъ, не ропщутъ, ни проклинающе богатыхъ*, тогда бл(а)жени будутъ и Ц(а)р(с)тво Н(е)б(е)сное восприимуть...» (л. 362 об.). К традиционному представлению проповедник добавляет требование безропотного отношения к богатым, что свидетельствует об осознаваемой автором кризисной ситуации и стремлении сгладить противоречия. Проповедник отнюдь не идеализирует всякую бедность и нищету. На основе личных наблюдений он рисует неприглядную картину,

³⁴ Киселева М.С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М., 2011. С. 238–239.

когда нищета превращается в промысел, порождая в людях злобу, зависть, праздность, пьянство и другие грехи:

«И мнози нищии во очесѣхъ богатыхъ ласкають, а отшедши, злѣ проклинають, ибо не препитания ищуть, еже бы живу быти, но чтобы упиватися и обьядаться и в праздности жити и тако Хр(ис)товымъ именемъ собирають, а в руке диаволи предають, ибо убогия укрухи собравши да в корчемницу относятъ, измѣняюще на незаконное пьянство и на скаредную табаку» (л. 362 об. – 363).

Горестное сокрушение проповедника вызывают те нищие, которые, не желая жить своим трудом, причиняют себе физические увечья. Безделье таких нищих и праздность, по словам проповедника, опаснее, чем произвол богачей:

«И неравное зло нищии з богатыхъ содѣваетъ: богатый, злѣ богатству потребляя, похищаетъ, лихоимствуетъ, насилуетъ, похоти безмѣтная, нелѣпая дѣяннн, смѣшнн, чарованнн, обаяннн и иная вся лютая обрящещи от богатства рождающаяся. А в нищегѣ *паче сихъ и бестудннѣ творятъ*, нежели в богатствѣ: ропщутъ и проклинають себе, и ближняго ласкають, худость тѣлу притворяють, и многажды и Б(о)га худять и судъ Его праведный укоряють...» (л. 362 об. – 363 об.).

О том, что эта тема возникает не случайно, свидетельствует «Слово о милости», принадлежащее перу известного писателя, монаха Чудовского монастыря Евфимия, созданное на основе перевода польского сочинения в 1670–1680-е гг.³⁵ Утверждая необходимость милосердия к обиженным судьбой, писатель не приемлет тех, кто ««здравы суца» превращают нищенство в промысел. Евфимий предлагает даже ряд конкретных мер по дифференцированной помощи нищим, явно опираясь на разработанные в Европе механизмы. Соглашаясь с характеристикой их «утопичности»³⁶ для того времени, нельзя не видеть в них поиски здравого смысла и присутствие гражданского опыта.

Отрицание благодати нищенства в реформах Петра Первого

В европейской учительной и законодательной литературе критическое восприятие нищенства заметно с конца XIV в.³⁷ Понятно, с каким недоумением и презрением приехавшие иностранцы воспринимали толпы нищих и терпимое к ним отношение. Джайлс Флетчер, посол Елизаветы Английской в конце XVI в.,

³⁵ Пентковская Т.В. «Слово о милости» в церковнославянском переводе второй половины XVII в. и его польский оригинал: передача реалий // *Slovene*. 2017. № 2. С. 548–577.

³⁶ Елеонская А.С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М., 1990. С. 148.

³⁷ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. В 3 т. М., 1986. Т. 1. С. 89–90.

писал: «Бродяг и нищих у них несчетное число; голод и крайняя нужда их настолько изнуряют, что они просят милостыни самым ужасным, отчаянным образом...»³⁸. Живописец Корнелис де Брюйн, описавший московские нравы в начале XVIII в., отмечает толпы нищих, постоянно преследующих жителей города. Он возмущается нежеланием трудиться и одобряет желание правительства упорядочить нищенство открытием богаделен.

Реформы в отношении нищих были задуманы при царе Федоре Алексеевиче (1676–1682). Он вынес на обсуждение собора 1681–1682 гг. указ, по которому следовало разделить нищих по степени бедственного положения: убогих распределить по приютам и озаботиться обучению ремеслам здоровых³⁹. Автор закона исходя из потребностей государства в рабочих руках, явно стремился использовать европейский опыт.

Выполнение указа было свернуто после смерти царя Федора, в другом, более жестком варианте к нему вернется Петр Первый. Но явно перед нами, как и в проповеди «Статира», свидетельство формирования нового отношения к нищим: от сакрального восприятия мир нищих движется к утрате мистического смысла и появлению сомнений в безусловности страданий неимущих. Логическим завершением этого процесса в государственной политике становятся антинищенские указы Петра Первого, положения которых воплощены в «Духовном регламенте» (1721), подготовленном сподвижником государя в реформировании церкви архиепископом Феофаном Прокоповичем (1681–1736). В пространном документе, обращенном к светской и духовной администрации, где прописаны нравственные основы службы государю и отечеству, большой пассаж посвящен характеристике нищенского сословия и «подаванию милости». Совершенно справедливо мнение Г. Флоровского, что это скорее изложение идеологической позиции, чем законодательный акт, и тем важнее те установки, которые даются священнослужителям и пастве. Осторожные

³⁸ Флетчер Дж. О государстве русском / Под ред. князя Н.В. Голицына; пер. князя М.А. Оболенского. СПб., 1911. С. 163.

³⁹ С нескрываемым негативом в законе говорится о «притворных» нищих, «которые по дворам ходя, только примечают, как кто живет, и как его дом, как бы исплоша, где малолюдство, каво днем или ночью покрасть, а иные такие же воры малых ребят с улицы крадут, руки и ноги им ломают и на улицы их кладут, чтоб на них люди смотря, умилялись и больше им милостыни давали». См.: Сперанский С. К истории благотворительности в России // Вестник благотворительности. 1897. Вып. 3. С. 31–33; Горчева А.Ю. Нищенство и благотворительность в России. М., 1999. С. 42–43.

сомнения проповедников вырастают в отрицание благодати нищенского состояния. Подробнее всего Феофан останавливается на критике «ленивых прошаков», которые «при совершенномъ здравии, за лѣнность свою пускаются на прошение милостыни, и по миру ходить безстыдно», архиепископ пускается в пространные рассуждения о государственном вреде попрошайек⁴⁰, потому что их несметное количество влияет на дороговизну хлеба, «оба-че нахальствомъ и лукавымъ смирениемъ чуждые труды поядать», что, кстати, мешает увидеть истинно нуждающихся в подаании. Логичным завершением становится желание «Хватать бы таковыхъ всюды, и къ деламъ общимъ приставлять...». «Суетная» милостыня к таковым «прошкакам» становится антигосударственным преступлением: «И аще кто снабдѣваетъ оныхъ, и той есть яко помощникъ, тако и участникъ оныхъ же грѣха... Но изъ такой дурной милостыни еще и отечеству, якоже рѣхомъ, великий вредъ дѣется...». Пафос гневного осуждения подталкивает Феофана к проговариванию и подлинного опасения государства относительно коммуникативной функции нищих, которые служили трансляторами слухов и фактов, переходя от одного места к другому: «лѣннвыи оные нахальники *сочиняють нѣкая безумная и душевредная нѣния*, и оная съ притворнымъ стенаниемъ предъ народомъ поють... По дорогамъ, гдѣ угодно видять, разбиваютъ; зажигатели суть, на шпионство отъ бунтовщиковъ и измѣнниковъ подражаются; *клевецуютъ на властей высокихъ*, и самую власть Верховную злѣ обносятъ, и простой народъ къ презорству властей преклоняють...». Для окончательного морального уничтожения всей социальной группе приписываются зверства: «И что еще мѣру превосходить безсовѣстие и безчеловѣчие оныхъ; младенцемъ своимъ очи ослѣпляютъ, руки скорчиваютъ, и иные члены развращаютъ, чтобъ были прямые нищие и милосердия достойные: во истинну нѣтъ беззаконнѣйшаго чина людей...». Соответственно формируется требование к Коллегии: думать, «каковым бы лучшимъ способомъ зло сие искоренить». Идея милосердия остается в тени обличений, обусловленных государственными интересами, что, собственно, и было основной целью Духовного регламента.

В отличие от процессов в Западной Европе, где отрицание нищенства было вызвано становящейся идеологией ценности материального богатства, в России превалировали государственные интересы строительства империи, нехватки дешевой рабочей си-

⁴⁰ Феофан Прокопович. Духовный регламент // ПСЗ-1. Т. 6. С. 345-346.

лы, невозможность обеспечить расширившееся территории тягловым населением. Это были сложно взаимодействующие разнополюсные процессы: отрицание сакральности феномена нищенства государственными структурами не могло одновременно нивелировать традиционный механизм спасения души через подаяние и вытеснить образ нищего как из гомилетики, так и народно-поэтических жанров (духовных стихов, легенд, заговоров, лечебной магии), где сохранялись мистические моменты восприятия нищих на фоне образа Христа.

Однако, резкая и малопонятная народному миросозерцанию позиция духовной элиты сыграла свою роль, с течением времени нищенство переносится из сферы сакральной в морально-этическую, хотя низовой массовой культуре это было менее свойственно. Это было заметно и в проповедях XVII в., где осуждение нищих встречается нечасто и здесь же корректируется идеей духовной нищеты. Антинищенские указы Петра не были восприняты к исполнению значительной частью населения, на что указывает И.Г. Прыжов, который пишет, что «древнерусское общество, заступаясь за нищих, восстало против Петра, но не за жестокие меры, – они были в духе Древней Руси, – а за неверие в нищих»⁴¹.

Подводя итоги, следует сказать, что тема богатства и бедности, будучи важной для средневековья, внушительно была представлена в словесности XVII в. и в силу исторических обстоятельств драматично и многогранно обсуждалась в проповеднических словах этого времени. От безусловной уверенности в противостоянии богатства и бедности в достижении Царских врат, от призывов расстаться с богатством для достижения вечной благодати проповедники в разной степени приходят к мысли, что не материальное состояние является залогом спасения, но мысль о добродетельной милостыне и кроткое принятие нищенства как всегда возможного варианта жизненного пути. Пафос обличения склоняется к отрицанию нравственного убожества, а не физической сущности нищенства. В сборнике «Статир», уникальном по эмоциональной насыщенности и авторским высказываниям, наравне с темой нищенства в отдельных проповедях поднимается тема труда и таланта, которые способны возвысить человека. Автор приводит в пример работы «рыбаря» и земледельца, которые делами своими заслуживают уважение и благодарность (л. 165 об.

⁴¹ Прыжов И.Г. История кабаков в России. М., 1992. С. 296.

– 166). Критикуя «богатеев», проповедники начинают говорить о несправедном богатстве, достигнутом лихоимством и разбоем, пленением современников и присвоенной работой. Это первые шаги к пониманию социальных корней неравенства, хотя основной смысл критики воспроизводится в контексте христианской аксиологии. Но этот существенный момент становится основой образа беспокойной совести, мучительного недовольства образом жизни, постоянной рефлексии, к которому постоянно будет обращаться русская литература Нового времени. Феномен милосердия и теплоты к несчастным и обиженным судьбой людям останется для русской литературы вечной темой, и важным национальным мотивом, который будет порождать конфликт в разных сферах общественного и личного бытия, транслируемого в эстетическую задачу художественной культуры.

11.2. ВИНОПИТИЕ В ХРИСТИАНСКОЙ ПРОПОВЕДИ И НРАВСТВЕННАЯ ПОЗИЦИЯ АВТОРА «СТАТИРА»

Представление об исторических корнях, направленности и структуре праздничного действия формировалось в науке на протяжении XIX–XX вв. в трудах по этнографии, народной культуре, истории, фольклористике⁴². Выделяются ряд аспектов, присутствующих в феномене праздника: историко-генетический, каузальный, коммуникативный, хронотопический, эмоциональный, эстетический⁴³. Осмысление значения функций праздника присутствует в размышлениях философов, начиная с античности⁴⁴, обращались к пониманию праздника средневековые теоретики христианства. Всеобъемлющее понятие праздника, начиная со Средневековья включает в себя антиномические проявления. С одной стороны, праздник в его жертвенно-игровой сути связан с разными видами магии и отрицанием угрозы исчезновения мира. Это находило выражение в нарушении границ социального и бытового поведения, включая неумеренное потребление пищи,

⁴² Лаврикова И.Н. Краткий экскурс в теорию праздника // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 2 (217). Философия. Социология. Культурология. Вып. 20. С. 74–78.

⁴³ Обобщение см.: Кибалко В.В. Понятие «праздник». Анализ определенных и их осмысление // Наука. Искусство. Культура. 2017. Вып. 4 (16). С. 171.

⁴⁴ Платон. Собрание сочинений. В 3 т. М., 1972. Т. 3. Ч. 2. С. 117.

сексуальную вседозволенность, речевую свободу выражений, переодевание и смену гендерного и социального статуса. Таким образом, в модели праздничного поведения воплощалась идея изменения и бесконечности жизни, сакральная сущность праздника сопрягалась с радостной эмотивной атмосферой, связанной с надеждами на преодоление опасностей и верой в оптимистическое разрешение трудных ситуаций.

Вторая сторона праздничной культуры включала убеждение в необходимости только праздников, связанных с христианским мифом. Их празднование происходило в особые дни пасхального (триодного) или месячного (минейного) календарного цикла и состояло в воспоминаниях, представленных в молитве, целью было нравственное преображение земного мира и преодоление в момент праздника греховных помыслов, мысль о спасении души. Сложность состояла в нераздельности стремления к обретению радостного самоощущения момента, что выливалось в неизбежное слияние христианского смысла и дохристианского поведения. Это была главная причина создания специальных проповедей, нацеленных на обличение недостойного поведения. Его маркерами было неумеренное потребление веселящих напитков, пиршество, народная музыка и песни, вызывающие смех и приводящие к возбуждению греховных желаний. Это то, что Хейзинга в связи с европейской культурой назвал «праздничным опьянением» и «экстазом»⁴⁵. Легитимность такого поведения определялась особым временем и пространством праздника.

Христианские корни праздника вызывали другой тип поведения: серьезная сосредоточенность на внутреннем состоянии, мысли о вечности и благоговейное прикосновение к сакральному миру в пространстве храма. Однако полное соответствие этому поведению нарушалось традициями отмечать любой праздник проявлениями жизнеутверждающей свободы. Для христианской культуры такое поведение сводилось к нарушению благочестия в пороке пьянства и бытовой распущенности, что трактовалось как путь, ведущий к гибели души.

Осознание пьянства как порока, разрушающего человеческую душу, повлекло за собой появление проповедей, порицающих употребление алкоголя сверх меры. Такие проповеди встречаются у учителей церкви начала первого тысячелетия: Василия

⁴⁵ Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры / Пер. с гол. Д.В. Сильвестрова. М., 1997.

Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова. В традиционном сборнике проповедей – старопечатном Учительном евангелии находилось «Поучение въ п(о)н(е)делникъ свѣтлыя недѣли, какъ праздновати праздникъ сей. Не объядениемъ и пьянствомъ, но духовнѣ и во Бозѣ во всемъ»⁴⁶. Поучение предписывает находить радость в молитве, благодарении Бога, достижении «правды». Раскрывая понятие праздника, автор сокрушается:

«Не можемъ убо праздновати, содержими суще страстми. Како бо можетъ дѣлати, имѣяй счево свое бога и объядению и пьянству работий. Како можетъ праздновати, иже сластолюбиемъ плотскимъ и вожделениемъ распяемъ. Како можетъ праздновати, иже сребролюбиемъ и лихоимѣниемъ и неправдою и похищениемъ погружаемъ... Праздникъ, убо глаголю, еже ко святымъ церквамъ прилѣжаніе, о пѣснехъ духовныхъ и бдѣнийхъ подвижаніе и бодрость»⁴⁷.

Таким образом церковь старалась удержать человека в рамках поиска радости в вере, а не в мирском «гулящем» поведении.

Однако главное противоречие состояло в том, что с XVI в. существенную часть государственного бюджета составляли деньги, полученные от винопития. Усиление обличения пьянства было спровоцировано появлением в Московском государстве кабаков. Изготавливать и употреблять крепкий алкоголь дома людям низших сословий было запрещено, и при желании развлечься и забыть о тяжелых условиях жизни им ничего не оставалось, кроме посещения «царевых кабаков». Заправляли кабаками целовальники, которые «спивали и грабили народ, брали в заклад всякое имущество, поощряли воровство, драки и даже убийства, а затем отправляли «питухов» на «правеж» и на казнь». В XVI–XVII вв. церковь отреагировала на проблему спивания многочисленными проповедями и поучительными словами против пьянства.

Рукописный сборник проповедей «Статир» был создан в конце XVII в. в Орле-городке анонимным автором. В 1842 г. сборник был упомянут А.Х. Востоковым в «Описании русских и словенских рукописей Румянцевского музеума», и далее исследования касались в основном риторического искусства, установления авторства и датировки, культурной значимости сборника (Д.М. Буланин, А.А. Введенский, П.Т. Алексеев, А.С. Елеонская, Л.С. Соболева). И хотя при характеристике сборника обращалось внимание на Поучения, направленные на исправление нравственности, цикл слов о пьянстве не подвергался специальному изуче-

⁴⁶ Цит. по: Евангелие Учительное. М., 1759. Л. 73 об. – 75 об.

⁴⁷ Цит. по: Там же. Л. 84–84 об.

нию. Однако эти поучения против пьянства ценны благодаря особой актуальности проблемы для современников автора сборника, поскольку отражают не только бытовое и праздничное поведение, но и изменения в сознании самого автора, начинающего проявлять в церковных проповедях личное начало, свойственное барочной культуре. Необходимость вывести паству из кризиса, улучшить ее положение вынуждает проповедника XVII в. обратить внимание слушателей к проявлениям земной жизни посредством проповеди, апеллирующей обычно к духовному началу человека. Чтобы осуществить это, священнику приходится искать новые способы и методы воздействия в поучениях.

Всего в «Статире» обнаружено шесть слов на разные типы праздников, в которых пьянство обозначается в заглавии, пять из них являются вторыми частями проповедей, конкретизирующими идеи греховности человека, изображая пьянство как источник греха в потере человеческого облика. Упоминание этого греха встречается и в других проповедях, что свидетельствует о частоте данного проявления бытового поведения.

Композицию слов определяет компилятивное построение, при этом к источникам цитат автор «Статира» относится внимательно, отмечая на полях порой не только имена авторов, но и произведение и часть, откуда заимствована цитата. Необходимость в цитировании объясняется автором в предисловии тем, что того требует стиль проповеди, чтобы обеспечить понимание слушателями. Автор использует разные способы цитирования, являя свою творческую натуру и способность к рефлексии. Для Средневековья обращение к цитированию являлось основным средством поэтики и способствовало внедрению интертекстуальности в произведение. Талант автора сказывался в выборе цитат, парафразов и выстраиванию логически и эмоционально убедительного текста. Из всех слов, связанных с пьянством в «Статире», ярче всего об этом грехе рассказывается в Слове 45 «Яко ничто же окаяннѣ человека пьянаго» (л. 187–191), произнесенном автором на 10 неделе по «Сошествию Святаго Духа». Оно раскрывает нечестивость пьянства, безобразия которого показывается в сравнении с болезненным беснованием и поведением животных.

Начинается Поучение цитатой из Бесед на Деяния Апостольские Иоанна Златоуста: «Бѣсъ не возвращает Ц(а)р(ст)ви Н(е)б(ес)наго получитьи, но и помогает, ибо бѣснующиися здѣ муку приемлють за грѣхи». Согласно законам гомилетики, руководства по которой появлялись в XVII в., в начале проповеди

должна быть озвучена тема из библейских или святоотеческих произведений. Выбранная тема становилась фундаментом всего слова, от нее выстраивалось изложение⁴⁸. Такой прием введения цитаты исследователь-славист Пиккио Риккардо называет «библейским тематическим ключом», который позволяет читателю или слушателю уловить имплицитный сакральный смысл проповеди⁴⁹. Использованная автором «Статира» цитата не только обозначает тему, но и выводит проблематику слова на уровень «вечности»: бытовое пьянство искажает человеческий облик, данный Богом как образ и подобие Бога, наследуя этот аргумент из святоотеческих произведений. Кроме дословных цитат в тексте проповеди встречаются парафразированные цитирования, в которых автор творчески перерабатывает отрывки из источников. Показательно для этого приема изображение праведной семьи:

«Коего же похваления достойна есть целом(у)драя, и от сластопитания удерживающаяся. Азь бо пр(а)в(е)дно реку, такова есть трезвенная жена, честна и благообразна, всякаго целом(у)дрия исполненна. Блаженъ же и муж таковыя жены, ибо егда она д(у)шевное бл(а)городие соблюдает, тогда и тѣло ея многуо облагается красотю. Не от тѣлесныя доброты сие бываетъ, но от д(у)шевныя чистоты, ибо аще кто от прем(уд)рых увидитъ и красную жену, а безумну – посмѣется ей и наругается. А це(ло)м(уд)рой кто не удивится» (л. 189 об.).

Источником цитаты автор указывает 27 беседу на Деяния Апостольские Иоанна Златоуста. Однако сравнение показывает отсутствие точного сходства:

«Не думай, что красота зависит только от телесного благообразия. Представь девицу благообразную, но нескромную, болтливую, сварливую, склонную к пьянству и расточительности: не безобразнее ли она всякой некрасивой <...> Хочешь ли, я скажу теперь и о мужах? Что отвратительнее пьяного? Он <...> более зверь, нежели человек»⁵⁰.

Автор заимствует у Златоуста эпитеты и структуру, но упор делает на благочестивую семью, а не на греховную, как в Беседе, сохраняя сообщение о связи телесной и душевной красоты.

Особую наглядность проповеди обеспечивают сравнения и противопоставления. 45 Слово содержит заимствованные из святоотеческой литературы сравнения пьяницы и беснующегося, а также пьяницы и животного (свиньи или пса). Беснующимся бо-

⁴⁸ Галытовский И. Ключ разумения. Киев, 1659. Л. 241.

⁴⁹ Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык / Отв. ред. Н.Н. Запольская, В.В. Калугин. М., 2003. С. 436–437.*

⁵⁰ Иоанн Златоуст. Беседы на Деяния Апостольские, 27 беседа. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_55/27

лезнь дается Богом как испытание, а пьяница выбирает его само-вольно, и тем сильнее грех. Автор, помимо проблемы, указанной в «библейском ключе», обозначает еще одну – чувство меры:

«Колико на свѣте есть животныхъ, звѣрей и гадовъ, по воздуху парящихъ и в мори, но всѣхъ сихъ пьяница горши: они бо вящи мѣры не преемлютъ пищи и смысла своего не погубляютъ, не бѣсятся и до мертва не питаются, пьяница же и уставы мѣры переходить, и умъ погубляеть, многожды и умираеть пивши чрез мѣру» (л. 188 об.).

Обе проблемы объединены тематикой телесности и выражены цитатой из Златоуста в нравственном приложении («прикладе»), важнейшей части проповеди, содержащей правила праведной жизни: «Сего ради малое и тѣсное чрево даль есть намъ Б(о)гъ, еже бы малую мѣру уставити пищи». Для большего воздействия автор Статира дополняет цитату: «Ты же сие <...> безмѣрными брашны и питии отягчаеши» (л. 190 об.). Внимание к телесному проявлению греховности и праведности – семантика нового времени, когда человек становится важен в его земном, каждодневном бытии. Стремясь донести прихожанам мысль о противоестественности пьянства и внушить к нему отвращение, автор использует яркие описания поведения пьяницы. Те же сравнения в сочетании со сниженной лексикой вызывают шокирующий эффект и выделяются на фоне нравоучений:

«<...> коего бестудия бѣсь обжирства чрезъ пьяницу не творить, ибо егда сей обожрется, тогда зубами скрежешеть и уды тѣла своего кушаючи терзаеть, и очи выворачиветь, а ничтоже не видить. И яко песь бестыдствуетъ, и внѣ ума своего бываетъ, и по земли валяется, и пѣны из него блевотить, яко от пса бѣсящагося текутъ, и смрадь зловония из гортани его исходить. Яко целомудрому невозможно его минути и с нимъ быти» (л. 187 об.).

Эта часть является парафразом из «Евангелия учительного» Кирилла Транквиллиона:

«Но что разнствуетъ сего пняца, не таажде ли творить бѣсь обжи(р)ства тѣми, ибо сей егдася обижреть, тогда и зубами скрежешеть, и очи выворочаетъ, и яко песь бестыдствуетъ, и внѣ ума своего бываетъ. Иногдыже бѣсь обжирства и по земли валяеть его, и пѣны з него блеватинъ яко от пса бѣсноватого тешаться, и смрадь исходить з гортани его. Яко всѣмъ в цѣломудри живущимъ отвращатися от его зло нравия»⁵¹.

Используя его, автор снимает ограничения в лексике, низкое и просторечное словоупотребление становится средством сугге-

⁵¹ Кирилл Транквиллион-Ставровецкий. Евангелие учительное. Рохманово, 1619. Л. 56 об.

стии образа. При этом цитата перерабатывается так, чтобы оставить в ней исключительно характеристики пьяницы – бес, владеющий им, упоминается только один раз.

Усилена просторечием и бытовыми подробностями также цитата из «Толкования на Матфея» Иоанна Златоуста, благодаря усилению живописности и натуралистичности сравнения превратившаяся под пером писателя в отталкивающую картину.

И. Златоуст: «Она делает людей свиньями, и хуже свиней. Свинья валяется в грязи и питается калом, а сластолюбивый человек приготовляет себе стол отвратительнейший, придумывая непозволённые связи и незаконную любовь»⁵².

«Статир»: «Кое бо злое не содѣвает пьяница, свиния ис ч(е)л(о)-в(е)ка творится, и горше свиней: ибо свиния не толико хоцетъ пребывати во овошнице зеленомъ и многоразличными плоды питатися, елико в тинѣ валятися и каломъ наслаждатися. Тако и пьяница никогда же хоцетъ з бл(а)гоискусными мужи бесѣдовати и трапезы и пития с ними насладитися, якоже Хр(ис)тианский законъ повелеваетъ, но онъ таковыхъ оходитъ и в корчемнице со блудницами гнуснѣйшею трапезой питается и, яко свиния в калѣ валяется, оставя законную и добродородную свою жену и со скверными женами творить безбожная и законопреступная смѣшения». (Л. 187 об. – 188).

Помимо натуралистических картин поведения, автор обращается к социальным конфликтам, вызываемым пьянством, разрушению семейного благополучия. Выразительно рисуются блудеяния, что усиливает тему греховного поведения:

«Тако и пьяница никогда же хоцетъ з бл(а)гоискусными мужи бесѣдовати и трапезы и пития с ними насладитися, якоже Хр(ис)тианский законъ повелеваетъ, но онъ таковыхъ о[б]ходитъ и в корчемнице со блудницами гнуснѣйшею трапезой питается и яко свиния в калѣ валяется; оставя законную и добродородную свою жену, и со скверными женами творить безбожная и законопреступная смѣшения» (л. 187 об. – 188).

Присущее автору использование натуралистических описаний в соединении с эмоциональной насыщенностью просторечия (в гомилетике такие описания называются изображениями) способствуют эмоциональному воздействию и служат в первую очередь для усиления чувственного восприятия и отторжения.

Образы грешников в «Статире» дифференцированы социальным статусом пьяницы, что свидетельствует о формировании государственной функциональности в оценке личности. Во всех словах, где присутствует образ пьяницы-мужчины, показываются самые неприглядные стороны его поведения. Автор приводит фи-

⁵² Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея.

физиологические подробности пьянства: рвоту, судороги, грязь вокруг, вытаращенные глаза. Изображение материально-телесного низа относительно пьянства здесь играет не комическую роль, как, например, в «Службе кабаку»⁵³, а скорее трагическую, ужасающую. Главное – отмечается нарушение не только внешнего облика человека, но и чистоты его души, так как во время пиршества совершаются «безбожная и законопреступная смѣшения».

В образе пьяницы-женщины выделяется нарушение внешности, хотя, в отличие от мужского образа, тут присутствует не только уродство, но и изменение облика через греховное приукрашивание. Автор противопоставляет грешницу и целомудренную жену, перерабатывая отрывок из Златоуста, при этом, как и в случае с мужчиной, в образе грешницы описываются физиологические подробности, и действия приукрашивания себя стоят в одном ряду с ними. А телесная красота целомудренной жены обосновывается ее душевным благородством и праведностью, и именно такую красоту автор считает истинной. В переработке цитаты из Златоуста о грешной жене и грешном муже прослеживается мысль автора о тесной связи супругов, их влиянии друг на друга, которую он развивает далее в Слове к новобрачным⁵⁴.

Анализ пьянства людей разных социальных групп не заканчивается на описании мужского и женского пьянства. Автор рисует также образ священника, подверженного пьянству, потому что в отличие от людей других социальных ролей, пьянство священника ведет к духовной катастрофе. Этой проблеме посвящено отдельное Слово 78, «На учителя ленивые и пьянчивые, а бодрые многой чести сподобляются» (л. 332). Здесь «библейским ключом» и примером одновременно выступает притча о талантах. Под талантами в Слове понимается предназначение священника быть связующим звеном в отношениях паствы и Церкви, ведь он, будучи достойным рабом Бога, должен приумножить данные таланты, т.е. привести к спасению не только свою душу, но и души прихожан. Ленивый и подверженный пьянству священник сравнивается с рабом, который зарыл свой талант в землю и был вынужден держать ответ за это перед Богом.

⁵³ Лихачев Д.С. Смеховой мир Древней Руси // Смех в Древней Руси / Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко. Л., 1984. С. 7.

⁵⁴ Соболева Л.С. Гимн семейной любви и гармонии в рукописном сборнике проповедей конца XVII века // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 254–270.

Автор «Статира», в отличие от учителей Церкви, только изображающих пьянство и его последствия для тела и души (в т.ч. Златоуста, которого в связи с пьянством цитирует больше всего) делает попытку отвратить от него тех, кто ему подвержен. В его проповедях нет обращений к непьющей пастве, как у Василия Великого: «Если пьяный не владеет умом и омрачен, то делающий ему выговор напрасно тратит слова для неслушающего. Поэтому кому же стал бы я говорить, если имеющий нужду в увещании не слышит того, что говорят, а целомудренный и трезвый чист от этой страсти и ему не нужна помощь слова?»⁵⁵; или Иоанна Златоуста: «Не о вас я говорю, – да не будет, – я вполне убежден, что ваша душа чиста от этой болезни и этой страсти, и доказательством вашего здоровья служит пребывание ваше здесь, усердное собрание, внимательное слушание, потому что никто, упивающийся вином, не может жаждать божественных изречений»⁵⁶.

В 39 Слове автор «Статира» наоборот, обращается напрямую к пастве говоря о их грешном времяпрепровождении: «А на вашихъ пирѣхъ, увы мнѣ, еже зрять очи мои: коликое бѣснование *от* пиянства, коликое сквернословие, коликое кушунание» (л. 162 об.). Не раз он отмечает, что слушателям самим известно о сопутствующих пьянству явлениях, однако именно описание поведения пьяницы является основным для него приемом придания проповеди наглядности. Подтверждения тому, что автор «Статира» считает своим долгом не только провести профилактическую беседу, но и излечить от греха пьянства, присутствуют в тексте проповеди 45 Слова: «И что ли реку прочее, како изочту злобы пиянства и како возмогу расторгнути диявольское неистовство, ч(е)л(о)в(е)ческое душегубительство» (л. 187 об.). Если раннехристианские проповедники старались отвратить от греха тех, кто еще не был им захвачен, потому что заботились об участии человеческой души после смерти, то автор нового времени обращается к людям, уже подверженным пороку пьянства, чтобы убедить их улучшить жизнь земную.

Количество слов о пьянстве в «Статире», обращение автора непосредственно к пьющим людям, анализ разных социальных групп, подверженных пьянству показывают, насколько сильно автора волнует эта проблема в современном ему обществе. По-

⁵⁵ Василий Великий. Беседы, 14 беседа «На упивающихся». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/Besedi/14

⁵⁶ Иоанн Златоуст. Слово против упивающихся и о воскресении...

этому слова против пьянства не направлены на разъяснение Священного Писания и святоотеческих произведений, напротив, новаторская работа автора заключается в том, что он использует цитаты для воздействия на грешников, и смысл их состоит в изменении состояния человека в общественном контексте и в земной жизни. Отсюда существенно меньше места занимают объяснения богословского характера.

Этим же обусловлено содержательное отличие проповеди автора «Статира» от классических святоотеческих проповедей. Чаще всего обличение пьянства происходит в связи с каким-либо толкуемым эпизодом Священного писания⁵⁷, но проповеди «На упивающихся» Василия Великого и Иоанна Златоуста содержательно больше всего похожи на слова против пьянства в «Статире», так как полностью посвящены обличению пьянства. Однако при сравнении текстов святоотеческих проповедей со Словами из «Статира» видно, что в проповедях переходной эпохи обличение пьянства путем его наглядного изображения концентрированно и занимает практически весь текст, а в святоотеческих проповедях текст содержит также объяснения различных библейских цитат или эпизодов. Автор не обосновывает выбранную для поучения тему предшествующим событием или праздником, накануне которого читается проповедь, хотя такие обоснования встречаются в святоотеческих проповедях – выбранные для сравнения тексты были прочитаны к празднику Пасхи, соответственно тема пьянства была выбрана в них для обличения и предупреждения неподобающего поведения. Автор «Статира» же только обозначает тему во вступлении, но не привязывает его к конкретному событию.

Одним из способов поиска темы для проповеди с раннехристианских времен было обращение к церковному празднику, в день которого проходила служба. В этом случае обострялась не только моральная, но и религиозная проблематика этого порока. В отличие от пьянства в будни, праздничное пьянство в святоотеческих поучениях изображалось масштабным и несло в себе отголоски язычества. Василий Великий упрекает нечестивцев в том, что они превозносят пьянство на праздниках: «Бывают же при этом какие-то князья вечеринок, главные виночерпии и учредители пира: в беспорядке придуман порядок, и в неблагочинном деле – устройство, чтобы, как мирским властям придают важности оруженосцы, так и пьянство, подобно царице, окружалось служи-

⁵⁷ Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея...

телями, и избытком усердия закрывался позор его!»⁵⁸. С приходом христианства на Русь народный обычай праздновать с музыкой и выпивкой тоже стал восприниматься как недопустимый, переводились византийские тексты, запрещающие такие празднования, создавались тексты, укорявшие за их проведение⁵⁹. Формально власть и сама церковь участвовали в этих празднованиях.

В XVI–XVII вв. началось более жесткое и многостороннее закрепление правил религиозного бытового и ритуального поведения, определение условий взаимоотношения человека с Церковью, все большая монополизация церковью своих прав. Сборники законов XVI в. Стоглав и Домострой предписывают наказание за использование в христианских обрядах языческих элементов, в т.ч. празднования с музыкой и скоморохами⁶⁰. Закрепление этого запрета было связано с тем, что в народном сознании помимо церковного календаря существовал календарь, основанный на дохристианских верованиях, с традицией шумного, многоголосного веселья как утверждения жизненного противостояния смерти и укрепления родового и общинного союза. С принятием христианства праздники постепенно слились в один процесс, который А.Н. Розов предложил назвать «народно-церковным календарем», поскольку в народные праздники стала проникать христианская символика, а в христианских праздниках и обрядах – проследиваться семантика народных праздников⁶¹. Слияние церковных святцев с дохристианскими представлениями о годовом праздничном круге давало людям возможность отмечать церковные праздники привычным для народных дат образом – со скоморохами, пирами и музыкой, что вносило, по мнению церковного клира, хаос в упорядоченный строй религиозных обрядов. Несмотря на запрет на правовом уровне, успех в ограничении разных сфер бытия не стал абсолютным.

Обличение праздничного веселья и пьянства в XVII в. проводилось уже не из-за того, что такой способ празднования имел

⁵⁸ Василий Великий. Беседы, 14 беседа «На упивающихся»...

⁵⁹ Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. В 2 т. Харьков, 1916. Т. 1. С. 313–319.

⁶⁰ Сукина Л.Б. «С кабалком и скоморохами»: девиантное поведение русского человека XVI–XVII вв. в церкви и во время религиозных праздников. URL: <http://moscowstate.ru/s-kabakom-i-skomorohami-deviantnoe-povedenie-russkogo-cheloveka-xvi-xvii-vv-v-tserkvi-i-vo-vremya-religioznyh-prazdnikov/>

⁶¹ Розов А.Н. Народный календарный праздник и православие // Человеческая культура. Образование. 4 (30). 2018. С. 124.

языческие корни, а из-за того, что он, по убеждению иерейства, наносил урон нравственной чистоте паствы⁶². Противостояние этому порядку празднования священники видели в словесных обличениях, где рисовались яркие картины погибели души и расплаты вечными муками за отступление от христианского поведения на праздниках (календарных или семейно-бытовых)

В «Статире» Слово 39 полностью посвящено пьянству на церковных праздниках Триодного генезиса. Автор не упоминает в нем название праздника, к которому приурочено поучение, как это делали Василий Великий и Иоанн Златоуст, говоря конкретно о празднике Пасхи. Отсутствие точного указания на праздник может говорить о том, что автор мыслил его универсальным для обличения праздников в целом. По счету проповедей в сборнике, начиная от Пасхальной, Слово соответствует седьмой неделе по Сошествии Святаго Духа, т.е. июлю – августу (в зависимости от даты Пасхи). Кроме этого поучения на конец лета приходятся еще два (45 и 47 слова). Оставшиеся три поучения расположены на годовом круге не так близко: ноябрь, декабрь, март-апрель (71, 78 и 105). Сосредоточенность проповедей против пьянства в конце летнего сезона может быть связана с началом сбора урожая и праздниками по этому поводу. Так, 20 июля по старому стилю праздновался день памяти святого Ильи-Пророка (Ильин день), культ которого заменил почитание языческого бога грозы Перуна. С этого праздника разрешалось употреблять овощи и хлеб нового урожая, продукты приносили в церковь для освящения. Было принято устраивать большой пир – братчину – с принесением жертвы Илье-Пророку. Братчина устраивалась на несколько поселений, вкладчину приготавливали пиво. Праздничная трапеза заканчивалась хороводами и играми⁶³. Именно против таких широких гуляний в церковный праздник выступала Церковь.

Для автора «Статира» праздничное пьянство, в отличие от бытового, связывалось не с пороком человека, а с общим грехом группы людей и неправильными с моральной точки зрения отношениями между людьми. Поэтому он делает центром изображения эгоистичное поведение пирующих как по отношению друг к другу, к людям другого статуса, так и к религиозной морали в целом. Библейским ключом здесь выступает мотив слепоты, метафорически показывающий, что такое поведение мотивирова-

⁶² Гальковский Н.М. Борьба христианства... С. 327.

⁶³ Мадлевская Е.Л. Русская мифология. СПб., 2005. С. 655–656.

но душевной нечувствительностью человека и его невозможностью правильно оценить истинные проявления земной жизни:

«О лютыхъ страстей, ѹми же дияволь на ч(е)л(о)в(е)ка воюеть, и всячески того растлѣваетъ, гордостію надываетъ, завистию угрызаетъ, лакомствомъ. сребролюбиемъ бодеть, яростию и гнѣвомъ пожигаетъ. Но вся сия, слепотою помрачени, в сладостѣхъ міра сего не зримъ, но любовнѣ содержимъ» (л. 159 об.).

В связи с душевной слепотой человека осуждается его нечувствительность к окружающим людям как одна из причин нравственного падения на праздниках, устроенных не по религиозным правилам. Для большей выразительности автор использует диалогическую композицию, развенчивая и обличая неверные представления пирующих о соблюдении заветов Господа. Очень нетривиально он использует прием профанации, по сути, приводит к эффекту неосознанной пародии невежд на заповеди Бога: «Но вѣмъ, яко мнози рекухъ мнѣ: «Что ны укоряеши, кое зло пьянство, а мы другъ друга почитаемъ, и Хр(ис)товы заповѣди соблюдаемъ, понеже Онъ заповѣда другъ друга любити» (л. 160 об.).

Глубоко эмоционально автор «переводит» профанирование темы любви к ближнему в атмосфере гуляний на любовь к нищим и бедным, которые нуждаются в подаении, создавая окказиональные обличения – «телесников, чревоработниковъ»:

«Поистине добръ ми реклъ еси: “Любовь соблюдати, ибо и Б(о)гъ любви есть, и пребывая в любви в Б(о)зѣ пребываетъ, и Б(о)гъ в немъ пребываетъ” <...> Иже тойже Сп(а)ситель гл(агол): “Аще сотвориши пирь или вечерю, не зови равныхъ себѣ, ни друзей, ни сродниковъ, да и ти ты такожде воззовут, но нищих, бѣдныхъ, иже не имуть ти что воздати. И снѣси обѣдъ во ц(а)р(с)твии н(е)б(е)снѣмъ”. О суетный ч(е)л(о)в(е)че! Что ослѣпъ, еси в пьянствѣ ли любви законъ хочещи исправити. Нищих же не точию на обѣдъ не призываеши, но ниже куса хлѣба подати хочещи, ни раздраной ризы, ни излишняго пѣнязя. Но вся на непотребное веселие изнуряеши, и равныхъ себѣ таковыхъ же тѣлесниковъ, и чревоработниковъ призываеши» (там же).

Так как пьянство в религиозной картине мира понимается как дьявольская выдумка, направленная против спасения человеческой души, топосом поучений против пьянства становится мотив добровольного отхода от богослужений. Здесь этот мотив выступает не только как способ пристыдить паству, но и как регулятор времени праздника: похмелье и все последствия праздничного пьянства размывали границы рабочего и нерабочего времени⁶⁴.

⁶⁴ Бернштам Т.А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX – начало XX в.) // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 135.

При этом алкоголь в рамках праздника мог существовать упорядоченно, если оставался в рамках обряда или ритуального праздничного пира. Н. Костомаров описал два вида пиров. У «степенных и набожных особ» трапеза проходила с молитвами и приглашением за стол нищих. Выпивали за славу Божьей Матери, за здоровье высших лиц, семьи, за упокой усопших. «У разгульных людей» пир проходил с большим количеством алкоголя, без гендерного разделения ролей, с непотребными песнями и плясками⁶⁵. Показывая, как неподобающее празднование наутро отвлекает от ежедневной службы, автор «Статира» изображает последствия праздничного пьянства, после которого человек или страдает от похмелья: «а ты пьянства сномъ отягченъ, и яко мертвъ на одрѣ поверженъ», или продолжает несправедливо праздновать: «мало истрезвився от пьянства, и отходятъ в баню на скверное смѣшение. Аще бо и с женами, но законопреступницы суще» (л. 161). А праведные прихожане в это время идут на Божественную литургию – важнейшую из ежедневных служб.

Так же в формате диалога автор «Статира» разграничивает пиры и вечера, которые изображаются в Библии, и праздники своих современников-грешников. Основным критерием разграничения становится цель пира. Автор смело обращается к описанию «пира» во время вечера Христа, когда происходили исцеления людей, увещевались грешники, даже блудница смывала грех слезами. Автор усложняет для паствы представление о пире, усиливая тем самым ответственность людей за происходящее на нем:

«Но ты ли вменяеши Б(о)жие странствие к своимъ д(у)шепагубнымъ пиромъ. Идѣже бо Хр(ис)т(о)съ пироваше, ту коликая преславная содѣвая. Мнози бо недужнии здравие получиша. И велиции грѣшници внезапу оставление грѣховъ приаша, и пречюднии прав(е)дн(и)цы быша. Идѣже Хр(ис)т(о)съ вечеряль, тамо и жены вхождаху, инии же служаху ему, иныя же послушающе со тшаниемъ прес(вя)тѣйшихъ словесъ его, но и блудницы тамо всенародная прииде, и слезами облиаше носѣ его, и власы гл(а)вы своея отры, и мазаше миромъ, и непрестанно целоваше носѣ Хр(ис)т(о)вы. И сего ради сподобившися оставления множества грѣховъ» (л. 162 об.).

В изображении душепагубного пира большое внимание уделяется роли женщины. Женщина на празднике – центральная фигура, поскольку именно она должна подливать алкоголь гостям⁶⁶. В «Статире» образ женщины детализирован и отношение гостей

⁶⁵ Костомаров Н.И. Русские нравы. М., 1995. С. 113.

⁶⁶ Домострой. По рукописям Императорской публичной библиотеки / В. Яковлев. СПб., 1867 // Викитека. URL: <https://ru.wikisource.org/>

к ней описано максимально подробно. Автор акцентирует внимание на ее попытках изменить внешность, называя это поруганием образа Божия: «лице натрено многоразличными вапы, красоту притворяюще, а образа Б(о)жия обругающе. Очи призажмени, а брови возвышении, шия убѣленуя протягнена, златомъ обложена и драгимъ бисеромъ, и в шелковая одѣянна» (л. 162 об. – 163). Описание ритуала, который выполняют гости, когда женщина входит в комнату, напоминает верующим языческие обычаи:

«Станет бо жена посредѣ дому, подобнѣ аки нѣкая богиня. Тогда кийждо починомъ пиряне, со многимъ люботшаниемъ и с низжайшимъ поклонениемъ, и со всяцемъ благоговѣниемъ воздающе ей честь целуютъ ю. Она же стоит неподвижна, аки идоль, и держитъ в руцѣ своей чашу. Тогда любостройнѣ, аки нѣкую бл(а)г(ода)ть, от руку ея приемлютъ, и *от*ходя с поклонениемъ испиваютъ мало: аки бы не хоцугъ, да воздержницы возмнятся. Желаютъ, дабы она что к нимъ прогл(агол)еть и испити их понудить. А донелиже она не изыдетъ, то ни единъ ту сущихъ *от* пирянь не сядет. Аще ли кий сядет, то вси его порицають и невѣжею называютъ, и пияницею укаряють» (л. 163 – 163 об.)⁶⁷.

Автор показывает пир, фокусируясь на женщине и чаше с вином, называя ее богиней, чтобы обличить несправедное поведение пьяниц, готовых боготворить кого-то, кроме Господа: «не вижу такова люботшания и в дому Б(о)жии, и таковой почести и поклонения и образу Б(о)жию, и такового чина и строения, и в слушании Б(о)жественныхъ словесъ поучения» (л. 163 об.). Речь здесь идет не просто о создании из алкоголя кумира, подобно Золотому Тельцу, но о поклонении Сатане вместо Бога, поскольку автор неоднократно подчеркивает сатанинскую природу праздничного пьянства. Таким образом, в праздничном пьянстве обличается непослушание воле Божьей, проявляющееся в несоблюдении нравственных норм, заповедованных Богом – отзывчивости и любви к людям, скромности – и выгодном для себя, но греховном перетолковывании слова Господа на свой лад.

Проповеди против пьянства в XVII в. старались захватить весь круг связанных с ним проблем. Барочная выразительность давала проповеди свободу в наглядном изображении греха пьянства, причем проповедник напрямую обращался именно к греш-

⁶⁷ Ср. описание Котошиним приема гостей в Московском царстве, при котором мужья выводят жен и они «клянутся гостямъ... и пришедь цѣлуются, подносятъ гостямъ по чарке двойного или тройного зелья... наперед пьет жена, потом хозяйин». См.: Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. 3-е изд. СПб., 1884. С. 168.

никам, несмотря на то что в раннехристианской традиции это считалось бессмысленным. Широкое использование цитат и парфраз в проповеди Нового времени стало служить не только как разъяснительный материал для толкования слова Божия, но и как отправная точка для рассуждений проповедника. Если раньше объяснения священника делали понятным для паствы Священное писание, то здесь цитата выступает не в качестве затемненного фрагмента, а наоборот, понятного примера, с помощью которого автор развивает и подкрепляет свои мысли. Отход от экзегетического пафоса объясняется также тем, что автору XVII века было важно обратить внимание слушателей на их земную жизнь, поэтому проповедь стала наглядно изображать губительные последствия пьянства.

В социальной и духовной жизни человека тема пьянства занимала особое место. Важным концептом для русского человека с языческих времен был пир, но с приходом христианства широкие празднования с музыкой, алкоголем и скоморохами стали восприниматься как неправильные. Попытка государства и Церкви запретить такие празднества на правовом уровне провалилась, и проповеди взяли на себя роль увещевания против праздников. Автор «Статира» посвящает праздничному пьянству целое слово, резко осуждая его, видя в нем поклонение дьяволу вместо поклонения Богу (проведения праздника по христианским традициям). Но праздничное пьянство вредило не только человеческой душе — оно нарушало социальные рамки праздников и буден, границу между которыми старались провести светские и духовные власти.

11.3. «ЧТИ Ю, ДА НЕ ВОСТРЕБУЕТЬ ОТ ИНЫХЪ ЧЕСТИ»: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БРАКЕ В БЕЛЛЕТРИСТИКЕ И ПРАВОСЛАВНЫХ ПРОПОВЕДЯХ

Вызывая к жизни многочисленные приметы и обязательные действия в календарной обрядовости, не менее насыщенными оказывались события обрядов семейно-бытового характера. Особенно ярко это проявлялось в моменты перехода человека в новое состояние и утверждения при этом необходимости родового единения (рождение, свадьба, похороны, престольные праздники)⁶⁸.

⁶⁸ Описание обрядов с раскрытием сценариев, акторов и семантики иномирия см.: Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. / Под

Брачный союз одно из важнейших событий, сопоставимое для рода только с уходом из жизни. Укрепление витальности – главной ценности народной аксиологии – требовало обрядового оформления особенно важных переломных моментов течения жизни, представленных в локальной и временной традиции. Выявляемый в брачных обрядах конфликт с силами, враждебными жизненной силе рода, обрядовый сценарий, ведущий к формированию межгрупповых эмоций, и акторы, играющие свои роли, – все должно было способствовать консервации бытового уклада через корреляцию ежедневной жизни с иномирием. Древнее дохристианское предназначение свадебного торжества состояло в легитимизации сексуальных отношений для продления рода и закреплении связи различных родов в экономическом аспекте.

Обращение к свадебному обряду раскрывает его магическую и дидактическую функции. Выполняя главное предназначение – соединение родов невесты и жениха, получение благословения предков, узаконивание желания продолжения рода, – свадьба демонстрировала распределение ролей в брачной жизни, напоминала неписанные законы обычного права. В процессе обрядов выстраивалась субординация поколений и определялось гендерное поведение. Яркая демонстрация зависимости детей от родителей, их почитание, безусловное послушание новоявленной жены мужу, ее хозяйственность и его мужская сила входили в обрядовые действия, отражая представления общины о сути брака и показывая желаемый тип взаимоотношений. Репродуктивная функция брака, на утверждение которой был направлен свадебный народный обряд, сливалась с задачей его легитимации в общинном праве. Декларируемая в обряде женская покорность, готовность к послушанию в народной культуре соединялась с обретением больших прав после рождения ребенка, и ее функция продолжительницы рода становилась своего рода защитой в дальнейшей жизни. Свадьба, занимала особое место не только в бытовой жизни, но и определяла многие процессы взаимосвязи разных культур, экономических устоев, взаимодействия поколений, фиксировала развитие общества и самосознание человека, становление института семьи и индивидуальной судьбы.

общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1995–2012. Наиболее полное описание поэтики и символики обряда см.: Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М., 2012; Шангина И. Русская свадьба. История и традиция. СПб., 2017.

Наполненность свадебного торжества обязательными элементами, как и продолжительность события, менялись во времени и были вариативными в региональном контексте народной культуры. Наиболее полное и системное описание ритуала представлено в источниках различного генезиса XVI–XVII вв. Это прежде всего отдельная глава в Домострое (список XVII в.), – памятнике середины XVI в., где рядом с указанием, как готовить и выдавать дочерей замуж, описывается последовательность свадьбы – «чин», раскрывается семантика действий и ролей во время ритуала⁶⁹. В середине XVII в. тема царской свадьбы была подробно представлена в историческом описании Московского царства Григорием Котошихиным⁷⁰, также свадебные правила привлекли внимание иностранцев, наиболее полно об этом писали С. Коллинз в его известных записках о России⁷¹, и Адам Олеарий (издано в Schleswig, 1647). Обобщающие работы И. Забелина, Н.И. Костомарова⁷², А.В. Терещенко⁷³, Н.Ф. Сумцова⁷⁴ и других открыли описание свадьбы для истории быта и культуры русского народа. Накопление в XIX–XX вв. исследовательской информации фольклорного и этнографического характера позволило создать энциклопедические труды, посвященные свадебному обряду в многочисленных национальных и территориальных вариантах. Спецификой этих работ является исключительно фольклорно-культурный и бытовой контекст в трактовке обряда, в редких случаях выход на мировоззренческие проблемы⁷⁵.

Обряд, составляющий плоть и кровь языческой доктрины народной культуры, при вхождении в христианское пространство сопрягался с преобразованием христианского мифа в последовательность праздников церковного календаря (минейного и триодного) и с телеологией индивидуального спасения, пронизывающей вербальную и невербальную коммуникации церковной служ-

⁶⁹ Домострой / Вступ. ст., пер. и комм. В.В. Колесова. М., 1990. С. 91–104.

⁷⁰ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 6–15.

⁷¹ Collins S. The Present State of Russia, in a letter to a friend at London, written by an Eminent Person, residing at the Great Tzars Court in Mosco for the Space of nine years. L., 1671.

⁷² Костомаров Н.И., Забелин И.Е. О жизни, быте и нравах русского народа. М., 1996.

⁷³ Терещенко А.В. Быт русского народа. Ч. 2. Свадьбы. СПб., 1848.

⁷⁴ Сумцов Н.Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881.

⁷⁵ Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы / Под ред. Т.А. Бернштам, К.В. Чистова. Л., 1978.

бы. Этой же задаче подчинялась проповедь, будучи более свободной в выборе актуальных тем и используя возможности стиля в целях умозрительного и эмоционального воздействия.

Основав понятие таинства брака, христианство преобразовало его в союз людей, призванный служить духовному спасению. Можно назвать это своего рода духовной революцией, когда даже сексуальная сущность брака рассматривалась как средство ухода от греха блудодеяния. На преодоление сексуальной составляющей брака и отторжения в сознании людей эротического удовольствия от брачного союза были направлены интеллектуальные размышления многих поколений церковных учителей. Эпитет Богоматери – нерушимая стена – начинает соотноситься с безусловной ценностью телесной девственности, нарушение которой возможно только при благословении церкви в институте брака. Символическая трактовка брака подверглась многочисленным интерпретациям. Главная установка была дана в Евангелии, где брак сравнивается с таинственным союзом Христа с Церковью и вслед за апостолом Павлом характеризуется как «тайна великая» (См.: Еф. 5; 32, 33). Церковь – невеста Христова, что позволяет как противопоставлять состояние девственности и брака, так и соединять их в антиномии божественного брака.

Присутствие Христа на брачном пире в Кане Галилейском и первое чудо превращения воды в вино по просьбе Богоматери, сотворенное Сыном Божиим (Ин. 2; 1–11), становится основанием для видения в каждом браке благословения Господа, совершаемого в обряде венчания. Многочисленные размышления о значении обряда венчания и брака для общества встречаются в сочинениях христианских писателей на протяжении всего исторического пути развития христианства, неоднократно к этому обращаются православные авторы. Тертуллиан (не ранее 160 – не позднее 220) раскрывает идею в ее практической конкретике: «Поистине, они двое в единой плоти: где одна плоть, там и дух один. Они вместе молятся, вместе преклоняют колена, вместе постятся, взаимно одобряют и поддерживают друг друга. Они равны в Церкви Божьей и на трапезе Божьей, равно делят гонения и отдых, ничего друг от друга не скрывают, друг другом не тягостятся. Каждого из них в болезни можно свободно посещать, а если он нуждается, и поддерживать деньгами. <...> Они вместе поют псалмы и гимны, стараясь друг друга превзойти в восхвалениях Бога»⁷⁶. Для Иоан-

⁷⁶ Тертуллиан. К жене // Тертуллиан. Избр. соч. М., 1994. С. 344.

на Златоуста (ум. 407) обряд брачного венчания становится символом победы молодоженов над плотскими удовольствиями (Беседа на 1 послание Тим. 9.2). В ранних житиях творчески представлены темы превосходства девства над женитьбой, преодоление искушения телесности в браке перед служением Богу и т.п.⁷⁷ В христианской теории брака последний рассматривается как путь, ведущий брачующихся к обретению царства Божия⁷⁸.

Отблеск таинства заставлял видеть в каждом союзе промысел Бога, вводя в семейно-бытовой обряд таинство венчания, христианство преобразовывает его в предначертание. К раскрытию смысла брака в его спасительной благодати проповедники обращались в поучительных словах, посвященных венчанию новобрачных «на случай». В проповеднических Словах Евангелия учительного, вошедшего в богослужебную культуру, видимо, с XIII в., опубликованного в XVI в. Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем (Заблудов, 1569) и неоднократно издаваемого в последующее время, находятся рассуждения на некоторые праздники о спасительной сути брака или о браке как благодатной силе соединения верующих. Это Поучение в 14 неделю по Пятидесятнице «О брацѣхъ духовныхъ Ветхаго и Новаго Заѣта», в основе которого лежит евангельская притча о призвании на брак (Мф. 22). В поучении дается толкование расширенному значению брака как нерасторжимой связи Христа и Церкви, наказания «званным» за отказ прийти на брачный пир, предпочтя земные дела, при этом наслаждение от брачного пира трактуется как наслаждения царствием небесным⁷⁹ и т.п. Из праздников годового цикла тема брака затрагивалась в упоминаниях о браке Иосифа и Марии, после ее достижения 12 лет. Функция брака после обручения состояла в охране Марии, ее спасении от царя Ирода и возвращении в лоне семьи Сына Божия. Евангельские и апокрифические детали сюжета обручения (жеребий, предсказание через расцвет-

⁷⁷ Среди них можно привести в пример жития, в которых приоритет отдается не супружеству, а служению Богу: Жития Феодоры Александрийской (11 сентября), Андроника и Афанасия (9 октября) Ксенофонта и Марии Константинопольских (26 января); Малха-пленника (11 апреля), Адриана и Наталии (26 августа). Также широко известен мотив побега из-под венца в Житии Алексея-человека божия. Отказ от брака присутствует в Житии Феодосия Печерского, Грифона Вятского и т. п.

⁷⁸ Изложение теории брака в христианстве см.: Макарий (Булгаков), митр. Православно-догматическое богословие. 4-е изд. СПб., 1883. Т. 2. Разд. 27.

⁷⁹ Православную общепринятую трактовку см.: Евангелие учительное. М., 1759. Л. 183–187.

ший жезл, сомнения Иосифа о возможности брака, опасения по поводу мнения окружающих), не только способствовали интересу к земной жизни Богородицы, но и должны были качественно изменить у верующих представления о браке. Заранее отрицая сексуальное содержание, брачный союз утверждался в Святом семействе исключительно как идеал взаимопонимания и содружества. При дальнейшем создании сборников проповедей эта тема разными авторами прописывалась в Поучениях на праздники: Введение Богородицы во храм (21 ноября), Рождество Христово (25 декабря), в первую неделю после Рождества Христова.

С таинством брака соотносится развитие темы женского начала в обществе. Именно в контексте брачного института женщина в глазах общества начинает обретать равную с мужчиной роль на семейном пути к спасению. Климент Александрийский (ок. 150–215), один из основателей Александрийской богословской школы, в сочинении «Педагог» (глава 4) утверждает идею равноправия полов в христианстве: «один и тот же существует для них закон меры, тот же естественный стыд, та же пища, те же брачные отношения, те же дыхание, зрение, слух, рассуждение, надежда, христианская любовь; все это должно быть им равно свойственно. Но если все условия жизни для них общи, то они участвуют в равной степени, значит, и в благодати, один и тот же для них путь спасения, одинаково ценна для них христианская любовь»⁸⁰. Библейское повествование открывает истину о двуединстве (духовном и плотском) человека, реализуемом в брачном союзе.

Христианская трактовка брака должна была заставить воспринимать союз мужчины и женщины в новом свете, а также способствовала укреплению идеи моногамии, становясь защитой прав женщины и детей и фактически укрепляя достоинство супругов в браке. Тема женского достоинства и защиты детства – следующая ступень в освоении брачной тематики. Обрести жизненную необходимость эти постулаты должны были в процессе брачных отношений, что требовало дополнительных разъяснений. Опираясь на подборку этих разъяснений, С.В. Троицкий пишет: «Таким образом, здесь говорится не о восполнении в труде, а о восполнении в самом бытии. Жена прежде всего нужна мужу, как его alter ego, второе “я”»⁸¹.

⁸⁰ Климент Александрийский, пресвитер. Творения. Педагог. Кн. 1. URL: <https://predanie.ru/book/69135-tvoreniya/#/toc1>

⁸¹ Троицкий С.В. Христианская философия брака. Клин, 2001. С. 6–27.

Совершенно справедливо Р. Мартин указывает на многогранное значение свадебного обряда, выявляя его представительские, политические и династические функции в истории, но в основном его книга касается «царского пути»⁸². Как и предшествующие ему историки⁸³, исходя из сохранившихся документальных источников, Р. Мартин обращается к великокняжеской и царской свадьбе, упоминаемой или достаточно подробно описанной в документах. Свадьба в среде простого народа зафиксирована в полевых исследованиях, начиная с XIX в. По общему мнению, единственными оставались этапы свадебного обряда, распределение ролей и соединение дохристианских обычаев с христианскими. Автор отмечает: «Христианские обряды сопрягались с более древними традиционными ритуалами, и эти два генетически разных начала были слабо интегрированы в единый ритуал, поскольку противоречили друг другу»⁸⁴. Столь же единым был ритуал церковного венчания, когда он стал обязателен для широких масс населения.

Наполненность свадебного торжества обязательными элементами, также как и продолжительность и величина события, менялись во времени и были вариативными даже внутри народной культуры. Их полные описания в письменных документах немногочисленны, что объясняется дохристианским содержанием свадебной церемонии. Брак оказывается на переплетении обрядового, нравственного и гражданского векторов развития человека. Привлечение новых источников, особенно не фольклорного, а архивного письменного плана – современная задача, особенно важная в понимании христианской составляющей брачного института. Эти источники недостаточно были задействованы в дореволюционной науке и совсем не привлекались в советское время. И даже в настоящий момент их использование в научном контексте ограничено, как кажется, из-за ложного представления об их каноничности и малой информативности.

⁸² Martin R. *The Tsar's Happy Occasion: Ritual and Dynasty in the Weddings of Russia's Rulers, 1495–1745*. L., 2021.

⁸³ Краткое упоминание исследовательских работ см.: Martin R. *The Tsar's Happy Occasion...* P. 17–20. Р. Мартин, проницательно отмечая основополагающее значение труда Забелина, указывает на необходимость разработки новых подходов к трактовке царского бракосочетания: «...трудно представить, как бы выглядела эта область исследований без книг Забелина. Но современность требует обращения к этим проблемам заново, что диктуется современным историкам многообразием мира».

⁸⁴ *Ibid.* P. 17.

«Домострой» – открытие идеального дома

Столь же знаменательно для времени внимание к «Домострою» идеологов эпохи, в первую очередь, Сильвестра – священника Кремлевского Благовещенского собора, вписавшего семью в государственное строительство Московской Руси. Уникальным и несколько неожиданным оказался поворот в оценке женского труда, сделанный автором «Домостроя» в середине XVI в. Авторство разных вариантов сочинения проблематично, наиболее привлекательным является предположение о причастности к составлению этой удивительной книги священника Сильвестра (ум. до 1577), служившего протопопом в Кремлевском Благовещенском соборе и входившего в ближний круг Ивана Васильевича (Грозного). В системе правил, утверждаемых Домостроем, обговаривались разные аспекты, в конце их изложения автор отмечал: «Книжица сия пишеть, – в ней веселие потреба: коему человеку Бог в житии поправит, тому треба в сия взирати, занете встосная душа всяким похотем сплетна»⁸⁵. В 67 главах книг впервые систематизировались указания различного уровня. Вместе с существенными и традиционно важными правилами, ведущими к спасению души (как в церкви молиться, как почитать священников и светских властителей, избегать «врачеваться от болезней и от всяких скорбей», как не погубить душу волшебством и «волхованием», как оказывать милость и посещать монастыри) с 16 главы рассказываются правила домашнего обхождения с родственниками и слугами, воспитания детей, внутреннего распорядка, красоты и чистоты в доме. Появляется важная новая идея, что дом – не просто место сохранения жизни и спасения от непогоды, но и место, приносящее удовольствие и «сладость» бытия. Но создание такого домашнего «рая», где каждый домочадец осознает свое место, и каждая вещь имеет смысл, и все чувствуют и проявляют заботу друг о друге и о доме, и «в доброй дом во устроинои, как в рай внити»⁸⁶, требует значительных усилий. Домашняя работа, которой всегда было наполнено время женщины, получает статус важной части не только бытовой жизни, но и оправдания земного бытия человека. Быт входит в осмысление жизненного цикла, оценивается как душеспасительный или душепогубительный в зависимости от его качества. В связи с этим меняется осмысление положения женщины: ее домашняя работа из разряда незаметной

⁸⁵ Домострой... С. 88.

⁸⁶ Там же. С. 68.

и обязательной преобразуется в условие земной радости и уважения, а поведение как в церкви, так и на улице или в гостях уместивается описания и заботы автора «Домостроя». Особые страницы автор отводит воссозданию идеальных отношений в семье: как «мужу с женой советовати о устроении домовнем, на ком что положено, и кому которое дело приказано ведати»⁸⁷. Обустройство дома равно обустройству государства, разница – в роли женщины: здесь она выступает равноправным «управителем» хозяйства. Положение, что жена подчиняется мужу как главе семьи, установленное в христианском понимании гармонии в браке, существенно уточняется введением индивидуальной воли женщины. Возвышая роль женщины «Домострой» пишет:

«Аще дарует Бог кому жену добру – дражайши есть камени многоценного. Таковыя от добрыя користи не лишитца: делает мужу своему все благое житие... Блажен есть таковыя жены муж, и лета своя исполняет в блазе мире. О добрая жена хвала мужу и честь»⁸⁸.

Возникает важный смысл брака, материальную сторону которого обеспечивает служба и работа мужчины, а счастье – женщина.

Не обходит стороной автор тему наказания в семье (жены, детей, слуг). По убеждению автора Домостроя, это не проявление своеволия или мужской деспотии, в это время так раскрывается ответственность главы семьи за добродетельную жизнь – основу для спасения души. Недаром 27 глава так и озаглавлена: «Аще муж сам не учит на добро, ино суд от Бога примет, аще сам творит добро и жену, и домочадцев учит – от Бога милость примет». Физическое наказание, вернее страх его, автор допускает с большими оговорками. При этом самые серьезные требования нравственного поведения прописываются для мужчины: «А увидит муж, что непорядливо у жены и у слуг... ино бы умел свою жену наказывати всяким разсуждением и учити, аще внимает и все по тому творит, ино любити и жаловати». Наказывать жену необходимо наедине, чтобы не оскорбить ее достоинство на людях: «А мужу на жену не гневатися, а жене на мужа – всегда жити в любве и в чистосердии»⁸⁹.

Это начало обретения женщиной самостоятельной судьбы, уверенности в своих силах и преображения в соратника мужа. Сильвестр наделяет равными правами институт брака, служение царю и Господу. В обращении к семейно-бытовой стороне жизни

⁸⁷ Домострой... С. 46.

⁸⁸ Там же. С. 52.

⁸⁹ Там же. С. 68.

человека Домострой выводит каждодневную жизнь на государственный уровень и так как главным, кто организует быт, поддерживает его, на равных с мужчиной, а где-то и более того, является женщина, то это приводит к осознанию важности ее статуса в структуре общества. По правилам «Домостроя», сохранять мир в доме можно только с учетом субординации, состоящей в том, что все подчиняются Господу, как люди – государю, так и жена – мужу. Поэтому как государь ответственен за народ, так же и муж ответственен за жену, в том числе за спасение ее души.

Также в «Домострое» появилась идея, что жену необходимо учить всему, внушать ей знания. Жена становится не только домашней хозяйкой, но и женщиной, способной научить детей, соответственно обладает определенным образованием. И.Е. Забелин видел в «Домострое» идеал семейной жизни, как он представлялся в то время, но подчеркивал нежелание предоставлять женщине хоть какую-то свободу или сочувственного внимания к ее личным переживаниям⁹⁰. На своего рода гендерную «специализацию» нравственного чувства в XVI в. указывает В. Колесов, издавая текст «Домостроя». Для мужчины – это охрана чести, строгость и справедливость, для женщины – чистота и послушание⁹¹.

Брачная тематика в беллетристике XVI–XVII веков

Тема брака, выявление половой субординации и брачных ролей, существенные для жизнеописания человека и его идентичности, акцентируется в письменности, начиная с XVI в.⁹² Утверждение особенности женского начала в браке и в социуме – важнейшая тема письменности в преддверии Нового времени. В отличие от средневековой христианской трактовки брака как условия спасения души и избавления от греховных желаний, начинает рассматриваться в контексте жизненного пути и реализации человеком своего предназначения. Появляется понимание брака / семьи как связующего института государственного устройства и человеческой судьбы. Такова «Повесть о Петре и Февронии Муромских», созданная в 40-х гг. XVI в. Ермолаем-Еразмом. Петр – змеборец, который спасает Муромскую землю от змея. Феврония, заставляя Петра жениться на себе, излечивает его от язв, исцеляет душу. В многогранную семантику сюжета входит ясное представление об интеллектуальном и духовном равенстве жен-

⁹⁰ Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц. М., 1869. С. 48.

⁹¹ Домострой... С. 14.

⁹² Пушкирева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.

щины своему высокородному мужу, ее роли как гармонизирующего начала в семье. Автор уподобляет государственное правление Муромом семейной гармонии⁹³. Образ Февронии важен автору не столько в контексте преодоления социального неравенства, как его зачастую трактуют, сколько является воплощением мудрости и предназначения жены как помощницы мужу, помогающей установить политическое и экономическое равновесие в княжестве, преодолеть князю греховные блудные помыслы и лицемерную слабость. Утверждая эти функции брака как основные, Ермолай-Еразм даже не вводит мотив рождения потомства и не приводит мыслей об этом у своих героев; воплощая идею «плоти единой», он соединяет Петра и Февронию чудесным образом в одном гробу после погребения. Культ святых должен был ознаменовать собой важный момент – гармония на Муромской земле возникает из сочетания храбрости, доблести, мужской решительности и мудрости, которую несет в себе женское начало.

Семнадцатое столетие укрепляет значение семейно-бытового уклада и взаимоотношений в структуре общества, но и привносит более разнообразное понимание женского поведения, сочетания семейного долга и личных интересов. В произведениях разных жанров (повести, пьесы, вирши) утверждалась важность брачного союза и рассматривались конфликтные ситуации, разрушающие таинство брака. Удивительная повесть «О Тверском Отроче монастыре» сохраняет идею божественного благословения брака в сюжетной линии о женитьбе Ярослава Ярославича Тверского на дочери церковного пономаря Ксении «велми красну». Различие сословного положения нужно автору, чтобы подчеркнуть неизбежность исполнения замысла Бога в союзе двух людей, даже встреча которых в обычной жизни проблематична. Знание об этой встрече дана мудрой деве – Ксении. В тексте подчеркивается ее особая любовь к Богу и чистота – качества более характерные для дев, готовящих себя к монастырской жизни. Жизнь Ксении при церкви, описание ее внешности «зѣло прекрасну, и аки бы лучамъ отъ лица ея сияющимъ»⁹⁴, заставляет читателя понять магическую сущность Ксении, но проявление ее праведности находит свое воплощение в чудесном венчании и не

⁹³ Дмитриева Р.П. Ермолай-Еразм (Прегрешный) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.) Ч. 1. Л., 1988. С. 220–225.

⁹⁴ Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М., 1988. Кн. 1. С. 115.

менее чудесном преодолении земных, свойственных князю словных предубеждений.

Идеальная модель семейного поведения, осознание жизненного долга как служения семье и милосердие становятся проявлением любви к Богу в «Повести об Иулиании Лазаревской». Автор повести, сын Улиании Осорьиной, главными чертами делает милосердие, послушание, терпение, аскетизм. Для убедительности он показывает состоятельную хозяйку, которая никогда не требовала себе услужить, но сама всем старалась помочь и подать милостыню, прибегая для этого к благочестивой хитрости⁹⁵. Авторы ряда повестей идут далее во взглядах на возможности женского участия в своей судьбе. Используется мотив гордости мужьями своими женами, причем по разным причинам. Героиня «Повести о Карпе Сутулове» не только сохраняет верность мужу, но и хитроумно извлекает выгоду из обстоятельств, используя женскую привлекательность и ловкость. Муж, вернувшийся «от купли своей, <...> велми возрадовался о такой премудрости жены своей, како она таковую премудрость сотворила»⁹⁶. Обманутый муж из «Повести о купце, заложившемся о добродетели жены своей» (перевод с польского 9-й новеллы второго дня «Декамерона» Дж. Боккаччо), убеждается в ее невинности благодаря моральной стойкости и ловкости женщины, раскрывшей преступный умысел⁹⁷. Женская тематика, прописанная в сюжетах европейской литературы, через польское посредничество входит в российскую письменность в сборниках новелл (фацеций)⁹⁸.

Довольно беззастенчиво, получая «веселие» в любовных утехах, ведет себя Аннушка, героиня «Повести о Фроле Скобееве» (Скомрахове – в одном из списков). И хотя первоначально инициатива любовной связи исходит от героя произведения, который «не взирая ни на какой себе страх и ее девства растлил», в дальнейшем повествовании Аннушка принимает самостоятельное решение оставить Фрола при себе и «веселиться», сбежать с ним, прикинуться больной и добиться прощения родителей. Даже покаяние перед лицом отца соблазненной девицы выглядит

⁹⁵ Памятники литературы... Кн. 1. С. 98–104.

⁹⁶ Там же. С. 70.

⁹⁷ Там же. С. 79–94.

⁹⁸ Державина О.А. Рассказы о женщинах и их хитростях в польских и русских сборниках фацеций XVII в.: К истории русско-польских литературных связей // IV Международный съезд славистов: Славянская филология. Сб. ст. М., 1958. Т. 2. С. 273–307.

как хитроумная затея обоих, оправдывая свой обман Фрол находит лицемерную формулу: «уже тому такъ быть Богъ судиль»⁹⁹. В описании их венчания и брака автор не прибегает к отсылкам на таинство, от обряда остается запоздалое благословение иконой молодых родителями Аннушки. И если в Повести эротические сцены оставляют в стороне скромную Аннушку, а действия Фрола описаны одним глаголом «ростлил», то «Сказание о молотце и девице» выстроено на эротическом диалоге с откровенными действиями, которые описывает молодец: «вделал бы я свою жемчужину в твое чистое серебро, всадил бы я свое булатное копье в твое прямое товолжаное ратовище; Есть у тебя чистой луг, а в нем свѣжая вода; конь бы мой в твоём лузе лѣто летовал, а яз бы на твоих крутых бедрах опочин дерьжал»¹⁰⁰. Дерзкий разговор девицы, бранью отвечающей молодцу, заканчивается примирением, и словесная эротика становится любовной сценой, которая желанна обоим. Никакой греховности в таких разговорах и сквернословии, а тем более в блудодеянии, позор от которых описан в «Домострое», автор не видит и не обличает героев.

На приеме дерзких бранных речей, так ярко характеризующих новое самостоянье женщины, основана повесть «Притча о старом муже». Сватовство престарелого жениха к молодой невесте вызывает у той бурю негативных эмоций, которые автор красочно воплощает в ее речах к ненавистному претенденту. Уговоры последнего основаны на обыденном представлении о браке. Старик обещает благополучную обеспеченную жизнь невесте: «в дому моемъ над рабы государеную будеши, и станеш, моя миленькая на многоценных коврах сидѣть», веселое времяпровождение с музыкантами, к ублажению молодой относится и «теплая баня», а также «многоцѣнные дары и честь великая» родителям, почитание их. В отказе девицы выходить замуж за старого в первую очередь присутствуют аргументы «телесного мира»: «Коли меня, прекрасную девицу, поимешъ за себя, храбрость твоя укротитца, и образъ твой померкнетъ, и седины твои пожелтеють, тело твое почернеетъ, и кости твои иссохнутъ и уды твои ослабеють, и плоть твоя обленитца, и не угоденъ будеши младости моей и всему моему животу не утеха будеши». Со всей прямою да-

⁹⁹ Покровская В.Ф. Повесть о Фроле Скобееве (По неизданному Тихо-нравовскому списку с вариантами по всем известным спискам) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1934. Т. 1. С. 287.

¹⁰⁰ Памятники литературы... Кн. 2. С. 231, 232.

лее девица обещает престарелому жениху, как она «от распаления» впадет в преступление «с молотцомъ хорошимъ», чтобы «меня миленкой любилъ и жаловаль, и дрочил почесту»¹⁰¹. Знаменательно, что, завершая повествование, автор упоминает: «старой мужъ: три годы бѣгалъ да удавился», молодая девица вышла замуж за молодца и потому ей «честь и слава, а старому мужу коровай сала». Брак рисуется как результат деяний активной молодой девицы во имя удовольствия и радостей жизни¹⁰².

Иной гранью активного женского начала в браке становится участие женщины в политике, что приводит к появлению в 1672 г. заказной пьесы И.Г. Грегори «Артаксерксово действо», основанной на библейском сюжете о спасении Эсфирью еврейского народа в правление персидского царя Артаксеркса. Популярный сюжет в европейской живописи XVI–XVII вв. и литературе (Ж. Расин. Трагедия «Эсфирь», 1689) в русском контексте, по общему мнению, выстраивал аллюзию к личности юной государыни Натальи Нарышкиной и ее воспитателя Артамона Сергеевича Матвеева (1625–1682). Автор отдает должное женским чарам Эсфири, подчеркивая ее скромность и послушание, одобряет ее уловку о выражении просьбы в наилучший момент пира, говорит о ее преданности своему роду и народу. При не всегда добровольной ее включенности в политические процессы Эсфирь в пьесе остается честной и наивной героиней, искренне готовой к подчинению мужу. Автор наделяет персонаж патриотическими чувствами. Преданность мужу сочетается с преданностью народу, по словам придворного, героиня жизни своей за царя и всех «не хочет щадити»¹⁰³. Столь же высокие патриотические чувства обнаруживает Симеон Полоцкий в пьесе «Июдифь». А.С. Демин отмечает наличие в пьесах 1670-х гг. идеи восстановления гармонии мира, нарушенной в результате конфликта. Отметим, что восстановление благоденствия совершается советами и деяниями женщин¹⁰⁴. Стремление соединить благодатную силу таинства брака в госу-

¹⁰¹ Памятники литературы... Кн. 2. С. 234–235.

¹⁰² Близко к активной женской позиции песенное творчество в фольклоре начала XIX в. См.: Соболева Л.С., Михайлова О.А. Русская песня и европейский романс в рукописном сборнике начала XIX в.: эмоциональная культура на переломе эпох. Екатеринбург, 2016. С. 204, 209–214, 220, 224 и др.

¹⁰³ Первая пьеса русского театра XVII в. / Вступ. ст. и коммент. И.М. Кудрявцева. М.; Л., 1957. С. 234.

¹⁰⁴ Демин А.С. Русские пьесы 1670-х годов и придворная культура // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1972. Т. 27. С. 274.

дарственных интересах своеобразно продемонстрировала «Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне». Опираясь в сюжете на исторический эпизод о втором браке Ивана Васильевича, автор создает яркую картину сватовства, брачного пира и гармоничного уважаемого семейного проживания в повести. Согласие царя на женитьбу происходит не только после предложения высокородных родителей невесты, царь, увидев ее портрет «удивися добротѣ ея и лѣпоте лица ея»¹⁰⁵.

По авторскому замыслу, государь обращается к митрополиту Филиппу (канонизированному в XVII в.) с просьбой, где звучат характерные формулы придворного красноречия: «отче честный! Совокупи меня законнымъ бракомъ с любейзньѣйшею моею». Не менее характерен ответ митрополита: «Радуйся, царю великодержавный и четный самодержче, яко обрел еси сожительницу себѣ, полно камении драгих и чюдныхъ! Величайся съ сею красотою во многолѣтном здравии»¹⁰⁶. В брачных целях соединяются благоденствие, «веселие» русского царя, которому и дарована красота Марии, бескровное присоединение Астраханского царства и забота государя о мирном соседстве с кавказскими народами. Династический брак осеняется глубоким христианским представлением о единении супругов в таинстве «женитьбы», которое, в свою очередь, воплощает нерасторжимое единение царя с подданными. Во имя прогосударственной идеи единения, которое может нарушить только предательство, автор прописывает эпизод отравления царицы стольником и последующую казнь преступника. Речи героев напоминают по выражению чувств похвальные вирши Симеона Полоцкого на брачную тематику из его сборника «Рифмологион»¹⁰⁷, знаменующего собой становление панегирической светской культуры. В нем присутствуют обращения к государю и его семейству «привѣтствы», посвященные второму браку Алексей Михайловича и браку Федора Алексеевича, произнесение которых, хотя и сохраняет образность и формульность церковных слов, схожие смыслы брачного союза, вынесено за пределы богослужения. Брачная церемония преобразуется в мероприятие светского быта, что со свойственной ему чуткостью признал монашесствующий поэт Симеон Полоцкий. Поэт

¹⁰⁵ Памятники литературы... Кн. 2. С. 6.

¹⁰⁶ Там же. С. 14.

¹⁰⁷ Симеон Полоцкий. Рифмологион. Собрание придворно-церемониальных стихов / Подг. текста, ст. и коммент. А. Хипписли, Х. Роте и Л.И. Сазоновой. Вена, Кельн, Веймар, 2013. Т. 1. С. 156–166; 168–170.

создает праздничную атмосферу веселья и ощущение масштабности события, которое празднует вся царская семья, «духовные» и все русские люди.

Свѣтлый день нынѣ России сияет,
радость всѣм людем с небесе спльшает.
Отре Бог слезы, печали престаша,
ликов и пѣний днесъ дние насташа»¹⁰⁸
<...>

«Свѣтлый день ныне в России сияет
веля радость царство исполняет,
Яко дождь слезный уже мимо иде,
ведро же свѣтло от Бога прииде.
Облак печали уже разрѣшися,
плачь непрестанный в радость преложися»¹⁰⁹.

Симеон Полоцкий в сборнике проповедей «Вечеря душевная» представил несколько поучений на Погребение, но не привел на Венчание. Возможно, причиной этого было то, что его похвальное слово, обращенное к царице Наталье Кирилловне после венчания, стало частью более ранней рукописи «Книга привествы на господскыя и на иныя праздники и иныя речи разныя»¹¹⁰.

Наставления о браке в Евангелии учительном Кирилла Транквилиона-Ставровецкого

Церковно-богослужебные тексты проповедей, в разной степени откликаясь на брачную церемонию, также подвергаются изменениям, продиктованным вниманием к земному «мирскому» пребыванию человека. Беллетристика XVI–XVII вв. использовала в поэтике элементы свадебного обряда (загадки, разувание мужа, сокрытие невесты, «ложный» жених, бранные речи и т. д.). Главным актерам обряда – новобрачным (жениху и невесте) – отводится пассивная роль и от них требуется обрядовое молчание. Во время ритуала они выслушивали песни, наставления родителей, пожелания здоровья, до свадьбы невеста на девичнике в плачах прощалась с прежней жизнью. Но в процессе обряда они произносят буквально несколько фраз. Роль священника в традиционной церемонии очень скромная, он присутствует в моменте обручения и венчания, а далее занимает даже не самое почетное место за столом. В XVII в. проповедники предпринимают усилия, что-

¹⁰⁸ Симеон Полоцкий. Рифмологион... Т. 1. С. 156.

¹⁰⁹ Там же. С. 168–169.

¹¹⁰ ГИМ. Синод. собр. № 229; Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева). В 2 ч. / Сост. Т.Н. Протасьева. М., 1970. С. 113. № 1004.

бы изменить ситуацию и активизировать роль новобрачных, обратить их внимание на поучение и повысить осознание брака для земной жизни. Начало перелома зафиксировано в «Учительном Евангелии» Кирилла Транквилиона-Ставровецкого.

Определенным прорывом в становлении устной проповеди на российском пространстве стала книга украинского проповедника Кирилла Транквилиона-Ставровецкого (1581–1646) «Евангелие учительное или слова на воскресные и праздничные дни, в том числе и на дни некоторых святых» (Рохманов, 1619)¹¹¹. Талантливое, эмоциональное и насыщенное глубокой образностью и философией издание вызвало непонимание и боязнь в прогосударственных кругах и высшем православном духовенстве. Киевский митрополит Иов Борецкий на соборе 1625 г. объявил творчество Кирилла Транквилиона-Ставровецкого не отвечающим православному канону¹¹². Впоследствии были приняты показательные и довольно редкие для России меры. 4 декабря в Москве были сожжены «на пожаре» 60 экземпляров «Учительного Евангелия» за обнаруженные в нем «хульные и мерзкие слова» и «еретичество» автора. В том же месяце все найденные книги «Кирилова слогу» предали огню у себя в городах воеводы Верхотурья и Тобольска¹¹³. Забегая вперед, выразим сомнение в успехе этого предприятия, ибо надо отметить инакомыслие православного автора Строгановского региона в последней четверти XVII в., для которого издание Кирилла было самым авторитетным.

Кирилл обращается к теме брака неоднократно. В книге, помимо Проповеди, обращенной к молодоженам, тема брака Марии и Иосифа поднимается в «Слове на введение Богородицы во храм»¹¹⁴. В этом тексте автор драматизирует проповедь, составляя речь архангела к Захарии, указывая на необходимость выбора старца, дабы передать ему «Деву Господню» с условием, что «любовию же дщерь себе да вменяет ю и съ страхомъ да взиратъ на лице ея...да не помыслить коснуться чистоты ея, понеже д(е)ва есть Бога Саваофа» (л. 58, 2 сч.). Расцветший жезл указал на Иосифа, которому отдали Марию со словами: «Да съхранишь цвѣтъ д(е)вства ея неувядаемый» и когда Иосиф «усумнѣся», ибо

¹¹¹ Повторно издано Максимом Воцанка в Уневском монастыре (1696).

¹¹² Маслов С.И. Кирилл Транквилион-Ставровецкий... С. 172–196.

¹¹³ Булычев А.А. История одной политической кампании XVII века. Законодательные акты второй половины. М., 2004.

¹¹⁴ Кирилл Транквилион-Ставровецкий. Евангелие учительное. Роухманов, 1619. Ч. 1. Л. 55–59.

«азъ мужъ древодѣля, многажды отхожду из дому своего на дѣло свое и боюся, да не прелестить кто д(е)ву Господню». Автор творит спор Марии и Захарии. На ее недоуменный вопрос, зачем ее отдают земному человеку, тот обещает, что Иосиф «не сътворитъ насилия»¹¹⁵. Автор рисует картину возможности сохранения девства в браке по обоюдному согласию супругов.

В конце книги пишется специальное «Поучение на шлюбѣ вегда обручается мужъ къ женѣ и та къ нему благословением иерейскимъ»¹¹⁶. Перечисляя преимущества брака, Кирилл напишет следующее: первое – брак приносит «много добра», второе – освобождает от блуда, третье – рождаются дети. Главной для автора становится тема радости в брачной церемонии. Первая радость – видеть детей под «царскимъ вѣнцемъ», который говорит о христианском браке, а не о «поганском». Возвращение к теме языческого брака свидетельствует о расширении до простонародной аудитории слушателей. Вторая радость – «полная любовь» двух «персон», вступающих в брак. Забота о проявлении в браке личных чувств – феномен Нового времени, входящий на российское пространство из европейской системы ценностей. Третья радость – будущее потомство. Для этих трех радостей Господь и сотворил чудо превращения воды в вино, что становится также метафорой преображения человека в браке. Тема брака позволяет Кириллу утверждать явление («приход») человека в мир как «внѣкое чудное съкровище», и «дивного съдѣтельства Божия». Семью Кирилл сравнивает с деревом, где мужское начало – корни, а женское – ветви «от неа же цвѣтъ и плодъ чадородиа». Не избегает автор (впервые для широкой православной публики) высказывания о сексуальной стороне брачного союза. Опираясь на теорию совокупления, изложенную в Палее толковой¹¹⁷ – этой

¹¹⁵ Там же. Л. 58 об. (2 счета).

¹¹⁶ Там же. Ч. 2. Л. 167–170 (2 счета).

¹¹⁷ Палее толковая. М., 2002. Автор издал «интегральный» текст, основанный на издании Палеи 1406 г. См.: Палее толковая по списку, сделанному в г. Ко-ломне в 1406 г. / Труд учеников Н.С. Тихонравова. М., 1892. Ср. описание зачатия: «Възпрѣнимъ естѣства, вовлеченъ бывъ от своея утробы и удовъ въ мѣста ложеснъ женскихъ всѣваетъ, вмѣщаетъ же ся убо в женьстѣмъ полу. От мужа сътуденое искыпѣние сѣменное примѣщается противу сущи крови женьстѣй, смѣшающимися убо утрьнимъ всѣмъ и човьственнымъ вкупе, аки сливающимся другъ друзѣ телеснымъ смѣшенемъ. И съядеться от студенаго мужьскаго сѣмени, мужьско убо сѣмя студено есть, и от кости въ костяну и жилаву претворяется силу. От жены же совокупление противу въздаеться кровь тепла естѣствомъ сущи... Да елико убо костяна и жилава, то от

«своеобразной энциклопедии как богословских знаний, так и средневековых представлений об устройстве мироздания»¹¹⁸, автор описывает соединение мужского и женского начал: «в началѣ бытия человеческого Богъ вложилъ естество телесное мужа к женѣ. Похоть движения къ рождению. От похоти и сѣмени мужеска в зачатии тѣла кости и жилы, от женской же похоти кровь и тѣло съставляется, яко любомудрцы рѣш» (л. 167 об.) При этом автор объясняет наличие бессмертной души у ребенка в материнской утробе не от материнской телесности, а тем, что каждому зачатому «вливается». В зачатии сначала оживляется сердце, потом другие его части, в смерти – сначала умирают части тела, потом сердце. Подобно концепции Палеи, автор придерживается представления об одномоментном формировании тела и души¹¹⁹. Рукописная традиция Палеи не превышает полутора десятков списков, начиная с XV в., аргументированно утверждать период ее появления и возможный источник перевода не представляется возможным. Но списки XVII в. зафиксированы и, кроме того, на Палею опирается древнерусский трактат XVII в. «О человеческом естестве»¹²⁰. Близость текстов говорит об использовании Кириллом Транквиллионом этого трактата, соединившего в себе учения отцов церкви, сказания из Ветхого Завета, новозаветные представления и апокрифы. Учитывая, что сочинение Кирилла было тиражировано, и не раз, апокрифические представления становились достоянием широкой массы верующих, что и вызывало недовольство церковных иерархов.

Вторая часть Поучения посвящена обличению «блудодѣлателей» (л. 168 об.). Спасительная суть брака (в первой части) сопоставляется с опасностью прелюбодеяния (во второй). Угрожая вечными муками прелюбодеям, автор предостерегает: «Сего ради закон Божий повелѣваетъ юнымъ посагати, а не рапалятися блудомъ, но в цѣломудрии и чистотѣ да поживуть до времени женитвы» (л. 169). Признавая безусловно высоту «дѣвства», в кото-

мужьскыя силы крѣпость есть, а елико же кровав и мясна, то от женьскаго примѣшения състывается совокупливающихся подружью съ подружьемъ и зачатѣ младенцу бываетъ». См.: Палея толковая по списку... С. 120–121.

¹¹⁸ Творогов О.В. Палея Толковая // Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 286.

¹¹⁹ Комментарии к статье «Сказание о семени». См.: Палея толковая. М., 2002. С. 554–555.

¹²⁰ Гаврюшин Н.К. Древнерусский трактат «О естестве человека» // Естественно-научные представления Древней Руси. М., 1988. С. 226.

ром Адамъ пребывал, будучи в раю, и только «по изгнанею ж [из] раа позна жену свою», автор говорит о сохранении верности друг другу на протяжении всей жизни: «длъженьъ есть имѣти жену свою запосреднее в чести; не за главу, и нѣже подножка и рабу, но за сръдечный удъ и всяку честь отдавати ей...» (л. 169). В обязанности жены входит «бояться» и почитать мужа как главу и славу дому своего, творить «послушание». «И по заповѣдемъ его ходить, господином его нарицающий» (л. 160 об.). Муж объявляется «стражем» жене, совместно предписывается молиться, творить милостынно принимать странников, украшать себя добрыми делами. Не удерживается автор от обличения украшающих себя жен «на прелестъ д(у)шъ юношескихъ, не утверженныхъ страхомъ божиимъ», всѣхъ бо очи къ себѣ притягаетъ съ вождельниемъ блуднымъ» (л. 169 об.). Еще он предостерегает от опасности оставить мужу жену в слепоте и убожестве, так же, как и жена мужа «в щастю и в нещастю». Поучение Кирилла, будучи достаточно традиционным, стремится предостеречь юных и уверить в благодати верной жизни состоявшихся супругов, угрожая божием судом, вместе с тем невольно показывает, насколько иным, более свободным становится общество в своей каждодневной жизни.

Потребник Петра Могилы о таинстве брака и поучение молодоженам

Христианское понимание свадебного обряда представлено в специальном сборнике правил «Номоканоне» или «Кормчей», которая в XVII в. получает национальное наполнение в творчестве Петра Могилы (1596–1647) – церковного деятеля украинского происхождения. Второй тип источника – проповеди, обращенные к новобрачным, и поэтические вирши придворных поэтов в связи с браком государей. Привлечение к исследованию востребованного в XVII в. жанра проповеди открывает новые грани истолкования человеческой личности.

Насколько важной была тема брака демонстрирует обращение к чину венчания в Потребнике Петром Могоилой авторитетным иереем и писателем первой половины XVII в. В процессе венчания он находит место для произнесения проповеди¹²¹. В чи-

¹²¹ В описании свадебного обряда Г. Котошихиным этот момент также присутствует: «протопопъ поучаетъ ихъ, какъ имъ жити: женѣ у мужа быти в послушствѣ и другъ на друга не гнѣватися, разве нѣкиа ради вины мужу поучити ея слехка жезломъ, занеже мужъ жене яко (Христос) глава на церквѣ и жили бы в чистотѣ и богобоязни, недѣлю и среду и пятокъ и всѣ посты

не венчания выделяются три основных момента: собственно венчание, вкушение «общей чаши», соответствующий началу брачного пира, и третий этап – молитвы на благословение брачной комнаты (точнее – совместной жизни) молодых («Таже входят и поздравляют ихъ и целовавше другъ друга, и бываетъ от священника совершенный отпустъ»¹²²). Последний этап предполагает возможность произнесения священником поучения молодым. Беседа священника с новобрачными была заключена в рамку из вопросов, которые в XVII в. дополнили чин венчания о добровольном вступлении в брак. Они появились в российских изданиях Требника под влиянием ориентировавшегося на католический тип венчания Требника Петра Могилы (1646), где присутствовали эти вопросы¹²³. В 1646 г. Петр созвал собор, где пытался установить взаимосвязь церковной и мирской власти.

Важность супружества автор выявляет неоднократно, например, вставляя в книгу канонические тезисы: «О тайнѣ супружества, сиестъ законнаго брака» (л. 359–363), где пишет: «Тайна от Христа Бога установлена есть в умножение Рода человеческого и воспитание чад къ славѣ Божией въ неразрѣшимый съюзъ любви и дружества и възимную помощь и въ еже отгребатися грѣха любодѣяннѣя» (л. 359), дополняет подробной информацией о границах кровного и духовного родства при венчании (л. 364–394) и завершает рассуждениями «О супружествѣ обще» (л. 394–397), где рассматриваются запреты на имеющуюся практику супружества, кроме родственных и «крестильных» отношений. Например, о невозможности слуги жениться на вдове своего господина или рабу взять в жены госпожу, запрет касался женитьбы на «обручнице» брата или отца, запрещались связи с незаконными, но кровными родственниками¹²⁴.

постили, и Господския праздники и въ которые дни прилучится праздновати Апостоломъ и Евангелистомъ и инымъ нарочитымъ святымъ грѣха не сотворили. И къ церквѣ бо Божии приходили и подаяние давали, и со отцемъ духовнымъ спрашивались почасту, той бо на вся блага научить». См.: Котошин Г. О России в царствование Алексея Михайловича... С. 11.

¹²² Желтов М.С. Венчание брака // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 661–668.

¹²³ Петр Могила. Требник (Евхологион). Киев, 1646. Т. 1. Ч. 1.

¹²⁴ Знание предписаний относительно родственных связей в брачном союзе (с какого колена) была настолько важной, что вменялась в должностные обязанности епископов в Духовном регламенте Феофана Прокоповича 1721 г.: «Должны наипаче знать степени однородства и сродства, и каковыя могут вместить в себе супружество, а каковыя не могут, или по заповеди Божией

В обряд венчания после вопрошания о добровольности вступления в брак вводилось поучительное слово к новобрачным:

«Пришедшимъ же новобрачнымъ предъ приуготованный посредѣ Ц(е)ркве столецъ станета оба на ковръ. Женихъ убо от десныя, Невѣста от шуея страны, зряща къ востоку. Иерей же вшедь въ олатръ и възложивъ с(вя)щенныя вѣнца, на Крестъ, въ денници убо с(вя)тое вземлетъ Ев(ан)г(е)лие, в шуюци же Крестъ съ вѣнцы и изшедь поставлетъ обоа на прѣреченномъ столще и зря к новобрачнымъ творить к нима поучительное слово, показуя имя, что есть супружества Тайна, чего ради Б(о)гомъ усталена есть и како въ супружествѣ бо-гоугодно и ч(е)стно жителствовати имуть, и прочая поданной ему Д(у)ха С(вя)таго бл(а)годати. По окончании Слова, вопрошаеть иерей Жениха Рускимъ языкомъ, глаголя: “Маешь Им(я)р(е)к: волю добрую и не примушомую и постановленный умысль поняти собѣ за малжонку тую Им(я)р(е)къ, которую тутъ предъ собою видишь”. И отвѣщаетъ жених, г(лаго)ля: “Маю велебный, отче”. Иерей паки: “Не шлюбовалел иншой которой вѣры малжонской?”. Женихъ отвѣщаетъ: “Не шлюбовалемъ”» (л. 407).

Те же вопросы иерей обращает к невесте, получая однотипные ответы. Автор заботливо дополняет в скобках указания иерею: «Зри, о Иерею, и внимай опасно, аще женихъ или невѣста не отвѣщаетъ на вопрошание твое» (л. 408). Под страхом потери сана не желающих отвечать на поставленные вопросы запрещается венчать. Введение этого элемента было обусловлено желанием зафиксировать согласие молодых в условиях регламентации жизни и подтверждало эпохальное стремление к самостоятельности молодого поколения и формально фиксируемое равенство мужчины и женщины в таинстве брака. Исторически сложилось, что в католической конфессии это оказалось зафиксировано ранее, и автор осознанно заимствовал этот поворот в чине венчания. Выходя за прагматическую сущность брака, надо полагать, что в этом начинает сказываться новое представление о гендерных отношениях и укрепление женской самостоятельности.

Подробно прописывая все тонкости венчального обряда, автор включает молитву на «раздрѣшение вѣнцевъ» в восьмой день и отдельное благословение утраты цѣломудрия и «съвокупление ихъ нерастерзаемое съблюди» (л. 427). Отдельный текст по-

в книгах Левитских глава 18, или по церковной, в канонах отеческих и Царских. Сами бы сие ведали, а не на иного кого спускались, хотя бы и был у них искусный в сем человек». См.: Духовный регламент 1721 года // Православие и мир. URL: <https://lib.gravmir.ru/library/readbook/1340>. Подробная роспись запрещений необходима при изучении семейных и родственных конфликтов в литературных сюжетах, подоплека которых не всегда прописана писателями.

священ первобрачной невесте и благословение «первому покровению главъ». Возвышая обряд покровения иерей возглашает: «Да покрыть тя Г(оспод)ь кровомъ крилу своею и съхранить тя от всякаго зла въ вся дни жавота твоего, и дать ти в мирѣ и благоденствии видѣти с(ы)на сановъ твоихъ, даже до третиаго и червертаго рода, вкупѣ с мужемъ твоимъ» (л. 430). Поэтический образ покрытия крылом невесты от беды и зла – пожалуй, один из немногих, который ставит на первое место женщину в обряде, при многократно повторяемом принципе жене повиноваться мужу своему. Это положение о субординации христианство аргументирует, обращаясь к таинству брака, как Церковь повинуется Христу, который через таинство сообщает ей особое благочестие, так и жена в благословенном браке обретает спасение.

Он же обращается к опыту Поучительных слов, в конце книги дает два образца проповеди. Язык данных текстов менее русифицирован, чем в описаниях литургических действий, он допускает разговорные выражения и явно направлен на нарративное раскрытие таинства брака для паствы¹²⁵. В первой проповеди «Предмова до шлюбу» (л. 916–922) автор начинает с желания Бога сотворить помощницу Адаму, что и позволяет ему в дальнейшем оставить свой род и «прилѣпися к женкѣ», сопоставляя организацию жизни молодого человека: «Дом и богатство даваны бывають от родичовъ, а жена мудрая от Господа самого» (л. 918). Утверждает автор необходимость равенства молодоженов в вере, знатности, положении («кондиции») для семейной жизни. Петр составляет в проповеди краткую энциклопедию брака в Ветхом Завете¹²⁶ и на этой основе, обращаясь к высказываниям апостола Павла завещает: «Мужие, любѣте жены ваша, и не огорчаетеся на ня. Бо любо есть головою жонѣ». Автор приводит оригинальный аргумент нерасторжимой близости: жена сотворена «з боку лѣвого, а не правого» и «теды младожонокъ оную повинен шановати якъ в лаское свое с(е)р(д)це, которое на боку лѣвом у человека свою осаду маеть» (л. 920). Важное замечание, что жена сотворена не как слуга, но как помощница, правда, для полной гармонии в браке ей необходимо «быти въ безмолвии» («так Апостоль Па-

¹²⁵ Трудности чтения этих частей обусловлены, видимо, тем, что эта часть была предназначена не для Московской Руси и не для русскоязычного населения, и в состав Требника была включена без дополнительной языковой правки Петра, скончавшегося к моменту выхода.

¹²⁶ Переверзев А.В. Отношение Ветхого Завета к браку и девству // Христианское чтение. 1903. № 11. С. 587–598.

вель в том пунктѣ женам приказуеть»), повиноваться мужу и без надобности не выходить из дома. Провозглашается идеал «тихости», который, по мнению проповедника, должен царить в доме, но подчеркивается «Любяя свою жену, себе любит» (Ефс. 5: 28) (л. 921). Таким образом, при сохранении традиционной субординации автор акцентирует и внушает пастве необходимость брачных отношений, основанных на любви и содружестве. Делая брак фактом публичного торжества в храме, иерей вовлекает в процесс окружение брачующихся, своим поучением устанавливает единое аксиологическое пространство и внушает идею его крепости и нерасторжимости в глазах окружающих. Тем самым факт брака становится основой социального устройства не только для правящей верхушки, о чем подробно пишет Р. Мартин¹²⁷, но и для массового населения, особенно городского.

Среди тем второго Слова «на шлюбу» (л. 922–935) архиерей возвращается к теме противопоставления брака и девственного состояния, восхваляя девство как воплощение идеала по сравнению с браком, особенно выделяется часть о причинах заключения брака. Здесь отражается стремление к классификации, столь существенной для рациональной мысли XVII в. При этом Петр Могила выделяет уже упомянутые в связи с проповедью Кирилла Транквиллиона три причины для брака и, хотя в содержании причин нет чего-то нового, но последовательность и аргументация архиерея заслуживают внимания. Первой по важности причиной он ставит помощь в семейной жизни «абы могль человек до такъ тяжкого живота мѣти товарища и помощника» (л. 929). И предается подробному обсуждению значения взаимопомощи в семейном быту. Вторая причина – деторождение и плотские отношения «более плода ради, нежели любления». Подробно говорится о том, что внешние красоты («уроды») способствуют греху и необходимо беречься от соблазна. Третья причина – лекарство от похоти, препятствие «блудодеянию». Завершая свое учительное Слово, автор с опорой на апостола Павла пишет: «Жене муж должное благоволение да воздаеть, такожде и жена мужу. А Петръ святыи мовит: Мужие, тако жеде вкупѣ живуще съ своими женами по разуму, яко не мощнѣшу сосуду женскому воздающе честь» (л. 932). Завершая свое сочинение, Петр напоминает об ответственности молодоженов перед Богом друг за друга.

¹²⁷ Martin R. The Tsar's Happy... P. 13–152.

Поучение новобрачным в сборнике «Статир»

Оригинальную проповедь к молодоженам, составил автор сборника «Статир»¹²⁸ в 80-х гг. XVII в. Ему оказались близки идеи об уважении и любви как основе семейного союза. Автор творчески использовал размышления о браке учителей церкви и проповедников и в то же время выразил новые гуманистические представления о значении и характере брачного союза¹²⁹.

Проповедь начинается на л. 252 (авторская нумерация 3-го счета), предыдущее поучение заканчивается на л. 249 об., т.е. в начале произведения, к сожалению, утрачено два листа текста (единственная существенная утрата в объемной рукописи). Подробный заголовок воспроизводится в авторском «Оглавление книги сея вторыя части, скорога ради взыскания хотящимъ читати ю» (л. 268), где, по сути, прописан план Поучения, убеждающий читателя в важности и многогранности поднятой темы:

«Слово 43. К новобрачнымъ, о еже не призывати на бракъ обаяльниковъ и скомраховъ, и о честных мужей и женъ и о тайне супружества, и не украшатися женамъ, и о бесѣде жениховъ к невѣсте, и не поимати богатѣйшу себе, и невѣсте не называйти своимъ принескомъ вѣно, и не укоряти мужа о нищетѣ, и о зачатии челевеческомъ, и чего ради попусти Богъ браку быти, и не искати мужу красную жену, но разумную и богобоящуюся» (л. 270 об. – 271).

Поучение организовано как беседа проповедника с женихом и невестой, причем автор дает внутри поучения слово брачующимся, составляя план «жениховой беседы», затем заставляя говорить новобрачную, а также вставляет речь «злой жены», требующей от мужа исполнения своих желаний. Фактически перед слушателем разыгрываются сцены семейного общения, где у каждого своя роль¹³⁰. По пронизательному замечанию Ю.М. Лотмана, сценическая организация и «включение зрителя в систему

¹²⁸ О работах XIX–XX вв., посвященных «Статир», см.: Буланина Т.В. Потап Прокофьев Игольнишников // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. (XVII в.). Ч. 3. СПб., 1998. С. 268–272. Об основных итогах исследований «Статир»: Соболева Л.С. Литературные памятники строгановского региона (XVII–XVIII вв.). «Статир» // История литературы Урала. Конец XIV – XVIII в. М., 2012. С. 158–172.

¹²⁹ Публикацию текста «Поучение к новобрачным» и комментарии см.: Соболева Л.С. Гимн семейной любви и гармонии в рукописном сборнике проповедей конца XVII века // Диалог со временем. 2020. № 73. С. 254–270.

¹³⁰ Драматизация, присущая церковной службе, в конце XVII в. была передана искусству «школьной драмы», тема брака как символа божественного благословения присутствует в «Повести о Тверском отроче монастыре», о роли женщины в политике повествует пьеса «Артаксерксово действо».

коллективного сознания, подразумевающего взгляд на *другого* как на партнера в коммуникации, субъект, а не вещь, делает театр школой общественной морали»¹³¹. В этом контексте можно понять цель сложной композиции Поучения. Включение моментов драматического характера позволяло активизировать слушателя, делая его соучастником церковного действия, а проповеди – усилить морализаторское воздействие¹³².

Догматической основой христианского брака является Святое Писание, сюжеты, связанные с творением человека (Быт. 1, 27–28; 2, 22–24)¹³³. К признанию мужа главой, а жены «тѣлом», автор добавляет субординацию отношений учителя и ученика, у мужа чин «началника», у жены «начаемаыя». Обоснование брака как таинства в Послании апостола Павла к Ефесеям (Еф. 5, 25–27), перешедшее в Кормчую, где брак сопоставляется с отношениями Христа и церкви¹³⁴, эмоционально и с добавлением образных определений задействован в «Статире». В расчете на интерактивный диалог автор постоянно использует звательный падеж:

«О пречесный женише! Миро есть женитва. Блюдися, да не привлечеши злосмрадныя тины. Тайна бо есть и образъ великия вещи: по божественному апостолу во Христа и Церковь» (л. 252).

Автору важно уточнить и распространить идею таинства брака, которое должно совершать в «многое молчание и многая тишина», главное таинство – соединение плотского и духовного во имя рождения детей, основываясь на размышлениях Златоуста, но добавляя конкретику процесса рождения потомства:

«Се паки любве тайна, аще два не будутъ едино, не содѣловають многихъ, а егда единъ, тогда нѣсть единого, но польединого и явлено: яко единъ дѣтей не раждаетъ. Видѣл ли еси женитвы тайну: жена бо и мужъ не суть два, но единъ ч(е)л(о)в(е)къ» (л. 252).

¹³¹ Лотман Ю.М. Семиотика сцены // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002. С. 428.

¹³² Драматизация – один из любимых приемов построения проповедей Кирилла Транквиллиона. См.: Маслов С.И. Кирилл Транквиллион-Ставровецкий... С. 94.

¹³³ Подробное изложение теории христианского брака см.: Макарий (Булгаков), митр. Православно-догматическое богословие. Разд. 27. Обзор литературы см.: Троицкий С.В. Христианская философия брака... С. 6–27.

¹³⁴ К символу взаимоотношений Христа и церкви через идею брака автор вернется неоднократно. См. Слово 41 («Поучение на пос(я)щение храма»): «Бракъ у насъ дѣвство разоряеть, бракъ же у Б(о)га дѣвство составляеть, у насъ сущая дѣвица брачившаяся не къ тому есть дѣва, у Г(оспо)да же сущая блудница брачившася д(е)в(и)ца бысть» (л. 244).

Подчиняясь приоритету земного бытия, автор при рассмотрении брака на первое место ставит продолжение рода.

Настаивая на обязательном присутствии церкви в брачном обряде, автор усиленно напоминает о повседневной заботе родителей, которые радуются женитьбе и не жалеют для этого своего «имения», не в силах «чадь своихъ безбрачныхъ зрѣти» (л. 252 об.). Традиционное утверждение о безусловной ценности девства не поднимается, в отличие, например, от вышеупомянутой проповеди в Учительном Евангелии Кирилла Транквиллиона. В беседе жених должен объяснить, что добродетельная душа невесты ему дороже богатства и знатности рода, и трогательно признаться в любви, используя выражения из Песни песней. Выражение личных любовных переживаний станет основой лирической поэзии Нового времени, в необычном для этой цели жанре – церковном поучении – появляются любовные мотивы, клятвы верности, готовность пройти все испытания. Автор обращается к высокой оценке такого брака окружающими друзьями и соседями, причем не только в его детородной, но и социальной функции.

Большой пассаж касается дружеской и любовной атмосферы в семье. В отличие от «Домостроя», где признается необходимость наказания жены мужем, хотя бы во имя спасения ее души¹³⁵, автор «Статира» решительно и неоднократно указывает на невозможность близких отношений, основанных на страхе:

«Не запрещениемъ, ниже досадами, ниже страхомъ, ниже инымъ нѣкоимъ сичевымъ, но люблениемъ, но дружествомъ... А жития общину и дѣтей м(а)т(е)рь, всякаго веселия основание, страхомъ и прещениемъ связовати? Каково бо супружество, егда жена трепещеть пред(д) мужемъ. Какую же и самъ той мужъ восприметь сладость, якоже с рабынею живый ж женою, а не яко свободною» (л. 252 об.)¹³⁶

Это чрезвычайно важный момент, отражающий эмоциональное состояние времени и утверждение в проповеди нового типа отношений, где супруги ищут радость, веселие, «сладость» в семейном быту на основе добрых и любовных чувств. Автор советует хвалить жену, когда она в несправедном гневе, смягчать

¹³⁵ Ср. с «Домостроем»: «...ино достоинъ мужу жена своя наказывати, и ползовати страхомъ наедине и, понаказавъ, и пожаловати, и примолвити, и любовию наказвати, и разсужати...». См.: Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI в. М., 1985. С. 120.

¹³⁶ В тексте нет цитирования «Слова о законе и благодати», где Иларион вслед за апостолом Павлом развивал идею отличия брака по любви от брака по закону, но авторская аллюзия вполне вычитывается.

ее нрав улыбкой, что поможет добиться послушания и – главное – верности. Он убеждает новобрачных, что брак обязывает к постоянной заботе друг о друге и поведению, которое облагородит отношения и уберезет от измены:

«Сице возможеша ея осклабити, ярость и печаль погасити. Нѣсть сии глаголи ласкания, но многого разума и исправления. Сими словесы сотвориши ю рабыню, нежели сребромъ купленую. И никогда же просто не зови ея, но с ласкосердиемъ, с честью со мною любовию. Чти ю, да не востребуеть от иныхъ чести, да не востребуеть от иныхъ славы. Паче всѣхъ предлагай ю, и доброты, и разума похваляй» (л. 257 об.).

Проповедник подробно объясняет, как выбирать жену, достойную любви. И это знаменательный момент, учитывая, что в средневековой традиции выбор невесты зависел скорее от материальных причин и авторитетности рода в общине, его знатности и благородства – в высшем слое; не утверждая отсутствие личных симпатий, считается, что они не были на первом месте при заключении брака. Однако автор «Статира» утверждает приоритет личных чувств для гармонии семейной жизни. В основе – уважение к духовному миру супругов. Не пренебрегая внешней красотой невесты, автор указывает на более важные качества «жития общины»: «честность, кротость, целомудрие». Обостряя ситуацию, автор предлагает добрым обращением с женой возвышать ее в глазах окружающих, даже если «безобразна, аще ли и худа, аще будетъ юродива или хулница, но имѣй ея якоже за красную, яко(ж) за возлюбленную, якоже за чюдную» (л. 252 об.). Не меняя представлений о субординации внутри семьи, исходя из понимания соподчинения как основы миропорядка, автор призывает мужа к готовности: «Аще и душу свою дати за ню подобаетъ. Аще что и бѣды терпѣти, и пострадати, не отрецйся» (Там же). А жена должна жить «в твоёмъ послушании и к родителямъ в покорении»¹³⁷. В соблюдении правил семейной субординации автор видит гарантию мира и спокойствия в семье: «А идѣже равночестие, ту мира никогда не бываетъ. Сего ради покажи и боязнь к мужеву твоему, еже не п[о]преки гл(агола)ти, еже не противу востати, еже не желати первенства» (1 Тим. 2, 11–12) (л. 255 об. – 256).

¹³⁷ Призыв восходит к беседе Иоанна Златоуста «В том состоит крепость жизни всех нас, чтобы жена была единомушнна с мужем; этим поддерживается все в мире. Как при потрясении основания ниспровергается все здание, так и при супружеских раздорах разрушается вся наша жизнь...». См.: Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. В 12 т. СПб., 1897. Т. 3. С. 381.

Обращаясь к популярным рассуждениям о злых женах, представленных в древнерусской книжности многочисленными вариантами¹³⁸, автор ставит задачу обличить женское злонравие, но при этом его позиция состоит не в отказе от брака, а в правильном выборе жены, чтобы основой было не богатство или красота, а общность интересов и устремлений: «не богатства подобають искати, но обшницу жития: да поемлють во устроение дѣтворения. Вносящая же пѣнзязи невѣста и госпожа, вмѣсто жены бываетъ или негли звѣрь вмѣсто жены» (л. 253). В обличительном ключе проповедник рассматривает «украшательство» жены как лица, так и тела. По его мнению, это искажает образ, дарованный Богом («Ты ли создание Б(о)жие хочещи справити»), и является проявлением тщеславия, что оценивается как безусловный грех. Но автор наставляет мужа не просто запрещать носить украшения, «висящая на шияхъ и на скранияхъ, и на выи облежашая», а убедить жену: «яко едина еси от безумныхъ» (л. 255). С еще большей страстью он обличает косметические процедуры. Заимствуя риторику из Евангелия учительного Кирилла Транквиллиона, автор редактирует советы в соответствие с русским бытом:

Евангелие учительное	Статир
<p>А нынѣ жены некотории точию при зеркалѣ сѣдять и брови помозкують водками, пижмами смазуются. Но сего творити не подобають честной жене хр(и)стианской, еже убо украшати себе свѣтлыми ризами и помазоватися вонями. Се дѣло блудныхъ женъ и дияволе ухищрение на прел(е)сть д(у)шъ юношескихъ, не утвержденныхъ страхомъ б(о)жимъ¹³⁹.</p>	<p>...жены нѣкия точию при зеркалахъ сѣдять и брови подмазуютъ п(р)обками черными, и лица натирають бѣлиломъ. Но сего творити не подобають ч(ес)тной женѣ хр(и)стианской. Се бо дѣло блудныхъ женъ и дияволе ухищрение на прелестъ д(у)шъ юношескихъ и не утвержденныхъ страхомъ б(о)жимъ (л. 253 об. – 254).</p>

Не примет проповедник обычая исполнять во время свадьбы громкие и «скверные» песни и «плясания»: «Да не будутъ бестудныя, плясалницы, ниже д(е)вы, ниже жены. Во еллинскихъ тайнахъ суть плясания, в нашихъ же – молчание и благоукрашение, стыдѣние и устроение» (л. 252). В этом он един с автором Евангелия учительного, следующего увещеванию Иоанна Златоуста (Беседы о браке 1, 2), несколько раз противопоставляя сва-

¹³⁸ Титова Л.В. Беседа отца с сыном о женской злобе. Новосибирск, 1987.

¹³⁹ Кирилл Транквиллион-Ставровецкий. Евангелие учительное... Л. 169 об. (2 счета).

дебному разгулу разумное общение, но речь идет не столько о погибели души, сколько о благопристойном поведении:

«Но н(ы)нѣ едино гл(аго)лю: Отымите от брака, всякия пѣсни скверныя, сатанинския, собрания нечистыхъ юношъ и бестудныхъ женъ, ласкательницъ, иже домы ваши потворяють. Тогда возможеша уцелом(у)дрити невѣсту. И она абие помыслить: «Оле, каковъ есть мужъ, любом(у)др(е)ць есть, ничтоже вменяеть нынѣшнее житие, поистинне на чадотворение и дѣтопитание введе мя в домъ свой, и на домоисправление» (л. 254–254 об.).

Авторитетом церкви автор вводит правило умной беседы жениха с невестой, которая должна, по его настоянию, предшествовать плотским отношениям: «Но и еще ти скажу, аще хоцеша уцеломудрити невѣсту, срамное убо не разрѣшай скоро, еже похотнии творять мужие, но изводи на многое время» (л. 254 об.)¹⁴⁰. В беседе жених должен объяснить, что добродетельная душа невесты или «общницы» ему дороже богатства и знатности рода, и трогательно признаться в любви:

«Тѣм же оставихъ сия, приидохъ к твоея д(у)ши добродѣтели, ю же паче всякаго пре(д)почитаю злата. Разумна бо и свободная, отроковице юная, и бл(а)гоговѣнню прилежащи, всей вселеннѣй противомы достойная. Сего ради тебе возлюбихъ и люблю, и паче моя предлагаю души» (л. 254 об. – 255).

Выражение личных любовных переживаний станет основой лирической поэзии Нового времени, в необычном для этой цели жанре – церковном поучении – появляются любовные мотивы, клятвы верности, готовность пройти все испытания. Таинство брака, смысл которого автор доносит до своей паствы, одухотворяет земные правила сожителства в семье; житейские столкновения преодолеваются высоким смыслом брачных отношений. Автор обращается к оценке брака окружающими, причем не только в его детородной, но и социальной функции:

«Аще ли в единомыслии и в послушании мужа своего пребудеша, то домъ свой добрѣ утроиши и бл(а)годарованныя чада в страсть воспитаете, и рабы бл(а)гочинствуютъ, и соседи наслаждаются бл(а)говония, и друзи и сродницы о бл(а)гочестивномъ сожителствѣ вашемъ возрадуются» (л. 255 об.).

Обращаясь к новоявленному мужу, автор не забывает увещевать богатую жену, приходящую со своим «вѣном» в семью.

¹⁴⁰ В постановлении карфагенского Собора (398 г.) находим указание новобрачным «...приняв благословение, да пребывает в ту ночь, из уважения к этому благословению, в девстве». Цит. по: Макарий (Булгаков). Православное-догматическое богословие... § 234, прим. 1495.

Семейные конфликты, которые отражали социальное неравенство, и описание женских попреков худородному мужу были присущи всей средневековой литературе, не исключая русскую. Достаточно вспомнить яркую жалобу в Молении Даниила Заточника и его обличение богатой жены, а также многочисленные списки Слов о добрых и злых женах, как переведенных, так и составленных русскими книжниками с XI до XVII в.¹⁴¹ Но для автора «Статира» эта тема преломляется в умении мужа успокоить жену, и он не стремится воспроизвести стандартные обличения «злой жены», преследующей мужа упреками. Автор «моделирует» не только «женихову беседу», но и приводит слова жены, требующей от мужа заработка в «странничестве», упрекая, что тот «туне живеши». Но предохраняя жену от неблагочестивых помыслов и желаний, автор не обходит наставлениями мужа, предлагая тому «паче в дому пребывай ея ради, нежели на торжищи, и паче всѣхъ друговъ предпочитай. И аще бл(а)го сотворить что, хвали и чудися. Аще ли что безмѣстно случается, яко и на юныхъ, наказуй» (л. 257 об. – 258). Бытовые разговоры, входя в текст Поучения, позволяют войти внутрь семейного пространства, заставив участников посмотреть на себя извне и устанавливают первые ступени к гендерному равенству в браке.

В заключительной части проповеди, представив перед слушателем благочестивые и неблагочестивые типы поведения, автор выступает как просветитель, раскрывая тайну деторождения. Будучи парафразой из проповеди новобрачным Кирилла Транквилиона, рассуждение о скрытом от глаз соединении двух начал – женского и мужского – опирается на Палею толковую, служившую памятником средневековой мысли, своеобразно соединившей легендарные вымыслы с природными наблюдениями и символическими смыслами¹⁴². В тексте объясняется соединение материального тела и души, совершающееся в утробе матери:

«И вложи Богъ въ естество тѣлесное мужу и женѣ похоть движения к рождению. От похоти и сѣмени мужеска начинаются тѣла: кости и жилы, от женской похоти: кровь и тѣло составляется, [якоже любом(у)дрецы рѣша]¹⁴³. Душа же невидимая от невидимаго Бога невидимого силою его творится – из небытия в бытие вѣчное. И невидимо вливается в зачатии тѣла в матернихъ ложеснахъ. А не родится от

¹⁴¹ Каган М.Д. Слова о добрых и злых женах // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2 (Л–Я). Л., 1989. С. 399–401.

¹⁴² См. выше, прим. 118.

¹⁴³ Заключено в скобки автором.

д(у)ши м(а)т(е)рней и отч(е)ской иная д(у)ша. Не может бо д(у)ша д(у)шу родити, д(у)х д(у)ха, ниже анг(е)ль анг(е)ла» (л. 258 об.).

В Евангелии учительное объяснение гораздо пространнее, автор «Статира» заимствует небольшой отрывок, целомудренно обещая поговорить об этом подробнее «во свое время», при желании паствы. Проповедь берет на себя объяснительную функцию, посвящая новобрачных в природную суть брачной связи.

Завершая проповедь, автор возвращается к новобрачным, прославляет «честный санъ сожительства», «усердно желая» им «всех благ». Раскрывая понятие таинства брака, он внушает правила семейного общения, которые должны способствовать семейной гармонии. Используя диалоговую форму изложения, проповедник стремится к активной коммуникации с паствой.

Обобщая, можно отметить высокое значение жанра проповеди для понимания сложных процессов развития морали и культуры повседневности в конце XVII в. В этом семантическом ключе жанр проповеди занимает исключительное положение. Вводимый в научный оборот текст интересен своей топографией появления, Орел-городок – это русская провинция в Прикамье, имеющая впечатляющий культурный потенциал вследствие деятельности землевладельцев из рода Строгановых. В Проповеди новобрачным автор убеждает паству в необходимости гуманных и доброжелательных отношений в семье, основанных на свободном выборе брачующихся и взаимной любви. Проповедь пронизывают гуманные идеи отказа от наказаний, высоко оцениваются понимание, милосердие и любовь как основы семейного уклада. Идею таинства и нерасторжимости брака автор соединяет с примерами понимания и поиском коммуникации в брачном союзе, что поддерживается социумом и родом. В небольшом фрагменте церковного события воплощаются новые установки времени, меняющие жесткую средневековую иерархию в семье на поиск принципа «сожительства» на основе душевной близости.

В категориях брака осмысливается приход Мессии – Жениха, который заключит новый брак – Новый Завет. Свое первое чудо Христос совершает на брачном пиру; брачная трапеза недаром постоянный образ полноты времен. Именно это, по С.С. Аверинцеву, знаменует собой христианский брак как таинство. И поэтому он – не временный контракт, а нерасторжимое единство¹⁴⁴.

¹⁴⁴ Аверинцев С. Брак и семья. Несвоевременный опыт христианского взгляда на вещи // Аверинцев С. София-Логос. Словарь. Киев, 2001. С. 352–354.

В XVII в. празднование брака все более приобретает черты светской культуры. Поэты пишут похвальные слова и стихи (панегирики), посвященные браку, для их подношения во время свадебного торжества. К 1689 г. относится сочинение Кариона Истомина, посвященное браку Петра и Евдокии Лопухиной «Книга – знак любви и честного брака». На миниатюре в начале поэмы подчеркнуто симметрично расположены фигуры Петра и Евдокии в сопровождении небесных покровителей (Иисуса, девы Марии, Апостола Петра, мученицы Евдокии). Равноправное, тщательно обрисованное расположение фигур на миниатюре должно было утверждать семейный союз как проявление свободного выбора и уважения. В проповеди XVII в. предстают важные свидетельства изменения жизненных ценностей, в основе которых лежит гуманизация семейных отношений, и эти новации начинают внушаться широкому кругу верующих. Ростки новых брачных отношений, открывшиеся в церковных и светских жанрах, формировали не только сюжетно-конфликтную основу литературы последующих времен, но и повороты в человеческих судьбах, особенно женских, таких людей, как царевна Софья Алексеевна, Наталья Нарышкина или жены декабристов.

11.4. БРАЧНЫЕ УЗЫ В АНГЛИИ ОТ ПРОПОВЕДИ К СВЕТСКОЙ ТРАДИЦИИ

Брачно-семейные отношения в любую эпоху отражают специфику общества. В первой четверти XVII в. в английском обществе происходит ряд изменений в понимании брачного союза, целей вступления в брак, ролей супругов в браке, и как следствие, места женщины в обществе, что нашло отражение в интеллектуальной традиции того времени. Источником для анализа подобных изменений в XVII в. служат проповеди новобрачным. Наиболее четко обретают свои черты новые взгляды на брак и семью в пуританской среде. Такие стратегии пуритан как опора на личный опыт, широкое использование грамотности и привнесение духовных вопросов во все виды жизнедеятельности, сильно повлияли на духовность женщин и их роли в обществе. В то же время изменения в традиционных гендерных практиках изменили и сам пуританский образ жизни. Эти тенденции нашли отражение в проповедях новобрачным, написанных в 1620-е гг.

видным членом лондонского пуританского сообщества, уважаемым ученым, проповедником Томасом Гатейкером (1574–1654).

Томас Гатейкер получил блестящее образование в колледже Св. Иоанна в Кембридже, что позволило ему впоследствии читать лекции в Линкольнс-Инн (1601–1611), а затем сорок три года исполнять обязанности священника в Ротерхите, графство Суррей. Особый интерес представляют три его проповеди: «Краткое изложение брачных обязанностей» (посвящена Роберту и Дороти Кук, 1620), «Хорошая жена – дар Бога» (мистеру Джону Скадамору и миссис Элизабет Скадамор, его супруге, 1620/23) и «Совершенная жена» (Сэру Роберту Харли, рыцарю, и леди Бриллиане, его супруге 1623), прочитанные на свадебных церемониях, и впоследствии опубликованные. Обращение к проповедям Гатейкера позволяет проследить как пуритане активно пересматривали понятие брака. Их проповеди и трактаты подчеркивают, что брак служит благочестивому сообществу, объясняют природу брачного завета и соответствующие обязанности мужа и жены.

Однако известность Гатейкеру принесли не его проповеди, а сочинение «Апологетические рассуждения», которое он опубликовал всего за несколько месяцев до своей смерти в 1654 г. В нем он раскрывает важные аспекты проповедуемого им пуританства: склонность связывать английское благочестие с континентальной Реформацией, существенную умеренность и, прежде всего, зависимость от печати для убеждения и назидания благочестивого сообщества. Наиболее интересен в этом списке последний пункт, потому что обращение к печати в сочетании с практикой «живого слова», «живой проповеди» было характерно для пуритан. Использование Гатейкером печати как особого ресурса коммуникации эволюционировало в течение его долгой карьеры, пока после 1640 г. она не стала совершенно незаменимой для его взаимодействия с благочестивым сообществом.

Несмотря на то, что термин «пуританин» пользовался большой популярностью в XVII в., его содержание все еще остается спорным. Существует довольно ограниченное число работ, где рассматриваются не доктринальные основы пуританизма и его связь с Английской революцией, а взаимодействие между пуританизмом и гендером. Многие исследователи подчеркивают патриархальный характер пуританской семейной модели. Однако Диана Уиллен утверждает, что в историографии однобоко представлен взгляд на гендерные роли в семье пуритан, а социальная теория расходится с практикой. Она отмечает, что действительно

«теплые и любящие браки не препятствовали практике патриархата, тем более что женщины сами усвоили общественное учение о надлежащих гендерных ролях, узаконившее мужскую власть... Учитывая патриархат в семье, обществе и церкви, и католички и протестантки традиционно использовали религию как один из немногих путей, доступных им для придания смысла своей жизни»¹⁴⁵. Согласно Уиллен, пуританство особенно привлекало женщин, потому что имело практический характер. Действуя в обществе, которое ценило женское благочестие, женщины могли стремиться к более высокому статусу внутри общины верующих¹⁴⁶. У пуритан даже был специальный термин для обозначения благочестивых женщин, которым гарантировано спасение, их называли «избранными леди» (*ladies elect*). Они выступали адресатами хвалебных посвящений в книгах, панегириков и проповедей, образцами для подражания. Важным в этом ключе является исследование Д. Барнс о влиянии брачной проповеди Гатейкера на повседневную жизнь супружеской пары Харли¹⁴⁷, где на основе сохранившейся переписки леди Бриллианны Харли со своим супругом реконструируются пуританские стратегии в семейных взаимоотношениях и активная женская позиция под маской благочестия.

Несмотря на некую общность взглядов пуритан на брак, они претерпели определенную эволюцию, начиная со второй половины XVI в. Во втором молитвеннике короля Эдуарда VI («Книга общих молитв», 1552) указаны следующие причины для вступления в брак: «Во-первых, для деторождения. Во-вторых, <...> как средство от греха и во избежание блуда. <...> В-третьих, для взаимного общества, помощи и утешения, которые один должен получать от другого как в благополучии, так и в несчастьях»¹⁴⁸. Пуритане же считали, что, когда Бог представил Еву Адаму, Он торжественно создал первый брак, и тем самым благословил брак как таковой. Пуританские богословы выступали против католического и англиканского понимания брака, в котором сексуальное общение напрямую связывалось с падением человека.

¹⁴⁵ Willen D. *Godly Women in Early Modern England: Puritanism and Gender* // *Journal of Ecclesiastical History*. 1992. October. Vol. 43. № 4. P. 565–566.

¹⁴⁶ Willen D. *Godly Women...* P. 563.

¹⁴⁷ Barnes D.G. *Wifely «Affection and Disposition»: Brilliana Harley and Thomas Gataker's A Wife in Deed (1623)* // *English Studies*. 2017. Vol. 98. № 7. P. 717–732.

¹⁴⁸ Цит. по: Johnson J. T. *English Puritan Thought on the Ends of Marriage* // *Church History*. 1969. Vol. 38. № 4. P. 429.

Так, католики и англикане рассматривали в качестве основного библейского текста, регулирующего учение о браке следующий постулат (Бытие 1: 22): «И благословил их Бог, говоря: “Плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле”». Для пуритан, однако, наиболее важным библейским отрывком, выявляющим изначальную цель брака, заложенную Богом, стало Бытие глава 2 стих 18: «И сказал Господь Бог: “Нехорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему”». Выбором этого стиха подчеркивалось, что именно общение, а не деторождение было основной Божьей целью для брака.

Неудивительно, что в течение XVII в. немалая часть сочинений пуритан была посвящена определению и изменению целей брака, чтобы утвердить примат взаимопомощи в браке над продолжением рода. Первые шаги в этом направлении делает отец пуританизма – Уильям Перкинс (1558–1602). В работе «Христианская экономика, или устройство семьи согласно Священному Писанию» он приводит пять причин достоинства брака: (1) появился еще до грехопадения, (2) облегчение одиночества, (3) дан непосредственно от Бога, (4) благословение брака как средства для заселения земли (деторождение), (5) благословение брака как первичной социальной единицы (то, что он является основой других союзов, в частности Церкви и государства)¹⁴⁹. Перкинс, как представляется, в учении о браке с трудом отходил от «Книги общих молитв». Однако одной из областей, где он четко отходит от традиционного церковного учения, является представление о супружеской любви. Как мы видим, для него рождение детей – лишь одна из причин для заключения брака, кроме того, она указана предпоследней, а не первой, как в молитвеннике Эдуарда VI. Несмотря на выстроенную Перкинсом иерархию причин для брачного союза, остается неясным что же первично в браке – деторождение или же союз, спасающий от жизни в одиночестве. Если Перкинс неоднозначно относится к тем благам, что доступны человеку в браке, то другие пуританские писатели достаточно четко определились со своими предпочтениями.

Т. Гатейкер уже ясно показывает примат союза, основанного на взаимной дружбе, над продолжением рода в браке. В «Кратком изложении брачных обязанностей» он утверждает, что брак ва-

¹⁴⁹ Perkins W. Christian oeconomie: or, A short survey of the right manner of erecting and ordering a familie according to the scriptures. L., 1609. P. 671.

жен главным образом потому, что «это первое в мире общество» и «во-вторых, потому что это источник, из которого берут начало остальные потоки»¹⁵⁰. В другой проповеди «Совершенная жена» он определяет брак как договор между двумя людьми, каждый из которых несет ответственность перед другим. Гатейкер постоянно подчеркивает, что дружеское общение в браке превалирует над деторождением. Он также отмечает особое значение появления института брака, утверждая, что провидение прежде всего стремилось положить конец одиночеству человека, предоставив ему подходящего компаньона. Иначе говоря, основная цель брака – избавление от одиночества. Соответственно, Гатейкер возвышал общение в браке над производением потомства.

Джон Мильтон так же четко, как и Гатейкер, говорит о том, что является первичным и вторичным в браке. В «Доктрине и дисциплине развода» он (как и большинство других пуританских авторов о браке) пишет, что ответ на вопрос «что такое брак, а что не брак» содержится в Бытии 2:18. Мильтон пишет: «Не годно человеку пребывать одному; сотворим ему помощника, подходящего для него... из этих слов нельзя не заключить..., что в Божьем замысле приятная и счастливая беседа является высшей и благороднейшей целью брака; ибо мы не находим в этих строках ничего обязательно подразумевающего плотское познание, кроме как предотвращение одиночества для разума и духа человека»¹⁵¹.

Проповедь «Совершенная жена» увидела свет вместе с другой ранее опубликованной проповедью о браке в небольшом томе под названием «Хорошая жена – дар Бога»; и «Совершенная жена» (1623, репр. 1624)¹⁵². Объединение двух проповедей в один том позволяет увидеть связь между двумя текстами. Проповеди действительно разные, каждая имеет свое посвящение и независимую разбивку на страницы. Первая, «Хорошая жена – дар Бога» – переиздание публикации 1620 г.¹⁵³ Однако фронтиспис указывает на то, что их следует читать как связанные друг с другом, при этом приводится изречение Соломона: «Добродетельная жена – венец для мужа своего; а позорная как гниль в костях его»

¹⁵⁰ Gataker T. Marriage duties briefly couched together; out of Colossians, 3, 18, 19. L., 1620. P. 3.

¹⁵¹ Milton J. Doctrine and Discipline of Divorce // Complete Prose Works of J. Milton / Ed. by D.M. Wolfe et al. In 4 vols. New Haven, 1959. Vol. 2. P. 246.

¹⁵² Gataker T. A good wife, God's gift; and, A Wife indeed: two marriage sermons. L., 1623.

¹⁵³ Barnes D.G. Wifely «Affection and Disposition»... P. 720.

(Притчи 12:4). Две проповеди тематически совпадают, и вместе объясняют обязанности женщин в браке (брак как договор) в общих терминах, взятых из толкования Священного Писания и его комментариев. Посвящения обеспечивают локальную связь. Первая, «Хорошая жена – дар Бога», представляет собой версию проповеди, которую Гатейкер произнес на свадьбе виконта Скадамора (Scudamore) и Элизабет Портер (1615), и посвящена Скадамору. Вторая, «Совершенная жена» – это брачная проповедь Конвея-Харли, посвященная Роберту Харли. Д. Барнс отмечает, что «на первый взгляд, это сочетание имеет смысл, обе проповеди были прочитаны на знаменательных свадьбах в Херефордшире, и оба текста связывает обсуждение супружеской жизни и женской добродетели с местной общиной в Херефорде. В 1623 г., когда заключался союз Конвея и Харли, отношения между двумя семьями были дружескими (хотя и хрупкими из-за местной конкуренции за власть и влияние), поскольку Харли назначили Скадамора в качестве попечителя в брачном соглашении. Когда проповедь была впервые опубликована, посвящение Скадамору, должно быть, читалось как совершенно обычное и ничем не примечательное, но помещенное рядом с проповедью Конвея-Харли, оно, кажется, призывает Скадамора отказаться от церковной церемонии и ритуала высокой церкви, которые он недавно принял в пользу кальвинистского протестантизма, одобренного Конвеями и Харли»¹⁵⁴. Как объясняет Гатейкер в «Совершенной жене», в поисках хорошей жены мужчина должен смотреть на родителей потенциальной жены, прислушиваться к советам своих друзей, устанавливать хорошие отношения с ее отцом и обращаться за советом к Богу в молитве. Опубликованные вместе проповеди стремятся сформировать и закрепить те ценности, что связывают благочестивую общину, и вернуть отставших в ее лоно. Гатейкер считает поведение жен ключом к этому стремлению.

Какие же моменты Гатейкер артикулирует в данных проповедях? Наиболее ясно он говорит о двух вещах: во-первых, чтобы быть хорошим и правильным, брак должен быть результатом осознания Божьего провидения; во-вторых, главное благословение брака – хорошая [общительная] жена¹⁵⁵. В проповеди «Хорошая жена – дар Бога» он заявляет: «Жена является первым и главным

¹⁵⁴ Barnes D.G. *Wifely «Affection and Disposition»*... P. 720–721.

¹⁵⁵ Johnson J.T. *English Puritan Thought on the Ends of Marriage* // *Church History*. 1969. December. Vol. 38. № 4. P. 431.

благословением, а Дети – следующим. ...Если Дети – Благословение, то источник, из которого они происходят, заслуживает большего уважения... Дети – это дар Бога; но Жена – это особый дар Бога: она появляется в первую очередь, а они во вторую»¹⁵⁶.

Поскольку жена – дар особого провидения, то и союз с мужем, сам по себе является великим благословением. Дети же являются дарами общего провидения и их появление демонстрирует благодатное внимание к союзу, который их вызвал. Гатейкер – единственный, кто объясняет этот аргумент, исходя из различных видов провидения. От других пуританских писателей его отличает прямое использование кальвинистских категорий особого и общего провидения. Разница между общим и особым провидением Бога стала очевидна еще в средние века, но ее достаточно сложно было доказать. Так, *общее* Божье провидение охватывает все дела и события человеческой жизни, но в то же время *особое* Божье провидение может касаться благополучия отдельных людей посредством конкретного вмешательства. Соответственно, вмешательство *особого* провидения подразумевает некоторый недостаток в *общем* провидении, которое будет исправлено специальным вмешательством. Дар хорошей жены – это разновидность *особого* провидения: «Божье провидение в большей степени относится к жене, чем к богатству»¹⁵⁷. Хороший брак – высший из даров в этой жизни, потому что он дает постоянного спутника. Дар хорошего супруга сравнивается в этой жизни с даром спасения в следующей, и приходят они через молитву, смирение и веру¹⁵⁸.

Следует отметить, что для Гатейкера муж также является особым даром Бога жене, и поэтому целью брака является взаимное общение. «Наконец, если хорошая Жена является таким особым даром Божьим, то и хороший Муж имеет не меньшее значение. Ведь муж также нуждается в жене, как жена в муже»¹⁵⁹.

Все опубликованные проповеди о браке Гатейкера имеют схожую проблематику, и вместе они образуют достаточно полное изложение брачной доктрины. Однако единственное место, где он перечисляет блага брака как таковые, – это проповедь «Совершенная жена». Блага брака, по мнению Гатейкера, заключаются, во-первых, в «обществе»; «во-вторых, в помощи»; «в-третьих,

¹⁵⁶ Gataker T. A good wife, God's gift... P. 12.

¹⁵⁷ Ibid. P. 9.

¹⁵⁸ Ibid. P. 15.

¹⁵⁹ Ibid. P. 24.

в утешении и покое»; «в-четвертых, в потомстве»; «в-пятых, являются средством от несдержанности [прелюбодеяния]»¹⁶⁰.

Проповедь «Совершенная жена», как уже отмечалось выше, была написана для сэра Роберта Харли и его супруги Бриллианы. Для проведения церемонии выбор пал на Гатейкера неслучайно, уже тогда он был известен своими проповедями и религиозно-политической полемикой, как среди прихожан, так и в печати. В это время он занимал пост ректора в Ротерхит (Суррей) и выступал за кальвинистскую реформу внутри национальной церкви. Д. Барнс отмечает, что Роберт Харли во многом разделял взгляды Гатейкера, который определял пуританина в позитивных терминах, не как нонконформиста или сектанта. Его позиция против римского католицизма также была известна Роберту Харли. Еще одна точка зрения, которую Гатейкер разделял с ним, заключалась в его вере в образовательную функцию проповеди. Хотя Гатейкер утверждал, что живая проповедь вызывает более глубокий отклик у слушателей, он принял на вооружение возможности печатного слова, которое имело определенные преимущества. Оно позволило ему обратиться к более широкой публике, не связанной одним временем и местом, и оказать на нее влияние¹⁶¹.

В проповеди «Совершенная жена» Гатейкер обрисовывает идеалы поведения в браке. Он отмечает, что замужняя женщина становится женой лишь благодаря своим поступкам, в особенности – добровольным и любящим служением своему господину. Здесь мы отчетливо видим черты патриархальной доктрины, которую исследователи неоднократно приписывали Гатейкеру. Он объясняет: «Женщина была создана не для мужчины, а для его блага»¹⁶². Жена на деле является помощницей своего мужа: «та, которая может либо помочь освободить его и облегчить долю его, либо взять на себя часть его бремени, либо утешить и подбодрить его, и если надо горевать, то плачет вместе с ним»¹⁶³. Женская роль в заключенном союзе – сочувствовать и делиться. Приоритет в союзе принадлежит мужу, и тем не менее Гатейкер подчеркивает, что женская добродетель активна и взаимна: «Брак требует соединения Умов, Привязанностей и Желаний»¹⁶⁴.

¹⁶⁰ Ibid. P. 27, 29, 31, 33, 36.

¹⁶¹ Barnes D.G. *Wifely «Affection and Disposition»*... P. 719.

¹⁶² Gataker T. *A Wife indeed*... P. 54.

¹⁶³ Ibid. P. 32.

¹⁶⁴ Ibid. P. 60.

Следующая проповедь, к которой следует обратиться, – «Краткое изложение совместных обязанностей в браке». Она была опубликована в 1620 г. и посвящена Роберту и Дороти Кук, сыну и невестке сэра Уильяма Кука из Хайнэмского суда в Беркли (Глостершир). Гатейкер был знаком с семейством Куков и даже работал учителем у них в доме около двадцати лет назад. Сам автор описывает книгу как «сырые заметки для проповеди», произнесенные по случаю другой свадьбы, «отредактированные и подготовленные... для печати» как дань уважения паре молодоженов. По форме – это явное заимствование из текста проповеди, наставления апостола Павла к Колоссянам 3: 18–19: «Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе. Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы»¹⁶⁵. Если говорить о смысловой организации проповеди, то в первой части приводятся обязанности жены, во второй – мужа. Гатейкер пишет, что обязанности жены «можно обозначить или свести к трем частям»:

«Благоговение, Послушание, Помощь. Первый долг – Благоговение; включает в себя: Почтение и Страх.

Почтение – главный долг всех младших, о котором говорится в пятой заповеди...

Во-вторых, Страх, не холуйский или рабский страх, а не связанный предрассудками, свободный и бесхитростный страх; (подобно тому страху, с которым благочестивые предстают перед Богом)... страх, проистекающий из любви и соединяющийся с любовью; состоящий в желании делать все, чтобы угодить мужу и доставить ему удовольствие, и стараться избегать всего, что может вызвать недовольство его или неудовлетворенность»¹⁶⁶.

«Вторая обязанность – Послушание; о ней говорил апостол Петр “Как Сарра повиновалась Аврааму, называя его господином” и это относится к: Наставлению и Совету и, следовательно, состоит в том, чтобы довольствоваться увещанием от него [мужа], получением от него совета»¹⁶⁷.

Гатейкер особо подчеркивает: если жена должна преклоняться и подчиняться мужу; он призван быть наставником для своей жены.

«Третья и последняя обязанность жен – это Помощь. Ибо она была сделана помощницей или товарищем мужу своему, и это особенно важно в его Странствиях и в его Бедах»¹⁶⁸.

Обязанности мужа в браке Гатейкер делит на две части:

¹⁶⁵ Толкования на Кол. 3:18. Толкования Священного Писания. Свт. Иоанн Златоуст. URL: <http://bible.optina.ru/new/kol:03:18>.

¹⁶⁶ Gataker T. Marriage duties... P. 11–13.

¹⁶⁷ Ibid. P. 14.

¹⁶⁸ Ibid. P. 19–20.

1. Мужья любите своих жен.
2. Не будьте к ним суровы¹⁶⁹.

Интересно то, каким образом Гатейкер определяет те чувства, которые должен испытывать муж в отношении жены: необходимо, чтобы муж не просто любил свою жену, но любил ее любовью выше всякой другой любви¹⁷⁰. Т.е. здесь идет речь об *особой* форме любви. Мужья должны осознавать особенность своих чувств к жене и «следить за тем, как они относятся к тем, кого они не могут таким образом полюбить; с кем они не могут связать свои сердца и испытать привязанность». Он предостерегает от «ошибок, которые совершают многие мужья, когда уделяют много времени друзьям, или занимаются своими владениями, или изменяют женам. Поэтому мужчин и женщин следует предостеречь перед заключением брака, это решение нужно долго обдумывать, потому что брак может быть заключен лишь единожды. Одним словом, тот, кто свободен, должен потратить время на раздумья и подойти к нему с умом, но тот, кто выбор уже сделал, должен подчинить свое сердце своему выбору»¹⁷¹. Он неоднократно использует пример отношения родителей и детей, объясняя природу чувств между мужем и женой. Здесь он наставляет:

«...каждый христианин должен заверить себя, что его нынешнее состояние, каким бы оно ни было, наилучшее и более всего подходит для него: значит, женатый христианин обязан верить и убеждать себя не в том, что его жена самая мудрая, самая прекрасная женщина в мире; но что она – самая подходящая жена для него, которой Бог наделил его, и поэтому он должен успокоиться, довольствуясь ею... И поскольку родители любят своих детей и радуются им не потому, что они справедливы, мудры или остроумны, но потому что они их дети: и поэтому, как бы они ни видели лучшие стороны в других, они все же не променяют свое дитя на чужого: так мужчина должен любить и радоваться своей жене лишь по той причине, что она – его жена»¹⁷².

Также Гатейкер рассуждает о важности материального благополучия семьи и ответственности мужа за ее благосостояние:

«...должны быть осуждены те, кто живут, как трутни, трудом своих жен, растрачивая все, что собрано их трудом. О ком нельзя сказать, что Луна светит светом Солнца: но Солнце светит светом Луны»¹⁷³.

Недостойны уважения и те «кто быстро тратит свою долю со своими женами, а затем оставляют их на произвол судьбы».

¹⁶⁹ Ibid. P. 31.

¹⁷⁰ Ibid. P. 33.

¹⁷¹ Ibid. P. 35.

¹⁷² Ibid. P. 44.

¹⁷³ Ibid. P. 46.

«Такие мужья должны знать, что они грабят жену, детей и самих себя из того, что они растратили таким образом, и поэтому они ничем не лучше грабителей на обочине дороги. Ибо грабить свою семью – не меньший грех, чем грабить незнакомого человека»¹⁷⁴.

Однако муж должен обеспечить жене не только материальное благосостояние, но что не менее важно – благо духовное.

«Последнее, но не менее важное – это усердное стремление жен к духовному благу, которым, если муж любит ее, как должно, он не может и не будет пренебрегать. По этому поводу Апостол говорит, что мужья должны любить своих жен, как Христос любит Свою Церковь; ... поэтому муж должен стремиться в своей любви и своих обязанностях, налагаемых любовью к своей жене, указать ей дорогу к Богу или помочь ей на пути к ней»¹⁷⁵.

В конце проповеди Гатейкер довольно грозно заключает:

«...кто живет вместе неблаговидно, в неприязни, в разногласиях и раздорах, в отсутствии взаимной и естественной любви, отказываясь помогать кому-либо в делах этой жизни, хуже неверных»¹⁷⁶.

Неизвестно, на что были похожи брачные службы Гатейкера, но в различных проповедях, которые он произносил на свадьбах, подчеркивается, что взаимопомощь является главной целью супружества. Брачная доктрина Гатейкера – сочетание пуританского и гуманистического влияния и отличается возвышенным представлением о женщине, которое выражается через утверждение товарищеских отношений как первой цели брака, тогда как англикане и католики придерживались мнения о примате деторождения и подчиненном положении женщины в браке. Однако его проповеди написаны в рамках патриархальной идеологии начала XVII в. и покоятся на тщательно продуманном фундаменте библейского учения, где женщине отводится роль хоть и важного партнера в браке, но созданного в первую очередь для блага мужчины. Тем не менее, из текста проповедей очевидно, что женщины наравне с мужчинами (в брачном союзе), должны активно взаимодействовать с благочестивым сообществом. Не случайно почти в конце проповеди «Краткое изложение брачных обязанностей» Гатейкер замечает, что «если мужчины-христиане должны наблюдать друг за другом, чтобы вовремя кого-то направить к Богу и побудить к добрым делам, то гораздо больше внимания этому должны уделять христиане: муж и жена»¹⁷⁷.

¹⁷⁴ Ibidem.

¹⁷⁵ Ibid. P. 47.

¹⁷⁶ Ibid. P. 48.

¹⁷⁷ Ibidem.

Д. Уиллен отмечает, что «необходимость следовать пуританским стратегиям в своей повседневной жизни позволяла благочестивым женщинам преодолевать значительные ограничения, традиционно налагаемые на их пол. Благочестивые женщины были не просто получателями пастырских советов, но активными участниками развития мирских отношений. Их пример и совет ободряли других членов благочестивого сообщества, а их благочестие олицетворяло духовное равенство»¹⁷⁸. Таким образом, женская религиозность в рамках пуританской общины верующих не ограничивалась пределами домашнего очага, а благочестие объединяло публичную и частную сферы, делая их добродетель активной. В следующем столетии вопрос о соотношении частного и публичного в семейной жизни вышел уже на первый план.

В XVIII в. жанр проповеди сохранил свою популярность, однако в освещении брачно-семейных отношений с проповедью вполне успешно конкурировали разного рода светские периодические издания. Эта эпоха знаменует собой начало современного английского городского (урбанизированного) общества с его кофейнями, салонами и расцветом печатной культуры. На первый план наряду с демократическими (либеральными) ценностями, вышла культура вежливости и учтивости, ключевыми участниками которой были женщины благородного происхождения. С другой стороны, наряду с активным ростом публичной сферы, литература с советами о супружеской жизни усердно работала над установлением твердых границ между общественным и частным, построением домашнего пространства, изолированного от публичной сферы. Как отмечает Крис Роулстон, «по мере того, как определение брака претерпевало важный парадигматический сдвиг – от концепции брака XVII в., основанной на модели суверена и подчиненного, к модели, основанной на взаимности и товариществе, – различие между публичным и частным становилось все более важным»¹⁷⁹. Как утверждал Майкл МакКеон в отношении романа «Памела» Сэмюэла Ричардсона (1740) вместо того, чтобы концептуализироваться в терминах государства, супружество теперь определялось как «примирение любви и брака, закрепляющее предшествующий и личный факт любви»¹⁸⁰. Новая

¹⁷⁸ Willen D. *Godly Women*... P. 580.

¹⁷⁹ Roulston C. *Space and the Representation of Marriage in Eighteenth-Century Advice Literature* // *The Eighteenth Century*. 2008. Vol. 49. № 1. P. 25.

¹⁸⁰ McKeon M. *The Origins of the English Novel, 1600–1740*. Baltimore, 1987. P. 372.

категория личного желания как условия публичной церемонии бракосочетания, сделала брак своего рода испытательной площадкой для изменения отношений между двумя сферами»¹⁸¹.

Какие же трансформации претерпевают отношения между мужем и женой в XVIII в.? Популярные в это время книги советов отражают ряд новых подходов к осмыслению зарождающегося буржуазного брака по любви и сложности попыток переопределить значение данного института. Создание новой идеологии домашнего уюта нашло отражение на страницах разнообразной печатной продукции: проповедей, руководств, периодических изданий, книг советов, романов. Даже когда само определение брака подвергалось изменениям, язык и термины его описания отражали страх перед переменами. Заложенный «Книгой общих молитв» фундамент все еще оставался весьма прочным. Определяющим моментом здесь является то, что книги наставлений и советов берут свое начало в пуританских трактатах XVII в., а они «впервые основывались на взаимном уважении и любви между партнерами, которые теперь несут более равную ответственность за духовное и мирское совершенствование»¹⁸².

В периодических изданиях, которые поднимали аналогичные темы в светском формате, важным был элемент дискуссии – диалога с читательской аудиторией в форме вопрос-ответ, чего не предусматривала предшествующая традиция. Например, периодические издания Джозефа Аддисона и Ричарда Стила «Tatler» (1710–11) и «Spectator» (1711–12) вызвали серьезные споры вокруг института брака. Хотя, с одной стороны, Аддисон и Стил превозносятся как те, чьи периодические издания сыграли решающую роль в освещении темы домашнего пространства, с другой стороны, они не проводили четкой границы между публичным и частным, появление которой стало распространенным в более поздних книгах советов. Супружескую жизнь они обычно описывали в свете такой социальной категории как дружба, например, в описании Стилом идеального брака Флорио и Аманды в «Tatler» мы находим, что: «Аманда... живет в постоянном наслаждении новыми примерами дружбы своего мужа и видит в этом вершину всех его амбиций – сделать ее жизнь единой серией удовольствия

¹⁸¹ Roulston C. Space and the Representation... P. 26.

¹⁸² Davies K.M. Continuity and Change in Literary Advice on Marriage // Marriage and Society: Studies in the Social History of Marriage / Ed. by R.B. Outhwaite. L., 1981. P. 58.

и удовлетворения»¹⁸³. В этом смысле супружеская жизнь и социальная жизнь рассматривались как тесно связанные. Хотя для Стиля существуют различия между супружескими и социальными отношениями, это различие не является абсолютным. Э. Лейте трактует суждения Стиля так: «Брак и общественная жизнь больше похожи на две разные версии одной и той же игры или на тесно связанные игры; многие правила пересекаются, и социальная жизнь, по мнению самого Стиля, была бы отличным местом, где можно научиться радостному тону, который обычно требуется в браке, как и в общественной жизни»¹⁸⁴.

Для Стиля умеренность и контроль над любыми чрезмерными эмоциями являются ключом к человеческим отношениям, как супружеским, так и социальным. В значительной степени кодексы вежливости и учтивости для публичной сферы задают тон и отношениям между супругами, поэтому публичная сфера находится в постоянном взаимодействии с частной. По словам Стиля,

«только хорошие качества любимого человека не могут быть основанием для любви к рассудительности и благоразумию; и тот, кто ожидает счастья от чего-либо, кроме добродетели, мудрости, доброго юмора и подобия манер, окажется в глубоком заблуждении»¹⁸⁵.

В то время как периодическое издание Стиля подчеркивает социальные качества, необходимые в браке, другие издания демонстрировали страх потери общительности и беспокойство по поводу того, как правильно организовать личное пространство. Издание «Брачный наставник» (1755), как никакое другое, представляет собой светскую традицию отношения к браку. Читательской аудиторией этого издания были в первую очередь женщины. Здесь были представлены избранные статьи о браке, обязанностях в браке мужчины и женщины, о ревности, ранее опубликованные на страницах «Adventurer», «Rambler», «Spectator», «Gentleman's Magazine» и др. периодических изданий. В «Брачном наставнике» признается наличие одной из главных проблем брака – потенциальной скуки повседневной жизни, заключенной в инсти-

¹⁸³ The Tatler. Vol. I. 1710–1711. № 49. URL: <https://www.gutenberg.org/files/13645/13645-h/13645-h.htm#number49>

¹⁸⁴ Leites E. Good Humor at Home, Good Humor Abroad: The Intimacies of Marriage and the Civilities of Social Life in the Ethic of Richard Steele // *Educating the Audience: Addison, Steele and Eighteenth-Century Culture* / Ed. by E.A. and L.D. Bloom and E. Leites. Los Angeles, 1984. P. 59.

¹⁸⁵ The Spectator. Vol. 2. 1712. № 268. URL: <https://www.gutenberg.org/files/12030/12030-h/SV2/Spectator2.html#section268>

туте супружества, и делается попытка отыскать выход из этой ситуации. В этом плане интересна статья в «Spectator» о письме Плиния к тетушке его жены Хиспулле, в которой отмечается:

«требуется так много деликатности и осмотрительности, чтобы сохранить любовь после свадьбы и сделать беседу между супругами по-прежнему новой и приятной после двадцати или тридцати лет, что я не знаю ничего, что, казалось бы, с готовностью обещало бы это, кроме как искреннее и постоянное стремление с обеих сторон доставить друг другу удовольствие»¹⁸⁶.

Так светская традиция вполне солидаризировалась с идеей Гатейкера, что общение в браке занимает первостепенное место.

Как отмечалось выше, жанр проповеди далеко не исчерпал себя в XVIII в. В какой-то степени к последователям ранних британских традиций можно отнести Джона Спринта¹⁸⁷. В его популярной проповеди «Наставления невесте», прочитанной 11 мая 1699 г. в Шерборне (Дорсетшир), которую продолжали читать и переиздавать вплоть до 1740-х гг., изложены обязанности жены в браке. Спринт подчеркивает, что она должна любить мужа, почитать его и подчиняться ему. Он достаточно четко указывает на то, что главой союза является муж. Несмотря на то, что его проповедь во многом повторяет идеи, изложенные, в том числе и Гатейкером, однако он не стремится смягчить тезис о подчиненной роли женщины в союзе. Буквально первые строки задают тон всей проповеди: «Когда замужняя заботится о мирских вещах, как она может угодить мужу?». В отличие от проповедей Гатейкера, Спринт достаточно четко определяет место жены в союзе: «долг всех замужних женщин – быть чрезвычайно осторожными, ухаживать и доставлять удовольствие своим мужьям»¹⁸⁸. «Муж должен также любить свою жену, как Христос Церковь, что может быть выражено в следующих четырех деталях: 1. Терпя и прощая ее слабости. 2. Смиряться со многими неудобствами ради нее. 3. вставая между ней и опасностью. 4. стремясь способствовать ее духовному благу и благополучию»¹⁸⁹. Спринт разделяет тезис «Книги общих молитв» о том, что жена должна быть полезной для мужа, которого она соблазнила и за что должна быть

¹⁸⁶ The Matrimonial Preceptor. A Collection of Examples and Precepts Relating to the Married State from the Most Celebrated Writers Ancient and Modern. L., 1755. № 10. P. 47.

¹⁸⁷ Roulston C. Space and the Representation... P. 31.

¹⁸⁸ Sprint J. The Bride-woman's Counsellor: Being a Sermon Preached at a Wedding, May the 11th. 1699, at She[r]bourn in Dorsetshire. L., 1700. P. 2.

¹⁸⁹ Ibid. P. 43.

наказана¹⁹⁰. Он призывает к порядку тех властных жен, которые меняют супружеский уклад, угрожают церкви и государству, предадут своих мужей, власть которых они узурпируют, и «выступают против Величайшей монархии в мире, чьи священные законы они нечестиво нарушают». Вступление к читателям как нельзя лучше говорит о том, что перемены в английском обществе уже стали видны невооруженным глазом. Спринт по-своему определял соотношение между частным и публичным в браке. Он противостоял тому, чтобы женщины в браке получали власть над домом и мужем и указывал на последствия подобного безрассудства: «когда жена... будет при каждом небольшом случае дуться и болтать, хмуриться и сердиться, ругать своего Мужа и спорить с ним, делая Дом слишком горячим, чтобы удержать его»¹⁹¹. Метафора тепла подчеркивает коварное вторжение жены во внутреннее пространство дома. Образ «горячего» дома Спринт напрямую заимствует из Книги Притчей: «Лучше жить на углу крыши, чем делить дом со сварливой женой»¹⁹².

В то время как Спринт исходил из более ранней пуританской традиции, Даниэль Дефо стал пропагандистом нового сентиментального идеала, используя, однако, схожие образы в описании последствий разлада между мужем и женой в эссе «Супружеская непристойность»: «Весь ужас Супружества, когда встречаются два противоположных темперамента, когда встречаются Огонь и Хворост, они непременно вспыхивают вместе; когда Искра и Порох соприкасаются, может взорваться и весь Дом»¹⁹³.

В обоих случаях дом имеет метонимическую функцию, как то, что символизирует брак, так и место, в котором он заключен. Для обоих авторов конец брака – вершина конфликта между мужем и женой, изображаемого в аллегорических терминах неправильного использования домашнего пространства – или, как у Дефо, – разрушения внутреннего архитектурного пространства¹⁹⁴.

Интересным примером, отражающим изменения в подходах к браку и семье, являются и проповеди видного английского ин-

¹⁹⁰ Weinbrot H.D. Samuel Johnson's Practical Sermon on Marriage in Context: Spousal Whiggery and the Book of Common Prayer // *Modern Philology*. 2016. November. Vol. 114. № 2. P. 323.

¹⁹¹ Sprint J. The Bride-woman's Counsellor... The Epistle to the Reader. P. 8.

¹⁹² Притчи 21:9 // Библия онлайн. URL: <https://bible.by/verse/20/21/9/>

¹⁹³ Defoe D. *Conjugal Lewdness; or, Matrimonial Whoredom: A Treatise Concerning the Use and Abuse of the Marriage Bed* [1727]. Gainesville, 1967. P. 43.

¹⁹⁴ Roulston C. *Space and the Representation...* P. 31.

теллектуала второй половины XVIII в. Сэмюэла Джонсона. Примечательно, что Гордон Вейнборг, опираясь на рассуждения Джонсона о браке, вводит новый термин, определяющий взаимоотношения в браке мужа и жены – супружеский либерализм (виггизм – whiggery)¹⁹⁵. Отношения в семье на протяжении XVII–XVIII вв. изменялись под воздействием политической конъюнктуры, и во второй половине XVIII в. абсолютизм в семье уступил место супружескому либерализму. Проповеди Джонсона о браке не были «новым словом», они лишь часть общего процесса, в котором его современники пытались смягчить суровый подход к месту женщины в браке, заложенный еще в «Книге общих молитв». В своем «Словаре» Джонсон описывает брак как контракт между мужем и женой и ссылается на требование из «Книги общих молитв» о том, что любой, кто возражает против брака, должен объявить об этом¹⁹⁶. «У “Книги” было три официальных версии: 1549, 1559 и 1662 (после Реставрации), последняя – тот текст, который знал Джонсон и который регулировал все англиканские практики на протяжении XVIII в.»¹⁹⁷. «Книга общих молитв» опиралась на знакомые библейские наставления, которые определяют правильное поведение жены в браке: Послания к Ефессянам 5:22, к Колоссянам 3:18 и Первое Послание Петра 3: 1–2, наряду с другими текстами, они внушали замужней женщине, что главными союзниками в браке для нее станут послушание и почтительность. И если мы обратимся к библейским текстам, то увидим, что обязанности жены перед мужем везде описываются одним синонимическим рядом: подчиняться ему, служить ему, почитать, бояться, называть его Господином (Lord). Многие богословы периода Реставрации и начала XVIII в. разделяли традиционное мнение Уильяма Николса (1664–1712), известного своими «Комментариями к Книге общих молитв и отправлению таинств» (1710) и самой «Книгой общих молитв»: «В женщине больше естественного слабоумия, чем в мужчине, это же касается ее физических и интеллектуальных способностей»¹⁹⁸.

¹⁹⁵ Weinbrot H.D. Samuel Johnson's Practical... P. 311.

¹⁹⁶ A Dictionary of the English Language: In which the Words are Deduced from Their Originals and Illustrated in Their Different Significations by Examples from the Best Writers, to which are Prefixed, a History of the Language, and an English Grammar. James Knapton, 1755.

¹⁹⁷ Weinbrot H.D. Samuel Johnson's Practical... P. 318.

¹⁹⁸ Цит. по: Weinbrot H.D. Samuel Johnson's Practical... P. 320–321. Nicholls W. The duty of Wives to their Husbands. L., 1701. P. 87.

Джонсон не ограничивал свои рассуждения о браке одними проповедями. Данная тема поднималась в «Расселасе» (1759), где прозвучало суждение Некаи, сестры Расселаса, о том, что в браке много боли, а в безбрачии нет удовольствий. Ее замечание близко к взгляду Джонсона на брак как на необходимое, но обязательно неоднозначное благо. Этот тезис нашел отражение в четырех статьях, опубликованных в «Рэмблере», и в проповеди¹⁹⁹, опубликованной в 1788 г., она не имела названия и шла в сборнике проповедей под номером один, начинаясь с цитаты из Бытие 2:24: «Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут (два) одна плоть».

Риторика проповеди Джонсона отличается от Спринта тем, что исключает, например, покорность и почтение жены. Тем самым Джонсон отвергал устаревшее роялистское богословие, в котором политическое устройство государства – абсолютная монархия являлась образцом для выстраивания внутрисемейных отношений, где муж был абсолютным монархом²⁰⁰. Первая половина проповеди рассматривает брак как образец Божьей воли, согласно которой для счастья требуется общительность. Вторая половина показывает, как люди должны действовать, чтобы обеспечить эту общительность (социабельность). Напомним, что «Книга общих молитв» требует, чтобы брачная проповедь учила супружеским обязанностям, и поэтому в первом разделе Джонсона слово «долг» или «обязанности» используется девять раз. Во второй части проповеди обязанности появляются только дважды и в другом контексте, и заменяются «друзьями» или «дружбой». Понятие «самого священного долга» перерождается в «клятву вечной и неразрывной дружбы»²⁰¹. Джонсон открыто не оспаривает «Книгу общих молитв», но знает, что ее социальный мир не соответствует социальным стандартам середины XVIII в.

Г. Вейнброт отмечает, что современная Джонсону модель брака как семейно-политического союза отвергает абсолютное государство, влияние которого распространялось на семью. В свободной Британии даже самые низкие слои общества должны быть свободны от тирании²⁰². Каждый мужчина может причинить вред

¹⁹⁹ Johnson S. Sermons / Ed. by J. Hagstrum, J. Gray. New Haven; L., 1978. P. 3–28.

²⁰⁰ Weinbrot H.D. Samuel Johnson's Practical... P. 330.

²⁰¹ Johnson S. Sermons... P. 4, 9.

²⁰² Weinbrot H.D. Samuel Johnson's Practical... P. 334.

своей семье и «проявлять тиранию, пользуясь статусом мужа»²⁰³, а каждая женщина может восстать против своего мужа в маленьком рушащемся политическом анклав. Джонсон предостерегает мужей от этой ошибки, он трижды упоминает «тиранию», чтобы подчеркнуть политические последствия жестокого брака, и предлагает противоядие от супружеского угнетения. По его мнению, для счастья необходимо общество, в рамках которого брак становится обетом вечной и неразрывной дружбы. Единство интересов супругов невосприимчиво к перипетиям судьбы и внешнему воздействию. Дружба означает преданность равному. Равенство распространяется и на брак. «Никакие неблагоприятные обстоятельства, связанные с рождением или богатством, не должны препятствовать возвышению добродетели и мудрости; ибо с брака начинается союз, а союз стирает все различия»²⁰⁴.

Брачные обязательства даже выше, чем обязательства дружбы: они включают любовь и уверенность, верность и нежность, терпение и прощение ошибок. Другое, более важное различие снова касается супружеской политики: друзья равны, а власть мужа и жены – нет. Мужчина имеет больше власти, чем женщина, на которой лежит «неприятный долг» послушания. Различие и осторожность Джонсона олицетворяют практическую проповедь о браке: «управлять и применять тиранию – очень разные вещи, и ...угнетение, естественно, вызовет бунт»²⁰⁵. Также он отмечает:

«великое правило власти и послушания – это закон Божий; закон, который нельзя нарушать для достижения каких-либо целей или выполнения каких-либо указаний; и который действительно никогда не может быть нарушен, не разрушив того доверия, которое является великим источником взаимного счастья; Ибо как можно доверять тому человеку, которого никакие принципы не обязывают к верности?»²⁰⁶.

Джонсон поместил брак в минимально патриархальный политический контекст, внося свой вклад в работу над улучшением подчиненного положения жены, заложенного «Книгой общих молитв». Он, конечно, знал, что реальный брак далек от того, что требует его проповедь, но довольно близко подошел к тому, чтобы переосмыслить учение «Книге общих молитв» о браке. Он четко обозначил, что поскольку нравы изменились, должны измениться и регулирующие их социальные законы. Он отвергает аб-

²⁰³ Johnson S. Sermons... P. 5.

²⁰⁴ Ibid. P. 12.

²⁰⁵ Ibid. P. 13–14.

²⁰⁶ Ibid. P. 14–15.

соллютизм, тиранию и следующий за ней бунт в пользу «закона Божьего», который продвигает гуманное управление, британскую ограниченную конституционную монархию и общительность как высшие ценности брака. Бесконечная дружба определяет семейное счастье. Общительность – великодушный дар Бога для нашего счастья, а достижение такого счастья зависит от ответственных и разумных человеческих действий.

Взаимоотношения мужчины и женщины, проблема брака как в долгом XVIII в., так и во все времена являлись маркером общества. Несмотря на то, что интеллектуалы хотели видеть женщину достойным интеллектуальным партнером в браке, выдвигая на первое место общение в супружеской жизни, положение женщины в Англии все еще было весьма ограниченным в «мире мужчин». Она не имела доступа к политике, собственному состоянию в браке и во многом не могла свободно собою распоряжаться, а «суды неохотно уступали функцию контроля над состоянием женщинам»²⁰⁷, в связи с чем у женщины было самое незащищенное положение даже при условии удачного замужества. А если брак не смог стать воплощением мечты о счастливой семье, как это произошло с Джорджианой Кавендиш, герцогиней Девонширской, несмотря на открытое сожитительство мужа с ее подругой, она не могла получить развод. Официально он был разрешен лишь в 1857 г., когда в силу вступил первый закон о разводах – Акт о тяжбах по брачным делам (Matrimonial Causes Act), а вплоть до 1700 г. в Англии практически не было разводов, именно в этом году после развода герцога Норфолкского парламент постановил, что теперь вопрос расторжения браков официально входит в его юрисдикцию. Ряд законодательных актов регулировал вопросы вступления в брак, например, Акт лорда Хардвика 1753 г., однако, развод, начиная с 1700 г. и вплоть до 1857 г., можно было получить лишь по частному акту парламента²⁰⁸. Он был возможен лишь при условии предварительного церковного развода *a mensa et thoro* (т.е. отлучение от стола и ложа) или удовлетворенного иска из «преступного общения». Супружеская измена, изначально являясь уголовно наказуемым деянием, будучи декриминали-

²⁰⁷ Vickery A. *Gentleman's Daughter: Women's Life in Georgian England*. New Haven, 1998. P. 314.

²⁰⁸ Подробнее см. Созинова К.А. Долгий путь к разводу: расторжение брака в Англии XVIII в. // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* № 11. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 5. 2021. С. 207–217.

зированной в 1746 г., трансформировалась в английском общем праве в иск из преступного общения – *criminal conversation*. В 1798 г. удовлетворенный иск стал обязательной предварительной мерой для обращения с петицией о разводе в палату лордов. Кроме того, у мужа была возможность взыскать с причастного к супружеской измене жены компенсацию.

В историографии укоренилось представление о том, что развод по акту парламента был достаточно дорогостоящим, и потому должен был стать прерогативой аристократии. Но одним из первых разводов стал развод мистера Бокса, лондонского бакалейщика, в 1701 г. В рассматриваемый период за разводами в парламента обращались не только представители аристократии, но и других социальных слоев. В период с 1750 по 1857 г. «высшие классы» составляли около 2/3 истцов по разводам. Таким образом, распространенное мнение о том, что развод мог позволить себе только весьма состоятельный человек было несколько преувеличено. Средняя стоимость развода составляла 700 фт. ст. Стоимость развода *a mensa et thoro* составляла 120–140 фт. ст.²⁰⁹

Мужчина мог инициировать развод по частному акту парламента при условии доказательства супружеской неверности, женщина же лишь в том случае, если супружеская измена была отягощена кровосмешением или двоеженством. Неравные возможности мужчин и женщин в вопросах инициации бракоразводного процесса сохранялись вплоть до 1923 г., до этого момента в 60% случаев инициаторами разводов были мужчины. В долгом XVIII в. разводы все же были достаточно редким событием: с 1700 по 1749 г. было зафиксировано 14 разводов, с 1750 по 1799 – 117, а с 1800 по 1857 г. – 193²¹⁰. Первый развод, инициированной женой, состоялся в 1801 г., поводом к нему стала измена мужа с сестрой жены, что считалось неприемлемой степенью родства и попадало в категорию измен, отягощенных кровосмешением²¹¹. В какой-то мере увеличение числа разводов во второй половине XVIII в. связано с революцией чтения и расцветом такого жанра как роман. Культ романтической любви произвел своеобразный парадигмальный сдвиг в восприятии супружеских взаимоотношений. Мужчины и женщины стали все чаще искать романтических чувств, коих не находили в браке. Л. Стоун отмеча-

²⁰⁹ Wolfram S. *Divorce in England...* P. 166.

²¹⁰ *Ibid.* P. 157.

²¹¹ *Ibid.* P. 162.

ет, что между 1660 и 1800 гг. произошел серьезный сдвиг в отношении к роли родителей и друзей в выборе брачных партнеров и самих мотивов вступления в брак²¹². Детям была предоставлена большая свобода выбора партнера. Парадоксально, но это привело в конце XVIII в. к очевидному росту числа семейных конфликтов, что привело к супружеской неверности и распаду брака. Отчасти это было связано с тем, что реальность повседневной супружеской жизни не соответствовала ожиданиям и представлениям о любви, воспеваемой в популярных романах того времени, а отчасти и с тем, что эмоции всегда более эфемерны и изменчивы, нежели расчет и интересы семей в браке. Современники прекрасно осознавали связь между романтической любовью и семейным несчастьем, и родители, наряду с нравоучительной литературой, постоянно, но тщетно убеждали своих дочерей не читать романы, чтобы они не извлекли из них совершенно нереалистичные представления о радостях супружеской жизни.

Таким образом, на протяжении XVII–XVIII вв. брачная доктрина претерпела важные изменения. Патриархальные традиции, заложенные «Книгой общих молитв», во многом перестали отвечать социальным и политическим изменениям в английском обществе. Пуританская традиция привнесла более гармоничное отношение к женщине в брачном союзе, не сделав ее равным партнером, но достойным примером благочестия и уважения. На первое место в браке пуритане в отличие от англикан, ставили общение и преодоление одиночества, а не продолжение рода.

В XVIII в. эта тенденция была подхвачена светской традицией, идея домашнего и внешнего пространства, частного и публичного, важность общения в браке, равенство партнеров, сравнение брака с дружбой – стали центральными вопросами для обсуждения и общественных дискуссий. Тем не менее, мы все еще видим торжество гендерных различий в браке, что подтверждает настойчивое требование подчинения жены власти мужа. Возможность инициировать бракоразводный процесс долгое время являлась мужской прерогативой. Изменения в понимании брачного союза, транслируемые интеллектуалами эпохи Перемен, стали частью пересмотра модели брачно-семейных отношений, предписываемой «Книгой общих молитв». Если ранее паства могла лишь безмолвно внимать слову проповедника, то Аддисон и Стил

²¹² Stone L. Road to Divorce: England 1530–1987. Oxford, 1990. P. 10.

открыли «ящик Пандоры», вынеся обсуждение вопросов брака и семьи на страницы своих журналов. Несмотря на то, что гендерное равенство в английском обществе было еще весьма далекой перспективой, первые робкие шаги, сделанные пуританами, заложили фундамент для его развития.

11.5. ЖЕНСКАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ В АНГЛИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ НАЧАЛА XVIII ВЕКА («ДЕВСТВЕННИЦА БЕЗ МАСКИ» Б. МАНДЕВИЛЯ)

О если б только женщины узнали,
За что они любовь мужчин снискали,
Они бы с добродетелью своей
Не расставались до скончания дней.
Р. Шеридан. Поездка в Скарборо

Эпоха Нового времени вместила в себя ряд масштабных процессов, приведших к беспрецедентному раскрепощению человеческого мышления и воображения. Кардинальные изменения в области методологии научного познания, накопление эмпирических знаний об окружающем мире и человеке, технологическое освоение природы, установление идеологии нового экспериментального знания привели к серьезной трансформации сферы гуманитарного знания. Ощущение ложности религиозных предпосылок и сопряженных с ними философских догматов, незыблемых еще с античных времен, неустрашимость коллизий между ними и новыми научными программами склоняли блестящие умы эпохи к пересмотру ряда ключевых философско-этических категорий, к числу которых безусловно относилась мораль.

На протяжении тысячелетий философы пытались разрешить дилемму о том, представляет ли мораль неотъемлемое свойство человеческого поведения и фундамент социальности или является производной от функционирования общественной системы. Абсолютно справедливо утверждение А.А. Гусейнова, что вопрос о том, что такое мораль, оказывается для философской этики одним из основных вопросов, требующих своего особого решения в рамках каждого теоретически цельного учения»²¹³.

В эпоху Нового времени «идеи, обозначавшиеся терминами “мораль”, “моральный закон”, “моральный агент”, приобрели особую форму, которую можно было бы назвать “нововременной

²¹³ Гусейнов А.А. Понятие мораль // Этическая мысль. Вып. 4. М., 2003. С. 3.

концепцией морали”. В совокупности они задавали способ мышления о важных частях этики, во всяком случае, они сохраняют свою значимость по сегодняшний день»²¹⁴. Популярная в то время идея о том, что моральность человека обусловлена разумным постижением им объективного порядка вещей, божественного или природного была подвергнута жесткой критике английским мыслителем голландского происхождения Бернардом Мандевилем (1670–1733). История создания знаменитой «Басни о пчелах», как и идейные воззрения Мандевиля освещены равно в отечественной и зарубежной историографии²¹⁵, потому здесь мы ограничимся краткой характеристикой его этических взглядов.

Центральным субъектом этики Мандевиля является индивидуум, сфокусированный на личной выгоде, но сколь бы провокационными ни казались ошеломленным читателям его утверждения, моральная жизнь в универсуме «Басни о пчелах» гораздо более соответствовала традиционным христианским представлениям о греховной сущности человеческой природы, чем убежденность его оппонента графа Шефтсбери в том, что «вера, справедливость, добропорядочность, добродетель должны были существовать уже в естественном состоянии – или же их не должно быть вообще»²¹⁶. Мандевилль не питал никаких иллюзий относительно естественной гармонии морально-должного и индивидуально выгодного, нравственно достойного и общепольного, а его идеал общественного устройства, вопреки упрекам многочисленных критиков, вовсе не заключался в безудержном разгуле человеческих страстей. Фактически он разработал эволюционную концепцию морали, придя к заключению, что истоки морали ле-

²¹⁴ Даруэлл С. Начала морали: добродетель, закон, обязанность // Этическая мысль 2017. Т. 17. № 1. С. 19.

²¹⁵ Kaye F. The writings of Bernard Mandeville. A Bibliographical survey // Journal of English and German Philology. 1921. № 20. P. 419–467; Crane R. Bernard de Mandeville // Philological Quarterly. 1934. № 13. P. 122–123; Mandeville Studies: New Explorations in the Art and Thought of Dr. Bernard Mandeville (1670–1733) / Ed. by I. Primer. The Hague, 1975; Horne T. The social thought of Bernard Mandeville. New York, 1978; Goldsmith M. Private Vices, Publick Benefit: Bernard Mandeville’s social and political thought. Cambridge, 1985; McKee A. P. An Anatomy of Power: The Early Works of Bernard Mandeville. PhD. Thesis. University of Glasgow, 1991; Субботин Л.Л. Бернард Мандевилль. М., 1986; Кованов К.В. Бернард Мандевилль и общественная мысль Англии первой половины XVIII века. М., 2013.

²¹⁶ Шефтсбери. Sensus communis // Шефтсбери. Эстетические опыты. М., 1975. С. 305.

жат в сфере прагматических вертикальных и горизонтальных общественных коммуникаций. Общественная мораль есть продукт грамотного регулирования эгоистических аффектов, а общественные нормы, не будучи константной величиной, формируются и видоизменяются в процессе коллективных социальных практик.

В гипотетической истории возникновения морали, изложенной на страницах «Басни о пчелах», порок и добродетель рассматриваются Мандевилем не как свойства личности, а как действия, сопряженные с общественным интересом. Добродетель есть «всякое совершение, при помощи которого человек вопреки природной склонности стремится к благу других или к обузданию своих собственных аффектов, исходя из разумного желания быть добрым»²¹⁷. Порок есть то, что «делает человек для удовлетворения любого из своих желаний, игнорируя общественные интересы... если в его действии можно обнаружить хоть малейший намек на то, что оно может нанести вред любому члену общества либо даже сделать его самого менее способным оказывать услуги другим [людям]». В результате человечество обнаружило себя разделенным на два неравных класса. Первый составляли недостойные, гонящиеся за наслаждениями люди, «отбросы человеческого рода, ничем не отличающиеся от диких зверей, кроме своей внешности, а второй был представлен возвышенными, одухотворенными натурами, свободными от низменного эгоизма»²¹⁸.

По мнению А.А. Гусейнова, «этика, начиная с Нового времени, действительно интересовалась по преимуществу моральными нормами, законами, оставляя за пределами своего рассмотрения пестрый мир реальных поступков. Это можно считать особенностью этики в эту эпоху, но никак не ее достоинством»²¹⁹.

Философия Мандевилля уникальна тем, что категориальный анализ представлен не только в традиционных абстрактно-логических рассуждениях, но и в характерах, лицах и жизненных ситуациях. На страницах его произведений предстают персонажи, в живом калейдоскопе которых читатели легко могли узнать самих себя с радостями, горестями, ошибками и заблуждениями. Психологизм повествования облегчал восприятие и способствовал имплементации идей в сознание читательской аудитории, а,

²¹⁷ Мандевиль Б. Исследование о происхождении моральной добродетели // Мандевиль Б. Басня о пчелах или пороки частных лиц – блага для общества. М., 2000. С. 70.

²¹⁸ Там же. С. 24.

²¹⁹ Гусейнов А.А. Понятие мораль... С. 5.

следовательно, их популяризации. Так, в 1709 г. Мандевиль начал издавать журнал «Female Tatler»²²⁰, одно из самых коммерчески успешных и долговечных подражаний знаменитому «Tatler» Р. Стила и Дж. Аддисона, выпускавшемуся с 1708 по 1711 гг. и бывшему «символом реформаторского движения за исправление нравов»²²¹. В первом номере «Female Tatler» от 8 июля 1709 г. указывалось, что инициатива выпуска принадлежала некоей миссис Крэкенторп, «леди, которой известно все на свете», возглавлявшей женское общество из Эмилии, Розеллы, Люсинды и Артезии. В действительности же, авторов «Female Tatler» было несколько, предположительно ими могли быть Мэри Мэнли или Сюзанна Кетливр, но тридцать два эссе, написанных от имени Люсинды и Артезии, вышли из-под пера Мандевиля²²².

Один из персонажей «Female Tatler» Люсинда²²³ перекочевала в трактат «Девственница без маски или Женские диалоги между старой леди и ее племянницей: занимательные рассуждения о любви, браке, воспоминаниях и морали» (1709), являющийся предметом нашего анализа. Но так как содержание более чем двухсот страничного произведения слишком обширно для избранной проблематики, мы сконцентрируемся на трактовке Мандевием ключевой категории, которой оперирует моральное сознание – добродетели в гендерном ракурсе, а точнее применительно к представительницам женского пола, которым и был непосредственно адресован рассматриваемый источник.

Трактат построен в популярной форме диалога, в котором собеседники выражают противоположные точки зрения, и одна из них традиционно коррелирует с позицией автора. К диалогиче-

²²⁰ Периодические издания, адресованные представительницам прекрасного пола, стали появляться с начала XVIII в. В 1704 г. Джон Типпер начал издавать «Женский дневник» или «Женский альманах», предназначенный для просвещения и развлечения читательниц. Альманах выходил раз в год и содержал морализаторские рассказы об опасностях любви, советы по ведению домашнего хозяйства и решению математических задач.

²²¹ Horne T. The social thought of Bernard Mandeville. N.Y., 1978. P. 10.

²²² Об авторах журнала «Female Tatler» см: Anderson P.B. Splendor out of scandal: The Lucinda-Artesia papers in the Female Tatler // Philological Quarterly. 1935. Vol. 15. P. 286–300; White R. A study of the Female Tatler (1709–1710). PhD. thesis. University of North Carolina, 1966; McDowell P. The women of Grub street: press, politics and gender in the London literary marketstreet. Oxford, 1998. P. 215–284.

²²³ Имя Люсинда коррелирует с историей Св. Луции (Люции) Сиракузской, давшей обет безбрачия и выполнившей его, несмотря на страшные мучения, которым ее подвергли власти города.

скому способу изложения мыслей по вопросам политической философии прибегали маститые английские мыслители – неореспубликанцы Г. Невилл в «Возрожденном Платоне» и Э. Сидней в «Придворных максимах». Но «женские» диалоги, в которых умудренная жизненным опытом женщина наставляет юную девушку, стояли особняком, так как традиционно ассоциировались с литературой эротического характера с легкой руки Пьетро Аретино (1492–1556), чьи сатирические диалоги «Рассуждения Нанны и Антонии», хотя и не переводились с итальянского на другие языки при его жизни, но получили широкую известность за пределами Италии, в том числе в Англии. Об их популярности свидетельствуют литературные подражания, одним из которых стал анонимный памфлет «Ловкая шлюха, или тайны и беззаконие публичных домов»²²⁴, изданный в 1658 г. Генри Маршем. Содержание памфлета раскрывалось в диалоге между двумя «изысканными проститутками» Таис и Антонией, сам же автор предпочел скрыться за простодушной маской сельского жителя²²⁵.

Несмотря на провокационное название, замысел книги носит декларативно морализаторский характер: вывести на чистую воду искусительниц невинных душ и предупредить читателей-мужчин о пагубных последствиях проституции. Представительниц древнейшей профессии он именует «дьяволицами», «бесполезными трутнями», «похотливыми и бездушными животными», что, по мнению Ф.Х. Доррего было отражением женоненавистничества (*мизогинии* – прим. авт.), широко распространенного в европейских философских, религиозных, культурных и литературных традициях и представляющего женский пол как воплощение всего того, что самим фактом существования оскорбляет патриархальный порядок²²⁶. За этими плодами философской рефлексии стояли мифы и традиционные тысячелетние практики – ритуалы, обычаи, нормы, общее содержание которых сводилось к тому, чтобы утвердить второстепенную роль женщины исходя из ее природной неполноценности.

²²⁴ The Crafty Whore: Or, The mistery and iniquity of Bawdy Houses Laid open, In a dialogue between two Subtle Bawds, wherein, as in a mirrour, our City-Curtesans may see their soul-destroying Art, and Crafty devices, for the benefit of all, but especially the younger sort... L., 1658.

²²⁵ Анализ памфлета см.: Moulton I.F. Crafty Whores: moralizing Aretino's Dialogues // Reading in Early Modern England. 2000. Vol. 12. № 2. P. 88–105.

²²⁶ Dorrego F.G. Exposing the whore: misogyny in prostitute narratives of Restoration England // Revista Canaria de Estudios Ingleses. 2019. Nov. № 79. P. 35.

Женская тематика в трудах философов и публицистов Нового времени представляла преимущественно в дидактическом ракурсе. К. Хорни, рассуждая о маскулинном характере человеческой цивилизации, отмечала, что «...мужчины непременно приписывают объективность своему субъективному, аффективному отношению к женщине, а психология женщин... до сих пор представляет собой отражение мужских желаний и разочарований»²²⁷. В этом хоре порой звучали женские голоса, но все же ведущая партия принадлежала мужчинам, не скупившимся на советы и рекомендации прекрасному полу относительно поведения в обществе, нарядов, занятий, любви, семейного счастья, супружеской верности, что «формировало парадигму зависимой роли женщины в общественном сознании Нового времени»²²⁸.

Но что же думал об этом Мандевиль, чья неординарность мышления и умение преподносить абсолютно тривиальные постулаты в неожиданном свете, действовали на современников как ледяной душ в июльскую жару? Английский просветитель еще при жизни снискал себе скандальную славу ниспровергателя нравственных устоев, хотя справедливости ради отметим, что он скорее был их ревнителем, с исключительной смелостью разоблачавшим предрассудки и лицемерие современной ему морали.

Его героини, пожилая Люсинда, старая дева и убежденная мужененавистница, и Антония, ее молодая племянница, оставшаяся сиротой в раннем детстве и взятая на попечение сердобольной тетушкой, которая этим актом «милосердия», очевидно, старалась «убить двух зайцев»: скрасить добровольное, но тоскливое одиночество, и вложить в юную головку свои убеждения, воспитав достойную преемницу по своему образу и подобию. Люсинда ностальгически вспоминает разные эпизоды из прошлого, когда она могла безраздельно наслаждаться обществом племянницы, и вскользь замечает, что «ничто не радовало ее больше того обстоятельства, что племянница думает о мужчинах так дурно, как они того и заслуживают, отзываясь о них с негодованием, и что даже слово «мужчина» внушает ей непреодолимый ужас»²²⁹. Но по мере

²²⁷ Хорни К. Психология женщины. М., 2009. С. 22.

²²⁸ Эрлихсон И.М. «Третья» женщина эпохи Нового времени в английском просветительском романе (Даниэль Дефо) // Диалог со временем. 2013. № 42. С. 282.

²²⁹ Mandeville B. The Virgin Unmask'd; Or Female Dialogues betwixt an Elderly Maiden Lady, and her Niece: on several diverting Discourses on Love, Marriage, Memoirs, and Morals. L., 1709. P. 18.

того, как Антония взрослела и хорошела, Люсинда стала замечать в ее поведении тревожные симптомы, а именно, интерес к мужскому полу. Однажды вечером, вспоминает она, на прогулке они встретили хорошо одетого джентльмена, и походка Антонии преобразилась, обретя несвойственную ей доселе уверенность, щеки заалели, а безмятежный взгляд устремился к земле, поворот шеи выставил напоказ достоинства юной груди, исторгнувшей тот особенный вздох, который всегда выдает смущение женщины, обнаружившей себя в обществе привлекательного мужчины.

Не случайно первый диалог начинается с того, что Люсинда упрекает Антонию за нескромный наряд и настаивает на том, чтобы та накинула носовой платок на чересчур смелое декольте, выставяющее напоказ ее прелести. На возражение Антонии, что она всего лишь следует моде, Люсинда раздражается гневной тирадой, доводя племянницу до слез. Откровенные платья, духи с цветочными и фруктовыми ароматами, букетики цветов, подчеркивающие плавную линию декольте, мушки, оттеняющие белизну груди, тщательно продуманные движения, нежные вздохи, вот далеко не полный список ухищрений, к которым издревле прибегают женщины для стимуляции мужского желания. Любопытно, что добродетель, умозрительная категория, рассматривается в чисто экономической плоскости. «Возможно, ты не знаешь, Антония, что покупатели со стажем не спешат приобретать залежавшийся и настойчиво предлагаемый товар, пока не собьют цену, в конечном итоге приобретя его за сущие гроши»²³⁰. На это уязвленная Антония отвечает, что преуспевающие дельцы из-за зависти нередко чинят помехи своим молодым коллегам, пороча их доброе имя. Но последнее слово все же остается за Люсиндой, резюмирующей, что целомудрие Антонии – это розничный товар, который будет продан в кредит. И уверения Антонии в том, что она в полной безопасности от посягательств со стороны потенциальных соблазнительей, что ее добродетель под надежной защитой, а «цитадели укреплены», «гарнизон крепости отлично дисциплинирован и может выдержать длительную осаду дерзких и сладкоречивых воинов» не убеждают Люсинду.

Даже то, что со временем Антония научилась скрывать свои чувства, лишь усугубило ситуацию в глазах тетки, с досадой наблюдающей за тем, как племянница совершенствуется в утонченном искусстве флирта. Напротив, когда она увидела, что племян-

²³⁰ Mandeville B. The Virgin Unmask' ... P. 12.

ница научилась «укрощать свою природу» и «скрывать желания под маской лицемерия», то поняла, что страх перед мужчинами, который она внушала на протяжении почти десяти лет, испарился как дым. «Тогда я потеряла надежду и пришла в отчаяние, ведь ничто не беспокоит меня так, как сохранность твоей добродетели»²³¹. Люсинда убеждена, что оскорбления, которыми она осыпает свою подопечную, есть проявление бескорыстной любви, а в благодарность за нее она просит племянницу стать ее пожизненной компаньонкой и никогда не выходить замуж.

Когда Антония заявляет, что у нее никогда не было склонности к монашеской жизни и уверяет, что если она захочет выйти замуж, то даст тетушке двенадцать месяцев для привыкания к этой ужасной новости, та парирует язвительной репликой: «Благодарю тебя, дорогая племянница, но сделаешь ли ты это только ради меня, или просто тебе нравится, когда тебя обхаживают галантные кавалеры?»²³². Поведение Антонии, по ее мнению, доказывает, что ей нравится мужское внимание, и она делает все, чтобы стать его объектом. Но флирт – это такая охота, где преследователь всегда на шаг впереди своей жертвы. Испытывая патологическую ненависть к мужчинам, Люсинда все же признает их превосходство: «Женщины – слабые существа, и, хотя они способны проявлять находчивость и остроумие в частной беседе, только мужчины обладают здравым смыслом, пронизательностью и способностью выносить рациональные суждения»²³³.

Антония уверена в своих силах, признавая, что если «и есть что-то в ее сердце, апеллирующее в защиту мужчин, то это не мешает ей трезво оценивать то, что они ей говорят». «Если бы меня атаковали два года назад, – с очаровательной самоуверенностью утверждает она, – крепость была бы сдана на волю врага без особого сопротивления, но сейчас гарнизон дисциплинирован и выдержит длительную осаду самого дерзкого и утонченного противника». Этот пассаж вызывает снисходительную усмешку у Люсинды, парирующей дерзкой и наивной племяннице следующим вопросом: «Скажи, что более необъяснимо: гордость женщин или смирение мужчин?»²³⁴, расшифровывая следующий парадокс. Женщина оскорбляет мужчину, всем своим поведением

²³¹ Mandeville B. The Virgin Unmask' ... P. 23.

²³² Ibid. P. 29.

²³³ Ibid. P. 38.

²³⁴ Ibid. P. 30.

демонстрируя, что он недостойн того, чтобы смахивать пыль с ее туфель. Зачем она это делает? Не для того ли, чтобы сделать его своим господином и отдать ему в распоряжение все, что у нее есть? Мужчина же, со своей стороны, почтительно принимает унижение и даже наслаждается таким обращением, чтобы впоследствии загнать «госпожу» в рабское состояние, в котором несчастная будет пребывать до самой своей смерти.

В картине мира Люсинды институт брака равноценен узаконенному рабству, будучи прямым следствием потворства «аппетитам определенного свойства», которыми природа равно одарила мужчин и женщин. Антония же в ответ бросает: «те, кто сохранили девственность, просто не имели возможность правильно ей распорядиться, и потому здесь нет оснований для гордости». На это Люсинда отвечает, что «на каждую кость найдется голодный пес, и девственность – это не та обуза, от которой сложно избавиться, а потому те женщины, которые приняли сознательное решение сохранить ее, заслуживают уважения и похвалы»²³⁵. Она предлагает племяннице назвать хотя бы одну замужнюю женщину средних лет, в положении которой та хотела бы оказаться, и когда из уст Антонии прозвучало имя их общей знакомой Аурелии, излагает ей историю жизни этой дамы.

Это абсолютно самостоятельный сюжет, раскрытию которого посвящена значительная часть повествования в трех полноценных диалогах. Неудивительно, что взгляды Мандевиля на ключевые вопросы этико-морального и философского свойства раскрываются именно через изложение перипетий любовных отношений. «Не приходится удивляться, что эта человеческая незащищенность обнаруживала себя в наибольшей мере в сфере любви. Это было очевидно еще с времен Средневековья, поэтому-то романы испокон веков рассказывали о любовном чувстве ... Не общественный смысл эпохи, а его психологическая доминанта лучше всего раскрывается на анализе “жизни сердца”, хотя последняя порой может принимать весьма причудливые формы»²³⁶.

Итак, Аурелия, ныне состоятельная вдова, была единственной дочерью некоего валлийца, сумевшего сколотить состояние на производстве и продаже кожаных изделий. Будучи человеком с амбициями, он поместил дочь в элитный пансион, где она полу-

²³⁵ Mandeville B. The Virgin Unmask'... P. 32–33.

²³⁶ Михайлов А.Д. От Франсуа Вийона до Марселя Пруста. Страницы истории французской литературы Нового времени (XVI–XIX века). М., 2018.

чила соответствующее образование и воспитание, что, по мнению отца, явилось перспективным инвестированием для потенциального замужества и вхождения юной «леди» в высшее общество. Но все пошло не так, как представлял в честолюбивых мечтах предприимчивый валлиец. На прогулке в Гайд-парке Аурелия познакомилась с привлекательным джентльменом по имени Дорант, гарцующим на лошади и с высоты седла сразу же обратившим внимание на свежее юное лицо. Учитывая неискренность Аурелии, выпорхнувшей в реальную жизнь из ограниченного мира женского пансиона, Доранту не пришлось прибегать и к десятой доле из арсенала доступных ему средств оболъщения. По уверению Люсинды, в подобных заведениях девушки получают искаженное представление о реальном мире: «Их учат петь и танцевать, вышивать, наряжаться, прививают хорошие манеры, но все это относится телу, в то время как разум остается девственно чистым. Они ведут праздную жизнь, у них изобилие свободного времени, они набивают желудок пирожными с заварным кремом, а когда подходит время обеда, не в состоянии переварить его... Они перешептываются, хихикают и гримасничают так, как будто сам дьявол щекочет им пятки... Когда же они созревают, их головы забиты настолько дикими представлениями о любви и отношениях, что удивление вызывает то, что они не сбегают с первым же встречным мужчиной». Люсинда утверждает, что вводить девушек в мужское общество после того, как они в течение нескольких лет находились в состоянии изоляции, очень опасно, и здравомыслящим родителям гораздо разумнее курировать процесс воспитания дочери в стенах отчего дома, прививая ей правильные понятия. «Умная мать вооружит свою дочь, расскажет об уловках коварных мужчин, научит ее противостоять соблазнам и укрощать свои желания...»²³⁷, впрочем, родители Аурелии, как показали дальнейшие события, едва ли могли претендовать на роль мудрых наставников, о которых рассуждала Люсинда.

Уверенный в своей неотразимости, Дорант отправился к отцу Аурелии и попросил ее руки, но тот, ощутив легкий дискомфорт при знакомстве с такими фактами биографии потенциального зятя, как ирландское происхождение и участие в кампаниях Королевского ирландского полка, отказал. При этом, понимая, что Дорант не оставит попыток овладеть неприступной цитаделью, он усилил надзор за дочерью. Тем больше было его негодо-

²³⁷ Mandeville B. The Virgin Unmask' ... P. 48–49.

вание, когда он обнаружил в вещах дочери письмо Доранта, что свидетельствовало о связи между возлюбленными. Придя в ярость, он избил дочь, после чего та впала в состояние тяжелой лихорадки, и ее недалекая мать решила, что лучшим лекарством от недуга станут встречи с Дорантом. Результатом стало то, что в одно прекрасное утро горничная не обнаружила в спальне девушки, а спустя шесть дней безуспешных поисков отчаявшиеся родители получили письмо, подписанное Дорантом и Аурелией, из которого следовало, что молодая пара сочелась браком в Честере и находится на пути в Ирландию. Отец Аурелии обрушил тысячи проклятий на голову Доранта, а когда узнал, что его супруга способствовала побегу, выгнал ее из дома, и несчастная вскоре умерла от горячки в доме приютивших ее родственников.

На нетерпеливое замечание Антонии о том, что «эта история призвана продемонстрировать бедной племяннице пагубные последствия поспешного и неосмотрительного брака», Люсинда отвечает, что прежде, чем делать поспешные выводы, нужно ознакомиться с характером и этапами жизненного пути главного персонажа. Здесь необходимо отметить выбор Мандевилем «говорящего» имени для своего героя, так как комедия Ж.-Б. Мольера «Мещанин во дворянстве» была создана почти за сорок лет до «Женских диалогов», и в соблазнителе доверчивой Аурелии прослеживается явное, и не случайное, сходство с французским прототипом. Дорант, старший сын ирландского дворянина, был одарен природой более достоинствами, нежели недостатками: «он был великодушен и храбр, и ум его был скорее изворотлив, чем остер, а самыми пагубными его свойствами были тщеславие и тяга к плотским удовольствиям»²³⁸. Окунувшись в светскую жизнь, в короткий срок молодой человек погряз в разврате и пустил на ветер значительную часть состояния, заложив принадлежавшую ему долю имения. Привыкнув ни в чем себе не отказывать, Дорант преуспел в искусстве карточной игры, но понимая, что человек без определенных занятий и видимых источников дохода, ведущий праздный образ жизни джентльмена, вызывает определенные подозрения, стал искать иные способы укрепления материального состояния. И встреча с Аурелией, потенциальной богатой наследницей, оказалась как нельзя кстати.

После заключения брака молодые отправились в Дублин. Медовый месяц, безоблачный для влюбленной Аурелии, был не-

²³⁸ Mandeville B. The Virgin Unmask' ... P. 44.

сколько омрачен для ее супруга, ибо «он жаждал иметь деньги, а не жену». В течение двух лет он не получал вестей от ее отца, что окончательно утвердило его в том, что он зря «возложил на себя брачные цепи». По истечению этого срока запас актерского мастерства для исполнения роли «любящего» супруга был на исходе, тем более в связи с рождением двух детей расходы увеличились. Вначале Дорант урезал содержание Аурелии, фактически заперев ее дома, а затем в его голове созрел дьявольский план. Не жалея денег, он обновил ее гардероб, вывел в свет и стал обращаться с ней с прежней обходительностью. Бедная женщина в смятении от такой внезапной перемены щедро одаривала его любовью и благодарностью, чем он не преминул воспользоваться. В один день, устремив на нее проникновенный взор, он нежно поцеловал ее, отметив изысканную красоту лица, прошептал ей на ухо несколько пикантных фраз, раздурявших ее щеки. После фразы *“Моя дорогая Аурелия, ты так прекрасна, что достойна стать любовницей короля”* он в самых возвышенных тонах нарисовал портрет некоего благородного джентльмена, на самом деле известного своим распутным нравом, и в конце заключил, что если она проявит смирение и покорность, то их материальное положение улучшится. Вечером того же дня в театре он познакомил Аурелию со своим «протезе» и в течение месяца способствовал их встречам, пока ухаживания его Светлости не стали для нее в тягость, о чем она и заявила супругу. Последний, утомленный тщетными попытками донести до юношески наивной Аурелии (ей только исполнилось 19 лет!) свое намерение, потерял терпение и окончательно сбросил маску любящего мужа. Он стал злоупотреблять алкоголем, вести себя самым оскорбительным образом, и однажды утром без прикрас и эвфемизмов раскрыл перед потрясенной Аурелией все карты. «Нет ничего более скандального, чем быть без денег, и, если бы я не надеялся получить за тобой приданое, я бы никогда на тебе не женился, – заявил он. – Ты мое самое большое разочарование, которое стоило мне три тысячи фунтов, и если у тебя есть приятный и легкий способ компенсировать хотя бы долю того, что было потрачено на твое содержание, то не воспользоваться им преступление. Его Светлость без ума от тебя, твой супруг ждет, что ты будешь уступчивой и податливой, а твое упрямство и скверный нрав препятствуют счастью обоих. Я дал тебе достаточно намеков, чтобы ты поняла, чего именно я от тебя хочу. Ты желаешь, чтобы я сказал все

как есть? Раздели с ним ложе, и этим ты окажешь мне услугу. Если нет, то убирайся вместе со своими отродьями. Твои отговорки о любви и верности настолько смехотворны, ибо нет вещи на свете ценной самой по себе, чем деньги, это мерило всего, в сравнении с ними добродетели есть бесплотные химеры...»²³⁹.

Дорант демонстрирует незаурядные манипулятивные способности и уверяет Аурелию, что, оправдывая «любовью» свое нежелание угодить мужу, она уподобляется капризному ребенку, не желающему «показать незнакомому человеку те милые ужимки, которые так охотно рассыпает в присутствии родителей». Но апогеем цинизма этого малопривлекательного субъекта стало «напутствие», которое он дает Аурелии, запирая ее в спальне, прежде чем впустить туда его Светлость. Хрупкая девушка оказывает яростное сопротивление, а когда силы оказались на исходе, исхитряется привязать один конец пеньюара к каркасу кровати, а второй затянуть на шее. Его Светлость был настолько обескуражен, что на время выпустил жертву, и она попыталась выбежать из спальни. «Но обнаружив запертую дверь и услышав, как Дорант весело насвистывает незатейливый мотив модной песенки, она разразилась рыданиями, настолько горькими, и жалобами, настолько душераздирающими, что незадачливый насильник поднял ее с колен, прикоснулся губами к ее щеке и со словами “Мадам, вы заслуживаете лучшей участи”, спустился по лестнице, избегая смотреть на Доранта, и тихо прикрыл за собой дверь»²⁴⁰.

Драматический, с оттенком античной трагедии, поворот сюжета, явно коррелирующий с историей Лукреции, архетипическим образцом женской чистоты и доблести²⁴¹, вызывает ряд вопросов, очень точно сформулированных Антонией. Из какого источника проистекает удивительное благочестие Аурелии, которое по логике изложенных событий, не может быть обусловлено наследственными факторами, и, тем более, сформировано воспитанием и образованием? Жестокий отец, недалекая мать, пребывание в пансионе в атмосфере легкомысленного безделья, побег с первым встречным в полную неизвестность – все это характеризует героиню как психологически незрелую личность, живущую не в реальном мире, а в иллюзорном пространстве. Психологизм

²³⁹ Mandeville B. The Virgin Unmask' ... P. 64.

²⁴⁰ Ibid. P. 68–69.

²⁴¹ Коптев А.В. История добродетельной Лукреции: между литературой, правом и ритуалом // Античный мир и археология. 2009. Т. 13. С. 176–202.

повествования и анализ душевных переживаний героев составляет одну из сильных сторон «Женских диалогов» и объясняется тем, что Мандевилл был доктором медицины и специализировался по нервным и психическим заболеваниям.

Как получилось, по справедливому замечанию Антонии, что, находясь под полным влиянием Доранта, Аурелия с ее исключительным простодушием и нескованностью морально-этическими нормами не заимствовала его систему координат и поведенческие стратегии. Суть жизненной философии Доранта воплощена в гедонизме, который можно обозначить как некую систему ценностей, на вершине иерархии которой находится удовольствие, то есть возможность безболезненно и без приложения усилий получать и потреблять материальные блага. Его поступками руководит трезвый, холодный и точный расчет. Он без труда мог бы вылепить из влюбленной в него Аурелии свою Галатею, приобщив ее к гибкой морали и ханжески податливым нравам, характеризующим общество того времени. Но вопреки логике она демонстрирует удивительную добродетель, источником которой Люсинда полагает всепоглощающую любовь к мужу, бывшую для нее смыслом существования. Ослепленная любовью, она делает все, чтобы угодить супругу, даже не замечая прямых и косвенных знаков, предупреждающих ее об его истинном намерении, заключающемся, как экспрессивно резюмирует Люсинда, в том, чтобы превратить ее в шлюху.

Сюжетная линия, связанная с осквернением невинности, атрибут моралистских произведений XVIII в., и традиционно искусситель получает заслуженное возмездие, а жертва – компенсацию за приверженность добродетели. Аурелии пришлось много вытерпеть, прежде чем ее страдания были вознаграждены. Разочарованный и обозленный Дорант стал периодически избивать супругу, поэтому его решение отослать ее вместе с детьми в имение свекрови Аурелия восприняла с облегчением. Пожилая женщина, которой Дорант рассказал о будущем наследстве, обращалась с невесткой довольно сурово, а когда пришло известие, что отец Аурелии умер, не оставив ей ни пени, фактически перевела ее на положение домашней прислуги, эксплуатируя без зазрения совести. Но все же существование Аурелии было бы сносным, если бы не периодические визиты Доранта, мысль о котором вызывала у нее трепет, правда уже совершенно иного рода, чем раньше. На протяжении нескольких лет героиня подвергается моральному прессингу, насильственной изоляции, систематическим побоям и

сексуальному насилию, один из эпизодов которого описан в шокирующих подробностях. «Его прикосновения вызывали дрожь омерзения, поцелуи – приступ тошноты, и в тайных мечтах она представляла, как ей приносят известие о его смерти, и неважно, что послужит ее причиной: повесят ли его, заколют в пьяной драке, или его сбросит взбесившаяся лошадь»²⁴².

Сюжет, набирая обороты, стремительно движется к развязке в классических традициях моралистского романа, где тема торжества добродетели и посрамления порока вступает в противоречие с элементарной правдоподобностью и соответствием описываемым реалиям. Дорант погибает на дуэли, как «*deus ex machina*» на авансцене появляется дальний родственник Аурелии с материнской стороны, преуспевающий торговец, старый холостяк, благородный и добродушный человек. Он организует возвращение молодой вдовы в Лондон, поселяет ее вместе с дочерью у себя, а спустя годы пишет в ее пользу завешание, по которому Аурелия получает состояние свыше двадцати тысяч фунтов и два фешенебельных особняка. Примечательно, что, став богатой наследницей, она больше не вышла замуж, хотя и получала перспективные предложения, так как, по словам Люсинды, была женой достаточно, чтобы не повторить эту глупость во второй раз.

Резюмируя рассуждения Мандевиля на тему добродетели в целом, и женской добродетели в частности, можно отметить следующие моменты. Отрицая природную добродетель и выказывая скепсис в отношении «добродетели по привычке»²⁴³, Мандевилл полагал состояние добродетели противоречащим естественному состоянию, а моральное совершенство личности неотделимым от борьбы с самим собой. Утверждать, что добродетель не предполагает самоограничения, по его мнению, есть лицемерие, а «наличие постоянной борьбы, напротив, является неизгладимым следом сложной и принудительной социализации природного человека, которая тождественна его морализации»²⁴⁴. В трактате «Исследование о происхождении чести» (1732) он писал так:

²⁴² Mandeville B. The Virgin Unmask'... P. 91.

²⁴³ Три типа добродетели (природная, по привычке и зависящая от личного выбора) выделял Аристотель в «Большой этике». Аристотель полагал, что третий тип добродетели возникает как следствие гармонического сочетания верно направленных чувств и верно направленного разума // Аристотель. Соч. В 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 357.

²⁴⁴ Прокофьев А.В. Организационные потребности общества как исток морали в этике Бернарда Мандевиля // Этическая мысль. М., 2015. Т. 15. С. 144.

«По зрелому размышлению о том, что было сказано выше, легко представить, как и почему помимо проявления стойкости [преодоления страха смерти...], победы над самим собой иного рода так же могут быть удостоены титула добродетели... я всегда настаивал на том, что ни действие, ни свойство характера, какими бы полезными и благими они не являлись бы сами по себе, строго говоря, не могут быть названы добродетельными, если не подразумевают явного и серьезного самоотречения»²⁴⁵.

Как следует из текста «Девственницы без маски», мужчины и женщины исторически находятся в состоянии конфронтации. Асимметрия отношений между мужским и женским полом проявляется не только в политическом, экономическом, культурном и сексуальном доминировании мужчин, но и в одностороннем устройстве мира и его картины. Подчиненное положение женщины в обществе является, во-первых, следствием особой формы ее физиологии и психологии. Женщина – невольная заложница своего тела, и характерные признаки женского организма фигурируют как одна из причин иерархических социальных констелляций. Еще одна причина заключается в изначально неравных условиях социального старта для представителей противоположного пола, в частности доступа к образованию. Мандевилль устами Люсинды утверждает, что потенциал женщины не уступает мужскому, просто в силу объективных обстоятельств, в частности из-за многовековой дискриминации, он не смог полностью реализоваться. Будучи жестким реалистом, Мандевилль понимал, что в существующих условиях о гендерном паритете не может быть и речи, поскольку доминирование мужчин в политической, экономической и духовно-интеллектуальной сфере есть данность, которую женщинам надо принять и смириться с ней.

Замужество априори исключает шансы женщины на обладание необходимыми инструментами для собственного материального обеспечения, на получение знаний и личностное развитие. В его видении альтернативой традиционной для женщины роли жены и матери, чей удел – подчинение, является осознанный целибат. «Я всецело разделяю мнение моей сестры, что для нашего пола нет добродетели более высокого порядка нежели целомудрие»²⁴⁶ – в этом, на первый взгляд банальном утверждении, нет

²⁴⁵ Mandeville B. An Enquiry into an Origin of Honour and the Usefulness of Christianity in War. L., 1732. P. V–VI.

²⁴⁶ The Female Tatler Number 88 from January 27, 1710 // Mandeville B. By a Society of Ladies. Essays in Female Tatler / Ed. by M.M. Goldsmith. 1999. P. 172.

ни снисходительного морализаторства, ни религиозного подтекста, только здравый смысл и жесткий прагматизм. Безусловно, отказ от реализации женского естества требует недюжинной силы воли, но ведь истинная добродетель подразумевает элемент самоотречения, поэтому для того, чтобы эволюционировать из объекта плотских наслаждений, хранительницы домашнего очага и матери в относительно самостоятельную личность, необходима своего рода ритуальная жертва, на которую способны единицы. Таким образом, интегральным свойством добродетели вне зависимости от принадлежности к тому или иному полу является способность преодолевать желания посредством автономного выбора и осознания моральной ответственности за него.

11.6. ЧТЕНИЕ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА АНГЛИЙСКОЙ ЛЕДИ В XVIII ВЕКЕ

Эпоха Просвещения неразрывно связана с формированием новой концепции чтения, известной как «революция чтения», которая привела к культурным изменениям в европейском обществе во второй половине XVIII в. Данный феномен занял центральное место в изменении подходов к женскому образованию. Предложивший теорию «революции чтения» Рольф Энгельзинг зафиксировал процесс перехода интенсивного и повторяющегося «чтения маленькими частями знакомых и канонических текстов, которые воспроизводились, комментировались и оставались неизменными на протяжении всей жизни, – как правило, это были религиозные тексты, и особенно “Библия”, <...> в современное, экстенсивное чтение светских, новых и разнообразных текстов»²⁴⁷. Далеко не все историки согласились с этой концепцией, так как разные люди в разные жизненные периоды выбирали разные жанры и практики чтения. Любая категоризация вряд ли адекватно охватила бы весь спектр исторических практик чтения. Однако Р. Виттман отмечает, что «даже если возникает желание избежать употребления термина “революция чтения”, то неоспоримым остается факт, что в конце королевского правления читающей публики во всей Европе становилось все больше, привычки и особенности чтения новых читателей отличались в количественном и качественном

²⁴⁷ История чтения в западном мире от Античности до наших дней. М., 2008. С. 361.

отношении в зависимости от регионов, в которых они проживали, и их социальной принадлежности»²⁴⁸. Можно констатировать, что, хотя читатели эпохи Просвещения и находились под влиянием стратегий толкования правильных читательские практик, предлагаемых им текстов и дискурса, связанного с чтением, у них всегда был выбор среди конкурирующих читательских стратегий. Утвердительно отвечая на вопрос о революции чтения в XVIII в., Виттман отмечал, что к началу XIX в. «массовое воспитание чтением потеряло свою актуальность, так как с 1800 г. публика стала разнородной, разобщенной и, что называется, неизвестной. Одним словом – современной. Читатели уже больше не читают то, что им рекомендуют власть предержащие и идеологи»²⁴⁹. Тогда как в XVIII в. авторитет интеллектуалов, продвигающих чтение как основную воспитательную стратегию, был как никогда силен.

Какие же труды оказали влияние на представления о соответствующем для леди образовании и сформировали образовательный контекст той эпохи? В этот период английские интеллектуалы и интеллектуалки публиковали многочисленные педагогические трактаты и сочинения для воспитания, в которых обсуждались проблемы женского образования и рекомендовались «идеальные» списки для чтения. Особый взгляд на роль женского чтения отстаивали М. Уолстонкрафт, Э. Шапон, К. Маколей, С. Пеннингтон, Э. Дарвин, Х. Мор и др. Не все были готовы предложить юным леди книги философского содержания, камнем преткновения стал также вопрос о пользе или вреде чтения романов. Важное значение в данном контексте обрело формирование и закрепление правильных читательских привычек.

Изменения в структуре занятости и рост благосостояния отдельных слоев населения позволили чтению занять прочную позицию в повседневной жизни англичан второй половины XVIII в. Распространение печатного слова не могло оставить неизменными традиционные образовательные модели, глубоко укоренившиеся в женском образовании, где все еще чрезмерное внимание уделялось пению, музицированию, живописи, танцам и рукоделию. Женское образование носило достаточно прагматичный характер и было направлено на поиск спутника жизни²⁵⁰. Появление

²⁴⁸ История чтения... С. 361.

²⁴⁹ Там же. С. 398.

²⁵⁰ Подробнее см.: Созинова К.А. Женское образование в Англии на рубеже XVIII–XIX вв. на примере романов Джейн Остен // Педагогическое образование в России. 2015. № 11. С. 264–270.

ние британского феминизма, также тесно связано с проблемами женского образования, особенно если обратиться к трудам таких основоположниц феминизма как М. Уолстонкрафт и К. Маколей. Авторы учебных программ XVIII в. утверждали, что учебная программа для девочек должна соответствовать их потребностям, и диктовали, какие книги и предметы они должны читать и изучать в соответствии с гендерной иерархией. Исходя из этого определенные жанры и практики чтения считались неподходящими для женских умов, поскольку цель женского образования состояла в воспитании добродетельных и набожных жен и матерей, которые смогут поддержать семейный очаг, успешно управлять домашним хозяйством и стать наставницами и воспитателями для своих детей. В соответствии с этими целями учебные программы рекомендовали определенные книги для женского чтения.

Дочь джентльмена могла получить образование как на дому (гувернантка, приходящие учителя), так и в пансионе. В Англии все расходы по содержанию пансионеров брали на себя их родители или покровители. Годовая стоимость обучения в пансионах в конце XVIII в. составляла в среднем 35 ф. ст. (пансион миссис Ля Турнель в Рединге, где обучалась Джейн Остен). Первые пансионы для девочек появились еще в начале XVII в. в окрестностях Лондона и в 1780-е гг. были весьма распространены в провинции. В 1782 г. Джейн Остен в возрасте семи лет была отправлена со своей сестрой Кассандрой в пансион их родственницы миссис Коули в Оксфорде. Но их пребывание там оказалось весьма непродолжительным: в 1783 г. после вспышки эпидемии лихорадки в Саутгемптоне, куда переехал пансион, девочек забрали домой²⁵¹. Пансионы служили дополнением к домашнему образованию. Содержание детей в них не регулировалось каким-то особым образом, дети часто спали вдвоем на одной кровати, питание было весьма скудным и постоянно вспыхивали эпидемии. В романе «Эмма» Дж. Остен описывает подобный пансион: «Миссис Годдард содержала школу... старомодную школу-пансион, где за умеренную плату можно приобрести умеренные знания, куда можно отослать с рук долой юную девицу понабраться кой-какой образованности, не опасаясь, что она вернется домой кладезем учености»²⁵². Через год Джейн и ее сестру отправили в другой пансион к миссис Ля Турнель в Рединге. К. Тома-

²⁵¹ См.: Томалин К. Жизнь Джейн Остин. СПб., 2014. С. 63.

²⁵² Остен Дж. Эмма. Доводы рассудка. М., 2001. С. 22.

лин отмечает: «Этот пансион, похоже, был безобидным, хотя и безалаберным. Ученицы спали по шесть человек в комнате, их учили правописанию, шитью и французскому языку. Конечно, им преподавали и танцы – обязательный предмет для каждой девушки, – возможно, и игру на фортепьяно»²⁵³.

Круг предметов, предлагаемых для женского образования во второй половине XVIII в., был достаточно широк. Для понимания роли чтения в женском образовательном дискурсе эпохи и специфики программ для чтения, рекомендованных будущим леди, следует обратиться к текстам, которые формировали образовательный контекст эпохи – дидактическим трактатам, проповедям, книгам советов, учебным планам по обучению мальчиков и девочек, содержащих рекомендации и списки для чтения, а также проанализировать существующие практики чтения.

Эпоха Просвещения в английском обществе была отмечена разными подходами к вопросам женского образования. Наряду с консервативными, религиозно-моралистическими идеями, высказывались и либерально-демократические суждения. Первый подход нашел отражение в книгах о поведении и проповедях, которые транслировали традиционный консервативный мужской взгляд на место женщины в георгианском обществе. Книги о поведении должны были привить читателям социальные нормы и были адресованы не столько аристократической элите, сколько недавно появившемуся среднему классу. Новым девизом стала «вежливость» (*politeness*), кодекс поведения, предписывающий доброжелательность, скромность, самоанализ и порядочность. Эти добродетели считались продуктом воспитания и образования, а не врожденного превосходства²⁵⁴. «Вежливость» была средством, с помощью которого регулировались страсти и улучшалось поведение. «Беседа» и искусство, приличия, протокол и элегантная непринужденность также были связаны с этическим кодексом гражданской добродетели. В книгах по поведению содержались советы о том, как женщинам следует вести себя во время ухаживания и замужества и быть послушными дочерьми, женами и матерями. Одним из самых популярных и влиятельных был труд Дж. Грегори «Отцовское наставление дочерям» (1774), который содержал разделы о религии, поведении, дружбе, любви и браке. Его заповеди включали в себя воздержание от еды на пуб-

²⁵³ Томалин К. Жизнь Джейн Остин... С. 71.

²⁵⁴ Byrne P. *Manners // Jane Austen in context*. Cambridge, 2005. P. 298.

лике, молчание в компании и хранение в глубокой тайне своих интеллектуальных возможностей и образованности, особенно от мужчин, которые ревниво и злобно смотрят на женщину с развитым умом. Грегори даже предостерегал от опасности использования умных слов: «Остроумие – самый опасный талант, которым вы можете обладать. Его нужно охранять с большой осмотрительностью и добродушием, иначе он создаст вам множество врагов»²⁵⁵. Почетное место в ряду нравоучительной литературы заняли и «Проповеди юным девицам»²⁵⁶ пресвитерианского священника Джеймса Фордайса. Он превозносил такое качество как женственность, которое, по его мнению, приведет к моральной реформе общества и национальному превосходству англичан. Оба автора были весьма консервативны и солидарны в том, что романы наносят непоправимый вред неокрепшему уму и настойчиво призывали к чтению религиозной литературы, которая могла бы украсить собой полку любой юной леди.

Второй, достаточно демократический подход к женскому образованию, основанный на широком круге чтения, представляет работа Э. Дарвина (1731–1802) «Организация женского образования в пансионах, семьях и общественных семинариях» (1798), английского натуралиста и врача, который выступал за доступное женское образование. В наставлениях по воспитанию юных леди он рекомендует обширный список литературы для чтения, основу разделов которого составляет предметная область: обучение чтению, грамматика, французский и итальянский языки, арифметика, география, история Англии, естествознание, искусства и науки, религия, языческая мифология, а также пьесы, романы, поэмы, трактаты, нравоучения и отдельный список для формирования вкуса, состоящий из выборочных статей из журнала «Spectator». М. Уолстонкрафт и К. Маколей и вовсе выступали за равные образовательные возможности для обоих полов. Свои воззрения на роль чтения в женском образовании и воспитании М. Уолстонкрафт изложила в «Мыслях об образовании дочерей» и «Читательнице»²⁵⁷, К. Маколей – в «Письмах об образовании»²⁵⁸.

²⁵⁵ Gregory J. A Father's legacy to his Daughters. L., 1775. P. 30–33.

²⁵⁶ Fordyce J. Sermons to Young Women. In 2 vols. N.Y., 1809.

²⁵⁷ Wollstonecraft M. Thoughts on the education of daughters. L., 1787; Eadem. The female reader: or miscellaneous pieces in prose and verse... for the improvement of young women. L., 1789.

²⁵⁸ Macaulay C. Letters on education. With observations on religious and metaphysical subjects. L., 1790.

Можно выделить несколько категорий для женского чтения: художественная литература, Слово Божие, естественные науки и философия, история и языки. Наименее спорной категорией книг для чтения были книги религиозного содержания, при этом все авторы сходились на том, что женщинам не стоит читать специальные теологические трактаты. Религиозная практика была неотъемлемой частью образовательной стратегии. Представители всех религиозных направлений поощряли благочестивое чтение и для мужчин, и для женщин. Данный вид чтения требовал гораздо больше предписаний и рекомендаций в отличие от других. Грегори настоятельно просил своих дочерей не читать книги, которые могут поколебать их веру и взгляд на важные религиозные вопросы. Чтобы не оказаться в бесконечном лабиринте самых разных мнений, утверждал он, не стоит идти дальше Священного Писания²⁵⁹. Уолстонкрафт указывала, что «богословские книги» не подходят юным девушкам, которых нужно обучать религии через примеры из жизни и Библию²⁶⁰. Э. Дарвин, частично разделяя мнение Уолстонкрафт, отмечал, что сообразно возрасту и полученному образованию юные леди могли узнать о необходимости и пользе религии из «Писем барона Галлера к его дочерям об истинах христианской религии», «Советов дочерям» С. Пеннингтон, «Обязанностях женского пола» Т. Гисборна и «Обзора христианских свидетельств» У. Пейли. Однако в конце списка рекомендуемых Э. Дарвином книг на религиозные темы была сделана пометка, что женщины не должны читать спорные религиозные произведения²⁶¹. Чтение противоречивых религиозных трактатов считалось более опасным для девушек, нежели юношей. Так, в каталог для чтения мальчиков за 1752 г. был включен раздел «Божественность и противоречие» (“Divinity and controversy”)²⁶².

Основополагающая роль в образовании как мальчиков, так и девочек отводилась истории. Содержание данного раздела не вызвало особых дискуссий. Известные исторические труды были включены в списки для чтения обоих полов. «Древнюю историю» Шарля Роллена, выходявшую в Париже между 1730 и 1738 г., рекомендовали для девочек и мальчиков Э. Дарвин, К. Маколей,

²⁵⁹ Gregory J. A Father’s legacy... P. 14–15.

²⁶⁰ Wollstonecraft M. Thoughts on the education of daughters... P. 53.

²⁶¹ Darwin E. A Plan for the Conduct of Female Education in Boarding schools, Private Families, and Public Seminaries. Philadelphia, 1798. P. 84.

²⁶² Education of children and young students in all its branches, with a short catalogue of the best books in polite learning and the sciences. L., 1752. P. 29.

Э. Шапон²⁶³, только для девочек – Д. Фордайс²⁶⁴ и только для мальчиков – Дж. Крофт²⁶⁵. Шапон также особо подчеркивала, что необходимо составить план для чтения исторической литературы и не смешивать древнюю и современную историю²⁶⁶. Маколей и Дарвин включили в свои списки «Сравнительные жизнеописания» Плутарха²⁶⁷. Среди предложенных ими книг можно было также найти работы Сары Триммер по истории Англии, Греции и Рима и, конечно, истории Греции, Рима, Англии и Шотландии О. Голдсмита – «История Англии с ранних времен до смерти Георга II», «Римская история» и др. Следует отметить, что все авторы особо выделяли древнюю и современную историю, практически оставляя без внимания историю средних веков.

В отличие от рекомендаций по истории, в отношении изучения языков существовали серьезные расхождения. Педагоги неизменно поощряли чтение на древних языках, греческом и латыни, а также иврите для мальчиков, тогда как девочек предлагали обучать современным языкам – французскому и итальянскому. Так, Э. Дарвин рекомендовал чтение романа «Телемак» Ф. Фенелона на французском и итальянском²⁶⁸. Писательница К. Рив (1729–1807) тоже включала этот роман в свой список «Книг для юных леди» (опубликован приложением к ее работе «Становление романа»), как и Д. Фордайс²⁶⁹. К. Маколей же считала данный роман полезным для молодежи любого пола²⁷⁰. Х. Мор подчеркивала, что женщины должны помнить «справедливое замечание Свифта, “что, несмотря на все свои достижения, женщина вряд ли достигнет тех же высот в том, что называется обучением, в отличие от обычного ученика мужского пола”»²⁷¹. П. Булл отмечает,

²⁶³ Chapone H. Letters on the improvement of the mind. Addressed to a Lady. Vol. 1. L., 1773.

²⁶⁴ Fordyce D. Dialogues concerning education. L., 1757.

²⁶⁵ Croft G. A Plan of Education Delineated and Vindicated: To which are Added, A Letter to a Young Gentleman Designed for the University, and for Holy Orders. And a Short Dissertation upon the Stated Provision and Reasonable Expectations of Publick Teachers. Wolverhampton, 1784.

²⁶⁶ Chapone H. Letters on the improvement... P. 182–183.

²⁶⁷ Macaulay C. Letters on education... P. 130; Darwin E. A Plan for the Conduct... P. 121.

²⁶⁸ Darwin E. A Plan for the Conduct... P. 178.

²⁶⁹ Reeve C. The progress of romance. Colchester; L., 1785. P. 103; Fordyce D. Dialogues concerning education. L., 1757. P. 138.

²⁷⁰ Macaulay C. Letters on education. L., 1790. P. 130.

²⁷¹ More H. Strictures on the modern system of female education. L., 1799. P. 169.

что «обучение» в данном контексте означало способность читать на латыни и здесь, как нигде ранее, видна пропасть между мужским и женским образованием²⁷². Хотя, как известно, некоторые английские интеллектуалки знали латынь, как, например, К. Рив и К. Маколей, чья первая работа была переводом с латыни.

Принципиальные различия в программах для мальчиков и девочек наиболее ярко нашли свое отражение в разделе по натурфилософии. Примечательно, что многие авторы считали натурфилософию, а также изучение природы и вселенной, неподходящими для будущих леди. По мнению, Э. Шапон, этот предмет «слишком широк» для молодых женщин. Она писала: «Натурфилософия, в самом широком смысле этого слова, это слишком широкое поле для вас [девочек], чтобы за него браться, но изучение природы, насколько это может удовлетворять вашим способностям и возможностям, станет для вас наилучшим развлечением»²⁷³. Профессор истории образования Р. Уоттс утверждает, что натурфилософия в этот период была исключительно мужской наукой²⁷⁴. Каталог книг для обучения мальчиков за 1752 г. содержал категорию «Книги по натурфилософии, которые могут быть поняты без математики», в которую вошли: «Физико-теология» и «Астро-теология» Уильяма Дерема, сочинения Франческо Альгаротти, «Рассуждения о множественности миров» Бернара Фонтенеля, работы Вольтера, «Диалоги об астрономии» Дж. Харриса²⁷⁵ и т.д. Безусловно, обширные списки книг по натурфилософии чаще рекомендовались мальчикам, чем девочкам, но в этой категории было несколько книг, которые присутствовали в обоих списках, например работы У. Дерема, теолога и натурфилософа. К. Рив рекомендовала Б. Фонтенеля для девочек²⁷⁶, Д. Фордайс – Франческо Альгаротти²⁷⁷, автора книги «Ньютонизм для дам, или Диалоги о свете и красках» (1737). Тем не менее эта область была все еще ограничена для женщин, не допускавшихся в научные сообщества. Кроме того, героиня Альгаротти из «Ньютонизма для

²⁷² Bull P.E. The Reading Lives of English Men and Women, 1695–1830: Unpublished PhD thesis, Royal Holloway. L., 2012. P. 81.

²⁷³ Chapone H. Letters on the improvement... P. 136.

²⁷⁴ Watts R. Women in science: a social and cultural history. Abingdon, 2007. P. 62.

²⁷⁵ Education of children and young students in all its branches, with a short catalogue of the best books in polite learning and the sciences. L., 1752. P. 29–30.

²⁷⁶ Reeve C. The progress of romance... P. 104.

²⁷⁷ Fordyce D. Dialogues concerning education. L., 1757. P. 141.

дам» не отличалась умом и была совершенно неспособна заниматься математикой²⁷⁸. Таким образом, хотя в каком-то виде натурфилософия могла быть частью учебной программы для юных леди, активное погружение в эту область не поощрялось, отчасти потому, что некоторые считали, что женский разум несовместим со строгими научными рассуждениями. К. Рив и другие, писавшие об образовании девочек, мало что могли порекомендовать и в области математики. В раздел по арифметике Э. Дарвин поместил лишь три книги, включая довольно авторитетную арифметику Э. Уингейта, правда опубликованную еще в 1630 г.²⁷⁹ В его списке был также раздел «Искусство и наука», куда вошли работы по ботанике, химии и минералогии. Работы К. Линнея сделали ботанику популярным предметом для женщин, так как исторически сложилось, что женщины традиционно прибегали к травничеству, используя эти знания в домашнем хозяйстве.

В списке Э. Дарвина была еще одна категория – «Естественная история». В нее, наряду с «Историей земли и анимированной природой» (1774) О. Голдсмита, вошли книги Элленор Фенн «История четвероногих» и «Рациональная дама». Таким образом, педагоги считали, что науки о жизни и «новые науки» (ботаника, химия и др.) более подходят молодым читательницам, нежели натурфилософия, хотя сам Дарвин был естествоиспытателем. Философия, по мнению авторов, выходила за рамки сферы образования юных леди. Дарвин не рекомендовал «Основания критики» Генри Хоума, считая этот трактат «слишком заумным для юных леди, которые могли бы более легко улучшить их вкус по отношению к видимым объектам, часто демонстрируя [sic] с надлежащими замечаниями избранную коллекцию красивых пейзажей или красивых фигур»²⁸⁰. В образовательном дискурсе эпохи так и не сложилось общего мнения по поводу необходимости изучения женщинами философии. Х. Мор предложила женщинам некоторые части из «Опыта о человеческом разумении» Локка и «Аналогию» епископа Батлера²⁸¹, но к излишнему ученому рвению в этой области она не призывала. Тем не менее некоторые участники дискуссии о содержании женского образования поощряли выборочное чтение философских трактатов для юных леди.

²⁷⁸ Watts R. Women in science: a social and cultural history... P. 71.

²⁷⁹ Darwin E. A Plan for the Conduct... P. 178.

²⁸⁰ Darwin E. A Plan for the Conduct... P. 122.

²⁸¹ More H. Strictures on the modern system of female education... P. 123.

Художественная литература, особенно романы, были самым спорным жанром книг для чтения, рекомендованным читателям женского пола. Так, С. Пеннингтон (1720–1783) критиковала чтение романов, считая это пустой тратой времени. Она признавала, что из некоторых романов можно извлечь хорошую мораль, хотя «это похоже на поиск нескольких маленьких бриллиантов среди гор грязи и мусора», однако это может привести к формированию «романтичного умонастроения, которое часто становится причиной ложных суждений и непоправимых ошибок»²⁸². К. Маколей беспокоило то, что романисты не смогли точно уловить и передать суть человеческой природы. Неестественность персонажей могла оказать достаточно глубокое воздействие на неподготовленную психику читательниц²⁸³. Предостережения от чтения романов встречаются в «Эссе об образовании юных леди» Дж. Робертсона: «Юная леди, которая занимает свое время чтением романов, никогда не получит удовольствия от чтения других книг... Ее разум будет вскоре развращен безнравственными описаниями и сладострастными картинами; ее разум будет заполнен глупостями или даже непристойными и распутными мыслями»²⁸⁴. Э. Шапон предложила читать романы только под руководством хороших друзей²⁸⁵, Э. Дарвин – под пристальным наблюдением гувернантки²⁸⁶. Вывод напрашивался один – с романами надо обращаться осторожно и по возможности избегать их.

Х. Мор была категорически против чтения и написания романов женщинами. У нее вызывает сожаление обилие нетерпеливых молодых женщин-романистов и то, что «написание книги, по-видимому, теперь считается единственным надежным ресурсом, который праздные и неграмотные всегда имеют в своей власти»²⁸⁷. Парадоксально общее неприятие романов и романистов со стороны Мор, несмотря на оговорку о признании некоторых из них «настоящими гениями»²⁸⁸. Негативные взгляды Мор на читателей романов и абонементные библиотеки были характерны для комментаторов, оценивающих литературу в соответствии с суще-

²⁸² Pennington S. An unfortunate mother's advice to her absent daughters, in a letter to Miss Pennington. L., 1761. P. 39–40.

²⁸³ Macaulay C. Letters on education... P. 143.

²⁸⁴ Robertson J. Essay on the Education of Young Ladies. Addressed to a person of distinction. L., 1798. P. 44–45.

²⁸⁵ Chapone H. Letters on the improvement... P. 146.

²⁸⁶ Darwin E. A Plan for the Conduct of Female Education... P. 37.

²⁸⁷ More H. Strictures on the modern system of female education... P. 172.

²⁸⁸ More H. Strictures on the modern system... P. 171.

ствующей интеллектуальной иерархией. Как образованная женщина, она сама смотрела свысока на романы и была убеждена, что «английский сентиментализм, французская философия и итальянская поэзия...»²⁸⁹ вводят женщину только в заблуждение.

Х. Мор полагала, что чтение романов – ленивая, безвольная привычка, размягчающая ум и ослабляющая его защиту. Даже если содержание романа было явно безвредным, сама природа романа наносила ущерб женскому разуму. Романы, по ее мнению, помимо того, что не тянули на образчики интеллектуального богатства, пропагандировали тщеславие и порождали нереалистичные устремления у своих читательниц. В худшем случае они были развращающими и аморальными. «Дух лени», о котором предупреждает Х. Мор, предполагает пассивную /активную дихотомию, согласно которой некоторые историки трактуют историю чтения (что во многом сочетается с концепцией интенсивного /экстенсивного чтения Энгельзинга). «Пассивное» чтение, при котором читатель впитывает в себя прочитанное как губка, не подвергая текст критическому анализу, часто ассоциируется с женщинами. Предположение о пассивном чтении женщин превалировало в назидательной литературе и популярных наставлениях эпохи. Неудивительно, что оттуда оно проникло и в историографию, которая воспроизвела данный подход как некогда существовавшую реальность. Однако пассивная /активная дихотомия не характеризовала фактические практики чтения, так как в действительности читатели и мужского, и женского пола под влиянием эмоций могли использовать различные способы чтения.

Чтение романов вызывало гнев многих интеллектуалов того времени, но не все из них были непреклонными критиками. Так, Э. Дарвин полагал, что романы могут иметь большую ценность для молодых женщин, поскольку они могут дать знания о мужчинах, за которых юные леди могут впоследствии выйти замуж. В своем учебном плане для воспитания девочек он выделил несколько романов (15 наименований). В его список вошли «Сэндфорд и Мертон» Томаса Дея (нравоучительная детская повесть), «Адель и Теодор, или Письма о воспитании», а также «Вечера в замке, или Уроки морали применительно к детскому возрасту» мадам де Жанлис, «Робинзон Крузо» Д. Дэфо, «Эвелина» и «Камилла» Ф. Берни, «Женский Кихот» Ш. Леннокс и др. Примечательно, что романы Сэмюэла Ричардсона отсутствовали. В связи

²⁸⁹ More H. *Strictures on the modern system...* P. 164.

с этим Дарвин считал, что, хотя де Жанлис и Маколей рекомендовали читать «Памелу» и «Клариссу», они слишком длинны для школ и содержат «нежелательные» отрывки (он не объяснил, почему они нежелательны). Признавая, что романы следует читать под руководством, в меру и выборочно, он также видел их образовательную пользу для обучения женщин тонкостям человеческой природы. Дарвин был реалистом, он осознавал, что даже невинные произведения могут быть неверно истолкованы, но для него это не было причиной для полного запрета жанра. Если это так, то вся поэзия и беллетристика тоже должны оказаться под запретом. При этом он делал оговорку, что чтение романов может сбить женщину с пути. Тем не менее взгляды Дарвина доказывают, что не все так однозначно высказывались против чтения романов юными леди, а сам жанр считали нежелательным.

В эпоху Просвещения формируется особая концепция чтения, в рамках которой большое место отводилось формированию правильных читательских привычек. Наставления и руководства диктовали свои критерии восприятия прочитанного и навязывали определенные практики чтения, особенно в рамках образовательного дискурса. Чтение вслух являлось неизменной частью образовательного процесса на протяжении всего XVIII в. Педагоги повсеместно подчеркивали важность выразительного чтения вслух, его было необходимо постоянно практиковать и развивать, особенно молодым девушкам. Р. Виттман отмечает, что в это время происходят изменения в женских практиках чтения в целом: «На смену авторитетному чтению вслух отца семейства, священника или преподавателя пришло чтение, способствовавшее развитию общения благодаря “опыту эмфатической игры ролей”, т.е. позволявшее воспринимать литературные произведения в контролируемой и дисциплинирующей обстановке»²⁹⁰.

К вопросу женских практик чтения обращалась М. Уолстонкрафт. Наиболее цитируемой и поныне остается ее работа «Мысли об образовании дочерей» (1787), но для нас представляет интерес другая ее работа – «Читательница, или Разные произведения в прозе и стихах: выбранные из числа лучших авторов и расположенные под надлежащими заголовками для совершенствования молодых женщин» (1789), написанная анонимно²⁹¹. По за-

²⁹⁰ История чтения... С. 378.

²⁹¹ См.: Ferguson M. The Discovery of Mary Wollstonecraft's "The Female Reader" // Signs. 1978. Summer. Vol. 3. № 4. P. 945.

мыслу Уолстонкрафт, эта работа должна была стать своеобразным руководством, позволяющим юным девушкам подходить к чтению как взрослой и опытной интеллектуалке. Появление этого труда наиболее ярко иллюстрирует отношение автора к плачевному состоянию женского образования. В книге Уолстонкрафт дает многочисленные рекомендации по выразительному чтению и работе над дикцией, в частности для достижения этой цели необходимо было практиковаться в чтении вслух на основе правильно отобранных книг для выразительного чтения.

Работа Уолстонкрафт была написана под впечатлением от известной книги У. Энфилда «Спикер», попавшей во многие списки для чтения, ее рекомендовали Дж. Крофт для мальчиков, Рив и Дарвин для девочек, и она продолжала издаваться вплоть до середины XIX в. Заимствуя у Энфилда организацию и формы чтения, Уолстонкрафт, но предлагает свое содержание. Текст разделен на шесть разделов, в каждом из которых собраны отдельные категории книг для чтения: «Повествовательные произведения», «Дидактическая литература», «Диалоги, беседы и басни», «Аллегории и патетические произведения», «Отрывки», «Благочестивые произведения и размышления на религиозные темы». Эти разделы адаптируют материал, представленный Энфилдом, для женской аудитории. М. Фергюсон отмечает, что подготовленная Уолстонкрафт антология, была, вероятно, первой, составленной женщиной для женщин и о женщинах и содержавшей отрывки из женских текстов XVIII в., а выбор отрывков для устного чтения и вовсе ставит ее в авангард образовательной реформы XVIII в.²⁹² Оглавление содержит многочисленные выдержки из Библии и Шекспира, иллюстрируя личные предпочтения Уолстонкрафт, а также степень ее знания современной и классической литературы. В связи с тем, что данный труд был опубликован анонимно, Уолстонкрафт могла включить в него, без ложной скромности, и свои собственные работы.

Чтение вслух часто практиковалось не только в образовательных целях, но и в кругу близких и друзей. Наряду с индивидуальным чтением, важное место отводилось коллективному чтению. Многие произведения того времени даже писали с расчетом на то, что будут прочитаны вслух. Так, например, П. Михельсон доказывает, что Джейн Остен тщательно продумывала тексты своих романов для чтения вслух, о чем свидетельствует ряд осо-

²⁹² Ibid. P. 946.

рых пометок, курсив, а также определенная привычка конструирования предложений и разбивка на абзацы²⁹³.

Еще одной рекомендацией, направленной на формирование правильных читательских привычек, было полное и глубокое осмысление прочитанного: читатель должен был вдумчиво оценить содержание и зафиксировать в памяти важные моменты. Копирование цитат из книг также являлось одной из образовательных практик, рекомендованных для лучшего усвоения и запоминания. Оформление подобных выписок считалось важной составляющей правильных читательских привычек. Очевидно, что данная практика отнюдь не открытие XVIII в. Предположительно, французский педагог Ш. Роллен первым в начале XVIII в. рекомендовал сделать оформление выписок (цитат) из книг неотъемлемой частью женского образования²⁹⁴. Девочкам предписывалось записывать все, что они должны были запомнить, и найти практическое применение в повседневной жизни. Подобное конспектирование было направлено на формирование женской добродетели. Переписанные моральные уроки должны были впоследствии пригодиться читательнице. Безусловно, такая практика была несовместима с чтением в постели. В образовательном контексте целью индивидуального чтения была учеба (приобретение новых знаний). Это означало, что необходима спокойная обстановка с подходящим оборудованием. Если чтение было умственной работой, соответственно читать нужно в библиотеке или за столом, а не в постели перед сном. Физические аспекты того, как и где следует учиться и читать, были темами, общими для образовательных руководств и нескольких медицинских трактатов.

Подводя итоги, можно сказать, что образовательная модель второй половины XVIII в. была направлена на развитие добродетели. Концепция мужской добродетели и воспитания варьировалась от активного участия в общественной жизни до семейного долга. Считалось, что правильно подобранное чтение готовило юных джентльменов для публичной сферы и государственной карьеры. Рекомендации для чтения, предлагаемые юным леди, готовили их к материнству, воспитывали женственность, но, что важно, чтение должно было стать источником всестороннего образования, знакомило с культурой вежливости и учтивости, раз-

²⁹³ Michaelson P.H. Speaking volumes: Women, reading, and speech in the age of Jane Austen. Stanford, 2002. P. 180–215.

²⁹⁴ Bull P.E. The Reading Lives... P. 97.

вивало социальные навыки. Как для мужчин, так и для женщин первостепенное значение чтения заключалось в улучшении разговорных навыков. Коммуникабельность, основанная на богатой культуре чтения, была добродетелью для обоих полов.

Анализ учебных программ выявил обеспокоенность интеллектуалов и интеллектуалок тем, что мужчины и женщины должны читать правильные, рекомендуемые книги и изучать предметы в соответствии с их гендером. Существовали значительные различия в культурных идеях, заложенных в учебных планах, но неизменно в них присутствовало и что-то общее. Например, книги по истории можно найти в списках рекомендаций для обоих полов, в изучении языков мальчикам рекомендовали изучение классических языков — греческого и латыни, тогда как в обучении девочек делали акцент на современные иностранные языки, например, итальянский и французский. Классические произведения обычно предлагались для изучения девочкам уже в переводе. Чтение религиозной литературы также было необходимой частью образования как для мальчиков, так и для девочек, но авторы советов рекомендовали девочкам избегать противоречивых теологических учений. Романы и публичные библиотеки многие авторы считали развращающими юные души. Натурфилософия считалась более подходящей для мальчиков, нежели для девочек, хотя некоторые труды были рекомендованы обоим полам. Также полагали подходящими для юных леди и такие современные науки, как ботаника. Между тем, по мнению многих авторов, глубокая философия и математика были слишком сложными для девушек.

Несмотря на то что в английском обществе активно формировалось мнение, что удел женщины — дом и семья, ее долг и предназначение — посвятить себя им, новые учебные планы демонстрируют важность качества женского образования, позволяющего женщине стать равным мужчине интеллектуальным партнером в браке. Чтение становится одним из активных женских занятий. Во второй половине XVIII в. владение книгой стало своеобразным маркером социальных притязаний и интеллектуальных достижений. Книги выступали как элемент культурного кода, по ним можно было определить социальный, интеллектуальный или нравственный статус читательницы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В основу сопоставления нового когнитивного поля «эпохи перемен» в Британии и России, в котором доминировали три магистральные темы дискурсивных практик – дискурс «нового политического порядка»; имперский дискурс и дискурс формирования новых морально-этических ценностей, была положена идея поиска семантических пар терминов/понятий, циркулировавших и обсуждавшихся в английском и русском обществе XVII–XVIII вв. Так, например, русское «любовь к отечеству» соответствует английскому понятию *patriotism*, русское «общее благо» соотносится с нагруженным семантическим «дрейфом» английским концептом *commonwealth*, или идеей «общего благосостояния/процветания» и т.д. Выявленная семантическая корреляция позволяет говорить о проявлении общего/универсального в интеллектуальном дискурсе двух культур.

Дискурс нового политического порядка в Англии XVII в. был представлен кругом авторов, вовлеченных в обсуждение идеи божественности королевской власти – Томас Гоббс, католик Томас Уайт, Джон Мильтон, Джон Локк и др. В ходе ожесточенной гражданской войны середины XVII в. рождается идея светского государства. Самостоятельным модусом формирования «нового политического порядка» стала история – изобретение мифа «древней конституции» Англии оказалось напрямую связано с идейно-политическими дискуссиями XVII в., отголоски которой «слышны» на страницах многих сочинений, включая пролонгированную дискуссию о «нормандском иге». Интересно, что из этой полемики выпадает англиканское священничество – интеллектуальная элита английского общества XVII в. и, в частности, «неприсягнувшие» Вильгельму Оранскому священники.

Русский «Левиафан» также рождался в острейшей борьбе «священства» и «царства» во второй половине XVII столетия. Дискурс «нового политического порядка» оказался тесно связан с влиянием на русскую, прежде всего столичную культуру деятелей украинской школы проповедников конца XVI–XVII века, которые, в свою очередь, транслировали представления о церковном красноречии, разработанные в католической и протестантской конфессиях. Актуализация проповеди в XVII столетии определялась усилением конфликтности в социуме (имущее-

ственное расслоение, религиозные разногласия, разнонаправленные векторы культурного развития, осознание личного бесправия как драмы и т.д.). На русской почве отмечается искусство слова Симеона Полоцкого и Дмитрия Ростовского, получивших опыт западного проповедничества, а также исконно национальных авторов – протопопа Аввакума Петрова, Игнатия Римского-Корсакова, Феофана Прокоповича и др. Большой интерес представляет рукописный сборник проповедей «Статир», дошедший до нас в единственном экземпляре.

Для русского интеллектуального пространства XVII в. была характерна глорификация и сакрализация царской власти, формирование представления о том, что Божественная благодать распространяется не только на идею власти «от Бога», но и на ее носителей. Как известно, эта идея не объединила общество, а, напротив, привела к его расколу, вызвав феномен староверия. Политическая составляющая этого дискурса становится все более выраженной к концу XVII в. и находит свое логическое завершение в ликвидации патриаршества в 1721 г.

Идея регулярного государства окончательно оформляется в последние годы правления Петра I в цикле именных указов, уставов и регламентов 1718–1724 гг. Природный ум царя, его литературная одаренность, необычайная широта кругозора, стремление к постоянному саморазвитию, чрезвычайно богатые речевые способности ставят его в ряд первых интеллектуалов своей эпохи. К концу Северной войны у царя сложилась целостная идеализированная концепция государственного строительства, основанная на глубоком усвоении им постулатов раннего европейского камерализма. Эта концепция стала играть роль государственной идеи, заменившей для российской правящей элиты традиционную идею созидания священного царства. Сформулированные Петром Великим концептуальные положения, нереализованные при жизни первого российского императора, стали программным ориентиром государственного строительства и общественного развития на столетие вперед.

Победа Левиафана в XVIII в. отвечала насущным потребностям внутреннего (поддержание порядка в стране) и внешнего (расширение территорий) порядков государственного строительства как в Британии, так и в России. Модернизационная стратегия обоих государств определялась развитием и реализацией двух идейных комплексов. Первый был связан с созданием си-

стемы административного управления – идея «конституционного порядка» на Британских островах (Билль о правах 1689 г., другие акты «неписанной» английской конституции) и идеи камерализма в России («Генеральный регламент» Петра Великого). Второй идейный комплекс был направлен на аккумуляцию денежных ресурсов с целью реализации широкомасштабной программы преобразований (строительство флота и др.) посредством субсидий, контроля и протекционистских мер. Принципиальное отличие состоит в том, что в Британии адептам «нового политического порядка» приходилось изыскивать средства в частном секторе экономики (Английская Ост-Индская компания зачастую играла роль «палочки-выручалочки» правительственных кабинетов), а в России аккумуляция средств шла за счет внеэкономических форм принуждения и ужесточения фискального гнета.

Светский правитель, превращаясь в единственный источник всей регулирующей власти, по умолчанию должен был обеспечить религиозное руководство паствой и моральный контроль над ней. Подразумевалось, что счастье, благосостояние и процветание подданных является равнозначным некоему абстрактному «общему благу», которое обеспечивается государством. На деле же это порождало бесконечное разнообразие «ситуаций» на основе укрепляющейся рационалистически ориентированной мысли и деятельности XVII–XVIII вв. Греховная природа человека обнажилась, как никогда ранее. Рост преступности в Англии XVIII в. достиг небывалого размаха, что привело к разработке так называемых «кровавых кодексов». В России, где установление «нового политического порядка» было затруднено обширностью территорий, этот процесс не имел столь ярко выраженного проявления, но становление системы права (common law в Англии и Соборное Уложение 1649 г.) в этом контексте выступает в качестве одного из механизмов репрессивного контроля, выполняющих задачи полицейского государства, в условиях которого поощрение предприимчивости и частной инициативы было затруднено. Самостоятельная проблема в этом контексте – процветающая коррупция и взяточничество в административном аппарате нового государства.

Развитие имперского дискурса определялось расширяющимися экспансионистскими и экономическими горизонтами «нового политического порядка» и в Британии, и в России. Имперская идея «синхронизировалась» с ощутимым оттоком части

населения в поисках лучшей доли за пределы исторически сложившейся территории государства (королевство Англия и Московская Русь), что задавалось, в том числе, ощутимым ростом народонаселения. С уверенностью можно говорить об удвоении численности населения в Англии на протяжении XVI столетия и первых пилигримах в Новый Свет в XVII веке. В России становится осязаемым приток «пришлых людей» на Волгу, Каму и Дон в тот же период. Сопоставительный анализ в данном исследовании был построен на таких продуктах интеллектуальной деятельности как «карта» и «ботаническая иллюстрация», воплощающих новые представления о мире и властную стратегию «*divisio et depominatio*». Имперский проект, и в Британии, и в России XVII–XVIII вв., рассматривался в контексте широкого круга идей, связанных с развертыванием научного дискурса в процессе формирования естественнонаучной картины мира, постижения и описывания законов природы.

Два направления интеллектуальной мысли – «научный» дискурс и дискурс «нового политического порядка» – оказались тесно связаны в имперском дискурсе на протяжении второй половины XVI – XVII в. и привели в конечном счете к созданию Лондонского королевского общества (1662) и Императорской академии наук в Санкт-Петербурге (1724). Девиз Лондонского королевского общества — «*Nullius in verba*» («Ничего со слов»), напоминающий максимы Декарта, в полной мере может быть отнесен к деятельности уже сплоченной в XVIII в. «республики ученых». Это была эпоха Больших академических экспедиций, одной из главных целей которых было картографирование и описание местности. Участники-натуралисты собирали сведения о флоре и фауне, полезных ископаемых и народах, населяющих «открываемые» территории.

Конструирование имперского проекта опиралось на такой властный дискурс освоения/присвоения пространства как создание географической карты «нового политического порядка». Карта стала инструментом управления как уже подвластными территориями, так и расширяющимся пространством формирующейся империи. Речь идет о «картографической революции», вытекающей из эпохи Великих географических открытий и развития практической математики, механики и т.п. Многие события XVII–XVIII столетий были подчинены интенсивному процессу освоения природных ресурсов с целью их дальнейшего

изучения. Экспедиции, коллекции и исследования стали ведущими стратегиями в XVIII в., которые, уменьшая разрыв между имперскими центрами и их ресурсными базами, позволяли центру успешно действовать на расстоянии.

Проведенное исследование выявило особую роль таких имперских «окраин» как Шотландия и Украина в процессе складывания Британской и Российской империй, отмеченном инкорпорированием шотландской и украинской элит в структуры имперского центра. Динамичное развитие империи сделало государство большой иерархической структурой доминирования, имеющей полиэтничный и многоконфессиональный характер. Устойчивость этой структуры обеспечивалась имперской администрацией, коллаборацией подчиненных, «республикой ученых», а также программами и символами имперской элиты.

Ни о какой социальной и политической однородности не могло быть и речи, в этом – еще одно из базовых противоречий «эпохи перемен». Идея «общего блага» распространялась на узкую группу людей, «естественным образом» противопоставивших себя социальным низам. То же самое можно сказать об отношении новых элит к народам имперских «окраин». Разговор о чернокожих рабах плантаций на Ямайке или в Южной Каролине оставим в стороне, хотя аболиционизм как идейная доктрина сформировался уже во второй половине XVIII в.

«Новый политический порядок» и формирование новой картины мира привели к пересмотру канона христианской морали. В напряженном интеллектуальном поиске как в Англии, так и в России, формировалась новая система ценностей и представлений. Одной из ключевых идей этого дискурса стала идея «общего блага», «служения отечеству», «жертвенности» ради него, а также отход от аскетического идеала созерцательной жизни. Идеалом эпохи Просвещения станет «гражданин Отечества», или «патриот». В этом дискурсе гражданственности идея о всеобщем счастье и благоденствии как новом ценностном ориентире вытесняла христианскую идею о спасении души. Обретение спасенным человеком «Царства Небесного», ключевое положение христианской сотерологии, оказалось заменено «Царством Земным». Возникающая духовная «свобода», связанная с разрушением абсолютного авторитета в вопросах этики, и новый гражданский идеал находили утверждение в представлениях о добродетельности человека. Это был поиск оснований морального

закона и поведения вне религиозной догматики. На рубеже XVII–XVIII вв. как реакция на резкое падение нравов в Англии сложилось направление интеллектуальной мысли, получившее название моральной философии. Моралисты противостояли концепции «эгоистического человека» и формировали образ «добродетельного человека», стремясь дать новое объяснение феномена морали на светских основаниях. Их представление о добре и зле, о правильном и неправильном, о хорошем и плохом выстраивались на основании рациональных умозаключений.

Сходные процессы фиксируются в русском проповедническом искусстве. Развитие проповеди, связующей профанный и сакральный миры, обретает особый вес именно в «переходный» XVII век, свидетельствуя о новом представлении деятельного участия человека в формировании социальной жизни. Обратим внимание на бытование проповеди как факта устной речевой традиции, на ожидание ее распространения в таком варианте, стремлении и надежде владеющих искусством слова церковных интеллектуалов на эффект внушения, обновления системной картины мира и углубления христианской аксиологии. Проповедь должна была способствовать солидаризации разных слоев общества, поиску моментов единения не только в вере, но и в обрисованных в проповедях социальных и личных проблемах.

Формирование нового ценностного идеала сопровождалось изменением стратегий влияния интеллектуалов на власть и общество. В свете распространения книгопечатания письменное/печатное слово начинает конкурировать с устным словом. Возникновение в XVIII в. публицистики и периодической печати делает референтное «поле» печатного слова несопоставимо более широким по сравнению с устным. В этой новой культуре письма информация передается иначе: не от человека к человеку, а через текст, напечатанный на бумаге. Встает вопрос о том, какой была референтная среда идей, продуцировавшихся интеллектуалами. Мы наблюдаем сосуществование двух культур – богатой культуры слова (представленной такими «искусствами» как сказки и былины, иконопись, каменное зодчество) и нарождающейся культуры письма. Священническая среда – духовная и интеллектуальная элита русского общества второй половины XVII в. – оказывается в XVIII в. на периферии общественного дискурса. Референтную среду воздействия идей «просвещенного абсолютизма» второй половине XVIII в. составляет дворянское сословие, опора «нового политического порядка».

Рассуждения о социальной стратификации английского общества переходной эпохи, как правило, базируются на тезисе об иерархии «рангов». Особенностью социальной мобильности была постоянная ротация средних «рангов» на основе принципа наследования титула и манера старшим сыном, а другие сыновья аристократических семейств должны были служить, и их предпочтения были связаны со стезей юриста, священнослужителя или военным делом. Именно из этой категории людей, хорошо образованных, но вынужденных зарабатывать себе хлеб насущный, вышло большинство интеллектуалов XVII–XVIII вв., в то время как подавляющая масса населения – более двух третей – выпадала из интеллектуального контекста своей эпохи.

Сравнительно небольшая группа людей (от общей численности населения) сумела развить идеи интеллектуалов в мощные модернизационные процессы и использовать человеческий и экономический потенциал страны и расширяющихся подвластных имперских территорий. Интеллектуальный дискурс, имевший земную и практико-ориентированную направленность, базировался на развитии естественно-научного знания и представлении о человеке как земном существе. Индивидуализм стал основой культурного кода данного рационалистического дискурса и базовым принципом нарождающегося либерализма. Однако свобода нравов, право на сопротивление тиранам и другие положения «либеральной демократии» уже в «эпоху перемен» потребовали усиленного контроля над обществом и обращивались «новым политическим порядком», но теперь уже новой политической элиты. В Британии XVIII в. ее средоточением становится Лондонское Сити, представители которого, конечно, всегда были готовы прийти правительству на помощь, но под хороший процент. В этой ситуации нарастающего индивидуализма и персональной ответственности за свою жизнь разнообразные формы коллективной солидарности начинают стираться.

В России XVIII в. главными интеллектуалами стали монархи – Петр I и Екатерина II, реализовывавшие модернизационный проект на рационалистических началах и видевшие референтную среду своих идей в узком слое дворянства. Этим монархам уже была чужда «культура слова», носителями которой была подавляющая часть их поданных. В Британии доля этой части населения тоже была чрезвычайно высока. Только «промышленная революция», начавшаяся в Британии в 1760–1770-е гг., перетянет чашу весов в пользу «культуры письма».

Предварительные результаты проведенного сопоставительного анализа взаимодействия интеллектуалов и власти в Британии и России в «эпоху перемен» показали, что при всей специфике национального развития, очевидно типологическое сходство двух культур в процессах формирования «нового политического порядка», а также – в тенденциях имперского развития и его тесной связи с накоплением естественно-научного знания. При этом, и в Британии, и в России, подавляющая часть населения в XVII–XVIII вв. пребывала в рамках традиции устного слова и христианского канона. Анализ дискурсивных практик в России XVII–XVIII вв. обнаружил преобладание «культуры духа», или устной традиции воздействия интеллектуалов на социум через церковную гомилетику и ретиорику. Вместе с тем, напряженный интеллектуальный поиск в среде немногочисленной группы образованных людей привел к победе идей регулярного государства и «общего блага». Канон индивидуалистической морали в Британии способствовал оформлению либерализма как идейно-политической доктрины и позволил достичь выдающегося экономического роста в XIX в.

Закончить хотелось бы словами Питера Ласлетта, сказанными более полувека назад, в 1965 г.: «различие в социальном устройстве приводит к очевидной неизбежности рассматривать английское общество не только само по себе, но и вместе с французским, немецким, испанским, голландским, итальянским, скандинавским обществами в качестве одного из вариантов западноевропейской модели. Но даже это не может быть достаточным по широте охвата. Русское и восточноевропейское общества, а также азиатское, африканское и латиноамериканское общества также имеют отношение к пониманию нас самих, если контраст – это то, в чем мы для этого нуждаемся»¹.

¹ Laslett P. The world we have lost: further explored. L., 2001. P. 277.

SUMMARY

Intellectual culture of transitional process from the Middle Ages to the modern period differs in place and time, whether in relation to states or people. Britain and Russia are the main focus within this book, permitting more precise representations of the 'era of change' in the seventeenth and eighteenth centuries, a period that witnessed an intense search for new territorial and national identities within various European states. Indeed, a 'General Crisis of the Mid- Seventeenth Century' emerged noticeably in the history of England and Russia, which involved 'turmoil', the 'papal threat', and dynastic crisis. For both nations, 1649 proved significant, as it saw the execution of Charles I in England and adoption of the Sobornoe Ulozhenie 1649 in Russia. Both events mark the conflict between the 'old' and 'new', particularly, the victory of the new 'service class' over the old aristocratic elite. Further, both were defined by significant yet sporadic developments in colonial expansion in the second half of the sixteenth and seventeenth centuries. And both England and Russia overcame threats, either from the Tartars in Russia, which involved Yermak Timofeyevich's campaign in Siberia in 1581, or from Spain in England, which involved the defeat of the Spanish Armada in 1588. Further, England and Russia achieved the rank of 'Great Power', stemming from a series of victorious wars in the first quarter of the eighteenth century.

Yet it is not solely these well-known 'circumstances' that define Britain and Russia in the seventeenth and eighteenth centuries. Additionally, researchers examined the discursive practices within this period, how ideas function and how meanings are articulated. With the intense search for new national, state, and personal identities, the growth in the written word and the influence of accomplished writers generated ideas for the changing world. Ideas connected an ever-expanding circle of people, who were involved in discussing the vast 'agenda' of the era of change. A fundamentally new situation emerged in the eighteenth century. Social influence occurred less by the means of traditional power, and more through the production and legitimization of ideas, meanings, sense and knowledge. The written and spoken culture of words were used by authorities to maintain structural stability. In that sense, this book is aimed at identifying the mechanisms that form the ideological positions of intellectuals, whether autodidacts or monarchs, in order to outline the ideas that influence decisions by

those in positions of power both in Britain and Russia in the seventeenth and eighteenth centuries.

As such, the book examines the 'transition' from 'culture of spirit' to 'culture of reason', revealing what J.G.A Pocock describes as a 'paradigmatic breakthrough'. This paradigmatic context involves social and economic modernization in this 'transitional era', especially as modernization becomes dissociated from the impulse for spiritual development. This paradigmatic breakthrough brought about laws relating to economy and state as well as science and technology, which were unified in the twentieth century into a totalizing state-political system of 'supervision and punishment'. Hegel names this the 'Self-Estranged Spirit'. Indeed, intellectuals in the seventeenth and eighteenth centuries became exponents of a dramatic separation between spirit and reason. They were the 'builders' of a new cultural / national / imperial identity, which was oriented towards 'creating' a 'better / new world', or a prototype of the contemporary, prompting us to return to their legacy when searching for alternatives to the 'Unfinished Project of Modernity'.

Importantly, in this context, culture no longer acts as a static matrix or simply a 'pattern of culture'. The 'key' to culture lies in reconstructing the connections within social action, which is the 'linguistic act with its context'; these connections offer a problem, prompting a question 'not in social mechanics but social semantics'. The core of the cultural code, which creates a systemic 'order', involves decoding / deconstruction of the 'word', 'utterance' or the intellectuals' cognitive-rhetorical practices. These appear in a scale of values and manifest in the more traditional distinction between the sacred-symbolic but also between the rational and practical sense. As such, when thinking of the 'era of change', which involves the changing of one cultural code to another, then analysis of the moral-ethical system of belief appears to offer the 'golden mean' for examining the period for England and Russia.

The focus was defined by selecting intellectuals or contemporaries within the 'era of change'. This process of selection highlighted three main themes for discursive practice: a discourse of the 'new political order', an imperial discourse and a discourse formed from new moral-ethical values. These themes may be investigated in Britain and Russia by identifying semantic pairs of concepts that were discussed in English and Russian societies in the seventeenth and eighteenth centuries. For example, the Russian 'lyubov' k otechestvu / love for country' corresponds to the English notion of 'patriotism'; the Russian 'obsh-

chee blago, the common good' corresponds to the English 'commonwealth', which is a word with significant semantic 'drift', suggesting 'general well-being / prosperity', etc. These semantic correlations do not appear everywhere, but certainly point to the appearance of general analogues in intellectual discourse in both cultures in the seventeenth and eighteenth centuries.

The discourse of the new political order in England in the seventeenth century appeared in a circle of authors, who were involved in discussing ideas about the divine right of kings: James I Stuart, Thomas Hobbes, Thomas White (a Catholic), John Milton, Robert Filmer, and others. In the middle of the seventeenth century, around the English Civil War, ideas emerged about the secular state. Research in this period shows that Hobbes' contemporaries, such as Lord Clarendon and Robert Filmer, recognized the danger of Leviathan (1651). Filmer's own *Patriarcha* (1680) was subjected to intense criticism by John Locke in the first part of *Two Treatises of Government* (1689), Algernon Sidney in *Discourses Concerning Government* (1698) and James Tyrrell in *Patriarcha non Monarcha* (1681). Research shows however, that rather than Hobbes, Locke or Sidney, Filmer was the period's main influential political thinker. This suggests that subsequent Whig historiography offered its own 'iconography' of liberal ideology, proffering a retroactive justification for developments at the end of the eighteenth century and first half of the nineteenth century. Nonetheless, when forming the 'new political order', independent modes were drawn from history, such as England's myth of the 'ancient constitution'. This emerged from the ideological-political discussions in the seventeenth century, which appeared in the aforementioned works, and also led to prolonged discussions of the 'norman yoke'. Further, there is the commonly recognized polemic involving the priesthood and elite, which occurred with the ascension of William of Orange to the throne of England, when non-juring priests 'did not swear' allegiance to the new king.

Russia's 'Leviathan' appeared in the intense struggle between 'svyashchenstvo / priesthood' and 'tsarstvo / kingship' in the second half of the seventeenth century. Russia's discourse of the 'new political order' was closely connected with influential figures of the Ukrainian Orthodoxy. The metropolitan culture transmitted ideas about homiletics, which they drew from Catholic and Protestant denominations. Sermons appeared during the 'rebellious' seventeenth century, which dealt with the intensifying conflicts in society, which included property stratification, religious differences, multidirectional vectors of social

development, awareness of personal disenfranchisement, etc. These issues were represented by preachers associated with the Ukrainian school at the end of the sixteenth and seventeenth centuries, such as Kirill Trankvillion, Ioanniky Galyatovskii, Lazar Baranovych, Stefan Yavorsky, Peter Mogila, and others. In Russia, Symeon Polotsky and Dimitry Postovskii had experience of Western preaching, including authors, such as archpriest Avvakum, Ignatii Rimskii-Korsakov, Theophan Prokopovich and others. Such sermons appear in the handwritten collection, 'Statir', at the end of the seventeenth century, which comes down to us in a single copy.

In the seventeenth century, Russian intellectuals glorified royal power and exalted its earthly form by maintaining that Divine Grace relates not only to power 'from God', but also to power from earthly bearers. During the reign of Alexei Mikhailovich, the formation of a reverent attitude towards his decisions through the approval of the sacred royal status, as well as a reverent attitude towards the sovereign, is revealed. Aleksey Mikhaylovich is the 'God-crowned porphyro [purple]-bearer', a reference to an icon in the ritual of worship. It is well known that this idea did not unite but divided Russian society, producing, for instance, the Old Believers. Nevertheless, the political component of this discourse on royal power receded and then emerged towards the end of the seventeenth century, reaching its climax with the dissolution of the Patriarshество / Patriarchate in 1721.

Russia reflected the idea of a regular state in the last years of Peter I's reign with the appearance of nominal ukazy, ustavy and reglamente from 1718–1724. Peter's mind, literary gifts, extraordinary outlook, and desire for constant self-development as well as his reading and rhetorical skills placed him alongside the great intellectuals of his age. Owing to not only the inconsistent execution of reforms but also the influence of Western Renaissance and Baroque writings at the end of the Great Northern War, Peter established a holistic and idealized notion for state-building. The tsar founded this notion on principles of European cameralism. Cameralism influenced and then superseded the notion of the state as a holy kingdom for the Russian ruling elite. Although not realized in his lifetime, Peter's provisions became a programmatic point of reference for state-building and societal development for the next century.

In Britain and Russia, Leviathan's victory answered the demands of internal and external methods for state-building, either by maintaining order in the country or expanding territories. Strategies for modernization in both states were determined by the development and realisa-

tion of two ideological systems. The first relates to creating a system of administrative management. This involved for the British Isles, the idea of 'constitutional order', including the Bill of Rights in 1689, and acts of the 'unwritten' English constitution, and this involved for Russia the ideas of cameralism, including Peter's 'General Regulations'. The second ideological system entailed accumulating monetary resources, in order to develop a large-scale program of transformation, such as building fleets. Subsidies as well as control and protectionist measures were instituted, leading to the policy of mercantilism. Britain certainly subscribed to aspects of this mercantilist policy, yet adherents to the 'new political order' also searched for funds in the economy's private 'sector', such as the English East India Company, which assisted government ministries. In Russia, funds were drawn from non-economic forms of coercion and the increase of fiscal oppression.

Negative consequences accompanied the strengthening role of the state in the seventeenth and eighteenth centuries. Secular rulers became the sole source of regulatory power, including guaranteeing religious management and moral control of the faithful. The state offered an abstract 'common good' that was presumed to align with the subject's welfare, prosperity, and happiness. The strengthening role of the state led to an increase in rationally oriented thought and activity in the seventeenth and eighteenth centuries. The sinful nature of humans was exposed as never before. In England, crime reached an unprecedented scale, which led to the so-called 'Bloody Code'. In Russia, large territories complicated the establishment of a 'new political order', yet formed a system of law, the Sobornoye Ulozheniye of 1649, which is paralleled by common law in England, both creating mechanisms that perform the tasks of the police state. A clear issue in research emerges regarding questions about corruption and bribery in the administrative apparatus of the new state.

In Britain and Russia, Imperial Discourse was determined by ever-increasing expansion and the economic horizons of the 'new political order' in the seventeenth and eighteenth centuries. The imperial idea produced a noticeable outflow of population, as they searched for better opportunities outside the borders of the historically established state, whether the kingdom of England or Muscovite Rus'. Yet, there was tangible growth in population. In the sixteenth century, not only did the population double in England but also the first pilgrims ventured to the New World. In the same period in Russia, there was a tangible influx of 'alien people' on the Volga, Kama, and Don Rivers. In order to track the formation of British and Russian empires, this pro-

ject drew from Maps, which included visual sources, such as Botanical Illustrations. Their depictions are closely associated not only with the formation of new representations of the world but also with the strategy of asserting power through 'divisio et denominatio'. For Britain and Russia, the imperial project was viewed as a self-sufficient discursive practice of a wider circle of ideas, which were connected with the deployment of scientific discourse and formed a natural-scientific picture of the world in the seventeenth and eighteenth centuries. Undoubtedly, this was a new direction for utilizing the strength of intellectuals who offered the means to comprehend and describe the laws of nature.

It is important to note that these two directions of intellectual thought – 'scientific' discourse and discourse of the 'new political order' – turned out to be closely connected to imperial discourse during the second half of the sixteenth and seventeenth centuries. They led eventually to the creation of the Royal Society in 1662 and the Imperial Academy of Sciences in Saint Petersburg in 1724. The motto of the Royal Society – 'Nullius in verba' ('take nobody's word for it') – recalled Descartes' maxims and inspired the 'republic of scientists' in the eighteenth century. Additionally, Large Academic Expeditions were organized for mapping and describing regions. In these expeditions, naturalists collected information on flora and fauna, mineral resources and inhabitants within these 'newly discovered' territories. Botanical knowledge, for example, already widespread in the sixteenth century, mostly as medical knowledge, then spread to the entire inhabited world in the eighteenth century, as the leading colonial powers encouraged botanical research.

In turn, the imperial project was connected with a discourse of power in the appropriation of territory, creating a geographical map of the 'new political order'. The map became an instrument for managing the subjugated territories and for expanding the extent of the emerging empire. This 'cartographical revolution' follows from the era of great geographical discoveries and the development of practical mathematics, mechanics, etc. Mercator's ideas found a willing advocate in England, the mathematician and cartographer, John Dee. During his stay in Leuven, Dee communicated with the cosmographers, Gemma Frisius and Mercator and brought to England two globes and astronomical instruments, which he subsequently gave to the University of Cambridge. Dee's *General and Rare Memorials pertaining to the Perfect Arte of Navigation* (1577) formulated the idea of Britain's expansion across the world. John Dee's writings, as well as Lord Burghley's influence, suggest that the imperial project and its ideology in England

formed in the last decades of the sixteenth century. Nevertheless in 1579 Christopher Saxton's compilation, *Atlas of England and Wales* appeared, which was the result of a unique antiquarian tradition, based in chorography. Saxton's efforts permitted the all-powerful Lord Burghley to be one of the first to contemplate the kingdom by examining the map and gazing intently at its outlines. Owing to his service in Elizabeth's reign, the chancellor had a practical connection with all the projects that searched for 'passages' to 'fabulously rich India'. Burghley supported not only Anthony Jenkinson's search for the North-East Passage, but also Humphrey Gilbert and Martin Frobisher.

John Dee also became one of the consultants for the Muscovy Company, resulting in a map of Muscovy in 1562, which was published in London and attributed to A. Jenkinson. The map contains images of wonderful phenomena and offers a distinctive encyclopedia of the Russian kingdom. The alleged authors of the map were Clement Adams, who received intelligence from Jenkinson, and also Nicholas Reynolds, who served as an engraver. Importantly C. Adams is the well-known author of an early account of Muscovy, which was made from the journals of Richard Chancellor in 1554. Jenkinson's map and Adams text were the main sources of the Russian kingdom in Europe until Richard Hakluyt's publication of the collection of travelogues in Latin in 1589. The other travelogues published originally in English were little-known in Europe. Jenkinson's map appeared in various atlases, the most famous being the atlas of Abraham Ortelius, which survived in 34 reprints until 1612.

Even though the formation of the Russian Empire is frequently associated with the reign of Peter I, the active expansion of Moscow state's territories occurred in the second half of the sixteenth and seventeenth centuries, which included the capture of Kazan and Astrakhan khanates as well as the annexation of Siberia, involving the military exploits of Yermak Timofeyevich and the explorations of Semyon Dezhnev. Even though there may be a general map, or 'large diagram', of Russia, which was ordered by Ivan IV, the majority of Russian 'maps' in the seventeenth century were rough sketches without scale and orientation. In fact, Semyon Remezov's works, such as *The Drawing Book of Siberia* (1699–1701), *The Service Drawing Book* (1697–1711) and *The Chorographic Drawing Book* (1697–1711), are comparable with the Saxton's *Atlas*. The idea behind Remezov's cartography was the mystical significance of Tobolsk as the center not only of Siberia, but of the entire universe. If the imperial idea in pre-Petrine Russia is not clearly articulated in texts, which

are mentioned in the collection of travelogues in Hakluyt's *Principal Navigations*, then clearly it appears in the tsar's ever-increasing royal title as head of the Muscovy state.

Using Bruno Latour's idea of 'center of calculation', one can observe many events in the seventeenth and eighteenth centuries that were subordinated to the intense process of exploring natural resources for their later use. Such an 'instrument' was developed by the Swedish botanist Carl Linnaeus in *Systema Naturae* (1735), which offers a taxonomy for the standardization and promotion of a global exchange of knowledge. These new and foundational techniques offered a means for visualization and transmission and reduced the gap between imperial centers and their resource bases. Thanks to the binomial classification system of Linnaeus, a new *lingua franca* in the field of science was introduced. It was used in commercial and imperial projects.

Latour's 'acting at a distance' offers a means to understand the development of imperial discourse in the second half of the seventeenth and eighteenth centuries through the formation of structures that are responsible for collecting and transporting 'evidence' from the periphery to the center in a process of an ever-increasing 'cycle of accumulation'. This evidence facilitates understanding of significant data either in textual or visual form. A 'cycle of accumulation' continues until the center masters evidence, thereby engendering knowledge that is accessible even for those travelers who were sent originally to the empire's periphery. The more extensive the cycle of accumulation becomes the greater the scale of structures, which may be mobilized and used for the center's future imperial ambitions, and the stronger the power imbalance between the center and periphery. In the eighteenth century, expeditions, collections and research offered the primary strategies for facilitating the center's operation from a distance.

Empire was a 'language of power', and certainly not only 'power-knowledge'. An interesting intermediate result of this book is the identification of a particular place and role for the imperial 'fringe', such as Scotland and Ukraine. Both strengthened the British and Russian empires, as the Scottish and Ukrainian elite were brought into the structure of the imperial center. Thus, the dynamic development of empire gave the state at once a large hierarchical structure of domination and multi-ethnic and multi-confessional character. This structure's stability was ensured by imperial administration and the collaboration of subordinates, the 'republic of scientists', as well as programs and symbols of the imperial elite. This lack of social and political homogeneity demonstrates another basic contradiction of the 'era of change'.

Yet, the idea of 'obschchee blago / common good' extends to a narrow group, who 'naturally' distinguished themselves from the lower orders, which, in classical liberalism, were the 'low and mean people'. For Russia this turned into the phenomenon of 'internal colonization' or serfdom. The same may be said of the relationship of the new elite towards the people at the imperial 'periphery'. In a related subject, slavery either in Jamaica or South Carolina will be set to the side, except to mention that abolitionism already coalesced into an ideological doctrine in the second half of the eighteenth century.

The 'new political order' and the natural-scientific picture of the world led to the revision of the canon of Christian morality. Intense intellectual inquiry both in England and Russia formulated a new system of values and conceptions. One of the key ideas of this discourse became an idea of 'obshchee blago / common good', 'service to nation', 'sacrifice'. The ideology of nationalism will absorb in itself this discourse of civic consciousness. The ideal of the age of Enlightenment is the 'citizen of the nation' or 'patriot'. In forming this civil discourse, happiness became a new point of reference when determining value, displacing the Christian idea of the salvation of the soul. The longing of the saved person for the 'Kingdom of Heaven', an important place in Christian soteriology, turned into a 'Kingdom of Earth'. The emerging spirit of 'freedom', which was associated with the destruction of God's absolute authority, and the new civic ideal drew their justification from notions of human virtue. This was a search for foundations of moral law and behaviour outside religious dogma.

At the turn of the seventeenth and eighteenth centuries, moral philosophy developed in England. Such moralists as Francis Hutcheson, Anthony Ashley Cooper, earl of Shaftesbury, and others opposed the concept of an 'egotistic person', which, for example, appears in interpretations of Hobbes, and instead formulated the ideal of a 'virtuous person', who strives to explain morality through secular grounds. This, nevertheless, was a reaction to the sharp decline in morals in England. These Christian moralists developed the 'natural theology', where reason was recognized as an instrument of 'discovery' of the divine nature of man and the world around him. Their conceptions of good and evil, right and wrong, good and bad were built on the foundation of rational thought. However, by the middle of the eighteenth century, this divine nature is set aside in David Hume's articulation of 'moral duty' in *Enquiry Concerning the Principles of Morals* (1751).

Similar processes are documented in Russian homiletics, the art of preaching. The development of the sermon, particularly as it con-

nected the profane and sacred worlds, assumed special importance during the 'transitional' seventeenth century, and testified to a new notion that underlined people's active participation in the formation of social life. In the pre-Petrine period, the phenomenon of a person's 'churching' reflects both the crisis and utopian aspirations of former forms of spiritual creativity. The sermon's relation to the oral tradition encouraged its spread, especially with people's longing and expectation for the church intellectuals' influential rhetoric. This consequently instilled and renewed a systematic picture of the world and deepened Christian axiology. The publication of a collection of sermons, *Uchitel'noe Evangelie / Didactic Gospels*, with the approval by the Patriarch in 1629, was connected with the controversy and attention of the Russian public to the *Uchitel'noe Evangelie* of Kirill Stavrovetsky-Tranquillon. The Ukrainian sermon of the school of Kievo-Mogilyánskaya akadémiya appeared in the work of the rector of the academy, Gizel, whose '*Mir s Bogom cheloveku / Peace with God to man*' (1669) sought to reconcile 'Orthodox faith with "sound reason", in the sense by which it is possible to accept something new, if only it agrees with Orthodoxy and is useful'. The topics that he raised have become common places in the discussions of writers of that rhetorical school. The most important is the notion of laws, including the law of God, nature, church, and civil law. A person's duties to his neighbors, according to Gizel, are carried out in various types of 'unions'. For example, masters should concern themselves with their households, and servants and slaves should obey and tend to 'the care of their masters'. But ultimate obedience is possible only to God, and if an authority violates the commandments, a person may choose to resist.

The pathos of sermons was creatively embodied in the works of Symeon Polotsky both in the liturgical '*Obed dushevnyi / Spiritual Dinner*' and '*Vecherya dushevnyaya / Spiritual Supper*' (1681, 1683) as well as in the texts of court culture, such as '*Rifmologion / Rhymologion*'. Creative pathos appears in the works of Dimitry Postovskii, Stefan Yavorsky, Theophan Prokopovich, etc. In these, we find sermons 'on the behaviour of the congregation during the service', an appeal to the 'Orthodox host', the words 'for burial' of persons of different gender and status, as well as sermons on repentance and superstition. In the previously mentioned collection of sermons, '*Statir*', a sermon on burials reveals the role and place of someone in the social hierarchy, which corresponds with the divine plan and 'public benefit'. Also in '*Statir*', a sermon on supreme grace emphasizes selfless service and military achievement for the sovereign. These sermons en-

courage solidarity between the different strata of society, underlining not only belief, but social unity, and also proffer Christian axiology for social and personal problems. In effect, the sermons expose the sinfulness of earthly life and then offer a rhetorical means for supporting a person, as they overcome their weakness, thereby facilitating the fight against physical and spiritual temptations. In the context of these sermons, a semantic pair includes the word, *moral'* / *moralisti* [moral / moralists] and its correlation with the word, *nravi* / *nравstvennost'* [mores / morality].

The formation of a new ideal in terms of value was accompanied by a change in how intellectuals would influence government and society. With the spread of printing, the written word competes with the spoken word. In the eighteenth century, the emergence of journalism and periodicals makes the reference 'field' of the printed word comparably wider in comparison with spoken word. In this new culture, information was passed differently: not from person to person, not from eye to eye, but through 'intermediaries', i.e., the text. The information was encoded and distributed differently. These 'circumstances' prompt questions about literacy in English and Russian societies in the seventeenth and eighteenth centuries. How many people could read and digest the ideas that were produced by intellectuals during this period of print culture? It is important to remember that the 'basics' of writing and preparing accounts did not necessarily indicate access to the flow of new ideas. Research has revealed the coexistence of two cultures in the 'era of change': a rich culture of words belonging to the oral tradition, which is represented by such 'arts' as fairy tales and epics, icon painting, stone architecture, etc, and the emerging culture of writing.

Referencing the available data in the historical literature, we may determine the numbers for the general and literate populations of Russia and England at the turn of the seventeenth and eighteenth centuries. Surprisingly, the general population appears to be comparable, about 10 million. For Britain this number was associated with England, Wales, Scotland, Ireland and the colonies in North America. In relation to Russia, 'approximate figure' is the same. How much of this population could read and write? The percentage of the literate population itself offers a relative value and says little about those who could adopt the ideas of great thinkers. In relation to Russia this percentage at the turn of the seventeenth and eighteenth centuries turns out to be negligible. If we connect the intellectual milieu in Russia in the eighteenth century with the noble class, then the foundation of the 'new political order' constituted only 1% of the population at all. This social stratum

in the second half of the eighteenth century adopted, for example, the concept of a European education, which included the mandatory Grand tour. The remaining 2% of the population of Russia in practice were entirely the priest class. That is, literate people in Russia made up about 3% of the population. In England, the literate population included nearly 30% of the kingdom's population, a number that remained consistent throughout the eighteenth century. That means that the overwhelming part of the population, more than two-thirds, were excluded from intellectual discourse. Actually, this is also extremely high, 2/3 of the total number. This part of the population closely connected with the land and the natural life cycle, and still lived in accordance with the norms of Christian morals.

Connecting the aforementioned numbers with the 'scale' of the value categories of the two – English and Russian – cultures will produce the following conclusions. The question of the milieu of intellectual discourse shows that only a comparatively small group of people from the total population managed to develop ideas that then would provide the impetus for a powerful modernization processes that use a country's human and economic potential for expanding and subordinating territories for empire.

In England, this intellectual discourse, which contained material and practical components, was based on the development of the knowledge of natural science and the notion of human beings as earthly. The abstract idea of human 'happiness' determined life strategies for the 'new person'. Individualism became the basis of the cultural code of this rationalistic discourse and the basic principle of emerging liberalism. In this situation of growing individualism, various forms of collective solidarity begin to fade. The main value category in the 'era of change' is money. The social status of its members was measured in pounds sterling.

In Russia, social status was determined by the values of traditional society, meaning land. In this period, Russia was still entirely a 'peasant civilization'. In the eighteenth century the monarchs became the primary intellectuals. Peter the Great and Catherine II implemented projects of modernization based on rationalistic principles and the milieu of their ideas appeared in a narrow portion of their nobility. These monarchs already were alien to oral tradition's 'culture of the word', which was practiced by the overwhelming majority of their subjects. Ultimately, the 'industrial revolution' which began in Britain in the 1760s, tips the scales towards the advantage of the 'culture of writing', as a tangible increase in literacy occurred within the population.

The spirit of individualism established a new rationalistic consciousness. In intellectual discourse of the Enlightenment, it seemed that 'paradise' on earth was around the corner. But in this 'disenchanted world', as noted by Max Weber, the human soul did not fit well. The desacralization of the 'father's graves' and the dememorization of the 'past' made a person alone, having lost almost all strong collective ties. As Weber notes: 'The increasing intellectualization and rationalization do not, therefore, indicate an increased and general knowledge of the condition under which one lives. It means something else, namely, the knowledge or belief that if one wished one could learn it any time... master all things by calculation'. Also of note is the falsity of the idea, 'money does everything'.

In sum, in contrast to Britain, the history of Russian culture, with its spirituality and predominance of collectivist forms of 'social action', prompts in Russian intellectuals less intense focus on the contradictory values of 'liberal democracy' and the 'cost' of the scientific 'culture of reason'. Preliminary results from comparing intellectuals and authorities in Britain and Russia in the 'era of change' show typological similarities, despite differences in their distinct national development. Analogues emerge in the process of forming a 'new political order', driving imperial expansion and accumulating natural and scientific knowledge. The vast majority of the population in Britain and Russia in the seventeenth and eighteenth centuries remained illiterate and remained within the oral tradition and Christian canon. However, intense intellectual inquiry within a small group of educated people led to the triumph both of ideas and the regular state, with its 'obshchee blago / common good', which turned into the ideology of nationalism. In Britain, the canon of individualistic morality led towards the formation of liberalism as an ideological and political doctrine and permitted the achievement of outstanding economic growth in the nineteenth century. In Russia, the analysis of discursive practice in the seventeenth and eighteenth centuries reveals a 'culture of spirit' or an oral tradition, which was influenced by intellectuals through church homiletics and rhetoric. The victory of a 'culture of reason' in both nations, driven by a small number of intellectuals, suggests that in the twenty-first century, the Linnean 'divisio et denominatio' will be replaced by the new motto, 'unite et denominatio': victory will be realized not by the number of intellectuals, but by their ideas.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абердин 762
Австралия 119, 125, 127
Алеутские острова 83
Амстердам 197, 204, 210, 450, 562, 563
Америка 13, 18, 19, 63, 66, 67, 71, 76, 78, 91, 93, 169, 173, 177, 178, 204, 281, 431, 569, 575, 609, 763, 801
Арктика 90
Аррас 464
Архангельск 54, 652
Астрахань 54, 158, 523, 876
Афон 394
Африка 18, 63, 116, 127, 169, 414, 757
Ахтуба р. 95

Б

Батулин 271, 278
Бангор 420, 423
Баффинова земля 91
Беларусь 21
Беркли 902
Берлин 81
Бранденбург 505
Бристоль 19, 177, 589
Брюссель 61

В

Вальядолид 464
Венеция 62, 317, 563
Верхотурье 249, 878
Вест-Индия 60, 66, 67, 68, 90, 135, 177, 560, 575, 793
Винчестер 39, 420, 590
Вирджиния 12, 91, 593
Византия 391, 508
Вильно 515
Волга р. 15, 88, 158, 229, 522, 950
Вологда 73
Воронеж 52, 54

Г

Гаага 122, 123, 459
Галл 117
Гвиана 91

Глазго 19, 174
Глухов 263, 265, 269, 277, 278, 338, 341, 343
Голландия 210, 312, 458, 459, 546, 563, 623, 731
Греция 89, 219
Грузия 165

Д

Дания 546, 698
Днепр р. 80, 156, 266
Дон р. 73, 87, 522, 523, 950
Дубки 81
Дублин 19, 174, 926

Е

Екатеринбург 55, 242, 244, 245, 248, 249, 251, 255, 256, 257, 258, 259

И

Иерусалим 63, 68, 76, 89, 688
Индия 12, 18, 67, 90, 92, 119, 120, 136, 173, 177, 178
Ингерманландская губерния 545
Иордан р. 229
Йоркшир 19
Ирландия 11, 13, 15, 69, 177, 179, 195, 196, 197, 198, 204, 211, 320, 321, 322, 323, 332, 333, 382, 438, 559, 568, 593, 710, 719, 749, 758, 759, 761, 926
Испания 67, 71, 90, 210, 463, 464, 466, 546, 563, 569, 570, 781, 793
Испанские Нидерланды 463
Истра р. 511
Италия 60, 153, 463, 464, 505, 623, 731, 768, 920

К

Кагальницкий городок 523
Кама р. 229, 235
Камчатка 83, 94, 133
Камчатка р. 78
Карелия 12
Каролина (Caroline) 12, 951
Калькутта 12
Канада 12, 18, 67, 119

- Карибские острова 12, 13, 17, 116, 177
 Каспийское море 78, 80, 86, 522, 616
 Кент 68, 583
 Кентербери 68, 172
 Кембридж 60, 66, 478, 558, 582, 590, 895
 Киев 14, 55, 235, 276, 278, 336, 392, 527, 689, 786
 Кизляр 165
 Китай 119, 136
 Клойн 210
 Ковымь р. 78
 Коми 12
 Константинополь 159, 390, 391, 393, 394, 395, 441, 527
 Коннектикут 172, 185
 Кострома 73
 Красноярск 51
 Кронштадт 54
 Крымское ханство 327, 329, 335, 527
 Кунгур 240, 242, 245, 249, 251
 Курляндия 505
- Л**
- Ланкашир 19
 Лёвен 61
 Лестершир 68
 Лейден 132, 155
 Лейпциг 117
 Лена р. 78
 Ливерпуль 19
 Лисьи острова 133
 Литва 21
 Лондон 14, 15, 19, 29, 30, 39, 50, 63, 71, 90, 111, 120, 143, 144, 173, 174, 201, 202, 204, 209, 286, 289, 310, 313, 315, 316, 325, 332, 445, 457, 466, 468, 480, 563, 569, 715, 718, 756, 797, 798, 930, 934
 Лубны 363
 Лукка 441
 Львов 505
- М**
- Малмсбери 453
 Массачусетс 172, 594
 Моздок 165
 Москва р. 511
 Москва 14, 15, 51, 53, 54, 55, 73, 75, 76, 79, 84, 117, 147, 148, 225, 233, 234, 242, 243, 246, 259, 266, 330, 331, 389, 390, 391, 401, 495, 510, 511, 512, 513, 515, 516, 518, 521, 523, 530, 602, 614, 647, 689, 692, 731, 741, 768, 770, 779, 783, 878
 Муром 871, 872
 Мэриленд 12
- Н**
- Нежин 14, 232, 234, 336
 Нерчинск 78
 Нидерланды 73, 437, 463, 464, 466
 Норидж 19
 Ньюкасл 19
 Нью-Джерси 12
 Нью-Йорк 12
 Ньюфаундленд 12
- О**
- Оксфорд (Oxford) 64, 67, 119, 153, 453, 455, 590, 934
 Оранienбаум 113
 Орел 231, 233, 893
 Оренбург 259
 Османская империя 521, 527, 699
- П**
- Пенсильвания 12
 Петергоф 81
 Париж 67, 116, 204, 316, 445, 450, 458, 459, 465, 466, 712, 796, 937
 Пекин 228
 Переяславль 336
 Пермский край / Прикамье 229, 234, 235, 236, 239 243
 Плимут 70
 Поволжье 19, 124
 Полоцк 504, 505, 506, 507, 508, 511, 518, 779
 Польша 239, 276, 327, 343, 518, 522
 Португалия 90, 698
 Прага 548
 Пруссия 117, 239, 261, 546
 Псков 73, 788
- Р**
- Ревель 54
 Рединг 934

Речь Посполитая 21, 276, 348, 351,
494, 499, 504, 510, 517, 682, 689
Рига 268, 505, 507
Римская империя 289, 938
Рим 204, 391, 465, 466, 472, 481, 748,
768
Ричмонд-Лодж 113
Род-Айленд 185
Роттерхит 895, 901

С

Северн р. 19
Саксония 249
Санкт-Петербург 14, 15, 23, 54, 55,
56, 85, 95, 113, 118, 124, 147, 156,
158, 257, 260, 264, 265, 268, 269, 270,
277, 278, 330, 595, 607, 701, 767, 950
Самара 256, 523
Саратов 523
Саутгемптон 934
Свиной остров 522
Священная Римская империя 521,
546
Сейшельские острова 116
Сент-Винсент 136
Сент-Омер 464
Симбирск 124, 127, 523
Соликамск 147, 148, 156, 837
Сольвычегодск 234
Стаффордшир 68
Страсбург 155
Суринам 116
США 18, 178, 181, 609, 801

Т

Таити 124, 134, 135, 167
Тобольск 75, 76, 78, 79, 221, 223,
226, 235, 237, 249, 741, 742, 878
Туринск 249

У

Уайтхевн 19
Уда р. 78
Уилтшир 70, 445, 453
Уорикшир 68
Уфа 124, 127
Уэльс 11, 13, 39, 65, 179, 195, 199,
332, 423, 579, 621, 630, 758, 759, 798

Ф

Франция 40, 99, 116, 153, 280, 287,
288, 316, 436, 437, 442, 458, 459, 463,
466, 468, 470, 546, 558, 559, 560, 565,
567, 570, 712, 731, 781, 790, 793, 801
Франкфурт-на-Одере 117

Х

Херефорд 420, 899
Херсон 155, 158, 159

Ц

Царицын 523

Ч

Чернигов 14, 221, 223, 225, 226, 278,
336, 363, 527
Честер 926

Ш

Шерборн 908
Швеция 14, 73, 138, 239, 246, 494,
546, 698, 699
Шпицберген 93

Э

Эдинбург 174, 212, 284, 291, 294,
302, 306, 311, 316, 321, 760, 762

Я

Ява р. 78
Ялуторовск 249
Ярославль 597

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абелин, Иоганн-Филипп 548
Аввакум, протопоп (Петров) 47, 405, 409, 529, 834, 948
Аддисон, Джозеф (Addison, Joseph) 593, 709, 906, 915, 919
Адриан, патриарх Московский 34, 400
Айртон, Генри (Ireton, Henry) 446
Амадас, Филипп 91
Алман, Джон 721
Алтон, Уильям (Alton, William) 119
Альмова, Глафира 735, 743, 744
Альмов И.А. 735
Альгаротти, Франческо 939
Анастасевич, В.Г. 367, 369
Андерсон, Адам (Anderson, Adam) 574
Андерсон, Джеймс (Anderson, James) 286, 298
Апостол, Даниил Петрович 331, 337, 338, 340, 343, 344
Апраксин, Петр Матвеевич 236
Апраксин, Федор Матвеевич 335
Аретино, Пьетро 920
Аристотель 105, 107, 387, 634, 930
Арсеньев, Д.С. 735
Арсеньева, Евдокия 735
Архимед 78, 97
Афанасий, архиепископ Холмогорский 400
Байер, Голиб Зигфрид 780, 786
Барков, И.С. 784
Барлоу, Артур (Barlow, Arthur) 91
Барлоу, Уильям (Barlow, William) 478
Барнет, Гилберт (Burnett, Gilbert) 40, 534
Бартон, Дж.Х. (Burton, J. H.) 304, 305
Барятинский, Иван Федорович 345
Бауэр, Фердинанд (Bauer, Ferdinand) 131
Бауэр, Франц (Bauer, Franz) 127
Безбородко, Александр Андреевич 130, 133
Беккариа, Чезаре 611, 619
Бекетов, Петр Иванович 73
Беллармино, Роберто 470, 471, 475, 477, 478
Бентам, Иеремия (Bentham, Jeremy) 581, 594, 619
Бентинк, Маргарет (Bentinck, Margaret) 151
Беньян, Джон (Bunyan, John) 177, 190, 192
Беркли, Джордж (Berkeley, George) 209–211, 575, 804, 807, 809, 810, 902
Берни, Фанни (Burney, Fanny) 942
Беррингтон, Джеймс (Barrington, James) 480
Бест, Джордж (Best, George) 91, 93
Бецкой, И.И. 726–728, 730, 731, 734, 736, 738, 739, 743, 745
Бефорт, Хэрриет (Beaufort, Harriet) 150
Бехер, Иоганн-Иоахим 547
Бибииков, Александр Ильич 359
Билет, Роберт (Billet, Robert) 93
Биллингс, Джозеф (Billings, Joseph) 133
Бирон, Эрнст Иоганн 246, 338–340
Блант, Джон (Blunt, John) 567–569
Блеквуд, Адам 761
Блэквелл, Элизабет (Blackwell, Elizabeth) 151
Блэкстон, Уильям (Blackstone, William) 29, 580, 581, 592, 716
Блэр, Хью (Blair, Hugh) 320, 321
Богослов, Иоанн 830
Богущ, Я. 328
Боден, Жан 384, 779
Бойль, Роберт (Boyle, Robert) 102, 103, 457, 678
Бойс, Гектор 760
Боккаччо, Джованни 873
Болдуин, Генри 721
Болингброк, Сент-Джон Генри, (St. John, Henry, Bolingbroke) 437, 711, 789, 790–792, 802, 803, 805
Борецкий, Иов, митрополит Киевский 878
Борн, Уильям (Born, William) 63–64
Борщова, Н.С. (Барщова) 738, 741
Босуэлл, Джеймс (Boswell, James) 309–311, 313–315, 317–318, 325

- Браденелл, Томас (Brudenell, Thomas) 469, 472
 Брактон, Генри де (Bracton, Henry de) 377, 378, 383
 Браун, Томас (Braun, Thomas) 107, 109
 Браун, Энтони (Braun, Anthony) 464, 590
 Брауншвиг, Иероним 139
 Бреди, Роберт 753–755
 Бросс, Шарль де 125
 Брук, Роберт (Brook, Robert) 590
 Брэдфорд, Уильям (Bradford, William) 183
 Брэмхолл, Джон (Bramhall, John) 439
 Брюс, Яков Вилимович 239, 240, 555
 Буксбаум, Иоганн Христиан 131
 Булев, Николай 139
 Бург, Дж. 794
 Бурбон, Людовик XIV 733
 Бурман, Йоханнес 157
 Бутурлин, Петр Иванович 596
 Бьюкенен, Джордж (Buchanan, George) 380, 760, 763
 Бьют, Стюарт Джон (Steuart John, 3rd Earl of Bute) 310, 315, 316, 714, 716, 719, 725, 761, 794, 795, 802
 Бэкон, Фрэнсис (Bacon, Francis) 8, 68, 96, 101, 104–108, 110, 111, 197, 437, 455, 456, 586, 662
 Бэнкс, Джозеф (Banks, Joseph) 119, 125–130, 134–136, 138, 166–170, 176
 Вальдштейн, Ф.И. 735
 Вальдштейн, Мария 735
 Вальтер, Антон 128
 Вахрушенок, Савватий 596, 597
 Вейга, Джейкоб де 563
 Вейн, Генри (Vane, Henry) 185, 187
 Вейсбах, Иоганн Бернхард 274, 341, 343
 Вельяминов, Степан Лукич 332
 Вингейм, Христиан Никола 81
 Волконские, Анна и Екатерина Михайловны 152
 Вольтинский, Артемий Петрович 261
 Вольтер 116, 611, 737, 738, 775, 939
 Вольф, Христиан 262, 267, 541, 542, 813
 Вольхаузен, Иоганн Якоб фон 73
 Воронцов, Михаил Илларионович 263–268, 270
 Воронцов, Роман Илларионович 270–272, 274–279, 281, 704
 Вохэм, Джон (Woham, John) 447
 Вудхолл, Генри 721
 Гален 107
 Галилей, Галилео 89, 98, 456
 Галлей, Эдмунд (Halley, Edmond) 112, 202, 574
 Гамильтон, Александр (Hamilton, Alexander) 194
 Гарвей, Уильям (Harvey, William) 99, 456, 670
 Гаррингтон, Джеймс (Harrington, James) 181, 194
 Гассенди, Пьер 456, 464
 Гастальди, Джакомо 12
 Гатейкер, Томас (Gataker, Thomas) 41, 895, 896, 898–904
 Гаттерер, Иоганн 162
 Гейнзиус, Готфрид 81
 Геннин, Вильгельм Георг де 242–244
 Георг I 40, 423, 425, 458
 Георг II 119, 806
 Георг III 112–114, 127, 135, 295, 300, 310, 712, 713, 718–720, 791, 793–795, 798
 Георг IV 306
 Георги, Иоганн Готлиб 124, 131, 158, 159, 163, 171, 172
 Гербер, Трауготт 115, 117, 131, 147
 Геродот 259
 Гзель, Доротея Мария 128, 152
 Гибсон, Эдмунд (Gibson, Edmund) 428, 430
 Гиз, Мария де 311, 380
 Гильденштедт, Иоганн Антон 123, 124, 158, 165, 168
 Глинская, Мария 735
 Глинский, Ф.Е. 735
 Гмелин, Иоганн Георг 95, 115, 122, 138, 147
 Гмелин, Самуил Готтлиб 118, 120, 122, 124, 131, 138, 158
 Гоббс, Томас (Hobbes, Thomas) 102–104, 107, 110, 193, 194, 197, 263, 435, 439–445, 449–462, 464, 466, 473, 477, 478, 512, 533, 541, 663, 669–671, 710, 711, 749, 750

- Голицын, Дмитрий Михайлович 327–333
 Головкин, Гавриил Иванович 328, 330, 341
 Головкин, Михаил Гаврилович 698, 706, 707
 Голдсмит, Оливер 789
 Гомер 159, 320, 758, 759
 Графтон, Фицрой Огастес Генри (FitzRoy Augustus, 3d Duke of Graf-ton) 711, 712–715, 717, 718, 720, 725
 Грек, Максим 490, 498, 824, 825
 Грин, Чарльз (Green, Charles) 125
 Гроций, Гуго 264, 533, 541
 Гудович, Александр Васильевич 268, 269
 Гудович, Василий Андреевич 276
 Гукер, Джозеф Далтон (Guker, Joseph Dalton) 130
 Гумбольдт, Александр фон (Humboldt, Alexander von) 97
 Д'Аламбер 160, 618, 630
 Давенант, Чарльз (Davenant, Charles) 199, 208
 Дагдейл, Уильям 753, 754
 Далримпл, Александр (Dalrymple, Alexander) 125
 Далримпл, Дэвид (Dalrymple, David) 311
 Далтон, Майкл (Dalton, Michel) 582–586, 588–589, 591–594
 Дарвин, Эразм (Darwin, Erasmus) 149, 933, 936–944
 Дашкова, Екатерина Романовна 152, 729
 Дей, Томас (Day, Thomas) 942
 Декарт, Рене 456, 663, 670, 950
 Делани, Мери (Delany, Mary) 151
 Делиль, Жозеф Никола 80, 81
 Демидов, Акинфий Никитич 255
 Демидов, Григорий Акинфиевич 147, 148
 Демидов, Прокофий Акинфиевич 148, 149
 Денисов, Семен 409, 417
 Дерем, Уильям (Derham, William) 939
 Дефо, Даниель (встр. Даниэль, Дэниел) (Defoe, Daniel) 193, 284, 286, 287, 309, 575–578, 656, 709, 724, 729, 909, 921
 Джей, Дж. (Jay, J.) 194
 Джексон, Мария (Jackson, Maria) 150
 Дженкинсон, А. (Jenkinson, A.) 12, 86, 87
 Джонсон, Бен (Johnson, Ben) 437
 Джонсон, Сэмюэл (Johnson, Samuel) 309–313, 317–319, 321–325, 637, 793, 797–800, 802, 803, 806, 810, 910, 912
 Ди, Джон (Dee, John) 58, 60–62, 960, 961
 Дигби, Кенельм (Digby, Kenelm) 466, 472
 Диггес, Томас (Digges, Thomas) 64
 Диггс, Дадли (Digges, Dudley) 439
 Дидро, Дени 160, 611, 732, 735
 Дилениус, Иоганн Якоб 153
 Дилецкий, Николай Павлович 233, 234
 Дильтей, Ф.Г. 783
 Дмитриев, Николай 128
 Дмитриев-Мамонов, Федор Иванович 783
 Домашнев, Сергей Герасимович 121
 Долгоруков, И.И. 739
 Дорислаус, Исаак 459
 Драйден, М. 69, 70
 Дрейк, Фрэнсис 70, 87, 177
 Дрейтон, М. 748, 749
 Дунин-Борковский В.А. 237, 357, 360
 Дьякова, А.А. 737
 Дэвис, Джон (Davis, John) 91–93
 Дюби, Ж. 385
- Е**
- Евклид 61
 Евреинов, Иван 78
 Егоров, Павел 128
 Елагин, Иван Перфильевич 766–768, 771–773
 Ермолай-Еразм 872
Жеребцов, А.Г. 735
 Жеребцова, Елена 735
- Зекендров, Файт-Людвиг фон 543
 Златоуст, Иоанн 493, 832, 849–856, 866, 887, 889, 902
 Золотницкий, Владимир Трофимович 357, 360
 Зуев, Василий Федорович 128, 131, 155, 156, 158, 159

- Игнатий, митрополит Сибирский и Тобольский (Римский-Корсаков) 390, 392–394, 401, 407
 Иден, Ричард (Eden, Richard) 66, 67
 Иден, У. (Eden, W.) 591, 594
 Измайлов, Владимир Васильевич 85
 Иоаким, патриарх Московский 34, 399, 400, 405–408, 526
 Иоанн, митрополит Тобольский (Максимович) 221–223, 227, 228, 231, 236–239
 Иоасаф, патриарх Московский 514, 522
 Иосиф, патриарх Московский 396, 508, 509
 Истомин, Карион 894
К
 Кабот, Джон (Cabot, John) 67
 Кабот, Себастьян (Cabot, Sebastian) 62, 67
 Кавендиш, Джорджиана (Cavendish, Georgiana) 913
 Калами, Эдмунд (Calamy, Edmund) 431
 Кальвин, Жан 227, 247
 Кантемир, Антиох 728
 Карвер, Джонатан (Carver, Johnathan) 172–176
 Карпцов, Бенедикт 548
 Картрайт, Дж. 794
 Катон (Старший) 289
 Квашнин-Самарин, Григорий Тимофеевич 598, 603
 Кеймис, Лоуренс (Kemys, Lawrence) 91
 Келлисон, Мэттью (Kellison, Mathew) 478
 Кемден, Уильям (встр. Кэмден) (Camden, William) 478, 724, 748, 749
 Кертис, Уильям (Curtis, William) 115, 144, 145, 154, 156
 Кирилл, преподобный (Новоезерский) 393, 394
 Кирилов, Иван Кириллович 79, 80, 259
 Климент, Александрийский 867
 Кобурн, Генри (Coburn, Henry) 294, 303, 304
 Кок, Эдмунд (Coke, Edmund) 751, 752, 755
 Кок, Эдуард (Coke, Edward) 29, 185, 377, 384
 Коллинз, У. 789
 Коменский, Ян Амос 111
 Конашевич-Сагайдачный, Петр 353
 Коперник, Николай 64, 98
 Кортиссо, Джозеф 563
 Косуэлл, Джордж (Coswell, George) 566, 568, 577
 Котляревский, Иван Петрович 369
 Котошихин, Григорий Карпович 615, 861, 864, 881
 Коттон, Роберт (Cotton, Robert) 758
 Кошта, Альваро де 563
 Крашенинников, Степан Петрович 94, 95, 115
 Крестинин, В.В. 771, 784
 Кромвель, Оливер (Cromwell, Oliver) 304, 318, 477
 Кромптон, Ричард (Crompton, Richard) 583
 Крэйг, Томас (встр. Крейг) (Craig, Thomas) 286, 287, 761
 Кук, Джеймс (Cook, James) 113, 119, 123–125, 129, 130, 166, 169
 Кук, Роберт и Дороги (Cook, Robert and Dorothy) 895, 902
 Кук, Уильям (Cook, William) 902
 Купер, Томас и Мери 791
 Купер, У. 789
 Куракин, Александр Борисович 364, 365
 Куракин, Борис Иванович 83, 335–337
 Курбский, Андрей Михайлович 408, 481–484, 486, 488–496, 498, 501
 Лаговчин, Федор Васильевич 596, 597
 Лакер, Уоррен (Laker, Warren) 154
 Ланской, Д.А. 735
 Ланская, Варвара 735
 Латтрелл, Генри 713, 718
 Лафон, Софья Д. 733
 Левшин, А.Г. 773
 Левшина, А.П. 742
 Левшин, Петр Георгиевич 812
 Лейбниц, Готфрид 107, 542
 Лепехин, Иван Иванович 95, 131, 148
 Лерхе, Иоганн 131, 147
 Леттсом, Джон Кокли (Lettsom, John Coakley) 132, 133, 138, 146, 173

- Ли, Джеймс (Lee, James) 585, 586
 Лиланд, Джон (Lyland, John) 68
 Лильберн, Джон (встр. Лиллберн) 755, 788
 Линней, Карл 118, 125, 126, 138, 141, 142, 145, 147, 149, 151, 154, 175, 940
 Лис, Франсиско де (младший) 563
 Ллуйд, Хамфри (Lloyd, Humphrey) 65
 Ло, Джо (Law, John) 548
 Лобанов-Ростовский, Яков Иванович 364, 365
 Локк, Джон (Locke, John) 40, 107, 181, 186, 193, 194, 260, 279, 421, 433, 434, 560, 574, 663, 671, 710, 711, 728–732, 744, 750, 753, 755, 940, 947
 Локхарт, Джордж (Lockhart, George) 284, 287, 289
 Ломбард, Уильям (встр. Ламбард) (Lombard, William) 583, 586
 Ломоносов, Михаил Васильевич 92, 93, 123, 128, 133, 211, 216–220, 262, 269, 770, 771, 775–788, 804, 813
 Лопухины, Петр и Евдокия 894
 Лоусон, Джордж (Lawson, George) 594
 Лужин, Федор 78
Магницкий, Леонтий (Теляшин) 78
 Мазепа, Иван Степанович 224, 329, 340, 354
 Маккензи, Джордж (Mackenzie, George) 657–681
 Максимов, Иван 73
 Макферсон, Джеймс (Macpherson, James) 319–324, 759, 762, 794
 Макферсон, Джон (Macpherson, John) 322, 323
 Малмсберийский, Уильям 179
 Мандевиль, Джон (Mandeville, John) 90
 Мандевиль, Бернард (Mandeville, Bernard de) 626, 916–919, 921, 924, 926, 929–931
 Марш, Генри (Marsh, Henry) 920
 Мартире, Пьетро 66
 Маскелайн, Невил (Maskelyne, Nevil) 125
 Масса, Исаак 73
 Матвеев, Андрей Артамонович 83, 546
 Матвеев, Артамон Сергеевич 495, 496, 875
 Маттос, Джейкоб Темейра де 563
 Медина, Соломон 563
 Мейджор, Джон 760, 761
 Мелвилл, Эндрю (Melville, William) 380–382
 Меншиков, Александр Данилович 330, 335, 337, 598–601, 604, 606, 607
 Мери, Сара (Mary, Sarah) 150
 Мериан, Мария Сибилла 114, 128, 152
 Меркатор, Герард 60, 61, 76
 Мерсенн, Марен 456, 454, 466
 Мертон, Роберт (Merton, Robert) 102
 Мессершмидт, Даниэль Готлиб 79, 128, 131
 Меховский, Матвей 86, 87
 Миллар, Джон (Millar, John) 721, 722
 Миллер, Герард Фридрих 159, 161–164, 175, 770, 771, 775–780, 783–788
 Мильтон, Джон (встр. Милтон) (Milton, John) 181, 185, 187, 190, 191, 193, 196, 437, 438, 447, 631–633, 636–638, 640–646, 711, 755, 788, 789, 898, 947
 Минин, Кузьма 650
 Миних, Бурхард Кристоф 343, 697, 706, 707
 Могила, Петр 881, 882, 885
 Молл, Херман (Moll, Herman) 12
 Мономах, Владимир Всеволодович 392, 508
 Мономах, Константин IX 391, 392, 394, 506
 Монтагю, Генри (Montagu, Henry) 585
 Монтагю, Чарльз (Montagu, Charles) 560, 562
 Мор, Генри (Moore, Henry) 469
 Морей, Роберт (Morey, Robert) 201
 Мстиславец, Петр 866
 Мэдисон, Джеймс (Madison, James) 194
Нарышкин, Семен Григорьевич 339–342
 Нарышкина, Наталья Кирилловна 523, 525, 875, 877, 894
 Невилл, Генри (Neville, Henry) 437, 920
 Нелидова, Е.И. 738, 741

- Нестеров, Алексей 606
 Нидэм, Маркамонт (Nedham, Marchamont) 437
 Николс, Уильям (Nichols, William) 910
 Николсон, Уильям (Nicolson, William) 426, 428
 Никон, патриарх Московский 32–34, 389, 391, 394–402, 504, 509–511, 513, 514, 523, 528, 692
 Нодлер, Фредерик Полидор (Nodler, Frederick Polidor) 129
 Нокс, Джон (Nox, John) 312
 Ньютон, Исаак (Newton, Isaak) 61, 99, 102, 107, 560, 562, 574, 939
 О'Коннор, Чарльз (O'Connor, Charles) 322, 323
 О'Флаэрти, Родерик (O'Flaherty, Roderick) 323
 Олеарий, Адам 864
 Олсуфьев, А.В. 356
 Орлеанский, Филипп 548
 Орлов, Владимир Григорьевич 120, 121, 128
 Ортелий, Абрахам 60, 65
 Остен, Джейн (Austen, Jane) 933–935, 944
 Остерман, Андрей Иванович 338, 697–708
Павел V, папа римский 472
 Паисий Лигарид, митрополит Газский 396, 398, 399, 513
 Паисий, патриарх Александрийский 514
 Паисий, патриарх Царьградский 510
 Паллас, Петр (Петер) Симон 113, 116, 118, 120–124, 126–128, 130–134, 148–149, 155–159, 163
 Парасельс 99
 Паркинсон, Сидни (Parkinson, Sidney) 125, 129, 167, 168
 Парсонс, Роберт (Parsons, Robert) 464, 467, 470, 474, 475, 479, 480
 Пассек, П.Б. 735
 Пассек, Варвара 735
 Патерсон, Уильям (Paterson, William) 560, 562
 Пейн, Томас 756
 Пеннингтон, Сара (Pennington, Sarah) 941
 Перейра, Фрэнсис 563
 Перчейс, Самуэль (Purchase, Samuel) 186, 648, 654
 Петти, Уильям (Petty, William) 111, 196–207, 209, 211, 213, 220, 574
 Петти-Фицморис, Уильям (Petty-Fitzmaurice, William) 310
 Пиль, Роберт (Peel, Robert) 594
 Пинкертон, Джон (Pinkerton, John) 301
 Питмеден, Уильям Сеттон (Pitmedden, William Setton) 287
 Питт, Уильям (Старший) 721, 793, 795, 798
 Плауден, Эдмунд (Plowden, Edmund) 464
 Плиний 97, 110, 259, 908
 Пломгрэн, Фома 231
 Плутарх 259, 682, 691–696, 938
 Пожарский, Дмитрий Михайлович 650
 Полвел, Ричард (Polwell, Richard) 149
 Полетика, Григорий Александрович 274, 351–353, 356–360, 365, 367
 Поло, Марко 90, 259
 Полоцкий, Симеон (Петровский-Ситнянович, Самуил Гаврилович) 505, 506, 512–521, 523–530, 682–687, 834–837, 875–877
 Полуботок, Павел Леонтьевич 339
 Понятовский, Станислав 279
 Посошков, Иван Тихонович 596, 605, 606
 Поттер, Джон (Potter, John) 430
 Поуп, А. 789
 Прайс, Ричард (Price, Richard) 310, 437, 801, 802, 818–820
 Престон, Томас (Preston, Thomas) 472
 Прокопович, Феофан 261, 403, 411–417, 419, 541, 549, 844, 845, 882, 948
 Птолемей 71–73, 108
 Пустосвят, Никита 406
 Пуфендорф, Самуэль 533, 542, 701, 702
Рагузинский-Владиславич, Савва Лукич 335
 Разин, Степан 522–523

- Разумовский, Алексей Григорьевич 262, 266, 276, 345
 216, 220, 231, 261, 262, 279, 280, 352,
 354, 356, 359–361, 363, 608, 610–612,
 617–622, 624, 626–630, 726–731, 734–
 738, 742, 768–770, 812, 817, 818, 953
 Разумовский, Кирилл Григорьевич
 120, 262, 263, 266, 268, 269, 270, 278–
 279, 346, 367
 Райт, Уильям (Wright, William) 290
 Рамус, Петр (Раме, Пьер де ла) 111
 Регенбургский, Бертольд 824
 Ростовский, Дмитрий 222, 223, 407,
 412, 948
 Рей, Джон (Ray, John) 139, 140
 Ремезов, Семен Ульянович 75–77, 229
 Рен, Кристофер (Wren, Cristopher)
 111, 574
 Репнин, Николай Григорьевич 364,
 365
 Ричардсон, Сэмюэл (Richardson,
 Samuel) 905, 942
 Робертсон, Уильям (Robertson, Wil-
 liam) 293, 311, 313, 321, 763, 766–767
 Робинсон, Джордж (Robinson,
 George) 721
 Рогоза, Михаил 505
 Роджерс, Дэниэл (Rogers, Daniel) 65
 Роджерс, Роберт (Rogers, Robert)
 172, 173
 Родосский, Андроник 107
 Родригес, Альфонсо 563
Романовы:
 Александр I 362, 729, 745
 Алексей Алексеевич (царевич) 523,
 683
 Алексей Михайлович 395, 495, 507,
 509, 510, 513–515, 529, 683, 876
 Мария Федоровна (жена Павла I)
 739, 740
 Михаил Федорович 72–73, 508, 772,
 773
 Павел I 814
 Петр I 13, 114, 117, 118, 120, 169,
 216, 224–233, 236, 246, 328, 330,
 332–335, 337, 389, 394, 402, 403, 411–
 413, 495, 498, 499, 531–556, 595, 603,
 606, 613, 616, 656, 696, 697, 702, 707,
 775, 811, 844, 846, 948, 953
 Петр III 278, 279
 Петр Федорович (царевич) 268, 269
 Анна Иоанновна 248, 337, 344, 345,
 698, 700
 Екатерина II 38, 44, 52, 56, 83, 92,
 112–114, 120, 130, 133, 134, 152, 155,
 216, 220, 231, 261, 262, 279, 280,
 352, 354, 356, 359–361, 363, 608,
 610–612, 617–622, 624, 626–630,
 726–731, 734–738, 742, 768–770,
 812, 817, 818, 953
 Елизавета Петровна 212, 262, 263,
 265, 267, 269, 278, 345, 367, 617, 700,
 707, 814
 Росс, Александр 109
 Ростовский, Дмитрий 222, 223, 407,
 412, 948
 Рот, Христиан 171, 172
 Ротц, Жан 91
 Рубановская, Елизавета Васильевна
 741, 742
 Румянцев, Петр Алексанжрович 356
 Руссо, Ж.-Ж. 150, 726, 730
 Рымша, П.И. 360
 Рэли, Уолтер (Raley, Walter) 64, 87,
 91, 92, 177
 Рэндом, Родерик (Random, Roderick)
 313, 314
 Рюйш, Фредерик 169
Рюриковичи:
 Василий III 855–858
 Иван III 771
 Иван IV 481, 484–486, 488, 490, 492,
 493, 498, 500, 501, 647, 652, 830
 Сааведра, Факсардо Диего де 549
 Сакстон, Кристофер 65, 747
 Салтыков, Федор Степанович 332–
 334, 606
 Сашеверелл, Генри (Sacheverell,
 Henry) 420, 424, 425
 Санкрофт, Уильям (Sancroft,
 William) 40, 753, 754
 Сарычев, Гавриил Андреевич 133
 Саттон, Джон (Sutton, John) 57
 Сауэрби, Джеймс (Sowerby, James)
 127, 146
 Свистунов, М.С. 735
 Свистунова, Анисия 735
 Свифт, Джонатан (Swift, Johnathan)
 564, 709, 711, 938

- Себа, Альберт 169
 Серапион, епископ Владимирский 823
 Сибторп, Джон (Sibthorp, John) 115, 131, 153
 Сибторп, Хамфри (Sibthorp, Humphrey) 153
 Сигизбек, Иоганн Георг 118
 Сидней, Филипп (встр. Сидни) (Sidney, Philip) 88, 89
 Сидней, Элджернон (встр. Олджернон) (Sidney, Elgermon) 437, 750, 920
 Симпсон, Дэниел (Simpson, Daniel) 168
 Скадамор, Джон и Элизабет (Skudamore, John and Elisabeth) 895, 899
 Скоропадский, Иван Ильич 328, 330, 340
 Скотт, Вальтер (Scott, Walter) 293, 295–306, 308–310, 312
 Скотт, Пол (Scott, Paul) 285, 295
 Слоан, Ганс (Sloan, Hans) 114, 169
 Смирная, Евгения 739, 740
 Смит, Адам (Smith, Adam) 53, 210, 291, 311, 316, 318, 319, 321, 551, 557, 578
 Смит, Грегори (Smith, Gregory) 306
 Смит, Джеймс Эдвард (Smith, James Edward) 115, 131
 Смит, Сэмюэл (Smith, Samuel) 154, 295
 Смит, Томас (Smith, Thomas) 88, 644
 Смолл, Альбион (Small, Albion) 544
 Смоллетт, Тобайас (Smollett, Tobias) 311, 313–316
 Смотрицкий, Мелетий 515
 Снейп, Эндрю (Snape, Andrew) 426, 429
 Соколов, Никита Петрович 128, 155
 Соммервилл, Дж. (Somerville, J.) 374
 Соубридж, Джейкоб (Sawbridge, Jacob) 568, 569, 577
 Спафарий, Николай 391
 Спеллмен, Генри 752, 753
 Спрат, Томас (Sprat, Thomas) 100, 101, 103, 111, 673
 Спринт, Джон (Sprint, John) 908, 909, 911
 Стеллер, Георг Вильгельм 131, 147
 Стивен, Джеймс (Steven, James) 569–581
 Стил, Ричард (Steele, Richard) 709, 716, 906
 Стороженко, Н.М. 365
 Стрешнев, Семен Лукьянович 396, 513
 Строганов, Григорий Дмитриевич 230, 232, 233, 237, 238
 Строганов, Семен Акинфиевич 139
Стюарты (Stewart), династия
 Анна 420, 430, 709
 Вильгельм III, Оранский 40, 559
 Карл I (Charles) 6, 27, 99, 311, 445, 447, 458, 460, 468, 635, 636, 654, 655, 660, 751, 763
 Карл II 194, 201, 423, 424, 445, 447, 457, 458, 459, 460, 532, 559, 574, 636, 655, 660
 Мария (Maria) 299, 301, 311, 380
 Яков I (James) 27, 286, 374, 373–376, 378–388, 455, 461, 468, 471, 478, 752, 760
 Яков II 559
 Суарес, Франсиско 471, 478
 Суворов, Василий Иванович 265
 Сумароков, Александр Петрович 738, 779, 783–785, 804
 Сципион, Африканский 289
 Сэй, Чарльз 721
 Тайтлер, Александр (Tytler, Alexander) 301
 Тайтлер, Патрик Фрейзер (Tytler, Patrick Fraser) 296, 301–304
 Тайтлер, Уильям (Tytler, William) 301
 Такер, Дж. (Tucker, Josiah) 275
 Татищев, Василий Никитич 81, 239–259, 766, 768, 769, 770, 771, 773, 777, 778, 786
 Тверской, Ярослав Ярославич 872
 Тейлор, Джереми (Taylor, Jeremy) 188, 194
 Темпл, Уильям (Temple, William) 99, 795
 Теплов, Григорий Николаевич 260, 282, 356
 Тернер, Уильям (Turner, William) 119
 Тернер, Элиас (Turner, Elias) 568, 569, 577

- Тертуллиан 865
 Тиррел, Джеймс 730
 Толмен, Эдвард (Tolman, Edward) 58
 Толстой, Петр Андреевич 83, 334, 335
 Торн, Роберт (Thorne, Robert) 90
 Торричелли, Эванджелисто 457
 Торн, Роберт (Thorne, Robert) 90
 Торричелли, Эванджелисто 457
 Традесканти, Джон (Старший) (Tradescant, John the elder) 109
 Транквилион-Ставропечский, Кирилл 828, 829, 831–835, 838, 839, 852, 877–881, 885, 887, 888, 890, 892
 Третиакоский, В.К. 783
 Триммер, Сара 938
 Трисмегист, Гермес 106
 Трофимов, Федор 399
 Трошинский, Дмитрий Прокофьевич 364
 Туманский, Федор Осипович 365
Тюдоры, (Tudor):
 Генрих VIII 60, 61, 90, 109
 Елизавета I 62, 65, 180
 Эдуард VI 896, 897
 Уайт, Томас (White, Thomas) 462–467, 772–781, 947
 Уваров, И.И. 735
 Уварова, Фиона 745
 Уизеринг, Уильям (Withering, William) 149
 Уиллес, Ричард (Willis, Richard) 66
 Уилкс, Джон (Wilkes, John) 310, 315, 799, 712–717, 794–797, 800, 801
 Уильямс, Дж. (Williams, J.) 373
 Уильямс, Роджер (Williams, Roger) 185, 187
 Уинтроп, Джон (Winthrop, John) 185, 187
 Уинстенли, Джерард 755
 Ульпиан, Домиций 439
 Уоллер, Эдмунд (Woller, Edmond) 447
 Уоллес, Роберт (Wallace, Robert) 212–216, 292
 Уоллес, Сэмюэл (Wallace, Samuel) 124, 129
 Уолпол, Роберт (Walpole, Robert) 28, 421, 430, 437, 574, 579, 789–792, 795
 Уолстонкрафт, Мэри (Wollstonecraft, Mary) 933, 934, 936, 937, 944
 Уолтон, Исаак (Walton, Isaak) 447
 Уортон, У.Дж. Ллойд (Warthon, W.J. Lloyd) 130
 Ушаков, Андрей Иванович 343
 Ушаков, Симон 73
 Уэбб, Эдвард (Webb, Edward) 89–90
 Уэйк, Уильям (Wake, William) 428, 430
 Уэйкфилд, Присцилла (Wakefield, Priscilla) 150
 Уэльский, Геральд (Gerald of Wales) 179
Фальк, Иоганн Петер 95, 118, 124, 131, 158
 Федоров, Иван 866
 Фенн, Джон (Fenn, John) 757
 Фенн, Элленор (Fenn, Ellenor) 940
 Феофилакт, епископ Тверской и Кашинский 416
 Фергюсон, Адам (Ferguson, Adam) 311, 318, 763
 Фергюсон, У. (Ferguson, W.) 285
 Филарет, патриарх Московский 388, 510
 Филдинг, Генри 626, 709, 791–793, 799, 802, 803.806
 Филипп, митрополит Московский 876
 Филиппов, Иван 409, 417
 Филмер, Роберт (Filmer, Robert) 439, 749, 750, 753
 Финкенштейн, Карл Вильгельм фон 262
 Фиттон, Элизабет (Fitton, Elizabeth) 150
 Фитцгерберт, Антони (Fitzherbert, Anthony) 583, 586
 Фицгерберт, Томас (Fitzherbert, Thomas) 478
 Фишер, Иоганн Эберганд 162
 Флавий, Иосиф 259
 Флетчер, Джайлс (Fletcher, Giles) 87, 88, 632, 637–641, 646–648, 652, 654, 655, 843, 844
 Флетчер, Эндрю (Fletcher, Andrew) 289
 Флойд, Джон (Floyd, John) 478

- Фозергилл, Джон (Fothergill, John) 143, 144
 Фокс, Чарльз Джеймс 724
 Фонтенель, Бернар 939
 Фордайс, Джеймс (Fordyce, James) 936, 938, 939
 Фризиус, Гемма 61, 64
 Фробишер, Мартин (Frobisher, Martin) 67, 91–93
 Фрэнсис, Филипп (Юниус) 310, 709–725
 Фукс, Лука (Fuckes, Luca) 93
 Фэлтхам, О. (Feltham, O.) 106
 Хаклюйт, Ричард (Hakluyt, Richard) 67, 88, 186, 648, 650, 652, 748
 Харли, 1-й граф Оксфорд (Harley, Robert) 564, 566–569
 Харли, сэр Роберт и леди Бриллиана (Harley, Robert and Brilliana), 895, 896, 899, 901
 Харрингтон, Джеймс (Harrington, James) 438, 440, 441
 Херринг, Томас (Herring, Thomas) 431
 Хименес, Родриго 563
 Хитрово, Богдан Матвеевич 511
 Хмельницкий, Богдан Михайлович 273, 339
 Хоудли, Бенджамин (Hoadly, Benjamin) 420–434
 Хоул, Уильям (Hole, William) 69, 71
 Хукер, Томас (Hooker, Thomas) 185
 Хурелич, Лаврентий 521, 522
 Хэйр, Фрэнсис (Hare, Francis) 430
 Хэрриот, Томас (Harriot, Thomas) 64
Цицерон 380, 388, 585
Чамберс, Эфраим (Chambers, Ephraim) 160, 161
 Чарныш, Василий Иванович 365
 Чарныш, Иван Федорович 329, 330
 Чезальпино, Андреа 142
 Чепа, Адриан Иванович 365, 367, 369
 Черепанова, А.Ф. 737
 Черкасский, Алексей Михайлович 338, 340, 343, 345, 698
 Чулков, М.Д. 773, 787
Шафиров, Петр Павлович 248, 343, 811
 Шаховский, Алексей Иванович 337–345
 Шекспир, Уильям (Shakespeare, William) 447, 455, 530, 711, 749, 944
 Шелонин, Сергей 139
 Шемберг, Курт Александер фон 257
 Шереметев, Борис Петрович 83
 Шеридан, Ричард (Sheridan, Richard) 916
 Шерлок, Томас (Sherlock, Thomas) 426, 429
 Шлецер, Август Людвиг 162, 163, 786
 Шобер, Готлиб 131
 Штефан, Христиан Фридрих 117
 Шувалов, Иван Иванович 211, 217, 267, 269, 700
 Шувалов, Петр Иванович 276, 277, 280, 281
 Шуйский, Василий Иванович 231
Щербатов, Иван Андреевич 548, 777
 Щербатов, Михаил Михайлович 735, 766, 767, 769, 774, 777
 Щербатова, Прасковья 735
Эванс, Стивен (Evans, Steven) 567, 568
 Эдуард, Чарльз (Edward, Charles) 307
 Эйлер, Леонард 81
 Эрдвик, С. (Erdvik, S.) 68
 Эрскин, Томас 724
 Этвуд, Уильям (Atwood, William) 286
 Эшам, Энтони (Asham, Anthony) 448, 449
Юдин, Игнатий 250
 Юм, Дэвид (Hume, David) 53, 112, 212, 291, 293, 296, 313, 316, 321, 374, 760, 763, 764, 766
 Юрлов, Семен 606
Яворский, Стефан 222–224
 Янкович де Мириево, Федор Иванович 154

І. Левиафан и рождение регулярного государства

Яков I Стюарт
(1566–1625)

Томас Гоббс
(1588–1679)

Уильям Санкфорт
(1617–1693)

Чарльз Монтегю, граф Галифакс
(1661–1715)

Роберт Харли, 1-й граф Оксфорд
(1661–1724)

Генри Сент-Джон,
первый виконт Болингброк
(1678–1751)

Бенджамин Хоудли
(1706–1757)

Джон Говард
(1726–1790)

Алексей Михайлович
(1629–1676)

Никон, патриарх
(1605–1681)

Иван Иванович Чумоданов
(неизв. – после 1657)

Петр Иванович Потемкин
(1617–1700)

Петр I
(1672–1725)

Феофан Прокопович
(1681–1736)

Анна Иоанновна
(1693–1740)

Андрей Иванович Остерман
(1686–1747)

II. Акторы империи

Уильям Кемден
(1551–1623)

Уильям Петти
(1623–1687)

Эндрю Флетчер
(1653–1716)

Джордж Беркли
(1685–1753)

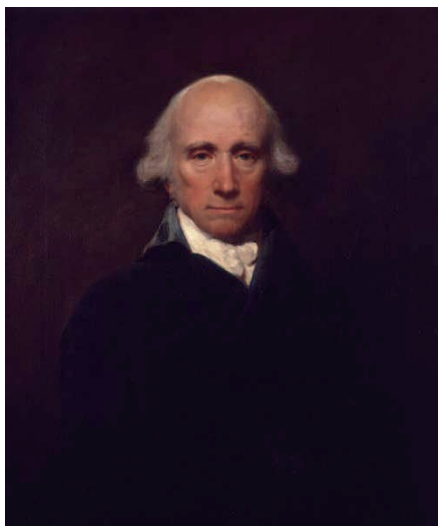
Дэвид Юм
(1711–1776)

Джеймс Макферсон
(1736–1796)

Уильям Питт, 1-й граф Чатам
(1708–1778)

Уоррен Гастингс
(1732–1818)

Патриарх Иоаким
(1621–1690)

Артамон Сергеевич Матвеев
(1625–1682)

Гавриил Иванович Головкин
(1660–1734)

Дмитрий Михайлович Голицын
(1665–1737)

Петр Иванович Шувалов
(1711–1762)

Михаил Илларионович Воронцов
(1714–1767)

Григорий Николаевич Теплов
(1717/1716–1779)

Кирилл Григорьевич
Разумовский (1728–1803)

III. Научная систематика

Френсис Бэкон
(1561–1626)

Роберт Бойль
(1627–1691)

Исаак Ньютон
(1642–1727)

Джон Рей
(1627–1705)

Кристофер Рен
(1632–1723)

Джозеф Бэнкс
(1743–1820)

Присцилла Уэйкфилд
(1751–1832)

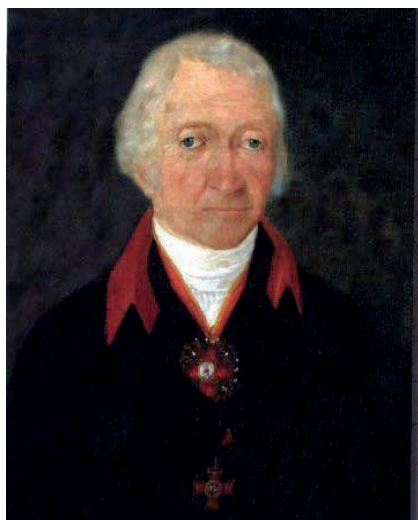
Джеймс Сауэрби
(1757–1822)

Михаил Васильевич Ломоносов
(1711–1765)

Прокофий Акинфиевич Демидов
(1710–1786)

Пётр Симон Паллас
(1741–1811)

Григорий Акинфиевич Демидов
(1715–1761)

Федор Иванович Янкович
де Мириево (1741–1814)

Екатерина Романовна Дашкова
(1743–1810)

Владимир Григорьевич Орлов
(1743–1831)

Алексей Кириллович Разумовский
(1748–1822)

IV. «Общее благо» и идея гражданственности

Джон Мильтон
(1608–1674)

Джон Ивлин
(1620–1706)

Джон Беньян
(1628–1688)

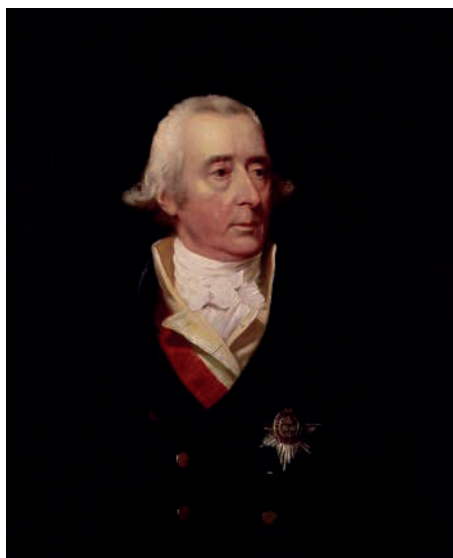
Даниэль Дефо
(1660–1731)

Сэмюэл Джонсон
(1709–1784)

Эразм Дарвин
(1731–1802)

Филипп Фрэнсис
(1740–1818)

Ханна Мор
(1745–1833)

Лазарь Баранович
(1616/1620–1693)

Димитрий Ростовский (Туптало)
(1651–1709)

Григорий Дмитриевич
Строганов (1656–1715)

Василий Никитич
Татищев (1686–1750)

Иван Иванович Бецкой
(1704–1795)

Глафира Ивановна Алымова
(1758–1826)

Иван Перфильевич Елагин
(1725–1794)

Иван Владимирович Лопухин
(1756–1816)

БИБЛИОГРАФИЯ

ГЛАВА 1

Источники

- Английское свободомыслие: Д. Локк, Д. Толанд, А. Коллинз. М.: Мысль, 1981. 301 с.
- Коллинз А. Рассуждение о свободомыслии // Английские материалисты XVIII в. В 3 т. М.: Мысль, 1967. Т. 2. С. 71–192.
- Abstract of the answers and returns made pursuant to an Act passed in the fifty-first year of His Majesty King George III... 1811. L.: H.M.S.O., 1812. 317 p.
- Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. In 4 vols. L.: W. Maxwell, 1869.
- Collier J. Ecclesiastical History of Great Britain. In 2 vols. L.: Print. for Samuel Keble. 1708–1714.
- Hickes G. Constitution of the Catholic Church, and the Nature and Consequences of Schism. L.: [S. n.], 1716. 22 p.
- Homann J.B. Generalis Totius Imperii Rusorum Novissima Tabula Magnam. Nuremberg, 1725. N. p.
- Moll Herman. A new and exact map of the Dominions of the King of Great Britain on the continent of North America. [L.]: Print. and sold by T. Bowles, J. Bowles, and I. King, 1715. N. p.

Литература

- Бакланова Н.А. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в. К истории формирования русской буржуазии. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 292 с.
- Белокуров С. С., Зерцалов А. Н. О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. // ЧОИДР. 1907. № 1. С. 9–244.
- Белявский М.Т. Школа и система образования в России в конце XVIII в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. ист.-филол. 1959. № 2. С. 105–120.
- Бенда В.Н. Создание и деятельность Московской инженерной школы в начале XVIII в. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. 2008. Вып. 2. С. 29–35.
- Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в. М.: Воениздат, 1958. 646 с.
- Бочкарев В. Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II по материалам Законодательной комиссии 1767 г. // Русская старина. 1915. Т. 162. Февраль. С. 312–325.
- Бутров А.В. Очерки по истории казенных банков в России. М.: Науч.-технич. центр «КВАН», 2003. 288 с.
- Буланин Д.М. Последнее столетие древнерусской книжности // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1 (А – З). СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. С. 3–13.
- Буров А.А. Петербургские «русские» школы и распространение грамотности среди рабочих в первой половине XVIII в. Л.: ЛГПИ, 1957. 87 с.
- Васильева С.А. «В темнице был, и вы пришли ко мне...». М.: Проспект, 2019. 184 с.

- Величенко С. Численность бюрократии и армии в Российской империи в сравнительной перспективе // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М.: Новое изд-во, 2005. С. 83–117.
- Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVIII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1988. 303 с.
- Водарский Я.Е., Кабузан В.М. Территория и население России в XV–XVIII веках // Российская империя: от истоков до начала XIX в. М.: Русская панорама, 2011. С. 328–360.
- Волков Л.В. О грамотности населения России в XVIII в. // Вопросы архивоведения. 1964. № 1.
- Волков М.Я. Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России. Первая четверть XVIII в. М.: Наука, 1994. 236 с.
- Волков М.Я. Города Европейской России во второй половине XVII – начале XVIII в. // Город и горожане России в XVII – первой половине XIX в. М.: Ин-т истории СССР, 1991.
- Вульпиус Р. Вестернизация России и формирование российской цивилизаторской миссии в XVIII веке // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М.: НЛЮ, 2010. С. 14–41.
- Высокова В.В., Созинова К.А., Чемякин Е.Ю. Британская империя: диалог культур и цивилизаций (от Ост-Индской компании до Содружества Наций). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2019. 200 с.
- Гольдфранк Д. Парадоксы Московии XVII в. // Родина. 2006. № 11. С. 31–35.
- Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования / Под ред. Д.А. Редина. СПб.: Алетей, 2018. 722 с.
- Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. 230 с.
- Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 277 с.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 585 с.
- Емельянова А.В., Сафронова А.М. Мемуары о домашних учителях в дворянских семьях России XVIII в. // Педагогическое образование в России. 2014. № 5. С. 7–12.
- Загоровский В.П. Общий очерк истории заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма (XVI век – нач. XVIII века) // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. С. 3–23.
- Заозерская Е.И. Мануфактура при Петре I. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1947. 190 с.
- Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. СПб.: Летний сад, 2001. 800 с.
- Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый хронограф, 2010. 752 с.
- Индова Е.И. О российских мануфактурах второй половины XVIII в. // Историческая география России. XII – начало XX в. М.: Наука, 1975. С. 316–344.
- История Великобритании. М.: Весь мир, 2008. 680 с.
- История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. М.: Наука, 1993. Т. 3. 680 с.

- История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М.: Наука, 2000. 287 с.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Л.: Наука, 1968–1969. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. 539 с.
- История Урала с древнейших времен до 1861 г. М.: Наука, 1989. 608 с.
- История чтения в западном мире от Античности до наших дней / Ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шарье. М.: Изд-во ФАИР, 2008. 544 с.
- Каменский А.Б. «Крещеная собственность» в законодательстве XVIII в. // Представления о собственности в российском обществе XV–XVIII вв. М.: ИРИ РАН, 1998. С. 150–192.
- Киселев М.А. К истории дискурса реформ в России раннего Нового времени // Российская история. 2014. № 4. С. 37–52.
- Киселев М.А. Правда и закон во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: от монарха-судьи к монарху-законодателю // Понятия о России: к исторической семантике имперского периода. В 2 т. М.: НЛЮ, 2012. Т. 1. С. 49–65.
- Киселев М.А. Трактат De L’Esprit Des Lois Ш.-Л. Монтескье и фундаментальные законы в России начала 1760-х гг. // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 4. С. 1131–1148.
- Киселев М.А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века // Ист. вестн. 2013. Т. 6 (153). С. 19–27.
- Киселев М.А., Криворучко А.С. Проблема организации дворянского самоуправления и подготовка «Учреждений для управления губерний» в 1775 году // Вестн. Перм. ун-та. История. 2014. № 3 (26). С. 113–122.
- Киселева М.С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 472 с.
- Коваленко Г.М. Первые металлургические заводы в Карелии (1670–1703). Л.: Наука, 1979. 104 с.
- Кондратьев С.В. Правовые и политические воззрения Эдуарда Кока // Правоведение. 1991. № 1. С. 56–61.
- Кончаков Р.Б., Корчмина Е.С. Кто кормил московских дворян? О структуре душевладений дворян Московской губернии в 1812 г. // ЭНОЖ История. 2020. Т. 11. № 3 (89). URL: <https://history.jes.su/s207987840009536-8-1/>
- Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. Новосибирск: Наука, 1974. 252 с.
- Кром М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М.: НЛЮ, 2010. 888 с.
- Кром М.М. «Дело государево и земское»: Понятие общего блага в политическом дискурсе России XVI в. // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сб. ст. памяти Л.В. Черепнина. М.: Межвуз. центр гуманитар. обр., 2010. С. 581–585.
- Кром М.М. К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Одиссей: Человек в истории. 2005. С. 283–303.

- Лавров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М.: Археограф. центр, 1999. 304 с.
- Лавров А.С., Морохин А.В. Ревнители благочестия: очерки церковной и литературной деятельности. СПб.: Наука, 2021. 336 с.
- Лазарев Я.А. Однодворцы в системе прямого налогообложения России XVIII в. К вопросу о роли некоронных агентов в управлении государством раннего Нового времени // *Cahiers du Monde russe*. 2014. Vol. 55. № 3–4. P. 215–234.
- Лаппо-Данилевский А.С. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. СПб.: В.С. Балашев и Ко, 1899. 126 с.
- Лидов А.М. Создание сакрального пространства как вида творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия: создание сакрального пространства Византии и Древней Руси. М.: Индрик, 2006. С. 9–31.
- Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскейн Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 303 с.
- Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М.: Наука, 2000. 296 с.
- Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб.: Наука, 1998. 216 с.
- Миронов Б.Н. Развитие грамотности в России и СССР за 1000 лет, X–XX вв // *Studia Humanistica*. Исследования по истории и филологии. СПб.: БЛИЦ, 1996. С. 24–26.
- Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 271 с.
- Морозан В.В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). СПб.: Крига, 2004. 400 с.
- Морохин А.В., Устинова И.А. Смерть патриарха Иоакима и выборы главы Русской Православной Церкви в 1690 г. // *Русская история*. 2021. № 5. С. 61–70.
- Мякотин В.А. Прикрепление крестьянства левобережной Украины в XVII–XVIII вв. София: [Б. и.], 1932. 169 с.
- Никонов С.А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»: промысловая колонизация Мурманского берега и Новой земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI–XVIII вв. СПб.: Нестор-История, 2020. 496 с.
- Новохатко О.В. Россия середины XVII в.: еще раз об абсолютизме // Традиционные и новаторские пути изучения социальной истории России XII–XX веков. Сб. ст. в честь Е.Н. Швейковской. М.: Новый хронограф, 2021. С. 194–218.
- Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводо-владельцы. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 566 с.
- Павленко Н.И. У истоков российской бюрократии // *Вопросы истории*. 1989. № 12. С. 3–17.
- Павлова-Сильванская М.П. Социальная сущность областной реформы Екатерины II // *Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.)*. М.: Наука, 1964. С. 460–491.

- Палкин Б.Н. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники. М.: Гос. изд-во мед. лит., 1960. 397 с.
- Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII в. Л.: Наука, 1973. 281 с.
- Период феодализма. XVIII в. // История Москвы. В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 2. 744 с.
- Полознев Д.Ф. Церковная реформа после патриарха Никона: соборы 1667–1682 гг. // Патриарх Никон и его время. М.: ГИМ, 2004. С. 323–340.
- Романенко Е. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М.: Молодая гвардия, 2002. 336 с.
- Рубинштейн Е.И. Полотняная и бумажная мануфактура Гончаровых во второй половине XVIII века. М.: Сов. Россия, 1975. 167 с.
- Рыжов А.Н. Образование детей крепостных в России во второй половине XVIII в. // Вестн. образования. 2010. № 2. С. 238–262.
- Савосичев А.Ю. Дьяки и подьячие XVI – первой трети XVII в.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования. Орел: ОГУ, 2013. 519 с.
- Сафронова А.М., Кравченко О.С. Законодательные и нормативные акты о гарнизонных школах России XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. 2014. Вып. 14. С. 173–197.
- Сафронова А.М., Кравченко О.С. Законодательство о цифирных школах России первой половины XVIII в. (по материалам Полного собрания законов Российской империи) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2015. № 1 (136). С. 112–126.
- Седов П.В. Конец местничества // Российское самодержавие и бюрократия. Сб. ст. в честь Н.Ф. Демидовой. М.; Новосибирск: Древлекхранилище, 2000. С. 88–103.
- Смолич И.К. Русское монашество. М.: Православ. энцикл., 1997. 608 с.
- Стоксова Н.Н. Первые металлургические заводы России. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 106 с.
- Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1. 534 с.
- Тарле Е.В. Была ли екатерининская Россия экономически отсталою страной? // Тарле Е.В. Соч. В 12 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 4. С. 443–468.
- Титова Л.В. Послание дьякона Федора Иоанну Аввакумовичу о священстве – идеологический документ раннего этапа старообрядческого движения // Археографические и источниковедческие аспекты в изучении истории России. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. С. 77–101.
- Трёбст Ш. Европеизация России в исследовании Ярмо Т. Котилайне // Quaestio Rossica. 2013. № 1. С. 52–73.
- Федюкин И.И., Корчмина Е.С. Собираемость подушной подати в середине XVIII в.: к вопросу об эффективности государственного аппарата в России в исторической перспективе // Экономическая история. 2013. М.: РОССПЭН, 2014. С. 89–127.
- Федюкин И. Проектеры: политика школьных реформ в России в первой половине XVIII века. М.: НЛО, 2020. 424 с.
- Филиппов В. Москва // На пути к переписи. М.: Авиаиздат, 2003. С. 277–313.

- Фурсов К.А. Держава-купец: отношения английской Ост-Индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2006. 364 с.
- Broadberry S., Campbell M.S.B., Klein A., Overton M., Bas van Leeuwen. *British Economic Growth, 1270–1870*. Cambridge: C.U.P., 2015. 461 p.
- Clark J.C.D. *English Society, 1660–1832: Religion, Ideology and Politics During the Ancient Regime*. Cambridge: C.U.P., 2000. 580 p.
- Claydon T. *William III and the Godly Revolution*. Cambridge: C.U.P., 1996. 272 p.
- Colley L. “This Small Island”: Britain, Size and Empire // *Proceedings of the British Academy*. L.: British Academy, 2003. Vol. 121. P. 171–190.
- Cressy D. *Literacy and the Social Order: Reading and Writing in Tudor and Stuart England*. Cambridge: C.U.P., 1980. 246 p.
- Fox A. Remembering the Past in Early Modern England: Oral and Written Tradition // *Transactions of the Royal Historical Society. Sixth Series*. 1999. Vol. 9. P. 233–256.
- Giffin A. *Jane Austen and Religion. Salvation and Society in Georgian England*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2002. 222 p.
- Graff H. *Literacy in History: An Interdisciplinary Research Bibliography*. N.Y.: Garland Publ., 1981. 442 p.
- Holmes G. Gregory King and the social structure of pre-industrial England // *Transactions of the Royal Historical Society*. 1977. Vol. 27. P. 41–69.
- Ireland and the British Empire* / Ed. by K. Kenny. Oxford: O.U.P., 2004. 296 p.
- Keith T. The Meaning of Literacy in Early Modern England // *The Written Word: Literacy in Transition*. Oxford: Clarendon Press, 1986. P. 97–131.
- Kollmann N.S. *The Russian Empire 1450–1801*. Oxf.; N.Y.: O.U.P., 2017. 497 p.
- Laslett P. *The world we have lost: further explored*. L.: Routledge, 2001. 353 p.
- LeDonne J.P. The Eighteenth-century Russian Nobility: Bureacracy or Ruling Class? // *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*. 1993. Vol. 34. № 1–2. P. 139–147.
- Lindert P., Williamson G. ‘Revising England’s social tables, 1688–1867’ // *Dept. of Economics, Univ. of California, Davis, Working Paper. Series № 176*. Sept. 1981. P. 385–408.
- Miles A.S. *Blackstone and his American Legacy* // *Australia & New Zealand Journal of Law and Education*. 2000. Vol. 5. № 2. P. 46–59.
- Morrill J. *The Stuarts (1603–1688)* // *The Oxford history of Britain. Revised Edition* / Ed. by Kenneth O. Morgan. Oxford: O.U.P., 2010. P. 327–399.
- New Gate Prison* // Britton J., Pugin A. *Illustrations of the Public Buildings of London: With Historical and Descriptive Accounts of each Edifice*. In 2 vols. L.: John Weale, Architectural Library. 1838. Vol. 2. P. 102–113.
- Phillips J.A., Wetherell C. The Great Reform Act of 1832 and the Political Modernization of England // *American Historical Review*. 1995. № 100. P. 411–436.
- Pocock J.G.A. *The Ancient Constitution and the Feudal Law: a study of English Historical Thought in the 17th Century*. Cambridge: C.U.P., 1957. 402 p.
- Porter G.R. *The Progress of the Nation, in Its Various Social and Economic Relations, from the Beginning of the 19th Century*. L.: Methuen & Co Methuen, 1912. 735 p.
- Res Publica: *Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века* / Под ред. К.А. Соловьева. М.: НЛЮ, 2021. 824 с.

- Southam B. Professions // Jane Austen in context / Ed. by J. Todd. Cambridge: C.U.P., 2005. P. 366–377.
- Starkie A. Contested Histories of the English Church: Gilbert Burnet and Jeremy Collier // *Huntington Library Quarterly*. 2005. Vol. 68. № 1–2. P. 335–351.
- Stone L. Literacy and education in England 1640–1900 // *Past & Present*. 1969. February. Vol. 42. № 1. P. 69–139.
- Stone L. The Educational Revolution in England, 1560–1640 // *Past and Present*. 1964. July. № 28. P. 41–80.
- The Oxford History of the British Empire. Vol. 2. The Eighteenth Century / Ed. by P.J. Marshall, A. Low. Oxford: O.U.P., 2001. 664 p.
- The Population History of England, 1540–1870: A reconstruction / by E.A. Wrigley and R.S. Schofield. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981. 820 p.
- Trevor-Roper H. R. The Scottish Enlightenment // *Studies on Voltaire*. 1967. Vol. 108. P. 1635–1658.
- Trevor-Roper H. The Gentry, 1540–1640. L.; N.Y.: C.U.P., 1953. 55 p.
- White J. Pain and Degradation in Georgian London: Life in the Marshalsea Prison // *History Workshop Journal*. 2009. № 68 (1), Autumn. P. 69–98.
- Woolf D.R. The “Common Voice”: History, Folklore and Oral Tradition in Early Modern England // *Past and Present*. 1988. № 120. Aug. P. 26–52.
- Zagorin P. The Court and the Country: the Beginning of the English Revolution. L.: Routledge & K. Paul, 1969. 366 p.

ГЛАВА 2

Источники

- Адамс К. Первое путешествие англичан в Россию, описанное Климентом Адамом, другом Чанселера, капитана сей экспедиции, и посвященное Филиппу, королю английскому // *Отечественные записки*. 1826. Ч. 28. С. 84–103.
- Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. Ю.В. Готье. М.: Соцэжгиз, 1937. 308 с.
- Атлас Российской, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями... СПб.: Императ. Акад. наук, 1745. 11 с., 10 л.
- Историческая Карта Российской Империи 1793 сентября 2 дня. СПб.: Географ. департамент Акад. наук, 1793. Б. с.
- Книга большому чертежу или древняя карта Российского государства, поновленная в Разряде и списанная в книгу 1627 года. СПб.: Тип. Горного училища, 1792. 412 с.
- Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки // *Полн. собр. ученых путешествий*. 8 т. СПб.: Императ. Акад. наук, 1818–1819. Т. 1. 529 с. Т. 2. 498 с.
- Ломоносов М.В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // *Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.* В 11 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1983. Т. 6. 694 с.
- Ломоносов М.В. Ода Екатерине // *Ломоносов М.В. Избранные произведения*. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 176–184.
- Ломоносов М.В. Ода на восшествие Елизаветы Петровны // *Ломоносов М.В. Избранные произведения*. Л.: Сов. писатель, 1986. 579 с.
- Магницкий Л.Ф. Арифметика. М.: Печ. двор, 1703. 669 с.

- Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л.: АН СССР, 1936. 301 с.
- Миллер Г.Ф. Путешествия по московской провинции // Академик Г.Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и московской провинции / Отв. ред. В.В. Зубарев; Подгот., вступ. ст. С.С. Илизарова. М.: Янус, 1996. 254 с.
- Путешествие в Можайск, Рузу, Звенигород покойного действительного статского советника и Кавалера Миллера // Новые ежемесячные сочинения. 1790. Ч. 46. Апрель. С. 41–91.
- Путешествие г. Д.С. советника Миллера к Святотроицкому Сергиеву Монастырю // Новые ежемесячные сочинения. 1789. Ч. 41. Ноябрь. С. 3–52.
- Сидни Ф. Астрофил и Стелла. Защита поэзии / Под ред. Л.И. Володарской. М.: Наука, 1982. 377 с.
- Сопиков В.С. Опыт российской библиографии или полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на Славенском и Российском языках, от начала заведения типографий до 1813 г. 4 ч. Репринт. М., 2011. Ч. 4. 343 с.
- Статского Совет. Миллера описание езды из Москвы в Коломну 1778 года // Новые ежемесячные сочинения. 1789. Ч. 35. Май. С. 69–93.
- Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России / Пер. и прим. И.М. Болдакова. СПб.: Тип. В.С. Башлачева, 1893. 124 с.
- Устав, инструкции и постанования для руководства предположенным путешествием в Китай // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. Ю.В. Готье. М.: Соцэргиз, 1937. С. 29–37.
- Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова: Исследования. Текст. Научно-справочный аппарат факсимильного издания рукописи. В 2 т. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2011. Т. 2. 690 с.
- Bourne W. A booke called the treasure for traueilers, deuided into fiue bookes or partes, contaunyng very necessary matters, for all sortes of traualiers, eyther by sea or by lande. L.: Thomas Woodcocke, dwelling in Paules Churchyarde, at the sygne of the Blacke Beare. 1578. 268 p.
- Camden W. Britain, or, a Chorographicall Description of the most flourishing Kingdomes: England, Scotland, and Ireland. L., 1610 // A vision of Britain through time. URL: <https://www.visionofbritain.org.uk/travellers/Camden>
- Childrey J. Britannia Baconica: or, The Natural Rarities of England, Scotland, & Wales. L., 1662 // Early English Books Online Text Creation Partnership. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A32843.0001.001/1:3?rgn=div1view=fulltext>
- Dee J. General and Rare Memorials Pertayning to the Perfect Arte of Navigation. L.: John Daye, 1577. 80 p.
- Dee J. Mathematical Preface to Euclid's «Elements of Geometrie». The Elements of Geometrie of the Most Auncient Philosopher Euclide of Megara / Transl. by H. Billingsley; preface by J. Dee. L.: John Daye, 1570. 464 p.
- Drayton M. Poly-Olbion. L., 1612 // Early English Books Online Text Creation Partnership. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A20847.0001.001?view=toc>
- Dugdale W. The Antiquities of Warwickshire Illustrated: from Records, Leiger-Books, Manuscripts, Charters, Evidences, Tombes, and Armes: Beautified with Maps, Prospectes, and Portraictures. L.: Print. by Thomas Warren, 1656. 848 p.
- Sir Thomas Smithes. Voiage and Entertainment in Rushia. L.: J. Roberts and W. Jaggard, Nathanyell Butter, 1605. N. p.

- The first three English books on America / Ed. by E. Arber. Birmingham: 1 Montague road, 1885. 466 p.
- Webbe E. The Rare and Most Wonderfull Things Which Edw. Webbe an Englishman Borne, Hath Seene and Passed in His Troublesome Travailles. L.: Print. by Ralph Blower, 1590. N. p.

Литература

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
- Белов М.В., Кузнецова С.В. Рец. на кн.: Smith A.D. Ethnosymbolism and Nationalism // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 382–388.
- Виппер Б.Р. История европейского искусствознания. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 328 с.
- Воробьева О.В., Николаи Ф.В. История эмоций и nationalism studies: когнитивный поворот в современной историографии // ЭНОЖ История. URL: <http://ras.jes.su/history/s207987840016459-3-1>
- Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии Наук XVIII в. / Под ред. А.И. Андреева; отв. ред. Г.А. Князев. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1946. 446 с.
- Гольденберг Л.А. Семен Ульянович Ремезов: Сибирский картограф и географ: 1642 – после 1720 г. М.: Наука, 1965. 263 с.
- Депман И.Я. История арифметики. Пособие для учителей. 2-е изд. М.: Просвещение, 1965. 416 с.
- Иванов Б.П. Русский картограф XVII века // Тр. геогр. фак. Харьк. гос. ун-та им. А.М. Горького. 1958. Т. 4. URL: <http://ostrog.ucoz.ru/publ/i/40-1-0-74>
- История книги: Учебник для вузов / Под ред. А.А. Говорова, Т.Г. Куприяновой. М.: Мир книги, 1998. 346 с.
- Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М.: НЛО, 2012. 360 с.
- Когнитивные науки и историческое познание. Коллективная монография / Под общ. ред. О.В. Воробьевой, Г.И. Зверевой. М.: Аквилон, 2020. 370 с.
- Кузнецова Н.И. Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII – сер. XIX в.). М.: Едиториал УРСС, 1999. 256 с.
- Кусов В.С. Картографическое искусство Русского государства. М.: Недра, 1989. 96 с.
- Материалы по истории русской картографии / Под ред. В.А. Кордта. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1899. Вып. 1. Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века. 15 с.
- Пестерев В.В. К вопросу о степени развития русской картографии в XVI–XVII веках // Вестн. Курган. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2006. Вып. 2. С. 72–75.
- Постников А.В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М.: Наука, 1985. 224 с.
- Прокофьев Н.И. Традиция и новаторств путевых записок петровского времени // XVIII век. Сб. 9. Л.: Наука, 1974. С. 129–138.
- Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский Мирь, 2006. 640 с.
- Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. 224 с.

- Сивков К.В. Путешествия русских людей за границу в XVIII веке. СПб.: Энергия, 1914. 144 с.
- Смит-Питер С. С.У. Ремезов и сибирская идентичность в конце XVII – начале XVIII в. // Сибирские исторические исследования. 2014. № 3. С. 7–21.
- Сотникова С.И. Русский географический чертеж XVII века: его знаковая структура и социальные функции // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования: Материалы конф. М.: РГГУ, 1999. С. 124–129.
- Ткачева Н.М. Образ Пскова. URL: <http://museum.pskov.ru/pskovoldmodern/tkacheva/tcac2>
- Фель С.Е. Картография России XVIII века. М.: Геодезиздат, 1960. 226 с.
- Фоменко И.К. Скифия, Тартария, Московия, Россия – взгляд из Европы: Россия на старинных картах. М.: Актеон, 2010. 810 с.
- Alexander A. Imperialist Rhetoric and Mathematical Practice in Early Modern England: A Literary Approach to Mathematics. Doct. diss. Stanford Un., 1995. 241 p.
- Babcock G.P. The Imaginary Voyage in Prose Fiction, 1700–1800: A History of its Criticism and a Guide for its Study, with an Annotated Checklist of 215 Imaginary Voyages from 1700 to 1800. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1941. 445 p.
- Crone G. Richard Hakluyt. British geographer // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/biography/Richard-Hakluyt>
- Handbook of Behavioral and Cognitive Geography / Ed. by D.R. Montello. Santa Barbara: Edward Elgar Publ., 2018. 432 p.
- Hime H.W. The Travels of Edward Webbe // The English Historical Review. 1916. Vol. 31. Iss. 123. P. 464–470.
- Karrow R.W., Jr. Intellectual Foundations of the Cartographic Revolution: Dissertation. Chicago; Illinois: Loyola Univ. of Chicago, 1999. 327 p.
- O'Connor J., Robertson E. John Dee // MacTutor History of Mathematics Archive. URL: <https://mathshistory.st-andrews.ac.uk/Biographies/Dee/>
- Palmer A., Palmer V. Who's Who in Shakespeare's England: Over 700 Concise Biographies of Shakespeare's Contemporaries. L.: Palgrave, 1999. 308 p.
- Palmer D.W. Writing Russia in the Age of Shakespeare. L.: Routledge, 2017. 288 p.
- Pepper J.V. Harriot's earlier work on mathematical navigation: theory and practice. With an appendix // Thomas Harriot. Renaissance scientist / Ed. by J.W. Shirley. Oxford: Clarendon Press, 1974. P. 54–90.
- Rampling J.M. John Dee and the sciences: early modern networks of knowledge // Studies in History and Philosophy of Science. 2012. Pt A. № 43(3). P. 432–436.
- Shwartz E. Putting Russia on the Globe: The Matter of Muscovy in Early Modern English Travel Writing and Literature. Stanford: S.U.P., 2014. 323 p.
- Smith A.D. Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach. N.Y.: Routledge, 2009. 184 p.
- Swann M. Curiosities and Texts: The Culture of Collecting in Early Modern England. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2001. 280 p.
- Text and translations of the legends of the original chart of the world by Gerhard Mercator issued in 1569 // Hydrographics Review. 1932. Nr 9/2. P. 11–13.
- Tolman E.C. Cognitive maps in rats and men // Psychological Review. 1948. Vol. 55. № 4. P. 189–208.

Wallis H.M. The First English Globe: A Recent Discovery // The Geographical Journal. 1951. Vol. 117. № 3. P. 275–290.

ГЛАВА 3

Источники

- Бэкон Ф. Новая Атлантида // Бэкон. Ф. Соч. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 483–519.
- Бэкон Ф. Новый Органон // Бэкон. Ф. Соч. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 5–215.
- Бэкон Ф. О мудрости древних // Бэкон. Ф. Соч. М., 1978. Т. 2. С. 231–301.
- Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / Пер. с лат. С. Шервинского. М.: Худ. лит., 1979. Кн. 2. 550 с.
- Гильденштедт И.А. Географическое, историческое и статистическое известие о новой пограничной линии Российской империи между р. Терекон и Азовским морем // Месяцеслов исторический и географический на 1779 г. СПб.: Императ. Акад. наук, 1779. С. 127–177.
- Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. / Под ред. Ю.Ю. Карпова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 512 с.
- Гмелин С.Г. Путешествие по России Самуила Георга Гмелина, доктора врачебной науки... для изследования трех царств естества. Ч. 1. Из Санктпетербурга до Черкесска, главного города Донских казаков, в 1768–1769 гг. СПб.: Императ. Акад. наук, 1771. 272 с.
- Зуев В.Ф. Начертание естественной истории. В 2 ч. СПб., 1786. Ч. 1. 240 с.
- Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов / Изд. А.Х. Элерт, В. Хинтцше; пер. с нем. А.Х. Элерт. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.
- Паллас П.С. Каталог растениям находящимся в Москве в саду... Прокопия Акинфиевича Демидова. СПб.: Императ. Акад. наук, 1781. XXXI, 163 с.
- Паллас П.С. Описание растений Российского государства. Ч. 1. СПб.: Императ. тип., 1786. VI, 204 с.
- Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. В 3 ч. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1788. Ч. 3. Половина 2. 479 с.
- Своеручная записка Государыни Императрицы Екатерины II о разделении лесоводства в России // Отечественные записки. 1825. № 68. С. 333–339.
- Banks J. The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768–1771. Sydney, 1997. URL: <https://setis.library.usyd.edu.au/ozlit/pdf/p00021.pdf>
- The Botanical Magazine. 1787. Vol. 1. 470 p.
- Carver J. Travels Through the Interior Parts of North America in the Years 1766, 1767, and 1768. L.: Print. for C. Dilly in the Poutry, 1780. 545 p.
- Chambers E. Cyclopaedia, or An Universal Dictionary of Arts and Sciences. In 2 vols. L.: James & John Knapton, John Darby and others, 1728. Vol. 1. 282 p.
- Charters of the 1660s // Royal Charters. URL: <https://royalsociety.org/about-us/governance/charters/>
- Cook J. Captain Cook's Journal during his First Voyage round the World, made in H.M. Bark Endeavour, 1768–71 / Ed. by W.J.L. Wharthon. L.: Elliot Stock, 1893. 400 p.
- Curtis W. Flora Londinensis, or, Plates and descriptions of such plants as grow wild in the environs of London. In 6 vols. L.: Print. for and sold by the author... and B. White, 1777–1798.
- Curtis's Botanical Magazine. 1801. Vol. 15. 598 p.

- Curtis W. The proposals for opening by subscription a Botanic Garden, to be called the London Botanic Garden. L.: J. Andrews, 1778. 19 p.
- Grete Herball welche geueht parfyt knowledge and und[er]standynge of all maner of herbes (facsimile of the Peter Treveris 1526 edition). L.; Ann Arbor: Edward's Brothers, 1936. 346 p.
- Навкесвортх J. An Account of the Voyages Undertaken by the Order of His Present Majesty, For Making Discoveries in the Southern Hemisphere. In 3 vols. L.: Print. for W. Strahan; and T. Cadell in the Strand, 1773.
- Lettsom Jh. C. The naturalist's and traveller's companion. L.: E.&C. Dilly, 1774. 98 p.
- Lettsom Jh.C. Hortus uptonensis; or, a catalogue of stove and green-house plants in Dr. Fothergill's garden at Upton, at the time of his decease anno 1780. L.: [S. n.], 1783. 44 p.
- Observations on the Transit of Venus', 1768–1769 [manuscript, King's College L.: K/MUS/1/1] // Georgian papers. Observations of Venus. P. 21–22.
- Parkinson J. Paradisi in Sole Paradisus Terrestris... L.: Print. by H. Lownes and R. Yovng at the Signe of the Starre on Bread-Street Hill, 1629. 612 p.
- Philosophical Transactions of the Royal Society. 1665. Vol. 1. March. P. 1–2.
- Ray J. Historia plantarum species. In 3 vols. L.: Typis M. Clark, 1686. Vol. 1. 962 p.
- Ray J. Synopsis methodica stirpium Britannicarum... L.: Smith, 1690. 317 p.
- Secret Instructions to Captain Cook, 30 June 1768 // National Archives of Australia. URL: https://www.foundingdocs.gov.au/resources/transcripts/nsw1_doc_1768
- Sowerby J. A botanical drawing-book. L.: Print. by Rich. Taylor & Co, 1788. 12 p.
- Sprat Thomas. The History of the Royal-Society of London for the Improving of Natural Knowledge. L.: Print. by T.R. for J. Martyn and J. Allestry, 1667. 438 p.
- Wakefield P. An Introduction to Botany, In Series of Familiar Letter, with Illustrative Engravings. Dublin: Print. by Thomas Burnside, 1796. 180 p.

Литература

- Баньковский Л.В. Ботанический сад Григория Демидова // Наука и жизнь. 2007. № 2. С. 24–31.
- Бекасова А.В. Изучение российской империи экспедициями 1760–1780-х гг.: «взгляд» естествоиспытателей и формирование представлений о государственных богатствах // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 4. С. 13–34.
- Валькова О.А. Штурмья цитадель науки. М.: НЛО, 2018. 800 с.
- Вархотов Т. В поисках эпистемологии согласия: к 35-летию «Левиафана и воздушного насоса» // Логос. 2020. Т. 30. № 3. С. 178–201.
- Вишленкова Е.А. Визуальное имперское народоведение, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: НЛО, 2011. 368 с.
- Волконская А. М., Волконская Е.М. Рассуждения о разных предметах природы, наук и художеств. В 2 ч. СПб.: [Б. и.], 1792.
- Вуттон Д. Изобретение науки. Новая история научной революции. М.: Ко-Либри, 2018. 656 с.
- Гатина М.Р., Михель Д.В. Ранняя история Лондонского Королевского общества глазами современных историков науки // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 191–205

- Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам, в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб.: Императ. Акад. наук, 1809. 392 с.
- Головнев А.В. Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1. С. 6–39.
- Дастон Л. История науки и история знания // Логос. 2020. Т. 30. № 1. С. 63–90.
- Дашкова Е.Р. Состояние, в котором находилась императорская Академия наук, когда я вступила в управление ею в 1783 г., и в котором она находится ныне, в 1786 г. // Лозинская Л.Я. Во главе двух академий. М.: Наука, 1978. С. 129–132.
- Деар П. Историей чего является история науки? Истоки идеологии современной науки в раннее Новое время // Логос. 2020. Т. 30. № 1. С. 29–62.
- Деар П. Событие революции в науке // Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие. М.: НЛЮ, 2015. С. 11–314.
- Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие. М.: НЛЮ, 2015. 576 с.
- Дёленн В.О. прохождениях Венеры по диску Солнца. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1870. 93 с.
- Дмитриев И.С. Академия благих надежд (эффективность научной деятельности Петербургской академии наук в XVIII столетии) // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 4. С. 9–31.
- Дриссен-ван хет Реве Й. Голландские корни Кунсткамеры Петра Великого: история в письмах (1711–1752). СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2015. 364 с.
- Дроздова Д.Н. Интерпретация Научной революции в работах Александра Койре. Дис. ... канд. ист. наук. М.: [Б. и.], 2012. 247 с.
- Кирсанов В.С. Научная революция XVII в. М.: Наука, 1987. 344 с.
- Ипполитова А.Б. К истории русской ботанической иллюстрации: «Ученые» и «народные» травники XVI–XVIII веков // Вивлиофика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2018. Vol. 6. P. 13–45.
- Колчинский Э.И., Сытин А.К., Смагина Г.И. Естественная история в России. (Очерки развития естествознания в России в XVIII веке). СПб.: Нестор-История, 2004. 242 с.
- Лисович И.И. Скальпель разума и крылья воображения. Научные дискурсы в английской культуре раннего Нового времени. М.: ИД ВШЭ, 2015. 440 с.
- Лозинская М.Я. Во главе двух академий. М.: Наука, 1978. 144 с.
- Лукина Т.А. Мария Сибилла Мериан, 1647–1717. Л.: Наука, 1987. 208 с.
- Любарский Г.Ю. Рождение нового естествознания с точки зрения наук о жизни // Логос. 2020. Т. 30. № 1. С. 131–158.
- М.В. Ломоносов и Академические экспедиции XVIII в. / Авт.-сост. О.А. Александровская, В.А. Широкова, О.С. Романова, Н.А. Озерова. М.: РТСофт, 2011. 210 с.
- Михайлов И.А. Английское Просвещение и журнал *Philosophical Transactions of the Royal Society*. Новая эпоха развития европейской науки // Философские науки. 2014. № 5. С. 9–23.
- Павлинов И.Я. Номенклатура в систематике. История, теория, практика. М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2015. 439 с.
- Попова С. Транзит Венеры: Хроники первого глобального научного проекта // *History Illustrated*. Исторический журнал. 2017. № 3 (144). С. 70–91.

- Райков Б.Е. Академик Василий Зуев (1752–1794) // Труды Ин-та истории естествознания и техники. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 4. С. 244–280.
- «Регулярная академия учреждена будет...». Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Под ред. М.Б. Лавринович, И. Федюкина. М.: Новое изд-во, 2015. 640 с.
- Родный А.Н., Елина О.Ю. Социализация естествоиспытателей в России в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы истории естествознания и техники. 2018. Т. 39. № 3. С. 454–481.
- Сапожникова О.С. Лицевой Травник Сергея Шелонина: список с перевода русского врача XVI в. // Вестн. «Альянс-Архео». 2006. Вып. 15. С. 11–40.
- Смагина Г.И. «Первейшей своей обязанностью ставлю славу и процветание Академии»: К 275-летию директора Академии наук княгини Е. Р. Дашковой // Социология науки и технологий. 2018. Т. 9. № 2. С. 7–22.
- Смагина Г.И. Академия наук и развитие образования в России в XVIII в. // Вестн. РАН. 2000. Т. 70. № 7. С. 635–644.
- Смирнов Е. Соликамский ботанический сад и его история // Ураловед. URL: <https://uraloved.ru/istoriya-solikamskogo-sada>
- Сыгин А.К. Ботаник Петр Симон Паллас. М.: Тов. науч. изд. КМК, 2014. 456 с.
- Травопознание Абрахама Энса, доктора медицины / Авт.-сост. А.К. Сыгин, Д.Д. Сластунов. СПб.: Любавич, 2020. 272 с.
- Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 384 с.
- Хартанович М.В. Принципы собирания этнографических коллекций для Кунсткамеры Императорской академии наук: от сибирской экспедиции Д.Г. Мессершмидта (1719–1727) до Второй Камчатской экспедиции (1733–1743) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2019. Т. 18. № 5. С. 36–49.
- Хедрик Д. Власть над народами. Технологии, природа и западный империализм с 1400 года до наших дней. М.: Изд. дом «Дело», 2021. 560 с.
- Хрестоматия по западной философии XVII–XVIII вв. / Под ред. Л.И. Яковлевой. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. 784 с.
- Шафрановская Т.Ф. От переводчика и редактора // Иоганн Антон Гильденштедт. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб.: Петербургское востоковедение. 2002. С. 14–20.
- Шипицына Ю.С. Ботаническая иллюстрация в Британии во второй половине XVIII – начале XIX века в контексте становления таксономического подхода к познанию мира // Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С.А. Есенина. 2020. № 4. С. 59–65.
- Шипицына Ю.С. Имперская ботаника: современные подходы к изучению науки и власти в XVIII в. // IMAGINES MUNDI. Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. 2021. № 11. Серия: Интеллектуальная история. Вып. 5. С. 218–227.
- Шпак Г.В. Визуальные источники в естественнонаучном знании XVI–XVIII веков в свете современной историографии // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки. Сб. ст. / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. А.Г. Голиков. М.: Нестор-История, 2019. С. 579–592.
- Шпак Г.В. Изобретая пространство. Россия и Англия XVI–XIX веков в путешествиях, травелогах, картах. Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2021. 252 с.

- Batsaki Y., Cahalan S.B., Tchikine A. Introduction // *The Botany of Empire in the Long Eighteenth Century*. Washington: Univ. of Dayton, 2017. P. 1–11.
- Braunholtz H.J. History of Ethnography in the Museum after 1753 (Pt. 1) // *The British Museum Quarterly*. 1953. Vol. 18. № 3. P. 90–93.
- Bryce W.A. A Botanist's paradise. The Establishment of Scientific Botany in Russia in the Eighteenth Century. Wales: Dinefwr Press, 2008. 243 p.
- Chambers N.A. Joseph Banks and the British Museum: the world of collecting, 1770–1830. L.: Routledge, 2007. XIV, 195 p.
- Chartres R., Vermont D. A Brief History of Gresham College 1597–1997. Suffolk: Print. in England by St Edmundsbury Press, 1997. 100 p.
- Cook A. Politics of Nature and Voyages of Exploration: some purposes and results // *Voyages and Exploration in the North Atlantic from the Middle Ages to the XVII century* / Ed. by A. Agnarsdottir. Reykjavik: Univ. of Iceland Press, 2001. P. 125–138.
- Cornish C. Curating Science in an Age of Empire. Kew's Museum of Economic Botany. [PhD thesis]. L.: [S. n.], 2013. 452 p.
- Costantino G. Women in Enlightenment Science // *Biodiversity Heritage Library*. 2018. URL: <https://blog.biodiversitylibrary.org/2018/10/women-in-enlightenment-science.html>
- Easterby-Smith S. Botanical collecting in eighteenth-century London // *Curtis's Botanical Magazine*. 2017. № 34(4). P. 279–297.
- Eliina O.Yu. Private botanical gardens in Russia: Between noble culture and scientific professionalization (1760s–1917) // *The Global and the Local: The History of Science and the Cultural Integration of Europe. Proceedings of the 2nd ICESHS (Cracow, Poland, September 6–9, 2006)* / Ed. by M. Kokowski. Cracow: The Press of the Polish Academy of Arts and Sciences, 2007. P. 579–585.
- Fara P. Sex, Botany and Empire. The story of Carl Linney and Joseph Banks. Cambridge: Icon Books, 2003. 168 p.
- Feest Ch. F. Moravians and the Development of the Genre of Ethnography // *Ethnographies and Exchanges* / Ed. by A.G. Roeber. Statecollege: Penn State Press, 2008. P. 19–30.
- Flannery M. The 18th-century Passion for Botany: Women // *Herbarium World*. 2019. URL: <https://herbariumworld.wordpress.com/2019/06/10/the-18th-century-passion-for-botany-women>
- Frost A. The antipodean exchange: European Horticulture and imperial designs // *Visions of Empire: Voyages, botany and representations of nature* / Ed. by D.P. Miller, P.H. Reill. Cambridge: C.U.P., 1996. P. 58–79.
- Gardham J. «Curtis's Botanical Magazine» // *Glasgow Univ. Library. Special Collections Department. Book of the Month*. 2004. URL: <https://www.gla.ac.uk/myglasgow/library/files/special/exhibns/month/oct2004.html>
- George S. Epistolary Exchange: the Familiar Letter and the Female Botanist, 1760–1820 // *Journal of Literature and Science*. 2011. Vol. 4. № 1. P. 12–29.
- Gooding M. The Voyage of Endeavour, 1768–1771. The Making of Banks Florilegium I // Gooding M., Mabberley D., Studholme J. *Joseph Banks' Florilegium: Botanical Treasures from Cook's First Voyage*. L.: Thames & Hudson, 2019. P. 7–19.
- Gooding M., Mabberley D., Studholme J. *Joseph Banks' Florilegium: Botanical Treasures from Cook's First Voyage*. L.: Thames & Hudson, 2019. 320 p.

- Goodman J. *Painting the world: Joseph Banks and his collectors. An adventurous history of botany.* L.: William Collins, 2020. 560 p.
- Gould S. J. *The Mismeasure of Man.* N.Y.: W. W. Norton, 1980. 352 p.
- Kass L. *The New Biology: What Price Relieving Man's Estate?* // *Science.* 1971. Vol. 174. P. 779–788.
- Lack H.W. *A Garden Eden. Masterpieces of Botanical Illustration.* Köln: Taschen, 2016. 728 p.
- McDougall-Waters J., Moxham N., Fyle A. *Philosophical Transactions: 350 years of publishing at the Royal Society (1665–2015).* L.: Royal Society, 2015. 27 p.
- Patel S. *Presentations and Representations of Contact. James Cook and Joseph Banks at Tahiti. The Endeavour Voyage 1768–1771* // *Journal de la Societe des Oceanistes.* 2013. Vol. 136–137. P. 1–15.
- Royal botanic gardens, Kew: *World Heritage Site Nomination document / Prep. Chris Blandford Associates.* [L.]: Royal Botanic Gardens, Kew and Historic Royal Palaces, [2002]. 863 p.
- Sayre R.W. *Modernity and Its Other. The Encounter with North American Indians in the Eighteenth Century.* Lincoln; L.: Univ. of Nebraska Press, 2017. 405 p.
- Shapin S., Schaffer S. J. *Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life.* Princeton: Princeton Univ. Press, 1985. 445 p.
- Sigrist R., Widmer E.D. *Thainning links and transmission of knowledge in 18th Century botany: a social network analysis* // *REDES – Revista hispana para el analisis de redes sociales.* 2011. Vol. 21. № 7.
- Smith V. *Banks, Tupaia, and Mai: Cross-cultural exchanges and friendship in the Pacific* // *Paregron.* 2009. Vol. 26. № 2. P. 139–160.
- Sokoloff D.D., Balandin S.A., Gubanov I.A., Jarves Ch.E., Majorov S.R., Simonov S.S. *The history of botany in Moscow and Russia in the 18th and early 19th centuries in the context of the Linnaean Collection at Moscow University (MW)* // *HUNTIA. A Journal of Botanical History.* 2002. Vol. 11. № 2. P. 129–191.
- Thompson C. *Women Travellers, Romantic-era science and the Banksian empire* // *Rethinking of Joseph Banks. Notes and records of the Royal Society.* 2019. P. 431–455.
- Tyler-Whittle M.S. *The Plant Hunters, being an examination of collecting, with an account of the cares and methods of a number of those who have searched the world for wild plants.* L.: Chilton Book Company, 1972. 328 p.
- Widder A.H. *Women and Botany in the 18th and early 19th Century England* // *Michigan State University Libraries.* URL: <https://lib.msu.edu/exhibits/botany/>
- William Curtis // *Quakers in the world.* URL: <https://www.quakersintheworld.org/quakers-in-action/254/William-Curtis>

ГЛАВА 4

Источники

- 1752 р., лютого 29. Глухів. – Донесення генеральної старшини гетьманові К. Розумовському з проханнями про заборону вільних переходів посполитим // *Селянський рух на Україні. Середина XVIII – перша чверть XIX ст.* Київ: Наукова думка, 1978. С. 44–46.
- Беньян Д. *Путешествие пилигрима* // *TheLib.Ru.* URL: https://thelib.ru/books/benyand/puteshestvie_piligrima-read.html

- Беркли Дж. Сочинения. М.: Мысль, 2000. 560 с.
- Димитрий Ростовский. Письмо 4 Стефану Яворскому (24 февраля 1708 г.) // Федотова М.А. Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского: Исследование и тексты. М.: Индрик, 2005. С. 141–143.
- Жалованная грамота именитому человеку Григорию Дмитриевичу Строганову: 7200 (1692) года июля 25 // Андреев А.Р. Строгановы: [XIV–XX в.]: Энцикл. изд. М.: Белый волк, 2000. С. 253–329.
- Заводской устав Татищева // Горный журнал. 1831. Ч. 3. Кн. 9. С. 315–328.
- Иоанн (Максимович), свт. «Путник» – автобиографическое сочинение святителя Иоанна (Максимовича) / Подг. к публ. А.Е. Жуков // Вестн. церковной истории. 2012. № 1/2. С. 5–115; № 3/4. С. 53–130.
- Ломоносов М.В. О размножении и сохранении русского народа. [Письмо к И.И. Шувалову от 1 ноября 1761 г.] / Сообщ. П.П. Пекарским // Русская старина. 1873. Т. 8. № 10. С. 563–580.
- Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. В 10 т. М.; Л.: АН СССР, 1957. Т. 10. Служебные документы. Письма. 1734–1765. 934 с.
- О подражании Христу: Четыре книги Фомы Кемпийского / Пер. М.М. Сперанского. СПб.: Паньков, 1848. 542 с.
- Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век. Т. 3. 1740–1762 / Сост. П. Баранов. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1878. 513 с.
- Паломники-писатели петровского и послепетровского времени, или Путники во Святой Град Иерусалим / Прим. архим. Леонида. М.: Университ. тип., 1874. [2], IV, 129 с.
- Переписка Г.Н. Теплова. 1751–1762 гг. // Киселев М.А., Кочегаров К.А., Лазарев Я.А. Патроны, слуги и друзья. Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700–1760-х гг. Исследование и источники. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 1095–1212.
- Петти В. Политическая анатомия Ирландии // Петти В. Экономические и статистические работы. В 2 т. / Пер. под ред. М. Смит. М.: Соцэжгиз, 1940. Т. 1. С. 154–205.
- Письма гр. М.Л. Воронцова к И.И. Шувалову // Русский архив. 1864. № 4. Стб. 345–395.
- Письма графа Михайла Ларионовича Воронцова к гетману графу Кириле Григорьевичу Разумовскому // Архив князя Воронцова. Кн. 4. М.: Тип. Ф. Иогансон, 1872. С. 427–458.
- Письма малороссийского гетмана графа К.Г. Разумовского к графу М.Л. Воронцову // Архив князя Воронцова. Кн. 4. М., 1872. С. 379–426.
- Порошин С.А. Записки, служащая к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1881. 636 стб.
- Проект В.Н. Татищева 1735 г. об отправлении гиттенмейстера И. Улиха в Саксонию и Богемию для найма специалистов, обучении детей управителей уральских заводов в Европе и Академии наук // Уральский археографический альманах. 2005. Екатеринбург: Волот, 2005. С. 350–363.
- Промова Григорія Політики в загальних зборах українського шляхетства у Глухові про права, переваги й потреби України (1763 р.) // Український археографічний щорічник. Вип. 15. Київ: [Б. и.], 2010. С. 426–431.

- Разсуждение о пользе феоретической философии в обществе // Ежемесячныя сочинения к пользе и увеселению служащая. 1756. Сентябрь. С. 216–244.
- Соболева Л.С. «Предсказание» из рукописного сборника поучений «Статир»: автор и читатель в переходную эпоху // Вестн. Екатеринбург. духовной семинарии. 2020. № 3 (31). С. 337–368.
- Строгановская летопись // Летописи сибирские / Сост. и общ. ред. Е.И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1991. С. 105–190.
- Татищев В.Н. Записки. Письма. 1717–1750 гг. М.: Наука, 1990. 440 с.
- Татищев В.Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В.Н. Избранные произведения. Л.: Наука, 1979. С. 51–132.
- Теплов Г.Н. Знания, касающиеся вообще до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут // Общественная мысль России XVIII века. В 2 т. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2. *Philosophia moralis* / Сост. Т.В. Артемьева. С. 51–163.
- [Теплов Г.Н.] Записка о Малой России // Архив князя Воронцова. Кн. XXV. М.: Университет. тип., 1882. С. 350–381.
- [Теплов Г.Н.] Инструкция, как производить засевы разных табаков чужестранных в Малой России // Ежемесячныя сочинения и известия о учебных делах. 1763. Апрель. С. 321–342.
- Финкенштейн К. Общий отчет о русском дворе, 1748 // Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740–1750. М.: ОГИ, 2000. С. 289–326.
- Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах... В 7 т. СПб.: Тип. Акад. наук, 1781. Т. 1. 621 с.
- Эгалитаристские памфлеты в Англии середины XVIII в. / Пер., комм., вступ. ст. А.В. Чудинова; отв. ред. И.Н. Осиновский. М.: Наука, 1992. 368 с.
- A Following Holy Life Jeremy Taylor and His Writings. Norwich: Canterbury Press, 2011. 226 p.
- A Model of Christian Charity. By Governor John Winthrop. 1630 // Winthrop Society. URL: https://www.winthropsociety.com/doc_charity.php
- Bradford's History of 'Plimoth Plantation' From the Original Manuscript. With a Report of the Proceedings Incident to the Return of the Manuscript to Massachusetts // Project Gutenberg. URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/24950>
- Bunyan J. Grace Abounding to the Chief of Sinners: A Brief Relation of the Exceeding Mercy of God in Christ to His Poor Servant, January 1, 1666. [S. l.]: Create Space. Independent Publishing Platform, [N. d.] 94 p.
- Cotton J. Master John Cottons Reply to Master Roger Williams, 1647 // The Complete Writings of Roger Williams. In 7 vols. N.Y.: Russell & Russell, 1963. Vol. 2. P. 144–145.
- Eikon Basilike. The Pourtrature of His Sacred Majestie in His Solitudes and Sufferings. 1649. English Short Title Catalogue Citation Number – ESTC R34429.
- John Winthrop to John Endecott, 3 January 1634 // Winthrop Papers. Vol. III. 1631–1637. Boston: The Mississippi Valley Historical Association, 1943. P. 147–148.
- Locke J. A Letter Concerning Toleration, 1685 / Ed. by J.H. Tully. Indianapolis: Hackett Publishing Co, 1983. 72 p.
- Purchas S. Hakluytus Posthumus, or Purchas His Pilgrimes. In 4 vols. L.: Imprinted for H. Fetherston, 1625.

- Sprat T. The History of the Royal Society of London. For the Improving of Natural Knowledge. 3rd ed., corr. L.: Print. for Samuel Chapman, 1722. 438 p.
- The Economic Writings of Sir William Petty / Ed. by C.H. Hull. In 2 vols. Cambridge: Univ. Press, 1899.
- The Leveller Tracts, 1647–1653 / Ed. by W. Haller, D. Godfrey. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1944. 481 p.
- The Pilgrim's Progress from This World, to That Which Is to Come, 1678. The works of John Bunyan. Pilgrimage The English Experience from Becket to Bunyan / Ed. by C. Morris, P. Roberts. June 2010 // Gutenberg EBook. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/6049/pg6049.html>
- The Political and Commercial Works of that Celebrated Writer Charles D'Avenant / Coll. and rev. by Sir Ch. Whitworth. In 5 vols. L.: R. Horsfield... T. Becket and P.A. De Hondt, and T. Cadell in the Strand, and T. Evans, 1771. Vol. 1. 430 p.
- The Works of Berkeley, D.D.; Formerly Bishop of Cloyne, Including his Posthumous Works / By A. Campbell Fraser. In 4 vols. Oxford: Clarendon Press, 1901. Vol. 4. Miscellaneous Works, 1707–1750. 611 p.
- Wallace R. A Dissertation on the Numbers of Mankind in Antient and Modern Times: in which the Superior Populousness of Antiquity is Maintained, With an Appendix, Containing Additional Observations on the Same Subject, and Some Remarks on Mr. Hume's Political Discourse, of the Populousness of Antient Nations. Edinburgh: G. Hamilton & J. Balfour, 1753. 331 p.
- Wallace R. A Dissertation on the Numbers of Mankind, in Antient and Modern Times. 2nd ed., revised and corrected. Edinburgh: Print. for Archibald Constable and Co., 1809. 338 p.
- Wallace R. Characteristics of the Present Political State of Great Britain. L.: A. Millar, 1758. 227 p.
- Wallace R. Various Prospects of Nature, Mankind and Providence. To which is added Ignorance and superstition, a source of violence and cruelty, a sermon preached in the High Church of Edinburgh, January 6, 1746. L.: A. Millar, 1761. 406 p.
- Wallace R. A View of the Internal Policy of Great Britain. L.: A. Millar, 1764.

Литература

- Андреев А.И. Труды В.Н. Татищева по истории России // Татищев В.Н. История Российская. В 7 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 1. С. 5–38.
- Аникин А.В., Аникин В.А. Уильям Петти. М.: Экономика, 1986. 96 с.
- Аронова А.А. 73 дня из жизни архитектора Петра Еропкина // Век Просвещения. Вып. 1. Пространство европейской культуры в эпоху Екатерины II / Отв. ред. С.Я. Карп. М.: Наука, 2006. С. 429–450.
- Беседин А.П. Моральная философия Беркли и ее развитие // Историко-философский ежегодник – 2016. М.: Аквилон, 2016. С. 93–117.
- Брайцева О.И. Строгановские постройки рубежа XVII–XVIII веков. М.: Стройиздат, 1977. 176 с.
- Британская империя: становление, эволюция, распад / Под общ. ред. В.В. Высоковой. Екатеринбург: Волот, 2010. 188 с.
- Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. М.: Прогресс-Литера, 1993. 624 с.

- Бусыгин В.В., Пивоваров Б., прот., Э.П.Б., Софронова М.Н. Иоанн (Максимович), митрополит Тобольский и вся Сибири // Православная энциклопедия. М.: Православ. энцикл, 2010. Т. 23. С. 219–230.
- Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. В 5 т. СПб.: Тип. М.М. Сталосевича, 1880. Т. 1. 486 с.
- Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М.: Соцэкгиз, 1962. 306 с.
- Вклад. Художественное наследие Строгановых XVI–XVII веков в музеях Сольвычегодска и Пермского края. Пермь: ПГХГ, 2017. 728 с.
- Воронцов А.В., Глотов М.Б. М.В. Ломоносов о сохранении и размножении русского народа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2012. № 1. С. 170–182.
- Горбунов А.Н. Джон Донн и английская поэзия XVI–XVII вв. М.: Изд-во МГУ, 1993. 186 с.
- Горбунов А.Н. Знакомство с Библией. М.: Прогресс-Традиция, 2016. 536 с.
- Готовцева А.Г. «Сие есть наиболее полезное для русского общества»: журнал «Ежемесячные сочинения» как интеграционный просвещенческий проект середины XVIII века. М.: Изд. дом ЯСК, 2019. 376 с.
- Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2008. 528 с.
- Дергачева-Скоп Е.И. «Похвала» Сибири С.У. Ремезова // ТОДРЛ. М.; Л.: Наука, 1965. Т. 21. С. 266–274.
- Киселев М.А. Гоббс как знаковая фигура в российских политических текстах XVIII – начала XIX века // Вестник Оренбург. гос. пед. ун-та. 2018. № 3. С. 107–120.
- Киселев М.А. Обстоятельный манифест о восшествии Екатерины II на престол 1762 г.: авторство и идейные истоки // Современная научная мысль. 2018. № 5. С. 48–63.
- Ковальчук А.В. Экономическая политика правительства Екатерины II во второй половине XVIII в. Идеи и практики. М.: Нестор-история, 2017. 424 с.
- Комиссаренко А.И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в.: (Очерки истории секуляризационной реформы 1764 г.). М.: ВЗПИ, 1990. 203 с.
- Кочеткова Н.Д. Теплов Григорий Николаевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. Р–Я. СПб.: Наука, 2010. С. 230–235.
- Лаврентьев А.В. Кабинет-министр Артемий Петрович Волынский и воевода Дмитрий Михайлович Бобринский. Опыт изучения и мемориализации Куликовской битвы в России первой половины XVIII в. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. 98 с.
- Лазарев Я.А. «С великою пользою великороссийскою»: проект первого украинского университета в контексте интеграции украинской казацкой элиты // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 127–139.
- Лазарев Я.А. Проект экономических преобразований на Гетманской Украине генерала И.Б. Вейсбаха 1733 г. // Славянский альманах. 2016. № 3–4. С. 56–78.
- Маркер Г. Из глубины молчания: в поисках контуров монашеского Я «долгой» Петровской эпохи (1680–1720-е) // Вера и личность в меняющемся обществе: Автобиографика и православие в России конца XVII – начала XX века / Под ред. Л. Манчестер, Д.А. Сдвижкова. М.: НЛЮ, 2019. С. 60–88.

- Мезенина Т.Г., Мосин А.Г., Мудрова Н.А., Неклюдов Е.Г. Род Строгановых: [Культурно-исторические очерки]. Екатеринбург: Изд. дом «Сократ», 2007. 256 с.
- Мозговая Е.Б. «Врата триумфальные именитаго человека Строганова» 1709 года // Строгановы и Пермский край. Материалы науч. конф. 4–6 февраля 1992 г. Пермь: [Б. и.], 1992. С. 20–27.
- Монкретьен Антуан де // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. М.: Мысль, 2004. Т. 1. С. 161–182.
- Николаев С.И. Литературные занятия Ивана Максимовича // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1985. Т. 40. С. 385–399.
- Николаев С.И. Максимович Иоанн // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. К–П. СПб.: Наука, 1999. С. 266–267.
- Ольшевская Л.А., Травников С.Н. Жизнь и путешествие Ипполита Вишенского // Ипполит, иером. Пелгримация, или Путешественник Ипполита Вишенского. 1707–1709. М.: Наука, 2019. С. 125–244.
- Осповат К. Придворная словесность: институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М.: НЛЮ, 2020. 480 с.
- Павленко Н.И. «Наказ шихтмейстеру» В.Н. Татищева // Исторический архив. 1951. Т. 6. С. 223–225.
- Панегирическая литература Петровского времени / Изд. подг. В.П. Гребенюк; Под ред. О.А. Державиной. М.: Наука, 1979. 311 с.
- Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, 1973. 280 с.
- Перышкин М.П. Образование канцелярий статс-секретарей в 1762–1764 гг. // Проблемы отечественной истории. Вып. 8. / Под общ. ред. П.Т. Тимофеева. М.: Изд-во РАГС, 2004. С. 47–64.
- Пивоваров Б., прот. Краткие сказания о начале православного просвещения Сибири, об Абалацкой иконе Божией Матери и о сибирских святых // Богословский сборник Новосиб. православл. дух. семинарии. 2017. Вып. 11. С. 51–118.
- Посохова Л. Митрополит Іоан (Максимович) про «своє» та «чуже» в автобіографічному творі «Подорожній» (1711 р.) // Харківський історіографічний збірник. 2016. Вип. 15. С. 218–227.
- Преображенский А. Монументальная живопись Благовещенского собора // Вклад. Художественное наследие Строгановых XVI–XVII веков в музеях Сольвычегодска и Пермского края. Пермь: ПГХГ, 2017. С. 156–231.
- Птуха М. Очерки по истории статистики XVII–XVIII веков. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1945. 352 с.
- Ромодановская Е.К. Литературно-публицистическая деятельность тобольских архиереев // История литературы Урала. Конец XIV – XVIII в. М.: Языки славян. культуры, 2012. С. 215–224.
- Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славян. культуры, 2006. 894 с.
- Сафронова А.М. В.Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга: опыт исторической реконструкции. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 552 с.
- Сафронова А.М. В.Н. Татищев и организация первой латинской школы в Екатеринбурге. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 290 с.

- Сафронова А.М. В.Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в. К 330-летию со дня рождения. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 299 с.
- Сафронова А.М. Инструкция В.Н. Татищева о порядке школьного преподавания (публикация документа) // Уральский археографический ежегодник за 1973 год. Свердловск: [Б. и.], 1975. С. 95–98.
- Сафронова А.М. Личная библиотека В.Н. Татищева в Екатеринбурге. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 408 с.
- Сафронова А.М. Первая немецкая школа раннего Екатеринбурга. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 184 с.
- Сафронова А.М. Первые иноязычные школы раннего Екатеринбурга (1735–1750-е гг.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 432 с.
- Серафим (Шлыков), иеродиак. Святитель Иоанн Тобольский и его богословское наследие: дис. ... канд. богословия. Загорск: [Б. и.], 1985.
- Серов Д.О. Строители Империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1996. 263 с.
- Слудковская М.А. Политическая экономия Антуана де Монкретьена (К 400-летию выпуска «Трактата по политической экономии») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6: Экономика. 2016. № 2. С. 154–205.
- Соболева Л.С. Литературные памятники Строгановского региона (XVII–XVIII вв.). Статир // История литературы Урала. Конец XIV – XVIII в. М.: Языки славян. культуры, 2012. С. 158–172.
- Соболева Л.С. Проповедь на праздник Акафиста Богородице в рукописи XVII в.: историко-литературный контекст и архитектоника // Constantine's Letters. 2021. Т. 14. № 2. С. 84–97.
- Собственность в России: Средневековье и раннее Новое время. М.: Наука, 2001. 283 с.
- Такала И. «Начала сего полагаю самым главным делом». М.В. Ломоносов о сохранении и размножении российского народа. Доклад на семинаре «Михайло Васильевич Ломоносов: Наука, Академия, Символ». Хельсинки, 21–22 марта 2012 года // LiteraruS. 2012. № 3.
- Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке: к вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 336 с.
- Федоров С.Е. «Restored to the Whole Empire & Name of Great Briteigne»: композитарная монархия и ее границы при первых Стюартах // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Под ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2011. С. 202–224.
- Федюкин И. Прожектеры: политика школьных реформ в России в первой половине XVIII века. М.: НЛО, 2020. 424 с.
- Фомин С.В. Последний царский святой: Святитель Иоанн (Максимович), митрополит Тобольский, Сибирский чудотворец. Житие. Чудеса. Прославление. Служба. Акафист. СПб.: О-во свт. Василия Великого, 2003. 702 с.
- Хилл К. Английская Библия и Революция XVII в. / Пер. Т.А. Павловой. М.: ИВИ РАН, 1998. 490 с.
- Черная Л.А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М.: Языки русской культуры, 1999. 288 с.

- Чудинов А.В. «Предшественники социализма» поневоле // Эгалитаристские памфлеты в Англии середины XVIII в. / Пер., коммент., вступ. ст. А.В. Чудинова; отв. ред. И.Н. Осинковский. М.: Наука, 1992. С. 5–40.
- Шевченко Ю.Ю. Абалацкая икона Богородицы и коллизии жития свт. Иоанна Тобольского (Максимовича) // Сибирский сборник – 1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. СПб.: Кунсткамера, 2009. Кн. 2 / Отв. ред. Л.П. Павлинская. С. 7–20.
- Шильникова Т.В. «Путник» Иоанна Максимовича митрополита Тобольского как жанровая модификация путевой литературы XVIII в. // Дергачевские чтения – 2018. Литература регионов в свете гео- и этнопоэтики. Материалы XIII Всерос. науч. конф. (г. Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.). Екатеринбург: УрО РАН, 2019. С. 90–97.
- Шильникова Т.В. Репрезентация древнерусской житийной традиции в биографических произведениях об Иоанне Тобольском. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: [Б. и.], 2009. 244 с.
- Элиот Т. Мильтон II // Литература эпохи просвещения. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/eliot-milton.htm>
- Armitage D. The Ideological Origins of the British Empire. Cambridge: C.U.P., 2000. 239 p.
- Bailyn B. Ideological Origins of the American Revolution. [S. l.]: Belknap Press: An Imprint of Harvard Univ. Press. 2017. 432 p.
- Beer G.L. The Origins of the British Colonial System, 1578–1660. L.: Macmillan, 1908. 438 p.
- Bernard B. Religion and Revolution: Three Biographical Studies // Perspectives in American History. 1970. № 4. P. 85–169.
- Bremer F. John Winthrop: America's Forgotten Founder. N.Y.: O.U.P. 2003. 478 p.
- Bruce F.F. History of the Bible in English: From the Earliest Versions. N.Y.: O.U.P., 1978. 288 p.
- Butler J. Awash in a Sea of Faith: Christianising the American People. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1990. 376 p.
- Clark J.C.D. English Society 1688–1832: Ideology, Social Structure and Political Practice during the Ancien Regime. Cambridge: C.U.P., 1985. 422 p.
- Clark J.C.D. Revolution and Rebellion: State and Society in England in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Cambridge: C.U.P., 1986. 183 p.
- Clark J.C.D. The Language of Liberty, 1660–1832: Political Discourse and Social Dynamics in the Anglo-American World. Cambridge: C.U.P., 1994. 404 p.
- Colley L. Britons: Forging the Nation, 1707–1832. New Haven: Yale Univ. Press, 1992. 429 p.
- Collinson P. English Puritanism. L.: Historical Association, 1983. 47 p.
- Collinson P. Godly People: Essays on English Protestantism and Puritanism. L.: Hambledon Press, 1983. 498 p.
- Collinson P. The Elizabethan Puritan Movement. L.: Methuen, 1967. 527 p.
- Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559–1625. Oxford: Clarendon Press, 1982. 558 p.
- Daniel W.L. Grigorii Teplov: A Statesman at the Court of Catherine the Great. Newtonville: Oriental Research Partners, 1991. 193 p.

- Derrida J. *The Beast and the Sovereign*. In 2 vols. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 2009.
- Drayton R. *Knowledge and Empire // The Oxford History of the British Empire*. In 5 vols. Oxford: Oxford Univ. Press, 1998. Vol. 2. P. 231–252.
- Eliot T.S. *On Poetry and Poets*. L.: Faber and Faber, 1957. 262 p.
- Etkind A. *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Cambridge: Polity Press, 2011. 289 p.
- Ferguson S. *Foreword // The Art of Prophesying*. Edinburgh; Carlisle, PA: Banner of Truth Trust, 1996. 206 p.
- Gardiner S. *History of England from the Accession of James I to the Outbreak of the Civil War 1603–1642*. In 10 vols. L.: Hurst and Blackett, 1863–1882.
- Gillingham J. *Images of Ireland 1170–1600: The Origins of English Imperialism // History Today*. 1987. № 37. P. 2–22.
- Gillingham J. *The Beginnings of English Imperialism // Journal of Historical Sociology*. 1992. № 5. P. 392–409.
- Glimpses of Glory: John Bunyan and English Dissent / Ed. by R.L. Greaves*. Stanford: S.U.P., 2002. 665 p.
- Greenfeld L. *Nationalism: Five Roads to Modernity*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1992. 596 p.
- Haller W. *Foxe's Book of Martyrs and the Elect Nation*. L.: J. Cape, 1967. 260 p.
- Haller W. *Liberty and Reformation in the Puritan Revolution*. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1955. 410 p.
- Haller W. *The Rise of Puritanism*. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1938. 464 p.
- Haller W. *The Works of John Milton*. 18 vols. N.Y.: Columbia U.P., 1931–1938.
- Hechter M. *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development*. 2nd ed. L.: Routledge, 1998. 363 p.
- Hill C. *God's Englishman Oliver Cromwell*. L.: Penguin Books, 1997. 320 p.
- Hill C. *The English Bible and the Seventeenth-Century Revolution*. Allen Line: Penguin Press, 1993. 466 p.
- Hill C., Dell E. *The Good Old Cause, 1640–1660, 1943*. N.Y.: Augustus M. Kelley, 1969. 480 p.
- Hull C.H. *Introduction // The Economic Writings of Sir William Petty / Ed. by C.H. Hull*. In 2 vols. Cambridge: Univ. Press, 1899. Vol. 1. P. XIII–XXXIII.
- Kenneth R.A. *Trade, Plunder and Settlement: Maritime Enterprise and the Genesis of the British Empire, 1480–1630*. Cambridge: C.U.P., 1984. 404 p.
- Kollmann N.S. *The Russian Empire 1450–1801*. Oxford: O.U.P., 2017. 512 p.
- Lawson P. *The Missing Link: The Imperial Dimension in Understanding Hanoverian Britain // The Historical Journal*. 1986. № 29. P. 747–751.
- Marshall P. *The First and Second British Empires: A Question of Demarcation // History*. 1964. Vol. 49. P. 13–23.
- Meyer C.S. *Anglican and Puritan: The Basis of Their Opposition, 1558–1640*. Stanford: S.U.P., 1964. 140 p.
- Miller P. *The New England Mind: The Seventeenth Century*. [S. l.]: Belknap Press, 1983. 542 p.
- Miller P. *Religion and Freedom of Thought*. Garden City: Doubleday, 1954. 64 p.
- Miller P. *Errand into the Wilderness*. Cambridge: The Belknap Press, 1956. 244 p.

- Miller P. The New England Mind: From Colony to Province. [S. l.]: Ulan Press, 2012. 532 p.
- Moore J. B. Lives of the Governors of New Plymouth and Massachusetts Bay. Boston: Adamant Media Corporation, 2003. 446 p.
- Oxford History of the British Empire / Gen ed. W. Roger Louis. In 5 vols. Oxford: O.U.P., 1998–1999.
- Pagden A. Lords of All the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France c. 1500 – c. 1800. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 1998. 244 p.
- Protestantism and National Identity: Britain and Ireland c. 1650 – c. 1850 / Ed. by T. Claydon and I. McBride. Cambridge: C.U.P., 1998. 317 p.
- Rees D. The English State and the ‘Celtic’ Peoples 1110–1400 // Journal of Historical Sociology. 1993. № 6. P. 1–14.
- Richardson R.C. Puritanism and Historical Controversy // CLIO. 2000. Vol. 29. № 4. P. 449–458.
- Spurr J. The post-reformation: religion, politics and society in Britain 1603–1714. L.: Routledge, 2006. 408 p.
- Strauss E. Sir William Petty. Portrait of a Genius. L.: The Bodley Head, 1954. 260 p.
- Tawney R. Religion and the Rise of Capitalism. N.Y.: Harcourt, Brace and Company. 1926. 337 p.
- The Cambridge History of the British Empire / Gen. eds. J. Holland Rose, A.P. Newton and E.A. Benians. In 9 vols. Cambridge: C.U.P., 1929–1961.
- The Devoted Life: An Invitation to the Puritan Classics / Ed. by K. Kelly, G. Randall. [S. l.]: InterVarsity Press, 2004. 318 p.
- The Return of Grand Theory in the Human Sciences / Ed. by Q. Skinner. Cambridge, N.Y.: C.U.P., 1985. 215 p.
- Thomas R.M. Ideologies of the Raj // The New Cambridge History of India. In 5 vols. Cambridge: C.U.P., 1994. Vol. 3. P. 3–10.
- Waddell D. Charles Davenant (1656–1714). A Biographical Sketch // Economic History Review. New Series. 1958. Vol. 11. № 2. P. 279–288.
- Walker D.P. The Decline of Hell: Seventeenth-Century Discussions of Eternal Torment. L.: Routledge & Kegan Paul, 1964. 272 p.

ГЛАВА 5

Источники

- Записка 1801 г. о нуждах малороссийского дворянства // Киевская старина. 1890. Август. Док., изв. и заметки. С. 310–316.
- Записка о начале, происхождении, и достоинстве Малороссийского дворянства, писанная маршалом Роменского повета Василием Полетикою // Киевская старина. 1893. Январь. Прил. С. 1–14.
- Записка об отношениях России к Литве, Малороссии и Запорожью // Архив князя Куракина. Кн. 3. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1892. С. 240–242.
- Записка о преимуществах чинов Малороссийских. Сочинена статским советником Адрианом Челою 1809 года, февраля 18 дня // Киевская старина. 1897. Апрель–май. Прил. С. 23–39.
- Изъявления прибыточныя государству. Федора Салтыкова, 1714 года // Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра

- Великаго: опыт изучения русских проектов, неизданные их тексты. СПб.: Тип. В. Киришаума, 1897. С. 18–19.
- Макферсон Дж. Поэмы Оссиана / Под ред. Ю.Д. Левина. Л.: Наука, 1983. 589 с.
- Материалы для Отечественной истории / Изд. М. Судиненко. Т. 2. Киев: Университет. тип., 1855. С. 167–168.
- Письма генерал-губернатора Князя А.Б. Куракина из Малороссии // Труды Полтавской архивной комиссии. 1903. Вып. 6. Ч. 1. С. 41–75.
- Письма Д.П. Трошинского, 1798–1813, М.П. Миклашевскому // Киевская старина. 1890. Апрель. Док., изв. и зам. С. 151–152.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 1093 с.
- Прошение Малороссийских депутатов во время составления Уложения // Наказы малороссийских депутатов 1767 года и акты о выборах депутатов в Комиссию сочинения Уложения. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1890. С. 177–184.
- Прошение малороссийского шляхетства и старшины, вместе с гетманом, о возстановлении разных старинных прав Малороссии, поданное Екатерине II в 1764 году // Киевская старина. 1883. Июнь. С. 317–345.
- Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 117. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 6 (1737) / Под ред. А.Н. Филиппова. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1904. 787 с.
- A Letter from David Hume, Paris, 5 Sept. 1765 // The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith / Ed. by E.C. Mossner, I.S. Ross. Indianapolis: LibertyClassics, 1987. P. 106–107.
- A Letter to David Hume, Toulouse (?), Sept. 1765 // The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith... P. 107–108.
- Alison A. History of Europe during the French Revolution. In 10 vols. Edinburg; L.: William Blackwood, 1833–1842.
- Blair H. A Critical Dissertation on the Poems of Ossian, the Son of Fingal. L.: T. Becket and P.A. De Hondt, 1763. 134 p.
- Boswell J. Life of Johnson. Oxford: O.U.P., 1998. 1492 p.
- Boswell J. The Journal of a Tour to the Hebrides with Samuel Johnson, LL.D. L.: H. Baldwin, 1785. 524 p.
- Boswell J. The Life of Samuel Johnson, LL.D. In 8 vols. L.: J. Murray, 1835. Vol. 4. 343 p.
- Boswell's London Journal 1762–1763 / Ed. by F.A. Pottle. L.: Futura, 1982. 404 p.
- Brodie G. A History of the British Empire from the Accession of Charles I to the Restoration. In 2 vols. Edinburgh: Print. for Bell & Bradfute, 1882.
- Burgon J.W. The Portrait of a Christian gentlemen, a memoir of Patrick Fraser Tytler. L.: John Murray, Albemarle street, 1859. 356 p.
- Burton J.H. History of Scotland. 8 vols. Edinburgh; L.: Blackwood and Sons, 1876.
- Chambers R. History of Scotland. In 2 vols. L.: Richard Bentley, 1849. Vol. 2. 183 p.
- Copy of a Letter from David Hume, Esq. to the Reverend Dr Hugh Blair, on the subject of Ossian's Poems, 19th Septem. 1763 // Report of the Committee of the Highland Society of Scotland Appointed to Inquire into the Nature and Authenticity of the Poems of Ossian. Edinburgh: Print. at the Univ. Press, 1805. P. 4–8.

- Defoe D. An essay at removing national prejudices against a Union with Scotland. To be continued during the treaty here. 2 parts. L.: [S. n.], 1706. Part 1. 32 p.
- Defoe D. The History of the Union of Great Britain, Edinburgh: The Heirs of Anderson, 1709. 312 p.
- Hume D. Of National Characters // Essays and Treatises on Several Subjects. L.: A. Millar, 1758. P. 119–129.
- Innes Cosmo. Sketches of Early Scottish History and Social Progress. Edinburgh: Edmonston and Douglas, 1861. 574 p.
- Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland // Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. Vol. 9 / Ed. by M. Lascelles. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 1971. 198 p.
- Johnson S. To Hester Thrale, 6 September 1773 // The Letters of Samuel Johnson. Vol. 2. / Ed. by B. Redford. Oxford: Clarendon Press, 1992. P. 62–67.
- Lockhart G. Memoirs concerning the affairs of Scotland, from Queen Anne's accession to the throne, to the commencement of the Union of the two kingdoms of Scotland and England, in May, 1707. L.: J. Baker, 1714. 420 p.
- Lord Cockburn. A Bicentenary Commemoration. 1779–1979 / Ed. by A. Bell. Edinburg: Scottish Academic Press, 1979. 204 p.
- Lord Cockburn. Circuit Journeys. Hawick: Byway Books, 1983. 256 p.
- M'Nicol D. Remarks on Dr. Johnson's Journey to the Hebrides; in which are contained, Observations on the Antiquities, Language, Genius, and Manners of the Highlanders of Scotland. L.: Print. for T. Cadell, 1779. 371 p.
- Macpherson J. A Dissertation Concerning the Antiquity of the Poems of Ossian the Son of Fingal // Fingal, an Ancient Epic Poem. Together with Several Other Poems, Composed by Ossian the Son of Fingal. 6 Books. Dublin: R. Fitzsimons, 1762. P. 19–38.
- Macpherson J. An Introduction to the History of Great Britain. L.: T. Becket and P. A. De Hondt, 1771. 308 p.
- Macpherson J. Critical Dissertations on the Origin, Antiquities, Language, Government, Manners, and Religion, of the Ancient Caledonians, Their Posterity the Picts, and the British and Irish Scots. L.: T. Becket and P.A. De Hondt, 1768. 382 p.
- Murphy A. An Essay on the Life and Genius of Samuel Johnson. L.: Print. for T. Longman, 1792. 187 p.
- O'Connor Ch. Dissertations on the History of Ireland, to Which is Subjoined a Dissertation on the Irish Colonies Established in Britain with Some Remarks on Mr. MacPherson's Translation of Fingal and Temora. Dublin: G. Faulkner, 1766. 398 p.
- O'Connor Ch. Ogygia Vindicated: Against the Objections of Sir George Mac Kenzie, King's Advocate for Scotland in the Reign of King James II. (A Posthumous Work) by Roderic O'Flaherty... Dublin: G. Faulkner, 1775. P. 25–48.
- Pinkerton J. An Enquiry into the history of Scotland. In 2 vols. Edinburgh: Bannatyne Club, 1814.
- Reasons For An Union Between the Kingdoms of England and Scotland. L.: [S. n.], 1706. 31 p.
- Saunders B. Life and Letters of J. Macpherson. L.: Swan Sonnenschein and Co; N.Y.: Macmillan and Co, 1894. 327 p.

- Scott W. *Memoirs // Scott on Himself, A Selection of the Autobiographical Writings of Sir Walter Scott* / Ed. by D. Hewitt. Edinburgh: Scottish Academic Press, 1981. P. 1–44.
- Scott W. *Tales of a Grandfather // Miscellaneous Prose Works*. Edinburgh: R. Cadell, 1834–1836. Vol. 27–28.
- Sir W. Scott. *History of Scotland // Lardner D. Cabinet Cyclopaedia*. In 2 vols. L.: Longman, Rees, Orme, Brown & Green; & John Taylor, 1830. Vol. 1. 352 p.
- Sir W. Scott. *The Minstrelsy of the border Ballads*. L.: T. Cadell, Jun. and W. Davies, 1802. 424 p.
- Skene W.F. *Celtic Scotland: a history of ancient Alban*. In 3 vols. 2nd ed. Edinburgh: Douglas, 1890. Vol. 3. Land and people. 564 p.
- Smith A. *The Theory of Moral Sentiments*. N.Y.: A.M. Kelly Publ., 1966. 538 p.
- The Letters of Junius* / Ed. by J. Cannon. Oxford: Clarendon Press, 1978. 643 p.
- The Price Letters, 1767–1790 // Proceedings of Massachusetts Historical Society*. Ser. 17. 1903. P. 263–378.
- Tytler A.F. *Elements of general history, ancient and modern*. Edinburgh: Murray and Cockrane, 1801. 369 p.
- Tytler P.F. *History of Scotland*. In 9 vols. Edinburgh: William Tait, 1828–1843.
- Warner F. *Remarks on the History of Fingal, and other Poems of Ossian*. L.: H. Payne, W. Cropley, and J. Walter, 1762. 44 p.
- William Setton of Pitmedden. *Scotland's Great Advantages By An Union with England: Shown in a Letter From the Country, To a Member of Parliament (1706) // Glasgow Univ. Library Special Coll. Unit, J. Dean Ogilvie Coll.*
- Wilson D. *Prehistoric Annals of Scotland*. In 2 vols. L.: MacMillan & Co, 1863.

Литература

- Авсеенко В. Малороссия в 1767 г. Эпизод из истории XVIII ст. По неизданным источникам. Киев: Университет. тип., 1864. 152 с.
- Бочкарев В. Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II по материалам Законодательной комиссии 1767 года // *Русская старина*. 1915. № 4; № 5.
- Бутров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 480 с.
- Василенко М.П. Г.Н. Теплов і його «Записки о неурядках в Малороссии» // *Записки Українського наукового Товариства в Києві*. 1911. Кн. 2. С. 17–41.
- Возражение депутата Григория Полетики // *ЧОИДР*. 1858. Кн. 3. С. 23–54.
- Горобець В. *Влада та соціум Гетьманату. Дослідження з політичної і соціальної історії ранньомодерної України*. Київ: Ін-т історії України НАН України, 2009. 270 с.
- Гуржій Олександр, Чухліб Тарас. *Гетьманська Україна*. Київ: Альтернативи, 1999. 304 с.
- Журба О. Понятие «Малороссия» и национальные прецеденты XVIII–XIX века // *Ред. Р. Камберова // Българска украинистика*. 2020. № 9. С. 199–209.
- Журба О.И. Региональное историописание второй половины XVIII – первой половины XIX вв. в плену «украинского национального возрождения»

- (проблемы украинской исторической и историографической культуры) // Мир историка. 2013. Вып. 8. С. 124–165.
- Журба О.И., Литвинова Т.Ф. Гетманщина в представлениях украинской интеллектуальной элиты второй половины XVIII – середины XIX в. Часть 2. Новые образы Отчизны // Диалог со временем. 2021. Вып. 75. С. 335–345.
- Журба О.И. «Представьте Вы себе, какой зверь был гетман! Это были пренецистивые деспоты!» (з листа свідомого українського патріота, автономіста та традиціоналіста початку XIX століття) // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. 2009. С. 161–220.
- Журба О.И. «Українські» національні проекти довгого XIX ст. в імперському просторі // Історія та історіографія в Європі. 2019. Вып. 6. С. 62–69.
- Імперські ідентичності в українській історії XVIII – першої половини XIX ст. Львів: Вид-во Українського католицького ун-ту, 2020. 304 с.
- Калакура Я.С. Українська історіографія. Київ: Генеза, 2012. 512 с.
- Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 125–144.
- Касьянов Г.В. Past Continuos: Історична політика 1980-х – 2000-х: Україна та сусіди. Київ: Laurus, 2018. 420 с.
- Когут З. Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної та модерної історії України. Київ: Критика, 2004. 352 с.
- Когут З. Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини 1760–1830. Київ: Основи, 1996. 317 с.
- Колесник І.І. Українська історіографія (XVIII – початок XX століття). Київ: Генеза, 2000. 256 с.
- Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И. Малоросс // «Понятия о России»: К семантике имперского периода. М.: НЛЮ, 2012. С. 392–443.
- Кравченко В.В. Нариси з української історіографії епохи національного Відродження (друга полов. XVIII – сер. XIX ст.). Харків: Основа, 1996. 296 с.
- Круглова Т.А. Экономическая структура городских хозяйств Левобережной Украины в XVIII в. (по материалам Генеральной описи 1765–1769 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1989. 176 с.
- Лазарев Я.А. «Глаза и руки Ли государевы?» роль резидентов при гетманском дворе в контексте российско-украинских отношений в 10-е гг. XVIII в. // Ист. вестн. 2013. Т. 6. С. 82–111.
- Лазарев Я.А. Идейное поле «национального» интеллектуала имперского периода: взгляды Г.А. Полетики (1725–1784) на «украинскую государственность» // Slověne=Словѣне. 2016. № 1. С. 184–202.
- Лазарев Я.А. Культурные механизмы интеграции украинской казацкой элиты в общеимперское дворянство // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8. № 1. С. 270–282.
- Лазарев Я.А. Российское правительство и украинская казацкая элита: особенности взаимоотношений в период функционирования Малороссийской коллегии (1722–1727) // Славяноведение. 2016. № 4. С. 41–51.
- Латкин В.Л. Законодательные комиссии в России. СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1887. Т. 1. 607 с.
- Литвинова Т.Ф. Г.А. Полетика: «публичный интеллектуал» второй половины XVIII в. // Вестн. Омск. ун-та. Исторические науки. 2015. № 2(6). С. 79–86.

- Литвинова Т.Ф. «Помещичья правда»: дворянство Левобережной Украины и крестьянский вопрос в конце XVIII – первой половине XIX века. М.: НЛЮ, 2019. 648 с.
- Литвинова Т.Ф. «Сословные нужды и желания» дворянства Лівобережної України на початку XIX ст. // Український історичний журнал. 2005. № 2. С. 67–78.
- Литвинова Т.Ф. Малоросс в российском культурно-историографическом пространстве второй половины XVIII в. // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. 2001. С. 28–64.
- Максимович Г. Выборы и наказы в Малороссии в Законодательную комиссию 1767 г. Ч. 1. Нежин: [Б. и.], 1917. 332 с.
- Малкин С.Г. Лаборатория империи: мятеж и колониальное знание в Великобритании в век Просвещения. М.: НЛЮ, 2016. 656 с.
- Малороссы vs украинцы: украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. 528 с.
- Мацузато К. Ядро или периферия империи? Генерал-губернаторство и малороссийская идентичность // Український гуманітарний огляд. 2002. Вип. 7. С. 76–78.
- Миллер Д. Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии. Суды земские, городские и подкоморские в XVIII в. // Сб. Харьк. ист.-филол. о-ва. 1896. Т. 8. С. 6–233.
- Модзалевский В.Л. Толстой П.П. // Русский биографический словарь. Т. 25. (Тобизен – Турганев). М.: Аспект Пресс, 1999.
- Павловский И.Ф. Кн. Репнин в его отношениях к дворянству из-за винной монополии и Д.В. Кочубей // Труды Полтавской архивной комиссии. 1907. Вып. 4. С. 210–220.
- Плохий С.М. Козацький міф. Історія та націотворення в епоху імперій. Київ: Laurus, 2013. 440 с.
- Полетика Г.А. Мнение о начитанном проекте правам благородных // СИРИО. СПб, 1882. Т. 36. С. 346–356.
- Прицак О. У століття народин М.С. Грушевського [1966] // Україна модерна. 2007. Ч. 12. С. 170–190.
- Робер В. Время банкетов: политика и символика одного поколения (1818–1848). М.: НЛЮ, 2019. 656 с.
- Руднев Д.В. Г.А. Полетика и издательская деятельность Морского кадетского корпуса в 1760–1770-е гг. // Вторые Лупповские чтения. М.: Наука, 2006. С. 42–72.
- Руднев Д.В. Григорий Андреевич Полетика и книжная культура XVIII века // Литературная культура России XVIII века. Вып. 2. СПб., 2008. С. 53–64.
- Сборник Русского императорского исторического общества. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1869. Т. 4, 8, 32, 36.
- Сергиевич В. Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссии? // Вестн. Европы. 1878. Январь. С. 188–264.
- Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. В. 5 т. СПб.: Канцелярия Комитета министров, 1902. Т. 2. Ч. 2. 366 с.
- Словарь писателей XVIII века. Вып. 2. СПб.: Наука, 1999. 507 с.

- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 15 кн. М.: Соцэкгиз, 1962. Кн. 8. Т. 15–16. 674 с.
- Схід-Захід: історико-культурологічний збірник. 2001. Вип.4: *Rossia et Britania: імперії та нації на окраїнах Європи*. 276 с.
- Український Гетьманат: нариси історії національного державотворення XVII–XVIII ст. У 2 кн. Київ: Ін-т історії України, 2018. Кн. 1. 580 с.
- Флоровский А.В. Состав Законодательной комиссии 1767–1774. Одесса: Тип. «Техник», 1915. 609 с.
- Хаген фон М. Имеет ли Украина историю? // *Ab Imperio*. 2000. № 1. С. 51–72.
- Шандра В. Малоросійське генерал-губернаторство, 1802–1856: функції, структура, архів. Київ: Держ. ком. архівів України, 2001. 356 с.
- Яковенко Н.М. Вибір імені versus вибір шляху: назви української території між кінцем XVI – кінцем XVII ст. // Яковенко Н.М. Дзеркала ідентичностей. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI – початку XVIII ст. Київ: Laurus, 2012. С. 9–43.
- Яковенко Н.М. Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. Київ; Критика, 2002. 416 с.
- Яковенко Н.М. У пошуках нового неба. Життя і тексти Йоанікиї Галятовського. Київ: Laurus; Критика, 2017. 704 с.
- Allan D. *Scotland in the Eighteenth century*. L.: Routledge, 2002. 228 p.
- An Historical View of the English Government, From the Settlement of the Saxons in Britain to the Revolution in 1688. In 4 vols. / Ed. by M. S. Philips, D. R. Smith. Indianapolis: Liberty Fund, 2006.
- Anderson J. *Sir Walter Scott and History*. Edinburgh: Edina Press, 1981. 199 p.
- Ash M. *The Strange Death of Scottish History*. Edinburgh: Ramsay Head, 1980. 166 p.
- Barrow J.W. The village community and the uses of history // *Historical perspectives: Studies in English Thought and Society in Honor of J.H. Plumb*. L.: Taylor & Francis, 1974. 319 p.
- Bell A. Reason and Dreams: Cockburn's practical and nostalgic views of civic well-being // *Lord Cockburn. A Bicentenary Commemoration. 1779–1979* / Ed. by A. Bell. Edinburgh: Scottish Academic Press, 1979. P. 27–67.
- Boswell: *Citizen of the World, Man of Letters* / Ed. by I.M. Lustig. Kentucky: Univ. Press of Kentucky, 2009. 270 p.
- Boucé P.-G. Introduction // Smollett T. *The Adventures of Roderick Random*. Oxford: O.U.P., 1999. P. IX–XXV.
- Clark J.C.D. *Samuel Johnson: Literature, Religion and the English Cultural Politics from the Restoration to Romanticism*. Cambridge: C.U.P., 1994. 270 p.
- Clarke D. Scottish archeology in the second half of the ninetieth century // *The Scottish Antiquarian Tradition* / Ed. by A.S. Bell. Edinburgh: Donald, 1981. P. 114–141.
- Culler A.D. *The Victorian Mirror*. New Haven: Yale Univ. Press, 1985. IX, 320 p.
- Curley T. *Samuel Johnson and the Age of Travel*. Athens: Univ. of Georgia Press, 2009. 300 p.
- Curley T. *Samuel Johnson, the Ossian Fraud, and the Celtic Revival in Great Britain and Ireland*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009. 348 p.
- Daiches D. *Scotland and the Union*. L.: J. Murrey, 1977. 336 p.

- Du  C. *Invention of Ossian* // *Classics*. 2005. № 3. P. 1–46.
- Fabel R. *The Patriotic Briton: Tobias Smollett and English Politics, 1756–1771* // *Eighteenth-Century Studies*. 1974. Vol. 8. № 1. P. 100–114.
- Ferguson W. *The Making of the Treaty of Union of 1707* // *Scottish Historical Review*. 1964. Vol. 43. № 136. P. 89–110.
- Fletcher of Salton Andrew. *Political Works* / Ed. by J. Robertson. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. XII, 243 p.
- Garside P. *Scott and the “Philosophical historians”* // *Journal of the History of Ideas*. 1975. № 36. P. 497–512.
- Garside P. *Scott, the Romantic Past and the nineteenth Century* // *Review of English Studies*. 1972. № 23. P. 147–161.
- Gottlieb E. *Feeling British: Sympathy and National Identity in Scottish and English Writing, 1707–1832*. Lewisburg: Bucknell Univ. Press, 2010. 274 p.
- Harvie C. *Scott and the Image of Scotland* // *Sir Walter Scott: The Long-Forgotten Melody* / Ed. by A. Bold. L.: Vision, 1983. P. 17–42.
- Houston R.A. *Eighteenth-century Scottish studies: out of the laager?* // *Scottish Historical Review*. 1994. № 73. P. 64–81.
- Kidd C. *British Identities Before Nationalism: Ethnicity and Nationhood in the Atlantic World, 1600–1800*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004. 312 p.
- Kidd C. *Subverting Scotland’s Past*. Cambridge: C.U.P., 1993. XIII, 322 p.
- Kizwalter T. *National Historiography and its Ideological Conditions (19th – 20th Century)* // *The National Idea as a Research Problem*. Warszawa: The Institute of Slavonic Studies, 2002. P. 43–50.
- Langford P. *A Polite and Commercial People: England 1727–1783*. Oxford: Clarendon Press, 1989. 796 p.
- Macinnes A.I. *Clanship, Commerce and the House of Stuart, 1603–1788*. East Linton: Tuckwell Press, 1996. XV, 228 p.
- Macinnes A.I. *Early modern Scotland: the current state of play* // *Scottish Historical Review*. 1994. № 73. P. 30–46.
- Macinnes, A. I. *Union and Empire: the Making of the United Kingdom in 1707*. Cambridge: C.U.P., 2007. 382 p.
- Melnik A., Tairova-Yakovleva T. *Hryhorii Poletyka’s Introduction of Kyiv-Mohyla Academy Educational Methods in the Russian Empire* // *Kyiv-Mohyla Humanities Journal*. 2019. № 6. P. 115–126.
- Miller K. *Cockburn’s Millennium*. L.: Duckworth, 1975. 322 p.
- Morgan N., Trainor R. *The Dominant Class* // *People and Society in Scotland*. In 3 vols. Edinburgh: John Donald, 1990. Vol. 2. 1830–1914 / Ed. by W.H. Fraser, J. Morris. P. 103–137.
- Morton G. *Unionist-Nationalism: the historical Construction of Scottish National Identity, Edinburgh, 1830–1860*. PhD thesis. Edinburgh: [S. n.], 1993. 305 p.
- New Light on Boswell: Critical and Historical Essays on the Occasion of the Bicentenary of The Life of Johnson*. Cambridge: C.U.P., 1991. 236 p.
- O’Brien K. *Johnson’s View of the Scottish Enlightenment in a Journey to the Western Islands of Scotland* // *The Age of Johnson: A Scholarly Annual*. 1991. № 4. P. 59–82.
- Pitcock M. *Invention of Scotland: The Stuart myth and the Scottish Identity, 1638 to the present*. L.: Routledge, 1991. IX, 198 p.

- Pittock M. *The Myth of Jacobite Clans*. Edinburgh: Univ. Press, 1995. VIII, 164 p.
- Pittock M.G.H. *Celtic Identity and the British Image*. Manchester: U.P., 1999. 192 p.
- Pittock M.G.H. *James Boswell*. Aberdeen: A.U.P., 2015. 126 p.
- Pittock M.G.H. *Scotland // Samuel Johnson in Context / Ed. by J. Lynch*. Cambridge: C.U.P., 2014. P. 329–336.
- Pittock M.G.H. *Scott as Historiographer: the Case of Waverly // Scott in Carnival*. Aberdeen: Association for Scottish Literary Studies, 1993. P. 76–95.
- Riley P.W.J. *The Union of England and Scotland*. Manchester: U.P., 1978. 351 p.
- Scott P.H. *The Union of 1707: How and Why*. Edinburgh: Saltire Society, 2006. 85 p.
- Scotland's Ruine: Lockhart of Carnwath's Memoirs of the Union / Ed. by D. Szechi*. Aberdeen: Association for Scottish Literary Studies, 1995. 384 p.
- Scott P. *Walter Scott and Scotland*. Edinburgh: W. Blackwood, 1981. 99 p.
- Shields J. *Smollett's Scots and Sodomites: British Masculinity in Roderick Random // The Eighteenth-century*. 2005. Vol. 46. № 2. P. 175–188.
- Smith J.A. *Scott and idea of Scotland // The University of Edinburgh Journal*. 1963–1964. № 21. P. 199–200.
- Smout T.C. *The Anglo-Scottish Union of 1707: I. The Economic Background // Economic History Review*. 1964. Vol. 16. № 3. P. 455–467
- The Cambridge Companion to Daniel Defoe*. Cambridge: C.U.P., 2008. 248 p.
- Trevor-Roper H. *Sir Walter Scott and History // The Listener*. 1971. № 2212. P. 18–34.
- Velichenko S., *The Issue of Russian Colonialism in Ukrainian Thought. Dependency Identity and Development // Ab Imperio*. 2002. № 1. P. 323–367.
- Whatley C.A. *Economic Causes and Consequences of the Union of 1707: A Survey // Scottish Historical Review*. 1989. Vol. 68. № 2. P. 150–181.
- Whatley C.A. *Response: flat laager? // Scottish Historical Review*. 1994. № 73. P. 82–88.
- Whatley C. *The Scots and the Union*. Edinburgh: Univ. Press, 2006. 424 p.
- Womack P. *Improvement and Romance: Constructing the Myth of the Highlands*. Basingstoke: Macmillan, 1989. 211 p.

ГЛАВА 6

Источники

- Аристотель. *Политика*. Кн. 1. I, 2–8 // Аристотель. Соч. В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 832 с.
- Барсков Я.Л. *Памятники первых лет русского старообрядчества*. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1912. XVI, 426 с.
- Гурьянова Н.С. «Описание о нелепых случаях и необычных пустынно житию действиях, внесшихся от своевольников» // *Русское общество и литература позднего феодализма*. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. С. 225–246.
- Есипов Г.В. *Раскольничьи дела XVIII столетия*. В 2 т. М.: Изд. Д.Е. Кожанчикова, 1863. Т. 2. 277, 274, [4] с.
- Законодательные акты Петра I: Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники: сб. док. В 3 т. / Сост. Н.А. Воскресенский; отв. ред. Е.В. Анисимов. М.: Древлекхранилище, 2020. Т. 2. Т. 3. 848 с.

- Иван Филиппов. История Выговской старообрядческой пустыни. М.: Третий Рим, 2005. 377 с.
- Иоаким, патр. Слово благодарственное о избавлении церкви от отступников. М.: Печ. двор, 1683. 128 с.
- Мальцев А.И. Неизвестное сочинение С. Денисова о тарском «бунте» 1722 г. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск: Наука, 1982. С. 224–241.
- Никон, патр. Труды. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 1260 с.
- Объявление от Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода во увещание обретающимся во всем Российском государстве раскольникам (5 июля 1725 г.) // Барсов Е.В. Новые материалы для истории старообрядчества XVII–XVIII веков. М.: Университ. тип., 1890. С. 157–161.
- Отрагительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей: Вновь найденный старообрядческий трактат против самосожжения 1691 года / Сообщ. Х. Лопарева. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1895. [4], 72, 160 с.
- Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV–XX веков в государственных хранилищах Республики Карелия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 604 с.
- Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб.: Синод. тип., 1869–1911. Т. 3. [10], 260 с. Т. 4. [2], 16, 366 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 36. Ч. 1. Сибирские летописи: группа Есиповской летописи / Предисл. Н.Н. Покровского, Е.К. Ромодановской. М.: Наука, 1987. 381 с.
- Послания блаженнаго Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского. Казань: Тип. губернского правления, 1855. 176 с.
- Прокопович Ф. Письмо к Якову Маркевичу – из Петербурга от 10 мая 1720 года // Труды Киевской духовной академии. Т. 1. Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1865. С. 287–294.
- Прокопович Ф. Христовы о блаженствах проповеди толкование. 1-е изд. СПб.: Тип. Александро-Невского монастыря, 1722. 141 л.
- Пыпин А.Н. Сводный старообрядческий синодик. 2-е изд. СПб.: Тип. Добродеева, 1883. [2], V, 60 с.
- «Свидетельство... о Российском благословенном царствии» // Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики / Подг. текста, предисл. и коммент. А.П. Богданова. В 2 ч. М.: Ин-т истории СССР, 1983. Ч. 2. С. 233–241.
- «Слово благочестивому и христоролюбивому воинству» // Памятники общественно-политической мысли в России... Ч. 1. С. 135–173.
- Юм Д. Англия под властью дома Стюартов. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 1. 564 с.
- A Dialogue on the Law of Kingship among the Scots. A Critical Edition and Translation of George Buchanan's *De Jure Regni apud Scotos Dialogus* / Ed. and transl. by R.A. Mason and M.S. Smith. L.; N.Y.: Routledge, 2017. 306 p.
- An Act for preventing Dangers which may happen from Popish Recusants. Charles II, 1672 // British History Online. URL: <https://www.british-history.ac.uk>
- An Act for the well Governing and Regulating of Corporations. Charles II, 1661 // British History Online. URL: <https://www.british-history.ac.uk/>

- Bracton on the Laws and Customs of England (Bracton de Legibus et Consuetudinibus Legum Angliae) / Ed. and transl. by S.E. Thorne. In 2 vols. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1968. Vol. 2. 898 p.
- Buchanan G. De Jure Regni apud Scotos, Dialogus, auctore Georgio Buchanano Scoto. Edinburgi: apud Iohannem Rosseum, 1579. 105 p.
- Cannon R. A vindication of the proceedings of the lower house of convocation, with regard to the king's supremacy. On the 3d and 10th of May 1717. L.: Print. for Jos. Fox, B. Barker, and C. King, all in Westminster-Hall; and sold by J. Morphew near Stationers-Hall, 1717. 44 p.
- Gardiner S.R. History of England from the Accession of James I to the Outbreak of the Civil War. In 10 vols. L.: Longmans, Green and Co., 1883.
- Hare F. Church-authority vindicated, in a sermon preach'd at Putney, May 5, 1719. At a visitation of the peculiars of the most reverend the lord archbishop of Canterbury. L.: J. Roberts, 1720. 47 p.
- Hickes G. The constitution of the catholick church, and the nature and consequences of schism. [L.]: Print. in the year, 1716. 328 p.
- Hoadly B. A brief defense of episcopal ordination. L.: Print. by H. Clark, for Timothy Childe, 1707. 400 p.
- Hoadly B. A charge delivered to the clergy, at the bishop's pastoral visitation of his diocese of Winchester, in the year 1736 // The Works of Benjamin Hoadly, D.D. / Ed. J. Hoadly. In 3 vols. L.: W. Bowyer and J. Nichols and sold by R. Horsfield, 1773. Vol. 3. P. 487–493.
- Hoadly B. A persuasive to lay-conformity: or, the reasonableness of constant communion with the Church of England, represented to the dissenting laity. L.: Timothy Childe, 1704. 50 p.
- Hoadly B. A plain account of the nature and end of the sacrament of the Lord's Supper. L.: James, John and Paul Knapton, 1735. 261 p.
- Hoadly B. A preservative against the principles and practices of the nonjurors both in church and state. Or, an appeal to the consciences and common sense of the Christian liberty. L.: James Knapton and Timothy Childe, 1716. 102 p.
- Hoadly B. An answer to the representation drawn up by the committee of the lower-house of convocation concerning several dangerous positions and doctrines contained in the bishop of Bangor's Preservative and Sermon. L.: Print. by W. Wilkins for J. Knapton and Tim Childe, 1718. 342 p.
- Hoadly B. An answer to the reverend Dr Hare's sermon, intitule': Church authority vindicated... With a postscript occasion'd by the lord bishop of Oxford's late charge to his clergy. L.: Print. by W. Wilkins for J. Knapton and Tim Childe, 1720. 276 p.
- Hoadly B. Several discourses concerning the terms of acceptance with God. 7th ed. L.: James Knapton, 1766. 423 p.
- Hoadly B. The nature of the kingdom, or church, of Christ. A sermon preach'd before the king, at the royal chapel at St James's, on Sunday March 31 1717. L.: James Knapton and Timothy Childe, 1717. 31 p.
- Hoadly B. The original and institution of civil government, discuss'd. L.: James Knapton, 1710. 204 p.
- Hoadly B. The reasonableness of conformity to the Church of England, represented to the dissenting ministers... 2 parts. L.: Tim Childe, 1703. Part 2. 232 p.

- King James VI and I Political Writings / Ed. by J.P. Sommerville. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994. 333 p.
- King James VI. His Majesties Poetical Exercises at vacant hours. Edinburgh: Print. by R. Waldegrave, 1591. 124 p.
- McCrie Th. The Life of Andrew Melvill. In 2 vols. Edinburgh: William Blackwood, 1824.
- Potter J. A defence of the late charge deliver'd to the clergy of the diocese of Oxford, July 1719. L.: George Mortlock, 1720. 80 p.
- Potter J. The bishop of Oxford's charge to the clergy of his diocese, at his triennial visitation in July 1719. L.: George Mortlock, 1719. 24 p.
- Sacheverell H. The perils of false brethren, both in church, and state: set forth in a sermon preach'd before the right honourable the lord-mayor... L.: Henry Clements, 1709. 26 p.
- Snapе A. A letter to the bishop of Bangor, occasion'd by his lordship's sermon preach'd before the king at S. James's, March 31st 1717. L.: Jonah Bowyer, 1717. 39 p.
- Selden J. Titles of Honor. L.: William Stansby, 1631. 913 p.
- The Political Works of James I / Ed. by J. MacIlwain. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1918. 354 p.
- The State Trial of Doctor Henry Sacheverell / Ed. by B. Cowan // Parliamentary History: Texts and Studies. 2012. № 6. 307 p.
- Trevelyan G.M. England under the Stuarts. L.: Methuen & Company, 1925. 566 p.
- Williams J. Great Britains Salomon. A sermon preached at the magnificent funeral, of the most high and mighty king, James, the late King of Great Britaine... L.: Print. by [Eliot's Court Press for] Iohn Bill, printer to the Kings most excellent Maiestie, 1625. 76 p.

Литература

- Алгави Л. Русское барокко конца XVII века: На материале литературы и публицистики. Дис. ... канд. филол. наук. М.: [Б. и.], 1996. 224 с.
- Архипастыри Тобольской епархии // Религия и Церковь в Сибири. Сб. науч. ст. и док. мат-лов. Вып. 4. Тюмень: ТО «Лад», 1992. С. 76–89.
- Балалыкин Д.А. Проблемы «Священства» и «Царства» в России второй половины XVII в. в отечественной историографии (1917–2000 гг.). М.: Весть, 2006. 335 с.
- Бежанидзе Г.В., Титова А.О. Парадигма церковно-государственных отношений у архиепископа Феофана (Прокоповича): от Средневековья к Новому времени // Христианское чтение. 2020. № 6. С. 25–46.
- Белякова Е.В. Адриан // Православная энциклопедия. М.: Православ. энцикл., 2000. Т. 1. С. 312–313.
- Белякова Е.В. и др. Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2017. 496 с.
- Белянкин Ю.С. Церковь и государство в полемике со старообрядцами во второй половине XVII в. (на примере деятельности Московского Печатного двора). Дис. ... канд. ист. наук. М.: [Б. и.], 2012. 289 с.
- Биохроника Петра Великого (1672–1725 гг.). URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/246798653>

- Богданов А.П. Россия накануне империи: политические концепции и реальность последней четверти XVII в. // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. Материалы IX Международного семинара исторических исследований «От Рима к Третьему Риму», Москва, 29–31 мая 1989 г. М.: ИРИ РАН, 1995. С. 333–352.
- Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. М.: Наука, 1969. 440 с.
- Воробьева Н. В. Патриарх Никон: власть, вера, образ. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2019. 343 с.
- Воробьева Н.В. Богословские воззрения патриарха Никона. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 208 с.
- Демидова Л.Д. Об истоках традиции почитания мучеников за веру // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. С. 41–57.
- Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII веков. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л.: Наука, 1973. 303 с.
- Елеонская А.С. Утверждение ценности жизни («Отразительное писание» инока Евфросина) // Елеонская А.С. Русская публицистика второй половины XVII века. М.: Наука, 1978. С. 186–231.
- Живов В. Два этапа дисциплинарной революции в России XVII и XVIII столетия // *Cahiers du monde russe*. 2012. Т. 53. № 2–3. Р. 349–374.
- Зызыкин М.В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. В 3 ч. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019.
- Калугин В.В. Киевские фальсификаторы начала XVIII века («Требник 1329 г. митрополита Феоноста») // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). Сб. науч. тр. Вып. 5. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 127–183.
- Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. В 2 т. Сергиев Посад: Тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1909–1912.
- Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1885. 580 с.
- Карбасова Т.Б. Кирилл Новозерский: История почитания. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. 560 с.
- Кондратьев С.В. Юристы в предреволюционной Англии (политические и правовые воззрения). Шадринск: Исеть, 1993. 128 с.
- Королевский двор в Англии XV–XVII вв. / Под ред. С.Е. Федорова. СПб.: Алетей, 2016. 384 с.
- Лавров А.С. Колдовство и религия в России: 1700–1740 гг. М.: Древлехранилище, 2000. 575 с.
- Лавров А.С. Рец. на кн.: Воробьева Н.В. Патриарх Никон: власть, вера, образ // *Вестн. Свято-Филаретовского ин-та*. 2019. № 32. С. 201–208.
- Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1895. Вып. 1. XII, 596 с.
- Махотина Е. Меланхолия приходит в Россию: Монастыри как долгаузы в России в XVIII веке // *Вивлюдика. E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*. 2019. Vol. 7. P. 21–46.
- Мурсалимов К.А. Общественно-политические и исторические взгляды Дж. Бьюкенена (1506–1582). Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2009. 290 с.

- Никулин И. Священство и царство в представлениях Сибирского митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 4. С. 1143–1156.
- Никулин И.А. Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург: ЕДС, 2015. 313 с.
- Паламарчук А.А. Символика и атрибутика королевской власти и антикварный дискурс начала XVII века // Священное тело короля: ритуал и мифология власти / Под ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2006. С. 404–419.
- Паламарчук А.А. Цивильное право в раннестюартовской Англии: институты и идеи. СПб.: Алетейя, 2016. 326 с.
- Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии. СПб.: Алетейя, 2015. 210 с.
- Панич Т.В. Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2004. 327 с.
- Панич Т.В. Писатели патриаршего круга в богословской полемике 80-х – 90-х гг. XVII в. Дис. ... докт. филол. наук. Новосибирск: [Б. и.], 2007. 437 с.
- Панченко А. «Старые секты» на новый лад: проблемы и перспективы изучения русских религиозных диссидентов XVIII–XX вв. // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2020. № 38 (3). С. 7–37.
- Пулькин М.В. Самосожжения старообрядцев (середина XVII – XIX в.). М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2013. 336 с.
- Плюханова М.Б. О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // *Из истории русской культуры*. 2 изд. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 3. С. 380–459.
- Попович А.И. Осмысление конфликта с государством через понятие жертвы в старообрядческих сочинениях XVIII века // *Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения: (К 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума)*. М.: Ин-т рос. ист. РАН, 2020. С. 129–142.
- Романова Е.В. Массовые самосожжения старообрядцев в России в XVII–XIX веках. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. 288 с.
- Румянцева В.С. Патриарх Никон в отечественной историографии периода ее становления: конец XVIII – середина XIX в. // *Вопросы истории*. 2005. № 10. С. 156–161.
- Севастьянова С.К. «Возражение» патриарха Никона как памятник русской полемической культуры второй половины XVII в.: проблемы и перспективы изучения // *Каптеревские чтения*. 2019. № 17. С. 137–189.
- Севастьянова С.К. «Нравственные правила» Василия Великого и «Наставление царю» как источники «Возражения» Патриарха Никона // *Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология*. 2014. № 1. С. 136–149.
- Севастьянова С.К. Правила святых апостолов и святых отцов из печатной книги Кормчей 1653 года в «Возражении» патриарха Никона. Ч. II // *Каптеревские чтения – 10*. Сб ст. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 21–38.
- Севастьянова С.К. Символично-аллегорические определения и метафорические образы Церкви в новонайденном сочинении конца XVII в. о патриархе Никоне // *Вестн. ПСТГУ. История. История Русской Православной Церкви*. 2014. Вып. 4 (59). С. 135–154.

- Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 410 с.
- Скворцов Г.А. Патриарх Адриан, его жизнь и труды в связи с состоянием русской церкви в последнее десятилетие XVII века. Казань: Центр. тип., 1913. 370 с.
- Фадеев И.А. Божественное право королей и интерпретация идеи порядка в английской политической теологии XVII в. // Новая и новейшая история. 2020. № 6. С. 42–52.
- Федоров С.Е. Имперская идея и монархии к исходу средних веков // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. История. 2013. № 1. С. 77–89.
- Федоров С.Е. Королевская семья и церемониальное пространство раннестюартовской монархии. СПб.: Алетейя, 2018. 270 с.
- Федоров С.Е., Паламарчук А.А. Рассуждения о формуле власти // Средние века. 2020. Т. 81. Вып.1. С. 21–30.
- Федоров С.Е., Паламарчук А.А., Сергеева Л.П. Парадоксы и технологии антикварного дискурса в яковитской Англии // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. 2013. № 10. С. 47–74.
- Флоровский Г.В. Пути русского богословия. М.: Ин-т русской цивилизации, 2009. 848 с.
- Фонкич Б.Л. Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв.: Греческие рукописи в России. М.: Наука, 1977. 247 с.
- Фонкич Б.Л. Чудотворные иконы и реликвии христианского Востока в Москве в середине XVII в. // Очерки феодальной России. М.: УРСС, 2001. Вып. 5. С. 70–97.
- Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914. XXIV, 878, [2], LXVI с.
- Христианские реликвии в Московском Кремле. Сб. ст. / Ред.-сост. А.М. Лидов. М.: Радуница, 2000. 305 с.
- Чеснокова Н.П. Христианский Восток и Россия: политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (по документам Российского государственного архива древних актов). М.: Индрик, 2011. С. 159–198.
- Шамина И.Н. Практическая реализация первого этапа церковной реформы Петра I (1701–1703) // Российская история. 2021. № 4. С. 60–73.
- Шашков А.Т. «Неоскверняемое крещение огнем» // Шашков А.Т. Избр. тр. Екатеринбург: Баско, 2013. С. 163–179.
- Шмидт В.В. Никонведение: библиография, историография и историософия // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2008. № 3–4. С. 96–227.
- Эцина Е.И. Идеино-политические основы раннестюартовской монархии. Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: [Б. и.], 2006. 151 с.
- Юхименко Е.М. Каргопольские «гари» 1683–1684 годов: (К проблеме саможжений в русском старообрядчестве) // Старообрядчество в России. Сб. науч. тр. Вып. 1. М.: Археогр. центр, 1994. С. 64–119.
- Яворская С.Л. Значение креста в иеротопическом замысле Нового Иерусалима: От Константина Великого до царя Алексея Михайловича // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М.: Индрик, 2009. С. 774–782.

- Ash R. *Sacred Kingship Between Disenchantment and Re-enchantment: The French and English Monarchies, 1587–1688*. N.Y.; Oxford: Berghahn, 2014. 288 p.
- Barber A. *The restraint of the press in England, 1660–1715. The communication of sin*. Woodbridge: The Boydell Press, 2022. 336 p.
- Bingham E. R. *The political apprenticeship of Benjamin Hoadly* // *Church History*. 1947. Vol. 16. Iss. 3. P. 154–165.
- Brown C. *The death of Christian Britain. Understanding secularisation, 1800–2000*. L.: Routledge, 2000. 257 p.
- Browning R. *Political and constitutional ideas of the court whigs*. Baton Rouge: Louisiana State Univ. Press, 1982. 281 p.
- Broxap H. *The later non-jurors*. Cambridge: C.U.P., 1924. 360 p.
- Burgess G. *The politics of the Ancient Constitution. An introduction to English Political Thought, 1603–1642*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1992. 301 p.
- Burns J.H. *The True Law of Kingship. Concepts of Monarchy in Early Modern Scotland*. Oxford: Clarendon Press, 1996. 295 p.
- Cardwell E. *Synodalia. A collection of articles of religion, canons, and proceedings of convocation in the province of Canterbury from the year 1547 to the year 1717*. In 2 vols. Oxford: O.U.P., 1842. Vol. 2. 837 p.
- Cassan S. H. *The lives of the bishops of Winchester*. In 2 vols. L.: C. and J. Rivington, 1827. Vol. 2. 551 p.
- Caudle J. *Measures of allegiance: sermon culture and the creation of a public discourse of obedience and resistance in Georgian Britain, 1714–1760*. PhD dissertation. Yale Univ., 1996. 855 p.
- Cervone T. *Sworn Bonds in Tudor England: Oath, Vows and Covenants in Civil Life and Literature*. Jefferson; L.: McFarland and Co., 2011. 220 p.
- Conflict in early Stuart England. Studies in Religion and Politics, 1603–1642* / Ed. by R. Cust and A. Hughes. L.: Routledge, 2014. 282 p.
- Cornwall R. *Visible and apostolic. The constitution of the church in high church Anglican and nonjuror thought*. Newark: Univ. of Delaware Press, 1993. 215 p.
- Cowan B. *Relitigation revolution: address, progress, and redress in the long summer of 1710* // *The state trials and the politics of justice in later Stuart England* / Ed. by B. Cowan, S. Sowerby. Woodbridge: The Boydell Press, 2021. 280 p.
- Cowan B. *The social life of coffee. The emergence of the British coffee house*. New Haven: Yale Univ. Press, 2005. 364 p.
- Croft P. *King James*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. 223 p.
- Crummey R.O. *Old Believers in a Changing World*. DeKalb: Northern Illinois Univ. Press, 2011. XIII, 267 p.
- Faction displayed: reconsidering the impeachment of Dr Henry Sacheverell* / Ed. by M. Knights. Chichester: Wiley-Blackwell, 2012. 132 p.
- George Buchanan. *Political Thought in early Modern Britain and Europe* / Ed. by C. Erskine, R.A. Mason. Farnham: Ashgate Publ., 2012. 315 p.
- Gibson W. *Enlightenment prelate. Benjamin Hoadly, 1676–1761*. Cambridge: James Clarke, 2004. 384 p.
- Goldie M. *Tory political thought, 1689–1714*. PhD diss. Univ. of Cambridge, 1977. 418 p.
- Gregory B. *The unintended reformation. How a religious revolution secularized society*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 2012. 520 p.

- Habermas J. *Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft*. Neuwied: Luchterhand, 1962. 291 S.
- Hatton R. *George I. Elector and king*. L.: Thames and Hudson, 1978. 416 p.
- Helgerson J. *Forms of Nationhood. The Elizabethan Writing of England*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994. 367 p.
- Holmes G. *The trial of Doctor Sacheverell*. L.: Eyre Methuen, 1973. 338 p.
- Höpfel H., Thompson M.P. *The History of Contract as a Motif in Political Thought // American Historical Review*. 1979. Vol. 84. P. 919–944.
- Ihalainen P. *The sermon, court and parliament, 1689–1789 // The Oxford handbook of the British sermon 1689–1901 / Ed. by K.A. Francis and W. Gibson*. Oxford: O.U.P., 2012. P. 229–244.
- John, Lord Hervey, *Some materials towards memoirs of the reign of King George II / Ed. by R. Sedgwick*. 3 vols. L.: Eyre and Spottiswoode, 1931. Vol. 1. 1004 p.
- Johnson S., *president of King's College: his career and writings / Ed. by H. Schneider and S. Schneider*. In 4 vols. N.Y.: Columbia U.P., 1929. Vol. 1. 526 p.
- Johnston W. *National thanksgivings and ideas of Britain, 1689–1816*. Woodbridge: The Boydell Press, 2020. 413 p.
- Lacey A. *The cult of King Charles the martyr*. Woodbridge: The Boydell Press, 2011. 310 p.
- Miller J. *Religion in the popular prints 1660–1832*. Cambridge: Chadwyck-Healey, 1986. 369 p.
- National prayers. Special worship since the Reformation / Ed. by Ph. Williamson, S. Taylor, N. Mears and A. Raffé*. In 4 vols. Woodbridge: Church of England Record Society, 2013–.
- Nederman C.J. *Bracton on Kingship Revisited // History of Political Thought*. 1984. № 5. P. 61–77.
- Ogg D. *England in the reign of Charles II*. 2nd ed. Oxford: O.U.P., 1956. 779 p.
- Patterson W. *King James VI and I and the Reunion of Christendom*. Cambridge: C.U.P., 2000. 409 p.
- Pincus S. *Coffee politicians does create: coffeehouses and Restoration political culture // Journal of Modern History*. 1995. № 67. P. 807–834.
- Pocock J.G.A. *The Ancient Constitution and the Feudal Law*. Cambridge: C.U.P., 1987. 402 p.
- Political Discourse in Early Modern Britain*. Cambridge: C.U.P., 1993. 444 p.
- Reid S.J. *Andrew Melville and the Law of Kingship // Andrew Melville (1545–1622). Writings, Reception and Reputation / Ed. by R.A. Mason and S.J. Reid*. L.; N.Y.: Routledge, 2014. P. 47–75.
- Rutherford S. *Benjamin Hoadly: sacramental tests and eucharistic thought in early eighteenth-century England // Anglican and Episcopal History*. 2002. № 71. P. 473–497.
- Rutherford S. *Reformation principles: the religious and political ideas of Benjamin Hoadly (1676–1761)*. PhD diss. Northumbria Univ., 2000. 289 p.
- Starkie A. *The Church of England and the Bangorian controversy, 1716–1721*. Woodbridge: The Boydell Press, 2007. 261 p.
- Stephen L. *History of English thought in the eighteenth century*. In 2 vols. 3rd ed. L.: John Murray, 1902. Vol. 2. 469 p.

- Sykes N. Benjamin Hoadly, bishop of Bangor // The social and political ideas of some English thinkers of the Augustan age, 1650–1750 / Ed. by F. Hearnshaw. L.: Dawsons, 1928. 215 p.
- Taylor S. “Dr Codex” and the whig “pope”: Edmund Gibson, bishop of London, 1716–1748 // Lords of parliament. Studies 1714–1914 / Ed. by R.W. Davis. Stanford: S.U.P., 1995. P. 9–28, 183–191.
- Taylor S. Benjamin Hoadly (1676–1761), bishop of Winchester // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford: O.U.P., 2004.
- The politics of the public sphere in early modern England / Ed. by P. Lake and S. Pincus. Manchester: M.U.P., 2007. 277 p.
- Thomas D.O. Benjamin Hoadly: the ethics of sincerity // Enlightenment and Dissent. 1996. № 15. P. 71–88.
- Townend G. Religious radicalism and conservatism in the whig party under George I: the repeal of the Occasional Conformity and Schism Acts // Parliamentary History. 1988. Vol. 7. Iss. 1. P. 24–44.
- Van Drunen D. Natural Law and the two Kingdoms. A study in the Development of Reformed Social Thought. Cambridge: William Eedermans Publ. Co., 2010. 466 p.
- Ward F. R. The early influence of John Locke’s political thought in England, 1689–1720. PhD dissertation. Univ. of California, 1995. 334 p.

ГЛАВА 7

Источники

- Вести-Куранты: 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. М.: Наука, 1996. 223 с.
- Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, челобитья и иностранные источники / Под ред. и с предисл. Б.И. Сыромятникова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. Т. 1. 601 с.
- Гоббс Т. Левиафан / Пер. А. Гутермана. М.: РИПОЛ классик, 2018. 622 с.
- Гоббс Т. Сочинения. В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. 733 с.
- Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. М.: Изд. Г.А. Лемана и Б.Д. Плетнева, 1914. XXIV, 269 с.
- Законодательные акты Петра I: Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники: сб. док. В 3 т. / Сост. Н.А. Воскресенский; отв. ред. Е. В. Анисимов. М.: Древлехранилище, 2020. Т. 2. Т. 3. 848 с.
- История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева / Изд. Н. Новиковым. СПб.: Тип. Акад. наук, 1776. [22], 1–224, 245–260, 241–400 с.
- Курбский А.М. История о делах великого князя московского / Изд. подг. К.Ю. Ерусалимский. М.: Наука, 2015. 942 с.
- Неизвестный памятник древнерусской литературы: «Грамота государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси к Степану, королю польскому» / Подг. Д.К. Уо // Археографический ежегодник за 1971 г. М.: Наука, 1972. С. 357–361.

- Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с араб. Г. Муркоса. Вып. 4. М.: Университ. тип., 1898. 195 с.
- Парсонс Р. Рассуждение о наследовании английского престола / Пер. с англ. яз. и коммент. А.Ю. Серегинной. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2013. 458 с.
- Патриарх Никон (Минин). Возражение, или разорение смиренного Никона, Божию милостию патриарха, противу вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа газскому митрополиту Паисее Ликаридиусу, и на ответы Паисеовы // *Азбука веры*. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikon_Minin/vozrazhenie-ili-razorenie-smirennogo-nikona-bozhiyu-milostiyu-patriarha-protivo-voprosov-bojarina-simeona-streshneva-ezhe-napisa-gazskomu-mitroplitu-paisee-likaridiusu-i-na-otvety-paiseovy/
- Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подг. Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. М.: Наука, 1981. С. 12–52.
- Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI – начала XVII века / Подг. Б.Н. Морозов // *Археографический ежегодник за 1986 год*. М.: Наука, 1987. С. 277–289.
- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подг. Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. М.: Наука, 1981. 430 с.
- Полный церковно-славянский словарь / Сост. прот. Г. Дьяченко. М.: Отчий дом, 2011. 1168 с.
- Симеон Полоцкий. «Френы, или Плачи всѣх чинов православнороссийского царства о смерти Благовѣрных и Христоролюбивыя Государыни Царицы и Великия Княгини Марии Иличны» // Симеон Полоцкий. Рифмологион. Собрание придворно-церемониальных стихов / Подг. текста, ст. и коммент. А. Хипписли, Х. Роте, Л. Сазоновой. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2017. Band 2. С. 261–324.
- Симеон Полоцкий. Глас Последний ко Господу Богу // Симеон Полоцкий. Рифмологион. Собрание придворно-церемониальных стихов / Подг. текста, ст. и коммент. А. Хипписли, Х. Роте, Л. Сазоновой. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2017. Band 2. С. 332–393.
- Симеон Полоцкий. Гусли доброгласная // Симеон Полоцкий. Рифмологион. Собрание придворно-церемониальных стихов... Band 2. С. 394–442.
- Симеон Полоцкий. К Великому Государю Царю в день 1 септемвриа 1667 // Симеон Полоцкий. Рифмологион. Собрание придворно-церемониальных стихов... Band 2. С. 182–183.
- Симеон Полоцкий. Орел Российский // Симеон Полоцкий. Рифмологион. Собрание придворно-церемониальных стихов... Band 2. С. 212–249.
- Симеон Полоцкий. Стихи краесогласнии // Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Л.: Наука, 1953. С. 97–102.
- Сочинения царя Алексея Михайловича. Послание на Соловки // Памятники литературы Древней Руси. М.: Худ. лит., 1988. Кн. 1. С. 499–500.
- Третье послание Курбского Ивану Грозному // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подг. Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. М.: Наука, 1981. С. 106–118.

- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. 4-е изд. М.: Астель: АСТ, 2009. Т. 3. 830 с.
- Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. 400 с.
- Doleman R. [Persons R.] A Conference about the next succession. Antwerp: [S. n.], 1594. 210, 267 p.
- Hobbes T. Critique du 'De Mundo' de Thomas White / Ed. by H.W. Jones. L.: Bradford Univ. Press, 1976. 518 p.
- Statutes of the Realm. In 11 vols. L.: Dawsons, 1819.
- White T. Grounds of Obedience and Government. Print. and sold by A. Baldwin. L.: Print., and sold by A. Baldwin in Warwick-Lane, 1700. 132 p.
- White T. The Grounds of Obedience and Government. L.: Print. by J. Flesher for L. Chapman, 1655. 184 p.

Литература

- Агеева О.Г. Петр I: у истоков российского имперства // Отечественная история. 2005. № 4. С. 5–12.
- Андреев В.В. Очерк деятельности князя А.М. Курбского на защиту православия в Литве и на Волыни. Ред. «Православного обозрения», 1873. 36 с.
- Анисимов Е.В. «Шведская модель» с русской «особостью» // Звезда. 1995. № 1. С. 133–150.
- Анисимов Е.В. Петр Великий. Личность и реформы. СПб.: Питер, 2009. 600 с.
- Атнашев Т., Велижев М. I. Кембриджская школа. «Context is king»: Джон Покок – историк политических языков // НЛЮ. 2015. № 4. С. 21–44.
- Баггер Х. Реформы Петра Великого в России // Царь Петр и король Карл: два правителя и их народы. М.: Текст, 1999. С. 121–155.
- Байдин В.И. Священник И.Л. Поборский – писатель первой трети XVIII столетия: к вопросу об авторстве «Истории о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева...» // Вестн. Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 3 (27). С. 195–237.
- Библиотека Петра I (указатель-справочник) / Под ред. Д.С. Лихачева; Сост. Е.И. Боброва. Л.: Изд. отдел БАН СССР, 1978. 214 с.
- Богданов А.П. Московская публицистика последней четверти XVII века. М.: ИРИ РАН, 2001. 492 с.
- Богословский М.М. Петр Великий по его письмам // Богословский М.М. Российский XVIII век. Кн. 1. М.: Интелвак, 2008. С. 195–233.
- Буганов В.И. Петр Великий и его время. М.: Наука, 1989. 192 с.
- Бутров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII в. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 480 с.
- Буланин Д.М. Политическая доктрина в афоризмах: малоизученные источники Первого послания Ивана Грозного Андрею Курбскому // Die Welt der Slaven. 2019. Bd. 64. Heft 1. S. 87–107.
- Буланин Д.М., Семенова Е.П. Хворостинин Иван Андреевич // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 190–198.
- Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Пг.: [Тип. А. Бенке], 1916. IX, 463 с.

- Воскресенский Н.А. Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века / Науч. ред. и вступ. статья Д.О. Серова. М.: НЛЮ, 2017. 640 с.
- Вульпиус Р. К семантике империи в России XVIII века: понятийное поле цивилизации // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. В 2 т. М.: НЛЮ, 2012. Т. 2. С. 50–70.
- Гайнуллина Н.И. Языковая личность Петра Великого (Опыт диахронического описания). Алматы: Қазақ университеті, 2002. 139 с.
- Гладкий А.И., Цеханович А.А. Курбский Андрей Михайлович // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 1. Л.: Наука, 1988. С. 494–503.
- Гребенюк В.П. «Рифмологийон» Симеона Полоцкого: история создания, структура, идеи // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М.: Наука, 1982. С. 259–308.
- Дубина В. Из Билефельда в Кембридж и обратно: пути утверждения «истории понятий» в России // История понятий, история дискурса, история метафор. М.: НЛЮ, 2010. С. 298–319.
- Еремин И.П. Симеон Полоцкий – поэт и драматург // Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Л.: Наука, 1953. С. 223–260.
- Еремин И.П. Симеон Полоцкий // История русской литературы. В 10 т. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. 2. Ч. 2. 441. С. 342–353.
- Ерусалимский К.Ю. Назначение «Истории» // Курбский А.М. История о делах великого князя московского / Изд. подг. К.Ю. Ерусалимский. М.: Наука, 2015. С. 221–287.
- Ерусалимский К.Ю. Сборник Курбского. Исследование книжной культуры. В 2 т. М.: Знак, 2009. Т. 1. 882 с.
- Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М.: НЛЮ, 2004. 360 с.
- Живов В.М. К типологии барокко в русской литературе XVII – начала XVIII в. // Человек в культуре русского барокко. Сб. ст. по материалам Междунар. конф. ИФ РАН / Отв. ред. М.С. Киселева. М.: Ин-т философии РАН, 2007. С. 11–31.
- Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культур и проблемы переводимости. М.: Наука, 1987. С. 47–153.
- Забяко А.П. Сакральное // Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH014eb75cb66ca9ba266dbd4e>
- Зубков К.И. Камерализм как модель взаимодействия государства и общества: новое прочтение // Урал. ист. вестн. 2013. № 3 (40). С. 20–29.
- История понятий, история дискурса, история метафор / Под ред. Х.Э. Бедкера. М.: НЛЮ, 2010. 321 с.
- Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный: теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. М.: Языки рус. культуры, 1998. 416 с.
- Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. яз. М.Ю. Бойцова и А.Ю. Серегиной. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. 744 с. 2-е изд., испр. – 2015. 752 с.

- Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. В 2 т. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. Т. 1. 534 с. Т. 2. 548 с.
- Каравашкин А.В. Иван Грозный и Андрей Курбский: конфликт интерпретаций // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 1. С. 148–161.
- Каравашкин А.В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М.: Прометей, 2000. 418 с.
- Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М.: Аспект Пресс, 1996. 368 с.
- Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М.: НЛЮ, 2018. 256 с.
- Кром М.М., Пименова Л.А. Феномен реформ в Европе раннего Нового времени (вместо предисловия) // Феномен реформ на Западе и Востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) / Под ред. М.М. Крома, Л.А. Пименовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. С. 7–16.
- Кудрявцев И.М. «Издательская» деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 8. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1963. С. 179–244.
- Курбатов О.А. Рижский поход царя Алексея Михайловича 1656 г.: Проблемы и перспективы исследования // Проблемы социальной и политической истории России / Ред. Р.Г. Пихоя. М.: Изд-во РАГС, 2009. С. 83–88.
- Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития её культуры и политики. Köln: Böhlau, 2005. 462 с.
- Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1990. 293 с.
- Лихачев Д.С. На пути к новому литературному сознанию (вторая половина XVI века) // Лихачев Д.С. Великий путь: Становление русской литературы XI–XVII вв. М.: Современник, 1987. С. 174–184.
- Лихачев Д.С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского (царь и «государев изменник») // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. М.: Наука, 1981. С. 183–213.
- Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX века // Из истории русской культуры. Т. 4. XVIII – начало XIX века. 2-е изд. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 13–348.
- Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII в. Л.: Наука, 1973. 374 с.
- Лурье Я.С., Роменская О.Я. Иван IV Васильевич Грозный // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1. Л.: Наука, 1988. С. 371–384.
- Макарий (Булгаков), Митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994–1996. Кн. XII. URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/436176/>
- Матханова Н.П. Чиновники-интеллектуалы в Сибири XIX в. // Изв. Иркутск. гос. ун-та. Сер.: История. 2018. Т. 25. С. 21–35.
- Мееровский Б.В. Гоббс. М.: Мысль, 1975. 208 с.
- Опарина Т.А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск: Наука, 1998. 429 с.

- Павленко Н.И. Петр Великий. М.: Мысль, 1990. 591 с.
- Павлова Т.А. Милтон. М.: РОССПЭН, 1997. 480 с.
- Панкратов А.В. Субъектность как одно из свойств обобщений практического мышления // Практическое мышление: специфика обобщения, природа вербализации и реализуемость знаний / Под ред. Ю.К. Корнилова. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1997. С. 98–126.
- Прашкович Н.И. Из ранних декламаций Симеона Полоцкого («Метры» и «Диалог краткий») // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965. Т. 21. С. 29–38.
- Пчелов Е.В. Российский государственный герб: композиция, стилистика и семантика в историческом контексте. М.: РГГУ, 2005. 162 с.
- Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика. Имперский период. Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2000. С. 48–79.
- Расков Д.Е. Камерализм книг: переводы Юсти в России XVIII века // Terra Economicus. 2019. № 17 (4). С. 62–79.
- Редин Д.А. Эффективность местного управления в Петровскую эпоху: парадоксы централизации // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4. № 3. С. 190–216.
- Репина Л.П., Высокова В.В. Идеи и ценности в эпоху перемен / Ideas and values in an era of change // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 5–6.
- Руди Т.Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: исследования. Публикации. Poleмика. Т. 1 / Под ред. С.А. Семячко и Т.Р. Руди. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 59–101.
- Рыков Ю. Д. Редакции «Истории» князя Курбского // Археографический ежегодник за 1970 год. М.: Наука, 1971. С. 129–137.
- Сазонова Л.И. К истории создания «Рифмологiona» Симеона Полоцкого // Славяноведение. 2011. № 2. С. 19–35.
- Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянской культуры, 2006. 896 с.
- Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. 2-е изд., испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 604 с.
- Серегина А.Ю. Английское католическое сообщество XVI–XVII вв.: виконты Монтегю. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 542 с.
- Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII вв. СПб.: Алетейя, 2006. 294 с.
- Серегина А.Ю. Роберт Парсонс и его «Рассуждение о наследовании английского престола» // Парсонс Р. Рассуждение о наследовании английского престола. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2013. С. 4–99.
- Сиренов А.В. Концепция династической монархии в России XVI – первой половины XVII в. // Древняя Русь после Древней Руси: восточнославянского (не)единства. М.: Политич. энцикл., 2017. С. 345–357.
- Скиннер Кв. Истоки современной политической мысли. В 2 т. М.: Дело, 2018. Т. 2. 565 с.
- Скиннер Кв. Свобода до либерализма. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. 119 с.
- СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 3. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 768 с.

- Соколов А.Б. Гоббс и Кларендон: интеллектуальное противостояние // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 7–33.
- Соколов А.Б. Кларендон и его время. Странная история Эдварда Хайда, канцлера и изгнанника. СПб.: Алетейя, 2017. 471 с.
- Софронова Л.А. Поэтика славянского театра XVII–XVIII в.: Польша, Украина, Россия. М.: Наука, 1981. 263 с.
- Сукина Л.Б. Поздняя осень русского Средневековья. Очерки культурной истории Московского государства (XVI–XVII вв.). М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2021. 259 с.
- Сукина Л.Б. Родословные древа великих князей и царей в русской художественной культуре XVII столетия // Родословные древа великих князей и русских царей XVII–XVIII столетия / Сост. А.В. Сиренов. М.: Юбилейная книга. 2018. С. 28–39.
- Тихонравов Н.С. Русские драматические произведения: 1672–1725. СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1874. Т. 1. 562 с.
- Уваров К.А. Князь А.М. Курбский – писатель («История о великом князе Московском»). Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М.: [Б. и.], 1973. 25 с.
- Уортман Р.С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М.: НЛЮ, 2004. 515 с.
- Успенский Б.А. Царь и Бог // Успенский Б.А. Избр. труды. В 3 т. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 110–218.
- Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М.: Языки славян. культуры, 1988. 680 с.
- Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. В 6 т. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1858. Т. 3. 660 с.
- Филошкин А.И. Логика спора Ивана Грозного с Андреем Курбским // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 9. М.: Наследие, 1998. С. 236–263.
- Филошкин А.И. Андрей Михайлович Курбский: просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 624 с.
- Филошкин А.И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М.: [Б. и.], 1998. 352 с.
- Фокина О.Н. Эволюция древнерусского четьяго сборника как народной книги в историко-литературном контексте XVII–XVIII вв. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург: [Б. и.], 2009. 46 с.
- Хилл Кр. Английская Библия и революция XVII века. М.: ИВИ РАН, 1998. 490 с.
- Чаплыгина И.Г. Камерализм и экономические дисциплины в Московском университете XVIII века // Terra Economicus. 2019. № 17 (4). С. 80–94.
- Ческис Л.А. Томас Гоббс (Его жизнь и учение в связи с историей общественной жизни в Англии конца XVI и первой половины XVII вв.). М.: Моск. рабочий, 1929. 175 с.
- Чистякова Е.В. «Скифская история» А.И. Лызлова и труды польских историков XVI–XVII вв. // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1963. Т. 19. С. 348–357.
- Шмидт С.О. Заметки о языке посланий Ивана Грозного // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 14. С. 256–265.

- Шмидт С.О. К изучению «Истории» князя Курбского: (О поучении попа Сильвестра) // Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М.: Наука, 1999. С. 339–347.
- Шмидт С.О. Многоотомное исследование академика М.М. Богословского «Петр Великий: материалы для биографии» // Богословский М.М. Петр Великий: материалы для биографии. В 6 т. М.: Наука, 2005. Т. 1. С. 414–431.
- Шубинский С.Н. Петр Великий в Дептфорде // Истор. Вестник. 1888. Т. 34. С. 409–422.
- Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 301 с.
- Beales A.C.F. Education Under Penalty: English Catholic Education from the Reformation to the Fall of James II, 1547–1689. L.: Univ. of L.: Athlone Press, 1963. 306 p.
- Birrell T.A. English Catholics without a Bishop, 1655–1672 // British Catholic History. Vol. 4. 1958. P. 142–178.
- Bogatyrev S. The Sovereign and His Counsellor: Ritualised Consultations in Muscovite Political Culture, 1350s–1570s. Helsinki: Finnish Academy Sciences and Letters, 2000. 298 p.
- Brooks C.W. Plowden, Edmund // ODNB online. URL: <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/22389>
- Clark G. The Later Stuarts 1660–1714. Oxford: Clarendon Press, 1956. XXIII, 479 p.
- Clark J.C.D. English Society 1660–1832. Religion, Ideology and Politics during the Ancient Regime. Cambridge: C.U.P., 2000. XII, 580 p.
- Collins J.R. Thomas Hobbes and the Blackloist Conspiracy of 1649 // The Historical Journal. 2002. Vol. 45. P. 305–331.
- Foster M. Digby, Sir Kenelm // ODNB online. URL: <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/7629>
- Gillett C.P. Probabilism, Pluralism, and Papalism: Jesuit Allegiance Politics in the British Atlantic and Continental Europe, 1644–50 // Jesuit Intellectual and Physical exchange between England and Mainland Europe, c. 1580–1789 / Ed. by J.E. Kelly, H. Thomas. Leiden: Brill, 2019. P. 235–260.
- Gregory E. Catholics during the English Revolution, 1642–1660. Woodbridge: Boydell & Brewer, 2021. 234 p.
- Hippisly A., Luk'janova E. Simeon Polockij's Library. A Catalogue. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2005. II, 234 p.
- Houlston V. Catholic Resistance: Robert Persons's Jesuit Polemics, 1580–1610. Aldershot: Routledge, 2007. 228 p.
- Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 1998. 602 p.
- Hunt P. Ivan IV's Personal Mythology of Kingship // Slavic Review. 1993. Vol. 52. Iss. 4. P. 769–811.
- Гнатаў У.К. Барока у праваслаўнай культуры Усходняй Еўропы XVI–XVII стст. // Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. У 6 т. Мінск: Беларус. навука, 2013. Т. 3. С. 330–410.
- Koselleck R. Critique and Crisis. Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1988. 214 p.
- Lake P. Bad Queen Bess? Libels, Secret Histories, and the Politics of Publicity in the Reign of Queen Elizabeth I. Oxford: O.U.P., 2016. XII, 497 p.

- Lindley K.L. *The Part Played by Catholics // Politics, Religion, and the English Civil War* / Ed. by B. Manning. L.: Arnold, 1973. P. 126–176.
- Lockey B. *Early Modern Catholics, Royalists and Cosmopolitans: English Transnationalism and the Christian Commonwealth*. Farnham: Ashgate, 2015. 388 p.
- Lynch B. Baldwin, Richard // ODNB online. URL: <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/56526>
- Martinich A.P. *Hobbes. A Biography*. Cambridge: C.U.P., 1999. XVI, 390 p.
- Newman P.R. *Roman Catholic Royalists: Papist Commanders under Charles I and Charles II, 1642–1660 // British Catholic History*. 1981. Vol. 15. P. 395–405.
- O'Day R. *The Debate on the English Reformation*. 2nd ed. Manchester: M.U.P., 2014. 368 p.
- Plomer H.R. *A Dictionary of the Booksellers and Printers, 1668–1725*. L.: O.U.P., 1922. 342 p.
- Questier M. *Seminary Colleges, Converts and Religious Change in Post-Reformation England, 1568–1688 // College Communities Abroad* / Ed. by L. Chambers, T. O'Connor. Manchester: M.U.P., 2017. P. 142–171.
- Questier M.C. *Loyalty, Religion and State Power in Early Modern England: English Romanism and the Jacobean Oath of Allegiance // Historical Journal*. Vol. 40. 1997. P. 311–329.
- Reinert S.A. *Cameralism and Commercial Rivalry: Nationbuilding through Economic Autarky in Secendorff's 1665 Additions // European Journal of Law and Economics*. 2005. № 19. P. 271–286.
- Rose M. *Hobbes contra Bellarmine // Journal of Moral Theology*. Vol. 4. 2015. P. 43–62.
- Sacred // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/sacred#ref66481>
- Scarbi M. *Thomas White, an Aristotelian Response to Scepticism // Archiwum Historii Filozofii i Myśli Społeczne*. 2013. Vol. 58. P. 83–96.
- Schama S. *A History of Britain*. In 3 vols. L.: BBC, 2001. Vol. 2. 544 p.
- Sheils W. 'Getting on' and 'Getting along' in Parish and Town: Catholics and Their Neighbours in England // *Catholic Communities in Protestant States: Britain and the Netherlands, c. 1570–1720* / Ed. by B. Kaplan, B. Moore, H. van Nierop, J. Pollmann. Manchester: M.U.P., 2009. P. 74–77.
- Shell A. *Oral Culture and Catholicism in Early Modern England*. Cambridge: C.U.P., 2007. XI, 244 p.
- Skinner Q. *Conquest and Consent: Thomas Hobbs and the Engagement Controversy // The Interregnum: The Quest for Settlement 1646–1660* / Ed. by G.E. Aylmer. L.: Macmillan, 1972. P. 79–98.
- Small A.W. *The Cameralists. The Pioneers of German Social Polity*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1909. 606 p.
- Sommerville J.P. *Papalist Political Thought and the Controversy over the Jacobean Oath of Allegiance // Catholics and the "Protestant Nation": Religious Politics and Identity in Early Modern England* / Ed. by E. Shagan. Manchester: M.U.P., 2005. P. 162–184.
- Southgate B.C. "Covetous of Truth": *The Life and Work of Thomas White, 1593–1676*. Dordrecht; Boston: Springer, 1993. 207 p.
- Southgate B.C. *Cauterising the Tumour of Pyrrhonism: Blackloism versus Skepticism // Journal of the History of Ideas*. 1992. Vol. 53. P. 631–645.

- Southgate B.C. "That Damned Booke": The Grounds of Obedience and Government (1655), and the Downfall of Thomas White // *British Catholic History*. 1984. Vol. 17. P. 238–253.
- Southgate B.C. Excluding Sceptics: The Case of Thomas White, 1593–1676 // *The Sceptical Mode in Modern Philosophy. Essays in Honour of Richard H. Popkin* / Ed. by R.A. Watson. Dordrecht: Springer, 1988. P. 76–81.
- Southgate B.C. Thomas White // ODNB online. URL: <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/29274>
- Southgate B.C. Torn between Two Obligations: The Compromise of Thomas White // *The Rise of Modern Philosophy: The Tension between the New and Traditional Philosophies from Machiavelli to Leibniz* / Ed. by T. Sorrell. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 107–127.
- Springborg P. Thomas Hobbes and Cardinal Bellarmine: Leviathan and the Ghost of the Roman Empire // *History of Political Thought*. Vol. 16. 1995. P. 513–521.
- Tribe K. *Strategies of Economic Order. German Economic Discourse, 1750–1950*. N.Y.: C.U.P., 1995. 285 p.
- Tutino S. *Empire of Souls: Robert Bellarmine and the Christian Commonwealth*. Oxford: O.U.P, 2010. 416 p.
- Tutino S. *Law and Conscience: Catholicism in Early Modern England, 1570–1625*. Aldershot: Routledge, 2007. 272 p.
- Tutino S. The Catholic Church and the English Civil War: the Case of Thomas White // *Journal of Ecclesiastical History*. 2007. Vol. 58. P. 232–255.
- Tutino S. *Thomas White and the Blackcloists: Between Politics and Theology During the English Civil War*. Aldershot: Routledge, 2008. 228 p.
- Underdown D. *Royalist Conspiracy in England, 1649–1660*. New Haven: Yale Univ. Press, 1960. XVII, 374 p.
- Wakefield A. *The Disordered Police State*. Univ. of Chicago Press, 2009. 240 p.
- Whitehead M. *English Jesuit Education: Expulsion, Suppression, Survival and Restoration, 1762–1803*. Abingdon: Routledge, 2013. 286 p.
- Williams M. *St Alban's College, Valladolid: Four Centuries of English Catholic Presence in Spain*. L.: C. Hurst, 1986. XIV, 288 p.
- Zagorin P. Clarendon and Hobbs // *The Journal of Modern History*. 1985. Vol. 57. № 4. P. 593–611.

ГЛАВА 8

Источники

- Акты, относящиеся до юридического быта древней России / Под ред. Н. Качалова. В 3 т. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1857. Т. 1. 399 с.
- Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею. В 12 т. СПб.: Тип. Э. Праца, 1853. Т. 5. 540 с.
- Истолкование аглинских законов Г. Блакстона. В 3 кн. М.: Университет. тип., у Н. Новикова, 1780–1782.
- Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Тип. Главного управ. уделов, 1906. [8], XXXVI, 214, [2] с.
- Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. Завещание отеческое / Сост., вступ. ст. и комм. Н.В. Козлова, Л.Н. Вдовина. М.: РОССПЭН, 2010. 592 с.
- Собственноручное черновое письмо Екатерины II к Д'Аламберу с похвалами сочинения Монтескье и уверением, что сочинения Д'Аламбера послужат

- на благо человечеству // СИРИО. Т. 10. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1872. С. 29–31.
- Уголовное право Англии в кратком очертании. Сочинение Дж. Фиц-Стифена / Пер. В. Спасовича. СПб.: В. Ковалевский, 1865. 610 с.
- 4 William and Mary, c. 1. An Act for granting for their Majesties an Aid four Shillings in the Pound for One Year for carrying on the Vigorous War against France // The statutes at large: from Magna Charta, to the end of the last parliament, 1761. In 8 vols. L.: Print. by Mark Baskett, 1763. Vol. 3. P. 483–499.
- Addison J., Steele R. The Spectator. Ess. № 92, Friday, June, 15, 1711. URL <https://www.gutenberg.org/files/12030/12030-h/SV1/Spectator1.html#section92>
- Bray T. An Essay towards the Reformation of Newgate, and the other Prisons in and about London // John Howard and The Prison-World of Europe. From Original and Authentic Documents / By H. Dixon. N.Y.: R. Carter & brs, 1850. P. 33–41.
- Defoe D. The anatomy of Exchange-Alley: or, a system of stock-jobbing. L.: Print. for E. Smith, 1719. 66 p.
- Eden W. Principles of Penal Law. L.: Print. for B. White, in Fleet-street, and T. Cadell, in the Strand, 1771. 300 p.
- Fielding H. A proposal for making an effectual provision for the poor for amending their morals, and for rendering them useful members of the society. Dublin: Print. for A. Millar, 1753. 91 p.
- Hales J. A Discourse of The Common Weal of This Realm of England. L.: Miss Lamond ed. Cambridge, 1893. 208 p.
- Hanway J. Solitude in Imprisonment. L.: Print. for J. Bew, Pater-Noster Row, 1776. 144 p.
- Hints for a History of Highwaymen // Fraser's magazine for town and country. 1834. Vol. 9. January to June. P. 279–287.
- Howard J. The State of the Prisons in England and Wales. L.: J. Johnson, C. Dilly, and T. Cadell, 1792. 540 p.
- Hutcheson A. Collection of calculations and remarks relating to the South Sea scheme and stock, 1720. L.: Gale Ecco: Print Editions, 2018. 132 p.
- Madan M. Thoughts on executive justice with respect to our criminal laws, particularly on the circuits. L.: Print. for J. Dodsley in Pall-Mall, 1785. 170 p.
- Malynes G. The Circle of Commerce, or the Ballance of Trade, in Defence of Free Trade. L.: Print. by John Dawson, 1623. 142 p.
- Mandeville B. An Enquiry into the Causes of the Frequent Executions at Tyburn. L.: Print. and sold by J. Roberts, 1725. 55 p.
- Memoirs of John Howard, esq. F.R.S., the Christian Philanthropist... / By T. Taylor. 2nd ed. L.: J. Hatchard and Son, 1836. 504 p.
- Misselden E. Free Trade, or the Means to make Trade flourish. L.: Print. by John Legatt, 1622. 136 p.
- Paterson W. A brief account of the intended Bank of England. L.: Print. Randal Taylor, 1694. 18 p.
- Swift J. The Conduct of the Allies and of the Late Ministry in Beginning and Carrying on the Present War. L.: Gale Ecco: Print Editions, 2010. 80 p.
- The Correspondence of John Locke. In 8 vols. / Ed. by E.S. de Beer. Oxford: Oxford Univ. Press, 1979. Vol. 5. 798 p.

- The country justice: containing the practice of the justices of the peace... by M. Dalton... L.: Print. by J. Streater, J. Flesher, and H. Twyford, 1666. 460 p.
- The country justice: containing the practice, duty and power of the justices of the peace, as well in as out of their sessions by M. Dalton of Lincolns-Inn, Esq. and one of the Masters in Chancery wherein all the statutes in force and use from Magna Charta 9 Hen. III to 15 & 16 George II. L.: Print. by H. Lintot, 1746. 508 p.
- The Life of John Howard; with Comments on his Character and Philanthropic Labours / By the rev. J. Field, M.A. L.: Longman, Brown, Green, Longmans, 1850. 495 p.
- The Newgate Calendar Comprising Interesting Memoirs of the most Notorious Characters who Have Been Convicted of Outrages on the Laws of England Since the Commencement of the Eighteenth Century... / By A. Knapp and W. Baldwin. Vol 2. L.: J. Robins & Co., 1825. 500 p.
- The Parliamentary history of England from the earliest period to the year 1803. In 36 vols. L.: Print. by T.C. Hansard, 1806–1820. Vol. 7. 991 p.
- The Works of George Berkeley, Bishop of Cloyne. In 9 vols. / Ed. by A.A. Luce, T.E. Jessop. L.; Edinburgh: Thomas Nelson & Sons, 1953. Vol. 5. 235 p.

Литература

- Аказеев Д.М. К вопросу о комплектовании полиции Российской империи в первой половине XVIII века // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 2 (38). С. 70–73.
- Амиров Р.З. Полицейские функции армии российского государства (XVIII – первая четверть XIX в.). Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1997. 19 с.
- Бабич М.В. Приказ земских дел // Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.). Словарь-справочник. В 4 кн. М.: Наука, 2001. Кн. 3. С. 389–390.
- Богдановский А.М. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М.: Тип. Каткова и Ко, 1857. 146 с.
- Богородский С.О. Очерк истории уголовного законодательства в Европе с начала XVIII века. В 2 т. Киев: Университет. тип., 1862. Т. 1. 656 с.
- Богословский М.М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом // Журн. Мин-ва народ. просвещения. 1903. Ч. 349. С. 45–144.
- Валлерстайн И. Мир-система модерна II. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2015. 528 с.
- Гернет М. История царской тюрьмы. В 5 т. М.: Госюриздат, 1951. Т. 1. 328 с.
- Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж: Изд. Воронеж. гос. ун-та, 2001. 432 с.
- Гольцев В.А. Законодательство и нравы в России XVIII в. СПб.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1886. 5, [3], 140, XLVI с.
- Ивонина Л.И. Герцог Мальборо. Человек, полководец, политик. М.: Ломоносовъ, 2019. 264 с.
- Исаев М.М. К вопросу о политической оценке идей классической школы уголовного права. Доклад, сделанный в Военно-юридической академии в апреле 1946 г. М.: Тип. Военно-юр. акад., 1947. 36 с.
- Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. Киев: Университет. тип., 1867. 281 с.

- Ключевский В.О. Русская история. Полный курс. В 3 кн. М.: Мысль, 1993. Кн. 3. 415 с.
- Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени / Пер. с англ. П.И. Прудковского; Науч. ред. А.Б. Каменский. М.: НЛЮ, 2016. 609 с.
- Кудрин В.А., Николаенко П.Д. Неподкупный генерал-полицеймейстер (Страницы жизни первого генерал-полицеймейстера северной столицы А.М. Девиера) // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2017. № 1 (73). С. 13–22.
- Лапаев П.В., Торопов В.А. Возможности оптимизации нормотворчества в органах внутренних дел на основе тезаурусного подхода // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). 112–118.
- Ле Гофф Ж. Является ли все же политическая история становым хребтом истории? // Thesis. 1994. Вып. 4. С. 177–192.
- Левенсон П.Я. Беккария и Бентам. Их жизнь и общественная деятельность. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1893. 94 с.
- Матиенко Т.Л. Особенности организации и правового регулирования общеуголовного сыска в первой половине XVIII в. // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2012. № 7. С. 11–14.
- Мошенский С.З. Зарождение финансового капитализма. Рынок ценных бумаг доиндустриальной эпохи. Киев: Планета, 2016. 278 с.
- Накишова М.Т. А.М. Девиер как первый генерал-полицеймейстер Санкт-Петербурга (историографический аспект) // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сб. ст. М.: ИРИ РАН, 2019. С. 34–40.
- Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого: опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1897. 244 с.
- Рассказов В.Л. Органы сыска полиции Российской империи в трудах отечественных исследователей // Политематический сетевой электр. науч. журн. Кубан. гос. аграр. ун-та. 2015. № 107. С. 243–258.
- Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург: Волот, 2007. 608 с.
- Редин Д.А. Сибирская ландратура: место вятских ландратов в структуре губернского управления периода первой областной реформы Петра Великого // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2012. № 3 (105). С. 31–47.
- Сизиков М.И. Полицейская реформа Петра I // Правоведение. 1992. № 2. С. 88–96.
- Сизиков М.И. Становление центрального и столичного аппарата регулярной полиции России в первой четверти XVIII в. // Государственный аппарат: Историко-правовые исследования. Свердловск: [Б. и.], 1975. С. 5–39.
- Тепляшин П.В. Европейские пенитенциарные системы (теоретико-прикладное и сравнительно-правовое исследование). Дис. ... докт. юрид. наук. Красноярск: [Б. и.], 2018. 496 с.
- Тревьельян Дж.М. Социальная история Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск: Русич, 2002. 624 с.

- Упоров И.В. Тюремное дело в России второй половины XVIII в.: концептуальные идеи и проекты // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 6–6. С. 24–28.
- Утевский Б.С. История уголовного права буржуазных государств. М.: Госюриздат, 1950. 424 с.
- Учение о карательных мерах и мере наказания: курс, составленный по лекциям профессора С.В. Познышева. М.: О-во взаимопомощи студентов-юристов Моск. ун-та, 1908. 181 с.
- Филиппов М.А. История и современное состояние карательных учреждений за границей и в России. СПб.: Типолит. А. Траншеля, 1873. 97 с.
- Филиппов М.А. Тюрмы в России. Собственноручный проект Екатерины II // Русская старина. 1873. Вып. 7. С. 60–87.
- Фойницкий И.Я. Ссылка на Западе в ее историческом развитии и современном состоянии. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1881. 342 с.
- Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения (А. Бенке), 1889. 503 с.
- Шурухнов Н.Г. Тюрмы России по собственноручному проекту императрицы Екатерины II 1787 года (краткий ретроспективный обзор) // Человек: преступление и наказание. 2021. Т. 29 (1–4). № 1. С. 71–82.
- A catalogue of lords chancellors, keepers of the great seal, masters of the rolls, and principal officers of the High Court of Chancery / By T.D. Hardy. L.: H. Butterworth, 1843. 145 p.
- Anderson A. An Historical and Chronological Deduction of the Origin of Commerce, from the earliest accounts. In 4 vols. N.Y.: Augustus M. Kelley, 1967. Vol. 3. 508 p.
- Barker C.A. American Convictions: Cycles of Public Thought, 1600–1850. Philadelphia: J. B. Lippincott Co., 1970. 632 p.
- Beckett J. V. Land Tax or Excise: the levying of taxation in seventeenth- and eighteenth-century England // The English Historical Review. 1985. Apr. Vol. 100. № 395. P. 285–308.
- Boyer L.M. The justice of peace in England and America from 1506 to 1776. A bibliographic history // The Quarterly Journal of the Library of Congress. 1977. Vol. 34. № 4. P. 315–326.
- Carlos A., Neal L., Wandschneider K. Dissecting the Anatomy of Exchange Alley: The Dealings of Stockjobbers during and after the South Sea Bubble. Paris: [S. n.], 2007. 34 p.
- Carruthers B.G. City of Capital. Politics and Markets in the English Financial Revolution. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1996. 320 p.
- Carswell J. The South Sea Bubble. L.: Cresset Press, 1960. 314 p.
- Chandler D.G. The Art of Warfare in the Age of Marlborough. Boston: Da Capo Press, 1995. 320 p.
- Dale R.S., Johnson J., Tang L. Financial markets can go mad: evidence of irrational behaviour during the South Sea Bubble // Economic History Review. 2005. Vol. 58. № 2. P. 233–271.
- Davis R. English Foreign Trade 1660–1700 // Economic History Review. 1954. Vol. 7. (New Series). № 2. P. 150–166.

- Dickson P. *The Financial Revolution in England: A Study in the Development of Public Credit, 1688–1756*. L.; N.Y.: Routledge, 2016. 580 p.
- Dowell S. *A History of Taxation and Taxes in England*. In 4 vols. L.: Cornell Univ. Library, 1888. Vol. 3. 309 p.
- Flaherty D.H. *Criminal Practice in provincial Massachusetts // Law in colonial Massachusetts 1630–1800. A conference held 6–7 November 1981 / Ed. by D.R. Coquillette*. Boston: Colonial Society of Massachusetts, 1984. P. 357–360.
- Garber P.M. *Famous First Bubbles: The Fundamentals of Early Manias*. Cambridge; L.: MIT Press, 2000. 176 p.
- Gaskill M. *Witchcraft and Evidence in Early Modern England // Past and present*. 2008. № 198. P. 33–70.
- Gatrell V.A.C. *The Hanging Tree: Execution and the English People 1770–1868*. Oxford: O.U.P., 1996. 634 p.
- Giuseppi J. *The Bank of England: A History from its foundation in 1694*. L.: Evans Bros, 1966. 244 p.
- Gretton M.S. *Oxfordshire justices of the peace in the seventeenth century // Oxfordshire Record Series*. 1934. 267 p.
- Heckscher E.F. *Multilateralism, Baltic Trade, and the Mercantilists // Economic History Review*. 2nd ser. 1950. Vol. 3. № 2. P. 219–228.
- Heckscher E.F., *Mercantilism*. In 2 vols. L.: Geo. Allen & Unwin, 1935.
- Hill B.W. *Robert Harley: Speaker, Secretary of State and Premier Minister*. New Haven: Yale Univ. Press, 1988. 320 p.
- Holdsworth W.S. *Sources and literature of English law*. Oxford: Clarendon Press, 1925. 247 p.
- Hull H.L. “Lowe and lay ministers of the peace”: the proliferation of office holding manuals in early modern England // *Renaissance papers*. Published for the Southeastern Renaissance conference. N.Y.: Camden House, 2009. P. 37–55.
- Jones J.R. *Country and Court: England, 1658–1714*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1978. 377 p.
- Magnusson L.G. *Mercantilism // A Companion to the History of Economic Thought / Ed. by W.J. Samuels, J.E. Biddle, J.B. Davis*. L.: Blackwell Publ., 2003. P. 46–61.
- Mays A., Shea G.S. *East India Company and Bank of England Shareholders during the South Sea Bubble: Partitions, Components and Connectivity in a Dynamic Trading Network*. 2011. URL: <https://www.researchgate.net>
- Michael Dalton // *Shaping the Common Law: From Glanvill to Hale, 1188–1688*. Essays by Thomas Garden Barnes / Ed. and with an introd. by A.D. Boyer. Stanford: Stanford Univ. Press: Stanford Law Books, 2008. P. 136–151.
- Neal L. *The Rise of Financial Capitalism: International Capital Markets in the Age of Reason*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990. 278 p.
- Putnam B.H. *Early treatises on the practice of the justices of the peace in the fifteenth and sixteenth centuries*. Oxford: Clarendon Press, 1924. 424 p.
- Putnam B.H. *Sixteenth-Century Treatises for Justices of the Peace // The University of Toronto Law Journal*. 1947. Vol. 7. № 1. P. 137–161.
- Saxon Oxfordshire: *charters and ancient highways / Ed. by G.B. Grundy // Oxfordshire Record Series*. 1933. Vol. 15. 315 p.

- Shapiro B.J. Beyond “Reasonable Doubt” and “probable Cause”: Historical Perspectives on the Anglo-American law of evidence. Berkeley; Los Angeles; Oxford: Univ. of California Press, 1991. 352 p.
- Shaw P. Suffering and Sentiment in Romantic Military art. L.: Routledge, 2016. 260 p.
- Smith A. The Wealth of Nations. Book IV. Of system of political Economy. Amsterdam: MetaLibri, 2007. P. 327–535.
- Stephen J.F. A General View of the Criminal Law of England. London; Cambridge: Macmillan and Co., 1863. 499 p.
- Stephens T.A. A Contribution to the Bibliography of the Bank of England. L.: Forgotten Books, 1979. 220 p.
- Thompson E.P. Whigs and Hunters: The Origin of the Black Act. N.Y.: Pantheon, 1975. 312 p.
- Wallerstein I. The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750. Los Angeles: Univ. of California Press, 2011. 370 p.
- Wegert K. The Social Context of State Terror in Early Modern Germany // Canadian Journal of History. 1991. № 26. P. 21–41.
- Wilson C. England's apprenticeship, 1603–1763. L.: St. Martin's Press, 1965. 413 p.
- Witches of the Atlantic World: An Historical Reader and Primary Sourcebook / Ed. by E.G. Breslaw. N.Y.; L.: N.Y. Univ. Press, 2000. 550 p.

ГЛАВА 9

Источники

- Бецкой И.И. Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества. СПб.: Сенат. тип., [1764]. 4 с.
- Бецкой И.И. Устав воспитания двух сот благородных девиц учрежденного Ее Величества Государынею Императрицей Екатериной Второй, Самодержицею Всероссийской, Материю Отечества и прочее, и прочее, и прочее. СПб.: [Б. и.], [1764]. 33 с.
- Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Соч. В 2 т. М.: Мысль, 1977. Т. 1. С. 85–546.
- Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.: Книга, 1990. 396 с.
- Дидро Д. Философские, исторические и другие записки различного содержания (год 1773-й, с 5 октября по 3 декабря // Дидро Д. Собр. соч. В 10 т. М.: Academia, 1947. Т. 10. С. 41–263.
- Долгоруков И.М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М.: Наука, 1997. 390 с.
- Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... В 2 т. СПб.: Наука, 2004. Т. 1. 816 с.
- Записка для памяти графа Андрея Ивановича Остермана // Архив князя Воронцова. Кн. 24. М.: Университет. тип. (М. Катков), 1880. С. 1–5.
- Кавелин К.Д. Авдотья Петровна Елагина // Русское общество 30-х годов XIX в.: мемуары современников. М.: Изд. Моск. ун-та, 1989. С. 135–148.
- Карпов Ф.И. Послание митрополиту Даниилу // Библиотека литературы Древней Руси. В 20 т. СПб.: Наука, 2006. Т. 9. Конец XV – первая половина XVI века. С. 346–359.

- Копия с письма отправленного по указу ея императорского величества ... графа Остермана к турецкому верховному везиру Апреля 12 дня, 1736 года. [СПб.: Тип. Акад. наук, 1736]. 36 с.
- Локк Д. Мысли о воспитании // Локк Д. Соч. В 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 407–609.
- Малиновский В.Ф. Из дневника 1803 г. // Русские просветители. В 2 т. М.: Мысль, 1966. Т. 1. С. 249–271.
- Манштейн Х. Записки о России генерала Манштейна // Перевороты и войны. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 9–272.
- Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге. СПб.: Тип. Иосифата Огризко, 1862. 667 с.
- Миних Б.-Х. Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб.: Тип. Безобразова и комп., 1874. 434 с.
- Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году, сообщено им же, с заметкою А.К. // Памятники новой русской истории. Сборник исторических статей и материалов. Т. 3. СПб.: Тип. Майкова, 1873. С. 256–277.
- Переписка императрицы Екатерины II с А.П. Левшиной // Русская старина. 1896. № 11. С. 313–350.
- Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера, продолжавшаяся с 1763 по 1778 год. В 2 ч. М.: Вольная тип. Гария и Компании, 1803. Ч. 2. 171 с.
- Переписная книга домовою казны патриарха Никона // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 15. М.: Университет. тип., 1852. С. 1–136.
- Плутарх. Застольные беседы. Л.: Наука, 1990. 592 с.
- Проект к Морской академии и принадлежащей ко оной школе (1730-е) // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М.: Новое изд-во, 2015. С. 191–209.
- Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. В 2 кн. СПб.: Санктпетерб. тип., 1726. Кн. 2. С. 333–537.
- Ржевская Г.И. Памятные записки Глафиры Ивановны Ржевской // Русский архив. 1871. № 1. С. 1–52.
- Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: КАНОН-пресс: Кучково поле, 1998. 416 с.
- Сидоркина Т.С., Кручинина Н.А. Борьба Юниуса за соблюдение избирательных прав: «Письмо XI, его светлости герцогу Графону» // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. 2019. № 10. С. 189–198.
- Симеон Полоцкий. Глас последний ко Господу Богу // Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Минск: Изд. АН БССР, 1962. С. 248–253.
- Скалон С.В. Воспоминания С.В. Скалон (урожденной Капнист) // Историч. вестн. 1891. Т. 45. С. 338–367.
- Сумароков А.П. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1957. 607 с.

- Aristotle. *The Politics of Aristotle* / Transl. by B. Jowett. In 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 1885. Vol. 1. Book 3. 303 p.
- Boswell J. *The general correspondence of James Boswell, 1766–1769*. In 2 vols. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 1997. Vol. 2. 330 p.
- Correspondence of William Pitt, Earl of Chatham* / Ed. by W.S. Taylor, J.H. Pringle. In 4 vols. L.: Murray, 1839. Vol. 4. 550 p.
- Evelyn J. *Publick employment and an active life prefer'd to solitude, and all its appanages, such as fame, command, riches, conversation, &c. In reply to a late ingenious essay of a contrary title [i.e. Sir George Mackenzie's "A moral essay, preferring solitude to publick employment", etc.] / By J.E. Esq; S.R.S. L.: Print. by J.M. for H. Herringman, 1667. 120 p.*
- Evelyn J. *The Letterbook of John Evelyn* / Ed. by D.D.C. Chambers and D. Galbraith. In 2 vols. Toronto: Toronto Univ. Press, 2014. Vol. 1. LXIII, 610 p.
- Fletcher G. *Of the Russe Common Wealth*. L.: Print. by T.D. for Thomas Charde, 1591. 232 p.
- Hakluyt R. *Principal Navigations*. L.: George Bishop, Ralph Newberie and Robert Barker, 1599. Vol. 1. 619 p.
- Junius. *Stat Nominis Umbra* / Ed. by H.S. Woodfall. In 2 vols. L.: Woodfall, 1772. Vol. 1. 208 p.; Vol. 2. 356 p.
- Libel Act 1792 // *The Official Home of UK Legislation*. URL: <https://www.legislation.gov.uk/apgb/Geo3/32/60/2010-01-12?view=plain>
- Junius: including letters by the same writer under other signatures: to which are added his confidential correspondence with Mr. Wilkes, and his private letters to Mr. H. S. Woodfall. In 2 vols. / Ed. by J. Wade. L.: Bohn, 1850. V. 1. 480 p.
- Mackenzie G. *A moral essay, preferring solitude to publick employment, and all it's appanages, such as fame, command, riches, pleasures, conversation*. Scotland: Print. for Robert Brown, 1665. 112 p.
- Mackenzie G. *A moral paradox maintaining, that it is much easier to be vertuous then vitious*. Scotland: Print. for Robert Broun, 1667. 86 p.
- Mackenzie G. *Essays upon Several Moral Subjects*. L.: Print. for D. Brown, 1693. XV, 442, VIII p.
- Milton J. *A Defence of the People of England* / Transl. by D.C. Mackenzie // *Complete Prose Works of John Milton*. In 8 vols. New Haven: Yale Univ. Press, 1966. Vol. 4. Part 1. P. 285–537.
- Milton J. *A Second Defence of the English People* / Transl. by H. North // *Complete Prose Works of John Milton*. In 8 vols. New Haven: Yale Univ. Press, 1966. Vol. 4. Part 1. P. 538–686.
- Milton J. *Commonplace Book* // *The Complete Works of John Milton*. In 11 vols. Oxford: Oxford Univ. Press, 2019. Vol. 11. P. 113–300.
- Milton J. *Doctrine and Discipline of Divorce* // *Complete Prose Works of John Milton*. In 8 vols. New Haven: Yale Univ. Press, 1959. Vol. 2. P. 217–356.
- Milton J. *History of Britain* // *The Complete Prose Works of John Milton*. In 8 vols. New Haven: Yale Univ. Press, 1971. Vol. 5. Part 1. P. 1–404.
- Milton J. *Of Reformation* // *The Complete Prose Works of John Milton*. In 8 vols. New Haven: Yale Univ. Press, 1953. Vol. 1. P. 514–617.
- Milton J. *Reason of Church-Government* // *The Complete Prose Works of John Milton*. In 8 vols. New Haven: Yale Univ. Press, 1953. Vol. 1. P. 736–861.

- Milton J. *The Complete Poetry of John Milton* / Ed. by J.T. Shawcross. Garden City, N.Y.: Anchor Books, 1971. 672 p.
- Milton J. *The Tenure of Kings and Magistrates // Complete Works of J. Milton*. In 11 vols. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. Vol. 6. P. 135–156.
- Milton J. *A Brief History of Moscovia*. L.: Print. by M. Flesher, for Brabazon Aylmer, 1682. 109 p.
- Parkes J. *Memoirs of Sir Philip Francis, K.C.B. With Correspondence and Journals*. In 2 vols. L.: Longman's, Green, and Company, 1867. Vol. 1. 458 p.
- Plutarch. *Moralia*. In 3 vols. Francofurti: Lazari Zetzneri, 1619. Vol. 1. 535 p.
- Purchas S. *Purchas His Pilgrimage*. In 5 vols. L.: William Stansby for Henrie Fetherstone, 1625–1626. Vol. 3. 1140 p.
- Røstvig M.-S. *The Happy Man: Studies in the metamorphoses of a classical ideal*. In 2 vols. Oslo: Oslo Univ. Press, 1958. Vol. 2. 1700–1760. 478 p.
- Simeon Polockij. *Vertograd mnogocvĕtnij*. Vol. 1: “Aaron” – “Dĕtem blagoslovenie”. Köln [etc.]: Böhlau Verlag, 1996. 356 p.
- Stobaeus I. *Sententiae ex thesauris graecorum delectae, quarum autores circiter ducentos et quinquaginta citat*. Tiguri: Froschover 1543. 536 p.
- The Letters of Junius* / Ed. by J. Cannon. Oxford: Clarendon Press, 1978. 643 p.
- The Letters of Junius with notes and illustrations historical, political, biographical, and critical*. In 2 vols. / Ed. by R. Heron. L.: Justins, 1802. Vol. 2. 466 p.
- The Political Register and Impartial Review for MDCCLXX* / Ed. by J. Almon. In 7 vols. L.: Beevor, 1770. Vol. 6. 388 p.

Литература

- Айзенштат М.П. *Британия Нового времени. Политическая история*. М.: КДУ, 2007. 204 с.
- Алексеев М.П. *Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей: введение, тексты и комментарии*. Иркутск: Иркутск. обл. изд-во, 1941. 152 с.
- Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма* / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
- Анисимов Е.В. *Самодержавие XVIII века: право править без права // Нестор: ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы*. № 7. Технология власти (источники, исследования, историография). 2005. № 1. С. 200–207.
- Арендт Х. *Vita activa, или о деятельностной жизни*. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
- Артемьева Т.В. *От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения*. СПб.: Алетейя, 2005. 496 с.
- Берков П.Н. *Проблемы исторического развития литератур*. Л.: Худ. лит., 1981. 496 с.
- Боева Л.И. *Развитие жанров в русской и болгарской литературах XVII и XVIII вв*. София: Изд. Болгарской Академии наук, 1983. 173 с.
- Брагинская Н.В., Селезнев М.Г., Шмаина-Великанова А.И. «Номос» и «номой» во второй книге Маккавеев // *Вестн. РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение*. 2016. № 6. С. 9–38.

- Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 480 с.
- Буланин Д.М. Комментарии // Библиотека литературы Древней Руси. В 20 т. СПб.: Наука, 2006. Т. 9. Конец XV – первая половина XVI в. С. 546–550.
- Геллер Л., Нике М. Утопия в России. СПб.: Гиперион, 2003. 316 с.
- Гребенюк В.П., Державина О.А., Елеонская А.С. Античное наследие в русской литературе XVII – начала XVIII века // Славянские литературы. М.: Наука, 1978. С. 194–214.
- Данилевский Р.Ю. Воспитательный пафос Русского Просвещения // Русская литература. 2003. № 3. С. 187–190.
- Данилова А. Благодородные девицы. Воспитанницы Смольного института. Биографические хроники. М.: Эксмо, 2007. 464 с.
- Еремин И.П. Симеон Полоцкий – поэт и драматург // Симеон Полоцкий. Избр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 223–260.
- Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М.: НЛЮ, 1999. 326 с.
- Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. 744 с.
- Киселев М.А. Проблема прав и обязанностей российского дворянства в Уложенной комиссии на рубеже 1750-х и 1760-х гг.: к истории Манифеста о вольности дворянской // Урал. ист. вестн. 2013. № 3 (40). С. 30–39.
- Киселев М.А. Правда и закон во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: От монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. В 2 т. М.: НЛЮ, 2012. Т. 1. С. 49–65.
- Киселев М.А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века // Ист. вестн. 2013. Т. 6 (153). С. 18–53.
- Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. 415 с.
- Лексикони Е. Славинецького та А. Корецького-Сатановського / Підг. В.В. Німчук. Київ: Наукова думка, 1973. 541 с.
- Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство – СПб, 1994. 399 с.
- Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни: Бытовое поведение как историко-психологическая категория // Лотман Ю.М. Избр. статьи. В 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. С. 296–337.
- Лыцова А.С. Реформа Кабинета и Сената 1741 г.: к истории государственной деятельности А.И. Остермана и Б.-Х. Миниха // Вестн. Вятск. гос. ун-та. 2017. № 3. С. 25–31.
- Марасинова Е.Н. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века. М.: НЛЮ, 2017. 508 с.
- Мещерский Н.А. История русского литературного языка. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1981. 280 с.
- Парсамов В., Шанская Т. Власть и Просвещение в России // Логос. 2003. № 4–5. С. 243–259.

- Пименова Э.К. Очерк истории развития английской журналистики // История печати: Антология. В 2 т. М.: Аспект-Пресс, 2001. Т. 2. С. 316–367.
- Польской С.В. Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII века // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. В 2 т. М.: НЛЮ, 2012. Т. 1. С. 94–150.
- Попугаев В.В. О просвещении и личном достоинстве управляющих // Русские просветители. В 2 т. М.: Мысль, 1966. Т. 1. С. 271–356.
- Пузиков В.М. Общественно-политические взгляды Симеона Полоцкого // Науч. тр. по философии Белорус. гос. ун-та. Вып. 2. Ч. 2. Минск: [Б. и.], 1958. С. 3–56.
- Пушкарева Н.Л. Образовательная система Смольного института благородных девиц // Глобальный научный потенциал. 2017. № 11 (80). С. 19–23.
- Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М.: Наука, 1974. 408 с.
- Русская мысль в век Просвещения. М.: Наука, 1991. 280 с.
- Сазонова Л.И. «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого (Эволюция художественного замысла) // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность / Под ред. А.Н. Робинсона. М.: Наука, 1982. С. 203–258.
- Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 894 с.
- Семенов С.Б. Парадокс Джона Уилкса // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 196–212.
- Сидоренко Л.В. Герцог Графтон в кабинетной политике Георга III в 1760–1780 е гг. // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2009. № 3. С. 15–34.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–. Вып. 4 (Г–Д). 403 с.
- Смольянинова Т.Е. Придворная культура в век Екатерины II // *Studia culturae*. СПб.: Санкт-Петербургское философск. общество, 2002. Вып. 2. 113–123.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 15 кн. М.: Соцэк-гиз, 1962. Кн. 7. 725 с.
- Толстой Ю.В. Заметка по поводу статьи Полуденского «Русская история Мильтона» // Чтения. 1874. Ч. 4. С. 1–24.
- Ушакова Е.В., Павлова О.В. Особенности развития женского образования в Англии XVII – начала XVIII века // Образование в современном мире. Сб. науч. ст. Саратов: Изд-во Саратов. науч. исслед. гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского, 2019. С. 185–190.
- Фанталов А.Н., Малязина М.А. Сен-Сир и Смольный институт – первые учебные заведения для женщин во Франции и России // Герценовские чтения. Художественное образование ребенка: стратегии будущего. Материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во ВВМ, 2020. С. 75–81.
- Федюкин И.И. Граф А.И. Остерман и проект реформирования Морской академии // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России первой половине XVIII века. М.: Новое изд-во, 2015. С. 176–218.
- Фонкич Б.Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М.: Языки славянских культур, 2009. 296 с.

- Хархордин О.В. Республика. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. 162 с.
- Хипписли А. Западное влияние на «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. Т. 52. С. 695–708.
- Хиришман А.О. Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. 195 с.
- Хренов Н.А., Соколов К.Б. Художественная жизнь императорской России (субкультуры, картины мира, ментальность). СПб.: Алетейя, 2001. 816 с.
- Achinstein Sh. 'A Law in this Matter to Himself': Contextualizing Milton's Divorce Tracts // *Oxford Handbook of Milton* / Ed. by N. McDowell and N. Smith. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. P. 174–185.
- Achinstein Sh., Sauer E. Milton and Toleration. Oxford: O.U.P., 2007. 320 p.
- Archer J.M. Old Worlds: Egypt, Southwest Asia, India, and Russia in Early Modern English Writing. Stanford: Stanford Univ. Press, 2001. 240 p.
- Bedford R. Milton's Journeys North: A Brief History of Moscovia and Paradise Lost // *Renaissance Studies*. 1993. № 71. P. 71–85.
- Bedford R.D. Jodocus Crull and Milton's "A Brief History of Moscovia" // *The Review of English Studies*. 1996. Vol. 47. № 186. P. 207–211.
- Benedict B. Curiosity: A Cultural History of Early Modern Inquiry. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2001. X, 321 p.
- Benedict B. Spectating Science in the Early Modern Collection // *Travel Narratives, the New Science, and Literary Discourse, 1569–1750* / Ed. by J.A. Hayden. Farnham: Ashgate, 2012. P. 197–213.
- Berry L.E. Giles Fletcher, the Elder, and Milton's A Brief History of Moscovia // *Review of English Studies*. 1960. Vol. 11. № 42. P. 150–156.
- Binney M.W. John Milton's A Brief History of Moscovia (1682): Aristotelian Virtue and Reproach of the Past // *Philological Quarterly*. 2020. Vol. 100. № 2. P. 135–160.
- Binney M.W. Russia as 'Pattern or Example': John Milton's A Brief History of Moscovia (1682) // *Prose Studies*. 2021. P. 1–27.
- Bryant J.A. Milton and the Art of History: A Study of the Two Influences on "A Brief History of Moscovia" // *Philological Quarterly*. 1950. Vol. 29. № 4. P. 15–30.
- Burgess G. Tyrants, Absolute Kings, Arbitrary Rulers and The Commonwealth of England: Some Reflections on Seventeenth-Century English Political Vocabulary // *Monarchism and Absolutism in Early Modern Europe* / Ed. by C. Cutticia and G. Burgess. L.: Pickering and Chatto, 2012. P. 147–158.
- Caldwell M. Skepticism and Belief in Early Modern England: the Reformation of Moral Value. L.: Routledge, 2016. 262 p.
- Campbell G., Corns Th. N. John Milton: Life, Work, and Thought. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. 488 p.
- Carlton Ch. Charles I: The Personal Monarch. 2nd ed. L.: Routledge, 1995. 456 p.
- Carlyle T. Sartor Resartus: On Heroes, Hero-worship and the Heroic in History Past and Present. L.: Routledge, 1893. 222 p.
- Cash A.H. John Wilkes. The Scandalous Father of Civil Liberty. L.: New Haven, 2006. 482 p.

- Cawley R.R. *Milton and the Literature of Travel*. New Jersey: Princeton Univ. Press, 1951. 158 p.
- Cheesman N. Manley, Sir Roger (d. 1687) // *Oxford Dictionary of National Biography*. Oxford: O.U.P., 2004. P. 430–431.
- Corns Th. C. *Milton and the Characteristics of a Free Commonwealth* // *Milton and Republicanism* / Ed. by D. Armitage, A. Himy and Q. Skinner. Cambridge: C.U.P., 1995. P. 25–42.
- Cross A. *Peter the Great Through British Eyes: Perceptions and Representations of the Tsar since 1698*. Cambridge: C.U.P., 2000. 172 p.
- Daly J. *The Idea of Absolute Monarchy in Seventeenth-Century England* // *The Historical Journal*. 1978. P. 229–230.
- Darley G. *John Evelyn: living for ingenuity*. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 2006. XIV, 382 p.
- Darwall S. *The British Moralists and the Internal 'Ought', 1640-1740*. Cambridge: C.U.P., 1995. 352 p.
- De Krey G.S. *Restoration and Revolution in Britain. A political History of the Era of Charles II and the Glorious Revolution*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. XIV, 359 p.
- Demaray J. *From Pilgrimage to History: The Renaissance and Global Historicism*. N.Y.: AMS, 2006. XV, 250 p.
- Dunning Ch. *Lost Chapters of John Milton's *Moscovia** // *Canadian-American Slavic Studies*. 2011. Vol. 45. № 2. P. 133–161.
- Dzelzainis M. *Harrington and Oligarchs: Milton, Vane, and Stubbe* // *Perspectives on English Revolutionary Republicanism* / Ed. by D. Wiemann and G. Mahlberg. Farnham: Ashgate, 2014. P. 15–34.
- Dzelzainis M. *Milton's Classical Republicanism* // *Milton and Republicanism* / Ed. by D. Armitage, A. Himy, and Q. Skinner. Cambridge: C.U.P., 1995. P. 3–24.
- Dzelzainis M. *Republicanism* // *A New Companion to Milton* / Ed. by T.N. Corns. Oxford: Wiley Blackwell, 2016. P. 323–337.
- Dzelzainis M. *The vulgar only scap'd who stood without': Milton and the Politics of Exclusion* // *Democracy and Anti-Democracy in Early Modern England, 1603–1689* / Ed. by C. Cuttica and M. Peltonen. Leiden: Brill, 2019. P. 239–259.
- Fedyukin I. *The Enterprisers: The Politics of School in Early Modern Russia*. Oxford: O.U.P., 2019. 328 p.
- Fink Z.F. *The Classical Republicans: An Essay in the Recovery of a Pattern of Thought in Seventeenth-Century England*. Evanston: Northwestern Univ. Press, 1962 [1945]. 229 p.
- Fischel Ed. *The English Constitution*. L.: Bosworth and Harrison, 1863. 592 p.
- Freydank D. *Zu Wesen und Begriffsbestimmung des russischen Humanismus* // *Zeitschrift für Slawistik*. 1968. Vol. 13. № 1. S. 98–108.
- Gleason J. *The Nature of Milton's 'Moscovia'* // *Studies in Philology*. 1964. Vol. 61. № 4. P. 640–649.
- Grace W.J. *Preface and Notes* // *A Defence of the People of England* // *Complete Prose Works of John Milton* / Ed. by D.M. Wolfe. In 8 vols. New Haven: Yale Univ. Press, 1966. Vol. 4. Part 1. P. 422–423.
- Haakonssen K. *Republicanism* // *A Companion to Contemporary Political Philosophy*. In 2 vols. Oxford: Blackwell, 2007. Vol. 2. P. 729–735.

- Hadfield A. *The English and Other Peoples // A Companion to Milton* / Ed. by T.N. Corns. Oxford: Blackwell, 2003. P. 174–190.
- Hammond P. *Milton and the People* Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. IX, 271 p.
- Heward E. *Lord Mansfield: A Biography of William Murray 1st Earl of Mansfield 1705–1793 Lord Chief Justice for 32 years*. Chichester: Barry Rose, 1979. 198 p.
- Hughes M.Y. *Introduction // The Complete Prose Works of John Milton* / Ed. by M. Hughes. In 8 vols. New Haven: Yale Univ. Press, 1962. Vol. 3. P. 1–189.
- Iacono G. *John Milton, Oliver Cromwell, and the Cause of Conscience // Studies in Philology*. 2015. Vol. 112. № 4. P. 774–797.
- Jacob M.C. *The Radical Enlightenment: pantheists, freemasons and republicans*. Winchester, Mass.: Allen & Unwin, 1981. 312 p.
- James S. *Passion and Action. The Emotions in Seventeenth-Century Philosophy*. Oxford: Clarendon Press, 1997. X, 318 p.
- Keeble N.H. *Milton and Puritanism” // A Companion to Milton* / Ed. by T.N. Corns. Oxford: Blackwell, 2003. P. 124–140.
- Klein L.E. *Sociability, Solitude, and Enthusiasm // The Huntington Library Quarterly*. 1997. Vol. 60. № 1/2 (Enthusiasm and Enlightenment in Europe, 1650–1850). P. 153–177.
- Lang A. *Sir George Mackenzie, king's advocate, of Rosehaugh: his life and times 1636(?)–1691*. L.; N.Y.: Longmans: Green, 1909. XI, 347 p.
- Lewalski B.K. *The Life of John Milton*. Reprint. Oxford: Blackwell, 2003. 796 p.
- Lindsay D.W. *Junius and the Grafton administration 1768–1770 // Prose Studies. History, Theory, Criticism*. 1986. Vol. 9. Iss. 2. *The Literature of Controversy Polemical Strategy from Milton to Junius*. P. 160–176.
- Loewenson L. *Sir Roger Manley's History of Muscovy: The Russian Impostor (1674) // The Slavonic and East European Review*. 1952. Vol. 31. № 76. P. 232–240.
- Lovett F. *Milton's Case for a Free Commonwealth // American Journal of Political Science*. 2005. Vol. 49. № 3. P. 466–478.
- Maltzahn von N. *John Milton: The Later Life (1641-1674)*. *The Oxford Handbook of Milton* / Ed. by N. McDowell and N. Smith. Oxford: U.P., 2009. P. 27–41.
- Massey W.A. *History of England During the Reign of George the Third*. In 4 vols. L.: Parker, 1855. Vol. 1. 552 p.
- Masson J. *The Life of John Milton*. In 6 vols. L.: Macmillan, 1880. Vol. 6. 840 p.
- Mattison A. *Solitude and Speechlessness. Renaissance Writing and Reading in Isolation*. Toronto: Univ. of Toronto Press, 2019. VII, 260 p.
- Maurer Ch. *Human Nature, the Passions, and the Fall. Themes from Seventeenth-Century Scottish Moral Philosophy // Scottish Philosophy in the Seventeenth Century* / Ed. by A. Broadie. Oxford: Oxford Univ. Press, 2020. P. 174–190.
- May T. E. *Constitutional History of England Since the Accession of George III, 1760–1860: With a New Supplementary Chapter, 1861–1871*. In 2 vols. N.Y.: Armstrong and Son, 1895. Vol. 2. 636 p.
- McCracken D. *Junius and Philip Francis*. Boston: Twayne Publisher, 1979. 157 p.
- Norbrook D. *Poetry and Politics in the English Renaissance*. Oxford: O.U.P., 2002. 350 p.
- Norbrook D. *Writing the English Republic: Poetry, Rhetoric and Politics, 1627–1660*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. IX, 510 p.

- Pares R. *King George III and Politicians*. Oxford: Clarendon Press, 1953. 224 p.
- Parker W.R. *Milton: A Biography*. 2 vols. Oxford: Clarendon, 1968. Vol. 1. 403 p.
- Parks G.B. The Occasion of Milton's 'Moscovia' // *Studies in Philology*. 1943. Vol. 40. № 3. P. 399–404.
- Parks G.B. Preface and Notes // *A Brief History of Moscovia* / By John Milton. Complete Prose Works of John Milton / Ed. by Don. M. Wolfe. In 8 vols. New Haven: Yale Univ. Press, 1982. Vol. 8. P. 454–538.
- Patterson A. *Milton, Marriage and Divorce* // *A Companion to Milton* / Ed. by T.N. Corns. Oxford: Blackwell, 2003. P. 279–293.
- Pettit Ph. *Republicanism: A Theory of Freedom and Government*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999. 328 p.
- Poe M. "A People Born to Slavery": Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2000. 239 p.
- Popper N. *Walter Raleigh's History of the World and the Historical Culture of the Late Renaissance*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2012. P. 64–70.
- Preston C. *The Poetics of Scientific Investigation in Seventeenth-Century England*. Oxford: O.U.P., 2015. IX, 293 p.
- Proudfoot D.S., Deslandres D. Samuel Purchas and the Date of Milton's *Moscovia* // *Philological Quarterly*. 1985. Vol. 64. № 2. P. 260–265.
- Rea R.R. *The English Press in Politics 1760–1774*. Lincoln: Univ. of Nebraska Press, 1963. 272 p.
- Rubiés J-P. *Travel and Ethnology in the Renaissance: South India Through European Eyes, 1250–1625*. Cambridge: C.U.P., 2000. 443 p.
- Salmon J.H.M. *French Religious Wars in English Political Thought*. Oxford: Clarendon Press, 1959. VII, 202 p.
- Schwartz R. *Milton on the Bible* // *A Companion to Milton* / Ed. by T.N. Corns. Oxford: Blackwell, 2003. P. 37–54.
- Scott J. *Commonwealth Principles: Republican Writing of the English Revolution*. Cambridge: C.U.P., 2004. 402 p.
- Scott J. *The English Republican Imagination* // *Revolution and Restoration: England in the 1650s* / Ed. by J. Morrill. L.: Collings & Brown, 1992. P. 35–54.
- Scott J. What Were Commonwealth Principles? // *This Historical Journal*. 2004. Vol. 47. № 3. P. 591–613.
- Selleck N. *The Interpersonal Idiom in Shakespeare, Donne, and Early Modern Culture*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. IX, 214 p.
- Shapin S.A. *Social History of Truth. Civility and Science in Seventeenth-Century England*. Chicago; L.: Univ. of Chicago Press, 1995. XXXII, 484 p.
- Shawcross J.T. What We Can Learn from Milton's Spelling // *Huntington Library Quarterly*. 1963. P. 351–361.
- Shoenfeldt M. *Reading bodies* // *Reading, Society and Politics in Early Modern England*. Cambridge: C.U.P., 2003. P. 215–243.
- Sirluck E. Introduction // *Complete Prose Works of John Milton* / Ed. by E. Sirluck. In 8 vols. New Haven: Yale Univ. Press, 1959. Vol. 2. P. 1–183.
- Skinner Q. *John Milton and the Politics of Slavery* // *Prose Studies*. 2000. Vol. 23. № 1. P. 1–22.
- Skjónsborg M. *The Persistence of Party: Ideas of Harmonious Discord in Eighteenth-Century Britain*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2021. 373 p.

- Skrzynnikov R.G. *The Time of Troubles: Russia in Crisis, 1604–1618* / Ed. and transl. by H.F. Graham. Gulf Breeze, FL: Acad. Intern. Press, 1988. XV, 335 p.
- Steven P. *How Milton's Nationalism Works: Globalization and the Possibilities of Positive Nationalism // Early Modern Nationalism and Milton's England*. Toronto: Univ. of Toronto Press, 2008. P. 273–301.
- Stout F.J. *Exploring Russia in the Elizabethan Commonwealth: The Muscovy Company and Giles Fletcher, the elder (1546–1611)*. Manchester: M.U.P., 2015. 268 p.
- Szenczi M. *Milton on Russia // The New Hungarian Quarterly*. 1967. P. 176–182.
- Taylor J. *A discovery of the author of the letters of Junius*. L.: Taylor and Hessey, 1813. 189 p.
- Thomas K. *In Pursuit of Civility. Manners and civilization in Early Modern England*. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 2018. PXVI, 458 p.
- Thomas K. *The Ends of Life. Roads to Fulfilment in Early Modern England*. Oxford: O.U.P., 2009. XVIII, 393 p.
- Thompson M.P. *The History of Fundamental Law in Political Thought from the French Wars of Religion to the American Revolution // The American Historical review*. 1986. Vol. 91. № 5. P. 1103–1128.
- Tilmouth Ch. *Passions and Intersubjectivity in Early Modern Literature // Passions and Subjectivity in Early Modern Culture*. Farnham: Ashgate, 2013. P. 13–32.
- Walker W. *Antiformalism, Antimonarchism, and Republicanism in Milton's 'Regicide Tracts' // Modern Philology*. 2011. Vol. 108. № 4. P. 507–537.
- Woodhouse A.S.P. *Introduction // Puritanism and Liberty: Being the Army Debates (1647–49) from the Clarke Manuscripts with Supplementary Documents / Ed. by A.S.P Woodhouse*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1951. P. [11]–[100].
- Woolrych A. *Britain in Revolution: 1625–1660*. Oxford: O.U.P., 2002. 827 p.
- Wootton D. *Introduction: The Republican Tradition: From Commonwealth to Common Sense // Republicanism, Liberty, and Commercial Society: 1649–1776 / Ed. by D. Wootton*. Stanford: S.U.P., 1994. P. 1–44.
- Worden B. *Literature and Politics in Cromwellian England: John Milton, Andrew Marvell, Marchamont Nedham*. Oxford: O.U.P., 2007. P. 233–234.
- Worden B. *Milton's Republicanism and Tyranny of Heave // Machiavelli and Republicanism*. Cambridge: C.U.P., 1990. P. 225–245.
- Worden B. *Republicanism, Regicide and Republic: The English Experience // Republicanism: A Shared European Heritage / Ed. by M. van Gelderen and Q. Skinner*. In 2 vols. Cambridge: C.U.P., 2002. Vol. 1. P. 307–327.
- Yale E. *Sociable Knowledge. Natural History and the Nation in Early Modern Britain*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2016. 360 p.
- Zagorin P. *A History of Political Thought*. L.: Routledge and Paul, 1998. 208 p.

ГЛАВА 10

Источники

- Архив кн. Ф.А. Куракина. В 10 кн. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1890. Кн. 1. 387 с.
- Байер Г.З. *Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города, до возвращения оного под Российскую державу / Пер. с нем. И.К. Тауберта, адъюнкта Акад. наук. СПб.: Императ. Акад. наук, 1734. 292 с.*

- [Барков И.С.] Краткая российская история // Сокращенная Универсальная история, содержащая все достопамятные случаи, с приобщением краткой Российской истории. СПб.: Императ. Акад. наук, 1762. 370 с.
- Болингброк Г.С.-Дж. Идея о Короле-Патриоте // Болингброк Г.С.-Дж. Письма об изучении и пользе истории. М.: Наука, 1978. С. 197–239.
- Бужинский, Гавриил. Слово Похвальное на Рождение Государя Царевича и великого князя Петра Петровича // Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований / Изд. Е.В. Петухов. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1901. 676 с.
- [Дмитриев-Мамонов Ф.И.] Хронология, переведенная тщанием сочинителя Философа дворянина, из науки, которую сочинил г. де Шевиньи... В 2 ч. М.: Н. Новиков и Ко, 1782. Ч. 2. 438 с.
- [Екатерина II] Записки касательно российской истории. В 6 ч. СПб.: Императ. тип., 1787–1794. Ч. 1. 277 с.
- Елагин И.[П]. Опыт повествования о России: сочинение Ивана Елагина... Кн. 1. М.: Университет. тип., 1803. 123 с.
- Ильинский М.[И.] Опыт исторического описания о начале города Москвы... М.: Тип. А. Решетникова, 1795. 102 с.
- Ильинский Н.С. Историческое описание города Пскова и его древних пригородов... В 6 ч. СПб.: Тип. Б.Л. Гека, 1790–1795. Ч. 1. 67 с.
- [Карамзин Н.М.] Э. Смелая догадка // Вестник Европы. 1805. Ч. 21. № 10. С. 112–124.
- Крестинин В.[В.] Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве Двинского народа в Севере. СПб.: Императ. Акад. наук, 1785. 55 с.
- Крестинин В.[В.] Начертание истории города Холмогор. СПб.: Императ. Акад. наук, 1790. 44 с.
- Левшин А.Г. Историческое описание первопрестольного в России храма, Московского Большого Успенского собора... М.: Тип. Мейера, 1783. 112 с.
- Ломоносов М.[В.] Краткий российский летописец с родословием. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1760. 85 с.
- Ломоносов М.[В.] Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб.: Императ. Акад. наук, 1766. 40 с.
- Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. В 11 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952, 1959. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии, 1747–1765 гг. 770 с. Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1279 с.
- Миллер Г.Ф. Происхождение народа и имени Российскаго. СПб.: Императ. Акад. наук, 1749. 44 с.
- Миллер Г.-Ф. Описание Сибирского царства и всех произшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. СПб.: Императ. Акад. наук, 1750. 510 с.
- Миллер Г.Ф. Опыт новейшей истории о России // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. 1761. Январь. С. 3–63; Февраль. С. 99–154; Март. С. 195–244.
- [Миллер Г.Ф.] О народах издревле в России обитавших. СПб.: О-во, старающееся о напечатании книг, 1773. 132 с.

- Миллер Г.Ф. О первом летописателе Российском преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях оныя // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России: Избранное. М.: Наука, 1996. С. 5–15.
- Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М.: Наука, 1996. 448 с.
- Миллер Г.Ф. Опыт новейшей истории о России // Миллер Г.Ф. Избранные труды / Сост., ст., примеч. С.С. Илизарова. М.: Московские учебники и картолитология: Янус-К, 2007. 816 с.
- Новиков Н.[И.] Опыт исторического словаря о российских писателях, с разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий, и словесных преданий. СПб.: Тип. Н. Новикова, 1772. 264 с.
- Полное собрание сочинений Платона (Левшина), митрополита Московского. В 10 т. СПб.: Изд-во П.П. Сайкина, 1913. Т. 1. 976 с.
- Проповеди Святейшего Правительствующего Синода конторы члена, ставропигиального второклассного Заиконоспаского училища монастыря архимандрита и Московской Славяно-греко-латинской Академии ректора Дамаскина... М.: Университет. тип., у Новикова, 1783. 260 с.
- Протокол Исторического собрания 3 июня 1748 г. // Библиографические записки. 1861. Т. 3. № 17. С. 515–517.
- Рычков П.[И.] Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб.: Императ. Акад. наук, 1767. 196 с.
- [Соковкин С.П.] Опыт исторического словаря всех в истинной православной греко-российской вере святою непорочно жизнью прославившихся святых мужах. М.: Тип. И. Лопухина, 1784. 251 с.
- Сумароков А.[П.] Первый и главный стрелецкий бунт, бывший в Москве в 1682 году в месяце маии. СПб.: Императ. Акад. наук, 1768. 50 с.
- Сумароков А.П. Ядовитый, комедия // Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе... А.П. Сумарокова. В 10 ч. М.: Тип. Н. Новикова, 1787. Ч. 5. С. 150–197.
- Татищев В.Н. История Российская с древнейших времен... М.: Тип. Моск. ун-та, 1769. Кн. 1. Ч. 2. С. 225–600.
- Третьяковский В.[К.] Три разсуждения о трех главнейших древностях Российских, а именно: О первоначалии словянского языка перед тевтоническим. О первоначалии россос. О варягах – руссах славянского звания, рода и языка. СПб.: [Тип. Сухо-пут. кадет. корпуса], 1773. 275 с.
- Чулков М.[Д.] Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до настоящего. В 7 т. [21 кн.]. СПб.: Тип. Акад. наук, 1781–1788. Т. 1. Кн. 1. 621 с.
- Щербатов М. [М.] История российская с древнейших времен. В 7 т. [15 ч.]. СПб.: Императ. Акад. наук, 1770. Т. 1. 402 с.
- Эмин Ф.[А.] Российская история жизни всех древних от самого начала России государей. В 3 т. СПб.: Императ. Акад. наук, 1767. Т. 1. 452 с.
- Berkeley G. Maxims Concerning Patriotism // The Works of G. Berkeley D.D.; Formerly Bishop of Cloyne. Including his Posthumous Works. With Prefaces, Annotations, Appendices, and Accounts of his Life, by Alexander Campbell Fraser. In 4 vol. Oxford: Print. at the Clarendon Press, 1901. Vol. 4. Miscellaneous Works, 1707–1750. P. 319–338.
- Berkeley G. An Essay towards preventing the Ruin of Great Britain // The Works of George Berkeley... Vol. 5. P. 319–338.

- Bodini Ioannis. *Methodus ad facilem historiarum cognitionem*. Genevae: Apud Iacobum Stoer, 1610. 434 p.
- Boswell J. *The Life of Samuel Johnson*. L.: Everyman, 1992. 1336 p.
- Brady R. *Introduction to the Old English History, compre-hended in three several tracts...* L.: T. Newcomb for S. Lowndes, 1684. 412 p.
- Brady R. *A Complete History of England, from the first entrance of the Romans... unto the end of the reign of King Henry III, etc. [With an appendix.]*. L.: T. Newcomb for S. Lowndes, 1685. 1098 p.
- Camden W. *Remaines of a Greater Worke, Concerning Britaine, the inhabitants thereof, their languages, names, surnames, empresses, wise speeches, poesies and epitaphes*. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1984. 576 p.
- Coke E. *The First Part of the Institutes of the Lawes of Eng-land. Or, a Commentarie upon Littleton, Not the Name of a Lawyer Onely, but of the Law it selfe*. L.: Print. [by Adam Islip] for the Societe of Stationers, 1628. 882 p.
- David Hume: *Philosophical Historian* / Ed. by D.F. Norton and R.H. Popkin. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1965. 438 p.
- Essay on Patriotism: And on the Character and Conduct of some late famous pre-tenders to that virtue, particularity of the present Popular Gentleman*. L.: Fleet-street, 1768. 92 p.
- Fenn J. *Three chronological tables: exhibiting a state of the Society of Antiquaries of London, from its first rise in 1572, 14 Eliz. to its revival in the beginning of this century*. [L.]: Print. by order of the Society, by J. Nichols, 1784. 36 p.
- Fielding H. *The True Patriot: and The History of Our Own Times* / Ed. by M.A. Locke. Tuscaloosa: Univ. of Alabama Press, 1964. 263 p.
- Fifteen Sermons preached at the Rolls Chapel; to which are added Six Sermons preached on public occasions, &c. By Joseph Butler Bishop of Durham. A New Edition*. L.: Print. for Thomas Tegg, 1841. 312 p.
- Gough R. *Anecdotes of British Topography*. L.: Print. by W. Richardson & S. Clark; sold by T. Payne; W. Brown, 1768. 740 p.
- Hume D. *The History of England, From the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688*. In 6 vols. [Reprint Originally published: L.: T. Cadell, 1778]. N.Y.: Liberty Classics, 1983. Vol. 6. 721 p.
- Johnson S. *The False Alarm*. L.: T. Cadell, 1770. 53 p.
- Johnson S. *Patriot. Addressed to the Electors of the Great Brit-ain // Samuel Johnson: Major Works*. Oxford: O.U.P., 2008. P. 580–588.
- Locke J. *Two Treatises of Government* / Ed. by P. Laslett. Cambridge: U.P., 1988. 464 p.
- The London Magazine, Or, Gentleman's Monthly Intelligencer*. V. 43. Oct. 1774. 49 p.
- Macpherson J. *Fingal, an Ancient Epic Poem in Six Books, together with Several Other Poems composed by Ossian, the Son of Fingal, translated from the Gaelic Language*. In 2 vols. Glasgow: Chapman and Lang, 1799.
- Major J. *De Gestis Scotorum*. In 6 vols. Paris: [S. n.], 1521.
- Milton J. *The Ready and Easy Way to Establish a Free Com-monwealth* / Ed. by E.M. Clark. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 1915. 284 p.
- The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the year 1803*. Vol. 16. 1765–1771 / Ed. by W. Cobbett, J. Wright. L.: T.C. Hansard, Peter-borough-court, Fleet-street, 1813. 716 p.

- Petyt W. The antient right of the Commons of England asserted, or, A discourse proving by records and the best historians that the Commons of England were ever an essential part of Parliament. L.: Print. for F. Smith, T. Bassett, J. Wright, R. Chiswell and S. Heyrick, 1680. 184 p.
- Price R. A Discourse on the Love of Our Country. L.: Print. by G. Stafford, 1789. 51 p.
- Robertson W. History of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI // The Works of William Robertson. In 10 vols. L.: T. Tegg, 1826. Vol. 1. 407 p.
- The gentleman's magazine, and historical chronicle. 1736 // Internet Archive. <https://archive.org/details/gentlemansmagazi03marc/page/n5/mode/2up?view=theater>
- Vetusta monumenta quae ad Rerum Britanicarum memoriam conservandam Societas Antiquariorum Londini sumptu suo edenda curavit. 1718–1906 // Scalar. Missouri. URL: <https://scalar.missouri.edu/vm/index>
- Wilkes J. The North Briton. Dublin: J. Potts: Print. by J. Potts, at Swift's Head in Dame-street, 1763. 195 p.
- Wilkes J. The Letter to Samuel Johnson. L.: J. Almon, 1770. 58 p.

Литература

- Апрыщенко В.Ю. От Просвещения к романтизму: шотландская антикварная традиция и поиски национального прошлого // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М: Кругъ, 2008. С. 554–589.
- Берков П.Н. Неиспользованные материалы для истории русской литературы XVIII в. // XVIII век: Сборник статей и материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. Вып. 1. С. 327–376.
- Вознесенский А.В. Неизвестный вариант издания «Древней Российской истории» М.В. Ломоносова // XVIII век. Л.: Наука, 1989. Сб. 16. С. 215–219.
- Высокова В.В. Историографический и социальный контекст формирования концепции истории Дэвида Юма // Диалог со временем. 2013. Вып. 45. С. 70–87.
- Высокова В.В. Шотландские просветители: круг идей // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 78–90.
- Горелов М.М. Датское и нормандское завоевания Англии в XI веке. СПб.: Алетейя, 2007. 176 с.
- Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века: учеб. для высш. учебн. заведений. М.: Учпедгиз, 1939. 526 с.
- Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента (Из истории английского общества и государства XIII века). М.: Изд-во МГУ, 1960. 582 с.
- Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1985. 480 с.
- Дилтей Ф.Г. Первые основания Универсальной истории с сокращенною хронологиею в пользу обучающегося Российского дворянства. В 3 ч. М.: Тип. Моск. Императ. ун-та, 1763. Ч. 2. 328 с.
- Каменский А.Б. Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера (1705–1783) // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М.: Наука, 1996. С. 374–416.

- Косых Т.А., Шипицына Ю.С. Дискуссия об «истинных» и «мнимых» патриотах: памфлет Сэмюэла Джонсона «Патриот» // *Imagines Mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* 2019. № 10. Серия «Альбионика». С. 45–55.
- Кром М.М. К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма в России // *Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.)*. М.: ИРИ, 1994. С. 16–30.
- Кром М.М. Патриотизм, или Дым отечества. СПб.: Европ. ун-т в С.-Петербурге, 2020. 160 с.
- Кузнецов Е.В., Никулин И.Н., Титков Е.П. Епископ Нижегородский и Алатырский Дамаскин. Страницы жизни, деятельности, творчества. Арзамас: Арзамас. гос. пед. ин-т, 1998. 115 с.
- Лурье Я.С. История России в летописании и в восприятии Нового Времени // *Лурье Я.С. Россия древняя и Россия новая*. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 13–171.
- Малинов А.В. Польза и «общее благо» // Малинов А.В. *Философия истории в России XVIII века*. СПб.: ИТД «Летний сад», 2003. 240 с.
- Маловичко С., Нисковская М. История киевского князя Изяслава Ярославича в Опыт повествования о России Ивана Елагина // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 8. № 5. С. 1647–1666.
- Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. Орехово-Зуево: МГОГИ, 2013. 252 с.
- Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. (По материалам переписки). М.: РОССПЭН, 1999. 302 с.
- Марасинова Е.Н. Власть и личность (Очерки русской истории XVIII века). М.: Наука. 2008. 458 с.
- Милешина Н.А. Трансформация патриотического сознания российского дворянства в XVII–XIX столетиях // *Изв. Самар. науч. центра РАН*. 2010. Т.12. № 2. С. 14–21.
- Милуков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М.: Тип. М.Н. Кушнерев и Ко, 1897. 306 с.
- Миц С.С. Мемуары и российское дворянство. Источниковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб.: Нестор, 1998. 260 с.
- Моисеева Г.Н. Ломоносов // *История русской литературы*. В 4 т. Л.: Наука, 1980. Т. 1. С. 529–530.
- Моисеева Г.Н. «Опыт повествования о России» И.П. Елагина в оценке Н.М. Карамзина // XVIII век. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века / Отв. ред. А.М. Панченко. Л.: Наука, 1989. Сб. 16. С. 104–109.
- Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // *Ницше Ф. Сочинения*. В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. 829 с.
- Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Антикварный дискурс в раннеэпохальной Англии. СПб.: Алетейя, 2013. 216 с.
- Прийм Ф.Я. Ломоносов и «История Российской империи при Петре Великом» Вольтера // XVIII век. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1958. Сб. 3. С. 170–186.
- Репина Л.П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности // *Диалог со временем*. 2007. Вып. 21. С. 5–22.

- Репина Л.П. «Национальные истории» и концепции «истории как науки»: проблема совместимости // Национальный / социальный характер: археология идей и современное наследство. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 77–78.
- Романовская В.Б., Титков Е.П. Теория естественного права в проповедях Нижегородского епископа Дамаскина (70–80 гг. XVIII в.) // Англия и Европа: проблемы истории и историографии / Отв. ред. Е.В. Кузнецов. Арзамас: Арзамас. гос. пед. ин-т, 2001. С. 174–181.
- Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.: ОГИЗ, 1941. 660 с.
- Семенов С.Б. Политические взгляды английских радикалов XVIII в. Самара: Изд-во СамГПУ, 1995. 115 с.
- Семенов С.Б. Парадокс Джона Уилкса // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 196–213.
- Скиннер Кв. Язык и политические изменения // Логос. Философско-литературный журнал. 2005. № 3 (48). С. 143–152.
- Соколов А.Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики. СПб.: Алетейя, 2015. 296 с.
- Соловьев К.А. «Господствуй и имей над щастьем полну власть»: семантика власти в торжественных одах М.В. Ломоносова // Диалог со временем. 2017. Вып. 59. С. 151–168.
- Стенник Ю.В. Сумароков – историк // XVIII век. СПб.: Наука, 1996. Сб. 20. С. 23–46.
- Титков Е.П. Просветительская деятельность епископа Дамаскина: опыт мировоззренческой симфонии // История и историки – 2007. М.: Наука, 2009. С. 89–109.
- Хилл К. Английская Библия и революция XVII в. М.: ИВИ РАН, 1998. 490 с.
- Allan D. Virtue, Learning and the Scottish Enlightenment: Ideas of Scholarship and Society in Early Modern Scotland. Edinburgh: E.U.P., 1993. 276 p.
- Armitage D. A Patriot for Whom? The Afterlives of Bolingbroke's Patriot King // Journal of British Studies. 1997. № 36 (4). P. 397–418.
- Brewer J. Party Ideology and Popular Politics at the Accession of George III. Cambridge: C.U.P., 1976. 382 p.
- Brownlie S. Memory and Myths of the Norman Conquest. Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 2013. 227 p.
- The British Union: a critical edition and translation of David Hume of Godscroft's De Unione Insulae Britannicae / P.J. McGinnis; Ed. by A.H. Williamson. L.: Routledge. 2002. 253 p.
- Carvalho S., Gemenne F. Introduction // Nations and their Histories: Constructions and Representations / Ed. by S. Carvalho, F. Gemenne. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. P. 1–3.
- Celtic textual sources // Monaghan P. The Encyclopedia of Celtic Mythology and Folklore. N.Y.: Facts on File, 2004. P. IX–XI.
- Colley L. Britons: Forging the Nation, 1707–1837. L.: Pimlico, 2003. 430 p.
- Collinson P. This England: race, nation, patriotism // Collinson P. This England. Essays on the English nation and commonwealth in the sixteenth century. Manchester; N.Y.: Univ. Press Scholarship Online, 2011. P. 1–36.

- Cunningham H. The Language of Patriotism, 1750–1914 // *History Workshop*. 1981. № 12 (1) P. 8–33.
- Ferguson W. Imperial crowns: a neglected facet of the background to the Treaty of Union of 1707 // *Scottish Historical Review*. 1974. № 53. P. 22–44.
- Frew J. An Aspect of the Early Gothic Revival: The Transformation of Medievalist Research // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1980. Vol. 43. P. 174–185.
- Fussner F.S. The Historical Revolution: English Historical Writing and Thought, 1580–1640. L.: Routledge: Kegan Paul, 1962. 343 p.
- George Buchanan: The political poetry / Ed. by P.J. McGinnis, A.H. Williamson. Edinburgh: Scottish Historical Society, 1995. 347 p.
- Gerrard C. The Patriot Opposition to Walpole. Politics, Poetry and National Myth, 1725–1742. Oxford: Clarendon Press, 1994. 273 p.
- Gough J.W. Fundamental Law in English Constitutional History. Oxford: Clarendon Press, 1955. 230 p.
- Grazia L.M. Ceci n'est pas un monument: Vetusta Monumenta and antiquarian aesthetics // *Producing the Past: Aspects of Anti-quarian Culture and Practice, 1700–1850* / Ed. by M. Myrone and L. Peltz. Ashgate: Routledge, 1999. 20 p.
- Grazia L.M. Monuments and texts: antiquarianism and the beauty of antiquity // *Art history*. 2002. № 25. P. 431–449.
- Griffin D. Patriotism and Poetry in the Eighteenth-Century Britain. Cambridge: C.U.P., 2002. 328 p.
- Groom N. Thomas Percy's Reliques of Ancient English Poetry: Its Context, Presentation and Reception. PhD diss. Univ. of Oxford, 1993. 394 l.
- Harris G. Antiquaries in Britain, 1707–2007. Recording and illustrating. Making History. L.: Royal Academy of Arts, 2010. 272 p.
- Hill C. The Norman Yoke // *Democracy and the Labour Movement*. L.: Lawrence and Wishart, 1954. P. 11–66.
- Kelley D.R. Versions of history from antiquity to the Enlightenment. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 1991. 528 p.
- Kenyon J. Revolution Principles. The Politics of Party. 1689–1720. Cambridge; N.Y.: C.U.P., 1977. 248 p.
- Kidd C. Subverting Scotland's Past: Scottish Whig Historians and the Creation of an Anglo-British Identity, 1689 – c. 1830. Cambridge: C.U.P., 1993. 325 p.
- Kidd C. Gaelic Antiquity and National Identity // *English Historical Review*. 1994. Vol. 109. November. № 434. P. 1197–1214.
- Kislova E.I. Sermons and Sermonizing in 18th-Century Russia: At Court and Beyond // *Slovene*. 2014. № 2. P. 175–193.
- Kramnick I. Bolingbroke and His Circle: The Politics of Nostalgia in the Age of Walpole. Ithaca; L.: Cornell Univ. Press, 1992. 336 p.
- Levine J.M. Ancients, Moderns and the Continuity of English Historical Writing in the Later Seventeenth Century // *Studies in Change and Revolution. Aspects of English intellectual history, 1640–1800* / Ed. by P.J. Korshin. L.: Scolar Press, 1972. P. 43–75.
- Liakos A. The Canon of European History and the Conceptual Framework of National Historiographies // *Transnational Challenges to National History Writing* / Ed. by M. Middell, L. Roura. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 315–432.

- Mason R.A. Kingship, nobility and Anglo-Scottish union: John Mair's History of Greater Britain (1521) // *Innes Review*. 1990. Vol. 41. P. 182–222.
- McGuffie H.L. Samuel Johnson in the British Press, 1749–1784. A Chronological Checklist. N. Y.; L.: Garland Publishing, 1976. 360 p.
- Mendyk S.G. *Speculum Britanniae: Regional study, antiquarianism, and science in Britain to 1700*. Toronto; Buffalo: Univ. of Toronto Press, 1989. 358 p.
- Newman G. *The Rise of English Nationalism*. L.: Weidenfeld and Nicholas, 1987. 296 p.
- O'Brien K. *Narratives of Enlightenment: Cosmopolitan History from Voltaire to Gibbon*. Cambridge: C.U.P., 1997. 268 p.
- O'Halloran F. Antiquarian Debate on the Celtic Past and Eth-nic Identity in Scotland and Ireland // *Conflict, Identity and Economic Development: Ireland and Scotland 1600–1839*. Preston: Carnegie Publ., 1985. P. 135–147.
- O'Halloran C. Irish Recreation of the Celtic Past: Challenge of Macpherson's Ossian // *Past and Present*. 1989. № 124. P. 69–95.
- Ousby I. *The Englishman's England. Taste, Travel and the Rise of Tourism*. Cambridge: C.U.P., 1990. 250 p.
- Pittock M.G.H. Poetry and Jacobite politics in the Eighteenth-century Britain and Ireland. Cambridge: C.U.P., 1994. 251 p.
- Pocock J.G.A. Robert Brady, 1627–1700. A Cambridge Historian of the Restoration // *Cambridge Historical Journal*. 1951. Vol. 10. № 2. P. 186–204.
- Pocock J.G.A. *The Ancient Constitution and the Feudal Law: A study of English Historical Thought in the Seventeenth Century*. A Reissue with a Retrospect. Cambridge: C.U.P., 1987. 402 p.
- Preston J. Was there an Historical Revolution // *Journal of the History of Ideas*. 1977. № 33. P. 353–364.
- Rabasa J., Sato M., Tortarolo E., Woolf D. Editors' Introduction // *Oxford History of Historical Writing*. In 5 vols. Oxford; N.Y., 2012. Vol. 3. 1400–1800. P. 1–23.
- Radcliffe E. Revolutionary writing, moral philosophy, and universal benevolence in the 18th century // *Journal of the History of Ideas*. 1993. Vol. 54. P. 221–240.
- Sainsbury J. John Wilkes, Debt, and Patriotism // *Journal of British Studies*. 1995. № 34 (2). P. 165–195.
- Skinner Q. *Visions of Politics*. In 3 vols. Cambridge: C.U.P., 2002. Vol. 1. Regarding Methods. 209 p.
- Stafford F.J. *The Sublime Savage: A Study of James Macpherson and the poems of Ossian*. Edinburgh: E.U.P., 1988. 199 p.
- Sweet R. *Antiquaries: The Discovery of the Past in Eighteenth Century Britain*. Hambledon; L.: Bloomsbury Academic, 2004. 473 p.
- Verschaffel T. The Modernization of Historiography in 18th-century Belgium // *History of European Ideas*. 2005. Vol. 31. № 2. P. 135–146.
- Viroli M. *For Love of Country: An Essay on Patriotism and Nationalism*. Oxford: Clarendon Press, 2003. 216 p.
- Whittaker C.H. *The Idea of Autocracy Among Eighteenth-Century Russian Historians* // *Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State*. N.Y.: Routledge, 1999. P. 17–44.

Williamson A.H. Scottish National Consciousness in the Age of James VI: The apocalypse, the Union, and the shaping of Scotland's public culture. Edinburgh: John Donald Publ., 1979. 215 p.

Wilson K. The Sense of the People: Politics, Culture and Imperialism in England, 1715–1785. Cambridge: C.U.P., 1995. 480 p.

ГЛАВА 11

Источники

Аристотель. Большая этика // Аристотель. Соч. В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 295–375.

Буланин Д.М. Неизвестный источник Изборника 1076 г. // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1990. Т. 44. С. 161–178.

Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л.: Наука, 1984. 277 с.

Василий Великий. Беседы, 14 беседа «На упивающихся» // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/Besedi/14

Галатовский И. Ключ разумения. Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1659. 253 л.

Домострой / Сост., вступ. ст., пер. и коммент. В.В. Колесова; подг. текстов В.В. Рождественской, В.В. Колесова и М.В. Пименовой. М.: Сов. Россия, 1990. С. 91–104.

Домострой. По рукописям Императорской публичной библиотеки / В. Яковлев. СПб.: Изд. Д.Е. Кожанчикова, 1867 // URL: <https://ru.wikisource.org>

Духовный регламент 1721 года // Православие и мир. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1340>

Евангелие учительное. М.: Синод. тип., 1759. 399 л.

Иоанн Златоуст. Беседы на Деяния Апостольские, 27 беседа // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_55/27

Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_51/57

Иоанн Златоуст. Слово против упивающихся и о воскресении // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/protiv_upiv/

Кирилл Транквилион-Ставроецкий. Евангелие учительное. Рохманов: [Б. и.], 1619. 551 л.

Климент Александрийский, пресвитер. Творения. Педагог. Кн. 1 // Предание. URL: <https://predanie.ru/book/69135-tvoreniya/#/toc1>

Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. 3-е изд. СПб.: Изд. Археогр. комис., 1884. 196 с.

Макарий (Булгаков), митр. Православно-догматическое богословие. В 2 т. 4-е изд. СПб.: Тип. Р. Голике, 1883. Т. 2. 1288 с.

Мандевиль Б. Басня о пчелах или пороки частных лиц – блага для общества. М.: Наука, 2000. 290 с.

Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева). В 2 ч. / Сост. Т.Н. Протасьева. М.: [Б. и.], 1970. Ч. 2. № 820–1051. 163 с.

Остен Дж. Гордость и прудубеждение; Нортенгерское аббатство: Романы / Пер. с англ. И.С. Маршака. Пермь: КАПИК, 1993. 512 с.

- Остен Дж. Эмма. Доводы рассудка: Романы / Пер. с англ. М. Кан, Е. Суриц. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 640 с.
- Паляя толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. Вып. 1 / Труд учеников Н.С. Тихонравова. М.: Тип. О. Гербска, 1892. 208 с.
- Паляя толковая. М.: Согласие, 2002. 648 с.
- Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М.: Худ. лит., 1988–1989. Кн. 1. 734 с. Кн. 2. 724 с.
- Платон. Собрание сочинений. В 3 т. М.: Мысль, 1972. Т. 3. Ч. 2. 678 с.
- Пролог, вторая половина (март–август). М.: Печ. двор, 1643. 958 л.
- Пролог, первая половина (сентябрь–февраль). М.: Печ. двор, 1642. 909 л.
- Серапион Владимирский. Слово третье // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М.: Худ. лит., 1981. С. 440–455, 606–610.
- Симеон Полоцкий. Обед душевный. М.: Верхняя тип. в Кремле, 1681. 711 л.
- Симеон Полоцкий. Рифмологион. Собрание придворно-церемониальных стихов / Подг. текста, ст. и коммент. А. Хипписли, Х. Роте, Л. Сазоновой. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2017. Band 2. CLX, 480 с.
- Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. В 3 т. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1910. Т. 1. Нравоучительные сочинения. 291 с.
- Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. В 12 т. СПб.: С.-Петерб. дух. акад., 1897. Т. 3. 962 с.
- Тертуллиан. К жене // Тертуллиан. Избр. соч. М.: Прогресс, 1994. С. 334–344.
- Феофан Прокопович. Духовный регламент // ПСЗ. Собр. 1. Т. 6. С. 314–346.
- Флетчер Дж. О государстве русском / Под ред. князя Н.В. Голицына; Пер. князя М.А. Оболенского. СПб.: Тип. «Дела», 1911. 184 с.
- Шефтсбери. Sensus communis // Шефтсбери. Эстетические опыты. М.: Искусство, 1975. 543 с.
- Chapone H. Letters on the improvement of the mind. Addressed to a Lady. In 2 vols. L.: Print. by H. Hughes, 1773. Vol. 1. 246 p.
- Croft G. A Plan of Education Delineated and Vindicated: To which are Added, A Letter to a Young Gentleman Designed for the University, and for Holy Orders. And a Short Dissertation Upon the Stated Provision and Reasonable Expectations of Publick Teachers. Wolverhampton: Print. by J. Smart, 1784. 68 p.
- Darwin E. A Plan for the Conduct of Female Education in Boarding schools, Private Families, and Public Seminaries. Philadelphia: Print. by J. Ormrod, 1798. 308 p.
- Education of children and young students in all its branches, with a short catalogue of the best books in polite learning and the sciences. L.: Print. and sold by J. Waugh, 1752. 44 p.
- Ferguson M. The Discovery of Mary Wollstonecraft's "The Female Reader" // Signs. 1978. Vol. 3. № 4. P. 945–957.
- Fordyce D. Dialogues concerning education. L.: Print. for E. Dilly, 1757. 464 p.
- Fordyce J. Sermons to Young Women. In 2 vols. N.Y.: I. Riley, 1809.
- Gataker T. A good wife, God's gift. L.: Print. by John Haviland for Fulke Clifton, 1623. 24 p.
- Gataker T. A good wife, God's gift; and, A Wife indeed: two marriage sermons. L.: Print. by John Haviland for Fulke Clifton, 1623. 24, 67 p.
- Gataker T. A Wife indeed. L.: Print. by John Haviland for Fulke Clifton, 1623. 67 p.

- Gataker T. Marriage duties briefly couched together; out of Colossians, 3, 18, 19. L.: Print. by William Jones, 1620. 48 p.
- Gregory J. A Father's legacy to his Daughters. L.: Philadelphia re-printed for William Aikman in Annapolis, 1775. 132 p.
- Johnson S. Sermons / Ed. by J. Hagstrum and J. Gray. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 1978. P. 3–28.
- Macaulay C. Letters on education. With observations on religious and metaphysical subjects. L.: Print. for C. Dilly, 1790. 507 p.
- Mandeville B. An Enquiry into an Origin of Honour and the Usefulness of Christianity in War. L.: J. Brotherton, 1732. 140 p.
- Mandeville B. The Virgin Unmask'd; Or Female Dialogues betwixt an Elderly Maiden Lady, and her Niece: on several diverting Discourses on Love, Marriage, Memoirs, and Morals. L.: Print. by J. Morphew, 1709. 214 p.
- Milton J. Doctrine and Discipline of Divorce // Complete Prose Works of John Milton / Ed. by D.M. Wolfe et al. In 4 vols. New Haven: Yale Univ. Press, 1959. Vol. 2. 840 p.
- More H. Strictures on the modern system of female education. In 2 vols. L.: Print. for T. Cadell and W. Davies, 1799. Vol. 1. 274 p.
- Pennington S. An unfortunate mother's advice to her absent daughters, in a letter to Miss Pennington. L.: Print. by S. Chandler, 1761. 96 p.
- Perkins W. Christian oeconomie: or, A short survey of the right manner of erecting and ordering a familie according to the scriptures. L.: Imprint. by Felix Kyngston, and are to be sold by Edmund Weauer, 1609. 175 p.
- Reeve C. The progress of romance, Reeve defended the public utility of the novel. In 2 vols. Colchester; L.: Print. for the Author, by W. Keymer, 1785. 127 p.
- Robertson J. Essay on the Education of Young Ladies. Addressed to a person of distinction. L.: Print. for T. Cadell and W. Davies, 1798. 49 p.
- Sprint J. The Bride-woman's Counsellor: Being a Sermon Preached at a Wedding, May the 11th 1699, at She[r]bourn in Dorsetshire. L.: Print. by W. Bowyer, 1700. 44 p.
- The Female Tatler. Number 88 from January 27, 1710 // Mandeville B. By a Society of Ladies. Essays in Female Tatler / Ed. by M.M. Goldsmith, 1999. 259 p.
- The Matrimonial Preceptor. A Collection of Examples and Precepts Relating to the Married State from the Most Celebrated Writers Ancient and Modern. L.: J. Payne, 1755. № 10. 309 p.
- Wollstonecraft M. The female reader: or miscellaneous pieces in prose and verse... for the improvement of young women. L.: Print. for J. Johnson, 1789. 434 p.
- Wollstonecraft M. Thoughts on the education of daughters. L.: Print. for J. Johnson, 1787. 160 p.
- Литература**
- Аверинцев С. Брак и семья. Несвоевременный опыт христианского взгляда на вещи // Аверинцев С. София-Логос. Словарь. Киев: Дух і літера, 2001. С. 352–354.
- Бернштам Т.А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX – начало XX в.) // Этнические стереотипы поведения. Л.: Наука, 1985. С. 120–153.

- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. В 3 т. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. 622 с.
- Буланина Т.В. Потап Прокофьев Игольнишников // СККДР. Вып. 3. (XVII в.). Ч. 3. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 268–272.
- Булгаков С.Н. Православие: очерки учения православной церкви. М.: Терра, 1991. 416 с.
- Булъчев А.А. История одной политической кампании XVII века. Законодательные акты второй половины. М.: Языки славян. культур, 2004. 144 с.
- Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М.: Соцгиз, 1962. 308 с.
- Вершинина Д.Б. Образование и манеры английской леди XVIII–XIX в. // Вестн. Перм. ун-та. 2010. Вып. 2. С. 93–97.
- Вклад. Художественное наследие Строгановых XVI–XVII веков в музеях Сольвычегодска и Пермского края. Пермь: ПГХГ, 2017. 728 с.
- Востоков А.Х. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1842. III, 900, III с.
- Гаврюшин Н.К. Древнерусский трактат «О естестве человека» // Естествен-но-научные представления Древней Руси. М.: Наука, 1988. С. 220–228.
- Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. В 2 т. Харьков: Епархиал. тип., 1916. Т. 1. 388 с.
- Горчева А.Ю. Нищенство и благотворительность в России. М., 1999. 223 с.
- Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 936 с.
- Гуревич А. Категории средневековой культуры // Гуревич А. Избр. тр. В 2 т. М.; СПб.: Университет. книга. 1999. Т. 2. С. 17–260.
- Гуревич А. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства // Гуревич А. Избр. тр. Т. 2. С. 263–547.
- Гусейнов А.А. Понятие мораль // Этическая мысль. Вып. 4. М.: Ин-т философии РАН, 2003. С. 3–14.
- Даркевич В.П. Народная культура Средневековья: Пародия в литературе и искусстве IX–XVI вв. М.: Наука, 1992. 288 с.
- Даруэлл С. Начала морали: добродетель, закон, обязанность // Этическая мысль. 2017. Т. 17. № 1. С. 18–47.
- Демин А.С. Русские пьесы 1670-х годов и придворная культура // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1972. Т. 27. С. 273–283.
- Державина О.А. Рассказы о женщинах и их хитростях в польских и русских сборниках фацетий XVII в.: К истории русско-польских литературных связей // IV Международный съезд славистов: Славянская филология. Сб. ст. В 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 2. С. 273–307.
- Дмитриева Р.П. Ермолай-Еразм (Прегрешный) // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 1. Л.: Наука, 1988. С. 220–225.
- Елеонская А.С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М.: Наука, 1990. 224 с.
- Желтов М.С. Венчание брака // Православная энциклопедия. М.: Православ. энцикл., 2004. Т. 7. С. 661–668.
- Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI–XVII ст. М.: Тип. Грачева и Комп., 1869. 670 с.

- История чтения в западном мире от Античности до наших дней / Ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье; пер. с фр. М.А. Руновой, Н.Н. Зубкова, Т.А. Недашковой. М.: ФАИР, 2008. 544 с.
- Каган М.Д. Слова о добрых и злых женах // СКЖДР. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2. Л.: Наука, 1989. С. 399–401.
- Кибалко В.В. Понятие «праздник». Анализ определений и их осмысление // Наука. Искусство. Культура. 2017. Вып. 4 (16). С. 162–171.
- Киселева М.С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 472 с.
- Коптев А.В. История добродетельной Лукреции: между литературой, правом и ритуалом // Античный мир и археология. 2009. Т. 13. С. 176–202.
- Костомаров Н.И. Русские нравы. М.: Чарли, 1995. 654 с.
- Костомаров Н.И., Забелин И.Е. О жизни, быте и нравах русского народа. М.: Просвещение, 1996. 575 с.
- Косякова В. Апокалипсис Средневековья. Иероним Босх, Иван Грозный, Конец света. М.: АСТ, 2018. 400 с.
- Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. 3-е изд. СПб.: Изд. Археогр. комис., 1884. 196 с.
- Лабутина Т.Л. Мир английской леди. Воспитание, образование, семья. XVII – начало XVIII века. М.: Ломоносовъ, 2016. 256 с.
- Лаврикова И.Н. Краткий экскурс в теорию праздника // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 2 (217). Философия. Социология. Культурология. Вып. 20. С. 74–78.
- Лихачев Д.С. Смеховой мир Древней Руси // Смех в Древней Руси / Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Понырко. Л.: Наука, 1984. С. 7–25.
- Лотман Ю.М. Семиотика сцены // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академ. проект, 2002. С. 401–434.
- Луковникова Е.А. Ангел Великого Совета Иисус Христос // Православная энциклопедия. М.: Православ. энцикл., 2001. Т. 2. С. 290–291.
- Мадлевская Е.Л. Русская мифология. СПб.: Мидгард, 2005. 784 с.
- Маслов С.И. Кирилл Транквилион-Ставровецкий и его литературная деятельность. Киев: Наукова Думка, 1984. 246 с.
- Михайлов А.Д. От Франсуа Вийона до Марселя Пруста. Страницы истории французской литературы Нового времени (XVI–XIX века). М.: Языки славян. культур, 2018. 994 с.
- Пентковская Т.В. «Слово о милости» в церковнославянском переводе второй половины XVII в. и его польский оригинал: передача реалий // Slovenc. 2017. № 2. С. 548–577.
- Первая пьеса русского театра XVII в. / Вступ. ст. и коммент. И.М. Кудрявцева. М.; Л.: АН СССР, 1957. 347 с.
- Переверзев А.В. Отношение Ветхого Завета к браку и девству // Христианское чтение. 1903. № 11. С. 587–598.
- Петр Могила. Требник (Евхологон). Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1646. IV, 261 л.
- Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык / Отв. ред. Н.Н. Запольская, В.В. Калугин. М.: Знак, 2003. 720 с.

- Покровская В.Ф. Повесть о Фроле Скобееве (По неизданному Тихонравовскому списку с вариантами по всем известным спискам) // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1934. Т. 1. С. 249–297.
- Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2001. Т. 2. 752 с.
- Прокофьев А.В. Организационные потребности общества как исток морали в этике Бернарда Мандевиля // Этическая мысль. М.: ИВИ РАН, 2015. Т. 15. С. 139–169.
- Прыжов И.Г. История кабаков в России. М.: Дружба народов, 1992. 381 с.
- Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
- Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М.: Наука, 1974. 408 с.
- Розов А.Н. Народный календарный праздник и православие // Человек. Культура. Образование. 2018. № 4 (30). С. 122–132.
- Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы / Под ред. Т.А. Бернштам, К.В. Чистова. Л.: Наука, 1978. 280 с.
- Сгибнева Н.Ф. «Яко не просто нищета спасает и богатство погубляет»: о богатстве и нищете в сборнике проповедей конца XVII в. «Статир» // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2011. Т. 90. № 2. С. 223–237.
- Синицына Н.В. Этический и социальный аспекты нестяжательских воззрений Максима Грека // Общество и государство феодальной России. М.: Наука, 1975. С. 159–170.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995–2012.
- СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2. Л.: Наука. 1989. 495 с.
- Соболева Л.С. Гимн семейной любви и гармонии в рукописном сборнике проповедей конца XVII века // Диалог со временем. 2020. № 73. С. 254–270.
- Соболева Л.С. Литературные памятники строгановского региона (XVII–XVIII вв.). «Статир» // История литературы Урала. Конец XIV – XVIII в. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 158–172.
- Соболева Л.С., Михайлова О.А. Русская песня и европейский романс в рукописном сборнике начала XIX в.: эмоциональная культура на переломе эпох. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 650 с.
- Созинова К.А. Долгий путь к разводу: расторжение брака в Англии XVIII в. // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. 2021. № 11. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 5. С. 207–217.
- Созинова К.А. Женское образование в Англии на рубеже XVIII–XIX вв. на примере романов Джейн Остен // Педагогическое образование в России. 2015. № 11. С. 264–270.
- Сперанский С. К истории благотворительности в России // Вестн. благотворительности. 1897. Вып. 3. С. 31–33.
- Сукина Л.Б. «С кабаком и скоморохами»: девиантное поведение русского человека XVI–XVII вв. в церкви и во время религиозных праздников // Московское государство в XV–XVII веках. URL: <http://moscowstate.ru/s-kabakom-i-skomorohami-deviantnoe-povedenie-russkogo-cheloveka-xvi-xvii-vv-v-tserkvi-i-vo-vremya-religioznyh-prazdnikov/>
- Сумцов Н.Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков: Тип. И.В. Попова, 1881. 214 с.

- Творогов О.В. Паляя Толковая // СККДР. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л.: Наука, 1987. С. 285–288.
- Терещенко А.В. Быт русского народа. В 7 ч. СПб.: Тип. военно-учебных заведений, 1848. Ч. 2. Свадьбы. 619 с.
- Титова Л.В. Беседа отца с сыном о женской злобе. Новосибирск: Наука, 1987. 416 с.
- Томалин К. Жизнь Джейн Остин: биография / Пер. с англ. А. Дериглазовой. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2014. 448 с.
- Троицкий С.В. Христианская философия брака. Клин, 2001. С. 6–27.
- Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке: к вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 336 с.
- Хёйзинга Й. Номо Ludens. Статьи по истории культуры / Пер. с гол. Д.В. Сильвестрова. М.: Прогресс – Традиция, 1997. 416 с.
- Хёйзинга Й. Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М.: Наука, 1989. 544 с.
- Хорни К. Психология женщины. М.: Академ. проект, 2009. 237 с.
- Шангина И. Русская свадьба. История и традиция. СПб.: Азбука-Аттикус, 2017. 480 с.
- Эрлихсон И.М. «Третья» женщина эпохи нового времени в английском просветительском романе (Даниэль Дефо) // Диалог со временем. 2013. № 42. С. 281–307.
- Barnes D.G. Wifely “Affection and Disposition”: Brilliana Harley and Thomas Gataker’s A Wife in Deed (1623) // English Studies. 2017. Vol. 98. № 7. P. 717–732.
- Bull P.E. The Reading Lives of English Men and Women, 1695–1830. PhD thesis, Royal Holloway. L.: [S. n.], 2012. 357 p.
- Byrne P. Manners // Jane Austen in context. Cambridge: C.U.P., 2005. P. 297–305.
- Collins S. The Present State of Russia, in a letter to a friend at London, written by an Eminent Person, residing at the Great Tzars Court in Moscow for the Space of nine years. L.: Print. by J. Winter for Dorman Newman, 1671. 141 p.
- Darnton R. First steps toward a history of reading // Reception study: from literary theory to cultural studies. L.: Routledge, 2001. P. 160–179.
- Davies K.M. Continuity and Change in Literary Advice on Marriage // Marriage and Society: Studies in the Social History of Marriage / Ed. by R.B. Othwaite. L.: St. Martin’s Press, 1981. P. 58–80.
- Dorrego F.G. Exposing the whore: misogyny in prostitute narratives of Restoration England // Revista Canaria de Estudios Ingleses. 2019. Nov. № 79. P. 33–53.
- Horne T. The social thought of Bernard Mandeville. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1978. 123 p.
- Jackson I. Approaches to the History of Readers and Reading in Eighteenth-Century Britain // The Historical Journal. 2004. Vol. 47. № 4. P. 1041–1054.
- Johnson J.T. English Puritan Thought on the Ends of Marriage // Church History. 1969. December. Vol. 38. № 4. P. 429–436.

- Leites E. Good Humor at Home, Good Humor Abroad: The Intimacies of Marriage and the Civilities of Social Life in the Ethic of Richard Steele // *Educating the Audience: Addison, Steele and Eighteenth-Century Culture*. Los Angeles: Univ. of California, 1984. P. 51–89.
- Martin R. The Tsar's Happy Occasion: Ritual and Dynasty in the Weddings of Russia's Rulers, 1495–1745. L.: Cornell Univ. Press, 2021. 378 p.
- McKeon M. The Origins of the English Novel, 1600–1740. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1987. 529 p.
- Michaelson P.H. Speaking volumes: Women, reading, and speech in the age of Jane Austen. Stanford: S.U.P., 2002. 261 p.
- Moulton I. F. Crafty Whores: moralizing Aretino's Dialogues // *Reading in Early Modern England*. 2000. Vol. 12. № 2. P. 88–105.
- Pearson J. Women's reading in Britain, 1750–1835: a dangerous recreation. Cambridge: C.U.P., 1999. 300 p.
- Raven J. New Reading Histories, Print Culture and the Identification of Change: The Case of Eighteenth-Century England // *Social History*. 1998. Vol. 23. № 3. P. 268–287.
- Reynolds M. The learned Lady in England. 1650–1760. Gloucester: P. Smith, 1964. 489 p.
- Richardson A. Literature, Education, and Romanticism: Reading as a Social Practice, 1780–1832. Cambridge: C.U.P., 1994. 327 p.
- Roulston C. Space and the Representation of Marriage in Eighteenth-Century Advice Literature // *The Eighteenth Century*. 2008. Vol. 49. № 1. P. 25–41.
- Stone L. Road to Divorce: England 1530–1987. Oxford: O.U.P., 1990. 524 p.
- The Practice and Representation of reading in England / Ed. by J. Raven, H. Small, N. Tadmor. Cambridge: C.U.P., 1996. 313 p.
- Vickery A. Gentleman's Daughter: Women's Life in Georgian England. New Haven: Yale Univ. Press, 1998. 436 p.
- Watts R. Women in science: a social and cultural history. Abingdon: Routledge, 2007. 320 p.
- Weinbrot H.D. Samuel Johnson's Practical Sermon on Marriage in Context: Spousal Whiggery and the Book of Common Prayer // *Modern Philology*. 2016. November. Vol. 114. № 2. P. 310–336.
- Willen D. Godly Women in Early Modern England: Puritanism and Gender // *Journal of Ecclesiastical History*. 1992. Vol. 43. № 4. P. 561–580.
- Willen D. Thomas Gataker and the Use of Print in the English Godly Community // *Huntington Library Quarterly*. 2007. Vol. 70. № 3. P. 343–364.
- Wolfgram S. Divorce in England 1700–1857 // *Oxford Journal of Legal Studies*. 1985. Vol. 5. № 2. P. 155–186.

СОКРАЩЕНИЯ

- БАН – Библиотека Российской академии наук
ГАСО – Государственный архив Свердловской области
ГАТО – Государственный архив Тюменской области
ГАЧО – Государственный архив Черниговской области
ГИМ – Государственный исторический музей
ИР НБУВ – Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им.
В.И. Вернадского
НИА СПбИИ РАН – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского
института истории РАН
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГБ – Российская государственная библиотека
РГИА – Российский государственный исторический архив
СИРИО – Сборник Императорского русского исторического общества
СККДР – Словарь книжников и книжности Древней Руси
СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива РАН
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы
ЧИМ – Черниговский исторический музей им. В.В. Тарновского
ЧОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей
ESTC – English Short Title Catalogue Citation Number
ODNB – Oxford Dictionary of National Biography
OED – Oxford English Dictionary

ИЛЛЮСТРАЦИИ

I. Левиафан и рождение регулярного государства

Иллюстрации, обработанные авторами, доступны по лицензии (илл. 1, 5) – март, апрель 2022, в открытых источниках (илл. 15).

Иллюстрации 1–8 публикуются с разрешения Национальной портретной галереи Лондона (National Portrait Gallery London).

Иллюстрации являются общественным достоянием (илл. 9, 11, 12, 14), находятся в открытых источниках (илл. 10, 13, 15, 16).

1. Король Англии Яков I и VI Шотландии. Худ. Д. Мэйтенс. King James I of England and VI of Scotland by Daniel Mytens, oil on canvas, 1621. NPG 109. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53652 от 04.03.2022.

2. Томас Гоббс. С оригинала Дж. М. Райта. Thomas Hobbes after John Michael Wright, oil on canvas, based on a work of circa 1669–1670. NPG 106. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53652 от 04.03.2022.

3. Уильям Санкфорт. Худ. Э. Латтрел. William Sancroft by Edward Lutterell (Luttrell), chalk, circa 1688. NPG 301. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53764 от 14.03.2022.

4. Чарльз Монтегю, первый граф Галифакс. Худ. Г. Неллер. Charles Montagu, 1st Earl of Halifax by Sir Godfrey Kneller, Bt, oil on canvas, circa 1690–1695. NPG 800. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53976 от 01.04.2022.

5. Роберт Харли, 1-й граф Оксфорд. Худ. Г. Неллер. Robert Harley, 1st Earl of Oxford by Sir Godfrey Kneller, Bt, oil on canvas, 1714. NPG 4011. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53976 от 01.04.2022.

6. Генри Сент-Джон, первый виконт Болингброк. Неизвестный французский художник. Henry St John, 1st Viscount Bolingbroke attributed to Unknown French artist, oil on canvas, circa 1712–1714. NPG 593. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53976 от 01.04.2022.

7. Бенджамин Хоудли. Худ. С. Хоудли. Benjamin Hoadly by Sarah Hoadly, oil on canvas, circa 1726–1743. NPG 31. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53653 от 04.03.2022.

8. Джон Говард. Худ. М. Браун. John Howard by Mather Brown, oil on canvas, feigned oval, circa 1789. NPG 97. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53653 от 04.03.2022.

9. Портрет царя Алексея Михайловича. Неизвестный русский художник второй половины XVII века. Холст, масло. Конец 1670-х — начало 1680-х гг. Государственный исторический музей. URL: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Alexis_I_of_Russia_\(1670-1680s,_GIM\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Alexis_I_of_Russia_(1670-1680s,_GIM).jpg)

10. Парсуна Патриарх Никон. Худ. И. Волтырь. Оружейная палата, ок. 1682 г. Фрагмент. URL: <https://blog.mediashm.ru/?p=3362>

11. Иван Чемоданов, русский посол. Худ. Ю. Сустерманс. L'Ambasciatore Ivan Chemodanov. Justus Suttermans. Olio su tela. 1657 ca. Firenze, Palazzo Pitti, Galleria Palatina. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Justus_Sustermans_049.jpg

12. Портрет П.И. Потемкина. Худ. Г. Неллер. Холст, масло. 1682. Государственный Эрмитаж. URL:

[https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Godfrey Kneller -
_Portrait_of_P.Potemkin_\(1682,_Hermitage\) - contrast.jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Godfrey_Kneller_-_Portrait_of_P.Potemkin_(1682,_Hermitage) - contrast.jpg)

13. Портрет Петра I. Худ. Л. Каравак. Холст, масло. Конец 1717 г. Коллекция Государственного Русского музея. URL:

https://rsmuseumvrn.ru/data/collections/painting/17_19/zh_8634/index.php

14. Феофан Прокопович. Парсуна. Середина XVIII в. URL:

[https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Feofan Prokopovich.jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Feofan_Prokopovich.jpg)

15. Портрет императрицы Анны Иоанновны. Худ. Л. Каравак. Холст, масло. 1730. Государственная Третьяковская галерея. URL: <https://aria-art.ru/0/A/Anna%20Ioannovna/1.html>

16. Портрет графа Андрея Ивановича (Генриха Иоганна Фридриха) Остермана. Неизвестный художник. Холст, масло. конец XVIII – начало XIX вв. Государственный Эрмитаж. URL: https://runivers.ru/gal/gallery-all.php?SECTION_ID=20872&ELEMENT_ID=602454

II. Актеры империи

Иллюстрации, обработанные авторами, доступны по лицензии (илл. 1, 2, 4) – март 2022, являются общественным достоянием (илл. 16).

Иллюстрации 1–4, 6–8 публикуются с разрешения Национальной портретной галереи Лондона (National Portrait Gallery London).

Иллюстрации являются общественным достоянием (илл. 5, 10–12, 14–16), находятся в открытых источниках (илл. 9, 13).

1. Уильям Кемден. Худ. М. Герардс Младший или с его оригинала. William Camden by or after Marcus Gheeraerts the Younger, oil on panel, 17th century, based on a work of 1609. NPG 528. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53651 от 04.03.2022.

2. Сэр Уильям Петти. Худ. Дж. Смит с оригинала Дж. Клостермана. Sir William Petty by and published by John Smith, after John Closterman mezzotint, 1696. NPG D30966. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53698 от 07.03.2022.

3. Эндрю Флетчер. Худ. Э. Биррелл, опубл. Р. Уилкинсоном с гравюры У. Эйкмана. Andrew Fletcher of Saltoun by Andrew Birrell, published by Robert Wilkinson, after William Aikman line engraving, published 1 January 1798. NPG D30937. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53756 от 13.03.2022.

4. Джордж Беркли. Худ. Дж. Смиберт. George Berkeley by John Smibert, oil on canvas, 1730. NPG 653. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53698 от 07.03.2022.

5. Дэвид Юм. Худ. А. Рамзи. David Hume by Allan Ramsay, oil on canvas, 1766. PG 1057. National Gallery Scotland. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/David_Hume_Ramsay.jpg

6. Джеймс Макферсон. Худ. Дж. Ромни. James Macpherson by George Romney, oil on canvas, 1779–1780. NPG 5804. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53651 от 04.03.2022.

7. Уильям Питт, 1-й граф Чатам. С оригинала Р. Бромптона. William Pitt, 1st Earl of Chatham after Richard Brompton, oil on canvas, based on a work of 1772. NPG 259. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53859 от 22.03.2022.

8. Уоррен Гастингс. Худ. Л.Ф. Эббот. Warren Hastings by Lemuel Francis Abbott, oil on canvas, 1796. NPG 1845. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53859 от 22.03.2022.

9. Портрет Патриарха Московского и всея Руси Иоакима. Худ. К. Золотарев. 1677/78 г. Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. URL: http://rusico.indrik.ru/artists/z/zolotarev_karp_ivanov/index.shtml?adm=553f0966f0d01d544f940a8aaa37bdec

10. Артамон Сергеевич Матвеев. Худ. И. Фоллевенс. Холст, масло. Конец XVII в. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Matveyev_Artamon_portrait.jpg

11. Портрет канцлера Г.И. Головкина. Худ. И.Н. Никитин. Холст, масло. 1720-е гг. Государственная Третьяковская галерея. URL: [https://ru.m.wikipedia.org/wiki/BB:Chancelor_G.I.Golovkin_by_I.Nikitin_\(1720s,_Tretyakov_gallery\).jpg](https://ru.m.wikipedia.org/wiki/BB:Chancelor_G.I.Golovkin_by_I.Nikitin_(1720s,_Tretyakov_gallery).jpg)

12. Портрет Д.М. Голицына. Худ. Ф.Ю. Друэ-младший. Холст, масло. 1762. Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. URL: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Fran%C3%A7ois-Hubert_Drouais,_Portrait_du_prince_D.M._Golitsyn_\(1762\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Fran%C3%A7ois-Hubert_Drouais,_Portrait_du_prince_D.M._Golitsyn_(1762).jpg)

13. Портрет графа П.И. Шувалова. Неизвестный художник. Холст, масло. Середина XVIII в. Коллекция Государственного Русского музея. URL: https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/painting/17_19/neizvestniy_hudozhnik_portret_grafa_petra_ivanovicha_shuvalova_seredina_xviii_v_z_44/index.php

14. Портрет князя М.И. Воронцова. Худ. А.П. Антропов. URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Alexey_Antropov_016.jpg

15. Портрет Г.Н. Теплова. Неизвестный художник. Холст, масло. XIX в. Государственный Эрмитаж. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Теплов_GN.jpg

16. Портрет графа К.Г. Разумовского. Худ. Л. Токке. 1758. Государственная Третьяковская галерея. Холст, масло. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Kirill_Razumovsky_Tokke.jpg

III. Научная систематика

Иллюстрации, обработанные авторами, доступны по лицензии (илл. 1, 5) – март 2022, являются общественным достоянием (илл. 10, 16).

Иллюстрации 1–8 публикуются с разрешения Национальной портретной галереи Лондона (National Portrait Gallery London).

Иллюстрации являются общественным достоянием (илл. 10, 12–16), находятся в открытых источниках (илл. 9, 11).

1. Фрэнсис Бэкон, 1-й виконт Сент-Олбан. Худ. Дж. Вандербанк с оригинала неизвестного художника. Francis Bacon, 1st Viscount St Alban by John Vanderbank, after Unknown artist, oil on canvas, 1731, based on a work of

circa 1618. NPG 1904. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53650 от 04.03.2022.

2. Роберт Бойль. С оригинала И. Керсебум. Robert Boyle after Johann Kerseboom, oil on canvas, feigned oval, based on a work of circa 1689–1690. NPG 734. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53650 от 04.03.2022.

3. Сэр Исаак Ньютон. Худ. Г. Неллер. Sir Isaac Newton by Sir Godfrey Kneller, Bt, oil on canvas, feigned oval, 1702. NPG 2881. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53650 от 04.03.2022.

4. Джон Рей. Неизвестный художник. John Ray by Unknown artist, oil on canvas, feigned oval, circa 1685–1690. NPG 563. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53752 от 12.03.2022.

5. Сэр Кристофер Рен. Худ. Г. Неллер. Sir Christopher Wren by Sir Godfrey Kneller, Bt, oil on canvas, 1711. NPG 113. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53976 от 01.04.2022.

6. Сэр Джозеф Бэнкс. Худ. Т. Филлипс. Sir Joseph Banks, Bt by Thomas Phillips oil on canvas, 1810. NPG 885. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53754 от 13.03.2022.

7. Джеймс Сауэрби. Худ. М.Д. Тернер (урожденная Пэлгрейв) с гравюры Т. Хифи. James Sowerby by Mary Dawson Turner (née Palgrave), after Thomas Neaphy etching, (1818). NPG D22593. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53753 от 12.03.2022.

8. Присцилла Уэйкфилд. Худ. Дж. Томсон (Томпсон). Priscilla Wakefield by James Thomson (Thompson), published by Dean & Munday, after Thomas Charles Wageman, stipple engraving, published 1 August 1818. NPG D7548. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53753 от 12.03.2022.

9. Портрет М.В. Ломоносова. Неизвестный художник. Холст, масло. Вторая половина XVIII в. Государственный исторический музей. URL: https://catalog.shm.ru/entity/ОБЪЕКТ/3008509?page=4&fund_ier=647759298_647759342&index=186

10. Портрет П.А. Демидова. Худ. Д.Г. Левицкий. Холст, масло. 1773. Государственная Третьяковская галерея. URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Levitzky_Demidov.jpg

11. Портрет П.С. Палласа. Неизвестный художник. Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург. URL: <https://polit.ru/news/2019/09/22/pallas/>

12. Портрет Г.А. Демидова. Неизвестный художник. XVIII в. Частная коллекция. URL: <https://commons.wikimedia.org/wiki/B2.tif>

13. Портрет Ф.И. Янковича де Мириево. Неизвестный художник с оригинала Д.Г. Левицкого. Нач. XIX в. ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Theodor_Jankowitsch_de_Miriewo.jpg

14. Портрет принцессы Дашковой. Худ. Д.Г. Левицкий. Холст, масло. 1784. Portrait of Princess Dashkova by D.G. Levitskii, oil on canvas, 1784. © Hillwood, Washington. URL: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:E._Vorontsova-Dashkova_by_Dm._Levitsky_\(1784,_Hillwood\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:E._Vorontsova-Dashkova_by_Dm._Levitsky_(1784,_Hillwood).jpg)

15. Портрет графа В.Г. Орлова. Неизвестный художник. Холст, масло. 1775 г. ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Vladimir_Grigorievich_Orlov.jpg

16. Портрет А.К. Разумовского. Худ. Л. Гуттенбрунн. Дерево, масло. 1801. Государственный русский музей. URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/A.K._Razumovskiy_by_Guttenbrunn.JPG

IV. «Общее благо» и идея гражданственности

Иллюстрации, обработанные авторами, являются общественным достоянием (илл. 14, 16).

Иллюстрации 1–3, 5–8 публикуются с разрешения Национальной портретной галереи Лондона (National Portrait Gallery London).

Иллюстрации являются общественным достоянием (илл. 4, 9–16).

1. Джон Мильтон. Неизвестный художник. John Milton by Unknown artist, oil on canvas, feigned oval, circa 1629. NPG 4222. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53976 от 01.04.2022.

2. Джон Ивлин. Худ. Р. Уолкер. John Evelyn by Robert Walker, oil on canvas, 1648–circa 1656. NPG 6179. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53833 от 21.03.2022.

3. Джон Беньян. Т. Сэдлер. John Bunyan by Thomas Sadler, oil on canvas, 1684. NPG 1311. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53651 от 04.03.2022.

4. Даниэль Дефо. Худ. Г. Неллер. Daniel Defoe style of Sir Godfrey Kneller, oil painting. 17th to 18th century. ВHC2648. National Maritime Museum, Greenwich, London. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Daniel_Defoe_Kneller_Style.jpg

5. Сэмюэл Джонсон. Худ. Дж. Рейнольдс. Samuel Johnson by Sir Joshua Reynolds, oil on canvas, 1756–1757. NPG 1597. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53649 от 04.03.2022.

6. Эразм Дарвин. Худ. Дж. Райт. Erasmus Darwin after Joseph Wright, oil on canvas, based on a work of probably 1770s. NPG 88. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53657 от 04.03.2022.

7. Сэр Филипп Фрэнсис. Худ. Дж. Лонсейл. Sir Philip Francis by James Lonsdale, oil on canvas, circa 1806–1810. NPG 334. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53680 от 05.03.2022.

8. Ханна Мор. Худ. Г.У. Пикерсгилл. Hannah More by Henry William Pickersgill, oil on canvas, 1822. NPG 412. © National Portrait Gallery, London. Лицензия: 53976 от 01.04.2022.

9. Лазарь Баранович. Неизвестный художник. 1-я пол. XIX в. Собрание Национального музея истории Украины. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:%D0%9B%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%80%D1%8C_%D0%91%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87.jpg

10. Свт. Димитрий Ростовский. Неизвестный художник. Портрет-парсуна. Нач. XVIII в. (МПИ). URL: <https://commons.wikimedia.org/wiki/B9.jpg>

11. Портрет именитого человека Г.Д. Строганова. Неизвестный художник. Холст, масло. XVIII в. Государственный Эрмитаж. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Portrait_of_G.D.Stroganov.jpg

12. Портрет Василия Татищева. Неизвестный художник. XVIII в. Свердловский областной краеведческий музей. URL: <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Tatishchev.png>

13. Портрет И.И. Бецкого. Неизвестный художник второй половины XVIII в. (с оригинала Александра Рослена, 1777). Холст, масло. Государственный исторический музей (Санкт-Петербург). URL:

https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Betskoj_Ivan_Ivanovich.jpg

14. Портрет Г.И. Алымовой. Худ. Д.Г. Левицкий. 1776. Государственный Русский музей (Санкт-Петербург). URL:

<https://ru.wikipedia.org/wiki/LevitzkyAlymova1775.jpg>

15. Портрет И.П. Елагина. Худ. Ж.Л. Вуаль. Холст, масло. Не ранее 1789. Государственный Русский музей. URL:

https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Ivan_Perfilevich_Elagin_by_Jean-Louis_Voille.jpg

16. Портрет И.В. Лопухина. Худ. Д.Г. Левицкий. Холст, масло. 1803–1804. Государственная Третьяковская галерея. URL:

https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Lopukhin_IV.jpg

ОБ АВТОРАХ

Апрыщенко Виктор Юрьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и международных отношений Южного федерального университета (5.1).

Бинни Мэттью – Ph.D., профессор департамента филологии Университета Восточного Вашингтона, США (9.1).

Васильева Светлана Анатольевна – кандидат исторических наук, заместитель начальника кафедры философии и истории Академии Федеральной службы исполнения наказаний России (8.2, 8.4).

Высокова Вероника Витальевна – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина (1.2, 1.3, 4.1, 6.4 – перевод с англ.; 8.1, 10.1).

Журба Олег Иванович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой историографии, источниковедения и архивоведения Днепропетровского государственного университета им. Олеса Гончара (5.4)

Киселев Михаил Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского Отделения РАН (1.2, 1.3, 4.5, 9.3).

Киселева Марина Сергеевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН (7.4).

Косых Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина (5.2, 10.3).

Лазарев Яков Анатольевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории эдиционной археогрфии института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (5.3).

Литвинова Татьяна Федоровна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Украины Днепропетровского государственного университета им. Олеса Гончара (5.4)

Лыццова Анастасия Сергеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (9.4).

Маловичко Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории гуманитарного знания Российского государственного гуманитарного университета (10.2).

Никулин Иван Александрович – священник, кандидат исторических наук, кандидат богословия, доцент кафедры церковной истории и филологии Екатеринбургской духовной семинарии (6.2).

Паламарчук Анастасия Андреевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (6.1).

Попович Алексей Игоревич – лаборант-исследователь Лаборатории эдиционной археографии Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (4.3, 6.3, 7.3).

Приказчикова Елена Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина (9.6).

Редин Дмитрий Алексеевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии Уральского Отделения РАН (1.2, 7.5, 8.3).

Ретина Лорина Петровна – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (общая редакция, 4.2, 10.4).

Сафронова Алевтина Михайловна – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина (1.4, 4.4).

Серегина Анна Юрьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (7.2)

Сидоркина Татьяна Сергеевна – младший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (9.5).

Соболева Лариса Степановна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина (1.4, 11.1–11.3).

Соколов Андрей Борисович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (7.1).

Созинова Ксения Андреевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения Уральского федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина (1.4, 11.4, 11.6).

Стогова Анна Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (9.2).

Тарасов Олег Александрович – кандидат исторических наук, начальник кафедры философии и истории Академии Федеральной службы исполнения наказаний России (8.4).

Тейлор Стивен – Ph.D., профессор департамента истории Даремского университета, Великобритания (6.4).

Шипицына Юлия Сергеевна – лаборант-исследователь Лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина (гл. III, 9.1 – перевод с англ.).

Шпак Георгий Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (1.1, глава II, 3.1).

Эрлихсон Ирина Мариковна – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина (8.2, 11.5).

TABLE OF CONTENTS

PREFACE.....	5
CHAPTER I	
TWO CHRONOTOPES. INTRODUCTION IN CONTEXT	
1.1. Territory and Population.....	11
1.2. Economy and Social Structure.....	16
1.3. State and Political Development.....	24
1.4. Two Cultures.....	39
CHAPTER II	
CONQUERING SPACE: BOUNDARIES AND REPRESENTATIONS	
2.1. Cognitive Maps and Descriptive Practices.....	57
2.2. Cartographic Revolution and Expanding Borders.....	71
2.3. ‘Shifting Border’: Imaginary Horizons.....	85
CHAPTER III	
SCIENTIFIC TAXONOMY AS A DISCOURSE OF POWER	
3.1. From Bacon to Boyle: New Perception of the Celestial World.....	96
3.2. Divisio, or ‘Imperial Natural Science’.....	112
3.3. Denominatio, or ‘Republic of Scientists’.....	138
3.4. ‘Imperial Ethnology’.....	157
CHAPTER IV	
ACTORS OF EMPIRE	
4.1. Pilgrim’s Journey: Puritans and the ‘First British Empire’.....	177
4.2. ‘Political Arithmetic’ and ‘Political Anatomy’.....	196
4.3. In Service of Empire: Metropolitan John of Tobolsk and the Trading Dynasty of Stroganov.....	221
4.4. Manpower for Empire: Vasily Tatishchev and Organization of Education in the Urals.....	239
4.5. Empire and Trade in the Projects of Grigory Teplov.....	260
CHAPTER V	
DISCOURSES ON IMPERIAL IDENTITY	
5.1. Union, Empire, and Scottish Historiography.....	283
5.2. Cross-Cultural Integration of England and Scotland in the Perception of Contemporaries.....	309
5.3. Projects of Integrating Ukraine (Little Russia), according to Russian Intellectuals in the 1st half of the 18th Century.....	326
5.4. Elite of Left-Bank Ukraine in the 2nd half of the 18th and early 19th centuries: in Search of a Place within Imperial Space,....	346

CHAPTER VI	
SECULAR POWER AND SPIRITUAL POWER	
6.1. Monarchy and Power in James I's Legacy.....	373
6.2. Crisis of 'Symphony' between Clergy and Tsardom: 'Byzantine Legacy' in Russia in the 2nd half of the 17th Century.....	388
6.3. Martyrs under State Control: Controversy about the Self-immolations of Old Believers.....	404
6.4. Benjamin Hoadly and Political Rights of Dissenters.....	420
CHAPTER VII	
'LEVIATHAN' AND BIRTH OF THE REGULAR STATE	
7.1. Thomas Hobbes: Origin of 'Leviathan'.....	435
7.2. Thomas White on Submission to the Republic and Resistance of a Tyrant.....	462
7.3. Reception of Andrey Kurbsky's Polemic with Ivan the Terrible in the 17th Century.....	481
7.4. Sacredness of Power in the Tsardom of Muscovy in Baroque Texts of Simeon Polotsky.....	502
7.5. The 'Regular State' of Peter the Great.....	531
CHAPTER VIII	
'THE DREAM OF REASON GIVES BIRTH TO...'	
8.1. Mammon's Power: Financial Fraud and Corruption in Britain at the Turn of the 17th and 18th Centuries.....	557
8.2. Legal Thesaurus in the Era of the 'Bloody Code' in Britain.....	579
8.3. Struggle with Organized Crime in the Era of Peter the Great	595
8.4. The 'Penitentiary Turn' of Catherine the Great From Punishment to Correction.....	606
CHAPTER IX	
'COMMON GOOD' AND THE IDEA OF CITIZENSHIP	
9.1. Milton, Commonwealth and Russia.....	631
9.2. Vita activa and vita contemplativa in Context of Secular Power and Culture in the 17th Century.....	656
9.3. Plutarch at Court: Simeon Polotsky's 'Citizenship' and the Concept of Legalism on the Eve of Petrine Reforms.....	682
9.4. According to all Secular and Natural Rights' the Ideal 'Autocracy' by A.I. Osterman.....	697
9.5. 'Servants of Leviathan' Under the Gun of Junius.....	709
9.6. The 'New Woman' in Noble Surroundings Smolny Institute as Project.....	726

TABLE OF CONTENTS

CHAPTER X

PATRIOTISM, OR 'LOVE FOR THE FATHERLAND'

10.1. 'Ancient Liberties of our Kingdom' Images of Britain's Past in the Era of Change.....	747
10.2. Image of the Fatherland, or the Construction of the National Past in the Writings of Russian Historiographers in the 18th Century...	764
10.3. Discussion on Patriotism in 18th-century Britain.....	788
10.4. Images of the Patriot in Russia and Britain in the 18th Century....	803

CHAPTER XI

EDUCATION OF MORALS: VICES AND VIRTUES

11.1. About Wealth, Poverty and Charity in 17th-Century Literature of Sermons.....	821
11.2. Wine Drinking in Christian Sermons and the Moral Position of the Author in 'Statir'.....	847
11.3. 'Чти ю, да не востребует от иных чести': Ideas of Marriage in Fiction and Orthodox Sermons.....	862
11.4. Marriage Ties in England: from Sermons to Secular Tradition....	894
11.5. Woman's Virtue in English Writing at the Beginning of the 18th Century ('The Virgin Unmask'd' by Bernard Mandeville)	916
11.6. Reading as an Educational Practice of an 18th century English lady.....	932
CONCLUSION.....	947
SUMMARY.....	955
GEOGRAPHIC INDEX.....	968
INDEX OF NAMES.....	971
BIBLIOGRAPHY.....	981
LIST OF ILLUSTRATIONS.....	1065
ABOUT THE AUTHORS.....	1071
CONTENTS.....	1077

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ГЛАВА I	
ДВА ХРОНОТОПА. ВВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТ	
1.1. Территория и население.....	11
1.2. Экономика и социальная структура.....	16
1.3. Государственно-политическое развитие.....	24
1.4. Две культуры.....	39
ГЛАВА II	
ПОКОРЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА: ГРАНИЦЫ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ	
2.1. Когнитивные карты и описательные практики.....	57
2.2. Картографическая революция и расширение границ.....	71
2.3. «Подвижная граница»: воображаемые горизонты.....	85
ГЛАВА III	
НАУЧНАЯ СИСТЕМАТИКА КАК ВЛАСТНЫЙ ДИСКУРС	
3.1. От Бэкона к Бойлю: новое восприятие божественного мира....	96
3.2. Divisio, или «Имперское естествознание».....	112
3.3. Denominatio, или «Республика ученых».....	138
3.4. «Имперское народоведение».....	157
ГЛАВА IV	
АКТОРЫ ИМПЕРИИ	
4.1. Путь пилигрима, пуритане и «первая Британская империя»...	177
4.2. «Политическая арифметика» и «политическая анатомия».....	196
4.3. На службе империи: митрополит Иоанн Тобольский и торговая династия Строгановых.....	221
4.4. Кадры для империи Василий Татищев и организация образования на Урале.....	239
4.5. Империя и торговля в проектах Г.Н. Теплова.....	260
ГЛАВА V	
ДИСКУРСЫ ИМПЕРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	
5.1. Уния, империя и шотландское историописание.....	283
5.2. Кросс-культурная интеграция Англии и Шотландии в восприятии современников.....	309
5.3. Проекты интеграции Украины (Малороссии) в представлении российских интеллектуалов первой половины XVIII века.....	326
5.4. Элита Левобережной Украины второй половины XVIII – начала XIX века. в поисках места в имперском пространстве...	346

ГЛАВА VI	
ВЛАСТЬ СВЕТСКАЯ И ВЛАСТЬ ДУХОВНАЯ	
6.1. Монархия и власть в наследии Якова I Стюарта.....	373
6.2. Кризис симфонии священства и царства: «византийское наследие» в России второй половины XVII века.....	388
6.3. Мученики под государственным контролем полемика о самосожжениях старообрядцев.....	404
6.4. Бенджамин Хоудли и политические права диссентеров.....	420
ГЛАВА VII	
«ЛЕВИАФАН» И РОЖДЕНИЕ РЕГУЛЯРНОГО ГОСУДАРСТВА	
7.1. Томас Гоббс: происхождение Левиафана.....	435
7.2. Томас Уайт о подчинении Республике и сопротивлении тирану.....	462
7.3. Рецепция полемики Андрея Курбского с Иваном Грозным в XVII веке.....	481
7.4. Сакральность власти Московского царства в барочных текстах Симеона Полоцкого.....	502
7.5. «Регулярное государство» Петра Великого.....	531
ГЛАВА VIII	
«СОН РАЗУМА РОЖДАЕТ...»	
8.1. Власть Маммоны: финансовые аферы и коррупция в Британии на рубеже XVII и XVIII веков.....	557
8.2. Правовой тезаурус эпохи «кровавых кодексов» в Британии...	579
8.3. Борьба с организованной преступностью в петровскую эпоху	595
8.4. «Пенитенциарный поворот» Екатерины II от кары к исправлению.....	606
ГЛАВА IX	
«ОБЩЕЕ БЛАГО» И ИДЕЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ	
9.1. Мильтон, Республика и Россия.....	631
9.2. <i>Vita activa</i> и <i>vita contemplativa</i> в контексте светской власти и культуры XVII века.....	656
9.3. Плутарх при Дворе: «Гражданство» Симеона Полоцкого и концепция легализма накануне петровских реформ.....	682
9.4. «По всем светским и натуральным правам» идеальное «самодержавство» А.И. Остермана.....	697
9.5. «Слуги Левиафана» под прицелом Юниуса.....	709
9.6. «Новая женщина» в дворянской среде Смольный институт как проект.....	726

ГЛАВА X

ПАТРИОТИЗМ, ИЛИ «ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ»

10.1. «Древние свободы нашего королевства» образы прошлого Британии в эпоху перемен.....	747
10.2. Образ Отечества, или конструирование национального прошлого в сочинениях русских историков XVIII века	764
10.3. Дискуссия о патриотизме в Британии XVIII века.....	788
10.4. Образы патриота в России и Британии XVIII века.....	803

ГЛАВА XI

ВОСПИТАНИЕ НРАВОВ: ПОРОКИ И ДОБРОДЕТЕЛИ

11.1. О богатстве, нищете и милосердии в русской проповеднической литературе конца XVII века.....	821
11.2. Винопитие в христианской проповеди и нравственная позиция автора «Статира».....	847
11.3. «Чти ю, да не востребует от иных чести»: представления о браке в беллетристике и православных проповедях.....	862
11.4. Брачные узы в Англии: от проповеди к светской традиции.....	894
11.5. Женская добродетель в английской публицистике начала XVIII века («Девственница без маски» Б. Мандевиля)	916
11.6. Чтение как образовательная практика английской леди XVIII века.....	932
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	947
SUMMARY.....	955
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	968
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	971
БИБЛИОГРАФИЯ.....	981
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	1065
ОБ АВТОРАХ.....	1071
CONTENTS.....	1074

“КУЛЬТУРА ДУХА” VS “КУЛЬТУРА РАЗУМА”

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ВЛАСТЬ В БРИТАНИИ И РОССИИ В XVII–XVIII ВЕКАХ

(КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ)

Составление и общая редакция
Лорины Петровны РЕПИНОЙ

Рецензенты

И.В. Побережников, доктор исторических наук,
директор Института истории и археологии Уральского отделения РАН
С.Е. Федоров, доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории Средних веков,
Санкт-Петербургский государственный университет

Дизайн обложки *И.Н. Граве*

Корректор *М.М. Горелов*

Подписано к печати 27. 05. 2022

Формат 60 x 90/16

Гарнитура Times. Печать цифровая

Усл. печ. л. 70. Тираж 600 экз.

Издательство «Аквилон» (Москва)

Электронная почта: aquilopress@gmail.com

Сайт: aquilopress.com

Отпечатано в типографии

Onebook-ru ООО «САМ ПОЛИГРАФИСТ»

Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА

Тел. +7 (495) 545-37-10

Электронная почта: info@onebook.ru

Сайт: www.onebook.ru

ISBN 978-5-906578-86-0

На обложке: фрагменты изображения (обработаны авторами) из «Царского Титулярника» (Большая государственная книга). 1672 г. (РГАДА. Ф. 135. Отд. V. Рубр. III. № 7. «Царский Титулярник» (Большая государственная книга). 1672 г.). Иллюстрации являются общественным достоянием.